

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Saw 176, 25

Bd. Feb. 1893.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

1 Oct. - 1 Nov. 1892.

P 512w 176, 25

Bd. Feb. 1893.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

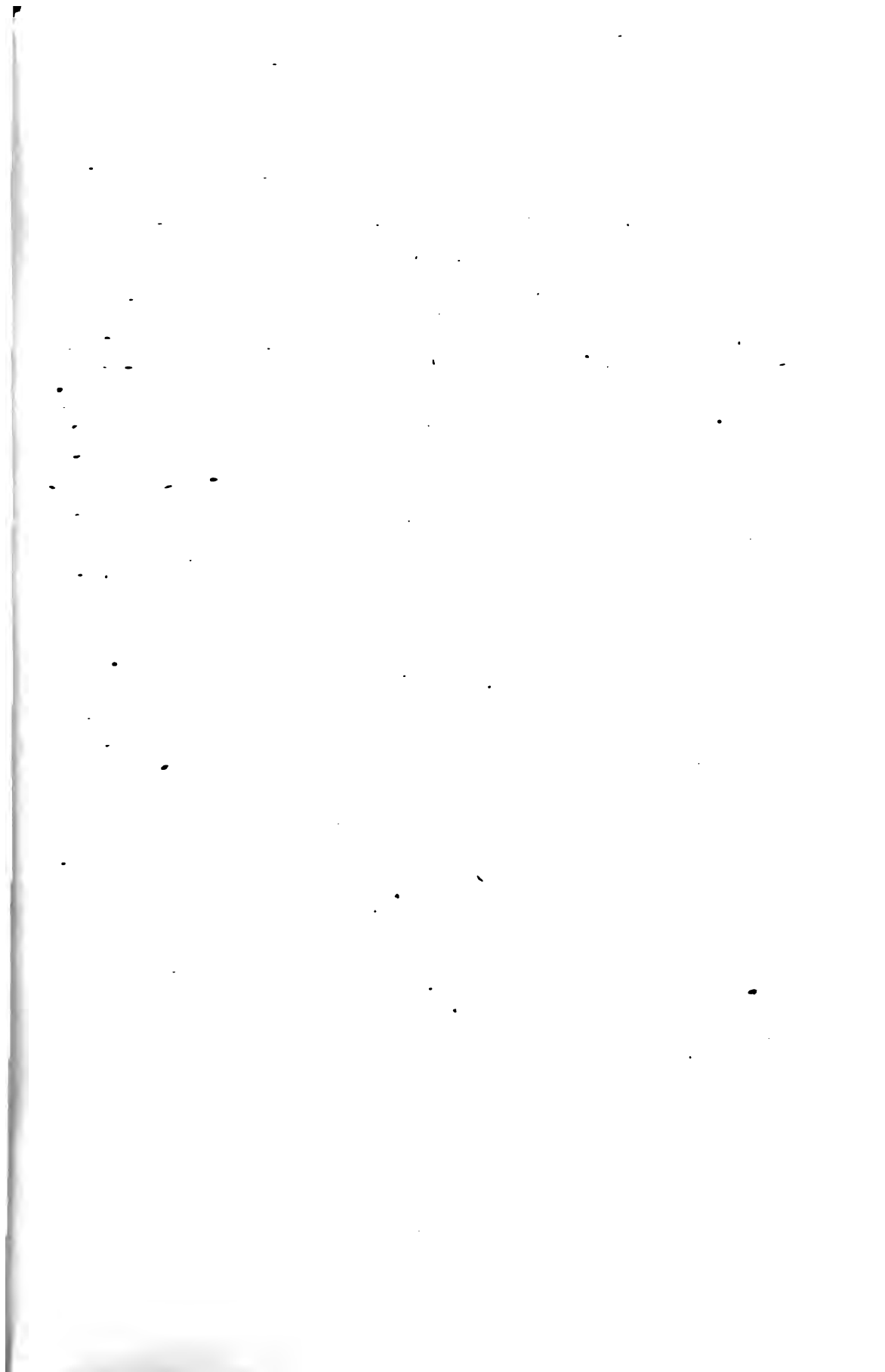
OF BOSTON,

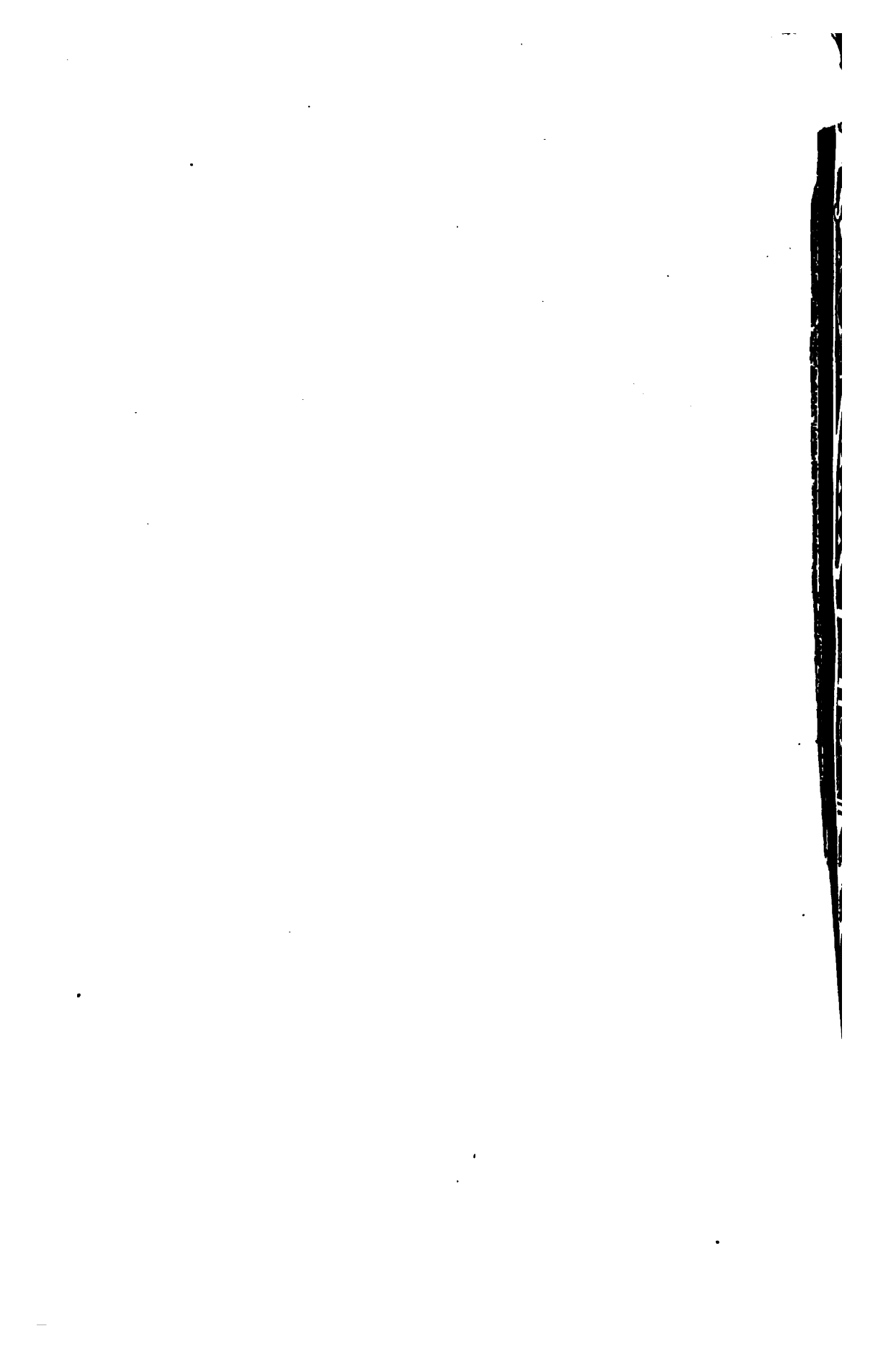
WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

1 Oct. - 1 Nov. 1892.

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1892.

Стр.

I.—КАТАРИНА СИЕНСКАЯ.—XIV-й век.—I-VIII.—В. П. Герье	5
II.—ВОНЕЦЬ ДНЕВНИКА.—С. Ф.	57
III.—ПОЭТЫ СИМВОЛИСТЫ ВО ФРАНЦИИ.—Верлен, Малларме, Рилье, Лафорс, Мораск.—Зна. Венгеровой	116
IV.—ВЪ ГЛУБЬ ЖИЗНИ.—Разсказы.—I-XI.—В. Сиверова	144
V.—ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ КИТАЕ.—Очерки.—П. Коростовца	172
VI.—ДЖЕРАРДЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ, м-сь Брахдонъ.—Часть вторая: XII- XVI.—Съ англійскаго.—А. Э.	188
VII.—ОРИГИНАЛЬНЫЯ МѢСТА.—Изъ изслѣдованій южнаго Черноморскаго побережья Кавказа.—А. Розова	189
VIII.—НАША ПЕРВАЯ СИСТЕМА.—Очерки.—А. О. Брандта	262
IX.—ДВА СЛОВАРИ РУССКАГО ЯЗЫКА.—„Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ“, Н. И. Срезневскаго, и „Словарь русскаго языка“, составленный Вторимъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ. —А. В. Шипина	283
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Развалина.—II. Мимолетная дума.—В. К. Булгакова	320
XI.—ВОЙНА ВЪ РОМАНѢ ЗОЛА.—La Débâcle, par Emile Zola.—Л. С.	329
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новое городское положеніе и от- казы о немъ въ печати.—„Постепенное развитіе“ или коренная перемена? —Главная различія между окончательнымъ текстомъ новаго закона и перво- начальнымъ его проектомъ.—Неудачная аннологія.—Циркуляръ о способѣ возврата продовольственныхъ ссудъ.—Новыя законодательныя мѣры	349
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Либеральное министерство въ Австріи.—Поли- тическая дѣятельность Гладстона.—Кабинетъ лорда Сальсбери и его значе- ніе.—Парламентскія пренія и новыя министры.—Болгарскіе „документы“. —Еще о с. Стамбуловѣ	374
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Гете, изд. Гербеля, 2-е изд. подъ редакціей П. Н. Вейсберга.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсу- кова, книга третья.—Сборникъ Харьковского Историко-филологическаго Общества, томъ 4-й.—Сборникъ материаловъ для статистики Сыр-Дарьин- ской области.—А. В.—Новыя книги и брошюры	386
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Socialdemokratische Zukunft- bilder, Frei nach Bebel. Von Eugen Richter, Mitglied des Reichstages.— II. La législation internationale du travail, par Paul Bevilley.—Л. С.	406
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Дальнѣйшій ходъ холерной эпидеміи.— Вопросы о „подлинности“ и о „фальшивой гуманности“.—Различная адми- нистративная практика по отношенію къ способамъ предупрежденія безо- падныхъ.—Что о „либерализмѣ“ и о консервативахъ.—„Жестокіе нравы“	416
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—М. В. Галавинъ, Мѣропріятія противъ хо- леры русскаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основы.—Хо- лера. Предохранныя мѣры противъ холеры. Д-ра В. Гольмстена.— Лещія по уголовному праву, чтанія П. С. Туганцевича.—К. Головинъ, Соціализмъ, какъ положительное ученіе.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписана на годъ, полугодіе и четверть года къ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о полнискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

LVI. — ТОМЪ ОССXXXI, — 1/18 СЕНТЯБРЯ, 1892.

ВѢСТНИКЪ 609-1

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія, № 28.   на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1892

~~181.84~~

~~Стар 30.2~~

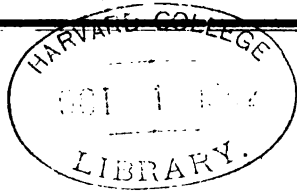
PSlav 176.25

1892, Oct. 1 - Dec. 1

Journal

(1886)

КАТАРИНА СІЕНСКАЯ

(XIV-й ВѢКЪ).

Августинъ, Бернардъ, папа Иннокентій III и Францискъ Ассизскій въ средневѣковой исторіи представляютъ собою цѣльную группу историческихъ личностей или типовъ. Въ нихъ вполне и всесторонне олицетворилось въ своемъ историческомъ развитіи основанное на идеѣ божескаго царства, міровоззрѣніе. На нихъ можно легко прослѣдить возникновеніе и теоретическое построеніе этой идеи, ея идеалистическое проявленіе въ монашествѣ и церкви, ея политическое осуществленіе и новое гуманитарное направленіе, полученное ею въ началѣ XIII вѣка. Однако, въ этой исторической картинѣ есть замѣтный пробѣлъ: одно видное мѣсто въ ней никѣмъ еще не занято. Мы имѣемъ въ виду мѣсто, принадлежащее во всякой исторической картинѣ — женщинѣ. Вѣдь вѣковое стремленіе осуществить идею божескаго царства въ личной или общественной жизни есть не что иное, какъ великій эпизодъ въ исторіи человѣческаго идеализма, а въ исторіи идеализма во всѣхъ его видахъ и во всѣ времена выдающуюся роль играла женщина. Правда, женскій идеализмъ проявляется преимущественно въ той сферѣ жизни, которая укрывается отъ исторіи. Но бывають случаи, когда вслѣдствіе извѣстныхъ условий, личныхъ или общественныхъ, женщина выступаетъ на вершины исторіи.

Такой, на примѣръ, моментъ представляетъ собою въ исторіи распространеніе христіанства въ римскомъ обществѣ и его борьба съ язычествомъ. Какъ много христіанство своимъ торжествомъ обязано было женщинѣ, объ этомъ, помимо всего другого, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ христіанскіе мученики. Усилившіяся

среди христіанскаго общества аскетизмъ значительно сдузилъ сферу дѣятельности женщины, доступную наблюденію исторіи. Въ завершившейся организаціи церкви не оказалось мѣста для женщины, а аскетическое подвижничество совершалось за глухою монастырскою оградой, отдѣлявшей инокиню еще безусловно, чѣмъ монаха, отъ всякаго прикосновенія съ міромъ. Несмотря, однако, на это, и въ исторіи аскетическаго міровоззрѣнія не мало страницъ, посвященныхъ женщинамъ, и въ числѣ послѣднихъ особенно выдается имя той, которую можно поставить на ряду съ вышеприведенными нами именами, безъ которой былъ бы неполонъ всякій историческій очеркъ аскетическаго міровоззрѣнія. Эта женщина, которую можно сопоставить съ Бернардомъ и Францискомъ — Катарина Сиенская.

I.

Катаринѣ Сиенской, этой скромной итальянскою дѣвушкѣ, принадлежитъ выдающееся мѣсто въ исторіи XIV вѣка, и причина того заключается прежде всего въ томъ, что ея судьба даетъ намъ возможность прослѣдить на жизни женщины разсматриваемую нами историческую проблему о раздвоеніи идеи божескаго царства и о борьбѣ, которую это раздвоеніе вызывало въ человѣческой душѣ. Затѣмъ Катарина Сиенская представляетъ чрезвычайный интересъ въ томъ отношеніи, что въ ней оба начала, коренившіяся въ идеѣ божескаго царства — отреченіе отъ міра и власть надъ міромъ, проявляются въ необыкновенно сильномъ и оригинальномъ развитіи. Аскетическое подвижничество Катарины Сиенской превосходитъ своею суровостью, своими размѣрами и, такъ сказать, физическими результатами все, что можно привести изъ исторіи средневѣковаго монашества, и вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождается замѣчательными психологическими явленіями, достоверно засвидѣтельствованными и точно описанными.

Съ другой стороны эта дѣвушка, проводящая многіе часы своей краткой жизни въ каталептическомъ состояніи, приобрѣла такой авторитетъ надъ людьми и заняла такое положеніе въ мірѣ, что повліяла на событія своего времени и судьбы папства въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ его исторіи. Это вліяніе Катарины на современный ей міръ происходило при особенно любопытныхъ условіяхъ. Чуткая натура женщины дѣлаетъ ее способной воспринимать съ особенной живостью новыя религіозныя и общественныя идеи еще прежде ихъ окончательнаго торжества;

и точно также эти идеи находят еще среди женщин горячую поддержку, когда ряды их приверженцев уже успели поредеть. Такъ было и въ исторіи аскетическаго міровоззрѣнія. Въ XIV вѣкѣ блескъ аскетическаго идеала начинаетъ гаснуть, вѣра въ него ослабѣваетъ, свѣтскій образъ мыслей и житейскіе интересы сильно отвлекаютъ людей отъ небеснаго идеала: рядомъ съ нимъ являютъ другія задачи и идеалы—идея національнаго государства, возрожденіе античнаго образованія съ его поклоненіемъ красотѣ и философской мысли. вмѣстѣ съ вѣрой въ идею божескаго царства падаетъ и авторитетъ того учрежденія, которое призвано его осуществить на землѣ. Въ это время хранительницей забытаго людьми идеала является дѣвушка, полуграмотная и болѣзненная, но необыкновенно сильная духомъ. Въ ея душѣ любовь къ небесному идеалу разгорается прежнимъ пламенемъ. Одушевленная имъ, дочь сіенскаго красильщика становится учительницей своихъ духовныхъ руководителей, совѣтницей царей и наставницей папъ. Не самолюбіе, а любовь руководитъ ею; но эта любовь даетъ ей силу и власть надъ ея собственнымъ изнемогающимъ тѣломъ и надъ волей другихъ. Въ силу этой любви она умиротворяетъ Италію, исцѣляетъ рану церкви и укрѣпляетъ главный устой теократіи, возвращая папу изъ авиньонскаго плѣна на престолъ св. Петра.

Наконецъ, еще одно обстоятельство привлекаетъ наше вниманіе къ Катаринѣ Сіенской — обиліе и достовѣрность нашихъ свѣденій объ ней и ея собственное литературное творчество. Ея житіе составлено съ большою тщательностью и подробностью ¹⁾ доминиканцемъ Раймундомъ, бывшимъ впоследствии генераломъ своего ордена. Раймундъ состоялъ въ послѣдніе годы жизни Катарини ея духовникомъ и зналъ всѣ ея тайны; кромѣ того, онъ пользовался для своей легенды житіемъ Катарини, составленнымъ ея первымъ духовникомъ, а также многочисленными точными показаніями ея матери и подругъ. Въ числѣ другихъ очевидцевъ, оставившихъ намъ свѣденія о Катаринѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ по живости и глубинѣ отразившагося въ его воспоминаніяхъ впечатлѣнія, Стефанъ Маккони, служившій Катаринѣ нерѣдко секретаремъ и сдѣлавшійся потомъ пріоромъ знаменитой Каргузы (Chartreuse) близъ Павіи. Но еслибы мы и не располагали этими біографическими данными, Катарина Сіенская стояла бы передъ нами какъ живое лицо, симпатическое и величественное, благодаря своей собственной литературной дѣятельности. Въ

¹⁾ Оно занимаетъ 106 стр. in folio въ изд. Болландистовъ: Acta Sanct., Apr. III.

своихъ молитвахъ и въ такъ называемомъ „Диалогъ“ она оставила послѣ себя памятникъ своей религіозной жизни; но гораздо болѣе значеніе имѣютъ ея письма, которыхъ до насъ дошло 373 ¹⁾. Здѣсь, какъ у Бернарда, достаточно одного перечня лицъ, къ которымъ адресованы эти письма, чтобы показать, въ какой степени Катарина Сиенская стояла въ центрѣ политической жизни и міровыхъ интересовъ своего времени. Помимо ея писемъ къ частнымъ и духовнымъ лицамъ, она обращается здѣсь къ магистратамъ городовъ и автономныхъ республикъ—Флоренціи, Пизы и т. д., къ королямъ Франціи и Венгріи, къ королевѣ Неаполитанской, къ папамъ Григорію XI и Урбану VI. По своему содержанію эти письма представляютъ собою богатый источникъ для личной характеристики автора и для исторіи его времени; по своему литературному значенію и языку они должны быть причислены къ классическимъ произведеніямъ итальянской письменности—безыскусственныя письма дѣвушки, поздно выучившейся читать и еще поздно писать, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ итальянской прозы и, можно сказать, первый классическій образецъ писемъ на итальянскомъ языкѣ, такъ какъ подъ вліяніемъ зарождавшагося гуманизма ученые современники Катаринины вели свою переписку преимущественно на латинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, сохранившихся данныхъ о Катаринѣ Сиенской совершенно достаточно, чтобы изобразить полную картину ея жизни въ широкой рамѣ тогдашняго вѣка. Но имѣя въ виду другую цѣль, мы будемъ касаться обстоятельствъ жизни Катаринины лишь настолько они служатъ къ характеристикѣ ея личности и къ выясненію ея роли въ общемъ вопросѣ, нами разсматриваемомъ. Эта задача наша облегчена тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ Катаринѣ Сиенской знакомыя намъ черты: она представляетъ собою историческій типъ, родственныи Франциску изъ Ассизи; она, можно сказать, родная сестра учредителя францисканскаго ордена. Духовное родство между Катарининой и Францискомъ объясняется какъ аналогіей среды, изъ которой они вышли, такъ еще болѣе временемъ ихъ жизни. Катарина и Францискъ — это двѣ жемчужины итальянской расы, сложившіяся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій въ одинъ и тотъ же фамиліный типъ. Уроженка Сиены, города южной Тосканы — смежной съ сосѣдней Умбріей — Катарина росла подъ тѣмъ же небомъ, подъ впечатлѣніями той же природы, какъ и Францискъ. По своему происхожденію Катарина принадлежала къ тому же классу горожанъ,

¹⁾ Lettere di S. Catarina de Siena, изд. Томмассео, 1860 г. въ 4-хъ томахъ.

не отдѣленныхъ своимъ образованіемъ отъ простаго народа. Что же касается до времени ея жизни, то Катарина родилась 121 годъ спустя по смерти Франциска, и потому ея жизнь, конечно, развивалась подъ вліяніемъ его памяти, шла, такъ сказать, по колеѣ, оставленной имъ въ исторіи. Руководителями Катарини были доминиканцы, въ ордену которыхъ она потомъ и причислилась, а доминиканскій орденъ возникъ одновременно съ францисканскимъ, изъ тѣхъ же потребностей и аналогическихъ идей. Религіозность Катарини носила тотъ же характеръ, какъ и религіозность Франциска; въ основаніи ея лежала та же идея *сладованія за Христомъ* (*seguitare il Christo*) въ томъ самомъ буквальному и нравственно-идеальному смыслѣ, какъ ее понималъ Францискъ. Эта религіозность выражалась у обоихъ одинаково въ безпредѣльномъ жгучемъ состраданіи къ ранамъ и страданіямъ Спасителя, въ неизмѣримой за нихъ благодарности и покорности Его велѣніямъ, въ постоянномъ личномъ общеніи съ Нимъ посредствомъ молитвы, видѣній и откровеній, и вслѣдствіе этого въ экзальтаціи *личной любви*, доведенной до высшей степени *страсти*, на которую способна пламенная и благородная до самозабвенія натура. Въ характерѣ и въ отгѣнкахъ этой любви, однако, неизбѣжно отразилось различіе между мужской и женской натурою. Сквозь религіозную экзальтацію Катарини слышится дѣвственная любовь къ Христу ея чистой и наивной души, и это придаетъ необыкновенную жизненность ея мистическому идеализму. Въ этомъ отношеніи Катарина не только представляетъ собою выдающійся типъ средневѣковой инокини, но ея религіозныя видѣнія и живыя бесѣды съ небеснымъ женихомъ вносятъ въ знаменательную ея жизнь замѣчательно оригинальную, лично ей принадлежащую черту, психологически интересную и таинственно привлекательную. Въ виду указаннаго сейчасъ кореннаго сходства между Францискомъ и Катариной, какъ жизнь ихъ, такъ и посмертная судьба представляютъ между собою большое сходство. Ея жизнь состояла изъ подобныхъ подвиговъ любви и благотворительности до самозабвенія, изъ такихъ же явленій аскетическаго самоистязанія и религіозной экзальтаціи; даже стигматизація повторилась въ жизни Катарини. Подобно Франциску, Катарина еще при жизни считалась въ народѣ святою и послѣ своей смерти сдѣлалась въ Италіи народною святою, въ самомъ популярномъ смыслѣ этого слова. Подобно Франциску она стала красотою и гордостью своего ордена. Доминиканцы воспользовались ея репутаціей въ народѣ для того, чтобы доставить популярность своему ордену, болѣе ученому и по своей дѣятельности стоявшему дальше отъ народа, чѣмъ францисканцы.

Такимъ образомъ въ памятованіи Катарини и Франциска олицетворился историческій дуализмъ между двумя родственными и соперничающими орденами доминиканцевъ и францисканцевъ. Но если можно назвать Катарину Сиенскую по жизни и судьбѣ родною сестрою Франциска, то нужно прибавить, что, при всемъ сходствѣ между братомъ и сестрою, между ними существуетъ такое различіе и даже контрастъ, какой нерѣдко встрѣчается между членами одной семьи. Катарина не есть простое повтореніе типа брата и, хотя росла какъ младшая сестра подъ вліяніемъ старшаго брата, не представляетъ собою никакого намѣреннаго подражанія ему. Это—*тотъ же* типъ, но болѣе могучій и развитой, болѣе культурный и просвѣтленный разумомъ. Катарина одареннѣе и сильнѣе духомъ своего брата. Они оба были неучены; Катарину въ юности не учили даже грамотѣ и она стала писательницей прежде, чѣмъ научилась писать. Францискъ нисколько не тяготился своимъ отсутствіемъ образованія; онъ довольствовался тѣмъ, что узналъ изъ Евангелій о Христѣ и какъ будто даже наслаждался своимъ невѣденіемъ всего прочаго. Катарина же не только выучилась уже въ зрѣлыхъ годахъ читать, а потомъ—тридцати лѣтъ—писать; она не только приобрѣла знаніе латинскаго языка настолько, чтобы понимать богослуженіе и молитвы, но съ своимъ пронизательнымъ умомъ усвоила себѣ до извѣстной степени богословскія идеи великаго доминиканскаго ученаго; не зная ученымъ образомъ Писанія, она такъ умно и самостоятельно истолковывала его тексты, что не разъ заставляла смолкнуть передъ собою своихъ изумленныхъ духовниковъ; она выработала въ себѣ болѣе обширное и свободное воззрѣніе на церковь и папство и ясно сознавала необходимость реформы, а также и путь къ ней. Превосходя своего духовнаго брата умомъ, Катарина стояла выше его и по энергіи характера. У Франциска была женственная натура, въ его характерѣ преобладали кротость и смиреніе; у Катарини съ женской страстностью и способностью безпредѣльно любить соединялись мужественная воля и энергическая рѣшимость; въ критическія, опасныя минуты росли ея силы и укрѣплялась ея энергія; своею неустрашимостью и настойчивостью она превосходила всѣхъ окружавшихъ ее мужчинъ и потому служила имъ средоточіемъ и направляла ихъ дѣятельность. Францискъ не умѣлъ вліять на другихъ иначе, какъ своимъ примѣромъ и симпатичностью своей натуры; онъ имѣлъ потребность повиноваться другимъ и, сдѣлавшись основателемъ новаго ордена, назначилъ для самого себя духовнаго руководителя или гвардіана. Катарина невольно всѣмъ повелѣвала и даже

собственные духовники ея часто и охотно ей подчинялись; ея непосредственное, личное вліяніе было неотразимо, какъ на близкихъ, такъ и на чужихъ, подходившихъ къ ней съ недоувѣріемъ и недоброжелательствомъ. Идеализмъ Франциска имѣлъ характеръ пассивный, страдательный; онъ инстинктивно чувствовалъ матеріализацію современной ему церкви и мірской характеръ тогдашняго папства; но, какъ смиренный сынъ церкви, онъ не подыалъ голоса противъ явнаго зла и искалъ спасенія отъ него въ собственномъ крайнемъ спиритуализмѣ и въ проповѣди безусловнаго нищенства, смиренія и любви. Катарина была болѣе высокаго, творческаго характера; она не была въ состояніи, ограничиваясь пассивною ролью, только молиться и проливать слезы за церковь. Къ тому же она жила не въ эпоху торжествующаго папства, а въ вѣкъ, когда гордому зданію римской теократіи грозило паденіе и когда самъ кормчій покинулъ челнокъ св. Петра на произволъ бурь и волнъ. И потому, если въ жизни Франциска исключительно преобладаетъ аскетическое начало, то въ жизни Катарини оно восполняется другимъ, ему противоположнымъ: и контрастъ между отреченіемъ отъ міра и руководствомъ міра, переходъ отъ созерцательной жизни въ кельѣ среди видѣній и экстазовъ къ *дѣятельной* жизни въ мірѣ (*vita activa*) проявились съ особою наглядностью и захватывающей трагичностью въ судьбѣ этой съ дѣтства нареченной „неувѣсты Христовой“.

При дальнѣйшемъ изложеніи жизни и дѣятельности Катарини, еще полнѣе выяснится ея сходство съ Францискомъ и различіе между ними; сходство, обусловленное національностью и эпохой, общностью цѣли и призванія и, наконецъ, исторической преэминентностью, — различіе, вызванное условіями пола, личною индивидуальностью, обстоятельствами эпохи и историческимъ призваніемъ.

II.

Катарина Сіенская родилась въ 1347 году, въ цвѣтущей, здоровой и зажиточной семьѣ горожанъ. Ея отецъ, Яковъ Бененказа, былъ красильщикомъ суконъ, и этотъ промыселъ былъ тогда выгоденъ и почетенъ. Мы знаемъ объ отцѣ ея, что онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ и отличался при жизни большою добротою и вротостью; онъ никогда не употреблялъ бранныхъ словъ, которыя были тогда въ ходу, и эта привычка перешла и къ его дѣтямъ; одна изъ его дочерей, вышедшая замужъ за человѣка съ другими нравами, заболѣла съ горя, потому что не могла

переносить непривычныхъ для нея непристойныхъ словъ, и ей удалось совершенно отлучить отъ нихъ мужа и его друзей. Мать Катарина умерла 89 лѣтъ, хотя родила 25 человекъ дѣтей, изъ числа которыхъ Катарина была предпослѣднимъ ребенкомъ и одна изъ всѣхъ была вскормлена грудью матери. Семья Бененказа была благочестива, но не отличалась никакимъ предрасположеніемъ къ аскетизму. Религіозное призваніе пробудилось у Катарина самостоятельно и чрезвычайно рано.

Францискъ, какъ мы видѣли, велъ долго мірскую веселую жизнь, не вѣдая своего призванія; сознавъ его, онъ круто порвалъ связь съ семьей и міромъ. Катарина съ дѣтства твердо пошла по избранному ею пути. Она была умнымъ, веселымъ ребенкомъ. Со словъ лицъ, знавшихъ ее въ раннемъ дѣтствѣ, авторъ ея житія (Раймундъ, стр. 27) сообщаетъ, что сосѣди и родственники старались наперерывъ уводить ее къ себѣ въ домъ, чтобы любоваться ея умными дѣтскими рѣчами и наслаждаться ея веселымъ нравомъ. Въ бесѣдѣ съ нею исчезало въ сердцѣ всякое грустное чувство и забывалась всякая непріятная мысль, такъ что ребенка стали называть не Катариной, а Евфросиніей—*радостью*. Но уже на шестомъ году жизни Катарина имѣла видѣніе. Возвращаясь однажды домой съ братомъ по крутому спуску, дѣвочка увидала на небѣ, надъ церковью доминиканцевъ, прекрасный чертогъ, въ которомъ на царственномъ престолѣ сидѣлъ Христосъ въ архіерейскомъ облаченіи, окруженный апостолами. Забывъ все вокругъ себя, дѣвочка остановилась, устремляя глаза на небо; ушедшій впередъ братъ долго, но напрасно ее звавшій, наконецъ, вернулся и, взявъ ее за руку, повлекъ за собою; тогда она, опустивши глаза, сказала ему: „о еслибы ты увидѣлъ то, что я вижу, ты не помѣшалъ бы мнѣ смотреть“. Она снова подняла глаза, но видѣніе исчезло; и она стала горько плавать, упрекая себя за то, что отвела съ него взоръ.

Съ этого часа, по словамъ біографа Катарина, начался переломъ въ ея жизни; ея нравъ измѣнился; она стала молчалива и задумчива, начала искать уединенія для молитвы, меньше ѣсть и стала бичевать свое тѣло веревкой. Ея примѣръ повліялъ на другихъ, и около нея стали собираться дѣвочки-сверстницы, чтобы по ея указаніямъ произносить молитвы и бичевать себя. Около этого же времени, какъ она потомъ рассказывала духовнику, она узнала про жизнь египетскихъ отшельниковъ и другихъ святыхъ. Такъ какъ она еще не умѣла читать и не помнила, чтобы кто-либо ей рассказывалъ про святыхъ, то она потомъ это приписывала помощи св. Духа. Какимъ путемъ, однако, могла она

познакомиться съ житіемъ отшельниковъ и св. Доминика, мы узнаемъ изъ другой главы ея житія, гдѣ разсказывается о восторженномъ поклоненіи ребенка передъ монахами доминиканскаго монастыря въ Сіенѣ. Когда маленькая Катарина видѣла проходящихъ по улицѣ мимо ея дома доминиканцевъ, она замѣчала, гдѣ они шли, и потомъ цѣловала слѣды ихъ ногъ. Мысль посвятить себя иночеству занимала ея дѣтское воображеніе. Однажды она задумала идти въ пустыню и, взявши съ собою кусокъ хлѣба, тайкомъ выбралась изъ города и запряталась въ уединенномъ мѣстѣ; но вечеромъ ей стало страшно, и она вернулась въ отцовскій домъ. Потомъ у нея явилось желаніе поступить въ доминиканскій монастырь, и она стала мечтать о томъ, чтобы осуществить эту мысль, по примѣру св. Евфросиніи, переодевшись въ мужское платье и отправившись въ отдаленный монастырь, гдѣ ее не знали.

Среди этихъ еще дѣтскихъ мечтаній, Катарина не замедлила семи лѣтъ совершить рѣшительный шагъ. Павъ на колѣни передъ св. Дѣвой, которая „первая изъ женщинъ посвятила Господу свою дѣвственность“, Катарина просила ее дать ей въ женихи ея сына и дала обѣтъ никогда не знать другого жениха и вѣчно оставаться дѣвственницей. Не зная того, что происходило въ дѣтскомъ сердцѣ, мать Катарини въ своемъ сердцѣ лелѣяла совершенно другія мечты, и когда дѣвочка стала подростать, она уговаривала ее заботиться о своей прическѣ и рядиться. Не имѣя успѣха, мать прибѣгала къ помощи своей старшей замуженной дочери, которую Катарина нѣжно любила. Дѣвочка поддавалась настояніямъ сестры, но потомъ, горько въ этомъ раскаявшись, еще рѣшительнѣе стала отвергать всякіе наряды. Между тѣмъ родители и родственники начали дѣйствительно прискивать жениховъ, и когда убѣдились въ полномъ нерасположеніи дѣвушки къ браку, то обратились къ посѣщавшему ихъ домъ и дружественно расположенному къ семьѣ доминиканскому монаху. Тотъ обѣщалъ свою помощь, но, поговоривши съ дѣвушкой, поддался ея вліянію и далъ ей совѣтъ покончить дѣло, чтобы ее оставили въ покоѣ. Послѣдовавъ его совѣту, „какъ будто посланному съ неба“, Катарина схватила ножницы и обрѣзала по самый корень свои волосы, „которыми она такъ много нагрѣшила и которые такъ возненавидѣла“. Увидѣвъ дочь съ покрытой головой, мать сорвала съ нея покрывало и къ ужасу своему убѣдилась, что дочь сбрѣзала свои прекрасныя косы. На жалобный крикъ ея прибѣжалъ отецъ и всѣ домашніе, намѣренія Катарини стали вѣдъ сомнѣнія, и между дѣвочкой и семьей началась открытая борьба.

Чтобы лишить ее возможности уединяться и цѣлые часы предаваться молитвѣ, у Катарини отняли ея комнатку и заставили ее исполнять черную работу въ домѣ и на кухнѣ. Катарина безропотно покорилась и исполняла свое тяжелое дѣло не только добросовѣстно, но и охотно. Глядя на отца своего, она воображала, что передъ нею Спаситель, въ матери она видѣла Матерь Божію, въ братьяхъ, сестрахъ, подмастерьяхъ отца—апостоловъ и учениковъ Христа—и служила всѣмъ съ удвоеннымъ радѣніемъ.

Старикъ-отецъ первый пожалѣлъ дочь и отказался отъ борьбы. Не имѣя своей комнаты, Катарина ходила молиться въ комнату своего младшаго брата, днемъ во время его отсутствія, ночью во время его сна. Однажды отцу понадобилось что-то въ комнатѣ сына, онъ вошелъ въ нее и увидѣлъ дочь на колѣняхъ въ горячей молитвѣ и ему показалось, что надъ нею парить небольшой бѣлый голубь, который, при его приближеніи, вылетѣлъ въ окно.

Мать была упорнѣе въ своей надеждѣ переломить волю дочери; она, между прочимъ, повезла ее съ собою на воды, надѣясь, что теплая сѣрная ванны укрѣпятъ ея тѣло и вызовутъ въ ней охоту къ жизни; Катарина покорилась, но сдумала и „эти козни сатаны“ обратить себѣ на пользу и найти средства „истязать свое тѣло среди пріятныхъ ощущеній“. Она убѣдила мать, чтобы ей позволили брать ванну наединѣ по уходѣ другихъ, и тогда, пользуясь отсутствіемъ матери, она пускала на свое тѣло кипящую струю сѣрной воды. На вопросъ духовника, узнаваго впоследствии объ этомъ отъ ея матери, какимъ образомъ она была въ состояніи переносить такую жгучую боль, Катарина отвѣтила „въ своей голубиной простотѣ“, что она въ это время напряженно думала о мученіяхъ ада и чистилища и молила Творца своего, котораго такъ часто оскорбляла, чтобы Онъ милостиво замѣнилъ ей тѣ заслуженныя ею мученія этими, добровольно на себя взятыми; твердо уповая, что она удостоится этой милости, она съ наслажденіемъ переносила свои страданія.

Наконецъ прошло для Катарини первое тяжелое испытаніе въ родной семьѣ. Ей было тогда 14 лѣтъ; пора дѣтскихъ мечтаній о поступленіи къ доминиканцамъ миновала; она осмотрѣлась въ жизни; ея призваніе и путь къ его осуществленію выяснились для нея. При доминиканскомъ орднѣ, который имѣлъ главнымъ образомъ назначеніе проповѣдовать и блюсти чистоту церковнаго ученія, не могло быть соответствующаго женскаго отдѣла. Но подобно францисканскому ордену и при доминиканскихъ монастыряхъ состояли общины терціаріевъ, т.-е. мірянъ, стремившихся

къ аскетическому идеалу, но не связанныхъ монастырскимъ уставомъ. Такъ и въ Сиенѣ существовала подъ руководствомъ доминиканцевъ подобная женская община *Sogores de poenitentia B. Dominici*, состоявшая главнымъ образомъ изъ пожилыхъ вдовъ, которыя жили въ своихъ домахъ, но вели очень чинный, строгій образъ жизни. Онѣ сверхъ платья носили шерстяной плащъ, *mantellum*, цвѣтовъ доминиканскаго ордена—бѣлый съ чернымъ, и потому назывались въ народѣ „мантеллатами“. Быть принятой въ эту общину сестеръ-мантеллатъ стало завѣтнымъ желаніемъ Катаринины. Когда мать утратила надежду, что Катарина измѣнитъ свой образъ жизни, она, наконецъ, уступила ея просьбамъ и отправилась къ „сестрамъ“ просить, чтобы онѣ причислили дочь къ своей общинѣ. Но тѣ, къ ея большому удовольствію, рѣшительно отказали ей на томъ основаніи, что такъ какъ онѣ живутъ на свободѣ, то у нихъ не въ обычаѣ принимать въ свою среду дѣвушекъ или молодыхъ женщинъ, а только женщинъ пожилыхъ, съ установившеюся репутаціей. Вскорѣ послѣ этого Катарина опасно захворала, по словамъ ея біографа, болѣзнию, нерѣдко нападающей на дѣтей при переходѣ къ зрѣлому возрасту. У нея сдѣлался сильный жаръ, и все тѣло ея покрылось мелкими волдырями, такъ что нельзя было узнать ея лица. Видя отчаяніе матери, Катарина сказала ей: „Если хотите, дорогая матушка, чтобы я выздоровѣла, устройте такъ, чтобы меня приняли въ общину сестеръ; въ противномъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что Господь и св. Доминикъ, которые зовутъ меня къ себѣ, сдѣлаютъ такъ, что вы не увидите меня ни въ томъ, ни въ какомъ-либо другомъ одѣяніи“. Послѣ этого мать, желая спасти дочь, стала такъ настоятельно упрашивать сестеръ сдѣлать для дочери исключеніе, что тѣ, тронутыя ея просьбами, рѣшили послать нѣкоторыхъ изъ своей среды посѣтить больную. Увидѣвъ дѣвушку, „которая и отъ природы не была очень красива“ ¹⁾, въ такомъ невзрачномъ видѣ и убѣдившись въ ея благоразуміи и несоотвѣтствующемъ ея лѣтамъ развитіи, онѣ согласились на ея просьбу. Такъ исполнилось желаніе дѣвушки: теперь она свободно могла „служить Господу“, какъ она это понимала. Она осталась жить въ семьѣ, гдѣ ей предоставили ея прежнюю комнату въ полное распоряженіе. Впослѣдствіи, по смерти отца, и когда „ея молитвами“ семья *разорилась*, Катарина устроила свою особую общину, куда переехала жить съ престарѣлой матерью.

¹⁾ Quae quamvis virginis speciositatem videre non possent, tum quia naturaliter non in erat excessive, tum quia infirmitas etc. (Раймундъ).

III.

Такимъ образомъ, послѣ краткаго дѣтства, исполненнаго борѣбы изъ-за рано сознанаго призванія, для Катарины—съ наступленіемъ юности—пришла пора подвижничества, въ которому мы теперь и обратимся. Чтобы изобразить оригинальную психическую жизнь Катарины и освѣтить ея практическую дѣятельность, намъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на физическую подкладку этой жизни. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простыми проявленіями крайняго аскетизма, но съ явленіями изумительными и загадочными, хотя вполне точно удостовѣренными. Катарина не только постилась,—можно сказать, что *она жила безъ пищи*; не постъ представлялъ для нея лишеніе, но принятіе пищи стало для нея мученіемъ, которому она подвергала себя изъ религіозныхъ мотивовъ. Уже въ дѣтствѣ Катарина избѣгала ѣсть мясо или вѣрнѣе почувствовала къ нему отвращеніе, а затѣмъ постепенно она стала лишать себя и всякой другой приготовленной пищи, а затѣмъ, съ 20-ти лѣтъ перестала ѣсть и хлѣбъ; ея пища съ этого времени состояла только изъ салата или овощей, которыми питаются въ Италіи; обыкновенно она ѣла ихъ сырыми, иногда же съ приправой деревяннаго масла. Вино она всегда сильно разбавляла водой, а съ 15 лѣтъ совершенно перестала употреблять.

Такъ какъ однако ея суровый постъ вызывалъ враждебные ей толки о томъ, что она тайкомъ питается или что ея сверхъестественное воздержаніе отъ пищи есть дѣло сатаны, Катарина стала садиться за столъ съ другими членами своей общины и принимать указанную выше пищу. Но при этомъ она, пожевавши то, что было у нея во рту, глотала только сокъ, твердыя же части выплевывала. Затѣмъ, вставши вмѣстѣ съ другими изъ-за стола, она говорила, какъ передаетъ вѣрный спутникъ ея послѣднихъ лѣтъ, Стефанъ Маккони: „пора теперь подвергнуть справедливой карѣ негодную грѣшницу“ ¹⁾. При этомъ она опускала соломинку такъ глубоко въ ротъ, что вызывала рвоту, и иногда это удаленіе пищи производилось такъ насильственно, что изъ ея усть изливался цѣлый потокъ крови.

Напрасно преданный ей юноша убѣждалъ свою „дорогую мать“ лучше совершенно воздерживаться отъ пищи, чѣмъ мучить себя безъ пользы, такъ какъ принятая ею пища оставалась слиш-

¹⁾ Vadamus ad justitiam istius miserae peccatrix. St. Mac., c. 13, Acta S. 965.

комъ мало времени въ желудкѣ. Катарина отвѣчала, что дѣлаетъ это изъ многихъ соображеній: во-первыхъ, потому, что просила Господа еще въ этой жизни покарать ее за грѣхъ обжорства, затѣмъ ради тѣхъ, которымъ ее полное воздержаніе отъ пищи служило соблазномъ, и затѣмъ, чтобы посредствомъ этого тѣлеснаго истязанія погрузиться душою въ сферу небесныхъ интересовъ. Къ концу своей жизни Катарина стала все больше и больше воздерживаться отъ пищи и въ это время она, можно сказать, исключительно жила хлѣбомъ евхаристіи, которой она старалась съ разрѣшенія духовника ежедневно причащаться. Спала Катарина на деревянныхъ доскахъ безъ всякой подстилки. Но какъ спала? Она проводила обыкновенно въ молитвѣ всю ночь, пока „ея братья“ доминиканцы предавались отдыху, и только послѣ заутрени, когда вставали монахи, позволяла себѣ короткій отдыхъ, обращаясь съ слѣдующими словами „къ своему Жениху“: „Братья мои и слуги Твои, Господь мой, до сихъ поръ почивали, а я за нихъ сторожила передъ Тобою, чтобы Ты ихъ охранилъ отъ зла и козней врага человѣческаго; теперь же они встали, чтобы восхвалять Тебя; Ты храни ихъ, а я немного прилягу“. И она склоняла свое тѣло на доски, подложивъ полѣно подъ голову. Со временемъ же она такъ отвыкла отъ сна, что въ двое сутокъ спала не болѣе получаса, признаваясь при этомъ духовнику, что никакая побѣда не стоила ей такъ много борьбы, какъ побѣда надъ сномъ. Побѣда дѣйствительно была полная и нерѣдко ей случалось будить своего духовника, когда среди бесѣдъ „о божественныхъ таинствахъ“, продолжавшихся до глубокой ночи, послѣдній начиналъ дремать. Она же, чѣмъ больше объ этомъ говорила, тѣмъ становилась бодрѣе и тѣмъ болѣе „освѣжалась“.

Не довольствуясь этой побѣдой надъ потребностью тѣла, Катарина подвергала его непосредственнымъ истязаніямъ. Сначала она носила на тѣлѣ власяницу, но потомъ стала тяготиться ею и изъ чистоплотности замѣнила ее желѣзною цѣпью, которою такъ крѣпко опоясывалась, что она врѣзывалась въ тѣло и воспаляла кожу. Подъ конецъ жизни, когда она часто стала болѣть, духовникъ заставилъ ее отказаться отъ ношенія цѣпи. Другою же цѣпью Катарина подвергала себя бичеванію. Она узнала изъ легенды бл. Доминика, что онъ трижды въ день бичевалъ себя цѣпью—одинъ разъ за себя, въ другой—за живыхъ, въ третій—за мертвыхъ. Такъ поступала и Катарина, и потомъ на исповѣди призналась духовнику, что каждое изъ этихъ бичеваній она продолжала полтора часа и съ такою силой, что почти всегда „кровь

ручьемъ стекала съ плечъ къ ногамъ“. Такимъ образомъ она „кровью воздавала за кровь Спасителю“.

Это замѣчаніе доминиканца Раймунда вѣрно выясняетъ новый характеръ, принятый аскетизмомъ въ XIII в., и тотъ смыслъ, который придавала ему Катарина. Для нея смыслъ его—не въ умерщвленіи тѣла, какъ нечистаго источника зла и грѣха, но въ подражаніи страданіямъ Христа и въ искупленіи своихъ и чужихъ грѣховъ. Произвольное самоистязаніе, какъ невольное страданіе, причиняемое ей ея постоянною болѣзненностью, было для Катаринины источникомъ высокаго духовнаго удовлетворенія, даже, можно сказать, блаженства. По ея представленіямъ, она этимъ способомъ не только сокращала муки, которыя ее ожидали на томъ свѣтѣ, но, что ее особенно утѣшало, и муки другихъ. Одинъ случай изъ ея жизни послужитъ нагляднымъ объясненіемъ ея взгляда на этотъ предметъ.

Съ тѣхъ поръ какъ отецъ Катаринины, сжалившись надъ нею, пересталъ сопротивляться ея призванію, взаимная привязанность между ними все болѣе возростала. Наконецъ, старикъ опасно заболѣлъ; Катарина горячо молилась о его выздоровленіи, но въ молитвѣ ей былъ данъ отвѣтъ, что наступилъ предѣлъ его жизни и дальнѣйшее продолженіе жизни не было бы для него полезно. Тогда Катарина стала молить „своего Жениха“, чтобы отцу были прощены грѣхи его еще въ этой жизни и душа его не подвергалась мукамъ чистилища. И въ этомъ ей было отказано „ради справедливости“. Но Катарина не отступалась отъ своей просьбы и долго продолжалось состязаніе „между справедливостью и милостью“, которой требовала дѣвушка. Наконецъ, Катарина взмолилась: „если эта милость не можетъ осуществиться безъ проявленія справедливости, то пусть послѣдняя падетъ на меня: ибо ради отца моего я готова принять на себя всю кару, которую назначить ему Твое милосердіе“. Эта мольба Катаринины была услышана; съ спокойной увѣренностью она поспѣшила къ одру отца и обрадовала его извѣстіемъ о его полномъ спасеніи. Когда его хоронили и вся семья сопровождала его тѣло со слезами, у нея одной было радостное выраженіе, и не безъ основанія: въ минуту смерти отца, Катарина почувствовала боль въ вискахъ (*dolores illosi*) и эта боль ее никогда уже не покидала до самой ея кончины. Въ теченіе своей жизни Катарина не разъ имѣла случай подобнымъ же образомъ объяснять новыя физическія муки, выпадавшія на ея долю, и она всегда была готова и всегда желала искупить страданіемъ своего тѣла общественное зло и невзгоды своего отечества и церкви.

Жажда страданій является у Катаринны слѣдствіемъ не одного только ея желанія искупить ими свои и чужіе грѣхи: она протекаетъ также изъ упомянутаго выше стремленія, проходящаго красною нитью черезъ всю жизнь сіенской дѣвственницы—слѣдовать Христу. Если Франциску идея „подражанія Христу“ внушаетъ прежде всего желаніе воспроизвести внѣшній обликъ Иисуса, то у Катаринны эта идея получаетъ съ самаго начала болѣе спиритуалистическій характеръ и она сводится, главнымъ образомъ, въ желанію *страдать* подобно Христу и вмѣстѣ съ Нимъ. Въ біографіи Катаринны можно прослѣдить, какъ это желаніе все болѣе и болѣе охватываетъ ея жизнь и какъ она все болѣе и болѣе осваивается съ мыслью, что страданіе составляетъ ниспосланную ей благодать, которая дѣлаетъ ее достойной ея „небеснаго Жениха“.

Въ часы тяжелыхъ искушеній она видитъ въ своей каморкѣ лучезарное распятіе Христа: „дочь моя, Катарина, видишь ли ты, какъ Я страдалъ за тебя; пусть же тебѣ станетъ легко выносить страданія ради Меня“. Свое убѣжденіе, что слѣдованіе Христу ведетъ къ страданію, она влагаетъ въ уста своего Учителя: „дочь Моя, — говорилъ Онъ ей, — если ты хочешь приобрести доблесть мужества, то необходимо, чтобы ты взяла Меня въ образецъ“. Затѣмъ Христосъ говорилъ ей, что хотя бы Ему легко было уничтожить всѣхъ своихъ супостатовъ, Онъ пожелалъ, однако, побѣдить „путемъ креста“ (per viam crucis), чтобы служить образцомъ для людей. Поэтому, „если вы желаете стать мощными для побѣды надъ всякой вражеской силой, то считайте крестъ своимъ утѣшеніемъ, какъ и Я сдѣлалъ; и чѣмъ болѣе вы будете страдать ради Меня, тѣмъ болѣе будете Мнѣ подобны“. Эти совѣты не прошли для Катаринны даромъ, и скоро она сама стала молить о страданіяхъ. Прося однажды смерти, то-есть избавленія отъ своего тѣла, препятствовавшаго полному сліянію ея души съ божественнымъ началомъ, и получивъ въ этомъ отказъ, Катарина покорилась: она умоляла Христа услышать лишь одну ея „маленькую просьбу“ (petitium-sulam), „а именно, чтобы въ этомъ вѣкѣ, пока я по Твоей волѣ должна пребывать во плоти, Ты разрѣшилъ мнѣ участвовать въ страданіяхъ, которыя Ты перенесъ, не исключая послѣдняго Твоего страданія, для того, чтобы я, не будучи еще въ состояніи соединиться съ Тобою на небѣ, по крайней мѣрѣ на землѣ приобщилась Твоимъ страданіямъ“. И эта просьба Катаринны была услышана. Ибо съ этого дня, какъ она передавала своему духовнику, Катарина „стала ежедневно все болѣе испытывать,

какъ въ сердцѣ, такъ и въ тѣлѣ своемъ, страданія“ Спасителя. Такимъ образомъ страданія сдѣлались для Катаринины главнымъ средствомъ подражанія Христу и соединенія съ Нимъ на землѣ. Не слѣдуетъ, однако, при этомъ имѣть въ виду одно лишь физическое, пассивное страданіе; правильное пониманіе приведенныхъ выше словъ весьма существенно для того, чтобы проникнуть въ глубину психической жизни Катаринины, и даетъ ключъ къ объясненію ея практической жизни и исторической дѣятельности. Дѣло въ томъ, что и страданіямъ Христа Катарина придавала преимущественно духовный смыслъ. Оно заключалось, какъ Катарина объясняла своему духовнику, главнымъ образомъ въ томъ, что, любя въ совершенствѣ Господа и ближняго и радѣя о чести Господней и спасеніи человѣка, Христосъ испытывалъ величайшее мученіе (*summe cruciabat*), пока не возстановилъ своимъ страданіемъ—Господу честь въ людскомъ повиновеніи, а ближнимъ—спасеніе. „И не мало горя,—прибавила Катарина, — дало Ему это желаніе, какъ извѣстно тѣмъ, кто это испытывалъ на себѣ: ибо въ этомъ заключается величайшій крестъ“.

Эти слова Катаринины раскрываютъ намъ тайну ея жизни; мы понимаемъ, какимъ образомъ эта „неземная“ по своему образу жизни дѣвушка, проводившая большую часть времени безъ пищи, безъ сна, въ каталептическомъ состояніи и религиозномъ экстазѣ, могла или, вѣрнѣе, должна была взять на себя руководящую роль въ спасеніи Италіи и папства.

Но прежде чѣмъ разсмотрѣть эту роль, мы должны ближе познакомиться съ тѣми явленіями психической жизни Катаринины, въ которыхъ она черпала указанія и силу для своего историческаго призванія.

IV.

Катарина Сиенская была еще болѣе способна, чѣмъ Францискъ, въ тѣмъ психическимъ явленіямъ, о которыхъ мы упоминали въ его жизни и которыя играютъ такую существенную роль въ духовной жизни среднихъ вѣковъ. Ея религиозные экстазы завершались видѣніями болѣе отчетливыми и продолжительными и болѣе точно описанными, чѣмъ въ житіяхъ Франциска. Къ тому же эти видѣнія сопровождались чрезвычайно характерными физическими признаками, точно также вѣрно подмѣченными и описанными въ нашихъ источникахъ. Во время этихъ видѣній пси-

ическая жизнь Катарини какъ бы двоилась: ея я, нуждавшееся въ любви, въ утѣшеніи и поученіи, простиралось ницъ передъ своимъ высокимъ идеаломъ, изъ усть котораго она черпала и въ уста котораго она влагала то, что ея сильный духъ и любвеобильное сердце извлекали и перерабатывали по-своему изъ чистаго, вѣчно бьющаго источника христіанской вѣры и изъ внутреннего опыта собственной жизни. Передавая здѣсь вкратцѣ то, что составляло блаженство и духовную силу Катарини, что вызвало благоговѣйное и часто суевѣрное изумленіе современниковъ и доставило ей столь высокій авторитетъ среди нихъ, мы будемъ держаться ея собственныхъ простодушныхъ словъ, которыя она чистосердечно повѣдала своему будущему біографу на духу ¹⁾.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Катарина заключила себя въ келью, ей сталъ являться ея „Женихъ и Спаситель“, иногда въ сопровожденіи Богоматери, или апостоловъ Іоанна и Павла, или святыхъ, Маріи Магдалины и Доминика, большею же частью одинъ, и „наставлять ее всему, что было полезно ея душѣ“. „Считайте несомнѣннымъ, отецъ мой,—говорила Катарина Раймунду,—что всему, что нужно для спасенія, научилъ меня не кто-либо изъ мужчинъ или женщинъ, а именно самъ Господь и Учитель, сладчайшій Женихъ души моей, Господь Иисусъ Христосъ, или своимъ внушеніемъ (*per inspirationem*), или говоря со мною въ ясномъ явленіи (*per clarum apparitionem*), какъ я теперь говорю съ вами“. Она удостовѣряла при этомъ, что эти явленія большею частью были неосязательны (*imaginarie*), иногда же осязаемы внѣшними чувствами тѣла, такъ что она тѣлеснымъ слухомъ (*auda corporali*) слышала обращенный къ ней голосъ. Катарина признавалась, что она сначала пугалась этихъ явленій и ее смущало подозрѣніе, которое высказывалось другими, — не дьявольское ли это навожденіе; но потомъ самъ Христосъ научилъ ее отличать Его явленія отъ лживыхъ, обманчивыхъ видѣній, насылаемыхъ лукавымъ. Послѣднія порождаютъ въ душѣ высокомеріе; первыя же внушаютъ смиреніе и заставляютъ болѣе чтить Того, Кто есть Самъ истина и даетъ истину. Вслѣдствіе этого Катарина такъ освоилась съ этими видѣніями, что они сдѣлались главнымъ источникомъ и средствомъ ея умственного и нравственного развитія. Цѣлые часы проводила такимъ образомъ Катарина съ Христомъ, излагая Ему свои недоумѣнія и внимая Его поученіямъ.

¹⁾ См. у Раймунда главы 84, 86, 112, 113, 173, 184 и пр.

Все чаще и чаще стали повторяться эти явленія, такъ что, — какъ выражается Раймундъ, — „едва можно найти на землѣ двухъ людей, которые вели бы между собою такую непрерывную бесѣду, какъ эта святая дѣва со своимъ Женихомъ и нашимъ общимъ Спасителемъ“. Ибо молилась ли она, или размышляла, читала, бодрствовала или дремала — тѣмъ или инымъ способомъ она получала утѣшеніе въ Его видѣніи; иногда даже, „когда она съ другими говорила, къ ней приближалось святое видѣніе, и она въ душѣ вела съ нимъ бесѣду, а языкомъ съ людьми“. Но, какъ присовокупляетъ биографъ, это продолжалось не долго, ибо душу ея такъ сильно влекло къ Жениху ея, что по прошествіи нѣкотораго времени ея тѣло становилось безчувственнымъ и она впадала въ экстазъ. Сообразно съ тѣмъ, что все чаще и чаще повторялись видѣнія, учащались и каталептическіе припадки Катарини; сначала она подвергалась имъ только во время уединенной молитвы, потомъ открыто и при всѣхъ, особенно во время богослуженія. Люди близкіе къ Катаринѣ хорошо были знакомы съ этимъ явленіемъ и оставили намъ подробное описаніе его. Глаза ея при этомъ были закрыты, уши глухи къ какому-либо, хотя бы самому сильному звуку, тѣло неспособно къ движенію и чувствительности, руки и прочіе члены тѣла такъ коченѣли, что скорѣе можно было сломать ихъ, чѣмъ дать другое положеніе. Все тѣло, застывшее въ молитвѣ, устремлялось къ небу, такъ что приближенные къ Катаринѣ не разъ утверждали, и имъ несомнѣнно это такъ казалось, что молящаяся во время своихъ видѣній приподнималась надъ землею.

Эти явленія такъ изумляли и пугали людей, окружавшихъ Катарину, что ихъ неразумное участіе или грубое любопытство причиняло ей много горя въ ея безпомощномъ состояніи. Однажды ея мать, еще не привыкшая къ экстазамъ дочери, увидѣвъ ее въ этомъ состояніи съ наклоненной на сторону головой, стала такъ сильно выпрямлять ей шею, что едва не сломала нѣжныхъ хрящей ея шеи, и Катарина долго послѣ этого ощущала въ ней нестерпимую боль. Жертвою совершенно другого побужденія сдѣлалась Катарина въ Авиньонѣ, какъ мы знаемъ изъ разсказа сопровождавшаго ее Стефана Маккони. Здѣсь, среди свѣтскаго, суетнаго и маловѣрующаго папскаго двора, святость жизни сіенской дѣвушки и въ особенности ея экстазы вызывали самыя разнообразныя чувства и недоумѣнія. Сестра самого папы просила духовника Катарини извѣстить ее, когда она будетъ причащаться, чтобы при этомъ присутствовать, такъ какъ послѣ причастія Катарина всегда впадала въ экстазъ. Когда въ слѣ-

дующее воскресенье Катарина вошла въ отведенную ей папою часовню и съ ней начался экстазъ, Раймундъ послалъ за графиней, сестрою молодого Стефана. Та поспѣшила явиться со своей свитой, среди которой находилась и жена ея племянника, графиня Марія де-Тюренъ ¹⁾, молодая, тщеславная женщина. Желая испытать и вѣроятно обличить Катарину, она подъ видомъ благочестія склонила лицо свое къ ногамъ распростертой въ экстазѣ дѣвушки и нѣсколько разъ пронзила ихъ острой иглой; Катарина же пребывала все время безъ движенія, какъ она бы оставалась даже, еслибы ей и отрѣзали ноги“. Когда всѣ ушли и Катарина возвратилась къ сознанию, она почувствовала такую сильную боль въ ногахъ, что едва могла ступать. Отыскивая причины боли, ея спутницы увидели уколы и запекшуюся на нихъ кровь.

Совершенно нечувствительная къ внѣшнимъ впечатлѣнїямъ и вполне отрѣшенная отъ міра, Катарина могла во время этихъ каталептическихъ припадковъ сосредоточить всю свою жизненную энергію на возникавшихъ въ ней видѣнїяхъ и жила, можно сказать, въ нихъ удвоенною жизнью. Совершенно вѣрно выразился о нихъ авторъ житія Катарини, что это было основаніемъ, корнемъ, источникомъ всѣхъ святыхъ дѣлъ ея и показателемъ (*medium ostensivum*) всей ея удивительной жизни. Въ виду этого и мы должны остановиться на этихъ явленїяхъ, столь чуждыхъ интересу многихъ современныхъ читателей. Мы не считаемъ возможнымъ слѣдовать примѣру тѣхъ историковъ, которые, какъ на примѣръ Жебаръ, изображаютъ историческую роль Катарини Сиенской, пренебрежительно устраняя или ступешивая то, что они называютъ *мистическимъ* элементомъ въ ея жизни. Этотъ мистическій элементъ и составляетъ крупнѣйшій фактъ не только въ ея личной жизни, но и въ жизни той эпохи, которой она принадлежитъ. Въ ея собственной жизни этотъ мистическій элементъ составляетъ самую *основу* ея исторической роли, разгадку той антиноміи между созерцаніемъ въ кельѣ и дѣятельной ролью *въ мѣрѣ*, которая составляетъ коренную черту средневѣкового монашества. Что же касается до обще-историческаго интереса этого мистицизма, то нужно вспомнить, что экстазы Катарини одновременно игривымъ новелламъ Боккачю и Саккетти, что они совпадаютъ съ зарею Возрожденія, съ первыми клубами того оміама, курившагося предъ античными языческими музами и граціями, который застилаетъ въ слѣдующемъ вѣкѣ духовную

¹⁾ См. прим. Панеброха въ Acta Sanct., стр. 964

атмосферу Италіи. Безъ должнаго вниманія къ этому контрасту трудно объяснить новый, высокій подъемъ католицизма въ Италіи послѣ пораженія, нанесеннаго ему реформаціей.

Но не задаваясь здѣсь полнымъ изображеніемъ религіозной и психической жизни Катаріны Сиенской, мы коснемся только самыхъ характерныхъ для самой Катаріны и для ея исторической роли явленій.

Мы начнемъ съ того событія въ психической жизни Катаріны, которое имѣетъ символическое значеніе не только для нея, но и для необозримаго числа средневѣковыхъ дѣвственницъ, посвящавшихъ свою жизнь Христу. То, что было обычной метафорой въ иносказательной жизни, общепринятымъ представленіемъ, къ которому Катаріна съ дѣтства привыкла, это она пережила въ мистическомъ трепетѣ своей души, какъ реальный фактъ. Подобно александрійской мученицѣ, имя которой она носила, Катаріна обручилась съ Христомъ. Она часто молилась Господу, чтобы ея вѣра была увеличена, и ей былъ данъ отвѣтъ: „Я обручусь съ тобой въ вѣрѣ“. Это обѣщаніе осуществилось въ событіи, отчетливо описанномъ Катаріной. Однажды, когда во время шумнаго итальянскаго карнавала, передъ началомъ поста, Катаріна, одинокая въ домѣ, молилась въ своей комнатѣ объ укрѣпленіи ея въ вѣрѣ, Христосъ вознаградила ее за то, что она презрѣла ради него „суету мірскую“, торжественнымъ празднествомъ для ея души. Видѣніе было полное, охватившее зрѣніе и слухъ: при звукахъ псалтыри царя Давида, Богоматерь взяла ея правую руку и, протянувъ ее къ Сыну, просила Его, чтобы Онъ удостоилъ ее обручиться съ Нимъ въ вѣрѣ. И Христосъ протянулъ ей золотое кольцо съ прекраснымъ алмазомъ и четырьмя жемчужинами и надѣлъ ей его на руку. „Видѣніе исчезло, но кольцо навсегда осталось на рукѣ“. Часто, хотя всегда скромно, признавалась Катаріна своему духовнику, что она постоянно видитъ кольцо на своей рукѣ и что никогда не случалось, чтобы оно было для нея незримо.

Мы передали событіе сокращенно, въ простодушномъ разсказѣ, перешедшемъ изъ устъ Катаріны въ ея житіе. Его смыслъ понятенъ, и его нельзя было бы обойти, хотя бы въ самомъ краткомъ очеркѣ жизни Катаріны Сиенской. Можно сказать, что безъ этого факта руководящая идея жизни этой типической невѣсты Христовой осталась бы недосказанною—та идея, которая имѣла наибольшее вліяніе на судьбу европейской женщины въ средніе вѣка. Подобный символическій характеръ имѣли и другія событія сокровенной, мистической жизни Катаріны; ея ре-

лигіозно-нравственныя стремленія постоянно принимали образы конкретныхъ, переживаемыхъ ею фактовъ. Однажды на разспросы духовника, замѣтившаго у нея во время причащенія необыкновенное волненіе на лицѣ, за которымъ послѣдовала чрезвычайно сильный и продолжительный экстазь, Катарина рассказала ему, что она передъ этимъ молилась съ особеннымъ усердіемъ о томъ, чтобы Господь отнял у нея всякую собственную волю и даровалъ ей Свою волю — и что Онъ милосердно услышалъ ея просьбу ¹⁾).

То, что здѣсь выражено въ отвлеченномъ представленіи, совершилось въ другой разъ въ видѣ конкретно пережитаго психическаго процесса. Повторяя въ своей молитвѣ слова псалмопѣвца (Л. 12): „сердце чисто сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня“, Катарина просила Господа взять у нея сердце и собственную волю. Въ видѣніи ей послѣ этого явился Христосъ и, вынувши изъ груди ея сердце, унесъ съ собою. Испытанное Катарининою ощущеніе было такъ живо, что она послѣ этого и физически не ощущала у себя сердца и сказала объ этомъ своему первому духовнику. Тотъ поднялъ ее на смѣхъ и увѣрялъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ сердца. Нѣсколько времени спустя, Катарина, оставшись одна въ часовнѣ мантилатъ при церкви доминиканцевъ и собираясь идти домой, увидѣла вокругъ себя яркій свѣтъ. Среди этого свѣта предсталъ предъ ней Христосъ, держа въ рукѣ Своей лучезарное сердце, которое Онъ и далъ ей взаменъ ея прежняго сердца. На груди ея навсегда остался слѣдъ отъ полученной при этомъ и зажившей потомъ надъ сердцемъ раны, какъ неоднократно увѣряли духовника сестры общины Катаринины.

Блаженство, доставляемое Катаринѣ такими видѣніями, сопровождалось, однако, для нея жестокими страданіями. Однажды она долго погружалась мыслью въ страсти Христовы и, по ея молитвѣ, ей было дано пережить часть этихъ страданій — только часть, такъ какъ ни одному смертному не было бы по силамъ испытать на себѣ все, что перестрадалъ Искупитель грѣховъ человѣческихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ ея сердце воспыало такою любовью къ Спасителю, что оно не выдержало напряженія, и, какъ слабый сосудъ, „надтреснуло сверху до низу“. Это ощущеніе сопровождалось такимъ глубокимъ обморокомъ Катаринины, что ее считали умершей. Уже пришли, по обычаю, сосѣдки, чтобы утѣ-

¹⁾ Ecce filia mea, trade tibi voluntatem meam qua ita firmata eris etc. Райм., т. 190.

шать мать и сестеръ, и послали за женщинами, которыя одѣваютъ покойниковъ. Такъ прошло четыре часа между тѣмъ, что Катарина потомъ называла своей смертью и возвращеніемъ къ жизни. За все это время душа ея бодрствовала и, какъ она говорила духовнику, узрѣвала тавія тайны божества, о которыхъ не приходится говорить никакому смертному. Возвращеніе къ жизни было поэтому для Катарины глубокимъ горемъ, и она безутѣшно проплакала три дня и три ночи о томъ, что должна была вернуться къ земному существованію. Такъ идеализировала Катарина свои страданія и такъ она вызывала въ своемъ тѣлѣ новыя страданія, всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ погружаясь въ мысль о страданіяхъ Спасителя. Это ничѣмъ непрерываемое усиліе переживать страсти Христа выразилось, наконецъ, въ жизни Катарины пластическимъ образомъ, въ символическомъ событіи ея сознанія, которое становится вполне понятнымъ въ своей связи съ аналогическими фактами въ стигматизаціи Катарины. Уже въ 1370 г. Катарина Сиенская въ первый разъ испытала на себѣ подобное ощущеніе. Когда она однажды молилась о спасеніи своихъ приближенныхъ и просила знаменія, что ея молитва услышана, ей было внушено, чтобы она протянула руку. Когда она это исполнила, она увидала остріе гвоздя, приставленное къ ея правой ладони, и почувствовала такую сильную боль, какъ будто гвоздь былъ пробитъ молоткомъ сквозь руку. Хотя „рана на рукѣ другимъ была невидима“, Катарина, по ея словамъ, „всегда ее ощущала и испытывала въ ней боль“.

Главное же, относящееся сюда, событіе случилось пять лѣтъ спустя, и свидѣтелемъ его, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ самъ Раймундъ. Случилось оно во время пребыванія Катарины съ своей общиной въ Пизѣ. Въ одно изъ воскресеній Раймундъ служилъ по ея просьбѣ обѣдню и причастилъ ее. Какъ обыкновенно, ея тѣло впало послѣ этого въ безчувственное состояніе. Ожидая ея возвращенія къ тѣлесной жизни, ея приближенные увидали, что она вдругъ поднялась на колѣни и протянула руки. Въ такомъ положеніи она довольно долго пребывала съ раскраснѣвшимся лицомъ, закрытыми глазами и окоченѣлыми членами; затѣмъ, какъ будто пораженная смертельною раной, внезапно упала, и только по прошествіи нѣкотораго времени пришла въ себя.

Подозвавъ къ себѣ духовника, Катарина шепнула ему, что была удостоена принять на тѣлѣ своемъ раны Господа Иисуса Христа, и на разпросы Раймунда рассказала слѣдующее: узрѣвъ сходящаго къ ней съ креста въ яркомъ свѣтѣ Господа, она, желая невольнымъ порывомъ души идти на встрѣчу своему Творцу,

была принуждена подняться всѣмъ тѣломъ; въ это мгновеніе она увидѣла нисходившихъ къ ней изъ ранъ Спасителя пять кровавыхъ лучей и едва успѣла произнести мольбу, чтобы эти ниспосылаемыя ей раны не обнаружилась на ея тѣлѣ, какъ кровавый цѣвь лучей превратился въ ярко-блестящій, и они привосинулись къ пяти мѣстамъ ея тѣла. На вопросъ духовника, чувствуетъ ли она въ этихъ мѣстахъ боль, она, глубоко вздохнувши, сказала: „такую сильную боль, въ особенности около сердца, что если Господь не совершитъ новаго чуда, то ей кажется невозможнымъ дольше жить съ такою болью“. По возвращеніи въ домъ, гдѣ она жила, Катарина тотчасъ впала въ сильный обморокъ. Приближенные ея, привыкшіе къ ея экстазамъ, никогда не видѣли ея въ обморокѣ и потому сильно за нее опасались. Дѣйствительно, она цѣлую недѣлю очень страдала и была близка къ смерти и только въ слѣдующее воскресенье, причастившись и подвергнувшись обыкновенному припадку экстатического состоянія, снова окрѣпла.

Вопросъ о стигматизаціи Катарини Сіенской вызвалъ впоследствии горячіе споры и возбудилъ самыя злобныя страсти, въ которыхъ приняли участіе даже папы. Въ вѣкъ Катарини легенда о стигматизаціи Франциска крѣпко укоренилась, и потому для людей того времени не было ничего неправдоподобнаго въ повтореніи этого событія. Но именно легенда о Францискѣ оказалась въ этомъ случаѣ камнемъ претенвенія для поклонниковъ Катарини Сіенской. Францисканцы ревниво дорожили славой основателя своего ордена и смотрѣли на его стигматизацію какъ на какую-то монополію, а потому не хотѣли признать чуда, приписываемаго Катаринѣ, такъ что въ этомъ вопросѣ монахи оказались самыми безпощадными критиками и упрямыми скептиками. Наперекоръ имъ, однако, легенда стигматизаціи Катарини все болѣе и болѣе разрасталась среди доминиканцевъ и, благодаря ихъ стараніямъ, скромной дѣвственницѣ стали приписывать не только невидимыя раны, или оцущенія ранъ на своемъ тѣлѣ, что она утверждала, но уже и настоящія, осязательныя для другихъ раны.

V.

Приведенные нами факты имѣютъ для насъ, помимо своего психологическаго интереса, особенное значеніе потому, что убѣдительно показываютъ, до какой степени Катарина Сіенская была поглощена мистическими явленіями своей жизни и отвлечена ими

отъ окружающаго ее реального міра. Въ самомъ дѣлѣ, если одного аскетическаго принципа съ его презрѣніемъ къ міру бывало достаточно для того, чтобы пренебречь всѣми связями и интересами земной жизни и избѣжать всякаго приспособленія къ людскому обществу, то въ этомъ случаѣ къ аскетическому мотиву присоединялось другое, еще болѣе мощное побужденіе забыть міръ. Какое изъ развлеченій или наслажденій, доступныхъ дочери сіенскаго красильщика, могло сравниться съ блаженствомъ, которое она ежедневно испытывала въ своихъ видѣніяхъ, возносимая своею вѣрою на самыя вершины небснаго міра, удостоиваемая, при всей своей дѣтской простотѣ и скромности, отличіемъ, превышавшимъ всякія царскія почести? Для Катаринны, обладавшей способностью по своему желанію и во всякое время переноситься въ лучезарный міръ своихъ религіозныхъ идеаловъ, разстояніе между этимъ міромъ и бѣдной, тусклой, запятнанной страстями и грѣхомъ дѣйствительностью — было особенно велико, и переходъ отъ одного міра къ другому долженъ былъ казаться въ жизни Катаринны непреодолимымъ противорѣчіемъ. Дѣйствительно, что же могло побудить Катаринну отрываться отъ сладкихъ видѣній, блаженство которыхъ не нарушалось никогда диссонансомъ, и принимать дѣятельное участіе въ суетѣ мірской, въ борьбѣ съ земными страстями и интересами? Это былъ тотъ самый принципъ, который ввелъ ее въ идеальный міръ, который доставлялъ ей тамъ величайшее блаженство, этотъ самый принципъ свелъ ее снова на землю и сгладилъ противорѣчіе между созерцательной и дѣятельной жизнью — принципъ *любви*.

Ея религіозное чувство беретъ свое начало въ любви и въ ней преобразовывается; любовь къ Творцу внушаетъ любовь къ творенію; любовь къ Христу, которая была для Катаринны источникомъ самыхъ блаженныхъ минутъ личнаго счастья, становится для нея немислимою безъ проявленія любви къ человѣку. „*Какое другое доказательство нашей любви, — пишетъ она монахинѣ Джіованнѣ, — можемъ мы дать Христу, кромѣ сострадательной любви нашей ко всякому творенію, имѣющему въ себѣ разумъ*“ ¹⁾.

Итакъ, тотъ самый принципъ любви, который инстинктивно проявился въ личности и жизни Франциска, проявляется въ Катаринѣ сознательно и разумно. У Франциска любовь выражается въ полу-дѣтскомъ, полу-поэтическомъ братаніи со всею природою;

¹⁾ Che altro segno possiamo dare del nostro amore si non di amare caritativamente ogni creatura che a in se ragione. Письмо 87.

Катарина сосредоточивает свою любовь на разумном творении природы, наиболее нуждающемся въ любви и сознающемъ ея значеніе.

Но какъ и у Франциска, эта любовь торжествуетъ у Катарини надъ аскетизмомъ и преобразовываетъ монашество. Озаренный этой любовью міръ утрачиваетъ свою печать отверженности. Его явленія, говоритъ Катарина, „имѣютъ мірской характеръ (*terro-gale*), насколько мы ихъ дѣлаемъ таковыми“. Любовь украшаетъ міръ и дѣлаетъ его снова достойнымъ вниманія. „Я хочу,— пишетъ Катарина Джіованнѣ,— чтобы ты *любила* всѣ эти явленія міра“ (*Io voglio che tu sia amatrice di tutte quante le cose*). Но она требуетъ этой любви къ явленіямъ міра не ради нихъ самихъ, а потому, что только въ сопривосновеніи съ міромъ можетъ проявиться любовь, какъ движущая сила и какъ вѣчный источникъ творческой дѣятельности. Эту мысль Катарина выразила въ чудныхъ по ихъ простотѣ словахъ, которыя можно признать девизомъ ея собственной жизни: „L'amore non sta mai azioso, ma sempre adopera grande cose“¹⁾.

Переломъ въ жизни Катарини, мотивированный нами съ помощью выше указанныхъ ея убѣжденій, она сама мотивировала обычнымъ ей способомъ, посредствомъ видѣній и наставленій свыше. По свидѣтельству ея біографа, вскорѣ послѣ упомянутого выше обрученія Господь сталъ постепенно внушать Катаринѣ влеченіе къ общенію съ людьми (*trahere ad conversationem humanam*). Однажды, послѣ того, какъ „Онъ долго читалъ съ нею псалтырь и часы“ и наставлялъ ее „тайнамъ царства Божія“, Онъ сказалъ ей: „Ступай, ибо настало время обѣда, и твои домашніе собираются сѣсть за столъ, поди и побудь съ ними, а потомъ возвратишься ко Мнѣ“. Услышавъ это, дѣвушка со слезами и рыданіями стала умолять Господа, чтобы Онъ не удалялъ ее отъ Себя; она просила, если чѣмъ-нибудь Его оскорбила, наказать ея тѣло и выразила готовность содѣйствовать этой карѣ. „Что мнѣ до ихъ обѣда? развѣ человекъ о единомъ хлѣбѣ сытъ будетъ? У меня свой хлѣбъ, котораго не вѣдаютъ тѣ, къ кому Ты меня посылаешь. Какъ Ты лучше моего знаешь, я бѣжала отъ всякаго общенія съ людьми, чтобы любить Тебя, моего Господа и господина“,—говорила Катарина. Неужели же теперь, когда она сподобилась, хотя и недостойная, величайшей милости, должно ей бросить свое ни съ чѣмъ несравнимое сокровище и

¹⁾ Любовь никогда не остается бездѣятельна, во всегда проявляется въ великихъ дѣлахъ.

вмѣшаться въ людскую суету, чтобы снова сдѣлаться отверженной? И долго молила Катарина Господа, чтобы Онъ дозволялъ ей, по своей неизмѣримой милости, не разставаться съ Нимъ.

Но Господь остановилъ ея слезы и объяснилъ, что не намѣренъ ее *удалять* отъ Себя, а желаетъ, чтобы Его милость падала не только на нее, но и на другихъ чрезъ нее. „Ты знаешь, что есть двѣ заповѣди любви Моей—любить Меня и ближняго, и Я хочу, чтобы ты исполнила оба эти закона и не на одномъ, а на двухъ крыльяхъ вознеслась къ небу“. Напомнивъ ей, что она съ дѣтства радѣла о спасеніи чужихъ душъ, Господь объявилъ ей, что хочетъ теперь осуществить ея завѣтное желаніе. Но дѣвушка не унималась и возражала. „Чѣмъ могу я, убогая и во всемъ немощная, быть полезна душамъ? Поль мой является препятствіемъ по многимъ причинамъ: къ нему съ пренебреженіемъ относятся люди“; къ тому же она стѣснена приличіями (*honestas*), „ибо не слѣдуетъ лицамъ моего пола вращаться среди другого“.

И вотъ какъ въ XIV в. устами цѣломудренной и неученой дѣвушки было отвергнуто это всегдашнее возраженіе и затрудненіе, заимствованное изъ природы и порядковъ людскихъ. „Развѣ Я не создалъ родъ человѣческій, образовавъ тотъ и другой полъ? развѣ Я не ниспосылаю духъ свой, куда захочу?.. Предо Мною нѣтъ ни мужчины, ни женщины, ни плебея, ни дворянина, но всѣ равны предо Мною, ибо всѣ одинаково Мои творенія... Знай же, что въ вѣкъ этотъ до того взяло верхъ высокоуміе, въ особенности тѣхъ, кто считаетъ себя учеными и мудрыми, что справедливость Моя не можетъ болѣе терпѣть этого... и Я пошлю къ нимъ женщинъ, по своему полу мало свѣдущихъ и слабыхъ, но много одаренныхъ добродѣтелью и божественною мудростью, для сокрушенія ихъ гордыни“... Конечно, изображенный здѣсь переломъ въ душѣ и въ жизни Катарини совершился не въ одно мгновеніе, не сразу овладѣло ею сознание ея второго призванія, болѣе сложнаго и мучительнаго. Противорѣчіе между совершенствомъ мистическаго подъема души и погруженіемъ души въ людскія дразги не разъ съ болью подступало къ сердцу Катарини; но вмѣстѣ съ тѣмъ предъ нею все расширялась задача ея мірскаго призванія и росло въ значеніи возлагаемое на нее порученіе. Эта внутренняя борьба, наполнявшая жизнь Катарини, и этотъ быстрый ростъ ея сознанія отразились въ другомъ видѣніи, ею пережитомъ, и въ другомъ, болѣе серьезномъ наставленіи, ею видѣнномъ. И это второе порученіе, данное ей, находится въ связи съ однимъ изъ знаменательныхъ событій ея мистической

жизни; оно послѣдовало среди того экстаза, когда сердце ея надтреснуло от избытка любви, тѣло ея казалось умершимъ, а душа ея видѣла блаженство спасенныхъ и мученія низверженныхъ въ адъ.

Если въ первомъ видѣніи рѣчь шла о легкой задачѣ, о возвращеніи въ родную семью и объ участіи въ ея житейскомъ быту, то теперь на Катарину возлагалась забота о величайшихъ интересахъ божескаго царства на землѣ, и ей было поставлено требованіе, чтобы она, покинувъ свою тихую келью среди семьи и свой родной городъ, выступила на широкое поприще общечеловѣческихъ интересовъ. „Когда душа моя все это узрѣла,—разсказывала объ этомъ Катарина духовнику, — вѣковѣчный Женихъ мой, котораго я считала мнѣ вполнѣ принадлежащимъ, сказалъ мнѣ:—Возвратись же и уважи имъ какъ заблужденія ихъ, такъ и опасность, имъ грозящую“. И когда душа ея отъ этихъ словъ пришла въ ужасъ, Господь сказалъ ей: „Спасеніе многихъ душъ требуетъ твоего возвращенія; и не будешь ты болѣе вести образъ жизни, который ты вела до сихъ поръ; и не будетъ тебѣ по прежнему твоя келья жилищемъ; даже родной городъ придется тебѣ покинуть ради спасенія душъ. Но Я всегда буду съ тобою; Я буду руководить путемъ твоимъ и возвращеніемъ; ты будешь разносить съ собою честь Моего имени и являть печать духа Моего предъ малыми и великими, предъ мірянами, духовными и монахами, ибо Я дамъ тебѣ краснорѣчіе и мудрость, предъ которыми никто не устоитъ. И Я поставлю тебя предъ лицомъ епископовъ и правителей церкви и народа христіанскаго, чтобы по обычаю Моему чрезъ слабыхъ сломить высокомеріе сильныхъ“.

Такимъ образомъ на самой высотѣ своего религіознаго энтузіазма Катарина окончателно познала принципъ, возвратившій ее снова на землю. Любовь въ ея двойномъ значеніи по отношенію къ божеству и къ человѣку дала ея жизни двойное содержаніе. Разсмотрѣвши на предшествовавшихъ страницахъ религіозную сторону ея жизни, обратимся теперь къ изложенію ея практической дѣятельности, ея исторической роли.

VI.

Вся эта роль состоитъ изъ подвиговъ любви и самоотверженія. Описывая эти подвиги, мы не станемъ держаться строго хронологическаго порядка. Они тѣснѣе связаны между собою своимъ внутреннимъ смысломъ, и, слѣдуя этому логическому по-

рядку ихъ, мы лучше поймемъ, какъ расширялось и одухотворялось понятіе любви у Катарини. Ея любовь, конечно, прежде всего проявлялась въ *милосердіи*, и это милосердіе выражалось въ формахъ, вполне свойственныхъ духовной сестрѣ Франциска. Какъ у Франциска, первымъ предметомъ ея милосердія были нищіе, и, подавая имъ милостыню, она не знала предѣловъ, отдавала имъ все до послѣдней рубашки, хотя бы и въ земную стужу. Какъ и Францискъ, она не жалѣла въ этомъ отношеніи ни своего, ни чужого добра и стала, по выраженію ея біографа, не столько раздавать, сколько раскидывать отцовское добро — *dispergere bona patris*. Разница между нею и Францискомъ была въ томъ, что ея отецъ ей въ этомъ не мѣшалъ и другимъ запрещалъ ей мѣшать. Ея житіе полно относящихся сюда рассказовъ, которымъ приданъ особенный, важный для легенды смыслъ, посредствомъ толкованія, что подъ видомъ благодѣтельствованнаго Катариной нищаго скрывался самъ Христосъ. Для образчика приведемъ слѣдующій случай. Однажды, когда Катарина съ одной изъ сестеръ своей общины возвращалась изъ церкви, ее остановилъ нищій и просилъ прикрыть его наготу. Она велѣла ему подождать, возвратилась въ часовню „сестеръ“ и тамъ сняла съ себя нижнюю шерстяную рубашку (тунику), которую надѣла по случаю стужи. Получивъ это подаваніе, нищій сталъ еще просить, чтобы къ шерстяному одѣянію она дала ему и полотняное платье. Катарина велѣла ему идти вслѣдъ за ней и, пришедши, отправилась туда, гдѣ хранилось бѣлье отца и братьевъ и дала нищему все для него нужное. Но тотъ продолжалъ приставать, прося дать еще и рукава къ полученной шерстяной рубашкѣ. Катарина стала искать по всему дому и наконецъ увидѣла на вѣшалкѣ новое платье служанки — отпоролъ съ него рукава и дала ихъ нищему. Но тому все еще было мало — онъ сталъ просить Катарину одѣть и его товарища, который лежалъ neodѣтый въ госпиталѣ. Катарина хотѣла исполнить и эту просьбу, но всѣ, кромѣ отца, негодуя на ея расточительность, позавирали отъ нея все свое платье. Катарина была въ большомъ затрудненіи — отдать платье служанки она не считала себя въ правѣ, такъ какъ та сама была небогата, а снять съ себя послѣднюю рубашку — она, конечно, также не рѣшалась, и авторъ житія подробно описываетъ происходившую въ ней внутреннюю борьбу, пока наконецъ „духовная любовь, опасавшаяся дать поводъ къ соблазну“, не побѣдила физическаго состраданія: *caritatem, quae cogrogibus proximoꝝ comparatur*. Катарина была вознаграждена небеснымъ одѣяніемъ, которое принесъ ей Христосъ и послѣ котораго она, несмотря

ни на какую службу, обходилась зимой, какъ и лѣтомъ, однимъ только платьемъ, т.-е., какъ и Францискъ, она не считала себя въ правѣ носить верхнее платье, пока были на свѣтѣ люди, которые въ немъ нуждались. Биографъ Катарини, однако, подмѣчаетъ въ ней черту, которою она весьма отличается отъ Франциска. Самое милосердіе ея носило болѣе сознательный, разумный характеръ. Она обладала, — говоритъ ея биографъ, — даромъ распознаванія и потому оказывала щедрую помощь не всякому встрѣчному, а тѣмъ, о которыхъ она знала, что они нуждаются, хотя бы они и не просили. Это разумное, внимательное милосердіе, которое идетъ на встрѣчу нуждѣ, хорошо характеризовано въ слѣдующемъ извѣстїи о Катаринѣ. Однажды, когда она лежала больная, съ опухшимъ съ головы до пятокъ тѣломъ, такъ что не могла ступить на ноги, ей передали, что по сосѣдству живетъ вдова съ голодающими дѣтьми. Сердце Катарини изныло отъ состраданія, и ночью она взмолилась къ своему Жениху, чтобы Онъ даровалъ ей на время столько здоровья, сколько было нужно для оказанія помощи бѣдняжкамъ. Вставши до разсвѣта, она наполнила пшеницей найденный ею въ домѣ мѣшокъ, взяла фiasco, т.-е. стеклянный сосудъ съ виномъ, какой и теперь еще употребляется въ Италїи, другой сосудъ съ масломъ и все, что могло служить для утоленія голода, и снесла это въ свою келью. Когда раздался звукъ колокола, ранѣе котораго было воспрещено выходить на улицу, она отправилась въ путь, забравши съ собою свои припасы, кое-что навѣсивъ на спину, кое-что взявъ въ правую и въ лѣвую руку или прикрѣпивъ къ поясу. Хотя ея ноша вѣсила болѣе ста фунтовъ, она ей показалась легка какъ соломинка. Однако, по мѣрѣ приближенія къ жилищу вдовы, ея ноша становилась для нея непосильна, и она должна была почерпнуть новую силу въ молитвѣ. Добравшись, наконецъ, до дома вдовы, она нашла, къ своему удовольствію, верхнюю половину двери незапертою, такъ что могла, пропустивши руку, отодвинуть задвижку нижней половины и сложить въ сѣняхъ свою ношу. Но отъ шума грузной ноши вдова проснулась, и замѣтивъ это, Катарина, желая остаться незамѣченною, хотѣла бѣжать. Силы ея, однако, совершенно оставили, и она не могла двинуться съ мѣста. Тогда она съ грустной улыбкой (*moerens pariter et subridens*) обратилась опять къ своему Жениху: „Зачѣмъ же, дорогой мой, ввелъ Ты меня въ такой соблазнъ? Неужели Тебѣ угодно обнаруживать простоту мою всѣмъ живущимъ здѣсь и всѣмъ тѣмъ, кто скоро здѣсь станетъ проходить?“ Къ тѣлу же своему она обратилась со словами: „ты должно двигаться, хотя бы и до смерти

утомилось". Такъ Катарина дошла или, скорѣе, доползла до дома, прежде чѣмъ вполнѣ расвѣло, и упала на постель въ прежней немощи своей.

Но милосердіе Катарини проявлялось и въ другихъ, болѣе трудныхъ подвигахъ любви. Она стала „сестрою милосердія“ въ настоящемъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова. Она ухаживала за больными и преимущественно за тѣми, отъ которыхъ всѣ близкіе отказывались—за прокаженными и заразными больными. Такъ она проявила высокое самоотверженіе во время чумы, свирѣпствовавшей въ Италіи въ 1374 году.

Въ житіи Катарини находится нѣсколько рассказовъ, относящихся къ уходу за больными, переданныхъ намъ съ характерными подробностями. Въ нихъ обыкновенно проявляется со стороны Катарини двойное самопожертваніе — борьба съ физическимъ отвращеніемъ и духовныя побѣды надъ недоброжелательствомъ и клеветою. Для подавленія естественной брезгливости, внушаемой гнойными и зловонными ранами, Катарина прибѣгала, подобно Франциску, къ такимъ героическимъ средствамъ, что самое упоминаніе о нихъ можетъ внушить отвращеніе въ наше время; зато рассказы о томъ, какъ она своею кротостью и любовью побѣждала раздраженіе и злобу больныхъ, на разстояніи вѣковъ доставляютъ глубокое удовлетвореніе, какъ образчики благороднѣйшей, женственной человѣчности. Это былъ *аскетизмъ* въ новомъ и самомъ высокомъ смыслѣ этого слова: *упражненіе* — не въ противорѣчащихъ природѣ лишеніяхъ и истязаніяхъ тѣла, а упражненіе тѣла и души въ перенесеніи физическаго и нравственнаго зла для облегченія участи и для блага другихъ. Такъ ходила Катарина въ госпиталь за прокаженной Теккой, отъ которой она сама заразилась и которая въ своемъ нетерпѣнн бранила ее, когда она долго оставалась въ церкви, глумясь надъ нею, что „она не могла тамъ наглядѣться на монаховъ“ (*non posse saturari de fratribus*). Такъ обезоружила она сестру своей общины, Пальмерину, которая передъ смертью призналась въ своей винѣ передъ нею.

Еще болѣе натерпѣлась Катарина отъ другой сестры общины мантиеллатъ, по имени Андреи. Это была вдова преклонныхъ лѣтъ, страдавшая ракомъ въ груди; болѣзнь ея, со всѣми своими ужасными послѣдствіями, уже такъ развилась, что, кромѣ Катарини, никто не былъ въ состояніи при ней оставаться. И для Катарини уходъ за этой больной становился все труднѣе, но когда, при перевязываніи раны, зловоніе возбуждало въ ней тошноту, Катарина „наказывала“ себя тѣмъ, что прикасалась къ

ранѣ своими устами. Однажды же, когда она едва совѣмъ не изнемогла отъ чувства физическаго отвращенія, она собрала въ сосудъ воду, которою омыла гноившуюся рану, и проглотила ее. Рядомъ съ этой борьбой со своими нервами, въ Катарины происходила еще другого рода борьба. Озлобленная своимъ ужаснымъ положеніемъ старуха пустила въ ходъ такую обидную для Катаринины сплетню, что начальница общины встревожилась и пришла къ больной справиться, откуда она это знаетъ, и призвала къ отвѣту дѣвушку, оскорбительными словами допрашивая ее о взведенномъ на нее обвиненіи. Кротко и просто, никого не обвиняя, Катарина увѣряла начальницу въ своей невинности. Между тѣмъ сплетня пошла по городу и о ней узнала мать Катаринины; она пришла въ такое негодованіе, что потребовала отъ дочери, чтобы она перестала ходить за больной, грозя ей въ противномъ случаѣ не называть болѣе дочерью. Успокоивъ мать, Катарина твердо продолжала свое трудное дѣло, ища убѣжища и находя утѣшеніе въ своихъ небесныхъ видѣніяхъ. Побѣда осталась наконецъ за нею. Входя однажды въ комнату больной, она представлялась ей осѣненной яркимъ свѣтомъ „въ ангельскомъ величіи“. Больная покаялась передъ нею и передъ начальницею и заявила, что никогда не знала и не испытывала, что такое сладость душевная, кротость духа и небесное утѣшеніе до той минуты, когда ей явилась озаренная небеснымъ свѣтомъ Катарина.

Но та, которая была такъ сострадательна въ физическимъ страданіямъ, не могла оставаться равнодушной къ нравственному злу: уходъ за больными былъ для Катаринины только ступенью къ другой, болѣе трудной заботѣ—попеченію о душѣ ближняго. Изъ *сестры милосердія* Катарина сдѣлалась *миссіонеромъ* и съ неменьшимъ рвеніемъ, тѣмъ отъ тѣлеснаго недуга, старалась спасти людей отъ гибели духовной. Ея забота о душѣ ближнихъ проявлялась сначала посредствомъ заступничества за нихъ въ молитвѣ.

Однажды по улицамъ Сиены, мимо дома, въ которомъ „по волѣ Провидѣнія“ находилась Катарина, провезли на колесницѣ двухъ привязанныхъ къ шесту преступниковъ. За ихъ неслыханныя злодѣянія они были приговорены судомъ къ жестокой казни и, уже по дорогѣ къ мѣсту казни, палачи мучили ихъ раскаленными щипцами. Но какъ раньше въ темницѣ, такъ и на пути къ смерти преступники не хотѣли ничего слышать о покаяніи и причащеніи, а напротивъ, ожесточенные мученіями палачей громко кощунствовали. Увидѣвъ изъ оконъ своего дома

колесницу, Алексія, подруга Катарина, съ ужасомъ подозвала ее, и какъ только послѣдняя подошла къ окну, такъ опустилась на колѣни и застыла въ молитвѣ. Какъ она потомъ говорила духовнику, она увидѣла вокругъ злодѣевъ безконечную толпу злыхъ духовъ и она не прекращала своей молитвы, пока не добилась прощенія преступникамъ. На самомъ дѣлѣ, когда колесница уже приблизилась къ воротамъ города, преступникамъ явился Христосъ, покрытый ранами, приглашая ихъ къ покаянію и обѣщая прощеніе—преступники, вмѣсто вощунства, стали восхвалять Господа, и народъ вокругъ нихъ сталъ дивиться происшедшей въ нихъ переимѣнѣ и благочестію ихъ смерти.

Отъ священника, сопровождавшаго преступниковъ, узнали обо всемъ этомъ Тома, первый духовникъ Катарина, и Алексія, и тогда объяснилось чудесное обращеніе преступниковъ.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ слава Катарина такъ распространилась, что къ ней стали прямо обращаться за помощью, когда нужно было смягчить сердце закоренѣлаго грѣшника. Андрей Наддини, одинъ изъ сѣнскихъ гражданъ, богатый земными благами, но лишенный всякаго благочестія, страстный игрокъ и всегдашній насмѣшникъ надъ святыней и святыми, сталъ отказываться на смертномъ одрѣ отъ всякой помощи церкви. Напрасны были всѣ старанія его приходскаго священника, напрасно его жена и родственники посылали за разными духовными и благочестивыми лицами обоого пола—Наддини продолжалъ упорствовать. Узнавъ объ этомъ, духовникъ Катарина въ отчаяніи бросился къ ней. Было уже довольно поздно вечеромъ и Катарина находилась въ религіозномъ экстазѣ. Только въ пятомъ часу утра она пришла къ сознанію, и ей могли передать просьбу духовника. Она тотчасъ стала опять на молитву, и утромъ умирающей, побужденный видѣніемъ Христа, потребовалъ къ себѣ священника.

Но скоро настало время, когда Катарина не только издала и посредствомъ молитвы стала утѣшать и наставлять умирающихъ. Она сама стала ихъ отыскивать или ее стали приглашать къ нимъ, и ея личное вліяніе было такъ обаятельно, ея увѣщанія были такъ пламенны, что она всегда имѣла успѣхъ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай, рассказанный самой Катариной въ письмѣ къ Раймунду. Въ отличіе отъ другихъ событій, окутанныхъ благочестивымъ языкомъ латинской легенды, это происшествіе живо возстаетъ предъ нами, переданное Катариной въ непосредственно пережитомъ впе-

чутливій, словами, полными страсти и любви, на патетическомъ и изящномъ языкѣ Данта.

Въ дни Катарини, въ Сиенѣ, гдѣ тогда восторжествовала демократія, схватили „благороднаго юношу“ изъ Перуджіи, Никола Тульдо, по обвиненію, что онъ „оскорбилъ одного изъ сиенскихъ сенаторовъ и поносилъ политическій строй этого города ¹⁾“. При возбужденіи страстей этого было достаточно, чтобы приговорить его къ смертной казни. Возмущенный несправедливостью и жестокостью приговора, юноша не хотѣлъ готовиться къ казни, не принималъ духовника и „буйствовалъ, какъ левъ въ клеткѣ“. Катарина посѣтила его въ тюрьмѣ, и вотъ сокращенный рассказъ ея о его послѣднихъ минутахъ: „Я навѣстила того, о комъ вы знаете, и это доставило ему такую силу и утѣшеніе, что онъ исповѣдался и привелъ себя въ очень хорошее настроеніе. И онъ заставилъ меня во имя любви Господней обѣщать ему, что когда настанетъ время исполненія правосудія, то я буду съ нимъ. Я обѣщала ему это, и такъ и сдѣлала. Утромъ я пошла къ нему до того, какъ раздался колоколь, и это его очень утѣшило. Я повела его къ обѣднѣ, и онъ приобщился святому причастію, которому онъ болѣе никогда уже не приобщался. Воля его была покорна и согласна волѣ Божіей и въ немъ осталось только опасеніе оказаться недостаточно твердымъ въ этомъ дѣлѣ. И онъ сказалъ: „будь со мною и не покидай меня; тогда мнѣ будетъ хорошо и я умру довольный“. И онъ держалъ голову на груди моей. Чувствуя его страхъ, я говорила ему: „Ободришь, братъ мой дорогой, ибо скоро мы пойдемъ на свадьбу. Ты окунешься въ кровь Сына Божія, съ сладкимъ именемъ Іисуса на устахъ, которое, какъ я хочу, ты твердо будешь помнить, а я буду ждать тебя на мѣстѣ правосудія“. Подумайте же, отецъ и сынъ мой, тогда онъ утратилъ всякій страхъ, горе на лицѣ его преобразилось въ радость; онъ радовался, ликовалъ и восклицалъ: „откуда мнѣ такая милость, что сокровище души моей хочетъ ждать меня на святомъ мѣстѣ правосудія?“

„Видите, какъ озарилась душа его, что онъ называлъ *святымъ* мѣсто правосудія. И онъ сказалъ еще: „я пойду туда въ полной радости и бодро, и то время, пока я не приду къ тому мѣсту, мнѣ покажется какъ тысяча лѣтъ, при мысли, что вы меня тамъ будете ждать“. Такъ я и ждала его на мѣстѣ правосудія“. Положивъ голову свою на плаху, Катарина поджидала юношу въ непрерывной молитвѣ о дарованіи ему мира, и сердце ея было такъ

¹⁾ Письмо 273.

полно „даннымъ ей обѣщаніемъ“, что она никого не видѣла, хотя тамъ стояла толпа народа. „И потомъ онъ пришелъ, какъ вроткій агнецъ, и, увидавъ меня, улыбнулся и просилъ, чтобы я его перекрестила. Сдѣлавъ это, я ему сказала: ступай же на свадьбу, дорогой братъ мой, скоро ты будешь въ жизни вѣчной. Онъ опустился на колѣни съ большою вротостью, а я обнажила его шею, наклонилась къ нему и напомнила ему о ярови Агнца. И уста его только произносили слова: Иисусъ и Катарина. Такъ онъ закрылъ очи свои въ Божіемъ милосердіи — послѣднее его слово было: „я готовъ“, и я приняла голову его въ руки мои“.

Описанный здѣсь случай открываетъ передъ нами въ жизни Катарини новую черту, которая отнынѣ будетъ все ярче выступать. Увлеченная своимъ желаніемъ оказать духовную помощь нуждающемуся въ ней, Катарина оставляетъ свою келью и открыто, среди толпы народа, ея не замѣчая, исполняетъ свое призваніе.

VII.

Чтобы успокоить взволнованныя страсти и произвести въ душѣ спасительный для нея переворотъ, Катаринѣ не всегда приходилось ждать, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ, потрясающаго дѣйствія приближенія смерти; скоро личное вліяніе Катарини стало обнаруживаться съ такою же силой на людяхъ, полныхъ жизни и грозныхъ для жизни другихъ людей. Время, когда жила Катарина, представляло въ этомъ отношеніи не мало случаевъ для ея благотворнаго вліянія. Въ тогдашней Италіи еще сохранились остатки прежняго варварства въ томъ кровавомъ самоуправствѣ, которое лонгобарды называли *файдой* (нѣмецкое *Fehde*), а современники Катарини — *guerra particularis*. Люди гордые и склонные къ насилию считали за молодечество личную правую кончать свои споры и мстить убійствомъ за обиду, что, конечно, вызывало новую обиду и новое убійство. Такъ всякая ссора плодилась до безконечности. Въ дни Катарини, въ Сиенѣ пріобрѣлъ въ этомъ отношеніи особенную извѣстность нѣкій Наннъ, который, „по дурному обычаю отцовскому“, одновременно поддерживалъ нѣсколько распрей, чрезвычайно коварно подстроивая своимъ врагамъ засады. Лица, которыя должны были опасаться его мести, зная его хитрость, не разъ выставляли посредниковъ, но онъ всегда чрезвычайно ловко уклонялся отъ всякаго примиренія для того, чтобы имѣть возможность довести до конца свою вендетту (*vindictam*). Зная объ этомъ, Катарина очень желала

поговорить съ нимъ, но онъ „избѣгалъ ея, какъ змѣя — заговаривающаго колдуна“ (incantantem). Наконецъ одному благочестивому отшельнику изъ августинцевъ удалось взять съ него обѣщаніе, что онъ повидается съ Катариной, причемъ Наннъ, однако, сдѣлалъ оговорку, что онъ ничего не исполнитъ изъ ея увѣщаній. Онъ дѣйствительно явился къ Катаринѣ и, не заставъ ея дома, въ разговорѣ съ духовникомъ объяснилъ причину своего посѣщенія и свое намѣреніе не отступить ни отъ одной вендетты. Онъ уже собирался уходить, когда „къ его огорченію“ возвратилась Катарина; онъ повторилъ ей то, что говорилъ духовнику. Не долго, однако, проходило его свиданіе съ Катариной, какъ онъ обратился къ ней съ словами: „не хочу быть невѣжей и во всемъ вамъ отказать; у меня на рукахъ теперь четыре вендетты; одну изъ нихъ вы можете уладить, какъ хотите“. Сказавъ это, онъ всталъ, чтобы уйти, но какая-то тайная непостижимая сила его удерживала; онъ признался, что съ пренебреженіемъ сказанное имъ слово о готовности на миръ исполнило его душу невѣдомымъ ему наслажденіемъ. Внутреннее волненіе, наконецъ, прорвалось, какъ это часто бывало у людей среднихъ вѣковъ, въ потоки слезъ. Онъ бросился на колѣни передъ Катариной и обѣщалъ ей не только удовлетворить ея желаніе въ данномъ дѣлѣ, но исполнить всякое ея приказаніе.

По прошествіи нѣкотораго времени онъ подарилъ ей свое „палаццо“ въ окрестностяхъ Сиены подъ устройство женскаго монастыря, которому Катарина дала названіе Св. Маріи Царицы Ангеловъ (Santa Maria, Regina dei Angeli).

Благотворное вліяніе Катаринны на нравы ея родного города и сила ея личнаго обаянія наглядно засвидѣтельствованы непосредственнымъ отзывомъ очевидца, того Стефана Маккони, о которомъ мы упомянули въ числѣ ея біографовъ. Приглашенный доминиканцами монастыря S. Giovanni e Paolo въ Венеціи, много лѣтъ спустя по смерти Катаринны, сообщить то, что ему извѣстно о ея дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ, онъ, въ своемъ отвѣтномъ посланіи начинаетъ свой рассказъ о ней съ описанія своего перваго знакомства съ нею. Мы узнаемъ такимъ образомъ, что до 1376 года „лицо Катаринны было ему и всему его роду совершенно незнакомо“, хотя они и жили въ одномъ и томъ же городѣ и слава ея уже распространилась по всей Тосканѣ. Но, „погруженный въ волны мірскаго потока“, Стефанъ Маккони не чувствовалъ никакого желанія съ нею познакомиться. Въ это время, однако, случилось, что родъ Маккони, „безъ всякой вины съ своей стороны“, попалъ въ распри (guerra) съ другимъ, го-

раздо болѣе могущественнымъ родомъ. Тщетно было стараніе нѣсколькихъ вліятельныхъ гражданъ установить между ними миръ—они ничего не были въ состояніи добиться отъ противной стороны.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Стефану пришла мысль обратиться къ Катаринѣ за полученіемъ мира, такъ какъ она уже „много разъ“ его другимъ доставляла. Стефанъ посовѣтовался насчетъ этого съ однимъ знакомымъ Катарини, который также получилъ, благодаря ей, миръ „послѣ продолжительной борьбы“. Петръ де-Беллантисъ сказалъ ему: „нѣтъ сомнѣнія, что ты не найдешь въ этомъ городѣ лица болѣе способнаго доставить тебѣ миръ“, и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Катаринѣ. „Къ удивленію моему,—разсказываетъ Стефанъ,—она приняла меня не какъ робкая дѣвушка, какъ я ожидалъ, но съ полною любовью, какъ бы она приняла родного брата, издавѣка къ ней возвратившагося“. Какъ она всегда поступала съ людьми, обращавшимися къ ней, она убѣдила сначала Стефана покаяться въ грѣхахъ и исповѣдаться, а потомъ, узнавъ причину его посѣщенія, сказала ему: „ступай, дорогой сынъ мой, уповай на Господа и предоставь мнѣ свое дѣло; я не перестану хлопотать съ удовольствіемъ, пока не доставлю тебѣ самаго прочнаго мира“.

Катарина скоро исполнила свое обѣщаніе; но пока продолжались ея хлопоты, Стефанъ посѣтилъ ее нѣсколько разъ и съ каждымъ разомъ чувствовалъ, какая въ немъ происходитъ перемѣна къ лучшему. Поэтому, когда она его попросила, чтобы онъ, подѣ ея диктовку, сталъ писать ея письма, онъ съ радостью на это согласился, и самое большое его желаніе, о которомъ онъ не смѣлъ мечтать, для него исполнилось, когда Катарина отправилась къ папѣ въ Авіньонъ и онъ получилъ возможность остаться при ней, какъ ея спутникъ и секретарь, покинувъ родителей, семью и родню.

Такимъ образомъ этотъ свѣтскій юноша принесъ все въ жертву для Катарини, „считая единственнымъ блаженствомъ ея присутствіе“. Два года спустя онъ, по ея указанію и желанію, высказанному на смертномъ одрѣ, вступилъ въ картузіанскій орденъ, который она для него выбрала, принимая во вниманіе его скромный характеръ и любящую натуру.

Описанный сейчасъ случай объясняетъ намъ, почему молва про Катарину стала распространяться по всей Тосканѣ. Посвятившая себя мистическому идеалу, невѣста Христова сдѣлалась *ангеломъ мира* для своей родины; и все чаще и чаще стали къ ней обращаться горожане Сіены, чтобы съ ея помощью прекра-

цать свои кровавыя распри. И вскорѣ примѣру горожанъ послѣдовали воинственные дворянскіе роды въ окрестностяхъ Сиены и стали приглашать ее въ свои крупкіе замки. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ ее въ Роккѣ, замкѣ могущественныхъ Салимбени, гдѣ ей пришлось, кромѣ умиротворенія распри, хлопотать о прекращеніи какой-то семейной драмы. Дѣло это такъ затянулось, что близкія къ ней лица начали беспокоиться о ней и звать въ Сиену, какъ видно изъ писемъ. Даже самая сеньорія сиенская поддалась наговорамъ и, заподозривъ, что Катарина можетъ перейти на сторону дворянъ, противниковъ республики, потребовала отъ нея возвращенія въ Сиену. Своей матери Катарина кратко отписывала: „Если бы вы знали, въ чемъ дѣло, вы сами бы мнѣ приказали остаться. Я здѣсь для того, чтобы предотвратить большой соблазнъ, если только это будетъ мнѣ по силамъ“. Знакомыхъ своихъ она укоряла за ихъ малодушное недоверіе къ ней, заявляя имъ, что она доведетъ до конца начатое ею благое дѣло, несмотря ни на что: „Нравится ли то лукавому, или нѣтъ, я буду стараться посвятить жизнь чести Божіей и спасенію душъ, во всемъ свѣтѣ и въ особенности въ моемъ родномъ городѣ. Очень стыдно гражданамъ Сиены думать и воображать, что мы сидимъ здѣсь, чтобы заключать договоры для пользы владѣній Салимбени или какихъ-нибудь иныхъ родовъ“¹⁾. Въ особенности же замѣчательнъ отвѣтъ убѣжденной въ своемъ призваніи дѣвушки правительственной сеньоріи: „Дорогіе братья и свѣтскіе сеньоры во Христвъ! Я, Катарина, рабыня рабовъ Иисуса Христа, пишу вамъ въ мысли о драгоцѣнной крови Его, съ желаніемъ видѣть въ васъ мужественныхъ людей, а не трусливыхъ правителей, какъ собственнаго міра (т.-е. совѣсти), такъ и міра, порученнаго вамъ (города); я того мнѣнія, что рабскій страхъ лишаетъ сердце свободы и благородства и не даетъ намъ жить и дѣйствовать какъ разумнымъ людямъ, но уподобляетъ насъ животнымъ. Ибо рабскій страхъ происходитъ и вытекаетъ изъ себялюбія; и какъ опасно себялюбіе, это мы видимъ и на правителяхъ, и на подданныхъ, на монахахъ, какъ на мірянахъ и на всякаго рода людяхъ“. Описавъ, къ чему ведетъ этотъ рабскій страхъ подданныхъ и правителей, Катарина напоминаетъ, что такого рода страхъ былъ причиною смерти Христа, ибо Пилать предалъ Его, опасаясь потерять свою власть. Міръ теперь, какъ ей кажется, полонъ такихъ Пилатовъ. вмѣсто этого она

¹⁾ Катарина находилась въ Роккѣ съ Раймундомъ и частью своей домашней общины.

желаетъ своимъ синьорамъ истиннаго страха Божія, который побуждаетъ скорѣе избрать смерть, чѣмъ поступить несправедливо по отношенію къ Богу или ближнему. Отвѣчая на письмо синьоровъ, она благодаритъ ихъ за любовь къ согражданамъ, о мирѣ которыхъ они пекутся, и за участіе къ ней, недостойной того, чтобы они требовали ея возвращенія. „Я же, насколько мнѣ поможетъ духъ святой, склоню голову въ повиновеніи вамъ, всегда ставя волю Божію выше воли человѣческой. Поэтому я не вижу, чтобы я могла сейчасъ вернуться къ вамъ въ виду дѣла, которое мнѣ нужно исполнить въ интересахъ монастыря св. Агнесы и для того, чтобы окончить мировую между племянниками миссера Спинелло съ сыновьями Лоренцо, о которой вы уже давно и безуспѣшно ведете переговоры. Поэтому я бы не желала, чтобы она не состоялась вслѣдствіе моего нерадѣнія и отъѣзда... я поспѣшу, однако, возвратиться, какъ только будетъ можно, если Господь будетъ милостивъ. Будьте только, какъ и всѣ прочіе, терпѣливы и не допускайте въ себѣ мыслей, идущихъ отъ лукаваго“.

Все чаще и чаще стали обращаться къ Катаринѣ со своими нуждами не только частныя лица, но и государственные люди и синьоріи итальянскихъ городовъ: все значительнѣе расширялся кругъ ея переписки и все чаще ей самой приходилось ради дѣла мира и блага ближнихъ выѣзжать изъ Сіены. Такъ она получила въ 1375 году приглашеніе пріѣхать въ Пизу, гдѣ многія лица, монахи и міряне, въ особенности же инокини, не имѣвшія возможности пріѣхать къ ней, желали ее видѣть и слышать ея поученія. Чтобы болѣе убѣдительно повліять на нее, ей писали, что ея пріѣздъ будетъ великимъ благомъ для души многихъ людей. И хотя, по выраженію Раймунда, Катарина „всегда избѣгала переездовъ“, она была принуждена уступить столькимъ просьбамъ и прибѣгнуть ко внушенію свыше. Въ силу даннаго ей такимъ образомъ порученія, она и отправилась въ Пизу, гдѣ была принята правителемъ, „тиранномъ“ Гамбаорти, съ большимъ почетомъ и гдѣ она между прочимъ рѣшилась выступить проповѣдницей въ монастырѣ цистерціанцевъ, на островѣ Горгонѣ. Здѣсь въ Пизѣ, бывшей въ то время морскою державой и важнымъ торговымъ и политическимъ центромъ, кругозоръ Катарины расширился. Она имѣла здѣсь болѣе случаевъ, чѣмъ въ отдаленной отъ міровой жизни Сіенѣ, познакомиться съ великими интересами своего вѣка и съ выдающимися дѣятелями. Къ ней, напр., здѣсь обратился захватившій въ Пизу на пути въ Авиньонъ посолъ кипрской королевы, чтобы просить тамъ папу о помощи противъ

гурокъ, и изложилъ ей положеніе дѣла на Востоку. Здѣсь созрѣла религіозно-политическая мысль Катарини и предъ нею выяснились три великія задачи, которыя она надѣялась для блага церкви и міра осуществить посредствомъ папской власти и которыя отнынѣ составляютъ содержаніе ея дальнѣйшей жизни.

VIII.

Такъ, среди религіозныхъ видѣній, подвиговъ милосердія и усилій поддержать миръ между людьми, для Катарини Сіенской, 28-ми лѣтъ, наступилъ моментъ, когда ей пришлось лично выступить на широкое поприще итальянской политики. Италия—эта плачущая красавица среднихъ вѣковъ, которую всѣ преслѣдовали и угнетали своею любовью, переживала въ XIV вѣкѣ одну изъ тяжелыхъ своихъ годинъ. Миновала, правда, эпоха борьбы между имперіей и папствомъ съ ея роковымъ послѣдствіемъ—враждой гибеллиновъ и гвельфовъ; но миръ, однако, въ ней не насталъ: подъ старыми ключами партій развивались новыя враждебныя силы; подъ знаменемъ гибеллинства стали возникать такъ-называемыя *тиранніи*,—новая политическая форма, первообразъ европейскихъ монархій, — принужденныя въ борьбѣ за существованіе жить несмѣннымъ насиліемъ, жестокостью и коварствомъ и развивавшія въ своихъ тѣсныхъ рамкахъ типическіе недостатки свои до чудовищныхъ размѣровъ; съ другой стороны, въ лагерѣ гвельфовъ развились до такихъ же крайнихъ размѣровъ всѣ пороки городскихъ республикъ: непрочность власти и закона, ожесточенная борьба классовъ и интересовъ, необезпеченность собственности и постоянное кровопролитіе на улицахъ города. Къ повсемѣстной внутренней анархіи присоединилось всеобщее соперничество между республиками, тираннами и папствомъ за власть въ Италиі; а послѣдствія этихъ распрей были тѣмъ болѣе тяжки, что война велась не столько собственными силами, сколько съ помощью наемныхъ „бондотьеровъ“, которые во время войны жили наймомъ и добычей, а во время мира пытались грабежомъ тѣхъ, кто ихъ не нанималъ или остался у нихъ въ долгу.

Бѣдствія Италиі еще ухудшились вслѣдствіе ненормальнаго положенія тогдашняго папства. Уже 70 лѣтъ, съ небольшимъ перерывомъ, папы пребывали въ Авиньонѣ, и папство, это архитальянское учрежденіе, перешедши въ руки французовъ, стало представляться итальянцамъ *чуждою* властью. Въ особенности чувствовалось это въ городахъ Церковной Области. Пользуясь

удаленіемъ папъ, эти города—по примѣру Рима, возмечтавшаго подъ руководствомъ новаго трибуна *о старомъ* республиканскомъ величїи — отложились отъ папскаго престола, и французскіе папы были принуждены вновь завоевывать, съ помощью наемныхъ шаекъ, свои итальянскія владѣнія. Испанскій кардиналъ Альборноцъ осуществилъ это дѣло въ половинѣ XIV вѣка самыми крутыми мѣрами; но высылаемые изъ Авиньона кардиналы-легаты и „правители“ городовъ не были въ состояніи примирить покоренныхъ съ новою властью. Эти правители были вдвойнѣ ненавистны, и какъ иноземцы, и по тѣмъ насилїямъ и обидамъ, которыя они себѣ дозволяли или оставляли безнаказанными. Такъ, напр., въ тѣ самые дни, когда возрождавшійся классицизмъ оживилъ традиціи древняго Рима и рѣчи Кола ди-Риенци на Капитолїи снова вызвали въ Италиі тѣни Тарквиніевъ и Брутовъ, — племянникъ папскаго легата, Жерарда дю-Пюи, принудилъ благодарную перуджинку броситься изъ окна своего палаццо, чтобы спастись отъ его насилїя. Глухой и зловѣщій ропотъ шелъ по Италиі; напрасно знаменитый итальянскій патріотъ Петрарка громко взывалъ къ миру: *Io vo gridando pace, pace, pace*. Онъ только-что успѣлъ склонить въ 1374 году усталыя очи свои для вѣчнаго сна надъ раскрытой передъ нимъ книгою, какъ страшная гроза разразилась надъ его дорогимъ отечествомъ. Знакъ къ общему возстанію противъ владычества папъ былъ подавъ старинной союзницей ихъ, главой гвельфской партїи—богатой Флоренціей.

У флорентинцевъ въ это время накопилось не мало поводовъ къ неудовольствію противъ папъ. Во время голоднаго года, 1374, кардиналъ-легатъ Гильомъ Ноэлле, управлявшій Болоньей, воспретилъ вывозъ хлѣба въ Тоскану, а въ слѣдующую весну появилась въ флорентійской области голодная шайка кондотьера Ауквуда (Hawkwood), состоявшая въ наймѣ у этого легата и распущенная имъ по заключенїи перемирія между папою и миланскимъ герцогомъ. Флорентинцы должны были откупиться отъ грабителей 130.000 золотыхъ флориновъ. И за это также бѣдствїе они считали виновною папскую курію. Настоящую же причину злости флорентинцевъ противъ папы нужно искать въ затаенномъ антагонизмѣ между „міромъ и церковью“, въ накопившейся враждѣ мірянъ къ владычеству іерархіи, — въ чувствѣ, которому далъ такое опредѣленное и краснорѣчивое выраженїе современный лѣтописецъ Пьяченцы: „По истинѣ передъ Богомъ и передъ людьми было бы лучше, еслибы эти пастыри совершенно сложили свѣтскую власть, ибо со времени папы

Сильвестра слѣдствіемъ мірскаго владычества были безчисленныя войны и гибель народовъ и городовъ. Эти войны поглотили больше людей, чѣмъ нынѣ живетъ въ Италіи, и онѣ никогда не прекратятся, пока священники будутъ обладать свѣтскими правами. Какъ это случилось, что ни одинъ добрый папа не устранилъ этихъ бѣдствій? По истинѣ нельзя служить одновременно Богу и мамонѣ; нельзя ступить одной ногой на небо, а другой стоять на землѣ! Антиклерикальная политика Флоренціи въ дни Катарини Сиенской имѣла двойной характеръ. Она была направлена, во-первыхъ, противъ папы, какъ свѣтскаго государя въ Италіи. Усиленіе папскаго владычества вслѣдствіе завоеваній Альборноца и крутое управленіе папскихъ легатовъ въ укрѣпленныхъ ими городахъ, съ ихъ многочисленными гарнизонами наемниковъ, заставили Флоренцію тревожиться за свое могущество, даже за свою самостоятельность. Во Флоренціи даже вѣрили слухамъ, что легаты присылали туда „великихъ мастеровъ фортификаціи“, чтобы высмотрѣть, гдѣ построить крѣпость, которая бы командовала надъ городомъ. Опасаясь папы, Флоренція, глава гвельфовъ въ Италіи, вступила въ союзъ съ главою гибеллиновъ, съ отъявленнымъ врагомъ папъ, миланскимъ тиранномъ Бернабо. Но вражда къ папѣ имѣла во Флоренціи еще другую, внутреннюю подкладку. По мѣрѣ того какъ стали развиваться въ средніе вѣка государственныя учрежденія, свѣтская власть стала относиться враждебно къ имущественнымъ и юридическимъ льготамъ церкви и духовенства. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ въ XIV вѣкѣ вездѣ одно и то же настроеніе—въ республикахъ и монархіяхъ, въ городскихъ общинахъ и въ королевствахъ. Черезъ всѣ страны Европы проходитъ движеніе, направленное къ тому, чтобы подвергнуть церковныя земли государственнымъ налогамъ и поставить духовенство въ зависимость отъ мѣстной власти. Пользуясь разрывомъ съ папою, флорентійская синьорія устанавливаетъ у себя тѣ же порядки, которые незадолго передъ тѣмъ были введены въ Англіи цѣлымъ рядомъ статутовъ при дружномъ взаимодействіи короля и парламента. Никто не долженъ былъ занимать духовныхъ должностей и бенефицій въ предѣлахъ республики, въ силу папскаго бреве, безъ разрѣшенія синьоріи, а священники, не признававшіе надъ собою власти свѣтскаго суда, лишались покровительства закона и беззащитно подлежали расправѣ всѣхъ и каждаго. Флорентійское правительство стало круто обращаться съ духовенствомъ; когда была заключена упомянутая выше сдѣлка съ Ауквудомъ объ уплатѣ ему 130.000 флориновъ, синьорія тотчасъ возложила половину этой суммы—65.000 фл.—на духо-

венство. А какое раздраженіе противъ духовныхъ лицъ господствовало въ народѣ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. Монахъ, по имени Николай, и нотариусъ серъ Пьеро де-Кането были заподозрѣны въ томъ, что они намѣревались впустить полчища Ауввуда въ городокъ Прато. Ихъ осудили во Флоренціи къ жестокой казни. По дорогѣ къ мѣсту казни палачи должны были раскаленными щипцами выдергивать изъ тѣла ихъ куски мяса, а затѣмъ закопать ихъ въ землю головою внизъ, такъ чтобы ноги торчали изъ земли, и мечомъ отрубить имъ ноги. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе надъ обоими, и народъ былъ такъ озлобленъ противъ духовенства, что принималъ и нотариуса за духовное лицо. Это настроеніе выразилось и въ томъ, что темница иневизиціи была насильно раскрыта и разрушена, и самое учрежденіе упразднено.

Раздраженіе противъ духовенства находило себѣ, кромѣ того, пищу въ непрекращавшемся соперничествѣ политическихъ партій. Какъ въ XIII вѣкѣ городъ былъ раздѣленъ на-двое усобицей между гвельфами и гибеллинами, такъ теперь во Флоренціи боролись на жизнь и на смерть двѣ партіи, во главѣ которыхъ стояли фамиліи Альбицци и Риччи. Господствовавшіе въ 70-хъ годахъ Альбицци опирались на знать и дружили съ папою и церковью; этого было достаточно для того, чтобы ихъ соперники Риччи искали опоры въ народѣ и разжигали его страсти противъ духовенства. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ склонны даже самую войну флорентинцевъ противъ Григорія XI объяснить внутреннею борьбою партій во Флоренціи ¹⁾. Это можетъ такъ казаться, если не принимать во вниманіе болѣе общихъ и глубокихъ причинъ войны, причинъ, заставившихъ даже господствующую въ то время партію уступить всеобщему порыву вражды противъ іерархіи; но самое это обстоятельство показываетъ, какъ силенъ былъ этотъ порывъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ Флоренція стала готовиться къ войнѣ и избрала для веденія ея особый комитетъ изъ восьми лицъ съ обширными полномочіями, въ особенности относительно пользованія церковными имуществами. Эта восьмиглавая диктатура, которую народъ иронически прозвалъ „восьмью святыми“, заключила за ежегодную плату въ 1.200.000 флориновъ перемиріе съ папскимъ кондотьеромъ и стала разсылать по всѣмъ городамъ Тосканы и Церковной Области красныя знамена съ вытканымъ на нихъ серебряными

¹⁾ Gherardi, напечатанный въ Arch. Stor., seria III, t. V и слѣд., интересныя документы по исторіи войны Флоренціи съ папами; ему слѣдуетъ и Ferrgens въ своей Hist. de Florence, V, стр. 105.

буквами словомъ: libertà. Изъ папскихъ городовъ первая прикнула къ возстанію Перуджія. Городъ обагрился кровью священниковъ; кардиналъ-легатъ былъ осажденъ въ своемъ замкѣ и принужденъ капитулировать. Одинъ за другимъ города средней Италіи стали водружать у себя флорентійское знамя; вскорѣ 80 городовъ присоединились къ Флоренціи, а на сѣверѣ и югѣ Италіи съ нею вступили въ союзъ Бернабо Миланскій и Джіованна Неаполитанская. Къ величайшему огорченію Катарини, даже ея родной городъ, находившійся въ давнемъ соперничествѣ съ Флоренціей, теперь примкнулъ къ анти-папской лигѣ.

Не пренебрегая, конечно, свѣтскимъ оружіемъ, папа въ эту критическую минуту прибѣгнулъ къ старому обычаю—къ мечу духовному: несмотря на краснорѣчивый протестъ флорентинскаго посла въ Авиньонѣ, павшаго ницъ передъ Распятіемъ и аппелировавшаго отъ „несправедливаго приговора намѣстника Божія“ къ самому Господу на страшномъ судѣ, Григорій XI, по настоянію большинства французскихъ кардиналовъ, наложилъ на Флоренцію интердиктъ и предалъ всѣхъ участниковъ „заговора“ церковному проклятію.

При такихъ-то обстоятельствахъ Катарина приняла на себя трудное дѣло смягченія страстей и примиренія флорентинской республики съ папствомъ. Съ этой цѣлью Катарина обращалась письменно къ флорентинской синьоріи и къ вліятельному флорентинцу Содерини, ей лично знакомому. Въ этихъ письмахъ слѣдуетъ главнымъ образомъ отмѣтить мысль, которая представляетъ собою основную идею и силу католицизма: возстаніе противъ церкви и неповиновеніе намѣстнику Христову есть отреченіе отъ Христа и отъ крови Его, искупившей человѣчество. При глубокомъ убѣжденіи Катарини, что внѣ церкви нѣтъ спасенія и что неповорность духовенству и папѣ тождественна отпаденію отъ церкви, никакія справедливыя жалобы, никакія обличенія не могли поколебать ея преданности римскому престолу. „Я пламенно желаю, — пишетъ Катарина флорентинской синьоріи (№ 207), — видѣть васъ истинными сыновьями, а не мятежниками противъ отца вашего; не нарушителями завѣта мира, а исполнителями его, связанными узами горячей любви. Вы хорошо знаете, что Христосъ оставилъ на землѣ намѣстника своего и оставилъ для спасенія душъ нашихъ, ибо ни въ чемъ иномъ не можемъ мы найти спасенія, какъ въ мистическомъ тѣлѣ св. церкви, глава которой—Христосъ; мы же—ея члены. И кто будетъ непослушенъ Христу на землѣ (папѣ), который занимаетъ мѣсто Христа небеснаго, тотъ не будетъ имѣть доступа къ крови, пролитой Сыномъ Божиимъ“.

„Итакъ, вы видите, дорогія дѣти мои, что тотъ, кто возстаетъ противъ св. церкви, какъ загнувшійся членъ ея, и противъ отца нашего Христа на землѣ, тотъ впалъ въ оковы смерти; ибо все, что мы оказываемъ ему, то оказываемъ небесному Христу, будь то почеть или оскорбленіе“... „Мало поможетъ такому сила человѣческая, если сила божественная не за него. Увы, напрасно утруждается тотъ, кто стережетъ городъ, если Господь его не хранить. Если же Господь въ войнѣ съ вами за обиду, вами нанесенную отцу нашему и намѣстнику своему, то вы, потерявъ Его покровительство, лишились вашего могущества. Правда, много такихъ, которые не думаютъ этимъ оскорблять Господа, но еще полагаютъ принести Ему угодную жертву, преслѣдуя церковь и пастырей ея и говоря въ свое оправданіе: „они дурные люди и дѣлаютъ всякаго рода зло“. А я вамъ говорю, что Господь желаетъ и повелѣлъ такъ, что хотя бы пастыри церкви и земной Христосъ были воплощенные дьяволы, то имъ нужно подчиняться не ради нихъ, но изъ повиновенія Господу и Его намѣстнику. Вы знаете, что сынъ никогда не бываетъ правъ противъ отца, хотя бы дурного, и переноситъ обиды отъ него по его произволу; ибо такъ велико благодѣяніе жизни, которымъ онъ обязанъ отцу, что ничѣмъ онъ не можетъ отплатить свой долгъ. Подумайте же: благодѣяніе благодати, которую мы получаемъ отъ церкви, такъ велико, что никакой почеть и никакое дѣяніе съ нашей стороны не могутъ быть достаточны для возмѣщенія этого долга“... Но если сынъ обязанъ безусловно повиноваться и дурному отцу, то это, по мысли Катарини, нисколько не избавляетъ отца отъ его обязанностей по отношенію къ сыну, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ему оправданіемъ. Поэтому Катарина, во время распри между итальянскими городами и папою, обращается въ то же время въ своихъ письмахъ къ послѣднему и смиренно, но весьма твердо и ясно указываетъ ему путь, по которому онъ долженъ идти. Письма Катарини къ папѣ имѣютъ даже еще болѣе историческаго значенія, чѣмъ ея письма къ свѣтскимъ властямъ. Въ послѣднихъ она выражала общепризнанный средневѣковой принципъ повиновенія церкви и папству; въ обращеніи же къ папѣ она становится выше традиціоннаго принципа—она развертываетъ предъ папою идеаль, который были въ состояніи постигнуть только немногіе изъ его предшественниковъ, идеаль, который могъ бы вдохнуть новую силу и въ современный ей католицизмъ, еслибы его высшіе представители были въ состояніи отрѣшиться отъ житейскихъ и личныхъ интересовъ. Въ своихъ письмахъ къ Григорію XI-му Катарина даетъ папѣ два наставленія:

во-первыхъ, чтобы онъ, подобно Христу, не прибѣгалъ къ насилію противъ своихъ противниковъ, а любовью и „доброю побѣждалъ злобу ихъ“. Вѣдь мы ваши дѣти, отецъ мой, — прибавляетъ она. Кромѣ любви она не знаетъ для папы другого средства, чтобы вернуть его паству. Катарина оправдываетъ возставшихъ въ виду многихъ обидъ и несправедливостей, которыя они терпѣли отъ плохихъ пастырей и правителей. Отъ смрада, исходившаго отъ этихъ воплощенныхъ демоновъ, они впали въ такой страхъ, что поступили подобно Пилату: какъ Пилатъ, чтобы не потерять власть, казнилъ Христа, такъ они, чтобы не погубить государство, воздвигли гоненіе на папу. „Такъ милосердія вашего, — продолжаетъ Катарина, — отецъ мой, испрашиваю у васъ для нихъ. Не взирайте на невѣжество и высокоуміе вашихъ сыновъ, но приманкою любви вашей и доброты возвратите миръ несчастнымъ сынамъ вашимъ, васъ оскорбившимъ“. Именемъ Христа Катарина завѣряетъ папу, что если онъ такъ поступитъ, „безъ гнѣва и бури“, они всѣ со скорбью увидятъ свою неправду и склонятъ голову на его лоно. „Такъ вы возрадуетесь, и мы будемъ радоваться, ибо любовью вы вернете заблудшихъ овецъ въ убѣжище св. церкви“. Другое наставленіе папѣ заключалось въ томъ, чтобы заботу о свѣтской власти онъ приносилъ въ жертву нуждамъ духовнымъ и заботамъ о душахъ. Катарина была далека отъ крайняго спиритуализма тѣхъ францисканцевъ, которые требовали отъ іерархіи полного отреченія отъ свѣтской власти, чтобы исключительно жить своимъ духовнымъ призваніемъ. Съ своимъ яснымъ практическимъ смысломъ Катарина хорошо понимала значеніе свѣтскихъ владѣній для папъ XIV вѣка, и въ своемъ сочиненіи, „Диалогъ“, озаглавленномъ такъ потому, что оно вложено въ формѣ бесѣды съ Богомъ, Катарина облекла свой взглядъ въ слѣдующее откровеніе: „Величіемъ, — сказалъ ей Господь, — которое Я далъ моему Христу на землѣ, Я извлекъ его изъ рабства, т.-е. изъ-подъ зависимости отъ свѣтскихъ государей“¹⁾. Но въ письмахъ къ папѣ она не касается этой стороны дѣла; здѣсь она считаетъ долгомъ внушить римскому епископу равнодушіе къ свѣтской власти и готовность жертвовать ею для духовнаго блага. Убѣждая папу, что тотъ, кто жаждетъ спасти души изъ рукъ дьявола, оставляетъ за нихъ даже жизнь свою, а не только имущество, и, предвидя возраженія, она продолжаетъ: „Пожалуй, однако, отецъ святой, вы можете сказать: „По совѣсти своей я обязанъ сохранять и возвращать имущество св.

¹⁾ Прив. у Hase, Cath. von Siena, стр. 117.

церкви!“ Увы, я охотно признаю, что это правда, но, мнѣ кажется, то, что дороже, должно лучше охранять. А сокровище церкви—это кровь Христа, цѣною которой искуплены души, это сокровище дано не на приобрѣтеніе свѣтскаго владычества, а на спасеніе рода человѣческаго. Итакъ, положимъ, что вы обязаны завоевывать и охранять власть надъ городомъ, который церковь утратила; но многократно больше вы обязаны снова завоевать столько душъ, составляющихъ сокровище церкви; и слишкомъ бы она обдѣнѣла, еслибы утратила ихъ“...

„Раскройте, раскройте око души вашей и вы узрите предъ вами два бѣдствія; одно изъ нихъ — это величіе, власть и свѣтское владычество, которое, какъ вамъ думается, вы должны завоевать; другое бѣдствіе—это видѣть гибель благодати въ душахъ и повиновенія, которымъ мы обязаны вашему святѣйшеству. Итакъ, святой отецъ, находясь между двухъ столь великихъ золъ, вы должны избрать меньшее; избравши меньшее, чтобы избавиться отъ большихъ, вы уйдете отъ обоихъ, и оба обратятся въ блага—вы подчините снова себѣ сыновъ вашихъ и исполните долгъ вашъ“ (№ 209).

Напоминая папѣ объ его истинномъ призваніи, Катарина кратко и мѣтко формулировала это призваніе еще разъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ: „оставьте и чуждайтесь заботы о свѣтскихъ интересахъ и устремитесь къ духовнымъ“ (№ 267).

Такъ пробуждала Катарина своими письмами религиозную совесть владыки католическаго міра и предрасполагала его къ кротости и примиренію. Но ей скоро пришлось постоять за дорогое ей дѣло своимъ личнымъ вліяніемъ и краснорѣчіемъ.

Папство такъ часто злоупотребляло своимъ духовнымъ мечомъ, что онъ значительно притупился, и обложенные интердиктомъ города и народы, озлобленные церковной пеней, нерѣдко съ большимъ упорствомъ выносили прекращеніе религиозныхъ обрядовъ и таинствъ. Но въ средніе вѣка церковь была такъ тѣсно сплетена со всѣми проявленіями народной жизни, что отъ интердикта не могли не страдать также и политическіе, и общественные интересы. Особенно чувствителенъ сталъ интердиктъ для флорентинцевъ вслѣдствіе ихъ богатствъ и обширныхъ торговыхъ связей, такъ какъ римская курія—съ большимъ макиавелизмомъ—направила свой ударъ на самое больное мѣсто республики. Какъ бы сознавая немоцъ своего духовнаго оружія, папа вздумалъ совершенно разорить благосостояніе своихъ противниковъ, и ничто не даетъ такого понятія о матеріализаціи римской церкви въ концѣ среднихъ вѣковъ, какъ тяжесть папской буллы объ интердиктѣ

надъ Флоренціей. Въ этой буллѣ было сказано, что такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы заговорщики преклонились передъ церковнымъ наказаніемъ, то они должны подпасть всей тягости свѣтской кары, и потому всѣмъ и каждому воспрещается вести съ ними торговлю и имѣть какое-либо общеніе; вся недвижимая собственность флорентинцевъ, гдѣ бы она ни находилась, становится достояніемъ папской казны, *вся движимость ихъ предоставляется кредиторамъ*, а сами флорентинцы могутъ быть ограблены и обращены въ рабство (*pani servi*) всякимъ, кто ихъ захватитъ. Нужно помнить, что Флоренція не только вела обширные торговые обороты во всѣхъ областяхъ около Средиземнаго моря и къ сѣверу отъ него, но представляла денежный рынокъ для тогдашней Европы. Флорентинскіе капиталисты совершали денежные переводы изъ одной страны въ другую и снабжали ссудами торговыхъ людей и государей Европы. Такимъ образомъ, большая часть флорентинскаго богатства находилась въ чужихъ рукахъ и была предоставлена всѣмъ случайностямъ дурныхъ людскихъ страстей, — а теперь къ тому же жадности и недобросовѣстности кредиторовъ, уполномоченныхъ на грабежъ папскимъ указомъ. Послѣдствія скоро обнаружались: отовсюду стали приходить во Флоренцію жалобы разоренныхъ гражданъ, въ самомъ городѣ начались банкротства, торговля прервалась, а вслѣдствіе этого приостановилась работа, и бѣдствіе, поразившее главнымъ образомъ богатыхъ, стало ощутительно для массы флорентинскаго народа. Приверженцы войны во Флоренціи, захватившіе правительственную власть посредствомъ коллегіи *восьми*, призадумались и стали прискивать средства къ смягченію удара, постигшаго республику. Въ своемъ затрудненіи они воспользовались совѣтомъ обратиться къ Катаринѣ, „святость которой была извѣстна въ Авиньонѣ“, чтобы черезъ нее повліять на папу. Съ этой цѣлью флорентинская синьорія, отправивъ впередъ въ Авиньонъ Раймунда, духовника Катарины, пригласила во Флоренцію и саму Катарину, чтобы упросить и принять на себя посольство къ папѣ. Къ ней торжественно выѣхали на встрѣчу флорентинскіе пріоры и стали убѣждать ее отправиться въ Авиньонъ въ качествѣ посредницы между республикой и папствомъ. Катаринѣ было тогда 29 лѣтъ; тѣло ея было совершенно надломлено ея извѣстнымъ намъ образомъ жизни, но душевныя силы ея достигли высшаго напряженія. „Полная любви къ Богу и ближнему и радья о благѣ церкви“, она съ радостью приняла щекотливое порученіе и пустилась въ далекій и трудный путь. Въ то время еще вовсе не существовало дороги между Италіей и Франціей вдоль горъ-

стаго берега Средиземнаго моря (знаменитая теперь красотой своихъ видовъ дорога по берегу Ривьеры была проложена только въ началѣ нашего вѣка), и Катарина должна была отправиться съ своей духовной семьей; изъ 20 приблизительно лицъ; изъ Генуи моремъ на плохомъ кораблѣ, вездѣ дожидаясь попутнаго вѣтра. Наконецъ, 18-го іюня 1376 г. она прибыла въ тогдашній центръ католическаго міра, въ Авиньонъ, гдѣ на высокой скалѣ, у берега Роны, красовался папскій дворецъ.

Катарина Сиенская въ Авиньонѣ! Какой контрастъ въ этихъ именахъ! Религіозная энтузіастка—среди двора; для котораго религія давно обратилась въ политическое средство; идеалистка—среди людей, руководившихся въ жизни только самыми матеріальными побужденіями, проповѣдница цѣломудрія, самоотреченія и мира—среди роскоши, разврата и алчныхъ страстей! Тогдашній папа Григорій XI. принялъ ее благосклонно. Это была молодой еще человекъ изъ французскаго знаменитаго рода (Du Rogier), хорошо воспитанный, достаточно ученый въ каноническомъ правѣ и богословіи, но слабый здоровьемъ и робкій характеромъ. Одаренный тонкой натурой и благонамѣренный, онъ былъ въ состояніи оцѣнить значеніе Катарини и подпалъ подъ ея влияніе.

Но тѣмъ недовѣрчивѣе и враждебнѣе отнесся къ Катаринѣ папскій дворъ. Появленіе въ куріи съ политической миссіей незначительной и неученой дѣвушки, посвятившей себя монастырскому заключенію, было уже само по себѣ необычайнымъ событіемъ. Молва о чудесныхъ исцѣленіяхъ и другихъ чудесахъ Катарини уже распространилась по Італіи и достигла Авиньона; ея сверхъестественный постъ и ея экстатическое состояніе возбуждали во многихъ суевѣрный страхъ, а ея религіозныя видѣнія и небесныя бесѣды, принимаемыя ея приверженцами за откровенія, побуждали задуматься всѣхъ, чей образъ жизни и темныя цѣли были въ противорѣчій съ пламенной проповѣдью невинности Христовой.

Въ особенности женщины досаждали Катаринѣ своимъ любопытствомъ и своими интригами; съ этой стороны быстрѣе всего обнаружались взаимныя антипатіи. Мы уже упомянули о томъ, какъ интересовалась Катариной сестра папы и какому жестокому искусу подвергло ее недоброжелательство папской племянницы. Но авиньонскія дамы не довольствовались наблюденіями надъ экстазами Катарини: онѣ посѣщали ее и осыпали всевозможными разспросами. Какія по этому поводу происходили странныя встрѣчи и любопытныя сцены, мы можемъ судить по слѣдующему факту, случайно описанному Раймундомъ, находившимся при Катаринѣ въ Авиньонѣ:

Катарина обладала, по свидетельству Раймунда, необыкновенным пониманием людей и способностью быстрой и вѣрной оценки ихъ. Сама она это приписывала особенной благодати, которой она удостоилась послѣ того, какъ вымолила спасеніе души Пальмерины, осужденной за ея злобу на мученія ада, и увидѣла ее душу, очищенную отъ всякаго грѣха. Рассказавъ объ этомъ видѣніи духовнику, Катарина прибавила: „о, если бы вы когда-либо могли узрѣть, отецъ мой, красоту разумной души, вы, я не сомнѣваюсь, готовы были бы подвергнуть себя сто разъ земной смерти—если бы это было возможно—для спасенія хотя бы единой души; ибо нѣтъ ничего на этомъ земномъ свѣтѣ, что могло бы выдержать сравненіе съ душевной красотой“.

Но наслаждаясь въ такой степени духовной гармоніей чистой и благородной души, Катарина съ другой стороны была чрезвычайно чувствительна къ сопрякосновенію съ порочными и злобными натурами. Раймундъ рассказываетъ, что не разъ ему и другимъ лицамъ, сопутствовавшимъ Катаринѣ во время поѣздки въ Авиньонъ, приходилось изумляться ея пронизательности, когда они прѣзжали въ мѣста, гдѣ никогда прежде не бывали, и принимали посѣщенія ей совершенно незнакомыхъ людей. Между ними нерѣдко бывали лица съ очень почтенною вѣшностью и на видъ порядочныхъ нравовъ, съ которыми Катарина не хотѣла говорить и отъ которыхъ отворачивала лицо. Когда же они настаивали на разговорѣ съ нею, она довольно громко восклицала: „намъ слѣдовало бы сначала исправлять пороки наши, а потомъ уже вести рѣчь о Богѣ“. Въ подобныхъ случаяхъ, по справкѣ ея приближенныхъ, всегда оказывалось, что она была права въ своемъ чувствѣ. Какъ образчикъ этого чувства Раймундъ и описываетъ, какъ однажды Катарину въ Авиньонѣ посѣтила важная и приличная по вѣшности дама, отъ которой во время разговора Катарина такъ уклонилась, что та никакъ не могла взглянуть ей въ лицо. Послѣ посѣщенія, Катарина сказала духовнику, что если бы онъ чувствовалъ запахъ, который она ощущала во время разговора, то его бы стошнило. По справкѣ Раймундъ узналъ, что эта дама была въ близкихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ важныхъ авиньонскихъ предатовъ.

Катарина нисколько не скрывала вынесенныхъ ею изъ жизни авиньонскаго двора впечатлѣній. На одной изъ первыхъ своихъ аудіенцій у папы, она жаловалась ему, что въ папской куріи, которая должна была бы быть раемъ небесныхъ добродѣтелей, она „обрѣла зловоніе адскихъ пороковъ“. Григорій XI, не говорившій по-итальянски, обратился къ служившему переводчикомъ,

Раймунду съ вопросомъ: давно ли они прибыли въ Авиньонъ, и узнавши, что всего нѣсколько дней, спросилъ Катарину: какъ это она могла въ нѣсколько дней извѣдать нравы папской куріи? Тогда Катарина, смиренно стоявшая съ наклоненнымъ тѣломъ, высоко выпрямилась и съ величіемъ, которое выразилось во всей внѣшней осанкѣ, воскликнула: „Къ славѣ всевышняго Господа я дерзаю сказать, что я сильнѣе ощущала въ моемъ родномъ городѣ сирадѣ творящихся въ римской куріи преступленій, чѣмъ тѣ, кто творилъ ихъ или ежедневно творить“. Доминиканецъ обомлѣлъ при этихъ смѣлыхъ словахъ, а папа замолкъ. По этой сценѣ можно судить, какъ обострился антагонизмъ между Катариной Сиенской и авиньонскимъ дворомъ; не однѣ только женщины стали строить ей ловушки; опаснѣе еще были для Катарины козни книжниковъ и высокихъ сановниковъ римской куріи. Другому спутнику Катарины, Стефану Маккони, мы обязаны, какъ очевидцу, описаніемъ слѣдующаго характернаго факта. Три „важныхъ прелата“, замисливъ недоброе противъ Катарины, пришли къ папѣ и стали говорить о ней: „Правда ли, отецъ святой, что эта Катарина изъ Сиены такой святости, какъ говорятъ?“—„Мы полагаемъ,—отвѣтилъ папа,—что она на самомъ дѣлѣ святая дѣвушка“. А они на это: „Мы посѣтимъ ее, съ соизволенія вашего святѣйшества“.—„Мы думаемъ,—кротко замѣтилъ папа,—что вы останетесь довольны назиданіемъ ея бесѣды“.

Въ теплый лѣтній день около вечерни явились прелаты къ дому Катарины. На стукъ ихъ прибѣжалъ Стефанъ и, по ихъ требованію, доложилъ о нихъ Катаринѣ, которая сошла къ нимъ внизъ въ сопровожденіи духовника Іоанна и другихъ. Усѣвшись около нея, они стали возбуждать ее язвительными рѣчами, сказавъ между прочимъ: „Мы пришли по порученію господина нашего папы и хотимъ знать, послали ли тебя флорентинцы, какъ гласить молва; если это такъ, то развѣ у нихъ нѣтъ достойнаго мужа, котораго они могли бы послать въ такомъ важномъ дѣлѣ къ такому великому государю? Если же не они тебя послали, то намъ очень удивительно, что ты, совсѣмъ простая бабѣнка (vilis muliercula), берешься говорить о такомъ предметѣ съ господиномъ нашимъ папой“. Но Катарина оставалась невозмутимой, „какъ статуя“, и отвѣчала имъ такъ смиренно и дѣльно, что они пришли въ изумленіе. Затѣмъ они перенесли разговоръ на болѣе опасную для нея почву и стали спрашивать ее о ея странномъ образѣ жизни и объ ея экстазахъ; напомнивъ слова апостола о томъ, что сатана можетъ преобразиться въ ангела свѣта, они спросили, почему она увѣрена, что ея видѣнія не

оболщенье дьявола? И такъ много они ее допрашивали, что ихъ бесѣда продолжалась до самой ночи. Нѣсколько разъ магистръ Юаннъ, вмѣшиваясь въ „диспутъ“, пытался за нее отвѣчать, но хотя онъ и былъ магистромъ богословія, собесѣдники Катарини были такъ сильны въ наукѣ, что сбивали его немногими словами: „вамъ бы слѣдовало краснѣть, говоря при насъ такія вещи, — замѣчали они ему, — дайте же ей отвѣчать, она гораздо лучше удовлетворить насъ, чѣмъ вы“.

Изъ посѣтителей одинъ въ особенности былъ неотвязчивъ; это былъ архіепископъ изъ миноритовъ, которые въ возрастающей славѣ доминиканской подвижницы усматривали умаленье чести своего Франциска. „Съ фарисейскимъ взоромъ“ этотъ францисканецъ дѣлалъ видъ, что не всегда понимаетъ слова Катарини. Наконецъ, оба его товарища ополчились на него самого: „чего вамъ еще нужно отъ этой дѣвушки? она яснѣе и лучше объяснила свое дѣло, чѣмъ кто-либо изъ докторовъ, которыхъ мы знаемъ“. Такъ между ними начался раздоръ. Наконецъ, они ушли и доложили папѣ, что никогда не встрѣчали такой скромной и просвѣтленной души. Папа же, узнавъ, какъ они ее пытали, былъ очень недоволенъ и потомъ оправдывался передъ Катаринию въ томъ, что все это произошло не по его желанію: „если они въ другой разъ къ тебѣ придутъ, — сказалъ онъ ей, — то вели захлопнуть передъ ними дверь“.

А на слѣдующій послѣ этого посѣщенія день, магистръ Францискъ изъ Сіены, бывший лейбъ-медикомъ папы, сказалъ своему земляку Стефану: „знаешь ли ты прелатовъ, которые вчера къ вамъ приходили? Такъ знай же, если ученость этихъ трехъ положить на одну чашу вѣсовъ, а на другую ученость всей римской куріи, то первая сильно перетянетъ; и я могу тебѣ сказать, если бы эти трое не убѣдились, что у этой Катарини прочное основаніе, то не пришлось бы ей совершать худшаго путешествія, чѣмъ сюда къ намъ въ Авиньонъ!“

Среди этой затруднительной обстановки пришлось Катаринѣ исполнять возложенное на нее порученіе — установить миръ между папой и возставшими городами. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда она была принята Григоріемъ XI въ торжественномъ засѣданіи папской консисторіи, и предъ этимъ сонмомъ аристократическихъ кардиналовъ и ученыхъ богослововъ неученая, но вѣрующая въ святость своего дѣла дѣвушка держала на родномъ языкѣ убѣжденную рѣчь, которую ея духовникъ тутъ же перевелъ по-латыни для вразумленія папы и его французскихъ кардиналовъ. Если бы какой-нибудь живописецъ былъ въ состояніи передать въ нагляд-

ныхъ образахъ весь контрастъ между внѣшнимъ олицетвореніемъ римской церкви въ ея блескѣ, богатствѣ и властномъ величіи на землѣ — и этой дѣвушкой, съ блѣднымъ лицомъ, изнуреннымъ тѣломъ и болѣющимъ сердцемъ, воплощавшей въ себѣ идею, создавшую эту церковь съ ея пышной іерархіей слѣдованія Христу и Его завѣту любви, мы имѣли бы передъ собою самую поражающую своимъ глубокимъ смысломъ историческую картину.

Папа Григорій XI, тронутый горячими и внушительными словами дѣвушки, благосклонно отвѣтилъ ей: „Для того, чтобы ты убѣдилась, что я желаю мира, я вполне предоставляю его твоему усмотрѣнію, поручая тебѣ только соблюдать честь церкви“.

Однако, дѣло примиренія пошло не такъ быстро, какъ въ виду этого могла ожидать Катарина, и ей пришлось имѣть еще много хлопотъ и неприятностей по этому поводу. Руководители флорентинской политики дѣйствовали неискренно; увѣряя народъ, что они ищутъ мира, они на самомъ дѣлѣ его тормозили. Они наложили такую тяжелую подать на духовенство, и, пользуясь обстоятельствами, въ такой мѣрѣ подчинили свѣтской власти, что біографъ Катарини приписываетъ имъ „съ ихъ собственнаго признанія“ намѣреніе довести церковь до полной бѣдности и лишить ее всякой власти, для того, чтобы она потомъ не могла привлечь ихъ къ отвѣтственности. Напрасно писала имъ по этому поводу Катарина, предостерегала ихъ отъ грѣха и убѣждала не раздражать папу, съ которымъ они хотятъ примириться. Кромѣ того, поручая Катаринѣ ея миссію, они обѣщали ей отправить вслѣдъ за нею пословъ, или, какъ тогда ихъ называли, „ораторовъ“, съ предписаніемъ ничего не предпринимать и не заключать въ Авиньонѣ безъ ея указаній. Но послы эти такъ долго не являлись, что папа, при встрѣчѣ съ Катариной, говорилъ ей: „повѣрь мнѣ, Катарина, они обманули меня и обманутъ тебя“. Такъ и случилось: когда, наконецъ, послы прибыли, и Катарина изложила имъ положеніе дѣла, они объявили, что не имѣютъ полномочія руководиться ея указаніями. Жалуясь на это въ письмѣ къ одному изъ флорентинцевъ, Катарина заявляла, что тѣмъ не менѣе будетъ съ своей стороны дѣлать все возможное для установленія мира.

В. ГЕРЬЕ.

КОНЕЦЪ ДНЕВНИКА

27-го марта. — Теперь безъ десяти два. Черезъ десять минутъ я возьму револьверъ, — онъ осмотрѣнъ и лежитъ рядомъ, на столѣ, — отойду къ дивану и пущу себѣ пулю въ лобъ. Прощай, Сережа! — *Конецъ.*

Коротко и ясно, даже „конецъ“ поставилъ! А написано это ровно часъ тому назадъ, и я продолжаю сидѣть передъ тетрадью и думаю, думаю... Я заносилъ въ этотъ дневникъ выдающіяся событія своей жизни — было бы несправедливо не отмѣтить въ немъ и этого, послѣдняго факта. И я отмѣтилъ.

Но потомъ мнѣ пришла въ голову мысль, — теперь я удивляюсь, какъ она не пришла мнѣ раньше, — мысль, заставившая меня солгать на этихъ страницахъ въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ. Вотъ эта мысль. Дневникъ свой я веду уже много лѣтъ; теперь, умирая, я оставляю его сестрѣ; отъ нея получить его Сережа, когда выростетъ. Мнѣ кажется, что замѣтки каждаго человѣка, разъ онѣ правдивы, должны представлять известный интересъ, особенно для сына. Но, въ такомъ случаѣ, не является ли мой „конецъ“ недостаточнымъ. Коротко и ясно! сказалъ я. Но ясно ли? Ясно, какъ фактъ, конечно; ну, а причины? Вѣдь даже въ „Дневникѣ происшествій“ пишутъ: о причинахъ, побудившихъ его къ самоубійству, производится дознание“. Не рассказать ли и мнѣ все? Какъ! опять копаться въ этой грязи, опять краснѣть за себя и другихъ, опять мучительно перебирать все то, отъ чего сердце ноетъ и обливается кровью?! И это послѣ того, какъ былъ уже готовъ со всѣмъ этимъ покончить навсегда! Ну, что-жъ? Я столько выстрадалъ за это время, что нѣсколько дней лишнихъ, право, немного значать. Впереди, все равно,

смерть, забвеніе, а это главное, это успокоиваетъ. Съ той минуты, какъ я понялъ, что этимъ кончу, мнѣ стало гораздо легче.

Нѣтъ, положительно, чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ эта мысль представляется мнѣ привлекательнѣе. Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ дойдетъ до Сережи моя исторія. Положимъ, сестра знаетъ все, знаетъ такъ, какъ было въ дѣйствительности; но успѣетъ ли отъ нея узнать Сережа? Да и разница, все-таки, будетъ большая. А если не успѣетъ, и онъ узнаетъ отъ другихъ? Воображаю, что они ему расскажутъ! Вѣдь для другихъ во всемъ томъ, что случилось, виноватъ я; иные, какъ напримѣръ Софья Михайловна, прямо называютъ меня злодѣемъ, извергомъ. И пусть, мнѣ все равно. Ни горечи, ни злобы не возбуждаютъ во мнѣ ихъ отзвѣвы. Мнѣ все равно, но только не относительно Сережи. Я не хочу, чтобы онъ нехорошо думалъ о своемъ отцѣ. Я не буду себя оправдывать, не стану обвинять Катю, я расскажу все такъ, какъ было. Мнѣ кажется, этого будетъ достаточно, чтобы Сережа не назвалъ меня „извергомъ“. Мнѣ кажется, — стало быть, я не увѣренъ? Пожалуй, что и такъ. За послѣднее время въ моей бѣдной головѣ все до того перепуталось, что иногда мнѣ серьезно начинаетъ казаться, будто я, на самомъ дѣлѣ, виноватъ, а Катя и другіе — правы.

Вотъ также и это: ужъ очень мнѣ хочется, хоть немного, разобраться, понять... Странно! Человѣкъ рѣшилъ умереть — ну, какіе тутъ, подумаешь, разборъ! Очень нужно! Можетъ быть и не нужно, можетъ быть и странно... но мало ли въ жизни странностей! Вотъ, мнѣ кажется, что кругомъ меня все какъ-то странно: то, что случилось — странно; то, что я испытываю — странно; все, все — странно. И, тѣмъ не менѣе, все это факты, все это было и есть.

Да, разобраться хочется. Удастся ли? Не знаю, не легко это. Мало ли я объ этомъ думалъ, хотя, правда, какія же то были думы... Скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ. Такъ, какіе-то обрывки мыслей... Только-что ухватишься за одну, другая отгоняетъ первую; а тамъ третья, четвертая... Сумбуръ какой-то! Да и ложь незамѣтна. А сколько ея, умственной-то лжи; невольной, положимъ, но вѣдь это все равно: путаетъ, мѣшаетъ она одинаково. А на бумагѣ легче: мысли можно закрѣпить, привести въ порядокъ.

Нѣтъ, такъ нельзя: надо разобраться, надо понять. Къ какимъ бы результатамъ ни привелъ меня этотъ разборъ — все равно, я буду писать. Страшно только. Буду ли я въ состояніи говорить обо всемъ этомъ хладнокровно, *sine ira et studio*? Смогу

ли отнестись къ себѣ, къ Катѣ, ко всѣмъ вполне безпристрастно, стать въ положеніе репортера, которому нѣтъ никакого дѣла до разгрываемой передъ нимъ драмы, но который внимательно за нею слѣдитъ, такъ какъ обязанъ дать о ней отчетъ. Выйдетъ ли кой отчетъ безпристрастнымъ? Не знаю, но за одно ручаюсь: лжи въ моемъ рассказѣ не будетъ. Правда и только правда. Лишь замѣчу, что рукою моею начинаетъ водить нехорошее чувство, тотчасъ же брошу перо и — ни слова, пока не успокоюсь. А теперь начну.

Это было 6-го марта, слѣдовательно, ровно три недѣли тому назадъ. Утромъ, брѣясь, я нечаянно уронилъ бритву и порѣзалъ себѣ палецъ, — порѣзалъ довольно сильно, такъ какъ съ трудомъ остановилъ кровь. Поискавъ старой перчатки, чтобы сдѣлать изъ нея чехоль для пальца, и не найдя, я отправился съ той же дѣлю въ Катину уборную. Кати не было дома, — по случаю воскресенья она ушла въ церковь, — горничная также куда-то скрылась и мнѣ пришлось искать самому. Только-что я отворилъ одинъ изъ ящиковъ комода, какъ увидѣлъ, что на двѣ ящика лежала свернутая въ комочекъ старая перчатка. Я ее взялъ, хотѣлъ-было идти къ себѣ, но, почувствовавъ, что въ ней что-то за-вернуто твердое, сталъ развертывать. Смотрю — сложенная вчетверо визитная карточка; что-то написано. Машинально прочелъ и сразу не понялъ, хотѣлъ уже бросить назадъ въ ящикъ. Но какая-то странная, мгновенная, ноющая боль въ сердцѣ остановила руку и заставила меня прочесть еще разъ, потомъ еще и еще. И вдругъ я почувствовалъ, что на меня надвинулось что-то огромное, черное, страшное, со всѣхъ сторонъ охватило, сдавило клещами голову и тысячами иглъ впилось въ сердце...

Помню, когда я очнулся, я лежалъ на полу и первую моею мыслью было бѣжать, бѣжать изъ этой комнаты, какъ можно скорѣе, чтобы меня не поймали, какъ вора, на мѣстѣ преступленія... Я поспѣшно схватилъ валявшуюся на полу карточку, завернулъ ее кое-какъ въ перчатку, сунулъ на прежнее мѣсто и на цыпочкахъ, осторожно, пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Съ тѣхъ поръ я этой карточки не видѣлъ, — но написанное на ней огненными буквами врѣзалось въ мою память. Всего нѣсколько словъ: „Воскресенье никакъ нельзя, придется отложить до среды. Тамъ же, у Дюссо. Цѣлую тысячу разъ. Если твой медвѣдь вдругъ вздумаетъ не ѣхать въ Гатчину, черни словечко. Не опаздывай“. И все. Подписи не было, да ея и не надо: на

чужихъ карточкахъ такихъ вещей не пишутъ. А потому, не все ли равно—тотъ ли, другой, третій...

Что я тогда чувствовалъ? Припоминая тѣ, первыя минуты, вижу, что вначалѣ было смутное, неопредѣленное ощущеніе чего-то смертельно-страшнаго, невозможнаго, до нельзя мучительнаго. Меня, какъ говорится, „пришибло“, и я еще не пришелъ въ себя. Но потомъ мною овладѣла бѣшеная злоба, и я заметался по кабинету, какъ звѣрь, ломая все, что попадалось подъ руки. Войди тогда Катя—и, нѣтъ сомнѣнія, я убилъ бы ее на мѣстѣ. Послѣ этого я какъ будто немного успокоился и тотчасъ же явился вопросъ: что мнѣ дѣлать? „Конечно, убить! И ее, и его убить!“ получился стремительный отвѣтъ, но лишь на мгновеніе занялъ мысль. Ну, какой же я убійца?! Наконецъ, — и только тогда, —вернулась ко мнѣ способность думать и разсуждать, слѣдствіемъ чего явилось глупое рѣшеніе: надо убѣдиться. Въ чемъ убѣдиться? Было ясно какъ день, что карточка назначалась именно Катѣ; фраза о медвѣдѣ, который долженъ ѣхать въ Гатчину, прямо подтверждала это. Въ Гатчинѣ жила моя сестра; я ѣздилъ туда два раза въ недѣлю и какъ разъ по средамъ и воскресеньямъ. Ужъ чего, кажется, яснѣе! И, тѣмъ не менѣе, мое желаніе убѣдиться — теперь я это понимаю — имѣло извѣстныя основанія.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на ясность и очевидность того, что Катя меня обманываетъ, я еще не вѣрилъ этому, не могъ вѣрить; я былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о возможности чего-либо подобнаго. Это было такъ дико, невѣроятно... Моя Катя— и вдругъ обманываетъ! Я готовъ былъ предположить все, что угодно: карточка могла попасть въ Катѣ случайно; она могла ее найти, ну, хотя бы на улицѣ, сохранить ее для курьеза—все-таки знакомый человѣкъ; наконецъ, это могла быть, просто, шутка, дурачество кого-нибудь изъ знакомыхъ. Мало ли людей ѣздятъ въ Гатчину, мало ли существуетъ людей, похожихъ на медвѣда?!

Само собой, все это были натяжки и, притомъ, неправдоподобныя; но тогда и одной изъ нихъ было достаточно. Главное, была лазейка для сомнѣнія, и я ею широко пользовался.

Спрашивается теперь: если я могъ думать, что во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе,—что Катя невиновата,—то почему же не пришло мнѣ въ голову обратиться къ ней прямо, попросить у нея объясненія? Почему? Да потому, вѣроятно, что настоящей-то твердой увѣренности въ ея невинности не было. Была какая-то двойственность сознанія: съ одной стороны, разумъ, опираясь на

ясное свидѣтельство карточки, говорилъ: виновна; съ другой, возмущенное чувство протестовало, заявляя: нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. И вотъ почему глупое на первый взглядъ рѣшеніе: убѣдиться—являлось единственно возможнымъ.

А потомъ было и еще соображеніе. Я, просто, боялся, что изъ такого объясненія ничего не выйдетъ. Если Катя виновата, она не сознается, отъ всего отопрется. Чтобы сознаться въ такой вещи, надо быть очень честной; ну, а честность и подобнаго рода обманъ—несовмѣстимы. Но повѣрить ей такъ, на слово, я не могъ; предпринять же что-нибудь на основаніи однихъ лишь подозрѣній, хотя вполне вѣроятныхъ,—пока они допускали хоть наибѣйшую возможность ошибки,—я также не былъ въ состояніи. Мнѣ не только надо было убѣдиться, но и такъ убѣдиться, чтобы Катя не могла сказать: „нѣтъ, я не виновата“.

Какъ убѣдиться—объ этомъ я еще не думалъ, это была подробность, о которой—потомъ. Теперь, главное, было успокоиться, чтобы Катя ничего не замѣтила. И я успокоился. Облилъ голову холодной водой, подобралъ валяшіеся на полу осколки и взялъ книгу. Сѣлъ нарочно спиной къ двери, чтобы имѣть время приготовиться, когда Катя войдетъ, не сразу ее увидѣть.

Я ни о чемъ не думалъ, мыслей не было, голова была пуста; но въ этой пустотѣ, наполняя ее всю, безъ остатка, точно нарисованное гигантскими буквами, двигалось одно лишь слово: „убѣдиться“! Оно суживалось, расширялось,—тогда отъ нестерпимой боли, казалось, голова лопнетъ, но ни на минуту не уходило, не допуская въ свое сосѣдство никакой другой мысли, стремительно выпроваживая появившіеся—было вопросы: какъ? для чего? почему? „Убѣдиться, убѣдиться, убѣдиться!“ А тамъ, на глубинѣ, внутри меня—ледяной холодъ, какая-то ноющая боль и ощущеніе необъяснимаго ужаса. Это послѣднее, т.-е. ощущеніе ужаса, не покидало меня до того самаго момента, пока я не „убѣдился“. Тогда оно исчезло; ноющая же боль осталась. Точно большой червякъ впился въ сердце и сосеть его. Вотъ и теперь, я пишу, а червякъ сосеть да сосеть... И не перестаетъ онъ ни на минуту и нѣтъ отъ него избавленія.

Натянутые нервы не выдержали, и я разрыдался. Давно я не плакалъ, я забылъ, какъ плачуть; но слезы меня облегчили. Пришлось опять прибѣгнуть къ вану, послѣ чего я сталъ даже соображать, такъ что когда раздался Катинъ звонокъ, я успѣлъ выработать что-то въ родѣ плана будущихъ дѣйствій; между прочимъ, рѣшилъ, что сегодня, по обыкновенію, поѣду въ Гатчину.

— Завтракъ! Давайте скорѣе завтракъ!—еще изъ передней

услышала я Катинъ голосъ, громкій, веселый. Шаги... все ближе, ближе... Отворилась дверь... А я не могу сладить съ внезапной дрожью и, стискивая до боли зубы, проклинаю себя за малодушіе. Но вотъ, двѣ мягкія руки обхватываютъ сзади мою шею, и низкій, бархатный голосъ нѣжно шепчетъ:

— Ну, здравствуйте... Этакой буза,—не можетъ даже обернуться!

Я невольно отшатнулся.

— Испугала... Скажите! Monsieur a ses nerfs.—Она обошла кругомъ и стала передо мной.

Я взглянулъ на нее, и веселая улыбка мгновенно слетѣла съ ея губъ.

— Ты нездоровъ? Что...—И вдругъ вся вспыхнула, а въ глазахъ промелькнулъ испугъ.—Что, что съ тобой?—уже не понимая, очевидно, что говорить, докончила она и, растерянно пробормотавъ, что ей надо переодѣться, почти выбѣжала изъ комнаты.

„Виновата!“ — подумалъ я, глядя ей вслѣдъ. „Поняла, по взгляду поняла, что попалась. Теперь пошла смотрѣть, все ли на мѣстѣ. А потомъ, вѣроятно, и успокоится“.

Такъ оно и вышло.

За завтракомъ Катя была, какъ всегда, весела, разговорчива. Я сказалъ, что мнѣ нездоровится, и она сейчасъ же повѣрила, совѣтовала лечь, послать за докторомъ; когда же узнала, что я собираюсь въ Гатчину, возмутилась и объявила, что ни за что меня не пуститъ. И все это, какъ всегда, совсѣмъ просто, искренно. Я не зналъ, что думать, и опять сомнѣвался, и опять не вѣрилъ, что женщина, которую я такъ сильно любилъ, въ любви которой, до сей минуты, былъ такъ твердо увѣренъ, что эта женщина—низкая обманщица. Я пристально за нею слѣдилъ, разбиралъ каждый ея взглядъ, каждое слово, и чѣмъ больше я наблюдалъ, тѣмъ мои подозрѣнія казались мнѣ менѣе основательными. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, легче мнѣ отъ этого не становилось. Внутри меня былъ тотъ же леденящій холодъ, то же ощущеніе ужаса. Теперь только страннымъ образомъ къ нимъ примѣшивалось чувство жгучаго стыда,—точно я передъ Катею въ чемъ-то сильно провинился, точно сдѣлалъ что-то очень скверное, нехорошее. Мнѣ стыдно было на нее смотрѣть, говорить съ ней, слушать ее; досидѣть до конца завтрака я не могъ, вообще, оставаться дома не могъ, и раньше обыкновеннаго поѣхалъ въ Гатчину. Къ счастью, у сестры никого не было.

— Что съ тобой?—встрѣтила она меня испуганнымъ взгля-

сомъ:—На тебѣ лица гнѣтъ!.. Катя... жена...,—она смѣшалась и остановилась.

— Что, Катя?—спросилъ я, замѣтивъ ея смущеніе.

Она какъ будто не слыхала вопроса.

— Ты нездоровъ... Зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Что, Катя?—повторилъ я настойчиво.

— Ахъ, Боже мой, чтѣ ты на меня такъ смотришь!..—и она засмѣялась дѣланнымъ смѣхомъ.—Какъ будто про твою Катю нельзя и упомянуть. Ну, просто, хотѣла сказать глупость и въ-ремя остановилась: хотѣла спросить, здорова ли Катя, хотя прекрасно знаю, что еслибы она была больна, тебя бы здѣсь не было.

Соня лгать не умѣла, а потому, выговоривъ это, еще болѣе смѣшалась, покраснѣла и отвернулась.

— Полно, Соня. Зачѣмъ ты лжешь? Совсѣмъ ты не тѣ хотѣла сказать. Увидѣвъ меня, ты подумала, что Катя сбѣжала...

Она быстро повернулась.

— Неужели правда?! Бѣдный мой, бѣдный!—вскрикнула она, схвативъ мою руку.

— И не думала, — сказалъ я спокойно. Вообще, теперь я уже вполне овладѣлъ собой; настолько, что могъ хладнокровно сказать сестрѣ:—А ты, все-таки, потрудись мнѣ объяснить, какимъ образомъ такая мысль могла придти тебѣ въ голову?

Бѣдная Соня: на нее жалко было смотрѣть. Чтобы не отвѣтить прямо на мой категорическій вопросъ, она пустилась въ разсужденія, думая отдѣлаться общими фразами. Она говорила, что я напрасно даю Катѣ такую свободу; что какъ бы жена ни любила мужа, какъ бы мужъ ни былъ увѣренъ въ этой любви, все же безграничное довѣріе—ошибка; что на пути каждой хорошенькой женщины, не говоря уже о такой выдающейся красавицѣ, какъ Катя, встрѣчается много опасностей, для успѣшной борьбы съ которыми необходима, кромѣ любви къ мужу, масса ума и характера; что мы, мужчины, и не подозрѣваемъ, какъ сильно кружатъ голову наше постоянное ухаживаніе, поклоненіе, что Катя такъ еще молода, такъ неопытна.

Тутъ я ее остановилъ, замѣтивъ, что послѣ девяти лѣтъ замужства нельзя толковать о неопытности и что, разъ я девять лѣтъ довѣрялъ Катѣ и не видалъ отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій, было бы очень странно на десятомъ году и безъ всякаго видимаго основанія ограничивать ея свободу.

— А ты думаешь, девять лѣтъ безупречной жизни являются вѣрной гарантіей для десятаго года?

— Конечно, думаю. Какъ же мнѣ иначе думать?

— Ошибаешься, милый. Въ такомъ дѣлѣ, какъ увлеченіе, гарантій нѣтъ. Я сама женщина, я лучше тебя это знаю.

— Прекрасно. Но что же тогда дѣлать? Ты очень хорошо знаешь, что сопровождать всюду Катю, бывать вездѣ, гдѣ бываетъ она, я не могу. У меня работа, да, къ тому же, я не люблю общества. Что же остается? Запереть Катю на замокъ или нанять ей компаньонку, которая доносила бы мнѣ о каждомъ ея шагѣ. И это лишь потому, что противъ увлеченія не существуетъ гарантій!

— Зачѣмъ запираеть. Довѣрять безгранично не слѣдуетъ, только и всего.

— Значить, постоянно подозрѣвать. Довѣрія нѣтъ—значить, есть подозрѣніе.

— Ну, это фраза. Гораздо проще, по пословицѣ: „береженого и Богъ бережетъ“. А вотъ одну кататься на тройкахъ не пускать, да не позволять входить въ интимныя отношенія съ людьми, о которыхъ Богъ знаетъ что говорить.

— Рѣшительно не понимаю, что можетъ быть дурного, если молодая женщина поѣдетъ повататься въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ; къ тому же это вполне принято, а...

— Ахъ, Боже мой, принято! Вотъ, теперь принято, чтобы у каждой порядочной женщины былъ любовникъ—что же, ты и на это согласишься?!

Все это было не то; Соня не договаривала. Надо было ее заставить высказаться опредѣленно.

— Нѣтъ, Соня, ты несправедлива... какъ и всегда, впрочемъ, когда дѣло касается Кати. Ты, вѣжета, только и думаешь, какъ бы меня возстановить противъ нея.

Это было жестоко, это была ложь; но эффектъ превзошелъ мои ожиданія.

Соня вспыхнула и широко раскрыла глаза.

— Я... хочу... тебя... возстановить, — еле выговорила она, и вдругъ, махнувъ рукой, продолжала съ горячностью.—Ахъ, ты, несчастный слѣпой! Такъ знай же, что о твоей женѣ уже давно говорятъ, какъ... *d'une femme à la mode*... Полагаю, ты самъ знаешь, что это значить...

— Кого называютъ ея любовникомъ?—перебилъ я.

— Кого... кого? Вешнина, если хочешь знать, вотъ кого!

— А про Оленина не говорить?

Но Соня уже опомнилась, съ ужасомъ взглянула на меня и вдругъ, вслеснувъ руками, расплакалась.

— Паша, голубчикъ, не вѣрь, не вѣрь... Я тебѣ все такъ, зря наболтала... Глупыя сплетни одѣй... не вѣрь!

— Да я и не вѣрю,—сказала я, принудя себя улыбнуться.— Мало ли что говорить!

Соня, видимо, была поражена моимъ хладнокровіемъ. Она не знала, какою цѣною досталось оно мнѣ.

— Удивительный ты человекъ!—задумчиво проговорила она, и потомъ цѣлый вечеръ, желая загладить вырвавшіяся въ горячности слова, ухаживала за мной болѣе обыкновеннаго, забывъ въ то же время совсѣмъ о моемъ незаслуженномъ и жестокомъ обвиненіи.

Соня—хорошій человекъ. Я любилъ у нея бывать. Она живетъ такъ, какъ, по моему, слѣдуетъ жить. Овдовѣвъ, послѣ четырехъ лѣтъ замужства, она осталась жить въ Гатчинѣ, гдѣ служилъ ея покойный мужъ, и всецѣло посвятила себя дѣтямъ, которыхъ у нея было двое, оба мальчика и оба мои крестники. Ведетъ она ихъ удивительно, и, отдавъ ей теперь Сережу, я убѣжденъ, что она вполне замѣнитъ ему меня. Я всегда убѣждалъ изъ Гатчины съ чувствомъ глубокаго нравственнаго успокоенія, да и тогда, пока я тамъ находился, мнѣ было несравненно легче.

Я никогда не думалъ о томъ, о чемъ говорила Соня, о томъ, правильно ли я отношусь къ Катѣ. Это безусловное довѣріе и, какъ его слѣдствіе, неограниченная свобода, которою пользовалась Катя, были не плодомъ какихъ-либо разсудочныхъ соображеній, а явились сами собой и, насколько мнѣ помнится, съ перваго же дня свадьбы. Думать объ этомъ мнѣ не случалось, и Сонины слова меня удивили, но и только. Я даже не задалъ себѣ вопроса, справедливы ли они: не до того мнѣ было, но въ памяти они у меня остались. Вообще, замѣчу, что я прекрасно помню все то, что происходило въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, все, что было говорено, дѣлано другими, мои собственныя слова, поступки, ощущенія. Въ удивительно выпукломъ видѣ и строго отграниченнымъ отъ всего предшествовавшаго сохранилось въ моей памяти это время. Точно большая гора на еле холмистой равнинѣ... Судьба жестокою рукою вскинула меня на ея вершину, ну, а соскочить съ нея я и самъ слумѣю...

Меня позвали обѣдать. Я еще не привыкъ къ своему одиночеству и каждый разъ съ тяжелымъ чувствомъ вхожу въ большую, темную столовую, казавшуюся прежде такою уютною. Какъ и прежде, мнѣ служатъ два лакея; какъ и прежде, подаются мои

любимыя кушанья. Все—какъ прежде... Одною только нѣтъ: ея нѣтъ... И мнѣ больно, больно... И, тѣмъ не менѣе, я ѣмъ, пью, хотя машинально, но, кажется, съ аппетитомъ. Значить, животъ самъ по себѣ, а душа сама по себѣ! Да не такъ ли это всегда? Говорятъ же, что Генрихъ I Англійскій ни разу не улыбнулся послѣ смерти своего сына и наследника, однако умеръ, объѣвшись миногами.

Когда я пріѣхалъ домой, Кати еще не было. Она вернулась въ третьемъ часу и, по обыкновенію, раздѣвшись въ уборной, тихо, безъ свѣчи, прошла въ спальню. Черезъ пять минутъ она уже спала. Спокойный сонъ невинности! Въ эту минуту я ненавидѣлъ ее всѣми силами своей души.

Какая мучительная ночь, какъ она тянулась!.. Съ разсвѣтомъ я всталъ и перешелъ въ кабинетъ, но и тамъ мнѣ заснуть не удалось.

Изъ всего того, чтó говорила Соня, меня занималъ лишь вопросъ, почему Катѣ приписывали совсѣмъ не того любовника. Простая ли это ошибка, или же молва напутала только во времени, и Вешинъ былъ Катинымъ любовникомъ раньше, уступивъ теперь свое мѣсто другому. И послѣднее было возможно, такъ какъ я понималъ, что если Катя меня обманывала теперь, то очень легко могла обманывать и прежде, а, стало быть, Оленинъ, съ одинаковой вѣроятностію, могъ быть первымъ ея любовникомъ, какъ вторымъ, пятымъ и т. д.

Со времени свадьбы, Катя совсѣмъ не перемѣнилась. Какою была, такою и осталась. Ровная, спокойная, всегда въ духѣ, совсѣмъ не капризная, нѣжная, любящая. Такою она была девять лѣтъ тому назадъ, такою была и сегодня утромъ. Даже перемѣнъ чисто внѣшнихъ—и тѣхъ не было.

Я вышелъ изъ дома рано, велѣвъ передать Катѣ, что у меня дѣла и что къ завтраку я не вернусь.

Побродивъ довольно долго по улицамъ, я около 12-ти часовъ зашелъ къ Борелю. Тамъ служилъ лакеемъ одинъ татаринъ, котораго я зналъ со времени моей холостой жизни. Онъ мнѣ былъ необходимъ для выполненія моего плана, и я сильно на него рассчитывалъ. Какъ-то, давно, мнѣ удалось избавить его отъ побоевъ пьяныхъ товарищей и съ той поры онъ выказывалъ мнѣ какую-то совсѣмъ собачью привязанность.

Толстая, расплывшаяся француженка, стоявшая за буфетомъ, объявила мнѣ на мой вопросъ, что Иванъ уже съ годъ какъ у нихъ не служитъ, что Дюссо переманилъ его къ себѣ. Это извѣ-

сте меня порадовало. Если Иванъ у Дюссо,—все устроивалось гораздо проще, не приходилось прибѣгать ни къ чему посредству. Я перешелъ улицу и взшелъ въ подъѣздъ съ Кирпичнаго. Наверху лѣстницы меня встрѣтилъ какъ разъ самъ Иванъ, встрѣтилъ, какъ будто мы съ нимъ видѣлись вчера. Только, провожая меня въ комнату, замѣтилъ сдержанно: „Давненько не изволили быть-съ“. А я его не видѣлъ уже лѣтъ пять.

Подавъ мнѣ карточку, онъ въ выжидательной позѣ остановился у двери.

— Ну, позавтракаю я послѣ, а теперѣ потолкуемъ. У меня есть до тебя дѣло.

Его умные маленькіе глаза выразили удивленіе; но онъ ничего не сказалъ, лишь наклонилъ голову на бокъ, собираясь внимательно слушать.

— Ты офицера Оленина знаешь?

— Какъ не знать-съ!—онъ широко улыбнулся:—оченно даже хорошо знаемъ-съ. Баринъ хорошій, настоящій баринъ.

— Часто онъ здѣсь бываетъ?

— Постоянно бываютъ-съ... Рѣдкій день, что не заходятъ-съ.

— Одинъ или съ кѣмъ-нибудь?

— Какъ случится-съ: когда одни, а когда и въ компаніи-съ.

— А съ дамами?

— И съ дамами бываютъ-съ.

Я задавалъ лишніе вопросы какъ-то невольно. Мнѣ неловко было спрашивать.

— Не знаешь ли ты даму, съ которой онъ здѣсь часто бываетъ... всего чаще по средамъ и воскресеньямъ?

— Бываютъ... Это точно-съ. А кто — не знаю-съ. Изъ порядочныхъ.

„Изъ „порядочныхъ“! Какая злая насмѣшка!“

— Опиши, какова изъ себя?

Ката... Нѣтъ сомнѣній—она. Посторонній—и тотъ бы узналъ! Но какова наблюдательность: даже походку съ маленькимъ перемальцемъ — и ту замѣтилъ, родинку на правой щекѣ—и ту не забылъ.

— Всегда въ одни и тѣ же часы являются?

— Постоянно-съ вечеромъ, около семи... Къ этому времени и комнату оставлять приказываютъ-съ. Только, вотъ, послѣднее воскресенье не были-съ.

— Всегда одну и ту же?

— Всегда-съ. Пятый номеръ.

„Ну, конечно, пятый. Это и такъ было ясно“.

— И долго остаются?

— Нѣтъ-съ. Часа два, много — три. Къ десяти всегда уходятъ-съ.

Я все зналъ, что требовалось. Теперь оставалось главное.

— Ну, вотъ что, Иванъ, — и голосъ мой глупо задрожалъ: — въ среду они, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ... Я хочу ихъ видѣть и слышать... Можешь ты мнѣ это устроить?

Теперь Иванъ смотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ изумленіемъ; потомъ онъ нерѣшительно почесалъ затылокъ и, наконецъ, тихо проговорилъ: — Слушаю-съ.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Назначь самъ, сколько ты за это хочешь. Я заплачу впередъ.

Онъ тряхнулъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, ужъ чего-съ... Этого за деньги сдѣлать нельзя-съ... Только для васъ, потому отказать не могу-съ. Вотъ ежели мѣста лишусь, ужъ не оставьте-съ.

Я его успокоилъ, сказалъ, что никто объ этомъ не узнаетъ, что я только посмотрю.

— И больше ничего. Но какъ-же ты это устроишь?

— Очень просто-съ: оставлю за вами сосѣднюю комнату-съ.

— Ну, и что же? Услышать я, положимъ, услышу, а видѣть... вездѣ спущенныя портьеры.

— Это ничего-съ. Да вы пожалуйста, взгляните сами-съ.

Мы прошли весь корридоръ, почти до конца, и вошли въ небольшую комнату. Иванъ пододвинулъ къ стѣнѣ стулъ.

— Извольте-съ встать и приподнять картину.

Я влѣзъ на стулъ и сдвинулъ маленькую, драпированную олеографію, изображавшую какою-то голую нимфу.

— Пробочку выньте-съ, — сказалъ Иванъ.

Стѣна въ этомъ мѣстѣ была пробурована. Я приложилъ глазъ къ дырѣ. Отлично! Столъ съ диваномъ находились какъ разъ передо мной; даже была видна дверь, ведущая во вторую, темную комнату.

— Что же это у васъ во всѣхъ нумерахъ такъ? — не удержалъ я вопроса.

Въ отвѣтъ Иванъ лишь сдержанно хихикнулъ.

Я былъ доволенъ. Теперь я былъ увѣренъ, что мнѣ удастся „убѣдиться“. Оставалось только хорошенько прибрать себя въ руки, чтобы какъ-нибудь не возбудить Катиныхъ подозрѣній; но это...

Телеграмма отъ Сони. Сережа заболѣлъ. Надо ѣхать.

Только-что вернулся изъ Гатчины, гдѣ прожилъ три дня. У Сережи—брюшной тифъ. Докторъ говоритъ, что болѣзнь идетъ правильно, осложненийъ нѣтъ и опасности не предвидится. Что скажетъ девятый день?

Когда я пріѣхалъ, Сережа былъ въ бреду. Я просидѣлъ надъ нимъ всю ночь, и почти всю ночь онъ метался и болталъ безъ умолку. Все больше—воспоминанія ранняго дѣтства. И, прислушиваясь къ его лепету, я самъ какъ бы переживалъ то время, то счастливое время. Вотъ онъ медленно и внятно шепчетъ: „и папу, и маму“, и киваетъ головой, и улыбается,—улыбается той же лукавою улыбкой, какою улыбался трехъ лѣтъ, отвѣчая на вопросъ, кого онъ больше любитъ: папу или маму? „Холодно, охъ, какъ холодно!“ жалобно выговариваетъ онъ потомъ. „Папа, не пускай, не пускай... Я боюсь!“ и машетъ ручками, вытягивая свое маленькое тѣло. Это онъ вспоминаетъ свой первый урокъ плаванія. А вмѣстѣ съ нимъ вспоминаю и я, такъ ясно, опредѣленно, какъ будто все это было вчера... Разъ онъ заметался сильнѣе обыкновеннаго, приподнялся, личико его болѣзненно сморщилось и, смотря на меня широко-открытыми глазами, произнесъ со слезами въ голосъ: „Мама! мама!“ Потомъ, немного погодя: „Папа, гдѣ мама?“ И не сводитъ съ меня глазъ, точно видитъ меня или ощущаетъ мое присутствіе. Потомъ снова упалъ на подушку и, весело улыбаясь, забормоталъ что-то невнятное.

А я смотрѣлъ на него и думалъ,—думалъ о томъ, что для него было бы большимъ счастьемъ умереть. Ему восемь лѣтъ, и до сихъ поръ жизнь его была полна радости и счастья. Если тамъ, въ томъ мірѣ, помнятъ, то какъ отрадно будетъ ему тамъ. А впереди, чтò ждетъ его? Не уйти ему отъ своей судьбы, какъ не ушелъ отъ нея и я. Мы, Аргунины, всѣ плохо кончаемъ. Въ вашей жизни женщины принимаютъ роковое участіе. Мой прадѣдъ убилъ мою прабабушку; мой дѣдъ сошелъ съ ума. Почему? Темная исторія, разъяснить которую мнѣ не удалось. Безспорно лишь то, что и въ ней была замѣшана женщина. Наконецъ, мой отецъ былъ убитъ на дуэли, тоже изъ-за женщины. А теперь вотъ и я... И Сережу ждетъ то же самое, развѣ что у него вмѣсто сердца окажется камень, и онъ не отстанетъ, какъ отсталъ его отецъ, отъ своего вѣка. И думая о томъ, что, быть можетъ, и ему придется переживать то, чтò пережилъ и переживаю я, я прямо говорю, что ему лучше было бы умереть. Да, я говорю это себѣ, твердо въ этомъ убѣжденъ и, тѣмъ не менѣе, чувствую, что отдамъ все, чтобы онъ остался только живъ... Противорѣчіе... Противорѣчіе, какъ во всемъ и всегда.

Я оставилъ Серезу въ хорошихъ рукахъ: за нимъ ухаживаютъ Соня и Miss. Соня—мать, а Miss—идеальная сидѣлка, и я могу быть вполне спокоенъ. Я даже радъ, что опять дома: меня неудержимо тянуло въ этой тетради. Странно! Я былъ убѣжденъ, что писать это, переживать, такъ скзавать, все это снова будетъ мучительно. Да оно и на самомъ дѣлѣ мучительно. Не оттого ли и тянетъ, что ужь очень мучительно...

Тогда, послѣ Дюссо, я зашелъ на минуту домой,—сказалъ, чтобы меня къ обѣду не ждали, опять бродилъ по улицамъ, обѣдалъ въ клубѣ, откуда уѣхалъ около десяти часовъ. Кати, какъ я и надѣялся, дома уже не было.

До среды оставался всего одинъ день, который я рѣшилъ провести дома. И безъ того Катя, должно быть, удивлена, что я пропадалъ цѣлый день. Со мною почти никогда не случалось, чтобы я не обѣдалъ дома, и это могло показаться подозрительнымъ. Возбудить же Катинны подозрѣнія я боялся ужасно. Достаточно ей было замѣтить что-нибудь неладное, и она изъ осторожности (а что она очень осторожна, было видно по всему), навѣрное, отложить свиданіе. Но это и будетъ ужасно. Я чувствовалъ, что мнѣ не вынести долгой неизвѣстности.

День прошелъ благополучно, но за обѣдомъ я испугался. Еще утромъ, говоря о томъ, какъ она намѣрена провести день,—она всегда мнѣ это говорила,—Катя объявила, что вечеромъ поѣдетъ въ Сошальскимъ. Вѣра Сошальская была первымъ ея другомъ; у нея Катя бывала чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но я зналъ, что Соня, говоря о томъ, что не слѣдуетъ мужу позволять женѣ входить въ интимныя отношенія Богъ знаетъ съ кѣмъ, намекала именно на Сошальскихъ. И дѣйствительно, репутація Вѣры была не изъ важныхъ; но когда мнѣ случалось говорить объ этомъ съ Катей, то Катя такъ горячо всегда ее защищала, такъ убѣдительно доказывала, что все это только глупыя сплетни, поводомъ къ которымъ являются, правда, немного свободное обращеніе Вѣры съ мужчинами, страсть ея къ кокетству,—что я вполне вѣрилъ и не придавалъ никакого значенія тому, что приходилось нерѣдко слышать. Но теперь было совсѣмъ другое, вѣрить Катѣ я уже не могъ, и когда она сказала, что ѣдетъ вечеромъ въ Сошальскимъ, у меня тотчасъ же мелькнула мысль поѣхать туда самому.

Мои личныя сношенія съ большинствомъ Катинныхъ знакомыхъ ограничивались оффиціальными визитами и большими приемами, на интимныхъ же вечерахъ я никогда нигдѣ не бывалъ. И у Сошальскихъ не бывалъ. Поэтому, собственно говоря, я совсѣмъ

не зналъ то общество, въ которомъ Катя вращается, тѣхъ лицъ, съ которыми она чаще всего видится. Присутствовать на интимномъ вечерѣ у Сошальскихъ было крайне интересно, интересно было познакомиться съ тономъ этихъ вечеровъ, увидѣть тамъ Катю, убѣдиться, справедливы ли Сонины слова, и хотя я сознавалъ, что это опасно, можетъ возбудить Катинны подозрѣнія, — искушеніе было слишкомъ велико, и я рѣшилъ рискнуть. И вотъ, за обѣдомъ, въ разговорѣ, между прочимъ, я сказалъ, что за послѣднее время я, кажется, очень заработался и чувствую потребность развлечься; хочу сегодня поѣхать въ оперу, а потомъ:

— Думаю, — тутъ я улыбнулся, — заѣхать даже за тобой къ Сошальскимъ.

Сказавъ это и испугался—до того мои слова произвели сильное впечатлѣніе. Катя вздрогнула и смотрѣла на меня удивленнымъ, растеряннымъ взглядомъ, и въ немъ я опять замѣтилъ выраженіе, видѣнное мною и раньше, но понятное лишь теперь, — выраженіе ужаса. Мнѣ и прежде случалось его замѣчать, — при какихъ обстоятельствахъ—не помню, но тогда я его не понималъ, а сохранилось оно у меня въ памяти потому, вѣроятно, что казалось уже очень страннымъ... Сцена въ кабинетѣ мнѣ его объяснила, и вотъ теперь опять Катя была до того поражена, что сначала ничего даже не отвѣтила, и чтобы дать ей оправиться, я обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Сережѣ. Наконецъ, она громко разсмѣялась.

— Ну, и удивилъ же ты меня! Ты поѣдешь къ Сошальскимъ! Ха-ха-ха! Да объ этомъ завтра весь Петербургъ будетъ говорить. То-то, воображаю, они будутъ поражены. И знаешь что, — оживленно продолжала она:—я имъ ничего не скажу, пусть они ничего не знаютъ, и ты вдругъ явишься... Прелесть, прелесть!

Она, какъ ребенокъ, захлопала въ ладоши, весело улыбалась, а ея глаза попрежнему смотрѣли открыто и правдиво. И такъ естественно было все это сказано, что не будь испуганнаго взгляда первой минуты, не будь я такъ увѣренъ, что мой прїездъ къ Сошальскимъ долженъ ей быть неприятенъ, мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что вся эта радость—дѣланная, фальшивая.

Въ театрѣ я попалъ поздно и до конца не досидѣлъ.

Я находился въ возбужденномъ состояніи и всю дорогу отъ Большого театра до Надеждинской, гдѣ жили Сошальскіе, сильно волновался. Что увижу я у нихъ? Буду ли въ состояніи сохранить хладнокровіе, несмотря ни на что? А если вдругъ не выдержу? Пустяки! Такъ надо—и конецъ!

Еще на лѣстницѣ, поднимаясь къ Сошальскимъ, я услышалъ

глухіе звуки рояля, которые, по мѣрѣ того, какъ я поднимался, все усиливались, раздавались отчетливѣе и, наконецъ, превратились въ какой-то inferнальный галопъ, сопровождаемый шарканьемъ ногъ, женскимъ визгомъ и громкимъ смѣхомъ. „Что если это Катя такъ визжитъ!“ — пришло мнѣ вдругъ въ голову. При этой мысли у меня упало сердце, я невольно повернулся и отошелъ отъ двери, но тотчасъ же мнѣ стало стыдно своей слабости. Кромѣ того, я понялъ нелѣпость такого предположенія. Катя знала, что я долженъ прійхать, и, конечно, не позволить себѣ явнаго неприличія.

Послѣ моего звонка, визгъ и шарканье прекратились; только рояль продолжала неистово гудѣть. Но вотъ и музыкантъ сразу оборвалъ, и въ наступившей тишинѣ раздались шаги лакея, шедшаго отворять дверь.

На порогѣ гостиной меня встрѣтила сама Вѣра.

— Я столько же поражена, сколько тронута. Это такая честь! — проговорила она, насмѣшливо щуря свои большіе, темные на выкатѣ глаза. — Намъ всѣ будутъ завидовать. Когда мнѣ Катя сказала, я не хотѣла вѣрить.

„Предупредила-таки“, подумалъ я.

Катя сидѣла у большого круглаго стола; въ рукахъ у нея были карты. Когда я вошелъ, она, откинувшись на спинку стула, говорила съ уже немолодымъ, гладко выбритымъ господиномъ, отставнымъ дипломатомъ Каширскимъ, котораго я зналъ. Вообще, осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что изъ числа находившихся въ гостиной лицъ совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ было мало. Тотчасъ я узналъ и веселыхъ танцоровъ. Ихъ лица сохраняли еще слѣды оживленія, да они и держались всѣ вмѣстѣ, кучкой. Во-первыхъ, сестра хозяйки дома, хорошенькая Нада Борская, потомъ м-ше Гортелова, маленькая блондинка, съ вздернутымъ носикомъ и крошечными, быстрыми глазками, про которую выражались, что у нея *beau coup de chien*; высокій, плотный артиллеристъ Друцкой и худой, длинный, съ шеей страуса, статскій, фамилии котораго я не помнилъ, но котораго звали Петромъ Васильевичемъ. Оба угла комнаты были заняты уединившимися парочками. Одну изъ нихъ я не зналъ вовсе, а другая состояла изъ извѣстной петербургской красавицы Корелиной и не менѣе извѣстнаго спортсмена, гусара Линда. Когда же Сошальская, желая мнѣ показать пріобрѣтенный ею на дняхъ рабочій столикъ, съ фигурами *vieux saze*, прошла со мною въ будуаръ, тамъ оказалась еще парочка. Проходя мимо сидѣвшихъ, Вѣра очень откровенно произнесла: „pardon!“ а дама,

блѣдная, худая, съ большими, лихорадочными глазами, кинула на меня взоръ, полный удивленнаго негодованія.

— У васъ воздухъ насыщенъ любовью, — замѣтилъ я Сошальской, выходя изъ будуара.

Она засмѣялась.

— Насыщенъ любовью! Недурно. Сегодня, впрочемъ, еще не такъ: мало собралось... А туда, — она кивнула на будуаръ, — я никогда не вхожу иначе, какъ предварительно кашлянувъ. Болѣе одной пары туда не допускается. Самая серьезная, начинающая...

— Вотъ какъ! У васъ на-лицо, значить, всегда имѣются и начинающіе?

— Конечно. Вѣдь это, такъ сказать, моя специальность. Я — патронесса любви и до тѣхъ поръ не успокаиваюсь, пока у меня, какъ говорятъ французы, *chacun* не имѣетъ своей *chacunne*.

— Однако, — замѣтилъ я, улыбаясь: — вы напрасно со мною такъ откровенны. Чего добраго, я испугаюсь и перестану пускаться къ вамъ Катю.

Ея умные глаза взглянули на меня очень внимательно.

— Ну, ваша Катя въ счетъ не идетъ: она святая. Даже я... *je perds avec elle mon latin*.

— Святая! Но я убѣжденъ, что противъ васъ никакая святость долго не устоитъ.

Вѣра довольно улыбнулась.

— Святость мужского рода — пожалуй. А потомъ... Послушайте, — она наклонилась, заглядывая мнѣ въ лицо, — послушайте, неужели вы, дѣйствительно, мужъ, способный ревновать? Вѣдь это же смѣшно. Ха-ха-ха! Въ наше-то время... *Ça serait du dernier ridicule!*

— Ну, само собой. *Ça serait parfaitement ridicule!* — отвѣтилъ я насмѣшливо, ей въ тонъ, чувствуя въ то же время, какъ во мнѣ закипаетъ злоба.

Отойдя отъ Вѣры, я подошелъ къ столу, около котораго, кромѣ Кати и Каширскаго, находились самъ Сошальскій и мужъ Горталовой, красивый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ.

Ката играла съ Сошальскимъ въ какую-то странную игру — *quick*, какъ они ее назвали; Горталовъ же, лишь только я отошелъ отъ Вѣры, тотчасъ къ ней подсѣлъ и между ними завязался оживленный разговоръ.

„Ну, вотъ, теперь совсѣмъ правильно“, — подумалъ я. Дѣйствительно, „незанятой“ оказывалась одна Катя, такъ какъ оба ея кавалера не могли претендовать на роли серьезныхъ ухаживателей. Каширскій по своей старости и еще потому, что, какъ

я слышалъ, былъ стариннымъ обожателемъ Вѣры, — обожателемъ серьезнымъ, денежнымъ. Сошальскій же былъ такъ некрасивъ и гадокъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, являлся здѣсь единственнымъ *châssin*, не имѣвшимъ своей *châssine*.

Признаюсь, я былъ немного разочарованъ. Я надѣялся встрѣтить у Сошальскихъ Оленина, котораго зналъ только въ лицо, такъ какъ у насъ онъ не бывалъ. Мнѣ помнилось, что Катя, говоря о тѣхъ лицахъ, которыя постоянно собираются у Сошальскихъ, называла и его. Почему не было его сегодня? Можетъ быть, онъ не пріѣхалъ случайно, а можетъ быть, Катя его успѣла предупредить. Какъ бы тамъ ни было, но теперь этотъ своеобразный „храмъ любви“, съ его главной жрицей — Вѣрой, меня болѣе уже не интересовалъ. Съ меня было достаточно того, что я успѣлъ увидѣть, противно мнѣ было до крайности, и я ждалъ только удобной минуты, чтобы незамѣтно исчезнуть. Однако, уѣхать мнѣ не удалось. Вошелъ лакей и доложилъ, что ужинъ поданъ. Я схватился за шляпу и только-что направился въ Катѣ, чтобы предупредить ее, что я уѣзжаю, какъ во мнѣ подошла Вѣра, взяла меня подъ руку и объявила, что ни за что не отпустить.

— Въ кои-вѣки собрались. Это даже нехорошо. Я вижу, что вамъ, бѣдненькому, у насъ скучно, *vous êtes dépaycé*.. Но я беру васъ подъ свое покровительство, вы будете моимъ кавалеромъ. *Qui sait?* Быть можетъ, вамъ и не будетъ такъ скучно! — И она подарила меня однимъ изъ тѣхъ откровенныхъ взглядовъ, которые у женщины краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ я, внутренно злясь; — предупреждаю, однако, что если я, быть можетъ, и изъ „бѣдненькихъ“, то ужъ вовсе не изъ „смирненькихъ“.

— То-есть?

— А то, что если вы не умѣрите выразительности вашихъ глазъ, я начну за вами серьезно ухаживать.

— Да неужели? Ха-ха-ха! Вы, кажется, хвастаетесь.

А я, на самомъ дѣлѣ, чувствовалъ, что мнѣ остается или сейчасъ уѣхать, или перестать быть на время самимъ собою, иначе я не выдержу. Сдѣлать первое — значило сдѣлать грубую невѣжливость, — и хотя, конечно, это было глупо, но на это у меня, просто, не хватило рѣшимости. Второе же, казавшееся очень труднымъ, съ помощью вина и Вѣры сдѣлалось довольно легко. Да и хорошо, что я не уѣхалъ. Если этотъ ужинъ не прибавилъ ничего новаго къ понятію, составленному мною о Вѣрѣ и ея

гостяхъ, зато Катю онъ мнѣ показалъ совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ, — такую, какою до тѣхъ поръ я ее не зналъ.

Вѣра очень усердно подливала мнѣ вина, да и сама пила гораздо больше, чѣмъ обыкновенно пьютъ женщины. Также и Катя, не пившая дома ничего, кромѣ воды, сегодня и не думала отказываться отъ попеременнаго потчиванія своихъ сосѣдей — Сошальскаго и Друцкого.

Вообще, уже въ самомъ началѣ ужина я замѣтилъ въ Катѣ нѣчто новое, нѣчто такое, чего прежде видѣть не приходилось. Ея обычная нѣсколько строгая сдержанность исчезла; она весело, громко, казалось, отъ души смѣялась тому, что ей говорилъ Сошальскій, который, какъ всегда, балаганилъ и кривлялся, не переставая. Ея лицо раскраснѣлось, глаза какъ-то особенно пылко и тяжело останавливались на томъ, на кого смотрѣли, а не сходявшая съ губъ улыбка была до того нервной, что, минути, казалась даже дѣланною. Что же касается до остальныхъ присутствующихъ, то вначалѣ общее настроеніе было довольно тоскливое; но по мѣрѣ того, какъ опорожнявшіяся бутылки замѣнялись новыми, возросло и оживленіе. Разговоры становились громче, смѣхъ — постояннѣе и, такъ сказать, специальнѣе, дѣлаясь все болѣе и болѣе глупымъ, безпричиннымъ, пьянымъ.

Не всѣмъ, однако, было весело; по крайней мѣрѣ, не всѣ казались веселыми. Курносый носикъ ш-ше Горталовой презрительно морщился каждый разъ, какъ взоръ ея останавливался на сидѣвшемъ противъ нея Друцкомъ. Послѣдній отъ этого взгляда весь какъ-то ёжился, на минуту принималъ равнодушный, безучастный видъ и отворачивался отъ Кати; но только на минуту — и вотъ, онъ уже снова наклоняется къ ней и что-то тихо ей говоритъ, а она, не переставая смѣяться тому, что рассказываетъ Сошальскій, смотреть на Друцкого своимъ пытливымъ и тяжелымъ взглядомъ. Но раздается выразительный кашель, и Друцкой обрываетъ свою рѣчь и принимаетъ невинный видъ. Было ясно, что Горталова — особа энергическая, которая шутить не любитъ и что состоящимъ при ней въ должности сейчасъ надо держать ухо востро.

Я обратился за разъясненіями къ Вѣрѣ.

— Царапается, кусается и дерется, — отвѣтила она, смѣясь. — У бѣднаго Друцкого очень часто все лицо бываетъ въ царапинахъ. Ну, а мужъ какъ вамъ нравится? Взгляните-ка на него, — и она кивнула на Горталова, который выглядывалъ мрачнѣе ночи и, ни съ кѣмъ не разговаривая, то-и-дѣло сердитымъ движеніемъ путалъ свои густые волосы. — Съ какимъ бы удовольствіемъ

онъ меня съѣлъ, если бы могъ! Ну, да вѣдь я тоже не изъ смиреннѣйшихъ!

Поднявъ голову, Вѣра бросила на молодого человѣка вызывающій взглядъ, въ отвѣтъ на который тотъ повелъ лишь нервно плечами и отвернулся.

— Тоже кусаетесь?

— Fi, вотъ еще! Какая гадость! Однако, entendons-nous: вѣдь кусанье кусанью розь,—и опять она такъ на меня взглянула, что мнѣ стало неловко.

— Ну-съ, а это что?—указалъ я глазами на парочку, сидѣвшую до ужина въ будуарѣ, а теперь занимавшую противоположный конецъ стола.

— Я-же сказала вамъ: „начинающая“.

— Странно! Съ той минуты, какъ сѣли за столъ, они, кажется, не сказали ни слова. Онъ, какъ бочка, пьетъ вино, а она, съ меньшимъ усердіемъ, сельтерскую воду. И не сводятъ другъ съ друга глазъ. Посмотрите, пожалуйста,—такъ и впились другъ въ друга. Даже неприлично!

— И понятно, и ничего нѣтъ страннаго! Какіе могутъ быть между ними разговоры? Имъ словъ мало—взгляды гораздо сильнѣе... Они такъ полны другъ другомъ, что ничего другого не знаютъ и знать не хотятъ и внутренно злятся на всѣхъ насъ за то, что мы, хотя и невольно, конечно, имъ мѣшаемъ. А кромѣ того, „онъ“ и вообще изъ молчаливыхъ.

— Но зачѣмъ тогда они здѣсь? Почему не пойдутъ туда, гдѣ имъ будетъ... удобнѣе?

— Ахъ, Господи! Да потому, что нельзя же постоянно бывать въ мѣстахъ „удобныхъ“. А у меня имъ, все-таки, лучше, все-же имъ здѣсь мѣшаютъ меньше.

— Какъ хотите, странная парочка! Она еще — туда-сюда... а онъ—просто дворникъ въ мундирѣ. Чтѣ они одинъ въ другомъ нашли?

— Чтѣ онъ въ ней нашелъ—не знаю. Да ему все равно... Развѣ вы, мужчины, ищете чего-нибудь въ женщинѣ?

— Однако...

— Ну, да, знаю. Разговаривать и критиковать вы мастера. Послушать васъ, ни одной женщины васъ достойной—нѣтъ, не существуетъ. И того-то нѣтъ, и то-то плохо, этого — мало, а того—слишкомъ много. Подай вамъ умъ Сталь, красоту Венеры, развратность Мессалины, нѣжность Лавальеръ и не знаю чтѣ еще. На словахъ вы судьи, ахъ, какіе строгіе, ну, а на дѣлѣ... а на дѣлѣ достаточно, чтобы на васъ мало-мальски сносная жен-

щена обратила вниманіе, vous fasse, какъ говорятъ, des avances, и вы готовы, вы растаяли, приклеились въ ея юбкѣ, а чтобы утѣшить свое самолюбіе, находите въ этой женщинѣ такія достоинства, какія другимъ, ея знающимъ, никогда не снились, да которыхъ никогда и не существовало.

Я слушалъ Вѣру съ любопытствомъ: она, положительно, начинала меня интересовать.

— И всѣ такіе?

— Всѣ. Да вы не улыбайтесь... Всѣ, всѣ. И вы такой же.

— Можетъ быть, не спору... Да это и неинтересно. А вотъ... Значитъ, онъ въ ней ничего не нашелъ, да ему ничего и не надо... ну, а она какъ? Тоже самое?

— Совсѣмъ нѣтъ: женщина—дѣло совсѣмъ другое... Прежде всего, скажите, какіе, по вашему, мужчины должны болѣе всего нравиться женщинамъ?

— Становясь на вашу точку зрѣнія, отвѣчаю довольно увѣренно: красивые и глупые.

— Ну, вамъ, кажется, еще очень далеко до моей точки зрѣнія,—насмѣшливо обрѣзала меня Вѣра.—Ни красота, ни глупость не играютъ тутъ никакой роли. Женщинамъ болѣе всего нравятся мужчины, которые ихъ любятъ. Не путайте только: я говорю о любви не къ одной женщинѣ, а къ женщинамъ вообще. Мужчина, любящій женщинъ вообще, всегда будетъ пользоваться у нихъ большимъ успѣхомъ. Почему это такъ? — не знаю. Но мы какъ-то инстинктивно чувствуемъ такого человѣка, онъ насъ притягиваетъ, иногда противъ воли даже притягиваетъ, такъ какъ случается, что такой человѣкъ и уродъ, и глупъ... А вотъ передъ вами и живой примѣръ того, что я говорю... Этотъ дворянскъ въ мундирѣ, какъ вы его назвали,—онъ некрасивъ, чуть-чуть не кретинъ, невоспитанъ, грубъ, а между тѣмъ я не знаю ни одного изъ присутствующихъ здѣсь мужчинъ, которые пользовались бы такимъ громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, какъ онъ. Женщины влюбляются въ него какъ кошки, и несмотря на то, что въ наше время любовныя драмы вышли изъ моды, онъ можетъ похвастаться нѣсколькими таковыми. Я не говорю: какая-нибудь изъ раду вонъ выходящая красота, какой-нибудь гений ума могутъ нравиться и должны привлечь женщину; но это уже будетъ исключеніемъ и ничего не доказываетъ.

Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою собесѣдницу. Ея красивое лицо разгорѣлось; большіе, выразительные глаза сверкали умомъ и жизнью. Если то, что она говорила, было невѣрно и односторонне, то говорила она все это умно, горячо и съ убѣж-

деніемъ. Я много пилъ, много смотрѣлъ на Вѣру—вино и Вѣра ударили мнѣ въ голову. До сихъ поръ я все спрашивалъ и слушалъ, но теперь и самъ заговорилъ и, вѣроятно, то, что я говорилъ, было интересно, нравилось моей сосѣдкѣ, потому что она не прерывала и внимательно слушала, не сводя съ меня большихъ глазъ, свѣтившихся теперь уже не насмѣшкой, а любопытствомъ.

А кругомъ голоса раздавались все громче, жесты дѣлались оживленнѣе, смѣхъ становился пьянѣе. Сошальскій кривлялся все больше и больше; Катинъ взглядъ дѣлался все тяжелѣе и загадочнѣе; Друцкой все чаще наклонялся къ ней и что-то шепталъ, переставъ совсѣмъ обращать вниманіе на негодующіе взоры и выразительный кашель Горталовой.

Вдругъ Сошальскій сорвался съ мѣста, черезъ минуту вернулся съ гитарой и, взявъ увѣренно нѣсколько аккордовъ, затанулъ гнусливымъ голосомъ какой-то цыганскій романсъ. Разомъ, дружно подхватили окружавшіе его припѣвъ. Я этого не ожидалъ и сначала невольно поморщился. Это было не пѣніе, а громкій, рѣжущій ухо, иногда прямо фальшивый крикъ. Въ этомъ крикѣ слышалось вино; онъ являлся, просто, одною изъ формъ, въ которую удобнѣе всего могъ вылиться излишекъ общаго возбужденія, и когда я это понялъ, это пѣніе показалось мнѣ вполне естественнымъ, даже необходимымъ: мнѣ казалось, что не будь его, и его мѣсто заступило бы нѣчто гораздо худшее, неприличное.

Я такъ хорошо это почувствовалъ, что даже и самъ началъ подтягивать.

— Такъ вотъ вы какой!—медленно проговорила Вѣра, какъ-то странно и натаануто улыбаясь.—Я васъ представляла себѣ совсѣмъ... ну, вотъ, совсѣмъ другимъ. Знаете...,—она нерѣшительно остановилась:—знаете, я васъ даже немножко... боялась.

— Это для меня большая честь, Вѣра Николаевна. Вы—и вдругъ боитесь!

— Жаль, что мы съ вами такъ рѣдко видимся. Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ вами поближе.—И она окинула меня такимъ яркимъ и жгучимъ взглядомъ, что у меня по спинѣ забѣгали мурашки. Я невольно отвелъ глаза и въ ту же минуту почувствовалъ, какъ на мою ногу легла мягкая женская ботинка. Я взглянулъ на Вѣру, но она, отвернувшись, что-то говорила Каширскому. Я приподнял носокъ—Вѣра на секунду обернулась, бросила на меня быстрый взглядъ,—и ботинка отвѣтила сильнымъ пожатіемъ.

— А онъ что скажетъ? — спросилъ я вполголоса, указывая на Горталова.

— Надоѣлъ! Охъ, какъ надоѣлъ! Вотъ какъ надоѣлъ! — Весело улыбаясь, она провела рукой по горлу.

— Ну, а этотъ?

— Этотъ? Mon ami! — она тронула Каширскаго за плечо. Тотъ быстро повернулся.

— Que désire madame?

— Павелъ Сергѣевичъ желаетъ знать, ревнивы ли вы.

— Oh, madame! — Онъ развелъ руками и, улыбаясь, на меня смотрѣлъ, причѣмъ его глаза насмѣшливо смѣялись.

— Прелестно! — сказалъ я. — Ужъ о мужѣ, само собой, нечего и спрашивать.

— Само собой. Да вы посмотрите на него и на меня... Развѣ можетъ онъ отъ меня что-нибудь требовать!

Дѣйствительно, рядомъ съ пышной, дышащей здоровьемъ и силой красотой Вѣры, маленькая, истасканная фигурка Сошальскаго, съ испитымъ лицомъ, большою плѣшью и полу-гнилыми зубами являлась еще гаже, еще непривлекательнѣе.

Въ это время пѣніе смолкло. Раздался присюсюкивающий голосъ Сошальскаго:

— А теперь ваша очередь, Катерина Петровна.

Онъ протянулъ гитару Катѣ, но та, что-то отвѣтивъ, отрицательно качала головой.

— Какъ, не будете! — воскликнулъ Сошальскій, отеревъ отъ удивленія ротъ. — Господа, что-же это такое? Катерина Петровна отказывается пѣть.

Начались упрашиванія, но Катя продолжала отказываться. Такъ какъ у нея былъ красивый голосъ и пѣла она охотно, то ея упорство показалось мнѣ страннымъ. Наконецъ, она мелькомъ, какъ-то съ боку на меня взглянула и хотя еще нерѣшительно, во взяла гитару. Раздались одобрительные возгласы.

— Нумеръ первый: „Очи черныя“! — взвизгнулъ Сошальскій. — Хоръ, прошу не зѣвать!

И Катя запѣла:

— „Очи черныя,
Очи жгучія,
Очи страстныя
И прекрасныя“...

— пѣла она, и все кругомъ стихло, всѣ, казалось, затаили дыханіе, замерли, и я сразу понялъ, почему она не хотѣла пѣть. Кати, моей Кати, больше не было. Я видѣлъ передъ собою женщину

необыкновенной красоты, но совсѣмъ мнѣ чужую, и эта женщина пѣла, но пѣла такъ, какъ я никогда не думалъ, чтобы можно было пѣть. Она вся пѣла. Ея голосъ—гибкій и мягкій—то становился еле слышнымъ, замирая на словахъ отчаянья и нѣги, то звучалъ всеокрушающей страстью; ея глаза то потухали совсѣмъ, то, широко раздвигаясь, горѣли такимъ яркимъ свѣтомъ, что, глядя ни на нихъ, духъ захватывало. Она ничего и никого не видѣла и, въ то же время, ея голосъ, лицо, глаза, вся она говорила всѣмъ и каждому: „любите меня, берите меня, я ваша!“ И я видѣлъ, чувствовалъ, что нельзя устоять противъ этого призыва. Я видѣлъ устремленные на нее жадные, воспаленные взоры, чувствовалъ, что я самъ, ея мужъ, смотрю на нее такъ же, не могу смотрѣть на нее иначе... Все отдать, жизнь отдать за обладаніе этой женщиной!.. И ея взглядъ—загадочный, упорный, которымъ она, въ перерывахъ между пѣніемъ, медленно обводила присутствующихъ, точно между ними выбирала—говорилъ тоже самое.

Я забылъ про свою сосѣдку, забылъ все окружающее...

Вдругъ Горталова, блѣдная, съ горящими глазами, наклонилась въ нашу сторону и черезъ весь столъ произнесла громкимъ, отчетливымъ голосомъ:

— Вѣра, почему нѣтъ сегодня Оленина?—и эффектъ этихъ словъ, хотя мгновенный, былъ поразителенъ. Всѣ разомъ замолчали, а я почувствовалъ, что на меня, точно по командѣ, обратились взоры всѣхъ. Но я смотрѣлъ на Катю. Она также на секунду какъ будто застыла, кинула на меня быстрый взглядъ, но тотчасъ же потомъ, не давъ даже Вѣрѣ времени отвѣтить, взяла сильный аккордъ и громко запѣла:

„Насталъ желанный часъ,
Никто не видитъ насъ“...

Это было сильнѣе всего того, что она пѣла до сихъ поръ. Катя подчеркивала слова, говорила больше, чѣмъ говорилъ и безъ того откровенный романсъ.

— Вакханка!—вырвалось у кого-то невольно.

— Вакханка! Ха-ха-ха! Вѣрно!—услышалъ я надъ своимъ ухомъ нервный смѣхъ Вѣры.—А вотъ и Сатиръ!—и она рукой указывала на своего мужа.

Громкое браво заглушило ея слова. Дружкой неистово аплодировалъ, покрывая Катю такимъ взглядомъ, что казалось, вотъ, вотъ, еще немного — и онъ при всѣхъ бросится ее цѣловать; а Сошальскій очутился даже на колѣняхъ и, протягивая къ Катѣ руки, визгливо пищалъ:

— Божественная! Очаровательная! Я всегда говорилъ, что вы очаровательница!

Но это былъ финаль. Катя толкнула гитару въ Сошальскому, быстро встала и, обратившись къ Друцкому, сказала громко:

— Перчатки!

— Ну, что это, Катя... Вѣдь еще рано,—попробовала удержать ее Вѣра. Но Катя отрицательно покачала головой и пошла къ передней.

— Надѣюсь, вы насъ теперь не забудете, — говорила мнѣ Вѣра, ласково улыбаясь.

Я наклонился, чтобы поцѣловать ея руку. „Завтра, въ два часа, въ Лѣтнемъ саду“, услышалъ я ея быстрый шопотъ. Я молча поклонился и невольно оглянулся на Катю. Друцкой запылавъ на ней ротонду и что-то тихо говорилъ. Я видѣлъ, какъ Катя отрицательно качала головой. Вдругъ она повернула къ нему голову и, смѣясь глазами, выговорила:

— Вы, кажется, съ ума сошли?!

Друцкой низко поклонился, самодовольно улыбаясь.

— Ну, какъ тебѣ понравилось?—спросила меня Катя, когда мы съѣли въ карету. — Не правда ли, Вѣра—прелесть?.. Какая умница!

Она наклонилась, взглянула мнѣ въ глаза и вдругъ, сбросивъ порывистымъ движеніемъ ротонду, обѣими руками обхватила мою шею и съ глубокимъ вздохомъ жадно прильнула къ моимъ губамъ.

А я, отдаваясь ея ласкамъ, думалъ,—насколько могла тогда думать моя отуманенная голова,—что именно такъ погибають женщины. Я чувствовалъ, что будь на моемъ мѣстѣ другой, совсѣмъ чужой человекъ, и Катя цѣловала и ласкала бы его, какъ цѣловала и ласкала меня.

О, эта ночь, ночь безумія и позора, — когда я, охваченный бурной волною Катиной страсти, жадно сжималъ въ своихъ объятіяхъ, безумно ласкалъ женщину, мнѣ измѣняющую! О, будь она проклята, эта ночь притворства и обмана, гдѣ правдивой была лишь животная страсть,—ночь торжества этой страсти надъ всѣмъ тѣмъ, что въ моей душѣ было честнаго и порядочнаго! Будь она проклята и за то, что даже теперь я не могу выбросить ее изъ своей памяти и, краснѣя отъ стыда и презрѣнія къ себѣ, долженъ сознаться, что съ радостью жизнь отдамъ, чтобы еще разъ ее пережить. Я дрожу, вспоминая о ней, я не могу забыть ее, но я рѣшилъ умереть и умру, чтобы не допустить ея повторенія!

Вчера я не писалъ — не могъ. Сегодня утромъ поѣхалъ въ Гатчину. Тамъ все то же: болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, осложненій нѣтъ. Но какъ онъ, бѣдный, исхудалъ! Я спрашивалъ, присылала ли Катя узнать объ его здоровьи. Нѣтъ, не присылала. А она не можетъ не знать, что онъ серьезно боленъ...

Хотѣлъ остаться тамъ почевать, но почувствовалъ себя нехорошо и вернулся. Что-то голова тяжела и все кружится. Только бы мнѣ самому не заболѣть—вотъ было бы невстати.

Сегодня мнѣ также нехорошо. Нѣсколько разъ брался за перо, но ничего не выходило. Я не могу сладить съ воспоминаніями, — съ воспоминаніями далекаго прошлаго, свѣтлаго и прекраснаго... Они вдругъ и неудержимо меня охватили, отуманили голову, забрались въ сердце, и я размякъ и раскисъ. О, неужели все это прошло безвозвратно? Катя, дорогая моя, милая, я безумно люблю тебя! Катя, пожалѣй меня, вспомни... и вернись!..

„Вспомни и вернись“ ... Глупо и стыдно! Но все равно—вычеркивать не хочу.

Въ ту памятную ночь я совсѣмъ не спалъ. Лишь только Катя заснула, я тихонько всталъ, взялъ ванну и вышелъ. Былъ девятый часъ. На набережной, куда я прошелъ, не было ни души. Хлопья мокраго снѣга, гонимые сильнымъ рѣзкимъ вѣтромъ, мочили мнѣ лицо, слѣпили глаза, и я съ наслажденіемъ шелъ имъ на встрѣчу, широко распахивая шубу. Страшно усталый вернулся я домой, но зато голова была свѣжа, и я съ честью выдержалъ послѣдніе часы лжи и притворства.

Я думалъ, что Катя въ завтраку не выйдетъ, но ошибся. Она вышла и была со мною еще внимательнѣе, еще нѣжнѣе обыкновеннаго.

— По такой погодѣ ты, конечно, въ Гатчину не поѣдешь, — увѣренно, хотя вскользь, замѣтила она, когда, вставъ изъ-за стола, мы перешли пить кофе въ кабинетъ.

— Почему? Чтò мнѣ погода? Вотъ еслибы ты дала мнѣ карету. Быть можетъ, она тебѣ до вечера не понадобится...

— Нѣтъ, нѣтъ, бери! — быстро отвѣтила она: — сегодня я думаю цѣлый день остаться дома.

Я нарочно попросилъ карету. Такимъ образомъ Катя могла увѣриться, что я, дѣйствительно, уѣхалъ. Да и Катя это поняла и уже больше не отговаривала меня ѣхать.

Я съ нею простился, но въ передней, надѣвая шубу, мнѣ стало вдругъ такъ тяжело, такъ невыносимо, что я нѣсколько се-

куда въ нерѣшительности стоялъ на мѣстѣ. „Вѣдь это конецъ, конецъ всему“!.. отчетливо промелькнуло въ головѣ и нестерпимой болью отдалось въ сердцѣ. Это было ужасно! Я схватилъ шляпу и почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Пріѣхавъ на вокзалъ, я отпустилъ кучера, дождался, пока ушелъ поѣздъ, и поѣхалъ къ Дюссо. Было еще рано. Иванъ подалъ мнѣ бутылку вина. Я растянулся на диванѣ, съ твердымъ намѣреніемъ еще разъ хорошенько обдумать свое положеніе; но изъ этого ничего не вышло. Въ головѣ моей, какъ въ котлѣ, кипѣли и бурлили самыя разнообразныя мысли, но овладѣть ими, привести ихъ въ порядокъ я не былъ въ состояніи. Наконецъ, я забылся, даже, кажется, задремалъ. Шумъ и споръ изъ отворенной рядомъ двери привелъ меня въ себя. Я вскочилъ и бросился къ картинѣ. По серединѣ комнаты, снимая перчатки, стоялъ Оленинъ. Иванъ зажигалъ свѣчи.

— Который часъ?—лѣниво спросилъ Оленинъ.

— Безъ десяти минутъ шесть,—отвѣтилъ Иванъ.

— Ну, тамъ, какъ всегда. Закуску можешь давать теперь. Да,—остановилъ онъ уходившаго Ивана:—скажи Mr. Nicolas, что прошлый разъ мадера пробкой воняла... Чтобы этого не было, слышишь!

Бросивъ фуражку съ перчатками на подзеркальничъ, Оленинъ разстегнулъ скюртку и сѣлъ на диванъ; потомъ, громко зѣвнувъ, закурилъ папиросу.

А я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и—странное дѣло—безъ всякой злобы. Онъ былъ очень недуренъ собою. Высокаго роста, стройный, съ маленькими черными усиками и прекраснымъ цвѣтомъ лица; но большіе темные глаза, подъ высоко-поставленными бровями, смотрѣли какъ-то неопредѣленно, даже глуповато, а лицо было безжизненно и напоминало красиво размалеванную фарфоровую вазу.

Онъ, видимо, былъ не въ духѣ и все хмурился; нѣсколько разъ вскакивалъ съ дивана и нетерпѣливо шагалъ по комнатѣ, подходилъ къ двери и внимательно прислушивался.

Я взглянулъ на часы: было четверть седьмого.

Вдругъ онъ насторожился. По корридору раздавалось шуршавье платья и въ широко распахнутую Иваномъ дверь вошла Катя. Густая черная вуаль закрывала ея лицо, и узнать ее было трудно.

Пробормотавъ сквозь зубы: „Bonjour“, и продолжая хмуриться, Оленинъ помогъ ей раздѣться.

— Это что такое? — насмѣшливо проговорила Катя, когда Иванъ затворилъ за собою дверь:—je crois que monsieur est fâché!

И опять этотъ увѣренный, насмѣшливый тонъ былъ мнѣ незнакомъ, опять я видѣлъ совсѣмъ другую Катю.

Она положила руку къ нему на плечо, стараясь заглянуть въ глаза; но онъ, наклонивъ голову, молчалъ.

— Ну?—и она, улыбаясь, слегка его толкнула.

— Желалъ бы я знать, почему вамъ неуютно было, чтобы я вчера прѣхалъ къ Сопальскимъ,—мрачно выговорилъ онъ.

— А! ты ревнуешь! Ха-ха-ха! Bravo! Tu fais des progrès.

Она разсмѣялась, отошла къ зеркалу и стала поправлять въ волосахъ шпильку.

— Не ревную, но... все-таки... это очень странно... и я...

— Успокойся. Я не хотѣла, чтобы ты былъ у Вѣры, потому что моему мужу пришла вдругъ фантазія туда явиться.

Оленинъ широко открылъ глаза.

— Твой мужъ былъ вчера у Сопальскихъ?—удивленно протануль онъ.—Не можетъ быть!

— Былъ и даже очень сильно ухаживалъ за Вѣрой,—сказала съ улыбкой Катя.

— Ха-ха-ха! Воображаю, какъ онъ былъ милъ!

Но Катя вдругъ сдѣлалась серьезною.

— Я и сегодня думала не приходить. Съ нимъ что-то случилось. Меня это беспокоитъ.

— Неужели онъ подозрѣваетъ?

— Не знаю, не знаю... Но что-то есть—это вѣрно.

— Ты же сама говорила, что онъ вѣритъ въ тебя, какъ въ Бога. Помнишь: „Моя Катя! Моя Катя!“ Неужели ему можетъ придти въ голову, что „его Катя“ ему измѣняется?

Катя молчала, задумчиво смотря передъ собою, но вдругъ рѣшительно махнула рукой и весело проговорила:

— Ну, довольно объ этомъ... Все равно! Давай обѣдать, мнѣ ѣсть хочется. Ахъ, какъ поздно!—воскликнула она, взглянувъ на часы.—Скорѣй, скорѣй!—И, обхвативъ руками шею Оленина, она громко поцѣловала его въ губы.

Обсуждая теперь съ полнымъ хладнокровіемъ и безпристрастіемъ свои поступки и чувства за всѣ эти дни горя и страданія, начиная со дня рокового открытія и до послѣдняго времени, я вижу ясно, что послѣ этого поцѣлуя характеръ моихъ поступковъ и дѣйствій измѣняется. До него,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется,—все, что я ни дѣлалъ, было довольно ясно и понятно. Быть можетъ, не всякій на моемъ мѣстѣ поступалъ бы такъ, какъ я; но, во всякомъ случаѣ, въ моемъ поведеніи особенно страннаго не было ничего и оно могло быть мотивировано

и объяснено довольно легко. Съ момента же поцѣлуя я дѣлаю вещи иногда совсѣмъ бессмысленныя. Почему, напримѣръ, я добровольно пережилъ часть такихъ мученій, передъ которыми все остальное, испытанное мною и прежде и послѣ, блѣднѣетъ, кажется сущими пустяками? Вѣдь я хотѣлъ убѣдиться. И я убѣдился, и мнѣ слѣдовало теперь уйти. А я не могъ двинуться съ мѣста, не могъ оторваться отъ проклятой дыры. Медленно, глотокъ за глоткомъ, впитывалъ я въ себя отраву того, что видѣлъ и слышалъ. Ядъ жегъ мнѣ внутренности, раздиралъ сердце. Я глухо стоналъ, руки судорожно сребрили стѣну, голова кружилась. Я нѣсколько разъ принужденъ былъ сходить со стула, до того дрожали ноги; но опять всакивалъ, смотрѣлъ и слушалъ. Но вотъ... впрочемъ, зачѣмъ это, къ чему?.. Шатаясь, отошелъ я отъ стѣны, вышелъ изъ комнаты и отворилъ дверь сосѣдняго номера. Катя съ крикомъ отшатнулась отъ Оленина. Я подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Но она, какъ ужаленная, отдернула руку. Она смотрѣла на меня глазами, полными ужаса, и вдругъ — точно судорога, мѣшавшая ей говорить, прошла — громко, отчаянно вскрикнула:

— Помогите! Убейте!

— Катя, пойдемъ... пожалуйста, пойдемъ!

Я наклонился, чтобы ее приподнять. Она вытянула руки, хотѣла меня оттолкнуть; но руки опустились, какъ плети, голова безпомощно повисла и глаза закрылись.

Въ эту минуту я почувствовалъ, что меня кто-то съ силою тащить за плечи. Обернувшись, я очутился лицомъ въ лицу съ Оленинымъ. Онъ что-то говорилъ. Звуки его голоса доносились до меня смутно, какъ будто издали. Вначалѣ я ничего не понималъ, да и не старался понять. „Хладнокровіе, хладнокровіе, хладнокровіе!“ быстро шепталъ я про себя, чувствуя приближеніе чего-то ужаснаго.

— Ее не смѣте... Я въ вашимъ услугамъ... Всегда готовъ, — какъ во снѣ доносился до меня голосъ Оленина.

Я опять повернулся къ Катѣ.

— Ступайте, ступайте прочь! — И Оленинъ схватилъ меня за руку.

Что-то внутри меня перевернулось, зашумѣло, поднялось, со страшной силою вылилось... и я потерялъ сознание.

Я открылъ глаза, вслѣдствіе ощущенія мокроты и холода. Передо мной стоялъ Иванъ и поливалъ мнѣ голову изъ графина. Я вспомнилъ и вскочилъ.

— Гдѣ они?

— Барыня давно ушли-сь, а господинъ Оленинъ лежать-сь. За докторомъ послали-сь. Ужь очень хорошо-сь въ ихъ наградили-сь. Позвольте ручки-сь...—И онъ мокрымъ полотенцемъ сталъ вытирать мнѣ руки. Взглянувъ, я увидѣлъ, что онъ въ крови.

Какъ заботливая нянька, вывелъ меня Иванъ на улицу и усадилъ на извозчика.

Я очень странно себя чувствовалъ. О томъ, что произошло, я совсѣмъ не думалъ; но мнѣ было гораздо легче. Тяжесть, давившая меня все это время, какъ будто исчезла; казалось, я исполнилъ то, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и это сознаніе исполненнаго долга было пріятно. Я ѣхалъ, отдаваясь весь вѣтшнимъ впечатлѣніямъ. Погода стихла, потеплѣло, и вечернее петербургское движеніе было въ полномъ разгарѣ. Я съ интересомъ глядѣлъ по сторонамъ и даже, встрѣтивъ знакомаго, бывшего товарища, крикнулъ ему съ извозчика: „здравствуй!“

Кати не было. Я раздѣлся и, еле успѣвъ положить голову на подушку, заснулъ какъ убитый.

Проснулся я поздно, отъ страшнаго кошмара. Мнѣ приснилась Катя, окруженная толпою мужчинъ. Она ходила между ними съ циническимъ смѣхомъ и неприличными тѣлодвиженіями. Ужасная боль въ сердцѣ заставила меня открыть глаза.

Лучъ солнца, пробившійся сквозь оконную занавѣску, весело игралъ на потолкѣ. Я былъ радъ ему и долго на него смотрѣлъ, усиленно думая о томъ, что было и что будетъ. Мало-по-малу душой моею овладѣло удивительное спокойствіе. Точно я поднялся куда-то очень высоко и смотрю оттуда внизъ, гдѣ подъ моими ногами бушуетъ ненастье, гремитъ громъ и сверкаетъ молнія. И я чувствовалъ, что припадая дикой ярости, подобнаго вчерашнему, больше не будетъ, не можетъ быть.

Я всталъ, но передъ тѣмъ, какъ выйти изъ спальни, обыскалъ всѣ Катинны вещи и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ, наконецъ, то, что мнѣ было нужно. Подъ вучею бѣлья, на нижней полкѣ шкафа, я увидѣлъ длинную кожаную коробку изъ подъ перчатокъ. Она была заперта, но по звуку я догадался, что въ ней письма. Я сломалъ замокъ. Писемъ было порядочно, штукъ тридцать, должно быть. Подписаны они не были, но я разобралъ четыре разныхъ почерка. Я сталъ читать. Все то же самое: не будь разныхъ рукъ, трудно было бы догадаться, что письма отъ разныхъ лицъ. Тѣ же мысли, та же ходульность чувствъ и выраженій, та же разница между характеромъ первыхъ писемъ и послѣдующихъ. „Люблю! Жизнь отдамъ!“ И этотъ мотивъ длинно,

пошло и однообразно варьировался въ первыхъ двухъ, трехъ письмахъ. „Въ такомъ-то часу, въ такомъ-то ресторанѣ“ — являюсь краткимъ содержаніемъ остальныхъ. Писемъ „разрыва“, съ упреками, нытьемъ и т. п., не было. Или Катя такихъ писемъ не хранила, или же финальный актъ происходилъ у нея совсѣмъ просто, безъ лишнихъ волненій и осложнений.

Одного изъ авторовъ писемъ я узналъ по своеобразному слогу. „У насъ, въ Грузіи, я купилъ бы васъ за стадо барановъ, а не захотѣли бы вы быть моею — зарѣзали бы васъ. Здѣсь сдѣлать этого — увы! нельзя: законъ не дозволяетъ; но себя зарѣзать я могу“ и т. д.

Авторомъ былъ нѣкій князь восточнаго происхожденія, ухаживавшій за Катей еще въ самомъ началѣ ея замужства. Я помню, какъ меня это ухаживаніе забавляло, какъ я смѣялся надъ глупой фязіономіей ухаживателя, надъ его стеклянными, выпученными глазами, которые, когда онъ смотрѣлъ на Катю, казались, вотъ-вотъ выскочать изъ головы. И Катя тоже смѣялась...

На днѣ коробки, отдѣльно отъ другихъ, лежало письмо, сложенное вчетверо и перевязанное розовою ленточкой. Когда я до него дошелъ и развернулъ, то въ первую минуту до того растерялся, что не хотѣлъ вѣрить глазамъ и машинально сталъ искать подписи. А зачѣмъ, спрашивается, когда почеркъ письма, крупный и твердый, былъ мнѣ прекрасно знакомъ, принадлежа моему товарищу дѣтства, другу, единственному человѣку, котораго я дѣйствительно уважалъ. Я пробѣжалъ письмо, и эта новая обида тяжелымъ камнемъ легла мнѣ на сердце. „Только этого не доставало!“ — подумалъ я. Такъ какъ письмо довольно характеристично, то привожу его цѣликомъ.

„Вы меня обманули. Это нехорошо, нечестно, вы легко могли безъ этого обойтись, но это ваше дѣло. Пишу вамъ не для того, чтобы васъ упрекать и жаловаться — цѣль моего письма иная. Я любилъ васъ искренно и хорошо (вы помните: я предлагалъ вамъ развестись, хотѣлъ на васъ жениться). Вы также, кажется, хоть немножко да меня любили. И вотъ, во имя этой, прошлой любви, я обращаюсь къ вамъ теперь.

„Мнѣ искренно жаль васъ: вы неминуемо погибнете. Рано или поздно все откроется, и что тогда? Я хорошо знаю вашего мужа. Онъ не изъ тѣхъ, которые сквозь пальцы смотрятъ на проказы жены. Узнай онъ что-нибудь, и вы, какъ жена, перестанете для него существовать. Умоляю васъ, опомнитесь, подумайте хорошенько, на что вы идете, и постарайтесь измѣнить свою жизнь. Я знаю, что здѣсь, въ Петербургѣ, сдѣлать это нелегко,

почти невозможно; вамъ надо уѣхать куда-нибудь въ глушь, въ деревню, и засѣсть тамъ, пока не почувствуете, что навсегда покончили съ прошлымъ. У васъ есть сынъ, котораго, кажется, вы любите; Павелъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы ему развязаться съ Петербургомъ—неужели это неисполнимо?

„Хотите, я вамъ помогу, поговорю съ Павломъ, сдѣлаю такъ, что онъ, ни на каплю не измѣнивъ своего мнѣнія о васъ, потребуетъ немедленнаго удаленія изъ Петербурга? Чтобы помочь вамъ выбраться изъ этого омута, я на все готовъ. Къ сожалѣнью, я скоро уѣзжаю, — уѣзжаю надолго, если не навсегда,—а потому время дорого.

„Прощайте. Не поминайте лихомъ. Вашего отвѣта буду ждать двѣ недѣли“.

Любопытное письмо, свидѣтельствовавшее о томъ, что даже безспорно умные люди способны думать и писать величайшія глупости. „Постарайтесь измѣнить свою жизнь!“ Какъ хорошо онъ зналъ Катю, если могъ ей это совѣтовать! Вообще, очень мило. Свое дѣло сдѣлалъ, получилъ отставку и пустился морализировать.

Ртищевъ уѣхалъ четыре года тому назадъ и съ тѣхъ поръ не былъ въ Петербургѣ. Слѣдовательно, уже въ то время Катя, не стѣсняясь, мѣняла любовниковъ.

Я сидѣлъ и писалъ письмо Софѣ, въ которомъ, рассказавъ вкратцѣ то, что произошло, просилъ ее взять въ себѣ Сережу на то время, пока не выяснится и не опредѣлится дальнѣйшая моя жизнь. Вдругъ я услышалъ быстрые шаги и шелестъ платья. „Неужели Катя?!“ подумалъ я почти съ ужасомъ. „Только бы выдержать!“ Но то была не Катя, а ея мать, Софья Михайловна.

Какъ бомба влетѣвъ въ кабинетъ, Софья Михайловна, не здороваясь, стала передъ письменнымъ столомъ и, протянувъ ко мнѣ руку, трагическимъ голосомъ возгласила:

— Что вы сдѣлали съ моею дочерью?

— Правильнѣе, мнѣ кажется, было бы спросить, что ваша дочь со мною сдѣлала?—спокойно отвѣтилъ я.

— Это неслыханная вещь! — продолжала она, не слушая и захлебываясь отъ волненія, причемъ вся ея сухая, костлявая фигура прыгала и вертѣлась, какъ паяцъ на резинкѣ.—Скандалъ на весь городъ! Никуда глазъ нельзя показать. Сейчасъ, вотъ, вашъ швейцаръ... дуракъ, мужикъ!—пріѣзжаю, спрашиваю: дома? А онъ на меня такъ дерзко смотритъ, да и говоритъ: дома нѣтъ! Болванъ!

Я молчалъ.

— Катя сидитъ, реветъ. И по дѣломъ, говорю, дура! Сколько разъ я тебя предупреждала: смотри, выкинетъ когда-нибудь твой муженекъ съ тобою штуку... Не даромъ онъ все молчитъ. Крутъ смѣхъ, разговоры, а онъ себѣ сидитъ да на всѣхъ искоса поглядываетъ. И не поймешь, что онъ тамъ, въ головѣ своей мудритъ... Тихоня! Знаю я этихъ тихонь, отъ нихъ добра не жди. Не давай, говорю, мужу много думать: такого надумаетъ, что потомъ сама каяться будешь... Вотъ и мой, Петръ Ивановичъ, такой же былъ... Ну, да вѣдь со мной не очень-то разгуляешься, скоро изъ него дурь выбила. „Ты что это все сидишь да думаешь? говорю. О чемъ это, позволь тебя спросить? Или живется тебѣ плохо, или любить ты меня пересталъ, или забота у тебя какая тяжелая есть? Такъ ты, ужъ сдѣлай милость, расскажи, вмѣстѣ и подумаемъ“. Вотъ, и тебѣ бы такъ. Да нѣтъ, куда! Больно умны мы стали, все своимъ умомъ жить хотимъ... Ну, и дожила! И по дѣломъ! Въ другой разъ слушайся матери!

Она бросилась въ кресло, вытащила платокъ и стала обмахиваться, глядя на меня сердитыми глазами.

— Однако, это довольно странно, — началъ я: — ваша дочь меня обманула...

— Ахъ, скажите!

Я остановился, но она молчала, презрительно улыбаясь.

— Ваша дочь меня обманула, — продолжалъ я: — и вы, какъ будто, обвиняете въ этомъ меня. При чемъ я тутъ? Какъ у всякаго человѣка, у меня могутъ быть свои недостатки, я, конечно, не идеаль, но вѣдь это къ дѣлу не относится. Я засталъ Катю въ отдѣльной комнатѣ ресторана съ любовникомъ...

— А кто вамъ сказалъ, что то былъ ея любовникъ? Кто вамъ это сказалъ? Просто, хорошій знакомый, съ которымъ она случайно встрѣтилась... ну, и пошла обѣдать.

— Это вамъ Катя такъ объяснила?

— А хотя бы Катя... не все ли равно... Вѣдь это могло такъ быть? Да или нѣтъ? — я васъ спрашиваю.

— Въ такомъ случаѣ, Катини хорошіе знакомые въ то же время и ея любовники. Я слышалъ то, что они говорили, видѣлъ, какъ они цѣловались.

— Желала бы я очень знать, какъ могли вы это видѣть?!

— Я сидѣлъ рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, откуда все было и слышно, и видно.

Софья Михайловна нѣсколько секундъ смотрѣла молча, оторопылыми глазами и вдругъ сорвалась съ мѣста и бросилась ко мнѣ.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ это честно! — и ея визгливый

голосъ рѣзалъ мнѣ уши. — Выслѣдилъ, подсмотрѣлъ, ворвался... — она загнулась, чуть не сказавъ: незваный — ворвался въ комнату, поднялъ скандалъ... Зачѣмъ, зачѣмъ все это? Точно нельзя было по тихому, по благородному... Цѣловались! Экое, подумаешь, преступленіе! Убудетъ ее, что-ли, отъ этихъ поцѣлueвъ?!

— Ну, однако! — вырвалось у меня.

— А теперь чтѣ же будетъ? Катя и слышать не хочетъ, чтобы къ вамъ вернуться. „Ни за что!“ говоритъ: „онъ меня убьетъ!“ И я ее понимаю: вы какой-то бѣшеный, съ вами опасно дѣло имѣть.

— Значить, все къ лучшему, потому что если бы ваша дочь даже желала ко мнѣ вернуться, то я ее не приму.

— Что? Не примете?! — И столько удивленія было въ этихъ возгласахъ, что ихъ нельзя было не признать натуральными.

— Конечно. Я не считаю больше вашу дочь своею женою. Между нами все кончено.

— Все кончено? — какъ эхо, повторила Софья Михайловна.

— У меня въ рукахъ есть доказательства, что господинъ Оленинъ далеко не первый ея любовникъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, она начала меня обманывать уже вскорѣ послѣ свадьбы. Она — развратная, погибшая женщина и, повторяю, между нами все кончено.

Софья Михайловна смотрѣла на меня страннымъ взглядомъ, въ которомъ были и удивленіе, и недоувѣріе, и злоба, и потомъ тихо, точно про себя, выговорила:

— Что же это? А какъ же другіе? Ваши же всѣ: Сошальскіе, Горталовы... Вѣдь живутъ, и ничего... Тихо, смирно, сора изъ избы не выносятъ... И всѣ такъ. А вы...

— А я такъ не могу.

— Не можете?! — И вдругъ ея глаза загорѣлись злобою, а лицо судорожно искривилось. — Не можете?! Самъ довелъ жену до скандала, самъ его устроилъ, а теперь: не мое, молъ, дѣло, устройтесь, какъ хотите, получайте дочку назадъ, а я умываю руки... Прекрасно, очень хорошо придумано! Не на такую только напали: такъ я ее и приму... Очень вамъ благодарна за подарокъ! Мало я что-ли съ нею повозилась! А теперь, вотъ, опять!.. Какъ бы не такъ! Да я и держать-то ее у себя не буду!

Я пожалъ плечами.

— Скажите, пожалуйста: не могу! Всѣ могутъ, а онъ не можетъ! А чего вы глядѣли раньше? Кто, какъ не вы, довелъ ее до этого? Всюду таскалась одна, каждую ночь тройки, цыгане, вутежи... Глаза-то у васъ гдѣ были, умъ-то, хваленый вашъ умъ,

гдѣ скрывался? Да отъ такой жизни и святая свихнется! А онъ себѣ въ кабинетѣ посиживаетъ, книжки почитываетъ и знать себѣ ничего не знаетъ... А какъ пришла пора расплачиваться: „не могу да не могу, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“! Ахъ, какъ хорошо!

Я молчалъ.

— Только напрасно! Вы думаете, я это такъ оставлю? Ну, ужъ извините, не изъ таковыхъ... Думаете, не найду на васъ суда и расправы? Да я васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ опельмую, передъ всѣми подлецомъ выставлю, въ грязь втопчу! Я васъ такъ отдѣлаю, что вамъ никуда носа нельзя будетъ показать! Я васъ уничтожу, я васъ...

Она вдругъ смолила и схватилась за горло. У уголь рта показалась крѣна. Я испугался и бросился за водой. Но она оттолкнула стаканъ и, хрипло проговоривъ:

— Не радуйтесь... еще не умру... Скоро обо мнѣ услышите! — вышла изъ комнаты.

Признаюсь, я былъ удивленъ. Особой симпатіи къ Софьѣ Михайловнѣ я никогда не чувствовалъ. Я всегда ее считалъ выраженной кухаркой; кромѣ того, мнѣ казалось, что она несовсѣмъ нормальна. Тѣмъ не менѣе, до этихъ поръ крупныхъ столкновеній между нами не было. Выйдя за меня замужъ, Катя, какъ принято говорить, сдѣлала „выгодную партію“; Софья Михайловна понимала это и совращалась. Теперь же она выказала себя въ истинномъ свѣтѣ. И это мать!..

Цѣлый день прождалъ я секундантивъ Оленина, но они почему-то не являлись. вмѣсто нихъ, вечеромъ, т.-е. скорѣе ночью, въ первомъ часу, меня посѣтилъ мой двоюродный братъ, Николай, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Николай былъ въ своемъ родѣ типъ. Всегда безукоризненно, по послѣдней модѣ одѣтый, съ моноклемъ въ глазу, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ сквозъ свое стеклышко на весь окружающій его міръ. Все человѣчество дѣлилось имъ на двѣ неравныя части: на порядочныхъ и непорядочныхъ. Къ числу первыхъ принадлежали прежде всего онъ самъ, Николай Павловичъ Аргунинъ, и весьма ограниченное число ему подобныхъ по рожденію, а во вторыхъ— всѣ остальные люди, толпа, plebs. Другихъ дѣленій онъ не признавалъ. Равнодушное, нѣсколько нахальное обращеніе съ равными, холодно-снисходительное съ прочими—не допускало никакихъ сильныхъ проявленій чувства. Волноваться, т.-е. высказывать волненіе, было неприлично; увлекаться, горячо высказывать одобреніе, порицаніе—также. Во всемъ и всегда невозмутимое, ледя-

ное спокойствіе. Николай въ высокой степени обладалъ этой выдержкой, а потому даже у себя въ министерствѣ считался образцомъ корректности. Все это было смѣшно, пошло, и тѣмъ не менѣе, Николай не былъ дурнымъ человѣкомъ. Его выручало хорошее сердце. Обладая значительнымъ состояніемъ, онъ дѣлалъ много добра и никогда объ этомъ не говорилъ; а сверхъ того слишкомъ гордился тѣмъ, что онъ Аргунинъ, чтобы быть способнымъ на сознательную гадость. Между тѣмъ какъ большинство ему подобныхъ, *petits crevés*—типъ вполне отрицательный, скрывающій подъ отполированной поверхностью, подъ лоскомъ вѣшняго приличія, нравственную негодность и дрянность, я, знающій жизнь Николая какъ свою, не могу указать ни на одинъ случай, въ которомъ его поведеніе было бы не только безчестнымъ, но даже сомнительнымъ. Бросая кругомъ себя взглядъ, припоминающая личности, съ которыми меня сводила судьба, мнѣ приходится сознаться, что Николай почти единственный, про котораго я, не колеблясь, могу сказать: „да, это честный человѣкъ“.

Войдя въ комнату и не успѣвъ еще поздороваться, Николай прерывающимся голосомъ, въ которомъ не было и слѣда его обычной манеры медленнаго пропусканія словъ сквозь зубы, быстро проговорилъ:

— Господи! Павелъ! Я сейчасъ изъ клуба... Неужели это правда?

Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ. Куда дѣвались его образцовая корректность, его невозмутимое спокойствіе! Даже монокль, вмѣсто того, чтобы гордо покоиться на своемъ мѣстѣ, беспомощно болтался на шелковинкѣ.

Я невольно усмѣхнулся.

— Поправь галстухъ: онъ у тебя на бокъ съѣхалъ.

Николай съ испугомъ схватился за шею, но тотчасъ же укоризненно на меня взглянулъ.

— Прежде расскажи мнѣ то, что ты слышалъ въ клубѣ! — сказалъ я уже серьезно.

Онъ замаялся.

— Тамъ чортъ знаетъ что говорятъ... Будто ты нанялъ агентовъ сыскной полиціи слѣдить за Катериной Петровной, съ ихъ помощью наврылъ ее въ какой-то гостинницѣ, en deux съ какимъ-то офицеромъ, одни говорятъ — съ Друцкимъ, другіе — съ Ленинымъ, третьи называютъ еще кого-то, — и избилъ ихъ обоихъ; офицера чуть не убилъ, но его спасли лакеи.

— Не совсѣмъ такъ, хотя частица правды есть. — И я рассказалъ Николаю, какъ было дѣло.

— Ну, это совсѣмъ другое... потому что бить женщину, это... согласись... А такъ, что же... Епѣн...

Онъ повеселѣлъ и привычнымъ движеніемъ посадилъ монобль на мѣсто.

— Кто у тебя будетъ вторымъ секундантомъ?—уже спокойно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Я драться не буду.

— Что?!—И опять монобль выпалъ изъ глаза, а лицо Николая выразило крайнее удивленіе, почти испугъ.—Не будешь драться?!

— По крайней мѣрѣ теперь. Я, конечно, не отказываюсь отъ дуэли совсѣмъ, но придется съ нею повременить. Впрочемъ, тебѣ все это необходимо знать.

Тутъ я ему объяснилъ, какъ я смотрю на то, что произошло, и каково будетъ мое дальнѣйшее поведеніе.

На слѣдующее утро явились, наконецъ, секунданты. Изъ нихъ одного, ротмистра Гудимова, я зналъ давно; другой былъ молодой, только-что выпущенный пижонъ.

— Опять ты!—сказалъ я Гудимову, здороваясь.

— Опять я!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Съ тобою пріятно дѣло, и я съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе Оленина быть его секундантомъ.

Дѣло въ томъ, что Гудимовъ уже разъ былъ секундантомъ моего противника на дуэли, которая у меня была, когда я еще служилъ въ полку.

— Ну, на этотъ разъ дѣло будетъ посложнѣе, — сказалъ я. — Прежде всего, позвольте узнать, господа, сообщилъ ли вамъ нашъ довѣритель тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ счелъ нужнымъ меня вызвать.

— Да, сообщилъ.

— Хорошо-съ. Теперь, я васъ попрошу передать г. Оленину слѣдующее: я крайне сожалѣю о томъ, что произошло, извинись передъ нимъ въ присутствіи васъ, его секундантовъ, готовъ извиниться письменно и буду очень радъ, если онъ этимъ удовлетворится.

Гудимовъ отъ неожиданности врякнулъ, а пижонъ вытаращилъ на меня удивленные глаза, покраснѣлъ и, завертѣвшись на стулѣ, порывался что-то сказать, но былъ остановленъ строгимъ взглядомъ товарища.

— Хорошо, мы ему это передадимъ, — сказалъ Гудимовъ, внимательно въ меня вглядываясь. Я увѣренъ, что онъ въ эту минуту серьезно себя спрашивалъ, въ своемъ ли я умѣ, или нѣтъ.

— Если же поручикъ Оленинъ не найдетъ возможнымъ удовлетвориться моими извиненіями,—продолжалъ я:—о чемъ, повторяю, я буду очень сожалѣть,—я васъ попрошу передать ему это письмо. Въ настоящую минуту я не считаю себя вправе сообщать вамъ его содержаніе. Это дѣло вашего довѣрителя. Надѣюсь, онъ это сдѣлаетъ. По крайней мѣрѣ, я его объ этомъ прошу, предупреждая, что въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ сдѣлать это самъ. Я не могу допустить никакихъ недоразумѣній въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Это все, что ты имѣешь намъ сказать?—спросилъ Гудимовъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пока, все.

Мы церемонно раскланялись. Провожая ихъ до лѣстницы, я слышалъ, какъ, спускаясь, пажонъ горячо и взволнованно что-то говорилъ.

— А, по моему, онъ просто трусъ! — долетѣло вдругъ до моихъ ушей восклицаніе, произнесенное высокимъ, рѣзкимъ, какъ у молодого пѣтуха, голосомъ. Гудимовъ что-то возразилъ, и голоса затихли.

Что могло для меня значить мнѣніе этого офицера, и тѣмъ не менѣе, слово „трусъ“ больно кольнуло меня. „Хорошо,—подумалъ я,—что съ нимъ Гудимовъ, который меня знаетъ, слѣдовательно считать трусомъ не можетъ“.

Въ письмѣ я требовалъ, чтобы Оленинъ женился на Катѣ. Если онъ честный человѣкъ, онъ обязанъ былъ это сдѣлать. Я писалъ, что иначе, какъ съ мужемъ Кати, я съ нимъ драться не буду. Тогда сколько угодно. Я бралъ на себя всѣ хлопоты по разводу, обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы получить его какъ можно скорѣе. По моему, это было единственнымъ средствомъ если не спасти Катю, то дать ей возможность не погибнуть окончательно. Бросить же ее такъ, на произволь судьбы, было бы нечестно, да я слишкомъ ее любилъ, чтобы сдѣлать это.

Вотъ чѣмъ я руководствовался, вотъ цѣль, къ которой стремился. Изъ этого ничего не вышло, — и по моей же винѣ не вышло... Но могъ ли я этого ожидать?..

Я пробылъ два дня въ Гатчинѣ, Сережѣ лучше, онъ выздоравливаетъ. Соня удивительная женщина.

Вечеромъ того дня, когда у меня были секунданты Оленина, опять зашелъ Николай. Онъ былъ въ мрачномъ настроеніи, видимо хотѣлъ мнѣ что-то сказать и не рѣшался. Но я не спрашивалъ, и онъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Чортъ знаетъ, что у насъ дѣлается! Это какіе-то сумасшедшіе! Я ничего не понимаю... Противъ тебя всѣ страшно возстановлены. Вчера Обрубковъ, — знаешь, „умный“ Обрубковъ, — не будучи даже знакомъ съ Оленинымъ, забросилъ ему карточку. Сегодня полъ-Петербурга у него перебивало съ визитами de condoléance... Чортъ знаетъ что такое!..

— Не можетъ быть! — выговорилъ я пораженный.

— Я тебѣ говорю... При встрѣчѣ спрашиваютъ другъ друга: „а вы были у Оленина?“ — и тотъ, который не былъ, спѣшитъ исправить свою оплошность.

— Но почему? На какомъ основаніи?

— Говорятъ, что ты кругомъ виноватъ; что порядочные люди такъ не поступаютъ; что ты могъ выбрать для всего этого мѣсто болѣе подходящее, а быть такъ, въ ресторанахъ, — это неприлично.

— И все?

— Другого объясненія я добиться не могъ. Всѣ говорятъ одно и то же.

Это было до того дико, нелѣпо, что я тогда Николаю не повѣрилъ; но потомъ оказалось, что онъ, дѣйствительно, былъ правъ. Всѣ наперерывъ слѣдили выказать Оленину свое участіе, а обо мнѣ говорили какъ о человѣкѣ, совершившемъ нѣчто ужасное.

Думая объ этой странности теперь, я также мало могу себѣ ее объяснить, какъ и тогда. Такое отношеніе общества къ факту, въ сущности, ясному и простому, шло до такой степени въ разрѣзъ со всѣми моими понятіями о томъ, что хорошо и дурно, честно и порядочно, — что во мнѣ невольно явилась мысль: или я съ ума сошелъ, или же они, всѣ эти господа, невѣняемы.

Дѣйствительно, предположимъ, что я неправъ, что быть въ ресторанахъ неприлично (хотя почему же именно въ ресторанахъ неприлично, а въ другомъ мѣстѣ — можно?). Но что же изъ того? Мнѣ кажется, что каждый, даже самый тупой человѣкъ долженъ знать и можетъ понять, что есть минуты и обстоятельства, когда за себя ручаться не можешь, когда не сознаешь того, что дѣлаешь, и что поступки такихъ минутъ въ вину ставить нельзя. Болѣе чѣмъ кто-либо другой, я сознаю, что сцена въ ресторанахъ была груба и нелѣпа, что быть Оленина мнѣ не слѣдовало и не потому, что это неприлично, а просто потому, что это было неужно. Я не выдержалъ характера и поступилъ глупо и грубо, но я себя не сознавалъ, и въ этомъ мое оправданіе.

Такимъ образомъ, допуская, что я поступалъ неприлично, допуская даже, что это неприличіе такого рода, что могло и должно караться общественнымъ мнѣніемъ, — у меня есть оправ-

даніе. Хотя, по правдѣ сказать, обвиненіе до такой степени пошло, что оправдываться въ немъ какъ-то совѣстно, ребяческисмѣшно.

Но какъ объяснить отношеніе общества къ Оленину? Что сдѣлалъ Оленинъ? Выражаясь казеннымъ слогомъ, онъ былъ пойманъ „на мѣстѣ преступленія“ съ чужой женой и былъ за это побитъ. И вдругъ его формально оправдываютъ, объявляютъ жертвой, ѣдутъ къ нему съ визитами „соболезнованія“... По истинѣ, изумительно!

Я знаю, что наше общество глубоко безнравственно, знаю, что въ его глазахъ обманутый мужъ смѣшонъ и жалокъ, а любовникъ—чуть не герой; но, будучи безнравственнымъ, общество въ то же время лицемерно и лицемерно по необходимости, потому что, какъ выразился, кажется, Достоевскій, лицемеріе есть дань, которую пороку платить добродѣтели. Это своего рода узда для безнравственности, и она всегда существовала. А теперь? Прелюбодѣй правъ, избитый за прелюбодѣяніе—жертва,—вотъ что говоритъ общество, говоритъ открыто и громко, подкрѣпляя свое мнѣніе визитами „соболезнованія“. Ну, не поразительно ли это?!

Вотъ я себя и спрашиваю, можно ли допустить, чтобы на подобное извращеніе понятія о томъ, что хорошо и что дурно, были способны люди мыслящіе и сознающіе то, что они дѣлаютъ. Мнѣ кажется, что нельзя. Но въ чемъ же тогда дѣло?

Первымъ поѣхалъ къ Оленину Обрубковъ. Обрубковъ извѣстенъ всему Петербургу; это — патентованный умникъ и иначе, какъ „умный Обрубковъ“, его не называютъ. Почему вздумалось ему сдѣлать визитъ Оленину, съ которымъ онъ даже не былъ знакомъ, я, кажется, могу объяснить. Избалованный общимъ поклоненіемъ его „уму“, Обрубковъ позволялъ себѣ часто быть дерзкимъ и наглымъ. Какъ-то разъ,—это было уже давно,—мнѣ пришлось его осудить. Тогда онъ это сдѣлалъ, обративъ все въ шутку, и дальнѣйшія наши отношенія, не будучи короткими, оставались всегда официально вѣжливыми. Оказывается, однако, что онъ того случая не забылъ и, вотъ, теперь отплатилъ мнѣ за него съ процентами. Обрубковъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать гадость и сдѣлалъ ее. Какое было ему дѣло до того, что, отплачивая мнѣ за давнишнее оскорбленіе, онъ дѣлаетъ величайшую подлость, такъ какъ заставляетъ и общественное мнѣніе быть несправедливымъ и подлымъ. У него была цѣль, и онъ этой цѣли достигъ.

Само собой разумѣется, достаточно было того, что „умный“ Обрубковъ, не объясняя даже причинъ страннаго визита, по-

ѣхалъ къ Оленину, чтобы за нимъ, какъ стадо барановъ, потянулся весь Петербургъ. Почему? Зачѣмъ? не все ли равно. Обрубковъ знаетъ, на то онъ и „умный“, чтобы не дѣлать глупостей. По всѣмъ вѣроятіямъ, многіе ѣхали, не зная даже, въ чемъ дѣло. „Кого-то поймали, кого-то поколотили, всѣ ѣдутъ, надо и мнѣ поѣхать“.

Я думаю, самъ Оленинъ былъ не мало удивленъ такимъ неожиданнымъ проявленіемъ общей симпатіи. Обыкновенно на челоѣка „битаго“ смотрять подозрительно. Такой взглядъ опирается на убѣжденіи, что разъ челоѣка изъ такъ называемаго „общества“ бьютъ, то, въ большинствѣ случаевъ, — за дѣло. А тутъ вдругъ — „несчастливая жертва звѣрскаго гнѣва деспота-мужа“... Ну, чѣмъ не пьедесталь!

Идетъ стадо барановъ. На дорогѣ лежитъ хворостина. Передовой баранъ останавливается передъ ней, задумывается и, надувшись, какъ-то бокомъ, лягнувъ ногою, перескакиваетъ черезъ нее. Почему онъ черезъ нее не перешагнулъ, почему не обошелъ ее — кто его знаетъ. Онъ и самъ этого не знаетъ, такъ порѣзвиться захотѣлось, — остальному стаду это тоже неизвѣстно, и, тѣмъ не менѣе, всѣ бараны до послѣдняго, подойдя къ хворостинѣ, продѣлываютъ то же самое. Даже воздухъ лягаютъ той же ногою. Невольно смѣешься и думаешь: „Господи, вотъ глупыя животныя!“ Но когда нѣчто подобное продѣлывается не баранами, а людьми, то тутъ уже не до смѣха. Совсѣмъ другія мысли бродятъ въ головѣ и съ горечью себѣ говоришь, что имя „челоѣкъ“ является довольно-таки позорною кличкой.

Впослѣдствіи, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ съ самоудовольствомъ Николай, — въ общественномъ мнѣніи совершился благопріятный поворотъ въ мою пользу. Николай подобралъ себѣ нѣсколькихъ единомышленниковъ и съ ихъ помощью устроилъ, какъ онъ выражался, „крестовый походъ“. Благодаря ихъ стараніямъ, а также отчасти — опять слова Николая — моему поведенію на дуэли, на меня стали смотрѣть иначе. Николай былъ очень доволенъ, гордился такимъ результатомъ своихъ усилій и возмущался, что эти добрыя вѣсти оставляютъ меня вполне равнодушнымъ. Но какое было мнѣ до этого дѣло? Я и прежде мало обращалъ вниманія на то, что про меня говорятъ, а теперь, послѣ того какъ убѣдился, до чего общественное мнѣніе можетъ быть подлымъ и несправедливымъ, оно для меня потеряло всякое значеніе.

На слѣдующее утро пріѣхалъ Гудимовъ. Онъ былъ одинъ и

объяснилъ, съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, что является ко мнѣ въ качествѣ официальнаго секунданта.

— Къ другому бы я такъ не поѣхалъ, но тебя я знаю, а наше дѣло, какъ ты правильно выразился, очень щекотливое, не допускаетъ никакихъ недоразумѣній и толковать о немъ, стоя на официальной ногѣ, не совсѣмъ удобно.

Онъ замолчалъ, выжидая, что я скажу.

— Значить, Оленинъ не соглашается на мои условія?—спросилъ я.

— Сначала и слушать не хотѣлъ. „Я оскорбленъ, требую удовлетворенія, онъ долженъ мнѣ его дать, никакихъ условій я знать не хочу!“ Только это и повторялъ. Однако, мнѣ удалось ему разъяснить, что ты ничего другого отъ него не потребуешь, кромѣ того, что онъ, какъ честный человекъ, и самъ обязанъ сдѣлать. Наконецъ, онъ съ этимъ согласился и...

— Согласился! — вырвалось у меня со вздохомъ облегченія.

— Да, согласился. Онъ обѣщаетъ жениться...—Гудимовъ замаялся—на... твоей женѣ, но не желаетъ, чтобы дуэль была отложена на такое долгое время, хочетъ непременно, чтобы она состоялась теперь же.

— А если я не соглашусь?

— Говорилъ я ему и это. Опять, было, на дыбы. „Я заставлю его согласиться, я публично оскорблю его, я сдѣлаю такъ, что онъ вынужденъ будетъ со мною драться!“ Но и въ этомъ мнѣ удалось его разубѣдить. Я ему сказалъ, что знаю тебя хорошо, знаю, что если ты что-нибудь рѣшилъ, то ничто не можетъ заставить тебя измѣнить принятаго рѣшенія. Тогда, сообщивъ, что, дѣйствительно, не такъ-то легко заставить драться человека, который этого не желаетъ, онъ успокоился и теперь обращается къ тебѣ уже прямо съ просьбой. Онъ проситъ войти въ его положеніе, которое и теперь очень неприятно, и будетъ ужасно, если дуэль отложится на такое долгое и притомъ неопредѣленное время; онъ говоритъ, что оскорбленіе такъ серьезно, что требуетъ немедленнаго удовлетворенія; что ему стыдно смотрѣть людямъ въ глаза, и умоляетъ тебя согласиться на то, чтобы дуэль состоялась теперь же.

— Стало бытъ, мое положеніе легче... Странно! Еще болѣе странно потому, что, какъ я слыжалъ, къ нему всѣ относятся съ большимъ участіемъ... Даже незнакомые дѣлаютъ ему визиты.

Гудимовъ махнулъ рукой.

— Вотъ еще и это... Чортъ знаетъ что такое! Вѣдь онъ понимаетъ, въ какое фальшивое положеніе ставитъ его это не-

лѣное участіе. Хотя онъ—между нами—не уменъ, но, въ сущности, добрый и порядочный малый. Сначала это его удивило, но потомъ онъ почувствовалъ, какъ все это глупо и пошло. И нѣ-то положеніе глупое, а его — и совсѣмъ смѣшное. До того они его, бѣднаго, извели, что онъ, буквально, полѣзъ на стѣну. Теперь заперся и никого не принимаетъ.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Согласиться? Но какая же это будетъ дуэль! Желая, чтобы Оленинъ женился на Катѣ, я обязательно долженъ былъ его шадить; онъ же, напротивъ, употребить, конечно, всѣ старанія, чтобы отправить меня на тотъ свѣтъ. Положеніе неинтересное!

Я колебался и уже хотѣлъ отвѣтить Гудимову рѣшительнымъ отказомъ, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль, которая, подобно солнечному лучу, прорвавшемуся сквозь густой туманъ, сразу разсѣяла мои недоумѣнія, представила мнѣ все дѣло подѣ совершенно иною окраской. И такъ была она проста, эта мысль, такъ неоспорима, что я сразу ее понялъ и тотчасъ же сказалъ Гудимову, что я согласенъ.

Если Оленинъ меня убьетъ, то все устроится само собою, гораздо проще и легче—вотъ мысль, заставившая меня согласиться. Такое соображеніе, конечно, не могло бы имѣть рѣшающаго значенія, еслибы я сколько-нибудь дорожилъ жизнію; но этого не было. Хотя, до сей минуты, я избѣгалъ ставить этотъ вопросъ прямо, избѣгалъ сознательнаго на него отвѣта, тѣмъ не менѣе, внутреннее чувство говорило мнѣ очень опредѣленно и ясно, что безъ Кати я жить не могу. Катя — скверная женщина; то, что она со мною сдѣлала, достойно всякаго презрѣнія, и я глубоко ее презиралъ, но въ то же время и любилъ ее не менѣе прежняго. Какъ могъ я ее любить послѣ всего того, что было? Почему я знаю! Я знаю только то, что я ни на секунду не переставалъ ее любить и что, рѣшивъ ее потерять, я этимъ самымъ произнесъ себѣ добровольно смертный приговоръ.

Я удивлялся совсѣмъ другому; я удивлялся тому, съ какой стати тянулъ я всю эту канитель, какъ не сообразилъ сразу, что нѣтъ лучшаго исхода и для меня лично, какъ быть убитымъ на этой дуэли. Просто, какое-то затмѣніе. Рѣшеніе лежитъ у чело-вѣка подѣ носомъ, а онъ бродитъ, путается, ищетъ его чертъ знаетъ гдѣ!

Я собирался выѣхать. Надо было предупредить Николая, что завтра къ нему соберутся секунданы для переговоровъ, надо было себѣ добыть втораго секунданта. Я уже одѣвался, какъ вдругъ явился Катинъ отецъ, Петръ Ивановичъ, маленькій, плѣ-

шивый старичокъ, съ запуганнымъ выраженіемъ сморщенного лица. Долгое супружеское сожителство съ Софьей Михайловной положило на него яркій отпечатокъ.

— Катя... Кто бы могъ ожидать!—выговорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, и тутъ же прослезился.

Онъ долго у меня сидѣлъ, и все время говорилъ, и ничѣмъ нельзя было остановить потока изліаній. Много затаенныхъ горя и страданій накопилось въ этомъ загнанномъ существѣ; но слушать его было пыткой. Онъ говорилъ про Катину дѣтство, какимъ она была чуднымъ ребенкомъ,—сердечнымъ и любящимъ,—вспоминалъ разные случаи изъ ея дѣтской жизни, и въ его словахъ звучала настоящая горячая и серьезная любовь къ дочери. Потомъ начинались оханья, жалобы на судьбу, на людей, на Софью Михайловну, и изъ глазъ старика капали слезы. Но, вотъ, онъ уже опять улыбается, рассказывая, какъ Катя, которой тогда не было еще тринадцати лѣтъ, бросилась въ прудъ и вытащила утопавшаго ребенка. А я сидѣлъ и слушалъ, и мнѣ было нестерпимо тяжело, и когда старикъ, наконецъ, уѣхалъ, я вздохнулъ съ облегченіемъ. Нѣтъ, легче выдержать десять стычекъ съ самой Софьей Михайловной, чѣмъ полъ-часа подобныхъ изліаній.

Между прочимъ, я объяснилъ Петру Ивановичу, чтобы ни онъ, ни Софья Михайловна не боялись того, что Катя останется у нихъ на рукахъ, такъ какъ, во всякомъ случаѣ и что бы ни случилось, я ее обезпечу.

— Она васъ такъ гадко, низко обманула, а вы ее будете обезпечивать!

Я удивился: въ этихъ словахъ звучало дѣйствительное негодованіе, въ нихъ сказался порядочный человекъ. Но эта вспышка хорошаго чувства продолжалась мгновение. Петръ Ивановичъ тотчасъ же сконфузился и смотрѣлъ на меня со слабою, виноватою улыбкой, какъ бы прося извиненія за свой неожиданный и странный порывъ. Въ эту минуту онъ вспомнилъ, вѣроятно, Софью Михайловну, вспомнилъ о томъ, что скажетъ она, если вдругъ узнаетъ объ его неосторожныхъ словахъ. Бѣдный старикъ!..

Я поѣхалъ въ полеъ, намѣтивъ себѣ въ секунданты бывшего своего товарища, ротмистра Щетнева. Я засталъ Щетнева, разносившаго за что-то вахмистра.

Щетневъ былъ образцовымъ эскадроннымъ командиромъ и не менѣе образцовымъ секундантомъ. Не было, кажется, ни одной сколько-нибудь интересной дуэли, въ которой онъ не принималъ бы участія. Никто лучше его не умѣлъ вести предварительныхъ

переговоровъ, никто тоньше и умнѣе не писалъ необходимыхъ протоколовъ и т. д.

— Наконецъ-то, братецъ, наконецъ! А я уже начиналъ безпокоиться. Что же это, думаю, неужто Аргунинъ позабудетъ стараго пріятеля, обратившись къ другому?—И, благодушно улыбаясь, онъ расправлялъ свои длинные усы.

— Ну, а стрѣльба какъ? По прежнему гвозди пулей вгоняешь?—спрашивалъ онъ, когда я, передавъ ему, что слѣдовало, собирался уходить. — Самъ знаешь, не трусь я, а, признаюсь, не хотѣлось бы быть въ шкурѣ твоего противника.

— На этотъ разъ, — отвѣтилъ я, усмѣхаясь, — ты могъ бы вполне нарядиться въ эту шкуру.

Щетневъ окинулъ меня полу-удивленнымъ, полу-неодобрительнымъ взглядомъ.

— Великодушничать собираешься, падить думаешь? Смотри, братъ, какъ бы самому на тотъ свѣтъ не отправиться. А, по моему, коли ужъ не хочешь убивать, — вонъ изъ строя, вонъ изъ строя!

Совѣщаніе секундантовъ происходило на слѣдующій день. Николай пріѣхалъ сообщить мнѣ его результаты. Дуэль предстояла серьезная. Рѣшено было стрѣляться на двадцать шаговъ, при барьерѣ фикс; число выстрѣловъ не обозначено, а концомъ дуэли являлось полученіе однимъ изъ противниковъ раны, не позволяющей далѣе продолжать бой.

„Тѣмъ лучше“, подумалъ я. При такихъ условіяхъ мнѣ оставалось очень мало шансовъ остаться въ живыхъ. Дуэль была назначена на субботу, т. е. отлагалась на четыре дня. Этого потребовали секунданты Оленина, говоря, что за нами горко слѣдить полиція; но Николай, скептически улыбаясь, замѣтилъ, что главной причиной этой отсрочки, по всѣмъ вѣроятіямъ, является не совсѣмъ еще приличное состояніе лица Оленина. „Говорятъ, сидитъ весь въ пластыряхъ“.

Впрочемъ, противъ такой отсрочки и я ничего не имѣлъ. Она мнѣ позволяла, не спѣша, сдѣлать необходимыя распоряженія, привести въ порядокъ дѣла. Покончивъ со всѣмъ этимъ, я, накануне дуэли, въ пятницу, поѣхалъ въ Гатчину, долго говорилъ съ Соней о Сережѣ (я назначилъ ее опекушкой надъ нимъ, а впоследствии и попечительницей), подробно объяснилъ ей, что слѣдовало ей дѣлать, если я буду убитъ, и т. д. Очень трудно было прощаться съ Сережей, но и тутъ выручила Соня. Эта удивительная женщина выказывала, при всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, столько самообладанія, что я невольно удив-

лялся и преклонялся передъ нею. Прощаясь со мною, она не выронила ни одной слезинки, а что подобная выдержка ей стоила, — могутъ понять лишь люди, знающіе ее такъ, какъ я, — знающіе ее нѣжное, сострадательное сердце.

Когда я вернулся домой, мнѣ доложили, что меня дожидается Софья Михайловна. Она прѣвжала еще утромъ, но, не заставъ меня, объявила, что заѣдетъ вечеромъ.

„И что ей нужно?“ — съ сжатиємъ сердца подумалъ я.

Но на этотъ разъ Софья Михайловна была совсѣмъ другая. Она меня встрѣтила съ любезною улыбкой и освѣдомилась о Сергеѣ. Потомъ проговорила мягкимъ голосомъ:

— Петръ Ивановичъ мнѣ передалъ о вашемъ великодушномъ намѣреніи обезпечить Катю, и я прѣехала васъ благодарить какъ отъ своего, такъ и отъ ея имени.

Я молча поклонился.

Она продолжала на меня глядѣть все съ тою же вкрадчивой улыбкой. Я ожидалъ, что будетъ дальше; но улыбка успѣла превратиться въ какую-то кривую гримасу, а Софья Михайловна все молчала. Наконецъ, мнѣ это надоѣло.

— Вѣроятно, это не все... Но мнѣ некогда, и я бы васъ просилъ...

Софья Михайловна встрепенулась.

— Нѣтъ, ничего... т.-е. да... впрочемъ... видите ли, — забормотала она какъ-то нервнѣтельно и вдругъ, сложивъ руки, поднявъ глаза въ потолокъ:

— Другъ мой, мы всѣ ходимъ подъ Богомъ! Я слышала, вы на-дняхъ деретесь... и я... и вотъ...

— Не беспокойтесь, — перебилъ я, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. — Я принялъ всѣ мѣры, всѣ распоряженія уже сдѣланы, и завтра — что бы ни случилось — ваша дочь получитъ отъ моего повѣреннаго первый взносъ. Завтра же мой повѣренный сообщитъ ей тѣ условія, лишь исполняя которыя, она можетъ рассчитывать на эти деньги. Главное изъ нихъ касается Сережи. Ваша дочь должна забыть, что у нея есть сынъ, — она, впрочемъ, и теперь уже объ этомъ, кажется, не помнитъ, — и никогда не предъявлять на него своихъ правъ. Если она этого не исполнитъ, она не получитъ отъ меня ни копейки. Пусть такъ и знаетъ.

Глаза Софьи Михайловны вспыхнули злымъ огонькомъ, она хотѣла-было что-то сказать, но сдержалась и встала.

— Когда же дуэль? — спросила она, собираясь уходить и на-дѣвая перчатки.

— Завтра, такъ что очень возможно, любезная Софья Михайловна, что мы съ вами никогда уже больше не увидимся.

Она опять возвела глаза къ потолку.

— О, нѣтъ! Не можетъ быть! Господь справедливъ! Онъ не допуститъ, чтобы поръкъ восторжествовалъ!—съ паѳосомъ выговорила она.—Я вѣрю, вы останетесь невредимымъ.—И, вынувъ платокъ, она приложила его къ глазамъ.

Но какое наглое комедіанство!

Раздѣваясь, я подумалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, это моя послѣдняя ночь, и столько муки и горя оставлялъ я позади, я такъ усталъ за эти дни страданія, что мысль о близости смерти показалась мнѣ привлекательною.

Чтобы не возбуждать подозрѣній, рѣшено было собираться по-одиночкѣ за городомъ, гдѣ должны были ждать лошади. Однако, Николай все-таки за мной заѣхалъ. По пути онъ мнѣ рассказывалъ, что вчера, въ клубѣ, ему удалось, наконецъ, поймать Обрубкова. Между ними произошла стычка. Обрубковъ сначала было зафыркалъ, но Николай тотчасъ же его осадилъ, послѣ чего тотъ притихъ и быстро ступежался. Но главное, чему Николай радовался, это то, что большинство присутствующихъ оказалось совсѣмъ неожиданно на нашей сторонѣ.

— Большой успѣхъ, большой успѣхъ! — говорилъ Николай, серьезно хмурия брови.—Теперь все пойдетъ хорошо.

Щетневъ былъ уже на мѣстѣ. Онъ привезъ съ собою полкового доктора, — маленькаго, толстенькаго человѣчка съ рыжеватыми баками. Гудимовъ, пижонъ и ихъ докторъ находились также на-лицо. Не было только Оленина. Мы сѣли въ тройку и поѣхали.

Утро было прелестное. Мягкіе лучи весенняго солнца нѣжили и ласкали. Снѣгъ сталъ почти весь; только кое-гдѣ, по откосамъ, въ углубленіяхъ, онъ еще лежалъ грязновато-бѣлыми заплатами, рѣзко выдѣляясь отъ рыжеватаго фона мертвой, прошлогодней зелени. Мѣстами, однако, хотя еще робко, чуть замѣтно, начинала уже пробиваться молоденькая травка. Спереди, сзади, со всѣхъ сторонъ лилась веселая пѣснь жаворонка. Вотъ изъ-подъ кочки, испуганная шумомъ экипажа, вырвалась сѣренькая птичка, стрѣлой поднялась въ голубую высь, расправила крылышки и, затрепетавъ на мѣстѣ, залилась звонкою, серебристою трелью, потомъ, описавъ полу-кругъ, комочкомъ свалилась на прежнее мѣсто. Чудный запахъ весны, этотъ необъяснимый ароматъ нѣги въ счастья билъ въ голову, заставляя грудь глубоко дышать, а сердце расширяться. „Вотъ чего будетъ жаль!“ — подумалъ я, и

солнце, и воздухъ, и птички отвѣтили мнѣ дружно, въ одинъ голосъ: „будетъ жаль, будетъ жаль!“ Я любилъ весну,—любилъ, вообще, природу, имѣвшую на меня всегда большое вліяніе.

— А вѣдь хорошо!—неожиданно для себя, неожиданно для моихъ, погруженныхъ въ какое-то унылое молчаніе, спутниковъ, произнесъ я.

Щетневъ окинулъ меня недовольнымъ взглядомъ.

— Хорошо-то хорошо, да не очень! — проговорилъ онъ угрюмо.—Говорятъ, Оленинъ стрѣляетъ очень порядочно...

Я невольно разсмѣялся.

— Да тебѣ-то что? Точно, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ приходится съ нимъ драться. Съ какихъ это поръ ты сталъ такимъ мрачнымъ секундантомъ? Тебѣ, наоборотъ, слѣдовало бы меня подбадривать, а ты вмѣсто этого каркаешь, какъ злобщій воронъ.

— Эхъ, братъ, больно много приходилось мнѣ видать, какъ люди калѣчатъ другъ друга. Пора и перестать дуракомъ-то быть.

Онъ помолчалъ, а потомъ, подумавъ, вѣроятно, что, дѣйствительно, хватилъ черезъ край, заговорилъ, добродушно улыбаясь:

— А впрочемъ, все—счастіе. Вотъ, хотя бы прошлымъ лѣтомъ. Слыхалъ ты о дуэли между Костичемъ и Штейномъ? Такъ, вотъ, дуэль-то на шпагахъ была. Костичъ дрался артистомъ, однимъ изъ лучшихъ бойцовъ считался, ну а Штейнъ чуть умѣлъ шпагу въ рукахъ держать. Дерутся это они. Костичъ и такъ, и сякъ, какъ молнія въ рукахъ шпага ходитъ... Десять разъ могъ заволоть Штейна, да, видишь ли, игралъ съ нимъ, потѣшался. Наконецъ, довелъ того чуть не до обморока, пора кончать, думаетъ—и выпалъ... Ну, и наткнулся на шпагу, самъ себя насквозь и прокололъ. Такъ, вотъ, оно счастіе-то!

— Да, ужъ кому повезеть! — меланхолически подтвердилъ докторъ.

А мнѣ по этому поводу вспомнилось одно восточное сказаніе, въ которомъ говорится, что каждому человѣку при рожденіи опредѣлена извѣстная порція счастія и горя, и когда эти порціи кончаются, кончается и жизнь. Одинъ уничтожаетъ свою порцію скорѣе, другой медленнѣе, чѣмъ и объясняется неодинаковая продолжительность жизни. Почему бы не такъ? Вотъ и я—еще молодъ, здоровъ, поль-жизни могъ бы еще имѣть передъ собою, а долженъ умереть. До сихъ поръ я не могъ жаловаться на судьбу. Я обладалъ двумя вещами, которыя, если, быть можетъ, не составляютъ самого счастія, то являются главными для него условіями: я былъ здоровъ и независимъ. И я истратилъ отведенную мнѣ порцію счастія, и теперь — конецъ. Что же касается

до горя, то двѣ послѣднія недѣли могли поглотить какую угодно порцію. Я даже убѣжденъ, что, не удовольствовавшись своею, я понахваталъ еще изъ какой-нибудь чужой, сосѣдней.

— Ъдутъ!—сказалъ вдругъ Николай, сидѣвшій на передней скамейкѣ. Мы обернулись. Быстро насъ нагоняя, мчалась тройка. Не добѣжавъ до насъ шаговъ на тридцать, ямщикъ сдержалъ лошадей.

— Теперь не далеко,—заявилъ Щетневъ:—версты двѣ. Вотъ въ той рощѣ. Лошадей оставимъ на дорогѣ. Тутъ никто никогда не ѣздитъ.

Скоро мы остановились и, пленая по мокрой луговинѣ, потянулись къ рощичѣ. Рѣдкій, молодой березнякъ, облитый солнечными лучами, тихо переговаривался своими еще оголенными верхушками; но почвы уже набухли и распространяли кругомъ себя сильный аромат. Еще болѣе, чѣмъ на дорогѣ, пахло здѣсь весной; все говорило о новой, нарождавшейся жизни.

Началась обычная процедура дуэли: отбѣриваніе шаговъ, заряданіе пистолетовъ и т. д.

Наконецъ, насъ поставили, и я въ первый разъ внимательно взглянулъ на своего противника. Онъ стоялъ, весело болтая съ своимъ корнетомъ, но не знаю уже почему,—потому ли, что такъ было въ дѣйствительности, или почему другому,—мнѣ казалось, что эта болтовня, пересыпаемая шуточками и смѣхомъ, была ватанута, неестественна.

Оленинъ выглядѣлъ совсѣмъ такимъ же, какъ я его видѣлъ послѣдній разъ у Дюссо. Его щеки были такъ же розовы, черные усыки такъ же аккуратно завивались колечками. И опять, глядя на него, я не испытывалъ ни злобнаго, ни горькаго чувства. Полное равнодушіе—и только.

— Господа, послѣдній разъ предлагаю вамъ примириться!—произнесъ Щетневъ официальнымъ тономъ.

— Считаю своимъ долгомъ,—сказалъ я:—повторить то, что уже говорилъ гг. секундантамъ. Я глубоко сожалѣю о томъ, что случилось, и былъ бы доволенъ, если бы поручикъ удовлетворился коими извиненіями.

Оленинъ презрительно усмѣхнулся; на кругломъ, безусомъ лицѣ корнета выразилось негодованіе; у Николая отъ неожиданности выпалъ монокль, а Гудимовъ и Щетневъ открыли удивленные глаза. Говорить такія вещи при вызовѣ—еще туда-сюда, во извиняться на мѣстѣ поединка, съ пистолетами въ рукахъ,—этого никто изъ нихъ переварить не могъ.

Щетневъ повернулся вопросительно къ Оленину.

— Я не согласенъ,—громко произнесъ тотъ.

— Примиреніе не состоялось,—тѣмъ же официальнымъ тономъ возгласилъ Щетневъ. — Вы готовы, господа? Я начинаю: Разъ-два-три!

Оленинъ медленно поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться. Очевидно, онъ имѣлъ серьезное намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ, потому что цѣлилъ долго и тщательно. Даже слишкомъ долго, такъ какъ я видѣлъ ясно, какъ его пистолетъ дрожалъ. Наконецъ, раздался выстрѣлъ, и я еле успѣлъ удержать на головѣ шляпу, пробитую пулей.

Я отвелъ пистолетъ въ сторону и выстрѣлилъ. Пуля, съ глухимъ шумомъ рикошетируя по вѣтвямъ, мягко ударилась въ стволъ дальней березы.

Перемѣнили пистолеты, и опять Оленинъ промахнулся, а я выстрѣлилъ въ сторону.

Оленинъ, который уже послѣ перваго моего выстрѣла нахмурился и сталъ нервно пощипывать свои усики, теперь измѣнился въ лицѣ и, подозвавъ Гудимова, началъ ему что-то съ жаромъ и волнуясь говорить. Но тотъ съ серьезнымъ видомъ молчалъ, пожимая только плечами.

— Теперь поздно,—произнесъ онъ громко:—надо было думать объ этомъ раньше,—и, отойдя къ Щетневу, сталъ заряжать пистолеты.

Опять намъ роздали пистолеты. Въ эту минуту надъ нашей площадкой, тревожно каркая, протянула ворона. Я быстро вскинулъ пистолетъ. Почти одновременно раздался два выстрѣла. Я слышалъ, какъ Оленинская пуля прожужжала довольно близко около моего уха; ворона же на мгновеніе какъ бы застыла на мѣстѣ, а потомъ, съ повисшими крыльями, какъ тряпка, шлепнулась о землю.

Конечно, это былъ случай. Хотя я очень хорошо стрѣлялъ, но убить изъ пистолета птицу въ летъ можно только случайно. Тѣмъ не менѣе, эффектъ отъ выстрѣла былъ полный, Гудимовъ и Щетневъ, какъ знатоки, съ одобреніемъ крякнули, Николай не выдержалъ и произнесъ вполголоса: „браво!“, въ широко раскрытыхъ глазахъ корнета уже не было прежняго презрѣнія, а на Оленина, просто, жалко было смотрѣть. Его лицо совсѣмъ вытянулось и, казалось, что вотъ-вотъ, еще немного—и онъ расплачется.

— Молодцомъ, братъ!—тихо проговорилъ Щетневъ, подавая мнѣ новый пистолетъ. — Только что же это будетъ? Ночевать, что-ли, мы здѣсь останемся! Пора бы и кончить.

Я кивнулъ головой. Я самъ чувствовалъ, что прса кончить. Поодинокъ принималъ глупый и смѣшной видъ. На Оленина теперь уже нельзя было рассчитывать. Было ясно, что при его нравственномъ состояніи онъ въ меня никогда не попадетъ. Надо было, какъ выразился Щетневъ, „вывести его изъ строя“. Но куда стрѣлять? Въ руку, въ ногу? Въ ногу опасно: самая пустяшная рана очень часто имѣетъ печальный исходъ. Въ руку, въ верхнюю часть плеча.

Ожидая выстрѣла Оленина, я стоялъ совершенно открытымъ, опустивъ руку и повернувшись къ нему всѣмъ туловищемъ. Онъ это замѣтилъ, и его губы искривились жалкою улыбкою. Онъ выстрѣлялъ почти не цѣлясь. Я поднялъ пистолетъ, выбралъ мѣсто, но только-что, убранный въ выстрѣлъ, я сталъ нажимать на спускъ, какъ случилось нѣчто странное. Оленинъ сдѣлалъ быстрое движеніе, и я съ ужасомъ замѣтилъ, что, вмѣсто верхней части руки, подъ цѣлкомъ очутилась его грудь. Я быстро дернулъ спускъ пистолета, но было уже поздно. Оленинъ захатался, выронилъ пистолетъ и упалъ на руки подбѣжавшихъ секундантовъ.

А я стоялъ пораженный, уничтоженный. Вотъ и тятайся съ судьбой! Одно случайное движеніе—и убить человѣка, и всѣ мои планы рухнули. Я ѣхалъ сюда съ надеждою быть убитымъ, съ твердымъ намѣреніемъ шадить жизнь человѣка, который былъ мнѣ нуженъ, и вотъ—я живъ, а онъ лежитъ тамъ, въ крови, и убилъ его я, я, который только и думалъ о томъ, чтобы онъ остался живъ. Ну, не ужасъ ли это?!

Подожелъ Щетневъ.

— Плохо, братъ! Не могутъ найти пулю. Въ обморокъ онъ, сейчасъ повезутъ. Нарочно это онъ, я видѣлъ. Какъ ты прицѣлился, точно кто его дернулъ. А впрочемъ, и намъ пора.

Мы пошли къ лошадямъ. По дорогѣ насъ нагналъ юный корнетъ.

— Извините,—обратился онъ ко мнѣ, съ важнымъ видомъ протягивая руку: — я долженъ передъ вами извиниться. Я васъ считалъ, называлъ трусомъ... Теперь я вижу, что ошибался.

Меня взбѣсила самонадѣянность этого цыпленка.

— Безконечно счастливъ, что мнѣ удалось заслужить ваше ообреніе—очень сухо отвѣтилъ я.

Храбрость! Что такое храбрость? И можно ли назвать храбрымъ человѣка, ищущаго смерти?

Бата уѣхала... вчера уѣхала. Вотъ ея записка, которую я сейчасъ получилъ:

„Я уѣзжаю за границу. Вы, навѣрное, меня поймете и одо-

брите. Мнѣ слишкомъ тяжело оставаться здѣсь. Прощайте. Будьте счастливы“.

Я не знаю, что со мною дѣлается: внутри — холодъ, а голова горитъ, и мысли, безъ связи, безъ начала и конца, безтолково бьются въ ней, какъ раненныя птицы.. И я не могу съ ними справиться, не могу ничѣмъ заняться, и цѣлыми днями бессмысленно, какъ идиотъ, брожу изъ угла въ уголь. А ночью еще хуже: какое-то полу-забытье, и кошмары, кошмары безъ конца...

Почти цѣлую недѣлю я не писалъ, какъ разъ съ того дня, какъ получилъ Катину записку. Эта записка меня окончательно пришибла. Почему? Что было въ ней такого неожиданнаго или страннаго? Ничего рѣшительно. Катя уѣхала, и хорошо сдѣлала, что уѣхала. Но что же мнѣ дѣлать, когда я самъ себя не разберу, когда во мнѣ сидятъ два совершенно различныхъ человѣка: одинъ — холодный, строгій, мыслящій, руководившій всѣми моими дѣйствіями съ момента ужаснаго открытія, — и другой, совсѣмъ непохожій на перваго, не желающій подчиняться его требованіямъ и рѣшеніямъ, любящій и страдающій. Первый уже давно рѣшилъ и сказалъ, что между мною и Катей все кончено, что возврата къ прошлому нѣтъ и быть не можетъ, — второй ничего этого знать не хочетъ, невыносимо страдаетъ и продолжаетъ надѣяться, — а на что? и самъ не знаетъ. И что странно! онъ вѣдь, въ сущности, прекрасно сознаетъ, что рѣшенія перваго ничто измѣнить не въ состояніи. Но это еще болѣе его мучаетъ. Онъ борется, протестуетъ, жадно слѣдитъ за первымъ, ловить каждую малѣйшую его оплошность. Онъ безостановочно и громко кричитъ: „люблю, люблю, люблю! ничего знать больше не хочу!“ и отъ этого немолчнаго крика первый — строгій — уходитъ, прячется куда-то въ уголь, а я теряю способность мыслить, разсуждать и, подобно губкѣ, весь становлюсь пропитанъ любовію, страданіемъ и бессмысленной надеждою. Иногда же мнѣ кажется, что я начинаю сходиться съ ума.

Нѣсколько разъ пытался я писать, но не могъ: я чувствовалъ какое-то отвращеніе къ своей работѣ. Сегодня мнѣ, какъ будто, легче. Надо спѣшить. Положимъ, разсказывать осталось немного, про свиданіе съ Катей — и конецъ. Попробую.

Это было на третій, кажется, день послѣ дуэли. Я чувствовалъ себя очень скверно: отъ меня только-что ушелъ докторъ, заѣхавшій мнѣ сообщить, что сегодня утромъ Оленинъ скончался. Тяжело сознавать себя убійцей, хотя бы невольнымъ. Доложили о пріѣздѣ Софьи Михайловны. Она сказала, что пріѣхала по

порученію Кати, которой очень хочется меня видѣть. Сначала я на-отрѣзъ отказался. Затѣмъ? Намъ нечего говорить другъ другу. Но потомъ, конечно, согласился. Софья Михайловна выходитъ изъ кабинета и кричить: „Ката!“ Сначала я не повялъ—такъ былъ далекъ отъ мысли, что Ката здѣсь; но потомъ, услыхавъ хорошо знакомые шаги, совсѣмъ потерялся и долженъ былъ ухватиться за столъ, чтобы не упасть. Однако, мнѣ удалось кое-какъ совладать съ охватившимъ меня волненіемъ, и когда Ката вошла, я наружно, конечно, казался спокойнымъ. Къ удивленію, у Софьи Михайловны достало-таки такта оставить насъ однихъ. Бросивъ на дочь значительный взглядъ и что-то ей шепнувъ, она съ достоинствомъ удалилась.

Мы сидѣли другъ противъ друга и молчали. Ката была немножко блѣдна, глаза ея были немножко красны (объ этомъ, вѣроятно, позаботилась Софья Михайловна); но въ общемъ, судя по наружности, она чувствовала себя прекрасно. Отъ нея, какъ всегда, вѣяло жизнью, здоровьемъ и счастьемъ. Казалось, буря послѣднихъ дней прошла стороною, не задѣвъ ее даже краемъ.

— Вы желали меня видѣть,—началъ я и остановился, такъ какъ голосъ мой предательски задрожалъ.

— Простите меня!—выговорила она тихо; но даже просьбы не было въ томъ безучастномъ взглядѣ, которымъ она на меня смотрѣла.

— Простить... Что значитъ прощать? Если прощать значитъ не питать гнѣва, злобы, то я васъ давно простилъ; но если простить значитъ забыть, то этого я не могу.

— Примите меня, возьмите меня опять къ себѣ... Я буду вамъ вѣрною, покорною женой,—продолжала Ката тѣмъ же спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ, какимъ говорятъ заученный урокъ.

Этотъ тонъ дѣйствовалъ на меня какъ самое лучшее успокоивающее средство, и я такъ же равнодушно отвѣтилъ:

— Это невозможно. Вспомните, что я васъ любилъ до послѣдней минуты, а вы начали меня обманывать чуть-ли не съ перваго года свадьбы. Вспомните, сколько у васъ было любовниковъ.

Она вспыхнула.

— Я знала, что изъ этого ничего не выйдетъ,—быстро сказала она, и голосъ ея зазвучалъ, наконецъ, живой ноткой—ноткой раздраженія.—Я была увѣрена, что вы не согласитесь... Это не я, это...—но она не успѣла договорить, такъ какъ дверь стремительно распахнулась и въ комнату влетѣла Софья Михайловна, съ искривленнымъ отъ злобы лицомъ. Она бросилась къ Катѣ и, схвативъ ее за плечи, бѣшено крикнула:

— На колѣни! Такъ развѣ просить! На колѣняхъ, подлая, на колѣняхъ проси!

„Сейчасъ она ее ударить“, — съ ужасомъ подумалъ я.

Но Катя предупредила ударъ и, покорно опустившись на колѣни, просительно сложила руки. И опять ея глаза приняли то отвратительное выраженіе животнаго страха, безсмысленнаго ужаса...

— Встаньте... перестаньте!.. — проговорилъ я, задыхаясь: — Софья Михайловна, что же это такое?!

— Ничего, пусть постоитъ... Любила кататься, люби и саночки возить. Предъ мужемъ не грѣшно и на колѣняхъ постоять...

Но тутъ ко мнѣ явилась способность движенія. Я бросился къ Катѣ и поднялъ ее.

— Уходите, уходите! — закричалъ я не своимъ голосомъ. — А вы... а васъ... чтобы вашего духа никогда здѣсь не было! Ступайте вонъ!

Но тутъ уже началась комедія. Софья Михайловна, не на шутку струсивъ, подобрала юбки и, завизжавъ: „ахъ, батюшки, онъ меня убьетъ!“ стрѣлой вылетѣла изъ кабинета, и если бы не Катя, которой удалось ее остановить уже на лѣстницѣ, очутилась бы въ такомъ видѣ на улицѣ.

Я убѣжалъ изъ Гатчины... я больше не могу... Мнѣ невыносимо видѣть его страданія... Господи, какъ онъ мучается! Ему позволили уже вставать, сидѣть въ креслѣ... воспаленіе въ легкихъ скрутило его въ два дня... Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Соня меня удерживала, говоря, что скоро все кончится.. Но я не могъ... Жгите, рѣжьте меня, дѣлайте со мною, что хотите, но видѣть этого ужаса я не могу, не могу...

Онъ умеръ... Довольно-таки интересная штука судьба. Какая логика, сколько расчета, сколько терпѣнія! Точно математикъ, рѣшающій формулу... Незвѣстныхъ величинъ только нѣтъ, да на мѣсто чиселъ поставлены человѣческія жизни...

Какъ это ни странно, но я сейчасъ видѣлъ Катю, даже разговаривалъ съ нею. Да, по правдѣ сказать, это и не первый разъ, что я ее вижу. Только вначалѣ она являлась мнѣ въ такомъ смутномъ видѣ, что я даже съ трудомъ узнавалъ ея черты; я скорѣе ощущалъ ея присутствіе, нежели видѣлъ ее. Притомъ, продолжалось это всего нѣсколько мгновеній. Но съ каждымъ разомъ она являлась мнѣ все яснѣе, оставалась со мною все дольше, а сегодня мнѣ удалось съ нею даже разговаривать.

Я ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголъ, какъ вдругъ

кто-то прошепталъ мнѣ на ухо: „взгляни, она тамъ“. Я поднялъ глаза и тотчасъ же увидѣлъ Катю. Она сидѣла въ углу, за маленькимъ столикомъ, одѣтая въ мое любимое черное шольвовое платье, и кротко мнѣ улыбалась. Я застылъ на мѣстѣ; я зналъ, что стоитъ мнѣ сдѣлать движеніе—и Катя исчезнетъ. Но зато я тотчасъ же заговорилъ (я и прежде пытался съ нею заговорить, но безуспѣшно). У меня уже давно было приготовлено для нея нѣсколько вопросовъ, и вотъ одинъ изъ нихъ я ей теперь и предложилъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, когда ты выходила за меня замужъ, любила ты меня?—спросилъ я съ замираніемъ сердца, боясь, что, при первыхъ звукахъ моего голоса, я увижу опять пустое кресло.

Она утвердительно качнула головой, и сердце мое усиленно забилось. Видѣть Катю—было счастьемъ, но разговаривать съ нею—это было блаженствомъ.

— Ты знаешь, какъ я тебя любилъ,—продолжалъ я, торопясь и волнуясь:—знаешь, какъ я и теперь тебя люблю...—Она опять кивнула головой.—Я молодъ, здоровъ... Ты имѣла все, чего только можетъ желать женщина... Какъ могла ты мнѣ измѣнить?

Катя перестала улыбаться; лицо ея приняло серьезное, даже строгое выраженіе. Она опустила голову.

Затаивъ дыханіе, я ожидалъ отвѣта. Наконецъ, она на меня взглянула, губы ея зашевелились.

— Не знаю!—услышалъ я ея голосъ, —тихий, глухой, но ясный.

— Ради Бога, отвѣтъ мнѣ на это!—произнесъ я умоляющимъ голосомъ.—Я любилъ тебя страстно, безумно,—ни въ чемъ тебя не стѣснялъ, исполнялъ каждое твое желаніе, прихоть... Я все готовъ былъ для тебя сдѣлать... жизни бы для тебя не пожалѣлъ, да и теперь—ты сама видишь—жить безъ тебя не могу... Какъ могло это случиться?

— Не знаю, не знаю!—простонала она.—Я иначе не могла... Я и теперь тебя люблю...

— Любишь!—И вдругъ меня всего затрясла дивая злоба.—Неправда! Ты лжешь, лжешь, какъ всегда! Ты низкая, скверная обманщица!—И, не помня себя, я бросился впередъ; но Кати уже не было... Я опомнился и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Меня, кажется, считаютъ больнымъ. По крайней мѣрѣ, изъ Гатчины пріѣхала Соня и поселилась у меня. Кромѣ того, каждый день является докторъ. Его я не люблю: онъ какъ-то странно на меня смотритъ и слишкомъ много говоритъ... Къ тому же, надо отдать ему справедливость, говорить все больше глупости.

Я догадываюсь, кто затѣялъ всю эту кутерьму. Это Николай.

Послѣдній разъ, какъ онъ у меня былъ, я ему предложилъ его застрѣлить, предварительно доказавъ ему очень ясно, что порядочнымъ людямъ жить не слѣдуетъ, что порядочные люди являются лишь балластомъ, тормозящимъ естественный ходъ мировыхъ событий; что когда на землѣ останутся одни негодяи, они очень быстро уничтожатъ другъ друга. А это все, что требуется. Что будетъ дальше, я, конечно, знать не могу; знаю только, что хуже, чѣмъ теперь, не будетъ. Зато, какимъ прекраснымъ станетъ міръ, когда останется безъ людей, и какъ хорошо въ немъ будетъ первому новому человѣку! Къ тому же, надо полагать, что въ виду неудачи первого опыта, человѣкъ на этотъ разъ явится въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Я понимаю, что неожиданность такого предложенія можетъ смутить каждаго. Мы не любимъ ничего оригинальнаго, выходящаго изъ ряду вонъ, такъ какъ не любимъ думать. Прежде чѣмъ освоиться съ такою мыслью, ее необходимо, такъ сказать, умственно переварить, заставить войти въ плоть и кровь. Но почему Николай испугался, поблѣднѣлъ и, не давъ даже мнѣ договорить до конца, поспѣшно всталъ и ушелъ?! Глупый! Неужели онъ подумалъ, что я его убью противъ его воли. А въ тотъ же вечеръ явилась Соня.

Само собой, я и ей сообщилъ о своемъ планѣ, такъ какъ ей-то уже обязательно умереть. Сначала она стала горячо возражать, спрашивала, что станетъ съ дѣтьми. Признаюсь, вопросъ о дѣтяхъ и меня нѣсколько смутилъ. Вѣдь нельзя знать, что изъ нихъ выйдетъ: негодяи или люди порядочные. Въ первомъ случаѣ, нѣтъ надобности лишать ихъ жизни: напротивъ, это было бы даже рискованно: изъ нихъ могутъ выйти негодяи очень крупные, которые, при взаимномъ уничтоженіи, будутъ играть большую роль. Но, съ другой стороны, успѣютъ ли они къ тому времени вырасти? Хотя, по моимъ соображеніямъ, если только моя идея привьется и найдетъ ходъ, — моментъ общаго уничтоженія долженъ наступить въ недалекомъ будущемъ.

Какъ бы тамъ ни было, Соня настояла на томъ, чтобы дѣтей оставить пока въ живыхъ; наблюденіе же за ними возложить на Николая, — который, кстати, прямо объявилъ, что умирать не желаетъ; когда же они подрастутъ и нравственная ихъ фізіономія выяснится, тогда Николаю уже будетъ ясно, что съ ними дѣлать.

И такъ, Соню мнѣ удалось убѣдить; но, все-таки, она у меня выпросила двухъ-недѣльный срокъ на устройство дѣлъ. Пришло, скрѣпя сердце, согласиться.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ вѣжестся, что ея согласіе не совсѣмъ

добровольное: ей что-то ужъ очень жаль дѣтей. Но это понятно, тѣмъ болѣе, что, повторяю, съ моей идеей свыкнуться сразу очень трудно.

Зато Катя очень просить, чтобы я ее убилъ. Она пристаётъ ко мнѣ съ этимъ каждый разъ, какъ приходитъ; а приходитъ она теперь часто, почти каждый день. Она не понимаетъ, что я этого сдѣлать не могу, что это было бы непоследовательно. Именно ей, такимъ, какъ она, и слѣдуетъ жить.

Сегодня меня очень разсердилъ докторъ. Онъ и вообще болтунъ, но сегодня былъ какъ-то особенно въ ударѣ и надоѣлъ мнѣ своими глупостями страшно. „Передовой интеллигентъ“ долженъ такъ-то думать, „передовой интеллигентъ“ такъ-то долженъ поступать. И это въ продолженіе-битыхъ двухъ часовъ. „Передовой интеллигентъ“—его любимое слово, онъ его суетъ всюду, а мнѣ оно, просто, на нервы дѣйствуетъ. Наконецъ, онъ сталъ доказывать, что человѣкъ не можетъ руководствоваться въ жизни принципомъ личнаго счастья и долженъ быть пропитанъ идейной любовью ко всему человѣчеству. Я не выношу фразъ и такъ какъ за послѣднее время сталъ очень раздражителенъ, то вспылъ и наговорилъ ему дерзостей. Я прямо ему сказалъ, что если всѣ „передовые интеллигенты“ такъ глупы, какъ онъ, то ихъ вѣрнѣе слѣдовало бы называть передовыми ослиами. Конечно, мнѣ тотчасъ же стало стыдно этихъ словъ, но, въ моему удивленію, докторъ совсѣмъ не обидѣлся. Онъ громко разсмѣялся и сказалъ только, что со мною сегодня спорить нельзя.

А я сегодня, дѣйствительно, очень возбужденъ. Это отъ ожиданія. Я жду прихода Кати, которая должна мнѣ отвѣтить на одну вещь... Нѣтъ, я не могу теперь объ этомъ говорить, не смѣю... Но если это случится, если отвѣтъ будетъ благоприятный—Господи, какое это будетъ счастье!

Она согласилась! Я внѣ себя отъ радости... Я такъ счастливъ, это такъ хорошо, что иногда мнѣ кажется, будто я вижу чудный сонъ, и я боюсь, что вотъ-вотъ онъ исчезнетъ.

Какъ только Катя согласилась, я тотчасъ же побѣжалъ къ Сонѣ. Она, конечно, очень обрадовалась. Но кто меня удивилъ, такъ это докторъ. Я никакъ не ожидалъ, что мой проектъ возбудитъ въ немъ такое живое участіе. Онъ отнесся къ нему положительно съ восторгомъ и непременно хочетъ намъ сопутствовать. Что-жь? Пускай ѣдетъ. Его помощь будетъ даже полезна. Однако, я прямо его предупредилъ, чтобы онъ не раз-

считывалъ остаться съ нами навсегда. Это было бы опасно: вѣдь онъ, все-таки, мужчина.

Тотчасъ же мы всѣ вмѣстѣ занялись отыскиваніемъ подходящаго мѣста. Не легко это было; люди всюду пролѣзли. Докторъ говорить и я съ нимъ согласенъ, что скоро необитаемый островъ отойдетъ въ область преданій и его днемъ съ фонаремъ не сыщешь. Наконецъ мы остановились на одномъ изъ острововъ Полинезіи.

Теперь вокругъ меня идутъ дѣятельныя приготовленія къ отъѣзду. Трогаемся мы завтра — Катя, докторъ и я. Соня съ дѣтьми придетъ послѣ. Меня ото всѣхъ этихъ хлопотъ отстранили, за меня старается докторъ. Да и хорошо сдѣлали: я такъ полонъ мыслями о новой жизни, что ни о чемъ другомъ думать не могу. Я не скрываю отъ себя, что вначалѣ будетъ трудно. Много борьбы и лишеній придется перенести, прежде чѣмъ все устроится. Но со мною будетъ Катя — и стоитъ-ли говорить о борьбѣ и лишеніяхъ! Для нея я на все готовъ и нѣтъ вещи, которой я чувствовалъ бы себя не въ силахъ сдѣлать. Съ твердой надеждой смотрю я на будущее, и оно мнѣ кажется свѣтлымъ и полнымъ безмятежнаго счастья. Катя, голубка, какъ чудно-хорошо ты сдѣлала, что согласилась!

Докторъ говорить, что я напрасно такъ волнуюсь и все пристаю къ мнѣ съ какими-то порошками. Смѣшной! Неужели счастье можетъ быть вредно?! Но вотъ что странно и даже неприятно: я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ упорный взглядъ Сони, и хотя она тотчасъ же отворачивалась, тѣмъ не менѣе я успѣвалъ замѣтить печальное выраженіе ея лица и глаза, полныя слезъ. Когда же, желая ей что-то сказать и не найдя ее внизу, я поднялся наверхъ, то, подойдя къ ея комнатѣ, услышалъ громкія рыданія. Я вошелъ и спросилъ ее, о чемъ она плачетъ? Но она, вмѣсто отвѣта, бросилась ко мнѣ на шею и, вся вздрагивая отъ слезъ, прерывающимся голосомъ залепетала: „бѣдный Паша, бѣдный Паша!“ Ну, тутъ, признаться, я рассердился... И чего, въ самомъ дѣлѣ, она плачетъ?!

С. Ф.

ПОЭТЫ СИМВОЛИСТЫ

ВО

ФРАНЦІИ

Верленъ, Маллармэ, Римво, Лафоггъ, Морвасъ

Лѣтомъ 1891 года вышла въ Парижѣ отдѣльнымъ изданіемъ книга Гюрэ „Enquête sur l'évolution littéraire“, надѣлавшая много шуму еще когда она печаталась отдѣльными главами въ ежедневной газетѣ „Echo de Paris“. Авторъ ея, ловкій репортеръ американскаго пошиба, собралъ въ цѣломъ рядѣ „интервью“ мнѣнія всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ изъ живущихъ писателей о современныхъ теченіяхъ въ литературѣ. Сводъ этихъ мнѣній, изложенныхъ въ книгѣ Гюрэ безъ всякихъ комментаріевъ, долженъ былъ представлять собой какъ бы исторію новѣйшей литературы въ лицахъ. Но Гюрэ далеко не достигъ своей цѣли. Книга его, вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякаго литературнаго достоинства, страдаетъ большою слабостью документальной стороны. Собесѣдники Гюрэ, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ и иногда враждующимъ между собой теченіямъ, пользовались случаемъ высказаться предъ публикой для того, чтобы какъ можно болѣе унижить значеніе своихъ собратьевъ и возвысить свое собственное. Такимъ образомъ, вмѣсто общаго взгляда на теоріи различныхъ литературныхъ школъ, читатель получаетъ впечатлѣніе, что современная французская литература состоитъ исключительно въ мелкомъ враждованіи отдѣльныхъ coteries, преисполненныхъ тщеславія и весьма недостойной зависти. Enquête полна ѣдкихъ и далеко

не безпристрастныхъ насмѣшекъ психологовъ школы Бурже надъ натуралистами съ Зола въ главѣ, поэтовъ „парнасцевъ“ надъ новыми поэтами-символистами, символистовъ надъ всѣми предшествующими имъ направленіями. Каждая изъ этихъ группъ въ отдѣльности не отличается братскими чувствами по отношенію своихъ же членовъ. Борресь, авторъ „Jardin de Bérenice“, преисполненъ воспѣтаго имъ „culte du Moi“ и отрицаетъ всякое общеніе съ другими современными поэтами. Мореасъ говоритъ нѣсколько свысока о Верленѣ, Верленъ называетъ новѣйшихъ символистовъ „цимбалистами“ и т. д. Но несмотря на то, что многія мнѣнія въ книгѣ Гюрэ внушены явнымъ недоброжелательствомъ съ одной стороны и ослѣпленнымъ самомнѣніемъ съ другой, произвольное соглашеніе на нѣкоторыхъ пунктахъ людей противоположныхъ убѣжденій проливаетъ интересный свѣтъ на положеніе новой французской литературы. Два факта въ особенности останавливаютъ наше вниманіе: во-первыхъ, почти всѣ писатели самыхъ различныхъ направленій констатируютъ, что вліяніе натурализма во Франціи все болѣе слабѣетъ, уступая мѣсто психологическому роману, въ которомъ духовная сторона поступковъ людей не приносится окончательно въ жертву ихъ наслѣдственнымъ или случайнымъ физиологическимъ инстинктамъ. Во-вторыхъ, въ связи съ этой переменой въ литературныхъ вкусахъ, изъ отвѣтовъ собесѣдниковъ Гюрэ видно, что переменялось и направленіе современной французской поэзіи; поэты не стремятся, какъ прежде, къ анализу чувствъ и настроеній человѣческой души, а напротивъ сводятъ весь внутренній міръ человѣка къ отраженію единственнаго основного его настроенія—жажды божественнаго; въ искусствѣ они стремятся воплотить идеаль въчно прекраснаго и ищутъ во внѣшнемъ мірѣ лишь символа своихъ ощущеній. Представители этого новаго фазиса поэзіи: Верленъ, Маллармэ, Мореасъ и другіе поэты-символисты. Ихъ литературные противники (Левонтъ де-Лиль, Леметръ, Зола) говорятъ о нихъ въ книгѣ Гюрэ то съ аффектированной снисходительностью, то съ явной злобой; но за ихъ отвѣтами чувствуется, что если они не симпатизируютъ направленію новой поэзіи, они во всякомъ случаѣ сознаютъ въ ея представителяхъ крупную силу, могущую затмить и холодное „искусство для искусства“ парнасской школы и многошумное, хотя подчасъ безсодержательное, декламированіе романтиковъ.

Любопытно сравнить новѣйшія мнѣнія, которыя приводитъ Гюрэ о поэтахъ-символистахъ, съ тѣмъ, что писалось о нихъ 8—10 лѣтъ тому назадъ. Тогда впервые нѣсколько молодыхъ поэ-

товъ, послѣдователей эстетическаго ученія Верлэна и Маллармэ, объявили войну традиціоннымъ понятіямъ о поэзіи и пытались воплотить въ своихъ оригинальныхъ, но мало понятыхъ съ перваго раза поэмахъ новое искусство, отвѣчающее потребностямъ изъ утонченной нервной организаціи. Критика отнеслась въ то время съ громкимъ хохотомъ къ „путникамъ“, предсказывая полное забвеніе ихъ начинаній чрезъ самое короткое время. Теперь же Верлэнъ—всѣми признанный знаменитый поэтъ, также какъ и Мореасъ, новѣйшій изъ символистовъ; вышедшая годъ тому назадъ книга послѣдняго „Le Pèlerin Passionné“—настоящее литературное событіе. Эти десять лѣтъ—вся исторія литературной школы, извѣстной подъ именемъ декадентовъ или символистовъ. Название декадентовъ дано было новымъ поэтамъ въ насмѣшку авторомъ одной остроумной пародіи; но они приняли вызовъ и стали сами провозглашать себя представителями латинскаго *décadence*'а, съ его болѣзненной жадью еще неизвѣданныхъ ощущеній и съ желаніемъ создать новый языкъ, новую музыку звуковъ, способныхъ воплотить ихъ мечты о недостижимомъ идеалѣ. Въ послѣдніе годы названіе декадентовъ оставлено новыми поэтами. *Décadence*, говорятъ они, значитъ упадокъ, названіе болѣе примѣнимое къ XVIII в., когда искусство въ самомъ дѣлѣ пало, чѣмъ къ попыткамъ современныхъ поэтовъ создать новую, невѣдомую доселѣ поэзію.—Они стали называть себя „символистами“, указывая этимъ словомъ на самую существенную черту своихъ поэтическихъ приемовъ.

На слѣдующихъ страницахъ, рассматривая произведенія наиболее интересныхъ изъ символистовъ, мы увидимъ, чего достигла эта школа въ своемъ стремленіи „сказать несказанное“. Намъ придется останавливаться и на печальныхъ эпизодахъ движенія, показывая, какъ слишкомъ ревностные сторонники символизма затемняли своими бравирующими здравый смыслъ сочиненіями значеніе реформы, предпринятой смѣлыми и талантливыми новаторами. Но съ другой стороны истинно поэтическія произведенія лучшихъ представителей символизма покажутъ намъ все, что дала литературѣ новая школа. Мы увидимъ, что въ ея начинаніяхъ много правды, и что своеобразная поэзія символистовъ соответствуетъ полу-идеалистическому, полу-мистическому настроенію, все болѣе охватывающему современные умы.

I.

Первыми представителями символизма въ французской поэзіи считаются два диссидента парнасской школы—Поль Верленъ и Стефанъ Маллармэ; но начала внесенной ими реформы кроются уже въ многихъ предшествовавшихъ имъ поэтахъ, и причины, вызвавшія эту новѣйшую эволюцію поэзіи, тѣсно связаны съ общественной исторіей Франціи за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Ихъ слѣдуетъ искать прежде всего въ томъ общемъ пессимизмѣ, который охватилъ французское общество при концѣ второй имперіи и превратился послѣ событій 1871 года въ безнадежный упадокъ духа. Въ философіи это настроеніе породило ученіе Тэна, отвергающаго существованіе всякаго нравственнаго критерія для оцѣнки поступковъ людей. Въ литературѣ вліяніе пессимизма было столь же глубокое: на ряду съ натурализмомъ, отрицающимъ всякія высшія побужденія въ человѣческой душѣ, онъ создалъ новое искусство, ставящее себѣ цѣлью наибольшее удаленіе отъ людей и житейскихъ интересовъ въ область чистаго искусства и отвлеченной красоты. Послѣдній поэтъ, посвятившій свой гений защитѣ политическихъ принциповъ, умеръ съ Викторомъ Гюго. Послѣ него политика измелъчала и стала представлять мало пищи для воображенія поэта. В. Гюго громилъ узурпатора и призывалъ націю къ защитѣ великихъ традицій свободы; его преемникамъ, если бы они вздумали вдохновляться современной политической жизнью Франціи, пришлось бы защищать радикаловъ противъ оппортунистовъ, метать громы на голову Констана или Ж. Ферри, а для этой цѣли передовая статья въ газетѣ болѣе подходящее оружіе, чѣмъ звучный александринскій стихъ. Общественная борьба, волнующая теперь умы, перешла на экономическую почву, но и ея крайнее выраженіе—соціализмъ—въ своемъ теперешнемъ фазисѣ мало способенъ вдохновлять поэтовъ; быть можетъ, первое истинно поэтическое произведеніе, проникнутое социальными идеями, есть недавно вышедшая книга англійскаго поэта Морриса „News from Nowhere“.

Во Франціи съ послѣднимъ романтикомъ исчезъ послѣдній пѣвецъ общественныхъ интересовъ; разладъ между жизнью и искусствомъ породилъ смѣнившую романтиковъ школу поэтовъ-парнасцевъ и создалъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ элементовъ будущей символической поэзіи. Съ другой стороны, одновременно съ первыми поэтами парнасской школы явился стоящій особо отъ нихъ поэтъ, раздѣлявшій ихъ презрительное отношеніе къ жизни и къ

толпѣ, но обогатившій вмѣстѣ съ тѣмъ поэзію новымъ элементомъ, внесшій въ нее „новое трепетаніе“ (un nouveau frisson), какъ выражался про него В. Гюго. Мы говоримъ о Бодлэрѣ, первомъ и настоящемъ декадентѣ, прежде чѣмъ это названіе стало приписываться къ французскимъ поэтамъ. Онъ впервые воплотилъ въ художественные образы ту болѣзненную жажду познанія и то страстное и безнадежное стремленіе найти божество въ природѣ, которое привело новѣйшихъ символистовъ то къ всеотрицанію и безпощадной ироніи Вилье-де-Лиль-Адама, то къ временному успокоенію въ мистицизмѣ католическаго культа. Какъ представитель поволѣнія, пресыщеннаго цивилизаціей и доведеннаго до величайшей утонченности нервной системы, Бодлэръ искалъ новыхъ, неизвѣданныхъ ощущеній и находилъ ихъ во всемъ искусственномъ, во всемъ удаляющемся отъ природы: онъ воспѣвалъ галлюцинаціи гашиша и всѣ настроенія, которыя только могутъ удалить поэта отъ толпы съ ея пошлыми понятіями о красотѣ и нравственности. Всѣ эти элементы мы находимъ въ поэзіи новыхъ поэтовъ-символистовъ, не столь озлобленныхъ противъ людей, какъ Бодлэръ, но столь же болѣющихъ жаждой идеала, отраженіе котораго они ищутъ въ новыхъ формахъ и въ искусственныхъ сочетаніяхъ звуковъ.

Пессимизмъ въ общественномъ настроеніи съ одной стороны и поэзія Бодлэра съ другой приготовили путь поэтамъ-символистамъ. Но прежде чѣмъ послѣдніе выступили на сцену, французская поэзія прошла черезъ періодъ господства парнасской школы, завѣщавшей своимъ преемникамъ доведенную до классической красоты художественность и гармоничность поэтической формы. Ея адепты поставили себѣ девизомъ стихи Мендеса:

La grande Muse portait un peplum, bien sculpté,
Et le trouble est banni des âmes qu'elle hante,

и съ высоты своего олимпійскаго величія, холодные, безстрастные, съ одинаковымъ спокойствіемъ и совершенствомъ въ изображеніи мельчайшихъ деталей, описывали и красоту безлюдной пустыни, и борьбу первобытныхъ людей. Презируя современность и ея мелкіе интересы, они вдохновлялись древней индійской и классической жизнью, аффектировали ученость, пересыпая свои поэмы экзотическими именами и показывая, что они чувствуютъ себя дома въ отдаленныхъ вѣвкахъ цивилизаціяхъ. До какого совершенства доведено было мраморное величіе стиха поэтами Парнасса, показываютъ „Каянъ“ Леконта де-Лилля, философскія поэмы Сюлья-Прюдона, „Филомела“ Катюлла Мендеса и др. Для сим-

волистовъ парнасская школа имѣла большое значеніе; она внесла третій элементъ, обуславливающій ихъ творчество: идеалъ чистой красоты и заботу о внѣшней отдѣлкѣ стиха. Въ этой школѣ окрѣпъ талантъ двухъ основателей символизма. Отрекшись впоследствии отъ философскаго спокойствія и холодной правильности стиха своихъ учителей, но храня въ душѣ ихъ поклоненіе вѣчно прекрасному, Верленъ и Маллармэ смогли создать новый видъ поэзіи, которая возсоздаетъ поэтическіе образы въ душѣ читателя, не описывая ихъ, а лишь намѣчая впечатлѣнія, полученные отъ нихъ самими поэтомъ. „Romances sans paroles“ Верлена и его же нѣсколько критическихъ этюдовъ, собранныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Poètes Maudits“, были первымъ „откровеніемъ“ новой поэзіи и вмѣстѣ съ нѣсколькими сонетами Маллармэ сдѣлались вскорѣ кодексомъ цѣлой применувшей къ нему школы.

II.

Поль Верленъ выступилъ на литературное поприщѣ какъ одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Le Parnasse Contemporain“, органа кружка поэтовъ, называемыхъ по имени своего журнала парнасцами (Parnassiens). Первый сборникъ стиховъ Верлена „Les Poèmes Saturniens“ вышелъ въ 1865 г. и носить на себѣ во многихъ отношеніяхъ отпечатокъ вліянія Леконта де-Лилы и другихъ тогдашнихъ учителей молодого поэта. Подобно имъ, онъ считаетъ, что поэтъ долженъ замыкаться въ своемъ поклоненіи идеалу и бѣжать людей:

Le poète, l'amour du Beau, voilà sa foi
L'azur son étendard et l'Idéal sa loi,

говорить онъ въ прологѣ своего сборника, прибавляя, что если поэтъ когда-либо въ древности обращалъ свой умъ на созерцаніе человѣческой души,

Ce qu'il se méprenait alors sur l'âme humaine.

Подобно парнасцамъ, онъ ставитъ невозмутимость въ обязанность поэту и считаетъ себя однимъ изъ тѣхъ, которые „холодно пишутъ прочувствованные стихи“.

Est-elle de marbre ou non, la Vénus de Milo?

говорить онъ въ сонетѣ, не уступающемъ по безупречности формы лучшимъ стихамъ Леконта де-Лилы.

Не обладая самъ громаднымъ знаніемъ Востока и любовью къ нему, которою отличается Леконтъ де-Лиль, Верленъ, однако, подражаетъ ему въ этомъ отношеніи въ „Poèmes Saturniens“ и восхваляетъ индійскую мифологію, упиваясь своеобразной музыкой экзотическихъ названій. На ряду съ этимъ очевиднымъ вліяніемъ парнасской поэзіи, отразившейся кромѣ указанныхъ стихотвореній еще въ нѣкоторыхъ другихъ, какъ напр. „Un Dahlia“, „Nuit de Walpurgis“, въ этомъ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія совершенно иного характера, показывающія, что за внѣшней невозмутимостью автора кроется страстный темпераментъ поэта съ болѣзненной тонкостью ощущеній, съ постоянными сомнѣніями и глубокимъ душевнымъ разладомъ, поэта, ищущаго новыхъ художественныхъ формъ и поэтическихъ образовъ для выраженія своей внутренней тревоги. Очень интересны въ этомъ отношеніи „Angoisse“, „Résignation“, „Grotesques“ и др. Въ нихъ холодный скептицизмъ воспитанника парнасской школы переходитъ въ отчаяніе атеиста предъ своимъ безвѣріемъ; поэтъ громко возвѣщаетъ о глубинѣ своего отрицанія, какъ бы для того, чтобы заглушить внутренней голосъ души, жаждущей найти смыслъ бытія и вѣры во что-нибудь вѣчное.

Одновременно съ этимъ страстнымъ отрицаніемъ, приготовляющимъ путь къ столь же страстной вѣрѣ въ послѣдующихъ произведеніяхъ Верлена, въ другихъ стихотвореніяхъ „Poèmes Saturniens“ сказывается Бодлеровская нелюбовь ко всему естественному и простому и предпочтеніе всего исключительнаго, извращеннаго, даже уродливаго:

Et je hais toujours la femme jolie,
La rime assonnante et l'ami prudent,

говорить онъ въ „Résignation“; та же любовь къ уродливымъ явленіямъ сказывается въ „Grotesques“ и въ сонетѣ „Une grande dame“, гдѣ поэтъ восхваляетъ искусственную красоту куртизанки, выражая свое поклоненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніе къ ней. Но главный интересъ первой книжки Верлена не въ этихъ намекахъ на особый душевный міръ поэта—эта сторона съ болѣе силой и блескомъ сказала въ послѣдующихъ его произведеніяхъ; „Poèmes Saturniens“ замѣчательны болѣе всего тѣмъ, что въ нихъ сказался реформаторъ поэтического языка, обладающій изумительно музыкальной душой и безконечнымъ богатствомъ ритмовъ, могущихъ отгнать самыя тонкія и самыя сложныя чувства и настроенія. Въ этомъ первомъ поэтическомъ опытѣ Верленъ разбиваетъ строгую неподвижность клас-

Изъ стихотвореній этого сборника наиболее известна *ariette*, начинающаяся словами: „Il pleut dans mon coeur, comme il pleut sur la ville“; она въ самомъ дѣлѣ очень музыкальна, нѣжна— и понятна. Личность поэта наиболее отпечатлѣлась въ другомъ сонетѣ (*ariettes oubliées*, II), болѣе загадочномъ, но ближе передающемъ тонкость ощущеній поэта и его умѣнье возбуждать въ душѣ читателя, музыкальными и художественными въ своей туманности символами, настроенія грусти и мистической тоски.

Господствующее чувство въ этомъ сонетѣ—любовь, но любовь грустная, связанная съ мыслью о смерти; она убаюкиваетъ душу поэта и дѣлаетъ его какъ бы ясновидящимъ, чувствующимъ въ шопотъ рѣчи отголосокъ навсегда умолкшихъ голосовъ, вызываетъ въ немъ откликъ на всѣ звуки въ природѣ. Эта смутная, тонкая гармонія, вызванная любовью, кажется блаженствомъ поэту; онъ хочетъ продлить ее всѣми средствами, которыми располагаетъ поэзія. Отсюда утонченности стиля: неровный 9-сложный стихъ, мягкія женскія рѣзмы, производящія впечатлѣніе отдаленной, несмолкающей музыки, частое употребленіе нѣжныхъ уменьшительныхъ словъ. Прелесть самой грусти дѣлаетъ для поэта желанною смерть, которая ужасаетъ его подругу. Онъ хочетъ умереть отъ этого баюканія звуковъ прошедшаго и восклицаетъ, обновляя въ послѣднемъ стихѣ поэтичное старинное слово: „O, mourir de cette escarpolette“.

Если вспомнить, на ряду съ разобранными стихотвореніями, своеобразную прелесть въ описаніяхъ бельгійскихъ пейзажей (*eaux-fortes*), затаенную иронию и горечь въ „*Chevaux de bois*“, „*Dansons la gigue*“ и нѣсколько другихъ пьесъ, легко понять, сколько новизны, своеобразности и какое исключительное художественное чутье Верленъ выказалъ въ „*Romances sans paroles*“, сдѣлавшихся, какъ и можно было ожидать, откровеніемъ для вступающихъ въ жизнь молодыхъ поэтовъ.

Показавъ на примѣрѣ свое пониманіе цѣлей поэзіи и средствъ, которыми она обладаетъ для отраженія таинственныхъ горизонтовъ души, Верленъ изложилъ отчасти свои теоретическіе взгляды въ критическихъ очеркахъ „*Poètes Maudits*“, гдѣ онъ разбираетъ произведенія нѣсколькихъ новыхъ поэтовъ, въ число которыхъ включаетъ и самого себя подъ прозрачнымъ псевдонимомъ *Paulge Lelian* (*Paul Verlaine*). Въ этихъ очеркахъ Верленъ констатируетъ существованіе маленькой группы поэтовъ, одушевленныхъ одинаковою любовью къ прекрасному, одинаковымъ презрѣніемъ къ мнѣніямъ толпы и пониманіемъ новыхъ настоящихъ путей истинной поэзіи. Эти поэты—Стефанъ Маллармэ, Артуръ Римво, Три-

станъ Корбьеръ и нѣсколько другихъ. Когда Верленъ о нихъ писалъ, они были совершенно неизвѣстны публикѣ. „*Amour jaunes*“ Корбьера были напечатаны въ Брюсселѣ и не дошли до парижскихъ читателей; Рымбо и Маллармэ не хотѣли печатать своихъ поэмъ, считая это профанаціей искусства. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣла измѣнилось; все, что пишутъ даже тѣ, которые сами себя называютъ отщепенцами общества, проклятыми поэтами, становится предметомъ обсуждения и критики. Въ „*Poètes Maudits*“ Верленъ призналъ существованіе новой школы поэтовъ, къ которымъ онъ причислялъ очевидно и самого себя: отличительными чертами этой школы онъ считаетъ презрѣніе къ жизни, преслѣдованіе высшихъ идеаловъ, исканіе божества и—что касается способовъ выраженія—полную реформу устарѣлой поэтики и вѣшнюю непонятность поэмъ, „спасающую“ произведенія священнодѣйствующихъ поэтовъ отъ пониманія толпы.

1881 годъ означаетъ собой новый фазисъ въ творествѣ Верлена. Страстный отрицатель божества сдѣлался столь же страстнымъ католикомъ, и вышедшій тогда сборникъ „*Sagesse*“ полонъ искренняго раскаянія грѣшника предъ алтаремъ непризнаемаго имъ до тѣхъ поръ божества. Эта книга обладаетъ всѣми прежними качествами поэзіи Верлена, обращенными лишь на новый предметъ его поклоненія. Въ ней чувствуется меньше душевнаго разлада, обуславливающаго тревожный и грустный тонъ первыхъ сборниковъ, — онъ замѣненъ красотой искренней глубокой вѣры. Болѣзненная любовь къ извращенности, проявленія чувственности избалованнаго *enfant du siècle*, желаніе утолить свою жажду любви проклятіями всего невиннаго и простаго— всѣ эти прежніе мотивы поэзіи Верлена смѣнены въ „*Sagesse*“ спокойнымъ тономъ обожанія, чередующимся съ страстными нотами раскаянія и самоуничженія. Одинъ изъ очень строгихъ критиковъ Верлена, Жюль Леметръ, сравниваетъ „*Sagesse*“ съ „Подражаніемъ Христу“ Өомы Кемпійскаго, и въ самомъ дѣлѣ вѣсть съ этою книгой, „*Sagesse*“ Верлена по своей искренности—единственная поэтическая книга въ католицизмѣ. Примѣромъ того, какъ краснорѣчиво и поэтично Верленъ воспѣваетъ просвѣтленіе своей души, служить прежде всего его глубоко почувствованный діалогъ съ Христомъ: „*Mon Dieu m'a dit: Mon fils, il faut m'aimer*“. Въ немъ рельефно выступаютъ съ одной стороны величественный въ своей простотѣ образъ Христа, съ его всепрощеніемъ и безконечной любовью, и съ другой драматичная фигура грѣшника, проникнутаго желаніемъ любить най-

деннаго имъ Бога, но не рѣшающагося подняться на высоту этой любви. Такъ же хороши стансы:

O, mon Dieu, vous m'avez blessé d'amour,
Et la blessure est encore vibrante.
O, mon Dieu, vous m'avez blessé d'amour.

Но наряду съ этимъ религіознымъ настроеніемъ Верлена, въ немъ не исчезаетъ свѣтскій грѣшникъ съ жаждой чувственныхъ ощущеній, съ отрицаніемъ чистыхъ чувствъ и свѣтлыхъ порывовъ человѣческой души. Такимъ образомъ послѣ „Sagesse“ являются „Jadis et Naguère“, „Amour“, „Parallèlement“, „Bonheur“, гдѣ смиреніе чередуется съ прежнимъ безвѣріемъ, раскаяніе—съ воспѣваніемъ грѣховныхъ чувствъ, мистицизмъ — съ сенсуализмомъ. Эту двойственность своего творчества, антагонизмъ души и тѣла, Верленъ слѣдующимъ образомъ самъ объясняетъ въ своей статьѣ о „Бѣдномъ Леліанѣ“. Онъ констатируетъ, что съ 1881 г. произведенія поэта дѣлятся на двѣ очень различныя категоріи, и что въ будущемъ онъ тоже намѣревается издавать параллельно сборники, идейно противоположные одинъ другому: съ одной стороны, стихи и прозу, гдѣ католицизмъ развиваетъ свою логику, свои ужасы, угрозы и обѣщанія, съ другой — чисто свѣтскія произведенія, чувственныя, съ ноткою злой ироніи и болѣе чѣмъ поверхностнаго садизма. „Но гдѣ въ этомъ,—продолжаетъ Верленъ, — единство мысли? спросать меня. Оно существуетъ съ общечеловѣческой или католической (что въ нашихъ глазахъ одно и то же) точки зрѣнія. *Я вѣрю и я грѣшу* въ мысляхъ и поступкахъ; *я вѣрю и раскаиваюсь* въ мысляхъ. Или еще, *я вѣрю* и въ эту минуту я—хорошій христіанинъ, *я вѣрю* и въ слѣдующую минуту я—дурной христіанинъ. Воспоминаніе, надежда мнѣ доставляютъ наслажденіе, сопровождаемое или не сопровождаемое угрызеніями совѣсти; иногда наслажденіе является въ образѣ грѣха и чаще всего со всѣми послѣдствіями грѣха, — настолько плоть и кровь сильны, естественны и животны. Таковы, наприм., воспоминанія, надежды, мечты перваго отрицателя божества. Эти наслажденія мнѣ, вамъ, ему, писателю, намъ хочется изложить на бумагѣ и напечатать болѣе или менѣе хорошо или дурно; мы придаемъ изложенной мысли литературную форму, забывая всякія религіозныя идеи или приводя ихъ цѣликомъ. — Можно ли осудить за это меня какъ поэта? Сто разъ нѣтъ. Пусть совѣсть католицизма разсуждаетъ иначе, — намъ до этого нѣтъ дѣла. Затѣмъ католическіе стихи „Бѣднаго Леліана“ покрываютъ ли все его остальное творчество, и эти двѣ группы образуютъ ли нѣчто единое?

Сто разъ да. Въ нихъ одинъ и тотъ же духъ—тотъ же стиль, привычки, настроеніе. Простой и серьезный въ одномъ случаѣ, разукрашенный, нервный въ другомъ — это все тотъ же стиль, подобно тому, какъ мистическій и чувственный человѣкъ остается человѣкомъ разсудка всегда, въ различныхъ воплощеніяхъ одной и той же мысли, имѣющей моменты величія и паденія; и нашъ авторъ имѣетъ полное право писать книги молитвъ въ то же время, какъ книги, исключительно посвященныя ощущеніямъ, такъ же, какъ онъ свободенъ писать въ какомъ угодно духѣ“.

Изъ всѣхъ послѣднихъ сборниковъ Верлена самый интересный — „Jadis et Naguère“, въ которомъ находится „Art Poétique“, резюмирующій реформу поэтическихъ теорій, предпринятую Верленомъ. Въ немъ авторъ наставляетъ главнымъ образомъ на музыкальности, какъ основаніи всякой поэзіи, и говоритъ, что достигъ ее можно главнымъ образомъ предпочтеніемъ нечетныхъ размѣровъ (мы видѣли, насколько онъ самъ подчиняется этому правилу), соединеніемъ точности съ неясностью (Rien de plus cher que la chanson grise — où l'Indécis au Précis se joint). Онъ предпочитаетъ полутоны яркимъ цвѣтамъ, изгоняетъ изъ поэзіи „la pointe assassine“, краснорѣчіе (prends l'éloquence et lui tords le cou) и слишкомъ строгое подчиненіе рямѣ.

Поэту нужна болѣе всего музыка, говоритъ Верленъ, заканчивая свое краткое наставленіе современному поэту:

Et tout le reste est littérature.

Послѣдняя строчка часто цитируется какъ образецъ того, до чего доходитъ манія величія новыхъ поэтовъ, обособляющихъ себя отъ всего, что не исповѣдуетъ ихъ эстетическіе взгляды. Разсмотрѣвъ всѣ наиболѣе замѣчательныя произведенія поэта, наложившаго сильный отпечатокъ своей оригинальной личности на французскую поэзію, мы приходимъ къ убѣжденію, что Верленъ — вполне созданіе своего времени. Чуткой душой истиннаго поэта онъ постигъ, какая драма таится въ душѣ современнаго человѣка, преисполненнаго болѣе безнадежнаго пессимизма, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія, но въ то же время болѣе чѣмъ когда-либо жаждущаго постичь таинственный смыслъ бытія. Времена холоднаго и гордаго отрицанія прошли навсегда съ Байрономъ и его подражателями, окружавшими ореоломъ величія непокорный и сильный умъ мятежнаго духа зла и воздвигавшими пьедесталь человѣку, хулящему небеса. Современное поколѣніе носитъ другой идеалъ въ душѣ: оно не гордится величіемъ земного существованія, не вѣруетъ въ результаты земныхъ начинаній; но нѣтъ

въ немъ и вѣры въ лучшую „небесную родину“. Оно — жертва бесплодныхъ порывовъ, несбыточныхъ надеждъ и страданій, которыя оно не считаетъ слабостью, какъ считали люди прежнихъ поколѣній, преклонявшіеся исключительно предъ героическими подвигами. Поэтому этой сложной психологіи современнаго чело-вѣка является Верленъ, воплотившій въ поэтическіе образы душевный міръ своего поколѣнія, съ его величіемъ и слабостями. Конечно, публика не могла пойти за Верленомъ; она его не понимаетъ, но чувствуетъ нѣчто родное въ его таинственной поэзіи и считаетъ его великимъ поэтомъ, не вникая въ смыслъ его стихотвореній. Для своей инстинктивной философіи Верленъ создалъ какъ бы новый языкъ, оставаясь, однако, въ предѣлахъ синтаксиса французскаго языка и будучи всегда понятнымъ для внимательнаго читателя. Внѣшнія особенности его творчества болѣе всего бросились въ глаза, и послѣдователи Верлена наиболѣе сходились съ нимъ на почвѣ реформы языка, реакціи противъ безпорядочной реторики романтиковъ и неподвижности поэтическихъ формъ „парнасцевъ“. Но ученики Верлена часто забывали, что языкъ этого перваго символиста не подходитъ для всякаго, желающаго подражать ему, что онъ удивительно передаетъ и символизируетъ особенности безпокойнаго, вѣчно преисполненнаго сомнѣній творчества Верлена, но что въ устахъ менѣе страстнаго поэта онъ будетъ просто непонятенъ.

III.

Верленъ, какъ мы сказали, при всей оригинальности своего языка, остается въ предѣлахъ французской грамматики и не считаетъ неясность недостаткомъ въ поэтѣ; онъ дѣлаетъ свою поэзію доступной читателю, насколько это позволяютъ его подчасъ необычныя, понятныя лишь ему одному настроенія и ощущенія. Иначе поступаетъ его ближайшій сподвижникъ по символизму, Стефанъ Маллармэ, который внесъ въ поэзію понятіе объ искусствѣ какъ о чемъ-то противоположномъ духу „толпы“. Съ его точки зрѣнія, чѣмъ болѣе поэтъ удаляется отъ пониманія людей, тѣмъ ближе онъ къ совершенству, и идеальный поэтъ для него — тотъ, кто говоритъ символами, понятными лишь таимъ же поэтамъ, какъ онъ самъ.

Маллармэ выступилъ, какъ и Верленъ, въ „*Revue Contemporain*“. Тамъ напечатанъ отрывокъ его поэмы „*Hérodiade*“ написанной совершенно понятно и выдержанной по формѣ въ

спокойномъ духѣ „парнасцевъ“; но самая идея поэмы, загадочный образъ Иродіады, съ ея исключительной любовью къ своей собственной красотѣ, съ ея чувствомъ ужаса предъ профанирующимъ привосновеніемъ какаго бы то ни было смертнаго, съ ея таинственнымъ сознаніемъ своего высшаго мистическаго назначенія, предвѣщаетъ уже въ авторѣ будущаго сторонника правила „le beau, c'est le rare“.

Маллармэ отказался впоследствии отъ этихъ первыхъ поэтическихъ опытовъ, порицая ихъ общедоступность, и ушелъ въ мечты о новой поэзіи, о никѣмъ еще неосуществленномъ поэтическомъ произведеніи, которое соединило бы въ себѣ идеалъ красоты и правды и символизировало бы синтезъ всѣхъ усилій человѣческаго ума въ стремленіи постичь смыслъ бытія. Свое новое пониманіе цѣлей искусства Маллармэ не старался проводить сразу въ образцахъ своего творчества, полагая, что время еще не созрѣло для осуществленія его идеала; но своими теоретическими разсужденіями и изрѣдка тѣмъ или другимъ загадочнымъ сонетомъ онъ приобрѣлъ извѣстность въ литературныхъ кружкахъ и сталъ вмѣстѣ съ Верлэномъ главой школы еще раньше, чѣмъ послѣдній провозгласилъ его гениальнымъ поэтомъ въ „Poètes Maudits“. Верлэнъ представилъ его публикѣ подъ покровомъ загадочности и презрѣнія къ славі: „занятый исключительно красотой, — говоритъ авторъ „Poètes Maudits“, — Маллармэ считаетъ ясность второстепеннымъ качествомъ, и если только его стихъ звученъ, полонъ, изысканъ и, если нужно, нѣженъ и смѣлъ, онъ пренебрегаетъ всѣмъ, чтобы нравиться лишь тонкимъ цѣнителямъ, среди которыхъ онъ самъ строже всѣхъ“.

Такимъ Маллармэ въ самомъ дѣлѣ является въ своемъ пренебреженіи къ обыденному языку. „Чтобы обвиняться мнѣніями съ своими ближними, говорить онъ, не нужно словъ. Каждому достаточно для этого положить денежную монету въ руку своего собесѣдника“.

Искусство для него есть нѣчто совершенно обособленное отъ жизни, жизнь въ самомъ себѣ. Поэтъ долженъ быть творцомъ; поэзія — искусство размѣровъ и риземъ — должна быть музыкой и создавать свой особый міръ ощущеній, настроеній. Сюжетъ поэмы служить лишь объясненіемъ того, чѣмъ вызвано то или другое ощущеніе; задача поэта передать музыкой словъ и ихъ сочетаній охватившее его душу настроеніе. Самого Маллармэ волнуютъ прежде всего философскія или вѣрнѣе метафизическія идеи; отсюда вся его поэзія выражаетъ восторгъ творчества. Для него міръ внѣшній и міръ, создаваемый художникомъ, одинаково существ-

вуютъ; второй для него важнѣе, радостнѣе, потому что онъ приобщаетъ поэта къ таинству мірозданія. За явленіями реальной жизни Маллармэ видитъ болѣе возвышенный міръ искусства, всѣ реальные предметы для него — символы міра идей. Все его творчество объясняется этой двойственностью взгляда на предметы его поэзіи, т.-е. на природу, произведенія искусства, мифологическія сказанія. Восторгъ, которымъ преисполняется поэтъ идея творчества, объясняетъ, почему Маллармэ довелъ символизмъ до крайности и изгналъ ясность образовъ и сравненій изъ своей поэзіи, замѣнивъ ихъ темными символами и отвлеченными идеями. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ сущность символизма. „Назвать предметъ, — говоритъ онъ, — значитъ уничтожить три четверти наслажденія, доставляемаго чтеніемъ поэмы, такъ какъ это наслажденіе составляется изъ постепеннаго угадыванія. Возбудить мысль о предметѣ — вотъ чего долженъ добиваться поэтъ. Вотъ идеальное употребленіе тайны, составляющей символъ: вызывать мало-по-малу мысль о предметѣ, чтобы показать извѣстное душевное настроеніе, или, напротивъ, избрать предметъ и изъ него вывести душевное настроеніе цѣлымъ рядомъ разгадокъ. Въ поэзіи должна всегда быть тайна, въ этомъ цѣль литературы“.

Мы предпослали эти замѣчанія о теоретическихъ взглядахъ Маллармэ на поэзію и объ его пониманіи символизма, чтобы сдѣлать болѣе понятными его немногія поэтическія произведенія. Нужно приобщиться къ его особому міру, понять его психологию, для того чтобы разглядѣть то, что есть прекраснаго въ его загадочныхъ поэмахъ. Нужно, кромѣ того, освоиться съ его техническими приѣмами, дѣлающими поэмы Маллармэ похожими на музыку Вагнера. Вліяніе послѣдняго вообще очень велико на Маллармэ, который самъ это признаетъ, говоря объ эстетикѣ его, какъ объ единственной, отвѣчающей идеаламъ искусства, и воспѣвая въ своихъ советахъ Вагнера, какъ величайшаго генія.

Вѣрный своему пониманію поэзіи и слѣдуя примѣру своего музыкальнаго вдохновителя, Маллармэ не излагаетъ ясно мысль, проводимую въ томъ или другомъ изъ своихъ стихотвореній; онъ лишь указываетъ на сюжетъ поэмы нѣсколькими очень точными словами, размѣщенными въ наиболѣе выдающихся мѣстахъ поэмы; эти указанія на предметы, вдохновившіе поэта, составляютъ нѣчто въ родѣ „Leitmotiv“, въ Вагнеровскихъ операхъ; все остальное въ стихотвореніи играетъ роль модуляцій, отгнѣняющихъ руководящій мотивъ своей гармоніей. Отдѣльные стихи часто не имѣютъ самостоятельнаго смысла; ихъ значеніе — въ музыкальныхъ эффектахъ, возбуждающихъ ощущенія грусти или радости, надежды или со-

жалнія, смотря по основной темѣ стихотворенія. Для характеристики манеры Маллармэ укажемъ на одинъ его сонетъ съ комментаріями А. Визеви, сотрудника символистическихъ журналовъ и ревностнаго поклонника поэта. Предметъ, вызвавшій стихотвореніе—консоль, поддерживающая мраморъ потухшаго камина. Поэтъ думаетъ о веселомъ пламени, которое только-что искрилось и потухло навсегда. Онъ спрашиваетъ себя, потушить ли надвигающаяся ночь такимъ же образомъ гордость, яркій пламень юношескихъ мечтаній и молодой славы, оставивъ легкій слѣдъ дыма тамъ, гдѣ гордо горѣлъ факель, потушенный рововымъ дуновениемъ. Неужели ночь обратить въ дымъ всю гордыню, подобно огню въ мраморномъ каминѣ? Неужели торжествующее пламя не сможетъ одолѣть забвенія (*sans que l'immortelle bouffée ne puisse à l'abandon surseoir*). Огонь неумолимо угасаетъ, и еслибы вернулся въ пустынный домъ наслѣдникъ какого-нибудь трофея, блескъ котораго тоже померкнетъ подъ ударами судьбы, онъ бы нашелъ комнату холодной, потому что—увы—насталъ все убывающій вечеръ. Напрасно хотѣлъ бы онъ забыться въ мечтаніяхъ, забыть печальную картину; воспоминанія прошлаго его сжимаютъ какъ когти хищной птицы, и онъ принужденъ переносить холодъ этой комнаты, когда-то освѣщенной. Онъ страдаетъ, но скоро его страданіе прекращается, потому что вмѣсто потухшаго камина онъ увидѣлъ среди окружающей его ночи и внутреннего мрака внезапный блескъ консоли, давшій ему иллюзію угаснушаго пламени и теплоты. Онъ нашелъ такимъ образомъ настоящій очагъ, пламя вѣчно могущественной фантазіи, которая никогда не угасаетъ.

Въ этомъ сонетѣ, какъ и въ другихъ (напр. сонетъ: *Surgi de la groupe et du bond—d'une vergerie éphémère*), Маллармэ воспѣваетъ подъ различными символами бессмертный, вѣчный даръ воображенія, которое властвуетъ надъ реальнымъ міромъ, дѣлая изъ него предлогъ для созданія лучшаго міра фантазіи. Символы, т.е. самые предметы, служатъ для Маллармэ видимымъ мотивомъ поэзіи; его цѣль—выразить волненіе, охватывающее поэта при видѣ самыхъ обыденныхъ предметовъ вѣшняго міра,—волненіе, вызванное гордой вѣрой въ всемогущество силы воображенія.

Самое замѣчательное изъ произведеній Маллармэ—„*L'après midi d'un Faune*“, небольшая поэма, въ которой вѣшняя форма вполне гармонируетъ съ внутреннимъ настроеніемъ. Сцена, которая рисуется воображенію автора, слѣдующая: среди богатаго восточнаго пейзажа, на берегу благоухающей рѣвки, отдыхаетъ фавнъ послѣ того, какъ его покинули рѣвныя нимфы. Онъ грустенъ, по-

тому что ихъ игры и ласки теперь для него невозвратный сонъ. Но онъ приходитъ къ сознанию, что всякое видѣніе есть лишь созданіе услужливаго воображенія, и начинаетъ въ творческомъ восторгѣ воссоздавать видѣнную имъ сцену. Опять предъ нимъ исчезнувшія нимфы, онъ видитъ идеальную красоту, ихъ формы, чувствуетъ ихъ горячіе поцѣлуи. Онъ гонится за самой прекрасной, но вечеръ надвигается и видѣніе опять исчезаетъ. Но зачѣмъ напрасно скорбѣть? Фавнъ чувствуетъ себя творцомъ, — какъ только онъ захочетъ, предъ его внутреннимъ взоромъ появятся любимыя созданія его фантазіи.

Сюжетъ поэмы — чисто музыкальный, ощущенія души подъ влияніемъ творческой воли. Только такой сюжетъ и можно выразить музыкой словъ и слоговъ, и только такой сюжетъ Маллармэ считаетъ достойнымъ поэта. Звуками флейты фавнъ воскрешаетъ звуки природы, шопотъ вѣтра—танцы нимфъ, и эти звуки, соотвѣтствующіе душевному настроенію фавна, Маллармэ передаетъ своимъ мѣрно текущимъ стихомъ, полнымъ теплоты и прозрачности въ своемъ теченіи и возвышающимся до страстности, когда фавнъ призываетъ творческія силы своей души.

Проза Маллармэ носитъ тотъ же характеръ отвлеченности, какъ и его стихи. Начавъ свою литературную дѣятельность переводомъ рассказовъ Эдгара Поэ, онъ отразилъ и въ своихъ оригинальныхъ „поэмахъ въ прозѣ“ манеру американскаго писателя увеличивать эффектъ рассказа чисто техническими приѣмами. Маллармэ дѣйствуетъ на читателя главнымъ образомъ мастерствомъ стиля, переходами отъ краткихъ, тяжелыхъ словъ къ пафосу страсти. Въ этихъ немногочисленныхъ образцахъ Маллармэ проводитъ свою теорію символизма. Конечно, самое исполненіе во всемъ томъ, что писалъ Маллармэ,—не на высотѣ идеала, живущаго въ его душѣ; въ его поэзіи нерѣдко встрѣчаются банальные ритмы и темныя метафоры. Но значеніе его творчества—въ артистическомъ усиліи выразить сложной и логически построенной поэзіей опредѣленныя ощущенія и самыя возвышенныя порывы души. Невозможность поднять искусство до полного соотвѣтствія его цѣли удерживаетъ Маллармэ отъ продуктивности. „Онъ показываетъ своимъ молчаніемъ, — говоритъ П. Моррисъ, авторъ весьма интересной книги „La littérature de tout à l'heure“, — что на пути искусства, уже ознаменованнаго столькими шедеврами, онъ считаетъ своей обязанностью лишь указывать на имѣющую значеніе новизну деталей, потому что при нынѣшнемъ состояніи умовъ онъ не могъ бы реализовать произведеніе еще неизвѣданнаго искусства (l'oeuvre d'art inouïe), которое онъ хо-

четь создать. Маллармэ — поэтъ тѣмъ, что общаются въ будущемъ его напечатанныя уже произведенія, и кромѣ того своими рѣдкими теоретическими писаніями и своими разговорами“.

IV.

Верленъ съ своими попытками обогатить французскую поэзію новыми ритмами и освѣжить многіе давно забытые размѣры поэтовъ XVI в., и Маллармэ съ своей загадочной поэзіей, болѣе интересной по замысламъ, чѣмъ по ихъ исполненію, опредѣлили путь новому теченію поэзіи. Мы видѣли, въ чемъ заключается ихъ идеалъ въ поэзіи; идя по намѣченному ими пути, символическая поэзія должна была сдѣлаться реакціей противъ научнаго направленія реалистической школы съ ея стремленіемъ къ анализу ощущений. Они выставили на мѣсто анализа принципъ синтеза, стремленіе „suggérer tout l'homme par tout l'art“. Въ то время какъ аналитическое искусство опредѣляло, детализировало свои сюжеты, синтетическая поэзія схватываетъ ихъ въ ихъ сложности и возбуждаетъ въ читателѣ пониманіе ихъ посредствомъ отгѣнновъ и тонкости литературныхъ формъ. Слѣдствіемъ такого пониманія искусства является требованіе, чтобы поэтъ не впадалъ свои мысли, а лишь намекалъ на нихъ. Онъ не долженъ никогда ясно высказывать своей идеи, говорить теоретики символизма. Пусть она показывается и исчезаетъ въ постоянной игрѣ свѣта и тѣней до самаго конца, когда она выкажется во всемъ своемъ великолѣпіи; тогда только читатель почувствуетъ волнующую его радость открытія. На упрекъ въ темнотѣ символической поэзіи, художникъ долженъ отвѣчать, что слова — одежда мысли и что всякая одежда есть покровъ. Чѣмъ выше мысль, тѣмъ больше она нуждается въ покровѣ. Изъ того же принципа происходитъ крайняя заботливость символистовъ объ языкѣ. Слова имѣютъ для нихъ значеніе музыкальныхъ звуковъ; они стремятся сдѣлать ихъ равносильными неяснымъ и весьма сложнымъ ощущеніямъ, отголоскомъ которыхъ является ихъ поэзія. Для этого имъ недостаточенъ академическій языкъ, слишкомъ изобилующій синонимами для того, чтобы быть точнымъ. Они черпаютъ изъ богатой сокровищницы средневѣкового французскаго языка и вводятъ въ употребленіе забытыя выраженія Ронсара и его предшественниковъ XV и XIV вѣка; кромѣ того ихъ поэзія испещрена словами католическаго культа, привлекающими ихъ своей пышностью и мистицизмомъ: „ciboire“, „osten-

soire“ и т. п. попадаютъ на каждомъ шагѣ у Верлена и его учениковъ; кромѣ того звуковые эффекты достигаются ими иногда повтореніемъ однихъ и тѣхъ же буквъ и словъ, которые, подобно звукамъ какого-нибудь инструмента, повторяемымъ чрезъ равныя промежутки, способствуютъ усиленію того или другого настроенія, которое поэтъ хочетъ удержать въ душѣ читателя.

На почвѣ изложенныхъ нами взглядовъ Верлена и Маллармэ въ нимъ примкнулъ кружокъ молодыхъ поэтовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли настоящій талантъ, а другіе обладали только смѣлостью и желаніемъ бравировать мнѣніями и вкусами публики. Это движеніе стало усиливаться въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и получило какъ бы общественную санкцію, когда два талантливыхъ поэта, Ж. Викэръ и Г. Боклэръ, посвятили новой поэтической школѣ остроумную пародію подъ названіемъ: „Les Déliauescences d'adoré Floupette, poète décadent“. Пародисты очень удачно поддѣлывали стиль поэтовъ, заговаривавшихся въ своемъ желаніи быть оригинальными, а въ предисловіи представлена была жизнь кружка „декадентовъ“ съ ихъ самообожаніемъ, преклоненіемъ предъ „единственными гениями“ Bleucotton (Verlaine) и Arsenal (Mallarmé), съ ихъ теоріей красокъ въ поэзін и съ эстетическими взглядами въ родѣ того, что современная поэзія есть „une attaque de nerfs sur du papier“ и т. д. Молодые поэты далеко не были въ претензіи на авторовъ „Déliquescences“. Напротивъ, эта болѣе остроумная, нежели злая насмѣшка подняла литературное значеніе кружка послѣдователей Верлена; она признала „школу“, „направленіе“ тамъ, гдѣ были лишь попытки сказать что-то новое. Имя „декадентовъ“, данное въ насмѣшку, принято было какъ вызовъ, и вскорѣ образовался цѣлый рядъ журналовъ, отстаивающихъ принципы декаданса. Изъ этихъ журналовъ, страдающихъ общимъ недостаткомъ — отсутствіемъ единства, наиболѣе выдающіеся: „La Jeune France“, существовавшая десять лѣтъ, „Révue Indépendante“, основанная Феликсомъ Фенсономъ, „Révue Contemporaine“, издававшаяся не такъ долго, какъ „Jeune France“, но оставившая больше слѣдовъ. Затѣмъ „La Vogue“, самый опредѣленный изъ декадентскихъ журналовъ и содержащій въ себѣ лучшія вещи Верлена, Маллармэ, Римбо; наконецъ, „Revue Wagnérienne“.

При все болѣе увеличивающемся числѣ поэтовъ-декадентовъ, среди нихъ образовался расколъ, неминуемый въ каждомъ литературномъ или другомъ движеніи. На ряду съ серьезными адептами символизма, отстаивающими свои принципы въ стихахъ и прозѣ въ названныхъ журналахъ, образовались изданія въ родѣ

„Le Décadent“ Анатоля Бажю, или „Ecrits pour l'art“, которая своимъ фокусничаньемъ въ области непонятныхъ звуковъ компрометтировала школу Верлена и давала обильную пищу журналамъ и газетамъ для насмѣшекъ надъ новымъ направлениемъ. Ренэ Гиль, редакторъ „Ecrits pour l'Art“, основалъ въ своемъ журналѣ новую „инструментальную“ поэзію, гдѣ каждый изъ цвѣтовъ радуги уподоблялся какому-нибудь инструменту въ оркестрѣ и гдѣ въ свою очередь каждая гласная являлась обращенной въ какой-нибудь цвѣтъ. Эту дикую теорію Гиль основывалъ на имѣвшемъ въ свое время большую извѣстность сонетѣ Рымбо „Voyelles“.

Этотъ сонетъ былъ написанъ Рымбо въ шутку, какъ говорить даже его панегиристъ Верленъ; но Гиль серьезно обсуждалъ въ своемъ журналѣ неточности его „теоріи красокъ“ въ алфавитѣ, которую онъ въ общемъ признавалъ вѣрной и на которой построена его „эволютивно-инструментальная“ школа. Въ интервью съ Гюрэ, Гиль насчитывалъ 26 поэтовъ своей школы, но имена ихъ столь же темны и такъ же мало имѣютъ отношенія къ поэзіи или литературѣ вообще, какъ и вся попытка Гили создать инструментальную поэзію и какъ его совершенно непонятная поэма „Le Geste Ingénu“. Когда Маллармэ теменъ, то это объясняется его желаніемъ выразить наиболѣе цѣлостно тонкія и глубокія мысля; Гиль непонятенъ помимо всякихъ высокихъ идей. Мечтая о созданіи новаго искусства, онъ все сдѣлалъ для того, чтобы скомпрометтировать новую поэтическую школу.

Изъ поэтовъ, подвизавшихся въ журналахъ, посвященныхъ символизму, наиболѣе интересны Артуръ Рымбо и Жюль Лафоргъ; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей съ большими или меньшими правами на извѣстность, какъ Роденбахъ, Тальядъ, Г. Канъ, Маргаритъ, Ренье, Меріо и т. д. Артуръ Рымбо—наиболѣе восхваляемый самими символистами изъ новыхъ поэтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе понятный изъ нихъ для непредупрежденнаго читателя. Его жизнь и его творчество окружены нѣкотораго рода легендой. Все, что онъ когда-либо писалъ въ прозѣ или въ стихахъ (если можно назвать стихами его произвольные размѣры, въ которыхъ рима большей частью замѣнена ассонансами), относится къ періоду первой его молодости, къ 1869—71 годамъ, когда ему было около 18 лѣтъ. Такимъ образомъ онъ является не послѣдователемъ первыхъ символистовъ, а одновременно съ ними возникшимъ пророкомъ новыхъ путей искусства. Но эти юношескія произведенія никому не были извѣстны, пока въ началѣ 80-хъ годовъ Верленъ не провозгласилъ ихъ гениальными. Рымбо слишкомъ презиралъ сужденіе публики, чтобы позволить

напечатать что-нибудь изъ своихъ откровеній. „Проклятый такимъ образомъ самимъ собой этотъ проклятый поэтъ“,—говоритъ про него Верленъ въ своемъ восторженномъ очеркѣ. Съ тѣхъ поръ, т.-е. со времени появленія „Poètes Maudits“, Рибмо исчезъ—одни говорятъ, что онъ умеръ; другіе—что онъ занимается научными изслѣдованіями въ Азіи; третьи, наконецъ—что онъ спокойно живетъ на западѣ Франціи, преданный очень прозаичной, чисто практической дѣятельности. Его жизненный образъ сдѣлался неяснымъ: какъ поэтъ, онъ витаетъ надъ символистами, какъ мистическая тѣнь. Послѣ исчезновенія Рибмо, „Revue Contemporaine“ и „Revue Indépendante“ напечатали сохранившіеся въ рукописи двѣ серіи его стихотвореній „Le Bateau Ivre“ и „Les Communiions“; его же проза „Les Illuminations“ и „Une Saison en Enfer“ печаталась въ „La Vogue“. Затѣмъ въ 1886 году „Illuminations“ вышли отдѣльнымъ изданіемъ съ предисловіемъ Верлена. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, которыя собственно нельзя подвести подъ установленныя въ литературѣ категоріи, чувствуется несомнѣнно какой-то стихійный, могучій талантъ, оправдывающій восторги его друзей; но этотъ талантъ и несомнѣнно большая умственная сила до того недисциплинированы, что иногда кажутся болѣе близкими къ помѣшательству, чѣмъ къ гениальности. Многія страницы „Illuminations“ кажутся горячечнымъ бредомъ, не лишеннымъ, однако, величія и производящимъ сильное впечатлѣніе, которое читатель не можетъ даже себѣ хорошенько уяснить. Понятнѣе всего его стихотворенія, полная глубокой, беспощадной ироніи, доходящей до цинизма въ своей ненависти ко всему пошлomu и въ насмѣшкахъ надъ мелочнымъ тщеславіемъ людей; таковы, напр., „Les Assis“ и „Les effarés“.

„Premières Communiions“—въ другомъ родѣ; въ нихъ отразилась интензивность внутренней жизни поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ выказано большое мастерство стиха, точное и обширное знаніе скрытой гармоніи стиха и всѣхъ секретовъ описательной поэзіи.

Но что сказать объ „Illuminations“, этихъ удивительныхъ страницахъ, куда поэтъ заноситъ свои безпорядочныя ощущенія и философскія мысли, вызванныя приобщеніемъ къ жизни космоса? Проза чередуется со стихами, экзальтированная радость—съ глубокой скорбью, какъ въ „Matinée d'ivresse“. Нѣкоторыя пьесы совершенно лишены смысла, какъ „Mouvement“, составляющее *ultima ratio* противниковъ символизма въ ихъ нападкахъ на новыхъ поэтовъ.

Но наряду съ этимъ бредомъ—великолѣпная проза „Parade“. Передъ поэтомъ видѣніе цѣлаго міра существъ, отвергнутыхъ

жизнью. На этой пьесѣ лежитъ несомнѣнный отпечатокъ большого таланта и своеобразной умственной организаціи, гдѣ среди душевнаго хаоса таится много любви къ обиженнымъ и непонятымъ жизнью и много сарказма по отношенію къ торжествующей мощи. Въ отдѣльныхъ наброскахъ, составляющихъ „*Stimulations*“, есть внутренній планъ, который трудно разглядѣть сразу, но который можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: Римбо вдохновляется сначала космическими революціями, наполняющими его безумной радостью и пламенными порывами. Затѣмъ выступаютъ чудовищные города: безумное человѣчество разыгрываетъ феерію преступленія и разврата. Среди этой декораціи является изъ толпы человѣкъ съ кривыми страсти; затѣмъ имъ овладѣваетъ апатія, онъ жаждетъ чисто растительной жизни. Нѣсколько невзрачныхъ силуэтовъ тянутся мимо, подгородные садики въ Брюсселѣ, холмы блѣдныхъ цвѣтовъ и окутанные ноющей тоской. Отъ сильнаго, гибкаго и яркаго языка первыхъ страницъ поэтъ переходитъ къ нѣжному шопоту пѣсенъ, замирающихъ при первомъ приближеніи сна. Затѣмъ вдругъ пробужденіе, полное ненависти, воззваніе къ какому-нибудь социальному перевороту, высказанное голосомъ алкоголика, проклятіе военному и утилитарному общественному строю.

Другой изъ названныхъ нами молодыхъ поэтовъ символизма, Жанъ Лафоргъ, есть одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей новой школы. Онъ примкнулъ къ кружку послѣдователей Верлена въ восьмидесятыхъ годахъ, сдѣлался редакторомъ „*Vogue*“, тамъ печаталъ всѣ свои стихи, вышедшіе потомъ отдѣльными сборниками („*Les Complaintes*“, „*L'imitation de notre Dame La Lune*“; сборникъ прозы „*Les Moralités légendaires*“ вышелъ послѣ смерти автора) и умеръ очень молодымъ въ 1887 году. Лафоргъ болѣе, чѣмъ большинство послѣдователей Верлена, обладаетъ природнымъ даромъ музыкальности и умѣньемъ производить сильные эмоциональные эффекты извѣстными сочетаніями слоговъ, повтореніями гласныхъ, которыя образуютъ какъ бы жалобный пригвѣтъ его полупустыхъ, полу-насмѣшливыхъ стихотвореній. Тамъ напр., въ оригинальной „*Complainte du jeune homme*“, музыкальный эффектъ построенъ на повтореніи протяжнаго звука *a*, составляющемъ какъ бы аккомпаниментъ похороннаго колокола, къ жалобѣ юноши о томъ, что его возлюбленная отравилась, не давши ему умереть вмѣстѣ съ ней.

Il prit à deux mains son vieux crâne,
 Qui de science était un puits,
 Crâne,
 Riche crâne, и т. д.

Лафоргъ по природѣ принадлежалъ къ тѣмъ тонкимъ поэтическимъ натурамъ, которыя изъ чувства нравственной стыдливости не рѣшаются обнажать свои душевные страданія и скрываютъ ихъ подъ ироніей и горькими насмѣшками. Онъ полонъ сомнѣній, *ivremort de doute*, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, но душа его преисполнена единственной мыслью о Богѣ, и онъ скитается напрасно, ища на землѣ и въ звѣздахъ „*des signes de Dieu*“, „*un cri du Tout*“. Вся природа для него символъ отсутствія духовнаго начала, повсюду онъ видитъ пустоту—*le néant*.

Отчаяніе, охватывающее его душу, наполняетъ его безконечною горечью; онъ осмѣиваетъ себя съ своими ненужными, бессмысленными мечтами, смѣется надъ тайнами бытія, надъ смертью, надъ любовью и болѣе всего надъ женщиной, въ которой ослѣпленное человѣчество видитъ символъ чувства, приобщающаго человѣческую душу вѣчности. Но за этимъ отрицаніемъ вѣры и чувства таится непобѣдимая, хотя тяжело раненая душа идеалиста. У него на устахъ постоянно слово Божіе, сопровождаемое худой атеиста, какъ напр. въ „*Complainte propitoire à l'Inconnu*“, гдѣ стихи псалма чередуются съ выраженіями разочарованія и ироніи. Многія изъ его „*Complaintes*“ посвящены смерти; поэтъ съ безотраднымъ смѣхомъ говоритъ о легкомысленномъ забвеніи мертвыхъ живущими.

Поэтическій талантъ Лафорга сказывается во всей своей глубокости, музыкальности и нѣжности въ описаніяхъ неопредѣленно тоскливыхъ настроеній, связывающихъ человѣческую душу съ меланхоліей природы. Печаль осенняго пейзажа въ „*Complainte*“, начинающейся словами: „*c'est fut un bien au vent d'octobre paysage*“, грусть одиночества среди зимняго сна природы, вырывающаяся у поэта возгласъ: „*oh qu'il fait seul, oh fait il froid*“—всѣ эти настроенія отражены въ поэзии Лафорга въ сѣрыхъ полтонахъ заунывныхъ пѣсенъ, съ постоянно возвращающимся монотоннымъ припѣвомъ. Самое трогательное стихотвореніе въ этомъ родѣ „*La Complainte des Pianos*“. Поэтъ слышитъ въ ранній весенній вечеръ однообразную игру на фортепьяно подъ окнами домовъ въ богатой части города; вся безцвѣтная, ничѣмъ неполненная жизнь свѣтскихъ дѣвушекъ проходитъ предъ нимъ; за однообразной игрой, проходящей чрезъ все стихотвореніе въ припѣвѣ: „*Tu t'en vas et tu nous laisses—tu nous laisses et tu t'en vas*“, поэтъ чувствуетъ то апатію дѣвушекъ, осужденныхъ на сѣрую жизнь, то безнадежную жажду болѣе полной жизни, то наконецъ покорность разбитой вѣры.

По указаннымъ нами образцамъ поэзии Лафорга видно, что

внутреннее настроеніе его творчества, общепонятныя сомнѣнія и жажда вѣры нѣсколько отличаютъ его отъ остальныхъ символистовъ съ ихъ метафизикой и стремленіемъ осуществить неосуществимое; общаго у него съ ними—лишь иронія и жажда вѣчности. Но Лафоргъ примыкаетъ къ новой школѣ поэтовъ, главнымъ образомъ, по техникѣ своихъ стихотвореній. Свобода стихосложенія доведена имъ до апогея и привела бы въ ужасъ не только сторонника классическаго александринаскаго стиха, съ правильной цезурой, но и болѣе терпимаго романтика школы Банвилля. У Лафорга встрѣчаются стихи всѣхъ размѣровъ отъ двухъ- до тридцати-сложныхъ; рима не подчинена никакимъ правиламъ, Лафоргъ римуется то одинаковыя слова между собой, то ужасныя для романтиковъ симметричныя слова, какъ рѣге и шѣге, bonheur и malheur, то проводитъ одну и ту же, мужскую или женскую, риму чрезъ цѣлое стихотвореніе. Чтобы произвести желаемыя музыкальныя эффекты, онъ часто измѣняетъ форму словъ, вводя въ нихъ тотъ или другой звукъ, рисующій въ воображеніи поэта настроеніе, которое онъ хочетъ вызвать въ читателѣ.

Но во всѣхъ этихъ иногда крайнихъ вольностяхъ Лафоргъ руководится своимъ вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ, никогда ему не измѣняющимъ. Онъ владѣетъ въ совершенствѣ внутреннимъ пониманіемъ тайны стихосложенія и играетъ съ легкостью жонглера римами и размѣрами. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ большого внутренняго смысла, виртуозность формы поразительна.

Звуки для Лафорга превращаются въ послушные инструменты, замѣняющіе краски и кисть художника. Онъ рисуетъ чувства ихъ сочетаніями и достигаетъ даже комическихъ и саркастическихъ эффектовъ, при помощи комбинаціи римъ и слоговъ, какъ напр. въ „Placet du Faust fils“.

Въ лицѣ Лафорга символизмъ несомнѣнно потерялъ одного изъ своихъ очень талантливыхъ представителей, показавшихъ, до какой гибкости и до какого богатства ритмовъ можно довести славящійся своей неподвижностью французскій стихъ.

На начинаніяхъ другихъ изъ послѣдователей символизма едва ли стоитъ останавливаться,—они разбрасываются, пытаются внести каждый свою оригинальную ноту въ общее движеніе, но не выходятъ изъ безпокойныхъ исканій, не даютъ ничего цѣльнаго, выработаннаго. Таковъ Густавъ Канъ съ своими широко задуманными и не лишенными таланта „Palais Nomades“; въ нихъ царствуетъ самый неподдѣльный символизмъ, проза чередуется съ стихами съ неправильной цезурой, съ произвольнымъ числомъ

словъ, но подъ вѣшной пышностью и музыкальностью формы чувствуется бѣдность мысли, отсутствіе идеи. Таковы и Тальядь съ своимъ мистическимъ паганизмомъ, американцы Мервиль и Вьель-Грепревъ съ ихъ склонностью къ романтизму, Ренье „le Magnifique“, какъ его зовутъ за изобилующій орнаментировкой языкъ, и др.

V.

Отдѣльно отъ разобранныхъ нами поэтовъ стоитъ Жанъ Мореасъ, представляющій собою новый фазисъ символизма. Его значеніе несомнѣнно преувеличено слишкомъ усердными поклонниками, и онъ самъ не мало способствовалъ этому своей необыкновенной самоувѣренностью, граничащей съ магіей величія. Объ эволюціяхъ въ своемъ пониманіи поэзіи онъ объявляетъ „манифестами“; каждая изъ его книгъ по тону предисловія является новымъ вызовомъ литературному вкусу и иногда долготерпѣнію публики. Но, относясь скептически къ завѣреніямъ „шюлы“ Мореаса о безусловномъ величіи ихъ maître'a и его превосходствѣ надъ всѣмъ, что символизмъ создалъ до него, нельзя не признать, что онъ внесъ много своего, оригинальнаго, и своимъ знаніемъ средневѣковой поэтической литературы и умѣньемъ очень искусно примѣнять размѣры поэтовъ XII и XIII в. значительно обогатилъ французскую поэзію.

Мореасъ первый протестовалъ противъ имени „декадентовъ“, даннаго новымъ поэтамъ, и издалъ въ 1886 г. литературный манифестъ символизма. Въ этомъ манифестѣ, проповѣдуя походъ противъ натурализма въ искусствѣ, онъ доказываетъ значеніе символа для поэзіи, преимущество символовъ съ ихъ недосказанностью надъ слишкомъ ясными и ограниченными сравненіями прежнихъ поэтовъ и видитъ идеалъ художника въ синтезѣ. Для выраженія всего, что содержитъ въ себѣ символизмъ, онъ требуетъ новаго языка, возвращенія къ романскимъ традиціямъ. „Я былъ первымъ,—говоритъ онъ въ разговорѣ съ Гюрэ,—требовавшимъ обновленія поэтическаго языка, возвращенія къ традиціямъ стиля, почерпнутаго въ источникахъ романскихъ нарѣчій“. Это заявленіе Мореаса не отличается скромностью, но вполне справедливо, и въ стремленіи обновить поэтическій языкъ лежитъ главная его заслуга. „Для точной передачи синтеза, — заявляетъ онъ въ 1886 г., — символизмъ нуждается въ стилѣ, обладающемъ одновременно типичностью первобытнаго языка и

сложностью: нетронуты слова (*d'impollués vocables*), отрывистые периоды, чередующіеся съ періодами безпомощно замирающими, полны значенія плеоназмы, таинственныя недосказанныя мысли, въ смѣлѣ и разнообразныя тропы, — словомъ, возобновленный и пригнанный къ современности пышный и живой французскій языкъ до Вожеля и Буало, языкъ Раблэ и Коммина, Виллона, Рюбева и столькожъ другихъ свободныхъ писателей. По отношенію къ метрикѣ нужно призвать къ жизни старинныя ритмы: искусную беспорядочность; сіяющую и прочную, какъ отлитый въ золота и стали панцырь, рѣму наряду съ загадочно и неясно текущей; александрийскій стихъ съ многочисленными цезурами; употребленіе нѣкоторыхъ нечетныхъ чиселъ: 7, 9, 11, 13, развитыхъ на всѣ ритмическія комбинаціи, на которыя они способны“.

Характеръ языка Мореаса въ его поэтическихъ произведеніяхъ подходит подъ его собственное опредѣленіе; онъ соединяетъ въ себѣ точность разработаннаго языка новѣйшей философіи съ богатствомъ и гибкостью средневѣковаго стиля. Но, занимаясь преимущественно отдѣлкой языка, внесеніемъ „полиморфизма“ въ французскій словарь, Мореасъ не идетъ по стопамъ Верлена; онъ не стремится вложить въ музыку словъ отголоски тонкихъ психическихъ настроеній, какъ авторъ „*Romanes sans paroles*“, а преслѣдуетъ философскія цѣли, правда, въ высшей степени гуманныя, но характеризующія его стремленіе сдѣлать задачей поэзіи выраженіе самыхъ глубокихъ истинъ, самыхъ сложныхъ проблемъ человѣческаго ума.

Артистическое совершенство формы въ произведеніяхъ Мореаса болѣе всего видно изъ сборника „*Cantilènes*“, а его философскія стремленія — изъ новѣйшей книги: „*Le Pèlerin Passionné*“, послужившей при своемъ появленіи въ февралѣ 1891 г. предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ среди приверженцевъ и враговъ символизма.

„*Cantilènes*“ пронизаны античностью формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ и мысли поэта обращены на прошедшее. Онъ воскрешаетъ въ воображеніи умершія ощущенія (*flacons, o vous, grisez-vous, flacons d'autrefois*), онъ жалѣетъ о времени средневѣковыхъ героевъ (*o neiges d'antan, vos prouesses, capitans*), онъ видитъ самого себя въ образѣ героя древней баллады (*moi barde de fer*), но уже неспособнаго совершить что-либо (*j'ai trop longtemps humé la saveur du calice*). Съ какой внутренней правдой и прелестью античнаго языка Мореасъ передаетъ преданія — свидѣтельствуетъ одна изъ самыхъ красивыхъ кантиленъ — „*Tidogalain*“. Пѣснь

Тидогалэна для принцессы служить лучшимъ примѣромъ совершенства Мореаса въ старо-французскомъ языкѣ.

Но цѣль Мореаса—не артистическая поддѣлка средневѣковой поэзіи, а пользованіе красотами романскихъ нарѣчій для большей выразительности поэтическихъ символовъ.

Если въ „*Cantilènes*“ преобладаетъ артистичность, исканіе внѣшнихъ красотъ, въ „*Pèlerin Passionné*“, напротивъ, на первомъ планѣ—согласованіе формы и идеи, попытка найти таинственныя связи между средневѣковымъ романтизмомъ и самыми гордыми упованіями современной мысли. вмѣстѣ съ тѣмъ изысканность формы, искусное и иногда искусственное употребленіе старинныхъ оборотовъ доведено до крайности.

Нововведенія въ поэтическомъ языкѣ, намѣченные въ „*Cantilènes*“, доходятъ до чрезмѣрнаго развитія въ „*Pèlerin Passionné*“, и нельзя не признать, что въ первомъ фазисѣ поэзіи Мореаса имѣла гораздо больше художественной прелести. Въ то время какъ въ „*Cantilènes*“ встрѣчаются такіе перлы, какъ „*Un Ruffian*“, написанный просто, но въ высшей степени художественно, въ „*Pèlerin Passionné*“ нѣтъ ни одной строчки, не носящей отпечатка дѣланности и исканія эффектовъ.

По своему поэтическому таланту Мореасъ стоитъ выше большинства символистовъ школы Верлена и Маллармэ, и если Лафоргъ и Римбо не уступаютъ ему въ технической выработкѣ стиля, Мореасъ превосходитъ ихъ по своимъ философскимъ стремленіямъ. Но авторъ „*Pèlerin Passionné*“ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ новаторствѣ; его „романское“ теченіе перестаетъ быть обновленіемъ современнаго поэтическаго языка,—оно дѣлается прямымъ подражаніемъ средневѣковымъ поэтамъ. Самое искусство, съ которымъ Мореасъ воспроизводитъ характеры и ритмы поэтовъ XIII и XIV в., конечно, интересно само по себѣ и даетъ автору право считаться французскимъ Чатертономъ. Но его стремленія гораздо выше поддѣлокъ древнихъ поэтовъ: его цѣль—указать поэзіи новые пути, а не повторять уже сдѣланное. Между тѣмъ новаго очень мало въ его поэзіи, и даже теоретическія его разсужденія представляютъ новизну развѣ по своеобразности ихъ языка, гдѣ старинныя выраженія примѣняются къ новымъ понятіямъ.

Изъ изложенныхъ нами въ общихъ чертахъ взглядовъ на искусство новыхъ поэтовъ, начиная Верленомъ и кончая Мореасомъ, и изъ рассмотрѣнныхъ образцовъ ихъ творчества можно видѣть, что начатое и поддерживаемое ими движеніе символизма имѣетъ серьезное значеніе и несомнѣнно оставитъ слѣдъ въ литературѣ.

Открывъ новые горизонты „d'un art suggestif“, символизмъ сдѣлалъ невозможнымъ возвратъ къ холодной поэзіи „парнасцевъ“, которая, давая законченныя описанія въ своихъ произведеніяхъ, не возбуждаетъ творческой мысли читателя, не связываетъ его душу съ таинственными сторонами бытія.

Символизму отказываютъ въ названіи школы на томъ основаніи, что въ стремленіяхъ его представителей мало общаго, что они не носятъ отпечатка единства, какъ у романтиковъ или парнасцевъ. Легко убѣдиться, что, несмотря на рѣзко выраженную индивидуальность каждаго изъ лучшихъ поэтовъ символизма, ихъ поэтика является вполнѣ опредѣленною и представляетъ полную реакцію противъ вторженія положительной науки въ область искусства, — вторженія, которое можетъ имѣть художественную цѣну лишь тогда, когда оно открываетъ душѣ новыя перспективы, не подлежащія разсмотрѣнію разума. Попытки идти по этому скользкому пути не всегда были удачны, и мы видѣли, сколько вздора внесли въ символизмъ нѣкоторые изъ слишкомъ одностороннихъ его послѣдователей. Но если можно судить о какомъ бы то ни было эстетическомъ или философскомъ движеніи по результатамъ, которые оно даетъ, то символизмъ, давшій Верлена, Маллармэ и Мореаса, долженъ быть признанъ одною изъ самыхъ плодотворныхъ школъ въ новѣйшей французской поэзіи.

Зин. Венгерова.

ВЪ ГЛУБЬ ЖИЗНИ

I.

— ...Я не отрицаю! Департаментская дѣятельность благотворна. Она—стимуль. Но согласитесь, что человекъ, прильпаясь исключительно къ ней, остается какъ бы на поверхности жизни. Становясь же въ ряды выборныхъ, онъ спускается, такъ сказать, въ глубь, получаетъ возможность непосредственнаго воздѣйствія.

Такъ говорилъ статскій совѣтникъ Свищовъ, переступивъ одною ногой въ переднюю и держа передъ собою свѣчу. Въ передней не видѣлось никого и можно было подумать, что Свищовъ обращается съ своею рѣчью къ длинному сѣрому „ульстеру“, съ коричневой шляпой на приподнятомъ воротникѣ, висѣвшему въ углу. Но ульстеръ вдругъ зашевелился; внизу его запарвали ноги, справляясь съ калошами. Спустя минуту, ульстеръ ожилъ совсѣмъ и подъ нимъ оказался исхудалый, высокаго роста человекъ, съ гладко выбритымъ, блѣднымъ лицомъ и безкровными губами. Онъ поправилъ золотое пенснэ, крѣпко вѣщившееся въ его узкій, горбатый носъ, прижалъ къ груди камышевую трость и заговорилъ, натягивая перчатки:

— Нѣтъ, Виталій Абрамычъ! Выборное начало стоитъ въ прямомъ противорѣчьи съ авторитетомъ. Иное дѣло—явиться съ полномочіями—ну, хоть бы въ качествѣ состоящаго при губернаторѣ...

— Да помилуйте, Евстафій Николаичъ!..

Свищовъ и Евстафій Николаичъ Извъковъ — тоже статскій совѣтникъ — ухватили другъ друга за пуговицы. Только-что затихшій споръ вспыхнулъ снова. Извъковъ говорилъ баритономъ, спорилъ сдержанно и методично; Свищовъ—человекъ небольшого

роста и умѣренной полноты, съ бритымъ же, но пепельно-сѣрымъ лицомъ и съ коротко остриженными серебристыми волосами—обладалъ мягкимъ теноркомъ, выказывалъ въ спорѣ горячность, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ самой утонченной вѣжливости.

— Связь съ землею—великое дѣло!—говорилъ Свищовъ. — Этою связью надобно пользоваться, укрѣплять ее.

— Но вы сами же говорили, что „кулакъ“ завладѣлъ всѣмъ!

— Конечно. И съ нимъ надобно бороться!

— Разумѣется. Но возможно ли это безъ полномочій?

Июньская петербургская ночь начинала уже блѣднѣть, когда пріатели рѣшились, наконецъ, разстаться. Затворивъ дверь, Свищовъ прошелъ въ кабинетъ и присѣлъ тамъ къ письменному столу. Царствовавшій въ кабинетѣ порядокъ, массивные шкафы съ книгами, кипы бумагъ на столѣ, фотографическіе портреты оперныхъ и балетныхъ знаменитостей, видѣвшіеся на стѣнахъ, — все обличало въ хозяинѣ человека дѣлового, но не лишеннаго, имѣстѣ съ тѣмъ, и склонности къ изящному. Стоявшая невдалекѣ, на складномъ столикѣ, опорожненная бутылка портвейну показывала, что бесѣда пріателей была не изъ скучныхъ.

Виталій Абрамычъ Свищовъ—правовѣдъ и отпрыскъ богатой когда-то дворянской фамиліи — не такъ давно покончилъ свою департаментскую дѣятельность, выслуживъ пенсіонъ, и поселился на Пескахъ. Существуетъ преданіе, что одинъ молодой отшельникъ былъ такъ плѣненъ во время молитвы сладкимъ пѣніемъ птицы, такъ заслушался ея, что не замѣтилъ мелькнувшихъ дѣстковъ лѣтъ и очнулся уже сѣдымъ старикомъ, не узнавая окружающаго... Нѣчто подобное стряслось и съ Свищовымъ. Цвѣтушникъ юношей усѣлся Свищовъ за департаментскій, полированный, краснаго дерева столъ и такъ заслушался скрипа перьевъ, что, очнувшись, увидѣлъ себя сѣдымъ статскимъ совѣтникомъ въ отставкѣ, со вставными зубами, съ болью въ поясницѣ и чуждымъ всего окружающаго... Разница состояла лишь въ томъ, что отшельникъ, по преданію, получилъ отпущеніе грѣховъ и успокоился, а Свищовъ, какъ бы въ качествѣ нераскаяннаго грѣшника, обреченъ былъ влачить остатокъ дней своихъ въ мытарствѣ между Песками и Мильбретомъ, у котораго продолжалъ онъ завтракать въ силу многолѣтней привычки. На досугѣ Свищовъ сталъ осваиваться съ вопросами, совсѣмъ не входившими въ кругъ бывшей его служебной дѣятельности, сталъ вдумываться въ нихъ. Мысли о проникновеніи въ глубь жизни при посредствѣ выборнаго начала, о борьбѣ съ кулакомъ, — стали бродить въ головѣ Свищова по случаю завязавшейся у него переписки съ однимъ изъ дѣятелей

родного N—скаго уѣзда. Свищовъ даже озарился при этомъ до нѣкоторой степени открытіемъ, что притокъ интеллигентныхъ силъ долженъ существовать не изъ провинціи въ Петербургъ, какъ это водится обыкновенно, а наоборотъ. „Связь съ землею“ — само по себѣ красивое выраженіе, а тѣмъ болѣе въ *связи* съ весьма недурными земскими окладами—стала занимать Свищова еще и потому, что въ N—скомъ уѣздѣ состояло за нимъ, уцѣлѣвшее случайно, материнское наслѣдство—пустошь „Залѣсье“, приносившая ему нѣсколько сотъ рублей годового дохода. Такой поворотъ мыслей Свищова отъ бюрократической религіи къ земской ереси смущалъ стариннаго его друга и сослуживца Извъкова, продолжавшаго тянуть неуклонно свою департаментскую лямку. Споры и несогласія стали возникать между ними все чаще и чаще. Въ этотъ вечеръ Свищовъ окончательно выказалъ себя сторонникомъ „выборнаго начала“ и гонителемъ „кулака“, черпая главнымъ образомъ свою силу въ только-что полученномъ письмѣ изъ N—ска, отъ упомянутаго нами дѣятеля, нѣкоего Николая Иваныча Пеньковскаго. Письмо занимало цѣлый листъ почтовой бумаги большого формата, рисовало положеніе уѣзда, нуждающагося въ дѣятеляхъ, и оканчивалось такою патетическою фразой:

„Заявляю отъ имени всего общества: намъ дороги такіе люди, какъ вы!“

II.

Спустя нѣсколько дней, Свищовъ, обложенный новенькими чемоданами и сакъ-вожжами, запасшійся ящиками сигаръ и многимъ другимъ, долженствовавшимъ выставить его въ наилучшемъ свѣтѣ предъ уѣздною знатью, распрощался съ своимъ гнѣздомъ на Пескахъ и двинулся къ Николаевскому вокзалу. Устроившись въ отведенномъ ему, благодаря департаментскимъ связямъ, отдѣльномомъ купѣ и бросая послѣдній взглядъ на покидаемый Петербургъ, Свищовъ впалъ въ тихую, пріятную меланхолію. Промелькнули, повертываясь, красныя громады казармъ, осталось позади Волково кладбище... еще нѣсколько минутъ, и голубая туманная дымка стала густѣть, заволакивать очертанія столицы, скрывая ее совсѣмъ отъ глазъ... Свищовъ закурилъ сигару и сталъ мысленно оглядывать свое грядущее. Долговременная привычка понимать вещи не по ихъ значенію, а по заранѣ составленному представленію о нихъ много облегчала ему эту работу. Предъ Свищовымъ завлекательно сталъ вырисовываться, какъ на картинкѣ, его родной уѣздъ съ цвѣтущими, хотя и степенными, сѣверными ландшаф-

тами,—съ пустошью „Залъсье“ въ центрѣ,—съ толпами мирныхъ поселенъ въ живописныхъ костюмахъ, съ группами почтенныхъ „дѣтелей“ въ сюртукахъ и цилиндрахъ... Послѣ первой же большой станціи, гдѣ Свищовъ съѣлъ котлетку и съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ бутылку холоднаго пѣнистаго пива, онъ увидѣлъ себя облеченнымъ въ высокое и необременительное званіе ирвого судьи; предъ нимъ замелькало, пораженное испугомъ, скорщенное плутоватое лицо обвиняемаго... Свищовъ внушительно сталъ разъяснять ему, что „законъ есть право, установленное испею властью, и невѣденіемъ онаго никто отзывать не можетъ“... Дальше Свищовъ увидѣлъ себя во главѣ дѣтелей—онъ ораторствовалъ, велъ за собою уѣздъ, рѣчи его подхватывались пазетами; онъ открывалъ у себя по вечерамъ нѣчто вродѣ „bureau d'esprit“... Неугомонная тряска и грохотъ, какъ-то подавляюще дѣйствовавшіе на непривычные нервы Свищова, не дали мечтамъ разыгратъ дальше и сонъ смежилъ ему глаза.

На слѣдующій день невыносимая проселочная земская дорога, по которой приходилось Свищову сдѣлать десятка три верстъ, нѣсколько омрачила радужныя его мечтанія. Начавшій накрапывать дождь заставилъ поднять верхъ тарантаса и закрыться фартукомъ. Свищову было крайне неудобно въ этомъ низенькомъ, полутемномъ ящикѣ; при каждомъ толчкѣ онъ стучался головою объ верхъ, валился на бокъ, воображалъ со страхомъ, что тарантасъ падаетъ куда-то—въ рѣку или въ оврагъ...

Въ N—скѣ помѣстился Свищовъ въ первомъ номерѣ лучшей въ городѣ гостиницы. Наутро, выбрившись старательно и надѣвъ домашній элегантный костюмъ изъ сѣраго трико, Свищовъ присѣлъ со стаканомъ чаю къ окну и сталъ разглядывать городъ. Погода стояла отвратительная. Дождикъ сѣялъ точно изъ сита; улочная пыль превратилась въ сѣрую замазку; солнце, притаившись гдѣ-то за неподвижнымъ облачнымъ покровомъ, пѣрило невидимо и разливало томительную духоту... При первомъ взглядѣ на улицу, у Свищова возникло въ умѣ странное предположеніе, что городъ состоитъ собственно изъ заборовъ, а покосившіеся дома на кирпичныхъ фундаментахъ или просто на влыбахъ камня подъ углами—есть лишь незначительный архитектурный ордѣвръ... Старикъ въ халатѣ, въ тепломъ картузѣ и подъ зонтикомъ, пробравшійся по узенькому деревянному тротуару, удивилъ Свищова; заспанный полицейскій солдатъ въ сѣрой шинели и какой-то прохожій, обоюдно разразившіеся подъ самымъ окномъ потокомъ отборныхъ словъ, привели Свищова въ крайнее смущеніе... Онъ оставилъ свои наблюденія и принялся за разборку вещей. Упра-

внѣшнѣ съ этимъ, Свищовъ разложилъ бюваръ и на атласномъ листѣ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, составилъ записку къ Пеньковскому, извѣщая его о своемъ прибытіи и прося пожаловать послѣ обѣда на чашку чаю.

III.

Николай Ивановичъ Пеньковскій былъ пожилой человекъ, худой и на длинныхъ ногахъ, съ мутными глазками, съ жиденькою, отрепанною бородкой, всегда плохо одѣтый и никогда не причесанный; на шеѣ у него болталась лорнетка, а въ лѣвой рукѣ неизмѣнно находился фуляровый платокъ; характера Николай Ивановичъ былъ суетливаго и большой говорунъ. Никакой должности Пеньковскій не занималъ и все-таки вѣчно былъ въ самой толчѣ общественной дѣятельности: на благотворительныхъ концертахъ примазывался онъ къ кружку исполнителей, какъ артистъ на гитарѣ; на выборахъ суетился какъ счетчикъ шаровъ, перепутывая все, отъ счета до именъ; на торжествахъ онъ былъ наблюдающій за порядкомъ и, въ то же время, страстный любитель кулебяки съ вязигою или съ молодыми перепелами, смотря по сезону. Въ городѣ звали Пеньковского „словопроводъ“. И дѣйствительно: слова, тосты, рѣчи неудержимо вылетали изъ Николая Ивановича, не имѣя рѣшительно иного отношенія къ его гортани, какъ только къ отверстію; обычай людей согласовать свое сегодняшнее мнѣніе хотя бы только со вчерашнимъ, казалось, не существовалъ для Пеньковского совсѣмъ; были ли у него какіе-либо боги, что казалось ему дорогимъ или просто надобнымъ въ сферѣ общественныхъ интересовъ—этого, навѣрно, не зналъ онъ и самъ. Однимъ изъ первыхъ и всегда одинаково суетливо прилѣплялся Пеньковскій ко всякому общественному настроенію, во всякой одолѣвшей партіи, всегда ликовалъ, лѣвъ цѣловаться и не шутя восклицалъ: „Вѣдь я, батюшка, съ самой первой реформы эту лямку тяну!“

Получивъ записку Свищова, Пеньковскій засуетился. Несмотря на погоду, онъ ринулся разносить новость по городу. Трудъ былъ не легкій: въ обѣду усталыя ноги подгибались у Пеньковского, жилы на его худой шеѣ раздулись, какъ у тетерева въ періодъ бормотанья, а изъ гортани стали вылетать вмѣсто словъ одни неясные хриплые звуки.

— Мосѣ Пеньковскій?—вопросительно произнесъ Свищовъ, выступая на встрѣчу, когда Пеньковскій, отобѣдавшій и отдохнувшій, влетѣлъ въ нумеръ, размахивая фуляромъ.

— Онъ самый!— Не давъ опомниться хозяину, Пеньковскій заключилъ его въ объятія и обдалъ букетомъ пива, рижскаго бальзама и зеленаго луку.— Только о васъ и рѣчи въ городѣ, только о васъ!

Свищовъ потушился и отступилъ маленькимъ элегантнымъ шажкомъ, указавъ гостю на кресло.

— Чаю намъ!— распорядился онъ, позвонивъ.

— Мнѣ очищенной!— крикнулъ Пеньковскій вдогонку лакею.

Вглядѣвшись нѣсколько въ своего гостя и примирившись съ его оригинальностью, Свищовъ повелъ бесѣду. Когда разговоръ, повертѣвшись достаточно около погоды и петербургскихъ новостей, коснулся дѣлъ уѣзда, Свищовъ спросилъ:

— Ну, какъ ваши парламенты?

— Дѣятели надобны намъ, дѣятели!— зашумѣлъ Пеньковскій. Онъ проглотилъ рюмку водки, отпнулся на коверъ, заставивъ хозяина отдернуть поспѣшно ногу, и, вмѣсто закуски, понюхалъ кусочекъ чернаго хлѣба. Исполнивъ все это быстро и съ умѣньемъ, Пеньковскій принялся изображать плачевное положеніе уѣзда, принужденнаго страдать отъ недостатка дѣятелей, способныхъ достойно вести его по пути прогресса и цивилизаци. Положеніе выходило трогательное, и Свищовъ умилился внутренно. Но и за всѣмъ этимъ, картина общественной дѣятельности въ уѣздѣ, которую тутъ же, не переставая обращаться къ графиню, сталъ развертывать Пеньковскій, была изумительна по своимъ успѣхамъ. Совершая ее мысленно, Свищовъ примолкъ и весь спрятался въ свое кресло. „Агрономическіе смотрители“, „школьная организація“, „неподвижная зерносушилка“, „раціональный сѣвооборотъ“—звучали въ ушахъ Свищова странно и поучительно; мосты, дороги и зданія такъ и вружились передъ его глазами. Чуть не умоля Свищова стать безотлагательно въ ряды дѣятелей, Пеньковскій признался, что видитъ въ Свищовѣ прежде всего подмогу себѣ.

— Нельзя выѣзжать все на одномъ да одномъ Николай Ивановичъ. Такимъ образомъ Николай Ивановичъ, пожалуй, скоро и *того!*— воскликнулъ онъ почти со слезами на глазахъ. Названіе подразумѣвавшася тутъ горестнаго событія Пеньковскій не рѣшился даже произнести. Онъ только выразилъ на своемъ лицѣ почти предсмертныя муки и потянулся къ графиню. Тамъ оставалось уже немного. Выцѣдивъ послѣднія капли и поглядѣвъ графиню для чего-то на свѣтъ, Пеньковскій впился своими костлявыми пальцами въ колѣнку Свищова и спросилъ:

— Вы какую должность предпочитаете?

Свищовъ растянулъ въ знакъ улыбки свои тонкія губы по бѣлымъ, ровнымъ зубамъ, разставилъ нешироко руки, подавшисъ корпусомъ впередъ, и отвѣтилъ скромно:

— Я юристъ.

Пеньковскій почему-то такъ и просіялъ при этомъ отвѣтѣ. Онъ освободилъ колѣнку Свищова и, откинувшисъ на спинку кресла, произнесъ торжественно:

— Заявляю отъ имени всего общества, — эта фраза давно сдѣлалась у Пеньковского обиходною: — намъ дороги такіе люди!

Бесѣда протянулась далеко за полночь. Проводивъ гостя, Свищовъ остановился посреди комнаты и невольно проговорилъ: „Какъ, однако, шагнула матушка-провинція!“ Раздѣваясь передъ зеркаломъ, Свищовъ не переставалъ размышлять. Онъ продолжалъ это и очутившисъ въ постели. Отвертываясь, наконецъ, къ стѣнѣ и закутываясь въ тканевое одѣяло, онъ прошепталъ какъ-то безсознательно: „Кажется, три тысячи въ годъ, съ канцелярскими, полагается судѣ?“ Заснулъ Свищовъ съ совершенно неожиданно подвернувшюся ему мыслью: „Удивительно много можетъ выпить Николай Ивановичъ!“

IV.

Первое же воскресенье Свищовъ опредѣлилъ для визитовъ по городу. Все утро этого дня было посвящено сборамъ, отличавшимся необыкновенною внимательностью даже къ мелочамъ: Свищовъ въ строгомъ нисходящемъ порядкѣ занесъ визиты на особую записочку, поставивъ первымъ предводителя дворянства; приведеннаго извозчика осмотрѣлъ чрезъ окно и приказалъ распустить подвязанный хвостъ у лошади; фракъ вычистилъ онъ собственноручно, а часовую цѣпочку вытеръ тщательно замшею. Повернувшисъ въ послѣдній разъ передъ зеркаломъ, тянувшимъ упорно фигуру въ какую-то ломаную діагональ, Свищовъ мягко проскользнулъ въ гороховое пальто съ муаровыми отворотами, услужливо растопыренное меланхолическимъ и не совсѣмъ опрятнымъ половымъ.

Визиты пошли гладко, обычнымъ порядкомъ. Гостя встрѣчалъ хозяйинъ, застегиваясь и, безъ всякой видимой причины, извиняясь, что его застаютъ „совсѣмъ по домашнему“; выплывала вскорѣ хозяйка, съ легкимъ волненіемъ на только-что освѣженномъ лицѣ, и начинала салонный разговоръ; Свищовъ поддерживалъ его, выпускалъ умѣло двѣ-три блѣстки и, воспользовавшисъ первою пау-

зой, откланиваясь, скрывая подъ элегантно-почтительнымъ изгибомъ спины безпокойный изъяснъ поясицы. Вышелъ нѣсколько изъ этой рамки только визитъ предсѣдателю суда: тутъ, вмѣсто салоннаго разговора, гость и хозяинъ, какъ юристы, отдались специальности и даже поспорили слегка. Разгорѣться спору не дала предсѣдательша — она безъ церемоніи замѣтила мужу, что онъ не можетъ быть правъ, потому что за всѣ пять лѣтъ, какъ попалъ въ этотъ городъ, не прочелъ ни одной печатной строки. Затѣмъ Свищова угостили сладкимъ до приторности кофе и пригласили на этотъ день вечеромъ „запросто“.

— Въ исправнику! — сказалъ Свищовъ, загнувъ съ облегченнымъ сердцемъ памятную записку на послѣднемъ визитѣ и усаживаясь на дрозжи.

Дрозжи остановились у одноэтажнаго длиннаго дома съ палисадникомъ. Изъ воротъ высочилъ рослый полицейскій солдатъ и поспѣшилъ снять Свищова съ дрозжекъ, какъ снимаютъ дѣтей; послѣ этого онъ скрылся, не сказавъ ни слова. Свищовъ сообразилъ, что о немъ пошла докладывать, и поспѣшилъ въ домъ. Исправникъ игралъ въ шашки съ какимъ-то господиномъ, когда Свищовъ вступилъ въ комнату.

— Ну, и запру въ... — сказалъ исправникъ не то партнеру, не то гостю, вставая на встрѣчу послѣднему. Онъ ни въ чемъ не испугавшись и, наклонивъ одно ухо, пока рекомендовался Свищовъ, выслушалъ его серьезно, какъ бы по должности. — Прощу! — сказалъ онъ потомъ, указавъ на кресло.

Исправникъ былъ очень полный мужчина небольшого роста и на коротенькихъ ножкахъ, имѣлъ припухшіе глазки и претенціозно закрученные усы; лицо у него походило на скрипку, широкою частью внизъ, а виски были гладко причесаны напередъ. Одѣтъ онъ былъ въ заношенный короткій витель, поднимавшійся складками съ большого живота на вдавленную грудь.

— Прѣздомъ, или думаете?.. — началъ исправникъ, раскрывая какъ бы съ усиліемъ свои крупныя лоснившіяся губы, и умолялъ, поглядывая на Свищова.

— Какъ уроженецъ здѣшняго уѣзда и землевладѣлецъ, желалъ бы основаться, — заговорилъ Свищовъ. Въ короткихъ словахъ и понгивая атласною складною шляпой, онъ передалъ о своемъ намѣреніи быть дѣвателемъ въ уѣздѣ, способствовать объединенію мыслей и идей.

— Къ чему же тутъ *идеи*-то? — какъ-бы наставительно промолвилъ исправникъ и подвинулъ гостю блюдечко съ нѣсколькими сигарами, полуоблупившимися и разныхъ размѣровъ.

— Благодарю васъ, — отказался Свищовъ. — Я разумѣю идеи практическія, не выходящія за предѣлы нуждъ и потребностей уѣзда... — сталъ пояснять онъ.

— А что у васъ, въ Петербургѣ, теперь выпили уже, или все еще пишутъ? — не дослушавъ его, спросилъ исправникъ.

Несмотря ни на странность такого вопроса, ни на исполненное достоинства молчаніе гостя, исправникъ захохоталъ и крикнулъ въ полутемную переднюю, чтобы подали закусить. Въ передней при этихъ словахъ кто-то — должно быть, рослый солдатъ — бросился со всѣхъ ногъ и потомъ начали перебѣгать неясныя человѣческія тѣни. Наступило молчаніе, только гдѣ-то хлопали двери. Свищовъ, чувствуя, что онъ попалъ какъ бы не въ свое мѣсто, всталъ, чтобы откланяться. Онъ уже размахнулъ шляпой и наклонилъ голову, встрѣтивъ глазами широко разставленныя ступни исправника, но тотъ приподнялся, взялъ молча у гостя шляпу изъ рукъ и положилъ ее на полку съ бумагами.

— За смертью васъ, что-ли, послали? — снова обратился онъ въ переднюю.

Въ это время вошла горничная съ подносомъ. Исправникъ, переступая маленькими шажками и выказывая изумительную при его тучности подвижность, засуетился около стола, обращаясь въ то же время къ Свищову:

— Идеи-то достаточно у насъ всякихъ. А касательно *дѣятельности*, какъ выражаетесь вы, то-есть *службы*, такъ вѣдь въ законѣ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ съ точностію указано... Въ *темную* желаете? — перебилъ онъ вдругъ самъ себя.

Свищовъ, въ знакъ размышленія, прищурилъ одинъ глазъ и наклонилъ набокъ голову. Исправникъ не дождался отвѣта и налилъ. Въ *темную* значило не больше, какъ пить объемистыми серебряными стаканчиками вмѣсто рюмокъ. Самъ удивляясь такому простому разрѣшенію вопроса, Свищовъ, по примѣру хозяина, взялся за стаканчикъ и машинально опрокинулъ его въ ротъ. Эффектъ получился изумительный: у Свицова огонь запылалъ внутри, выступили слезы на глазахъ, а языкъ мгновенно началъ заплетаться; неудержимая веселость охватила Свицова; онъ захотѣлъ рассказать какой-то анекдотъ и тутъ же забылъ его. Отъ повторенія Свищовъ рѣшительно отказался. Онъ выговорилъ себѣ рюмку наливки и сталъ медленно отхлебывать ее, стараясь придти въ себя. Исправникъ и неизвѣстный господинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали темнить поминутно и позванивать стаканчиками, причѣмъ исправникъ, поймавъ на языкъ ломтикъ иеры или отварной грибокъ, какъ-то смачно похрапывалъ.

V.

По воскресеньямъ у предсѣдателя собирались гости. Свищовъ, надѣявшійся провести вечеръ „запросто“ и докончить свой утренній споръ съ хозяиномъ, очутился, сверхъ ожиданія, въ кругу самаго избраннаго N—скаго общества. Хотя шель только девятый часъ, когда явился Свищовъ, но хозяинъ встрѣтилъ его ласковымъ упрекомъ и сказалъ, покачивая головою:

— Поздненько, поздненько! Мы не по-петербургски собираемся.

Было дѣйствительно поздненько: и въ залѣ, и въ гостиной, даже въ кабинетъ хозяина, гости уже „винтили“; боннаты, уставленные сплошь столами, имѣли странный, какъ бы ярмарочный видъ; закусочный столъ носилъ на себѣ признаки полного опустошенія. Изящно выгибая то одинъ, то другой бокъ, откидываясь назадъ или дѣлая какъ бы поклонъ, Свищовъ сталъ пробираться между столами въ гостиную, привѣтствуя приобрѣтенныхъ за этотъ день своихъ знакомыхъ. Въ гостиной было нѣсколько просторнѣе. Свищовъ направился къ хозяйкѣ, сидѣвшей на диванѣ рядомъ съ первою красавицею города — молодою богатою вдовушкой, сверкавшей брилліантами. Хозяйка познакомила ихъ. Вдовушка была мѣстная аристократка, радѣтельница школъ и благотворительница. Она заговорила съ Свищовымъ о народныхъ изданіяхъ, о фрѣбелевскихъ садахъ, чѣмъ поставила его въ немалый тупикъ. Къ счастью, выдвинулся еще одинъ столъ, треснула еще одна колода картъ. Распустивъ ихъ вѣромъ, предсѣдательша подошла къ Свищову.

— Ты не по порядку дѣйствуешь, душа моя, — остановилъ ее предсѣдатель. — Виталій Абрамычъ долженъ „догнать“ сначала.

— Ты правъ. Берите карту и отправляйтесь! — съ любезною фамильярностью приказала Свищову хозяйка.

„Догнать“ было еще болѣею загадкой для Свищова, чѣмъ „въ темную“. Онъ остановился, почесывая картой переносицу, но хозяинъ взялъ его подъ руку и провелъ къ закусочному столу, объяснивъ, что прочіе гости давно уже выпили по пятой, и потому Свищовъ, какъ запоздавшій, долженъ *догнать* ихъ. Свищовъ расхохотался и замѣтилъ находчиво, что, съ юридической точки зрѣнія, запоздавшій долженъ подвергнуться карѣ — лишиться права догонять. Но этотъ вѣскій научный доводъ не оказалъ рѣшительно никакого дѣйствія на хозяина и онъ налилъ себѣ и гостю.

Свищовъ принужденъ былъ выпить двѣ рюмки, одну за другою, — больше не могъ онъ никакъ.

— Мнѣ съ вами, москѣ Свищовъ, — сказала вдовушка мелодическимъ голосомъ и дотрогиваясь картой до рукава Свищова, когда появился онъ снова въ гостиной, отуманенный нѣсколько и съ пылающими ушами.

Свищовъ былъ послѣдній ожидавшійся гость и его прѣвѣдъ подѣйствовалъ на общество, какъ толчокъ на готовую замерзнуть воду: за карты усѣлись всѣ, не исключая хозяина и хозяйки. Разговоры прекратились; слышались только отрывочные возгласы, пристукиванье да побряхтыванье. По временамъ, послѣ неудачнаго розыгрыша, вспыхивалъ вдругъ за какимъ-нибудь столомъ отчаянный споръ, но и онъ утихалъ мгновенно, при началѣ новой игры. Вдовушка находила, впрочемъ, время перекинуться съ Свищовымъ нѣсколькими пріятными словами и даже съумѣла протянуть между нимъ и собою ту таинственную электрическую ниточку, которую можетъ чувствовать только тотъ, до кого касается она...

Перерывъ игры сдѣлали для ужина.

Закусочный столъ вновь былъ приведенъ въ порядокъ. Вокругъ него столпились гости, расправляя поясницы, разминая онѣмѣвшія руки и ноги.

— Нѣтъ, это вы напрасно! — раздался пискливый, точно птичій голосокъ какого-то гостя: — мукомольная часть действительно требуетъ организаціи. На дняхъ уже третье засѣданіе было у нихъ; уполномоченнаго въ парижскій синдикатъ посылають...

— Знаемъ мы и засѣдающихъ этихъ, и уполномоченныхъ, — отвѣчалъ ему густой, хриплый басъ: — водку и пироги истреблять мастера они, да стачки вмѣсто синдикатовъ устраивать! Григорій Богословъ сказалъ еще о нихъ: „таковые нарицаются *нормоузъны*“...

Слово это понравилось Свищову своею оригинальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то непріятно прозвучало въ его деликатномъ ухѣ. Онъ взглянулъ на говорившаго. Это былъ кряжистый, нахмуренный брюнетъ, съ растрепанною прической и торчавшею во всѣ стороны бородой, изъ которой выдавались большія красныя губы; онъ какъ-то подергивался всѣмъ тѣломъ, кусалъ усы и имѣлъ что-то вызывающее въ выраженіяхъ своихъ круглыхъ блестящихъ глазъ.

— Шутникъ! — хихикнулъ въ отвѣтъ ему пискливый господинъ. Они выпили полновки.

За ужиномъ завязался разговоръ. Отъ Свищова всѣ видимо

ждали чего-то, умолкая каждый разъ, какъ только раздавался его голосъ. Свищовъ приободрился. Уловивъ минуту, когда рѣчь шла объ убѣднѣхъ дѣлахъ, онъ плавно и пунктуально сталъ излагать свое мнѣніе о необходимости стройной идейной дѣятельности.

— Не ко двору намъ это! — раздался съ другой стороны столъ басъ нахмуреннаго брюнета: — у насъ уже Спиридоны-поворѣты на дворѣ-съ!

— Что это значить: поворѣты? — переспросилъ Свищовъ, стараясь вымкнуть и поигрывая вилкой.

— Солнце на лѣто, зима на морозъ, — лаконически отвѣтилъ брюнетъ и чокнулся съ сосѣдомъ рюмкой полыновки.

Свищовъ опустилъ глаза.

— Вы хотите сказать, что есть противодействующее направленіе? — заговорилъ онъ, желая выйти изъ темноты.

— Да еще какое! — отвѣтилъ брюнетъ.

— Ну, а кардинальные дѣтели?

— Ихъ это не интересуетъ: они совсѣмъ особаго направленія.

— Именно?

— Клептофилы больше.

Свищовъ конфузливо потупился. Нѣсколько человѣкъ явственно хихикнули.

— Ну ужъ вы придумаете! — неодобрительно взглянулъ на брюнета хозяинъ, но тутъ же опустилъ голову и самъ разсмѣялся, проворчавъ: — Клептофилы... Скажете вѣдь!

— Шаповаловъ, Матвѣй Кирилчъ, помѣщикъ здѣшній! — шепнулъ Свищову сосѣдъ его, старичокъ, почетный судья, наморщивъ бровь въ сторону брюнета. — Въ трехъ университетахъ былъ...

Свищовъ поправилъ пенснѣ и устремилъ глаза на карнизъ потолка, совсѣмъ не заключавшій въ себѣ ничего особеннаго, затѣмъ перевелъ ихъ на безпокойно дергавшуюся фигуру Шаповалова. — „Протестующій элементъ“, — рѣшилъ мысленно Свищовъ, не связывая, впрочемъ, съ этимъ никакого яснаго представленія.

За исключеніемъ этого чисто комическаго столкновения, вечеръ прошелъ для Свищова самымъ пріятнымъ образомъ, если не считать, впрочемъ, проигрыша десятка въ два рубля. Вернувшись домой передъ разсвѣтомъ, Свищовъ долго ворочался въ постели съ боку на бокъ, разбираясь въ вынесенныхъ за день и головныхъ, и желудочныхъ впечатлѣніяхъ. Подъ ложечкой у него точно камень лежалъ; удачно заведенныя знакомства не совсѣмъ

удовлетворяли почему-то. Въ концѣ концовъ, сквозь всё усѣхи дня проступало смутное сознание, что мысль о *bugeau d'esprit* надобно пока отложить. Предвидя необходимость собрать гостей у себя, когда опредѣлится его положеніе, Свищовъ сталъ соображать, сколько потребуется тогда карточныхъ столовъ и кого пригласить ему быть за хозяйку: предсѣдательшу или вдовушку? Невольно набѣжавшія игривыя мысли склонили Свищова на сторону послѣдней. Онъ сталъ вглядываться въ мелькавшее передъ нимъ личико вдовушки и вспоминать, какъ мило муслила она свои, перетянутыя въ суставахъ, пальчики, сдавая карты, какъ серьезно хмурила свои тонкія бровки, соображая, съ какой масти удобнѣе „подвинтить“... — „И вѣдь точно родилась игрокомъ! — не могъ не подивиться Свищовъ:— и корсажъ весь въ мѣлу, и пунцовыми губками говорить: — еще тридцать копѣекъ *примлите*“... Заснулъ Свищовъ опять съ неожиданно подвернувшейся мыслью: „Однако, какъ много пьютъ въ провинціи... Необыкновенно много!“

VI.

Окончательное сближеніе Свищова съ N—скимъ обществомъ произошло въ клубѣ, спустя нѣсколько дней послѣ предсѣдательской вечеринки.

Изъ десятка новыхъ друзей Свищова каждый перезнакомилъ его съ десяткомъ своихъ. Всѣ относились къ нему любезно, спрашивали его о Петербургѣ, приглашали къ себѣ—кто на пирогъ, кто на „винтъ“, а нѣкоторые даже на музыкальные вечера съ пѣніемъ и декламаціей. Свищовъ сіялъ, проникнутый весь внутреннимъ праздничнымъ настроеніемъ, но чувство безпричинной неудовлетворенности не покидало его и тутъ. Въ разспросахъ о Петербургѣ не видѣлось той подобострастной теплоты, которую Свищовъ, по его представленію, надѣялся встрѣтить въ глухомъ, отдаленномъ городкѣ; многіе, оказывалось, знали Петербургъ и его „сферы“ лучше, чѣмъ самъ Свищовъ, и разговоръ обрывался на первыхъ же словахъ; съ петербургскими новостями было совсѣмъ плохо—ихъ выслушивали почти безучастно, какъ бы съ увѣренностью, что все это шутки и ничего новаго быть не можетъ... Играть усадили Свищова за „генеральскій“ столъ: съ первыми лицами города и по большой. Тутъ — какъ, впрочемъ, оно и должно быть, когда сталкиваются интересы—праздничное настроеніе Свищова омрачилось еще больше: его друзья мгновенно превратились изъ словоохотливыхъ простаковъ въ ка-

кихъ-то холодныхъ исполнителей казни. Съ радостною поспѣшностью стали пользоваться они малѣйшею невнимательностью Свищова, каждымъ промахомъ его; обремививъ Свищова и старательно записывая за нимъ, друзья смѣялись тихимъ злораднымъ смѣхомъ... Проигрышъ вышелъ значительный. Но Свищовъ, хотя внутренно и ругнувшій себя, не высказалъ и тѣни неудовольствія; онъ даже улыбнулся, подсчитавъ свой проигрышъ и опоражнивая бумажникъ.

За ужиномъ, для котораго накрытъ былъ особый, тоже „генеральскій“ столъ,—съ лучшею сервировкой и подъ наблюдениемъ самого буфетчика, — Свищовъ мало-по-малу снова пришелъ въ свое праздничное настроеніе. Безпощадные и корыстные противники его по игрѣ тоже превратились въ прежнихъ болтливыхъ простаковъ. Они откупорили въ честь дорогого гостя каждый по бутылкѣ шампанскаго; Свищовъ отвѣтилъ... Начались тосты. Знаменитый уѣздный ораторъ, держа бокалъ въ уровень съ своимъ носомъ, а свободною рукой какъ-бы удостовѣряясь поминутно въ цѣлости то галстука, то часовой цѣпочки, провозгласилъ торжественно:— „Господа! отъ всего, переполненнаго радостью сердца, пью за здоровье дорогого блуднаго сына нашего уѣзда!“ — Это заставило Свищова почти прослезиться. Онъ приподнялся со стула и довольно успѣшно уравнивалъ свой корпусъ при помощи края стола и своей лѣвой руки, плотно упертой въ сосѣдскую тарелку съ остатками рябчика. Оглянувъ затѣмъ собесѣдниковъ, Свищовъ началъ нетвердымъ голосомъ: — „Господа со...“ — Но такъ какъ общество было чрезвычайно смѣшанное и не состояло пока ни изъ сотоварищей, ни изъ сослуживцевъ, то Свищовъ, употребивъ съ полминуты на размышленіе, округлилъ: — „Господа *соутѣдники!*..“ — Дальнѣйшее мы не будемъ описывать. Скажемъ только, что рѣчь Свищова, хотя и недостаточно внятная, но необыкновенно теплая и прочувствованная, была покрыта шумными аплодисментами при самомъ ея началѣ...

Свищовъ очутился у подъѣзда своей гостиницы только раннимъ утромъ.

VII.

Свободный въ своихъ свѣтскихъ сношеніяхъ и знакомствахъ, Свищовъ во всемъ, что касалось дѣловой стороны вступленія его въ дѣятели, очутился, съ первыхъ же дней пріѣзда въ N—съ, въ полнѣйшемъ рабствѣ у Пеньковскаго. Имѣя разложенные на столѣ новенькіе экземпляры „Судебныхъ уставовъ“, „Земскаго

положенія“ и томы толкованій къ нимъ, Свищовъ добросовѣстно знакомился со всякими статьями и параграфами. Но каждый разъ, когда отъ этихъ статей и параграфовъ приходилось ступать на почву практики и своеобразныхъ *N*—скихъ обычаевъ, Свищовъ становился въ совершеннѣйшій тупикъ. Избавителемъ его въ такихъ случаяхъ сталъ являться Пеньковскій и скоро совсѣмъ вошелъ въ свою роль ментора.

Свищовъ выступалъ претендентомъ на должность мирового судьи. Выборы приближались, и гостинница, въ которой квартировалъ Свищовъ, стала наполняться прїѣзжими изъ уѣзда. Мало-по-малу вокругъ Свищова создалась какая-то особенная, непонятная ему атмосфера. Тревожная бѣготня по корридорамъ, шумныя сходбища въ номерахъ, нескончаемый разгулъ въ буфетѣ — разстроивали Свищову нервы, даже пугали его. Стали выплывать всякаго рода случайности, неразлучныя съ переходомъ дѣла изъ области мыслей и разговоровъ къ осуществленію.

Однажды, передъ вечеромъ, Свищовъ сидѣлъ у окна и покуривалъ сигару. На улицѣ, подъ окномъ, гудѣли голоса кучеровъ и лакеевъ—кто-то выкрикнулъ фамилію Свищова. Свищовъ прїотворилъ окно и сталъ прислушиваться; онъ такъ заинтересовался, что отбросилъ даже сигару, чтобы не выдать себя потянувшееся на улицу струйкою дыма. Темой бесѣды подъ окномъ были выборы. Бесѣдовавшіе обзывали Свищова „бритымъ“, приводили, сказать по правдѣ, несовсѣмъ лестныя отзывы своихъ господъ о будущемъ новомъ судѣи и весьма авторитетно предсказывали, что на выборахъ Свищову „наломаютъ хвостъ“... Хотя истинный смыслъ такихъ, чисто народныхъ, выраженій и не поддавался вполнѣ пониманію Свищова, издавна свыкшагося съ опредѣлительнымъ и опрятнымъ слогомъ департаментскихъ бумагъ, но что-то обезкураживающее все-таки щипнуло его за сердце. Притворивъ окно, Свищовъ нахмурился и проворчалъ брезгливо: — Чортъ знаетъ, что такое: „хвостъ наломаютъ“... Какой „хвостъ“?

За нѣсколько дней до выборовъ Пеньковскій вбѣжалъ къ Свищову запыхавшись, размахивая, по обыкновенію, фуляромъ, и объявилъ, что имущественный цензъ Свищова никуда не годится. Свищовъ отлично зналъ, что *census* означало въ древнемъ Римѣ оцѣнку имуществъ гражданъ, производившуюся цензорами, но о своемъ цензѣ—пустоши „Залѣсье“—имѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и географическаго, самое смутное представленіе. Теперь оказывалось, что по свѣденіямъ земской управы пустошь далеко не имѣетъ въ себѣ потребнаго для ценза количества десятинъ, между тѣмъ какъ по актамъ она чуть не вдвое

больше этого количества. Встревоженный и бессильный понять что-нибудь въ такомъ казусѣ, Свищовъ развелъ только руками и проговорилъ:

— Значить, я долженъ снять свою кандидатуру?

— Пустяки!—ободрилъ его Пеньковский и засуетился выше всякой мѣры.

Въ тотъ же день Свищовъ былъ въ конторѣ нотариуса. Тамъ, за два выигранныхъ билета, изъ числа немногихъ, запасенныхъ на черный день, Свищовъ провелъ нѣсколько часовъ въ созерцаніи того, что онъ могъ приравнять лишь къ видѣнному имъ однажды въ залѣ Демута, въ Петербургѣ, когда происходили тамъ черно-магическіе сеансы какого-то Пинетти Второго. Не сходя со своего стула, предложеннаго любезно нотариусомъ, Свищовъ сдѣлался домовладѣльцемъ въ городѣ, заложилъ этотъ домъ въ банкъ и продавцу, сдалъ въ аренду женѣ продавца, а его нанялъ управлять домомъ, заплатилъ и получилъ весьма солидныя суммы, не побывавшія, однако, ни у кого въ рукахъ, а какъ-то перелетѣвшія изъ бумаги въ бумагу, и наконецъ оцѣнили домъ черезъ городскую управу, добившись суммы требуемаго ценза.

— Да законно ли это?—робко и чувствуя, какъ вспыхиваютъ у него верхушки ушей, осѣдомился Свищовъ у нотариуса, подписавъ послѣднюю бумагу.

— Крѣпостнымъ порядкомъ это дѣлается: что же можетъ быть законнѣе?—спросилъ въ свою очередь нотариусъ, какъ бы говоря этииъ:— „А еще юристъ и статскій совѣтникъ!“

Возвратившись домой, Свищовъ долго просидѣлъ, не снимая даже шляпы и вперивъ взоръ въ совѣтъ неинтересную, плохо окрашенную вохрой и почти облупившуюся половицу. Въ головѣ у него стоялъ какой-то туманъ и въ этомъ туманѣ мелкоало мучившее Свищова горькое и странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ до осязательности правдивое открытіе: онъ думалъ, что истинный юристъ, достойный быть мировымъ судьей; есть не онъ—правовѣдъ Свищовъ, а плохо одѣтый, не состоящій, вѣроятно, ни въ какомъ вѣдомствѣ, не старый еще человекъ въ конторѣ нотариуса, сыпавшій, точно изъ рога изобилія, къ подпису сторонъ бумагу за бумагой, имѣвшій перо за ухомъ и твердившій скороговоркой:

— Чинъ, имя, отчество и фамилію-съ!

Случайностямъ не суждено было кончиться на этомъ.

Оказалось, что всѣ заведенныя Свищовымъ знакомства въ городѣ,—развѣ что исключая предводителя,—не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ успѣху на выборахъ. На этотъ конецъ требовалось сдѣлать особые, установленные обычаемъ, визиты къ

влиятельнымъ лицамъ, списокъ которыхъ доставилъ услужливый Пеньковскій. Само по себѣ это не печалило Свищова. Усѣвшись съ карандашомъ въ рукахъ надъ спискомъ, чтобы размѣтить, по своему обыкновенію, порядокъ визитовъ, Свищовъ вдохновился даже, вообразивъ себя чуть не на берегахъ далекой Темзы, на высотѣ духовнаго общенія избираемаго съ избирателями... Однако дѣло вскорѣ запуталось: въ списокѣ видѣлся какой-то *степенный граждаинъ* Кирьякъ Саловъ; за нимъ слѣдовалъ предсѣдатель земской управы Іовъ Мосѣевъ, *отставной каптенармусъ*, и имѣлъ подъ своимъ начальствомъ секретаря князя Шушуева; необыкновенное званіе одного гласнаго: *уволенный изъ податного состоянія по ученой части*—сбивало совсѣмъ съ толку. Покусывая карандашъ, Свищовъ напрягалъ всѣ силы, чтобы установить приличный порядокъ визитовъ, и только терялся все больше и больше. На этомъ засталъ его явившійся Пеньковскій.

— Это, однако, странно: я рѣшительно не могу понять, къ кому надобно ѣхать прежде, къ кому послѣ,—обратился къ нему Свищовъ.

— Давайте сюда! — подслужился Пеньковскій. — Вотъ какъ надобно ѣхать, вотъ! — сталъ черкать карандашомъ: — прежде всѣхъ къ Кирьяку Салову, потомъ къ о. Іосифу Росницкому, затѣмъ къ Мосѣеву къ Іову...

— Позвольте, какъ же такъ? — заспорилъ Свищовъ. — Ну Мосѣевъ, какъ бы тамъ ни было, все-таки предсѣдатель; о. Іосифъ — духовнаго сана, положимъ... Но почему же къ Салову къ первому? Онъ служить?

— Куда ему! — махнулъ рукою Пеньковскій.

— Какъ? Я не понимаю! — не безъ удивленія отступилъ къ своему креслу Свищовъ.

— Очень просто: закладчикъ онъ и плутъ отъявленный! Каномъ прозвали его, подъ судомъ былъ три раза.

— Какъ же я могу ѣхать къ нему? — заложивъ правую руку за бортъ скюртука, произнесъ съ достоинствомъ Свищовъ.

— А вамъ-то какое дѣло до этого? *Хоть бы несъ, лишь бы яйца несъ*, какъ говорится. Вамъ не онъ, а вліяніе его требуется!

— Но какъ онъ можетъ вліять? — проговорилъ изумленный Свищовъ.

— Ха, ха, ха! Да ему и въ городѣ, и въ уѣздѣ всѣ поголовно должны. Подыметъ Саловъ судебныхъ приставовъ на ноги, и выборы не состоятся — и избираемые, и избиратели стрекануть кто куда!.. Отберетъ Саловъ цензы — и управа лавочку закрывай. Вотъ вамъ и все! — Свищовъ стоялъ, понуривъ голову. Довольный

произведеннымъ эффектомъ, Пенъковскій похлопалъ будущаго судью по плечу и добавилъ:—Да еще вотъ что: не забудьте вашему хозяину визитъ сдѣлать; онъ тоже влиятельный человекъ, гостинницу его такъ и прозвали: „Земскій Приютъ“.

— Послушайте,—началь, очнувшись и потирая переносицу: Свищовъ:—вы au courant всего этого: думаете ли вы, что меня выберутъ?

Подобное сомнѣнiе показалось до того смѣшнымъ Пенъковскому, что онъ, взявшись за животъ, повалился съ истерическимъ смѣхомъ въ кресло и пришелъ въ себя только при видѣ лакея, возмущающагося съ обычнымъ графинчикомъ воды.

VIII.

Проснувшись утромъ въ день визитовъ и взглянувъ на приготовленный фракъ, Свищовъ ощутилъ въ себѣ нервный, нехорошій трепетъ. Рисовавшийся когда-то въ его воображенiи широкій открытый путь къ званiю дѣятеля сводился теперь на узенькую, извилистую дорожку—скользкую и... несовсѣмъ опрятную. Подавивъ въ себѣ это неприятное чувство и вспомнивъ, что выборы даже и въ Англии не обходятся безъ нѣкоторыхъ странностей, Свищовъ успокоилъ себя поговоркою: „le vin est tiré, il faut le boire!“—и сталъ одѣваться.

При выходѣ изъ гостинницы Свищовъ столкнулся съ хозяиномъ. Одѣтый, по обыкновенiю, весьма просто—въ жилетку со стеклянными пуговицами поверхъ ситцевой рубахи навывусекъ—хозяинъ стоялъ, опершись на вилы и разговаривая съ работникомъ. Свищовъ задумалъ пуститься на хитрость. Привоснувшись къ полямъ шляпы затапую въ перчатку рукой, онъ улыбнулся хозяину и сказалъ:

— Очень прiятно познакомиться. Я такъ давно у васъ и не имѣлъ еще случая...

Свищовъ шагнулъ-было къ дрожкамъ, но хозяинъ, видимо знавшій выборные порядки, бросилъ вилы, отряхнулъ руки и пошелъ черезъ дворъ къ своему флигелю, оглядываясь на Свищова. Свищовъ послѣдовалъ за нимъ. Во флигелѣ хозяинъ принялъ визитъ честь-честью: онъ усадилъ гостя на диванъ и велѣлъ подать мадеры. Выслушавъ будто новость, что Свищовъ намѣренъ баллотироваться, хозяинъ сказалъ, взявшись съ важнымъ видомъ за бороду:

— Похлопочу безпремѣнно!

Кирьякъ Ѳедотычъ Саловъ жилъ на лучшей улицѣ города. Но его красный кирпичный домъ, съ неудачными намеками на византійскій стиль, имѣлъ видъ недоконченнаго и заброшеннаго зданія. Хода съ улицы не было въ домъ и къ нему примыкалъ неприглядный заборъ съ узенькою калиткой. Свищовъ прогнѣвъ въ калитку и хотѣлъ толкнуться въ подъездъ дома со двора, но дверь оказалась запертою и была еще перехвачена заржавѣвшею желѣзною полосой. Вывернувшійся откуда-то босоногій паренъ провелъ Свищова черезъ дворъ по набросаннымъ на случай грязи узенькимъ доскамъ въ деревянную пристройку дома. Свищовъ вступилъ въ темныя, пропитанныя какимъ-то ѣдкимъ запахомъ сѣни и поднялся оттуда на вышку. Комната, дверь въ которую отворилъ предъ Свищовымъ босоногій паренъ, походила на контору, судя по столамъ и шкафамъ, виднѣвшимся вдоль стѣнъ, оклеенныхъ пестренными дешевыми обоями; по сырому, только-что вымытому полу тянулась затоптанная полоска грубаго холста; передній уголъ весь занятъ былъ образами въ дорогихъ ризахъ, предъ которыми неприятно мезькали въ дневномъ свѣтѣ красноватые огоньки лампадокъ. Саловъ занимался, сидя бокомъ передъ столикомъ и громко стуча на счетахъ. При входѣ гостя Саловъ бережно отложилъ въ сторону счеты, не смѣшивая котяшекъ, снялъ торчавшіе у него на самомъ кончикѣ носа очки въ мѣдной оправѣ и, держа ихъ въ рукѣ, ступилъ на встрѣчу гостю. Наружность вліятельнаго человѣка была несовсѣмъ обыкновенная и нѣсколько смутила Свищова: передъ нимъ стоялъ средняго роста, со вспученнымъ животомъ и худощавый въ лицѣ старикъ, одѣтый въ синій засаленный кафтанъ и въ высокихъ сапогахъ; его изрытое оспой, лоснившееся лицо коричневаго цвѣта лишено было всякаго выраженія и только впалые, мутно-зеленые глазки бѣгали быстро и безпокойно; вмѣсто бороды виднѣлись короткіе сѣдоватые клочки, а надъ низкимъ морщинистымъ лбомъ свѣшивались, точно парикъ, жесткіе, нечесаные волосы.

— Давно въ наши края пожаловали?—спросилъ Саловъ мягкимъ, какъ бы увѣщательнымъ голосомъ, когда Свищовъ, пригнувшись на жиденькомъ соломенномъ стулѣ, вызывалъ снова въ своемъ воображеніи странности, неизбѣжныя даже и при англійскихъ выборахъ.

— Не такъ давно,—отвѣтилъ уклончиво Свищовъ.

По вопросу хозяина надобно было заключить, что до настоящей минуты онъ и не подозрѣвалъ о существованіи гостя. Но пока Свищовъ округлялъ въ умѣ вступительную фразу, чтобы высказать цѣль своего визита, Саловъ возвелъ глаза къ потолку

и, точно почерпнувъ тамъ откровеніе, произнесъ, постукивая очами по колѣну:

— Трудновато вамъ будетъ: падеи стали всѣ на мѣста-то.

— Напротивъ, многіе, насколько мнѣ извѣстно, отказываются, — возразилъ Свищовъ, слышавшій не разъ о такихъ отказахъ.

— Теперь они всѣ отказываются; а когда выберутъ, такъ и каюмъ нивого не своротишь, — безстрастно пояснилъ Саловъ.

— Вы очень бы обязали меня... — поклонился изысканно Свищовъ, отдѣливъ спину отъ стула.

— Знаю, что обязалъ бы, — согласился хозяинъ.

— При вашемъ вліяніи, я увѣренъ, затрудненій не встрѣтятся, — польстилъ Свищовъ. Затѣмъ онъ не безъ достоинства коснулся своей департаментской дѣятельности и далъ понять, какъ благотворно отразится она на судейской.

— Что-жъ, попробуйте. Тамъ видно будетъ, — сказалъ на прощанье Саловъ.

Гласный-священникъ о. Іосифъ Росницкій встрѣтилъ Свищова въ передней. Стараясь одновременно застегнуть полукафтанье и выправить волосы изъ-подъ воротника, о. Іосифъ вступилъ съ гостемъ въ залу, притворилъ двери и молча сѣлъ, прильнувъ къ косяку окна. Въ комнатѣ было слишкомъ свѣтло и витала скучная истома жаркаго дня; по крупному, бѣлому и слегка лоснившемуся лицу о. Іосифа было разлито выраженіе скуки и томной лѣни. Въ кѣлѣтѣ на окнѣ оглушительно заливалась цѣлая семья канареекъ. Съ усиленіемъ преодолевъ себя, о. Іосифъ принялъ строгій видъ и швыкнулъ на канареекъ — тѣ залились еще громче. Удовлетворившись этимъ, о. Іосифъ обратилъ выжидательный взглядъ на гостя. Свищовъ заговорилъ, округляя изящно фразу за фразой. О. Іосифъ слушалъ, водя ладонью по усамъ, чтобы скрыть зѣвоту, а его влажные, отуманенные глаза, казалось, говорили гостю: „Ну, чего ты ѣдишь, самъ не зная, зачѣмъ?“

— Были у Кирьяка Федотыча? — спросилъ онъ, когда кончилъ Свищовъ.

— Сію минуту отъ него.

— Заслуженный человекъ можетъ съ пользою... — вымолвилъ о. Іосифъ, вставая вслѣдъ за Свищовымъ. Больше онъ не могъ, новидимому, подобрать ничего и подалъ гостю руку.

Очень удачнымъ, на взглядъ Свищова, вышелъ слѣдовавшій затѣмъ визитъ къ предсѣдателю управы, Іову Моисеевичу Мосѣеву. Человекъ этотъ, еще нестарый, одѣтый прилично и по модѣ, рѣшительно ничѣмъ не напоминалъ каптенармуса; въ его бри-

томъ смугломъ лицѣ съ синими щеками и какъ бы бараньимъ выраженіемъ, видѣлось что-то семитическое, да и говорилъ онъ несовсѣмъ чисто, хотя и выказывалъ пристрастіе въ народнымъ выраженіямъ. Мосѣевъ встрѣтилъ Свищова самымъ любезнымъ образомъ и долго смотрѣлъ ему въ глаза, пожимая ласково руку. Когда Свищовъ высказалъ свои намѣренія, Мосѣевъ воскликнулъ:

— Да ужъ неужли-жъ вы рѣшаетесь, послѣ Петербурга! Намъ и во снѣ не привидѣлось такихъ судей!

Прощаясь съ хозяиномъ, послѣ длинной обстоятельной бесѣды о земскихъ дѣлахъ, Свищовъ спросилъ:

— Какъ по вашему мнѣнію, Іовъ Моисеевичъ? можно мнѣ рассчитывать на успѣхъ? А?

— Вѣдь это вотъ все равно, что въ карты: выигралъ, тогда и можно сказать,—отвѣтилъ Мосѣевъ.

Онъ проводилъ гостя вплоть до первой ступеньки крыльца и продолжалъ смотрѣть ему вслѣдъ, пока дрожжи не завернули за уголъ.

Возвратившись домой къ своему позднему обѣду, Свищовъ нашелъ у себя нѣсколько карточекъ уже въ отвѣтъ на сдѣланные визиты. Двѣ изъ нихъ особенно бросились ему въ глаза: на одной, принадлежавшей бакалейному торговцу, значилось: „коммерсантъ и благотворитель“; на другой, оставленной городскимъ головою, было отпечатано по-французски: „Iéremie de Chestopioroff, Tête de Ville“.

День этотъ отозвался почему-то особенно нехорошо и на нервахъ Свищова, и на поясницѣ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ, махнулъ рукою даже на клубъ, гдѣ уже были у него свои постоянные партнеры, и, натеревъ спину бальзамомъ, улегся спозаранку въ постель. Но и ночь вышла неудачною для Свищова. Изнуряемый тревожными, безсвязными сновидѣніями, онъ все время метался какъ въ горячкѣ. Между всѣми странностями, Свищову снилось какое-то безобразное подобіе любимыхъ имъ царскосельскихъ скачекъ. Все пространство за „кругомъ“ волновалось моремъ человѣческихъ головъ бесѣдки и галерей были полны дамъ, почему-то поголовно похожихъ на красавицу-вдовушку; на столбѣ, какъ призъ, горѣла надпись: „три тысячи“, составленная изъ какихъ-то невиданныхъ *земскихъ* буквъ, а вмѣсто лошадей скакали фантастическія существа, *поставившія* свою *кандидатуру*, и всадниками на нихъ видѣлись вліятельныя въ уѣздѣ лица, при чемъ о. Іосифъ сидѣлъ бовомъ, какъ на стулѣ, опустивъ скромно глаза; онъ, Свищовъ, тоже былъ фантастическое существо, стоялъ неподалеку отъ мѣстъ, занятыхъ семействомъ ди-

ректора его департамента, и, не зная, куда дѣвать глаза отъ конфуза, ожесточенно грызъ свои удила; на его спинѣ всадникомъ былъ Саловъ—онъ давилъ на самое больное мѣсто поясицы и требовалъ, чтобы Свищовъ сваялъ для чего-то по-заячьи...

IX.

Начались выборы. Около земской управы открылась цѣлая ярмарка: телѣги гласныхъ-крестьянъ, городскіе экипажи, крикливыя торговли, толпы любопытныхъ и полный составъ полиціи—все мѣшалось, двигалось, шумѣло и наводняло улицу.

Въ залѣ управы шла давка, царилъ знойная, неподвижная духота. На возвышеніи, сложивъ по-наполеоновски руки, стоялъ предводитель и съ укоризной въ охрипшемъ голосѣ повторялъ: „Не шумѣть прошу, господа... не шумѣть“... Вдругъ онъ схватился за колокольчикъ—и дребезжащая, плачущая трель разлилась по залѣ. Шумъ затихъ на минуту. „Такъ мы никогда не кончимъ. Прошу приступить!“—крикнулъ изъ послѣднихъ силъ предводитель. Снова зашумѣли гласные и стали продвигаться къ рѣшеткѣ, за которою стояли баллотировочныя ящики. Давно уже захваченный давкою, Свищовъ едва переводилъ духъ; пахучее тепло доводило его до головокруженія, въ глазахъ у него мелькало. Толпа порѣдѣла, наконецъ, и Свищовъ, свободно вздохнувъ, отступилъ къ стѣнѣ. Рядомъ, въ кучкѣ дворянъ, мѣстный острякъ говорилъ:

— Звонки только къ обѣду употребляются съ успѣхомъ; а тутъ я вотировавъ бы за намордники!

Гласные отхлынули отъ рѣшетки и все снова шумно заволновалось. Говорили всѣ вмѣстѣ, слышались возгласы. „Неправильно!“— „Три бѣлыхъ и мѣдный пятакъ!“— „Протестуемъ!“ Мимо самой килетки Свищова ринулся кто-то—рослый и толстый, ворчавшій негодующе. „Забаллотированный“... — послышался говоръ, и глаза всѣхъ обратились на широкую спину забаллотированнаго, который, наваливаясь на толпу и раздвигая ее точно вѣть вѣлны, уходилъ изъ залы. Снова задребезжалъ звонокъ предводителя, толпа заколыхалась и захватила съ собою Свищова. Онъ продвинулся съ нею вдоль стѣны, толкнулся въ повстрѣчавшуюся дверь и очутился въ пріемной управы. Въ тѣнистомъ углу просторной комнаты сидѣли на полу, обхвативъ руками колѣни и покачиваясь, два мужика; писецъ съ бумагами въ рукѣ стоялъ, затагиваясь торопливо папирисой—она свернулась у него въ крючокъ,

писецъ бросилъ ее и пошелъ, вывертывая щеголевато ногами... Свищовъ, охваченный забытымъ давно волненъемъ шпюльника на экзаменѣ, останоился у отвореннаго окна и сталъ задумчиво глядѣть, какъ роется на дворѣ стройный золотистый пѣтухъ и далеко разбрасываетъ ногами сухую, тяжелую пыль...

— Вотъ онъ гдѣ! А я ищу, ищу... — вскрикнулъ Пеньковскій, сбѣгая и размахивая фуляромъ.

— Ну, что? — повернулся къ нему Свищовъ.

— Представьте: забалотированы!

Х.

Наступила осень — дождливая, хмурая. Рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ сталъ обрывать съ деревь остатки баграно-золотистой листьы и крутить ихъ по непросыхавшей холодной землѣ. Замелькалъ, прилипая къ оголеннымъ сучьямъ, и первый снѣжокъ — рѣденькій и мокрый; стала близиться зима. Городская жизнь замерла въ тоскливомъ переходномъ бездѣйствіи.

Облетѣли, поблекнувъ, и мечты Свищова. Изъ гостиницы переѣхалъ онъ въ отдаленную Зарѣчную улицу, на дешевую квартиру; ужины въ клубъ и „винтъ“ были теперь не по карману ему. Общество — такъ ласковое и гостеприимное вначалѣ — стало выказывать равнодушіе къ Свищову, а въ клубъ вошла въ моду такая острота: когда кто-нибудь произносилъ „натурально“, ему отвѣчали: „еще бы, *натуральнѣе* Свищовскихъ зубовъ!“ Вдовушка, при встрѣчахъ на улицѣ, вела себя какъ-то загадочно — не то отвѣчала на поклонъ, не то одергивала лишь вуалетку. Даже Пеньковскій напустилъ на себя холодность и сталъ пробѣгать мимо Свищова, не узнавая его.

Мало-по-малу Свищовъ совсѣмъ отсталъ отъ знакомыхъ. Онъ сохранилъ хорошія отношенія лишь съ предсѣдателемъ управы Мосѣевымъ: тотъ по прежнему былъ любезенъ съ Свищовымъ и даже ссужалъ его въ трудныя минуты деньгами. Юридическая сторона этихъ операций поражала Свищова своей простотой: тутъ не было рѣчи ни о векселяхъ, ни о роспискахъ; Свищовъ и Мосѣевъ просто-на-просто шли къ почетному судѣ и тотъ, „по 30-й статьѣ“, выдавалъ Мосѣеву исполнительный листъ на Свищова; затѣмъ Мосѣевъ ловилъ гдѣ-нибудь на дорогѣ перваго попавшаго судебного пристава, Свищову вручалась „*новѣстка объ исполненіи*“, и дѣло было кончено. Перебиваясь такими займами, Свищовъ танулъ день за днемъ въ бесплодныхъ усиліяхъ придумать

выходъ изъ своего положенія. Единственнымъ ресурсомъ для этого оставалось у Свищова его „связь съ землею“ — пустошь „Загъсье“, но въ глухомъ уѣздномъ городѣ было не легко устроить операцию съ такою недвижимою. Раздумывая надъ этимъ и скучая отъ одиночества и бездѣля, Свищовъ, незамѣтно для самого себя, сталъ опускаться, утрачивать свой благообразный обликъ петербуржца. Онъ втянулся въ привычку опоражнивать графинчики воды, спать послѣ обѣда; мало заботился о бритвѣ, о туалетѣ; даже голосъ его, всегда гибкій и выразительный, началъ сводиться лишь къ нѣсколькимъ, простымъ и грубоватымъ нотамъ...

Однажды хозяйка сказала возвратившемуся домой Свищову, что за нимъ прислали отъ Салова. Свищова точно толкнуло въ грудь что-то при этомъ извѣстїи; чувство радостнаго торжества охватило его. Онъ выбрился, умылся и сталъ поспѣшно одѣваться, приговаривая: „Ага, понадобились и мы!“ Воображеніе рисовало Свищову картину, сходную съ призваніемъ варяговъ; онъ сталъ раздумывать — какъ ему держать себя съ Саловымъ, къ какому роду дѣятельности призвать его? хотя и не давалъ себѣ отчета, почему изъ всѣхъ возможныхъ случайностей должна произойти именно эта.

Дѣло разъяснилось проще: оказалось, что Саловъ скупаетъ для чего-то земли въ уѣздѣ и былъ бы не прочь купить пустошь „Загъсье“. Свищовъ вспыхнулъ, хотѣлъ разсердиться, но вышло какъ-то такъ, что онъ сѣлъ на жиденькій соломенный стулъ и, вдругъ ощутивъ въ себѣ приливъ взявшейся откуда-то скуности, началъ торопливо, неумѣло и горячо торговаться съ Саловымъ...

На слѣдующій день Свищовъ и Саловъ были у нотариуса. Свищовъ по прежнему сидѣлъ на предложенномъ ему стулѣ, подавленный изумительною юридическою эквилибристикой человѣка съ перомъ за ухомъ, и сводилъ мысленно свои расчеты. Притиснутый обстоятельствами, онъ сильно продешевилъ съ пустошью, но возврата уже не было. За вычетомъ долга Мосѣву, у Свищова оставалось всего тысячи полторы рублей — на эти деньги надобно было добраться до Петербурга, устроиться тамъ и прожить до присванія какого-нибудь приличнаго занятія. Утѣшеніемъ служила надежда, что Мосѣву деньги ненадобны и долгъ можно выплатить ему по частямъ, какъ и было говорено съ нимъ не разъ. Человѣкъ съ перомъ за ухомъ сдѣлалъ послѣднее усиліе надъ бумагой — пришлепнувъ къ ней огромную фіолетовую печать и посыпавъ это мѣсто золотымъ пескомъ. Свищовъ и Саловъ приступили къ расчету.

— Тутъ не все,—сказаль Свищовъ, пересчитавъ пачку кредитовъ.

— Пишите, пишите,—произнесъ своимъ увѣщательнымъ голосомъ Саловъ и сталъ копать въ огромномъ бумажникѣ.

Свищовъ росписался. Саловъ положилъ предъ нимъ вмѣсто денегъ пачку какихъ-то бумагъ. При первомъ взглядѣ на нихъ сердце у Свищова дрогнуло и на лбу выступилъ холодный потъ: Свищовъ узналъ въ бумагахъ исполнительные листы Мосѣева.

— Это что такое? какимъ образомъ? Я не могу принять!

— Неужто законы-то вамъ неизвѣстны?—спросилъ Саловъ. — Не примете, такъ неустойку заплатите.

— Но эти займы дѣлались на годъ, въ нихъ приписаны проценты, расходы всякіе: во всемъ этомъ надо сдѣлать расчеты!—сталъ возражать Свищовъ.

— Объ этомъ вы съ Мосѣевымъ толкуйте, а я купилъ ихъ во всей полности.

— Я сѣзжу къ Мосѣеву,—взялся Свищовъ за шляпу.

— Мосѣевъ въ уѣздѣ второй день и неизвѣстно, когда вернется,—сказаль Свищову нотариусъ. — Да и чего хотите вы отъ Мосѣева, когда онъ продалъ листы, не предупредивъ васъ?

— Это странно: мы въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ...

— Самыя хорошія отношенія — денежные; о нихъ и заботятся люди,—рѣшилъ философски нотариусъ.

— Нѣтъ, Кирьякъ Ѳедотычъ, вы не должны притѣснять меня! —заговорилъ Свищовъ, прибѣгая къ чувству справедливости. — Къ листамъ приписано нѣсколько сотъ рублей; въ настоящую минуту эта сумма много значить для меня и ее слѣдуетъ скинуть, тѣмъ болѣе, что пустошь и безъ того достается вамъ за безцѣновъ...

Саловъ слушалъ съ обычной своей безстрастностью. Уложивъ въ карманъ бумажникъ и застегнувъ кафтанъ, онъ возразилъ:

— Признаться сказать, я только жалѣючи васъ, да чтобы проволочки не было, послалъ за вами вчера. А по порядку слѣдовало бы прямо листы представить: за одну эту цѣну пустошь была бы моею...

Выбитый изъ позиціи, Свищовъ засунулъ въ карманъ сюртука деньги и листы, схватилъ шляпу и, не прощаясь съ Саловымъ, выбѣжалъ изъ конторы.

XI.

Стоялъ ясный морозный денекъ. На Зарѣчной улицѣ, бойко врывая подрѣзами молодой, не осѣвшій еще снѣжокъ, показались ямскія сани, запряженные паркою малорослыхъ лошадей. Чубарный пуватый коренникъ едва умѣщалъ въ узко разставленныхъ оглобляхъ свои раздутые соломой бока и усердно семахнулъ ногами, порываясь даже въ галопъ; рыжая косматая прищипанная, съ вытертой ляжкой, подпрыгивала торопливо и еле унося веревочныя постромки; подвязанный воловельчикъ глухо звякалъ подъ низенькой, тухлявой дугой. Въ саняхъ помѣщался на охапкѣ сѣва Свищовъ, обложенный своими, теперь уже потертыми и неприглядными чемоданами и сакъ-вожжами—онъ покидалъ негостеприимный N—сѣв. Привалившись въ уголъ саней и вглядываясь въ равнодушно горбившуюся спину ямщика, обтанутую сѣрымъ кониткомъ съ полу-отпоротымся рукавомъ, Свищовъ мечталъ: забытые на время, ради обманчивыхъ надеждъ, Петербургъ, Пески и Мильбретъ, вставали теперь предъ Свищовымъ какъ желанныя далекіе обличья старыхъ друзей, еще больше милыхъ въ разлукѣ... На Соборной площади Свищовъ заѣхалъ въ магазинъ бакалейщика — „коммерсанта и благотворителя“ — купить сигаръ. Пока мальчикъ доставалъ сигары, взобравшись на цѣлую воловельню лустыхъ ящичковъ, какой-то косматый, коренастый покупатель въ ежовой шубѣ вглядѣлся въ Свищова и заговорилъ:

— Ба, ба, ба! Слышалъ, батенька, слышалъ! Можете воскликнуть по-расплюевски: „лишень, всего лишень“!

Свищовъ узналъ хмураго помѣщика Шаповалова, съ которымъ ужиналъ у предсѣдателя. Свищовъ покраснѣлъ и конфузливо поспѣшилъ подать руку Шаповалову.

— Я, батюшка мой, самъ побывалъ у Салова въ лапахъ,— продолжалъ Шаповаловъ: — половину шкуры оставилъ... Теперь, зарѣжь меня, такъ я рубля у Салова не займу! Угораадило же насъ!

— Я не занималъ у Салова,—поправилъ его Свищовъ.

— Такъ вы не знаете, значить? Мосѣевъ—бывшій конторщикъ Салова, а теперь подручный его. Въ томъ направленіи, гдѣ ваша пустошь, шоссе проецируется, а Саловъ земли скушаетъ, чтобы потомъ нагрѣть ими земство. Отъявленные кулаки!

— Кулаки...—повторилъ Свищовъ.—И точно свѣтъ оварилъ его. Въ Петербургѣ, знакомясь съ „кулакомъ“ по газетамъ, Свищовъ представлялъ его себѣ какимъ-то апокалиптическимъ звѣ-

ремь, чуть не съ полымемъ изъ ноздрей, и ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы причислить сюда Салова, а въ особенности Мосѣва. Свищову больно было сознаться, что „булакъ“, съ которымъ онъ только-что и такъ неудачно собирался бороться, уже подмялъ его подъ себя, сдвинулъ ему грудь и порвалъ у него если не жизнь, то „связь съ землею“...

— Жаль, что не удалось вамъ устроиться у насъ,—сказалъ Шаповаловъ.—Вы въ Петербургъ опять?

— Да.

— Жаль. Мусью Бьенфетёръ!—крикнулъ онъ бакалейщику:—вели дать холодненькаго, да смотри, не собственной укупорки!

— Помилуйте, Матвѣй Кирилычъ!—осклабился бакалейщикъ.

Какъ ни отговаривался Свищовъ, но бывшій уже на-веселѣ Шаповаловъ затащилъ-таки его въ комнату за магазиномъ—низенькую и полутемную, гдѣ посѣтители считались по закону гостями бакалейщика и онъ невозбранно могъ угощать ихъ „распивочно“. На оскорбленные чувства Свищова утѣшительно дѣйствовало дружеское расположеніе Шаповалова и они разговорились точно старые знакомые.

— Ну что-жъ, въ аду лишняя половица будетъ изъ вашихъ добрыхъ намѣреній!—сказалъ Шаповаловъ, выслушавъ повѣсть о былыхъ мечтаніяхъ Свищова.

— Нехорошо только, что вы какъ бы съ высоты величія на жизнь-то смотрѣли: въ нее надобно входить просто, смиренно, какъ кость отъ костей, плоть отъ плоти ея...—Онъ припалъ къ стакану своими большими красными губами и выпилъ его сразу весь.—Вы не обижайтесь: я только теоретически разсуждаю... Центръ вообще склоненъ думать, что онъ-то именно и есть артерія жизни... Мы, провинціалы, разсуждаемъ не такъ. Казовымъ концомъ, разумѣется, будетъ всегда центръ... Тамъ больше удобствъ и наслажденій, больше иллюзій; у него многому можно поучиться... А фундаментальная-то жизнь, съ ея вопіющими нуждами, съ ея дѣйствительными радостями и печалами, все-таки въ провинціи коренится... Правда, жизнь неказистая на сегодняшній взглядъ, изуродованная, забытая... Саловы, Мосѣвы да Пеньковскіе орудуютъ въ ней... изъ царь-пушки палить надобно, чтобы расцѣять этотъ смертъ... Но развѣ смертъ вѣковѣчнѣе жизни?.. Дайте чуть-чуть проглянуть солнцу, и этотъ самый смертъ въ послушную, полезную силу обратится... И Пеньковскій—вы посмотрите, какимъ онъ пѣтухомъ начнетъ тогда зарю провозвѣщать!

— Вы сами не служите, кажется?—полюбопытствовалъ Свищовъ.

— Нѣтъ.

— Отчего же вы, при вашихъ способностяхъ...

— Какія у меня способности!—перебилъ Шаповаловъ.—Бѣльскіе да Грановскіе теперь гдѣ-нибудь въ правленіи желѣзной дороги на счетахъ щелкають, а ужъ намъ и подавно... Не могу же я повѣрить, что ихъ *нѣтъ*!—перескочилъ онъ вдругъ.—Сто милліоновъ особей—и ничего нѣтъ у нихъ! Ха, ха, ха!.. Ну, за ваше здоровье! Добрый вамъ путь и генеральскій чинъ! Не поминайте насъ лихомъ, коли добромъ не за что...—Чокнувшись съ Свищовымъ и выпивъ свой стаканъ также залпомъ, захмелѣвшій Шаповаловъ обнялъ Свищова и поцѣловалъ его въ обѣ, небриты на этотъ разъ, щеки.

„Кажется, порядочный малый этотъ Шаповаловъ? Жаль, что не удалось мнѣ раньше сойтись съ нимъ. Только взбудораженный какой-то онъ“...—думалъ Свищовъ, очутившись въ саяхъ. Осталась позади Соборная площадь, промелькнулъ знакомый предсѣдательскій домъ — съ сугробами снѣга у воротъ, съ ярко блестящими въ лучахъ заката окнами. Вотъ и загородный, узкій, обрывистый оврагъ съ мѣдно-красными, едва запорошенными снѣгомъ, боками. Ямщикъ остановилъ лошадей и отпустилъ воловочикъ, проговорилъ, разминая руки: „важный морозецъ!“ и неловко подпрыгнулъ на облучокъ. Звонкая, назойливая трель разлилась надъ искристой снѣжной равниной и стала кружиться, порхать и отдаваться въ тихомъ морозномъ воздухѣ, убаюкивая Свищова...

Спустя нѣсколько дней, Свищовъ уже сидѣлъ за завтракомъ у Мильбрета, принявъ снова обычный свой видъ чиновнаго петербуржца. Незамѣнный другъ и товарищъ Свищова, Евстафій Николаичъ Извъковъ, былъ тутъ же. Они вели жаркій разговоръ по поводу извѣданнаго Свищовымъ на родинѣ, но уже не спорили больше. Напротивъ, какъ только выпадалъ приличный случай, они оба, въ унисонъ, восклицали:

— Разумѣется, съ полномочіями!

Н. Сѣверовъ.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ КИТАѢ

Умъ образованнаго китайца походитъ на паровозъ, идущій по рельсамъ; онъ построенъ для даннаго пути и двигается по немъ; но стоитъ ему сойти съ рельсъ и онъ тотчасъ же зароется и остановится въ безпомощности.
Smith, „Chinese Characteristics“.

Образованіе, по ученію китайскихъ философовъ и мудрецовъ, всегда служило средствомъ къ достиженію нравственнаго совершенства—состояніе, къ которому, согласно Конфуцію, долженъ стремиться каждый человѣкъ. Но, конечно, не одно стремленіе къ нравственному совершенству заставляеть китайца тратить многіе годы жизни на ученіе; имъ преслѣдуется болѣе практическая цѣль — полученіе чиновничьяго шарика и связанное съ этимъ занятіе казенной должности¹⁾. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что единственнымъ и общимъ для всѣхъ китайцевъ служебнымъ цензомъ является образованіе (ученая степень). Это обстоятельство, между прочимъ, даетъ поводъ повлонникамъ государственнаго строя Небесной имперіи утверждать, что здѣсь осуществленъ идеалъ равенства. Мы увидимъ ниже, такъ ли обстоитъ дѣло на практикѣ.

Чтобы получить приблизительное понятіе о китайской наукѣ и образованіи, слѣдуетъ прежде всего отвлечь мысль отъ всего, что мы привыкли разумѣть подъ этими названіями. Наука и образованіе въ Срединной имперіи не имѣютъ ничего схожаго

---

¹⁾ Всѣ граждане Срединной имперіи, имѣющіе извѣстную степень, имѣютъ право на занятіе государственныхъ должностей. Права этого лишены немногія лица, а именно: палачи, тюремщики, актеры, слуги мандариновъ и содержатели домовъ терпимости.

съ европейскою наукою; это — совершенные контрасты. Гумбольдтъ и Спенсеръ, еслибы ихъ бессмертные труды дошли до свѣденія китайцевъ, были бы несомнѣнно сочтены за круглыхъ невѣждъ, а ихъ сочиненія — за галиматю. Весьма вѣроятно, что европейская публика, ознакомившись съ китайскою наукою, произнесла бы надъ нею еще болѣе рѣзкое сужденіе. У насъ языкъ служитъ средствомъ для выраженія мыслей и для разработки различныхъ отраслей знанія; у китайцевъ это — единственный предметъ изученія, высшая наука. Надо прибавить, что изучается не живой, разговорный языкъ, а письменный діалектъ давно прошедшихъ поколѣній, болѣе древній, чѣмъ всѣ наши древніе языки. Изученіе этого-то мертваго языка, по извѣстнымъ, признаннымъ классическими, образцамъ, заслонило и задушило всѣ зачатки, если таковыя имѣлись, отдельныхъ наукъ и дало китайской образовательной системѣ направленіе, по которому она слѣдуетъ до сихъ поръ.

Письменный языкъ имѣетъ не только литературное, но и государственное значеніе (его должны знать и чиновники) и служить цементомъ, связывающимъ обширныя провинціи имперіи въ одно цѣлое. На письмѣ житель Юннани (самая южная провинція) понимаетъ обитателя Джилійской провинціи, но разговорный языкъ зачастую бываетъ разный даже у жителей одной и той же области. Вслѣдствіе такого разноязычія наблюдаются иногда довольно курьезныя явленія; такъ, въ портовыхъ городахъ можно услышать китайцевъ-южанъ, объясняющихся съ своими сѣверными соотечественниками на пиджинъ (отъ слова business) — ломанномъ англо-франко-китайскомъ нарѣчій.

Китайцы считаютъ свой письменный языкъ первымъ въ мірѣ. Европейцы прибавляютъ: „по трудности“, и это мнѣніе нельзя не признать справедливымъ. Этотъ языкъ нельзя выучить, какъ изучаютъ другіе языки или предметы, и затѣмъ оставить; разъ начавши, его нужно учить непрерывно. Для успѣшнаго занятія синологіею (я говорю объ европейцахъ), требуются особыя способности, любовь къ предмету, а главное — память, память и память. Нѣкоторые синофобы ¹⁾ утверждаютъ, что для того, чтобы основательно изучить китайскую письменность, нужно прератиться въ маніака. Это, конечно, крайность, но нужно согласиться съ тѣмъ, что изученіе китайскаго языка и литературы кладетъ на челоуѣка особый отпечатокъ и дѣлаетъ его одностороннимъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что европейцы начинаютъ изучать китайскій языкъ въ 19 — 20-лѣтнемъ возрастѣ, обык-

¹⁾ Потерпѣвшіе неудачу въ изученіи китайскаго языка.

новенно же позже, послѣ общаго образованія, когда голова ихъ наполнена самыми разнообразными познаніями и языками, и память успѣла ослабѣть ¹⁾. Само собою разумѣется, что іероглифическая письменность дается имъ туго, сравнительно съ желтокожими, приступающими къ изученію родного языка съ дѣтскаго возраста по особой, испытанной методѣ, которую постараюсь сейчасъ описать.

Начальныя училища въ Небесной имперіи раздѣляются на три разряда — на деревенскія школы (шэ-сѣ), уѣздныя (сянь-сѣ) и областныя (шу-юань). Всѣ училища находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ уѣзднаго или областного начальника, который является въ нихъ полнымъ хозяиномъ, съ правомъ назначать учителей изъ числа людей свободныхъ, извѣстныхъ нравственностью и образованіемъ. Ученіе во всѣхъ школахъ идетъ круглый годъ, съ небольшимъ перерывомъ, во время новогоднихъ праздниковъ. Плата учителямъ очень невысока, не болѣе 50 долларовъ въ годъ, которые образуются изъ мелкихъ взносов (отъ 2 до 5 дол. ²⁾) учениковъ. Мальчики собираются въ школу съ солнечнымъ восходомъ и проводятъ за книгою цѣлый день, получая отдыхъ только для обѣда. Во всѣхъ школахъ занятія происходятъ по общей программѣ и заключаются въ слѣдующемъ: начинаютъ ученіе съ книги „санъ-цзы-цзинъ“, состоящей изъ трехзначныхъ группъ іероглифовъ. Названную книгу, т.-е. всѣ содержащіяся въ ней звуки, изображенные черточками, крючками, точками, ученикъ долженъ затвердить наизусть, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они написаны, и не понимая ихъ значенія. Къ такому странному, на нашъ взглядъ, способу прибѣгаютъ потому, что китаецъ не можетъ передать произношенія, въ виду отсутствія алфавита; онъ не можетъ *написать* извѣстный звукъ, при произнесеніи его, знать, какъ этотъ звукъ обозначается на письмѣ. Заучиваніе производится всѣми учениками одновременно и притомъ громко, вслѣдствіе чего въ школьной комнатѣ слышится какофонія, не особенно пріятная для уха, не привыкшаго къ китайскому произношенію.

Слѣдующій шагъ на пути изученія языка заключается въ всматриваніи и запоминаніи того, какъ пишутся затверженные ученикомъ звуки. Для облегченія запоминанія знаковъ, взятыхъ наудачу изъ текста, употребляются азбука на праникахъ для

¹⁾ Даже извѣстные синологи, какъ напр. нашъ генеральный консулъ въ Пекинѣ, П. С. Поповъ, не прекращаютъ занятій съ учителемъ китаецемъ, чтобы не дать приобрѣтеннымъ знаніямъ улетучиться изъ памяти.

²⁾ Долларъ равенъ, приблизительно, 1 р. 50 к.

веспособныхъ дѣтей, маленькіе бумажные квадратики съ написанными на нихъ іероглифами. Когда эта трудность побѣждена, переходятъ къ писанію, вѣрнѣе, рисованію іероглифовъ, что дѣлается при помощи разведенной туши и кисточки изъ верблужьяго волоса. Искусство писанія іероглифовъ имѣетъ своихъ иртузовъ, требуетъ многолѣтней практики и дается далеко не всѣмъ.

Заучиваніе іероглифовъ и выражаемыхъ ими звуковъ производится совершенно машинально; весь этотъ матеріалъ поглощается феноменальной китайской памятью безъ всякаго участія мысли и до поры до времени, а часто навсегда остается въ головѣ непонятнымъ и неперевареннымъ книжнымъ балластомъ. Когда учащійся затвердилъ достаточное количество іероглифовъ, ему даютъ для чтенія книгу „цзянь-цзы-вэнь“ — довольно безсодержательную поэму, состоящую изъ тысячи іероглифовъ. Молодые люди, намѣревающіеся посвятить себя коммерческой дѣятельности, загибаютъ тысячу іероглифовъ книгою „цза-цзы“, въ которой содержатся различныя предметныя названія. Дойдя до этого пункта образовательнаго курса, т.-е. имѣя въ памяти около 2.000 іероглифовъ, многіе малодушные повидаютъ тернистый путь науки. Съ нихъ довольно и этого, — они знаютъ совершенно достаточно для нуждъ обыденной жизни, т.-е. читаютъ черезъ пятое въ десятое, да и самолюбіе отчасти удовлетворено, ибо они въ нѣкоторомъ родѣ ученые. Хотя народъ въ массѣ малограмотенъ (по приблизительному расчету грамотныхъ мужчинъ не болѣе 4%, а женщинъ не болѣе одной на тысячу), но въ немъ развито чувство чрезвычайнаго уваженія и даже благоговѣнія предъ ученостью. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно видѣть, съ какимъ наивнымъ удивленіемъ и подобоострастіемъ смотритъ какой-нибудь нищій були или крестьянинъ на челоуѣка даже его среды, разбирающаго значки уличнаго объявленія или газеты.

Когда ученикъ достаточно ознакомится съ помянутыми книгами, называемыми „малымъ знаніемъ“ (сяо-сѣ), прибрѣтенныя имъ свѣденія провѣряются экзаменаторомъ, командиремымъ уѣзднымъ начальникомъ. Успѣшно выдержавшій испытаніе получаетъ званіе „гуань-се-шенъ“, что значитъ чиновничій ученикъ, съ правомъ поступленія въ областное училище. Впрочемъ, лишь немногіе пользуются этимъ правомъ — большинство предпочитаетъ заниматься дома, подъ руководствомъ учителя (сяньшэна). Въ этой стадіи занятій программа начинается нѣсколько разнообразиться, ибо юношу заставляютъ писать сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Эти литературныя упражненія не требуютъ ни воображенія, ни

поэтического дара, ни вдохновенія; какъ сочиненія, такъ и стихи фабрикуются на данное, по большей части бессмысленное изреченіе древняго мудреца, по извѣстному рецепту, ни на іоту не отступая отъ классическихъ образцовъ—Четырехкнижія и Пятикнижія ¹⁾, отдающихъ затхлостью заживо погребенной мысли. Пятикнижіе образуютъ: 1) Книга Пережѣвъ, написанная въ XII вѣкѣ до Р. X.; она содержитъ графическое изображеніе системы міра въ видѣ діаграммъ, столь туманныхъ и глубокомысленныхъ, что ихъ не сумѣлъ истолковать даже премудрый Конфуцій; 2) Книга Церемоній трактуетъ о всевозможныхъ обрядахъ на всѣ случаи домашней и официальной жизни; 3) Книга Исторіи содержитъ древнѣйшіе, за 2.000 лѣтъ до Р. X., будто бы историческіе отрывки, въ сущности же есть не что иное, какъ наборъ фантастическихъ розказней; 4) Книга Поэзіи (Ши-цзинъ ²⁾) со-

¹⁾ „Сы-шу“ и „У-цзинъ“. Изъ книгъ Четверокнижія одна называется Лунъ-и и содержитъ діалоги и афоризмы Конфуція, а другая передаетъ философскую систему Менци, ученика Конфуція, который, встаети сказать, по глубинѣ и содержательности своихъ произведеній стоитъ гораздо выше учителя.

²⁾ Чтобы дать нѣкоторое понятіе о Ши-цзинѣ, приведемъ изъ него нѣсколько поэтическихъ отрывковъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ любовной пѣсни:

„Руки какъ бѣлый ростокъ,
Кожа застывшій жаръ,
Шея какъ у червя,
Зубы какъ тыквенныя зернышки,
Голова жука, брови бабочки,
Примекательная улыбка на устахъ,
Черные зрачки прекрасныхъ глазъ
Рѣзко выдѣляются изъ бѣлковъ,
Подарила мнѣ айву,
Отблагодарила янмомъ,
Не отблагодарила,
А чтобы навѣкъ быть въ дружбѣ!“

А вотъ еще два анакреонтическихъ отрывка изъ того же Ши-цзина:

„Есть дѣвица, возбужденная весной,
Счастливецъ заманиваетъ.
Тыше, помедли,
Не тронь моего платья,
Не заставь собаку лаять“.

„Нестройную траву Синь
Рвутъ справа и слѣва.
Стройную, непорочную дѣвицу
Тимпанами и кимвалами сдружаютъ.“

стоять изъ весьма первобытныхъ произведеній поэзій, и 5) Весна и Осень, написанная Конфуціемъ и содержащая описаніе удѣльнаго княжества Лю (за 500 л. до Р. Х.).

Перечисленныя классическія книги, съ позднѣйшими комментаріями, несмотря на всю ихъ апокрифичность ¹⁾, составляютъ „credo“ образованнаго китайца и могутъ быть названы краеугольнымъ камнемъ религіозной и нравственной жизни гражданъ Средней имперіи. Когда этотъ классическій матеріалъ усвоенъ въ долбежку учащимся, ему даютъ темы—двухъ, трехъ и четырехъсложныя изреченія классиковъ, на которыя онъ пишетъ болѣе или менѣе (скорѣе менѣе) осмысленныя толкованія. Въ образовательную программу входитъ также музыка, которая по теоріи Конфуція есть необходимый элементъ хорошаго правительства и смягчаетъ нравы. Конечно, и здѣсь китайцы признаютъ только свою музыку, унаслѣдованную отъ предковъ. Императорская музыкальная академія ревниво слѣдитъ за чистотою древней музыки, охраняя ее отъ вторженія новыхъ мотивовъ ²⁾.

Годами къ 19—20 ученикъ обыкновенно успѣваетъ ознакомиться съ изложенною программой и считается подготовленнымъ къ государственному экзамену на первую ученую степень „сюцзя“. Экзаменъ на первую степень производится въ областныхъ городахъ командироваемыми изъ Пекина чиновниками, въ присутствіи мѣстнаго начальства. Въ назначенный день экзаменующіеся, иногда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ ³⁾, собираются въ обширныхъ экзаменаціонныхъ зданіяхъ, неся съ собою спеціальнаго образца бумагу, продажа коей составляетъ безвыгодную монополію правительства, принадлежности для письма и пищу

Нестройную траву Синъ
Справа и слѣва оципываютъ.
Скромную, непорочную дѣвицу
Колоколами и барабанами увеселяютъ“.

Въ приведенныхъ отрывкахъ есть хоть какая-нибудь мысль — большинство же китайскихъ стиховъ не что иное, какъ наборъ бессмысленныхъ, вычурныхъ и витязныхъ метафоръ и эпитетовъ.

¹⁾ Въ 220 г. до Р. Х. всѣ книги были сожжены по приказанію богдохана Шилуади. Хотя исторія и сообщаетъ о чудесномъ открытіи уцѣлѣвшихъ экземпляровъ классиковъ, напр. въ стѣнѣ дома и о томъ, какъ нѣкій слѣпецъ запомнилъ цѣлую книгу, которая затѣмъ была записана съ его словъ, но все это относится скорѣе къ области мѣа, чѣмъ дѣйствительности.

²⁾ Китайцы очень музыкальны и любятъ сопровождать игрою на инструментахъ и пѣніемъ всѣ свои церемоніи. Но что это за музыка и что за пѣніе! Во всей этой какофоніи нельзя уловить даже намска на музыку.

³⁾ На весеннихъ экзаменахъ нынѣшняго года на первую степень собралось въ Пекинѣ слѣдующее 14.000 человекъ.

на нѣсколько дней заключенія. Экзаменующіеся, послѣ тщательнаго осмотра, впускаются въ экзаменаціонныя помѣщенія, похожія на казематы или стойла, гдѣ ихъ запираютъ, снабдивъ предварительно темами. Тамъ они вдохновляются и „творятъ“, отрываясь отъ работы только для обѣда (имѣются особыя кухни и повара) и для сна ¹⁾. Экзаменъ считается начавшимся, когда всѣ дѣйствующія лица — экзаменаторы, писцы, секретари, солдаты, сторожа и проч. — вошли въ ворота, которые затѣмъ запираются. Предполагается, что сидящіе въ камерахъ кандидаты не имѣютъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, и въ общемъ такая изолированность строго соблюдается, хотя, конечно, и здѣсь практика нерѣдко расходится съ теоріею. Не такъ давно, во время государственнаго экзамена въ Пекинѣ (на третью степень), когда написанныя сочиненія были уже отобраны у экзаменующихся и часть признанныхъ удовлетворительными отложена въ сторону, экзаменатору понадобилось затѣмъ-то выйти изъ комнаты. Этимъ моментомъ воспользовался его слуга, вѣроятно подкупленный, и подмѣнилъ сочиненіе одного изъ кандидатовъ. Продѣлка какимъ-то образомъ открылась и экзаменаторъ, вѣроятно непричастный плутнѣ, подвергся разжалованію, слуга же былъ казненъ.

Судя по докладу предсѣдателя министерства церемоній, напечатанному въ 1890 г. въ „Столичномъ Вѣстникѣ“, злоупотребленія на государственныхъ экзаменахъ стали зауряднымъ явленіемъ, вслѣдствіе чего экзамены утратили свое первоначальное значеніе ²⁾. Въ докладѣ упоминается два рода злоупотребленій — замѣна настоящихъ кандидатовъ (добивающихся степени) подставными лицами, которые держатъ за нихъ экзаменъ, и пріобрѣтеніе сочиненій посредствомъ разныхъ плутней. „Первое изъ этихъ злоупотребленій, т.-е. появленіе на экзаменѣ подставныхъ лицъ, можетъ быть устранено, — пишетъ докладчикъ, — если высшіе чиновники, передъ началомъ испытанія, займутся серьезной проверкой личности кандидатовъ. Если же впоследствии окажется, что одинъ кандидатъ выдержалъ экзаменъ за другого, то чиновникъ, виновный въ подобномъ упущеніи, долженъ быть подвергнутъ строгому наказанію, не взирая на оправданія и ссылки на ошибку или на торопливость. Для того, чтобы экзаменующіеся не могли получать экзаменаціонныхъ сочиненій, написанныхъ

¹⁾ Многіе кандидаты отъ умственнаго напряженія сходятъ съ ума, нѣкоторые умираютъ; но какъ сумасшедшіе, такъ и умершіе остаются въ камерахъ до окончанія экзамена.

²⁾ Быть, какъ думаютъ нѣкоторые наивные синофилы, единственнымъ мѣрломъ знаній, уравнивающимъ всѣ состоянія и положенія въ Китаѣ.

другими, слѣдуетъ прежде всего постановить, чтобы они, немедленно по полученіи штемпелеванной бумаги, отправлялись въ свои отдѣленія, а не бродили бы повсюду. Такимъ образомъ, можно будетъ помѣщать сношеніямъ ихъ съ посторонними людьми и занятію непредназначенныхъ для нихъ помѣщеній. Съ другой стороны, слѣдуетъ обязать надзирателей и официальныхъ лицъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы темы не сообщались разнымъ лицамъ, находящимся въ экзаменаціонномъ зданіи, а равно и за тѣмъ, чтобы туда не вносились написанныя бумаги, скрытыя въ пищѣ или въ постели. Сторожа обязаны бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никакихъ тайныхъ сношеній между улицею и запертыми кандидатами. Кромѣ этого, достаточное число сторожей должно днемъ и ночью обходить мѣсто, гдѣ производятся экзамены, а въ случаѣ нужды слѣдуетъ увеличить число сторожей. Принятіе подобной мѣры будетъ особенно полезно въ мѣстахъ, гдѣ за послѣднее время сдѣланы пристройки къ экзаменаціоннымъ зданіямъ, а также тамъ, гдѣ наружныя стѣны примыкають къ частнымъ домамъ. Если, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, будетъ обнаруженъ обманъ, чиновники, виновные въ упущеніи, должны быть наказаны наравнѣ съ тѣми, которые совершили означенный обманъ*.

Если китайскій студентъ не выдержалъ экзамена,—а такая перспектива ожидаетъ большинство молодыхъ людей, въ виду чрезвычайной ограниченности числа вакансій (тѣмъ выше степень, тѣмъ меньше вакансій),—то онъ не теряетъ бодрости, подобно своему европейскому собрату; онъ продолжаетъ испытывать счастье, т.-е. экзаменоваться съ настойчивостью, достойною лучшей участи. Въ германскихъ университетахъ можно встрѣтить такъ называемыхъ вѣчныхъ студентовъ, буршей лѣтъ сорока и болѣе, никакъ не могущихъ перескочить Рубиконъ знанія, но Небесной имперіи въ этомъ отношеніи несомнѣнно принадлежитъ пальма первенства. На экзаменѣ нерѣдко встрѣчаются люди разныхъ поколѣній—дѣдъ, сынъ и внукъ, стремящіеся получить одну и ту же степень. „Почетная“ ученая степень ежегодно даруется десяткамъ дряхлыхъ студентовъ 80, 90 и 100 лѣтъ — только за прилежаніе и настойчивость. Само собою разумѣется, что болшавство этихъ Маэусайловъ, проводшихъ жизнь за бесплодною китайскою наукой, успѣваетъ въ этому времени впасть въ совершенный идиотизмъ.

Степень можно приобрѣсти не только учеными заслугами или преклоннымъ возрастомъ, но также куплю, что, конечно, значительно подрываетъ пресловутый принципъ равенства въ получе-

ни государственныхъ должностей, которымъ такъ гордятся подданные богдохана. Подобной продажѣ придаютъ обыкновенно благотворительный характеръ. Лицо, желающее приобрести степень, не погружаясь въ кладезь конфуціанской премудрости, жертвуетъ известную сумму въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая или наводненія, а такихъ въ Китаѣ всегда множество. Размѣры пожертвованій довольно разнообразны и доходятъ иногда до 30, 40 тысячъ ланъ ¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ ²⁾, джилійскій вице-король Ли-хунъ-чжанъ ходатайствовалъ о пожалованіи нѣкогого чиновника первой степени—вторую степенью и о допущеніи его къ столичному экзамену на третью степень за то, что тотъ пожертвовалъ 30 тысячъ ланъ въ пользу бѣдныхъ.

Многіе изъ получившихъ первую степень довольствуются достигнутымъ результатомъ и, распростившись съ науками, ищутъ какой-нибудь практической дѣятельности: одни получаютъ мелкіе административные посты при ямыняхъ; другіе отыскиваютъ себѣ занятія въ качествѣ учителей. Несмотря на это, число честолюбцевъ, продолжающихъ ученіе для полученія второй степени, „цзюй-жень“, довольно значительно. Степень эта дается также послѣ оффиціального экзамена, производимаго каждые три года въ провинціальныхъ городахъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ формальностей.

Что же требуется отъ китайскаго студента для полученія второй степени? Въ сущности то же самое, что должны знать кандидаты на первую степень, та же мертвенная схоластика, только подъ другимъ соусомъ. Студентамъ, экзаменованнымъ въ 1890 г. на „цзюй-жень“, были выданы между прочимъ слѣдующія темы: изъ книги, содержащей ученіе Менцзы — „Если ты будешь дѣйствовать, слѣдуя примѣру другихъ, то будешь дѣлать добрыя дѣла (почему?) и будешь находить постоянно себѣ сотрудниковъ (сомнительно!); изъ этого вытекаетъ главная задача мудрецовъ — вмѣстѣ съ другими дѣлать добро“. Европейецъ затруднился бы истолкованіемъ и развитіемъ столь странной цитаты, но китайскій студентъ на бессмысленное изреченіе отвѣчаетъ такими же комментаріями.

Кандидатамъ, счастливо покончившимъ съ первымъ вопросомъ, предложена была вторая тема—а именно, изобразить въ стихахъ „Героя народа“. Вотъ какъ одинъ изъ кандидатовъ справился со

¹⁾ Лана=2 серебр. рублямъ.

²⁾ Отъ 31 октября 1890 г.

своею задачею ¹⁾: „За воротами города стоитъ непріятель. Начальникъ войска предлагаетъ одному изъ богатырей вступить въ единоборство съ непріятельскимъ богатыремъ; вызывается одинъ храбрець, извѣстный силою и ловкостью. Начальникъ радъ и предлагаетъ ему передъ боемъ выпить чашку теплаго вина ²⁾; но герой, когда ему начали наливать изъ чайника вино, махнулъ рукой, сказавъ: нѣтъ, лучше выпью его когда вернусь, оно вѣроятно еще не остынетъ. Дѣйствительно онъ вернулся съ головой непріятели въ рукахъ, когда вино не успѣло охладиться“. Слѣдуетъ замѣтить, что пишущій стихи на какую-либо экзаменаціонную тему обязанъ придерживаться точныхъ правилъ, не только относительно раамѣра и ризмы, но также относительно формы и содержанія. Такъ, въ строфѣ должно быть 10 іероглифовъ или 2 стиха по 5 іероглифовъ въ каждомъ. Размѣръ стиховъ соблюдается только въ концѣ строфы послѣднимъ іероглифомъ; если десятый іероглифъ произносится „тунъ“, то 20-й будетъ „дунъ“, 30-й—„жунъ“ и т. д. Въ данномъ стихотвореніи поставлено было также условіе, чтобы оканчивающій строфу іероглифъ выражалъ какое-нибудь качество.

Для болѣе полной характеристики экзаменаціоннаго сочинительства, приведемъ тему изъ „Лунь-юйя“ (изреченія Конфуція), предложенную кандидатамъ на томъ же испытаніи въ 1890 году. „Цзы-чжанъ, ученикъ Конфуція, спросилъ его: какъ человекъ долженъ вести себя? Конфуцій отвѣтилъ; если слова будутъ искренни и достойны довѣрія, а дѣйствія почтительны и достойны уваженія, то хотя бы то были государства Манъ и Мо (двухъ племенъ) — въ нихъ можно дѣйствовать; если же слова будутъ неискренни и незаслуживающія довѣрія, а поступки непочтительны и незаслуживающіе уваженія, то хотя бы то было правильно организованное государство—ничего не выйдетъ. Когда ты стоишь, онъ (искренность и почтительность) должны быть передъ тобою; когда ты въ телѣгѣ, онъ должны находиться на перекладнѣ (перекладина передъ сѣдовомъ). Цзы-чжанъ записалъ сказанное учителемъ на своемъ поясѣ“.

Одинъ изъ экзаменующихся такъ объяснилъ этотъ глубокомысленный діалогъ.

„При искренности,—пишетъ онъ,—твое сердце должно двигаться, т.-е. относиться участливо ко всему; память постоянно это, ты можешь пойти по истинному пути. Спросившій учителя

¹⁾ Передаю его отвѣтъ въ прозѣ и въ значительно сокращенномъ видѣ.

²⁾ Китайцы не пьютъ ничего холоднаго.

ученикъ былъ неискренень и непочтителень (поверхностно относился къ своимъ дѣйствіямъ). Въ отвѣтъ своему Конфуцій и намекнулъ на эти два крупные недостатка Цзы-чжана.

„Человѣкъ долженъ быть почтителень, внимателень и исполненъ вѣрности къ другимъ; если ты почтителень, то удалишь безпокойство; если внимателень, то другіе будутъ тебя любить; если исполненъ преданности, то со всѣми будешь жить въ согласіи; если вѣренъ, то люди могутъ на тебя полагаться.

„Прежде чѣмъ сдѣлать что-нибудь, нужно спросить себя о возможности достиженія результата, а затѣмъ начать обдумывать процессъ дѣйствія. Человѣкъ, усвоившій себѣ понятія о небѣ, землѣ и людяхъ, можетъ назваться ученымъ. Путь же ученыхъ — обдумывать свои поступки — близокъ къ истинному пути. Недостаточно одной увѣренности, что ты въ состояніи сдѣлать какое-либо дѣло; ты долженъ осмотрѣть еще пространство, которое тебѣ предстоитъ пройти, а то пойдешь впередъ, остановившись по срединѣ и потеряешь прежнее мѣсто. Ты долженъ спросить свое сердце—позволяетъ ли оно дѣйствовать тѣмъ или другимъ образомъ“... и т. д.

Студентъ, получившій званіе цюй-жени (представляемаго), имѣетъ право на слѣдующій годъ быть представленнымъ (откуда его титулъ) въ столицу, для выдержанія третьяго и послѣдняго испытанія. Экзаменъ на степень „цзинь-ши“, что значитъ: поступающій на службу, происходитъ въ столицѣ, дважды въ пятилѣтіе. Число выдерживающихъ это испытаніе невелико и колеблется между 300 и 350; такъ, въ 1890 г. выдержавшихъ успѣшно было 328 человѣкъ, изъ которыхъ 44 уроженца Джилійской провинціи. Богдоханъ даетъ темы и командируетъ четырьмя сановниковъ для присутствія на экзаменѣ, который длится девять дней, не считая двухъ однодневныхъ перерывовъ. Тѣ, которые выдерживаютъ это испытаніе, отправляются во дворецъ, гдѣ, въ присутствіи самого императора, подвергаются еще одному экзамену. Четверо лучшихъ комментаторовъ награждаются титулами. Первому изъ „цзинь-ши“ министерство церемоній даруетъ красную накидку и два золотыхъ цвѣтка на шапку. Въ такомъ нарядѣ счастливца сажаютъ на коня и конюхи, подъ громъ музыкальныхъ инструментовъ и крики придворныхъ и челяди, выводятъ его изъ дворца, въ среднія ворота, черезъ которыя ѣздитъ только богдоханъ. Въ „Столичномъ Вѣстникѣ“ публикуется имя побѣдителя; и когда онъ, увѣнчанный лаврами, возвращается въ свой городъ или село, сограждане, предувѣдомленные заранѣе, встрѣчаютъ его торжественно. Нельзя не от-

вѣтъ при этомъ, что столь чествуемый всѣми свѣточъ китайской науки, въ дѣйствительности есть круглый невѣжда. Онъ не знаетъ самыхъ простыхъ вещей, такихъ, которыя должны быть извѣстны у насъ любому школьнику, напр., что земля шарообразна или что дождь выпадаетъ изъ облаковъ, а не изъ пасти дракона.

Всѣхъ „цзинь-ши“ раздѣляютъ на три разряда и назначаютъ на казенныя должности. Выдержавшіе по первому разряду вступаютъ въ такъ называемый „дѣсь перьевъ“, точнѣе висточекъ, — такъ титулуется высшее ученое учрежденіе въ имперіи, „хань-ли-юань“; попавшіе туда обыкновенно дѣлаютъ блестящую карьеру. Второй разрядъ распределяется по разнымъ министерствамъ, а вошедшіе въ третій разрядъ зачисляются кандидатами на должности уѣздныхъ начальниковъ. Полученіе казенныхъ мѣстъ выжидается кандидатами, какъ манна небесная; большинство изъ нихъ, обладающее весьма скуднымъ достаткомъ, не могло бы завершить многолѣтнихъ занятій, если бы не ротовщичи: китайскіе Шейлоки ссужаютъ ихъ деньгами, надѣясь на будущій барышъ отъ казеннаго мѣста, занявъ которое ихъ протеже получаютъ возможность выжимать побольше соковъ изъ населенія, въ чемъ главнымъ образомъ заключается искусство управленія въ Китаѣ.

Лица, избравшія военную карьеру, также проходятъ классическія книги и подвергаются испытаніямъ на степени — „ву-сюцзай“, „ву-цзюй-жень“ и, наконецъ, „ву-цзинь-ши“ — нѣчто въ родѣ магистра военныхъ наукъ. Но требованія, предъявляемыя здѣсь, не особенно строги, вслѣдствіе чего въ Китаѣ имѣется не мало генераловъ, плохо знакомыхъ съ родной грамотой. Собственно о военныхъ наукахъ, извѣстныхъ на Западѣ, какъ-то: тактикѣ, фортификаціи, артиллеріи, минномъ дѣлѣ и пр., китайцы, за немногими исключеніями (въ портахъ), не имѣютъ понятія. Военное образованіе сводится главнымъ образомъ къ акробатическимъ и гимнастическимъ упражненіямъ. Военные студенты фехтуютъ, прыгая и кривляясь съ большими бердышами въ рукахъ, бросаютъ и поднимаютъ каменные гири и стрѣляютъ изъ лука, пѣшкомъ и съ лошади ¹⁾. Кандидаты, оказавшіе неуспѣхъ въ натягиваніи тетивы или въ метаніи камней, не допускаются къ дальнѣйшимъ испытаніямъ, собственно въ наукахъ. Впрочемъ, къ великому огорченію сторонниковъ лука и бердыша временъ императоровъ Фу-си и Шень-нунъ ²⁾, всеильный прогрессъ начинается подтачи-

¹⁾ Стрѣльба изъ лука составляетъ одно изъ древнѣйшихъ и популярнѣйшихъ упражненій въ Китаѣ, поддерживающее воинственный духъ въ молодомъ поколѣніи.

²⁾ Царствовали за 3.000 лѣтъ до Р. X.

вать добрую старину; въ настоящее время въ Китаѣ имѣются настоящія, не шутовскія войска, руководимыя иностранными инструкторами, преимущественно нѣмцами. Насколько эти европеизированныя войска изучили науку войны и прониклись военнымъ духомъ, сказать пока трудно ¹⁾.

Военная профессія въ Срединной имперіи не пользуется почетомъ и военный, въ глазахъ китайца, является синонимомъ разбойника, каковъ онъ и есть въ дѣйствительности въ этой странѣ. Гражданскому чиновнику всегда оказывается предпочтеніе передъ военнымъ и знатокъ классиковъ, хотя бы дошедшій до размягченія мозга, имѣетъ преимущество передъ невѣдственнымъ рубакомъ. Оно и не удивительно: вѣдь китайцамъ совершенно незнакомъ типъ многосторонне-образованнаго и ученаго военного Запада; представитель китайской военной силы — не что иное, какъ грубое животное, трусъ во время войны и гроза мирнаго населенія.

Если суммируемъ все сказанное о китайской образовательной системѣ, то увидимъ, что учащійся, съ дѣтскаго возраста и до старости, вертится, подобно бѣлѣ въ колесѣ, около однѣхъ и тѣхъ же каноническихъ книгъ ²⁾, представляющихъ компиляцію бессмысленныхъ умствованій, убогихъ стиховъ и ложныхъ понятій. Эта мнимая наука съуживаетъ безъ того узкій кругозоръ китайца и убиваетъ въ немъ зачатки пытливости и самостоятельности мышленія, а въ большихъ дозахъ совершенно атрофируетъ умъ и создаетъ типъ напыщеннаго идіота. Самолюбіе этихъ маніаковъ, ведущихъ упорную борьбу съ здравымъ смысломъ, по истинѣ изумительно. По ихъ убѣжденію, въ Китаѣ нѣтъ науки, нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ знанія, нѣтъ религіи, нѣтъ морали, а есть одно лишь варварство. Ихъ мысль, изуродованная подобно ногамъ китайскихъ женщинъ вѣбовымъ сжиманіемъ, не можетъ постигнуть и сознать смысла творящихся вокругъ событий.

Во время дню Китаѣ обружали дикіе народы, находившіеся на низшей степени культуры, и тогда онъ естественно могъ претендовать на превосходство въ цивилизаціи. Но времена измѣнились; другіе народы успѣли уйти впередъ, пока имперія богодо-

¹⁾ Во время послѣдняго возмущенія на сѣверѣ въ Жоха, въ ноябрѣ и декабрѣ 1891 г. и январѣ 1892 г., часть войскъ Ли-хунъ-чжана, вооруженныхъ ремингтоновскими ружьями, была отправлена для подавленія возстанія. Если судить по сообщеніямъ „Столичнаго Вѣстника“, то войска эти оказали чудеса храбрости, ибо на 300 имперіалистовъ приходилось убитыми до 15.000 бунтовщиковъ; впрочемъ, слишкомъ доврять официальной газетѣ не слѣдуетъ, такъ какъ, по признанію самихъ китайцевъ, ложь и подтасовка фактовъ изобилуютъ на ея столбцахъ.

²⁾ Четверокнижіе и Пятикнижіе.

хановъ оставалась на мѣстѣ. Этого никакъ не поняли китайскіе обскуранты, требующіе по прежнему признанія за Китаемъ перваго мѣста.

Разительнымъ доказательствомъ консерватизма этой націи служить, напримѣръ, тотъ фактъ, что китайцы не сумѣли воспользоваться двумя крупными изобрѣтеніями, имѣвшими въ свое время столь огромное вліяніе на политическую жизнь Европы. Я разую—изобрѣтенія пороха и книгопечатанія, сдѣланныя въ Китаѣ задолго до появленія Гутенберга и Шварца. Китайскія ищали и пушки допотопной конструкции хороши развѣ для кучевъ, а книгопечатаніе находится въ томъ же младенческомъ состояніи, въ какомъ было въ моментъ изобрѣтенія.

Печати въ европейскомъ смыслѣ, т.-е. періодическихъ и ежедневныхъ изданій, въ Китаѣ не существуетъ. Да и къ чему она китайцамъ? Ихъ общественная жизнь слишкомъ рутинна и бѣдна интересами, а государственная не подлежитъ обсужденію; что же касается жизни варварскихъ народовъ, живущихъ внѣ Китая, то нужно ли говорить, что она не можетъ и не должна интересовать интеллигентнаго китайца. Въ Пекинѣ съ давняго времени издается нѣчто въ родѣ правительственной газеты, подъ названіемъ „Цингъ-Бао“, Столичный Вѣстникъ. Эта газета выходитъ ежедневно въ формѣ небольшой (вершка 4 въ длину и 2 въ ширину) тетрадки тонкой бумаги ¹⁾. Содержаніе газеты отличается чрезвычайною безцѣпностью и, при случаѣ, живостью фактовъ: официальныя назначенія, перемѣщенія, лишеніе проворвавшагося чиновника шарика и награжденіе имъ другого, еще не понавапшаго въ воровствѣ, пожалованіе предкамъ чиновника, провапвапшаго какую-нибудь доблесть, почетнаго титула, описаніе придворныхъ праздниковъ и церемоній—таковы рамаи газеты.

Кромѣ неудобоваримой классической литературы, китаецъ имѣетъ и болѣе легкую умственную пищу. Таковую доставляютъ ему историческія книги и беллетристическія произведенія, имѣющія всегда большой кругъ читателей. Эта отрасль литературы имѣетъ свой специфическій характеръ, рѣзко отличающій ее отъ произведеній Запада. Историческія сочиненія, еслибы въ нихъ не было удѣлено слишкомъ много мѣста легендамъ и всякой невозможной небывальщинѣ, пожалуй заслуживали бы нѣкотораго вниманія; что же касается романовъ, то всѣ они отличаются ничтожествомъ замысла, отсутствіемъ дѣйствія, безконечными, вычурными опи-

¹⁾ Въ Шанхаѣ, Кантонѣ, Тяньцзинѣ и др. портахъ также издаются китайскія газеты, содержащія перепечатки изъ „Столичнаго Вѣстника“.

саніями и повтореніями и вообще отзываются какимъ-то ребяческимъ архаизмомъ и ограниченностью ¹⁾. Не имѣя газетъ и журналовъ, граждане Небесной имперіи пополняютъ этотъ недостатокъ афишами, прокламаціями и памфлетами. Въ афишахъ и прокламаціяхъ, если онѣ не официальнаго характера, содержатся объявленія и рекламы частныхъ лицъ — купцовъ, промышленниковъ, врачей, ремесленниковъ и иныхъ, но эти печатныя произведенія служатъ также для изобличенія и оглашенія злоупотребленій мандариновъ, являясь въ рукахъ безправной массы единственнымъ средствомъ борьбы и протеста.

Нельзя не упомянуть объ особомъ видѣ литературы, вызванномъ въ жизни ненавистью китайцевъ къ европейцамъ, — ругательныхъ памфлетахъ, представляющихъ наборъ бессмысленныхъ, но гнусныхъ обвиненій противъ иностранцевъ. Памфлеты эти появляются періодически и предшествуютъ обыкновенно анти-европейскимъ возмущеніямъ. Въ настоящее время особенною извѣстностью среди китайской интеллигенціи пользуется серія брошюръ, озаглавленныхъ: „Смерть дьявольской религіи!“ (т.-е. христіанству), украшенныхъ порнографическими и волшебными иллюстраціями. Содержаніе пасквилей — сплетеніе нелѣпыхъ, но въ высшей степени отвратительныхъ издѣвательствъ надъ христіанствомъ, его представителями и вообще всѣми европейцами. Хотя авторомъ этого блестящаго произведенія китайскаго остроумія называютъ нѣкоего кандидата на мѣсто даотая (областной начальникъ), по имени Чу-чана, но не подлежитъ сомнѣнію, что ему помогало нѣсколько свѣтлыхъ мандаринскихъ умовъ.

Несмотря на нелицемѣрное отвращеніе ко всему иностранному и увѣренность въ превосходствѣ своей науки передъ науками Запада, китайцы, ради практическихъ цѣлей, вынуждены были ввести изученіе дьявольскихъ языковъ у себя. Допущеніе иностранныхъ языковъ совершилось въ формѣ учрежденія въ 1861 году въ Пекинѣ китайско-европейской коллегіи (тунгъ-вень-гуань) ²⁾.

Въ настоящее время тунгъ-вень-гуань находится въ завѣдываніи европейскаго директора (начальникъ китайскихъ таможенъ, сэръ Робертъ Хартъ), выбирающаго и назначающаго профессо-

¹⁾ Китайскій книжный рынокъ наводненъ порнографическими романами, которые читаются съ большою охотою всѣми

²⁾ Въ Кантонѣ также есть въ настоящее время коллегія, но тамъ изучается только англійскій языкъ

ровъ и вообще дѣйствующаго почти безконтрольно ¹⁾). Хотя директорамъ коллегіи числятся также члены цзунъ-ли-ямыня съ княземъ Циномъ въ званіи предсѣдателя, но они не имѣютъ фактическаго вліянія на внутренніе порядки заведенія. Въ программу занятій входятъ языки: англійскій, французскій, русскій, нѣмецкій и китайскій, изъ предметовъ же — химія, естественная исторія, математика, медицина, физика, физиологія, астрономія и метеорологія и международное право. Конечно, перечисленные предметы не въ одинаковой степени привлекаютъ учениковъ; такъ, больше всего слушателей имѣютъ профессора англійскаго языка и математики; меньше всего — если не ошибаюсь — преподаватели медицины и химіи ²⁾).

Общій курсъ наукъ длится восемь лѣтъ, изъ коихъ первые три года посвящаются языкамъ. Любопытною особенностью этой коллегіи служитъ тотъ фактъ, что студенты за слушаніе лекцій получаютъ плату. Въ первый годъ студенты пользуются столомъ и квартирою, во второй получаютъ по 3 ланъ въ мѣсяцъ; послѣ этого плата прогрессивно увеличивается и доходитъ до 10 ланъ ежемѣсячно. Экзамены производятся разъ въ три года, причемъ студенты, оказавшіе успѣхи, получаютъ въ награду отъ 40 до 60 ланъ одновременно. Окончившіе курсъ назначаются переводчиками при цзунъ-ли-ямынѣ.

П. Коростовецъ.

Пекинъ, мартъ 1892 г.

¹⁾ Профессора получаютъ очень крупное содержаніе и пользуются 2-лѣтнимъ отпускомъ каждое семилѣтіе; китайское правительство жалуетъ ихъ, кромѣ того, почетными степенями; профессоромъ русскаго языка состоитъ бывшій питомецъ с.-петербургскаго университета В. Ю. Гротъ.

²⁾ Вѣроятно потому, что науки эти, въ настоящей стадіи развитія Китая, не находятъ себѣ никакого практическаго примѣненія.

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ХII *).

Самымъ энергическимъ помощникомъ въ реформахъ новаго прихода, доставшагося м-ру Кумберланду, была леди Дженъ Бленгеймъ, которая сама много лѣтъ уже трудилась въ этомъ приходѣ и стояла во главѣ клуба и убѣжища для рабочихъ женщинъ, расположеннаго почти-что подъ сѣнью старинной церкви св. Лаврентія.

Леди Дженъ видѣла много ректоровъ и викаріевъ, смѣнявшихъ другъ друга. Она видѣла добрыхъ и вѣрныхъ пастырей; видѣла и такихъ, которые совсѣмъ не умѣли взяться за пастырскій посохъ, и сразу узнала достойнаго человѣка въ новомъ пасторѣ. Она съ сочувствіемъ отнеслась ко всѣмъ задуманнымъ имъ улучшениямъ и протянула дружескую руку его нареченной невѣстѣ, между тѣмъ какъ викарій съ своей стороны съ жаромъ раздѣлялъ всѣ увлеченія леди Бленгеймъ и охотно примѣнялъ свой музыкальный талантъ на вечерахъ, которые леди Бленгеймъ устраивала въ клубѣ.

Имѣть во главѣ прихода человѣка умнаго и съ красивымъ баритономъ, и вдобавокъ съ большимъ репертуаромъ арій изъ ораторій и оперъ—на такое счастье она никогда и не рассчиты-

---

*) См. выше: августъ, стр. 677.

важ, а потому новый викарій могъ неограниченно пользоваться ея дружескими совѣтами. Она была привычнымъ посѣтителемъ самыхъ отчаянныхъ трущобъ и подваловъ, и самыхъ жалкихъ чермаковъ въ окологдѣ, и могла многое сообщить ему о нуждающихся жителяхъ его прихода.

Чтобы сдѣлать удовольствіе сестрѣ и ея жениху, Джерардъ изыскивалъ участіе къ клубу лэди Дженъ и отказался даже отъ приглашенія въ одинъ изъ самыхъ знатныхъ домовъ Лондона, гдѣ гостепримство возведено было на степень тонкаго искусства, и гдѣ министръ—такая же обычная вещь за обѣдомъ, какъ земляника въ іюль,—чтобы пообѣдать отварной рыбой и жареной бараниной въ столовой Джэва Кумберленда вчетверомъ съ нимъ, съ сестрой и лэди Дженъ.

Мать его уѣхала обратно въ Девонширъ, наглядѣвшись до сета на все, что только стоило видѣть въ Лондонѣ, и обремененная подарками сына миллионера, всѣми дорогими бездѣлушками и новѣйшими изобрѣтеніями для комфорта или украсенія гостиной и будуаровъ, еще невиданными и неслыханными въ магазинахъ Эссетера.

Онъ безъ огорченія отказался отъ обѣда въ герцогскомъ домѣ, хотя списокъ гостей сіялъ именами высочества. Еще прежде чѣмъ разбогатѣть, Гиллерсонъ хорошо былъ знакомъ со всѣмъ, что Лондонъ можетъ дать по части удовольствій и развлеченій.

Теперь онъ стоялъ на высшей ступенькѣ той лѣстницы, которая ведетъ къ трону, но дворецъ былъ все тотъ же дворецъ, освѣщеніе, музыка, цѣбты, красивыя женщины были все тѣ же, на которыхъ онъ глядѣлъ много сезоновъ подъ рядъ, когда былъ еще ничѣмъ.

Ему бы хотѣлось увидѣть новый свѣтъ, хотѣлось бы, чтобы двери раскрылись передъ нимъ въ такую страну, гдѣ бы все для него было незнакомо. Будь онъ способенъ пройти безъ усталости болѣе шести миль, онъ бы отправился въ центральную Африку. Онъ серьезно подумывалъ о путешествіи въ Японію, на островъ Цейлонъ или даже въ Бирманію... но въ то время, какъ душа его вдыхала по невиданнымъ странамъ, тѣло льнуло къ Майферу и цивилизаціи... къ великой столицѣ, гдѣ для человѣка, нѣющаго претензію на „франтовство“, существуетъ только одинъ шляпный фабрикантъ, одинъ сапожникъ, одинъ портной, одинъ экипажный мастеръ, только одинъ сортъ почтовой бумаги, одинъ клубъ и одни духи; такъ какъ, мимоходомъ будь сказано, хотя бы настоящій франтъ былъ членомъ двадцати клубовъ, но въ дѣйствительности существуетъ только одинъ, который онъ считаетъ до-

стойнымъ себя, тотъ самый, гдѣ набросали черныхъ шаровъ большинству его короткихъ пріятелей.

Простой обѣдъ въ Сого, поданный чисто одѣтой служанкой, въ темной пріемной, отдѣланной дубовыми панелями, бесѣда съ лэди Дженъ объ образѣ жизни и трудѣ дѣвушекъ, которыя приготавливали варенье, и тѣхъ, которыя изготовляли прикладъ для портныхъ, — это почти равнялось посѣщенію неизвѣстной страны. Все здѣсь было ново для человѣка, который съ того самаго момента, какъ покинулъ университетскую скамью, жилъ исключительно среди людей свѣтскихъ или претендовавшихъ на свѣтскость.

Исторіи, услышанныя имъ сегодня вечеромъ про горе и грѣхъ, про зло и добро, про грубыя преступленія, геройскія усилія, нѣжное самопожертвованіе въ мѣрѣ, гдѣ царилъ убійственная нищета, тронули и заинтересовали его сильнѣе, чѣмъ онъ могъ этого ожидать.

Для Джерарда, привыкшаго къ міру, гдѣ царитъ обиліе и роскошь, всѣ эти рассказы объ ужасной нищетѣ, о страданіяхъ, которыя могла бы устранить пятифунтовая бумажка, о рововыхъ болѣзняхъ, которыя могли бы быть предотвращены небольшимъ довольствомъ и комфортомъ, казались ужасными вдвойнѣ, — ужасными какъ упрекъ для каждаго богатаго человѣка въ Лондонѣ.

И однако, пытаться измѣнить всѣ эти вещи, говорилъ онъ себѣ, все равно, что пытаться остановить прибой св. Лаврентія надъ Ніагарскимъ водопадомъ. Еслибы онъ все свое состояніе бросилъ въ эту бездну нищеты, въ результатѣ оказалось бы однимъ милліонеромъ меньше, а на толпѣ немущихъ его жертва отразилась бы совсѣмъ нечувствительно.

Но онъ рѣшилъ, сидя въ этой мрачной пріемной комнатѣ, гдѣ солнечный закатъ яснаго майскаго вечера сверкалъ на полированномъ дубѣ панелей, точно на глубокихъ водахъ, — онъ рѣшилъ, что всѣ эти повѣсти про тяжкія, труженическія жизни онъ выслушаетъ не даромъ... онъ совершитъ нѣчто великое — когда рѣшитъ, что именно всего нужнѣе — чтобы ослабить мѣру вѣчной нужды. Будетъ ли то пріютъ или госпиталь, клубъ или богадельня, исправительный или сиротскій домъ, но онъ долженъ что-нибудь создать; что-нибудь для успокоенія своей совѣсти и въ угоду материнской набожности.

Обѣдъ кончился къ восьми часамъ и маленькая компанія пѣшкомъ направилась изъ приходскаго дома въ одну залу по сосѣдству, нанятую для митинга хоровъ, образованныхъ различными женскими клубами въ Лондонѣ. Концертъ и конкурсъ уже нача-

лись, когда викарій съ своимъ обществомъ вошелъ въ освѣщенный залъ, биткомъ набитый народомъ. Но для м-ра Бумберлэнда и его друзей приготовлены были мѣста по срединѣ зала напротивъ сцены.

Хоры выстроились полукругомъ, какъ зрители въ греческомъ театрѣ. Было всего восемь хоровъ, насчитывавшихъ въ общей сложности слишвомъ двѣсти дѣвушекъ, и хористки каждаго отличались особаго цвѣта шарфомъ, спускавшимся отъ плеча къ талии. Эти яркіе шарфы на темныхъ платьяхъ придавали видъ однороднаго всему костюму. Глазъ едва различалъ темнобурые или выгорѣвшія черныя, полинялыя, темнооливковыя или сѣрыя поношенныя платья изъ дешевой матеріи. Веселыя лица, тщательно причесанные волосы различнаго цвѣта, начиная иссиня-черными и продолжая всѣми оттѣнками русыхъ, золотисто-каштановыхъ, рыжихъ и бѣлокурыхъ какъ ленъ, голубые и желтые, зеленые и розовые и фіолетовые шарфы сообщали группамъ хористокъ оживленіе и живописность.

При такой обстановкѣ и благодаря улыбающимся и веселымъ лицамъ казалось, что Лондонъ кипитъ красавицами, которыя наполняютъ собой женскіе клубы. Общій эффектъ былъ отличный. И когда всѣ эти голоса стройно грянули и соединились въ Мендельсоновскомъ „Привѣтствіи“, Джерардъ почувствовалъ внезапный приливъ симпатіи, отъ которой наворачиваются непрошенные слезы на глаза.

Послѣ пѣнія соединенными силами всѣхъ хоровъ, они раздѣлились и каждый пропѣлъ особую пѣсню. Одинъ изъ этихъ хоровъ, образовавшійся изъ членовъ клуба въ Челси, именовавшій себя честолюбивымъ названіемъ хора св. Цециліи, показался Джерарду лучше всѣхъ другихъ. Онъ пропѣлъ пѣсню „Wandeger“ Шуберта, съ англійскими словами, и Джерардъ нашелъ, что многіе голоса въ этомъ хорѣ были прекрасны и показали ему душшевные иныхъ прославленныхъ сопрано изъ Италіи, Америки и Австраліи.

Мечтательно глядя на толпу лицъ, возвышавшихся предъ нимъ полукругомъ, Гиллерсдонъ внезапно замѣтилъ одно нѣжное и задушевное личико, болѣе блѣдное, чѣмъ всѣ остальные, хотя блѣдность вообще отличительная черта въ лицахъ лондонскихъ рабочихъ дѣвушекъ. Это лицо, разъ приковавъ къ себѣ его вниманіе, видѣлось особенно рельефно и неотразимо изъ толпы другихъ. То было лицо, преслѣдовавшее его со времени странной ночи, проведенной имъ на квартирѣ Юстина Джермина, лицо дѣвушки за швейной машиной.

Когда пѣвнѣ окончилось, онъ спросилъ лэди Дженъ, сидѣвшую рядомъ съ нимъ:

— Въ хорѣ Чельси я замѣтилъ дѣвушку съ очень милостивымъ, но очень печальнымъ личикомъ; вы не знаете, кто она?

— Я думаю, что знаю, о комъ вы говорите. Можете вы указать мнѣ ее?

Онъ сосчиталъ число рядовъ и головъ и указалъ мѣсто, гдѣ стояла дѣвушка, лицо которой обратило на себя его вниманіе.

— Расскажите мнѣ о ней все, что вамъ извѣстно, — просилъ онъ.

— Мнѣ извѣстно очень немного. Она не моего прихода и не моего клуба. Кажется, она очень хорошая дѣвушка. Она живетъ съ отцомъ.

— Какой былъ когда-то джентльменомъ и ученымъ, а теперь сталъ пьяницей, — перебилъ Джерардъ.

— Вы, значитъ, ее знаете? — воскликнула лэди Дженъ.

— Это ея исторія?

— Кажется, что да. Она разъ была на вечерѣ въ нашемъ клубѣ и я съ ней разговаривала; но она очень сдержанна и я отъ другихъ дѣвушекъ узнала часть ея исторіи. Отецъ ея былъ клерджименомъ, но погубилъ себя поворной привычкой къ нетрезвой жизни. Дѣвушка, рассказывавшая мнѣ это, слышала о томъ отъ него, а не отъ дочери. Эстеръ — славная дѣвушка: она мужественно переноситъ бремя отцовскихъ прошлыхъ глупостей и работаетъ изо всѣхъ силъ, чтобы доставить ему безбѣдное существованіе. Она очень искусно вышиваетъ по сукну. Вы, можетъ быть, замѣтили вышитыя платья и кофточки, вошедшія въ моду въ послѣдніе годы. Эстеръ Дель приточивляетъ ихъ для фешенебельныхъ портныхъ.

— Что это ручная или машинная работа?

— Бѣлая часть дѣлается на машинѣ. Эстеръ очень искусна — она одинаково хорошо дѣлаетъ ручную и машинную работу — но жизнь ея тяжкая, какъ бы то ни было. Я бы желала нѣсколько скрасить ей жизнь. Мы могли бы брать ее гулять за городъ, еслибы только она забыла, что она дочь джентльмена, и согласилась стать на равную ногу съ вашими дѣвушками. Она нашла бы во многихъ изъ нихъ природное благородство чувствъ, несмотря на простоту происхожденія и воспитанія. Но она ни въ чемъ не хочетъ участвовать, кромѣ пѣвческихъ классовъ. Музыка — ея единственное удовольствіе.

— Но вѣдь Лондонъ — страшное мѣсто для такой милостив-

ной дѣвушки, живущей въ бѣдности. Тутъ соблазны на каждомъ шагу!

— О, Эстеръ не такого сорта дѣвушка, — отвѣчала лэди Дженъ востыпно: — она слишкомъ чиста, чтобы подпасть дурному вліянію.

Джерардъ почти не слушалъ остальной части концерта. Онъ былъ погруженъ въ раздумье о чужой жизни, которая въ сущности его не касалась. Что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ? Однако, въ своемъ желаніи узнать побольше объ Эстеръ Давенпортъ, онъ востыпно простился съ лэди Дженъ и, посадивъ сестру въ экипажъ, просилъ ее ѣхать домой безъ него.

— Мнѣ хочется побродить при лунномъ свѣтѣ. Не дожидайся меня. Я найду въ клубъ на полчаса.

Было еще не поздно, всего около десяти часовъ, и молодой майскій мѣсяцъ сверкалъ надъ трубами Сога; ночь была самая соблазнительная для прогулки и Джерардъ любилъ гулять по ночамъ, а потому Лиліана и не удивилась тому, что ее отсылаютъ домой одну.

Джерардъ слѣдилъ за каретой, пока она не исчезла за угломъ, а затѣмъ сталъ сторожить входную дверь въ залу, пока вся публика не разошлась и не растаяла въ громадномъ пространствѣ Лондона. Послѣ того онъ принялся наблюдать за дѣвушками различныхъ хоровъ, расхажившимися изъ залы, весело и оживленно болтая. Среди такого значительнаго числа дѣвушекъ, одѣтыхъ одинаково, нелегко было отличить которую-нибудь въ частности, но глаза у него были зоркіе и онъ выслѣдилъ ту, которую искалъ, и пошелъ за ней слѣдомъ, когда она, отдѣлившись отъ остальныхъ, направилась домой.

Она шла рѣшительной походкой женщины, привыкшей находить дорогу въ лабиринтѣ улицъ большого города, не глядя на людей, проходившихъ мимо нея, не замѣчая, глядитъ ли кто на нее, занятая своимъ дѣломъ, сдержанная и самоувѣренная.

Джерардъ Гиллерсонъ шелъ по другой сторонѣ улицы, выжидая болѣе тихаго мѣстечка, чтобы подойти къ ней. Такимъ образомъ они дошли до Сентъ-Джемсъ-парка и тамъ, подъ покровомъ весенней листвы около террасы Карльтонъ-гауза, онъ подошелъ къ ней.

— Здравствуйте, миссъ Давенпортъ. Я надѣюсь, что вы не забыли меня?... Я — Джерардъ Гиллерсонъ, сынъ ректора Гельсли.

Онъ стоялъ съ обнаженной головой при слабомъ вечернемъ освѣщеніи и протягивалъ ей руку; но она не взяла протянутой руки и очевидно желала уйти отъ него безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Нѣтъ, я не забыла... но я спѣшу домой къ отцу. Прощайте, м-ръ Гиллерсдонъ.

Но онъ не хотѣлъ отпустить ее.

— Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ... всего лишь нѣсколько минутъ,—просилъ онъ.—Я не задержу васъ. Позвольте мнѣ идти рядомъ. Моя сестра, ваша старинная пріятельница Лиліана, живетъ со мной въ Лондонѣ. Она съ радостью пріѣдетъ къ вамъ, если вы только позволите.

— Она всегда была добра... но это невозможно. Мой отецъ и я вышли изъ того общества, къ какому принадлежитъ ваша сестра. Мы живемъ очень скромно, но не несчастливо... по крайней мѣрѣ у меня только одна забота, и съ нею мнѣ было бы хуже, еслибы мы жили во дворцѣ.

— Неужели вы думаете, что сестра меньше цѣнитъ или любитъ васъ оттого, что вы работаете, чтобы содержать отца? О, миссъ Давенпортъ, какъ можете вы такъ низко думать о бывшей подругѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я увѣрена, что она такъ же добра, какъ и всегда... но мнѣ лучше не видѣться съ нею. Это мнѣ напомнитъ прошлое горе. Я пытаюсь стереть изъ памяти всю прошлую жизнь... и жить только настоящимъ. Я справляюсь съ этимъ... какъ могу,—прибавила она съ грустной улыбкой.—Не мѣшайте мнѣ. Прощайте.

Она остановилась и на этотъ разъ сама первая дружески протянула ему руку на прощанье.

Онъ взялъ бѣдную ручку, маленькую, изящной формы, въ плохенькой перчаткѣ... сѣрой бумажной перчаткѣ, чисто вымытой и аккуратно заштопанной. Онъ взялъ ручку и задержалъ ее мягко въ овоихъ, нисколько не думая уходить.

— Позвольте мнѣ проводить васъ домой! — просилъ онъ. — Мнѣ столько надо вамъ сказать.

— Право, лучше не надо. Я привыкла быть одна.

— Ну, хоть часть дороги... всего лишь нѣсколько шаговъ? Я хочу сообщить вамъ о всѣхъ тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли въ Гельмсли, съ тѣхъ поръ какъ вы его оставили.

— Онѣ меня не касаются. Повторяю, что я порвала съ этою жизнью. Она меня больше не интересуеть.

— Даже судьба моей сестры? А вѣдь она была съ вами дружна.

— Да, была, и очень мнѣ дорога, но все это было и прошло. Я ничего не хочу знать про нее, кромѣ того, что она здорова и счастлива.

— Она и здорова, и счастлива, чѣмъ когда вы ее знали.

Она въ томъ экзальтированномъ состояніи, которое всегда, кажется, овладѣваетъ дѣвушками, когда онѣ невѣсты... довольно курьезное обстоятельство, такъ какъ онѣ могли бы судить о радостяхъ семейной жизни по своимъ родителямъ.

— Она невѣста?—спросила Эстеръ, сразу забывая о своемъ намѣреніи ничѣмъ не интересоваться.—Что, я знаю ея fiancé? онъ изъ Гельмсли?

— Нѣтъ; онъ пріѣхалъ въ Гельмсли уже послѣ вашего отъѣзда. Онъ замѣнилъ вашего отца въ должности викарія. Но онъ теперь въ Лондонѣ. Онъ викаріемъ въ церкви св. Лаврентія. Вы, можетъ быть, видѣли его въ клубѣ лэди Дженъ?

— Нѣтъ; я рѣдко бываю въ клубѣ. Я провожу большую часть свободнаго времени съ отцомъ.

— М-ръ Давенпортъ здоровъ, надѣюсь?—спросилъ Джерардъ, затрудняясь, какъ бы спросить объ отцѣ, не огорчивъ ее.

— Да, благодарю васъ. Онъ здоровъ... но только... отъ васъ скрывать это бесполезно... онъ все еще не отсталъ отъ прежней привычки. Съ нимъ не часто это бываетъ, но опасаться приходится постоянно.

— Онъ еще не отсталъ отъ вина? онъ все еще подпадаетъ его власти?

— По временамъ. Онъ очень добръ. Онъ сильно борется съ страшнымъ соблазномъ; но временами соблазнъ осиливаетъ его. Онъ очень боролся, пока мы были въ Австраліи... старался вернуть себѣ самоуваженіе и внушить уваженіе другимъ людямъ. Ему удалось получить очень выгодное мѣсто клерка. Мы жили хорошо; но бѣда настигла насъ. Его сбили съ толку добрые, но безразсудные пріятели; они смѣялись надъ моими опасеніями, и въ концѣ концовъ... онъ дошелъ до бѣлой горячки. Его уволили отъ должности; занимая ее, онъ былъ джентльменомъ и человекомъ съ вѣсомъ, съ хорошимъ жалованьемъ; теперь онъ радъ былъ принять мѣсто гораздо хуже, и все ниже и ниже опускался по общественной лѣстницѣ въ городѣ Мельбурнѣ. Друзья перестали имъ интересоваться. Они объявили его неисправимымъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось взять на себя заботу о пропитаніи. Мнѣ удавалось заработать немного денегъ, давая уроки въ депо швейныхъ машинъ... гдѣ я сама научилась многимъ усовершенствованіямъ по части машиннаго дѣла,—усовершенствованіямъ, которыя еще мало извѣстны въ Англіи... и накопила достаточно денегъ для обратнаго переѣзда на родину. Я привезла отца въ Лондонъ въ жалкомъ видѣ, разбитаго, безнадежнаго, большого духомъ и тѣломъ, и мы нашли квартиру въ Чельси... очень де-

шевую и очень скромную, но чистую и здоровую. Дальній родственникъ отца платитъ за квартиру. Мы съ тѣхъ поръ тамъ и живемъ. Сначала я думала, что могу найти уроки музыки или пѣнія и что нѣмецкій языкъ будетъ мнѣ также въ этомъ отношеніи полезенъ; но вскорѣ я убѣдилась, что это немыслимо, въ особенности когда живешь въ такомъ бѣдномъ кварталѣ и ходишь въ поношенныхъ платьяхъ. А потому я была очень счастлива, когда нашла портного въ Найтбриджѣ, которому понадобилась искусная мастерица; мое знакомство съ послѣдними усовершенствованными машинами выручило меня и я получила работу, которую съ тѣхъ поръ и живу.

— Тяжкая и трудная ваша жизнь, боюсь, — сказалъ Джерардъ.

— О, мы не нуждаемся. Мы даже хорошо живемъ съ отцомъ и онъ такъ меня любитъ и такъ добръ со мной, что я должна быть благодарна и счастлива.

— И вы не ищете никакихъ развлеченій, никакого разнообразія въ жизни? Вы все время работаете?

— Я участвую въ хорѣ и этого довольно. Я не люблю оставлять отца подолгу.

— А онъ ничего не дѣлаетъ?

— Онъ читаетъ газеты въ даровой читальнѣ, а въ хорошую погоду работаетъ въ саду.

— Но чтобы помочь вамъ... онъ ничего не предпринимаетъ?

— Нѣтъ; онъ больше этого не долженъ дѣлать. Еслибы онъ зарабатывалъ деньги, то было бы хуже; онъ могъ бы впасть опять въ бѣду. А теперь, когда у него, бѣднаго, пусто въ карманахъ, ему не на что купить яду, доводящаго его до умапомраченія. Водка и хлоралъ дороги, къ счастью для него и для меня.

— Позвольте Лиліанѣ помочь вамъ. Мы теперь богаты, нелѣпо богаты. Мы считаемъ, что богатство довѣрено намъ съ тѣмъ, чтобы помогать всѣмъ нуждающимся. Позвольте сестрѣ чѣмъ-нибудь облегчить вашу жизнь. Она положить извѣстную сумму денегъ на ваше имя въ найтбриджскій банкъ и вы будете брать оттуда деньги, когда вамъ будетъ нужно. Она завтра же сдѣлаетъ это. Считайте, что деньги—все равно, что у васъ въ карманѣ.

— И думать объ этомъ не смѣйте, м-ръ Гиллерсонъ! — съ негодованіемъ отвѣчала она. — Я не возьму сикспенса изъ этихъ денегъ. Неужели вы воображаете, что я соглашусь принять отъ кого-либо милостыню, пока я молода и здорова и могу работать? Удивляюсь, что вы такого низкаго обо мнѣ мнѣнія.

— А я удивляюсь, какъ можете вы быть такъ жестоки, чтобы отказываться отъ дружбы... потому что, отказываясь отъ помощи, вы отказываетесь отъ дружбы. Это—чистое упрямство съ вашей стороны не хотѣть раздѣлить счастье Лиліаны. Повторяю вамъ, что мы нелѣпо богаты.

— Еслибы вы были вдвое богаче богатѣйшаго изъ Ротшильдовъ, то я не пожертвовала бы своей независимостью. Будь я безъ гроша, а отецъ боленъ, тогда другое дѣло. Я бы попросила вашу сестру помочь мнѣ.

— А я ничѣмъ не могу помочь вашей тяжелой долѣ, облегчить ваше бремя?

— Моя жизнь вовсе не тяжелая. Это жизнь тысячи дѣвушекъ въ этомъ городѣ... и онѣ довольны своей судьбой, веселы и счастливы. Я счастливѣе многихъ изъ нихъ, потому что мой трудъ лучше оплачивается.

— Но вы не рождены для такой доли.

— Можетъ быть, нѣтъ, но что-жъ изъ этого? Я прожила этой жизнью уже такъ долго, что успѣла къ ней привыкнуть.

Тѣмъ временемъ они дошли до Итонъ-сквера, длиннаго и скучнаго, съ его высокой некрасивой, хотя и модной церковью. На полпути отъ церкви и западнаго конца сквера Эстеръ внезапно остановилась.

— Прошу васъ оставить меня здѣсь, — сказала она, и ея блѣдное лицо, озаренное свѣтомъ уличнаго фонаря, выражало такую рѣшимость, что онъ долженъ былъ повиноваться.

— Прощайте, когда такъ! — уныло сказалъ онъ. — Но скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ вы живете?

— Нѣтъ, это лишнее. Папа и я желаемъ, чтобы насъ забыли.

Она торопливо ушла отъ него, а онъ остался посреди сквера, раздумывая о томъ, какая странная вещь жизнь.

Пойти ли за ней и узнать, гдѣ она живетъ? Нѣтъ, это будетъ низкимъ поступкомъ и къ тому же онъ можетъ узнать ея адресъ, не унижая себя и не рискуя потерять ея уваженіе. Онъ могъ узнать, гдѣ она живетъ, въ клубѣ, гдѣ она была хористой. Она воображала, что скрыла себя, принявъ чужое имя, но онъ узналъ послѣднее отъ лэди Дженъ, и открытъ, гдѣ живетъ Эстеръ Дель, было очень нетрудно.

Онъ вернулся домой меланхолическій, но возбужденный. Онъ радъ былъ, что нашелъ ее. Ему казалось, что въ эту ночь для него началась новая жизнь.

Онъ не пошелъ ни въ одинъ изъ тѣхъ вертеповъ, куда забиралась молодежь послѣ полуночи. Танцы его не соблазняли,

музыка и карточная игра—тоже. Онъ не былъ въ томъ настроеніи, какого требуютъ эти пошлыя развлечения. Онъ чувствовалъ себя какъ Эндиміонъ послѣ таинственнаго посѣщенія пещеры; онъ точно побывалъ въ другомъ мірѣ и, вернувшись въ старый міръ, находилъ его скучнымъ.

Все было тихо въ домѣ, когда онъ вернулся въ себѣ. Его любимая лампа стояла зажженная на письменномъ столѣ въ кабинетѣ, существованіе котораго обуславливалось скорѣе вкусомъ Юстина Джермина, нежели его собственнымъ; и однако вся обстановка вполне соответствовала его вкусу.

Лакей, дожидавшійся его, выслушалъ приказанія и удалился; и въ то время, какъ шаги его медленно замирали въ корридорѣ, Джерардъ Гиллердонъ почувствовалъ, что его нестерпимо давить одиночество.

На столѣ лежала куча писемъ; приглашенія, рекомендательныя, просительныя, рекламы и пр. Онъ только взглянулъ на нихъ и бросилъ въ корзину, которую каждое утро разбиралъ его секретарь. Секретарь отвѣчалъ на приглашенія; у него имѣлся цѣлый запасъ гравированныхъ карточекъ на всевозможные случаи: въ однихъ изъяснялось благодарное согласіе, другія высказывали съ подобающимъ сожалѣніемъ отказъ, и все въ этомъ родѣ. Главная вещь, какую доставили деньги Джерарду Гиллердону—это свобода отъ всякаго труда, который всецѣло ложился на чужія плечи.

Богатство можетъ это доставить. Если имъ не всегда купишь счастье, зато вообще можно купить досугъ. Милліонеръ очень бываетъ недоволенъ тѣмъ, что долженъ самъ терпѣть свою подагру и не можетъ нанять человѣка, который бы рано вставалъ поутру за него.

Въ числѣ писемъ, дожидавшихся его, было одно интересное: отъ Эдиты Чампіонъ. Она питала чисто женскую страсть писать пространныя письма любимому человѣку, хотя послѣдній взялъ привычку отвѣчать очень кратко, точно телеграммами.

— Я больше люблю говорить, нежели писать,—оправдывался онъ, когда она дружески упрекала его:—и намъ ничто не мѣшаетъ видѣться.

— Нѣтъ, мѣшаетъ. Я по цѣлымъ днямъ не вижу васъ, когда ѣзжу въ Финчли.

— Правда. Но зато мы радостнѣе встрѣчаемся на другой день. Къ чему ослаблять впечатлѣніе встрѣчи письмами? Я тѣмъ не менѣе люблю получать ваши письма, — ласково прибавилъ онъ.— Ваше перо такое краснорѣчивое.

— Я гораздо больше смѣю высказать перомъ, нежели словами, — отвѣчала она.

Сегодняшнее письмо ея было въ болѣе серьезномъ тонѣ.

„Я провела весь день въ Финчли—очень томительный день. Я думаю, что конецъ близокъ... по крайней мѣрѣ, доктора сказали мнѣ, что ему не долго жить. Я не могу сказать, чтобы боялась его смерти, такъ какъ съ нею начнется для меня новая жизнь и исполнятся завѣтныя мечты моего дѣвчества, и однако умъ мой полонъ тревоги, когда я думаю о немъ и о насъ, и о томъ, какова была моя жизнь въ послѣдніе три года. Я не думаю, чтобы не исполнила какой-либо обязанности относительно его. Я знаю, что никогда не досаждала ему, повиновалась его желаніямъ въ нашемъ образѣ жизни и никогда не жаловалась на общество скучныхъ людей, которыхъ онъ приглашалъ къ намъ въ гости. Еслибы онъ потребовалъ, чтобы я прервала съ вами знакомство, я бы исполнила его желаніе. Я всегда его слушалась. Но онъ любилъ ваше общество и не чувствовалъ къ вамъ ни капли ревности, хотя зналъ, что вы для меня дороже простого знакомаго. Я исполнила свой долгъ, Джерардъ, и однако чувствую себя униженной этими тремя годами замужней жизни. Я была продана, точно невольница на рынкѣ, и хотя теперь такія сдѣлки—обычное дѣло и всѣ ихъ одобряютъ, но женщина, согласившаяся на такую сдѣлку, не можетъ гордиться собой. Это испытаніе близится къ концу и вы должны, Джерардъ, помочь мнѣ забыть его. Вы должны вернуть мнѣ дѣвчество. Вы это можете и только вы... Никто другой этого не можетъ, никто... никто“...

Онъ сидѣлъ задумавшись надъ раскрытымъ письмомъ. Да, онъ былъ связанъ, какъ только могъ быть связанъ честный человѣкъ. Совѣсть, чувство, долгъ—все обязывало его. Этой женщиной онъ отдалъ свое сердце четыре года тому назадъ, въ свѣтлое утро молодой жизни... въ ту чудную пору, когда всѣ радости и надежды и мечты свѣжи и живы, и когда рѣзвыя ноги носить человѣка такъ, какъ еслибы онъ были крылатыя, какъ у Меркурія! Что за счастливый годъ прожилъ онъ тогда! Какая это была ясная и веселая любовь! Хотя теперь, оглядываясь назадъ, онъ и считалъ свою любовь обыденной и условной, но онъ помнилъ, какъ свѣтелъ былъ тогда міръ, какъ беззаботно его сердце и какъ легко жилось на свѣтѣ, пока онъ не научился размышлять. Да! то были счастливые, безпечные дни, когда онъ жилъ настоящимъ. Надо и теперь попытаться такъ жить... безъ

мысли, безъ заботы... какъ бабочка, не загадывая о будущемъ, не оглядываясь на прошлое.

Онъ не забылъ начальной главы „Шагреновой Кожи“, лавку *bris-à-bras* столѣтняго торговца, челоуѣка съ лицомъ какъ адамова голова, скучнаго стойка, просуществовавшаго сто лѣтъ, но не жившаго. Передъ нимъ на столѣ лежало это сочиненіе, *édition de luxe*, богато иллюстрированное.

Исторія эта имѣла для него непостижимое обаяніе и онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что чахоточный Валентинъ — его прототипъ. Подъ вліяніемъ этой мрачной и неотвязной мысли онъ прибилъ большой листъ рисовальной бумаги къ стѣнѣ, напротивъ письменнаго стола. У него не было волшебной кожи, которая бы показывала сокращеніе его жизни; но онъ самъ придумалъ средство для испытанія своихъ жизненныхъ силъ и энергіи. На громадномъ листѣ бумаги онъ провелъ смѣлымъ и быстрымъ перомъ неправильныя очертанія воображаемой шагреновой кожи и отъ времени до времени проводилъ другія черты внутри, непремѣнно держась формы первоначальной линіи. Въ твердости и вѣрности руки онъ видѣлъ доказательство вѣрности нервовъ, силы мускуловъ и здоровья. Изъ пяти линій, проведенныхъ на бумагѣ, послѣдняя была слабѣе и неровнѣе остальныхъ, замѣчалось постепенное ослабленіе между первой и послѣдней чертой.

Сегодня вечеромъ, послѣ долгаго и грустнаго раздумья, онъ внезапно всталъ, опустилъ широкое перо въ обширную чернильницу и медленной, невѣрной рукой провелъ шестую линію... провелъ ее такою дрожащей рукой, что эта шестая линія значительно отличалась отъ пятой, гораздо значительнѣе, чѣмъ эта послѣдняя отъ первой.

И однако между первой и пятой линіей промежутковъ былъ слишкомъ шестимѣсячный, а между пятой и шестой протекло всего лишь три дня.

Но элементъ страсти, съ ея лихорадвой надежды и ожиданія, вступилъ въ его жизнь.

ХІІІ.

Джерардъ Гиллерсонъ и м-съ Чампюанъ рѣдко видѣлись въ теченіе мая мѣсяца. Люди, приговоренные къ смерти, часто живутъ наперекоръ предсказаніямъ своихъ врачей, и знаменитый докторъ изъ Кавендишъ-сквера продолжалъ являться аккуратно два раза въ недѣлю во все продолженіе яснаго, солнеч-

наго мѣсяца, по свѣтскому календарю посвященнаго общественнымъ удовольствіямъ,—на аренѣ которыхъ красивое лицо и фигура м-съ Чемпионъ отсутствовали.

Другія фигуры отличались такимъ же совершенствомъ; другія лица сіяли красотой и только разъ одна изъ этихъ бабочекъ замѣтила отсутствіе царицы бабочекъ и подарила ее напутственнымъ словомъ:—Бѣдная м-съ Чемпионъ! сидитъ взаперти съ большимъ мужемъ въ такую чудную погоду!

Эдита Чемпионъ съ неустанной преданностью ходила за угасющимъ супругомъ. Въ ней крѣпко сидѣло чувство чести, а совесть была щекотливѣе, чѣмъ это можно было бы подуматъ со стороны. Она хотѣла исполнить свой долгъ относительно мужа такъ, чтобы впослѣдствіи воспоминаніе о немъ не могло отравлять ея жизнь.

Съ этимъ похвальнымъ желаніемъ она проводила большую часть времени въ Финчли, гдѣ наняла виллу около дома доктора, такъ чтобы его можно было всегда призвать днемъ и ночью, въ случаѣ еслибы понадобилось.

Она оставила всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, за исключеніемъ Джерарда Гиллерсдона, но даже и съ нимъ видѣлась только два или три раза въ недѣлю, пріѣзжая въ Лондонъ пить чай въ прохладной гостиной Гертфордъ-стрита, причѣмъ нервы ея были постоянно въ напряженномъ состояніи отъ ожиданія телеграммы, призывающей ее обратно домой.

— Конецъ можетъ наступить каждую минуту, — говорила она.—Было бы ужасно, еслибы я была какъ разъ въ отсутствіи.

— Развѣ вы думаете, что онъ это замѣтилъ бы?

— Да, я думаю. Онъ рѣдко называетъ меня по имени, но я думаю, что узнаетъ. Онъ принимаетъ изъ моихъ рукъ лекарство и пищу, которыхъ не беретъ изъ рукъ сидѣлокъ. Онъ говоритъ мнѣ, что онъ гораздо спокойнѣе, когда меня нѣтъ. Я мало могу ему помочь, но если онъ немного спокойнѣе при мнѣ, то я обязана оставаться у его постели. Я считаю дурнымъ, что я оставила его сегодня часа на два, но еслибы я не уѣзжала изъ этого ужаснаго дома по временамъ, то думаю, что съ ума бы сошла.

— Развѣ домъ такъ ужасенъ?

— Въ сущности, нѣтъ. Домъ очень хорошъ, прекрасно меблированъ и стоитъ посреди чуднаго, стариннаго сада. Но ужасны мысли, которыя онъ наводитъ, представленія, связанныя съ нимъ о тѣхъ несчастныхъ больныхъ и умирающихъ людяхъ, которые томилась въ немъ. Когда я думаю обо всемъ этомъ, безмолвіе,

царствующее въ домѣ, становится нестерпимо, а стукъ часовъ превращается въ медленную пытку. Вы со временемъ научите меня забыть всѣ эти ужасы, Джерардъ, не правда ли?

То былъ единственный намекъ, какой она себѣ позволила на ожидающее ихъ близкое будущее. Единственное блаженство, какое она ждала отъ него, было забвеніе.

— Вы не можете представить себѣ, какъ это лѣто тянется, — говорила она. — Я надѣюсь, что не нетерпѣлива, и не желала бы ускорить конецъ ни на одинъ день... но дни и часы страшно тихо проходятъ.

М-съ Чампюнъ могла позволить себѣ самое большее отдохнуть съ часовъ въ прохладной, душистой комнатѣ, tête-à-tête съ своей первой любовью, окруженная всѣми привычными удобствами, за чайнымъ столомъ, гдѣ сервированы были сэндвичи изъ foie-gras и оранжерейные плоды, и достаточно было чуть притронуться къ автоматическому японскому вѣеру, чтобы привести его въ движеніе, съ разбросанными вокругъ новыми журналами, книгами. Всего лишь часъ бесѣды съ любимымъ человекомъ, нерѣдко прерываемый несноснымъ гостемъ, который, увидя ея карету у дверей, во что бы то ни стало хотѣлъ ее видѣть.

Ей казалось теперь по временамъ, что Джерардъ нѣсколько разбѣявъ и натянутъ во время этихъ свиданій, но она приписывала его вялость печальнымъ вѣстямъ, какія она ему сообщала. Онъ заражался ея собственнымъ уныніемъ.

— Мы такъ сочувствуемъ другъ другу, — говорила она самой себѣ.

Разъ, въ концѣ іюня, разставшись съ нею, онъ не пошелъ въ паркъ, а направился въ Слоунъ-стритъ, а оттуда въ Чельси. Онъ часто въ послѣднее время заходилъ въ эту сторону.

Онъ безъ труда узналъ адресъ Эстеръ, такъ какъ на пути изъ клуба св. Цециліи наткнулся на старика Давенпорта, красноносаго, бѣдно одѣтаго, но въ чистомъ бѣльѣ, тщательно вычищенномъ платьѣ и съ нѣкоторымъ возрожденіемъ старинной оксфордской манеры держать себя.

Ни пьянство, ни неудачи не омрачили памяти старика. Онъ сразу узналъ Гиллерсона и любезно отвѣтилъ на его поклонъ.

— Большія переменны произошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись въ Девонширѣ, м-ръ Гиллерсонъ, — сказалъ онъ. — Я спустился внизъ по лѣстницѣ фортуны, а вы поднялись вверхъ. Поздравляю васъ съ удачей... которую вы вполне заслужили. Вы поступили какъ герой, мой дорогой, юный другъ, и такой посту-

покъ заслуживалъ достойной награды. Я прочиталъ вашу исторію въ газетахъ.

— Конечно, въ очень преувеличенномъ видѣ. Я пройду съ вами, если позволите, м-ръ Давенпортъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, какъ судьба поступила съ вами.

— Не лучше, чѣмъ съ бездомнымъ бродягой, сэръ; но, быть можетъ, не хуже того, чѣмъ я заслуживалъ. Вы помните, что говорить Гамлетъ: „если поступать съ каждымъ человѣкомъ, какъ онъ того заслуживаетъ, то кто уйдетъ отъ поря?“ Мнѣ совѣстно, что вы ради меня идете не по своей дорогѣ, м-ръ Гиллерсдонъ.

— Я нигуда собственно не иду. Я просто брожу по улицамъ... безъ всякой опредѣленной цѣли.

Они подошли къ набережной Чельси, гдѣ старинные дома напоминаютъ о давно минувшемъ времени, между тѣмъ какъ Висячій мостъ и Батерси-паркъ говорятъ объ эпохѣ перемѣнъ и прогресса.

— Вамъ нравится Чельси по ассоціаціи идей? — спросилъ Давенпортъ.

— Да, очень. Я помню это мѣсто, когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, и вижу всюду улучшенія, но сожалею о старыхъ временахъ...

— А я помню еще дальше... въ тѣ дни мои родители жили въ Лоундесъ-скверѣ, а я пріѣзжалъ изъ школы на лѣтнія каникулы. Мой отецъ былъ королевскій совѣтникъ, человѣкъ, котораго пускали въ дѣло всякій разъ, какъ требовались умъ и красворѣчіе. Онъ получалъ хорошій доходъ, но проживалъ почти все безъ остатка. У него была большая семья и онъ очень былъ щедръ съ дѣтьми... а когда онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, то оставилъ вдову и сиротъ почти безъ средствъ къ жизни. Онъ ничего не отложилъ изъ большихъ заработковъ, какіе получалъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни. Онъ все собирался начать экономничать съ новымъ годомъ, но этотъ годъ никогда не наступалъ. Отъ продажи аренды дома и всей его обстановки выручился небольшой капиталъ, на которой пришлось жить матушкѣ съ тремя незамужними дочерьми. Мнѣ же съ братьями приходилось пробиваться въ жизни собственными силами.

— Но у васъ было образованіе?

— Да, греческій языкъ и латынь были моимъ единственнымъ капиталомъ. Одинъ пріятель отца доставилъ мнѣ небольшой приходъ года два спустя послѣ того, какъ я былъ посвященъ въ священники, а затѣмъ я женился и нашелъ частные уроки. Я женился жены, когда Гетти было всего лишь двѣнадцать лѣтъ, и

съ тѣхъ поръ дѣла мои пошли худо. Мой второй приходъ находился въ болотистой мѣстности; въ приходскомъ домѣ было сыро, слишкомъ много тѣни и никакого дренажа. Невралгія впиалась въ меня ногтями и зубами, и жизнь моя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ превратилась въ непрерывную борьбу съ болью. Какъ Павелъ, я боролся съ звѣрями, невидимыми для глазъ, но грызшими мое тѣло. Вотъ мое бѣдное жилище. Я и не замѣтилъ, какъ мы пришли.

Онъ машинально брелъ домой, между тѣмъ какъ Джерардъ шелъ рядомъ съ нимъ, озираясь кругомъ и замѣчая жалкія лачуги и запутанную сѣть улицъ и переулковъ. Ему казалось, что въ этомъ уныломъ лабиринтѣ онъ найдетъ свою Ариадну.

Домъ, передъ которымъ остановился м-ръ Давенпортъ, былъ не лучше другихъ, мимо которыхъ они проходили, но видны были старанія улучшить его видѣнность, и маленький палисадникъ, отдѣлявшій его отъ улицы, былъ усаженъ дешевыми цвѣтами.

Стекла въ окнахъ были вымыты чисто-на-чисто и ярко блестѣли, а на подоконникахъ красовались височія жардиньерки съ вьющимися растеніями, геранью, желтыми маргаритками и анютиными глазками.

— Какой хорошенькій садикъ!—вскричалъ Джерардъ.

— Да, въ немъ много цвѣтовъ для такого крошечнаго пространства. Гетти и я очень любимъ нашъ садикъ; это единственная вещь, которою мы можемъ гордиться въ нашей обстановкѣ.

Въ то время, какъ они стояли у калитки и Джерардъ мѣшкатель уходилъ, старикъ спросилъ:

— Не желаете ли войти и отдохнуть послѣ прогулки? Я могу предложить вамъ стаканъ лимонаду.

— Очень соблазнительное предложеніе въ такой жаркій день. Да, я съ удовольствіемъ посижу съ вами полчаса, если только вамъ не помѣшаю.

— Я буду очень радъ вашему обществу. Я пользуюсь одиночествомъ въ достаточной мѣрѣ, когда Гетти уходитъ въ Найтбриджъ. Она часто проходитъ мимо дома, въ которомъ дѣдъ ея принималъ и угощалъ выдающихся людей въ Лондонѣ... проходить съ узломъ въ рукахъ, какъ простая работница. Тяжелая доля, не правда ли?

Онъ растворилъ дверь и впустилъ посѣтителя въ корридоръ четырнадцати футовъ длины и трехъ футовъ ширины, который велъ въ пріемную комнату, небольшую, съ плохенькими шкафиками по обѣ стороны камина.

Джерардъ жадными глазами озиралъ комнату и ея обстановку.

Мебель была самая простая: круглый столъ, подюжины плетеныхъ стульевъ, диванъ, какіе можно увидѣть только въ меблированныхъ комнатахъ: но было нѣсколько предметовъ, придававшихъ комнатамъ нѣкоторую индивидуальность и скрашивавшихъ ея бѣдность. У окна стояло большое покойное кресло, обитое красивымъ ситцемъ; некрасивый диванъ былъ задрапированъ японской кисеей; дешевая ширма маскировала безобразныя линіи дверей и нѣсколько чашекъ стариннаго китайскаго фарфора и рядъ книгъ придавали уютность простенькимъ швафикамъ.

На столѣ стояла ваза съ цвѣтами, яркими желтыми полевыми цвѣтами, оживлявшими комнату, точно солнечный лучъ.

— Сядьте въ это кресло, — сказала Давенпортъ: — оно необыкновенно покойное.

— Благодарю, нѣтъ, — отвѣчала Джерардъ, присаживаясь ближе къ окну: — мнѣ и здѣсь прекрасно. Я знаю, что это ваше любимое мѣсто.

— Вы правы, — вздохнулъ старикъ, опускаясь въ мягкое кресло. — Гетти подарила мнѣ это кресло въ день моего рожденія. Я увидѣлъ его впервые въ очень жалкомъ и растрепанномъ видѣ въ лавкѣ поддержанной мебели на Кингсъ-Родъ, но меня поразила его комфортабельная форма и я сказалъ бѣдной дѣвочкѣ, что видѣлъ поддержанное кресло, представившееся мнѣ образцомъ комфорта. Она, повидимому, не обратила вниманія на мои слова, но въ слѣдующій разъ, когда я проходилъ мимо мебельной лавки, гдѣ кресло стояло на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ другими вещами, я его не увидѣлъ. Я сказалъ Гетти, что кресло исчезло. „Промыво, вѣроятно! — отвѣчала она. — Очень жалко!“ А годъ почти спустя, въ день моего рожденія принесли это кресло, заново обитое, какъ видите. Моя бѣдная дѣвочка платила за него по частямъ, по шиллингу и по два заразы, съ той самой минуты, какъ я упомянулъ про него. Какъ мы оба были счастливы и горды въ этотъ день, несмотря на нашу бѣдность! Помню, какъ мы съ братьями и сестрами, когда я былъ еще въ университетѣ, сложились, чтобы купить матери серебряный чайникъ ко дню ея серебряной свадьбы... и какъ изъ этого вышло только всеобщее разочарованіе. Матушка сожалѣла, что мы истратили такую кучу денегъ... и форма чайника ей не понравилась. На немъ была вырѣзана длинная надпись, а потому мы не могли переименовать его, и я помню, какъ мои двѣ сестры расплакались по этому случаю... Но позвольте мнѣ приготовить для васъ лимонадъ. *Nunc est bibendum!* Быть можетъ, вы бы предпочли грогъ?

—спросилъ онъ съ курьезно вопросительнымъ взглядомъ:—дома нѣтъ водки, но я могъ бы за нею послать.

— Я предпочитаю лимонадъ,—отвѣчалъ Джерардъ.

М-ръ Давенпортъ отперъ одинъ изъ шкафиковъ и досталъ стаканъ, лимонъ и мелкій сахаръ. Потомъ вышелъ изъ комнаты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ кружкой свѣжей воды.

Ограниченныя средства не дозволяли ему побаловать себя сифономъ сельтерской воды. Онъ старательно приготовилъ два стакана лимонада, а Джерардъ Гиллерсонъ слѣдилъ за нимъ въ грустной задумчивости; но умъ его былъ занятъ отсутствующей дочерью, а не присутствующимъ отцомъ.

Онъ думалъ о креслѣ, уплаченномъ по шиллингамъ и путемъ многихъ лишеній. Онъ думалъ о нѣжномъ и изящномъ личиѣ, о хрупкомъ созданіи, слишкомъ тонко организованномъ для такой суровой жизни, думалъ объ ежедневныхъ лишеніяхъ, утомительной ходьбѣ, скучной, монотонной работѣ, выпавшихъ ей на долю.

Да, вотъ то новѣйшее колесо, которое давить неимущихъ женщинъ,—швейная машина. Она стояла передъ окномъ, у котораго онъ сидѣлъ, и была прикрыта бѣлой кисеей, придававшей нарядный видъ орудію пытки. Пара подсвѣчниковъ стояла на маленькомъ столикѣ около машины и свѣчи въ нихъ почти совсѣмъ догорѣли. Она, быть можетъ, проработала всю ночь. Его бѣсила мысль, что при всемъ своемъ богатствѣ онъ ничего не можетъ для нея сдѣлать, что она не хочетъ взять отъ его избытка. Еслибы онъ исполнилъ просьбы всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ, обращавшихся къ нему за помощью, излагавшихъ свои семейныя тайны, описывавшихъ свои невзгоды и нужды въ письмахъ на восьми страницахъ, онъ могъ бы раздать весь свой доходъ до послѣдняго пенни... но одна эта женщина, которой онъ жаждалъ помочь, ничего не хотѣла брать. Вотъ горькая иронія судьбы.

Полный этихъ мыслей, онъ тихо приклебывалъ лимонадъ и разсуждалъ о политическомъ положеніи съ м-ромъ Давенпортомъ, единственнымъ занятіемъ котораго было читать газеты въ даровой читальнѣ и который былъ ярый политикъ.

Джерардъ медлил въ надеждѣ увидѣть Эстеръ.

Было уже около четырехъ часовъ пополудни и лѣтняя жара нагоняла сонливость на старика Давенпорта, начинавшаго влѣвать носомъ. Рѣчь его становилась все медленнѣе, пока онъ наконецъ совсѣмъ не замолчалъ и не погрузился въ сладкій сонъ, моментально переносящій изъ міра дѣйствительности въ міръ грѣзъ.

Пчела жужжала между цвѣтами и городская бабочка присѣла

на минуту на одинъ изъ цвѣтковъ. Крикъ разнощика на улицѣ доносился точно монотонный крикъ птицы, располагающей всего тремя нотами. Джерардъ все еще медлилъ въ надеждѣ, что старикъ проснется и возобновитъ бесѣду. Его приводила въ отчаяніе мысль уйти не повидавъ Эстеръ. Ему хотѣлось увидѣть ея лицо съ тонкими чертами при дневномъ свѣтѣ. Ему хотѣлось стать ея другомъ, если она позволитъ. Чтò дурного въ такой дружбѣ? Они слышномъ безнадежно разлучены желѣзными обстоятельствами, чтобы стать влюбленными. Но друзьями они могутъ быть — для взаимнаго утѣшенія и помощи. Онъ можетъ подѣлиться съ нею матеріальными благами жизни, а она можетъ облагородить его неизменную натуру вліяніемъ дѣтской чистоты, обособлявшей ее отъ остального міра.

Онъ услышалъ легкіе шаги и стукъ казитки. Она вошла, стройная и граціозная, въ легкомъ полубатистовомъ платьѣ и простенькой матросской шляпѣ.

Она вздрогнула и вся вспыхнула при видѣ его и бросила отчаянный, укоризненный взглядъ на отца, который проснулся и сонфуженно поднялся съ мѣста. Джерардъ тоже всталъ, когда она вошла, и остановился передъ нею.

— Не сердитесь на вашего отца и на меня, миссъ Давенпортъ. Мы случайно встрѣтились часъ тому назадъ на набережной и я прошелъ съ нимъ до дому. А теперь, когда я побывалъ у васъ, вы позволите, надѣюсь, привезти къ вамъ сестру. Она будетъ рада возобновить старинное знакомство съ вами. Не лишайте ее доступа въ свой домъ, еслибы даже и заперли свою дверь для меня. Вы знаете, какъ она симпатична.

Эстеръ не отвѣчала нѣсколько мгновеній. Она опустилась на стулъ, сняла миленькую соломенную шляпу и провела рукой по лбу, приглаживая мягкіе свѣтло-русые волосы, спускавшіеся ей на лобъ.

Она казалась усталой и измученной, слишкомъ утомленной для разговоровъ, и когда наконецъ заговорила, то въ тонѣ ея слышалась апатія человѣка, склоняющагося передъ судьбой.

— Да, я помню, ваша сестра всегда была добра и мила. Она была очень любезна со мной и я провела счастливейшіе часы въ ея обществѣ. Но теперь все это прошло и кончено. Право же, не любезно заставлять меня приноминать...

— Я не хочу, чтобы вы припоминали прежнюю жизнь. Я только хочу, чтобы вы открыли сердце старинной пріятельницѣ, которая скраситъ вамъ жизнь. Лиліана можетъ пріѣхать? не правда ли? Я вижу, что вы позволяете.

— Могу ли я не позволить, когда вы такъ желаете мнѣ добра?

Тутъ она жалобно взглянула на старика.

— Если папà не тяжело будетъ видѣть лицо, которое напомнить ему про Гельмсли и про все, чтò онъ тамъ выстрадалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Гетти, я ничего не имѣю противъ. Я много выстрадалъ и въ другихъ мѣстахъ, съ тѣхъ поръ какъ болѣзнь осилила меня. Еслибы люди, осуждающіе меня, называющіе меня старымъ пьяницей, хоть часъ промучились такъ, какъ мучился я цѣлыми мѣсяцами, то они стали бы милосерднѣе въ своихъ сужденіяхъ. Я не осуждаю вашего отца, м-ръ Гиллерсдонъ; онъ былъ добръ ко мнѣ. Онъ терпѣлъ меня такъ долго, какъ только могъ, пока наконецъ я не опозорилъ себя. То былъ страшный скандалъ; никто бы его не перенесъ. Я почувствовалъ послѣ того вечера, что все погибло.

— Не говорите объ этомъ, папа, не говорите.

— Я долженъ говорить, Гетти. Я хочу сказать м-ру Гиллерсдону о томъ, чѣмъ ты была для меня... какая ты героиня, какая мученица!

— Пустое, папа! Я сдѣлала только то, чтò всякая другая дочь сдѣлаетъ для отца. И теперь, слава Богу, вы поправились! Въ послѣдніе два года вы почти не страдали. Вы сильнѣе и здоровѣе, живя такъ, какъ теперь, чѣмъ когда были... беззаботнѣе. И невралгія, надѣюсь, никогда больше не будетъ васъ мучить.

— Если миссъ Гиллерсдонъ не побрезгаетъ нашимъ смиреннымъ жилищемъ, то мы будемъ очень рады ее видѣть,—сказалъ Давенпортъ, отирая слезу раскаянія.—Мнѣ больно было видѣть, что у моей дѣвочки нѣтъ знакомыхъ, кромѣ лучшей изъ женщинъ, лэди Дженъ Бленгеймъ.

Получивъ согласіе на свою просьбу, Джерардъ не имѣлъ основанія долге оставаться. Онъ протянулъ руку Эстеръ на прощанье, и когда ея тонкіе пальчики дотронулись до его пальцевъ, его лицо вспыхнуло и глаза отуманились; только на одинъ мигъ, правда, но этого волненія онъ никогда не испытывалъ отъ прикосновенія другой женщины, даже Эдиты Чампионъ, которую любилъ нѣсколько лѣтъ. Сердце его сильно билось, когда онъ шелъ по жалкой улицѣ, мимо садовъ, полныхъ цвѣтами и дворовъ, представлявшихъ собою груды мусора, мимо безпечной нищеты и трудолюбивой бѣдности. Только когда онъ выбрался на набережную Темзы, чувство великой радости или великой бѣды стало проходить и къ нему вернулась способность мыслить.

Онъ сѣлъ на скамью, около рѣки, и подождать пока пульсъ его забилъ ровнѣе.

— Я глупецъ! — пробормоталъ онъ. — Почему же красота такъ сильно волнуетъ меня? Я видѣлъ много красавицъ, женщинъ въ женитѣ своей прелести, не то, что эта блѣдная и замученная хони и героическая дѣвушка. Женщина, которая будетъ всею женой, красивѣе ея и болѣе строгой красоты. И однако, какъ часто иногда не долженъ интересоваться этой дѣвушкой? Именно напряженъ каждый нервъ, пульсъ бьется безумно быстро — судитъ изъ плутокъ; вѣдь мнѣ не слѣдуетъ забывать, что я говорю въ стѣнѣмъ д-ръ Соутъ. Развѣ это значитъ вберечь себя равнѣ такъ падать свои силы? Волноваться изъ-за такого вѣдара, не сумѣть глядѣть на хорошенькое личико, не содрогаться тонкою кожей землетрясенія!

Онъ припомнилъ книгу, лежавшую на его письменномъ столѣ, *Шагреневую кожу* — эту повѣсть, лежащую для него, неограниченное обаянiе, надъ страницами которой онъ просиживалъ не одну бессонную ночь. Какъ тщетны были усилiя Валентина вести такую безстрастную жизнь, при которой масло въ лампѣ медленно горитъ! Но онъ надѣялся, что будетъ разсудительнѣе несчастнаго героя Бальзака. Онъ тоже задумалъ жить безъ всякихъ волненiй. Жизнь миллионера и свѣтскаго человека можетъ быть чужда всякимъ сильнымъ чувствамъ. Онъ смотрѣлъ на будущiй бракъ съ Эдитой какъ на мирную гавань. Она женится на женщинѣ, которую любить такъ долго, что не можетъ сомнѣваться въ этой любви, на женщинѣ, вѣрность которой испытана временемъ, въ постоянствѣ которой онъ не можетъ сомнѣваться, и годы потекутъ для него мирной чередой, вплоть до сѣдыхъ волосъ и до старости, съ ненарушимыми покровами добродѣтели. Вѣдь него, какъ и Валентина, предостерегающаго читателя изъ драмы и страстей. Онъ долженъ жить, но не дѣйствовать и не страдать.

А между тѣмъ, ради мимолетной прихоти ради прелести заманчиваго личика, терпѣливой романтической бѣдности, онъ добился, чтобы кровь переживалась огнемъ въ его жилахъ, а сердце бѣшено билось. Онъ стыдился своей неослѣдательности и увидя ввозничью карету, направляющую доброй на видъ лошадей, предложившую подлѣ деревьями, взглянулъ на него и спросилъ ввозчика, довезетъ ли его до лодки до Фицли. Конечно, ввозчикъ попытается, что доверитъ и черезъ минуту онъ быстро бѣжалъ тѣнными сумерками по направлению на сѣверъ.

Онъ часто подумывалъ сдѣлать въ это сѣверное предмѣстье на собственныя средства, но ему до сихъ поръ не удалось, что

приближаться къ дому, гдѣ угасалъ м-ръ Чампювъ, будетъ безтѣтностью, хотя умирающій былъ всегда съ нимъ на дружеской ногѣ со времени замужства Эдиты. Сегодня ему очень захотѣлось увидѣть женщину, съ которой онъ связалъ себя, и тревожное желаніе это побѣдило щекотливость.

Онъ поѣхалъ въ домъ, который наняла себѣ м-съ Чампювъ... небольшую виллу съ хорошимъ садомъ. Былъ уже девятый часъ, когда онъ позвонилъ у двери, и лужайки и цвѣтники позолочены были солнечнымъ закатомъ. Онъ ожидалъ, что застанетъ Эдиту Чампювъ за обѣдомъ, и рѣшилъ пообѣдать съ нею, можетъ быть, tête-à-tête, въ первый разъ въ жизни.

Но оказалось, что нечего было и думать объ обѣдѣ! Одинъ изъ лакеевъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ Гертфордъ-стритѣ, пришелъ на звонокъ не спѣша, съ трубкой во рту, но поспѣшно спряталъ ее, увидя м-ра Гиллерсона, и доложилъ ему, что м-съ Чампювъ находится въ Кендаль-гаузъ и что м-ру Чампюву очень плохо.

— Хуже, чѣмъ обыкновенно? — спросилъ Джерардъ.

— Боюсь, что да, сэръ. М-съ Чампювъ пріѣхала домой въ половинѣ восьмого, но за ней явился посланный въ то время, какъ она одѣвалась къ обѣду, и она успѣла только накинуть пальто и побѣжала черезъ дорогу, не надѣвъ даже шляпы.

— Гдѣ тутъ Кендаль-гаузъ?

— Я вамъ покажу, сэръ.

Слуга пошелъ черезъ дорогу тѣмъ медлительнымъ и торжественнымъ шагомъ, по которому можно узнать выѣздного лакея; эта старательная медлительность движеній намекаетъ, быть можетъ, на боязнь, какъ бы не заставили работать за двоихъ. Выѣздной лакей м-съ Чампювъ былъ лицо очень значительное и теперь находился подъ гнетомъ негодующаго чувства за то, что долженъ въ одиночку отправлять свои обязанности въ Финчли, тогда какъ его товарищъ живетъ въ роскошной праздности въ Гертфордъ-стритѣ.

Онъ указалъ на ворота въ стѣнѣ, немного дальше по дорогѣ и по ту ея сторону, и къ этимъ воротамъ поспѣшно направился Джерардъ и вошелъ въ чрезвычайно приличное огражденное мѣсто; круглая дерновая лужайка окаймлялась аллеей, посыпанной пескомъ, кущи деревъ скрывали стѣны, а передъ нимъ высились внушительныхъ размѣровъ каменный домъ съ классическимъ портикомъ и двумя флигелями, наводившими на мысль, что въ нихъ помѣщаются гостиная и биллиардная.

При первомъ взглядѣ на многочисленныя окна онъ вздрогнулъ.

Всѣ шторы были опущены. „Все кончено! — подумалъ онъ: — Эдита Чампионъ — вдова“.

Да, все было кончено. Степенный, пожилой слуга, растворившій ему дверь, извѣстилъ, что м-ръ Чампионъ скончался въ восемь часовъ пять минутъ. М-съ Чампионъ успѣла во-время прибѣжать, чтобы присутствовать при послѣднемъ издыханіи мужа. Конецъ былъ мирный и безболѣзненный.

Эдита Чампионъ сошла съ лѣстницы въ сопровожденіи доктора, въ то время, какъ слуга это сообщалъ.

Она увидѣла Джерарда и направилась къ нему.

— Все кончено! — проговорила она взволнованно. — Онъ узналъ меня и до послѣдней минуты не терялъ сознанія и называлъ меня по имени. Слава Богу, что я была на-лицо; я не опоздала и могла услышать его послѣднее слово. Я никакъ не ожидала, что буду такъ огорчена послѣ такого долгаго и томительнаго ожиданія.

— Позвольте мнѣ проводить васъ домой, — сказалъ Джерардъ мягко.

Она была въ черномъ кружевномъ платьѣ и легкая лѣтняя накидка, наброшенная на плечи, не скрывала бѣлой шеи, точно изъ ваврарскаго мрамора. Но глаза ея были въ слезахъ и слезы текли по щекамъ. Все, что было нѣжнаго и женственнаго въ ея натурѣ, было возбуждено послѣднимъ прощаніемъ. Если она и была продана богатому человѣку, какъ продаются рабыни на восточныхъ рынкахъ, то господинъ ея былъ самый добрый, а рабство досталось ей очень легкое.

Докторъ проводилъ ее до порога дома, а тамъ она оперлась на руку Джерарда. Къ ея естественному горю примѣшивалась сладкая мысль, что отнынѣ она принадлежитъ ему. Его привилегіей и обязанностью стало теперь оберегать ее и заботиться о ней.

— Пошлите телеграмму солиситору мужа! — сказала она доктору дрожащимъ голосомъ, отирая слезы. — Онъ все устроитъ, что нужно, вмѣстѣ съ вами. Я не уѣду въ Лондонъ, пока...

— Понимаю, — перебилъ докторъ, избавляя ее отъ необходимости произнести послѣднее жестокое слово. — Все будетъ улажено и васъ не побеспокоятъ понапрасну.

— Прощайте, — сказала она, подавая ему руку. — Я не забуду, какъ бережно и заботливо вы за нимъ ухаживали.

Джерардъ вывелъ ее изъ ограды и провелъ на вылу, гдѣ величественный выѣздной лакей дожидался возвращенія своей го-

спожи, подставивъ напудренную голову подъ прохладный вечерній вѣтерокъ. Домъ былъ освѣщенъ и обѣдъ поданъ.

— Я надѣюсь, что вы подерѣпите себя пицей?—замѣтилъ Джерардъ, когда буфетчикъ пришелъ сказать, что обѣдъ готовъ.

Они прошли въ гостиную, гдѣ она сѣла, закрывъ лицо руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не въ состояніи ѣсть. — И обратившись къ буфетчику, она прибавила:—м-ръ Гиллерсдонъ отобѣдаетъ. Миѣ же велите подать сюда чаю.

— Если такъ, то и я выпью съ вами чаю,—сказалъ Джерардъ:—у меня тоже нѣтъ аппетита.

Это ей было пріятно. У женщинъ преувеличенныя понятія насчетъ высокаго значенія, какое придаютъ мужчины обѣду, и никакая жертва не можетъ ихъ такъ подкупить, какъ отказъ отъ этой трапезы.

Эдита Чампюнь не стала спорить. Она только вздохнула, отерла слезы и стала спокойнѣе.

— Я думаю, что исполнила свой долгъ относительно его,—сказала она.

— Вполнѣ. Вы сдѣлали его счастливымъ, чѣмъ не всякая жена можетъ похвастаться, даже когда обожаетъ своего мужа,—отвѣчалъ Джерардъ.

Лакей принесъ чайный столъ, зажегъ свѣчи на каминѣ и на фортепіано и опустилъ занавѣсы на окнахъ съ такимъ видомъ, какъ бы желалъ разсвѣять мракъ, навѣянный унылымъ событіемъ въ Кендалъ-гаузѣ. Онъ и остальные слуги толковали уже о похоронахъ и своемъ траурѣ, гадая о томъ, завѣщала ли м-ръ Чампюнь что-нибудь слугамъ, „хоть тѣмъ, положимъ, которые прослужили ему годъ“, заключилъ Джоржъ, выѣздной лакей, находившійся въ услуженіи уже около полутора года.

М-съ Чампюнь легкимъ движеніемъ руки указала на чайникъ и Джоржъ налилъ чай. Она находила, что траурный этикетъ не позволялъ ей исполнять эту обычную обязанность, и сидѣла неподвижно, ожидая, чтобы за ней ухаживали; получивъ чашку, она отпила глотокъ и вздохнула, а Джерардъ также пилъ чай въ задумчивомъ молчаніи.

Онъ думалъ, что онъ второй разъ пьетъ чай въ обществѣ Эдиты Чампюнь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а между тѣмъ какая перемѣна произошла въ его жизни въ эти немногіе часы! Женщина, которую онъ любилъ такъ долго и съ которой безповоротно связалъ себя, была свободна. Въ ихъ отношеніяхъ не могло больше быть ни сомнѣній, ни колебаній. Нѣкоторый про-

межутокъ времени приходится уступить предрассудкамъ общества; а затѣмъ, въ концѣ условнаго вдовства, эта женщина, которую онъ любилъ такъ долго, сниметъ траурныя одежды, надѣнетъ подѣвичное платье и станетъ съ нимъ у алтара. Давно уже онъ зналъ, что смерть м-ра Чампіона неизбежна; а между тѣмъ сегодня вечеромъ ему казалось, что онъ никогда не ожидалъ, что этотъ человѣкъ умретъ.

Молчаніе стало тягостнымъ. Лакей ушелъ и они остались вдвоемъ.

— Вы, конечно, не останетесь въ этомъ домѣ послѣ похороны?—спросилъ Джерардъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Нѣтъ, я немедленно уѣду изъ Англій. Я думала о своихъ планахъ, пока мы тутъ сидѣли. Я ненавижу себя за эгоизмъ, но не въ состояніи думать о покойникѣ. Да это и бесполезно. Я не легко забуду его, бѣднягу. Его лицо и голосъ надолго сохранятся въ моей памяти... Но я не могу также не думать о себѣ. Миѣ такъ странно, что я свободна... могу ѣхать куда хочу... не должна слѣдовать извѣстной рутинѣ. Я поѣду въ Швейцарію, какъ только справлюсь. И возьму съ собой Розу Грешамъ. Она всегда рада убѣжать изъ своего милаго прихода.

— Но зачѣмъ вамъ уѣзжать?

— Такъ будетъ лучше. Еслибы я оставалась въ Англій, мы бы съ вами видались, а теперь... когда его нѣтъ, это подало бы поводъ къ сплетнямъ. Лучше будетъ, если мы не будемъ видѣться въ продолженіе моего траура. Цѣлый годъ, Джерардъ! Срокъ долгій, вы успѣете меня забыть!

Тонъ ея, однако, говорилъ, что это невозможно.

— А что, если я не соглашусь на такую разлуку, даже затѣмъ, чтобы угодить м-съ Грюнди? До сихъ поръ мы не особенно баловали эту достойную особу. Къ чему же намъ теперь улаживать за ней?

— Потому что теперь все измѣнилось съ его смертью. Пока мой мужъ одобрялъ мое поведеніе, никто не могъ порицать мои дѣйствія. Но теперь я осталась одна и должна беречь свое доброе имя... имя вашей будущей жены, Джерардъ!

— Вы даете очень ложный оборотъ всему дѣлу. Но, милая Эдита, неужели мы дѣйствительно должны разстаться такъ надолго? Неужели же люди станутъ сплетничать, если мы будемъ жить въ одномъ городѣ и ежедневно видѣться?

— Вы знаете, какъ люди злы. Право, Джерардъ, такъ будетъ лучше для насъ обоихъ.

— Только не для меня,—серьезно произнесъ онъ.

Онъ поѣхалъ въ Финчли сегодня вечеромъ по внезапному порыву, какъ бы спасаясь отъ неожиданной опасности. Онъ смутно чувствовалъ, что первая любовь измѣняетъ ему и что нужны усилія, чтобы скрѣпить старыя узы; и вотъ теперь женщина, которой слѣдовало бы помочь ему сохранить вѣрность, готова бросить его... пожертвовать любовью и счастьемъ въ угоду злымъ языкамъ.

— Какое намъ дѣло, что про насъ будутъ говорить! — пылко вскричалъ онъ. — Мы должны думать о себѣ и о своемъ счастьи. Вспомните, какъ жизнь коротка и зачѣмъ ее тратить зря! Къ чему жертвовать годомъ или даже полугодомъ условнымъ приличіямъ? Позвольте мнѣ слѣдовать за вами всюду. Обвиняетесь на будущей недѣлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Джерардъ. Богу извѣстно, что я крѣпко люблю васъ, но я не хочу оскорбить память покойнаго. Онъ всегда былъ добръ ко мнѣ и снисходителенъ, черезъ-чуръ даже. Я была бы, можетъ быть, лучшей женой, еслибы онъ былъ тираномъ. Я не оскорблю его, когда онъ сошелъ въ могилу. Черезъ годъ, считая отъ нынѣшняго дня, я буду вашей женой.

— И м-съ Грюнди похвалитъ васъ за это. Ну, что-жъ, поступайте, какъ знаете. Я просилъ васъ, вы отказали. Прощайте. Полагаю, мнѣ можно будетъ пріѣхать на желѣзную дорогу проститься съ вами передъ тѣмъ, какъ вы покинете Англію?

— Разумѣется. Роза напишетъ вамъ о нашихъ планахъ, когда они выяснятся вполне. Вы будете на похоронахъ, Джерардъ, не правда ли?

— Разумѣется. Еще разъ прощайте.

Они пожали другъ другу руку—она со слезами на глазахъ, готовая опять расплакаться,—и онъ ушелъ.

Извозчикъ дождался его, лошадь жевала овесъ въ торбѣ, а кучеръ спалъ.

„Пройдетъ годъ и ты станешь моей, а я твоимъ, — размышлялъ дорогой Джерардъ:—но годъ много времени. Кто знаетъ, какія перемѣны онъ внесетъ въ мою жизнь?“

XIV.

М-ръ Чампіонъ уже съ мѣсяцъ какъ лежалъ на покое въ новенькомъ склепѣ въ Кепсаль-Гринѣ, а его вдова находилась въ Интерлакенѣ, вмѣстѣ съ кузиной, горничной и курьеромъ, и не торопясь совершала экскурсію среди снѣжныхъ пивовъ и лед-

никовъ, лѣниво прислушиваясь къ исполненію на фортепіано м-съ Грешамъ сочиненій Мендельсона, Шопена и всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ композиторовъ; читала Шелли, Китса и Суинбёрна и предавалась неопредѣленной меланхоли, отъ которой отдыхала въ уединеніи вѣковѣчныхъ горныхъ вершинъ и своей гостиной въ отелѣ.

Изъ Интерлакена Джерардъ Гиллерсонъ получалъ отъ своей возлюбленной длинныя и частыя письма, написанныя красивымъ твердымъ почеркомъ, на тончайшей бумагѣ, пахнувшей лѣсными фіалками, письма, въ которыхъ описывались всѣ поѣздки и прогулки въ горахъ, толковалось о прочитанныхъ книгахъ, о послѣднемъ нѣмецкомъ романѣ; въ этихъ письмахъ заключался обыкновенно небольшой бѣлый шерстистый цвѣтокъ, сорванный среди лѣсныхъ сѣнговъ; и они, насколько это могутъ сдѣлать письма, сокращали разстояніе между любящими.

Джерардъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ отвѣчалъ менѣе пространно, но очень нѣжно на всѣ эти письма. Онъ писалъ отъ всего сердца, или по крайней мѣрѣ увѣрялъ себя въ этомъ.

Онъ писалъ эти письма, имѣя передъ собой на столѣ портретъ своей невѣсты, и когда глаза его отрывались отъ письма, то встрѣчались съ глазами Эдиты Чампювъ.

Но порою это красивое, строго классическое лицо заслонялось другимъ, менѣе правильнымъ, но не менѣе прекраснымъ въ эфирной иловидности Рафаэлевой Мадонны, съ продолговато-овальными щеками и подбородкомъ и прямымъ, тонкимъ носомъ, изящнымъ очертаніемъ рта и задумчивыми и тонкими бровями надъ темносиними глазами... овальное личико въ рамкѣ темно-русыхъ волосъ.

Съ какою ровною настойчивостью преслѣдовалъ его этотъ образъ; а между тѣмъ онъ видѣлъ Эстеръ Давенпортъ всего только одинъ разъ послѣ того вечера въ Чельси, когда старикъ пригласилъ его въ свою скромную гостиную. Только разъ былъ онъ еще тамъ, сопровождая сестру, которая рада была возобновить знакомство съ красивой дочкой бывшаго викарія. Это случилось три недѣли тому назадъ, и съ тѣхъ поръ Лиліана и Эстеръ нѣсколько разъ видѣлись, и Джерарду были извѣстны всѣ подробности ихъ свиданій.

А теперь лондонскій сезонъ подходилъ къ концу, и Лиліана готовилась оставить домъ брата, вернуться къ родителямъ и сопровождать ихъ въ Ройа, гдѣ ректоръ собирался лечиться минеральной водой отъ грозившей ему подагры.

То будетъ послѣднимъ путешествіемъ Лиліаны съ родителями въ качествѣ незамужней, дѣвицы. Она должна была выйти за-

мужъ въ началѣ будущаго года и переселиться къ мужу въ приходъ св. Лаврентія-мученика... приходъ, къ которому она уже успѣла привязаться, и гдѣ школы, богадельни, больницы, ночные и сиротскіе приюты и читальни стали для нея такъ же знакомы и дороги, какъ приемная въ гельмслейскомъ приходскомъ домѣ.

Наступилъ послѣдній день, какой она проводила въ Гиллердонъ-гаузѣ, и она завтракала tête-à-tête съ братомъ—рѣдкое удовольствіе, такъ какъ Джерардъ въ послѣднее время очень поздно возвращался домой по ночамъ и до полудня не выходилъ изъ спальни. Онъ пилъ полной чашей лондонскія удовольствія, которыя предлагаетъ Лондонъ молодымъ и богатымъ людямъ въ разгаръ сезона; но удовольствія въ этомъ случаѣ не были синонимомъ кутежа, и единственный ихъ недостатокъ заключался въ томъ, что, благодаря имъ, ему приходилось поздно ложиться спать.

Испивая чашу наслажденій, онъ говорилъ себѣ, что не прожигаетъ безумно жизни, такъ какъ никакое лондонское удовольствіе не могло ускорить его пульса или зажечь въ немъ пламя страсти. Сердце его не билось сильнѣе, когда онъ держалъ банкъ въ бавбарѣ, чѣмъ когда онъ читалъ книгу, сидя одинъ въ своей берлогѣ.

Было время, когда карточная игра волновала его, но для миллионера выигрышъ или проигрышъ былъ одинаково безразличенъ.

— Какъ приятно провести съ тобой покойно полчаса, Джерардъ!—сказала Лиліана, когда они принялись завтракать—онъ тартиной съ сардинами, а она бутербродомъ съ земляничкой, между тѣмъ какъ изысканнѣйшія блюда chef'a оставались нетронутыми подъ серебряными крышками.

— Да, дружокъ, и какъ скоро я буду лишень этого удовольствія. Я страшно по тебѣ буду свучать.

— А между тѣмъ, живя вмѣстѣ, мы рѣдко видѣлись.

— Правда, но мнѣ такъ приятно было знать, что ты тутъ, и что у меня всегда подъ рукой сочувствующій мнѣ слушатель.

Лиліана въ отвѣтъ вздохнула.

— Ты мнѣ не дѣлалъ никакихъ признаній, Джерардъ.

— Неужели? Но повѣрь, что это не отъ недоверія къ твоей скромности и такту. Быть можетъ, потому, что мнѣ нечего сказать.

— Ахъ, Джерардъ, я знаю, что это неправда. У тебя есть тайна... касающаяся м-съ Чампіонъ. Я знаю, что она для тебя дороже, чѣмъ простая знакомая.

Джерардъ мягко разсмѣялся надъ наивностью сестры.

— Какъ? Ты сдѣлала такое важное открытіе, моя милочка?— сказалъ онъ. — Да, Эдита Чампіонъ и я; мы болѣе чѣмъ простые знакомые. Мы были когда-то влюблены въ другъ друга, dans le temps, когда были оба безъ гроша денегъ и безъ надежды на ихъ приобрѣтеніе. Разсудокъ и житейскій опытъ взяли верхъ. Молодую лѣди уговорили выйти замужъ за старшій мѣшокъ съ деньгами; онъ великодушно обращался съ нею, и она тоже вела себя относительно его безукоризненно. Изъ влюбленнаго я превратился въ друга, и эта дружба ничѣмъ не нарушалась и несколько не тревожила м-ра Чампіона.

— А теперь, когда м-съ Чампіонъ—вдова и можетъ выйти за мужъ по любви... — начала застѣнчиво Лиліана.

— По всей вѣроятности она станетъ моей женой, когда сниметъ трауръ. По сердцу ли тебѣ такая золовка, Лиліана?

— Разумѣется. Она всегда была такъ добра ко мнѣ.

— Ахъ, да, помню. Она возила тебя въ своей портнихѣ. Это, кажется, величайшее доказательство женской дружбы.

— Какъ ты легко говоришь о ней, Джерардъ... и какъ холодно! и однако, я увѣрена, что ты ее любишь больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Конечно... и она заслуживаетъ мою любовь за то, что оставалась мнѣ вѣрна въ междуцарствіе брака безъ любви.

— Она какъ разъ такая женщина, какая |тебѣ годится въ жены. Съ ея красотой и свѣтскимъ тактомъ она поможетъ тебѣ удержать твое положеніе въ обществѣ и разгонитъ пріятелей, вліяніе которыхъ меня устрашаетъ.

— Кто же эти пріятели, Лиліана?

— Всѣ тѣ, кто бываетъ въ твоёмъ домѣ, за исключеніемъ Джекка. Можетъ быть, ты скажешь, что Джекъ тебѣ не пріятель, что у тебя съ нимъ нѣтъ ничего общаго, какъ вы говорите?

— И все-таки онъ мой пріятель. Хотя я согласенъ, что у насъ разные взгляды на этику и вѣру. Я люблю его за то, что онъ прямодушенъ и силенъ, откровененъ, и надеженъ, и добръ... онъ такой человѣкъ, въ которому я бы обратился въ сомнѣніи и затрудненіи, въ болѣзни и отчаяніи... честный, славный человѣкъ, Лиліана, человѣкъ, которому я почти съ радостью отдаю то, что мнѣ дороже всего въ мірѣ, мою единственную сестру.

Слезы навернулись на глазахъ Лиліаны при такихъ похвалахъ ея жениху. Она не въ состояніи была отвѣтить словами и только протянула руку брату, и они просидѣли рука въ руку въ некоторое время.

— Какъ я счастлива, — пролепетала она, наконецъ, — что нашла такого жениха и имѣю такого брата!

— А теперь скажи мнѣ, почему тебѣ не нравятся мои приятели?

— Потому что всѣ они кажутся мнѣ живыми и пустыми людьми... фразѣрами, щеголяющими поверхностнымъ остроуміемъ, надменными пошляками, осмѣивающими всякія вѣрованія и всѣ благородныя мысли и чувства. Нѣкоторые изъ нихъ довольно забавны... напримѣръ, Ларозъ, съ его изящной небрежностью и толками объ искусствѣ и литературѣ... м-ръ Гамбьеръ тоже, съ его планами новыхъ романовъ, которые — онъ дерзко объявилъ это мнѣ — не при мнѣ писаны.

— Бѣдный Гамбьеръ, это у него невинное тщеславіе. Самое страстное желаніе его быть поставленнымъ на одну доску съ Золя и быть отвергнутымъ библіотекой Мьюди.

— Но есть у тебя пріятель, чье присутствіе наполняетъ меня ужасомъ, хотя въ обращеніи онъ любезнѣе всѣхъ остальныхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Человѣкъ, который надъ всѣмъ смѣется. М-ръ Джерминъ.

— Джерминъ оракулъ?

— Онъ никогда мнѣ не предсказывалъ моей судьбы.

— Нѣтъ, онъ отказался даже отъ этой попытки. „У вашей сестры такое свѣтлое выраженіе въ лицѣ, — говорилъ онъ мнѣ, — что изъ него ничего нельзя вывести. Единственное, что я могу сказать — это что она рождена для счастья... но для натуръ такого рода никогда не знаешь, что значитъ счастье. Иногда оно значитъ мученичeskій вѣнецъ“. Такъ ты не любишь Юстина Джермина?

— Я не столько не люблю, сколько боюсь его. Когда я съ нимъ, то его общество мнѣ невольно нравится. Онъ интересуется и забавляетъ меня противъ моей воли. Но я боюсь его дурного вліянія на тебя.

— Моя дорогая Лиліана, все это твои дѣвическія фантазіи. Дурное вліяніе, — какой вздоръ! Ты не воображаешь ли, что жизненный опытъ оставилъ мой умъ въ видѣ листа чистой бумаги, на которомъ первый встрѣчный можетъ писать, что ему вздумается? Джерминъ — мой знакомый, а вовсе не пріятель, и его вліяніе на меня равняется нулю. Онъ забавляетъ меня — вотъ и все — какъ и тебя своими хитрыми ухватками гнома и шарлатанскими приемами. А теперь расскажи мнѣ про Эстеръ Давенпортъ. Ты видѣлась съ ней послѣднія недѣли и помогала ей. Что опять съ нею будетъ, когда ты уѣдешь?

— О! Мы будемъ писать другъ другу. Мы будемъ всю жизнь дружны и, когда я поселюсь въ Лондонѣ, будемъ часто видѣться. Она будетъ приходить каждое воскресенье въ церковь св. Лаврентія слушать проповѣди Джэка.

— Это, конечно, очень пріятная перспектива для нея въ будущемъ, но пока она остается безъ всякихъ ресурсовъ въ настоящемъ и даже не имѣетъ утѣшенія побесѣдовать хоть изрѣдка съ дѣвушкой одного съ ней воспитанія. Почему ты не уговоришь ее принять отъ меня капиталъ, который бы обезпечилъ ее съ отцомъ?

— Я не особенно старалась уговаривать ее, Джерардъ. Въ душѣ я согласна съ нею, что она не можетъ принять такой помощи отъ тебя или кого другого. Она не можетъ пожертвовать своей независимостью и принять милостыню отъ посторонняго человѣка.

— Я ей не посторонній. Я знаю печальную исторію ея отца и онъ былъ викаріемъ моего отца. Отъ этого я ей не посторонній. Мнѣ думается, что никто изъ васъ, ни ты, ни она, не понимаете положенія человѣка, располагающаго большими средствами, чѣмъ ему нужно, и неизбѣжно бросающаго тысячи на разные пустяки. Почему нельзя этому человѣку пожертвовать нѣсколькими тысячами для обезпеченія дѣвушки, исторія которой тронула его сердце? Я бы положилъ капиталъ на ея имя въ банкъ и она бы получала доходъ съ него изъ года въ годъ, безъ всякаго напоминанія объ его источникѣ. Въ чемъ тутъ униженіе? отчего этого нельзя сдѣлать?

— Оттого, что она не хочетъ. Зови ее гордой, если хочешь... Мнѣ нравится такая гордость. Она довольна своей жизнью. Она много работаетъ, но сама себѣ госпожа, работаетъ на дому и можетъ смотрѣть за бѣднымъ старикомъ-отцомъ, который непремѣнно впалъ бы въ прежній ужасный порокъ, еслибы она оставляла его подолгу одного или еслибы у нихъ было больше денегъ въ распоряженіи. Она говорила мнѣ, что въ бѣдности—его спасеніе.

— Печальная судьба для красивой, молодой женщины, которая при другихъ обстоятельствахъ могла бы блистать въ свѣтѣ.

— Она не думаетъ о свѣтѣ и не считаетъ себя жертвой. Ты понятія не имѣешь, какъ она простодушна. Я сомнѣваюсь даже, чтобы она знала, что она хорошенькая, а если и знаетъ, то не придаетъ никакого значенія своей красотѣ. Она говорила мнѣ, что была бѣдна всю жизнь и никто не обращалъ на нее никакого вниманія, кромѣ отца.

— И ты ничего такимъ образомъ не могла для нея сдѣлать?

— По твоему, очень мало. Я не могла дѣлать ей дорогихъ подарковъ; ея гордость сейчасъ бы возмутилась. Я дарила ей книги и цвѣты; помогала насколько можно, не прибѣгая къ роскоши, украсить ея бѣдную гостиную. Мы вмѣстѣ гуляли въ Батерси-паркѣ и въ одно прекрасное утро она проѣхалась со мной до Вимблѣдона, гдѣ мы позавтракали сладкими пирожками и фруктами, какъ двѣ пансіонерки. Она была такъ весела въ это утро, какъ еслибы совсѣмъ не знала никакихъ заботъ. Я сказала ей, что она кажется счастливѣе, чѣмъ была въ Гельмсли, и она отвѣчала мнѣ, что въ тѣ дни ее удручала мысль о грустномъ порокѣ отца, котораго мы еще не знали; но что теперь, когда намъ известно худшее, а онъ, кажется, исправился, она вполне счастлива. Право, это самая мужественная душа, какую я только встрѣчала!

— Да, она стойкая дѣвушка; но это тяжело, тяжело!—сказалъ Джерардъ нетерпѣливо и пересталъ спрашивать Лилиану про Эстеръ Давенпортъ.

Но въ умѣ Джерарда разговоръ съ Лилианой оставилъ раздраженіе. „Какъ ничтожны женщины, даже лучшія!—думалъ онъ.—Что за жалкія понятія о помощи, какія микроскопическія утѣшенія! Нѣсколько книгъ и цвѣты, прогулка и угощеніе сладкими пирожками! Никакого усилія, чтобы вывести ее изъ мрака отчаянія... никакой попытки расширить ея горизонтъ... пропуская золотой случай, потому что Лилиана могла бы успѣть тамъ, гдѣ я потерпѣлъ бы неизбежное фіаско. Будь Лилиана тверда и настойчива, она могла бы разсѣять всѣ колебанія и глупую спѣсь. Но нѣтъ, она предлагаетъ бѣдной подругѣ нѣсколько цвѣтовъ и двѣтри книжки и убаюкиваетъ себя мыслью, что бѣдная мученица дѣйствительно вполне счастлива, что швейная машина и дрянная квартира вполне достаточны для ея счастья. Помилуйте! моимъ служанкамъ лучше живется: у нихъ лучше помѣщеніе, пища и больше развлеченій. Это нестерпимо!“

Онъ рѣшилъ, что не пойдетъ больше въ Чельси. Онъ и въ первый разъ насильно, такъ сказать, ворвался къ ней; но два дня спустя послѣ отъѣзда Лилианы имъ овладѣло непреодолимое желаніе снова увидѣть Эстеръ Давенпортъ.

Онъ зашелъ въ книжную лавку на Кингсъ-Родъ и купилъ лучшее изданіе поэмъ Шелли, какое только могъ найти, а у цвѣточницы купилъ большой букетъ розъ и вмѣстѣ съ этими дарами появился въ маленькой гостиной.

— Такъ какъ сестра уѣхала, то я позволилъ себѣ придти вмѣсто нея,—сказалъ онъ, пожавъ руки отцу и дочери.

— Милости просимъ, м-ръ Гиллердонъ,—отвѣчалъ старикъ.—Мы будемъ очень скучать по вашей сестрѣ. Ея посѣщенія радовали насъ больше, чѣмъ что другое. Я не знаю даже, что мы будемъ безъ нея дѣлать.

— Я буду ждать будущаго года: когда миссъ Гиллердонъ будетъ м-съ Кумберлендъ,—сказала мягко Эстеръ,—и когда мнѣ можно будетъ помогать ей въ приходскихъ дѣлахъ.

— Неужели у васъ найдется время помогать другимъ, когда вы уже такъ много работаете?

— О! Я найду часовъ-другой въ недѣлю, и дѣло это меня очень интересуетъ. Что за чудныя розы!—вскричала она, когда онъ положилъ букетъ на маленькій столикъ, гдѣ лежала раскрытая книга.

— Я очень радъ, что онѣ вамъ нравятся. У васъ есть другіе цвѣты, я вижу,—прибавилъ онъ, поглядывая на красныя и бѣлыя маки въ темной вазѣ:—но я надѣюсь, что найдется мѣсто и для этихъ.

— Конечно; но мои бѣдныя маки совсѣмъ сконфузятся отъ сосѣдства такихъ красавицъ.

— И я принесъ... сестра просила меня принести вамъ Шелли,—пробормоталъ онъ, странно смущаясь въ присутствіи этой женщины и неловко кладя на столъ книгу въ красивомъ переплетѣ.

— Неужели?—спросила Эстеръ съ удивленіемъ.—Я не думаю, чтобы Шелли былъ въ числѣ ея любимыхъ поэтовъ. Я помню, она какъ-то говорила мнѣ, что ректоръ запретилъ ей читать что-либо изъ Шелли, кромѣ избранныхъ краткихъ поэмъ. Вѣроятно она называла кого-нибудь изъ другихъ поэтовъ, но память измѣнилась вамъ. Лиліана подарила мнѣ цѣлую библіотеку своихъ любимыхъ поэтовъ и прозаиковъ.

Она указала на цѣлый рядъ книгъ, стоявшихъ на полкѣ одного изъ низенькихъ шкафиковъ, и Джерардъ подошелъ взглянуть на нихъ.

Да, тамъ были поэты, которыхъ любятъ женщины: Вордсвортъ, Гудъ, Лонгфелло, Аделаида Прокторъ, Елизавета Барретъ-Брунингъ — поэты, на страницахъ которыхъ не найдешь никакихъ нечистыхъ образовъ. Тутъ не было Китса, съ его тонкой сенсуальностью и душною тепличной атмосферой. Не было Шелли, съ его проповѣдью бунта противъ законовъ, человѣческихъ и божескихъ; ни Росетти, ни Суинбёрна, ни даже Байрона, хотя музу его, если къ ней прибавить мѣрку позднѣйшихъ поэтовъ, можно

облечь въ передникъ пансіонерки и кормить бутербродами. Единственнымъ гигантомъ между ними былъ лауреатъ ¹⁾ и былъ роскошно представленъ въ полномъ изданіи.

— У васъ нѣтъ Шелли,—сказала Джерардъ,— а потому моя ошибка встаети.

— Но если м-ръ Гиллерсдонъ не позволяетъ дочери читать Шелли...—начала Эстеръ.

— Мой достойный родитель принадлежитъ къ школѣ слишкомъ абсолютной, школѣ, не признающей за человѣческимъ умомъ никакой индивидуальности или стоицизма и полагающей, что прочесть незаконную книгу значитъ сдѣлать первый шагъ на пути беззаконія. Вы слишкомъ умны, чтобы васъ могъ своротить направо или налево поэтъ, какъ бы онъ ни былъ гениаленъ. Между тѣмъ не знать Шелли—значитъ не знать величайшаго наслажденія, какое можетъ дать поэзія. Я растворяю вамъ дверь въ неизвѣданный рай. И завидую тому наслажденію, какое вы испытаете при чтеніи Шелли въ полномъ расцвѣтѣ вашего ума.

— Вы смѣетесь надо мной, когда говорите о моемъ умѣ,—весело сказала она.—Что касается вашего Шелли, то я впередъ знаю, что онъ мнѣ понравится меньше, чѣмъ Теннисонъ.

— Это зависитъ отъ склада вашего ума... отъ того, что сильнѣе вліяетъ на васъ: форма или краски. Въ Теннисонѣ мы восхищаемся спокойной красотой и гармоническими линиями греческаго храма, въ Шелли—великолѣпьемъ и роскошнымъ колоритомъ новаго Иерусалима, каковымъ его описалъ св. Іоаннъ въ своихъ экстазахъ.

Они разговорились о литературѣ. Диккенсъ и Чарльзъ Ламбъ были любимыми писателями Эстеръ, а какъ романиста она всѣмъ предпочитала Бульвера. Талантъ Тэккерея она признавала, но считала его слишкомъ унылымъ.

— Я нахожу, что для людей, жизнь которыхъ не удалась, философія Карлейля—самая подходящая.

— Но Карлейль еще унылѣе Тэккерея. Его проповѣдь— проповѣдь скуки.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это проповѣдь труда и благородныхъ усилій. Онъ учитъ презирать ничтожныя вещи.

Они пробесѣдовали нѣкоторое время и м-ръ Давенпортъ по временамъ вмѣшивался въ ихъ разговоръ, но сонно, какъ чловѣкъ полу-живой. И во всемъ, что онъ говорилъ, звучала нота

¹⁾ Теннисонъ.

жалобы, представлявшей странный контрастъ съ бодростью и энергіей дочери.

Онъ опять толковалъ про свое слабое здоровье, про невралгическія боли, которыхъ ни одинъ докторъ не могъ понять или облегчить.

Джерардъ просидѣлъ до десятаго часа, просидѣлъ бы и долѣе, еслибы Эстеръ не сказала ему, что имѣетъ привычку прогуливаться съ отцомъ по вечерамъ съ часокъ времени. При этомъ намекѣ онъ взялъ шляпу и проводилъ отца съ дочерью до набережной, а тамъ-распрощался съ ними и пошелъ своей дорогой.

„Какъ она мила, — думалъ онъ, — но какъ холодна! Она больше похожа на статую, чѣмъ на живую, страдающую женщину. Старикъ тяжело дается исправленію. Бѣднага... ему очень хотѣлось бы, думается мнѣ, выпить“.

Послѣ этого Джерардъ не одинъ вечеръ провелъ въ обществѣ Давенпортовъ. Онъ приносилъ Эстеръ книги и цвѣты, а старику — газеты и винограду; и тотъ съ наслажденіемъ поѣдалъ его, какъ бы обоняя запахъ бордоскихъ или бургундскихъ винъ въ этихъ англійскихъ плодахъ. Его посѣщенія и дары стали какъ бы рѣшеннымъ дѣломъ. Книжки были единственнымъ удовольствіемъ Эстеръ и она часто за полночь сидѣла за ними, хотя уже съ восьми часовъ утра усаживалась за швейную машину.

Августъ былъ на исходѣ; лондонскій Вестъ-Эндъ превратился въ пустыню, а Джерардъ все еще не уѣзжалъ изъ Лондона, милліонеръ Джерардъ, которому доступны были всѣ роскошнѣйшія мѣста, гдѣ отдыхаютъ отъ зимнихъ удовольствій богачи. Пріятели надоѣли ему хуже горькой рѣдьки своими разспросами и предложеніями, прежде чѣмъ сами пустились въ путь.

Тѣ таинственные недуги, о которыхъ только и слышишь въ концѣ сезона, разогнали своихъ жертвъ въ разные стороны; арміи мучениковъ экземы и подагры невыразимо стучали въ Оверни; ревматики направились въ Германію; слабогрудые и съ разстроенными нервами играли въ теннисъ въ Сенъ-Морисъ; охотники наводнили Шотландію, а рыболовы — Норвегію. Тунеядцы, которымъ нужны только красивые костюмы и игра въ баккара, находились въ Трувиллѣ, Этретѣ, Парамѣ, Динарѣ и Діэптѣ.

Оставаться въ Лондонѣ послѣ половины августа было такимъ чудовищнымъ и безобразнымъ поступкомъ со стороны человѣка, что онъ долженъ былъ въ собственныхъ даже глазахъ оправдываться, принеся какой-нибудь приличный предлогъ.

Предлогомъ для Джерарда служило то, что онъ не охотникъ, извѣдывалъ уже весь континентъ и чувствуетъ себя слишкомъ сла-

бымъ для путешествій. Тишина, царившая въ его домѣ, свободномъ отъ посѣтителей, нравилась ему больше, чѣмъ прекраснѣйшій отель въ Европѣ, съ мраморными лѣстницами и цвѣтниками, какъ „Великобританія“ въ Белладжіо или лихорадочные *va-et-viens*, какъ въ комфортабельномъ „Швейцергофъ“ въ Люцернѣ.

Онъ хотѣлъ покоя и находилъ его у себя дома, гдѣ всѣ его капризы и идиосинкразіи были предусмотрены.

Къ чему увѣжать изъ Лондона? Изъ приглашеній, полученныхъ имъ, могъ бы образоваться хорошенкій томикъ *in octavo*, еслибы онъ захотѣлъ увѣковѣчить эти доказательства почитанія, какимъ общество окружаетъ Маммона. Эти приглашенія были составлены въ самыхъ лестныхъ фразахъ, какія только могли подѣйствовать на самолюбіе и тщеславіе человѣка. Его приглашали въ замки Шотландіи, въ окруженные рвами житницы Варвикшира, въ помѣщичьи дома и охотничьи домики Йоркшира, въ лѣса и болота сѣвера, въ Дартморъ и Эзморъ, въ Коннемару и Керри, на всѣ пункты компаса Британскихъ острововъ и даже въ замки Франціи, въ охотничьи дома Сербіи, Богеміи и Венгріи, и Богъ знаетъ еще куда.

Его отвѣтомъ на всѣ эти гостепріимныя приглашенія былъ одинъ отказъ. Здоровье не позволяло ему воспользоваться такими соблазнительными предложеніями. Отказы эти писались его секретаремъ и вызвали много критическихъ и ѣдкихъ замѣчаній насчетъ наглости новыхъ богачей.

Такимъ образомъ августъ подходилъ къ концу и газеты, не поглощенные больше парламентскими отчетами, облеклись въ перья крикливыхъ совѣ и посвящали ежедневно свои столбцы холерѣ, а для развлеченія читателей печатали рядъ писемъ о такихъ животрепещущихъ вопросахъ, каковы: что дѣлать намъ съ пустыми жестянками изъ-подъ сардиновъ? или: представляется ли театръ безопасной профессіей для дочерей клерджименовъ? или же, наконецъ, какимъ образомъ повеселиться три недѣли, владѣя всего лишь пятифунтовой ассигнаціей?

До сихъ поръ Джерардъ всегда посѣщалъ Эстеръ Давенпортъ по вечерамъ, когда она никогда не бывала одна. Отецъ всегда присутствовалъ при ихъ свиданіяхъ и ни разу не пришлось имъ поговорить или взглянуть другъ другу въ глаза безъ свидѣтелей. Страстное желаніе овладѣло имъ повидаться съ нею наединѣ и въ одинъ прекрасный день онъ отправился въ Челси въ такой часъ, когда зналъ, что старикъ читаетъ газеты въ даровой читальнѣ. Но лэндледи, отворившая ему дверь, объявила, что миссъ

Давенпортъ занята и ее ни въ какомъ случаѣ нельзя отрывать отъ работы.

— Вы можете, по крайней мѣрѣ, сказать ей, что я пришелъ и былъ бы радъ видѣть ее, хотя бы на нѣсколько минутъ, — сказалъ Джерардъ, и такъ какъ онъ часто давалъ этой женщинѣ „на чай“, то она и пошла исполнить его порученіе, но вернулась почти немедленно, говоря, что миссъ Давенпортъ занята спѣшной работой, которую должна кончить къ сроку, и не можетъ отойти ни на минуту отъ швейной машины.

И дѣйствительно, стукъ ненавистнаго колеса доносился до него въ то время, какъ женщина докладывала ему, и Джерардъ вышелъ изъ дома, сердясь на судьбу и на жизнь... и даже на дѣвушку, отказавшуюся его принять.

„Это гордость, упрямство, безсердечность! — говорилъ онъ себѣ въ досадѣ. — Она знаетъ, что я ее обожаю... что я могу превратить ее жизнь въ одинъ сплошной праздникъ, что я владенъ ключомъ ко всему, что есть въ мірѣ прекраснаго или пріятнаго, и тѣмъ не менѣе продолжаетъ вертѣть это проклятое колесо. Она предпочитаетъ быть рабыней нѣмецкаго портного, чѣмъ моей повелительницей“.

Въ этомъ злобномъ настроеніи ума очутился онъ лицомъ къ лицу съ Юстиномъ Джерминомъ, всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей м-ра Давенпорта.

— Я думалъ, что вы находитесь въ горахъ Гарца, — сказалъ онъ, недовольный этой встрѣчей.

— Я былъ тамъ, исходилъ ихъ съ ранцемъ за плечами, точно геттингенскій или гейдельбергскій студентъ; испилъ до дна чашу наслажденій въ придорожныхъ трактирахъ, провелъ цѣлую лѣтнюю ночь на Брокенѣ и грезилъ о Мефистофелѣ и вѣдмахъ. Но въ одинъ прекрасный день вдругъ возымѣлъ фантазію вернуться въ Лондонъ и поискать васъ. Я слышалъ отъ Роджера Лароза, что вы обратились въ пустытника и ведете затворническую жизнь въ домѣ, который онъ для васъ выстроилъ, и я, будучи и самъ отчасти пустытникомъ, почувствовалъ къ вамъ симпатію. — Не колесо ли это Гретхенъ слышалъ я, проходя мимо дома, гдѣ вы сейчасъ были?

— Я не имѣю понятія о томъ, что вы слышали; но хотѣлъ бы знать, что собственно привело васъ въ этотъ околотокъ.

— Любопытство и прыткая извозчицья лошадь. Я видѣлъ, какъ вы поѣхали въ эту сторону въ то время, какъ собирался перейти черезъ дорогу у Альбертовыхъ воротъ съ намѣреніемъ навѣстить васъ. Но бесполезно было идти къ вамъ въ домъ въ

то время, какъ вы уѣзжали изъ него, поэтому я нанялъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать за вами, и когда онъ довезъ меня до этой улицы, то я отпустилъ его, какъ-разъ въ тотъ моментъ, какъ вы отпустили своего. Я перешелъ на ту сторону улицы, пока вы разговаривали съ женщиной, отворившей вамъ дверь. Вы были слишкомъ поглощены своими мыслями и не замѣтили меня, а въ открытое окно я увидѣлъ дѣвушку за швейной машиной, съ блѣднымъ гордымъ лицомъ, которое все вспыхнуло, когда женщина возвѣстила о вашемъ визитѣ.

— И вы воображаете, что я допущу такое шпіонство?! Каковы бы ни были ваши дарованія, м-ръ Джерминъ, будь вы пророкъ, волшебникъ или частный сыщикъ, но я долженъ попросить васъ изощрять свои таланты на другихъ людяхъ, а меня оставить въ покоѣ.

Юстинъ Джерминъ отвѣчалъ на этотъ выговоръ громкимъ смѣхомъ.

— Пустаки, — сказалъ онъ: — вы притворяетесь, что сердиты, но это неправда. Никто на меня не сердится. Я пользуюсь привилегіей говорить правду; я — общественный шутъ. Дайте мнѣ быть вашимъ шутомъ. Дайте мнѣ привилегію, какою давали императоры былого времени своимъ шутамъ. Вы увидите, что я болѣе пріятный собесѣдникъ, чѣмъ ваши собственные мысли.

— Онъ довольно мрачнаго свойства въ настоящую минуту, — отвѣчалъ Джерардъ, сразу покоряясь невѣдомому вліянію, противостоять которому онъ не могъ.

Онъ не зналъ, какого рода сила, дѣйствіе которой онъ на себя испытывалъ, но зналъ, что она безусловно покоряетъ его. Онъ обращался въ *сецъ* въ рукахъ Джермина и тотъ могъ вертѣть имъ, какъ вздумается.

— Вы несчастны! — вскричалъ Джерминъ. — Вы, владѣя тѣмъ рычагомъ, какимъ двигаетъ міръ? Нелѣпо! Если у васъ есть желанія, осуществляйте ихъ. Если на вашей дорогѣ стоитъ чело-вѣкъ, купите его. Всѣхъ мужчинъ можно купить (это старинная аксіома первыхъ министровъ, начиная отъ Вольсея до Вальполя) и почти всѣхъ женщинъ. Вы — безумецъ, когда тратите себя на неисполнимыя желанія, которыя означаютъ лихорадеу и безпокойство. У васъ есть *reau de chagrin*, талисманъ власти — въ вашей чековой книжкѣ.

— Да, *reau de chagrin* — мы можемъ признать въ ней аллегорическую фигуру, представляющую силу денегъ въ вѣкъ прогресса и цивилизаціи, но, владѣя этой силой, я долженъ помнить и о возмездіи. Съ каждымъ исполненнымъ страстнымъ желаніемъ талисманъ съѣживается и жизнь его владѣльца сокращается.

— Нѣтъ, мой другъ, неисполненныя желанія, неосуществленныя надежды, обманутое честолюбіе, безнадежная любовь—вотъ что сокращаетъ нашу жизнь. Съ исполненіемъ наступаетъ пресыщеніе, а пресыщеніе значитъ покой. Опасность заключается въ мучительномъ голодѣ, какой возбуждаетъ желаніе, а не въ его удовлетвореніи.

XV.

Изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ Джерардъ зналъ, Юстинъ Джерминъ былъ послѣднимъ, котораго онъ сознательно выбралъ въ повѣренныя и совѣтчики. Этотъ человѣкъ внушалъ ему тайный страхъ. Онъ считалъ его лживымъ, ненадежнымъ, полу-шарлатаномъ, полу-дьяволомъ; и со всѣмъ тѣмъ его притягивалъ къ нему непреодолимый магнетизмъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ нуждался въ дружескомъ ухѣ, въ которое онъ могъ бы изливать свои эгоистическія жалобы, что послѣ попытки отдѣлаться невѣжливостью отъ Джермина онъ кончилъ тѣмъ, что пошелъ съ нимъ въ загородный ресторанъ. Тамъ они курили и лѣниво болтали о людяхъ, до которыхъ имъ въ сущности не было никакого дѣла. У Джермина былъ вообще очень злой языкъ, но такъ какъ онъ былъ мужчина, то всего больше доставалось отъ него слабѣйшему полу.

— Я думаю, что вообще мужчины ненавидятъ всѣхъ женщинъ, за исключеніемъ той одной, которую они обожаютъ, — сказалъ Джерардъ задумчиво.—Между обоними полами существуетъ такой же естественный антагонизмъ, какъ между собакой и кошкой. Пустите дѣвочку играть съ маленькими мальчиками, и еслибы не боязнь старшихъ, то черезъ часъ игры отъ нея остались бы только влоchia, какъ отъ Іезавели, когда ее растерзали собаки. Всѣ мальчишки напустились бы на нее. Они сначала выдрали бы ей волосы и исщипали бы ее, а затѣмъ дикарь проснулся бы въ нихъ и они бы ее убили. Вспомните, какъ сипаи обращались съ женщинами во время ость-индскаго мятежа! Эта дьявольская жестокость не что иное, какъ прирожденная ненависть къ другому полу, выражающаяся при первой возможности. И ваши ядовитыя замѣчанія о м-съ Фонтенель и хорошенькой миссъ Винцентъ не что иное, какъ цивилизованная форма той же ненависти.

— Можетъ быть, — согласился Джерминъ.—Но я съ своей стороны скорѣе люблю коллекцію женщинъ, какъ энтомологъ лю-

бить коллекцію бабочекъ. Я люблю накалывать ихъ булавкой на пробку и изучать, и заключать объ ихъ будущемъ на основаніи ихъ антецедентовъ.

— И вы не вѣрите въ непоколебимую честь честныхъ женщинъ?

— Нѣтъ, не вѣрю въ честь ради чести. Есть женщины, которыя изъ гордости проходятъ всю жизнь съ незапятнанной репутаціей, подобно тому, какъ индійскій фанатикъ будетъ держать руки надъ головой до тѣхъ поръ, пока онъ окончатъ и высохнутъ, ради того, чтобы его почитали другіе люди. Но честь ради чести, честь въ вертепѣ, гдѣ никто ее не хвалитъ, честь при дворѣ Людовика Великаго или Карла Малаго — этого рода чести, любезный Гиллерсдонъ, я не вѣрю. Помните, что я материалистъ изъ материалистовъ. Мой умъ и мои мнѣнія, быть можетъ, естественный продуктъ разлагающагося общества.

— И вы думаете, что честная женщина — женщина, дѣвическая жизнь которой прошла въ чистыхъ и святыхъ помыслахъ, идеаломъ которой служить Богоматерь — вы думаете, что такая женщина можетъ пережить потерю своего добраго имени и быть все-таки счастливой?

— Безъ сомнѣнія, если она получить соответственную награду — преданнаго любовника, роскошную жизнь и обезпеченную старость. Терніемъ въ розахъ безчестія является не потеря чести, но страхъ нищеты. Женщины безъ имени, лежація на шолоковыхъ подушкахъ своихъ ландъ, трепещутъ при мысли, что окружающая ихъ роскошь можетъ быть такъ же скоротечна, какъ цвѣты въ саду, живущіе одинъ сезонъ — и только. Повѣрьте мнѣ, любезный Гиллерсдонъ, мы даромъ тратимъ свое состраданіе, когда воображаемъ, что этихъ дамъ смущаетъ воспоминаніе о невинномъ дѣтствѣ, о приходской церкви, о воскресной шволѣ, гдѣ онѣ учили деревенскихъ ребятишекъ, о родителяхъ съ разбитыми сердцами и огорченныхъ сестрахъ. Деньги, способы ихъ добыванія — вотъ о чемъ думаютъ эти бабочки, когда мысли ихъ не заняты наслажденіями минуты. Умныя копятъ деньги или ухищряются выйти замужъ за богатыхъ людей. Глупыя — не думаютъ о завтрашнемъ днѣ и кончаютъ дни въ грязи и нищетѣ. Но угрызения совѣсти... сожалѣнія... разбитыя сердца... — все это фантазія, мой любезный Гиллерсдонъ, однѣ фантазіи!

Попутный извозчикъ отвезъ молодыхъ людей обратно въ городъ и, подъѣзжая въ Королевскимъ воротамъ, Джерардъ пригласилъ своего спутника отобѣдать съ нимъ. Въ словахъ Юстинна Джермина не было ничего новаго, но ихъ дешевый цинизмъ

правился Джерарду. Когда человекъ задумаетъ злое, ничто такъ ему не пріятно, какъ когда ему говорятъ, что зло — сущность жизни, что порокъ, соблазняющій его, есть общее достояніе людей, а потому не есть вовсе порокъ.

Они отобѣдали tête-à-tête въ зимнемъ саду, гдѣ теплый вѣтерокъ игралъ въ листьяхъ пальмъ и пахло розами. Обѣдъ былъ само совершенство, вина отборныя, и гость Гиллерсдона оказалъ имъ подобающую честь, между тѣмъ какъ самъ хозяинъ ѣлъ мало и пилъ только содовую воду.

— Фортуна, которая благоволитъ къ вамъ во многихъ отношеніяхъ, не наградила васъ хорошимъ аппетитомъ, — сказала Джерминъ, когда онъ вторично наложилъ себѣ на тарелку chaud-froid изъ овсянокъ.

— Пища и питье такъ убійственно однообразны, — отвѣчалъ Джерардъ. — Я думаю, что мой chef—артистъ, но его произведенія мнѣ надоѣдаютъ. Они разнообразны скорѣе по названію, нежели по существу. Всѣ его menus я знаю наизусть.

— Вы владѣете милліонами всего лишь годъ съ небольшимъ и уже научились ихъ презирать. Поздравляю васъ! — сказала Джерминъ.

— Ахъ, вы забываете, что всѣмъ этимъ я пользовался раньше, хотя и въ чужихъ домахъ. Деньги врядъ ли могутъ доставить мнѣ что-либо неизвѣданное, какъ не могли доставить Соломону; а у меня нѣтъ Савской царицы, чтобы позавидовать моему великолѣпію. Никто не завидуетъ въ наше время милліонерамъ. Милліонеры слишкомъ обыкновенны. Они живутъ во всѣхъ улицахъ Майфера. Чтобы заслужить чью-нибудь зависть, надо имѣть билліонъ.

— Вы начинаете считать себя бѣднякомъ? — сказала Джерминъ съ веселымъ смѣхомъ надъ человѣческимъ безразсудствомъ. — Какой-нибудь годъ тому назадъ вы собирались убить себя изъ-за денежныхъ затрудненій... неоплаченныхъ счетовъ портныхъ и сапожниковъ. Еще пройдетъ годъ... и вы зарядите тотъ же револьверъ, чтобы положить конецъ существованію, лишенному для васъ всякаго интереса. Соломонъ не былъ такимъ безумцемъ. Право, я думаю, что этотъ великій царь былъ просто величайшимъ шутникомъ, какого только исторія можетъ представить для созерцанія современныхъ мыслителей... Человекъ, который умѣлъ отлично философствовать о суетѣ мірской и вмѣстѣ съ тѣмъ пить до дна чашу наслажденій! Суета суетъ, говоритъ философъ, а глядь! невольничій рынокъ поставяетъ царю избраннѣйшихъ красавицъ. Суета суетъ, а глядь! корабли приходятъ въ гавань,

нагруженные слоновой костью и пурпуромъ Тира и золотомъ Офира для царя. А постройка громаднаго храма на горѣ доставляетъ неизсякаемый интересъ и служитъ забавой Соломону во всей его славу... Я думаю, Гиллерсдонъ, что если бы я былъ такъ богатъ, какъ вы, то единственная вещь, по которой бы я сокрушался—это, что деньги не могутъ вернуть мнѣ ни сдинаго мига былой славы. Мы можемъ подражать великолѣпному прошлому, но не можемъ воскресить его. Билліоны не вернуть намъ его назадъ. Вся живописность и красота жизни опошлена дешевой сообщеніемъ. Изъ края въ край слышны все тѣ же грубые, пошлые голоса. Нѣмецкій и англійскій говоръ звучитъ въ ушахъ въ кроткой Тосканѣ; вонки возятъ толпы лондонскихъ зѣвакъ по холмамъ Алжиріи; верблюды, нагруженные вульгарными существами изъ Лондона и Нью-Йорка, наводняютъ пустыню, гдѣ Исаія бродилъ подъ открытымъ небомъ. Гора, гдѣ поклонники Ваала ждали знаменія отъ своего бога, долина Иосафата стали такъ же банальны, какъ любой сверь или паркъ. Романтическій духъ исчезъ съ нашей опоплившейся планеты и миллиарды золотыхъ монетъ не вернуть его больше ни на одинъ мигъ.

— Я бы съ охотой оставилъ прошлое въ повоѣ, лишь бы быть счастливымъ въ настоящемъ. Вотъ въ чемъ затрудненіе.

— О! я всегда счастливъ! у меня бывають прихоти, но не бываетъ страстныхъ влеченій. Единственныя неприятности мои—климатическія. Пока свѣтитъ солнце—я доволенъ.

— Если вы допили ваше вино, — сказалъ Джерардъ: — то пойдемте въ мою берлогу.

— Съ удовольствіемъ.

Они пошли наверхъ, въ комнату, гдѣ прибитъ былъ къ стѣнѣ талисманъ Джерарда, закрытый японской занавѣсью.

Онъ не раздвигалъ занавѣски съ той самой ночи, какъ впервые встрѣтился съ Эстеръ Давенпортъ, и когда невѣрная линія, проведенная его перомъ, показала ему, что элементъ безпокойства и тревоги вошелъ въ его жизнь.

Сегодня онъ устало опустился на обычное кресло и тяжкій вздохъ вырвался у него, когда онъ отстранилъ книги, лежавшія передъ нимъ на столѣ, и взглянулъ на портретъ своей суженой.

Джерминъ обходилъ комнату и разглядывалъ все въ ней съ веселымъ видомъ.

— Совсѣмъ какъ моя комната! — проговорилъ онъ. — Когда я гляжу на эти вещи, то мнѣ становится грустно. Мои всѣ проданы, разсѣяны по бѣлому свѣту. Я отказался отъ квартиры въ

этомъ полуразрушенномъ домѣ: слишкомъ мрачно для человѣка веселаго нрава. У меня есть теперь pied-à-terre въ Парижѣ.

— Въ какомъ кварталѣ?

— Ахъ, я никогда не сообщаю своего адреса. Это одна изъ моихъ особенностей. Но если я когда-нибудь встрѣчу васъ на бульварѣ по выходѣ изъ театра, то приведу ужинать въ свою берлогу и угощу такимъ же прекраснымъ марбѣ или лафитомъ, какъ и та мадера, которая вамъ такъ пришлась по вкусу въ ту ночь... Клянусь Юпитеромъ! это мой портретъ изъ чернаго мрамора! Откуда вы его достали?

Портретъ оказался бюстомъ Пана, но черты и выраженіе зятчнаго бога были чертами и выраженіемъ Джермина. Допустите фантазію художника придѣлать волниныя уши бюсту и бюстъ дѣйствительно можно было принять за портретъ прорицателя.

— Кто скульпторъ?—спросилъ Джерминъ, съ дѣтскимъ удовольствіемъ разглядывая бюстъ.

— Это антикъ изъ коллекціи сэра Гумфри Свандервилля. Я нашелъ его на дняхъ у Кристи и купилъ какъ наилучшую замѣну чернаго мраморнаго бюста, какой я видѣлъ на вашей квартирѣ.

— Вы, должно быть, очень любите меня, Гиллерсдонъ, что поставили у себя мой портретъ.

— Люблю васъ? Ни мало! Я терпѣть васъ не могу, но... люблю ваше общество, какъ человѣкъ любитъ опиумъ. Это дурной вкусъ и онъ знаетъ, что опиумъ ему вреденъ, и однако принимаетъ его... жаждетъ его, не можетъ безъ него обойтись. Я не могъ успокоиться, пока не добылъ вашъ портретъ, и теперь этотъ искривленный ротъ, сходный съ вашимъ, вѣчно смѣется надъ моей грустью, моими сомнѣніями, моимъ отчаяніемъ. Эта чувственная улыбка во весь ротъ, это наслажденіе чисто животною жизнью постоянно напоминаетъ мнѣ, какимъ жалкимъ созданіемъ являюсь я съ языческой точки зрѣнія... какъ рѣшительно неспособенъ я наслаждаться жизнью въ пантеистическомъ вкусѣ, какъ крѣпко во мнѣ сознаніе всеобщаго человѣческаго удѣла... смерти.

— „Смерть здѣсь и смерть тамъ,
„Вездѣ и повсюду царить смерть..“

—цитировалъ Джерминъ. —Какой веселый поэтъ Шелли! Отличный арфистъ, слова нѣтъ, но на его арфѣ всего одна только струна: смерть, тлѣніе, уничтоженіе. Было бы просто непослѣдовательно, еслибы онъ прожилъ такъ же долго, какъ Вордсвортъ. Но почему мой портретъ наводитъ на васъ мрачныя мысли, не понимаю. Мой прототипъ и я—существа веселыя.

— Ваша веселость подчеркиваетъ мое уныніе.

— Уныніе — при молодости, красивой наружности и девяноста тысячахъ фунтовъ дохода!

— Этого болѣе чѣмъ довольно для счастья, будь я владѣльцемъ; но я вѣдь только арендаторъ и знаю, какъ краткосрочна моя аренда. Да, я знаю это, Джерминъ. Я знаю, что я — халифъ на часъ.

— Старайтесь какъ можно лучше воспользоваться временемъ, какимъ можете располагать. Быть богатымъ и молодымъ — значитъ владѣть міромъ. Нѣтъ такого цвѣтка въ саду жизни, какового бы вы не могли сорвать.

— Вы ошибаетесь. Я связанъ по рукамъ и по ногамъ. Я вижу передъ собой только одну возможность счастья... только одну, и не смѣю ею воспользоваться.

И въ припадкѣ эгоистической отвроченности онъ разсказалъ человѣку, котораго не уважалъ и которому не довѣрялъ, всѣ свои секреты... какъ онъ увидѣлъ Эстеръ Давенпортъ на эстрадѣ концертной залы и какъ съ тѣхъ поръ тщетно старается отдѣлаться отъ обаянія, неотразимо притягивающаго его къ ней.

— Мы ни разу не видѣлись съ ней наединѣ, но я знаю, что она меня любитъ, — заключилъ онъ.

— Чего же вамъ больше надо? Неужели вы оставите ее за швейной машиной, когда можете превратить ее жизнь въ сплошную праздникъ?

— Она не такая женщина, чтобы поддаться на какіе-либо соблазны. Что-жь? вы посоветуете мнѣ бросить всякія свѣтскія соображенія и жениться на ней?

— Нельзя же вамъ жениться на всякой женщинѣ, — отвѣчалъ Джерминъ съ практическимъ видомъ: — и я полагаю, что вы связаны съ этой дамой, — указавъ онъ на портретъ м-съ Чампюнь.

— Да, я связанъ съ нею и какъ честный человѣкъ обязанъ жениться на ней.

— Хотя по уши влюблены въ Эстеръ Давенпортъ?

— Я больше чѣмъ влюбленъ, я просто околдованъ. Я пытался ухъять изъ Лондона, забыть ее... и не могу.

— И довольствуетесь созерцаніемъ ея хорошенькаго личика. Почему вы не спровадите старика?

— Это не такъ легко сдѣлать, какъ вы думаете, да и бесполезно. Я пытался сдѣлать визитъ Эстеръ въ отсутствіе отца — она меня не приняла. И ничто не заставитъ ее разстаться съ нимъ.

— Можетъ быть; но очень легко его убѣдить разстаться съ нею. Неужели, вы думаете, ему не надоѣла его теперешняя жизнь? Развѣ вы не знаете, что значитъ исправленіе для закоренѣлаго пьяницы? Это значитъ воздержаніе отъ вина, то-есть такое существованіе, которое для него хуже смерти. Это значитъ вѣчное томленіе, жажду, такую же мучительную, какъ у путника въ африканской пустынѣ; но только онъ жаждетъ водки, а не воды. Дайте ему возможность, и онъ тотчасъ же впадетъ въ прежній порокъ.

— И вы намекаете, чтобы я далъ ему эту возможность? Нѣтъ, Джерминъ, я не такъ низокъ.

— Я ничего не намекаю. Но если вы хотите завладѣть дочерью, то должны отдѣлаться отъ отца. Вы предлагали деньги дочери—она отказалась; предложите ихъ прямо отцу, и даже не какъ пособіе, а какъ заемъ. Да мало ли другихъ средствъ. Вы говорите, онъ хорошо знаетъ или знаетъ классическіе языки? Закажите ему написать для васъ книгу, дайте ему литературное порученіе, которое доставитъ ему необходимый предлогъ, чтобы проводить всѣ свои вечера внѣ дома.

— Какой я былъ бы негодяй, еслибы принялъ вашъ совѣтъ!

— Другъ мой, конецъ все одинъ и тотъ же. Говорю вамъ, что для закоренѣлаго пьяницы не можетъ быть исправленія. Исправленіе бываетъ только кажущимся, но при первой же возможности пьяница набрасывается на вино съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ долѣе онъ былъ его лишенъ. Я столько же вѣрю въ исправленіе м-ра Давенпорта, какъ „Верхняя Церковь“ вѣритъ въ то, что Иисусъ Навинъ остановилъ солнце.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Было поздно, когда они разстались, и когда Джерминъ ушелъ, Гиллерсдонъ подошелъ къ стѣнѣ, къ которой прибилъ свой талисманъ, отдернулъ занавѣсъ, затѣмъ подошелъ къ столу и опустилъ перо въ чернильницу. Съ какимъ-то внутреннимъ бѣшенствомъ онъ провелъ перомъ линію по бумагѣ. Онъ рѣшилъ, что линія эта будетъ сдѣлана твердой и смѣлой рукой; но увы! она оказалась слабѣе предъидущей и ясно указывала на усиліе больного человѣка.

„Д-ръ Соутъ и Юстинъ Джерминъ правы, — подумалъ Джерардъ. — Страстные чувства подкашиваютъ жизнь человѣка... и пуще всего безнадежная страсть... пуще же всего борьба между долгомъ и страстью. Я повидаясь завтра съ Соутомъ, и если онъ скажетъ мнѣ, что состояніе мое ухудшилось, то...“

Онъ не договорилъ даже про себя то, что замыслилъ. Онъ провелъ безповойную ночь; сонъ его былъ прерывистый и по-

лонъ видѣній... Онъ видѣлъ Николая Давенпорта во всевозможныхъ странныхъ и удивительныхъ видахъ.

На слѣдующее утро Джерардъ отправился въ десятомъ часу въ Гарлей-стритъ и былъ такъ счастливъ, что засталъ д-ра Соута, находившагося въ Лондонѣ en passant; онъ только-что кончилъ курсъ леченія въ Гомбургѣ и собирался ѣхать отдохнуть въ Бремеръ.

Пациентовъ не было въ приемной, потому что всѣ думали, что докторъ находится въ отсутствіи, и когда Джерардъ послалъ свою визитную карточку, онъ былъ немедленно введенъ въ кабинетъ. Д-ръ Соутъ взглянулъ на него изъ-за груди распечатанныхъ писемъ съ пріятной улыбкой.

— Мой маленькій пациентъ изъ девонширскаго викаріата, — весело проговорилъ онъ. Но вдругъ, зорко оглядѣвъ его, прибавилъ инымъ уже тономъ: — Однако вамъ на видъ хуже, чѣмъ въ послѣдній разъ, какъ вы у меня были, м-ръ Гиллерсдонъ. Что съ вами? Боюсь, что вы не послушались моего совѣта.

— Можетъ быть, — мрачно отвѣтилъ Джерардъ: — вы совѣтовали мнѣ прозябать, а не жить, превратиться въ рыбу, чуждую всякимъ волненіямъ и впечатлѣніямъ.

— Я не запрещаю вамъ пріятныя впечатлѣнія. Я совѣтовалъ только избѣгать тѣхъ бурныхъ страстей, которыя разрушаютъ организмъ человѣческой.

— Вы требуете невозможнаго. Жить значить чувствовать и страдать. Я не могъ послѣдовать вашему совѣту. Я страстно влюбленъ въ женщину, на которой не могу жениться.

— Вы хотите сказать, что она уже замужемъ?

— Нѣтъ; но есть другія причины...

— Если это только вопросъ объ общественномъ неравенствѣ, то пренебрегите имъ и женитесь. Вамъ нельзя быть несчастливымъ. Разочарованіе, которое другому человѣку сойдетъ даромъ, на васъ отразится роковымъ образомъ. Вы не такого сложенія, чтобы быть несчастливымъ.

— Скажите мнѣ прямо и откровенно, сколько мнѣ остается жить.

— Снимите сюртукъ и жилетъ! — приказалъ спокойно докторъ.

Когда д-ръ Соутъ выслушалъ и выстукалъ своего пациента, лицо его было серьезно, но профессионально непроницаемо и по

его выраженію нельзя было бы рѣшить, какого онъ мнѣнія о положеніи больного.

— Ну?—спросилъ Гиллерсдонъ:— мнѣ хуже, чѣмъ въ прошлый разъ?

— Во всякомъ случаѣ не лучше.

— Ради Бога, говорите правду!—закричалъ Джерардъ грубо, но вдругъ спохватился:—простите, докторъ, но я хочу знать правду, только правду. Какъ вы меня находите?

— Нехорошо.

— Проживу я годъ... два... три года? сколько вы мнѣ даете лѣтъ жизни?

— При бережномъ уходѣ вы можете прожить еще нѣсколько лѣтъ... скажемъ такъ, лѣтъ десять... Но если вы будете волноваться, вы не долго протянете. Волненія, заботы, тревоги ускорятъ вашъ конецъ. Съ грустью долженъ сказать вамъ это.

— Благодарю васъ за то, что вы мнѣ сказали правду. Мнѣ важно это знать. Я постараюсь быть счастливымъ, какъ могу.

— Женитесь на женщинѣ, которую вы любите, хотя бы она была горничной,—сказалъ докторъ съ добротой,—и пусть она ухаживаетъ за вами въ какомъ-нибудь скромномъ убѣжищѣ, вдали отъ тревоженій свѣта и политики. Вы должны, само собой разумѣется, отправиться на югъ до наступленія зимы. Я бы рекомендовалъ Сорренто или Корсику. Богатство дастъ вамъ возможность окружить себя всею роскошью, благодаря которой человѣку легко живется.

XVI.

Джерардъ Гиллерсдонъ оставилъ Гарлей-стритъ почти рѣшивъ, что порветъ съ женщиной, которую любилъ слишкомъ три года, и сдѣлаетъ предложеніе женщинѣ, которую любилъ всего лишь три мѣсяца.

„Но въ чему же жениться на ней?—шепталъ голосъ злого духа:—свѣтъ проститъ, если ты ее хорошо обеспечишь. Сдѣлай ее своей любовницей и скрой отъ глазъ всего міра. Жениться на ней—значило бы связаться на всю жизнь съ безумнымъ пьяницей. Человѣкъ въ твоемъ положеніи можетъ быть вѣренъ Эсеири, не бросая Вапти. И твоя Вапти будетъ преданна и вѣрна“.

И точно въ подкрѣпленіе злыхъ нашептываній онъ нашель, вернувшись домой, письмо отъ Вапти, которое затронуло въ немъ самое чувствительное мѣсто, потому что въ немъ выражалась пол-

ная увѣренность въ немъ и въ счастливомъ будущемъ, ожидающемъ ихъ.

Онъ провелъ все время послѣ полудня у себя въ саду, а затѣмъ отправился въ Челси въ такой часъ, когда зналъ, что застанетъ старика Давенпорта одного.

— Какъ вы добры, что навѣстили меня!—сказалъ старикъ, завидя его.—Эти лѣтніе дни такъ чертовски тянутся, когда Эстеръ нѣтъ дома. И газеты такія скучныя и пустыя.

— У васъ не особенно здоровый видъ; чтò съ вами?—освѣдомился заботливо Гиллердонъ.

— Я думаю, что мнѣ вредно безусловное воздержаніе отъ вина, котораго требуетъ Эстеръ,—сказалъ старикъ.—Это ошибка съ ея стороны. Я не забылъ прошлаго, м-ръ Гиллердонъ. Я не забылъ своего униженія и позора, но я надѣюсь, что больше никогда не дойду до этого. Я былъ такъ измученъ невралгіей, и единственнымъ облегченіемъ отъ нестерпимыхъ болей былъ хлораль или водка. Теперь я вылечился отъ невралгіи. Моя бѣдная Эстеръ очень заботится о моемъ здоровьѣ и слѣдитъ за моею діетою съ своей личной точки зрѣнія; но она не знаетъ, какъ я слабъ и удрученъ духомъ. Она не понимаетъ нравственныхъ страданій, отъ которыхъ могла бы меня избавить рюмка другая хорошаго портвейна въ день.

— Неужели же миссъ Давенпортъ не позволяетъ вамъ выпить рюмку портвейна послѣ завтрака и послѣ обѣда?

— Вы ее не знаете, мой дорогой другъ,—сказалъ Давенпортъ, качая головой.—Женщины всегда бросаются въ крайность. Она бы заплакала, увидя у меня въ рукахъ рюмку вина, и на колѣняхъ стала бы умолять меня не пить. Она забрала себѣ въ голову, что одной вапли вина достаточно, чтобы я началъ пить горькую, и я никакъ не могу убѣдить ее, что пьянство вовсе мнѣ не по натурѣ.

— Я поговорю съ миссъ Давенпортъ и уговорю ее позволить мнѣ прислать вамъ нѣсколько дюжинъ бутылокъ хорошаго стараго портвейна, Кокбѣри 1857 г.

Глаза старика засверкали при этомъ предложеніи.

— Сколько бы ее ни уговаривали, она не уступитъ. Она забрала себѣ въ голову, что мое спасеніе зависитъ отъ того образа жизни, какой я теперь веду. А вѣдь тяжело для человѣка моихъ лѣтъ во всемъ зависѣть отъ дочери и не имѣть ни гроша въ карманѣ.

— Но почему же вамъ зависѣть отъ дочери даже относи-

тельно карманныхъ денегъ? Почему бы вамъ самому не зарабатывать ихъ?

— Что же я могу дѣлать? Я пробовалъ достать себѣ переписку, но у меня не писарскій почеркъ. Я пишу такъ неразборчиво, что не могу заработать даже той нищенской платы, какую оплачивается этого рода работа.

— Я не думалъ о такомъ жалкомъ занятіи для васъ. Вы пробовали заниматься литературой? Вѣдь вы хорошо знакомы съ классическими языками?

— Я былъ знакомъ съ ними когда-то; но человѣкъ, который тридцать лѣтъ тому назадъ получилъ ученую степень въ Оксфордѣ, умеръ и погребенъ.

— Люди не забываютъ Гомера и Виргилія, если изучали ихъ съ ревностью ученаго.

— Забыть,—нѣтъ. Кто можетъ забыть старыхъ друзей! Приведите мнѣ какую угодно фразу изъ Горація или Виргилія, какъ бы темна она ни была, и я дамъ вамъ ея точный переводъ. Эти два поэта сжились со мной. Я считался также нѣкогда довольно хорошимъ знатокомъ греческихъ драматурговъ, и началъ-было переводить Эдипа, но получилъ приходъ и отложилъ работу въ сторону.

— Мнѣ сталъ слишкомъ суетенъ, чтобы интересоваться Софокломъ,—отвѣчалъ Джерардъ,—но я думаю, что новый переводъ Горація могъ бы имѣть успѣхъ... то-есть новая версія его болѣе легкихъ сатиръ, и я бы взялся за этотъ трудъ, еслибы могъ надеяться на помощь такого компетентнаго ученаго, какъ вы.

Лицо старика выразило лихорадочное волненіе.

— Но вы сами, конечно, такъ сильны въ латыни...

— Нѣтъ, я довольно-таки позабылъ латынь. И мнѣ нуженъ былъ бы новый подстрочный переводъ моихъ любимыхъ сатиръ, которыя я потомъ изложилъ бы по своему. Хотите мнѣ помочь, м-ръ Давенпортъ?

— Такая работа была бы для меня наслажденіемъ. Одна мысль о ней вселяетъ въ меня новую жизнь. Съ какой сатиры мы начнемъ?

— Съ девятой изъ первой книги. Она даетъ такой прекрасный матеріалъ для бичеванія современныхъ глупцовъ.

— Превосходно. Я горжусь, что, имѣя подъ руками столько уже готовыхъ переводовъ, вы предпочитаете мой.

— Я избѣгаю всѣхъ печатныхъ переводовъ,—отвѣчалъ Джерардъ и вынулъ бумажникъ.

Старикъ жадными глазами слѣдилъ за нимъ и тонкія губы его дрожали. Неужели же ему дадутъ задатокъ?

Этотъ вопросъ былъ немедленно разрѣшенъ. Джерардъ вынулъ пару сложенныхъ банковыхъ билетовъ и подалъ ихъ своему будущему сотруднику.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ двѣсти фунтовъ въ счетъ гонорара,—сказалъ онъ. У васъ будетъ по крайней мѣрѣ сознание, что ваша ученость имѣетъ цѣну и вы не вполне зависите отъ своей дочери.

Старикъ совсѣмъ растаялъ и заплакалъ.

— Мой дорогой молодой другъ, деликатность вашихъ чувствъ, ваше великодушіе совсѣмъ подавляютъ меня,—пролепеталъ онъ, хватая билеты дрожащими пальцами,—но я не могу... не могу взять этихъ денегъ.

Онъ вѣсело стиснулъ билеты, говоря это, въ низкомъ страхѣ, что ихъ возьмутъ назадъ.

— Я подозреваю, что предлагаемый вами переводъ не что иное какъ великодушная фикція... придуманная, чтобы избавить меня отъ чувства униженія отъ такого великолѣпнаго гонорара. Сознаюсь вамъ, что предлагаемая вами мнѣ работа будетъ для меня полна интереса. Я понимаю значеніе этихъ сатиръ... переведенныхъ такъ же свободно, какъ перевелъ ихъ Поупъ... понимаю всѣ намеки политическіе, общественные, литературные... и для писателя вашего таланта... дѣло будетъ не трудное.

— Значитъ, вы мнѣ поможете?—спросилъ Джерардъ, и чахоточный румянецъ заигралъ на его впалыхъ щекахъ.

— Отъ всего сердца и изо всѣхъ силъ,—отвѣчалъ Давенпортъ, засовывая бумажки въ карманъ жилета автоматическимъ движеніемъ.—Я немедленно примусь за работу, но,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ страхомъ,—лучше ничего не говорить Эстеръ, пока я не выполню работы. Когда ваша книга будетъ напечатана, она будетъ гордиться сотрудничествомъ отца въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ; но пока лучше ей не говорить, тѣмъ болѣе, что я не желалъ бы, чтобы она знала, что въ моемъ распоряженіи такая большая сумма денегъ.

Все это онъ выговорилъ сбивчиво и нервно, провожая своего патрона до дверей, какъ бы даже выпроваживая его.

Джерардъ отпустилъ къбъ, когда пріѣхалъ въ Чельси, и теперь медленно направился къ рѣкѣ, старательно избѣгая дороги, по которой должна была вернуться Эстеръ.

Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ убійцы.

А. Э.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ МѢСТА

Изъ изслѣдованій южнаго черноморскаго побережья Кавказа.

I.

Заманчива Колхида съ древнихъ временъ для человѣчества. Мягкій, теплый и влажный климатъ; роскошная растительность; изобиліе фруктовъ, дикихъ звѣрей, изобиліе ископаемыхъ цѣнностей; привлекательная картина величественной природы, дающей возможность свободной жизни—горы, скалы, утесы, обрывы—все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ легкостью сообщенія морскимъ путемъ, подкупаетъ человѣчество въ пользу южной части черноморскаго побережья, относящейся нынѣ къ прибрежьямъ Кутаисской губерніи.

Но находящіяся здѣсь развалины древнихъ городовъ, селеній, церквей, жилищъ, пещеръ, оставшихся памятниками старины по всему южному черноморскому побережью, въ совокупности съ нынѣ существующими селеніями, гдѣ смертность въ два три раза превышаетъ рожденіе, и гдѣ населенію грозитъ явная гибель, также частыя, продолжительныя и изнурительныя лихорадки, отнимающія большую часть рабочихъ дней въ году у всякаго лица, живущаго въ этой мѣстности, — все это свидѣлствуетъ о томъ, что естественныя условія края совершенно неблагоприятны для здоровья человѣка, и даже мѣстами прямо опасны для жизни.

Богатѣйшая и разнообразнѣйшая растительность, очаровывая своею внѣшностью, блескомъ листа, гигантскимъ и скорымъ ростомъ, часто бываетъ обманчива для человѣка, когда онъ желаетъ воспользоваться съ выгодною для себя плодами растений.

Такихъ оригинальныхъ мѣстъ, не похожихъ на остальные, на всемъ земномъ шарѣ насчитываютъ только пять-шесть, — у насъ южное черноморское побережье, западное побережье Италіи, нѣкоторыя мѣста въ Бразиліи, въ Индіи и въ Африкѣ. Условія жизни въ этихъ мѣстахъ, условія культуры садовой, огородной, полевой, а также условія развитія скотоводства не подходятъ подъ общія, сложившіяся у всѣхъ, и въ теоріи, и на практикѣ, правила жизни и хозяйства. Правители странъ, колонизаторы и переселенцы попадаютъ въ просакъ, терпятъ неудачи и лишеныя.

При обзорѣ южнаго черноморскаго побережья достойно вниманія какъ состояніе крупныхъ хозяйствъ, такъ и положеніе поселенцевъ. Но прежде мы скажемъ нѣсколько словъ о Кавказѣ вообще, объ округахъ Сухумскомъ и Батумскомъ въ частности.

Кавказъ занимаетъ собою около $42\frac{1}{2}$ милліоновъ десятиныхъ земли, изъ которыхъ болѣе 9 милліоновъ подъ лѣсомъ. Только два округа, Сухумскій и Батумскій, имѣютъ около 1.300.000 десятиныхъ. Но если мы посмотримъ на количество виноградниковъ, то увидимъ, что небольшія сравнительно земли, находящіяся въ двухъ округахъ южнаго черноморскаго побережья, имѣютъ значительное преимущество предъ остальными мѣстностями Кавказа. Подъ виноградниками на Кавказѣ имѣется около 90.000 десятиныхъ земли, но на одну Кутаисскую губернію таковой земли приходится болѣе 42.000 десятиныхъ, затѣмъ на Тифлисскую губернію — около 27 т., на Терскую область — 12 т., на Эриванскую губернію — 6.600; въ остальныхъ губерніяхъ несравненно менѣе. Производствомъ вина Кавказъ первенствуетъ предъ остальными мѣстами имперіи: въ его предѣлахъ добываютъ болѣе 10 милліоновъ ведеръ (изъ 18 милліоновъ общаго количества, добываемаго по имперіи).

Какъ извѣстно, въ среднемъ выводѣ для всей имперіи на каждый уѣздъ приходится около 660 селеній; въ черноморскомъ же побережьи на весь Сухумскій округъ имѣется ихъ только 79. Въ общемъ на округъ приходится 77.530 жителей, изъ коихъ туземцевъ-самурзаканцевъ около 40 тысячъ, абхазцевъ — около 30 тысячъ, грековъ — около 2.100, мингрельцевъ — 1.700, русскихъ отъ разныхъ губерній — 1.000, эстонцевъ — 500, армянъ — 450, нѣмцевъ — 300, болгаръ — 85, молдаванъ — 70. Кромѣ того въ округѣ проживаетъ временно, занимаясь каботажемъ и дельфиновымъ промысломъ, около десяти тысячъ турокъ; армянъ, занимающихся посѣвами табаку и кукурузы, до пяти тысячъ, и нѣсколько тысячъ мингрельцевъ, проживающихъ на арендномъ началѣ.

На всѣ 79 селеній Сухумскаго округа приходится приблизи-

тельно 169.190 десятинъ земли, что составляетъ въ среднемъ выводъ около 11 десятинъ на каждый дворъ. Въ частномъ владѣнн лицъ привилегированнаго сословія изъ туземцевъ находится 80.805 десятинъ. У помѣщиковъ, бывшихъ русскихъ чиновниковъ, начиная отъ предсѣдателя поземельной комиссіи и кончая писцами—около 25 тыс.; въ монастырскомъ владѣнн—у Ново-Аѳонскаго монастыря 2.054 дес., у Пицунскаго—1.048 дес., у Драндовскаго—217 дес. Остальныя земли перешли въ вѣденіе министерства государственныхъ имуществъ. Свободной земли, предназначенной для заселенія, немного, всего лишь около семи тысячъ десятинъ, зато въ составѣ этой земли имѣется до шести тысячъ десятинъ лучшей въ округѣ, на Пеху; въ сожалѣнію, за отсутствіемъ дорогъ, заселеніе этихъ мѣстъ представляетъ большую трудность.

Продажныя цѣны на землю различны: отъ 10 руб. за десятину, онѣ восходятъ до 800 руб. Такъ, одинъ изъ московскихъ садоводовъ не такъ давно купилъ землю по берегу моря, въ полуверстѣ отъ Сухума, по 800 руб. за десятину. Приѣзжая въ Сухумъ, рискуешь попасть въ руки къ комиссіонерамъ по продажѣ земли: этимъ заняты очень многіе. Одинъ—свой участокъ въ тысячу десятинъ продаетъ за 40—45 тысячъ рублей; другой предлагаетъ землю по десяти рублей за десятину; третій, если земля хороша и при рѣкѣ, проситъ 150—200 руб. за десятину. Свободныхъ земель для продажи много, но покупателей мало. Обработка земли, хозяйство на ней—весьма не легки: рабочихъ мало, трудъ ихъ цѣненъ, а колонизація идетъ весьма медленно.

Въ южномъ черноморскомъ побережьѣ весьма выгодно заниматься табаководствомъ: теплый, влажный климатъ съ одной стороны, дѣвственная, непочатая, жирная почва—съ другой, даютъ года два подъ рядъ прекрасные урожаи разныхъ сортовъ табаку въ одной и той же мѣстности. Армяне, греки и турки, осѣдлые и приѣзжіе изъ другихъ мѣстъ, не исключая и Малой Азіи, занимаются въ большихъ размѣрахъ табаководствомъ. Въ побережье приѣзжаютъ скучивши изъ Петербурга, Москвы, Феодосіи, Ялты, Трапезонда, Константинополя. Извѣстный табачный фабрикантъ г. Богдановъ, имѣющій складъ табаку въ Анапѣ, сѣвернѣе Новороссійска, скупаетъ ежегодно болѣе десяти тысячъ пудовъ. Каждый, занимающійся табаководствомъ, удѣляетъ подъ табакъ $\frac{1}{2}$ или 1 десятину, причеиъ такое же количество или немного болѣе имѣется подъ кукурузой и огородными растеніями. Если мы возьмемъ весь Кавказъ, то увидимъ, что на немъ произрастаютъ болѣе 130 сортовъ табаку, причеиъ сборъ ежегодно достигаетъ

въ сѣв. Кавказѣ до 400.000 пуд., и въ Закавказьѣ—до 100.000 пуд.; въ первой мѣстности преимущественно турецкіе сорта, во второй—на половину турецкіе, на половину—низшіе сорта. Самое большое количество табаку добывается въ Кубанской области—до 212.000 пудовъ, затѣмъ въ Кутаисской губерніи—53.000 пуд., въ Черноморскомъ округѣ—болѣе 30.000 пуд., въ Тифлисской губерніи—22.000 пуд., и въ Елизаветпольской—до 2.000 пуд. Разведеніемъ табаку только въ Закавказьѣ заняты 144 селенія, причеиъ рѣдкій домохозяинъ не имѣетъ плантаціи. Армяне и греки занимаются посѣвами табаку преимущественно сортовъ самсонъ, трапезондъ, дюбекъ; табакъ такого сорта, который мы покупаемъ въ столицахъ по 2—4 руб. за фунтъ, въ Сухумскомъ округѣ скупщицы приобрѣтаютъ по 3, 4, 5 или 6 руб. пудъ.

II.

Въ 23 верстахъ отъ г. Батума, къ сѣверу по черноморскому побережью, въ двухъ верстахъ отъ станціи ж. д. Кобулеты, расположено единственное русское поселеніе во всемъ Батумскомъ округѣ—Смѣкаловка. Начало заселенія мѣстности русскими относится къ 1881 году. Для поселка было отведено 2.439 десятинъ земли, изъ коей 191 десятина пашни и усадебной съ фруктовыми деревьями земли; 648 дес. болотистаго выгона съ кустарникомъ; 746 дес. лѣса на болотистомъ мѣстѣ; 799 дес. болота и 55 десятинъ—дорогъ, прогоновъ и рѣчекъ.

Несмотря на попеченіе правительства о поселкѣ, на затрату капитала для отвода болотной воды, устройства колодцевъ, на выдачу долгосрочныхъ ссудъ, на постройки, приобрѣтеніе скота, сѣмянъ для посѣвовъ, даже на устройство мельницы, несмотря на значительныя частныя пожертвованія, поселенцы не оправдали ожиданій. Поселокъ не только не питаетъ города Батума чрезъ рынокъ своими продуктами, не только не имѣетъ силъ уплатить правительству выданныхъ въ ссуду денегъ, нѣтъ—русскіе стремятся даже повинуть его. Тридцать домохозяевъ бросили поселокъ и разбрелись по разнымъ мѣстамъ; оставшіеся имѣютъ намѣреніе рано или поздно перебраться въ другія мѣста, и лишь только за недостаткомъ средствъ уплатить правительству ссуду пока проживаютъ въ поселкѣ, запустивъ свои хозяйства.

Въ чемъ же скрыты причины неудачной попытки заселенія черноморскаго побережья русскими поселенцами? Почему неудалась попытка снабжать рынокъ Батума сельско-хозяйственными

продуктами русскихъ поселенцевъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ разберемъ условія, на коихъ зиждется жизнь каждаго крестьянина, посмотримъ насколько отведенная мѣстность удобопримѣнима для русскихъ поселянъ.

При моемъ изслѣдованіи въ поселкѣ находилось 62 домохозяина, — изъ нихъ 2 дворянина, 2 потом. почетн. гражданина, 6 мѣщанъ, 14 крестьянъ изъ солдатъ, 38 крестьянъ. Всѣ они приписаны къ г. Батуму съ отведенной для нихъ земель въ поселкѣ, въ размѣрѣ 15 десятинъ на каждый дворъ. Само собою разумеется, что не-крестьянское населеніе мало способно къ крестьянскому труду, но тѣмъ не менѣе 59% всего населенія составляютъ крестьяне, а потому причину неудачнаго заселенія мѣстности приписать разносословности невозможно. Мы знаемъ, что и въ селеніяхъ центральной Россіи промыслы кузнечный, мельничный, кирпичный, сапожный часто находятся въ рукахъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и проч. Ясно, что при организаціи поселка ремесленники могутъ только пособить дѣлу, а не помѣшать ему.

Поселокъ представляетъ разнохарактерную смѣсь по своему составу жителей; въ него собрались изъ 8 центральныхъ губерній европейской Россіи и изъ 12 губерній южныхъ. Въ поселкѣ можно встрѣтить крестьянъ съ привычками и обычаями московскими, вятскими, тамбовскими, орловскими, а рядомъ съ ними проживаютъ выселенцы изъ Польши, Кіевской, Езатеринославской и Таврической губерній, кубанцы, бакинцы и проч. Ихъ жизнь не представляетъ той гармоніи, которую можно подмѣтить въ селеніяхъ порознь взятой губерніи. Въ жизни нѣтъ солидарности, нѣтъ артельного, товарищескаго, общиннаго духа. Той же разрозненности не мало способствуетъ участковый, подворный нарѣзъ земли. Каждый селянинъ знаетъ только себя и сторонится сосѣда. Каждый довѣряетъ только своему опыту. Нѣтъ общихъ поселочныхъ предпріятій; даже мостика чрезъ ручьи и болота не хотятъ устроить. Нѣтъ взаимнаго кредита деньгами и натурой, скотомъ, птицей, сѣменами, орудіями труда. Въ то время, когда туземцы при подворномъ владѣніи землею приходятъ одинъ къ другому и товариществомъ, сообща, сѣютъ по очереди то тому, то иному, а также мотыжатъ вукурузу артелью, переходя съ поля на поле, и обмолачиваютъ вукурузу тоже артелью, — русскій поселенецъ работаетъ каждый про себя, скучаетъ за работой, теряетъ энергію и несетъ уронъ.

Изъ поселенцевъ, прибывшихъ въ 1884 году, многіе, разочаровавшись мѣстностью и оставивъ въ поселкѣ 26 домохозяевъ,

выбыли по разнымъ мѣстамъ въ числѣ 20 семействъ. Оставляя поселокъ, крестьяне продаютъ свои домишки съ немного воздѣланной усадебной участковой землей вполнѣ за безцѣногъ, за 65, 100, 150 рублей, хотя у нихъ на усадебной землѣ разведено до 50 и до 100 фруктовыхъ деревьевъ, десятки и сотни лозъ виноградника, — когда $\frac{3}{4}$ десятины раскорчевать и обработать цѣнится иногда въ 200 руб.

Напрасно будемъ искать причину плохого состоянія поселка въ томъ, что поселенцы являются въ мѣстность бѣдняками, безденежными, бессильными: прїѣзжали и зажиточные люди съ сотнями и тысячами рублей, но, проживши ихъ на хозяйствѣ, сдѣлались бѣдняками.

Посмотримъ же ближе на хозяйство поселка.

Кромѣ кукурузы, другихъ полевыхъ посѣвовъ не имѣется. Въ 1888 году, изъ 62 домохозяевъ 20 не имѣли своихъ запасекъ; изъ нихъ девять домохозяевъ сдавали участки въ аренду, кто изъ пятой части зерна, кто изъ седьмой, кто изъ восьмой, а нѣкоторые изъ десятой. Изъ общаго числа девять домохозяевъ обрабатывали поля наемнымъ трудомъ и тридцать семействъ — личными силами. Урожайность на разныхъ поляхъ различна, отъ 40 до 120 пудовъ съ десятины. Сѣять кукурузу въ мѣстности небезвыгодно: при благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ получить 22 руб. съ десятины, не прилагая совершенно своего труда, — дѣло вполнѣ возможное. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мѣстныя условія требуютъ, чтобы посѣвы были тщательно огорожены со всѣхъ сторонъ. Въ противномъ случаѣ дикій кабанъ или туземный скотъ, пасущійся обыкновенно безъ пастуха, выбѣетъ поле, уничтожить и слѣды посѣва. Туземныя поля всѣ огорожены, или же обнесены широкой и глубокой канавой. Участки русскихъ поселенцевъ не имѣютъ изгородей, за исключеніемъ тѣхъ, кто сдаетъ свои участки въ аренду туземцамъ, которые изъ личныхъ выгодъ устраиваютъ изгороди. Проѣзжая отъ станціи ж. д. Кобулеты чрезъ мѣстечко Чурукъ-су, можно видѣть тамъ прекрасныя, сравнительно, конечно, постройки туземцевъ, прекрасную, цѣнную изгородь, и возлѣ, тутъ же по сосѣдству, убогія постройки русскихъ поселенцевъ, часто плетневые мазанки, протекающія отъ дождя, крытыя кое-какъ соломой, изрѣдка желѣзомъ, причемъ сараи для скота почти отсутствуютъ.

При незначительныхъ посѣвахъ кукурузы, не достигающихъ одной десятины на семейство, поселенцы имѣютъ и малое количество скота. Въ 1889 году на 62 домохозяина приходилось 31 рабочая лошадь и 4 жеребенка, 62 коровы, 10 бычковъ, 28 те-

лять, 89 свиней и 45 поросятъ. Въ продолженіе жизни въ поселкѣ пало или было украдено: 37 лошадей, 45 коровъ и 11 свиней. Самый большой процентъ гибели падаетъ на лошадей. Лошади въ поселкѣ почти всё русской породы, которыя при отсутствіи рѣчной, текучей воды не переносятъ мѣстныхъ условій жизни. Сравнительно меньшій процентъ гибели въ коровахъ, кои въ настоящее время почти всё туземной породы. Были попытки со стороны одного домохозяина разведенія овецъ, но онѣ не убѣдились успѣхомъ; овцы теряли шерсть, дѣлались вялы и падали. Вообще по количеству скота поселокъ должно отнести, сравнительно вообще съ русскими селеніями, къ бѣднѣйшимъ. Не только скотъ, но и домашняя птица часто не переносятъ мѣстныхъ климатическихъ условій, болѣютъ и падаютъ. Бывали случаи, когда гуси падали стаями въ 60 штукъ. У куръ и пѣтуховъ во время болѣзни гребни дѣлаются синими. Кромѣ того, куръ и утокъ часто посѣщаютъ шакалы.

Попытокъ посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ со стороны поселянъ было произведено не мало. Я уже говорилъ, что въ поселокъ пріѣзжало около десяти зажиточныхъ крестьянъ, но они прожили сотни, а нѣкоторые и тысячи рублей, и разочаровались мѣстностью. Къ поселку приписывались и интеллигентныя лица, но и ихъ постигло разочарованіе. Поселяне произвели не менѣе 12 опытовъ посѣва пшеницы, не менѣе 10 опытовъ ячменя, 7—для гречи, 5—для овса, 4—для проса, 1—для жита. Но опыты почти всё были неудачны: 53% всѣхъ опытовъ въ результатѣ дали то, что хлѣба послѣ посѣва посохли, 35%—хлѣбъ родился соломой рѣдокъ, зерномъ мелокъ, 7%—посѣвы погибли отъ потравы, 2%—посѣвы (просо) дали прекрасный урожай—самъ-20. Отбрасывая случайности въ посѣвахъ, выразившіяся въ единичныхъ процентахъ, мы видимъ, что посѣвы пшеницы, ячменя, овса, жита, гречи, проса—или сохнутъ, едва достигнувъ въ ростѣ четверти или полторы, или бываютъ рѣдки и съ плохимъ, мелкимъ зерномъ. Само собою разумѣется, что приемы посѣвовъ производились по-русски, въ разбросъ зерномъ, а не такъ, какъ производятъ ихъ турки, китайцы, американцы, вообще жители соответствующихъ по климатическимъ условіямъ странъ. Поселяне пока принуждены довольствоваться посѣвами одной кукурузы, не дойдя до сѣвооборота, а потому получается уже истощеніе почвы; землю приходится запускать на два, на три года съ тѣмъ, чтобы опять приняться за кукурузу. Но въ эти два-три года земля, благодаря излишней сырости, порастетъ густой травой и кустарникомъ, т.-е. требуетъ большого труда и затратъ при разработкѣ. Ту-

земцы выработали для себя такой сѣвооборотъ въ мѣстности: они сѣютъ года два-три табакъ, затѣмъ на той же землѣ кукурузу — годъ или два, далѣе опять табакъ, а за нимъ на другое лѣто вновь кукурузу и т. д. Удачны пробы посѣва табаку были у многихъ изъ поселянъ. Туземцы не жалуются на свои плантаціи, слѣдовательно смѣло можно сказать, что заниматься табаководствомъ будетъ выгодно. При этомъ, впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что отъ хорошаго урожая до прибыли еще далеко: требуется умѣть высушить, выходить табакъ и сбыть его. Къ сожалѣнію, разобщенность поселянъ, присутствіе пяти семействъ молоканъ, не курящихъ и не допускающихъ табаку, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ загороженныхъ плантацій, заставляютъ поселянъ не прибѣгать къ разведенію табаку.

Производились также опыты съ разведеніемъ бахчевыхъ и огородныхъ растений. Главнѣйшія усилія поселянъ были направлены на разведеніе картофеля и капусты. Почти каждый домохозяинъ прилагалъ, повидимому, самое тщательное вниманіе и заботу въ этимъ растениямъ. Результаты за десять лѣтъ не утѣшительны: въ самую лучшую пору года, въ сентябрѣ, картофель продается въ мѣстной лавочкѣ для своихъ же поселянъ по 3 в. фунтъ, 1 р. 20 в. пудъ. Многіе домохозяева сажали картофель десятками пудовъ, но они не снимали и половины сѣмянъ. Большое разочарованіе получилось и въ посадкѣ капусты. Опытовъ было произведено множество; сажали по 100, по 500 штукъ. Но подземный червь и медвѣдка, а также червь на листьяхъ, поѣдаютъ капусту, а отъ излишней теплоты и влаги листья ея прѣютъ на корню. Арбузы, дыни и огурцы не удаются, — червь поѣдаетъ корни, а отъ сырости они покрываются пятнами и прѣютъ. Свекла, морковь, рѣдька, лукъ, чеснокъ растутъ неудовлетворительно. Но зато тыквы, помидоры, баклажаны, фасоль растутъ прекрасно.

Главнѣйшею доходною статьею служатъ для каждаго домохозяина сторонніе заработки, — поденщина въ Батумѣ, оплачиваемая отъ 60 коп. до 1 р. 50 в. въ сутки. Изъ поселка ежегодно уходитъ болѣе 66 рабочихъ; они проживаютъ $\frac{2}{3}$ года на заработкахъ и доставляютъ, въ среднемъ выводѣ, на каждый дворъ 150 руб., т.-е. около 10.000 руб. на весь поселокъ. Этими деньгами главнымъ образомъ и кормятся поселяне; на нихъ они сыты, одѣты и обуты.

Невозможность жить въ поселкѣ становится очевидною, особенно когда мы примемъ въ соображеніе, что изъ селенія 29 процентовъ домохозяевъ не имѣютъ никакихъ стороннихъ зара-

ботковъ, что въ немъ 37 дворовъ безлошадныхъ, 23 семьи безъ коровы, 28 дворовъ не имѣютъ ни одной свиньи, что хлѣбъ стоитъ въ цѣнѣ 4—5 коп. фунтъ, мясо 10 коп. и что вообще, за отсутствіемъ дороги до Батума, все привозное дорого. А принявши въ соображеніе, что въ мѣстности неблагоприятны климатическія условія для здоровья, часто бываютъ лихорадки, иногда продолжающіяся нѣсколько недѣль подъ рядъ,—мы увидимъ русскій поселокъ во всей его наготѣ: хижины кое-какія, дворовъ почти что нѣтъ, хорошихъ загородей—также, скота мало, посѣвы ничтожны, нѣтъ никакого довольства ни въ чемъ,—мы увидимъ бѣдныхъ, изнуренныхъ, исхудалыхъ поселянъ.

III.

Вышеописанный поселокъ Смѣкаловка относится къ регрессивнымъ мѣстамъ, гдѣ смертность народонаселенія превышаетъ его рожденіе. Въ Сухумскомъ округѣ мнѣ пришлось видѣть семь такихъ регрессивныхъ поселеній. Регрессивныя мѣста находятся по всему южному черноморскому побережью Кутаисской губерніи. Въ фактъ регрессивности мѣстностей не имѣетъ никакого значенія народность съ ея обычаями, съ ея условіями жизни. Поселки, о которыхъ я поведу теперь рѣчь, заселены и русскими, и гѣмцами, и эстонцами, и мингрельцами. Три селенія: Эстонка, Владиміровка и Николаевка, расположены одно возлѣ другого, недалеко отъ монастыря Дранды, въ 20—25 верстахъ отъ Сухума. Другая группа трехъ селеній: Гнатенбергъ, Нейдорфъ и Линдау, расположена близъ Сухума. Регрессивное селеніе Баklangовка находится на разстояніи 10 верстъ отъ Новаго Аюна, и наконецъ восьмое селеніе—Смѣкаловка—близъ Батума.

Изъ приводимыхъ восьми селеній четыре расположены по низменнымъ равнинамъ,—къ нимъ относятся Баklangовка, Владиміровка, Эстонка и Смѣкаловка; остальные четыре селенія расположены по холмистой возвышенности. Такимъ образомъ приписывать въ селеніяхъ превышеніе смертности надъ рождаемостью исключительно низменной, болотистой мѣстности невозможно. Селеніе Николаевка, расположенное на холмистой возвышенности, представляетъ еще одно поразительное явленіе. Оно находится возлѣ селенія Анастасьевки. И то и другое заселены мингрельцами, которые перекупили дома и усадьбы въ 1884 году у болгаръ, повинувшихъ земли. Оба селенія расположены на одинаковой высотѣ надъ уровнемъ моря, имѣютъ одну общую церковь и свя-

щенника, одного общаго старшину, и вообще, повидимому, всѣ условія жизни совершенно тождественны; однакоже въ Николаевкѣ, прилегающей къ низменнымъ мѣстамъ Владиміровки и Эстонки, замѣчается регрессъ, а въ Анастасьевкѣ, расположенной за версту отъ Николаевки, противъ ущелья горъ, вслѣдствіе чего мѣстность эта часто продувается вѣтромъ,—замѣчается прогрессъ.

Опасныя для жизни, для заселенія мѣста подмѣчены мною только лишь въ прибрежной полосѣ, причемъ въ низменныхъ равнинахъ на разстояніи отъ морского берега на 0,2—8 верстъ, въ холмистыхъ возвышенностяхъ на разстояніи 2—10 верстъ. Разсматривая селенія, находящіяся на большомъ разстояніи отъ берега моря, мнѣ приходилось убѣдиться, что они прогрессивны и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше находились отъ морского берега. Эта прогрессивность въ мѣстностяхъ большого разстоянія отъ моря замѣчается не только въ жизни человѣка, людей, но и въ жизни рогатаго скота: всѣ цѣнныя породы коровъ, сколько ихъ ни привозили, не могутъ выносить условій жизни южнаго черноморскаго побережья и вскорѣ издыхаютъ. Не то мы замѣчаемъ верстъ за 30—50 отъ берега моря: тамъ цѣнныя породы коровъ съ большою легкостью приживаются. То же самое должно сказать относительно даже царства растительнаго: злаки — пшеница, овесъ въ прибрежной полосѣ не растутъ, или по крайней мѣрѣ весьма неурожайны, тогда какъ въ отдаленныхъ отъ берега мѣстахъ пшеница даетъ 80 пудовъ съ десятины, овесъ—100.

Хотя мною взяты для выводовъ только 317 семействъ, но зато они принадлежатъ родомъ ко всевозможнымъ мѣстностямъ: эстонцы изъ Эстлянской и Лифляндской губерній, нѣмцы—изъ Австріи и Пруссіи, русскіе—изъ 8 центральныхъ губерній и 12 южныхъ, не исключая и Таврической. Если бы какое-либо семейство не поддавалось лихорадочнымъ состояніямъ, заболѣваніямъ, послѣдствіемъ котораго бывають изнуреніе, ослабленіе организма и малый процентъ рождаемости сравнительно со смертностью, то это давнымъ давно сдѣлалось бы общезвѣстнымъ; но, проѣзжая по всѣмъ взятымъ мною селеніямъ, вы не найдете такихъ счастливецъ, такихъ семействъ нѣтъ.

Болезнь и смертность одинаково касаются какъ мужчинъ-работниковъ, такъ равно и женщинъ-работницъ и неспособныхъ къ труду,—старыхъ и дѣтей. Взятая мною селенія представляютъ въ общей совокупности слѣдующее число жителей: 399 мужчинъ-работниковъ, 295 женщинъ-работницъ, 500 престарѣлыхъ и дѣтей, всего 1194. Для наглядности приводимъ свѣденія по селенію Эстонка. У жителей съ 1882 года умерло 17 работниковъ, 12

работницъ, 42 дѣтей и старыхъ, вообще на 192 души, нынѣ проживающихъ въ селеніи, съ 1882 года умерло 71 душа. За тотъ же періодъ времени число рожденій было только 29. Приведемъ еще свѣденія о селеніи Нейдорфѣ, гдѣ 16 мужчинъ-работниковъ, а умерло за все время только одинъ; 13 женщинъ-работницъ, а умерло — 2; престарѣлыхъ и дѣтей 18 душъ, а умерли 4 старухи и 9 дѣтей, — всего умерло 16 душъ, а родилось за тотъ же періодъ времени 10. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что усиленная смертность одинаково касается мужчинъ-работниковъ, женщинъ-работницъ, престарѣлыхъ и дѣтей.

Приводимыя данныя о регрессивности подраздѣляются на три категоріи: а) на свѣденія для Баклановки и Гнатенберга за послѣдніе три года; б) на свѣденія для Владиміровки, Линдау, Нейдорфа, Николаевки и Эстонки, — взяты за весь періодъ жизни поселенъ на кавказскомъ побережьи, причемъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что мѣста заселялись не въ одинъ годъ, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; г) на свѣденія для Смѣкаловки, о которой по даннымъ за послѣдніе три года могу сказать, что въ этомъ селеніи смертность въ два раза превышаетъ рожденіе. Въ среднемъ выводѣ на каждыя сто душъ въ Баклановкѣ рождается 5,08, умираетъ 15,65; во Владиміровкѣ рождается 4,13, а умираетъ 6,32; въ Гнатенбергѣ рождается 4,28, а умираетъ 4,76; въ Линдау рождается 3,11, а умираетъ 7,53; въ Нейдорфѣ рождается 4,25, а умираетъ 6,81; въ Николаевкѣ рождается 5,71, а умираетъ 9,12; въ Эстонкѣ рождается 2,92, а умираетъ 7,02. Въ общемъ для всѣхъ селеній процентъ рождаемости 4,21, а смертности — 8,17.

Такимъ образомъ, если, по причинѣ чрезвычайной смертности, въ селеніи черноморскаго побережья не будутъ пріѣзжать новыя поселенцы, въ силу ли того, что убоятся смертности, или въ силу того, что не пожелаютъ подвергать себя изнурительнымъ лихорадкамъ, то жители селенія Баклановки чрезъ нѣсколько лѣтъ должны всѣ перемереть; во Владиміровкѣ просуществуютъ только 47 лѣтъ; въ Гнатенбергѣ — 28 лѣтъ, въ Линдау — 25, въ Нейдорфѣ — 39, въ Николаевкѣ — 29, въ Эстонкѣ — 24 года. Такъ тяжелы условія жизни въ южномъ черноморскомъ побережьи, гдѣ влажность климата достигаетъ почти максимальныхъ предѣловъ: въ декабрѣ бываетъ 55—76%, въ іюлѣ 69—83%.

Взятыя нами регрессивныя селенія имѣютъ въ постройкѣ жилищъ три типа: русскій смѣшанный въ Баклановкѣ, Владиміровкѣ, Смѣкаловкѣ; нѣмецкій типъ — въ Гнатенбергѣ, Линдау, Нейдорфѣ

и Эстонскій, и наконецъ мѣстный мингрельскій типъ. Каждый изъ этихъ типовъ иногда доведенъ до высокаго совершенства. Предполагать, что смертность превышаетъ въ разсматриваемыхъ селеніяхъ рожденіе отъ неблагоустройства жилищъ, конечно возможно, но не слѣдуетъ забывать, что жизнь сельскаго хозяина такова, что уберечься отъ вредныхъ климатическихъ мѣстныхъ условій нѣтъ ни малѣйшей возможности по необходимости работы несмотря на дождь, слякоть, вѣтеръ, непогоду.

Ошибочно также будетъ предполагать, что регрессъ въ населеніи получается отъ плохого питанія жителей: нѣтъ, въ большинствѣ поселяне питаются хорошо. Въ селеніи Эстонка, гдѣ жизнь богаче, чѣмъ въ какомъ бы то ни было поселеніи по всему побережью, гдѣ каждое семейство имѣетъ за своимъ столомъ мясо или молоко и яйца, гдѣ находится и школа, и касса, и бываетъ театръ, гдѣ всѣ грамотны, выписываютъ газеты, читаютъ книги, — въ этомъ селеніи, расположенномъ въ регрессивной мѣстности, какъ я уже говорилъ, смертность выражается цифрою 71, а рожденіе только—29. Правда, что отсутствіе капусты, плохіе урожаи картофеля, изобиліе кукурузы и плохіе урожаи и малые посѣвы пшеницы дѣлаютъ столъ нѣсколько однообразнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма ничтоженъ процентъ домохозяевъ, которые ѣдятъ хлѣбъ исключительно кукурузный; почти всѣ подмѣшиваютъ къ кукурузной мукѣ на половину пшеничной.

Большимъ бичомъ для мелкаго хозяина-поселянина служатъ частыя, изнурительныя лихорадочныя состоянія, отнимающія у рабочаго большую часть времени въ году. Кромѣ того, болѣзненное состояніе требуетъ и матеріальныхъ издержекъ: есть селенія, которыя ежегодно тратятъ на покупку хинина болѣе 600 руб.; есть селенія, гдѣ каждый домохозяинъ расходуетъ ежегодно до 25 руб. на приобрѣтеніе того же лекарства. Во время моего обзорѣнія селеній было слѣдующее число дворовъ съ лихорадочно-большими: во Владиміровѣ 22 двора изъ 46; въ Гнатенбергѣ 13 дворовъ изъ 19; въ Линдау 36 изъ 47; въ Нейдорфѣ 10 изъ 13; въ Эстонскѣ 38 изъ 51 двора. Если мы посмотримъ на количество больныхъ въ каждомъ домѣ, то получимъ слѣдующее: въ Нейдорфѣ, напримѣръ, на десять дворовъ приходится 29 больныхъ, причемъ дворовъ съ однимъ больнымъ—2, дворовъ съ двумя больными—1, дворовъ съ тремя больными—3, одно семейство имѣло 4 больныхъ и два семейства по 5 больныхъ. Въ Эстонскѣ на 38 дворовъ приходится 85 больныхъ, причемъ семействъ, имѣющихъ по одному больному—12, по два больныхъ—15 семействъ, по 3 больныхъ—8, въ двухъ семействахъ по че-

тыре больныхъ, въ одномъ семействѣ—пять, въ другомъ—6 больныхъ.

Кромѣ смертности, превышающей рожденіе, кромѣ изнурительной лихорадки, въ которой находится большая часть жителей, климатическія условія южнаго черноморскаго побережья порождаютъ особыя болѣзни: блѣдность лица, водянку, расширение печени, особое утомленіе организма. Въ с. Нейдорфѣ мнѣ пришлось видѣть маленькую дѣвочку 7 лѣтъ, у которой болѣе года распухъ животъ такъ, что она кажется какъ бы беременной; множество можно указать и другихъ ужасающихъ примѣровъ немочи: частое разстройство желудка, мочевого пузыря и проч.

IV.

Почвенныя условія дѣвственной, непочатой природы южнаго черноморскаго побережья весьма благопріятны для сельскаго хозяйства. Перегной древеснаго листа такъ великъ, что верхній пластъ земли можетъ выдержать подъ рядъ до десяти посѣвовъ, причемъ опытомъ узнано, что самая плодородная сила заключается въ верхнемъ слоѣ, а потому туземцы вспахиваютъ деревяннымъ яркомъ только верхній пластъ и смѣются надъ переселенцами, стремящимися плугомъ какъ можно глубже пахать землю. Насажденія виноградныхъ лозъ тоже не выдерживаютъ такой глубины, что въ Крыму, гдѣ сажаютъ лозы на аршинъ и даже на пять четвертей: въ побережьѣ Кавказа требуется сажать только на полъ-аршина, — въ противномъ случаѣ лоза въ землѣ будетъ гнить, прѣть и болѣзненно чахнуть.

Въ грунтѣ роскошно растутъ цѣнныя декоративныя и фруктовыя деревья; богато растетъ ризинъ, хлопокъ, витайская крапива, ленъ, пенька, табакъ, кукуруза и проч. Но если почвенныя условія побережья весьма благопріятны для сельскаго хозяйства, то климатическія настолько неблагопріятны, что посѣвовъ пшеницы, ячменя, овса, жита весьма мало; хлѣбные злаки еще въ своей листовой трубѣ начинаютъ прѣть и урожай получается ничтожный; далѣе отъ берега, въ болѣе холодныхъ мѣстахъ урожай этихъ хлѣбовъ хороши. То же самое должно связать относительно капусты, — она не выдерживаетъ сырости при теплѣ. Пробъ было произведено по всѣмъ селеніямъ множество, но всѣ неудачны; лишь владѣльцы дачи города Сухума, какъ г. Введенскій, дошли путемъ опыта, что капуста возможна для произростанія по побережью, но только сѣять расаду въ началѣ октября,

и высаживать ее въ грунтъ въ концѣ этого мѣсяца. Тогда, находясь въ грунтѣ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ, капуста въ апрѣлѣ даетъ вилки, достигающіе восьми, десяти, даже двадцати фунтовъ вѣсу; въ началѣ мая ее отправляютъ уже въ Керчь на рынокъ и продаютъ тамъ иногда по двадцати коп. за фунтъ.

Не всякій, конечно, грунтъ, не всякая почва пригодны для сельскаго хозяйства. Камень останется камнемъ, болото — болотомъ. Вотъ почему мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что надѣлъ земли для поселенцевъ во многихъ случаяхъ былъ неудаченъ. Выше мы видѣли, что надѣлъ для Смѣкаловки состоялъ преимущественно изъ болотъ. Почти такія же условія для Баклановки, близъ Новаго-Аѳона. Другія селенія, какъ Нейдорфъ, недовольны своими надѣлами потому, что въ числѣ 10 десятинъ на каждый дворъ приходится по 4 десятины камня, хряща, земли совершенно неудобной для хозяйства. Третьи селенія, какъ Владиміровка, жалуются на то, что часть ихъ посѣвовъ и огородовъ уничтожается разливомъ рѣки.

Но кромѣ болотъ, камня и разлива рѣвъ, въ болѣе быстромъ развитіи хозяйства служить тормазомъ расчистка земли отъ древесины, травяныхъ корней и крупнаго лѣса. Почти всѣ земли южнаго черноземнаго побережья Кавказа приходилось расчищать. Борчевать и трудно, и дорого. Изъ надѣльной земли въ десять десятинъ въ Баклановкѣ приходится только по 2, по 3 десятины удобной для посѣвовъ земли; во Владиміровкѣ около 3 дес.; въ Гнатенбергѣ около 4; въ Линдау около 3; въ Нейдорфѣ около 4; въ Николаевкѣ около 3; въ Эстонкѣ отъ 2¹/₂ до 4; въ Смѣкаловкѣ около 3 дес. Вся же остальная площадь надѣльныхъ земель, приблизительно въ 6 или 7 десятинъ на каждый дворъ, остается въ дѣвственномъ состояніи подъ вѣковымъ лѣсомъ, кустарниками, папоротникомъ и массой вьющихся растений, если не принадлежитъ къ утесамъ, камнямъ или болотамъ.

Для непривычнаго въ такимъ мѣстамъ рабочаго, каковы русскіе, нѣмцы, эстонцы, расчистка земли отъ лѣса представляетъ неимовѣрный трудъ. Вотъ почему такія земли чаще отдаются туземцамъ мингрельцамъ исполу. Взавшись за расчистку и обработку земли, мингрельцы въ продолженіе 3—5 лѣтъ приобрѣтаютъ право посѣва кукурузы на расчищенныхъ земляхъ, причемъ третья, пятая или десятая часть урожая поступаетъ въ пользу землевладѣльца.

Самые большіе посѣвы принадлежатъ кукурузѣ, причемъ селенія Баклановка и Смѣкаловка имѣютъ въ общемъ менѣ одной

десятины посѣва на дворъ; Владиміровка, Гнатенбергъ и Линдау—около двухъ десятивъ, Нейдорфъ—около трехъ, и наконецъ Эстонка—болѣе трехъ десятивъ на каждый дворъ. Въ общемъ всѣ восемь селеній имѣли около 443 десятивъ въ 1888 году, съ коихъ было снято около 47.000 пудовъ кукурузы; въ 1889 году было засѣяно на 100 дес. болѣе. Кукуруза родится прекрасно какъ желтаго янтарнаго цвѣта, такъ и цвѣта бѣлаго воска; есть сорта желто-краснаго цвѣта. Земля такъ сильна, жирна, что даетъ на одномъ и томъ же корнѣ нѣсколько початковъ: три, пять и даже семь, длиною каждая отъ 6 до 8 вершковъ. Самый лучший урожай доставляетъ съ десятины около 200 пудовъ кукурузы, которая на рынкахъ Батума и Сухума продается отъ 35 до 60 коп. пудъ. Посѣвы другихъ растений, хлѣбныхъ злаковъ, незначительны и прямо убыточны. Во Владиміровкѣ каждый домохозяинъ сѣетъ понемногу гречу, которая родится хорошо, но въ силу малаго количества посѣвовъ, какъ во Владиміровкѣ, такъ и въ окрестностяхъ, мелкая, дикая, перелетная птица выклеиваетъ гречу, которая, въ слову сказать, неравномѣрно созрѣваетъ. Въ Линдау, въ Николаевкѣ и Эстонкѣ каждый домохозяинъ сѣетъ для себя понемногу табакъ. Въ Николаевкѣ четвертая часть домохозяевъ сѣетъ хлопковъ для своего домашняго употребленія. Ленъ родится прекрасно и высокаго качества какъ сѣменами, такъ равно и волоконемъ; но посѣвы его весьма ограничены за недостаткомъ расчищенной земли. Впрочемъ, въ Смѣваловкѣ, близъ Батума, ленъ не растетъ. Огороды хороши только въ селеніяхъ наиболѣе отдаленныхъ отъ моря; въ селеніяхъ же прибрежныхъ огородничество настолько трудно, хлопотно и малопроизводительно, что не стоитъ затраты времени, труда и капитала. Въ Эстонкѣ изъ 51 двора 40 имѣютъ огороды, въ Линдау изъ 47—36. Приблизительно такое же отношеніе и по остальнымъ селеніямъ, причемъ можно допустить, что 61% хорошихъ огородовъ, 21% плохихъ и 18% посредственныхъ. Садоводствомъ и винодѣліемъ занимаются по мѣрѣ средствъ и возможности. Сады еще молодые, даютъ мало фруктовъ. Въ нихъ можно найти: виноградъ, яблони, груши, персики, сливы, айву, инбирь, хурму, алучу, вишню, черешню, маслину и др., но все это пока въ маломъ количествѣ, далеко не удовлетворяющемъ потребности самихъ домохозяевъ. Впрочемъ, вина готовится въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ взятыхъ мною восьми регрессивныхъ селеній около 6¹/₂ ведеръ. Причемъ отъ радно видѣть, что не только жители наилучшаго селенія Эстонки готовятъ 1.058 ведеръ вина, но и русскіе, живущіе по сосѣдству, въ с. Владиміровкѣ, гдѣ готовится ежегодно около

1.000 ведеръ вина. Въ остальныхъ селеніяхъ неизмѣримо меньше: въ Смѣкаловѣ едва можно набрать два пуда винограда. Вино иногда продается по 1 руб. 20 коп. и по 1 руб. 50 коп. за ведро. Виноградъ *изабелла* — одинъ изъ наивыгоднѣйшихъ сортовъ по всему побережью. Другіе сорта часто подвержены заболѣваніямъ и съ трудомъ приживаются. Культурныя фруктовыя деревья по всему южному побережью Кавказа на Черномъ морѣ подвержены заболѣваніямъ. Плоды, достигая значительныхъ размѣровъ, — яблоки и груши до 2¹/₂ фунтовъ, сливы до 1 фунта, — слишкомъ водянисты, безвкусны, мало ароматны, сравнительно съ плодами другихъ мѣстъ меньшей влажности, какъ Ялта, Волга, Баку.

По количеству скота, птицъ и пчелъ регрессивныя селенія должно отнести къ бѣднымъ селеніямъ.

V.

Въ предъидущихъ главахъ мы говорили о жизни поселенцевъ въ регрессивныхъ мѣстахъ южнаго черноморскаго побережья, которыя находятся не далѣе девяти верстъ отъ берега моря. Условія жизни и сельскаго хозяйства поселенцевъ въ мѣстахъ на большемъ разстояніи отъ моря, отъ десяти до двадцати верстъ, не менѣе тяжелы и трудны, чѣмъ въ мѣстахъ регрессивныхъ, хотя превышенія смертности надъ рождаемостью въ этой второй полосѣ мы уже не замѣчаемъ.

Въ моемъ распоряженіи находится матеріалъ шести селеній подворнаго описанія, причѣмъ два селенія съ русскимъ элементомъ, два съ греческимъ, одно съ мингрельскимъ, одно смѣшанное изъ русскихъ, молдаванъ и болгаръ; кромѣ того, мною было осмотрѣно мингрельское селеніе Анастасьева.

Высота мѣстности и ея доступность для вѣтровъ, по нашимъ соображеніямъ, служатъ отчасти факторами въ ростѣ населенія. Первое ослабляетъ вредное вліяніе тяжелой атмосферы узкаго ущелья, страдающаго чрезмѣрною сыростью; второе, т.-е. вѣтеръ, даетъ возможность очищаться воздуху отъ плесени, отъ ржавчиновыхъ грибовъ, находящихся въ изобиліи подъ густой растительностью южнаго черноморскаго побережья. При отсутствіи вѣтровъ микроскопически малые грибки, незамѣтные для невооруженнаго глаза, будутъ плавать въ воздушномъ пространствѣ на одномъ мѣстѣ, заражая людей, скотъ и растенія.

Въ общемъ изъ помянутыхъ поселеній второй полосы побережья

для селенія Дранды процентъ рожденія составляетъ 6,15, процентъ смертности—3,62 ¹⁾; для селенія Черниговка процентъ рожденія 5,05, смертности—4,16; для Полтавки и Ольгинскаго—мы можемъ сказать только совмѣстно—процентъ рожденія въ нихъ равенъ 5,45, смертности—2,09; для Александровки—8,99, и 2,65; для Мерхеуль—8,38 и 3,55.

Замѣчательно, что селеніе Дранды, населеніе котораго за мѣтно возрастаетъ, находится по сосѣдству съ селеніемъ Эстонка, въ которомъ замѣчается обратное явленіе, причеиъ первое селеніе менѣе зажиточно, чѣмъ второе. Прогрессивное селеніе Черниговка расположено неподалеку отъ регрессивнаго селенія Владиміровки, причеиъ послѣднее зажиточнѣе, богаче перваго. Мингрельское селеніе Анастасьевка прогрессируетъ въ народонаселеніи, тогда какъ сосѣднее съ нимъ селеніе Николаевка, будучи зажиточнѣе Анастасьевки, регрессируетъ.

Не-русское населеніе—греческое, мингрельское, болгарское и молдаванское—прогрессируетъ болѣе, чѣмъ русское. На сходѣ во Владиміровкѣ, когда крестьяне заговорили о выселеніи, то русскіе всѣ стояли за выселеніе, а болгары, напротивъ, выражали желаніе остаться на мѣстѣ. При этомъ можно было замѣтить, что по внѣшнему виду болгары представляли цвѣтущій, здоровый народъ, а русскіе—худой, болѣзненный, изможденный, изнуренный лихорадкаи. Въ прогрессивномъ селеніи Анастасьевка съ 1884 года поселились мингрельцы изъ Самурзавана, а въ сосѣдномъ регрессивномъ селеніи Николаевка поселились мингрельцы въ томъ же году изъ Зугдидскаго уѣзда горной мѣстности. Не подлежитъ сомнѣнію, что греки, мингрельцы и болгары, какъ привыкшіе къ мѣстнымъ или соотвѣтствующимъ климатическимъ условіямъ, болѣе выносливы, чѣмъ русскіе поселенцы, прибывшіе изъ центральной и южной Россіи.

Въ фактѣ превышенія рожденія надъ смертностью нельзя, конечно, отрицать того, насколько спокойно живетъ та или другая зажиточная семья. Такъ, наприиѣръ, въ греческомъ селеніи Ольгинское изъ 26 домохозяевъ только трое настолько состоятельны, что они сами обрабатываютъ свои кукурузныя поля, всѣ же остальные жители—при помощи найма. То же самое можно видѣть въ греческомъ селеніи Александровка, гдѣ изъ 35 домохозяевъ 19 обрабатывали при помощи найма свои кукурузныя поля.

¹⁾ Селеніе Дранди, находясь на возвышенномъ, доступномъ для вѣтровъ со всѣхъ сторонъ, плато, расположено на разстояніи только трехъ верстъ отъ моря.

Если посмотримъ на лихорадочное состояніе во взятыхъ прогрессивныхъ селеніяхъ, то оно выражается въ слѣдующихъ цифрахъ въ моментъ осмотра самого селенія: въ с. Драндахъ 33 семейства изъ 61 имѣли лихорадочно-больныхъ; въ Черниговѣ—26 изъ 46; въ Полтавѣ—14 изъ 29; въ Ольгинскомъ—14 изъ 26; въ Александровѣ—25 изъ 35, и въ Мерхеулахъ—20 изъ 40. Въ общемъ выводѣ процентъ домохозяевъ, имѣющихъ лихорадочно-больныхъ, въ прогрессивныхъ селеніяхъ, составляетъ 54,9, въ регрессивныхъ мѣстностяхъ — 68,1, т.-е. въ регрессивныхъ мѣстностяхъ число домохозяевъ, имѣющихъ лихорадочно-больныхъ, на 13,2 % болѣе, чѣмъ въ прогрессивныхъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, при этомъ упускать изъ виду, что періодъ времени для изслѣдованія побережья мною взятъ съ половины сентября по первую половину декабря включительно.

Въ разсматриваемыхъ селеніяхъ ремесла не распространены; въ общемъ на 23 двора приходится по одному ремесленнику. Число работниковъ, уходящихъ на сторонніе заработки, также незначительно, на три двора приходится по одному рабочему. Изъ каждаго трехъ дворовъ—одинъ безлошадный; на каждые пять дворовъ приходится одинъ безкоровный; безъ запасекъ кукурузы на каждые 14 дворовъ приходится по одному. Но если взять поровнь каждое селеніе, то мы увидимъ ужасающую бѣдность въ Черниговѣ и въ Полтавѣ—съ русскимъ населеніемъ. Въ первомъ изъ нихъ 32 двора безлошадныхъ, 24—безкоровныхъ; въ Полтавѣ же при 29 домохозяевахъ только 6 имѣютъ лошадей. Небогато въ этомъ отношеніи живутъ и въ Драндахъ,—тамъ 22 двора безлошадныхъ и 18 безкоровныхъ.

Въ прогрессивныхъ мѣстностяхъ мы видимъ новый элементъ жителей-грековъ, проживающихъ въ двухъ селеніяхъ—въ Ольгинскомъ и въ Александровѣ. Они живутъ сравнительно зажиточно, богато. Дома ихъ хорошіе, каменные, толстостѣнные,—въ двѣ, въ три, въ четыре и въ пять комнатъ. Отапливаются они каминами; печь же, въ родѣ русской, находится на дворѣ на отдѣльномъ мѣстѣ. При домахъ устроены особые клѣвы для свота, съ дверями, съ деревяннымъ покатымъ поломъ, съ яслями для корма. Въ комнатахъ домовъ чистота; полы хорошіе деревянные, потолки штукатуренные. Греки пользуются надѣломъ земли на каждый дворъ не въ размѣрѣ десяти десятинъ, какъ въ другихъ селеніяхъ, а въ размѣрѣ тридцати. Такой надѣлъ даетъ возможность ежегодно понемногу распахивать дѣвственную землю и заниматься табаководствомъ. Изъ 61 домохозяина только 11 не имѣютъ табачныхъ плантацій, причемъ восемь приходится на

Александровское и три на Ольгинское. Для перевозки тяжестей греки имѣютъ ословъ, весьма пригодныхъ для горныхъ дорогъ.

Самой существенной доходной статьей въ хозяйствѣ селеній разсматриваемой второй полосы должно признать посѣвъ кукурузы. Степень урожая ея почти повсюду одинакова, около ста пудовъ съ десятины, но въ мингрельскомъ селеніи Мерхеулы только 85 пуд., а въ Черниговкѣ—56. Въ 1888 году подъ кукурузой выходило во всѣхъ селеніяхъ 324¹/₂ десятины, съ коихъ было снято 29,472 пуда; въ 1889 году посѣвъ увеличился на 30 десятинъ. Большинство жителей сѣютъ кукурузу для домашняго употребленія, т.-е. для пищи, для корма скоту и для птицы; таковыхъ домохозяевъ, имѣющихъ отъ ¹/₂ десятины до 1¹/₂ десятины запашекъ, насчитывается 61⁰/₁₀₀. Домохозяевъ, имѣющихъ по двѣ десятины запашекъ кукурузы, которыхъ я считаю состоятельными, насчитывается 18⁰/₁₀₀. Домохозяевъ, имѣющихъ три, четыре, пять и шесть десятинъ подъ кукурузой, насчитывается до 12⁰/₁₀₀,—это люди богатые. Бѣдняковъ, не имѣющихъ запашекъ, насчитываютъ до 9⁰/₁₀₀. Въ с. Полтавка нѣтъ ни богатыхъ, ни состоятельныхъ.

Картофель въ прогрессивныхъ селеніяхъ, полосы отъ 10 до 30 верстъ разстоянія отъ моря, родится сравнительно хорошо, получается лучший урожай, чѣмъ въ приморской полосѣ. Во всѣхъ селеніяхъ есть огороды. Въ Драндахъ и въ Черниговкѣ они плохи, особенно если землю не уваживаютъ; въ Полтавкѣ изъ 25 огородовъ—13 плохихъ, 8 порядочныхъ и 4 хорошихъ; въ Ольгинскомъ изъ 23 огородовъ 17 хорошихъ, 3 порядочныхъ и 3 плохихъ; въ Александровкѣ только 13 огородовъ, въ Мерхеулахъ—32, съ коихъ было снято до 52 пудовъ фасоли. Специально занятыхъ огородничествомъ поселянъ не имѣется; овощей въ продажу идетъ весьма мало. Садоводство развито повсюду, хотя оно пока малопродуктивно, кромѣ винодѣлія. За исключеніемъ Анастасьевки, въ шести селеніяхъ находится 37 старыхъ хорошихъ садовъ, 2 сада посредственныхъ и 132 молодыхъ, гдѣ деревья четырехъ-пяти лѣтъ. 44 домохозяина изъ общаго числа всѣхъ селеній имѣли въ сборѣ 426 ведеръ вина.

VI.

Ошибочно было бы предполагать, что плохое состояніе хозяйства происходитъ отъ необразованности и малой культурности поселянъ. Состояніе крупныхъ хозяйствъ по всему южному черно-

морскому побережью Батумскаго и Сухумскаго округа, указывая на непреодолимые трудности, подтверждает тотъ выводъ, что въ побережьѣ хозяйство малопродуктивно, убыточно.

Скажемъ нѣсколько словъ о лучшихъ дачахъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Сухума, на берегу Чернаго моря, въ живописной мѣстности расположенъ Ново-Аеонскій монастырь. Когда-то, болѣе десяти лѣтъ назадъ, монахи Старо-Аеонскаго монастыря, въ силу нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ условий внутренней жизни, обратились съ просьбой къ русскому правительству дать имъ пріютъ на берегу Чернаго моря. Правительство отвело имъ прекрасный участокъ въ количествѣ 2.054 десятинъ. Въ небольшое сравнительно время монахи прекрасно обстроились, соорудили храмъ, нѣсколько корпусовъ велій, гостиницы, школу, разные заводы, хутора, пасѣки, занялись разными отраслями сельскаго хозяйства, садоводства, пчеловодства, скотоводства, и поставили дѣло такъ высоко, привели все въ такой благоустроенный видъ, что хозяйство ихъ въ скоромъ времени стало считаться однимъ изъ лучшихъ, а нынѣ послѣ Боржома, имѣнія великаго князя Михаила Николаевича, считается первымъ по всему Кавказу. Ихъ опыты, ихъ примѣры весьма цѣнны въ культурномъ отношеніи для всего южнаго черноморскаго побережья. Материальная поддержка со стороны Стараго Аеона, большая корреспонденція со всѣми мѣстами Россіи даютъ возможность Ново-Аеонскому монастырю имѣть иногда до 400 рабочихъ. Значительное число монаховъ и послушниковъ, особо строгая монашеская дисциплина, пополняютъ необходимый строгій надзоръ за чернорабочими и руководство ими; пріѣзжающіе туристы, ученые, люди опыта и практики, считаютъ своею обязанностью подѣлиться совѣтами по части благоустройства монастыря. Такимъ образомъ условія для процвѣтанія—одни изъ лучшихъ. Несмотря на благоустройство, монастырь пользуется доходами только отъ пчеловодства и винодѣлія; другія же отрасли сельскаго хозяйства, какъ полеводство, садоводство, огородничество, скотоводство (за исключеніемъ свиноводства), доставляютъ дефицитъ. Очень можетъ быть, что со временемъ, путемъ цѣлаго ряда опытовъ, монахи и доведутъ свое хозяйство до доходности во всѣхъ отрасляхъ, но теперь пока этого нѣтъ; климатическія условія южнаго черноморскаго побережья такъ характерны, что лишаютъ возможности пользоваться теоретическими выводами, выработанными въ сельско-хозяйственной наукѣ и указанными опытомъ другихъ мѣстъ. Коровы, на примѣръ, цѣнныхъ породъ не выносятъ климатическихъ условій и издыхаютъ; яблони цѣнныхъ сортовъ

рѣдко бываютъ съ плодомъ и поражаются кровавой тлей, а потому уже выкорчевываются; картофель, капуста поѣдаются на корню медвѣдкой и проч. Разсматривая садоводство съ точки зрѣнія экономіи, приходится отнести къ условно-доходнымъ тѣмъ деревьямъ, какъ яблони, абрикосы, персики, сливы, вишни, черешни, японская мушмала и миндаль. Урожай съ этихъ деревьевъ не ежегодны, въ большинствѣ случаевъ черезъ три года; вѣтры, морскіе туманы, холода убиваютъ цвѣтъ деревьевъ и они становятся непроизводительными; кромѣ того, яблоню поражаетъ тля, остальные деревья, за исключеніемъ японской мушмалы, часто поѣдаются, портятся мошкой, а абрикосы, персики, сливы и иногда миндаль поѣдаются особымъ маленькимъ летающимъ жучкомъ. Безобидными, безубыточными деревьями являются: груши, фиги, маслина, хурма, фундука, лавръ.

Болѣе десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ г. Рейнгардъ, известный табачный фабрикантъ, приобрѣлъ себѣ имѣніе въ нѣсколько сотъ десятинъ въ тридцати верстахъ отъ г. Сухума — въ мѣстности, которая называется Цебельдою. Нынѣ это одна изъ лучшихъ дачъ на Кавказѣ. Въѣзжая въ нее, замѣчаешь приложеніе капитала, труда, энергіи. На дачѣ большой двухъ-этажный домъ съ разными пристройками, сараями, хлѣвами. То тутъ, то тамъ раскинуты сады; до 6 тысячъ трехъ-четырехъ-лѣтнихъ деревьевъ персиковъ, грушъ, яблонь, вишни, сливы, черешни; около тридцати тысячъ таковыхъ же, помоложе, выписанныхъ изъ Берлина и Риги. Нѣсколько далѣе видны плантаціи табаку и букуржы; въ одномъ мѣстѣ распахши подъ хлѣбъ—пшеницу и овесъ, въ другомъ—пчельники и декоративный садикъ; словомъ, имѣніе ведется съ полной заботливостью о немъ. Въ немъ живутъ: особый управляющій, особый табачный плантаторъ, особый пчеловодъ, 29 человекъ чернорабочихъ — 14 турокъ, 10 мингрельцевъ, 3 кѣмца и 2 женщины. Но несмотря на то, что имѣніе находится въ мѣстности, которая отличается болѣе благоприятными климатическими условіями сравнительно съ другими дачами, несмотря на то, что пшеница доставляетъ восемьдесятъ пудовъ съ десятины, а овесъ—сто, несмотря, наконецъ, на то, что таврическія и черноморскія воровы переносятъ условія жизни и даютъ помногу молока, имѣніе г. Рейнгарда, пожирая ежегодно многотысячныя затраты, доставляетъ по настоящее время только дефицитъ. Причиной тому служатъ главнымъ образомъ характерныя климатическія и сельско-хозяйственныя условія, ставящія въ необходимость довѣрять только лично своему опыту.

На разстояніи полуторы версты отъ г. Сухума, восточнѣе отъ

него, по берегу моря расположено имѣнныце А. Н. Введенскаго, подъ названіемъ „Флора“¹⁾. Оно не велико—всего 9 десятинъ, изъ коихъ 8 подъ культурой всевозможныхъ деревьевъ. Кромѣ того, для школь фруктовыхъ деревьевъ арендуется еще 5 десятинъ, гдѣ можно видѣть и овощи, огородныя растенія. За десять лѣтъ существованія дача сдѣлалась и образцовой, и извѣстною не только въ Россіи, но и за границей. По этой дачѣ видно, какъ широко можно воспользоваться прибрежною полосой Кавказа, его богатствомъ почвы, климатическими условіями и растительностью. Въ имѣннѣ большее вниманіе удѣлено декоративнымъ растеніямъ, нежели фруктовымъ, хотя тамъ можно найти 117 разныхъ сортовъ яблони, 109 сортовъ разныхъ грушъ, 21 сортъ вишни и черешни. Въ саду 110 разновидностей розъ: 82 сорта розы ремонтантъ, 10 сортовъ розы bigbonica. Много сортовъ хвойныхъ деревъ, сосенъ; есть пробковое дерево, нѣсколько сортовъ эвкалиптуса, прекрасныя пальмы, хорошія луковичныя и корневыя растенія, много деревьевъ и кустарниковъ вѣчно зеленыхъ и до 30 видовъ камелій. Путемъ опыта и наблюденій, потребовавшихъ отъ г. Введенскаго много времени, труда и капитала, уже выдѣлено множество растений, которыя, будучи тепличными, оранжерейными, выдерживаютъ зиму въ Сухумѣ въ грунтѣ. Множество деревьевъ размножаются не чрезъ посадку сѣмянъ, а черенками—это особенность мѣстности. Маленькая, верхка въ два, въ три, вѣточка съ листьями вначалѣ садится въ соответствующій грунтъ въ теплицѣ, въ особомъ ящикѣ подъ стекломъ. Тамъ растеніе находится недѣли три и пускаетъ мочки корней. Затѣмъ оно пересаживается въ маленькія, въ полтора верхка, баночки, гдѣ окончательно корни растенія укрѣпляются и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль растеніе изъ теплицы, изъ баночки, переносится въ грунтъ, въ школу. Г. Введенскій ведетъ большую корреспонденцію, продавая и высылая почтою прекрасныя растенія для декоративной обстановки комнатъ. Роскопнѣйшій садикъ могъ быть доведенъ до изумительнаго превосходства только такимъ хозяиномъ, какъ г. Введенскій, постоянно проживающій на дачѣ, во все вникающій самъ непосредственно, проводя время съ ранняго утра до глубокаго вечера въ заботахъ объ излюбленномъ занятіи. Но далеко не всѣ могутъ быть такими любителями, способными... оттого дачи другихъ владѣльцевъ и убыточны, хотя и г. Введенскій получаетъ незначительный, неудовлетворительный процентъ на затраченный капиталъ.

¹⁾ Нынѣ это имѣніе приобрѣтено вел. кн. Александромъ Михайловичемъ.

Близъ Сухума есть еще нѣсколько интересныхъ дачъ, но малоходныхъ, какъ въ силу того, что хозяева ихъ еще не привыкли къ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, такъ и потому, что трудно найти рынки для сбыта продуктовъ. Такъ, напримѣръ, въ побережьи прекрасно растутъ ридинъ и китайская крапива, но сбывать ихъ пока некуда. Для китайской крапивы, изъ коей можно ткать грубыя и тонкія матеріи, требуются особо приспособленныя фабрики. Для сбыта ридина представляетъ большое препятствіе сложившееся у фабрикантовъ отношеніе къ итальянскимъ производителямъ, хотя нашъ, съ побережья Кавказа, ридинъ на 14⁰/₁₀₀ маслянистѣе итальянскаго.

Вблизи Батума есть также нѣсколько благоустроенныхъ дачъ — гг. Кристофовича, Соловцова, Стоянова, Дальфонса, Олинской и др. Но всѣ дачи требуютъ только денежныхъ затратъ: садоводство, полеводство, огородничество — убыточны. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, опытовъ всевозможныхъ было произведено не мало при значительныхъ затратахъ капитала, но результаты неутѣшительны. Главнѣйшей причиной неудачи служить то, что всѣ разбрасываются въ опытахъ всевозможныхъ такъ-называемыхъ культурныхъ насажденій, почти игнорируя опытъ прежнихъ мѣстныхъ жителей. Виноградъ *изабелла* растетъ хорошо, но большинству хочется имѣть другія культурныя лозы; абхазская яблоня даетъ плодъ въ изобиліи, но хотять разводить деревья нѣжныхъ плодовъ; кукуруза родится прекрасно, но у всѣхъ желаніе имѣть посѣвы пшеницы, ржи; помидоры, баклажаны, тыквы роскошны, но хочется развести свои арбузы, дыни, капусту и проч. и проч.

А. Розовъ.

НАША НЕРВНАЯ СИСТЕМА

О Ч Е Р К Ъ .

Красовавшееся еще на фронтонах древняго храма поученіе философа: „познай самого себя“, хотя и сохранить свою силу до послѣдняго издыханія послѣдняго изъ мыслящихъ существъ, тѣмъ не менѣе допускаеть, подобно столь многимъ другимъ великимъ афоризмамъ, въ частностяхъ то или другое толкованіе. Такъ, вооруженный данными физиологіи и психофизики, современный естествоиспытатель расширяеть это поученіе, относя его къ изслѣдованію и тѣлесной нашей организаціи, ибо убѣжденъ, что наше собственное я съ его самосознаніемъ, ощущеніями, чувствами, побужденіями, мыслями и желаніями находится въ самой тѣсной причинной связи съ устройствомъ тѣла, въ особенности съ устройствомъ нервной системы. Къ послѣдней завѣдомо приурочены психическіе процессы. Въ ней за семьдесятю семью замкѣми и печатами хранится рѣшеніе великихъ психологическихъ проблемъ, изъ числа которыхъ самою основною является сущность самосознанія. Здѣсь долженъ быть запертанъ ключъ къ уразумѣнію психики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ основѣ познанія самого себя. Какъ не столпиться у воротъ къ святиныи науки, въ надеждѣ открыть хоть малѣйшую сѣважину, сквозь которую пробивались бы даже самыя неопредѣленные свѣтовые лучи? Обычный для естествоиспытателя подходъ къ этимъ воротамъ—со стороны экспериментальной психологіи; но для даннаго очерка я выбралъ путь другой, менѣе торный, путь сравнительно-морфологическій.

Прежде, нежели вступить на этотъ путь, считаю не лишнимъ подготовить почву для менѣе посвященныхъ читателей. **Нервная**

система состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: центрального или мозга, и периферическаго, или нервныхъ стволовъ съ ихъ концевыми аппаратами, каковыми являются между прочимъ органы чувствъ. Консистенція мозгового вещества въ высшей степени нѣжная, деликатная, можно сказать, студенистая. Телячьи мозги на кухонномъ столѣ даютъ о ней не совсѣмъ правильное представленіе, такъ какъ обильно содержащійся въ мозговомъ веществѣ жиръ при болѣе низкой температурѣ, внѣ организма, застываетъ. Нѣтъ ничего легче, какъ нарушить цѣлость такого вещества и вызвать тѣмъ самымъ весьма тяжкія послѣдствія, въ родѣ воспаленія, судорогъ, умопомѣшательства, даже моментальную смерть, если пораненіе направлено хотя бы на лежащій въ затылочной области дыхательный центръ, прозванный поэтому также „жизненнымъ узломъ“. Отъ подобныхъ поврежденій центральная нервная система по возможности тщательно охраняется спеціальнымъ костнымъ футляромъ, объемистымъ въ головной части (черепъ), узкимъ, трубчатымъ въ хребетной (позвоночный каналъ). Въ костномъ футлярѣ имѣются парныя отверстія для прохода главныхъ нервныхъ стволовъ. Послѣдніе, равно какъ и ихъ крупныя и мелкія развѣтвленія по всѣмъ органамъ тѣла, напоминаютъ по своему устройству подводный телеграфный кабель съ его проволоками. Проводники, входящіе въ составъ нервовъ, именуются нервными волокнами и обладаютъ микроскопической тонкостью. Въ видимыхъ простымъ глазомъ нервахъ ихъ заключаются сотни, тысячи, десятки и цѣлыя сотни тысячъ; причемъ, во мѣрѣ развѣтвленія нервовъ на все болѣе и болѣе тонкія вѣтви, число волоконъ въ нихъ постепенно убываетъ, нисходя въ самыхъ послѣднихъ, микроскопическихъ, до одного единичнаго. Волокна эти, пронизывая все наше тѣло, оканчиваются не только въ органахъ чувствъ, откуда передаютъ мозгу воздѣйствія внѣшлаго міра, но и въ остальныхъ органахъ, въ мускулахъ, кровеносныхъ сосудахъ, даже выдѣлительныхъ железахъ, ибо всѣ эти части или непосредственно побуждаются мозгомъ къ дѣятельности, или же подчинены регулирующему его вліянію. Нервы благо цѣлы. Тотъ фактъ, что они исходятъ изъ мозга, въ связи съ другимъ фактомъ, что и по мозгу передаются ощущенія на большее или меньшее пространство—напр., болевое ощущеніе въ ногѣ, для достиженія сознанія, пробѣгаетъ спинной мозгъ по всей его длинѣ—заставляютъ уже а ригорі предпологать, что нервныя волокна должны продолжаться и въ центральную нервную систему. Оно такъ и есть, причемъ тѣ отдѣлы послѣдней, гдѣ соединяются по преимуществу нервныя волокна, узнаются, есте-

ственно, по бѣлому цвѣту. Другою, кромѣ волоконъ, составною частью центральной нервной системы являются нервныя кѣточки, массовыя скопленія которыхъ обозначаются сѣрымъ цвѣтомъ. Форма ихъ весьма различная: веретенообразная, грушевидная, шарообразная, звѣздчатая. Отъ нихъ всегда исходятъ отростки въ большемъ или меньшемъ числѣ, образующіе отчасти сообразительную сѣть для смежныхъ кѣточекъ, отчасти же настоящія нервныя волокна, какъ заложенные въ вещество мозга, такъ и выходящія изъ него подъ видомъ корешковъ главныхъ нервныхъ паръ. Кѣточки составляютъ, несомнѣнно, нервныя центры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ то время какъ волокна функционируютъ въ качествѣ сообразительныхъ и передаточныхъ аппаратовъ. Взаимное расположеніе сѣраго или кѣточного и бѣлаго или волокнистаго веществъ видовымъ образомъ по отдѣламъ и областямъ центральной нервной системы. На всемъ протяженіи спинного мозга бѣлое вещество расположено на периферіи, сѣрое — въ центрѣ; то же расположеніе замѣчается и въ частяхъ головного мозга, примыкающихъ къ нему по прямой линіи. Зато на большемъ протяженіи головного мозга — въ большемъ мозгу и мозжечкѣ — сѣрое вещество образуетъ собою кору, а бѣлое — сердцевину. Въ нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ частей оба вещества расположены, чередуясь, прослойками.

Спинной мозгъ представляется подъ видомъ шеста, толщиною всего, примѣрно, съ палецъ, мѣстами почти правильно-цилиндрическаго, мѣстами сплюсненнаго сзади и спереди. Онъ занимаетъ спинно-мозговой каналъ не по всей его длинѣ, а лишь до второго или даже всего до перваго поясничнаго позвонка, оканчиваясь здѣсь коническимъ заостреніемъ, какъ бы рассыпающимся всецѣло на тѣсно сближенныя нервныя пары. Онѣ-то и наполняютъ собою остальную, нижнюю часть спинно-мозгового канала, образуя пучокъ, которому присвоено довольно характерное названіе „конскій хвостъ“. Верхній конецъ спинного мозга, входя въ полость черепа, безъ всякой границы продолжается въ мозгъ головной, специально въ его отдѣлъ, именуемый продолговатымъ мозгомъ. Этотъ отдѣлъ, совокупно съ прилегающимъ къ нему сзади складчатымъ мозжечкомъ, образуютъ такъ-называемый *задній мозгъ*. За нимъ впереди идетъ очень небольшой *средній мозгъ* или четыреххолміе, къ которому въ свою очередь примыкаетъ *передній мозгъ*. Послѣдній продолжается въ пару громадныхъ придатковъ, въ полушарія большого мозга. У человѣка они такъ велики, что простираются не только впереди, въ стороны и вверху, но и надвигаются на передній, средній и даже

задній мозгъ; причемъ на вскрытомъ сверху черепѣ только и видны одни полушарія съ ихъ кишкообразными извилинами. Послѣ этого неудивительно, что большія полушарія, какъ по объему, такъ и по вѣсу, далеко превосходятъ всѣ остальные отдѣлы центральной нервной системы, не исключая и спинной мозгъ, въ совокупности.

Уже видимая простымъ глазомъ архитектура головного мозга весьма сложна. Мы находимъ тутъ разнообразнѣйшей формы лопасти, бугры, пластинки, холмы, мостики, извилины, ленточки, пустоты и т. д. Всѣ эти части обозначаются множествомъ латинскихъ названій, причемъ на долю одного и того же образования обыкновенно приходится по нѣскольку названій, данныхъ различными анатомами. Не легко усваиваются всѣ описываемыя ими въ мозгу детали; а если вникать въ микроскопическое строеніе мозга, характеръ нервныхъ клѣточекъ въ разныхъ его мѣстахъ, въ особенности же въ направленіе и распределеніе нервныхъ волоконъ, то мы теряемся въ путаницѣ фактовъ, еще далеко не раскрытыхъ окончательно; причемъ и положительно извѣстное до того сложно, что лишь съ большимъ трудомъ удерживается въ памяти даже специалистами по изслѣдованію мозга.

Головной мозгъ человѣка по величинѣ въ десятки разъ превосходитъ спинной. У большинства животныхъ мы видимъ обратное. При этомъ, тѣмъ ниже стоитъ животное въ зоологической системѣ, тѣмъ значительнѣе у него преобладаніе спинного мозга надъ головнымъ. Самое низшее, а потому, какъ другая крайность, самое интересное послѣ человѣка позвоночное животное, рыба ланцетникъ (*Amphioxus lanceolatus*) обладаетъ, можно сказать, однимъ только спиннымъ мозгомъ, ибо его ничтожный зачатокъ продолговатаго мозга почти не входитъ въ расчетъ. У остальныхъ рыбъ хотя и существуютъ уже всѣ главные отдѣлы мозга млекопитающихъ, но большею частью стоятъ еще на весьма низкой ступени развитія. Это справедливо въ особенности для полушарій большого мозга, верхнія и боковыя части („плащъ“) которыхъ замѣняются до того тонкой пленкой, что до недавняго времени ускользали отъ вниманія изслѣдователей; а между тѣмъ какъ разъ въ этихъ частяхъ у насъ локализируются, насколько мы знаемъ, мышленіе и вообще умственная дѣятельность. Извѣстно, что и въ классѣ млекопитающихъ центральная нервная система съ двумя главными ея отдѣлами у разныхъ видовъ и расъ развита неодинаково. Далѣе, замѣчательно, что головной мозгъ въ теченіе времени прогрессировалъ. Такъ, изслѣдуя еще лѣтъ двад-

цать тому назадъ ископаемые скелеты древнихъ млекопитающихъ, сродныхъ съ современными, Ларте былъ пораженъ ничтожною ёмкостью ихъ черепной полости. Самый разительный фактъ въ томъ же родѣ приводится въ новѣйшее время знаменитымъ американскимъ палеонтологомъ Маршемъ для *Diposegas mirabilis* изъ древне-третичныхъ отложений Новаго свѣта: снятый съ черепной полости этого млекопитающаго гипсовый слѣпокъ свободно проходитъ почти черезъ весь спинномозговой каналъ. Головной мозгъ у низшихъ человѣческихъ расъ не достигаетъ того объема, какъ у культурныхъ. Намъ неизвѣстны ближайшіе въ зоологическомъ смыслѣ предки человѣка по прямой линіи: ископаемые остатки ихъ еще не найдены; но мы тѣмъ не менѣе, на основаніи эмбриологическихъ данныхъ, съ ббльшею увѣренностью предполагаемъ, что у этихъ предковъ, въ противоположность головному, спинной мозгъ былъ больше теперешняго. Еще и теперь у современнаго человѣка въ зародышевой жизни спинной мозгъ относительно длиннѣе, такъ какъ занимаетъ всю длину позвоночнаго канала, въ составъ котораго къ тому же входитъ ббльшее число позвонковъ. Въ позднѣйшемъ періодѣ зародышевой жизни и въ дѣтствѣ человѣческой спинной мозгъ отстаетъ въ ростѣ, въ особенности нижнимъ своимъ отдѣломъ. Его упомянутое выше коническое заостреніе, усаженное сдвинутыми нервными парами (конскій хвостъ), такая отставшая въ ростѣ часть. Но и эта часть еще не есть настоящій конецъ зародышеваго спинного мозга. Послѣднему соответствуетъ такъ называемая „концевая нить“ взрослога человѣка. Расправляя нервныя пары, составляющія „конскій хвостъ“, мы находимъ какъ разъ въ центрѣ ихъ исходящій отъ самаго конца коническаго заостренія мозга шнурокъ, съ виду похожій на нервъ, а потому и называвшійся прежними анатомами *pervus imrag*—непарнымъ нервомъ. Болѣе новые анатомы учили, что образованіе это, простирающееся черезъ весь незанятый спиннымъ мозгомъ конецъ позвоночнаго канала, состоитъ изъ продолженія однихъ лишь оболочекъ спинного мозга; въ новѣйшее же время, благодаря тщательному микроскопическому изслѣдованію Раубера, стало извѣстно, что въ составъ концевой нити входятъ еще и нервная ткань, и крошечныя нервныя пары. Такимъ образомъ концевая нить является регрессивно измѣненнымъ, у зародыша относительно вполнѣ развитымъ нижнимъ отдѣломъ спинного мозга. Ниже будетъ сказано о біологическомъ законѣ, дающемъ право по аналогіи заключить о томъ, что у отдаленныхъ нашихъ предковъ спинной мозгъ былъ длиннѣе нашего, а концевая его нить по соразмѣрности короче. Насколько мнѣ извѣстно, за недостат-

вомъ материала, нѣтъ еще изысканій относительно длины спинного мозга у самыхъ низшихъ человѣческихъ расъ; однако, аргюи представляется вѣроятнымъ, что коническое заостреніе спинного мозга, приходящееся, какъ уже сказано, у культурныхъ расъ на область то перваго, то втораго поясничнаго позвонка, окажется у дикарей всегда въ области втораго позвонка и, быть можетъ, часто спускается и нѣсколько ниже ¹⁾. Совокупность фактовъ и соображеній вообще приводитъ насъ къ выводу, что въ ряду позвоночныхъ животныхъ во всей ихъ совокупности, по мѣрѣ ихъ осложненія, совершенствованія, спинной мозгъ регрессируетъ, головной же прогрессируетъ, и такимъ образомъ второй развивается какъ бы на счетъ перваго.

Изъ только-что сдѣланнаго вывода, однако, еще не произтекаетъ, что всѣ части головного мозга должны прогрессировать. Сравнительная анатомія указываетъ и на регрессъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно тѣхъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ психической дѣятельности. Мало того, въ мозгу имѣется одно зачаточное образованіе, приуроченное нѣкогда даже органу чувствъ, т.-е. органу безразличному въ психическомъ отношеніи. Это образованіе извѣстно подъ названіемъ верхняго мозгового придатка (эпифизы, шишковидной железы и т. д.). Оно имѣетъ видъ грушевиднаго тѣльца, всего въ нѣсколько линій длиною, сидящаго на тоненькихъ ножкахъ на границѣ средняго и передняго мозга и глубоко запрятано подъ большими мозговыми полушаріями. Придатокъ состоитъ изъ мозгового вещества и содержитъ въ себѣ еще кристаллики, „песчинки“. Анатомы издавна терялись въ догадкахъ относительно его назначенія, а философъ Декартъ подозревалъ въ этомъ непарномъ и ничтожномъ по величинѣ образованіи мѣстопребываніе или точку соприкосновенія съ мозгомъ нераздѣльной и лишенной протяженія души. Микроскопическое строеніе эпифизы, равно какъ и непомѣрное развитіе ея у низшихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ и у зародышей высшихъ, побуждали сравнительныхъ морфологовъ признать въ ней какой-то зачаточный, выродившійся органъ. Еще у птицъ придатокъ сидитъ на такомъ длинномъ стебелькѣ, что выступаетъ на самую поверхность мозга въ промежуткѣ между полушаріями большого мозга и мозжечкомъ. У многихъ ящерицъ, на макушкѣ, между двумя темянными костями имѣется круглое отверстіе, черезъ которое мозговой придатокъ въ зародышевой жизни достигалъ

¹⁾ Намъ извѣстенъ для низшихъ расъ цѣлый рядъ анатомическихъ деталей, аналогичныхъ съ предполагаемой.

свою верхушкою кожи. На соответственномъ мѣстѣ у многочисленныхъ ящерицъ, въ томъ числѣ и у нашихъ обыкновенныхъ, и у безногой мѣдницы, далѣе у лягушекъ, у иныхъ рыбъ можетъ быть замѣчено въ теченіе всей жизни, даже безъ помощи лупы, какое-то кругловатое тѣлце. Микроскопическое изслѣдованіе обнаруживаетъ въ немъ всѣ существенные атрибуты настоящаго зрительнаго органа съ хрусталикомъ, сѣтчатой оболочкой и т. д. Въ большинствѣ случаевъ этотъ непарный, третій или темянный глазъ ¹⁾, правда, лишонъ возможности функционировать; такъ сказать первоначальная, зародышевая связь его съ мозгомъ прервана, но достаточно и того, что у нѣкоторыхъ ящерицъ, какъ у новоголландской гаттеріи, связь эта остается ненарушимой на всю жизнь. Ея непарный глазъ, хотя и не выступаетъ на самую поверхность тѣла, а лежитъ въ подкожной клетчаткѣ, тѣмъ не менѣе настолько развитъ, что можетъ распознавать если и не очертанія внѣшнихъ предметовъ, то, по крайней мѣрѣ, свѣтъ и темноту. Судя по большому темянному отверстию нѣкоторыхъ первобытныхъ ящерицъ и земноводныхъ, непарный глазъ достигалъ у нихъ полнаго развитія. На чтѣ онъ имъ былъ, на это можно отвѣчать только догадками. Быть можетъ, онѣ распознавали имъ приближавшуюся сверху добычу или же вкушали лучи солнца, лѣниво отдыхая въ полуденную пору на берегу первобытнаго водоема. Какъ бы то ни было, одно лишь достоверно, что нашъ верхній мозговой придатокъ долженъ быть признанъ давнимъ наследіемъ низшихъ формъ, у которыхъ онъ представлялъ собою нервное основаніе третьяго, непарнаго глаза. Исчезновеніе слѣдовъ самаго глаза, какъ у птицъ, такъ и у млекопитающихъ, могло бы быть сопоставлено съ появленіемъ у нихъ на макушкѣ перьевъ и волосъ.

Отказываясь отъ описанія частныхъ въ архитектурѣ центральной нервной системы, мы тѣмъ не менѣе должны остановиться на одной весьма элементарной и вмѣстѣ съ тѣмъ фундаментальной ея особенности. На любомъ поперечномъ разрѣзѣ спинного мозга замѣчается отверстіице съ діаметромъ, равнымъ толщинѣ обыкновенной шпальной иглы. Это—сѣченіе канала, именуемаго центральнымъ и простирающагося во всю длину спинного мозга. Въ дѣтствѣ каналъ этотъ сравнительно шире, въ зрѣломъ возрастѣ болѣе суженъ и, въ особенности въ шейной части, можетъ быть закупоренъ, зарощенъ. Калибръ и форма канала измѣ-

¹⁾ У многихъ Ф. А. Овсянниковымъ найдено даже два темянныхъ глаза, лежащихъ одинъ спереди другого; причѣмъ одинъ изъ нихъ, болѣшій, прикрываетъ собой меньшій.

входят по областям спинного мозга: гдѣ самый мозг тоньше и круглѣе или, напротивъ того, толще и шире, тамъ то же самое замѣчается и на каналѣ. Съ переходомъ спинного мозга въ головной, каналъ быстро расширяется, превращаясь послѣдовательно въ цѣлую систему такъ называемыхъ *мозговыхъ желудочковъ*, которые, какъ и самый каналъ, содержатъ нѣкоторое количество прозрачной, безцвѣтной жидкости. Непосредственнымъ продолженіемъ центрального канала является желудочекъ, лежащій въ заднемъ мозгу и имѣющій видъ плоской ромбической сквородки. Впереди онъ суживается въ каналъ толщиной, впрочемъ, уже не съ иглу, а примѣрно съ воронье перо. Этотъ каналъ, какъ бы туннелемъ просверленный сквозь четыре холма среднего мозга, спереди широкимъ раструбомъ открывается въ отвѣсное ущелье, желудочекъ передняго мозга. Однако и этимъ дѣло еще не ограничивается, ибо желудочекъ передняго мозга въ свою очередь продолжается справа и слѣва въ два плоскихъ, но широкихъ, боковыхъ желудочка — полости большихъ полушарій. Присутствіе въ спинномъ мозгу центрального канала, а въ головномъ его непосредственныхъ продолженій, желудочковъ, даетъ намъ право разсматривать *всю центральную нервную систему какъ трубку*, болѣе или менѣе утолщенные стѣнки которой и составляютъ собою нервную ткань. Это первое общее положеніе нашей статьи, которое просимъ читателя удерживать въ своей памяти. Выстѣ съ калибромъ трубки измѣняется по областямъ и толщина ея нервныхъ стѣнокъ: мѣстами онѣ достигаютъ двухъ, трехъ пальцевъ, мѣстами же утончаются до ничтожныхъ пленокъ, съ паутинку.

Откуда берется эта трубка, какъ она развивается у зародыша? Вотъ вопросъ, долженствующій приблизить насъ къ пониманію морфологической ея сущности. На весьма раннемъ зародышѣ любого позвоночнаго животнаго, по направленію будущей спины внѣшній, кожный слой утолщается такъ, что на немъ обрисовывается узкая полоска. Вслѣдъ за тѣмъ края ея разрастаются въ два взаимно параллельныхъ валика, между которыми такимъ образомъ обособляется желобокъ. Поднимаясь все выше и выше и пригибаясь своими хребтами къ средней линіи, валики, наконецъ, встрѣчаются и срастаются этими хребтами, превращая тѣмъ самымъ желобокъ въ трубку. Позже трубка совершенно отщепляется отъ кожи по стороннею тканью, клѣточки же, ее образующія, размножаясь, ведутъ къ утолщенію ея стѣнокъ, которыя и представляютъ собою самое вещество центральной нервной системы. Соответственно будущему туловищу зародыша, стѣнки трубки утолщаются лишь

въ умѣренныхъ границахъ, причемъ первоначальный калибръ трубки весьма мало измѣняется; соответственно головному отдѣлу, напротивъ того, стѣнки нервной трубки вообще значительно утолщаются, а ея просвѣтъ расширяется, образуя по длинѣ три раздутія: задній, средній и передній мозговые пузыри, изъ которыхъ и происходятъ соименные отдѣлы головного мозга. Мы пришли ко второму преднамѣченному мною общему положенію, а именно: *центральная нервная система по существу, т.-е. по происхожденію, не что иное, какъ запятанная во внутрь тѣла полоска ея спинная покровы.* Это положеніе справедливо для всего животнаго царства, гдѣ только имѣется обособленная нервная система; тамъ же, гдѣ ея еще нѣтъ въ отдѣльномъ видѣ, нервныя клѣточки и волокна могутъ образовывать въ толщѣ кожи на всемъ ея протяженіи сплошной, однообразный слой. Такого рода разлитую, еще нелокализованную нервную систему мы видимъ, напр., у актиній, этихъ красивыхъ животныхъ, извѣстныхъ также, по сходству съ цвѣтками, подъ названіемъ морскихъ анемоновъ. Актинія чувствуетъ, сознаетъ и мыслить—если только вообще сознаетъ и мыслить—всею своею кожей, а не, какъ мы, опредѣленной ея полоской, вдавленной во внутрь и преобразованною. Есть, впрочемъ, животныя, которыя стоятъ въ данномъ отношеніи еще ниже актиній, такія, у которыхъ даже нѣтъ отдѣльныхъ нервныхъ клѣточекъ и волоконъ, а слой покровныхъ клѣточекъ всего тѣла служитъ для воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра; причемъ внутренніе ихъ концы превращаются въ мускульныя волоконца. Такого рода простѣйшіе органы чувствованія и движенія, такъ сказать, въ одномъ лицѣ могутъ быть для примѣра указаны у нашей прѣсноводной гидры, столь прославившейся способностью отрѣзанныхъ отъ нея кусочковъ возстановляться до цѣлаго индивидуума.

За послѣднія десятилѣтія, когда восторжествовало ученіе о кровномъ родствѣ всѣхъ членовъ животнаго царства, благодаря счастливому сочетанію дедуктивныхъ и индуктивныхъ изслѣдованій, завѣса таинственности въ вопросѣ о первообразѣ всѣхъ сложныхъ, т.-е. многоклетныхъ животныхъ организмовъ, если и не приподнялась, то по крайней мѣрѣ значительно порѣдѣла. Сообразно господствующей нынѣ уже не гипотезѣ, а теоріи, общимъ для всѣхъ многоклетныхъ, обладающихъ органами животныхъ является *гастрога* (Gastrea). Представимъ себѣ очень маленькое, почти микроскопическое существо въ видѣ мѣшечка съ двойными стѣнками. Любая шапка съ ея покрывною и подкладкою или дряблый резиновый мячъ, на которомъ одна половина вдавлена

въ другую, подражаетъ ея формѣ. Какъ наружный, такъ и внутреннй слой гастрей состоятъ изъ одного только пласта клѣточекъ. Наружный выпускаетъ тончайшія мерцательныя рѣснички, дружными колебательными движеніями которыхъ весь организмъ плаваетъ въ водѣ. Тотъ же наружный слой служить также для воспринятія впечатлѣній извнѣ. Единственнымъ, да и то крайне простымъ органомъ гастрей представляется ея полость—первичный желудокъ (gaster), отъ котораго весь организмъ и получилъ свое названіе. Черезъ его входъ, первичный ротъ, въ первичный желудокъ попадаютъ инфузоріи и другія питательныя вещества. Клѣточками первичнаго желудка эта добыча переваривается и всасывается на пользу всему организму. Другихъ органовъ, кромѣ желудка, никакихъ,—не даромъ онъ остается самымъ первымъ, наиболѣе насущнымъ органомъ всякаго животнаго.

Однако, съ чего же взяли, что древнѣйшими представителями всѣхъ сложныхъ, многоклѣтныхъ животныхъ были именно такого рода гастреи? Ставя такое положеніе, руководствовались общимъ, основнымъ закономъ постепеннаго усложненія организмовъ. Законъ этотъ гласитъ, что исторія развитія недѣлимаго есть краткое повтореніе исторіи развитія его племени. Вотъ особенно наглядный примѣръ для иллюстраціи этого закона. Лягушка, это безхвостое длинноногое, прыгающее животное, въ дѣтствѣ, въ состояніи головастика, имѣетъ длинный плавательный хвостъ. Впослѣдствіи хвостъ этотъ постепенно укорачивается, его составныя части всасываются и поступаютъ въ общій круговоротъ вещества, на счетъ котораго головастикъ довершаетъ свое превращеніе въ лягушку. По временному присутствію у молодой лягушки хвоста мы заключаемъ, что предки лягушекъ были длиннохвостыми во всю жизнь животными, подобно тритонамъ и саламандрамъ. И дѣйствительно, хвостатыя земноводныя появились на земномъ шарѣ раньше безхвостыхъ, ибо окаменѣлыя скелеты ихъ попадаютъ въ болѣе древнихъ геологическихъ отложеніяхъ нашей планеты. Болѣе молодые, еще безногіе головастики дышутъ, на подобіе рыбъ, однѣми лишь жабрами, да и вся организація ихъ весьма близка къ рыбей. То же самое слѣдуетъ сказать и о молодыхъ тритонахъ и саламандрахъ. Отсюда, на основаніи общаго закона развитія организмовъ, строится выводъ, что весь вообще классъ земноводныхъ или амфибій преобразовался изъ рыбъ—выводъ, подтверждающійся первоначальнымъ выступленіемъ на арену жизни изъ числа позвоночныхъ животныхъ однѣхъ лишь рыбъ. Уже изъ силурійской формаціи извѣстно обиліе разнообразныхъ, и притомъ даже

весьма высоко организованныхъ рыбъ, тогда какъ объ амфибіяхъ нѣтъ еще и помину: онѣ появились гораздо позднѣе.

Гастрей въ видѣ самостоятельныхъ организмовъ, которые жили бы и множились, до сихъ поръ не наблюдалось, а тѣмъ не менѣе подобныя имъ существа въ несмѣтномъ множествѣ плаваютъ въ нашихъ моряхъ. Это — молодъ, личинки самыхъ разнообразныхъ сложныхъ животныхъ организмовъ. Другія, подобныя гастреямъ, ступени развитія пробѣгаютъ остальными животными, пока они находятся еще въ яйцѣ. Личиночная или зародышевая ступень развитія, соответствующая гастреѣ, получила названіе *гаструлы*. Гаструла проходитъ черезъ все животное царство, за исключеніемъ лишь простѣйшихъ, одноклѣтныхъ животныхъ, которыя по организаціи сами по себѣ стоятъ ниже ея. Гаструла повторяется и у червей, и у раковъ, и у мягкотѣлыхъ, и т. д. Она свойственна также и главенствующей группѣ—позвоночнымъ животнымъ; у низшаго изъ нихъ, ланцетника, она даже чистѣйшаго типа, и свободно плаваетъ; у другихъ же, въ томъ числѣ и человѣка, представляется въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Подобно тому, какъ Леверрье, путемъ теоретическихъ выкладокъ, удалось доказать существованіе Нептуна, послѣ чего кенигсбергскому астроному оставалось только навести рефлекторъ въ надлежащій моментъ, въ надлежащую точку неба, чтобы увидѣть во очію новую планету, подобно этому Геккель своею теоріею гастреи предрекъ для всѣхъ классовъ животныхъ соответствующую ей зародышевую ступень гаструлы. Въ иныхъ случаяхъ ее, правда, долго искали, вѣрнѣе, не умѣли признать, но въ концѣ концовъ все-таки нашли.

Итакъ, мы получили нѣкоторое представленіе о вѣроятномъ древнѣйшемъ прародичѣ всѣхъ сложно-организованныхъ животныхъ. Гастрея нервной системой еще не обладала. Откуда она впервые взялась и каковъ былъ ея первоначальный видъ? При гадательномъ рѣшеніи этого вопроса мы можемъ опять-таки руководствоваться основнымъ закономъ развитія организмовъ. Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ личиночной или зародышевой гаструлы, мы замѣтимъ на внѣшнемъ ея слѣѣ появленіе продольной утолщенной полоски, приподнятіе ея краевъ въ видѣ валиковъ, сближеніе и сращеніе краевъ этихъ валиковъ, словомъ сказать, мы видимъ то самое, о чемъ уже выше была рѣчь по поводу развитія нашей нервной системы. Повторять сказанное было бы излишне, еслибъ не нѣкоторыя дополненія и иное освѣщеніе фактовъ. При замыканіи спинныхъ валиковъ получается трубка, открытая пока еще съ двухъ концовъ, передняго и задняго. Черезъ

эту трубку съ ея мерцательными рѣсничками у свободно плавающихъ гаструлъ прогоняется токъ воды, испытуемой, быть можетъ, на живущіяся въ ней питательныя примѣси. Въ такомъ простѣйшемъ видѣ будущая центральная нервная система представляетъ собою не болѣе, какъ обособленную и защищенную полоску вѣшняго слоя гастролы, а по аналогіи, и гипотетической, уже нѣсколько усложнившейся гастреи. Дальнѣйшее, какое можетъ быть прослѣжено на гаструлѣ, хотя бы ланцетника, явленіе заключается въ томъ, что спинные валики на удлиннившейся гаструлѣ сами удлиняются по направленію къ первичному ея рту, обхватываютъ его и поверхъ его замыкаются въ нервную трубку. Вслѣдствіе этого первичный ротъ отрывается уже не наружу, а въ полость нервной системы, т.-е. въ центральный ея каналъ. На противоположномъ (головномъ!) концѣ нервная трубка остается пока еще открытой. Она представляетъ такимъ образомъ единственное сообщеніе первичнаго желудка съ вѣшнимъ міромъ. Если мы не слишкомъ увлекаемся буквальнымъ примѣненіемъ основнаго закона развитія, то можемъ предположить существованіе нѣкогда самостоятельныхъ организмовъ, у которыхъ въ теченіе всей жизни органъ, соответствовавшій нашей нервной системѣ, игралъ роль входнаго канала для пищи. Пища, вмѣсто того, чтобы прямо и безъ разбора попадать въ первичный желудокъ, должна была подвергаться предварительному испытанію въ трубочкѣ, обособившейся отъ вѣшной чувствительной поверхности тѣла. Предполагая вѣрность этой дедукціи, мы должны признать за первоначальное назначеніе нашей нервной системы служеніе желудку. Нервная система всецѣло въ услуженіи желудка!—открытіе, по видимому, странное, чуть ли не предосудительное. Однако, вдумавшись въ него спокойно и безпристрастно, отрѣшившись мысленно отъ всѣхъ умственныхъ плодовъ человѣческой цивилизаціи и представляя себѣ общество самое дикое, первобытное. Развѣ всѣ помыслы дикарей не направлены на потребу желудка? Вѣдь и среди цивилизованнаго общества злосчастный пролетарій подчиняетъ свой мозгъ голодному желудку. Зародышевое (или личиночное) сообщеніе нервной трубки съ одного конца съ вѣшнимъ міромъ, а съ другого съ пищеварительною полостью—не долговѣчно: трубка съ обоихъ концовъ зарастаетъ¹⁾; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ пищеварительную полость прорываются два новыхъ, самостоятельныхъ отверстія: одно, входное, ротъ, на переднемъ, дру-

¹⁾ Лишь у ланцетника переднее отверстие центрального канала остается на всю жизнь.

гое, выходное, на заднемъ концѣ тѣла. Съ этого момента нервная труба уже получаетъ другое, свое спеціальное назначеніе. Ея клѣточки преобразовываются въ настоящія нервные, которыя, помощью нервныхъ стволовъ, вступаютъ въ связь съ органами чувствъ, которыми оповѣщаются о близости добычи или опасности, и съ мускулами, которымъ передаютъ свои импульсы. Подобная мѣна функцій спинномозговой трубки могла совершиться аналогично съ зародышевымъ развитіемъ и у первобытныхъ, не дошедшихъ до насъ животныхъ формъ, путемъ весьма медленнаго, постепеннаго усложненія всей ихъ организаціи.

Подчеркиваю еще разъ положеніе, что первоначально, вмѣсто нервной системы, функционировали клѣточки всей внѣшней поверхности тѣла животного. При однообразіи этихъ клѣточекъ мы можемъ относить такого рода функцію и въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Вотъ почему намъ не должно казаться особенно удивительнымъ проявленіе своего рода психической дѣятельности и одноклѣтными организмами, каковыми являются, напр., инфузоріи. Инфузоріи, существа лишь въ рѣдкихъ случаяхъ еще видимыя невооруженнымъ глазомъ, имѣютъ мягкую, слизистую консистенцію, такъ что расплываются при самомъ незначительномъ давленіи. При этомъ ихъ поверхностный слой замѣтно плотнѣе центральной массы. Изъ этого слоя выступаютъ различнымъ образомъ расположенныя мерцательныя рѣсницы—приспособленія для плаванія—и щетинки или крючья для ползанія. Въ поверхностномъ же слоѣ обрисовываются продольныя полосы, волокна, играющія роль мускульныхъ. Въ немъ даже спереди имѣется отверстіе, черезъ которое поглощается пища, вдавливаемая въ слизистую сердцевину тѣла, а на другомъ концѣ отверстіе для выбрасыванія неудобоваримыхъ пищевыхъ остатковъ. Въ томъ же слоѣ наблюдается еще ритмическое появленіе и исчезновеніе капли, „бьющійся пузырекъ“, по мнѣнію большинства наблюдателей, своего рода сердце, поддерживающее передвиженіе соковъ въ тѣлѣ. Нѣкое кругловатое, удлиненное или иныхъ формъ тѣльце инфузорій образуетъ ихъ ядро, а лежащее по сосѣдству съ нимъ меньшее именуется ядрышкомъ. То и другое имѣютъ значеніе въ дѣлѣ размноженія инфузорій половымъ способомъ. Всѣ перечисленныя части получили названіе элементарныхъ органовъ, ибо суть не что иное, какъ обособившіеся отдѣлы того же элементарнаго организма, стоящаго все же на ступени одной лишь клѣточки. Проявленіе инфузоріями самостоятельной жизнедѣятельности служило уже неоднократно предметомъ наблюденія. Въ послѣднее время занимались ими въ Германіи Бючли, а въ Россіи Фамин-

динъ. Привожу нѣсколько особенно разительныхъ фактовъ, изъ числа добытыхъ ими. Движенія инфузорій прежде всего носятъ изъ себя характеръ произвольныхъ, какъ по ихъ сложности, такъ и по цѣлесообразности. Такъ, напр., стилонихія, бѣгая по подводнымъ предметамъ, въ строгой послѣдовательности переставляетъ крючковатые придатки, сидящіе на нижней поверхности ея тѣла, совершенно такъ же, какъ ползаетъ на своихъ ножкахъ насекомое, ракъ или сколопендра. Останавливая или приводя въ движеніе порознь то однѣ, то другія изъ своихъ крючковатыхъ ножекъ, инфузорія можетъ мгновенно видоизмѣнять свои движенія, сврачивать вправо или влѣво, останавливаться, пятиться назадъ. Однако, еще въ несравненно большей мѣрѣ произвольность движеній, а вмѣстѣ съ нею и сообразительность, находчивость связываются во время преслѣдованія хищными инфузоріями ихъ добычи. Такъ дидиніумъ — это видно по всему — чувствуетъ близость добычи, другой инфузоріи. Гоняясь за нею, онъ преслѣдуетъ ее по всѣмъ изворотамъ и при этомъ регулируетъ направленіе своихъ аппаратовъ передвиженія, рѣсницъ. Рѣсницы эти, расположенныя на боченкообразномъ тѣлѣ какъ бы двумя обручами, наклоняются ею то въ одну, то въ другую сторону и притомъ въ отдѣльныхъ частяхъ одного и того же обруча по различнымъ направленіямъ. Видоизмѣняя направленіе волхательныхъ движеній рѣсницъ, инфузорія можетъ сообщать своему тѣлу даже вращательное движеніе вокругъ его оси. Приблизившись къ своей жертвѣ до небольшого разстоянія, дидиніумъ вдругъ выбрасываетъ на нее изъ рта цѣлый зарядъ мелкихъ палочекъ. Подобно отравленнымъ стрѣламъ, палочки ошеломляютъ, парализуютъ добычу, которую дидиніумъ и втягиваетъ въ себя черезъ ротъ, выступающій на концѣ хоботка. Другой хищникъ, амфилентусъ, нападаетъ безразлично на инфузорій, какъ на приросшихъ неподвижно — есть и такія, — такъ и на свободно плавающихъ. Первыми онъ овладѣваетъ безъ дальнѣйшихъ церемоній; вторыхъ же преслѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока не припретъ въ постороннему предмету или не загонитъ въ закоулокъ. И такъ, мы видимъ, что инфузоріи-хищницы не только распознаютъ близость добычи, но также производятъ, съ цѣлью овладѣть ею, цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ и послѣдовательныхъ дѣйствій, отнюдь не шаблонныхъ, инстинктивныхъ, а видоизмѣняемыхъ сообразно случайнымъ обстоятельствамъ. Изъ всего этого проистекаетъ подтвержденіе того положенія, что не только ощущеніе, но и своего рода психическая дѣятельность возможны и при отсутствіи нервныхъ клѣтокъ, даже тогда, когда весь организмъ представленъ одною только клѣточкою.

По поводу инфузорій умѣстно припомнить одинъ фактъ, бросающій неожиданно своеобразный свѣтъ на свойство психической дѣятельности вообще, обыкновенно приписываемой нераздѣльному началу. Извѣстно, что инфузорія, кромѣ полового способа, размножается также и дѣленіемъ. При этомъ тѣло ихъ вытягивается, получаетъ по срединѣ перехватъ и, соотвѣтственно ему, разрывается, послѣ чего на каждой изъ половинокъ появляются недостающія ей части, и обѣ „дочери“ расходятся своею дорогою. Что же, спрашивается, должно при этомъ происходить съ сознаниемъ и вообще съ душою первоначальнаго, материнскаго, индивидуума? Вейсманъ, одинъ изъ превосходнѣйшихъ натурфилософовъ новѣйшаго направленія, полагаетъ, что сознание, будучи разлито первоначально по всему тѣлу материнской инфузоріи, при ея дѣленіи должно переходить одинаково на каждую изъ дочерей и получиться такимъ образомъ въ двойственномъ числѣ. Предполагая у инфузорій способность соображать, сознательно относиться къ тому, что съ ними происходитъ, мы можемъ себя представить, что въ самый моментъ дѣленія каждая изъ половинокъ могла бы думать: „вотъ, я отдѣляю отъ себя дочь“. Собственно говоря, иного объясненія нельзя и предложить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не распространить его и на множество сложныхъ, многоклеточныхъ животныхъ (гидръ, червей, иныхъ морскихъ звѣздъ и т. д.), которыя либо сами собою точно также размножаются дѣленіемъ, либо могутъ быть размножаемы искусственно—изрѣзываніемъ на кусочки. Декартъ — объ этомъ уже сказано выше — искалъ въ мозгу по возможности маленькій непарный органъ, въ которомъ могла бы обитать душа. Современные физиологи, напротивъ того, клонятся къ тому, что психическія функціи, получившія коллективное названіе души, разлиты равномерно на большое пространство по головному мозгу, въ особенности по обоимъ полушаріямъ. Поэтому, еслибы можно было безнаказанно, т.-е. безъ ущерба для жизнеспособности, расплатать человѣческое тѣло вдоль, по средней плоскости, то въ обѣихъ его половинахъ, правой и лѣвой, какъ въ раздѣлившейся инфузоріи, продолжалась бы самостоятельно психическая работа.

Инфузоріи, о которыхъ мы только-что говорили, одарены хотя и элементарными, но все-таки органами; а потому возможны еще нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, дѣйствительно ли психическія отправленія разлиты по всему веществу, по всей протоплазмѣ ихъ одноклеточнаго тѣла. Сомнѣнія относительно возможности такого разлитія у одноклеточныхъ организмовъ вообще, повидимому, устраняются изученіемъ наиболѣе простыхъ, каковы

амебы. Представимъ себѣ микроскопическую каплю бѣловинныхъ веществъ протоплазмы, внутри съ ядромъ или даже безо всякаго ядра. Даже такое простѣйшее существо обладаетъ уже всѣми основными жизненными отправлениями. Такъ, оно двигается, измѣняя свою форму, испуская временные отростки и переливаясь въ нихъ своимъ тѣломъ; оплывая постороннія частицы, оно воспринимаетъ ихъ, оно растворяетъ эти частицы, если онѣ только вообще растворимы, т.-е. перевариваетъ собственно свою протоплазму. Этимъ способомъ она питается, а при избыткѣ питанія, также и растетъ. Амеба также и размножается дѣленіемъ, какъ инфузорія, т.-е. самопроизвольно разрываясь на двѣ и болѣе частей. Не только эти естественные продукты дѣленія, но и каждая даже мельчайшая частица тѣла, искусственно отдѣленная отъ амебы, является носителемъ тѣхъ же основныхъ жизненныхъ свойствъ. Къ свойствамъ этимъ относится еще одно, о которомъ необходимо упомянуть съ особымъ удареніемъ, а именно способность реагировать на различнаго рода раздраженія, механическія, электрическія, температурныя, химическія. Сообразно условіямъ опыта, реакція проявляется различно; такъ, можно заставить амебу, выпустившую отростки, мгновенно втянуть ихъ въ себя и вернуться тѣмъ самымъ къ шарообразной формѣ покоя, соответствующей гидростатическому равновѣсію капли любой жидкости. Были попытки къ объясненію всякаго рода отклоненій амебы отъ этого состоянія покоя къ многообразію формы, другими словами, ея движеній, однимъ лишь прилипаніемъ, причемъ указывали на то, что амеба, свободно плавающая, висящая въ водѣ, всегда шарообразна и что лишь при своемъ соприкосновеніи съ твердымъ тѣломъ она можетъ расплываться, и однако мнѣ кажется правдоподобнѣе, что дѣло сводится тутъ лишь къ болѣе или менѣе благоприятнымъ условіямъ и что амебѣ, естественно, трудно бороться съ присущимъ ея частицамъ физическимъ стремленіемъ къ гидростатическому равновѣсію. Подтверждается это мнѣніе тѣми сродными съ амебою организмами (радіоляріями), которые, несмотря на то, что всегда плаваютъ, все же испускаютъ активно лучеобразныя отростки. Раздражительность, т.-е. способность реагировать на раздраженія, есть единственный критерій, по которому физиологъ распознаетъ чувствительность низшаго организма, а потому онъ прямо даже отождествляетъ эти два явленія. Картина жизнедѣятельности амебы, конечно, далеко не такъ сложна, какъ у инфузорій, но все же допускаетъ, и по аналогіи съ ними, и на основаніи переходныхъ формъ съ разными градаціями въ устройствѣ и жизнедѣятельности, толкованіе въ смыслѣ зависи-

мости отъ внутреннихъ импульсовъ. Въ виду этого мы беремъ себѣ право догадываться о существованіи и у простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ первыхъ зачатковъ психической дѣятельности. Идемъ еще на одинъ шагъ дальше. Составъ тѣла простѣйшихъ амебъ весьма однообразный; каждый ихъ обрывокъ, какъ уже замѣчено, проявляетъ ту же жизнеспособность, что и цѣлая амеба. Отсюда истекаетъ положеніе, что *первые зачатки психической дѣятельности могутъ быть разсматриваемы какъ одно изъ основныхъ свойствъ оживленнаго белкового вещества, т.-е. протоплазмы вообще.*

Совершивъ переходъ отъ высшихъ существъ къ самымъ низшимъ, даже къ протоплазмѣ, мы незамѣтно приблизились къ заключительнымъ положеніямъ нашихъ натурфилософскихъ выкладокъ, къ той точкѣ, гдѣ онѣ замыкаются въ полный кругъ.

Какимъ пассивнымъ, можно сказать, вегетативнымъ, существомъ ни казалось бы новорожденное дитя, всякій готовъ признать, что въ немъ уже теплится душа. Точно также всякій охотно согласится съ нами, что душа эта не навѣяна младенцу вмѣстѣ съ первымъ его дыханіемъ, но что она была въ немъ еще раньше, до момента рожденія на свѣтъ. Пусть, кто сумѣетъ, укажетъ на тотъ моментъ, когда внезапно въ зародышѣ вселяется душа. Не проще ли, естественнѣе, удобопонятнѣе допустить, что психическіе процессы, конечно, весьма темные, элементарные, совершаются въ зародышѣ уже съ первѣйшаго его начала, а затѣмъ, по мѣрѣ прохожденія имъ различныхъ фазъ развитія, лишь совершенствуются подобно тому, какъ совершенствуются позже, по рожденіи зародыша на свѣтъ. Высказывая этотъ взглядъ, мы не придаемъ принципиальнаго значенія количественной сторонѣ. На самомъ дѣлѣ, послѣ рожденія психика осложняется и усиливается гигантскими шагами, равномернѣе ускорительнымъ темпомъ, обогащаясь необходимымъ для того матеріаломъ изъ внѣшняго міра, черезъ предназначенныя къ тому ворота—органы чувствъ. Въ существенно другихъ условіяхъ находится зародышъ. Въ его темницѣ не проникаетъ ни единый лучъ свѣта; звуковыя и температурныя колебанія его почти вовсе не достигаютъ. Поэтому и въ тѣ періоды, когда онъ по своей организаціи соответствуетъ земноводнымъ или рыбьимъ, зародышъ высшаго интеллигентнаго существа въ психическомъ отношеніи не могъ бы конкурировать ни съ однимъ изъ готовыхъ представителей этихъ низшихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ.

Опасаясь уклониться въ сторону, спѣшу ставить рѣзче положеніе: зачатки психической дѣятельности не представляютъ собою

нѣчто прошлое, навѣянное снаружи, но должны были находиться въ зародышѣ съ самаго его начала. Такимъ началомъ представляется единичная клѣточка, клѣточка яйцевая, микроскопическое существо, по виду и по строенію до тождества сходное съ амeboй и многими другими одноклѣтными организмами. Впрочемъ, сходство это не ограничивается одними морфологическими свойствами, а простирается и на физиологическія. Яйцевая клѣточка точно также питается, растетъ, двигается, размножается и обладаетъ раздражительностью. Первоначально она составляетъ часть материнскаго организма, его яичника, въ которомъ такихъ клѣточекъ великое множество и гдѣ онѣ, размножаясь дѣленіемъ, передаютъ свои свойства отъ одного повольтнія яйцевыхъ клѣточекъ къ другому. Но вотъ, одна изъ доросшихъ до максимальной величины яйцевыхъ клѣточекъ выдѣлена яичникомъ и przeprowadена въ другое мѣсто, удобное для ея превращенія въ зародышъ. Самый существенный, основной, интересующій насъ процессъ зародышеваго развитія заключается въ томъ, что яйцевая клѣточка размножается дѣленіемъ на двѣ подобныя ей клѣточки; эти немедленно въ свою очередь дѣлятся; то же самое повторяется и на ихъ продуктахъ дѣленія и т. д. Такимъ образомъ въ короткое время создается масса потомковъ яйцевой клѣтки, которые, въ противоположность молодымъ амeбамъ и инфузоріямъ, лишь не разбредаются во всѣ стороны, а остаются вмѣстѣ и образуютъ колонію или ассоціацію клѣточекъ. Изъ нихъ, при дальнѣйшемъ размноженіи, на счетъ притекающаго извнѣ питательнаго матеріала, строятся всѣ органы сложнаго существа. Число клѣточекъ въ тѣлѣ взрослога человѣка не поддается строгому учету, но приблизительно выражается сотнями тысячъ миллиардовъ ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ клѣтки эти болѣе или

¹⁾ Положеніе это обосновывается мною слѣдующей выкладкой. Окольными путями вычислено, что въ кубическомъ миллиметрѣ крови содержится около 5.000.000 кровяныхъ „шариковъ“, т.-е. клѣточекъ. Помножая это число на все количество крови взрослога человѣка, выраженное въ миллиметрахъ, получаемъ, что въ составъ одной только крови входитъ около 23.000 миллиардовъ клѣточекъ. Помножая это число на 18, такъ какъ кровь составляетъ приблизительно тринадцатую часть всего тѣла, мы получаемъ общее число клѣточекъ всего нашего организма въ видѣ круглой цифры 200.000 миллиардовъ. Вычисленіе это, правда, основано на произвольномъ, не соответствующемъ дѣйствительности предположеніи, что на каждый кубическій миллиметръ любой изъ нашихъ тканей приходится, какъ и въ крови, по пяти миллионовъ клѣтокъ, тѣмъ не менѣе, не претендуя на строго научное значеніе, оно все же бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на число элементарныхъ организмовъ нашего тѣла. Последнихъ было бы достаточно для созданія народонаселенія въ 150.000 миллиардовъ разъ большаго противъ современнаго народонаселенія нашей планеты, каждый индивидуумъ котораго—замѣтимъ—первоначально равнялся одной лишь, яйцевой, клѣткѣ.

менѣе измѣнены противъ первоначальнаго и яйцеподобнаго типа, въ однихъ органахъ такъ, въ другихъ иначе. Но какъ бы ни были рѣзки эти измѣненія и по формѣ, и по величинѣ, и по химическому составу, и, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и по спеціальной функціи, онѣ все же составляютъ потомство по прямой линіи одной и той же клѣтки-прародительницы и отъ нея въ большей или меньшей степени унаслѣдовали и основныя отправления. Въ числѣ потомковъ есть и нѣкоторыя весьма консервативныя; причемъ самыми консервативными являются яйцевыя клѣтки въ яичникѣ женскаго индивидуума.

Къ чему клонятся всѣ эти соображенія, ясно почти само собою. Разсматривая сложный организмъ, скажемъ, человѣческій, какъ совокупность безчисленныхъ клѣточекъ, ведущихъ свой родъ отъ одной первоначальной, и разсматривая все животное царство точно такъ же, какъ нѣчто цѣлое, развившееся изъ одного первобытнаго одноклѣточного организма, мы приходимъ къ возвращенію о преемственной передачѣ, отъ клѣточки къ клѣточкѣ, черезъ весь міръ животныхъ, основныхъ свойствъ первоначальной клѣтки. Къ этимъ свойствамъ мы причисляемъ и психическую функцію. Выражаясь популярно, мы вмѣстѣ съ этимъ признаемъ, что душа уже нигдѣ вновь не зарождается, а лишь непрерывно передается и *развивается*, если разумѣть это слово буквально, т.-е. въ смыслѣ развертыванія, разростанія, растяженія уже заранѣе существовавшаго. Но почему же—возникаетъ вопросъ—у сложныхъ животныхъ душа, выразимся такъ, развивается лишь въ клѣточкахъ нервной системы? Принципіальное рѣшеніе этого вопроса представляется, повидимому, довольно простымъ. Наши мускулы, кости, легкія, нашъ желудокъ, пищеварительный каналъ скрыты внутри тѣла и приурочены къ грубой, однообразной работѣ; они не находятся въ прямомъ и многообразномъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ. Вотъ почему и клѣтки, ихъ составляющія, пребываютъ психически въ угнетенномъ, грубомъ и некультурномъ состояніи. Другое дѣло центральная нервная система съ ея клѣточками. Она хотя и запрятана въ тѣлѣ, ради своей сохранности, но сообщается нервными путями съ выступающими на периферіи спеціальными вѣстовыми, съ органами чувствъ. Психическое развитіе слѣпотого отъ рожденія завѣдомо уже, нежели у нормальнаго человѣка; еще въ гораздо большей степени оно ограничено у глухого. Но стоитъ только себѣ представить новорожденное дитя, одновременно лишенное всѣхъ пяти органовъ чувствъ, и для всякаго безъ дальнѣйшихъ разсужденій сдѣлается яснымъ, что единственными культивирующими, развивающими

психику моментами являются импульсы, передаваемые мозгу органами чувствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что единственными способными къ психической культурѣ клѣточками нашего тѣла представляются нервныя, ибо только онѣ связаны съ источниками познанія.

Можетъ показаться страннымъ, почему при громадной массѣ культивируемыхъ органами чувствъ первныхъ клѣточекъ, въ результатѣ получается, вмѣсто миллиардовъ сознаний, одно цѣлостное. Это объясняется, повидимому, интенсивною взаимною связью нервныхъ клѣточекъ. Благодаря соединительнымъ нервнымъ волокнамъ, онѣ составляютъ общую органическую сѣть, по которой возбужденія столь же свободно передаются изъ клѣточки въ клѣточку, какъ передаются въ инфузоріи, застигнутой нами во время самаго акта дѣленія изъ одной обособляющейся ея половины въ другую.

Въ заключеніе еще личная оговорка для предотвращения могущаго, по недоразумѣнію, выпасть на мою долю упрека въ распространеніи матеріалистическихъ идей. Я не поклонникъ грубаго Фохтовскаго афоризма: „подобно тому, какъ печень выделяетъ желчь, мозгъ выделяетъ мысль“; я, напротивъ того, убѣжденъ, что никакія умствованія, начиная съ древнѣйшихъ мыслителей и кончая современными психологами и психофизиками, ни на юту не подвинули насъ впередъ въ пониманіи сущности самосознанія, этого элементарнѣйшаго изъ душевныхъ проявленій. „Что такое самосознаніе?“ Это вопросъ, повидимому столь же великій и неразрѣшимый, какъ и вопросъ о причинѣ всего бытія. По существу эти два вопроса, по крайней мѣрѣ отчасти, даже совпадаютъ, ибо сводятся къ одному общему — о духовномъ началѣ. Когда Наполеонъ I спросилъ Лапласа, отчего въ его сочиненіи о системѣ мірозданія нигдѣ не упомянуто о Богѣ, знаменитый астрономъ отвѣтилъ словами: „*Sir, nous n'avons pas besoin de cette hypothèse*“. Завзятый апостолъ матеріализма, Бюхнеръ, съ триумфомъ провозглашаетъ это изреченіе. Но чтѣ же, въ сущности, высказалъ своими словами астрономъ? Онъ лишь очертилъ, разграничилъ сферу изслѣдованій по своей специальности. На самомъ дѣлѣ, куда бы астрономы ни направляли свои телескопы, всюду въ безконечной дали мірового пространства они непосредственно распознаютъ одинъ только механизмъ, основанный на законахъ тяготѣнія, механизмъ, правда, безконечно грандіозный, подавляющій, но все же механизмъ, проявляющійся на бездушнѣйшей матеріи. Какъ и кто его установилъ, изслѣдовать это — не дѣло астронома. Духовное начало скорѣе могло бы быть распо-

знано въ созданіяхъ живыхъ, одушевленныхъ. Конечно, и въ микроскопѣ мы никогда не увидимъ духовнаго начала непосредственно; но все же скорѣе изслѣдованіе элементарныхъ организмовъ, въ связи съ тончайшими физическими и химическими анализами, могли бы въ концѣ концовъ выдѣлить для пытливыхъ отдаленныхъ нашихъ потомковъ все то, что объяснимо матеріальными процессами, и указать съ полною неотразимостью на остатокъ, не поддающійся матеріальному анализу и долженствующій быть отнесеннымъ къ духовному началу, проявляющемуся въ живыхъ существахъ подъ видомъ самосознанія, какъ малѣйшая частица проникающаго вселенную необъятнаго и непостижимаго духовнаго принципа, о которомъ Гёте такъ мѣтко выразился: „кто имѣетъ право его называть, кто исповѣдовать: я вѣрую въ него или я не вѣрую“.

А. Брандтъ.

ДВА СЛОВАРЯ РУССКАГО ЯЗЫКА

— Материалы для Словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ. Выпускъ первый. А, Б, В и начало Г. Спб. 1890. Выпускъ второй. Г—начало И. Спб. 1892. 4°, два столбца.

— Словарь Русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ. Выпускъ первый. А—Вгас. Спб. 1891. Больш. 8°, два столбца.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ Русское отдѣленіе Академіи было очень занято мыслью о новомъ изданіи академическаго Словаря, выпедшаго въ 1847 году. Изъ тогдашнихъ членовъ Отдѣленія всего серьезнѣе отнесся къ этому дѣлу Срезневскій, который послѣ Востокова былъ въ сущности единственный серьезный ученый и филологъ въ тогдашнемъ Отдѣленіи и предпринималъ самъ и вызывалъ другихъ къ работамъ въ этомъ направленіи. Между прочимъ онъ хотѣлъ выяснитъ самое понятіе о томъ, чѣмъ долженъ быть настоящій словарь языка, удовлетворяющій тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ труду подобнаго рода. Срезневскій сдѣлалъ это въ нѣсколькихъ статьяхъ, представлявшихъ „Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей“¹⁾: онъ останавливается сначала на теоретическомъ опредѣленіи того содержанія, какое вообще долженъ представить словарь языка, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, и въ

---

¹⁾ „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности“, 1854, т. III.

частности по тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, какія могутъ быть ему предъявлены, научнымъ и практическимъ; затѣмъ въ об́ломъ обзорѣ онъ указываетъ словарныя работы, исполненныя у разныхъ народовъ, между прочимъ у славянскихъ племенъ, и; наконецъ, подробно останавливается на главнѣйшихъ словаряхъ того времени — нѣмецкихъ и особливо французскихъ и англійскихъ, наблюдая, какъ исполняются въ нихъ тѣ научныя и практическія запросы, которымъ долженъ отвѣчать правильно поставленный словарь литературнаго и народнаго языка. Теоретическія положенія, которыя служатъ основаніемъ его критическихъ требованій, конечно, опирались уже и на этомъ практическомъ изученіи иностранныхъ словарей. Съ тѣхъ поръ общее значеніе словаря, кажется, не встрѣтило еще такого многосторонняго опредѣленія и мы приведемъ изъ статей Срезневскаго нѣсколько разсужденій, которыя могутъ ввести читателя въ представленіе о томъ, чѣмъ долженъ быть словарь языка, сколько возможно полно достигающій своей цѣли.

„Словарь роднаго языка, — говоритъ Срезневскій, — есть одна изъ самыхъ необходимыхъ настольныхъ книгъ для всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе для литератора и писателя, и особенно для того, кто такъ или иначе посвятилъ свою ученую дѣятельность изученію своего народа, его языка и литературы. Хорошій словарь долженъ удовлетворять каждаго изъ тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ. Достигнуть этого вполне, конечно, очень трудно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невозможно; тѣмъ не менѣе требованія остаются требованіями, ранѣе или позже должны быть исполнены, и всегда мало-по-малу исполняются, по мѣрѣ требовательности общественной. Чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ значительнѣе въ немъ масса людей просвѣщенныхъ, тѣмъ у него лучше, богаче, полнѣе, удовлетворительнѣе словарь его языка. Словари сопутствуютъ просвѣщенію всюду такъ же, какъ типографіи, театры, журналы и пр.

„Трудно представить себѣ человѣка, сколько бы ни было вообще образованнаго, который зналъ бы свой языкъ въ такой мѣрѣ, что ему вовсе уже не нужно пособіе словаря для объясненія словъ, не часто употребительныхъ, устарѣвшихъ, простонародныхъ, областныхъ, техническихъ. Даже тѣ, которые посвящаютъ себя спеціально изученію своего языка, не удерживаютъ въ памяти всего богатства словаря его; даже составители словарей, забывая значенія словъ, ими самими объясненныхъ, прибѣгаютъ иногда къ своимъ собственнымъ объясненіямъ. Равнодушіе къ полному, отчетливому уразумѣнію того, что читаемъ или слы-

шимъ, съ желаніемъ понять, равнодушіе лѣнливое или невѣжественное, одно можетъ не нуждаться въ словарѣ; напротивъ того, образованность не постыдится никогда брать въ руки словарь и останавливаться на объясненіи словъ неизвѣстныхъ или не совсемъ понятныхъ. Главное достоинство такого общаго словаря, всемъ одинаково нужнаго, есть полнота внѣшняя, заключающаяся въ количествѣ словъ, и внутренняя, зависящая отъ отчетливости опредѣленія смысла каждаго изъ нихъ. Заботясь о полнотѣ внѣшней своего словаря, составитель его старается собрать въ немъ слова все, какія можетъ, не думая объ ихъ относительной цѣнности: слова устарѣлыя, мѣстныя, простонародныя, иностранныя, введенныя какими бы то ни было писателями, хотя бы и не принятыя, все одинаково для него важны, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе могутъ быть понятны. Достигая полноты внутренней, онъ обращаетъ вниманіе на отдѣлы смысла, соединяемые со словами, отдѣляетъ каждый изъ нихъ, не пропуская между прочимъ выраженій поговорочныхъ, въ которыхъ слова получили особенный смыслъ, сами по себѣ или по соединенію съ другими словами. Для болѣе отчетливаго опредѣленія смысла словъ, онъ приводитъ всюду, гдѣ нужно, выраженія изъ писателей и изъ говора народнаго; ими дополняетъ и подтверждаетъ свое опредѣленіе. Само собою разумѣется, что, стараясь быть отчетливымъ, составитель словаря, для облегченія и полнѣйшаго вразумленія читателя, не можетъ упускать изъ виду замѣчаній о словахъ и смыслахъ словъ неупотребительныхъ, гдѣ и когда они употреблялись или употребляются; такому лексикографу нѣтъ особенной надобности ни хвалить, ни хулить что бы то ни было: онъ долженъ только собрать и объяснить факты. Впрочемъ, и безъ обязанностей судейскихъ у него много работы. Кромѣ трудовъ, соединенныхъ съ простымъ объясненіемъ смысла многихъ словъ, которыхъ значеніе неясно опредѣляютъ выраженія, гдѣ онѣ употреблены или употребляются, его ожидаетъ еще забота объяснять понятія, заключающіяся въ словахъ, сводить для этихъ объясненій факты историко-этнографическіе. Значительная масса словъ каждаго языка выражаетъ понятія, принадлежащія или имѣющія право принадлежать всемъ людямъ вообще или по крайней мѣрѣ всемъ людямъ одной степени просвѣщенія, — понятія, для которыхъ могутъ быть слова въ каждомъ языкѣ; но не изъ нихъ однихъ состоятъ языкъ. Кромѣ ихъ въ каждомъ языкѣ есть множество словъ, составляющихъ по понятіямъ, ими выражаемымъ, собственность только нѣкоторыхъ мѣстностей и нѣкотораго времени. Невозможность перевода или краткаго опредѣленія этихъ словъ предполагаетъ необходи-

мость объясненій, болѣе отчетливыхъ, нераздѣльныхъ съ знаніемъ народнаго быта и обычаевъ, и чѣмъ менѣе обще, менѣе извѣстно понятіе, выражаемое словомъ.—будь это предметъ, дѣйствіе и т. п.—тѣмъ подробнѣе должно быть оно объяснено. Иные думаютъ, что такого рода объясненія въ словарѣ не необходимость, а только роскошь, хотя и не бесполезная, но иногда слишкомъ отягощающая словарь, что онѣ принадлежатъ къ содержанію словарей древностей и народностей, а не словарей языка. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться трудно. Безъ этого рода объясненій нельзя быть отчетливымъ въ опредѣленіи смысла именно тѣхъ словъ, которыхъ значеніе менѣе понятно, которыхъ опредѣленіе менѣе возможно помощью однихъ общихъ выраженій. Не допустивъ ихъ, надобно допустить неотчетливость въ ихъ опредѣленіи, а допустить неотчетливость въ одной части словаря изъ одной боязни, что это можетъ казаться въ немъ роскошью, значить допустить ея законность и во всемъ словарѣ, слѣдовательно разрушить главное основаніе, на которомъ одномъ можетъ и должно воздвигаться зданіе словаря. Словарь долженъ быть хранителемъ, истолкователемъ всѣхъ фактовъ образованности народа, насколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объясненій словъ тѣмъ болѣе въ немъ необходима, чѣмъ тѣснѣе связана она съ особенностями жизни народа. Правда, что большая часть составителей словарей пренебрегали объясненіями историко-этнографическими, какъ лишними; но были и не пренебрегавшіе ими; да если бы ихъ и вовсе не было, то все же достоинство не перестанетъ быть достоинствомъ, и словарь съ объясненіями историко-этнографическими всегда будетъ предпочтенъ словарю, въ которомъ ихъ нѣтъ. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что эта сторона словаря возможна въ немъ только вслѣдствіе развитія науки древностей и народностей, что филологъ пользуется въ этомъ случаѣ готовымъ результатомъ изысканій историковъ и этнографовъ“.

Это была программа обыкновеннаго словаря, въ какомъ можетъ нуждаться каждый образованный человѣкъ. Какъ видимъ, программа была набросана очень осмотрительно, затрогивая всѣ существенные вопросы, какіе могли представляться и дѣйствительно представлялись при составленіи словарей,—хотя у насъ не всегда рѣшались такъ, какъ это считалъ нужнымъ Срезневскій. Но, по мнѣнію Срезневскаго, эта программа была только частью, хотя главною, той болѣе широкой работы, которая требовалась для полнаго словарнаго изученія языка. А именно, кромѣ этого общаго словаря, Срезневскій находилъ необходимымъ еще

дѣ формы лексикографическаго изслѣдованія: нуженъ былъ еще словарь литературный и словарь филологическій.

Много самъ работая надъ изслѣдованіями о языкѣ, Срезневскій ставилъ высокія требованія въ этомъ отношеніи къ самимъ писателямъ. Онъ былъ противъ весьма распространеннаго мнѣнія, что писателю нечего изучать языкъ, что ему достаточно природнаго знанія языка, достаточно личнаго опыта, вкуса и смысла, что писателямъ „достаточно только той *части* языка, которую они удержали въ памяти случайно, слушая, какъ люди говорили, и читая, какъ люди писали“. Онъ съ полускрываемымъ негодованіемъ (исходившимъ несомнѣнно изъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ ходячей литературы) говоритъ о тѣхъ писателяхъ, которые, требуя отъ художниковъ другой области полнаго обладанія орудіями ихъ художества, полагаютъ, что для нихъ самихъ эта забота не нужна, „что довольно родиться подъ счастливою звѣздою, чтобы съ неба хватать звѣзды, и своимъ языкомъ и слогомъ увлѣвать смертныхъ, не столь счастливо рожденных“. „Они увѣрены, — говоритъ онъ далѣе, — что умѣть владѣть языкомъ есть даръ неба, и въ порывахъ самочествованія забываютъ, что этотъ даръ дается всякому одинаково, а различно выражается потому, что зависитъ отъ характера, состоянія здоровья тѣснаго и душевнаго, образованности и т. п., забываютъ, что даръ еще не художество, что художникомъ никто никогда не былъ съ помощью одного дара“. Эти люди счастливы еще тѣмъ, что, не понимая необходимости изученія своего языка, они не знаютъ и фактовъ исторіи литературы, которая могла бы показать имъ, какъ недолговѣчны и поверхностны тѣ заслуги, которыми они хотятъ величаться. Не таковы истинно великіе писатели, которые, напротивъ, считали необходимымъ изученіе богатствъ и особенностей своего языка, и неполноту и бѣдность выраженія считали порокомъ; которые, не удовлетворяясь общимъ образованіемъ, избирали еще себѣ какую-нибудь отрасль науки, какъ предметъ спеціальнаго изученія, на которомъ изощрялась ихъ мысль и вкусъ, — и въ концѣ концовъ твердо и правильно владѣли языкомъ не съ самоувѣренностью въ своихъ силахъ, а съ увѣренностью въ силѣ языка, которымъ они старались овладѣть. „Такіе писатели, говорятъ, даже обогащали языкъ; да, и обогащали — словами и выраженіями, новыми для тѣхъ, которые не изучали его, подобно имъ, извлеченными изъ его рудниковъ, имъ однимъ доступныхъ“. Срезневскій замѣчаетъ, что гдѣ знаніе своего языка считается необходимымъ, гдѣ по этому и словари его лучше, тамъ и литература, какъ искусство,

стоять выше, и выше цѣнится заслуга писателя, какъ преодолѣніе трудностей. Поэтому для писателей словарь также необходимъ, но словарь особенный, который долженъ не переводить слова, а давать самимъ понятіямъ опредѣленное названіе. „Литераторъ знаетъ, что хочетъ сказать, но можетъ иногда не знать, какъ это лучше выразить, — и въ словарь ищетъ этихъ лучшихъ, наиболѣе приличныхъ выраженій. Словарь помогаетъ незнанію, памяти и соображенію, помогаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше составленъ, и составленъ тѣмъ лучше, чѣмъ отчетливѣе въ немъ отмѣчены всѣ условія какъ чистоты и правильности, такъ и богатства языка. Въ немъ должны быть отличены слова употребительныя отъ неупотребительныхъ, слова годныя всегда или въ извѣстныхъ случаяхъ отъ вовсе негодныхъ. При словахъ, кромѣ обыкновеннаго опредѣленія различныхъ отгѣнковъ понятій, подъ ними подразумѣваемыхъ, должны въ немъ помѣщаться слова однозначачія и подобнозначачія съ обозначеніемъ особеннаго смысла каждаго изъ нихъ и ихъ цѣнности литературной. Съ обыкновеннымъ азбучнымъ порядкомъ въ немъ долженъ соединяться еще порядокъ такъ-сказать логическій, помогающій отыскивать подъ названіемъ понятія родового названія понятій подчиненныхъ, подъ названіемъ цѣлаго названія частей цѣлаго и т. п. Въ немъ необходимы указанія на выраженія писателей и на выраженія народныя, какъ на свидѣтельства и примѣры подлиннаго, правильнаго и изящнаго употребленія словъ“ и т. д.

Наконецъ, есть еще третья форма словаря, собственно научная, филологическая. „Если законно и необходимо изслѣдовать законы мысли, происхожденіе понятій и сужденій, ихъ формы, ихъ взаимную связь, и все, что относится къ той части психологіи, которую привыкли называть логикой, то законно и необходимо изслѣдовать мышленіе и въ отношеніи къ его выраженію звуками, законы этого выраженія, начала и формы происхожденія и образованія словъ и выраженій съ ихъ различными смыслами, и т. п.“. Срезневскому еще надо было говорить о „корнесловіи“, которое съ памятныхъ еще трудовъ Шишкова и подобныхъ филологовъ продолжало возбуждать недовѣріе или даже насмѣшки; ему надо было еще объяснять различіе „корнесловія“, униженнаго на степень игрушки, отъ настоящей филологіи, которая, изслѣдуя строй языка и его развитіе историческое, разгадываетъ тѣмъ самую духовную жизнь народа, проникаетъ въ глубину внутренней исторіи народовъ, ихъ взаимное вліяніе, и путемъ своихъ мелкихъ и часто утомительныхъ соображеній добываетъ любопытные факты, безъ того остающіеся непонятными.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Срезневскій указывалъ на молодость филологической науки, въ которой точныя изслѣдованія еще новы и трудны, но онъ настаивалъ на ихъ необходимости и опять давалъ программу тѣхъ вопросовъ, на которые долженъ былъ отвѣтить или по крайней мѣрѣ обратить вниманіе словарь филологическій. Такой словарь „долженъ заключать въ себѣ, съ одной стороны, данныя о корняхъ языка, ихъ превращеніяхъ, ихъ первообразныхъ значеніяхъ, о формахъ образованія словъ въ зависимости отъ смысла, имъ придаваемого, и т. д.; съ другой стороны — данныя объ исторіи корней, формъ словныхъ и словъ въ отношеніи къ звукамъ и понятіямъ, ими выражаемымъ. Для облегченія изслѣдованій филологическихъ, онъ долженъ, пользуясь выгодами сравнительной филологіи, объяснять составъ, строй и исторію разсматриваемаго языка съ помощью другихъ, съ нимъ сродныхъ. Какъ сборникъ матеріаловъ, такой словарь долженъ заключать въ себѣ и собственные имена, насколько въ нихъ можно надѣяться найти корни языка: потому что имена собственные всегда образуются изъ нарицательныхъ, изъ общихъ корней, и слѣдовательно могутъ служить къ объясненію не только забытыхъ корней, но и забытыхъ формъ словообразованія. Давая каждому корню особенное мѣсто, словарь филологическій долженъ давать такое же мѣсто и каждой изъ формъ образованія словъ, каждому корню придаточному, и представлять ихъ различныя видоизмѣненія. Что касается исторіи корней, словъ и ихъ формъ, то она должна быть въ немъ представляема на основаніи данныхъ, измеченныхъ изъ памятниковъ языка, но не однихъ писанныхъ, а вмѣстѣ и народныхъ... Между словами, принадлежащими языку непосредственно по всѣмъ своимъ составнымъ частямъ, въ немъ должны быть помѣщены и слова иностранныя, съ обозначеніемъ, откуда и когда взяты, чтобы можно было видѣть, въ какой мѣрѣ народъ подлежалъ вліянію другихъ народовъ. Впрочемъ, заимствованіемъ словъ иностранныхъ, чужихъ, по кореннымъ или прирочнымъ звукамъ, не ограничивается зависимость языка отъ другихъ языковъ: буквальные переводы чужихъ словъ и выраженій, переводы болѣе или менѣе несообразные съ характеромъ и направленіемъ языка, хотя бы и принимаемые по необходимости всѣми единодушно, суть тѣ же заимствованія, и почти всегда бываютъ многочисленнѣе, многообразнѣе, важнѣе, чѣмъ заимствованія словъ, чужихъ по звукамъ... Вообще филологическій словарь долженъ дать средства разсматривать языкъ какъ живой организмъ, въ которомъ каждая частичка имѣетъ свое значеніе и назначеніе, въ которомъ все столько же законно,

сколько и во всякомъ произведеніи природы, какъ слѣдствіе причинъ, допущенныхъ самою природою, въ которомъ частный умъ можетъ кое-что не понимать и кое-что портить, можетъ, однако, достигать и полнаго уразумѣнія всего, и полнаго сознанія незаконности произвольныхъ перемѣтъ, имъ иногда допускаемыхъ⁴.

Срезневскій заключаетъ: „Словарь для общаго употребленія, словарь литературный и словарь филологическій — три дробіи одной и той же единицы, дополняющія себя взаимно“. Онъ объясняетъ затѣмъ, съ какими сложными трудностями соединено составленіе удовлетворительнаго словаря. Словарь будетъ хорошъ, если достигнетъ хотя бы одной изъ трехъ поставленныхъ ему цѣлей, достигнетъ сообразно съ образованностью и съ положеніемъ науки въ данное время. Исполненіе цѣлой задачи, кажется, представлялось ему для того времени совершенно немислимымъ: слишеомъ много требовалось предварительныхъ работъ, изъ которыхъ каждая могла быть исполнена только цѣною упорнаго труда. Многосложность задачи такова, такъ громаденъ матеріалъ, который долженъ быть собранъ и изслѣдованъ, что недостатки лексикографической работы были бы извинительны болѣе, чѣмъ недостатки какого-либо другого труда. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ, какъ мы упомянули, Срезневскій развивалъ далѣе свои мысли о словарѣ въ специальномъ разборѣ важнѣйшихъ иностранныхъ словарей, именно нѣмецкихъ (словарь братьевъ Гриммовъ), и особливо французскихъ (словари французской академіи, Ландэ и Бешреля) и англійскихъ (Джонсона, Вебстера и Роджета), упоминая также и другіе, менѣе знаменитые труды.

Вопросъ о словарѣ систематически поднятъ былъ старыми академіями — знаменитой итальянской академіей della Crusca и французской академіей. Интересъ къ языку возникалъ тогда рядомъ съ интересомъ литературнымъ или вслѣдствіе его. Господствовавшій стиль литературы былъ псевдо-классическій, и по псевдо-классическому образцу писатели прилагали великую заботу къ выработкѣ изящной формы, которая, между прочимъ, требовала извѣстнаго подбора словъ, считавшихся изящными и „благородными“: составленіе словарей было направлено усиленно въ эту сторону — и результатомъ было тотчасъ значительное стѣсненіе словаря. Цѣлый разрядъ словъ оказывался неудобнымъ для литературнаго употребленія и словари, хотя имѣли свою специальную задачу, испытали на себѣ это вліяніе литературнаго вкуса. Въмѣстѣ съ господствующей риторикой и поэтикой, словарь также дѣлалъ выборъ словъ и удалялъ тѣ, которыя не могли имѣть мѣста въ литературѣ. Выработка, напримѣръ, французскаго языка достигла

въ самомъ дѣлѣ высокой степени изящества и тонкости, что, между прочимъ, такъ сильно содѣйствовало необычному распространению французскаго языка въ XVIII столѣтїи. Но въ концѣ концовъ дѣло не могло остановиться на этомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ какъ жизнь общественная и народная получали все больше мѣста въ литературѣ, все больше и больше долженъ былъ падать искусственный, псевдо-классическій стиль, и все больше и больше долженъ былъ распространяться словарь. Очевидно, напримѣръ, что французскій романтизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ не могъ довольствоваться словаремъ Корнеля и Расина: новыя идеи, выходящія далеко за предѣлы классической корректности, желаніе рисовать картины народной жизни съ соблюденіемъ мѣстнаго колорита и т. п., должны были ввести въ литературу еще совершенно новый запасъ словъ и оборотовъ, непривычныхъ для стараго классика. Разрывъ съ прошлымъ стилемъ достигъ до знаменитаго положенія: *le beau, c'est le laid*. Еще позднѣе, когда вслѣдъ за романтизмомъ во французскую литературу, поэзію и романъ, проникли стремленія социалистическія, и въ литературѣ, на первый разъ манерно и вмѣстѣ угловато, изображались картины изъ быта низшихъ классовъ и даже отбросовъ общества, очевидно, что словарь даже въ чисто литературномъ отношеніи не могъ уже довольствоваться своимъ прежнимъ матеріаломъ. Присоединялся и новый интересъ въ изученіи самаго языка: развивалось понятіе, что словарь не можетъ ограничиваться искусственно-ограниченными предѣлами литературнаго стиля и долженъ дать въ руки любознательнаго читателя объясненіе той массы языка, которая находится въ живомъ обращеніи и можетъ требовать объясненія. Французская академія туго поддавалась этому движенію, но оно нашло опору въ работахъ отдѣльныхъ лексикографовъ, стоявшихъ внѣ академіи, и въ концѣ концовъ подѣйствовавшихъ на самую академію. Таковы были во французской литературѣ труды Ланде и Бешреля. Останавливаясь на этихъ словаряхъ, Срезневскій указывалъ, какъ сильно сталъ расширяться словарный матеріалъ по мѣрѣ того, какъ условная система стала уступать съ одной стороны передъ запросами науки, съ другой передъ требованіями практическими. Англійская литература оставалась болѣе свободна отъ вліяній искусственной литературной школы и болѣе доступна прямымъ потребностямъ жизни, и напр. старый словарь Джонсона давалъ уже гораздо болѣе мѣста различнымъ элементамъ народной жизни, которые гораздо менѣе признаны старымъ словаремъ французской академіи. Наконецъ, все новѣйшее развитіе литературы, охватывавшей постепенно почти всѣ слои обще-

ственной и народной жизни; все развитіе науки, которое съ другой стороны необычайно расширяло область всевозможныхъ наблюдений и приносило новое расширение языка, и въ частности развитіе самой филологической науки, для которой всё безъ исключенія явленія языка равно требовали вниманія и изслѣдованія, — все это вмѣстѣ расширяло представленіе о словарѣ до тѣхъ широкихъ размѣровъ, какіе намѣчались Срезневскимъ въ упомянутыхъ статьяхъ. Въ наше время уже не подлежитъ спору, что, собственно говоря, словарь не имѣетъ предѣловъ: онъ долженъ объять весь матеріалъ языка, какой дается его историческими памятниками и живымъ современнымъ употребленіемъ. Изъ какой бы точки зрѣнія ни выходилъ лексикографъ, практической или чисто научной, онъ долженъ одинаково стремиться къ тому, чтобы дать объясненіе словамъ, находящимся въ оборотѣ общества и народа, и объемъ словаря опредѣляется только степенью наблюдательности и усердіемъ собиранія, если только не являются какія-либо частныя соображенія его практической обработки. Словарь есть дѣйствительно „сокровищница“ народной мысли, живого быта, въ которой отразились и давнее незапамятное прошлое народа, и всё разнообразнѣйшія проявленія его жизни современной, духовной и матеріальной. Всякое слово, въ которомъ высказалась народная мысль и практической бытъ, которое служило выраженіемъ просвѣщенія, поэзіи, литературы, должно найти мѣсто въ словарѣ, и словарь только тогда исполнитъ свое назначеніе, когда доставитъ мѣсто всему этому матеріалу народной рѣчи и дастъ его историческое объясненіе.

Первые слабые начатки русскаго словаря относятся къ самымъ первымъ вѣкамъ нашей письменности. Произведенія церковной литературы, въ значительной степени пришедшія къ намъ съ славянскаго юга, заключали уже не мало словъ, непонятныхъ русскому читателю: требовалось объясненіе словъ греческихъ, еврейскихъ, римскихъ, даже южно-славянскихъ, неизвѣстныхъ или необычныхъ въ русскомъ обращеніи, и уже древніе книжники стали вносить подобныя слова въ особый списокъ, сопровождая ихъ толкованіями. Это объясненіе „неудобъ познаваемыхъ рѣчей“ было началомъ такъ называемыхъ „азбуковниковъ“ или „алфавитовъ“ (гдѣ объясняемыя слова ставились въ азбучномъ порядкѣ), которые отъ нѣсколькихъ десятковъ распространились потомъ до многихъ сотенъ словъ и становились навонецъ своего рода небольшими популярными энциклопедіями, гдѣ кромѣ словъ объяснялись и непонятныя вещи. Азбуковники дожили до самаго конца XVII-го столѣтія, когда между тѣмъ появились уже и

опыты настоящихъ словарей: съ XVI-го вѣка предпринимаются попытки грамматическихъ опредѣленій письменнаго языка, гдѣ церковный еще неясно отличался отъ русскаго народнаго, но простая практика указывала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость объяснять слова церковно-славянскія, становившіяся непонятными. Наконецъ въ XVIII столѣтіи являются словари, составлявшіеся уже съ извѣстнымъ пониманіемъ лексикографическихъ приемовъ, отъ словаря Поликарпова въ началѣ столѣтія до словарей Россійской академіи въ концѣ. Объ этихъ послѣднихъ словаряхъ мы имѣли случай говорить по другому поводу ¹⁾. Въ тѣ времена у насъ не было специалистовъ филологій, какъ и въ европейской наукѣ филологія едва дѣлала первые шаги: лексикографическій трудъ совершался любителями, съ одними средствами общаго образованія, и цѣлью было удовлетвореніе первоначальной практической потребности образованнаго круга. Въ числѣ трудившихся надъ словаремъ были люди съ различнымъ характеромъ знаній и литературныхъ вкусовъ; идеаломъ служилъ тогда словарь французской академіи.

Академическій словарь, безъ сомнѣнія, уже вскорѣ устарѣлъ; развитіе литературы перегнало его. Лексикографія отставала отъ литературы и въ позднѣйшемъ академическомъ словарѣ 1847 года. Потребность въ словарѣ, конечно, чувствовалась, и притомъ въ направленіяхъ, превышавшихъ старую академическую программу. Словарь Рейфа (1835), „Корнесловъ“ Шимкевича (1842) ставятъ вновь вопросы этимологіи; возникающее съ тридцатыхъ годовъ правильное изученіе славянскихъ нарѣчій выясняетъ племенное родство русскаго языка; въ сороковыхъ годахъ впервые проникаютъ къ намъ теоріи и приемы сравнительнаго языковѣдѣнія, и съ этимъ совершенно измѣнились прежнія представленія о языкѣ... Но академическій словарь 1847 года еще не отразилъ на себѣ этихъ новыхъ вліяній, или отразилъ въ очень незначительной степени. Русское отдѣленіе Академіи, надъ нимъ работавшее, только-что образовалось за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1841) изъ обломковъ Россійской академіи; изъ нихъ хотѣли, кажется, выбрать во вновь образованное отдѣленіе наукъ людей наиболѣе компетентныхъ; но въ старомъ составѣ Россійской академіи было слишкомъ мало людей, которые были бы должнымъ образомъ приготовлены къ служенію интересамъ русскаго языка и словесности, которые съ одной стороны были бы знакомы съ

¹⁾ Въ обзорѣ исторіи русской этнографіи. Подробности читатель найдетъ въ „Исторіи Россійской академіи“, г. Сухомлинова.

тогдашнимъ положеніемъ филологической науки, а съ другой— стояли бы на уровнѣ литературныхъ стремленій той эпохи. Мы упоминали объ единственномъ исключеніи, которое представлялъ Востоковъ, а затѣмъ вступившій въ отдѣленіе въ послѣднихъ 40-хъ годахъ Срезневскій. Вступленіе Срезневскаго въ Русское отдѣленіе было цѣлымъ поворотомъ въ трудахъ ученаго собранія: осмотрѣвшись въ кругу сотоварищей, онъ уже вскорѣ возымѣлъ цѣлый рядъ ученыхъ предпріятій, исполненіе которыхъ очевидно было его исключительнымъ дѣломъ; чрезвычайно дѣятельный, подвижной, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, онъ сталъ душою новыхъ работъ, и другіе члены отдѣленія предоставляли дѣйствовать ревностному ученому, авторитета котораго не могли не признать. Съ 1852 года по инициативѣ и плану Срезневскаго начато было изданіе „Извѣстій“, въ которыхъ нашло мѣсто множество его собственныхъ работъ и работъ, имъ возбужденныхъ. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, привлечшихъ его вниманіе, былъ вопросъ о словарѣ. Тогда уже требовалось новое изданіе словаря; Срезневскому ясны были недостатки Словаря 1847 года: нужно было поставить дѣло шире и ближе къ требованіямъ науки, и въ упомянутыхъ статьяхъ онъ въ видѣ обзорѣнія главныхъ иностранныхъ словарей давалъ указанія о томъ, какъ должна бы быть поставлена правильная лексикографическая работа: это было наставленіе для будущей работы надъ вторымъ изданіемъ словаря. Дѣло ставилось такъ серьезно, что на ту пору изданіе такъ и не состоялось. Зато сдѣлано было многое, что должно было съ пользою послужить для будущаго. Работы предприняты были въ разныхъ направленіяхъ. Отдѣленіе, безъ сомнѣнія по мысли и почину Срезневскаго, собрало мнѣнія наиболее видныхъ тогдашнихъ ученыхъ о томъ, что было бы желательно для будущаго словаря; рядъ этихъ отзывовъ нашель мѣсто въ „Извѣстіяхъ“. Въ то же время предприняты были работы по словарю древняго русскаго языка: въ „Извѣстіяхъ“ напечатано было нѣсколько частныхъ словарей къ лѣтописямъ и другихъ матеріаловъ о древнемъ русскомъ языкѣ. Срезневскій вызвалъ нашихъ ориенталистовъ доставить замѣчанія о русскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ языковъ восточныхъ: это было опять нѣсколько частныхъ словарей, опять изданныхъ въ „Извѣстіяхъ“. Еще ранѣе обращено было вниманіе на языкъ собственно народный, и изданъ былъ Словарь областного языка... Всѣ эти пріготовленія не привели, однако, къ ожидаемому результату: изданіе новаго словаря не состоялось. Тѣмъ временемъ велись другія словарныя работы, которыя были важнымъ шагомъ къ совершенію дѣла въ

будущемъ. Таковъ былъ въ особенности извѣстный трудъ Даля, посвященный специально народному языку; таковы были опыты изученія отдѣльныхъ нарѣчій русскаго языка, какъ напр. словарь бѣлорусскаго нарѣчія Носовича, опыты словаря малорусскаго, изученія языка старыхъ актовъ; въ послѣднее время первый въ своемъ родѣ мѣстный словарь архангельскаго нарѣчія, составленный Подвысоцкимъ, и т. д. На помощь будущему словарю должно послужить сильно разившееся съ 50-хъ годовъ изученіе народнаго быта и устной словесности, масса изслѣдованій этнографическихъ, а наконецъ распространеніе филологическихъ знаній, хотя все еще въ тѣсномъ, но сравнительно съ прежнимъ гораздо болѣе обширномъ кругѣ специалистовъ.

Словаря, однако, не было, и такъ какъ въ немъ несомнѣнно должна была быть потребность не только въ средѣ филологовъ, но и въ цѣломъ кругѣ людей образованныхъ, то нельзя не приѣтствовать рѣшенія Русскаго отдѣленія Академіи предпринять работу надъ словаремъ—если и не въ той широкой программѣ, какую указывало бы современное состояніе филологической науки и въ какой это желательно было бы по возрастающимъ потребностямъ общественнаго образованія и національному значенію литературы, то по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ первой необходимости и въ видѣ подготовленія къ болѣе широкому исполненію лексикографической задачи въ будущемъ. Мы имѣемъ передъ собою два словаря русскаго языка: Словарь древняго русскаго языка, составляющій работу, оставшуюся въ бумагахъ Срезневскаго, и новое предпріятіе Русскаго отдѣленія Академіи.

Должно сказать, что работа надъ словаремъ русскаго языка принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на долгомъ пути своего историческаго развитія,—которое по взглядамъ современной науки должно бы быть обнято словаремъ,—русскій языкъ пережилъ чрезвычайно сложныя судьбы, которыя до сихъ поръ не легко поддаются историческому изученію, а тѣмъ болѣе могутъ не поддаваться регистраціи въ формѣ словаря. Съ тѣхъ поръ какъ исторія застаётъ первые памятники русскаго языка, онъ, во-первыхъ, успѣлъ отгѣниться въ два основныя нарѣчія (не считая второстепенныхъ), которыя въ послѣдующей своей исторіи развились въ два отдѣльные языка и дѣйствительно должны требовать двухъ отдѣльныхъ словарей, какъ требуютъ двухъ отдѣльныхъ грамматикъ. Съ другой стороны, съ первыхъ опытовъ своего книжнаго развитія, русскій языкъ тѣсно слотился съ другимъ, вполне отъ него независимымъ языкомъ, который явился его первою книжною рѣчью, на которомъ яви-

лись первыя книги принятаго русскимъ народомъ христіанства, и который затѣмъ такъ глубоко вошелъ въ книжный обычай народа, что долгое время считался съ нимъ тождественнымъ. Элементы церковно-славянскаго языка, не только его словарь, но самыя формы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, даже до настоящаго столѣтія, такъ тѣсно примыкали къ русскому языку, что во многихъ случаяхъ стали его нераздѣльною частью, проникая не только въ книгу, но и въ самую народную рѣчь, какъ привычный, всѣмъ знакомый оборотъ, а въ литературѣ какъ необходимая принадлежность стили. Древній лѣтописецъ говорилъ, что славянскій языкъ и русскій — одинъ; старая Русь въ этомъ не сомнѣвалась и никогда не помышляла о ихъ раздѣльности, хотя дѣлила ихъ въ живой рѣчи и въ книжной практикѣ, употребляя то одинъ, то другой, смотря по предмету рѣчи и случаю ¹⁾; литературные старовѣры прошлаго вѣка и даже нынѣшняго, — потому что послѣдній изъ нихъ дожилъ до 40-хъ годовъ, когда съ его смертью кончила свое существованіе и Россійская академія, — были также убѣждены въ нераздѣльности двухъ языковъ. Первое наблюденіе точной науки указало, однако, что, напротивъ, мы имѣемъ дѣло именно съ двумя языками; правда, родина старославянскаго языка, племя, которому онъ принадлежалъ, какъ языкъ живой народной рѣчи, остаются до сихъ поръ предметомъ ученыхъ споровъ, но вопросъ настолько выяснился, чтобы признать въ немъ особый организмъ съ своимъ отдѣльнымъ строемъ звуковъ и формъ, какъ съ инымъ строемъ мы находимъ русскій языкъ съ его первыхъ историческихъ памятниковъ. Наконецъ, сложность русскаго словаря увеличивается его областными развѣтвленіями. Немного языковъ, которые были бы разбросаны на столь громадной территоріи, гдѣ языкъ подвергался бы такимъ разнообразнымъ измѣненіямъ. Въ областныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка отразились весьма несходныя условія его жизни. Во-первыхъ, едва ли можно сомнѣваться, что въ исторической жизни языка, несмотря на всѣ перевороты народной жизни съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ, сохранились до сихъ поръ болѣе или менѣе ощутительныя отголоски тѣхъ варіацій русскаго племени, изображеніемъ которыхъ лѣтописецъ начинаетъ разсказъ о древнѣйшемъ русскомъ народѣ. Основное дѣленіе современныхъ русскихъ нарѣчій — великорусскаго, малорусскаго, бѣлорусскаго, — очевидно утверждается на древнемъ историческомъ дѣленіи племенныхъ оттѣнковъ: южнаго,

¹⁾ Конечно, церковно-славянскій языкъ старыхъ книжниковъ былъ сильно обрусѣлый.

западнаго и сѣверо-восточнаго (впослѣдствіи центральнаго); точно также остатки старины не подлежатъ сомнѣнію въ существующихъ донинѣ особенностяхъ нарѣчія новгородскаго и его сѣверныхъ отпрысковъ. Такимъ образомъ въ томъ, что стало теперь областною особенностью, исключеніемъ, сравнительно съ характеромъ господствующаго книжнаго языка, мы нерѣдко должны видѣть замѣчательный архаизмъ, весьма цѣнный въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Во-вторыхъ, на областномъ языкѣ наложила свой отпечатокъ исторія колонизаціи русскаго племени и дальнѣйшая судьба мѣстныхъ населеній въ разныхъ краяхъ русской территоріи, приспособленіе къ мѣстной природѣ и наблюденіе надъ нею, развитіе мѣстнаго промысла и бытовыхъ особенностей, которыя, исходя изъ древнѣйшаго обычая, чрезвычайно разнообразились въ мѣстностяхъ, разединенныхъ другъ съ другомъ, и подвергались различнымъ историческимъ влияніямъ. Въ-третьихъ, въ образованіи областныхъ особенностей языка, какъ и самаго племени, несомнѣнно участвовали смѣшенія съ различными стихіями инородными: русское населеніе несомнѣнно заимствовало кое-что отъ своихъ инородныхъ сосѣдей въ бытѣ и языкѣ, какъ съ другой стороны населеніе инородческое, обрусѣвая, начинало говорить не особенно чистымъ, такъ сказать попорченнымъ русскимъ языкомъ. Въ частности, напр., языкъ сибирскій, до сихъ поръ мало наблюдавшійся, представляетъ цѣлую оригинальную разновидность русскаго языка, въ своихъ подробностяхъ для насъ иногда даже непонятную: среди пестрыхъ элементовъ, изъ которыхъ составлялось сибирское населеніе, и въ громадномъ отдаленіи отъ метрополи какъ будто иногда затемнялось чутье языка и легко слетались слова и обороты мѣстнаго издѣлія, которые шли въ оборотъ и укрѣплялись вслѣдствіе недостатка этого чутья, несмотря на ихъ неточность или прямо неправильность; слова и обороты инородческіе входили въ общее обращеніе; русскіе, заброшенные въ далекихъ сибирскихъ захолустьяхъ въ среду инородческихъ туземцевъ, не только плохо владѣли русскою рѣчью, не только теряли запасъ словъ, но теряли и русскую систему звуковъ. Трудно сказать, чтобы эти категоріи русскаго народа обогащали русскій языкъ, но ихъ рѣчь должна войти какъ отдѣльная черта въ общую характеристику русскаго языка и—въ русскій словарь. Не говоримъ, наконецъ, о тѣхъ новыхъ явленіяхъ въ языкѣ такъ называемаго образованнаго общества и въ языкѣ литературномъ, которыя совершаются на нашихъ глазахъ, внося въ лексическій составъ русскаго языка иной разъ хорошія, иной разъ дурныя приобрѣтенія въ видѣ вновь образуемыхъ словъ или особенно

словъ, вновь заимствуемыхъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ прежнее время составители словарей нерѣдко отказывались принимать въ словарь подобныя новообразованія, которыхъ не одобряли; теперь едва-ли можетъ быть споръ о томъ, что онѣ должны занять мѣсто въ словарѣ, хотя лексикографъ имѣетъ возможность и право указать въ этихъ новообразованіяхъ, что можетъ быть въ нихъ фальшиво, неудачно или даже уродливо. Источникомъ словаря могутъ, и должны быть, не только классическіе писатели, но и плохая газета, въ словарѣ должны быть отмѣчены не только образцы, но и пороки языка.

Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе расширяется научное изученіе языка, тѣмъ болѣе должна расширяться и область словаря. Въ частности, правильно поставленный словарь русскаго языка выходитъ далеко за предѣлы тѣхъ трудовъ, какіе существуютъ до сихъ поръ въ нашей лексикографіи. Понятно, что составленіе такого словаря русскаго языка, который бы вполне удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ теоріи и идеала, представляетъ великія трудности; можно сказать, что эти трудности не по средствамъ современныхъ научныхъ силъ—въ ихъ нынѣшней организаціи, быть можетъ, даже не по тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, на какія можетъ рассчитывать у насъ ученое предпріятіе; поэтому работы по русской лексикографіи и носили до сихъ поръ характеръ частной разработки отдѣльныхъ ея частей, а работы болѣе общія совершались только въ ограниченномъ вѣдѣнномъ размѣрѣ. Мы думаемъ, однако, что не долженъ быть забытъ и идеалъ правильно поставленнаго словаря, такого, который бы дѣйствительно заключалъ въ себѣ все богатство русскаго языка во всѣхъ областяхъ его народной и исторической жизни и его литературнаго развитія. „Требованія остаются требованіями, — повторимъ опять слова Срезневскаго:—чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ значительнѣе въ немъ масса людей просвѣщенныхъ, тѣмъ у него лучше, богаче, полнѣе, удовлетворительнѣе словарь его языка... Гдѣ знаніе отечественнаго языка считается болѣе необходимымъ, гдѣ, слѣдовательно, лучше составлены словари его, гдѣ писатели чаще къ нимъ обращаются, тамъ и литература, какъ искусство, стоитъ выше“. Скажемъ наконецъ, что созданіе словаря принадлежитъ къ числу такихъ работъ, какія требуются національнымъ достоинствомъ. Если Россіи принадлежитъ извѣстное высокое политическое положеніе; если для нея желается нравственное вліяніе въ средѣ народовъ славянскаго міра и востока; если Россія вступаетъ въ научное общеніе съ западными народами, принимаетъ участіе въ европейскихъ ученыхъ конгрессахъ и собираетъ конгрессы у себя;

если русская литература стала возбуждать усиленное вниманіе у западныхъ народовъ; если говорятъ, наконецъ, что русскій языкъ долженъ стать языкомъ всего славянскаго міра, — надо желать, чтобы мы могли указать и такое произведеніе русской науки, которое послужило бы съ одной стороны свидѣтельствомъ нашей національной исторіи, съ другой доставляло бы полныя средства для изученія нашего языка, народнаго міровоззрѣнія и литературы. Такимъ произведеніемъ бываетъ въ области науки между прочимъ правильно и широко составленный словарь.

Не загадывая о томъ, когда и какъ могло бы быть совершенно подобное національное дѣло, мы думаемъ, что, не смотря на указанныя выше трудности, оно могло бы быть совершенно при доброй волѣ и направленныхъ на него усиліяхъ; по крайней мѣрѣ могло бы теперь быть положено основаніе этому предпріятію, исполненіе котораго, конечно, потребовало бы многихъ лѣтъ и труда многихъ ученыхъ людей.

Два словаря, издаваемые Русскимъ отдѣленіемъ Академіи и которыхъ теперь вышли первые выпуски, могутъ именно служить предварительной подготовкой для такого цѣльнаго словаря, о какомъ мы говорили. Одинъ есть словарь собственно филологическій, посвященный древнему русскому языку; другой есть общій словарь новѣйшій; одинъ заключаетъ историческія данныя о старомъ русскомъ языкѣ; другой представляетъ нынѣшній литературный и народный языкъ. До нѣкоторой степени первый можетъ служить основаніемъ для второго; но, какъ увидимъ, не вполне.

Словарь древняго русскаго языка былъ давнею мыслью Срезневскаго. Съ первыхъ лѣтъ его петербургской профессуры, онъ уже занятъ былъ изслѣдованіями о старомъ русскомъ языкѣ, свидѣтельствомъ чего были извѣстныя „Мысли объ исторіи русскаго языка“ (1849). Въ первые 1850-е годы, какъ выше упомянуто, по его инициативѣ составлено было и напечатано въ „Извѣстіяхъ“ нѣсколько словарей къ разнымъ памятникамъ старой русской письменности; впоследствии этотъ планъ не былъ продолжаемъ, но самъ Срезневскій, обратившійся тогда въ особенности къ изученію нашей древней письменности, „малоизвѣстныхъ“ и „неизвѣстныхъ“ памятниковъ, продолжалъ работать надъ собираніемъ словарнаго матеріала. Въ предисловіи къ настоящимъ „Матеріаламъ“ мы напомнимъ слѣдующія свѣденія объ исторіи этого труда.

„Покійный академикъ И. И. Срезневскій съ давняго времени занимался составленіемъ по памятникамъ Словаря древне-русскаго языка. Въ концѣ 1860-хъ годовъ Измаиль Ивановичъ приступилъ было къ изданію своего труда, но на первомъ же листѣ прекра-

тилъ его печатаніе, согласившись съ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ ему членами Отдѣленія русскаго языка и словесности, что собранные имъ матеріалы требуютъ еще дальнѣйшей обработки. Съ того времени до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1880 г., И. И. Срезневскій не переставалъ исправлять и пополнять собранный имъ словарный матеріалъ. Многіе ученые пользовались этимъ словаремъ въ рукописи для своихъ изслѣдованій, благодаря любезности его составителя.

„Отдѣленіе, желая сохранить для науки многолѣтній и важный трудъ своего сочлена и зная, что покойный академикъ предназначалъ дочь свою, Ольгу Измайловну Срезневскую, быть ему помощницею при выполненіи имъ этого труда, обратилось къ ней съ просьбою, заняться приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ Измайломъ Ивановичемъ, на карточкахъ, выписокъ изъ памятниковъ, съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу приготавливать Словарь къ печатанію.

„При просмотрѣ Отдѣленіемъ представленной О. И. Срезневскою части карточекъ, многія изъ выписокъ оказались не вполне исправными или точными, такъ какъ послѣ того, какъ онѣ были сдѣланы, нашлось довольно много болѣе исправныхъ списковъ того или другого памятника или же многіе тексты явились въ изданіяхъ болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ прежнія; сверхъ того не былъ соблюденъ хронологическій порядокъ въ выпискахъ изъ памятниковъ, и, главное, не было проведено строгаго отдѣленія словъ, принадлежащихъ церковно-славянскому языку, отъ словъ языка древне-русскаго.

„Отсюда возникло два вопроса: въ какой мѣрѣ должна быть произведена повѣрка цитатъ по рукописнымъ текстамъ и по новѣйшимъ изданіямъ памятниковъ древней нашей письменности и чѣмъ руководствоваться при опредѣленіи того, какія слова должны войти въ словарь древне-русскаго языка?

„Отдѣленіе нашло: 1) что повѣрка всѣхъ выписокъ была бы частью невозможна, потребовала бы много труда и времени и отдала бы появленіе словаря въ свѣтъ на многіе годы; 2) что ссылки на позднѣйшія изданія памятниковъ были бы желательны, и 3) что выдѣленіе изъ собранныхъ матеріаловъ словъ церковно-славянскаго языка во многихъ случаяхъ представляло бы большія затрудненія, такъ какъ они взяты изъ письменныхъ памятниковъ, которые читались и переписывались въ древней Россіи.

„Въ виду всего этого Отдѣленіе постановило печатать Словарь И. И. Срезневскаго въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ найденъ былъ по смерти академика, и не слишкомъ затруднять приведеніе

Словаря въ порядоѣ различными требованіями его улучшения, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ онъ не будетъ лишенъ научнаго значенія и можетъ служить полезнымъ пособіемъ для изслѣдователей и во многихъ случаяхъ дополненіемъ въ Словарю Милюшича“.

Это рѣшеніе было справедливо. Полная провѣрка и дополненіе словаря составили бы новую и сложную ученую работу, которая во всякомъ случаѣ неудобно сливалась бы съ первоначальной основой и при этомъ заслоняла бы первоначальную работу Срезневскаго; удобнѣе было поступить именно такъ, какъ было рѣшено Отдѣленіемъ. Работы надъ словаремъ во всякомъ случаѣ останется еще не мало и трудъ Срезневскаго, какъ онъ есть, при всей его недоконченности, послужитъ важнымъ преддверіемъ въ эту область лексикографіи. Недоконченность словаря довольно замѣтна. Прежде всего, какъ и замѣчено Отдѣленіемъ, области русскаго и церковнаго языка совсѣмъ не разграничены: слова русскія поставлены рядомъ съ церковно-славянскими, ничѣмъ не отдѣленные; цитированные при нихъ памятники въ значительной степени не принадлежатъ русской письменности, а были памятники южно-славянскіе; многое, конечно, могло быть общимъ, многое въ церковно-славянскаго могло быть навсегда усвоено русскою письменностью и даже языкомъ народнымъ, но иное могло оставаться и дѣйствительно оставалось чуждымъ тому и другому, какъ и свидѣтельствовали старинные азбучовники. Съ общей точки зрѣнія всѣ эти слова имѣли право войти въ словарь древняго русскаго языка, если хотя и принадлежали первоначально памятникамъ южно-славянскимъ, но находили мѣсто въ русскихъ спискахъ, были въ обращеніи между русскими читателями и въ той или другой мѣрѣ ими усвоивались; тѣмъ не менѣе было бы желательно отличеніе обѣихъ стихій: иначе въ словарѣ древнерусскаго языка,—какъ можно судить по началу,—будетъ исчерпанъ безразлично словарь старо-славянскій, а это все-таки было два разныхъ языка. Въ словарѣ Срезневскаго слова зачастую стоятъ въ ихъ старо-славянской и русской формѣ; иногда, по требованію азбучнаго порядка, тождественныя слова поставлены въ разныхъ мѣстахъ (напр. блато—болото и др.). Кромѣ дополненія словаря тѣмъ, что могло быть въ немъ пропущено, дальнѣйшая лексикографическая работа должна будетъ состоять въ томъ, чтобы выдѣлить точнѣе церковно-славянскіе элементы отъ собственно русскихъ по тѣмъ различнымъ категоріямъ, какія здѣсь могутъ встрѣтаться: есть слова, одинаково принадлежащія обоимъ языкамъ, только съ инымъ характеромъ звуковъ; есть и другія, ко-

торыя, существуя въ обоихъ языкахъ, усвоивались русскимъ въ ихъ церковно-славянской формѣ; есть такія, которыя принадлежать только древнему періоду русскаго языка, и есть другія, которыя перешли и въ новѣйшій періодъ и употребляются донинѣ въ книжномъ или даже народномъ языкѣ; есть наконецъ такія, которыя русскимъ языкомъ никогда не усвоивались, и т. д. Въ окончательной обработкѣ словаря каждое подобное слово должно получить свою внѣшнюю исторію и исторію его значеній. Съ другой стороны, какъ дальше упомянемъ, весьма неполно представленъ собственно русскій старій языкъ.

Подобнымъ образомъ та форма словаря, каковую представляетъ настоящій трудъ Русскаго отдѣленія, не есть окончательная: это опять исполненіе только одной части той задачи, каковую опредѣлялъ Срезневскій для лексикографіи. Связь настоящаго словаря съ предыдущими планами Отдѣленія предисловіе объясняетъ такъ:

„Приготовленіе новаго изданія академическаго словаря давно озабочивало Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Уже тотчасъ послѣ появленія въ 1847 году „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“ Отдѣленіе трудилось надъ составленіемъ дополненій въ нему и извлеченіемъ примѣровъ изъ писателей, преимущественно же изъ памятниковъ древней и церковной письменности. Но другія предпріятія, которымъ посвящалась дѣятельность Отдѣленія, были причиною, что этотъ трудъ часто прерывался и наконецъ надолго былъ отложенъ. Забота о словарѣ особенно занимала нашихъ предшественниковъ въ началѣ 1850-хъ годовъ; тогда, при участіи нѣсколькихъ постороннихъ лицъ (Буслаева, Греча, Грота, Павскаго) и жившаго въ Москвѣ академика Шевырева, выработана была программа новаго словаря, и при этомъ, — что было весьма важно, — Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что нельзя въ одномъ трудѣ соединять, какъ было прежде, не только всѣ періоды историческаго развитія языка, но еще и два, хотя и очень близкіе между собою, но тѣмъ не менѣе отдѣльные по своему образованію языка, каковы русскій и церковно-славянскій. Въ задуманномъ словарѣ положено было ограничиться однимъ русскимъ языкомъ, сохраняя изъ церковно-славянскаго только усвоенныя первымъ слова“.

Предпріятіе однако остановилось въ самомъ началѣ, — какъ мы читаемъ здѣсь, „вслѣдствіе слабаго участія въ дѣлу, оказаннаго учеными внѣ Академіи“. Настоящее изданіе, сравнительно съ прежнимъ, является „совершенно переработаннымъ“. Объемъ содержанія его опредѣляется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ:

„Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупо-

требительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со времени Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго сохраняетъ оно только слова, которыя употребляются въ современномъ литературномъ языкѣ. Включеніе въ нынѣшнее изданіе церковно-славянскаго и древне-русскаго языка было бы тѣмъ болѣе несвоевременно, что уже имѣются отдѣльные словари какъ перваго (словарь Востокова и Миклошича), такъ и втораго (словарь Срезневскаго, нынѣ издаваемый Отдѣленіемъ). Назначеніе словаря быть истолкователемъ живого языка не исключаетъ изъ него однакожъ такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду“.

Нѣтъ спора, что словарь языка „живого“, „общеупотребительнаго“, литературнаго и дѣловаго, является предпріятіемъ совершенно полноправнымъ; цѣль его—служить тому языку, который за послѣднее время составляетъ орудіе живой, народной и литературной рѣчи. Это—словарь, который, по указаннымъ выше опредѣленіямъ Срезневскаго, долженъ удовлетворять потребностямъ массы образованнаго общества. Это не есть словарь филологическій, такъ какъ онъ исключаетъ языкъ церковно-славянскій и древне-русскій, допуская изъ нихъ лишь то, что существуетъ въ современномъ литературномъ языкѣ, и исключаетъ также языкъ областной, опять допуская изъ него лишь то, что освящено литературнымъ употребленіемъ. Относительно церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, планъ новаго словаря ссылается на существованіе трудовъ Востокова и Срезневскаго; тѣмъ не менѣе для историческаго изученія языка здѣсь останется пробѣла: сколько можно видѣть по двумъ вышедшимъ теперь выпускамъ древне-русскаго словаря, предметъ разработанъ въ немъ весьма неравномѣрно; работы Срезневскаго были вообще направлены гораздо болѣе на памятники древняго періода и въ гораздо меньшей степени на письменность XVI-го и особливо XVII-го вѣка, а потому и словарь его богатъ въ особенности словами и цитатами изъ памятниковъ болѣе старыхъ. Предпочтеніе старины (сообразно съ упомянутыми работами Срезневскаго по древней письменности) таково, что цитата изъ XVI—XVII вѣковъ является большою рѣдкостью; намъ не встрѣтилось цитатъ, напр., изъ капитальныхъ памятниковъ, какъ „Домострой“, какъ „Уложеніе“, Котошихинъ и пр.—пропуски, объясняющіеся несомнѣнно недоконченностью работы. Если такимъ образомъ словарь Срезневскаго нуждался бы въ дополненіяхъ, особливо за послѣднее время московскаго періода, то далѣе—Петровское и первое послѣ-Петровское

время остаются совсѣмъ непредставленными въ двухъ настоящихъ словаряхъ. Восемнадцатый вѣкъ очевидно не могъ входить въ программу Срезневскаго; въ словарь академическомъ исходнымъ историческимъ пунктомъ принятъ Ломоносовъ, т.-е. приблизительно середина прошлаго столѣтія.

Установляя этотъ предѣлъ, редація нынѣшняго словаря старалась по возможности воспользоваться матеріаломъ литературнымъ со временъ Ломоносова и до нашихъ дней для объяснительныхъ примѣровъ. Мы находимъ въ словарѣ большое количество цитатъ изъ писателей прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Такъ напр. здѣсь представлены: Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ, Аблесимовъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Новиковъ; Капнистъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Крыловъ, Нахимовъ, Грибоѣдовъ; Жуковскій, Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Пушкинъ Василій, Языковъ, Сахаровъ; Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Даль, Мельниковъ; Некрасовъ, А. Майковъ, Фетъ, Полонскій, К. Р.; Аксаковъ Сергѣй, Аксаковъ Иванъ, Павловъ Н. Ф.; Толстой Левъ, Толстой Алексѣй, Салтыковъ, Глѣбъ Успенскій. Быть можетъ, въ цитатахъ есть излишества, т.-е. что примѣры только повторяютъ, безъ особенной характерности, то опредѣленіе, какое уже дано слову въ словарѣ; въ этомъ мы не увидали бы большого недостатка, тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ цитаты весьма полезны, но, какъ увидимъ дальше, здѣсь есть и недостатки.

Въ предисловіи къ словарю подробно объяснена программа новаго изданія относительно слѣдующихъ вопросовъ: объема содержанія и расположенія словаря; грамматическихъ объясненій; объясненія происхожденія словъ; опредѣленія значенія словъ; оправдательныхъ примѣровъ. Правила, принятія редакціей словаря, вообще весьма цѣлесообразны — при томъ ограниченіи его цѣли, какимъ вообще опредѣлено его содержаніе.

Относительно общаго состава предисловіе замѣчаетъ: „Въ установленныхъ предметахъ содержанія словарь стремится къ возможной полнотѣ, приумножая свой составъ словами, недостающими въ прежнемъ изданіи, а также неологизмами, которыми въ послѣднія десятилѣтія обогатилась русская рѣчь по естественному ли ходу развитія языка, или вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта“.

Относительно словъ областныхъ въ словарѣ принято: „Такъ какъ часто очень трудно съ точностью опредѣлить, къ общерусскому ли языку, или только къ его говорамъ принадлежитъ такое-

то слово, то въ словарѣ иногда появляются и слова областныя, и именно частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью, наконецъ, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ недостаетъ слова. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели упустить то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія“.

Далѣе, — „изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ словарь включены такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ *не слишкомъ специальныхъ* сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и малозвѣстные, но могущіе удачно замѣнять иностранныя. При ботаническихъ, а отчасти и при зоологическихъ названіяхъ приводятся соотвѣтствующій имъ латинскій терминъ и кромѣ того (курсивомъ) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе или животное извѣстно въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи“.

Относительно происхожденія словъ: „Вдаваться въ болѣе или менѣе сомнительныя сближенія первообразныхъ русскихъ словъ съ словами другихъ арійскихъ языковъ, съ которыми онѣ могутъ состоять въ родствѣ, не входило въ планъ настоящаго словаря, равно какъ и приведеніе близкихъ къ нимъ по своему звуковому составу словъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такія сближенія дѣлаются только въ исключительныхъ случаяхъ, когда въ нихъ по какому-либо соображенію оказывается надобность. Но при словахъ производныхъ и второобразныхъ, которыхъ составъ неясенъ, даются соотвѣтственныя объясненія, напр. при словѣ *выспренній* означается его отношеніе къ гл. *парить* и образованіе съ помощью предлоговъ *ис* и *съ* (въиспръ), или при гл. *исключить* показывается, что онъ происходитъ отъ сущ. *клокъ*. Подобныя объясненія признаны особенно нужными при словахъ заимствованныхъ. Рѣчь идетъ, конечно, не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ (особенно изъ восточныхъ языковъ), а о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Всякій, кто незнакомъ съ иностранными языками, чувствуетъ потребность знать не только значеніе подлиннаго слова, но и составъ его, первоначальное понятіе, изъ котораго оно возникло. Вотъ почему казалось не столь нужнымъ приводить каждый разъ подлинную форму иностраннаго слова, сколько показывать, изъ какихъ элементовъ оно составилось. Объясненія бываютъ болѣе или менѣе полныя, смотря по надобности. Когда слово взято изъ другого языка въ томъ же или почти въ томъ же значеніи, какое оно въ немъ имѣетъ, и въ формѣ близкой къ первоначальной, то означается только языкъ,

откуда оно заимствовано. Иногда бываетъ не совсѣмъ ясно, взято ли слово изъ языка, которому оно первоначально принадлежитъ (греческому или латинскому), или изъ того или другого новаго языка, въ который оно перешло въ позднѣйшее время. Въ такомъ довольно частомъ случаѣ приходится прибѣгать къ соображеніямъ разнаго рода“.

По внѣшнему объему настоящее изданіе несравненно обширнѣе словаря 1847 года. Считая до того слова, какимъ оканчивается первый выпускъ нынѣшняго изданія, словарь 1847 года заключаетъ 186 страницъ (или 372 столбца); словарь 1891 года — 576 столбцовъ. Въ первомъ — до 22.000 строкъ, во второмъ — до 54.000. Правда, форматъ настоящаго изданія меньше (хотя печать весьма плотная) и потому нѣсколько меньше вмѣстимость строки, но во всякомъ случаѣ нынѣшній словарь даетъ матеріала больше чѣмъ вдвое.

Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе словаря будетъ встрѣчено въ литературѣ съ великимъ интересомъ: давно чувствуется потребность, которой удовлетворяетъ это изданіе; съ 1847 года наша литература не имѣетъ новаго словаря, да и тотъ, какой былъ изданъ въ то время, не могъ считаться удовлетворительнымъ. О существованіи этого интереса можно судить между прочимъ по тѣмъ отзывамъ, какіе появились до настоящаго времени и какіихъ безъ сомнѣнія будетъ не мало при дальнѣйшемъ продолженіи изданія. Укажемъ въ особенности два разбора, которые заслуживаютъ вниманія своими полезными замѣчаніями. Одинъ изъ нихъ, принадлежащій г. А. (Авдію?) Соколову и помѣщенный въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго университета ¹⁾, заключаетъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній относительно самой программы, а затѣмъ рядъ дополненій, которыя заслуживали бы вниманія при будущей обработкѣ или даже могли бы (вмѣстѣ съ другими, какія могутъ накопиться) быть впоследствии собраны въ дополненіе къ словарю.

Изъ общихъ замѣчаній г. Соколова отмѣтимъ, на примѣръ, его мнѣніе о томъ, что въ словарь напрасно опущены наши личные имена. „Вѣдь помѣщены же въ Словарѣ: *Авдотья-плющига*, *Арафена-купальница*, *Аксинья-полувимница*, *Василій-капельникъ* и тому подобныя прозвища, приуроченныя къ разнымъ святымъ въ народномъ календарѣ. Отчего же не вошли личные имена въ уменьшительной, ласкательной и уничижительной формахъ?

¹⁾ Годъ LIX, кн. III (май - июнь), Казань, 1892, стр. 1—14.

Не только иностранецъ, но иной и русскій человѣкъ затруднится сказать, отъ какихъ именъ взялись: *Дуся, Душа, Груша, Липа, Хюря, Ганя, Панасъ, Ююша, Нефедъ* и множество другихъ. Если *Василій, Иоаннъ* исключаются изъ Словаря, какъ слова иностранныя, не русскія, *Вася, Васька, Васюкъ, Васенька, Васютка, Ваня, Ваничка, Ивасъ, Ванька, Ванюша, Ваньчо* — выросли на почвѣ русскаго языка и непременно должны занять мѣсто въ отечественномъ словарѣ. А на какомъ основаніи исключить чисто русскія имена, каковы *Святославъ, Вячеславъ, Всеволодъ*? Въ иностранныхъ лексиконахъ обыкновенно прибавляется списокъ личныхъ именъ — какъ же обойтись безъ него въ полномъ русскомъ словарѣ? Правда, въ настоящемъ выпускѣ помѣщены *ванька* и *васька*, но не какъ личные мужскія имена, а какъ клички: первая означаетъ легкового извозчика, а вторая дается котамъ и козламъ“.

Относительно названій географическихъ г. Соколовъ замѣчаетъ, что хотя и можно примириться съ устраненіемъ географической номенклатуры, но что безъ словаря гдѣ искать, напр., указанія о точномъ произношеніи географическихъ именъ, которое въ географическихъ учебникахъ не означается (напр. Олонецъ или Оловецъ, Чердынъ или Чердынъ и т. п.).

Затѣмъ, г. Соколовъ сообщаетъ нѣсколько словъ, пропущенныхъ въ ряду именъ этнографическихъ и которыя по плану словаря должны бы найти въ немъ мѣсто (алюторы — въ былинахъ, ахейцы, берендеи, богемецъ, бодричи, будины, буртасы, венды и др.); а также рядъ старинныхъ русскихъ словъ, не внесенныхъ въ словарь на томъ основаніи, что онѣ должны найти мѣсто въ словарѣ древне-русскаго языка. Между тѣмъ ни у Срезневскаго, ни въ академическомъ словарѣ нѣтъ словъ: алгоритма, армата, бахтерецъ, бирки (игра), близикъ, бурметь, вешница („вешница и шлая вода“), вивлюеика, вскоросый носъ, и пр. „Нѣтъ также, — замѣчаетъ г. Соколовъ, — бѣла и бѣлка (въ значеніи денегъ), байдана, бобръ, буй-туръ, больми, бархатель, болярцы, будникъ, будный станъ, великъ-день, водимая (жена) и др.“

Обращаясь къ вопросу о томъ, какъ понимать тотъ общепотребительный языкъ, для котораго предназначается академическій словарь, г. Соколовъ замѣчаетъ, что важно было бы приводить объяснительные примѣры изъ писателей въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ слова имѣли свою исторію. „Примѣры должны наглядно показать, какъ ветшали извѣстные слова, выходили изъ жизненнаго обихода, замѣнялись новыми. Изъ примѣровъ мы можемъ увидѣть, у кого изъ писателей появилось по-

вое слово, привилось ли оно къ общему литературному языку, или пропало безслѣдно. Такіе факты будутъ служить матеріаломъ для исторіи языка, укажутъ постепенный ростъ его. Многія слова, въ настоящее время всѣми принятыя и укоренившіяся въ языкѣ, когда-то казались настолько новыми, что писатели употребляли ихъ съ оговоркой или вовсе отвергали, какъ неправильныя или низкія. Всѣмъ извѣстны введенныя Карамзинымъ новыя слова, которыя получили право гражданства въ языкѣ, несмотря на порицанія со стороны Шишкова и его приверженцевъ. Впослѣдствіи та же исторія повторялась время отъ времени. Союзники и ученики Карамзина, въ свою очередь, презрительно относились къ нововведеніямъ, какія вносились въ литературный языкъ молодыми писателями. И. И. Дмитріевъ, въ книгѣ своей „Взглядъ на мою жизнь“, осуждаетъ выраженія Полевого, какъ новыя: *маленькіе народы, требовательный слогъ, узенькая ножка, огромный геній, пылотинецъ, конникъ*. „Московскій Меркурій“ 1803 г. (Макарова) отмѣчаетъ, какъ новыя для того времени, слова: *начитанность, сердечность*. Гречъ, въ „Обзорѣ литературы за 1833 г.“, говоритъ: „Есть слова и выраженія *модныя*, безъ которыхъ нельзя показаться въ литературномъ свѣтѣ: таковы, напр., *проявленіе, жить жизнью* и др.“. Въ другомъ мѣстѣ онъ употребляетъ съ оговоркой слово: *усидчивость*. Въ книгѣ М. Дмитріева „Мелочи изъ запаса моей памяти“ осуждаются выраженія *изволите видѣть, не хватало на это*, какъ выраженія лакейскія, „какія во время Карамзина и Дмитріева никто въ хорошемъ обществѣ не употреблялъ“; не нравятся ему также слова *помимо, совпадать*. У кн. Вяземскаго, въ его „Старой записной книгѣ“, есть слѣдующая тирада: „*Бездарность, талантливый* — новыя площадныя выраженія въ нашемъ литературномъ языкѣ. Дмитріевъ правду говорилъ, что наши новые писатели учатся языку у лабазниковъ“. Несмотря на эти сѣтованія, новыя слова возникали и входили въ общее употребленіе“...

„Къ сожалѣнію, — продолжаетъ г. Соколовъ, — Словарь не вполне отвѣчаетъ нашимъ ожиданіямъ. Изъ примѣровъ, приводимыхъ въ немъ (въ весьма ограниченномъ количествѣ), нельзя ознакомиться съ исторіей слова, нельзя увидѣть, — у одного ли автора, или у многихъ оно употребляется. Нѣкоторыя слова, взятая изъ писателей прошедшаго вѣка или начала текущаго, отмѣчены какъ *старыя*, малоупотребительныя, другія же слова, вполне подобныя первымъ, не имѣютъ почему-то такихъ отмѣтокъ“.

Дѣйствительно, тотъ новый періодъ языка, нынѣ общепотребительнаго, который является предметомъ словаря, представляетъ

громадный процент различнаго рода новыхъ образованій по формѣ и по значенію. Если этотъ новый періодъ совпадаетъ съ наступленіемъ новаго періода просвѣщенія и литературы, то понятно, что эти новыя образованія въ языкѣ были неизбежны, какъ средство выраженія для множества новыхъ понятій неизвѣстныхъ прежнему періоду быта и языка. Множество словъ, теперь совершенно обыкновенныхъ, были прежнему языку неизвѣстны: изъ старыхъ корней произведены новыя слова; многія старыя слова получили новое значеніе. Это формированіе новаго матеріала языка идетъ въ особенности съ Петровской эпохи и продолжается дониндѣ: такимъ образомъ множество словъ получаютъ свою хронологію; во многихъ случаяхъ эта хронологія можетъ быть опредѣлена съ значительною точностью,—можетъ быть указанъ писатель, у котораго въ первый разъ появилось то или другое слово, или по крайней мѣрѣ литературная эпоха, въ которую это слово вошло въ общее употребленіе. Само собою разумѣется, что эта исторія словъ, о которой говоритъ г. Соколовъ, могла бы быть исполнена величайшаго интереса и могла бы найти мѣсто въ словарѣ; но понятно, что исполненіе этого требованія должно было бы назваться болѣе сложныя изслѣдованія, чѣмъ тѣ, какія считала возможнымъ редакція новаго словаря. Далѣе мы укажемъ, что лексикографическіе труды болѣе широкаго объема уже стремятся въ выполненію этого требованія, и надо желать, чтобы пора такихъ трудовъ наступила наконецъ и для нашей лексикографіи.

Въ заключеніе своей статьи г. Соколовъ сообщаетъ довольно обширный списокъ словъ, заимствованныхъ преимущественно изъ писателей прошлаго вѣка, словъ, которыя или вовсе не попали въ словарь, или вошли въ него съ другимъ значеніемъ или въ другой формѣ. Между прочимъ много такихъ словъ г. Соколовъ черпнулъ изъ записокъ Болотова. Можно замѣтить при этомъ, что вообще мемуары прошлаго вѣка, которыхъ издано теперь весьма много, должны были бы въ особенности быть приняты во вниманіе въ настоящемъ словарѣ: они были бы важны въ особенности тѣмъ, что доставляютъ много интереснѣйшаго матеріала изъ русского языка прошлаго столѣтія, изъ простой разговорной рѣчи, которая только въ очень скудной степени попадала въ книжный языкъ той эпохи, всего чаще псевдо-классически натянутый и искусственный. Въ настоящемъ выпускѣ словаря эта литература мемуаровъ прошлаго вѣка (да и нынѣшняго) совсѣмъ или почти совсѣмъ не тронута.

Въ статьѣ журнала „Русская Школа“ ¹⁾ словарь разбирается

¹⁾ 1892, № 5—6. Критика, стр. 249—273, ст. М. А.

со стороны его общелитературнаго значенія. Авторъ съ сочувствіемъ встрѣчаетъ предпріятіе академіи, въ которомъ давно чувствуется крайняя нужда.

„Наконецъ-то, слава Богу, появилось въ свѣтъ начало Словаря русскаго языка. Давно, давно бы пора появиться и всему Словарю. Въ немъ давно уже ощущается такая крайняя, такая неотложная нужда. Уже есть у насъ своя довольно солидная наука, есть своя довольно обширная литература, и та, и другая на русскомъ языкѣ. А кодексъ самаго-то этого языка у насъ и нѣтъ; самую-то форму, въ которой проявляется эта наука и литература, мы знаемъ только по наслышѣ, по практической намѣткѣ. Досадно бывало, совѣстно и завидно видѣть множество словарей англійскихъ и французскихъ во множествѣ изданій и въ разныхъ видахъ и форматахъ, отъ громадныхъ и пудовыхъ до портативныхъ и крошечныхъ, могущихъ умѣститься въ карманѣ. Захотите вы узнать значеніе и всѣ отгѣнки значенія какого-нибудь англійскаго или французскаго слова, берете одинъ какой-нибудь подробный словарь, или два, и вамъ все становится яснымъ, вы вполне овладѣваете словомъ, понимаете всѣ его отгѣнки, изъ множества оправдательныхъ примѣровъ видите, въ какихъ случаяхъ и въ какихъ сочетаніяхъ оно употребляется, словомъ, вамъ больше ничего не нужно, вы вполне удовлетворены. Но придетъ вамъ подобное желаніе относительно русскаго слова, захотите вы узнать самыя тонкіе отгѣнки его, и ваше желаніе такъ и останется благимъ желаніемъ. Въ старомъ Академическомъ Словарѣ, переполненномъ мертвой славянщиной, вашего слова нѣтъ; у Далъ есть, но объяснено оно неудовлетворительно, безъ показанія отгѣнковъ и употребленія. Вы такъ и остаетесь въ недоумѣніи относительно вашего слова. Понятно, до какой степени все это мѣшаетъ точности, отчетливости и выразительности нашей рѣчи. Нечего уже и говорить о тѣхъ несчастныхъ любознательныхъ читателяхъ, которые совершенно беспомощны и становятся постоянно въ тупикъ при частой встрѣчѣ при чтеніи со словами, имѣющими не всеобщее, а ограниченное и частное употребленіе, такъ какъ имъ придано искусственное, условное значеніе, наконецъ при встрѣчѣ съ научными терминами. Всѣ наши справочные словари нелѣпы и невѣжественны до безобразія и никакой толковой справки они дать не могутъ. Читатель вслѣдствіе этого страшно страдаетъ въ умственномъ отношеніи и его любознательность во многихъ случаяхъ не получаетъ должнаго удовлетворенія“.

„Поэтому, — продолжаетъ авторъ, — всѣ желающіе успѣха рус-

скому просвѣщенію и быстрою развитію русскому слову, должны съ искреннею благодарностію и съ удовольствіемъ привѣтствовать начало новаго академическаго труда и порадоваться тому, что за это дѣло не схватился раньше какой-нибудь частный предприниматель, спекулянтъ, который бы смотрѣлъ на него только какъ на средство для наживы. Трудъ, предпринятый академіею, чистъ, его побужденія совершенно безкорыстны, его цѣли—общая польза и удовлетвореніе общей потребности. Принципы, положенные редакціей въ основу Словаря, вполне рациональны и цѣлесообразны. Въ прежнемъ академическомъ Словарѣ церковно-славянскимъ словамъ принадлежала почти половина, изъ новаго же Словаря они исключены почти всѣ, и освободившееся такимъ образомъ мѣсто предоставлено живымъ современнымъ словамъ, научнымъ и техническимъ терминамъ, заимствованнымъ иностраннымъ словамъ и, наконецъ, нѣкоторымъ областнымъ словамъ... Вслѣдствіе такихъ принциповъ Словарь будетъ драгоценнымъ пособіемъ и полезнымъ учителемъ для очень еще многочисленнаго у насъ класса любознательныхъ и любящихъ чтеніе читателей, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ и не получили систематическаго даже средняго образованія. Вообще редакція держалась правила: „лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія“. Это прекрасное правило для такого рода словарей; лишнее слово не увеличить его объема и цѣны, ничѣмъ никому не повредить, а кому-нибудь, можетъ быть, очень пригодится“.

Авторъ отдаетъ справедливость словарю, что его объясненія словъ обыкновенно толковы и ясны; соглашается съ тѣмъ, что редакція была въ полномъ правѣ отложить пока заботу о тонкостяхъ словопроизводства, потому что намъ нуженъ пока самый скромный словарь; хвалитъ очень внѣшнюю исправность изданія, въ которомъ, въ противность нашему дурному обычаю, нѣтъ опечатокъ, одобряетъ необычайную дешевизну изданія. Словомъ, вполне сочувствуя полезному предпріятію академіи, авторъ отнесся къ нему съ полнымъ вниманіемъ: „Мы,—говоритъ онъ,—изучили первый выпускъ его самымъ тщательнымъ образомъ и имѣемъ въ виду подробно указать здѣсь все то, что намъ кажется въ немъ недостаточнымъ, неполнымъ, неудовлетворительнымъ и невѣрнымъ, вполне сознавая, что за всѣ недостатки выпуска нельзя строго осуждать редакцію, которая дѣлала свое дѣло добросовѣстно и, какъ видно, употребляла всѣ усилія, чтобы сдѣлать его какъ можно лучше“.

Авторъ подробно останавливается на толкованіи нѣкоторыхъ

(довольно многихъ) словъ, которое онъ считаетъ неточнымъ или даже совсѣмъ ошибочнымъ. Прежде всего, по его словамъ, неприятно поражаетъ въ словарь отсутствіе всякой системы въ объясненіи словъ, относящихся къ ботанической и зоологической номенклатурѣ, и приводитъ рядъ примѣровъ. Онъ указываетъ далѣе рядъ словъ, пропущенныхъ въ словарь, притомъ такихъ словъ или объясненій, которыя должны бы находиться въ словарь по его собственному плану. Далѣе, онъ приводитъ тѣ „сравнительно немногіе“ случаи, гдѣ значеніе русскихъ словъ объяснено невѣрно или неточно. Наконецъ, самую слабую стороною словаря авторъ считаетъ опредѣленіе научныхъ названій и научныхъ терминовъ. Онъ приводитъ термины изъ астрономіи, минералогіи, палеонтологіи, ботаники, физики, химіи, философіи и наконецъ богословія, и недоумѣваетъ, какимъ образомъ могли быть даны весьма неточныя или совсѣмъ неправильныя объясненія этихъ терминовъ, когда словарь, какъ говорится въ предисловіи, между прочимъ проходилъ черезъ руки академическихъ и другихъ специалистовъ. Сколько намъ кажется, сдѣланныя замѣчанія справедливы и редація вѣроятно озаботится болѣе точнымъ изложеніемъ научныхъ и техническихъ терминовъ.

Отмѣтимъ еще статью г. А. С—скаго ¹⁾, гдѣ сообщено нѣсколько лексикографическихъ и грамматическихъ замѣтокъ и правокъ и между прочимъ отмѣчена скудость примѣровъ изъ сочиненій и переводовъ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка, особенно прозаическихъ.

Возвратимся къ общему вопросу.

Между прочимъ изъ упомянутого отзыва „Русской Школы“ можно видѣть, что въ настоящую минуту едва-ли не всего сильнѣе надобность въ общемъ словарь того типа, какой избранъ для настоящаго словаря: такъ давно не появлялось подобнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ неудовлетворительно было (даже для своего времени) изданіе 1847 года, что прежде всего надо было дѣйствительно дать словарь, удовлетворяющій потребностямъ обыкновенной любознательности и обыкновеннаго литературнаго труда. Съ другой стороны въ отзывахъ гг. Соколова и А. С—скаго говорится о необходимости историческаго элемента, потому что дѣйствительно во многихъ случаяхъ только исторія слова даетъ полное понятіе о развитіи его значеній. Объяснительные примѣры,

¹⁾ „Живая Старина“, 1892, вып. II, стр. 122—125.

уже теперь введенные въ довольно большомъ количествѣ, могли бы послужить первымъ шагомъ къ исполненію этого требованія.

Какъ мы видѣли выше, это была бы новая особая работа надъ словаремъ: изъ обще-литературнаго онъ становился бы филологическимъ. Работа, безъ сомнѣнія, была бы чрезвычайно сложною. Чтобы дать „исторію“ слова, очевидно прежде всего, что нельзя было бы брать исходной точкой эпоху Ломоносова: исторія словъ начинается съ первыхъ памятниковъ русскаго языка и, слѣдовательно, необходимо было бы введеніе древняго русскаго языка, а разъ ступивъ на эту почву, нельзя было бы ограничиться только тѣми словами стараго русскаго языка, какія „общеупотребительны“ въ настоящее время, и слѣдовало бы ввести цѣлый составъ его, чтобы словарь могъ служить и для истолкованія памятниковъ старой русской письменности; а затѣмъ, слѣдовательно, ввести по крайней мѣрѣ ту долю языка церковно-славянскаго, какая была усвоена старыми русскими писателями. Словарь этимъ былъ бы, конечно, чрезвычайно расширенъ; на него нужно было бы положить много новаго труда, не легко исполнимаго при нашихъ наличныхъ филологическихъ силахъ, но, кажется, не невозможнаго. Но пока созрѣлъ бы планъ подобнаго широкаго труда и нашлись бы средства его исполненія, желательно было бы, чтобы по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени введенъ былъ въ словарь „общеупотребительнаго“ языка тотъ историческій элементъ, о которомъ мы говоримъ.

Въ новѣйшей славянской лексиографіи мы имѣемъ примѣры подобныхъ трудовъ, которые предпринимались даже единичными силами. Таковъ, напр., словарь сербо-хорватскаго языка, принятый извѣстнымъ сербо-хорватскимъ филологомъ Даничичемъ ¹⁾ и послѣ его смерти продолжаемый другими учеными: задуманный филологомъ, это былъ именно историческій словарь, обставленный большимъ обиліемъ цитатъ изъ памятниковъ, причемъ отмѣчается, когда слово встрѣчается въ первый разъ и у какихъ писателей оно встрѣчается послѣ; затѣмъ оно отмѣчается также въ современномъ языкѣ и въ народной поэзіи. По обширности объясненій онъ далеко превосходитъ нашъ академическій словарь.

Другой обширный лексиографическій трудъ представляетъ болгарскій словарь покойнаго профессора московскаго университета Дювернуа ²⁾, составленный также трудомъ одного ученаго.

¹⁾ Rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika, издаваемый юго-славянскою академіею въ Загребѣ. Первый томъ, обнимающій не сполна четыре первыхъ буквы, на 960 страницъ мелкой печати въ два столбца, вышелъ въ 1880—1882 годахъ.

²⁾ Словарь Болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произ-

Въ словарѣ нѣтъ, правда, историческаго матеріала, извлеченнаго изъ памятниковъ, но составитель внимательно исчерпалъ памятники народной поэзіи и новѣйшую печатную литературу болгарскаго языка, насколько она была въ его распоряженіи.

Образца того, чѣмъ долженъ быть словарь, приходится по обыкновенію искать въ западной литературѣ. Намъ нѣтъ надобности пересматривать массы западно-европейскихъ словарей и достаточно ограничиться однимъ знаменательнымъ примѣромъ, который представляетъ извѣстный словарь Литтрѣ. Первое изданіе его появилось еще въ 1863 году. Это было громадное предпріятіе, превзошедшее своимъ объемомъ и массой положеннаго на него труда все, что только появлялось до тѣхъ поръ въ западной литературѣ ¹⁾. Словарь Литтрѣ, созданный въ особенности его личнымъ трудомъ, выполнялъ въ объясненіяхъ словъ слѣдующую программу (которая и указана въ его заглавіи). Относительно „номенклатуры“, т.-е. списка словъ, его словарь заключаетъ всѣ слова, которыя находятся въ старомъ словарѣ французской академіи, и всѣ выраженія, употребительныя въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ и въ практической жизни. Относительно грамматики, словарь указываетъ и, если нужно, объясняетъ произношеніе каж-

веденіямъ новѣйшей печати. Составилъ А. Дювернуа. Выпуски 1—8. Москва, 1885—1889. Въ текстѣ словаря, кромѣ дополненій, 2622 страницы. По смерти составителя, успѣвшаго издать лишь начало словаря, собранный имъ матеріалъ напечатанъ былъ при участіи гг. В. Н. Щепкина, Б. М. Ляпунова, П. Лаврова, болгарина Влайкова, и съ указавіями Э. Е. Корша относительно словъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ.

¹⁾ Вотъ его полное заглавіе: „Dictionnaire de la langue française contenant:

1) Pour la nomenclature: Tous les mots qui se trouvent dans le Dictionnaire de l'Académie française et tous les termes usuels des sciences, des arts, des métiers et de la vie pratique.

2) Pour la grammaire: la prononciation de chaque mot figurée et, quand il y a lieu, discutée; l'examen des locutions, des idiotismes, des exceptions et, en certains cas, de l'orthographe actuelle, avec des remarques critiques sur les difficultés et les irrégularités de la langue.

3) Pour la signification des mots: les définitions; les diverses acceptions rangées dans leur ordre logique, avec de nombreux exemples tirés des auteurs classiques et autres; les synonymes principalement considérés dans leurs relations avec les définitions.

4) Pour la partie historique: une collection de phrases appartenant aux anciens écrivains depuis les premiers temps de la langue française jusqu'au seizième siècle, et disposées dans l'ordre chronologique à la suite des mots auxquels elles se rapportent.

5) Pour l'étymologie: la détermination ou du moins la discussion de l'origine de chaque mot établie par la comparaison des mêmes formes dans le français, dans les patois et dans l'espagnol, l'italien et le provençal ou langue d'oc.

даго слова, разбираетъ обороты рѣчи, идиотизмы, исключенія и въ вѣкоторыхъ случаяхъ нынѣшнее правописаніе съ критическими замѣчаніями о трудностяхъ и неправильностяхъ языка. Относительно значенія словъ, онъ даетъ опредѣленіе слова, различныя значенія его, расположенныя въ ихъ логическомъ порядкѣ съ многочисленными примѣрами, извлеченными изъ классическихъ и другихъ писателей, синонимы, разсматриваемыя въ особенности въ ихъ отношеніяхъ съ опредѣленіями. Относительно исторіи, словарь даетъ собраніе фразъ, принадлежащихъ старымъ писателямъ отъ первыхъ временъ французскаго языка до XVI-го столѣтія и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ при тѣхъ словахъ, въ которыхъ онѣ относятся. Относительно этимологіи, словарь даетъ опредѣленіе происхожденія каждаго слова (или по крайней мѣрѣ соображенія о томъ), на основаніи тѣхъ же формъ во французскомъ языкѣ, въ его областныхъ нарѣчіяхъ и въ языкахъ испанскомъ, итальянскомъ и провансальскомъ.

Ни одинъ изъ прежнихъ французскихъ словарей не давалъ такихъ многостороннихъ объясненій, особливо по исторіи словъ. Понятно, что при этомъ чрезвычайно выросъ внѣшній объемъ словаря. Предъидущій французскій словарь, Бешреля, уже отличался чрезвычайно значительнымъ объемомъ. Срезневскій, высчитывая объемъ разобранныхъ имъ словарей по числу строкъ, приводилъ слѣдующія цифры: „Словарь франц. академіи заключаетъ въ себѣ около 350.000 строкъ, словарь Ланде—около 795.000 строкъ, а словарь Бешреля—около 1.425.000 строкъ. Для лучшаго уразумѣнія величины этихъ словарей замѣтимъ, что въ четырехъ томахъ нашего академическаго словаря церковно-славянскаго и русскаго языка заключается только около 240.000 строкъ“. Англійскій словарь Джонсона заключаетъ около 250.000 строкъ, а словарь Вебстера—болѣе 385.000 строкъ. Словарь Литтрѣ еще превзошелъ громадную работу Бешреля: въ одномъ первомъ томѣ (изъ четырехъ) насчитывается до 580.000 строкъ, такъ что въ цѣломъ должно быть сверхъ 2.000.000 строкъ. До такого богатства, кажется, не дошелъ еще никакой другой словарь. Этому внѣшнему обилію отвѣчаетъ и внутреннее: громадная масса словъ снабжена многосторонними объясненіями, которыя раскрываютъ передъ читателемъ, во-первыхъ, внѣшнія особенности слова, всѣ подробности его значеній, его первые слѣды въ старой письменности, съ указаніемъ вѣковъ тѣхъ произведеній, гдѣ оно встрѣчается впервые и послѣ, наконецъ, употребленіе его писателями классическими.

Въ предисловіи, гдѣ Литтрѣ излагаетъ планъ своего громад-

наго труда, онъ такъ говоритъ о той общей мысли, какая руководила имъ въ его предпріятіи. Французская литература давно уже доставляетъ цѣлую массу словарей. „Но такъ какъ словарь французскаго языка, даже когда онъ всего меньше носитъ характеръ работы самостоятельной и всего больше характеръ компіляціи, есть всегда трудъ, очень долгій и очень тяжелый, я не рѣшился бы оставить мои обычные занятія и посвятить двадцать лѣтъ подобному предпріятію, еслибы не былъ увлеченъ тѣмъ планомъ, который я возимѣлъ... Этотъ планъ, если можно такъ выразиться, заключаетъ въ себѣ всю причину настоящаго словаря. Когда планъ представляется уму, увлекаетъ и плѣняетъ его, все въ немъ—свѣтъ, порядокъ и новизна; потомъ, когда наступаетъ часъ исполненія и труда, когда въ представленную имъ рамку и правильныя линіи надо расположить грубую и безформенную массу нагроможденныхъ матеріаловъ, тогда начинается окончательное испытаніе. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ переходъ отъ отвлеченнаго понятія къ настоящему дѣлу. Но, что бы ни случилось съ этимъ дѣломъ, тотъ планъ, который измѣнилъ обычную точку зрѣнія и поднялъ уровень, одинъ могъ завлечь меня въ этотъ трудъ, имѣющій здѣсь свою главную оригинальность.

„Прежде всего... опредѣляя этотъ словарь, я скажу, что онъ обнимаетъ и соединяетъ *настоящее* употребленіе языка и его употребленіе *прошедшее*, съ тѣмъ, чтобы дать настоящему употребленію всю полноту и точность, какія ему доступны.

„Мысль объ этомъ была мнѣ внушена моими изученіями стараго французскаго языка или *langue d'oïl*. Я такъ былъ пораженъ тѣми связями, которыя соединяютъ новѣйшій французскій языкъ со старымъ французскимъ, я замѣтилъ столько случаевъ, гдѣ современныя значенія и обороты объясняются только значеніями и оборотами прежняго времени, столько примѣровъ, гдѣ форма словъ остается непонятна безъ формъ предшествующихъ, что мнѣ казалось, что изученіе и даже употребленіе языка остаются непрочны, если не будутъ утверждаться на древней основѣ.

„Прошедшее языка прямо ведетъ мысль къ его будущему. Нѣтъ сомнѣнія, что прогрессивно совершаются и будутъ совершаться перемѣны аналогическія съ тѣми, какія съ самаго начала видоизмѣняли языкъ съ каждымъ вѣкомъ. Стиль семнадцатаго вѣка, тотъ, который освященъ былъ нашими классиками, не былъ, однако, защищенъ этимъ отъ перемѣнъ, и рука времени уже такъ дала себя здѣсь почувствовать, что во многихъ отношеніяхъ этотъ стиль намъ кажется принадлежащимъ чужому языку, но съ тою, не лишенною прелести, особенностью, что мы понимаемъ тон-

кости, изящество и красоты этого чужого языка. Стиль восемнадцатаго столѣтія, болѣе близкій къ намъ по времени и по формѣ, сдѣлалъ нововведенія относительно предъидущаго вѣка. Деятнадцатый вѣкъ дѣлаетъ нововведенія въ свою очередь, и каждый, когда перенесется въ семнадцатый вѣкъ, будетъ пораженъ нашею ствїемъ неологизма или въ словахъ, или въ значеніяхъ, или въ оборотахъ.

„Понятно, почему неологизмъ рождается по мѣрѣ существованія языка. Не говоря объ измѣненіяхъ и порчѣ, происходящихъ отъ небрежности людей и отъ незнанія правильныхъ формъ или правильныхъ значеній, должно сознаться, что языку, достигшему извѣстнаго пункта, невозможно на немъ совсѣмъ остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе общества измѣняется; однѣ учрежденія падаютъ, другія являются; науки дѣлаютъ открытія; народы, смѣшиваясь, смѣшиваютъ свои языки; отсюда неизбѣжное созданіе множества новыхъ выраженій. Съ другой стороны, въ то время какъ видоизмѣняется самая основа, вывода изъ употребленія извѣстныхъ слова, когда выходятъ изъ употребленія извѣстныя вещи, и приобрѣтая новыя слова для обозначенія новыхъ вещей, эстетическое чувство, въ которомъ не бываетъ недостатка у поколѣній каждаго вѣка, съ своей стороны вызываетъ умъ на комбинаціи, которыя не были еще испробованы. Красивыя выраженія, изящныя обороты, слова, имѣвшія свѣжесть новизны, все это, что было найдено нашими предшественниками, быстро изнашивается, или по крайней мѣрѣ не можетъ быть повторяемо, не подвергаясь быстрому изнашиванію и не утомляя того, кто ихъ повторяетъ и кто ихъ слушаетъ. „Аврора съ розовыми перстами“—былъ граціозный образъ, который встрѣченъ былъ веселымъ духомъ первобытной поэзіи, и который восприняла Греція; но въ тѣхъ античныхъ пѣсняхъ это—банальность. Итакъ, по справедливой необходимости нужно, чтобы поэты и прозаики обновляли языкъ. Тѣ, которые, выражаясь античнымъ языкомъ, любимы небесами, бросаютъ въ міръ мысли и искусства комбинаціи, которыя въ свою очередь имѣютъ свою пору свѣжести и остаются достойными образчиками эпохи и ея манеры чувствовать и говорить.

„Противовѣсомъ этому стремленію служить архаизмъ. То и другое для языка одинаково необходимо. Замѣтимъ прежде всего, что въ дѣйствительности архаизмъ имѣетъ столь же обширное, какъ и глубокое господство, отъ котораго ничто не можетъ освободить языка. Сколько бы мы ни старались тѣсно держаться настоящаго, несомнѣнно однако, что масса словъ и формъ идетъ изъ прошедшаго, повторяется преданіемъ и составляетъ область

исторіи. То, что каждый вѣкъ производит по части неологизма, есть мелочь въ сравненіи съ этимъ наследственнымъ современищемъ. Основа языка, которымъ мы говоримъ въ настоящее время, принадлежитъ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ нашего существованія. Когда языкъ, какъ, на примѣръ, языкъ французскій, имѣлъ письменность по крайней мѣрѣ семьсотъ лѣтъ, его прошедшее не можетъ сильно не подавлять своимъ вѣсомъ настоящаго, которое въ сравненіи съ нимъ такъ коротко. Это реальное и значительное вліяніе не должно оставаться чисто инстинктивнымъ и, слѣдовательно, произвольнымъ и случайнымъ. Изслѣдуя ближе тѣ перемѣны, которыя совершались съ XVII-го вѣка, и такъ сказать на нашихъ глазахъ, можно замѣтить, что онѣ не всегда были разсудительны и удачны. Осуждались формы, отвергались и обрѣзывались слова, наугадъ, безъ всякой заботы объ архаизмѣ, знаніе котораго и уваженіе къ нему могли бы, однако, предохранить отъ ошибокъ и устранить потери. Здраво понятый архаизмъ есть санкція и гарантія.

„Современное употребленіе есть первый и главный предметъ словаря. Дѣйствительно, каждый справляется съ словаремъ для того, чтобы узнать, какъ теперь говорятъ и пишутъ. Важно констатировать это употребленіе сколько возможно полнѣе, но констатировать его есть дѣло деликатное и трудное. Если мы рассмотримъ хотя немного, съ этой точки зрѣнія, нынѣшнія формы и привычки, мы тотчасъ замѣтимъ много оборотовъ, которые говорятся, но не пишутся; много оборотовъ, которые пишутся, но которые или не имѣютъ авторитета, или ошибочны. Вотъ почва, гдѣ начинается неологизмъ; вотъ гдѣ появляется внутреннее движеніе, которое работаетъ въ языкѣ и вслѣдствіе котораго онъ никогда не достигаетъ окончательной неподвижности. Но среди этого инстинктивнаго и свободнаго движенія за старыя предѣлы, критика можетъ попробовать выборъ, отличая хорошее и предвидя то, что должно выплыть на поверхность и сохраниться.

„Такимъ образомъ, всякій живой языкъ, и особенно всякій языкъ, принадлежащій великому народу и великому развитію цивилизаціи, представляетъ три состоянія: современное употребленіе, которое составляетъ особенность каждаго послѣдующаго періода; архаизмъ, который самъ былъ нѣкогда современнымъ употребленіемъ, и который заключаетъ объясненіе и ключъ къ послѣдующимъ вещамъ, и наконецъ неологизмъ, который, будучи дурно проведенъ, искажаетъ языкъ и, будучи проведенъ хорошо, развиваетъ его, и онъ самъ будетъ нѣкогда архаизмомъ и съ нимъ будутъ нѣкогда справляться, какъ съ исторіей и фазисомъ языка“.

Объяснив это на исторіи французскаго языка, Литтрэ продолжаетъ:

„Такимъ образомъ, по взгляду, которымъ я руководился, словарь долженъ быть весьма обширною записью (enregistrement) употребленій языка, записью, которая вмѣстѣ съ настоящимъ объимаетъ прошедшее, вездѣ, гдѣ прошедшее бросаетъ какой-нибудь свѣтъ на настоящее относительно словъ, ихъ значенія и ихъ роли. Я остановился на этихъ границахъ и не помѣщаль словъ стараго языка, вышедшихъ изъ употребленія; это—предметъ другого труда, совершенно отличнаго отъ моего, и который надо настоятельно рекомендовать ученымъ людямъ. Но даже въ такихъ границахъ запись не полна, потому что нужно было бы прочесть все съ перомъ въ рукахъ, а я не прочесть всего; надо было бы не быть первымъ въ этомъ трудѣ, а я первый собралъ и сличилъ его матеріалы и въ особенности первый пытался воспользоваться ими систематическимъ и общимъ образомъ для изученія языка“.

Упомянувъ затѣмъ объ опытахъ словарнаго изученія стараго французскаго языка и о нѣмецкомъ словарѣ братьевъ Гриммовъ, Литтрэ говоритъ:

„Мой словарь имѣетъ основными элементами выборъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ классическаго вѣка и предшествовавшихъ ему временъ, этимологию словъ и строгую классификацію значеній сообразно переходу отъ первоначальнаго смысла къ смыслу производному и фигуральному. Разсматривая все цѣлое и связь этихъ элементовъ, можно видѣть, что они именно даютъ идею словаря, который, пользуясь долею исторіи, присущей всякому языку, указываетъ, каковы основы и условія современнаго употребленія, и этимъ позволяетъ обсуждать его, исправлять и утверждать“.

Литтрэ дѣлаетъ потомъ нѣсколько замѣчаній по поводу мнѣнія, что историческая часть словаря не нужна.

„Быть можетъ, нѣкоторые лица расположены будутъ думать, что словарь, въ который вмѣшивается исторія, есть главнымъ образомъ трудъ, предназначенный для ученыхъ. Это не такъ. Ученость есть здѣсь не цѣль, а средство, и что она вноситъ историческаго, употреблено на то, чтобы дополнить идею употребленія, идею обыкновенно слишкомъ тѣсную. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе не есть тѣсный уголокъ времени или внѣшнихъ границъ, каковымъ обыкновенно его ограничиваютъ; такое понятіе объ употребленіи опровергается со всѣхъ сторонъ, потому что ему недостаетъ внутренняго основанія. Напротивъ, полное понятіе объ

употребленіи имѣть основаніе въ самомъ себѣ, и это основаніе оно сообщаетъ всему остальному. Такимъ образомъ, историческій словарь есть свѣточъ употребленія и пользуется ученостью только для того, чтобы достигнуть служенія языку.

„Налагать на языкъ правила, извлеченныя изъ общаго и отвлеченнаго разума, какъ каждая эпоха понимаетъ этотъ разумъ, это легко ведетъ къ произволу. Историческій словарь устраняетъ это ложное расположеніе. Отмѣчая факты, онъ исполняетъ относительно языка ту же роль, какую исполняютъ положительныя наблюденія и опыты въ естественныхъ наукахъ. Когда эти факты даны, то анализъ, — я хотѣлъ сказать: грамматическій смыслъ, подчиняется имъ и, подчинившись, находитъ настоящее знаніе. Въ самомъ дѣлѣ, надо перенести приемы естественныхъ наукъ въ науку о словахъ и сказать, что матеріалы, которые она употребляетъ, суть эквиваленты экспериментальныхъ фактовъ, эквиваленты, безъ которыхъ нельзя дѣйствовать ни правильно, ни прочно. Затѣмъ является роль лексикографической и грамматической критики, старающейся извлечь изъ этихъ фактовъ всѣ свѣденія, которыя въ нихъ заключены. Такимъ образомъ общая идея связывается съ частными фактами, въ чемъ и состоитъ весь научный методъ.

„Словарь, основанный такимъ образомъ, можно опредѣлить какъ собраніе положительныхъ наблюденій и опытовъ, расположенное такъ, чтобы освѣтить употребленіе и грамматику“.

Въ заключеніе предисловія Литтрэ резюмируетъ свои замѣчанія: „Мой трудъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ, но имѣющихъ связь частей. Одна заключаетъ различныя значенія, распределенныя по ихъ логическому порядку, классическіе и другіе примѣры, гдѣ указано употребленіе слова, объясняется, гдѣ нужно, произношеніе, и сдѣланы необходимыя замѣчанія грамматическія и критическія. Другая заключаетъ историческія свѣденія, отношенія слова къ областнымъ нарѣчіямъ и къ романскимъ языкамъ и, наконецъ, этимологію. Эти двѣ части дополняютъ другъ друга; потому что первая, употребленіе настоящее, зависитъ отъ второй, отъ исторіи и происхожденія. Ихъ можно раздѣлять, и до сихъ поръ ихъ раздѣляли; но первая безъ второй есть дерево безъ корней, вторая безъ первой есть дерево безъ вѣтвей и листьевъ; соединеніе ихъ и составляетъ особенность этого словаря.

„Цѣль — достигнуть наиболѣе широкой идеи слова, какъ въ его устройствѣ или анатоміи, такъ и въ его употребленіи или функціи. Эта идея предполагаетъ исторію, сравненіе, этимологію:

ють почему исторія, сравненіе, этимологія стали основами, на которыхъ вращается весь мой трудъ.

„Съ этимъ отерывается другая точка зрѣнія. Слова не бывають неподвижны ни въ своемъ правописаніи, ни въ формѣ, ни въ смыслѣ, ни въ употребленіи. Это—не неизмѣнныя частицы, и ихъ неподвижность (fixité) только кажущаяся. Одно изъ ихъ условій—измѣняться; это условіе не должно быть оставлено безъ вниманія лексикографіей, которая хочетъ объять ихъ всѣ. Важно свѣтить слова въ ихъ движеніи; потому что движеніе существуетъ. Понятіе о неподвижности ложно; понятіе о переходности, измѣненіи, развитіи—есть понятіе настоящее, реальное“...

Словарь Литтрэ есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшей лексикографіи. Трудъ его былъ начатъ въ такое время (въ 40-хъ годахъ), когда представленія объ исторіи языка еще далеко не выяснились и потому тѣмъ больше заслуга знаменитаго французскаго ученаго, который притомъ не былъ настоящимъ специалистомъ филологіи, какъ она уже ставилась въ то время. По его собственнымъ словамъ, мысль ввести историческій матеріалъ въ работу надъ словаремъ была внушена его изученіями стараго французскаго языка; но рядомъ съ этимъ онъ руководился обычными соображеніями о практическомъ литературномъ употребленіи словаря,—поэтому онъ вводитъ историческій матеріалъ лишь въ той мѣрѣ, насколько онъ могъ служить къ объясненію наличнаго „общеупотребительнаго“ языка; остальную работу надъ исторіей языка онъ считалъ дѣломъ спеціальной филологіи. Можно бы вполне помириться съ этимъ дѣленіемъ исторіи языка въ словарь на двѣ спеціальныя работы,—если онѣ будутъ дѣйствительно совершены: это означало бы только справку въ двухъ книгахъ вмѣсто одной.

Подобнымъ образомъ понимаетъ задачу и настоящій академическій словарь. Когда во французскомъ словарѣ исходнымъ пунктомъ считается XVII столѣтіе, у насъ принята половина XVIII-го; но разница въ томъ, что для французскаго языка XVII-й вѣкъ былъ уже дѣйствительно классическимъ (въ концѣ этого вѣка явился впервые и словарь французской академіи) и французскій языкъ уже распространялся въ образованныхъ кругахъ западной Европы; у насъ, съ половины XVIII-го вѣка, литературный языкъ еще только складывался, не освободившись отъ полу-славянской живности до-Петровской эпохи, и съ тѣхъ поръ все время до Пушкина было занято формированіемъ литературнаго языка, что у французовъ сдѣлано было уже къ XVII вѣку. Такимъ образомъ французская литература и французскій языкъ стоять го-

раздо дальше отъ своихъ историческихъ основъ, чѣмъ языкъ русскій; мало того, извѣстно, что господствовавшій тогда псевдо-классицизмъ съ полнымъ пренебреженіемъ относился къ средне-вѣковой старинѣ, которую считалъ эпохою варварства... Наша сравнительная близость къ источникамъ книжнаго языка должна, какъ намъ кажется, побуждать къ большому вниманію относительно его историческихъ элементовъ, а съ другой стороны вниманіе къ этимъ элементамъ во многихъ случаяхъ можетъ совпадать съ вниманіемъ къ современнымъ народнымъ элементамъ литературной рѣчи. Условія нашего литературнаго развитія, конечно, совсѣмъ непохожи на исторію развитія французскаго языка: у насъ не было эпохи придворнаго господства литературы, — что отражалось на изящной изысканности французскаго „классическаго“ языка; не было господства литературы, — что безъ сомнѣнія съ своей стороны помогало во Франціи возвышенію ея внутренняго достоинства; не было замѣчательнаго научнаго и общественнаго движенія, — которое въ ту же эпоху дѣлало французскій языкъ выраженіемъ самой передовой европейской мысли. Въ отличіе или въ противоположность съ этимъ, мы, безъ сомнѣнія, находимся совсѣмъ въ другомъ періодѣ развитія: общественное значеніе литературы не только въ теченіе прошлаго вѣка, но и до настоящаго времени ограничено сравнительно небольшимъ кругомъ общества; въ умственномъ отношеніи, научная высота возрѣвнѣй въ небольшомъ слоѣ образованнѣйшихъ людей стоитъ рядомъ съ мрачнымъ невѣжествомъ громадной части общества, не говоря о народныхъ массахъ, — мы стоимъ еще среди процесса подготовленія къ широкому и свободному общественному образованію и литературному развитію, и среди его есть задатки оригинальныхъ движеній, которыя сказываются все болѣе, находятъ себѣ яркое выраженіе въ литературѣ, обративъ на себя усиленное вниманіе и въ литературахъ западныхъ, и отразились въ литературномъ языкѣ.

Нашъ литературный языкъ, взятый въ его историческихъ и современныхъ чертахъ и отгнѣвахъ, имѣющихъ право на мѣсто въ словарѣ, представляетъ, быть можетъ, самое пестрое явленіе въ сравненіи съ другими литературными языками Европы. Онъ — самый молодой изъ нихъ ¹⁾ и вслѣдствіе быстро развитія литературы далъ мѣсто самымъ разнообразнымъ элементамъ, которые становятся его необходимыми составными частями. На старую церковно-сла-

¹⁾ Кромѣ литературныхъ языковъ новѣйшихъ славянскихъ племенъ, которые здѣсь не идутъ въ счетъ.

звнскую стихію, которая занимала такъ много мѣста въ книжномъ языкѣ московской Россіи и уже тогда значительно однао обрусѣла, налегла съ Петровскаго времени съ одной стороны масса иностранныхъ словъ, взятыхъ въ самомъ сыромъ видѣ, а съ другой — вошла въ книгу извѣстная доля реальнаго народнаго говора. Первое литературное поколѣніе, народившееся послѣ Петра и во главѣ котораго стоялъ Ломоносовъ, стремилося разобратъся въ этомъ смѣшанномъ языкѣ, который становился выраженіемъ новаго образованія, и такъ какъ этотъ смѣшанный языкъ еще не могъ органически стать ни языкомъ науки и поэзіи, ни языкомъ общества, то опору новой литературной рѣчи думали найти въ элементахъ церковно-славянскаго языка только подновленныхъ и по возможности слитыхъ съ словаремъ и грамматикой языка русскаго. Этотъ процессъ въ разныхъ ступеняхъ шелъ до Карамзина. Русская стихія, именно съ ея новѣйшими чертами, очевидно, должна была требовать себѣ все больше мѣста въ литературѣ, когда эта послѣдняя по необходимости касалась наличнаго быта и новаго умственнаго содержанія, и Карамзинъ въ принципѣ рѣшилъ литературное право этой стихіи, насколько она была выработана въ свѣтскомъ обращеніи. Самыя формы литературы, со времени Ломоносова и до Карамзина, были формы псевдо-классическія, господствовавшія тогда по всей Европѣ; при всей ихъ искусственности, онѣ не остались безъ полезнаго вліянія въ начинавшейся литературѣ, — выработанная французская стилистика не могла не отражаться на стилѣ нашихъ писателей и содѣйствовала его внѣшней выработкѣ, впервые устанавливая извѣстные риторическіе и поэтическіе приемы, а съ другой стороны псевдо-классическая комедія, сатира и шутка давали поводъ къ постановкѣ на литературную сцену подробностей бытовой жизни общества и даже народа. Для крайнихъ приверженцевъ Ломоносовской старины умѣренная реформа Карамзина казалась непростительною ересью; но эта реформа уже вскорѣ оказывалась недостаточной. Романтическій стиль, гдѣ величайшимъ мастеромъ былъ Жуковский, требовалъ новаго расширения литературной рѣчи относительно поэтическихъ формъ, а также и относительно народнаго элемента. Далѣе новыми громадными приобрѣтеніями ознаменована дѣятельность Пушкина и затѣмъ Гоголя. Въ послѣдующей литературѣ все сильнѣе развиваются съ одной стороны изображенія жизни общественной, съ другой, подъ конецъ уже вполне независимо отъ вліянія европейской литературы, изображенія жизни народнои. Сообразно съ этимъ, литературный языкъ въ поэзіи и въ прозѣ все больше

обогащается изъ языка народнаго, какъ въ словарѣ, такъ и въ самомъ складѣ. Съ другой стороны совершалось обогащеніе языка съ развитіемъ общественности и учреждений. Рѣшающимъ моментомъ въ этомъ направленіи была крестьянская реформа и послѣдующее развитіе учреждений, гдѣ опять народная жизнь получила оффиціальное и общественное признаніе, какого долго не выпадало на ея долю.

Если въ этомъ развитіи литературы, въ связи съ расширеніемъ общественныхъ интересовъ, заключалось также и сильное развитіе литературнаго языка, обнимавшаго все болѣе обширную область національной жизни, то другимъ великимъ обогащеніемъ его были успѣхи научнаго знанія. Первые опыты его относятся къ началу XVIII-го вѣка; въ теченіе прошлаго столѣтія движеніе его было довольно медленно, какъ медленно было распространеніе школы; но затѣмъ оживленная дѣятельность русскаго знанія начинается въ особенности съ 30-хъ годовъ и еще болѣе въ новѣйшее время, съ конца 50-хъ. Въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ научный языкъ чрезвычайно обогатился и въ частности обогатился особенно въ области изученій историческихъ и этнографическихъ. По особымъ условіямъ нашей литературы, здѣсь въ особенности высказывался интересъ къ народному и научное изысканіе совпадало съ общественнымъ интересомъ. Съ терминологіей науки въ литературный языкъ входитъ въ широкихъ размѣрахъ терминологія народнаго быта.

Ограничиваемся этими указаніями литературнаго развитія, съ которыми соединялось разностороннее обогащеніе литературной рѣчи. Здѣсь заключается и указаніе на тѣ стороны литературнаго и народнаго языка, которыя должны потребовать особеннаго вниманія въ словарѣ. Очевидно, словарь долженъ имѣть въ виду не только собранное, но и собирающееся содержаніе языка, и здѣсь становятся въ особенности важны историческіе и народные элементы и матеріалъ современной поэтической литературы. Въ примѣненіи къ настоящему академическому словарю, въ предѣлахъ его программы возможны были бы нѣкоторыя desiderata относительно его матеріала. Его исходный пунктъ долженъ былъ бы восходить за время Ломоносова къ Петровской эпохѣ, изъ которой именно идутъ многія основныя черты нашего литературнаго языка и лексическаго матеріала. Историческій элементъ долженъ бы быть расширенъ на весь тотъ запасъ словъ стараго языка, который появился и появляется въ исторической литературѣ, посвящаемой старымъ временамъ, какъ и на тотъ запасъ словъ, который вводится изысканіями этнографическими. Можно

было бы желать, чтобы историческій элементъ былъ расширенъ и другимъ образомъ, а именно въ объясненіи отдѣльныхъ словъ — въ томъ родѣ, какъ это дѣлаетъ французскій словарь Литтрэ. Относительно новѣйшей литературы словарь, какъ мы видѣли, собираетъ цитаты изъ старыхъ писателей, въ нашемъ смыслѣ классическихъ, т.-е. получающихъ мѣсто въ учебныхъ историческихъ хрестоматіяхъ (какъ напр. Сумароковъ, Княжнинъ, Хемницеръ и т. д.), и изъ важнѣйшихъ писателей новаго времени до Салтыкова и Глѣба Успенскаго; но можно было бы желать, какъ мы указывали прежде, чтобы дано было мѣсто той литературѣ прошлаго вѣка, которая только въ наше время попадаетъ въ печать, какъ литература мемуаровъ и иныхъ бытовыхъ памятниковъ, а относительно литературы современной, чтобы она была представлена нѣсколько шире, чѣмъ это сдѣлано теперь, и взаимнѣ нѣсколькихъ неудачныхъ цитатъ, какія были указаны однимъ изъ критиковъ, могли бы быть вносимы тѣ особенности живой рѣчи, какія могутъ быть встрѣчены въ новѣйшей беллетристикѣ и поэзіи.

Повторимъ опять, что потребность въ словарѣ такъ велика, что нельзя не привѣтствовать предпріятія Русскаго отдѣленія Академіи и не пожелать скорѣйшаго его довершенія.

А. Пынинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

РАЗВАЛИНА.

Когда-то жили тамъ... Стоялъ высокій домъ,
Видѣлся храма крестъ изъ-за березъ вѣтвистыхъ;
У берега рѣки, въ концѣ аллеи тѣнистыхъ,
    Одѣтый вьющимся плющомъ,—
Порой шумѣлъ фонтанъ струею изумрудной...
Теперь тамъ все молчить... И въ тишинѣ безлюдной
    Заснула жизнь могильнымъ сномъ.

Тамъ—соръ и кирпичи, тамъ мраморныя плиты,
Невѣдомой рукой разбитыя, лежать;
И кой-гдѣ при березѣ, зеленымъ мхомъ покрыты,
    Покой обломковъ сторожать.
Разрушенъ домъ и храмъ, людскихъ молитвъ не слышно—
Въ землѣ лежитъ и крестъ, что отражалъ таеъ пышно
    Багровый солнечный закатъ.

Былую жизнь теперь смѣнила жизнь иная:
Гдѣ пиръ людской шумѣлъ, гдѣ свѣтлое вино
Лилось рѣкою, тамъ воронъ крикливыхъ стая
    На „пиръ“ слетается давно...
Гдѣ грезами любви иль стопами страданья
Томила человѣкъ, тамъ звѣря завыванье
    Угрозой путнику полно...

Но въ мигъ, когда гроза огнистою стрѣлою
Глухую темноту неожиданно разсвѣчетъ,

Когда изъ синихъ тучъ, повисшихъ надъ горою,
 Громъ пѣсню бури запоетъ
 И дрогнетъ даль земли отъ страшнаго раската,—
 Въ тогъ мигъ развалина, холоднымъ сномъ объята,
 Какъ будто дышетъ и живетъ.

Далеко, въ темнотѣ, подъ соннымъ небосклономъ
 При блескѣ молніи виднѣется она
 И рада, что вокругъ зловѣщимъ бури стономъ
 Земля неожиданно смущена.
 Въ обломкахъ кирпичей и сѣраго гранита
 Какъ будто жизнь и страсть, что тамъ вѣками скрыта,
 Ночной грозой пробуждена...

Ударь... За нимъ—другой... По небу громъ грохочетъ
 И эхо въ глубинѣ развалины встаетъ,—
 Покинуть мертвый край гроза еще не хочетъ:
 Могила голосъ подаетъ...
 И въ мертвомъ отлѣикѣ безъ словъ звучатъ преданья,
 Пока затихнетъ даль, пока въ волнахъ сіянья
 На небо солнце вновь всплыветъ.

МИМОЛЕТНАЯ ДУМА.

Умчалось прошлое безъ цѣли,
 Надежды скрылись безъ слѣда,
 И жизнь походить иногда
 На храмъ, гдѣ стѣны опустѣли,

Гдѣ нѣтъ святыни, нѣтъ мольбы,
 Такъ звучно оглашавшей своды,
 Гдѣ проповѣдники свободы
 Въ цѣпяхъ вздыхаютъ, какъ рабы.

И взоръ тогда скользитъ уныло
 По окружающимъ волнамъ:
 Ни къ маяку, ни къ берегамъ
 Мой чолнъ теченье не прибило...

Но иногда въ груди моей
Нежданно вѣры лучъ проглянетъ,—
Какъ сильно сердце биться станетъ!
Ему не жаль прожитыхъ дней,

Ему не страшенъ путь грядущій:
Труда лишь, правды и труда!..
И жизнь мнѣ кажется тогда
Весной, привѣтливо цвѣтущей.

Ясна душа, сомнѣній нѣтъ,—
И полонъ мѣръ красою новой:
За ночью темной и суровой
Встаетъ таеъ утренній разсвѣтъ.

Обнять людей, обнять природу,
Забиться въ сладостной мечтѣ,
Отдаться сердцемъ красотѣ,
Душой—любимому народу,—

Вотъ то, чего хотѣлъ бы я
Въ минуты чуднаго разсвѣта,
Когда надеждами согрѣта,
Какъ солнцемъ—мѣръ, душа моя.

В. Булгаковъ.

ВОЙНА

ВЪ

РОМАНЪ ЗОЛА

La débacle, par *Émile Zola*. Paris, 1892.

Цѣлое поколѣніе выросло и достигло совершеннолѣтія со времени франко-германской войны 1870—71 годовъ; многіе изъ ближайшихъ участниковъ и героев кровавой эпопеи сошли окончательно со сцены, уступивъ мѣсто новымъ дѣятелямъ, свободнымъ отъ предрасудковъ и увлеченій недавняго прошлаго. Во главѣ Германіи стоитъ внукъ побѣдителя при Седанѣ; руководитель прусской политики, приведшей къ разгрому Франціи и къ созданію нынѣшней германской имперіи, доживаетъ свой вѣкъ въ отставкѣ, вдали отъ государственныхъ дѣлъ. Исчезла имперія Наполеона III, и послѣдніе остатки имперіалистской партіи утратили всякую надежду на власть и значеніе во Франціи. Страсти, возбужденныя войною, давно улеглись, и настало уже время для спокойной, хладнокровной оцѣнки событій, измѣнившихъ положеніе великихъ державъ и народовъ въ Европѣ.

Въ романѣ Эмиля Зола, изображающемъ французскія военныя неудачи 1870—71 годовъ, можно видѣть вѣрное отраженіе взглядовъ, господствующихъ нынѣ въ лучшей и наиболѣе образованной части французскаго общества. По отзыву такого компетентнаго цѣнителя, какъ Эмиль Фагè, „La débacle“ есть „великое произведеніе, быть можетъ величайшее изъ всѣхъ, написанныхъ Зола“; оно „оставляетъ послѣ себя впечатлѣніе болѣе глубокое,

болѣе сильное и трагическое, и въ то же время болѣе возвышенное и чистое, чѣмъ какое-либо изъ другихъ произведеній знаменитаго романиста. „Эта безпристрастная, печальная и суровая картина нашихъ несчастій и нашихъ ошибокъ, — говоритъ Фагё, — производитъ на насъ укрѣпляющее дѣйствіе, и мы можемъ представить ее Европѣ съ достоинствомъ и гордостью, не дѣлая особыхъ оговорокъ, какъ это часто случалось относительно Зола, и не предостерегая отъ послѣднихъ заключеній о насъ по однимъ лишь своеобразнымъ описаніямъ нашего художника“ („Revue bleue“, отъ 25-го іюня).

Нѣсколько иначе смотритъ на дѣло академикъ Мельхиоръ де-Вогюэ; онъ недоволенъ мрачными изображеніями Зола, хотя признаетъ ихъ точность и вѣрность даже въ мелочахъ. „Я не желалъ бы появленія этой горестной книги, — пишетъ виконтъ де-Вогюэ въ „Revue des deux Mondes“. Можно возвращаться въ печалямъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторою гордостью; вдовамъ героевъ напоминаютъ объ ихъ несчастіи; но передъ вдовами людей, потерпѣвшихъ крушеніе, приходится молчать о катастрофѣ, въ которой погибли ихъ мужья безъ пользы и безъ славы. А наши души суть именно эти вдовы. Но смѣлое перо Зола не стѣсняется такими соображеніями. Его книга сдѣлана, она расходится по свѣту съ большимъ шумомъ; я долженъ былъ читать ее, и мнѣ невозможно говорить теперь о чемъ-нибудь другомъ. Притомъ романистъ помѣстилъ своихъ героевъ и главный центръ дѣйствія въ тотъ корпусъ арміи, въ ту дивизію и бригаду, куда брошенъ былъ судьбою пишущій эти строки. Точныя воспоминанія позволяютъ мнѣ провѣрять картины каждаго перехода, который онъ описываетъ. Это совпаденіе увеличиваетъ для меня тягостное чувство, которое испытаетъ всякій послѣ того, какъ освѣжитъ въ своей памяти наши несчастія при помощи Зола“. Подробности мѣстоположенія и обстановки, по словамъ де-Вогюэ, восстановлены почти вездѣ съ полною аккуратностью; ощущенія и впечатлѣнія арміи переданы грубо, но правдиво. Зола показываетъ намъ внутреннее разложеніе французской имперіи въ періодъ борьбы; но онъ только въ мимолетныхъ образахъ приближаетъ къ намъ искаженные или суровыя лица противниковъ, которыми была раздавлена Франція. Далекія линіи непріятельскихъ войскъ вокругъ Седана представлены въ видѣ массы маленькихъ „оловянныхъ солдатиковъ“, съ одною маленькою фигуркою впереди—фигуркою прусскаго короля. „Почему побѣдили насъ эти оловянные солдаты? — спрашиваетъ де-Вогюэ. — Въ чемъ заключалось ихъ превосходство? Только тотъ, кто сумѣетъ объяснить это, напишетъ

окончательную книгу о войнѣ“. Съ другой стороны, изъ романа Зола не видно, почему сопротивление Франціи было столь продолжительно. „Если нація была такъ больна и лишена силы, какъ изображаетъ Зола, она должна была пасть подъ первымъ ударомъ врага, какъ падали въ подобныхъ случаяхъ другіе народы, считавшіе себя болѣе здоровыми, чѣмъ мы“. Разнообразныя, безразсудно направляемыя, но упорныя и энергическія попытки національной обороны были чрезвычайно благотворны въ принципѣ и должны быть всегда благословляемы, по мнѣнію де-Вогюв, ибо имъ французы обязаны всѣмъ своимъ современнымъ положеніемъ въ Европѣ; „все, что достигнуто съ тѣхъ поръ, сдѣлалось возможнымъ единственно благодаря этому первоначальному проявленію силы“. Вотъ почему повсюду въ странѣ чувствуется память Гамбетты, который „воплощалъ въ себѣ душу Франціи и былъ и остается истиннымъ, главнымъ основателемъ мнѣшняго ея могущества“. А между тѣмъ „это имя и эта рѣшительная страница нашей исторіи отсутствуютъ въ балансѣ войны, составленномъ Зола“ (*Revue des deux Mondes*“, отъ 15-го іюля). Словомъ, виконтъ де-Вогювъ недоволенъ, какъ патриотъ, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходится съ болѣе трезвымъ критикомъ, Эмилемъ Фагè.

Эмиль Зола — писатель слишкомъ оригинальный и независимый, чтобы можно было заподозрить его въ солидарности съ шаблонными политическими идеями какого-нибудь Дерюледа или Буланже; онъ притомъ достаточно смѣлъ для того, чтобы открыто выражать мнѣнія и чувства, которыя тщательно скрываются большинствомъ заурядныхъ французскихъ публицистовъ, дорожащихъ репутаціею патриотовъ. Какіе же взгляды на войну проводятся этимъ романистомъ-историкомъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ возстановленія мира между Франціею и Германіею?

Главными дѣйствующими лицами романа являются молодой адвокат Морисъ Левассёръ, поступившій волонтеромъ въ армію, и непосредственный начальникъ его, капраль Жанъ Маваръ, солдатъ безъ образованія, изъ крестьянъ; первый служитъ представителемъ передовой французской интеллигенціи, увлекающейся, живой и перемѣнчивой, а второй — олицетворяетъ собою народную массу, близкую къ землѣ, богатую житейскимъ здравымъ смысломъ и опытомъ. Авторъ постоянно имѣетъ въ виду это противопоставленіе и на каждомъ шагѣ напоминаетъ объ интеллигентности Мориса и необразованности Жана; но еслибы не эти постоянныя напоминанія и эпитеты, мы должны были бы, напротивъ, заключить, что Морисъ — жалкій недоучка, а Жанъ — чело-

вѣкъ образованный и свѣдущій. Морисъ съ презрѣніемъ относится къ Жану, какъ къ существу низшей породы, и въ минуты раздраженія ругаетъ его „крестьяниномъ“; а Жанъ подобострастно ухаживаетъ за благороднымъ и деликатнымъ Морисомъ и остается ему до конца вѣрнымъ другомъ и покровителемъ. „Морисъ стоялъ за войну, считалъ ее неизбежною, необходимою для самаго существованія народовъ. Это было для него естественно съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдался эволюціоннымъ идеямъ, всей этой теоріи развитія, которою тогда увлекалась образованная молодежь. Развѣ жизнь не есть непрерывная война? Развѣ неустанная борьба не лежитъ въ природѣ вещей, давая побѣду достойнѣйшему, и развѣ она не есть сила, поддерживаемая и возобновляемая дѣйствіемъ, жизнь, возрождающаяся всегда юною послѣ смерти? И онъ вспоминалъ великій порывъ, поднявшій его, когда ему пришла эта мысль сдѣлаться солдатомъ, пойти драться на границу, для искупленія своихъ грѣховъ“. Поводы къ войнѣ были неясны и запутанны; но передъ всѣми выступило неминуемое — „роковой законъ, который въ извѣстный часъ бросаетъ одинъ народъ на другой“. Сильное волненіе овладѣло Парижемъ; „онъ видитъ опять этотъ жаркій вечеръ, бульвары, наполненные движущею толпою, сборища людей, размахивающихъ факелами и кричащихъ: A Berlin, à Berlin!“ Очевидно, Морисъ, слышавшій кое-что объ „эволюціонныхъ теоріяхъ“ и о „роковомъ законѣ“ борьбы за существованіе, принялъ это искусственное возбужденіе Парижа за достаточное доказательство необходимости и спасительности войны; онъ думалъ почему-то, что „роковой законъ“ природы несомнѣнно предписываетъ французамъ напасть на пруссаковъ.

Морисъ былъ безусловно увѣренъ въ побѣдѣ и жаждалъ участвовать въ подвигахъ арміи; но послѣ первыхъ неудачъ, во время безцѣльныхъ переходовъ, вызванныхъ общою растерянностью вождей, онъ превращается въ ничтожнаго и слабосильнаго труса: не встрѣтивъ еще пруссаковъ, онъ бросаетъ въ пути аммуницію и ружье, по примѣру нѣсколькихъ завѣдомыхъ негодяевъ своей роты, и, остановленный капраломъ Жаномъ, съ чувствомъ оскорбленной гордости выслушиваетъ отъ этого „крестьянина“ рѣзкія, негодующія замѣчанія, элементарные уроки приличія и долга. Впослѣдствіи, находясь уже подъ непріятельскимъ огнемъ, въ сраженіи подъ Седаномъ, онъ хотѣлъ бѣжать съ поля битвы; „страхъ, бѣшенный страхъ овладѣлъ имъ; онъ сначала не чувствовалъ этого холоднаго пота, этой болѣзненной слабости въ области желудка, этой непреодолимой потребности встать и пуститься галопомъ, съ глухимъ ревомъ“; но „Жанъ, наблюдавшій за нимъ, схватилъ

его своею крѣпкою рукою и держалъ грубо около себя, замѣтивъ въ его смущенныхъ глазахъ слѣды происходившаго въ немъ поворота кривиса; онъ при этомъ ругалъ его тихо, отеческимъ тономъ, старался пристыдить его рѣзкими словами, зная по опыту, что только ударами въ спину возвращаютъ людямъ храбрость". И этого злосчастнаго Мориса, не умѣющаго исполнять съ достоинствомъ простыя обязанности солдата, авторъ заставляетъ скорбѣть объ упадкѣ дисциплины въ войскѣ, обсуждать военные планы и ошибки, взвѣшивать стратегическія комбинаціи, предусматривать и оцѣнивать промахи, которые могли быть поняты только позднѣе. Морисъ сблизился и подружился съ Жаномъ, подкупленный его неизмѣнною и въ сущности непонятною преданностью; они нѣсколько разъ спасали другъ другу жизнь, пока наконецъ не разстались послѣ Седанскаго погрома. Морису удалось добраться до Парижа, гдѣ онъ изъ бывшаго бонапартиста, юпитаннаго въ благоговѣннѣи къ памяти и подвигамъ Наполеона, дѣлается отчаяннымъ коммунаромъ, готовымъ бороться до послѣдней капли крови съ французскими же войсками; въ то же время онъ начинаетъ пьянствовать наравнѣ съ подонками парижскаго населенія. Трусливый и легко поддающійся паникѣ при столкновеніяхъ съ дѣйствительнымъ непріателемъ, онъ обнаруживаетъ вдругъ необычайное мужество въ борьбѣ съ своими соотечественниками, „версальцами“, стремится убивать ихъ какъ можно больше и съ наслажденіемъ подстрѣливаетъ всякаго солдата, который показывается на горизонтѣ; онъ не обращаетъ вниманія ни на угрожающія обходныя движенія войскъ, ни на бѣгство и гибель товарищей, ни на окрестные пожары, а остается одинъ защищать баррикаду, стрѣляя неутомимо изъ за прикрытія. Откуда пришла у Мориса эта злобная ненависть къ французскимъ солдатамъ, эта холодная жажда истребленія и братоубійства, — неизвестно; тутъ уже, конечно, не участвовали ни принципы національной борьбы за существованіе, ни внушенія воинственнаго патриотизма. Морисъ видитъ, что прежній товарищъ его по ротѣ, известный негодяй Шуто, дезертировавшій подъ Седаномъ, командуетъ шайкою „петрольщиковъ“ и перебѣгаетъ съ ними отъ одного зданія къ другому, зажигая по очереди сосѣдніе дома; и Морисъ „пользуется яркимъ свѣтомъ огня, чтобы поражать своими выстрѣлами неосторожныхъ солдатъ, рискующихъ появиться вдоль улицы“. Солдаты обошли баррикаду съ другой стороны, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ стрѣляющаго еще коммунара, подбѣжалъ къ нему и закололъ штыкомъ: этотъ ударъ нанесенъ былъ Морису его пріателемъ Жаномъ. Оба съ ужасомъ узнаютъ другъ друга;

Жанъ пытается спасти Мориса, тащить его въ домъ, приводить къ нему врача, и раненый проводит нѣсколько дней въ полусознательномъ состояніи, наслаждаясь зрѣлищемъ горящаго Парижа изъ окна своей комнаты. „Ахъ, эта война, ненавистная война!“ говорить вполголоса его сестра Генриетта, типъ самоотверженной и слѣпо преданной долгу женщины. „Нѣтъ, не проклинай войну!—возражаетъ Морисъ:—она хороша, она дѣлаетъ свое дѣло... Это быть можетъ необходимо, это кровопусканіе. Война—это жизнь, которая не можетъ существовать безъ смерти“. Раненый не перестаетъ восторгаться видомъ разрушенія города и въ такомъ настроеніи умираетъ.

Несмотря на всѣ объясненія автора, нельзя уловить и формулировать процессы мысли, происходившіе въ головѣ утонченно-нервнаго героя, мнимаго представителя передовой французской интеллигенціи. Морисъ, какъ говоритъ Зола, былъ охваченъ порывомъ „недуга, пришедшаго издалека, отъ дурныхъ сѣмянъ послѣдняго царствованія“; но въ чемъ заключается этотъ недугъ, дѣлающій интеллигентныхъ людей какими-то идиотами,—остается недосказаннымъ. Морисъ не могъ понять, почему Франція, побѣдоносная при дѣдахъ, разбита при внукахъ; ему кажется, что нація погибаетъ и что весь міръ рухнетъ съ нею. Боле разумный и толковый Жанъ разъясняетъ ему истинный смыслъ пораженія: „Не мѣшаетъ иногда получить хорошую пощечину,—это заставляетъ задумываться. И если правда, что есть гдѣ-то гниль и порча, то лучше уже видѣть негодные члены брошенными на землю, отрубленными ударомъ топора, чѣмъ околѣвать отъ нихъ какъ отъ холеры“. Жанъ чувствуетъ возмутительную безчеловѣчность и ненужность войны; „ему, человѣку необразованному, представлялось вполнѣ возможнымъ избѣжать кровопролитія путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашеній; но Морисъ, увлекаемый своею наукою (?), размышлялъ о войнѣ необходимой, составляющей саму жизнь, законъ міра. Только мягкосердечный человѣкъ могъ пуститъ въ ходъ идею справедливости и мира, когда безстрастная природа есть постоянное поле битвы и избиенія. Сойтись съ другими народами можно лишь въ теченіе столѣтій. Можно было бы вообразить себѣ наступленіе этого золотого вѣка, еслибы всѣ націи составляли одинъ народъ; но и тогда исчезновеніе войны было бы пожалуй, концомъ человѣчества. Я говорилъ глупости только что, — закончилъ Морисъ: — нужно драться, потому что это законъ“. Съ кѣмъ драться и изъ-за чего, — съ нѣмцами или съ своими же французами, за династію Бонапартовъ или за кому? Это вѣроятно должно зависѣть уже отъ случайностей и

строения. На самомъ дѣлѣ Морисъ боится военныхъ опасностей и гораздо хуже Жана понимаетъ дѣйствительныя условія войны; и въ то время какъ интеллигентный адвокатъ одобрительно прислушивается къ разговорамъ нѣкоторыхъ солдатъ, склонныхъ къ дезертирству, „крестьянина“ Жанъ удивляется про себя, какимъ образомъ господинъ, получившій образованіе, можетъ одобрять подобныя вещи. Къ характеру Мориса совершенно не подходитъ роль дальновиднаго и осторожнаго стратега, навязываемая ему авторомъ;—такъ основательно понимать всѣ совершающіяся передвиженія арміи и такъ точно предвидѣть ихъ результаты немислимо для человѣка, затеряннаго среди одного изъ мелкихъ отрядовъ войска, при общей военной суматохѣ. Морисъ знаетъ и подробно излагаетъ слишкомъ много такого, чего нельзя было знать до послѣднихъ рѣшительныхъ неудачъ; онъ, напримѣръ, заранѣе считаетъ пагубною ошибкою движеніе шалонской арміи къ Мецу, на помощь къ Базену, и видитъ единственное спасеніе въ сосредоточеніи арміи около Парижа, — а всѣмъ памятно, какія надежды и ожиданія вызваны были попыткой Макъ-Магона соединиться съ Базеномъ и какъ далека была еще отъ французовъ мысль объ общемъ отступленіи къ Парижу, послѣ первыхъ неудачныхъ битвъ. Морисъ, какъ горячій фантазеръ, долженъ былъ первый увлечься перспективою, которая открывалась предъ всѣми передвиженіемъ арміи на сѣверъ; но устами Мориса говоритъ Зола, а не пылкій участникъ военныхъ дѣйствій, въ роковые лѣтніе мѣсяцы 1870 года. Французская критика уже подмѣтила этотъ недостатокъ романа: герои Зола, простые рядовые или мирные обыватели, обладаютъ военно-стратегическими свѣденіями, которыхъ не было тогда у руководителей кампаніи, и высказываютъ или замѣчаютъ то, что можетъ подмѣтить и высказать только писатель, знающій уже о дальнѣйшемъ ходѣ событій. Участники войны видѣли лишь общую неурядицу, отсутствіе руководящаго плана, растерянность вождей, всякіе интендантскіе и прочіе недочеты; но куда нужно было идти для отраженія пруссаковъ—къ Мецу или Парижу, къ Седану или Мезьеру,—объ этомъ едва-ли могли столь основательно и точно знать въ кружкахъ Мориса или эльзасца Вейса. Подъ влияніемъ общихъ неурядицъ возможенъ былъ только одинъ военно-стратегическій выводъ,—что Франція не готова къ войнѣ и должна прекратить ее какъ можно скорѣе; но Морисъ долго еще не теряетъ надежды на побѣду и готовъ былъ бы задушить болѣе трезваго Жана за прямое признаніе того печальнаго факта, что пруссаки оказались сильнѣе французовъ. Впослѣдствіи, когда

катастрофа уже совершилась, Морисъ мечтаетъ о гибели французской націи и о появленіи на ея мѣсто новаго, свѣжаго и здороваго народа; онъ какъ будто пытается ускорить эту развязку своими отчаянными дѣйствіями въ Парижѣ, гдѣ, однако, исчезаетъ безъ слѣда все приписанное ему военно-стратегическое пониманіе.

Живой и активный патриотизмъ въ воинственномъ духѣ изображается авторомъ съ особенною любовью въ лицѣ добродушнаго седанскаго обывателя, Вейса. Вейсъ—тоже стратегъ, и притомъ гораздо болѣе замѣчательный, чѣмъ Морисъ; онъ не только отчетливо знаетъ въ каждый данный моментъ, что должны предпринять полководцы для достиженія побѣды, какіе дѣлаются ими упущенія и промахи, но даже предугадываетъ планы непріятеля и предсказываетъ событія съ поразительною ясностью. Вначалѣ онъ выступаетъ въ роли знатока Германіи, цѣнителя ея культурныхъ и военныхъ успѣховъ, и рѣчи его сильно напоминаютъ извѣстныя сообщенія полковника Стоффеля, бывшаго военнымъ агентомъ въ Берлинѣ. „Германію я хорошо знаю, — говоритъ Вейсъ своему шурина Морису въ лагерѣ, близъ Мюльгаузена, въ присутствіи нѣсколькихъ другихъ военныхъ, — и страшнѣе всего то, что вы имѣете объ ней столько же свѣденій, сколько о Китаѣ“. Показавъ затѣмъ могущественный ростъ Пруссіи, Вейсъ противопоставилъ ей Францію, съ ея устарѣвшимъ и безсильнымъ режимомъ, съ ея неспособными и невѣжественными генералами, съ императоромъ во главѣ, „больнымъ и колеблющимся, обманутымъ и обманывающимъ“. Война сама по себѣ не пугаетъ Вейса; напротивъ, онъ самъ желалъ ея, несмотря на свое знаніе нѣмецкихъ и французскихъ дѣлъ. „Я самъ изъ Эльзаса, мой дѣдъ и бабка были убиты казаками (1) въ 1814 году, и когда я думаю о нашествіи, у меня сжимаются кулаки, я взялся бы за ружье, какъ настоящій солдатъ. А, война съ Пруссіею! Мы желали ея, мы давно и спокойно ожидали разрѣшенія этого стараго спора. Но это не мѣшало намъ поддерживать добрыя сосѣдскія отношенія съ Баденомъ и Баваріею; мы всѣ имѣемъ родственниковъ и друзей по ту сторону Рейна. Мы думали, что они, подобно намъ, стремятся положить предѣлъ невыносимой надменности пруссаковъ“... Другими словами, и Вейсъ не зналъ истиннаго настроенія Германіи и горько заблуждался относительно южнонѣмецкихъ государствъ. Быть можетъ, онъ ошибался и въ томъ, что приписывалъ мирному населенію Эльзаса желаніе войны съ Пруссіею. Чѣмъ могло быть вызвано это желаніе и почему эльзасцы должны были чувствовать потребность воевать съ пруссаками?

Зола описываетъ въ другомъ мѣстѣ волненіе и бѣгство жителей Эльзаса при отступленіи войскъ; а „весь этотъ Эльзасъ ожидалъ войны съ улыбкою (!), въ убѣжденіи, что будутъ драться въ Германіи“. Если эльзасцы такъ спокойно, съ улыбкою, желали всякихъ бѣдъ пруссакамъ и нѣмцамъ, то они вполне справедливо наказаны были судьбою, ибо въ сущности Германія не сдѣлала имъ ничего дурного и ничѣмъ не заслужила ихъ вражды. Вейсъ съ непонятнымъ воодушевленіемъ говоритъ о сладости кроваваго ищенія: „если мы побѣждены, то мы можемъ все-таки убивать ихъ, этихъ зловѣщихъ пруссаковъ; въ этомъ одно утѣшеніе, и я хотѣлъ бы, чтобы осталось на мѣстѣ побольше пруссаковъ, цѣлыя груды пруссаковъ, чтобы ими покрылась вся земля, вонъ тамъ... О, я сражался бы, еслибы былъ свободенъ. Не знаю, потому ли, что они теперь хозяйничаютъ въ моей странѣ, въ этомъ Эльзасѣ, гдѣ казаки сдѣлали уже столько зла, но какъ только я подумаю о пруссакахъ, о появленіи ихъ въ нашихъ селахъ и домахъ, мною тотчасъ овладѣваетъ страстное желаніе перебить хоть дюжину ихъ“. Такимъ образомъ, пруссаки должны были отвѣчать не столько за свои собственные прегрѣшенія, сколько за грѣхи казаковъ, оставившихъ по себѣ дурную память съ 1814 года, о чемъ неоднократно вспоминаетъ Вейсъ. Воинственному эльзасцу пришлось исполнить свое страстное желаніе при защитѣ Базейля, гдѣ у него былъ домикъ; взволнованный видомъ жертвъ и разрушенія при натискѣ баварцевъ на эту деревню, онъ схватилъ ружье и сталъ стрѣлять отчаянно, сопровождая свою стрѣльбу ругательствами и угрожающими жестами; въ то же время онъ объяснялъ положеніе дѣлъ командовавшему офицеру, давалъ ему совѣты и указанія даже послѣ того, какъ у бѣднаго офицера оторваны были обѣ ноги и онъ прислонился къ дому, блѣднѣя отъ потери крови; беспощадный Вейсъ продолжалъ излагать ему свои стратегическія соображенія, вмѣсто оказанія ему какой-либо помощи, и еще добился отъ него приказа солдатамъ кинуться въ штыки, когда тотъ уже умиралъ. Вейсъ заперся въ своемъ домѣ съ дюжиною солдатъ и перестрѣлялъ множество баварцевъ; наконецъ, домъ былъ взятъ штурмомъ, и смѣлый эльзасецъ, зажатый съ оружіемъ въ рукахъ, былъ подвергнутъ казни на улицѣ въ тотъ самый моментъ, когда къ нему подбѣжала его жена, Генриетта, искавшая его съ опасностью жизни по дорогѣ отъ Седана къ Базейлю. Здоровенный баварецъ, съ обрызганнымъ кровью лицомъ, едва успѣлъ оттащить Генриетту отъ мужа, который до конца велъ себя какъ герой; онъ самъ помогъ отстранить жену, сталъ въ надлежащую позу, скрестилъ руки на груди

и спокойно встрѣтилъ смерть. Защита Базейля—одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе яркихъ эпизодовъ романа; но личность Вейса была бы болѣе натуральна, еслибы ему не были приданы качества черезъ-чуръ проникательнаго стратега и предвѣдителя. Вейсъ даже вліялъ косвенно на ходъ кампаніи; онъ доказывалъ одному генералу необходимость немедленно отступить въ Мезьеру, и на слѣдующій день этотъ самый генералъ, назначенный временно главнокомандующимъ вмѣсто раненаго Макъ-Магона, распорядился идти на Мезьеръ, когда было уже поздно. Вейсъ „былъ въ отчаяніи, мучился угрызениями совѣсти за то, что совѣтовалъ это вчера генералу Дюкро“; теперь надо было держаться уже другого плана — отбросить баварцевъ и идти въ Кариньяну. Но французскій главный штабъ не слѣдилъ за комбинаціями и заключеніями Вейса, а потому терпѣлъ неудачу за неудачей.

Военные типы, выведенные Зола, довольно однообразны и блѣдны: карикатурный генералъ Бургэнъ-Дефейль, шумно выхваляющій передъ всѣми свое грубое невѣжество и постоянно озабоченный вопросомъ о томъ, гдѣ бы съ комфортомъ поѣсть и поспать; полковникъ Винель—воплощеніе старыхъ военныхъ традицій, всегда неподвижный впереди полка, на высокой бѣлой лошади, въ видѣ живой эмблемы военнаго долга и дисциплины; капитанъ Будуэнъ, изящный и спокойный, соединяющій исполнительность офицера съ успѣшнымъ ухаживаньемъ за красивыми дамами; наконецъ, лейтенантъ Рошâ, храбрый рубака, недалекій умомъ, слѣпо вѣрующій въ легкую возможность и неминуемость побѣды надъ какими угодно неприятелями. Послѣдній дѣйствительно обрисованъ мастерски и выступаетъ предъ нами живымъ человѣкомъ; остальные являются лишь въ неясныхъ очертаніяхъ, а полковникъ Винель—почти въ одной и той же позѣ молчаливаго и удрученнаго героя, верхомъ на бѣломъ конѣ. Лейтенантъ Рошâ не можетъ себѣ представить, чтобы французы были побѣждены; онъ все ждетъ окончательнаго пораженія пруссаковъ и съ спокойною увѣренностью готовится гнать ихъ въ шею до Берлина. Когда результаты битвъ при Вѣртѣ и Спизернѣ стали положительно извѣстны, Рошâ съ недоумѣніемъ повторялъ десятки разъ: „Какъ разбиты? Почему разбиты?“ Подъ Седаномъ, видя полное разстройство и гибель своего отряда, онъ какъ бы не замѣчалъ приближенія пруссаковъ и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ съ изумленнымъ видомъ; рядомъ убитъ солдатъ, державшій знамя полка, и среди разгорѣвшагося рукопашнаго боя Рошâ могъ только лепетать: „Что же это такое?“ „Ему никакъ не входило въ голову, что это опять-таки пораженіе. Все теперь мѣняется, даже

способъ войны. Развѣ эти люди не должны были ждать тамъ, на той сторонѣ долины, чтобы ихъ побѣдили? Ихъ столько бьютъ, а они все прибываютъ. Что же это за нелѣпая война, гдѣ противъ одного выходятъ десятки человѣкъ, гдѣ непріятель показывается только къ вечеру послѣ того, какъ разстроилъ насъ цѣлымъ днемъ осторожной канонады? Растерянный, ничего не понимая до сихъ поръ въ ходѣ кампаніи, онъ чувствовалъ себя захваченнымъ и унесеннымъ чѣмъ-то высшимъ, чему онъ больше не сопротивлялся, хотя и повторялъ машинально, въ своемъ упорствѣ: „смѣлѣе, ребята, впереди побѣда!“ Онъ быстро между тѣмъ свалилъ знамя; это была послѣдняя его мысль, — спрятать его, чтобы оно не досталось пруссакамъ. Пули свистѣли, онъ ощущалъ смерть; онъ оторвалъ шолововую матерію отъ шеста, разорвалъ ее, старался ее уничтожить, и въ эту минуту, пораженный въ шею, въ грудь, въ ноги, упалъ между трехцвѣтными кусками знамени, какъ бы одѣтый ими. Онъ жилъ еще, съ расширенными зрачками, созерцая, быть можетъ, на горизонтѣ истинное видѣніе войны, этой жестокой жизненной борьбы, которую надо принять съ серьезною рѣшимостью, какъ законъ. Онъ вздрогнулъ и испустилъ духъ въ томъ же дѣтскомъ изумленіи, какъ бѣдное ограниченное существо, какъ радостное насѣкомое, раздавленное неумолимымъ ходомъ огромной и безстрастной природы. Съ нимъ кончалась легенда“.

Всѣ ужасы войны описаны у Золя съ замѣчательною щедростью и роскошью красокъ, съ обиліемъ эффектныхъ сценъ и подробностей, напоминающихъ во многомъ картины Верещагина. Солдаты, „доведенные до бѣшенства продолжительностью борьбы, становятся дикарями, мстятъ за своихъ мертвыхъ, за груды тѣлъ, по которымъ приходится имъ ступать; шайки людей режутъ среди дыма и искръ, среди оглушительнаго шума взрывовъ, паденій, выстрѣловъ, предсмертныхъ жалобъ. Люди едва различали другъ друга; облака влажной пыли застигали солнце, распространяя невыносимый запахъ пота и крови, какъ бы обремененныя ужасами вѣбненія. Еще убивали, разрушали во всѣхъ углахъ, точно выпущенные на свободу звѣри, въ бессмысленной злобѣ, въ яростномъ безуміи человѣка, готоваго пожрать человѣка“. Сильное впечатлѣніе производитъ великолѣпная картина кавалерійской атаки подъ Седаномъ; стройные отряды скачущихъ лошадей и всадниковъ смѣшиваются въ кучу и погибаютъ, прежде чѣмъ сталкиваются съ прусскою пѣхотою; всадники летятъ, какъ во снѣ, съ жесткостью и равномерными качаніями спящихъ существъ, съ необычайною пустотою въ головахъ; это движущаяся машина, пу-

ценная въ ходъ неодолимымъ толчкомъ. Три эскадрона погибли подъ градомъ пуль, и только четвертый долетѣлъ до прусскихъ рядовъ; сыплются удары по каскамъ, по мрачнымъ мундирамъ, которые видны какъ въ туманѣ. „Но за первую линію пруссаковъ находится и другая, за нею еще одна, далѣе еще и еще; эти глубокія массы людей подобны высокой травѣ, въ которой исчезаютъ лошади и всадники. Героизмъ былъ бесполезенъ“. Столь же блистательно и такъ же безуспѣшно дѣйствуютъ отдѣльные отряды артиллеріи, являющіеся съ гуломъ и трескомъ на самые опасныя пункты и маневрирующіе въ образцовомъ порядкѣ, какъ на парадѣ, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ; но выпускаемые снаряды разрываются на воздухѣ, не достигая цѣли: орудія изыщны, обстановка ихъ прекрасна, люди дѣлаютъ свое дѣло съ геройскимъ самоотверженіемъ, а пользы нѣтъ никакой. Въ то время какъ около Седана происходилъ беспощадный бой, тутъ же рядомъ, въ глубинѣ сосѣднихъ долинъ, продолжались мирныя сельскія работы; и участники битвы могли видѣть издали крестьянина, неторопливо воздѣлывающаго землю плугомъ, запряженнымъ крупною бѣлою лошадыю. „Почему терять день? Хлѣбъ не перестанетъ расти и мѣръ не перестанетъ жить изъ-за того, что люди дерутся“.

Зола выводитъ на сцену и Наполеона III; фигура злополучнаго императора показывается въ романѣ не менѣе десяти разъ и всегда описывается почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Нельзя сказать, чтобы портретъ выигрывалъ отъ этихъ повтореній. Виконтъ де-Вогюэ хвалитъ автора за вполне приличное отношеніе въ памяти человѣка, бывшаго полновластнымъ правителемъ Франціи. „Я дрожалъ при мысли, — говоритъ почтенный академикъ, — что встрѣчу шаблоннаго Наполеона III, какимъ его представляютъ въ мелкихъ лавочкахъ и трактирахъ, по внушеніямъ политической злобы, и какимъ можно представить себѣ повелителя 36 милліоновъ Ругоновъ-Макаровъ. Но Зола не попалъ въ эту ловушку и не бросилъ грязи въ эту жертву судьбы“. Вогюэ находитъ вообще „точнымъ и достойнымъ“ блѣдный образъ императора, нарисованный романистомъ. Подъ перомъ Зола Наполеонъ III является дѣйствительно жертвою судьбы, безсильнымъ орудіемъ обстоятельствъ, какимъ-то несчастнымъ призракомъ мнимаго величія, больнымъ и слабымъ субъектомъ, безъ воли и идей. „Очень блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, съ мутными, слезающимися глазами“, онъ имѣетъ видъ невиннаго страдальца, терзаемаго одновременно мучительною болѣзью и внезапными ударами роковыхъ событій. Это былъ „мечтатель, которому недостаетъ

энергій въ минуту дѣйствія“; онъ „казался парализованнымъ во время крупныхъ кризисовъ, предъ лицомъ совершившихся фактовъ, и неспособнымъ дѣйствовать противъ судьбы, если она была ему неблагоприятна“. Быть можетъ, причиною его безсилія была болѣзнь; „тогда все объяснилось бы: ничтожный камень въ организмѣ одного человѣка, и имперія рушится“. Императрица-регентша заставляетъ Наполеона III вести разстроенную армію впередъ, для спасенія династїи, хотя всѣ сознаютъ необходимость отступить въ Парижу. „И этотъ несчастный императоръ, этотъ блѣдный человѣкъ, которому нѣтъ больше мѣста въ его имперїи, перевозится, какъ бесполезная и стѣснительная вещь, вмѣстѣ съ багажемъ своихъ войскъ, осужденный тащить за собою, какъ бы въ насмѣшку, обстановку своего императорскаго дома, своихъ хранителей, свои коляски, своихъ лошадей, своихъ поваровъ, свои фургоны съ серебряною посудой и съ шампанскимъ, всю эту роскошь двора, среди крови и грязи отступления“. Повсюду, гдѣ останавливалась главная квартира, обращали на себя общее вниманіе эти безконечныя императорскія фургоны, загромаждавшіе дорогу и задерживавшіе иногда движеніе войска; особенный интересъ возбуждала императорская кухня, и жители съ любопытствомъ и недоумѣніемъ собирались смотрѣть, какъ повара въ ослѣпительно-бѣлыхъ одѣяніяхъ готовятъ въ громадныхъ кастрюляхъ обѣдъ для императора. Но императоръ почти не обѣдалъ; онъ неподвижно смотрѣлъ на скатерть своими дрожащими, мутными глазами“, казался болѣе уставшимъ, чѣмъ прежде, и когда онъ наконецъ съ громаднымъ усиліемъ бралъ кусокъ или два въ ротъ, въ тотчасъ же отталкивалъ рукою все остальное. Выраженіе мучительнаго страданія дѣлало его блѣдное лицо еще болѣе блѣднымъ“. Ночью, въ освѣщенномъ окнѣ его комнаты, „ясно показывалась отъ времени до времени тѣнь императора, съ мрачнымъ профилемъ“. Приказъ объ отступленіи отмѣненъ, подъ влияніемъ спешки изъ Парижа; армія направляется опять въ другую сторону, въ Маасу. Тѣнь императора двигалась взадъ и впередъ въ крѣпѣ, съ лихорадочною нервною, какъ бы толкаемая безжизненнымъ голосомъ, пришедшимъ изъ столицы. „Императоръ больше не повелѣвалъ, а ожидалъ своей судьбы. Отъ него и отъ маршала Макъ-Магона требовали, чтобы они отдали свою жизнь и жизнь арміи,—и они принесли эту жертву. Это была ночь предательства, ужасная ночь убійства націи; ибо сто тысячъ людей было послано на закланіе. Въ эту ночь не желала ли императрица смерти отца, для того чтобы сынъ царствовалъ? Иди впередъ, не оглядываясь, подъ дождемъ, въ грязи, по пути къ

истребленію, чтобы эта послѣдняя ставка умирающей имперіи была разыграна до послѣдней карты! Иди, иди впередъ! Умри героемъ на горахъ тѣлъ твоего народа, порази весь міръ достойнымъ удивленія поступкомъ, чтобы люди простили твоему потомству! И безъ сомнѣнія, императоръ шелъ на смерть“. Въ дорогѣ, больной императоръ иногда отдыхалъ, „подобно мелкому буржуа, согрѣвающему свои болячки на солнцѣ“; онъ смотрѣлъ по сторонамъ своими мутными глазами, „полными недовѣрія и печали“. Въ Седанѣ можно было опять-таки видѣть въ окнѣ его „блѣдную фигуру, съ искаженнымъ, мертвымъ лицомъ, съ угасшими глазами, съ поблѣвшими усами“; онъ продолжалъ идти „въ ужасной развязкѣ, которую предвидѣлъ и которую самъ же ищетъ теперь. Сколько храбрыхъ людей погибнетъ по его винѣ и какъ потрясено все существо этого сантиментальнаго мечтателя, молчаливаго въ своемъ грустномъ ожиданіи судьбы!“ Въ день рокового сраженія, когда дѣло близилось къ концу, Наполеонъ III показался уже въ разукрашенномъ видѣ, верхомъ, съ намазанными щеками и усами, какъ актеръ; онъ не хотѣлъ предстать предъ арміею въ своей блѣдной маскѣ, искаженной страданіями. Онъ оставилъ свою свиту за прикрытіемъ и „двинулся впередъ, среда пуль и бомбъ, неторопливо, тѣмъ же грустнымъ и спокойнымъ шагомъ, на встрѣчу своей судьбѣ. Безъ сомнѣнія, онъ слышалъ за собою безжалостный голосъ изъ Парижа, толкавшій его впередъ. Лошадь шла медленно; онъ пустилъ ее еще на нѣкоторое разстояніе и остановился, ожидая конца, котораго искалъ. Пули свистѣли, какъ вѣтеръ; разорвалась бомба, осыпавъ его землею. Онъ продолжалъ ожидать. Лошадь дрожала въ инстинктивномъ страхѣ передъ смертью, которая проходила мимо каждую секунду, не задѣвая ни лошади, ни человѣка. Тогда, послѣ этого безконечнаго выжиданія, императоръ, съ своимъ покорнымъ фатализмомъ, понялъ, что судьба его не здѣсь, и спокойно повернулъ обратно, какъ будто онъ имѣлъ только цѣлью узнать точное положеніе нѣмецкихъ батарей“. Ночью онъ мучился въ своей комнатѣ и непрерывно стоналъ отъ боли; днемъ онъ страдалъ еще хуже, принимая генераловъ съ докладами о ходѣ битвы. „Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, отъ печки къ окну, съ разстроеннымъ лицомъ, подергиваемымъ нервными судорогами. Спина еще болѣе согнулась, точно на нее обрушился міръ, а въ мертвыхъ глазахъ, покрытыхъ густыми рѣсницами, выражалась покорность фаталиста, проигравшаго послѣднюю свою партію“. Пущечная пальба приводила его въ содроганіе, напоминая о тысячахъ жертвъ, о потокахъ крови, объ изуродованныхъ трупахъ;

этихъ ужасовъ не выносило „чувствительное, сострадательное сердце мечтателя, добраго человѣка, волнуемаго гуманными мечтами“. Императоръ вспомнилъ, наконецъ, о своей власти; онъ распорядился немедленно вывѣсить бѣлый флагъ надъ крѣпостью, и это былъ „первый, единственный приказъ, отданный имъ въ состраданіи своего сердца“. Онъ волновался и чуть не плакалъ, когда пальба не сразу прекратилась; имъ овладѣла потребность „успокоить немного свое чувствительное сердце и добиться лучшихъ условій для своей несчастной арміи“. Чувствительному, сострадательному императору французовъ противопоставленъ суровый побѣдитель, сухой и черствый король Пруссіи, съ его грубымъ и насмѣшливымъ Бисмаркомъ.

Серьезная французская критика, въ лицѣ академика Вогюэ и Эмиля Фагэ, восторгается этимъ изображеніемъ Наполеона III; но нужно было бы совершенно забыть исторію второй имперіи и вычеркнуть изъ памяти всѣ событія, предшествовавшія войнѣ 1870 года, чтобы приписывать герою Седана тѣ сантиментальныя черты, которыми характеризуетъ его Зола. Два несомнѣнные факта — болѣзнь и безсиліе императора — послужили романсту матеріаломъ для созданія образа, не имѣющаго ничего общаго съ дѣйствительностью. Кто узнаетъ въ этомъ портретѣ честолюбиваго и неразборчиваго въ средствахъ правителя, распоряжавшагося въ Европѣ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ? Похожъ ли этотъ добрый, мягкосердечный мечтатель, терзаемый мыслью о кровопролитіи, на виновника и руководителя цѣлаго ряда ненужныхъ войнъ, на героя избіеній и ссылокъ при государственномъ переворотѣ 2-го декабря, на автора крымской кампаніи, австро-итальянскаго похода и мексиканской экспедиціи? Слабый и безсильный Наполеонъ III старался остановить кровопролитіе подъ Седаномъ не потому, что онъ былъ человѣкъ чувствительный и мягкосердечный, а единственно лишь потому, что это кровопролитіе было пагубно для него и для его династіи, увеличивая съ каждымъ часомъ размѣры и важность прусской побѣды. Больной императоръ принялъ парижскій планъ движенія къ сѣверу не потому, что онъ и маршалъ Макъ-Магонъ рѣшились пожертвовать собою и своими войсками, а подъ влияніемъ положительной надежды на успѣшное соединеніе съ арміею Базена и на возможность окончательнаго торжества, послѣ первыхъ временныхъ неудачъ. Сознательно вести армію на вѣрную гибель для спасенія династіи, въ лицѣ сына, — было бы совершенно бессмысленно, такъ какъ гибель арміи и паденіе императора должны были неизбежно повлечь за собою паденіе династіи и всего импе-

раторскаго режима. Пронравъ послѣднюю битву при Седанѣ, Наполеонъ III могъ естественно желать смерти; но парадный выѣздъ его съ этою цѣлью на поле сраженія, описанный у Зола, едва-ли свидѣтельствовалъ о дѣйствительномъ желаніи умереть отъ непріятельской пули. Еслибы въ самомъ дѣлѣ больной императоръ послалъ на убой сто тысячъ человѣкъ только для того, чтобы дать себѣ случай умереть съ честью, то этотъ поступокъ вовсе не могъ бы вызвать сочувственное удивленіе міра, какъ предположено въ романѣ. На войнѣ не трудно придумать болѣе легкіе способы приличной гибели, и Наполеонъ III не нуждался, конечно, въ седанской катастрофѣ, чтобы совершить геройскій подвигъ, способный будто бы возбудить всеобщія симпатіи. Человѣкъ съ такимъ прошлымъ, успѣвшій на своемъ вѣку причинить столько зла своему собственному народу и разнымъ чужимъ государствамъ, не измѣнилъ бы общаго мнѣнія о себѣ однимъ заключительнымъ поступкомъ, въ сущности зауряднымъ и вполнѣ безразличнымъ для міра, вызваннымъ притомъ мотивами чисто личнаго, эгоистическаго свойства. Странно объяснять лишь упадкомъ его власти и значенія то обстоятельство, что онъ долженъ былъ терпѣть около себя неподходящую роскошь императорской главной квартиры при жалкомъ отступленіи къ Седану; онъ просто вѣрилъ до конца въ возможность благоприятнаго поворота событій и не хотѣлъ преждевременно измѣнять свою обычную обстановку, такъ какъ подобная перемѣна была бы принята за начало прямой официальной ликвидаціи всѣхъ императорскихъ порядковъ. Не одинъ Наполеонъ III, но и его генералы и даже почти все французское общество упорно надѣялись на удачу Базена; эта надежда объясняетъ многое въ поведеніи императора и его приближенныхъ передъ седанскимъ погромомъ. Большой императоръ былъ жалокъ и безсиленъ въ періодъ разстройства и отступленія арміи, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ представляетъ Зола. Онъ былъ жалокъ и безсиленъ только потому, что предпринятая съ легкимъ сердцемъ кампанія не удалась: война, затѣянная съ цѣлью идти на Берлинъ и наказать Пруссію, превратилась въ самомъ началѣ въ страшную грозу для самой Франціи и имперіи, а не для Германіи, которой предназначались задуманные удары. Контрастъ между похвальбами, предшествовавшими войнѣ, и послѣдовавшими неудачами былъ слишкомъ великъ, и въ этомъ рѣзкомъ несоотвѣтствіи между началомъ и концомъ заключалась вся иронія судьбы въ событіяхъ 1870 года. О человеколюбіи и мягкосердеціи не было и рѣчи, пока дѣло шло о нападеніи на Пруссію и на нѣмцевъ; эти воз-

высшие чувства выступают на сцену только съ того момента, когда оружіе, поднятое противъ пруссаковъ, обратилось противъ самихъ же французовъ. Правитель, при которомъ „ружья Шасспю дѣлали чудеса“, всего менѣе могъ быть заподозрѣнъ въ сентиментальной жалости къ людямъ, приписанной ему Зола. Нельзя также считать, что война съ Пруссіею была навязана Наполеону III, что онъ былъ только пассивнымъ игролищемъ судьбы и вступался въ дѣло противъ воли. Только время разрыва и поводъ къ войнѣ можно признать случайными, не зависѣвшими отъ выбора и желанія французскаго императора; но война была заранѣе рѣшена въ принципѣ Наполеономъ III, послѣ неожиданнаго торжества Пруссіи надъ Австріею въ 1866 году и особенно послѣ люксембургскаго дипломатическаго конфликта 1867 года. Война старательно готовилась Франціею и ожидалась всѣми въ Европѣ; ни для кого не было тайною существованіе готоваго уже военнаго плана, выработаннаго маршаломъ Ніелемъ. Если Наполеонъ былъ жертвою, то онъ былъ всецѣло жертвою своихъ собственныхъ начинаній и дѣйствій, своей собственной политической системы, основанной на лицемеріи и фальши, на владычествѣ произвола и насилія въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Попытка Зола „облѣпить“ его и выставить какимъ-то невиннымъ, челоуколюбивымъ мечтателемъ, кажется намъ ужъ чересъ-чуръ смѣлою и оригинальною; но она одобряется нѣкоторыми французскими критиками, что указываетъ уже на извѣстное общественное теченіе, находящееся въ несомнѣнной связи съ общими взглядами французовъ на войну 1870 года.

Причины германскихъ побѣдъ наглядно объяснены въ романѣ превосходствомъ военной организаци, математическою точностію и цѣлесообразностію всѣхъ прусскихъ распоряженій и дѣйствій, твердымъ сознаніемъ долга и суровою дисциплиною въ рядахъ нѣмецкихъ армій; пруссаки Зола неизмѣнно отличаются аккуратностію и разсчитанною стройностію своихъ движеній, тогда какъ у французовъ господствуетъ хаосъ не только въ военныхъ мѣрахъ и обстоятельствахъ, но и въ умахъ и нравахъ войска, въ понятіяхъ и стремленіяхъ дѣйствующихъ лицъ, отъ императора до послѣдняго солдата. Французы, говоря о пруссакахъ, называютъ ихъ не иначе какъ „cochons de Prussiens“, „sales bougres“ и т. п.; нѣмцы ведутъ себя строго, но прилично, а отдѣльные прусскіе офицеры изображаются авторомъ, какъ настоящіе джентльмены, послѣ капитуляціи Седана. Если съ дѣйствіями пруссаковъ сопоставить жестокости и дивія звѣрства, совершаемыя въ борьбѣ версальскихъ войскъ съ парижскою коммуною,

то всякій безпристрастный читатель долженъ сдѣлать выводъ въ пользу нѣмецкихъ побѣдителей, хотя Зола, быть можетъ, и не имѣлъ въ виду придти къ такому заключенію. Истинно-человѣческія чувства, пересиливающія всякую національную вражду, прекрасно освѣщены въ одномъ эпизодѣ, полномъ глубиной и грустной поэзіи. Тяжело раненый баварскій солдатъ доставленъ на французскій перевязочный пунктъ; сестра милосердія съ ужасомъ узнаетъ въ немъ того самаго баварца, который держалъ ее, пока разстрѣливали ея мужа. И онъ тотчасъ узналъ ее, но не могъ ничего сказать: пуля прошла въ затылокъ и оторвала часть языка. Она чувствовала невольную дрожь, приближаясь къ его постели; но онъ слѣдилъ за нею такими умоляющими и мягкими глазами, что черезъ нѣкоторое время она привыкла и даже привязалась къ нему. „Могъ ли онъ быть тѣмъ чудовищемъ, съ обрызганнымъ кровью лицомъ, съ свирѣпыми зрачками, которое врѣзалось ей въ память? Нужно было сдѣлать усиліе, чтобы найти эти черты въ несчастномъ человѣкѣ, столь добродушномъ по виду и столь поворномъ среди тяжелыхъ страданій. Вѣроятно, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Быть можетъ, онъ понималъ нѣсколько французскихъ словъ; онъ отвѣчалъ иногда энергическимъ движеніемъ головы. Однажды онъ заволновался при видѣ муки; это заставляло предположить, что онъ мельникъ. Гдѣ она, эта мельница? Въ какой отдаленной деревушкѣ Баваріи плачутъ въ это время его дѣти и жена? Умретъ ли онъ неизвѣстный, безъ имени, оставивъ своихъ въ вѣчномъ ожиданіи? За каждую услугу онъ горячо благодаритъ, поднося руку къ своимъ губамъ. Онъ умиралъ цѣлыхъ два дня. Въ послѣдніе часы она не отходила отъ него; онъ говорилъ ей что-то своими глазами, полными слезъ; быть можетъ, онъ называлъ ей свое настоящее имя, называлъ отдаленное село, гдѣ ждутъ его жена и дѣти. И онъ скончался, неизвѣстный, посылая ей своими дрожащими пальцами послѣдній поцѣлуй, какъ бы въ благодарность за ея уходъ. Она одна провожала его на кладбище, гдѣ мерзлая земля,—тяжелая иностранная земля,—глухо покрыла его сосновый гробъ, вмѣстѣ съ кусками снѣга“. Въ этомъ эпизодѣ вѣрнѣе отражается истинный характеръ войны, чѣмъ въ томъ видѣніи, которое имѣлъ передъ смертью лейтенантъ Рошѣ. Авторъ и въ суровомъ нѣмецкомъ солдатѣ нашелъ добрую и нѣжную человѣческую душу; въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходится съ виконтомъ де-Вогюэ, который замѣтилъ въ романѣ какую-то противоположность между жесткостью нѣмцевъ и мягкой человѣчностью французской націи.

Философія войны въ романѣ Зола поражаетъ прежде всего

однимъ чрезвычайно важнымъ недостаткомъ: она даже не затрогиваетъ вопроса о внутреннемъ національномъ смыслѣ, мотивахъ и цѣляхъ той кровавой жизненной борьбы, которая вытекаетъ будто бы necessarily изъ законовъ природы. Зола даже не останавливается надъ мыслью о коренной, принципиальной разницѣ въ значеніи войны 1870 года для французовъ и нѣмцевъ. Во имя чего воевали тогда французы? Они боролись не за свои національные интересы, которымъ никто не угрожалъ, а противъ національныхъ интересовъ и стремленій сосѣдней Германіи, чтобы не дать нѣмцамъ достигнуть желаннаго нѣмецкаго единства. Наполеонъ III считалъ себя въ правѣ указывать нѣмецкому народу способы и предѣлы національнаго существованія и развитія, категорически закрывалъ нѣмцамъ путь къ политическому объединенію и сильно ограничивалъ Пруссію въ ея сношеніяхъ съ остальными государствами германскаго союза. По какому праву французы брали на себя роль опекуновъ надъ Германіею и вмѣшивались постоянно въ чужія дѣла? Единственно по праву силы, подъ вліаніемъ прежнихъ побѣдъ, пріучившихъ Францію къ первенству въ Европѣ; но сила не есть право, и эту истину стали чаще всего доказывать сами французскіе публицисты съ тѣхъ поръ какъ перевѣсъ силы оказался на сторонѣ Пруссіи. Къ сожалѣнію, очень рѣдко встрѣчается у французовъ сознаніе, что война 1870 г. была произвольнымъ и несправедливымъ предпріятіемъ второй имперіи, что Франція не должна была братья за оружіе для противодѣйствія естественному росту прусско-нѣмецкой политической жизни. Нѣтъ слѣдовъ этого сознанія и у Зола; война является у него какъ механическое столкновеніе силъ и порядковъ, вызываемое слѣпымъ закономъ природы и не имѣющее другихъ, болѣе точныхъ и опредѣленныхъ причинъ. Если война вообще есть общій законъ, то этимъ еще не доказано, что именно въ 1870 году необходимо было французамъ воевать съ пруссаками, ибо съ такимъ же основаніемъ можно было затѣять войну съ какою-нибудь другою державою или отложить военныя предпріятія до будущаго времени. При разумномъ національномъ управленіи, Франція видѣла бы свой интересъ вовсе не въ томъ, въ чемъ искалъ его Наполеонъ III; иначе пришлось бы признать, что даже явно несправедливыя и безцѣльныя войны должны быть оправдываемы, какъ вытекающія будто бы изъ законовъ природы. Французская кампанія 1870 года не была національною, жизненною борьбою, ибо никакіе существенные интересы страны не были задѣты въ данномъ случаѣ; народъ и армія даже не могли уяснить себѣ, ради чего понадобилась и чѣмъ вызвана эта война

противъ Пруссіи. Для нѣмцевъ же это была борьба вполне національная, направленная въ достиженію завѣтнаго политическаго идеала, которому упорно ставила преграды Франція. Оттого французы, не зная цѣли и смысла войны, дѣйствовали вяло и совершенно разстроились послѣ первыхъ неудачъ; а пруссаки и нѣмцы выступили въ походъ съ горячимъ одушевленіемъ, съ полнымъ пониманіемъ великой національной задачи, выпавшей на ихъ долю; они проникнуты были бодрю, неутомимою энергіею, которая дѣлала чудеса. Причина седанскаго погрома—вовсе не въ болѣзни Наполеона III и не въ однихъ техническихъ недостаткахъ его арміи, какъ думаютъ герои Зола, а въ чемъ-то другомъ, гораздо болѣе важномъ, чего не коснулся французскій романистъ, и что вообще занимаетъ слишкомъ мало мѣста въ обычныхъ французскихъ разсужденіяхъ о войнѣ.

Л. С.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1892 г.

Новое городское положеніе и отзывы о немъ въ печати. — „Постепенное развитіе“ или коренная переи́мѣна? — Главныя различія между окончательнымъ текстомъ новаго закона и первоначальнымъ его проектомъ. — Неудачная аполוגія. — Циркуляръ о способѣ возврата продовольственныхъ ссудъ. — Новыя законодательныя мѣры.

Закономъ 11-го іюня нынѣшняго года завершился циклъ преобразованій, предпринятыхъ въ истекшее десятилѣтіе. Изъ реформъ шестидесятихъ годовъ не осталось теперь ни одной, которая не подверглась бы коренному измѣненію. Законъ 1865 г. о печати въ значительной степени ограниченъ временными правилами 1882 г.; университетскій уставъ 1863 г. уступилъ мѣсто уставу 1884 г.; въ судебные уставы внесено, новеллами 1885, 1887 и 1889 г., многое прямо противоположное ихъ духу; учрежденіемъ земскихъ начальниковъ уничтоженъ почти безъ остатка одинъ изъ важнѣйшихъ судебныхъ институтовъ, созданныхъ предъидущимъ царствованіемъ (мировой судъ), и если не *de jure*, то *de facto* ослаблены нѣкоторыя изъ основныхъ началъ крестьянской реформы; безусловное и сравнительно самостоятельное земство упразднено закономъ 12-го іюня 1890 г., къ которому непосредственно и примыкаетъ новое городское положеніе. Нужно быть неисправимымъ оптимистомъ, чтобы смотрѣть на всѣ эти нововведенія, тѣсно связанныя между собою и составляющія одно органическое цѣлое, какъ на дальнѣйшее осуществленіе идей, обновившихъ, послѣ крымской войны, нашу государственную и общественную жизнь. Два года тому назадъ насъ въ печати увѣряли, что законы 12-го іюля 1889 г. (о земскихъ начальникахъ) и 12 іюня 1890 г. (нынѣ дѣйствующее земское положеніе) „не измѣняютъ коренныхъ и бытовыхъ условий жизни и затрогиваютъ только частности и формальныя стороны преобразованій, вызванныхъ упраздненіемъ крѣпостного права“. Теперь та же самая газета („Новости“, № 190) утвер-

ждаеть, что городское положеніе 11-го іюня „несомнѣнно стоитъ на почвѣ постепеннаго развитія. Старое и существующее не разрушается, а видоизмѣняется, обеспечивая тѣмъ и дальнѣйшій ходъ правильнаго развитія, соотвѣтственно постоянно нарастающимъ новымъ условіямъ и требованіямъ жизни. Можетъ быть, нѣкоторыя видоизмѣненія и сдѣланы подъ вліяніемъ тѣхъ доктринъ, практическая сила которыхъ создана была извѣстными воззрѣніями и энергіей покойнаго графа Д. А. Толстого; но принципъ общественнаго управленія городскимъ хозяйствомъ остался неприкосновеннымъ“. Болѣе ошибочной оцѣнки только-что совершившагося преобразованія нельзя себѣ и представить. На почвѣ „постепеннаго развитія“ реформа остается тогда, когда она не сходитъ съ пути, намѣченнаго при самомъ созданіи учрежденія, вытекаетъ изъ тѣхъ же предпосылокъ, стремится къ тѣмъ же цѣлямъ. Совершенно инымъ является взаимное отношеніе между обоими городскими положеніями, точно такъ же какъ и между обоими земскими положеніями, между обѣими организаціями мѣстнаго суда и управленія. Различны и тамъ, и здѣсь не только подробности, но и руководящія начала. Рѣчь идетъ не объ усовершенствованіи стараго порядка, а о замѣнѣ его другимъ, не объ исправленіи случайныхъ, частныхъ недостатковъ, а о замѣнѣ основъ, признаваемыхъ ошибочными или несоотвѣтствующими общему характеру государственнаго строя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прислушаться къ отзывамъ газетъ, враждебныхъ „эпохѣ великихъ реформъ“. Теперь, какъ и въ 1889, какъ и въ 1890 г., онѣ привѣтствуютъ въ новомъ законѣ именно принципиальный разрывъ съ традиціей недавняго прошлаго. Имъ хотѣлось бы, чтобы этотъ разрывъ былъ еще рѣшительнѣе, еще полнѣе—но и въ настоящемъ его видѣ онъ драгоцѣненъ для нихъ какъ выраженіе торжества *новой* идеи, прямо отрицающей прежнюю. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 195): „законодательство, устроивающее мѣстное управленіе, должно стремиться къ сохраненію *единства* власти, проявляется ли она въ общегосударственномъ управленіи или въ управленіи мѣстномъ. Этотъ принципъ былъ у насъ сильно расшатанъ въ эпоху 1866—70 г., породивъ *двойственность* въ началахъ управленія мѣстнаго и государственнаго и создавъ между ними разнь, столь долго чувствовавшуюся, особенно въ учрежденіяхъ земскихъ, а въ нѣсколько меньшей степени и въ городскихъ“. Устраненіе этой двойственности стало задачей всѣхъ новѣйшихъ преобразованій. „Существеннѣйшее отличіе новаго городского положенія отъ прежняго состоитъ именно въ *отрицаніи идеи самоуправленія*, въ объединеніи городской хозяйственной власти съ властью общегосударственной“. Эта основная тенденція выражается во всемъ—и въ *слу*

жебномъ характерѣ городскихъ управъ, и въ ограниченіи числа избирателей, и въ уничтоженіи разрядовъ, и въ ограниченіи числа гласныхъ думы. „Выборное начало, въ смыслѣ источника власти, совершенно упраздняется въ новомъ городскомъ положеніи. Представительства законодатель не ищетъ и не старается достигнуть. Ставъ городскіе хозяйственные органы на ногу службы, онъ не имѣетъ надобности въ народномъ представительствѣ, какъ не имѣетъ въ немъ надобности для назначенія чиновниковъ любого вѣдомства. Законодатель ищетъ просто компетентныхъ работниковъ, людей хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, и больше ничего“. Таковъ взглядъ московскихъ публицистовъ на значеніе и назначеніе новаго закона — и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что фактически онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ розовыя иллюзіи петербургской газеты. „Постоянное развитіе“, усматриваемое „Новостями“ въ прошедшемъ и настоящемъ, — ожидается „Московскими Вѣдомостями“ только въ будущемъ. Находя, что въ новомъ городскомъ положеніи недостаточно „выдержана“ служебная идея, онъ утѣшаются слѣдующими соображеніями: „въ мѣстномъ управленіи приходится во многомъ еще идти ощупью, и только практика окончателно выяснитъ наилучшія формы, въ какія идея юсударственной службы можетъ облечься въ организаци управленія мѣстными хозяйственными дѣлами. Поэтому въ кажущихся колебаніяхъ законодательной мысли выражаются весьма понятная и разумная осторожность и нежеланіе теоретически предрѣшать то, что безъ ошибки можетъ быть указано лишь практикой. Во всякомъ случаѣ, лишь бы только законодательство не теряло основной мысли устроенія Россіи, т.-е. уничтоженія всякой двойственности въ самыхъ началахъ управленія — а остальное придетъ само собой“. Другими словами, „постепенное развитіе“ началъ, лежащихъ въ основаніи новаго городского положенія, можетъ благополучно привести къ обращенію городскихъ думъ и управъ — въ настоящія „присутственныя мѣста“, дѣятелей городского управленія — въ заправскихъ чиновниковъ. Тогда „выдержанность“ городского устройства достигнетъ надлежащей полноты и въ ликованіяхъ извѣстнаго рода печати не будетъ болѣе слышно той минорной нотки, которая теперь слегка звенитъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. О внутренней цѣнности этого идеала можно быть самыхъ различныхъ мнѣній — но нельзя не признать, что къ соотношенію между нимъ и новымъ городскимъ положеніемъ терминъ: постепенное развитіе — примѣнимъ съ гораздо бѣльшимъ правомъ, чѣмъ къ соотношенію между обоими городскими положеніями, новымъ и прежнимъ. Чтобы характеризовать это послѣднее соотношеніе, мы выбрали бы, изъ двухъ извѣстныхъ

французскихъ терминовъ, не *continuité de développement*, а *solution de continuité*.

Сравненіе новаго городского положенія съ появившимися въ печати свѣденіями о первоначальныхъ его проектахъ ¹⁾ обнаруживаетъ нѣсколько серьезныхъ перемѣнъ, внесенныхъ въ текстъ закона при обсужденіи его государственнымъ совѣтомъ. Исчезли или сгладились, прежде всего, тѣ существенныя различія, которыя предполагалось установить между положеніями городскимъ и земскимъ. Первое изъ этихъ различій касалось способа дѣйствій администраціи въ случаѣ неутвержденія ею избранныхъ должностныхъ лицъ, а также въ случаѣ если выборы на ту или другую должность не состоялись. Земское положеніе требуетъ, при такихъ условіяхъ, производства новыхъ выборовъ и допускаетъ административное назначеніе только тогда, когда выборы опять не состоятся или избранное лицо опять утверждено не будетъ. По отношенію къ городамъ предполагалось, сначала, установить иной порядокъ: на усмотрѣніе администраціи предоставлялось или распорядиться производствомъ новыхъ выборовъ, или тотчасъ же приступить къ назначенію на незамѣщенные должности. Это предположеніе не осуществилось; статья 119-ая новаго городского положенія, относящаяся къ данному вопросу, изложена во всемъ согласно съ соотвѣтствующею (также 119) статьею земскаго положенія. Еще важнѣе другая, аналогичная перемѣна. На основаніи земскаго положенія, постановленія губернскаго земскаго собранія, признаваемые губернаторомъ несоотвѣтствующими общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія, постулають на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, который, если найдетъ нужнымъ, представляетъ объ отмѣнѣ ихъ или измѣненіи государственному совѣту или комитету министровъ, смотря по тому, возникаетъ или не возникаетъ въ данномъ случаѣ вопросъ о возвышеніи земскаго обложенія. Проектъ городского положенія возлагалъ на министра внутреннихъ дѣлъ *окончательное* разрѣшеніе всѣхъ разногласій между губернаторомъ и городскими думами. Статья 88-ая новаго закона устанавливаетъ средній путь, не совпадающій вполнѣ ни съ земскимъ положеніемъ, ни съ проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Если отмѣна или измѣненіе постановленія городской думы влечетъ за собою возвышеніе городского обложенія сравнительно съ опредѣленнымъ думою размѣромъ, то разрѣшеніе спорнаго вопроса предоставляется безусловно государственному совѣту; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ направленіе дѣла обусловливается мѣстомъ нахождения думы, постановившей опротестованное губернаторомъ рѣшеніе.

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ ММ 1—4 „Вѣстн. Европы“ за 1891 г.

Отмѣна или измѣненіе постановленій городскихъ думъ обѣихъ столицъ и городовъ губернскихъ, областныхъ и входящихъ въ составъ градоначальствъ, равно какъ уѣздныхъ городовъ, поименованныхъ въ особомъ росписаніи ¹⁾, зависитъ отъ комитета министровъ, а отмѣна или измѣненіе постановленій двухъ остальныхъ, менѣе значительныхъ городскихъ поселеній—отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Усмотрѣнію министра открытъ, такимъ образомъ, просторъ весьма широкій, но все же не столь безграничный, какъ предполагалось сначала. Если городское положеніе отступило здѣсь отъ принципа, съ полною послѣдовательностью проведеннаго положеніемъ земскимъ, то это объясняется, по всей вѣроятности, многочисленностью городскихъ думъ и отсутствіемъ такого посредствующаго звена между ними и центральной администраціей, каковымъ является, въ области земской, губернское земское собраніе ²⁾. Существовало, очевидно, опасеніе обременить комитетъ министровъ чрезмѣрнымъ количествомъ дѣлъ, болѣею частью маловажныхъ. Намъ кажется, однако, что степень важности спорныхъ вопросовъ далеко не всегда пропорціональна населенности и значительности города, въ которомъ они возникаютъ. Въ губернскомъ городѣ, даже въ столицѣ, разногласіе между администраціей и думой можетъ касаться второстепенныхъ, мелкихъ деталей—и наоборотъ, въ самомъ небольшомъ городѣ оно можетъ имѣть крупное принципиальное значеніе. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о способѣ пользованія городской землею. Въ городахъ, гдѣ много пшанъ-хлѣбонашцевъ, отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса часто зависитъ благосостояніе большинства населенія. Интересъ города, какъ юридическаго лица, сталкивается здѣсь, сплошь и рядомъ, съ интересомъ массы городскихъ обывателей. Первый требуетъ, быть можетъ, раздѣленія городской земли на сравнительно обширные участки и отдачи ихъ въ аренду съ торговъ, по цѣнамъ сравнительно высокимъ; съ послѣднимъ гармонируетъ гораздо большее дробленіе земли на мелкія частицы, наемъ и обработка которыхъ были бы подъ силу каждому домохозяину. Опредѣлить, каковой изъ этихъ двухъ интересовъ долженъ, въ данномъ случаѣ, уступить другому—гораздо труднѣе и гораздо важнѣе, чѣмъ разрѣшить, напри-
кѣрь, споръ между градоначальникомъ и столичной думой относи-

¹⁾ Росписаніе это составляется министромъ внутреннихъ дѣлъ и утверждается Высочайшею властью, по положеніямъ комитета министровъ.

²⁾ На основаніи новаго земскаго положенія, постановленія уѣздныхъ собраній, отпротестованія губернаторомъ по существу, поступаютъ предварительно на разсмотрѣніе губернскаго собранія и представляются министру внутреннихъ дѣлъ въ такомъ только случаѣ, если губернское собраніе согласится съ уѣзднымъ, а губернаторъ останется при прежнемъ мнѣніи.

тельно способа освѣщенія одной изъ столичныхъ улицъ. Не слѣдуетъ, притомъ, упускать изъ виду, что опредѣленіе, состоявшееся по частному вопросу, легко можетъ получить характеръ прецедента, если не юридически, то фактически обязательнаго по всѣмъ дѣламъ того же рода. Установка прецедентовъ — задача коллегіальнаго учрежденія; предоставить ее единоличному усмотрѣнію — значитъ отвести слишкомъ много мѣста элементу измѣнчивости и случайности. Весьма желательно, наконецъ, единство высшаго надзора и руководящаго направленія, едва-ли возможное при раздѣленіи того и другого между комитетомъ министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Одинъ и тотъ же вопросъ можетъ получить, въ одно и то же время, два различныя рѣшенія; изъ двухъ тождественныхъ дѣлъ, одновременно возникшихъ въ двухъ сосѣднихъ городахъ, одно можетъ быть выиграно, другое — проиграно городомъ только потому, что одинъ изъ городовъ — губернской, другой — уѣздной. Много ли будетъ возникать разногласій между губернаторами и городскими думами и часто ли министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ становиться на сторону первыхъ — это, въ настоящее время, трудно предвидѣть; весьма можетъ быть, что большого бремени комитетъ министровъ не почувствовалъ бы и тогда, еслибы ему было предоставлено разрѣшеніе *ескъъ* подобныхъ разногласій. Въ противномъ случаѣ нетрудно было бы найти такой выходъ, который сберегалъ бы силы комитета, не нарушая принципа коллегіальнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ; стоило бы только образовать въ составѣ комитета особыя присутствія, съ небольшимъ числомъ членовъ — въ родѣ департаментовъ государственнаго совѣта ¹⁾, — и возложить на нихъ рассмотрѣніе представленій министра внутреннихъ дѣлъ объ отиѣнѣ или измѣненіи постановленій городскихъ думъ и земскихъ собраній.

Земское положеніе 1890 г. (ст. 5) возлагаетъ на губернатора надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій земскихъ учреждений. Проектъ городского положенія, повторяя это правило по отношенію къ городскому общественному управленію, предоставлялъ губернатору, сверхъ того, *направлять* дѣйствія городского управленія сообразно государственной пользѣ и нуждамъ мѣстнаго населе-

¹⁾ Мы имѣли уже случай замѣтить, по другому поводу (см. Внутр. Обзорѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1891 г.), что учрежденіе такихъ присутствій было бы мѣрой палліативной и что наиболее правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса было бы возложеніе функций комитета министровъ, по скольку идетъ рѣчь объ утвержденіи или отиѣнѣ земскихъ и городскихъ постановленій, на правительствующій сенатъ. Мы держимся этого мнѣнія и теперь; но вѣдь и палліативныя мѣры имѣютъ большую цѣнность, если ими предупреждается уклоненіе отъ принципа, принятаго самимъ законодателемъ.

ніа. Въ текстѣ обнародованнаго теперь закона (ст. 11) такой прибавки нѣтъ: права и обязанности губернатора опредѣлены здѣсь совершенно согласно съ земскимъ положеніемъ. „Надзирать“ и „направлять“ — понятія весьма различны; съ послѣднимъ соединена гораздо ббльшая доля активнаго вмѣшательства, гораздо ббльшая степень давленія, чѣмъ съ первымъ. Городское управление „направляемое“ легко могло бы потерять всякую инициативу, всякую свободу дѣйствій и обратиться въ простого исполнителя начальственныхъ предписаній. Не лишено значенія и то, что въ окончательную редакцію закона включены отсутствовавшія въ проектѣ статьи 7 и 8 прежняго городского положенія (въ новомъ положеніи статьи 9 и 10). Первая изъ нихъ опредѣляетъ, что никакія подати, тягости или службы, сверхъ сборовъ, устанавливаемыхъ подлежащими земскими, городскими или сословными учрежденіями, не могутъ быть налагаемы на городскихъ обывателей иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ; вторая разрѣшаетъ городскому общественному управленію жаловаться прав. сенату какъ на нарушеніе этого правила, такъ и вообще на неправильныя распоряженія правительственныхъ, земскихъ и сословныхъ установленій, причемъ къ числу правительственныхъ установленій отнесены не только губернаторы и градоначальники, но и высшія административныя власти. Другая переимѣна къ лучшему, сравнительно съ земскимъ положеніемъ, касается тѣхъ случаевъ, когда число избранныхъ гласныхъ составляетъ, несмотря на производство дополнительныхъ выборовъ, менѣе двухъ третей числа, требуемаго закономъ. Земское положеніе, при такихъ условіяхъ, предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ *им* продлить полномочія прежняго состава гласныхъ, *им* назначить предсѣдателя и членовъ управы. Такое же точно правило внесено было въ проектъ городского положенія; но въ текстѣ закона (ст. 54) оно замѣнено другимъ, въ силу котораго недостающее число гласныхъ пополняется лицами, состоявшими въ этомъ званіи въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія, во старшинству полученныхъ ими, при выборѣ, избирательныхъ балловъ, а при равенствѣ балловъ — по жребію. Этотъ порядокъ кажется намъ гораздо болѣе правильнымъ, чѣмъ установленный земскимъ положеніемъ. Обновляя, до известной степени, составъ думы и укрѣпляя этимъ самымъ связь ея съ избирателями, онъ охраняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выборное начало и даетъ возможность обойтись безъ административнаго назначенія и безъ перерыва въ дѣятельности думы.

Первоначальный проектъ городского положенія до крайности уменьшалъ и число гласныхъ, и число думскихъ засѣданій. При дѣйствіи городского положенія 1870 г. число гласныхъ колебалось между 30 и 72, восходя въ Москвѣ до ста восьмидесяти, въ Петер-

бургѣ—до двухсотъ пятидесяти двухъ. Проектомъ минимальное число гласныхъ, при ста избирателяхъ, низводилось до пятнадцати; на каждые пятьдесятъ избирателей, свыше ста, должно было прибавляться по три гласныхъ, пока число ихъ не достигло бы: въ столицахъ—ста двадцати, въ губернскихъ и равныхъ имъ городахъ—съ населеніемъ свыше ста тысячъ—шестидесяти, въ прочихъ губернскихъ и болѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ—сорока пяти, въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ—тридцати. Всѣ эти цифры въ текстѣ новаго городского положенія (ст. 56) значительно повышены: вмѣсто 15 — 20, вмѣсто 30 — 40, вмѣсто 45 — 60, вмѣсто 60 — 80, вмѣсто 120 — 160. Что касается до очередныхъ думскихъ собраній, то первоначально предполагалось созывать ихъ только четыре раза въ годъ, предоставляя опредѣленіе ихъ продолжительности на усмотрѣніе губернатора. Теперь этотъ вопросъ разрѣшенъ совершенно иначе. За силою ст. 64 и 65 новаго городского положенія, очередныя собранія думы назначаются не менѣе четырехъ и не болѣе двадцати четырехъ разъ въ годъ. Если слушаніе всѣхъ дѣлъ, поставленныхъ на очередь, не будетъ окончено въ одинъ день, то разсмотрѣніе ихъ продолжается въ послѣдующіе дни (безъ всякаго особаго на то разрѣшенія со стороны губернатора). О неудобствахъ, сопряженныхъ съ малочисленностью собранія и съ слишкомъ рѣдкими засѣданіями, намъ приходилось говорить такъ часто, что мы считаемъ излишнимъ къ нимъ возвращаться; дѣлесообразность перемѣнъ, внесенныхъ по этому предмету въ первоначальный текстъ городского положенія, едва ли требуетъ доказательствъ. Можно только пожалѣть, что эти перемѣны недостаточно рѣшительны, что число гласныхъ все-таки сокращено, число засѣданій все-таки ограничено. Чрезвычайно оригинальную попытку объяснить сокращеніе числа гласныхъ мы встрѣчаемъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, уже упомянутой нами. „Число гласныхъ,—говоритъ реакціонная газета,—должно сообразоваться не съ количествомъ населенія, а съ примѣрною надобностью въ достаточной ознакомленности съ мѣстными дѣлами“. Соразмѣрность между населенностью мѣстности и числомъ представителей—принципъ, болѣе или менѣе соблюдаемый повсюду, гдѣ существуютъ представительныя выборныя учрежденія; ergo—ея не должно быть у насъ, потому что въ Россіи нѣтъ и не должно быть мѣста для *представительства*. Въ избыткѣ усердія московская газета не замѣчаетъ, что новое городское положеніе не отступило отъ начала пропорціональности, а измѣнило лишь самую пропорцію; то же самое слѣдуетъ сказать и о первоначальномъ проектѣ, отъ котораго окончательная редакція закона отличается только *размѣрами*, но не *способомъ* сокращенія. Конечно, гласные предполагаются „достаточно знакомыми

съ мѣстными дѣлами"; но если такихъ свѣдущихъ людей въ большомъ городѣ требуется больше, чѣмъ въ маленькомъ, то это зависитъ именно отъ количества населенія, отражающагося, въ свою очередь, и на числѣ, и на разнообразіи дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію думы.

Устанавливая, какъ общее правило, существованіе въ каждомъ городѣ только одного избирательнаго собранія, проектъ городского положенія допускалъ, въ видѣ исключенія, образованіе особаго избирательнаго собранія изъ лицъ, не принадлежащихъ къ городскимъ состояніямъ, съ присоединеніемъ къ нимъ представителей ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ учреждений. Такое собраніе предполагалось открывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ число избирателей болѣе трехсотъ, и притомъ не менѣе одной пятой между ними—лица негородскихъ состояній. Въ окончательномъ текстѣ городского положенія мы не находимъ ничего подобнаго; введеніе сословнаго элемента въ городское управленіе признано, очевидно, нежелательнымъ или неудобосуществимымъ. Сожалѣть объ этомъ, съ нашей точки зрѣнія, нѣтъ причины. „Между уѣздомъ и городомъ,—говорили мы тогда два тому назадъ, разбирая извѣстные тогда проекты городской реформы,—существуетъ различіе, которое едва-ли можетъ быть упущено изъ виду. Въ уѣздѣ дворянство издавна имѣетъ свои собранія, своего предводителя, своихъ должностныхъ лицъ. Можно быть различныхъ мнѣній о цѣлесообразности преобразования, видѣливаго дворянъ изъ общей массы личныхъ землевладѣльцевъ и предоставившаго имъ перевѣсъ въ земскомъ представительствѣ,—но нельзя отрицать, что для этого преобразования былъ на-лицо нѣкоторый матеріалъ, были внѣшнія точки опоры. Въ городахъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ ни того, ни другого. Дворянъ здѣсь, большею частью, мало, и они ничѣмъ не соединены въ одно цѣлое, не имѣютъ даже тѣхъ общихъ интересовъ, о которыхъ, съ болѣею или меньшею натяжкой, можетъ быть рѣчь по отношенію къ уѣзду. Если сословная организація не удалась даже въ столицахъ, гдѣ для нея, сравнительно, всего больше данныхъ, не удалась даже въ ту эпоху, когда рѣзче и ярче обозначалось различіе между сословіями, то трудно вѣрять въ ея успѣхъ—или хотя бы въ ея возможность—въ настоящее время“. Оставався безсословнымъ, городское самоуправленіе будетъ служить живымъ напоминаніемъ о томъ, что перегородки, устроенныя во всемъ согласно съ IX-мъ томомъ Свода законовъ, не составляютъ необходимаго условія нашей общественной жизни.

Этимъ не исчерпываются еще различія между проектомъ городского положенія и окончательной его редакціей. Проектъ относилъ всѣ инструкціи исполнительнымъ органамъ городского управленія

въ числу тѣхъ думскихъ постановленій, которыя подлежатъ предварительному административному утвержденію; законъ (ст. 78 и 79) требуетъ его только для инструкцій городскимъ управамъ, а также исполнительнымъ комиссіямъ, участвующимъ въ завѣдываніи содержимыми на городскія средства учебными заведеніями. Проектъ разрѣшалъ думѣ учреждать исполнительныя комиссіи лишь въ случаѣ необходимости, признанной мѣстнымъ губернскимъ по земскимъ и городскимъ (или по городскимъ) дѣламъ присутствіемъ; законъ (ст. 103) предоставляетъ учрежденіе исполнительныхъ комиссій усмотрѣнію самой думы. Правда, исполнительныя комиссіи, на основаніи той же статьи, вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей съ *разрѣшенія губернатора*; но такъ какъ утвержденіе администраціи не признается необходимымъ для самаго существованія исполнительной комиссіи, то отказъ въ разрѣшеніи долженъ, какъ намъ кажется, быть мотивированнымъ и допускать обжалованіе со стороны думы. Проектъ устранялъ предсѣдателей исполнительныхъ комиссій отъ участія въ засѣданіяхъ городской управы; законъ (ст. 104) даетъ имъ право голоса въ управѣ при разрѣшеніи тѣхъ дѣлъ, которыя находятся въ завѣдываніи предсѣдательствуемыхъ ими комиссій. По отношенію къ учебнымъ заведеніямъ, содержимымъ на мѣстныя средства, проектъ предоставлялъ завѣдыванію городского общественнаго управленія одни лишь предметы, обнимающіе хозяйственную часть этихъ заведеній; законъ (прим. къ ст. 103) ставитъ вопросъ нѣсколько шире, разрѣшая исполнительнымъ органамъ городского управленія завѣдывать дѣлами вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній *съ предѣломъ указаннымъ для городскихъ обществъ узаконеніями о силѣ заведеній*. О значеніи этого различія можно судить по слѣдующему примѣру. *Избраніе* преподавателей въ начальныхъ училищахъ принадлежитъ, по смыслу положенія 25 мая 1874 г., тому учрежденію (или лицу), которое даетъ средства на содержаніе училища; отъ инспектора зависитъ, затѣмъ, *допущеніе* избраннаго лица къ преподаванію, а отъ училищнаго совѣта—*утвержденіе* его въ должности. При дѣйствіи новаго городского положенія этотъ порядокъ останется неизмѣннымъ, т.-е. *избраніе* преподавателей для содержимыхъ на счетъ города начальныхъ училищъ по прежнему будетъ принадлежать органамъ городского общественнаго управленія (городской управѣ или городской исполнительной по училищнымъ дѣламъ комиссіи),—а по смыслу проекта городъ долженъ былъ потерять это право, потому что избраніе учителя, конечно, не входитъ въ составъ *хозяйственной части* училищнаго дѣла. Предсѣдательство въ думѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не можетъ оставаться въ рукахъ городского головы или члена городской управы, проектъ возлагалъ на лицо, *назначенное* губернато-

ромъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ; законъ (ст. 120) передаетъ его лицу *избранному* думою, *ad hoc*, изъ среды гласныхъ и утвержденному административною властью. Въ случаѣ выбытія члена городской управы въ послѣдній годъ выборнаго срока и неизбѣнія кандидата на эту должность, проектъ устанавливалъ замѣщеніе ея по опредѣленію отъ правительства; законъ (ст. 125) требуетъ производства новыхъ выборовъ и допускаетъ назначеніе на вакантную должность только въ такомъ случаѣ, если выборы не состоятся или выбранное лицо не будетъ утверждено администраціею. Проектъ не опредѣлялъ срока, въ продолженіе котораго ходатайство думы должно быть представлено губернаторомъ на усмотрѣніе высшаго правительства; законъ (ст. 102) назначаетъ для этого мѣсячный срокъ. Разногласія между губернаторомъ и городской управой проектъ направлялъ непосредственно на разрѣшеніе губернскаго присутствія; законъ (ст. 101) требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ думою. Упрощенное общественное управленіе проектъ предполагалъ ввести во всѣхъ городахъ, гдѣ меньше ста избирателей ¹⁾; законъ (ст. 22) допускаетъ введеніе его только въ тѣхъ городахъ, гдѣ примѣненіе городского положенія въ полномъ его объемѣ будетъ признано невозможнымъ по недостаточности городскихъ средствъ, свойству занятій населенія и степени развитія торговли и промысловъ. Такимъ городамъ (къ числу которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ принадлежать города губернскіе) составляется особое росписаніе, утверждаемое и измѣняемое Высочайшею властью, по положеніямъ комитета министровъ.

Устраняя евреевъ, впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ законеній, отъ занятія должностей по городскому общественному управленію и отъ участія въ городскихъ выборахъ, новый законъ допускаетъ ихъ въ число гласныхъ, но не по выбору, а по назначенію. Въ каждомъ городскомъ поселеніи тѣхъ губерній, гдѣ евреямъ дозволено постоянное жительство, ведется особый списокъ евреевъ, которые, на основаніи городского положенія, могли бы быть избираемы въ гласные. Изъ числа лицъ, внесенныхъ въ этотъ списокъ, избираются мѣстнымъ по земскимъ и городскимъ присутствіемъ городскіе гласные, въ числѣ, опредѣляемомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не свыше одной десятой части общаго состава думы. Въ этомъ отношеніи вся разница между окончательнымъ текстомъ закона и первоначальнымъ его проектомъ ограничивается тѣмъ, что въ проектѣ назначеніе гласныхъ изъ числа евреевъ возлагалось не на губер-

¹⁾ Число такихъ городовъ, вслѣдствіе ограниченія избирательнаго права, будетъ, при дѣйствіи новаго городского положенія, весьма значительно; есть основаніе думать, что въ этой категоріи окажутся даже нѣкоторые губернскіе города.

ское присутствіе, а на губернатора. Конечно, назначеніе коллегіей представляетъ, въ данномъ случаѣ, нѣсколько менѣе неудобствъ, чѣмъ назначеніе единоличною властью; но мы продолжаемъ думать, что общему смыслу городского положенія гораздо больше соотвѣтствовалъ бы выборъ гласныхъ-евреевъ, въ опредѣленномъ числѣ, особымъ еврейскимъ избирательнымъ собраніемъ. Назначенные члены выборнаго учрежденія только тогда не составляютъ явной аномаліи, когда они служатъ представителями назначившей ихъ власти (таковы, напримѣръ, уполномоченные отъ казны, отъ удѣла, отъ духовенства). Гарантіей для интересовъ еврейскаго населенія присутствіе въ думѣ нѣсколькихъ назначенныхъ гласныхъ-евреевъ служить не будетъ; положеніе ихъ относительно другихъ гласныхъ будетъ по меньшей мѣрѣ неловкимъ, а отвѣтственность за ихъ образъ дѣйствій будетъ упадать на учрежденіе, ихъ назначившее.

Соединяя въ одно учрежденіе губернскаго присутствія по дѣламъ городскимъ и по дѣламъ земскимъ ¹⁾, проектъ городского положенія вводилъ въ составъ этого учрежденія городского голову губернскаго города, но исключалъ изъ него члена по выбору губернскаго земскаго собранія. Въ окончательномъ текстѣ закона этотъ вопросъ разрѣшенъ иначе; членъ по выбору губернскаго земскаго собранія остается въ составѣ присутствія, но не принимаетъ участія въ разрѣшеніи городскихъ дѣлъ, а вмѣсто него призывается, въ этихъ случаяхъ, членъ отъ городской думы губернскаго города, избираемый ею изъ числа ея гласныхъ. Такимъ образомъ, при обсужденіи каждаго дѣла въ губернскомъ присутствіи участвуютъ четыре выборныхъ лица: если дѣло принадлежитъ къ числу земскихъ—губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы, городской голова и членъ по выбору губернскаго земскаго собранія; если дѣло принадлежитъ къ числу городскихъ—первые трое и членъ по выбору городской думы губернскаго города. Этотъ порядокъ, безъ сомнѣнія, лучше проектированнаго первоначально, но достоинство его значительно умаляется тѣмъ, что члены по выбору губернскаго земскаго собранія и городской думы губернскаго города подлежатъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Если земское положеніе 1890 г., создавая губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе и вводя въ его составъ члена по выбору губернскаго земскаго собранія, не требовало, по отношенію къ послѣднему, административнаго утвержденія, обязательнаго для всѣхъ остальныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ земскаго управленія, то въ основаніи этого изъятія лежали, безъ сомнѣнія, весьма

¹⁾ Особня губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія учреждаются только для городовъ С.-Петербурга, Одессы, Кронштадта, Николаева, Керчи и Севастополя.

серьезныя соображенія. Губернское по земскимъ, по городскимъ, или по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе — это посредникъ между выборными учрежденіями и администраціей, призванный къ разрѣшенію возникающихъ между ними разногласій. Чрезвычайно важно поэтому, чтобы въ его составѣ было хоть одно лицо, совершенно независимое отъ администраціи и ничѣмъ несвязанное въ защитѣ земскихъ или городскихъ постановленій. Такимъ лицомъ былъ до сихъ поръ членъ по выбору губернскаго земскаго собранія и могъ сдѣлаться членъ по выбору городской думы. Сохранить за первымъ, предоставить второму свободу отъ административнаго утвержденія было бы тѣмъ легче, что ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакихъ исполнительныхъ функцій. Теперь всѣ члены присутствія приведены подъ одинъ уровень, и шансы всесторонняго обсужденія мѣренныхъ ему дѣлъ уменьшены весьма существенно.

Всего меньше окончательная редакція городского положенія расходится съ первоначальнымъ его проектомъ во всемъ томъ, что касается избирательной системы. Проектъ, уничтожая раздѣленіе избирателей на разряды (по суммѣ платимыхъ городскихъ сборовъ), допускалъ раздѣленіе ихъ по территориальнымъ участкамъ и приурочивалъ избирательное право исключительно къ владѣнію, въ чертѣ города, недвижимымъ имуществомъ не ниже опредѣленной цѣнности (отъ 3.000 до 300 рублей, смотря по городу) или къ обладанію торговопромышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки первогильдебскаго свидѣтельства. Законъ (ст. 24) отступилъ отъ этихъ предположеній только въ томъ, что предоставилъ избирательное право, во всѣхъ городахъ, кромѣ столицъ, купцамъ какъ первой, такъ и второй гильдіи. Въ проектѣ вовсе не упоминалось о квартирномъ налогѣ; въ законѣ (ст. 136) повторено почти буквально постановленіе, содержавшееся по этому предмету въ городскомъ положеніи 1870 г. и предоставлявшее городскимъ думамъ ходатайствовать о введеніи сбора съ нанимателей квартиръ и другихъ жилыхъ помѣщеній. Существенной перемѣны къ лучшему возстановленіе этого правила не составляетъ. Въ продолженіе двадцати слишкомъ лѣтъ оно оставалось жертвой буквы — и останется ею, безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока сохранитъ факультативный характеръ. Чѣмъ ограниченнѣе число избирателей, тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы представители ихъ взяли на себя инициативу въ измѣненіи порядка, выгоднаго для небольшой группы. Правда, установленіе квартирнаго сбора не влечетъ за собою, по смыслу закона, немедленнаго распространенія избирательнаго права на квартиронанимателей; но между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная внутренняя связь, и плательщики квартирнаго налога непремѣнно обратились бы, рано или поздно — и скорѣе рано, чѣмъ поздно,

—въ городскихъ избирателей. Вопросъ о привлеченіи ихъ къ участию въ городскомъ управленіи возникъ еще въ 1870 г., одновременно съ издавіемъ городского положенія; министру внутреннихъ дѣлъ поручено было уже тогда войти съ представленіемъ по этому предмету. Пересмотръ городского положенія былъ самымъ удобнымъ моментомъ для осуществленія давно назрѣвшей реформы. За установленіе квартирнаго налога и за признаніе его, начиная съ извѣстной нормы, источникомъ избирательнаго права, высказывались въ послѣднее время не только многіе органы печати, но и многіе начальники губерній; нѣкоторые губернаторы признавали избирательное право квартиронанимателей настолько желательнымъ и важнымъ, что находили возможнымъ установить его даже независимо отъ уплаты каковаго бы то ни было квартирнаго сбора. И дѣйствительно, если городское положеніе 1870 г. не принесло всѣхъ плодовъ, которые отъ него ожидались, то это зависѣло, больше всего и прежде всего, отъ неправильнаго распредѣленія избирательнаго права. Всестороннему развитію этого тезиса мы посвятили въ свое время нѣсколько обзорѣній¹⁾; на основаніи свѣденій, собранныхъ сенаторскими ревизіями 1880—81 г., и многихъ другихъ фактическихъ данныхъ, мы пришли къ заключенію, что главный источникъ зла — сосредоточеніе городского управленія въ рукахъ небольшого меньшинства, недостаточно интеллигентнаго и оставляющаго въ сторонѣ массу городскихъ жителей. Такимъ меньшинствомъ, только еще болѣе малочисленнымъ, городскіе избиратели будутъ и при дѣйствіи новаго городского положенія. Устраненіе изъ числа избирателей мелкихъ торговцевъ и приказчиковъ требовало противовѣса, который могъ быть найденъ только въ квартиронанимателяхъ. Теперь центръ тяжести городского управленія остается въ тѣхъ же классахъ населенія, въ средѣ которыхъ его удерживала трехразрядная избирательная система. Домовладѣльцы и до сихъ поръ составляли, во многихъ городахъ, главную массу избирателей (въ кievской губерніи, напримѣръ, — по свѣденіямъ 1880 г. — около 91%, въ черниговской — около 87%); какъ они пользовались своимъ господствующимъ положеніемъ — это слишкомъ хорошо извѣстно. Мелкіе торговцы, лишеныя, въ этомъ качествѣ, избирательнаго права, сохранять его, болѣею частью, какъ домовладѣльцы. Что касается до чиновниковъ, учителей, врачей и другихъ лицъ, болѣе или менѣе образованныхъ, то они сравнительно рѣдко обзаводятся домами, особенно въ небольшихъ городахъ, гдѣ они поселяются, болѣею частью, только на время. Недоступной, такимъ обра-

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣнія въ №№ 10, 11 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1890 г. №№ 1, 2, 3 и 4 за 1891 г.

жизнь, общественная дѣятельность по прежнему будетъ именно для тѣхъ, кто въ ней особенно расположенъ, способенъ и подготовленъ; главную роль въ городскомъ управленіи по прежнему будутъ играть элементы, наиболѣе благопріятствующіе застою и рутинѣ. Напрасно было бы думать, что недостатокъ энергіи и инициативы въ самой городской думѣ и ея исполнительныхъ органахъ будетъ восполненъ усилившимся вліяніемъ администраціи. Замѣнять собою городское управление, распорядиться вмѣсто него или хотя бы только руководить его дѣйствіями административная власть, и по смыслу новаго закона, должна и можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ; при нормальныхъ условіяхъ ея задача сводится къ наблюденію и контролю, т.-е. предполагаетъ въ городскомъ управленіи свойства прямо противоположныя апатіи и вялости. Мы вполне убѣждены, что никакихъ „увлеченій“ со стороны городскихъ думъ распространіе избирательнаго права на квартиронанимателей за собою не повлекло бы; но еслибы они, паче чаянія, гдѣ-нибудь и проявились, то администраціей, конечно, были бы пущены въ ходъ всѣ задерживающія и умѣряющія средства, которыми она въ такомъ изобиліи надѣлена новымъ городowymъ положеніемъ.

Чѣмъ малочисленнѣе избиратели, тѣмъ важнѣе предоставить имъ возможно большую свободу избранія. При дѣйствіи прежняго городского положенія избиратели одного разряда имѣли право избирать въ гласные избирателей другого разряда и это право несомнѣнно уменьшало неудобство избирательной системы. Благодаря ему, избиратели высшихъ разрядовъ могли открыть доступъ въ думу людямъ способнымъ и энергичнымъ, какъ бы мала ни была цифра платимыхъ ими сборовъ; избиратели низшаго разряда могли остановить свой выборъ на тѣхъ крупныхъ плательщикахъ, для которыхъ интересы массы были дороже интересовъ небольшого меньшинства и которые именно потому не пользовались сочувствіемъ въ средѣ высшихъ разрядовъ. Новое городское положеніе уничтожаетъ разряды (о чемъ, конечно, сожалѣть нѣтъ причины), но вводитъ дѣленіе избирателей по территориальнымъ участкамъ. При этомъ дѣленіи предоставленіе пассивнаго избирательнаго права (т.-е. права быть выбраннымъ) исключительно избирателямъ даннаго участка не имѣетъ даже и тѣхъ *raisons d'être*, которыя можно было бы привести по отношенію къ избирательнымъ разрядамъ. Между избирателями высшаго и низшаго разрядовъ меньше общаго, чѣмъ между избирателями двухъ сосѣднихъ или даже не-сосѣднихъ участковъ; они чаще принадлежатъ къ различнымъ общественнымъ сферамъ, чаще имѣютъ различныя или даже противоположныя интересы. Есть, конечно, случаи, когда жителямъ одной части города нужно одно, жителямъ другой

части города—другое; но для обезпеченія за каждой частью города возможности проводить въ думѣ свои законныя желанія и требованія вполне достаточно одного факта раздѣленія на территориальныя избирательныя участки, безъ обязательства подавать голосъ непременно за сосѣда. Множество вопросовъ, возникающихъ въ думѣ, вовсе не приурочено, притомъ, къ опредѣленной мѣстности; при обсужденіи такихъ вопросовъ подчеркиванье такъ называемыхъ „интересовъ колокольни“ (*intérêts de clocher*) представляется ненужнымъ или даже невозможнымъ. Укажемъ, для примѣра, хотя бы способъ эксплуатаціи городской земли; неодинаковымъ можетъ быть отношеніе къ нему различныхъ классовъ городского населенія, но не различныхъ городскихъ участковъ. Столь же мало или еще меньше *местнаго* въ вопросахъ о дешевомъ городскомъ кредитѣ, объ устройствѣ санитарной и медицинской части, о начальныхъ городскихъ училищахъ и многихъ другихъ. Мы едва-ли ошибемся, наконецъ, если скажемъ, что самый принципъ территориальнаго дѣленія введенъ въ новое городское положеніе вовсе не въ виду различія интересовъ, свойственныхъ разнымъ частямъ города, а исключительно въ виду практическихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ слишкомъ многочисленными избирательными собраніями. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что ст. 43 новаго закона разрѣшаетъ избирать въ гласныя, если выборы производятся по участкамъ, только лицъ, имѣющихъ право голоса въ данномъ участкѣ. Чѣмъ шире кто-либо смотритъ на призваніе гласнаго, чѣмъ больше считаетъ себя обязаннымъ дѣйствовать на пользу цѣлаго, а не той или другой отдѣльной группы, тѣмъ меньше шансы избранія его именно этою группою, въ особенности если она уже имѣла случай убѣдиться въ его безпристрастіи, въ его независимости отъ кружковыхъ вліяній. Между городскими общественными дѣятелями всегда немало такихъ, которые извѣстны съ хорошей стороны не одному только своему кварталу. Ограниченіе избираемости, затрудняя для нихъ доступъ въ гласныя, лишитъ городскую думу многихъ полезныхъ членовъ. Представимъ себѣ, на примѣръ, что въ городскомъ участкѣ, на долю котораго выпадаетъ выборъ четырехъ гласныхъ, числятся избирателями шесть человѣкъ, заслужившихъ, своею прежнею дѣятельностью, общее довѣріе и расположеніе. Двумъ изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, доступъ въ думу окажется, при дѣйствіи новаго городского положенія, безусловно закрытымъ, между тѣмъ какъ при большей свободѣ избранія они почти навѣрное были бы выбраны въ другомъ городскомъ участкѣ. Избытку въ одномъ участкѣ подходящихъ кандидатовъ можетъ соответствовать недостатокъ ихъ въ другомъ—и здѣсь девизомъ выборовъ можетъ сдѣлаться вовсе не желательная формула: *à défaut de mieux*.

Безъ того уже до крайности ограниченное число лицъ, могущихъ сослужить городскому управленію дѣйствительно полезную службу, становится, въ силу ст. 43, еще болѣе незначительнымъ.

При дѣйствіи новаго городского положенія (ст. 56 и 90) городской голова по прежнему будетъ соединять въ своемъ лицѣ обязанности предсѣдателя городской думы съ обязанностями предсѣдателя городской управы. Неудобства, сопряженные съ такимъ совмѣстительствомъ, слишкомъ хорошо извѣстны; за устраненіе ихъ высказались многіе губернаторы, и оно нисколько не противорѣчило бы основнымъ задачамъ новаго закона. Мы затрудняемся понять, почему оно не состоялось. Едва-ли основательно объясненіе этого факта, встрѣченное нами въ одной изъ петербургскихъ газетъ („Новости“, № 198, фельетонъ). „Еслибы обязанности городского головы, — читаемъ мы здѣсь, — заключались только въ руководительство двумя засѣданіями думы въ мѣсяцъ, то служебный трудъ головы былъ бы совершенно ничтоженъ. Онъ долженъ былъ бы сидѣть сложа руки, но получалъ бы, разумѣется, положенное ему содержаніе, а городскіе бюджеты пришлось бы отягчить введеніемъ въ штатъ городского управленія олада предсѣдателя городской управы“. Въ томъ-то и дѣло, „что это вовсе не „разумѣется“. Званіе предсѣдателя городской думы — именно потому, что оно не требовало бы усиленныхъ и постоянныхъ заботъ — могло бы имѣть чисто почетный характеръ. Вездѣ, безъ сомнѣнія, нашлись бы люди, которые согласились бы безвозмездно исполнять обязанности, сопряженные съ этимъ званіемъ. Городскимъ головой, получающимъ содержаніе, остался бы предсѣдатель городской управы. Такой порядокъ имѣлъ бы еще и ту хорошую сторону, что предсѣдатель городской думы, не будучи чиновникомъ, могъ бы не подлежать дисциплинарной ответственности передъ административной властью.

Мы только-что упомянули о фельетонѣ, посвященномъ разбору новаго городского положенія. Появись въ газетѣ, которая выставила тезисъ „постепеннаго развитія“, онъ содержитъ въ себѣ дальнѣйшія варіаціи на ту же тему и вмѣстѣ съ тѣмъ апологію постановленій, достоинство которыхъ слѣдовало бы признать по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Въ исполненіи этой задачи замѣтно, прежде всего, недостаточное знакомство съ предметомъ. Новое положеніе, по мнѣнію автора, нисколько расширяетъ предѣлы власти головы; „статья 99-ая предоставляетъ ему останавливать рѣшенія думы, которыя онъ находитъ противными закону, и въ неотлагательныхъ случаяхъ единолично принимать мѣры, подлежащія коллегиальному обсужденію городской управы“. Во-первыхъ, въ 99-й статьѣ идетъ рѣчь о правѣ головы останавливать исполненіе опредѣленій *управы*, а не думы; во-вторыхъ,

какъ это право, такъ и право единоличнаго въ чрезвычайныхъ случаяхъ распоряженія, принадлежали головѣ и при дѣйствіи городского положенія 1870 г. (ст. 77 и 78), и новымъ закономъ, слѣдовательно, вовсе не расширена власть городского головы. Въ другомъ мѣстѣ фельетона мы читаемъ: „новое городское положеніе, въ одномъ отношеніи нѣсколько расширяетъ права думъ. Оно разрѣшаетъ имъ восполнять составъ своихъ исполнительныхъ учреждений внѣшними силами, лицами и несостоящими городскими гласными. Прежде городской голова, члены городской управы и разныхъ исполнительныхъ думскихъ комиссій непремѣнно избирались изъ числа гласныхъ“. Радуюсь *нововведенію*, облегчающему „привлечь въ нѣдра городскихъ учреждений интеллигентныхъ, свѣжихъ и безворыстныхъ силъ“, авторъ находитъ, что оно „разрѣшаетъ косвеннымъ образомъ давнымъ-давно поднятый въ печати вопросъ объ участіи мѣстной интеллигенціи, не принадлежащей къ составу городскихъ думъ въ дѣлахъ и заботахъ по городскому хозяйству“. И здѣсь, во-первыхъ, нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, никакого *нововведенія*. Выборъ городского головы и членовъ городской управы не изъ числа гласныхъ былъ прямо дозволенъ ст. 86-ю городского положенія 1870 г.¹⁾; по смыслу ст. 73, столь же возможенъ былъ и выборъ не-гласныхъ въ члены исполнительныхъ комиссій. Во-вторыхъ, выборъ должностныхъ лицъ не изъ числа гласныхъ обусловленъ въ новомъ городскомъ положеніи (ст. 116), какъ и въ прежнемъ (ст. 86), принадлежностью къ числу избирателей, что, конечно, весьма затрудняетъ „привлечь свѣжихъ интеллигентныхъ силъ“. Если интеллигентныхъ людей мало между избирателями, мало между гласными, то ихъ не можетъ быть много и между выборными членами городскихъ исполнительныхъ учреждений. Вопросъ объ участіи мѣстной интеллигенціи въ дѣлахъ городского управленія не разрѣшенъ, слѣдовательно, новымъ городскимъ положеніемъ ни прямо, ни косвенно; участіе это по прежнему остается „благимъ пожеланіемъ“, осуществленіе котораго въ настоящее время менѣе вѣроятно, чѣмъ когда бы то ни было.

Посмотримъ теперь, что и почему хвалитъ авторъ фельетона, столь хорошо изучившій оба городскихъ положенія — прежнее и новое. Ему нравится, прежде всего, уменьшеніе численнаго состава городскихъ думъ. „Почти въ каждой думѣ, — говоритъ онъ, — былъ контингентъ систематически и постоянно отсутствовавшихъ гласныхъ. Ихъ бравировующій абсентизмъ вносилъ въ дѣло извѣстную распушенность и ослаблялъ энергію добросовѣстно работающихъ представителей. Нынѣшнее сокращеніе гласныхъ имѣетъ въ виду выкинуть

¹⁾ Не принадлежалъ, напримѣръ, къ числу гласныхъ, въ моментъ избранія своего московскимъ городскимъ головою, В. Н. Чичеринъ.

за борть думскіе пустоцѣвты. Предполагается, что городское население, ставя въ свою думу меньшее число гласныхъ, будетъ относиться къ избранію ихъ болѣе внимательно и строго. Упраздненіе и распущеніе по домамъ цѣлаго полка номинальныхъ городскихъ гласныхъ ни въ комъ печали вызвать не можетъ“. Не думаемъ, чтобы авторъ правильно понялъ причины сокращенія числа гласныхъ. Главнѣе изъ нихъ было, по всей вѣроятности, сокращеніе числа избирателей; затѣмъ игралъ, быть можетъ, нѣкоторую роль и мотивъ, указанный „Московскими Вѣдомостями“, стремленіе замѣнить идею „представительства“ идеей „государственной службы“, — а противъ абсентеизма гласныхъ законодателемъ приняты особыя мѣры, которыхъ намъ еще придется коснуться. Гарантію „внимательнаго и строгаго“ отношенія избирателей къ выбору гласныхъ слѣдуетъ искать не въ малочисленности послѣднихъ, а въ составѣ избирателей и въ значеніи самой думы. Чѣмъ больше между избирателями людей, понимающихъ свои обязанности, чѣмъ серьезнѣе и самостоятельнѣе роль, предстоящая гласнымъ, тѣмъ выше шансы удачнаго избранія — и наоборотъ. Конечно, при слишкомъ большомъ числѣ лицъ, подлежащихъ избранію въ одной и той же избирательной коллегіи, сознательное отношеніе къ каждому изъ нихъ можетъ сдѣлаться затруднительнымъ для избирателей; но противъ *такою* затрудненія существуетъ другое средство, гораздо вѣрнѣе ведущее къ цѣли, чѣмъ уменьшеніе общаго числа гласныхъ. Это средство — раздѣленіе городской территоріи на избирательные участки, допущенное, какъ мы уже знаемъ, новымъ городскимъ положеніемъ... Нѣтъ никакихъ оснований предполагать, что исчезнуть изъ среды городскихъ думъ, вслѣдствіе сокращенія числа гласныхъ, именно и только думскіе „пустоцѣвты“, трутни и „безсловесники“; столь же легко можетъ случиться, что сойдутъ со сцены наиболѣе полезныя и способныя городскіе дѣятели. Не говоримъ уже о неудобствахъ черезъ-чуръ малочисленныхъ собраній — неудобствахъ, вовсе не принятыхъ въ расчетъ хвалителей реформы.

Полнымъ сочувствіемъ автора пользуется, далѣе, уменьшеніе числа думскихъ засѣданій. „Прежняя практика, — восклицаетъ онъ, — предпочитала засѣданія частыя и коротенькія. Гласные сходились въ думу на часокъ по два и даже по три раза въ недѣлю... Невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ три или четыре вечера въ недѣлю проводилъ въ думской копилкѣ“. Не знаемъ, откуда авторъ заимствовалъ эти свѣденія о прежней думской практикѣ. Едва-ли дума собиралась гдѣ-либо такъ часто, какъ въ Петербургѣ — а между тѣмъ въ послѣдніе годы засѣданія ея назначались болѣею частью разъ въ недѣлю, да и прежде (за исключеніемъ экстренныхъ слу-

чаевъ) не происходили чаще двухъ разъ въ недѣлю. Три или четыре засѣданія въ недѣлю, какъ нѣчто постоянное—явленіе едва ли гдѣ-либо встрѣчавшееся. Изъ данныхъ, собранныхъ сенаторскими ревизіями 1880—81 г., видно, что думы въ провинціальныхъ городахъ собирались, вообще, довольно рѣдко. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ одинъ изъ годовъ, предшествовавшихъ ревизіи, дума имѣла 23 засѣданія, въ Бобровѣ (воронежской губерніи)—18, въ Хвалыискѣ (саратовской губерніи) — 16. Въ кievской губерніи думы уѣздныхъ городовъ собирались, среднимъ числомъ, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; въ черниговской губерніи число думскихъ засѣданій падало иногда до трехъ-четырехъ *въ продолженіе года*. Тѣ же данныя показываютъ, что неаккуратность гласныхъ отнюдь не состоитъ въ прямомъ отношеніи къ числу думскихъ засѣданій; въ черниговской губерніи, напримѣръ, послѣднихъ назначалось очень мало—и все-таки они нерѣдко признавались несостоявшимися за неавкой достаточнаго числа гласныхъ. „Твердое установленіе закономъ числа думскихъ засѣданій,—продолжаетъ авторъ,—повлечетъ за собою, вѣроятно, желательную перемѣну въ характерѣ думскихъ преній. Такъ какъ нельзя будетъ *процумивать* засѣданій, въ надеждѣ собраться *какъ-нибудь въ другой разокъ*, то придется по необходимости сокращать, прерывать и устранять неисправимую болтовню, праздные споры, личныя препирательства“. Здѣсь автора опять сбило съ толку недостаточное знакомство съ восхваляемымъ имъ закономъ. Онъ упустилъ изъ виду, что по ст. 65 новаго городского положенія слушаніе внесенныхъ въ перечень дѣлъ, если оно не будетъ окончено въ одинъ день, *продолжается въ послѣдующіе дни*. „Праздной болтовнѣ“ не противопоставлено, слѣдовательно, непреодолимыхъ препятствій. Чтобы положить ей конецъ, нужно не ограниченіе числа думскихъ засѣданій, а поднятіе уровня гласныхъ и возвышеніе авторитета и независимости предсѣдателя. Въ настоящее время городскому головѣ трудно сдерживать многословіе гласныхъ, между прочимъ, именно потому, что оно часто направляется противъ него лично, какъ противъ предсѣдателя городской управы.

„Отличною мѣрою,—по мнѣнію автора разбираемой нами статьи,—слѣдуетъ считать принудительное и обязательное посѣщеніе гласными думскихъ засѣданій“. Мы думаемъ, наоборотъ, что никакихъ полезныхъ послѣдствій штрафы за неавку имѣть не будутъ. Важно не то, чтобы гласный сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; важно то, чтобы онъ пришелъ въ думу добровольно, съ намѣреніемъ отнестись сознательно и добросовѣстно къ каждому обсуждаемому вопросу. Опасеніе денежнаго штрафа можетъ увеличить число гласныхъ, являющихся въ засѣданіе, но не число гласныхъ, принимающихъ къ сердцу городскіи

интересы. Явка въ засѣданіе сводится, въ сущности, къ отмѣткѣ въ спискѣ наличныхъ гласныхъ. Исполнивъ эту формальность, гласный можетъ уѣхать, уйти въ другую комнату, заняться постороннимъ дѣломъ. Отъ его такъ называемаго „присутствія“ дума, во всѣхъ этихъ случаяхъ, выиграетъ одинаково мало. Не трудно, наконецъ, найти отговорку, которою оправдывалась бы и самая неявка въ засѣданіе. Единственныя надежныя гарантіи противъ абсентеизма городскихъ гласныхъ — это правильная избирательная система, самостоятельность городского самоуправления и контроль общественнаго мнѣнія, представляемаго, между прочимъ, независимой мѣстной прессой.

Заканчивая обзоръ новаго городского положенія и вызванныхъ имъ отзывомъ печати, намъ остается только напомнить, что въ отношеніяхъ своихъ къ администраціи городскія думы и исполнительные ея органы уравнины съ земскими собраніями и управами. Значеніе этой перемены было подробно рассмотрѣно нами въ свое время, когда она совершалась въ земской сферѣ и готовилась въ городской; теперь намъ достаточно сослаться на длинный рядъ нашихъ прежнихъ обзорѣнъ, посвященныхъ вопросамъ земскаго и городского самоуправления.

Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ иногда привести слишкомъ усердное внимательство администраціи въ дѣла земскія или городскія, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій случай. Первая, послѣ введенія въ дѣйствіе новаго земскаго положенія, сессія тверскаго губернскаго собранія была ознаменована многочисленными губернаторскими протестами. Одинъ изъ нихъ былъ направленъ противъ постановленія, которымъ земское собраніе отерло, изъ земскихъ капиталовъ, кредитъ въ 5.000 рублей тверскому отдѣлу московскаго общества сельскаго хозяйства. Въ мотивахъ протеста было указано, что земству не предоставлено право отпускать суммы въ учрежденія ему не подвѣдомственныя и не подлежащія его контролю; но при рѣшеніи протеста на разсмотрѣніе губернскаго присутствія была сдѣлана ссылка на ту статью земскаго положенія (91-ую), которая относится къ постановленіямъ, несогласнымъ съ общегосударственными нуждами или мѣстными интересами. Другими словами, опротестованное постановленіе признавалось, въ одно и то же время, и противозаконнымъ, и нецѣлесообразнымъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы старались доказать въ одной изъ нашихъ „общественныхъ хроникъ“¹⁾, оно не было ни тѣмъ, ни другимъ; съ формальной стороны оно основ-

¹⁾ См. № 4 „Вѣсти. Европа“ за 1892 г.

валось на ст. 2 (п. XI) и 62 (п. 10) новаго положенія, а по существу вполне соответствовало интересамъ населенія, облегчая покупку, по дешевой цѣнѣ, улучшенныхъ сѣмянъ и усовершенствованныхъ орудій. Мы узнаемъ теперь (см. статью г. С. Шарапова въ № 5875 „Новаго Времени“), что сенатъ призналъ протестъ губернатора неосновательнымъ и деньги выданы складу, но слишкомъ поздно: клеверъ, стоявшій въ декабрѣ мѣсяцѣ девять рублей, поднялся съ тѣхъ поръ въ цѣнѣ до одиннадцати рублей за пудъ. Въ какой степени тверской складъ заслуживалъ и заслуживаетъ земской поддержки (которою онъ, до описаннаго нами инцидента, безпрепятственно и пользовался) — это видно изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Шаратовымъ: „тверской складъ тѣмъ и поучителенъ, что здѣсь все новое, раньше на мѣстномъ рынкѣ вовсе не бывшее. Раньше плугами не торговалъ въ Твери никто. Теперь, когда въ первый же годъ складъ продалъ ихъ триста штукъ, спохватились и торговцы, и вотъ передъ каждой желѣзной лавкой выставленъ плугъ. Косы по деревнямъ возили курскіе косники, продавали австрійскій бракъ и брали невозможныя цѣны. Складъ ввелъ отличную и дешевую косу Вилейскаго завода, и она сразу вытѣснила австрійскую и цѣною, и качествомъ. Клеверныя сѣмена прежде можно было имѣть только въ Москвѣ — а въ прошломъ году складъ продалъ ихъ 800 пудовъ по цѣнамъ ниже московскихъ магазиновъ“. Таковы результаты совместной дѣятельности земства и общества сельскаго хозяйства, столь неожиданно прерванной „печальнымъ недоразумѣніемъ“ (выраженіе г. Шаропова) со стороны тверскаго губернатора.

Съ общимъ сочувствіемъ, вполне понятнымъ и законнымъ, наша печать встрѣтила циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 26-го іюля), относящійся къ порядку возвращенія продовольственной ссуды. Особенно важнымъ слѣдуетъ признать допущеніе уплаты натурой, *по расчету пудъ за пудъ выданнаго хлѣба*, т. е. безъ возложенія на пострадавшее населеніе разницы между цѣнами тогдашней и настоящей, значительно меньшей. Отъ отвѣтственности за эту разницу освобождается и земство, такъ какъ за полученный обратно хлѣбъ съ общей суммы лежащаго на земствѣ долга списывается сумма, равная стоимости хлѣба по цѣнѣ, въ какой онъ обошелся земству. Возврату въ нынѣшнемъ году подлежитъ притомъ лишь *номинальная населенію часть* полученной ссуды. До крайности странными, чтобы не сказать больше, представляются комментаріи, вызванные этой административной мѣрой со стороны реакціонной печати. „Въ прошломъ году,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 209),—когда стихійное бѣдствіе, казалось, поставило въ безвыходное положеніе

десятки миллионѣвъ русскаго народа, наши ступѣльные западническіе элементы, по обыкновенію, обратили свои взоры къ разнымъ правовымъ порядкамъ, примѣрамъ передовыхъ странъ западной Европы и т. п. Но еще не успѣла раздаться эта давно надѣвшаяся пѣсня, какъ быстрые и энергическія мѣры правительства, передъ которыми побѣднѣли всѣ *примѣры передовыхъ странъ*, повсемѣстно явились на помощь населеніямъ — и въ результатѣ появилось то, что для сѣпцовъ, не понимающихъ глубокой жизненности русскаго государственнаго строя, должно представляться настоящимъ чудомъ. Россія смѣло можетъ спросить: когда, гдѣ, въ какой странѣ, при какомъ стрѣ такъ быстро, цѣлесообразно, спокойно справились съ такимъ тяжкимъ испытаніемъ? Другого подобнаго примѣра еще не бывало. Но вотъ тяжелое время прошло. Что же дѣлаетъ эта Россія, истощенная, какъ увѣряютъ враги ея, неурожаемъ? Торопится ли правительство поскорѣ воспользоваться счастливымъ урожаемъ, чтобы возратить затраченныя суммы? Нѣтъ; правительство остается прежде всего отеческимъ. Оно прежде всего думаетъ не о своихъ средствахъ, не о безчисленныхъ жертвахъ казны, а о пострадавшихъ отъ неурожая, уже спасенныхъ имъ. Пусть возвращаютъ *почти всю* часть, объявляетъ правительство; пусть возвращаютъ натурой, пудъ за пудъ. Легко понять, на какой огромный убытокъ идетъ казна, покупавшая хлѣбъ дорого и имѣющая получить его теперь при цѣнахъ вдвое болѣе дешевыхъ. Но правительство думаетъ сначала о крестьянахъ, а потомъ уже о казнѣ; оно мирится съ убытками. Въ своемъ желаніи нанести новый ударъ ненавистнымъ „западническимъ элементамъ“, московская газета многое забываетъ и многого не хочетъ видѣть. Она забываетъ, что о необходимости быстроты и энергіи въ борьбѣ съ голодомъ „западники“ (да и не они одни: припомнимъ хотя бы статьи г. Д. Самарина въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“) говорили еще тогда, когда не было признано официально самое существованіе голода. Она забываетъ, что въ западно-европейской исторіи послѣдняго времени не было ни одного примѣра такого широко распространеннаго бѣдствія, какимъ былъ прошлогодній неурожай, почему и самая борьба противъ бѣдствія нигдѣ не могла принять столь громаднхъ размѣровъ. Она не хочетъ видѣть, что урожаи нынѣшняго года вовсе не можетъ быть названъ *счастливымъ*. Урожай озимыхъ хлѣбовъ, по свѣденіямъ „Правительственнаго Вѣстника“, въ четырехъ изъ числа пострадавшихъ въ 1891 г. губерній (рязанской, казанской, саратовской и уфимской) только посредственный, въ трехъ (пензенской, орловской и самарской) — частью посредственный, частью неудовлетворительный, въ трехъ (тульской, курской и воронежской) — неудовлетворительный; урожай яровыхъ хлѣбовъ въ

четырехъ изъ числа вышеупомянутыхъ губерній (рязанской, тамбовской, воронежской и саратовской) посредственный; въ десяти (пермской, тульской, пензенской, орловской, курской, нижегородской, казанской, самарской, симбирской и уфимской)—частью посредственный, частью неудовлетворительный. Не хочеть, далѣе, московская газета даже прочесть какъ слѣдуетъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, въ самомъ началѣ котораго сказано слѣдующее: „требованіе возврата ссудъ по заготовительной стоимости хлѣба легло бы тяжелымъ налогомъ на населеніе, которое, въ случаѣ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, могло бы оказаться въ необходимости, для уплаты стоимости каждаго полученнаго въ ссуду пуда хлѣба, продавать вдвое или втрое большее количество собственнаго хлѣба. Таковыя условія, несомнѣнно, привели бы крестьянское хозяйство къ еще большому оскудѣнію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *причинили бы значительное накопленіе недоимокъ какъ по продовольственному, такъ и по инымъ платежамъ, лежащимъ на крестьянахъ*“. Эти слова показываютъ съ полною ясностью, что въ основаніи правительственной мѣры лежатъ соображенія чисто практическаго свойства—соображенія, продиктованныя не однимъ чувствомъ, а благоразуміемъ и предусмотрительностью. Требовать возврата ссудъ полностью и сразу—значило бы не только рисковать окончательнымъ разореніемъ цѣлыхъ губерній, но и подвергать опасности интересы государственнаго казначейства. Многія изъ губерній, получившихъ продовольственныя ссуды во время прежнихъ неурожаевъ, состоятъ до сихъ поръ въ неоплатномъ долгу передъ продовольственнымъ капиталомъ, именно потому, что съ нихъ взыскивалось все—и не получалось почти ничего. Заранѣе отказываясь отъ взысканія части долга,—иными словами, распредѣляя ее между всѣми плательщиками налоговъ,—государство увеличиваетъ этимъ самымъ шансы возвращенія остальной части, безъ ущерба для другихъ источниковъ государственнаго дохода. Такой образъ дѣйствій заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія, но не даетъ ни малѣйшаго повода къ диамрамъ въ родѣ того, какимъ разразилась черезъ-чуръ усердная московская газета. Мы рекомендовали бы ей вспоминать почаще девизъ графа Аракчеева („безъ лести преданъ“), принадлежащаго, вѣроятно, къ числу излюбленныхъ ею историческихъ дѣятелей.

Въ тѣсной связи съ пережитымъ Россією неурожайнымъ годомъ стоитъ недавно опубликованный законъ, назначающій наказаніе (въ первый разъ—арестъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, въ послѣдующіе разы—заключеніе въ тюрьмѣ до шести мѣсяцевъ) за пріобрѣтеніе у крестьянъ, по несоразмѣрно низкой цѣнѣ, хлѣба на корню, снопами или зерномъ, если при совершеніи сдѣлки скупщикъ

завѣдомо воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ продавца. Подъ этотъ законъ, по буквальному его смыслу, подходятъ только *замымающіеся скупкою хлѣба* у крестьянъ, т.-е. профессиональные скупщики. Въ дѣйствіи его остается покупка наличнаго хлѣба у крестьянъ на базарахъ, ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ, предназначенныхъ для торговли, при условіи немедленной передачи покупщику прибрѣтеннаго имъ хлѣба. Это изъятіе значительно суживаетъ сферу примѣненія новаго закона. Многія изъ числа сдѣлокъ, наиболѣе убыточныхъ для крестьянъ, совершаются именно на базарахъ; пріѣхавъ издалека для продажи хлѣба и опасаясь, больше всего, необходимости везти его обратно непроданнымъ, крестьяне часто готовы сбыть его на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ—и этимъ пользуются скупщики, въ особенности если имъ удалось образовать стачку противъ продавцовъ. Съ другой стороны, наравнѣ съ скупщиками хлѣба заслуживали бы преслѣдованія ростовщики и всѣ остальные эксплуататоры крестьянскаго труда; вмѣсто постановленія, предусматривающаго одинъ лишь частный случай, правильнѣе было бы издать законъ болѣе общій, обнимающій всѣ роды и виды нравственнаго принужденія къ заключенію невыгодной сдѣлки. Какъ велика потребность въ подобномъ законѣ—объ этомъ можно судить, напримеръ, по корреспонденціи изъ Покровской слободы, напечатанной въ „Саратовскомъ Дневникѣ“. Крестьяне, привлеченные туда намѣренно распущеннымъ слухомъ о высокой платѣ за полевые работы, очутились лицомъ къ лицу съ цѣнами несоразмѣрно-низкими, установленными стачкою крупныхъ посѣвщиковъ, и должны были или голодать, или соглашаться на работу при крайне невыгодныхъ условіяхъ. Подходящую цѣну, по словамъ корреспондента, предлагали только нѣмцы, къ которымъ рабочіе и шли толпами.

Другая мѣра, также вызванная недавнимъ опытомъ, это—положеніе комитета министровъ, предоставляющее министру внутреннихъ дѣлъ, въ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, закрывать, по сношенію съ министромъ финансовъ, на опредѣленный срокъ отдѣльныя заведенія для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ. Губернаторамъ, далѣе, дано право—назначать экстренныя засѣданія губернскихъ по питейнымъ дѣламъ присутствій для обсужденія вопросовъ о закрытіи тѣхъ отдѣльныхъ заведеній съ расживочной продажей крѣпкихъ напитковъ, которыя влекутъ за собою разореніе крестьянъ. Окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ предоставлено соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе которыхъ вносятся постановленія губернскихъ присутствій. Нельзя не пожалѣть, что эти мѣры имѣютъ лишь временный характеръ; дѣйствіе ихъ прекращается 1 января 1893 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1892.

Либеральное министерство въ Англіи. — Политическая дѣятельность Гладстона. — Кабинетъ лорда Сольсбери и его значеніе. — Парламентскія пренія и новыя министры. — Болгарскіе „документы“. — Еще о г. Стамбуловѣ.

Главное событіе истекшаго мѣсяца — переходъ правительственной власти въ Англіи изъ рукъ лорда Сольсбери въ руки Гладстона. Новое министерство образовалось официально 15 (3) августа, когда престарѣлый вождь либеральной партіи явился въ Осборнъ, по приглашенію королевы, и совершилъ обычный обрядъ цѣлованія руки по поводу принятія должности перваго лорда казначейства и хранителя печати. Лордъ Сольсбери подалъ въ отставку 12-го числа, послѣ неблагопріятнаго для него голосованія палаты, и отставка была принята королевою „съ сожалѣніемъ“, какъ сказано въ придворной газетѣ.

Гладстонъ въ четвертый разъ стоитъ во главѣ управленія въ Англіи, съ 1868 года, и дѣятельность его, какъ перваго министра, всегда направлена была къ осуществленію широкихъ и благотворныхъ реформъ въ области внутренняго законодательства, экономическаго и общественнаго быта страны. Консервативные министры, какъ лордъ Биконсфильдъ и маркизъ Сольсбери, управляли дѣлами государства съ большимъ блескомъ и авторитетомъ, особенно въ сферѣ внѣшней политики, но не оставляли послѣ себя замѣтныхъ реальныхъ слѣдовъ въ общемъ ходѣ національной жизни, въ условіяхъ народнаго развитія и процвѣтанія. Всѣ прогрессивныя, преобразовательныя мѣры, которыя приводились въ исполненіе консерваторами, были навязаны имъ либералами и принимались лишь подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія или подъ вліяніемъ политической необходимости, въ видахъ удержанія власти въ своихъ рукахъ. Има лорда Биконсфильда пользуется громкою славой и почетомъ; но много ли сдѣлалъ онъ для блага и пользы англійскаго народа и государства? Его политическіе подвиги и успѣхи не создали ничего прочнаго и увеличили лишь отвѣтственность Англіи въ международныхъ ея отношеніяхъ и обязательствахъ. Если въ 1866 году Дизраэли провелъ свой билль объ избирательной реформѣ, то это былъ только ловкій парламентскій шагъ, имѣвшій цѣлью вырвать популярное оружіе изъ рукъ оппозиціи и воспользоваться однимъ изъ важнѣйшихъ

либеральныхъ требованій для выгодъ и интересовъ торійской партіи. Консерваторы очень часто прибѣгали къ этому способу заимствования и усвоенія оппозиціонныхъ проектовъ, когда послѣдніе начинали уже склонять общественное мнѣніе на сторону либераловъ. Самостоятельнаго политическаго творчества не могло быть у государственныхъ дѣятелей, выставившихъ на своемъ знамени консервативные принципы, вѣрность традиціямъ, сохраненіе порядковъ и учреждений, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Но англійскіе торіи никогда не были охранителями въ узкомъ смыслѣ этого слова; они не отказывались отъ реформъ, польза которыхъ признавалась всѣми, и сами брали на себя починъ смѣлыхъ нововведеній, когда этого требовали обстоятельства. Замѣчательный примѣръ такого рода представляетъ сэръ Робертъ Пиль, который, будучи главою консервативнаго кабинета, въ началѣ сороковыхъ годовъ, совершилъ самыя крупныя и серьезныя преобразованія, какія сдѣланы были въ Англіи въ текущемъ столѣтіи,—измѣнилъ кореннымъ образомъ старую экономическую политику, уничтожилъ или сильно понизилъ покровительственныя пошлины, отмѣнилъ хлѣбные законы, установилъ свободу торговли, положилъ основу прочной банковской системѣ, ввелъ подоходный налогъ, охранительныя мѣры въ пользу фабричныхъ рабочихъ и др. Либералы и прогрессисты дѣятельно поддерживали сэра Роберта Пила на этомъ реформаторскомъ пути, такъ что онъ могъ не обращать вниманія на расколъ въ своей собственной партіи, на отступничество и протесты значительной части торіевъ. Гладстонъ вышелъ изъ школы сэра Роберта Пила, при которомъ началъ свою политическую карьеру; вмѣстѣ съ Пилемъ онъ былъ консерваторомъ въ тридцатыхъ годахъ, и вмѣстѣ съ Пилемъ онъ постепенно усвоилъ либеральныя идеи по вопросамъ экономической политики и промышленнаго законодательства. Великій ораторскій талантъ выдвинулъ Гладстона на первое мѣсто въ палатѣ общинъ, послѣ смерти Роберта Пила въ 1850 году; Гладстонъ принадлежалъ уже открыто къ либеральному лагерю, къ которому только фактически примыкалъ его учитель, Робертъ Пиль. Нѣмецкія патріотическія газеты, не долюбившія Гладстона за его воззрѣнія по международнымъ вопросамъ, напоминаютъ теперь объ его консервативномъ прошломъ, въ доказательство перемѣчивости и неустойчивости его политическихъ убѣжденій; но можно ли считать признакомъ перемѣчивости то, къ чему сознательно пришелъ Гладстонъ больше сорока лѣтъ тому назадъ, въ періодъ своей полной политической зрѣлости, и чего онъ неизмѣнно держался съ тѣхъ поръ въ своей практической дѣятельности? Если видѣть недостатокъ въ прямомъ отказѣ отъ заблужденій и ошибокъ молодости, то что же сказать о Робертѣ Пилѣ, который,

усвоивъ либеральную программу, сохранялъ, однако, старыя консервативныя связи и не торопился присоединиться къ партіи вигговъ? Робертъ Пиль признается великимъ государственнымъ человѣкомъ именно потому, что онъ не поколебался оттолкнуть отъ себя старыхъ единомышленниковъ и рѣшительно пошелъ на встрѣчу будущему, руководствуясь реальными интересами страны и народа. Пили нисколько не смущали узко-партійные упреки, обвиненія въ скрытой солидарности съ либералами; онъ опирался на либеральное движеніе, руководимое Кобденомъ и Брайтомъ, и примѣнялъ ихъ либеральныя теоріи, послѣ того, какъ убѣдился въ справедливости этого движенія и въ основательности этихъ теорій. Точно также и Гладстонъ сталъ либераломъ-прогрессистомъ путемъ практическаго опыта, независимо отъ какихъ-либо партійныхъ расчетовъ и комбинацій; онъ видѣлъ на дѣлѣ, что консерватизмъ можетъ только охранять существующія привилегіи, традиціонныя неправды и злоупотребленія, но не двигать націю впередъ, по пути улучшенія и совершенствованія. Ему пришлось прежде всего столкнуться съ застарѣлыми недостатками финансоваго хозяйства; строгіе консервативныя принципы предписывали бы по возможности оберегать эти недостатки отъ либеральныхъ вѣяній и толкованій, но здравое пониманіе государственныхъ задачъ не имѣетъ ничего общаго съ подобнымъ безжизненнымъ, мертвящимъ консерватизмомъ. Такой консерватизмъ никогда не имѣлъ почвы въ общественной и политической жизни Англии. Торійскіе кабинеты лорда Дерби и Дизраэли-Биконсфильда не были консервативны въ этомъ узкомъ смыслѣ; они возставали только противъ тѣхъ законодательныхъ перемѣнъ и нововведеній, которыми затрогивались, по ихъ мнѣнію, самыя основы политическаго и общественнаго строя. Министерство лорда Сольсбери не могло быть вполне консервативнымъ уже въ силу того, что оно поддерживалось значительною группою либераловъ, отдѣлившись отъ Гладстона изъ-за ирландскаго вопроса. Правительственное большинство называлось поэтому „унионистскимъ“, и уже это названіе указывало на отсутствіе самостоятельной программы и на неизбежную безпѣвность кабинета. Унионисты—приверженцы прежняго правительственнаго единенія съ Ирландіею, враги ирландской автономіи, защищаемой Гладстономъ. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, съ 1886 года, министерство лорда Сольсбери держалось на почвѣ этой отрицательной идеи — противодѣйствія ирландскому проекту, предложенному вождемъ оппозиціи. Правительство серьезно признавало своимъ девизомъ простое отрицаніе одного изъ существенныхъ пунктовъ программы Гладстона; подъ этимъ знаменемъ объединялись разрозненныя парламентскія группы консерваторовъ стараго закала, умѣренныхъ либераловъ, въ родѣ

Гошена и маркиза Гартингтона (нынѣ герцога Девоншайрскаго), радикальныхъ торіевъ, въ духѣ лорда Рандольфа Чѣрчилля, и прогрессистовъ, предводимыхъ Чамберленомъ. Но проектъ Гладстона былъ устраненъ и не могъ быть пущенъ въ ходъ уже въ силу самаго существованія уніонистскаго министерства; не было поэтому никакого положительнаго матеріала для охранительной дѣятельности, ибо билль объ ирландскомъ самоуправленіи не существовалъ съ 1886 года, а нельзя противодѣйствовать тому, чего нѣтъ. Смѣшанный кабинетъ лорда Сольсбери не довольствовался, конечно, этою бесплодною, пассивною ролью; онъ былъ консервативенъ только по вопросу объ „ушіи“, а въ остальномъ слѣдовалъ въ сущности либеральной программѣ. Нѣкоторыя изъ законодательныхъ мѣръ, проведенныхъ министерствомъ, были одобрены и поддержаны партією Гладстона, какъ, напр., введеніе принципа дароваго школьнаго обученія, законъ о покупкахъ мелкихъ поземельныхъ участковъ въ Ирландіи при содѣйствіи государства и др.

Консервативная англійская печать превозноситъ заслуги павшаго министерства, какъ „лучшаго и способнѣйшаго изъ англійскихъ правительствъ за многіе годы“. „Ни одинъ кабинетъ, находившійся у власти въ продолженіе шестилѣтняго срока, — говоритъ „Times“, — не пользовался въ такой степени успѣхомъ; рѣдко министры дѣйствовали такъ удачно, репутація правительственныхъ дѣятелей рѣдко возростала и упрочивалась такъ быстро, и рѣдко совершалось такъ мало политическихъ ошибокъ“. Но, переходя въ перечисленію того, что сдѣлано и достигнуто министерствомъ, газета невольно ограничиваетъ дѣйствительный смыслъ своихъ общихъ замѣчаній и похвалъ. „Личныя взгляды перваго министра на политику не очень часто излагались передъ странюю, но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда лордъ Сольсбери высказывался подробно, въ палатѣ лордовъ или въ публичномъ собраніи, онъ говорилъ съ вѣсомъ, съ достоинствомъ и съ тою значительностью, которая подобаешь министру великой державы. Онъ имѣлъ, однако, одинъ недостатокъ: онъ съ трудомъ противился соблазну давать выраженіе тому дару эпитграммы, который свойственъ ему отъ природы и выработанъ литературными занятіями, и иногда онъ забываетъ, что качество, вполне умѣстное въ лордѣ Робертѣ Сесилѣ, едва-ли благоразумно въ маркизѣ Сольсбери“. Бывшій премьеръ, по словамъ „Times'a“, оказалъ странѣ наиболѣе блестящія услуги въ сферѣ иностранной политики; онъ способствовалъ сохраненію мира въ Европѣ своими обѣщаніями содѣйствія тройственному союзу, препятствовалъ возбужденію восточнаго вопроса своими дипломатическими усиліями въ Константинополѣ и Петербургѣ, заключилъ выгодныя сдѣлки съ Германією и Францією относительно централь-

ной и восточной Африки. Что касается недостатковъ, обнаруженныхъ въ состояніи арміи и флота, то они объясняются „небрежностью прежнихъ правительствъ и парламентовъ“. Морская оборона потребовала крупныхъ новыхъ расходовъ, при помощи которыхъ удалось возстановить кредитъ адмиралтейства; „но нельзя того же сказать о военномъ вѣдомствѣ, и отвѣтственность за это падаетъ не столько на министра Стэнгопа, сколько на невозможную и безнадежную систему, господствующую въ устройствѣ и администраціи британской арміи въ настоящее время“. Если подвести общій итогъ этимъ указаніямъ газеты, стоявшей всегда и безусловно на сторонѣ министерства, то въ результатъ получится нѣчто весьма блѣдное и неопредѣленное. Чѣмъ была особенно хороша иностранная политика лорда Сольсбери? Своею неизмѣнною пассивностью и сдержанностью—качествами болѣе отрицательными, чѣмъ положительными. Миролюбіе—большое достоинство въ руководящемъ министрѣ могущественной державы; но оно не требуетъ большихъ талантовъ и не составляетъ серьезной заслуги, когда оно и безъ того вытекало изъ общаго положенія дѣлъ въ Европѣ и вовсе не подвергалось серьезнымъ испытаніямъ. Тройственный союзъ былъ достаточно силенъ и безъ помощи Англии; восточный вопросъ никѣмъ не возбуждался, и сохраненіе мирнаго status quo зависѣло больше отъ другихъ государствъ, чѣмъ отъ британской дипломатіи. Безусловныя и не всегда заслуженныя похвалы болгарскимъ правителямъ въ рѣчахъ лорда Сольсбери не вездѣ производили успокоительное дѣйствіе и безъ всякой нужды обостряли антагонизмъ интересовъ и настроеній въ области балканскихъ дѣлъ. Холодная натянутость въ сношеніяхъ съ Франціей, поощреніе вызывающей политики Криспи въ Италіи и преувеличенныя проявленія официальной дружбы къ Германіи также не могли считаться необходимыми или полезными для интересовъ мирнаго развитія народовъ. „Times“ признаетъ нѣкоторые недочеты и пробѣлы во внутреннемъ управленіи,—если оставить въ сторонѣ второстепенные вопросы, поднятые либералами и благополучно разрѣшенные министерствомъ при ихъ содѣйствіи; газета прямо говоритъ о грубыхъ ошибкахъ, увлеченіяхъ и колебаніяхъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Матьюса, напр. во время рабочихъ волненій и беспорядковъ въ Лондонѣ. Газета не упоминаетъ еще о неудавшейся попыткѣ очернить Парнелла посредствомъ подложныхъ документовъ и о неприятомъ для правительства результатѣ судебного процесса, проиграннаго „Times'омъ“. Ни внутренняя, ни внѣшняя политика лорда Сольсбери не представляетъ признаковъ чего-либо оригинальнаго или выдающагося; бывший премьеръ, при всѣхъ несомнѣнныхъ качествахъ государственнаго человѣка, не соединилъ съ своимъ име-

нѣтъ ни одного крупнаго дѣла, ни одного значительнаго успѣха или пріобрѣтенія, ни одной важной реформы. Онъ охранялъ существующее положеніе внутри и вѣхъ страны; но кто изъ заурядныхъ консервативныхъ дѣятелей не охраняетъ существующаго положенія съ ббльшею или меньшею заботливостію? Онъ былъ либералецъ въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, такъ какъ иначе не можетъ поступать и торійскій министръ въ Англіи; но онъ былъ консервативенъ по отсутствію смѣлаго почина, по склонности къ пассивному выжиданію, къ одобренію существующихъ условій въ Европѣ и внутри государства, хотя бы эти условія обнаруживали на дѣлѣ свою несостоятельность или непрочность. И къ то же время, по своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ, онъ можетъ сочувствовать радикальнымъ реформамъ, если только инициативу возьметъ на себя кто-нибудь другой въ его партіи; онъ можетъ дѣйствовать за-одно съ Чамберленомъ и идти даже далѣе Гладстона и Морлея въ удовлетвореніи требованій рабочаго класса, какъ это видно было изъ недавнихъ переговоровъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Консерватизмъ по натурѣ и по наслѣдству характеризуетъ личность лорда Сольсбери, тогда какъ необычайная подвижность, плодовитость и энергія ума, предприимчивость и гибкая сила характера составляютъ отличительныя черты Гладстона.

Министерство лорда Сольсбери не сразу вышло въ отставку послѣ парламентскихъ выборовъ; министры хотѣли еще доставить себѣ удовольствіе послѣдняго ораторскаго турнира съ побѣдителями въ палатѣ общинъ, прежде чѣмъ окончательно сложить оружіе. Незначительное большинство въ пользу Гладстона зависить всецѣло отъ ирландскихъ депутатовъ, и еслибы ирландцы вздумали почему-либо воздержаться отъ голосованія или применить къ консервативной партіи, то либералы очутились бы въ меньшинствѣ. Ссылаясь на это обстоятельство, сторонники кабинета считали себя въ правѣ требовать отъ предводителей оппозиціи отчета въ ихъ намѣреніяхъ и проектахъ относительно Ирландіи, такъ какъ эти проекты и намѣренія могли бы выяснить передъ страню степень прочности союза Гладстона и его партіи съ группою ирландскихъ автономистовъ. Быть можетъ, этотъ союзъ тотчасъ разстроился бы, еслибы сущность либеральныхъ предположеній стала извѣстна ирландцамъ, или еслибы послѣдніе высказали свои истинныя желанія; тогда не составилось бы и большинства въ пользу Гладстона, и кабинетъ лорда Сольсбери могъ бы еще держаться, или же пришлось бы прибѣгнуть къ новымъ выборамъ. Подобныя разсчеты серьезно обсуждались въ печати и въ парламентѣ, хотя никто, конечно, не придавалъ имъ значенія; всякій зналъ заранѣе, что оппозиція не имѣетъ никакой надобности въ предварительныхъ разъясненіяхъ и постарается прежде всего сверг-

нута министерство простымъ голосованіемъ палаты. Но пренія велись весьма оживленно: уніонисты пользовались случаемъ, чтобы прижать противниковъ къ стѣнѣ и высказать имъ разныя горькія истины. Тронная рѣчь королевы, прочитанная въ парламентѣ 8-го августа, не упоминала вовсе о возможной перемѣнѣ кабинета и выразала лишь надежду, что палаты „будутъ по прежнему слѣдовать по пути полезнаго и благотворнаго законодательства, какъ это дѣлалось столь основательно въ предшествующія сессіи“. Въ палатѣ лордовъ, предложенный со стороны большинства, отвѣтный адресъ съ восхваленіемъ заслугъ правительства оставленъ былъ оппозиціею безъ обычной поправки; это очень не понравилось консервативнымъ членамъ палаты, и нѣкоторые изъ нихъ обратились къ либеральнымъ лордамъ Кимберлею, Гершеллю и Спенсеру съ упреками за желаніе уклониться отъ необходимыхъ будто бы объясненій. Лордъ Сольсбери и герцогъ Девоншайрскій также находили, что оппозиціонные лорды должны были бы изложить свою программу по случаю предстоящаго перехода власти въ ихъ руки, такъ какъ парламентъ закроется до зимняго сезона, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ новые министры будутъ имѣть возможность дѣйствовать безконтрольно, напр. по иностранной политикѣ. Лорды Кимберлей и Гершелль весьма резонно отвѣтили въ свою очередь, что они пока еще состоятъ лишь частными членами палаты и не облечены никакими полномочіями, что нельзя обсуждать намѣренія и дѣйствія министерства, которое еще не образовалось. Премьеръ въ своей рѣчи намекнулъ на важную и рѣшающую роль верхней палаты въ вопросахъ, которые будутъ, вѣроятно, разсматриваться въ слѣдующую законодательную сессію; въ этой именно палатѣ будетъ сосредоточенъ весь интересъ борьбы. Другими словами, консервативное большинство палаты лордовъ можетъ отвергнуть ирландскій билль, по принятіи его палатою общинъ, и такимъ образомъ развязка будетъ зависѣть отъ верхней палаты, которая, по мнѣнію лорда Сольсбери, вѣрнѣе представляетъ страну, чѣмъ нижняя. Понятно, что эта оригинальная теорія не встрѣтитъ сочувствія въ палатѣ общинъ, даже среди уніонистскихъ группъ.

Лорды покончили съ преніями объ адресѣ въ одномъ засѣданіи; въ палатѣ общинъ пренія продолжались четыре дня. Въ засѣданіи 8-го августа (н. ст.) одинъ изъ представителей большинства, Асквиль, тотчасъ же поставилъ вопросъ на надлежащую почву, предложивъ прибавить къ адресу слѣдующія слова: „мы считаемъ, однако, долгомъ почтительнѣйше доложить вашему величеству, что для правительства вашего величества необходимо пользоваться довѣріемъ палаты и страны, и что такимъ довѣріемъ не пользуются ваши настоящіе совѣтники“. Асквиль довольно сурово отвесилъ къ кабинету и

его сторонникамъ. „Мы собраны здѣсь,—говорилъ онъ,—для того, чтобы принять участіе въ погребеніи мертвого большинства, ибо нѣтъ сомнѣній, что правительство лишилось довѣрія страны. Другіе вопросы не имѣютъ значенія для ожидаемой развязки. Большинство 1886 года исчезло, и полномочія, данныя тогда правительству, взяты обратно. Поэтому палата должна прежде всего вспомнить и привести въ исполненіе сознательный приговоръ націи“. Эта поправка къ адресу, мотивированная такъ ясно и рѣзко, послужила исходнымъ пунктомъ продолжительныхъ обсужденій. Канцлеръ казначейства Гошенъ сталъ доказывать, что разнородные элементы большинства не даютъ опоры для прочнаго правительства, что избиратели Англіи и Шотландіи высказались противъ ирландской автономіи, что за послѣднюю стоитъ только Ирландія и что несправедливо подчинять британскіе голоса ирландскимъ въ вопросѣ, касающемся одинаково обѣихъ сторонъ. Въ томъ же духѣ, но съ большею ядовитостью, говорилъ Джесси Коллингъ. Ирландскіе представители, Магъ-Карти и Редмондъ, объяснили вкратцѣ свои требованія, причѣмъ Редмондъ, глава небольшой группы вѣрныхъ послѣдователей Парнелля, оказался гораздо радикальнѣе Магъ-Карти. На слѣдующій день произнесъ свою рѣчь Гладстонъ; онъ подробно разобралъ аргументы Гошена и другихъ защитниковъ министерства, рѣшительно устранилъ притязанія на оцѣнку будущихъ дѣйствій несуществующаго еще кабинета, составляющаго пока только „туманную гипотезу“, и въ заключеніе изложилъ въ общихъ чертахъ свои взгляды на необходимую ирландскую реформу. Такъ какъ эта реформа ближе всего интересуетъ Ирландію, то преобладающее участіе ирландцевъ въ составленіи большинства есть не возраженіе, а напротивъ доказательство въ пользу реформы. Ирландцамъ должно быть всецѣло предоставлено завѣдываніе своими собственными дѣлами, съ сохраненіемъ правъ общаго контроля и надѣчества за имперскимъ парламентомъ. „Ирландскій вопросъ есть же для меня въ настоящее время, — замѣтилъ далѣе Гладстонъ, — это — единственное звено, связывающее меня съ общественною жизнью“. Если законъ, пройдя благополучно черезъ палату общинъ, будетъ отвергнутъ лордами, то „обязанность либеральнаго правительства добиться разрѣшенія этого великаго вопроса останется неизмѣнно въ той же силѣ“. Этотъ намекъ на то, что противодѣйствіе палаты лордовъ будетъ сломлено надлежащими мѣрами, служить, очевидно, отпѣтомъ на приведенную выше скрытую угрозу маркиза Сольсбери. Противъ Гладстона выступилъ Бальфуръ, бывшій министръ по дѣламъ Ирландіи; онъ опять повторилъ тѣ же доводы о разнородности большинства, о незаконности ирландскаго движенія и о непрочности союза либераловъ съ автономистами. Пренія затянулись до поздней

ночи и отложены до другого дня. Герою слѣдующаго засѣданія (11-го авг.) былъ Чамберленъ, сказавшій длинную рѣчь все на ту же тему, съ тѣми же соображеніями, съ прибавкою нѣкоторой доли остроумія. Сэръ Джонъ Лѣббокъ, ученый писатель и банкиръ, протестовалъ противъ ирландской автономіи на томъ странномъ основаніи, что несправедливо давать ирландцамъ привилегіи, которыхъ не дадутъ англичанамъ и шотландцамъ,—какъ будто англичане и шотландцы также находятся подъ чужою властью и также нуждаются въ освобожденіи отъ ненавистнаго имъ режима. По мнѣнію сэра Лѣббока, исторія не представляетъ примѣра, чтобы страна добровольно согласилась на сдѣлку въ родѣ той, которую предлагаетъ партія Гладстона; ораторъ могъ бы легко вспомнить хотя бы примѣръ Австріи, давшей добровольно полную автономію венгерцамъ послѣ переговоровъ графа Бейста съ Деакомъ въ 1867 году. Наконецъ, ораторскій турниръ закончился, какъ предвидѣлось всѣми, принятіемъ поправки Асквита 350 голосами противъ 310, т.е. большинствомъ сорока голосовъ, послѣ чего министерскій кризисъ получилъ предусмотрѣнную всѣми заранѣе развязку.

Составъ новаго министерства вполне удовлетворилъ и успокоилъ общественное мнѣніе не только въ Англіи, но и за границею, гдѣ особенно безпокоились по поводу возможной рѣзкой перемѣны въ британской вѣншной политикѣ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ графъ Розбери, извѣстный своими симпатіями къ Германіи и раздѣляющій вообще взгляды лорда Сольсбери на международныя дѣла; министерство внутреннихъ дѣлъ поручено Асквиту, человѣку гораздо болѣе талантливому и свѣдущему, чѣмъ предшественникъ его, Матьюсъ. Новый министръ по дѣламъ Ирландіи—Джонъ Морлей, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Англіи, талантливый писатель и ораторъ; канцлеръ казначейства — сэръ Вильямъ Вернонъ Гарвортъ; министръ колоній—маркизь Рипонъ; министръ по дѣламъ Индіи и лордъ-президентъ совѣта—графъ Камберлей; военный министръ — Кэмпбелль-Бэннерманъ; первый лордъ адмиралтейства—графъ Спенсеръ; президентъ торговаго вѣдомства—Мунделла; президентъ вѣдомства мѣстнаго самоуправленія—Генри Фоулеръ; вице-президентъ совѣта народнаго образованія — Артуръ Акландъ; лордъ-канцлеръ — лордъ Гершелль; канцлеръ герцогства Ланкастерскаго—Джемсъ Брайсъ, извѣстный историкъ, авторъ двухъ выдающихся сочиненій, переведенныхъ и на русскій языкъ. Брайсъ будетъ фактически помощникомъ графа Розбери, который, какъ членъ палаты лордовъ, не можетъ присутствовать въ палатѣ общинъ; официальнымъ товарищемъ этого министра назначенъ сэръ Эдуардъ Грей. Замѣщеніе важнаго поста министра иностранныхъ дѣлъ Англіи на-

болѣе занимало берлинскія и вѣнскія газеты, съ самаго начала кризиса; въ этихъ газетахъ постоянно выставлялась кандидатура лорда Розбери, какъ единственнаго подходящаго и достойнаго преемника маркиза Сольсбери. Первые слухи о разногласіяхъ графа Розбери съ Гладстономъ и о нежеланіи его вступить въ министерство были встрѣчены съ замѣтною тревогою въ государствахъ тройственнаго союза, насколько можно судить по отзывамъ печати; многіе опасались, что въ составъ кабинета попадетъ радикаль Лабушеръ, безусловно сочувствующій французской республикѣ и поддерживающій близкія отношенія съ нѣкоторыми изъ видныхъ ея дѣятелей. Лабушеръ, смѣлительный публицистъ и ораторъ, стоящій во главѣ радикальной парламентской группы, имѣлъ бы всѣ права на министерскій постъ въ либеральномъ министерствѣ, но Гладстонъ затруднился ввести его имя въ списокъ министровъ, для представленія королю, — быть можетъ, въ виду неоднократныхъ рѣзкихъ протестовъ Лабушера противъ дополнительныхъ денежныхъ субсидій членамъ королевской фамилии, какъ догадывается самъ Лабушеръ въ своей газетѣ „Truth“. На основаніи этой догадки Лабушеръ заявляетъ, что нерасположеніе королевы къ его личности не должно было ни въ какомъ случаѣ служить препятствіемъ къ занятію имъ отвѣтственной должности, такъ какъ вмѣшательство короны въ функціи главы кабинета противорѣчило бы установившейся конституціонной практикѣ; впрочемъ, Лабушеръ и не желалъ быть министромъ, предпочитая сохранить независимость публициста.

Новымъ министрамъ и ихъ товарищамъ пришлось подвергнуться переизбранію въ парламентъ, въ силу стараго закона, по которому члены палаты общинъ, принявъ какую-либо государственную службу, лишаются довѣрія своихъ избирателей и утрачиваютъ свои мѣста въ палатѣ. Эти вторичные выборы составляютъ обыкновенно простую формальность, и оппозиція воздерживается отъ участія въ избирательной борьбѣ въ подобныхъ случаяхъ. На этотъ разъ сдѣлано, однако, исключеніе для Джона Морлея, который долженъ былъ вновь выдержать горячую кампанію въ Ньюкестлѣ, гдѣ противъ него дѣйствовали соединенными силами консерваторы, уніонисты и представители рабочаго класса. Передъ выборами къ министру явилась депутация отъ независимой рабочей партіи въ Ньюкестлѣ, чтобы узнать его окончательное мнѣніе о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, противъ котораго онъ высказывался раньше. Морлей объяснилъ, что онъ возражаетъ лишь противъ принудительнаго и всеобщаго регулированія рабочаго дня актами парламента, что такое вмѣшательство было бы крайне стѣснительно для самихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства и вообще не принесло бы рабочимъ замѣтнаго облег-

ченія; а что касается всякихъ дѣйствительныхъ улучшеній быта рабочаго класса, то для нихъ не найдется болѣе убѣжденнаго защитника, чѣмъ онъ, Морлей. Депутація рабочихъ отправилась въ его конкуренту, уніонистскому кандидату Ралли, и послѣдній съ удовольствіемъ согласился поддержать въ парламентѣ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Избиратели изъ рабочихъ подавали голоса противъ Морлея, который тѣмъ не менѣе былъ избранъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Всѣ формальности исполнены, и новая либеральная администрація въ Англіи вступила въ свои права. Совершившаяся перемѣна активно обнаружитъ свое дѣйствіе не ранѣе открытія зимней парламентской сессіи, а ожидаемый ирландскій билль будетъ, вѣроятно, внесенъ въ палату уже въ будущемъ году.

Въ связи съ недавнимъ процессомъ Бельчева въ Софіи, западно-европейская печать много занималась въ послѣднее время какими-то ужасными разоблаченіями, касающимися будто бы нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и его агентовъ въ балканскихъ земляхъ. Эти разоблаченія основывались на предполагаемыхъ русскихъ документахъ, добытыхъ болгарскимъ правительствомъ отъ бывшаго драгомана русскаго посольства въ Бухарестѣ. Хотя содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ было явно неправдоподобно и обнаруживало въ составителей ихъ совершенное незнакомство съ обычаями и приемами дипломатическихъ канцелярій, тѣмъ не менѣе даже серьезныя и вліятельныя заграничныя газеты, какъ напр. берлинская „National Zeitung“, упорно доказывали „возможность“ и вѣроятность ихъ подлинности, ссылались на сообщаемыя въ нихъ свѣденія, какъ на факты, и дѣлали соотвѣтственныя заключенія. При этомъ однимъ изъ вѣсскихъ доводовъ въ пользу правдивости „разоблаченій“ выставлялось отсутствіе категорическаго официальнаго опроверженія со стороны нашего дипломатическаго вѣдомства, которое, конечно, слѣдуетъ за западно-европейскою печатью и всегда имѣетъ возможность предупредить распространеніе клеветы, основанной на дѣйствительномъ подлогѣ. Правда, нашъ „Journal de St.-Petersbourg“ высказался уже объ этомъ предметѣ и обратилъ вниманіе на несомнѣнные признаки поддѣлки въ обнародованныхъ документахъ; но простыя офиціозныя возраженія не встрѣчаютъ особеннаго довѣрія въ западной Европѣ, и въ данномъ случаѣ замѣтка нашего дипломатическаго органа не достигла цѣли, какъ можно было видѣть, напр., изъ дальнѣйшихъ замѣчаній и разсужденій газеты „National Zeitung“.

Теперь появилось, наконецъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“

(отъ 18-го августа) вполне категорическое заявленіе, въ видѣ юши циркулярной телеграммы управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ заграничнымъ посольствамъ и миссіямъ, отъ 17-го августа, слѣдующаго содержанія: „Въ виду превратныхъ толковъ, вызванныхъ воспроизведеніемъ иностранными газетами такъ называемыхъ документовъ, напечатанныхъ въ „Свободѣ“ и приписываемыхъ какъ императорскому правительству, такъ и нѣкоторымъ изъ его агентовъ за границею, вы уполномочены категорически заявить, что всѣ документы эти подложны“. Такъ какъ обсужденіе этихъ документовъ продолжалось въ заграничной печати больше мѣсяца, до отсылки приведенной циркулярной телеграммы, то вредное значеніе распространенныхъ свѣдѣній и толковъ едва-ли можетъ быть уничтожено въ полной мѣрѣ; но прямое, официальное заявленіе о подложности документовъ, хотя и сдѣланное нѣсколько поздно, должно положить конецъ дальнѣйшимъ ссылкамъ на ихъ содержаніе. Предполагалось, что лицо, продавшее эти бумаги болгарскому правительству или редакціи газеты „Свобода“, могло присоединить къ подлѣннымъ и нѣкоторыя подлинныя бумаги, безразличныя по содержанію, изъ похищенной части архива бухарестскаго посольства, для болѣе нагляднаго убѣжденія покупателей въ достоинствѣ продаваемыхъ бумагъ; но циркулярная депеша 17-го августа не останавливается на этой гипотезѣ, а заявляетъ вообще, что „все эти (т.-е. обнародованные въ „Свободѣ“ и вызвавшіе превратные толки въ иностранныхъ газетахъ) документы подложны“.

Г. Стамбуловъ опять заставилъ говорить о себѣ, благодаря своей неожиданной побѣдѣ въ Константинополь и чрезвычайно любезному приему его турецкими властями и самимъ султаномъ. Въ недавней бесѣдѣ съ корреспондентомъ парижскаго „Figaro“, болгарскій министръ, если вѣрить корреспонденту, высказался объ этой аудіенціи въ томъ полномъ удовольствіи. Никакого положительнаго обѣщанія принять принца Фердинанда не дала ему Порта; „миѣ дали только золотую табакерку, украшенную брилліантами,—продолжалъ г. Стамбуловъ,—вотъ и все. Впрочемъ, я и не собирался просить никакого обѣщанія у султана. Дѣло шло о простомъ актѣ вѣжливости. Вопросъ о признаніи былъ затронутъ; султанъ проявилъ самое лучшее расположеніе къ намъ, но я не просилъ и султанъ не обѣщавъ ничего болѣе опредѣленнаго“. Вспомнивъ затѣмъ, что онъ былъ когда-то приговоренъ турецкими властями къ смертной казни, г. Стамбуловъ шуточно добавилъ: „Такова политика: вчера висѣлица, сегодня табакерка“...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1892.

— *Н. В. Гербель. Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изданіе подъ редакціей Петра Веймбера. Три тома. Спб. 1892.*

Имя Гербеля,—писавшаго нѣкогда исторію Изюмскаго гусарскаго полка, переведившаго въ немного романтическомъ родѣ Слово о Полку Игоревѣ, писавшаго, наконецъ, собственные стихотворенія и т. д.,—приобрѣло прочную извѣстность на поприщѣ совсѣмъ иного свойства, а именно на поприщѣ издательства, для котораго онъ имѣлъ нѣкоторыя матеріальныя средства. Онъ возимѣлъ счастливую мысль—дать русскія изданія нѣкоторыхъ изъ первостепенныхъ писателей европейской литературы и для этого воспользоваться уже готовыми переводами, существовавшими въ нашей литературѣ, а недостающее восполнить новыми переводами. Онъ самъ имѣлъ въ этихъ переводахъ лишь очень малое участіе; но готовые переводы, которые онъ употребилъ въ дѣло, нерѣдко отличались большими достоинствами; таковыя бывали и между тѣми, которые являлись въ первый разъ въ его изданіяхъ. Великій авторитетъ писателей, которыхъ онъ хотѣлъ дать въ русскихъ переводахъ, а также и немалое достоинство многихъ переводовъ доставили изданіямъ Гербеля значительный успѣхъ. Онъ началъ Шекспиромъ, который дошелъ до четырехъ изданій; продолжалъ Шиллеромъ, который дошелъ до шести изданій, затѣмъ Байрономъ, имѣвшимъ три изданія; Гёте является теперь во второмъ изданіи. Успѣхъ этихъ изданій даетъ благоприятное свидѣтельство о присутствіи серьезнаго литературнаго интереса въ нашемъ читающемъ мірѣ, какъ свидѣтельствомъ и о томъ, что Гербель вѣрно оцѣнилъ эту потребность русскаго читателя; но съ издательскимъ расчетомъ Гербель соединялъ и большую добросовѣстность въ исполненіи задуманныхъ предпріятій: нужно было употребить очень много труда, чтобы собрать существующіе въ литературѣ переводы; онъ самъ пере-

ривалъ массу старыхъ и новыхъ журналовъ, чтобы собрать, напри-
мѣръ, разбросанные переводы крупныхъ и мелкихъ стихотвореній
Шиллера, Байрона, Гёте; не мало было хлопотъ и съ литературною
собственностью. Форма, въ которой великіе писатели являлись въ
нашей литературѣ, не бывала свободна отъ недостатковъ; это чув-
ствовалъ самъ издатель и по крайней мѣрѣ при новыхъ изданіяхъ
заботился объ исправленіи ихъ состава новыми переводами. Въ концѣ
концовъ, благодаря предпримчивости и трудолюбію Гербеля, въ на-
шей литературѣ имѣются творенія писателей высокаго всемірнаго зна-
ченія, какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Байронъ, Гёте.

Настоящее второе изданіе сочиненій Гёте, подъ редакціей г. Вейн-
берга, представляетъ сравнительно съ первымъ весьма значительныя
перемѣны и дополненія. Г. Вейнбергъ, самъ не мало поработавшій
надъ переводомъ иностранныхъ поэтовъ и близко знакомый съ по-
требностями русскаго читателя, приложилъ много труда къ тому,
чтобы обставить это второе изданіе Гёте всѣми необходимыми исто-
рико-литературными комментаріями. Дополненія настоящаго изданія
исчислены въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Во 1-хъ, къ біо-
графіи Гёте (которою замѣнена бывшая въ первомъ изданіи и кото-
рая, въ фактическомъ отношеніи, составлена по англійскому сочиненію
Займа) прибавлено написанное редакторомъ введеніе, гдѣ кратко
излагается исторія нѣмецкой поэзіи отъ конца тридцатилѣтней войны,
для уясненія тѣхъ новыхъ элементовъ, которые внесъ въ эту поэзію
Гёте. Сверхъ того, къ біографіи присоединены, въ видѣ приложенія,
двѣ принадлежащія перу знаменитыхъ спеціалистовъ характеристики
Гёте, какъ дѣятеля въ области естествознанія и изящныхъ искусствъ.—
Во 2-хъ, всякому произведенію будетъ предшествовать „вступленіе“,
излагающее кратко фактическую исторію созданія его и характери-
стику съ художественной стороны (присоединенное къ помѣщеннымъ
въ настоящемъ первомъ томѣ лирическимъ стихотвореніямъ вступ-
леніе относится, конечно, не къ каждому изъ этихъ послѣднихъ въ
отдѣльности, а ко всему отдѣлу).—Въ 3-хъ, въ случаяхъ надобности,
произведенія будутъ снабжаться частными примѣчаніями; примѣръ
таковыхъ читатель найдетъ уже въ первомъ томѣ, гдѣ почти ни
одно лирическое стихотвореніе не оставлено безъ объяснительнаго
примѣчанія.—Въ 4-хъ, сюда войдутъ нѣкоторыя произведенія, никогда
не бывшія въ русской печати и переведенныя собственно для нашего
изданія, а равно и такія, которыя въ первомъ изданіи помѣщены не
были“. Такимъ образомъ въ настоящее изданіе вошелъ цѣлый рядъ
пѣсь (до 45), которыя не находились въ первомъ изданіи и отчасти
здѣсь переведены въ первый разъ.

При печатаніи принять былъ вообще хронологическій порядокъ,

текстъ многихъ переводовъ провѣренъ по подлинникамъ и гдѣ нужно исправленъ. При послѣднемъ томѣ изданія предполагается помѣстить: списокъ *всѣхъ* произведеній Гёте, появившихся въ печати до настоящаго времени (какъ беллетристическихъ, такъ и другихъ), съ обозначеніемъ годовъ ихъ появленія, и краткими объяснительными примѣчаніями; перечень *всѣхъ* лучшихъ сочиненій для изученія жизни и литературной дѣятельности Гёте; общій алфавитный указатель для настоящаго изданія.

Переводы изъ Гёте, быть можетъ, особенно трудны; не мудрено поэтому, что въ настоящемъ сборникѣ они не совсѣмъ ровны. Рядомъ съ прекрасными переводами (напр. Жуковскаго, М. Михайлова, гр. А. Толстого и др.) встрѣчаются такіе, которые рядомъ съ ними поражаютъ не совсѣмъ пріятно тяжелыми, некрасивыми или прямо грубыми оборотами; и быть можетъ, новѣйшіе переводы страдаютъ этими недостатками гораздо болѣе старыхъ. Редакція естественно должна была заботиться о полнотѣ собранія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовало, кажется, отнестись къ переводамъ съ большею строгостью. По окончаніи изданія мы надѣемся сказать о немъ подробнѣе и теперь замѣтимъ только, что въ настоящемъ своемъ видѣ оно стоитъ гораздо выше перваго изданія, и внимательно составленныя введенія къ пьсамъ и объяснительныя примѣчанія весьма облегчаютъ читателю изученіе одного изъ величайшихъ писателей нѣмецкой литературы.

— *Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестая. Слб. 1892.*

Биографъ Погодина неутомимо продолжаетъ свое предпріятіе. Настоящая книга посвящена въ особенности первымъ годамъ изданія „Москвитянина“ и почти на 400 страницахъ излагаетъ только два года изъ жизни Погодина, 1841—1842. Мы говорили о томъ, какимъ подспорьемъ служить для г. Барсукова дневникъ Погодина и его переписка; рядомъ съ ними онъ пользуется всѣми попутными матеріалами и современной литературой. Биографія Погодина обставляется такою массою подробностей иногда изо дня въ день, какъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ еще не было другого примѣра; вмѣстѣ съ Погодинымъ выступаетъ, какъ и прежде, много другихъ лицъ изъ его дружескаго круга, а косвенно и много лицъ изъ круга ему враждебнаго. Это изобиліе подробностей не мѣшаетъ однако интересу книги. Погодинъ, какъ бы мы ни оцѣнивали его характеръ и дѣятельность, былъ живой, подвижной человекъ, и подробный разсказъ о его разнообразныхъ трудахъ, сношеніяхъ и путешествіяхъ даетъ цѣльный

рядъ эпизодовъ изъ тогдашней общественной и литературной жизни и рядомъ съ тѣмъ новымъ, что мы встрѣчаемъ о самомъ Погодинѣ, мы находимъ много новаго о другихъ лицахъ и событіяхъ того времени. Авторъ, повидимому, довольно безпристрастенъ къ своему герою и, ведя рассказъ очень часто подлинными словами своихъ источниковъ — дневника, писемъ и т. п., онъ доставляетъ историческія данныя и для тѣхъ, кто взглянулъ бы на то время и на тотъ кругъ въсколько иными глазами.

Въ настоящей книгѣ есть цѣлый рядъ любопытныхъ эпизодовъ изъ того времени. Таковы рассказы о первыхъ шагахъ „Москвитяина“, объ отношеніяхъ Погодина къ С. С. Уварову, къ Максимувичу, къ Надеждину; рассказъ о пребываніи въ знаменитомъ Порѣчьѣ Уварова и о статьѣ И. И. Давыдова по этому поводу, которая произвела тогда большое впечатлѣніе въ обществѣ, благопріятное и неблагопріятное; рассказъ о томъ, какъ Погодинъ желалъ быть директоромъ записеларіи у Уварова, въ министерствѣ просвѣщенія; археологическое путешествіе Погодина по нижегородской, костромской, вологодской, тверской, ярославской губерніи; отношенія Погодина къ Гоголю; дѣятельность въ Москвѣ В. В. Григорьева; собраніе Погодинымъ своего древлехранилища; его славянскіе интересы; столкновенія съ литературными противниками и т. д.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ рассказовъ въ шестой книгѣ біографіи посвященъ упомянутому путешествію Погодина въ сѣверныя губерніи. „Сидя въ кабинетахъ, — писалъ тогда Погодинъ, — зарывшись въ книги и обложась бумагами, входящими и исходящими, мы, люди московскіе, мало бываемъ знакомы, а петербургскіе еще менѣе, съ живою жизнію народа, его духомъ, пуждами и желаніями, достоинствами и пороками, которые бросаютъ такой свѣтъ на исторію. Чтобы узнать короче народъ и понять его дѣйствія, прошедшія и настоящія, чтобы привязаться къ нему крѣпче, надо становиться чаще лицомъ къ лицу съ нимъ, въ разныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ, а издали и сквозь бумаги многое кажется иначе. Что сказалъ я объ ученыхъ, то можно примѣнить и къ другимъ лицамъ“.

Въ своеобразномъ характерѣ Погодина, вмѣстѣ съ чертами, не внушавшими сочувствія, были и другія черты, оригинальныя и симпатичныя. Одна изъ нихъ заключалась въ этомъ желаніи изучать народъ, желаніи понять исторію, какъ живую силу, пребывающую въ этомъ народѣ; въ своемъ родѣ онъ былъ въ то время народникомъ, но, несмотря на любовь къ преданіямъ и высокое представленіе о народности, онъ не простиралъ своихъ пристрастій до того, чтобы скрывать отъ себя недостатки народнаго быта и нрава, — быть можетъ только, что онъ недостаточно вникалъ въ источники и сте-

пень этихъ недостатковъ. Въ теченіе своего путешествія онъ наглядѣлся весьма разнообразныхъ картинъ господствующихъ нравовъ. Его радуешь, когда на пути онъ встрѣчалъ память историческихъ преданій, и онъ горько печалится, когда встрѣчаетъ полное отсутствіе этихъ преданій и особенно когда находитъ крайнее пренебреженіе къ замѣчательнымъ памятникамъ прошедшаго. Практическія подробности путешествія не разъ приводили его въ ужасъ. Не однажды замѣчаетъ онъ, что богатые помѣстья старинныхъ бояръ, какъ и ихъ московскіе дворцы, переходятъ въ руки купцовъ и фабрикантовъ; но послѣ старыхъ опытовъ онъ не замѣчаетъ никакого улучшенія въ способѣ путешествія; даже на большихъ дорогахъ, какъ троїцкая и владимірская (на пути къ Нижнему), еще нѣтъ нигдѣ порядочнаго пристанища. „Тѣ же грязные дворы, кривыя лѣстницы, трясушіе полы, нечистые самовары, полуразбитыя чашки“ и отсутствіе чайныхъ ложечекъ. А между тѣмъ хозяйка одного постоялаго двора спросила съ Погодина „за горячую воду два двугривенныхъ“, и онъ насилу отдѣлался „четвертакомъ“. Во Владимірѣ онъ остановился въ комнатѣ, въ которой, по его описанію, „двери не заворяются, сквозной вѣтеръ такъ и ходитъ. Что за столъ, поросшій сальною грязью! Разбитое зеркало! Какими красками и узорами вымазаны стѣны! Что за кровати! Однимъ словомъ, гадость!“ Одинъ изъ спутниковъ сказалъ ему въ утѣшеніе: „Днемъ все это сносно, а какъ мнѣ случилось здѣсь ночевать, и какъ изъ этихъ дощатыхъ кроватей показались легіоны звѣрей... я проклялъ жизнь свою“. Въ Кострому пріѣхалъ Погодинъ ночью и остановился на постояломъ дворѣ. Ему отвели отвратительную комнату, въ которой онъ не могъ уснуть ни минуты. „Все тѣло его вспухло“, и онъ только восклицалъ: „О Русь!“ и принужденъ былъ „спасаться въ тарантасъ“. Но и тутъ неудача. По сосѣдству съ нимъ на сѣнникѣ расположился одинъ проѣзжій сидѣлецъ и сказывалъ своимъ товарищамъ сказку „какуюто пренелѣпную“... Лишь только они угомонились и Погодинъ забылся, отрязалась лошадь и пошла бродить по всему обширному двору и, наконецъ, „приступила съ своимъ рыломъ“ къ тарантасу, въ которомъ лежалъ Погодинъ, который сталъ кричать; но никто его не услышалъ. „Повѣствователь,—пишетъ Погодинъ,—и его публика храпѣли безъ памяти“. Наконецъ, и самъ Погодинъ „усталъ и уснулъ“. Самые соотечественники изъ народа не одинъ разъ казались ему людьми „одичалыми“ (стр. 177). Но это не мѣшало ему тутъ же рядомъ высказывать увѣренность, что русскій человѣкъ заткнетъ за поясъ всякаго нѣмца и англичанина. Судьба историческихъ памятниковъ всего чаще приводила его въ уныніе. „У насъ,—говоритъ Погодинъ,—не понимаютъ еще, что такое памятникъ, и воображаютъ себѣ

всегда подъ памятникомъ какую-нибудь чугунную колонну или мраморную статую. Нѣтъ, бугоръ земли, оторванный лоскутокъ пергамента, узкое окошко, обветшавшая стѣна, линия свода, дуги, тѣсная дверь, заржавѣвшій крестикъ, чуть видный образъ — бывають часто драгоценными памятниками, кои беречь должно аки зѣницу ока". Замѣтивъ нѣкоторые остатки древности въ старыхъ зданіяхъ, у насъ обыкновенно подновленныхъ и переправленныхъ, Погодинъ говоритъ: „Все это надо собирать по крошкамъ, чтобъ, наконецъ, возстановить или создать русскій стиль, а изъ головы никакой геній выдумать его не можетъ. Когда вы, господа художники, познакомитесь хорошо съ нашими остатками, напитаетесь, глядя на нихъ, духомъ древности, обогатитесь ея разными формами и частями, тогда, и только тогда, сможете вы, сообразно съ ними, создавать и цѣлое. А до тѣхъ поръ — это тщетный трудъ. Цѣлую академію, новую, надо намъ воспитать въ этомъ духѣ, чтобы изъ нея вышли русскіе художники, ибо вино новое не вливается въ мѣха старыя. У прежнихъ художниковъ, несмотря на ихъ великія достоинства, есть свои предубѣжденія, предразсудки, свои понятія, воззрѣнія, въ коихъ они воспитались, и отъ коихъ отстать имъ невозможно. У нихъ всегда предъ глазами Пантеоны и Мадонны, такъ могутъ ли они понять, что такое русскій образъ, и что такое русская церковь?“ (Стр. 170—172).

Когда случалось ему встрѣчаться съ старыми рукописями, имъ овладѣвалъ трепетъ ожиданія, не найдется ли что-нибудь новое, важное для исторіи. Монастырскія бібліотеки были обыкновенно въ крайнемъ безпорядкѣ; архивы представляли бумажный хламъ. Кладовая архіерейскаго дома въ Вологдѣ, съ „валяющимися“ въ ней бумагами „есть нѣчто отличное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чтобъ подать понятіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей“. Погодинъ говоритъ, что на Везувій, Монбланъ и Липпенштейнъ онъ поднимался „гораздо смѣлѣе и спокойнѣе“, чѣмъ въ эту кладовую, — такъ сильно было ожиданіе, что можетъ встрѣтиться нѣчто новое и любопытное. На этотъ разъ надежды его были напрасны, но подобныя удивительныя находки среди заброшеннаго хлама дѣйствительно бывали и Погодинъ замѣчаетъ: „Вотъ нынѣ гдѣ надо искать рукописей: большія дороги, открытыя ризницы обысканы, и тамъ нѣтъ уже ничего, но во всякомъ монастырѣ есть такъ называемая кладовая или амбаръ, куда сваливаются старыя вещи. Тамъ еще можно найти многія древности, но туда мудрено имѣть доступъ: всякій смотритель скажетъ вамъ наотрѣвъ, что у нихъ никакой кладовой не имѣется, разсуждая про себя такъ: 1) если тамъ найдется что-нибудь, то я буду обвиненъ за нерадѣніе, и долженъ буду беречь послѣ найденное; 2) въ амбарахъ бываетъ

всегда безпорядокъ, который показывать совѣстно и стыдно; 3) если же тамъ ничего нѣтъ, то не стоитъ труда туда и ходить. Саввантовъ рассказывалъ объ одномъ изъ здѣшнихъ зрителей, что онъ три мѣсяца не хотѣлъ ему отворить архивной двери, близкой къ собственной его двери: положите, не время, завтра, и тому под.“ (стр. 201—202).

Страшная заброшенность русской старины, такъ огорчавшая Погодина, внушала ему мысль о спасеніи этой старины для науки. Онъ мечталъ о „всероссійскомъ музеѣ“ (какимъ, повидимому, предназначено быть Историческому музею, основанному теперь въ Москвѣ). „Что еслибы, — писалъ онъ, — собрать древнія вещи, одежды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи (разумѣется, только изъ холустьевъ, куда никто не ѣздитъ и гдѣ они лежатъ безъ употребленія), расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напримѣръ, оружейной палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осязаючи, что отцы наши были не такъ просты и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, о нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоценностей по лицу всей Россіи, гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія и пользы! Кому, напримѣръ, придетъ охота ѣхать въ Прилуки (и даже въ Вологду) смотрѣть на такую-то примѣчательную рукопись, или рѣзной крестъ, или пелену. Тогда только, какъ всѣ подобныя вещи будутъ храниться вмѣстѣ, можно будетъ написать исторію художествъ въ Россіи, исторію частной жизни и пр.“ (стр. 195). Но кромѣ ученаго невѣжества, которое въ тѣ годы все-таки работало, хотя иногда въ ошибочномъ направленіи, Погодинъ могъ бы вспомнить о невѣжествѣ не-ученомъ или плохо ученомъ, которое много потрудилося надъ тѣмъ, чтобы совсѣмъ истребить массу древнихъ памятниковъ или изуродовать ихъ новѣйшими подправками; могъ бы вспомнить о той общей чертѣ, что нигдѣ, можетъ быть, не относятся съ такимъ неуваженіемъ къ старинѣ, какъ у насъ, и въ обществѣ, и въ народѣ.

Если и въ настоящее время изученіе народной жизни представляеть много трудностей, то еще больше было ихъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда путешествовалъ Погодинъ. Любопытно отмѣтить, что въ то время Погодинъ въ первый разъ узналъ „объ одномъ превосходномъ московскомъ учрежденіи“, о которомъ онъ до тѣхъ поръ „не имѣлъ никакого понятія“; подъ этимъ московскимъ учрежденіемъ онъ разумѣлъ артель (стр. 163). Его наблюденія надъ народной жизнью и нравами нерѣдко бывають весьма характерны и могутъ быть справедливы до настоящей минуты. Въ одномъ уѣздномъ городѣ костромской губерніи Погодинъ попалъ въ уѣздное

училище на самый „актъ“. На вопросъ, не намѣревъ ли кто-нибудь изъ кончившихъ курсъ перейти въ гимназію, ему отвѣтили, что никто, и смотритель училища сообщилъ ему извѣстный фактъ, что гѣстные жители, купечество и мѣщанство, очень часто не даютъ своимъ дѣтямъ окончить курса даже въ уѣздномъ училищѣ, берутъ ихъ изъ школы, какъ только тѣ выучатся грамотѣ,—и сажаютъ въ лавку или за дѣло. Кромѣ грамоты имъ ничего не требуется; а дворяне и чиновники не отдають дѣтей въ уѣздное училище, чтобы они не сидѣли тамъ рядомъ съ босоногими мальчишками. Какъ же заохотить бѣдныхъ людей къ посѣщенію школы? „Эта обязанность лежитъ на насъ, на ученomъ сословіи,—говоритъ Погодинъ;—правительство учредило училища, содержитъ учителей, даетъ деньги на бібліотеки, обезпечило семейства, а болѣе оно не можетъ сдѣлать ничего. Мы, ни, чтобы доказать нашу глубочайшую благодарность за его отеческія попеченія, обязаны, вмѣстѣ съ духовенствомъ, позаботиться о средствахъ распространить данное намъ просвѣщеніе и доводить его до низшихъ слоевъ общества, погрязающаго теперь по городамъ въ невѣжество самое грубое и дикое“.

На вопросъ, почему такъ мало бываетъ учениковъ въ низшихъ массахъ, учителя единогласно отвѣчали: „не хотятъ, невѣжды, не понимаютъ ученія, не дѣлать“. Погодинъ съ этимъ не согласенъ и высказываетъ свою точку зрѣнія, которую до сихъ поръ можно рекомендовать вниманію педагоговъ низшихъ и высшихъ.

„Нѣтъ, друзья мои, — говоритъ Погодинъ, — не въ томъ заключается причина. Учимъ ли мы такъ, чтобы хотѣли у насъ учиться? Русскій человѣкъ толковитъ. Не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ пользы ученія... Вы даете ему такіа свѣденія, въ которыхъ онъ не видитъ нужды, напримѣръ о Семирамидѣ, о Сарданапалѣ, о Калькутѣ и Александріи. Мудрено ли, что отецъ беретъ сына изъ училища и сажаетъ его за прилавокъ! Но расскажите-ка ему, не по-гимназически и не по-университетски, объ его городѣ, объ его губерніи, о столицахъ, о судахъ, о сословіяхъ, о торговлѣ, о промышленности, объ естественныхъ произведеніяхъ, и вы увидите, что не только дѣти, но и отцы придутъ васъ слушать! Простѣе, простѣе, какъ можно, и ближе къ дѣлу, къ жизни! Учитель спросилъ при мнѣ мальчика: два изъ семи сколько останется? Пять, отвѣчалъ безъ запинки мальчикъ. Но какая хирургическая операція началась надъ его головою, когда дѣло дошло до того, что такое пять: вычитаемое или разность. Разъ десять повторены были вопросы...“

„Еслибъ я былъ учителемъ словесности, то ничего не сталъ бы дѣлать съ дѣтьми, какъ только читать имъ—басни Крылова, Хемницера, Дмитріева, съ толкованіями; повѣсти или отрывки изъ повѣстей“

Загоскина, Луганскаго, Лажечникова, Гоголя, комедіи, трагедіи, и по-чель бы себѣ обязанностію возбуждать только любопытство, внушать охоту къ чтенію, заставлялъ бы учить ихъ безпрестанно наизусть, но не грамматику, а Карамзина, Пушкина, Жуковскаго; приучалъ бы ихъ ухо къ благозвучію, образовалъ бы ихъ вкусъ. Подъ конецъ курса мнѣ легко было бы уже поразобратъ ихъ свѣденія, и показывать различія въ словахъ, для того, чтобы они выучились правильно писать.

„Еслибъ я былъ учителемъ исторіи, то началъ бы съ своего города: городъ нашъ Галичъ, или Ростовъ, или Бѣлозерскъ, — городъ старый; давно уже стоитъ на этомъ мѣстѣ, ему лѣтъ сотъ пять или болѣе; онъ прежде былъ больше или меньше, богаче или бѣднѣе, но случились разныя обстоятельства, которыя привели его къ этому лучшему или худшему положенію. Съ самаго начала онъ принадлежалъ къ такому-то княжеству, ибо наша Русь была тогда раздѣлена такъ-то, и вотъ чтó случилось у насъ примѣчательнаго. Вотъ какіе люди родились у насъ: Филиппъ митрополитъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ. Вотъ былъ пастырѣ! Это введеніе, а теперь расскажу я вамъ по порядку, чтó у насъ случилось. Отъ своего города легкій и естественный переходъ къ своему княжеству, а потомъ и ко всей Русской Исторіи. Но прежде всего я старался бы также возбудить охоту къ исторіи. Вотъ чтó всего важнѣе для учителя уѣзднаго, гимназическаго, университетскаго—расшевелите сердце, возбудите охоту, а прочее все и безъ насъ пойдетъ своимъ чередомъ. Я прочиталъ бы имъ съ толкованіемъ анекдоты изъ жизни Петра Великаго, рассказалъ бы исторію 12-го года, нашествія татаръ, поляковъ, біографіи какого-нибудь Суворова, Ломоносова, или читалъ бы имъ изъ исторіи Карамзина, Данилевскаго, Глинки и тому под.

„Вы теперь много знаете—теперь приведемъ въ порядокъ, по годамъ, хронологически. Русское наше государство старо, но есть и еще старше — единоплеменные намъ словенскія такія-то, а вотъ и прочія европейскія (и т. д.).

„Въ географіи,—продолжаетъ онъ,—также я началъ бы съ своего города: нашъ городъ находится на Бѣлѣ-озерѣ. Мѣсто у насъ высокое, которое по сторонамъ, но чрезъ нѣсколько сотъ верстъ опадаетъ и продолжается равнинами. Отъ насъ выходятъ рѣки (и т. д.).

„Еслибъ я былъ законоучителемъ, то читалъ бы имъ безпрестанно Евангеліе. Что за славныя вещи есть въ Церковной Исторіи древней и новой!..

„Кончивъ двадцать пять лѣтъ своей профессорской службы, я непремѣнно на годикъ-мѣста сдѣлаюсь уѣзднымъ учителемъ или смотрителемъ, куда я и собрался однажды, и увѣренъ, что этотъ годъ

будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ, если Богъ поможетъ" (стр. 181—183).

Погодинъ, конечно, не сдѣлался потомъ учителемъ уѣзднаго училища, но это не мѣшаетъ его словамъ быть чрезвычайно справедливыми. (Позднѣе, въ наше время, у насъ и есть примѣръ извѣстнаго профессора, который сдѣлался учителемъ народной сельской школы.) Нѣтъ сомнѣнія, что неуспѣхъ нашей школы, указанный Погодинымъ, происходилъ въ громадной степени именно отъ этой безжизненной постановки школьнаго преподаванія, причемъ ни учащіяся не приобрѣтали сами интереса къ знанію, ни ихъ родители, заостенѣвшіе въ невѣжествѣ, не видѣли отъ школы непосредственной пользы, кромѣ первоначальной грамоты, на которой они поэтому и останавливались. Понятно, что кромѣ историческихъ и географическихъ познаній, о которыхъ говорить здѣсь Погодинъ, для народной школы нашелся бы еще важный предметъ, гдѣ школьное знаніе, преподаваемое этимъ практическимъ и прикладнымъ методомъ, могло бы принести великую пользу: это—нѣкоторыя понятія изъ естествознанія, которыя могли бы имѣть множество примѣненій для народнаго быта. Позднѣйшая школа, именно та, въ которой сказалось это вниманіе къ народному быту, старалась внести эту долю преподаванія, но прежде, чѣмъ успѣла выработать наиболѣе цѣлесообразныя практическіе приемы, на нее посыпались уже обвиненія, во имя „народнаго духа“, которому будто бы нужно отъ школы только чтеніе псалтыри. Эта сторона знанія, хотя бы и элементарнаго, которая могла бы послужить со временемъ и для пользы земледѣльческаго труда, и для иныхъ бытовыхъ отношеній народа, была старательно удаляема изъ народной школы, — и въ результатъ мы видимъ, что народное сельское хозяйство не воспользовалось отъ школы ничѣмъ, а относительно понятій о природѣ—мы видѣли на громадныхъ пространствахъ Россіи глубокое убѣжденіе народной массы, что холеру производятъ доктора, что первое средство для ея уничтоженія—избѣженіе докторовъ и разрушеніе больницъ, а болѣе вѣрные „народному духу“ прибѣгали даже къ традиціонному (языческому!) приему „опаливанія“.

Возвращаемся къ Погодину. Приведенные образчики даютъ понятіе объ интересѣ матеріаловъ, собираемыхъ его биографомъ. Какъ мы сказали, авторъ старается быть безпристрастнымъ историкомъ, и *altera pars* не остается у него совсѣмъ забытой. Но въ тогдашнихъ литературныхъ столкновеніяхъ онъ беретъ сторону Погодина и его сотоварища по „Москвитяину“, Шевырева,—хотя должно сказать, что обѣ стороны не особенно щадили другъ друга. Такъ, на примѣръ, биографъ относится къ памфлетной статьѣ Бѣлинскаго о Шевыревѣ;

но намъ кажется, что біографъ не вполне указалъ тѣ литературные поводы, какіе вели тогда къ раздраженію противъ Шевырева. Статья Шевырева, которая явилась какъ программа „Москвитянина“, кромѣ того, что въ своей основѣ она была совершенно фальшива, въ условіяхъ русскаго образованія и литературы могла быть прямо вредной.

Біографъ оспариваетъ историко-литературныя указанія, что „Бѣлинскій въ то время уже не пользовался благосклонностью цензуры, а его противники были обставлены официальными связями, при которыхъ нападенія ихъ могли быть небезопасны — не въ литературномъ смыслѣ“; и замѣчаетъ противъ этого, „что долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что хотя противники Бѣлинскаго, то-есть Погодинъ и Шевыревъ, и пользовались нѣкимъ расположеніемъ Уварова, но зато противъ нихъ былъ главный начальникъ московской цензуры графъ С. Г. Строгановъ, явно покровительствовавшій западникамъ, и шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ, и всѣ либералы того времени“ (стр. 273). Сопоставленіе графа Бенкендорфа съ либералами—какъ будто бы въ одномъ лагерѣ, въ явное нарушеніе законовъ природы—уже внушаетъ нѣкоторое недоумѣніе и указываетъ на необходимость болѣе отчетливаго опредѣленія этихъ отношеній. Роль графа Строганова въ его отношеніяхъ къ русской литературѣ еще не выяснена и самъ біографъ замѣчаетъ однажды, что „Погодинъ становился жертвою обостренныхъ отношеній между Уваровымъ и Строгановымъ“ (стр. 147); гр. Бенкендорфъ вѣдѣвшійся въ цензурные вопросы безъ всякаго различія партій, а такъ называемые либералы въ тѣ времена были столь мало въ авантажѣ, что привлекать ихъ къ этому пункту, кажется, совсѣмъ напрасно. Что касается связей „Москвитянина“, то мы читаемъ у г. Барсукова объ успѣхѣ „Москвитянина“ съ первыхъ его книжекъ: „Напишу тебѣ о журналѣ,—писалъ самъ Погодинъ изъ Петербурга Шевыреву.—Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Графиня Строганова, Вьельгорскій, Протасовъ, Барантъ, Уваровъ... И замѣтъ, что всѣ эти господа ѣздятъ и трубятъ, и заставляютъ подписываться, напимѣръ графъ Протасовъ и Уваровъ“ (стр. 27)... Или: „на стражѣ „Москвитянина“ стоялъ князь Д. В. Голицынъ и, уѣзжая въ Петербургъ, общалъ его издателямъ „гремѣтъ“ тамъ „за журналъ и *всѣмъ* раздать еще сто билетовъ“ (стр. 53). Когда произошло вѣдѣтельство Бенкендорфа, по поводу нѣсколькихъ статей „Москвитянина“ (конечно, правильно пропущенныхъ цензурою), и въ кругу друзей Погодина говорили „о гоненіи“, Погодинъ получалъ съ другой стороны самыя положительныя успокоенія. Такъ писалъ ему князь П. А. Вяземскій; такъ, по порученію Уварова, писалъ ему Спасскій: „Сергѣй Семеновичъ

желаетъ, чтобы вы были покойны насчетъ „Москвитянина“. Злые духи сезоновъ, которые васъ пугаютъ, суть скорѣе злобѣщія и крикливыя московскія вороны, которыхъ нечего бояться. И такъ—пасте апшо“ (стр. 277).

Какъ бы ни было однако, книга г. Барсукова вноситъ очень много интересныхъ подробностей въ литературную и научную исторію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Пожелаемъ всякаго успѣха его многосложному предпріятію.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 4-й. Харьковъ, 1892.

Мы еще весьма недавно отмѣтили начало изданія, предпринятаго Историко-филологическимъ Обществомъ при харьковскомъ университетѣ; теперь передъ нами 4-й томъ „Сборника“, издаваемого Обществомъ — свидѣтельство, что Общество съ большою ревностью ведетъ свои работы. Въ концѣ прошлаго года (29 ноября) Обществу суждено было понести тяжелую потерю въ лицѣ А. А. Потетни, профессора харьковскаго университета, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ Общества. Въ лицѣ Потетни понесла великую потерю и вся русская филологическая наука, которой, по всеобщему признанію, высказавшемуся теперь, онъ былъ самый выдающійся первостепенною силою. Цѣлый отдѣлъ „Сборника“ посвященъ памяти замѣчательнаго ученаго: описаніе похоронъ, рѣчи при погребеніи и рядъ статей и некрологовъ, посвященныхъ покойному профессору въ журналахъ, газетахъ, ученыхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ. При жизни А. А. Потетни, имя его было извѣстно почти только въ кругу специалистовъ филологіи,—труды его были столь исключительно научнаго характера, что въ болѣе широкомъ кругу и не были бы доступны,—но здѣсь, въ средѣ филологической, эти труды съ самаго перваго своего появленія обратили на себя вниманіе необычайной массой изслѣдованнаго матеріала и необычайной тонкостью изслѣдованія. Съ каждымъ новымъ трудомъ Потетни возрастала его авторитетъ, и самая строгая критика ставила его заслуги наравнѣ съ заслугами знаменитаго западно-славянскаго филолога, недавно умершаго Миклошича. Теперь изъ воспоминаній его учениковъ мы узнаемъ ближе характеръ Потетни, какъ профессора, и получаемъ понятіе о богатомъ содержаніи его чтеній: писатель, какъ мы сказали, мало доступный по строгой спеціальности предмета и лаконическому, почти суровому языку, онъ былъ увлекательный лекторъ, производившій на слушателей чрезвычайно сильное дѣй-

ствіе широтою его взгляда на языкъ и остроумнымъ анализомъ, какимъ подобнаго мы, кажется, не имѣли еще въ русской наукѣ. Въ статьяхъ, собранныхъ въ „Сборникѣ“, читатель найдетъ и нѣкоторыя біографическія подробности (къ сожалѣнію еще недостаточно подробныя) и оцѣнку его ученыхъ изслѣдованій о русскомъ языкѣ. Отмѣтимъ здѣсь статьи гг. Халанскаго и Сумцова, которые были его слушателями, и въ особенности статьи Б. М. Ляпунова, специалиста-филолога, который зналъ покойнаго профессора только въ послѣдніе годы его жизни, и г. Ламанскаго. Въ статьѣ г. Ляпунова изложены нѣкоторыя черты специально филологическихъ взглядовъ Потебни; г. Ламанскій указываетъ и его общее значеніе въ исторіи и въ составѣ русской науки. „Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ,—говоритъ онъ,—для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ, будятъ, поучаютъ и поднимаютъ нашъ читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія звали профессора Потебню развѣ по имени; печатался въ двухъ, трехъ не читаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на дѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуска за границу.

„Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобитныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ—что внесено ею въ сокровищницу челоуѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

„Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ, быть можетъ, изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проинпательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ... Его изслѣдованія по славянской фонологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и мифологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ

проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Ислѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на Западѣ, но можно съ увѣренностью предвидѣть гораздо болѣе ихъ вліяніе въ будущемъ.

„Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражался всегда очень сжато, пиша исключительно для ученихъ, посвящая свое богатое дарованіе и свои лучшіе, не щедро отнѣряемые судьбой, годы русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движеніе науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ“.

Тотъ же авторъ въ особенности отмѣчаетъ исслѣдованія Потебни по синтаксису русскаго языка. Можно сказать, что наиболѣе глубокія наблюденія и объясненія въ этой области сдѣланы были именно въ трудахъ Потебни. Авторъ высказываетъ сожалѣніе, что эти взгляды до сихъ поръ чрезвычайно мало усвоены нашими преподавателями, исключая развѣ только непосредственныхъ учениковъ харьковскаго ученаго. „Разумно усвоенные почтенною средою нашихъ педагоговъ, эти взгляды, — говоритъ г. Ламанскій, — должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и приѣмахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже немаловажную, практическую сторону синтаксическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ исслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько дастъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи

великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и богатятъ ее и какъ предметъ нашего изученія, и какъ литературный нашъ языкъ, то-есть какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства“.

Причиной, почему труды Потебни не были усвоены нашимъ преподаваніемъ, едва-ли не надо считать то, чисто научное, мало доступное изложеніе, о какомъ мы упоминали. Конечно, лишь немногіе изъ обычныхъ преподавателей русскаго языка знакомы съ болѣе специальными изслѣдованіями въ этой области. Такимъ образомъ, кромѣ частныхъ вопросовъ синтаксиса, остались мало распространены и общія идеи Потебни о значеніи языка, также почти единственныя въ нашей литературѣ. Въ этомъ отношеніи его взгляды были дальнѣйшимъ развитіемъ идей Вильгельма Гумбольдта и частью Штейнтала. Въ противность Спенсеру, который считалъ языкъ тормазомъ мысли, Потебня говорилъ, что мыслить можно именно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, тѣсно связанный съ мыслью человѣческой; исторія не состоитъ, какъ думали нѣкоторые ученые, изъ періода созданія формъ и періода ихъ разрушенія напротивъ, языкъ постоянно измѣняется и, уничтожая старыя формы, создаетъ новыя. Первоначально языкъ былъ тождественъ съ поэзіей, изъ поэзіи возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, по выраженію Гумбольдта, должны быть названы „явленіями языка“. Съ помощью языка создавалось и самое человѣческое мышленіе. Эти общія положенія о языкѣ Потебня развивалъ еще въ одномъ изъ первыхъ своихъ трудовъ: „Мысль и языкъ“ (1862), о которомъ особо вспоминаетъ сотоварищъ Потебни по харьковскому университету, проф. Дриновъ. „Въ этомъ своемъ сочиненіи Потебня, излагая взгляды Гумбольдта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ, такъ и по многимъ приходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ „Мысль и языкъ“, что читателю, незнакомому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться неяснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ запискамъ Потебни по русской грамматикѣ. Здѣсь, разсыпая поразительные мѣткостью и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обоб-

ченіями, полагая, повидному, что читатели и сами съумѣютъ найти ее при помощи сочиненія „Мысль и языкъ“, представляющаго стройное и полное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ Потебня твердо держался до конца жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуеетъ оконченный незадолго до его смерти III-й томъ „Записокъ по русской грамматикѣ“, приготовляемый нынѣ его наследниками къ печати. Въ этомъ послѣднемъ и посмертномъ своемъ трудѣ Потебня, разбирая мимоходомъ нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера—*Das Denken im Lichte der Sprache* (1887 г.), противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философій. Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося на дняхъ и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Наука о мысли“, кстати замѣчу, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западно-европейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты Потебней въ его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новымъ книгою англійскаго языковѣда“.

Въ статьѣ г. Харціева сообщены свѣденія о тѣхъ черновыхъ бумагахъ, которыя остались послѣ Потебни. Эти бумаги очень любопытны, заключаая отчасти научныя работы по русской грамматикѣ, которыя могутъ быть изданы какъ продолженіе его капитальнаго труда, отчасти доставляютъ свидѣтельство объ его литературныхъ интересахъ (здѣсь есть, напр., замѣтки о Достоевскомъ, Львѣ Толстомъ и пр.); наконецъ въ бумагахъ осталась еще любопытная его работа, именно переводъ Одиссеи на малорусскій языкъ, размѣромъ подлинника. „Потебня серьезно занимался этимъ трудомъ во время одной лѣтней поѣздки за границу, отдыхая отъ своихъ научныхъ занятій. Сотни стиховъ или болѣе переписаны имъ набѣло, часть—рукою его жены, М. Ф. Потебни. Остальное—наброски карандашомъ, обнимающіе 8 пѣсенъ и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто-народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи“.

Нѣтъ сомнѣнія, что было бы чрезвычайно желательно, чтобы изъ матеріаловъ, оставшихся послѣ Потебни, было извлечено все, что можетъ служить въ дополненіе къ его изданнымъ научнымъ трудамъ, все, что останется примѣромъ его взглядовъ литературныхъ, переводъ Одиссеи, насколько онъ законченъ; чтобы было повторено изданіе его сочиненія „Мысль и языкъ“, какъ это желаніе высказывалъ

г. Дриновъ; наконецъ, чтобы собранъ былъ сколько возможно полнѣе матеріалъ для его біографіи.

Къ „Сборнику“ приложенъ портретъ Потебни.

Далѣе, въ харьковскомъ сборникѣ помѣщены: отчетъ о дѣятельности Историко-филологическаго Общества въ 1891—92 году, краткое указаніе сообщеній, сдѣланныхъ въ его засѣданіяхъ, отчетъ о дѣятельности Историческаго архива, принадлежащаго Обществу и университету, уставъ педагогическаго отдѣла Общества, и наконецъ рядъ болѣе обширныхъ сообщеній: статьи по южно-русской исторіи; статьи и матеріалы по этнографіи; литературныя замѣтки, гдѣ между прочимъ г. Сумцовъ собралъ историческія свѣденія о 40-лѣтней служебной и учено-литературной дѣятельности г. Сухомлинова.

Кончимъ небольшимъ замѣчаніемъ о внѣшности изданія. Оно изобильно опечатками, которыя его не украшаютъ и смѣло могли бы отсутствовать; кромѣ того, книга оставлена неспитой—листы только склеены въ корешкѣ — положительно дурная манера, свойственная рыночнымъ издѣліямъ и нежелательная въ изданіи порядочномъ: при первой попыткѣ разрѣзать и перелистывать книгу, она разсыпается. Расходъ на приличную брошюровку не такъ великъ, чтобы его нельзя было сдѣлать даже при скромныхъ средствахъ.

— *Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области. Изданіе Сыръ-Дарьинскаго Областнаго статистическаго Комитета. Подъ редакціей к. л. секретаря Комитета И. И. Гейера. Ташкентъ, 1891.*

Мы имѣли уже случай указывать, что въ Ташкентѣ стала складываться своя литература, связанная съ мѣстными интересами края и посвященная его изученію. Сыръ-дарьинскій областной статистическій комитетъ издалъ книгу своихъ „Трудовъ“; какъ продолженіе ихъ является настоящій сборникъ, обширный томъ, съ дѣльнымъ рядомъ статей объ экономическомъ состояніи края, о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ религіозной жизни туземцевъ, съ картою, массою статистическихъ таблицъ, наконецъ съ этнографическими матеріалами.

Намъ случалось высказывать сожалѣніе, что, собственно говоря, до сихъ поръ мы не имѣемъ такихъ свѣденій о нашихъ новыхъ громадныхъ владѣніяхъ въ Средней Азіи, гдѣ бы можно было видѣть, какъ устанавливается бытъ азіатскихъ туземцевъ подъ русскою властью, какъ опредѣляются взаимныя отношенія туземцевъ и русскихъ—не только властей, но и поселенцевъ, торговцевъ и крестьянъ. Въ складѣ жизни нашей Средней Азіи произошелъ, очевидно, громадный переворотъ: съ водвореніемъ русской власти прервался дѣльный бытъ, слагавшійся вѣками; какъ онъ сходитъ со сцены, ми-

рятся (или не мирятся) съ новымъ положеніемъ вещей, какъ образуются новыя формы экономическихъ и культурныхъ отношеній, насколько велико и въ чемъ выражается русское вліяніе, и т. д.? Всѣ эти вопросы исполнены интереса, какъ въ виду дальнѣйшаго развитія страны, такъ и въ чисто научномъ отношеніи: факты встрѣчи двухъ историческихъ порядковъ еще на-лицо; южная часть нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, Закаспійская область, присоединена не далѣе десяти лѣтъ тому назадъ, — какое любопытное поле наблюдений для историка нашей внутренней жизни и для историка культуры! Правда, въ той, уже довольно значительной литературѣ, которая накопилась до сихъ поръ о нашей Средней Азій, разбросано не мало данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу, но онѣ все еще не отвѣчаютъ на него, оставаясь разбросанными и неосвѣщенными одной общей точкой зрѣнія.

Въ настоящемъ сборникѣ помѣщено не мало любопытныхъ данныхъ для опредѣленія современнаго состоянія мѣстнаго быта, туземнаго инородческаго и русскаго. Таковы: статистическія данныя о кшлакѣ Чиназѣ, г. Оракулова; о вакуфахъ Сыръ-Дарьинской области, г. Благовѣщенскаго; статистическія данныя о русскомъ населеніи города Аулие-ата, г. Ячника; о селѣ Никольскомъ, г. Гейера; о Ташкентскомъ уѣздѣ, г. Аверьянова; о распредѣленіи земледѣльческихъ угодій въ населеніи Ташкентскаго уѣзда, г. Гейера; о справочныхъ цѣнахъ по Ташкентскому уѣзду, г. Рудзинскаго; медицинскія наблюденія гг. Шишова и Благовѣщенскаго; свѣденія о количествѣ экземпляровъ періодической „прессы“ въ Сыръ-Дарьинской области, г. Гейера; о ташкентскихъ татарахъ (ихъ браки, разводы, рожденія и смертность, въ статистическихъ цифрахъ, съ объясненіями), г. Васильева; „Ишаны“ (матеріалы къ изученію бытовыхъ чертъ мусульманскаго населенія Туркестанскаго края), г. Гейера. Въ статьяхъ, касающихся туземнаго населенія видно между прочимъ обстоятельство, которое, безъ сомнѣнія, должно очень мѣшать точному наблюденію фактовъ: свѣденія почерпаются изъ официальныхъ бумагъ и со словъ переводчиковъ, — очевидно, что непосредственное наблюденіе и знакомство съ языкомъ доставили бы подобнымъ трудамъ особенную цѣнность, и въ научномъ, и въ практическомъ смыслѣ. Не лишнимъ было бы также больше простоты въ самомъ изложеніи; желаніе говорить мудренными словами вовсе не прибавляетъ къ ясности дѣла. Напримѣръ въ одной статьѣ читаемъ: „отобрать земли у туземцевъ, въ виду понесенныхъ ими затратъ на ихъ культуру, было бы несправедливо, а съ другой стороны оставить въ ихъ пользованіи непринадлежащій имъ участокъ, было бы незаконно, такъ какъ такимъ ходомъ дѣйствій можно было

бы положить начало нескончаемому ряду *инцидентовъ въ сферѣ правовыхъ притязаній на земельную собственность*, подтверждаемыхъ весьма туманными *доказательствами юридическаго права*, хотя бы истекавшего изъ *законодательнаго кодекса прежняго режима*" (стр. 155). Или, въ статьѣ о газетахъ и журналахъ, выписываемыхъ въ Сыр-Дарьинской области, вмѣсто: число читателей, говорится „контингентъ лицъ, стоящихъ во главѣ духовнаго развитія страны, съ *сознательнымъ требованіемъ интеллекта*" (стр. 207) и т. п.

Въ приложеніяхъ помѣщены этнографическіе матеріалы, а именно: пословицы и поговорки туземнаго населенія Туркестанскаго края, собранныя г. Остроумовымъ, и сказки, собранныя г. Диваевымъ. Въ предисловіи къ пословицамъ, г. Остроумовъ находитъ нужнымъ доказывать необходимость помѣщенія подлиннаго текста пословицъ, а также и необходимость возможно близкаго перевода: то и другое нисколько не нуждается въ доказательствахъ,—еслибы не было того и другого, а былъ одинъ вольный переводъ пословицъ, то подобное собраніе не имѣло бы совсѣмъ никакой цѣны.—А. В.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аруновъ, Павелъ. (Описаніе Минусинскаго музея. Выпускъ I-й. Сельско-хозяйственный Отдѣлъ.) Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края и обстоятельный каталогъ сельско-хозяйственнаго отдѣла Музея. Издано на средства В. А. Данилова. Казань, 1892. 8°. XI, 101 и 151 стр.

Венеціановъ, М. Экспроприація съ точки зрѣнія гражданскаго права. Казань, 1891. 8°. 114 стр.

Верхбицкій, Т. I., секретарь комитета. Памятная книжка на 1892 годъ. Изданіе Курскаго губ. статистич. Комитета. Курскъ, 92. 8°. Большой томъ, съ рисунками. Съ многими пагинаціями. Ц. 1 р. 20 коп., съ пересылкою 1 руб. 40 коп.

Галанинъ, М. И. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основы. Для врачей и администраторовъ. Съ 4 таблицами. Спб., 92. 8°. III и 320 стр. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Гаршинъ, Евгеній. На Донцѣ. Путевыя очерки. Спб. 1892. 8°. 80 стр. Ц. 30 коп.

Гуковскій, К. Вилкомирскій уѣздъ. Ковна, 90. 8°. 54 стр.

— Ковенскій уѣздъ. Ковна, 92. 8°, 95 стр. (Оттискъ изъ „Памятной книжки“).

— Тельшевскій уѣздъ. Ковна, 92. 8°. 42 стр.

— Памятная книжка Ковенской губерніи на 1892 годъ. Ковна, 91. 8°. 262 и 222 стр. (Изданіе Ковенскаго губ. статистическаго Комитета). Цѣна одинъ рубль.

Губбаръ, Густавъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Пере-

годъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1892. 8°. 362 стр. Ц. 2 руб.

Кудашевъ, В. А., князь. О способахъ сбереженія почвенной влаги, при обработкѣ озимаго поля. Докладъ Полтавскому сельско-хозяйственному Обществу въ засѣданіи 11 марта 1892 года. Харьковъ, 92. 8°. 123 стр.

Ледерле, М. М., и К° (издатели). Славянская Библиотека. № 2. Юрій Явничъ. „На мертвой стражѣ“, разсказъ. Спб. 1892. 12°. 44 стр. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. № 4. Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Спб. 1892. Изданіе М. М. Ледерле и К°. 12°. 41 стр.

— Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. № 6. Дѣтство Александра Пушкина. Спб. 1892. Изданіе М. М. Ледерле и К°. 12°. 44 стр.

Перль, Л. Реформа пассажирскихъ тарифовъ. Спб. 1892. 4°. 8 нумер. и 22 стр.

Сеналь, С. Л., докторъ медицины. Общедоступный учебникъ по глазнымъ болѣзнямъ, съ подробнымъ изложеніемъ гигиены глаза. Въ двухъ частяхъ. Съ приложеніемъ таблицъ для опредѣленія остроты зрѣнія и 8 таблицъ, содержащихъ 101 чертежъ. Бердянскъ, 1892. 8°. 280 и IV стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сидоровъ, Василій. За Пренеями. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Исландіи. Спб. 92. 8°. 331 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Фолькманъ, Р., директоръ гимназіи въ Ауэрѣ. Реторика грековъ и римлянъ. Перевелъ Н. Веригинъ, преподаватель Карачевской прогимназіи. Ревель, 1891. Больш. 8°. 42 стр.

Хоцяновъ, К. Опытъ разбора послѣдняго произведенія Островскаго „Не отъ мира сего“. Публичная лекція 22 ноября 1891 года. Читана и издана въ пользу Псковскаго Александро-Невскаго Братства. Псковъ, 1892. 8°. 48 стр. Ц. 25 к.

Шейминъ, П. Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Особенная часть. Выпускъ третій. Одесса, 1892. 8°. 82 стр. Ц. 60 коп.

Шохоръ-Троцкий, С. П. Методика арифметики съ приложеніемъ методическаго сборника задачъ для учащихся въ народныхъ школахъ. Изданіе 3-е, значительно исправленное и заново обработанное. Руководство для учит. семинарій и институтовъ, для педагогич. классовъ женскихъ гимназій и для учителей и учительницъ нар. нач. школъ. Спб. 1892. 8°. IV, 204 стр. Ц. 1 руб. 20 к.

Щербина, В. И. Изъ семейнаго архива. I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). II. Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Киевъ. 1892. 8°. 117 стр.

— Киевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы, отъ 1654 до 1775 г. Киевъ. 92. 8°. 26 стр. (Оттискъ изъ VI-й книги „Чтеній въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“).

Ролово, L. A. Temi di attualità. Trattati dal punto di vista religiosi Napoli, 1892. Больш. 8°. 179 стр. Prezzo L. 1 р. 50 к.

Wysewa, de, T. Contes chrétiens. Le Baptême de Jésus, ou les quatre degrés du scepticisme. Paris. 1892. 16°. 68 стр.

Вятская губернія. Труды особой комиссіи... при Вятской губернской земской управѣ (въ текущемъ 1892 году), для всесторонняго обсужденія предложеній Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросовъ, касающихся недостатковъ

въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ по народному продовольствію. Вятка. 1892. Больш. 8°. 158 стр.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи. За 1891 годъ. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Годъ шестой. (Статистическое бюро Полтавскаго губернскаго земства.) Полтава. 1892. 4°. Ц. 402, XXXI стр. Ц. 1 р.

Отчетъ (предварительный) Вятской губернской земской управы по заготовкѣ земствомъ хлѣба на продовольственныя и сѣменныя потребности населенія Вятской губерніи, съ іюля мѣсяца 1891 года по 1 апрѣля 1892 года. (Приложеніе къ докладу.) Вятка, 1892. 8°. 104 стр.

Отчетъ совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1891 годъ. Годъ десятый. Томскъ, 1892. 16°. 49, 46 стр.

Постановленія Бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи созыва съ 24 по 27 сентября 1891 г. и Приложенія къ постановленіямъ. Бердянскъ, 1892. 8°. 497 стр.

Сборникъ Херсонскаго земства 1892. Годъ двадцать пятый. № 6. Іюнь. Херсонъ. 1892.

Харьковскій сборникъ, подъ редакціею члена-секретера В. В. Иванова. Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1892 г. Выпускъ 6. Изданіе Харьковскаго губ. статистич. Комитета. Харьковъ. 1892. 8°. 194, 179, X стр. Цѣна вмѣстѣ съ календаремъ 1 р. 20 к.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга шестая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1892. Больш. 8°. 26, 261, 142, XIV, 88 стр. Ц. 3 руб. 50 коп. съ пересылкою.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Socialdemokratische Zukunftsbilder. Frei nach Bebel. Von *Eugen Richter*, Mitglied des Reichstages. Berlin, 1892. Стр. 48. Ц. 50 фф. — *Eugène Richter*. Où mène le socialisme. Journal d'un ouvrier. Édition française, d'après le 225 mille de l'original. Par P. Villard. Avec une préface de *Paul Leroy-Beaulieu*, membre de l'Institut. Paris, 1892. Стр. 82. Ц. 1 фф. 50 савт.

Извѣстный депутатъ германскаго имперскаго сейма, предводитель партіи „свободомыслящихъ“, Евгений Рихтеръ, написалъ интересную книжку для нагляднаго опроверженія социальна-демократическихъ идеаловъ. Эти „картины будущаго“ служатъ какъ бы иллюстраціей къ изданной раньше тѣмъ же авторомъ брошюрѣ о „Лжеученіяхъ социальной демократіи“ (*Die Irrlehren der Socialdemokratie*. Berlin, 1890). Книжка имѣла, повидимому, большой успѣхъ; она въ короткое время разошлась въ числѣ 225 тысячъ экземпляровъ! Теперь

она появилась и во французскомъ переводѣ Вильяра, съ предисловіемъ извѣстнаго экономиста, Поля Леруа-Больѣ. Успѣхъ объясняется не только интересомъ самой темы и популярнымъ именемъ автора, но и живою беллетристическою формою очерковъ, на подобіе романа Беллами.

Книжка имѣетъ видъ дневника, который ведется нѣмецкимъ рабочимъ, переплетчикомъ по ремеслу, участникомъ социалистическаго переворота въ Берлинѣ. Соціалисты одержали побѣду, и знамя демократіи развѣвается на королевскомъ дворцѣ и на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ германской столицы. Событіе это относится къ концу столѣтія или къ началу будущаго. Скромный переплетчикъ съ восторгомъ встрѣчаетъ новую эпоху въ жизни человѣчества и не безъ гордости припоминаетъ свою долю участія въ достиженіи великой цѣли. На улицахъ необычайное движеніе; полиціи не существуетъ болѣе; народъ самъ наблюдаетъ за сохраненіемъ порядка. Новое правительство собралось во дворцѣ; оно составилось временно изъ руководителей социальной демократіи въ прежнемъ парламентѣ. Народъ шумно привѣтствуетъ правителей, которые показываются на балконѣ дворца. Статуи прежнихъ королей и полководцевъ пока еще стоятъ на своихъ мѣстахъ; но въ скоромъ времени онѣ будутъ замѣнены статуями умершихъ социальнo-демократическихъ дѣятелей. Рѣшено уже, что передъ зданіемъ университета, вмѣсто статуй братьевъ Гумбольдтовъ, будутъ поставлены изображенія Маркса и Фердинанда Лассала. Многіе буржуа торопятся выѣхать за границу; всѣ государственныя бумаги, закладныя, акціи, долговныя обязательства и банковыя билеты признаны недѣйствительными. Всѣ недвижимости, пути сообщенія, машины и орудія объявлены собственностью государства. Газета, служившая прежде органомъ социалистической партіи, заняла мѣсто „Имперскаго Указателя“; она разсылается всѣмъ бесплатно. Такъ какъ всѣ типографіи принадлежать государству, то частныя газеты перестали выходить. Объявлена всеобщая рабочая повинность для лицъ обоого пола; дѣти и юноши до 21 года воспитываются на общественный счетъ, а старики содержатся въ особыхъ государственныхъ пріютахъ. Армія распущена, налоги и подати отменены, такъ какъ доходы социалистическаго производства будутъ достаточны для общественныхъ потребностей. Врачи и адвокаты получаютъ содержаніе отъ государства и должны служить публикѣ бесплатно.

Но въ первые же дни происходятъ недоразумѣнія, дающія поводъ къ серьезному неудовольствію въ народѣ. Множество рабочихъ откладывало деньги на черный день и держало ихъ въ сберегательныхъ кассахъ; въ томъ числѣ и Агнеса накопила себѣ при-

даное въ двѣ тысячи марокъ. Оказалось, что эти сбереженія также перешли въ собственность государства, въ силу новаго закона о недѣйствительности всякихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ, къ которымъ причислены и книжки сберегательныхъ кассъ. Агнеса въ отчаяніи; женихъ ея съ отцомъ отправляются за справками и по дорогѣ видятъ толпы возбужденныхъ людей. Передъ дворцомъ образовалось громадное сборище; канцлеръ успокоилъ толпу обѣщаніемъ немедленно передать вопросъ о сберегательныхъ кассахъ на разсмотрѣніе законодательной комиссіи. Въ этотъ моментъ прискакала на площадь пожарная команда, вызванная ко дворцу подъ предлогомъ пожара, за неимѣніемъ полиціи; публика встрѣтила команду хохотомъ и мирно разошлась. На другой день министерство рѣшило восстановить должности полицейскихъ, числомъ не болѣе четырехъ тысячъ; а чтобы избѣгнуть неприятныхъ воспоминаній, установлена новая форма для городскихъ — синіе мундиры, вмѣсто голубыхъ, и шапочка съ краснымъ перомъ, вмѣсто каски. Вопросъ о книжкахъ сберегательныхъ кассъ обсуждается въ парламентъ среди сильнаго волненія публики; участвуютъ въ обсужденіи только испытанные социаль-демократы, такъ какъ новыхъ выборовъ еще не было, а полномочія буржуазныхъ представителей были уничтожены. Канцлеръ объяснилъ, что невозможно возратить пять миллиардовъ сбереженій, помещенныхъ большею частью въ поземельно-кредитныхъ и государственныхъ бумагахъ, которыя по закону потеряли свою силу; притомъ выдача этихъ капиталовъ сразу подорвала бы основной принципъ новаго экономическаго строя—принципъ равенства. Истинные социалисты не думали о сбереженіяхъ; подражатели буржуазіи, стремившіеся накопить себѣ маленькіе капиталы, не имѣютъ повода жаловаться, тѣмъ болѣе, что они вполне обеспечены новымъ порядкомъ и будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ отъ государства. Пренія еще продолжались, когда президентъ напомнилъ, что восьмичасовой рабочей день окончился для депутатовъ, и засѣданіе должно быть закрыто. Палата рѣшила вопросъ о сберегательныхъ кассахъ отрицательно. На улицахъ произошли волненія, которыя, однако, прекращены полиціею.

Еще больше волненій вызвано было распределеніемъ работъ и продуктовъ между гражданами, согласно общему плану организаціи народнаго производства и потребленія. Каждый добровольно выбиралъ себѣ профессію, съ представленіемъ доказательствъ своей подготовленности къ данному дѣлу; во мѣсто дѣятельности назначалось правительствомъ, смотря по требованіямъ и условіямъ производства въ разныхъ частяхъ государства. Непоколебимый оптимистъ, записывающій аккуратно свои впечатлѣнія и спокойно ожидающій осуществле-

ни своих завѣтныхъ идей, начинаетъ испытывать разныя неприятности и тревоги. Сынъ его, наборщикъ, переведенъ въ Лейпцигъ, потому что для Берлина достаточно теперь двадцатой части прежняго количества газетныхъ наборщиковъ; свадьбу съ Агнесою пришлось отложить въ долгій ящикъ. Глава семьи остался переплетчикомъ, но въ качествѣ подмастерья, а не мастера; жена его принята сидѣлкою въ дѣтскій пріютъ, но не въ тотъ, гдѣ помѣщена ея дѣвочка. Агнеса назначена бѣлошвейкою, ибо спросъ на модныя вещи сократился. По общему правилу мужа и жены рассматриваются какъ лица вполне самостоятельныя и равноправныя, и супружество, какъ частный союзъ, могущій прекратиться въ каждый данный моментъ, не принимается въ расчетъ правительствомъ при распредѣленіи работъ. Выборъ профессій отдѣльными лицами привелъ къ такому результату, что для замѣщенія многихъ необходимыхъ должностей пришлось прибѣгнуть къ жребию. Кандидатовъ въ надзиратели, инспекторы, контролеры — несравненно больше, чѣмъ нужно; заниматься охотою въ округѣ Берлина пожелало больше людей, чѣмъ нашлось бы зайцевъ на десять миль въ окружности. По числу заявленій, правительство могло бы приставить особаго дѣснаго къ каждому дереву, швейцара — къ каждой двери, кучера — къ каждой лошади, зато каменщиковъ, чернорабочихъ для очистки каналовъ, для тяжелыхъ работъ при огнѣ, на заводахъ и фабрикахъ — заявлено слишкомъ мало. Женщинъ, желающихъ быть кухарками, оказалось гораздо меньше, чѣмъ кандидатокъ въ няньки и горничныя; продавщицъ, пѣвицъ и пр. — слишкомъ много, а сидѣлокъ недостаточно. Въ то же время стали получаться тревожныя извѣстія изъ провинцій: крестьяне ни за что не хотятъ отдать свои земли и орудія въ распоряженіе государства. Сельскіе рабочіе переходятъ массами въ города и особенно въ Берлинъ, въ расчетѣ на болѣе легкую и пріятную жизнь. Для подавленія беспорядковъ правительство вынуждено опять привлечь молодежь къ военной службѣ. Затрудненія увеличиваются, когда настало время для новаго домашняго устройства столичныхъ жителей: распредѣленіе квартиръ, перепись мебели и хозяйственныхъ принадлежностей, очистка прежнихъ помѣщеній и занятіе новыхъ, — все это вызываетъ массу жалобъ. Скромныя хозяйки мечтали о лучшихъ квартирахъ, о какихъ-нибудь виллахъ въ бывшей аристократической части города, а имъ отвели простыя, небольшія комнаты, хуже прежнихъ; собственная мебель, которою каждый дорожилъ, замѣнена какою-то дешевой, и ничего лишняго не полагается. Богатыя, обширныя квартиры назначены для общественныхъ надобностей; предметы роскоши могли достаться только немногимъ, преимущественно официальнымъ лицамъ. Государственныя кухни, открытыя въ Берлинѣ,

даютъ всѣмъ одинаковую пищу, въ томъ именно количествѣ, какое нужно для здоровья, согласно научнымъ вычисленіямъ министерства народнаго питанія. Однообразіе пищи и способъ ея приготовленія особенно не нравятся женщинамъ; мужчины, не избалованные прежними привычками и вкусами, могли бы быть довольны, еслибы не преувеличенная экономія распорядителей.

Весьма забавно описать министерскій кризисъ въ новомъ социалистическомъ государствѣ. Причиной кризиса былъ вопросъ о чисткѣ сапогъ. Рабочіе негодовали на канцлера за то, что онъ не самъ чиститъ свои сапоги и платье, а поручаетъ это дѣло служителю, подобно прежнимъ аристократамъ; онъ не ходилъ также въ общественную кухню своего участка, а получалъ кушанье на домъ. Произшли шумныя уличныя демонстраціи; народъ забрасывалъ канцлера грязью, когда тотъ подъѣзжалъ въ коляскѣ ко дворцу. Конные полицейскіе еще болѣе раздражали толпу своимъ поведеніемъ. Канцлеръ подалъ въ отставку; онъ давно уже представилъ министерству подробную записку, въ которой объяснялъ невозможность для него обойтись безъ прислуги, самому чистить сапоги и платье, убирать комнаты, приносить себѣ завтракъ и обѣдъ и т. п. При множествѣ правительственныхъ дѣлъ онъ не можетъ тратить время на эти хозяйственныя занятія; его костюмъ также нуждается въ починкѣ, а ему неловко показываться съ оторванными пуговицами передъ посланниками великихъ державъ; посылать же платье въ казенныя мастерскія—слишкомъ длинная исторія. Публика не одобряла этихъ доводовъ, ибо съ такимъ же правомъ могли бы требовать себѣ служителей всѣ министры, начальники общественныхъ учреждений, чиновники и распорядители, причѣмъ нарушены были бы самыя основы новаго порядка. Канцлеромъ назначенъ человекъ болѣе скромный, болѣе послѣдовательный въ своихъ принципахъ; но и онъ продержался не долго. Усиленная эмиграція населенія въ чужія страны и особенно въ Америку вызвала энергическія мѣры правительства; всѣ уклоняющіеся отъ рабочей повинности задерживаются на границѣ, а въ случаяхъ тайнаго бѣгства разрѣшено употреблять оружіе. Устроены общественныя удовольствія и зрѣлища для народа; но сельскіе жители жалуются, что на ихъ долю выпадаетъ гораздо меньше удобствъ и развлеченій, чѣмъ для горожанъ. По поводу общественныхъ танцевъ возникаетъ вопросъ о правѣ выбора дамъ и кавалеровъ; дамы утверждали, что каждая изъ нихъ имѣетъ право на кавалера, независимо отъ произвола мужчинъ, такъ какъ одинаковый обязательный трудъ долженъ одинаково вознаграждаться. Чтобы устранить неравенство въ этомъ отношеніи между красивыми и некрасивыми, старыми и молодыми, предложено распредѣлять дамъ и мужчинъ по жребію, передъ тан-

цами. Но развлечения не мешали публике видеть и чувствовать, что дела идут плохо. Народное производство уменьшилось и ухудшилось настолько, что немцам уже платить за необходимые иностранные продукты; Германия очень много задолжала России за сырые материалы; Россия уступила часть своих требований Франции, и обе державы требуют скорой уплаты, под угрозой занятия немецкой территории своими войсками. Вследствие полного упадка предприимчивости и понижения производительности труда, доходы народного хозяйства не достигают расходов на громадную сумму — на миллиард в месяц. Между тем происходят парламентские выборы, давшие большинство правительству в силу давления со стороны распорядителей работ; выбрана также одна дама — жена канцлера. Для покрытия дефицита уменьшается количество мяса в государственных кухнях, причем министерство ссылается на вегетарианцев; платья и другие вещи выдаются жителям худшего качества и т. п. Наконец, работники металлических заводов в Берлине забастовали, поднялась междоусобная война, в то время как французы и русские вступили в германские пределы. Составитель дневника, добродетельный переплетчик, уже раньше подвергся тяжким ударам судьбы: сын его с Агнесою бегал с опасностью жизни в Америку; дочка хирела в приют и умерла; жена слегла от этих потрясений и сошла с ума в больницу. Остался лишь сын Эрнст, которого отец спешит навестить в его заведении, чтобы предостеречь от участия в уличных беспорядках; но в этот момент он убит кем-то из засады, принятый по ошибке за правительственного агента. Об этом печальном конце мы узнаем из письма Эрнста к брату, типографщику в Нью-Йорке.

Евгений Рихтер в своем изложении руководствовался идеями и принципами современных представителей немецкой социальной демократии; он имел в виду разсуждения и указания Бебеля, книги его о женщинах, постановления социалистического конгресса 1891 г. в Эрфурте. Но автор внес в свой рассказ много несообразностей, могущих ослабить общее впечатление и значение его книжки. При полном социалистическом перевороте едва ли останутся неприкосновенными такие учреждения, как канцлерство, имперский сейм и др.; канцлер из рабочих не будет, конечно, жить в королевском дворце и разъезжать в экипаже, когда даже пользование чужими услугами для чистки сапог составляет государственный вопрос и приводит к министерскому кризису. Правители, изображенные Рихтером, как бы нарочно раздражают народ без нужды, напр. конфискацией сумм сберегательных касс; новые коренные законы издаются почему-то группою прежних социа-

листическихъ членовъ имперскаго сейма, безъ избранія новыхъ народныхъ представителей, хотя нѣтъ никакихъ препятствій для немедленныхъ выборовъ при установившемся вѣшнемъ спокойствіи и общемъ воодушевленіи народа. Угрозы Россіи и Франціи припутаны безъ всякаго основанія; требованія уплаты по международному обмѣну товаровъ никогда не служатъ поводомъ къ войнѣ уже потому, что война требуетъ несравненно больше жертвъ и расходовъ, чѣмъ тѣ милліоны, для полученія которыхъ она была бы предпринята. Если Франція воспользовалась бы торжествомъ социалистовъ въ Германіи для захвата нѣмецкой территоріи, то она, конечно, нашла бы для этого болѣе правдоподобныя основанія и не прибѣгла бы къ неприличному коммерческому подвоху; она могла бы прямо потребовать пересмотра вопроса объ Эльзась-Лотарингіи въ виду того, что судьба этой области была рѣшена въ 1871 году безъ спроса и согласія населенія, вопреки коренному принципу народовластія, и противъ такого требованія ничего не могла бы возразить германская демократія. Неправдоподобно также, что руководители нѣмецкихъ социалистовъ распустили бы армію и оставили бы страну безъ защиты отъ вѣшнихъ враговъ; напротивъ, такіе дѣятели, какъ Бебель и Либкнехтъ, всегда выражали недовѣріе и вѣжду—по крайней мѣрѣ къ Россіи, и воинственность Бебеля въ этомъ направленіи не разъ вызвала протесты князя Бисмарка въ парламентѣ.

Французское изданіе книжки Рихтера испорчено, къ сожалѣнію, крайне неудачнымъ, претенціознымъ и скучнымъ предисловіемъ Пола Леруа-Больѣ. Леруа-Больѣ счелъ нужнымъ заранѣе предупредить читателя, что дѣло идетъ объ опроверженіи социалистическихъ идей, что авторъ прекрасно исполнилъ свою задачу и что вообще социализмъ—несомнѣнный и пагубный вздоръ, не выдерживающій серьезной критики. Такъ какъ книжка предназначена прежде всего для интеллигентныхъ рабочихъ, увлекающихся социалистическими теоріями, то предупрежденіе французскаго академика сразу отобьетъ у людей охоту читать эту книжку и возбудитъ къ ней понятное недовѣріе. Чтобы повліять на популярныя воззрѣнія и требованія, надо съ большою осторожностью подходить къ щекотливымъ вопросамъ и разъяснять ихъ незамѣтно, безъ рѣзкостей, не задѣвая народной вѣры и народныхъ идеаловъ; такъ и поступаетъ Рихтеръ въ своей книжкѣ, гдѣ отъ начала до конца говоритъ съ читателемъ работникъ, убѣжденный въ правотѣ новыхъ идей и не поддающійся сомнѣніямъ и разочарованіямъ даже при явныхъ неудачахъ первыхъ социалистическихъ мѣропріятій. Эта незамѣтная постепенность перехода отъ восторженнаго, хвалебнаго тона къ оправдательному и безпокойному придаетъ особенную силу вкрадчивой, замаскиро-

важной аргументации автора; это и составляет главное достоинство его книжки, какъ орудія анти-соціалистической пропаганды въ работѣхъ классѣ. Странно, что такой опытный и компетентный писатель, какъ Поль Леруа-Больё, упустилъ изъ виду эти элементарныя соображенія; не могъ же онъ думать, что книжка нужна для буржуазной публики, которая и безъ того раздѣляетъ проводимые въ ней взгляды на социализмъ. Мало того: Поль Леруа-Больё высказываетъ отъ имени науки такія вещи, противъ которыхъ должны возстать и самые рѣшительные противники идей Бебеля и Либкнехта. Онъ возражаетъ противъ всякихъ попытокъ противодѣйствія социальному неравенству и видитъ признаки опаснаго социализма въ общемъ направленіи внутренней экономической политики современныхъ государствъ—въ выкупѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ казною, въ выкупѣ юлей и рудниковъ, въ устройствѣ пенсіонныхъ государственныхъ массъ для рабочихъ, въ установленіи прогрессивнаго подоходнаго налога, въ ограниченіи наслѣдованія въ боковыхъ линияхъ и т. п. (стр. VII). „Мы слышимъ въ парламентѣ,—говоритъ авторъ,—громкіе голоса, встрѣчаемые рукоплесканіями и требующіе прямо, чтобы французскій банкъ сдѣлался государственнымъ учрежденіемъ, чтобы правительственные чиновники распредѣляли кредитъ“ и т. п.—какъ будто рѣчь идетъ о какихъ-то революціонныхъ, небывалыхъ домогательствахъ демократіи, а между тѣмъ ученый авторъ не можетъ не знать, что національный банкъ является государственнымъ учрежденіемъ въ странахъ несомнѣнно консервативныхъ, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ совершается при правительствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ социальными идеями. Поль Леруа-Больё предлагаетъ отвергнуть за-одно съ социализмомъ все то, что не соответствуетъ экономическимъ понятіямъ и доктринамъ его, Поля Леруа-Больё; но это ужъ слишкомъ много для небольшого предисловія къ книжкѣ, направленной спеціально и исключительно противъ революціонной рабочей демократіи.

II.

La législation internationale du travail, par Paul Boylley. Paris, 1892. Стр. 303. Ц. 8 фр.

Въ книгѣ Поля Буалея обстоятельно разсмотрѣнъ съ различныхъ сторонъ вопросъ объ установленіи нормальнаго рабочаго дня, путемъ международныхъ соглашеній.

Представители рабочаго класса въ Англии, Франціи и Германіи придаютъ крайне преувеличенную важность требованію восьмичасо-

вого рабочаго дня и настойчиво добиваются осуществленія этого пункта своей программы, въ ущербъ другимъ, болѣе существеннымъ интересамъ рабочихъ. Они исходятъ при этомъ главнымъ образомъ изъ теоретическихъ соображеній, основываясь на доктринѣ Маркса. Признавая аксіомою то положеніе, что капиталисты хозяева оплачиваютъ въ сущности только часть труда своихъ рабочихъ и присваиваютъ себѣ, въ видѣ прибыли, доходъ отъ остальной, неоплаченной части рабочаго дня, марксисты придумали весьма простой способъ для восстановленія нарушенной справедливости; они хотятъ отнять у хозяевъ тѣ часы рабочихъ, которые идутъ на образованіе прибыли, за покрытіемъ издержекъ производства и процентовъ на капиталъ. Ограниченіе рабочаго дня восемью часами должно служить первымъ шагомъ къ доведенію рабочаго времени до той нормы, которая соответствуетъ дѣйствительной долѣ рабочихъ въ доходахъ предприятий. Идеаль будетъ достигнуть тогда, когда при рабочей платѣ, возмѣщающей напимѣръ производительность пяти часовъ труда, рабочіе будутъ отдавать хозяину не болѣе этихъ пяти часовъ въ день.

Какую же выгоду извлекутъ рабочіе изъ этого результата и что сдѣлаютъ они съ освободившимися часами, отнятыми отъ дѣла? Неужели капиталисты перестанутъ получать свою прибыль при такомъ ограниченіи рабочаго дня и будутъ наивно платить за пять или даже восемь часовъ труда ту же самую плату, которую даютъ и могутъ давать за десять или двѣнадцать часовъ работы? Капиталисты, быть можетъ, потеряютъ часть своихъ барышей; но несравненно больше пострадаютъ сами рабочіе, вслѣдствіе неизбежнаго значительнаго пониженія рабочей платы, общаго сокращенія производства, упадка промышленности и усиленія заграничной конкуренціи, поставленной въ другія условія. Чтобы восстановить равенство условій съ иностраннымъ производствомъ, предлагаютъ ввести сокращеніе рабочаго дня въ область международнаго законодательства; но, конечно, отказъ какого-нибудь одного государства отъ подобнаго приглашенія сдѣлалъ бы бесплодною всю эту остроумную комбинацію. Не проще ли и не лучше ли было бы для рабочихъ стремиться къ увеличенію заработной платы, т.-е. своей доли въ доходахъ предприятий, соответственно фактическому участию въ созданіи этихъ доходовъ? Если хозяева не доплачиваютъ рабочимъ за извѣстную часть ихъ рабочаго дня, то пусть сдѣлана будетъ прибавка къ платѣ вмѣсто отнятія у капиталистовъ неоплаченныхъ ими часовъ труда.

Къ этому заключительному выводу приходитъ и Поль Буалле въ своей интересной и живо написанной книгѣ. Онъ совѣтуетъ за щитникамъ рабочаго класса взять своимъ девизомъ „справедливость распредѣленія“, а не ограниченіе рабочаго дня. Само собою разумѣется

что вопрос имѣеть еще другую сторону, независимо отъ борьбы между трудомъ и капиталомъ. Ежедневный и однообразный восьмичасовой трудъ вполне достаточенъ для человѣка, имѣющаго еще другіе интересы, кромѣ фабричныхъ и промышленныхъ, — интересы семейные, умственные и общественные. Съ этой точки зрѣнія западно-европейскіе рабочіе могутъ разсчитывать на сочувствіе и поддержку всѣхъ просвѣщенныхъ людей, даже среди интеллигентныхъ и разумныхъ предпринимателей; но сокращеніе рабочаго времени не должно быть орудіемъ борьбы, не должно быть устанавливаемо въ видѣ общей принудительной мѣры, а должно быть достигаемо нравственнымъ вліяніемъ, добровольными переговорами и соглашениями, въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ работы въ различныхъ отрасляхъ производства. О такомъ уменьшеніи рабочаго времени хлопоталъ въ началѣ столѣтія знаменитый филантропъ Робертъ Оуэнъ, считавшій нормальнымъ рабочимъ днемъ двѣнадцать часовъ работы; восьмичасовой рабочей день, понимаемый въ этомъ смыслѣ, имѣлъ бы большое нравственное значеніе и представлялъ бы несомнѣнный прогрессъ, но, какъ способъ достиженія матеріальныхъ выгодъ въ борьбѣ съ капиталомъ, онъ вполне безуспѣшенъ и только напрасно увлекаетъ рабочихъ на ложный путь. Наконецъ, трудно и даже невозможно установить всеобщую обязательную норму рабочаго дня, ибо домашнія работы по заказамъ фабрикъ и заводовъ будутъ неизбежно ускользать отъ наблюденія и контроля; для тяжелыхъ работъ восьми часовъ слишкомъ достаточно, а для другихъ, легкихъ, нечувствителенъ и двѣнадцатичасовой трудъ; сельскія работы, занятія домашней прислуги и т. п. также не могутъ быть оставлены безъ вниманія, и въ концѣ концовъ вышель бы рядъ несправедливостей, болѣе серьезныхъ, чѣмъ прежде. Относительно этихъ различныхъ сторонъ сложнаго и запутаннаго вопроса рабочему днѣ читатель найдетъ поучительныя свѣденія и соображенія въ книгѣ Поля Буаллея.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1892 г.

Дальнѣйшій ходъ холерной эпидеміи.—Вопросы о „подчиненности“ и о „фальшивой гуманности“. — Различная административная практика по отношенію къ способамъ предупрежденія безпорядковъ.—Нѣчто о „либерализмѣ“ и о панегирикахъ. — „Жестокіе нравы“...

Холерная эпидемія продолжаетъ совершать свой грозный обходъ, ослабывая въ иныхъ мѣстахъ, усиливаясь въ другихъ, не подчиняясь, повидимому—конечно, только повидимому—никакимъ опредѣленнымъ законамъ, то обманывая надежды, то не оправдывая опасеній. Будущимъ ея изслѣдователямъ предстоитъ опредѣлить, почему она разразилась, напримѣръ, съ такою силой въ областяхъ донской, кубанской и терской—и такъ мало, сравнительно, похитила жертвъ въ Казани или Тифлисѣ,—почему она развилась въ гораздо меньшей степени въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ, какъ бы ни было грязно, живутъ все-таки чище, чѣмъ въ Москвѣ. Статистическія данныя о ходѣ болѣзни, до сихъ поръ распубликованныя и публикуемыя, не всегда отличаются достаточною полнотою. Такъ напримѣръ, цифры заболѣвшихъ и умершихъ въ Петербургѣ, печатаемыя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, вполне совпадаютъ съ цифрами, показывающими движеніе болѣзни въ петербургскихъ общественныхъ больницахъ; другими словами, заболѣвающіе и умирающіе въ частныхъ квартирахъ какъ будто не всѣ входятъ въ общій счетъ, и въ картинѣ распространенія болѣзни недостаетъ весьма важнаго элемента. По однимъ же больничнымъ отчетамъ нельзя судить о томъ, насколько холера поражаетъ достаточные классы населенія; больные изъ среды послѣднихъ очень рѣдко поступаютъ въ больницы. Нужно надѣяться, что регистрація ведется, по возможности, и по отношенію къ больнымъ этой категоріи. Въ періодъ разгара эпидеміи на нижней Волгѣ, въ официальныхъ бюллетеняхъ помѣщались свѣденія о заболѣвшихъ и умершихъ какъ въ больницахъ, такъ и въ частныхъ домахъ; невозможнаго, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ ничего. Накопляется, по всей вѣроятности, цѣлая масса наблюденій надъ условіями, способствующими или противодѣйствующими развитію эпидеміи; но въ печать проникаетъ, покажется, только весьма немногія изъ нихъ. Намъ не встречалось еще ни одной попытки объяснить, почему такъ различна, въ различныхъ мѣстахъ, процентъ смертности, почему, напримѣръ,

онъ такъ невеликъ, сравнительно, въ Петербургѣ. Существуетъ предположеніе, что это зависитъ, отчасти, отъ слишкомъ широкаго употребленія термина: „холера“, отъ подведенія подъ него, въ нѣкоторыхъ отчетахъ, желудочныхъ болѣзней, сходныхъ съ холерой по принадлежанью, но гораздо менѣе опасныхъ по своему внутреннему свойству, и надобно думать, что это предположеніе не лишено основанія. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ „Еженедѣльныхъ отчетовъ“ статистическаго отдѣленія сиб. городской управы (№ 33), показано, что, отъ 9-го по 15-ое августа, не умерло ни одного человѣка отъ „cholera nostras“, а отъ азиатской холеры—288; такъ какъ въ первой половинѣ августа обыкновенно бываетъ сильна cholera nostras, вслѣдствіе появленія на рынкѣ фруктовъ въ большомъ количествѣ и по дешевой цѣнѣ, то такое полное отсутствіе смертности отъ „домашней холеры“ не говоритъ ли о томъ, что всѣ подобныя случаи записаны за счетъ азиатской холеры ¹⁾. Въ этомъ № „Отчета“ показано, если не ошибемся, въ первый разъ, число умершихъ отъ холеры въ частныхъ домахъ за ту же недѣлю: изъ вышеприведеннаго числа 288—мужчинъ 21, женщинъ 13 и на судахъ (?) мужчинъ 13; но это, повидимому, смертные случаи съ тѣми, которыхъ не успѣли даже доставить въ больницу. Вообще, нынѣшняя эпидемія задала много новыхъ вопросовъ спеціалистамъ и опрокинетъ не одну теорію изъ тѣхъ, которыя уже установились и считались непоколебимыми. Разработка нѣкоторыхъ этихъ вопросовъ и многихъ другихъ принадлежитъ будущему; оно же раскроетъ по крайней мѣрѣ часть тѣхъ скромныхъ, безвѣстныхъ подвиговъ, которые совершаются на каждомъ шагѣ въ борьбѣ съ холерой. Прошло то время, когда можно было считать геройствомъ мимолетное появленіе въ холерномъ госпиталѣ или даже прибытіе въ зараженный холерою городъ. Теперь всѣ знаютъ, что холера не прилипчива въ обыкновенномъ смыслѣ слова, что обходъ больничной палаты, наполненной холерными больными, съ серьезной опасностью не сопряженъ—но всѣ знаютъ также, чѣмъ рискутъ лица, безотлучно находящіеся при холерныхъ больныхъ, и чѣмъ болѣе, посѣщающія ихъ на чердакахъ и въ подвалахъ, гдѣ съ особенною силою свирѣпствуетъ болѣзнь. Сознаніе этого риска не останавливается не только врачей, сестеръ милосердія, студентовъ-медициновъ, но и добровольцевъ святого дѣла. Чтобы составить себѣ

¹⁾ Мы припоминаемъ, что нѣчто подобное было въ Петербургѣ года полтора тому назадъ съ оспенной эпидеміей: врачи показывали въ одной рубрицѣ заботливую натуральную и вѣтринную оспу—и дѣйствительно цифра для оспы оказалась сравнительно преувеличенна; но это было тогда же замѣчено, и по предложенію думъ въ тѣхъ же „Отчетѣ“ открыты три рубрики: для черной, натуральной и вѣтринной оспы. Такая практика была бы необходима и для различныхъ видовъ холеры.

понятіе о томъ, что значитъ у насъ, особенно въ провинціи, уходъ за холерными больными, достаточно прочесть хотя бы фельетонъ извѣстнаго доктора Португалова, напечатанный недавно въ „Новостяхъ“ (№ 221). Сначала, говоритъ г. Португаловъ, холерой заболѣвали почти исключительно „бѣдные люди, которые кутятся въ разныхъ трущобахъ, въ самыхъ убогихъ жилищахъ, въ какомъ-нибудь чуланчикѣ или ветхомъ сарайчикѣ, на заднихъ улицахъ, на заднихъ дворахъ или въ подвальныхъ этажахъ. Попасть врачу въ такую трущобу, особенно ночью, стоитъ не мало труда. Приходится согнуться въ три дуги, держаться руками за боковыя стѣнки (такъ узокъ проходъ), пробираться ощупью въ темнотѣ, спускаясь по крутой, узкой, ветхой, изломанной лѣсенкѣ. Проскользнувъ чрезъ это горное ущелье, попадаешь въ крошечное жилище, самое жалкое, скорѣе достойное подземнаго крота, а не человѣческаго существа. Мебели тутъ почти нѣтъ никакой. Не ищите—тутъ не на чемъ сѣсть, ни что поставить, не найдете вы тутъ чѣмъ писать, ни бумажки, ни чернилъ и пера. Полъ, если есть таковой, чернѣе грязи, и на этомъ полу лежитъ несчастный больной, подчасъ совершенно голый или въ изодранной рубахѣ, и продѣлываетъ весь холерный процессъ. Или съ улицы, покатою къ берегу Волги, чрезъ калитку, обязательно пристегнутую цѣпью или веревкой, чтобъ скотинка не вышла, врачъ, согнувшись и съжившись, пробирается какъ тать на задній или скотный дворъ. Тамъ гдѣ-нибудь внизу самая убогая каморка, деревянный чуланчикъ, гдѣ во весь ростъ человѣкъ не можетъ стать, гдѣ не на чемъ сѣсть, а можно только лечь на землю, и то лишь одному человѣку. Тутъ и лежитъ страдалецъ на кучѣ тряпья, облитого и запачканнаго холерною гадостью. Хорошая половина такихъ несчастныхъ, все-таки, отказывались отправиться въ спеціальныя холерныя больницы. Приходилось тутъ же оказывать помощь на дому“. И все-таки нельзя не признать, что насильственное помѣщеніе такихъ больныхъ въ холерную больницу было бы зломъ еще большимъ, чѣмъ оставленіе ихъ въ жалкомъ ихъ жилищѣ. Невозможность принудительныхъ мѣръ по отношенію къ личности больныхъ и ихъ ближайшихъ родственниковъ, хотя бы и съ самою благою цѣлью, будетъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ поучительныхъ выводовъ, къ которымъ приведетъ ближайшее изученіе послѣдней холерной эпидеміи. Еслибы эта невозможность вездѣ была признана съ самаго начала, не было бы, можетъ быть, одного изъ поводовъ къ ужаснымъ сценамъ, происходившимъ въ іюнь мѣсяцѣ въ нѣкоторыхъ городахъ нижняго Приволжья ¹⁾).

¹⁾ См., напримѣръ, корреспонденцію изъ Астрахани въ № 5889 „Новаго Времени“.

Въ извѣстныхъ органахъ печати всякое общественное бѣдствіе, востигающее Россію, становится предлогомъ къ выходкамъ противъ „либерализма“, противъ приверженцевъ „правового порядка“, противъ всѣхъ и всего, не укладывающихся въ узкія рамки своеобразно понимаемой благонамѣренности. Въ этомъ смыслѣ эксплуатировался прошлогодній голодъ, въ этомъ смыслѣ эксплуатируется теперь и холера. „Московскія Вѣдомости“, усмотрѣвъ гдѣ-то и въ чемъ-то попытку „изобрѣсти самостоятельныя мѣры борьбы съ холерой“ и ускользнуть отъ подчиненія „общимъ правительственнымъ указаніямъ и мѣропріятіямъ“, послѣдили провозгласить необходимость строжайшей дисциплины. „Нѣтъ никакого сомнѣнія“, читаемъ мы въ одной изъ передовыхъ статей этой газеты (№ 186), „что борьба съ холерой должна быть повсемѣстная, но руководство этою борьбой должно находиться въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ правительственной власти, въ данномъ случаѣ — въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ. *Ему должны быть подчинены въ холерномъ вопросѣ всѣ остальные ведомства и учрежденія*“. Нѣсколькими строками ниже газета отступаетъ отъ выставленнаго ею принципа, допуская, рядомъ съ дѣятельностью министерства внутреннихъ дѣлъ, самостоятельную, хотя и „дружную“ дѣятельность министерства путей сообщения. Не въ этомъ, впрочемъ, заключается главный интересъ приведенныхъ нами разсужденій. Намъ поражаетъ въ нихъ всего больше удивительное пристрастіе къ *подчиненности*, непоколебимая вѣра въ единоспасающую силу начальническаго приказа. Безспорно, господствующая роль въ борьбѣ съ холерой должна принадлежать центральной власти, да и не можетъ не принадлежать ей, въ виду громадныхъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, которыми она, и только она одна, располагаетъ; но рядомъ съ нею остается еще достаточно мѣста для свободной инициативы выборныхъ учреждений, общества и частныхъ лицъ. И дѣйствительно, эта инициатива проявлялась и проявляется съ самаго начала борьбы противъ эпидеміи; стоитъ только припомнить ассигновку въ 200 тысячъ рублей, задолго до появленія холеры въ Петербургѣ, сдѣланную петербургскою городскою думой (въ концѣ августа къ той суммѣ присоединены еще 100.000 руб.), энергичныя мѣры, принятыя затѣмъ городскою управой и городскими исполнительными комиссіями (больничной и санитарной), постановленія губернскихъ земскихъ собраній въ Петербургѣ и Москвѣ и многое другое въ томъ же родѣ. Опытъ прошлогодней борьбы съ послѣдствіями неурожаа, на который такъ любятъ ссылаться, искажая его уроки, „Московскія Вѣдомости“, ясно свидѣтельствуетъ объ одномъ: радикальныя мѣры помощи немислимы безъ широкаго участія государственной казны и безъ активнаго содѣйствія правительственныхъ

учрежденій — но всю желанную и возможную пользу онѣ приносятъ только тогда, когда къ нимъ примыкаетъ непринужденный, самоотверженный трудъ частныхъ лицъ, свободно, въ случаѣ надобности, соединяющихся въ болѣе или менѣе постоянныя группы. Въ такомъ трудѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ недостатка и теперь—но онъ далеко не достигъ еще размѣровъ, соотвѣствующихъ тяжести переживаемаго нами бѣдствія. Его нужно вызывать, поощрять, а не загнывать и отталкивать безпрестаннымъ подчеркиваньемъ всемогущества власти и злобнымъ заподозриваньемъ всякой самостоятельной работы.

Другой, еще болѣе печальный способъ утилизовапія холерной эпидеміи и вызванныхъ ею событій—это мотивируемая ими проповѣдь безошадной и моментальной репрессіи. На страницахъ извѣстныхъ газетъ такая проповѣдь не составляетъ новизны; она раздавалась неоднократно и въ прошломъ году, по поводу неурожая. Нетрудно себѣ представить, какимъ богатымъ матеріаломъ послужили для нея приволжскіе беспорядки. Въ образѣ дѣйствій астраханской и саратовской администраціи „Московскія Вѣдомости“ успѣли усмотрѣть признаки „присущей нашему современному обществу фальшивой гуманности“. Астраханскимъ властямъ ставятся въ вину „примирительныя рѣчи“ къ бушевавшей толпѣ, саратовскимъ властямъ—запоздалое обращеніе къ вооруженной силѣ. Въ Саратовѣ,—такъ разсуждаетъ московская газета (№ 187), — „при первыхъ признакахъ волненій, призывается изъ лагеря кутаисскій полкъ, но не для немедленнаго энергичнаго усмиренія этихъ волненій, которыя тотчасъ бы и прекратились, а для прогулки церемониальнымъ маршемъ подъ звуки музыки, послѣ чего полкъ не остался въ городѣ, а возвратился въ лагерь“. На слѣдующій день произошли безчинства, и для прекращенія ихъ „пришлось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, которыя были бы совершенно излишни, еслибы наканунѣ кутаисскій полкъ былъ вызванъ изъ лагеря для дѣйствій болѣе цѣлесообразныхъ, нежели гуманное *предостереженіе* посредствомъ церемониальнаго марша подъ звуки музыки. Истинная гуманность въ подобныхъ случаяхъ заключается въ быстромъ и строгомъ подавленіи первыхъ, хотя бы и слабыхъ признаковъ противозаконныхъ дѣйствій, путемъ немедленнаго арестованія крикуновъ и зачинщиковъ и примѣрнаго ихъ наказанія“. Мы вовсе не беремся защищать астраханскую или саратовскую администрацію — не беремся уже потому, что подробности приволжскихъ беспорядковъ извѣстны до сихъ поръ очень мало и могутъ быть выяснены только судебнымъ производствомъ. Весьма можетъ быть, что кутаисскій полкъ не слѣдовало возвращать въ лагерь; весьма можетъ быть, что были допущены и другія ошибки. Совершенно несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно: что въ моментъ военной прогулки кутаисскаго полка не было еще основаній

къ тѣмъ „болѣе цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ“, на которыя намекаетъ московская газета. Самый фактъ удаленія полка въ лагерь показываетъ съ полною ясностью, что положеніе вещей въ городѣ не было еще угрожающимъ, что порядокъ не былъ еще нарушенъ, а только ивѣлась въ виду возможность его нарушенія. За *возможныя* дѣйствія никто къ отвѣтственности привлеченъ быть не можетъ, уже по той простой причинѣ, что неизвѣстно, будутъ ли они совершены, и если будутъ, то кѣмъ именно. Схватить, по рекомендаціи „Московскихъ Вѣдомостей“, „первыхъ попавшихся крикуновъ и зачинщиковъ“ и тутъ же, при посредствѣ солдатъ, „примѣрно наказать ихъ“ (какъ наказать — это понять не трудно) — значило бы, въ данную минуту, совершить явное правонарушеніе и явную несправедливость. Возбужденное состояніе умовъ — еще не преступленіе, если оно не выражается ни въ чемъ противозаконномъ. Оно налагаетъ на администрацію обязанность принять надлежащія мѣры предосторожности, — но не уполномочиваетъ ее къ насильственнымъ мѣрамъ противъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они вышли на улицу и присоединили свой говоръ къ ея шуму. Изъ официальныхъ и неофициальныхъ сообщеній, относящихся къ саратовскому погрому, не видно, чтобы толпѣ, во время военной прогулки, велѣно было разойтись по домамъ; самый фактъ пребыванія ея на улицѣ не имѣлъ, слѣдовательно, характера ослушанія власти. Что касается до астраханскихъ „примирительныхъ рѣчей“, то прежде всего нужно было бы знать, *когда* онѣ произносились. Во всякомъ народномъ волненіи есть такой моментъ, когда „примирительная рѣчь“, конечно, умѣлая и умѣстная — *можетъ* достигнуть цѣли, можетъ предупредить дальнѣйшія бѣдствія. Сказанная въ такой моментъ, она составляетъ не вину, а заслугу, хотя бы непредвидѣнныя обстоятельства и помѣшали ея успѣху. „Московскія Вѣдомости“ полагаютъ, что такъ называемая „фальшивая гуманность“, допуская разроутаніе безпорядковъ, часто дѣлала неизбѣжной безпопадную ихъ репрессию; мы думаемъ, наоборотъ, что въ репрессіи часто не было бы надобности, еслибы *во-время* была сказана „примирительная рѣчь“, разсѣяно, путемъ убѣжденія, одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя самошь и рядомъ лежатъ въ основаніи нашихъ народныхъ волненій... Чтобы подчеркнуть свой тезисъ, „Московскія Вѣдомости“ прибѣгаютъ, въ концѣ концовъ, къ обычному оружію реакціонной прессы. „Болѣе тѣмъ вѣроятно, — говорятъ онѣ, приведа выписку изъ какого-то подпольнаго изданія, — что наши враги возлагаютъ особую надежду на школу, какъ на „хорошую школу“ для приученія народа къ своей воли и самоуправству, и мы нисколько не удивились бы еслибы, по строгому и внимательному изслѣдованіи недавнихъ поволжскихъ безпорядковъ, оказались въ числѣ подстрекателей не одни „золоторотцы“, о которыхъ пишутъ газеты, — въ особенности въ Саратовѣ,

ставшемъ за послѣднія пять лѣтъ однимъ изъ центровъ нашего либерализма". Комментаріи излишни; замѣтимъ только, что цифра пять едва-ли приведена здѣсь случайно. Пять лѣтъ тому назадъ во главѣ саратовской администраціи былъ поставленъ губернаторъ, послѣ перемѣщенія котораго, въ концѣ прошлаго года, на другую должность „Московскія Вѣдомости“ выражались такъ: „въ саратовскомъ уѣздѣ при прежнемъ губерньскомъ начальствѣ возникли престранные порядки, при которыхъ дѣйствительную силу имѣли не законныя власти, а господствующая партія“. Вотъ, слѣдовательно, куда восходятъ „корни и нити“ саратовскаго „либерализма“, такъ безперемонно заподозриваемаго въ подстрекательствѣ къ уличнымъ беспорядкамъ.

Теоретическія разсужденія о вредѣ „фальшивой гуманности“ и о необходимости немедленной и „примѣрной“ расправы въ особенности опасны теперь, когда такъ легко, въ этой области, совершается переходъ отъ слова къ дѣлу. Характеръ мѣръ, принимаемыхъ въ разныхъ губерніяхъ для предупрежденія и пресѣченія холерныхъ беспорядковъ, далеко не одинъ и тотъ же. Харьковскій губернаторъ, получивъ свѣденія о разрушеніи въ гор. Старобѣльскѣ холернаго барака и о нападеніи, въ хуторѣ Голодаевомъ, на врачей, съ цѣлью недопущенія ихъ къ очисткѣ дворовъ, приказалъ арестовать зачинщиковъ и распорядился производствомъ слѣдствія, „по окончаніи котораго“, какъ сказано въ объявленіи губернатора, „виновные будутъ подвергнуты строжайшему наказанію по суду“. Рязанскій губернаторъ поручилъ земскимъ начальникамъ оберечь населеніе, *путемъ разумныхъ внушеній и убѣжденій*, отъ гибельныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести злонамѣренное распространеніе безсмысленныхъ слуховъ. С.-Петербургскій градоначальникъ ограничился высылкою изъ столицы нѣсколькихъ лицъ, пускавшихъ въ народъ невинныя толки о холерѣ. Казанскій губернаторъ прибѣгалъ въ подобныхъ случаяхъ къ заключенію виновныхъ въ тюрьму, на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Тѣлесныя наказанія были употреблены, сколько до сихъ поръ извѣстно, только въ трехъ губерніяхъ: нижегородской, орловской (вновь назначенный губернаторъ которой былъ прежде нижегородскимъ вице-губернаторомъ) и тобольской. Не доказывается ли уже этимъ однимъ возможность обходиться безъ столь чрезвычайной мѣры? Условія въ Казани и въ Нижнемъ-Новгородѣ болѣе или менѣе одинаковы; если въ одномъ изъ этихъ городовъ порядокъ можетъ быть поддержанъ безъ административныхъ экзекуцій, то почему же онѣ необходимы и неизбѣжны въ другомъ? Въ Нижнемъ-Новгородѣ принята была сначала, по отношенію къ распространителямъ вредныхъ слуховъ, совсѣмъ иная система: они были опредѣляемы на время санитарями въ холерныя больницы. Конечно, противъ такой мѣры можно сдѣлать нѣсколько серьезныхъ

возраженій; можно находить, что она не имѣетъ ни малѣйшей точки опоры въ законѣ, что степень тяжести ея слишкомъ тѣсно связана съ субъективными особенностями подвергаемаго ей лица, дѣлающими ее почти нечувствительной для одного, и до крайности обременительной или даже опасной для другого; можно сомнѣваться и въ тщательности ухода за больными, ввѣреннаго такому санитару—*malgré lui*. Уравновѣшиваются ли всѣ эти неудобства безспорной пользой знакомства съ больничными порядками, проникающаго именно въ среду наиболѣе противъ нихъ предубѣжденную — это вопросъ спорный; но хорошо, во всякомъ случаѣ, уже и то, что отдача въ санитары не заключаетъ въ себѣ ничего унижительнаго, что она рассчитана не столько на устрашеніе, сколько на вразумленіе виновнаго. Какъ бы то ни было, нижегородская административная практика сама скоро отказалась отъ этого нововведенія. Одно время можно было думать, что она вступитъ на путь прямо противоположный и перейдетъ отъ вразумленія къ устрашенію въ самой острой его формѣ. Въ одномъ изъ приказовъ городского губернатора было сказано слѣдующее: „если, Боже упаси, гдѣ-нибудь, пользуясь глупостью и легковѣріемъ темныхъ людей, кому-нибудь удастся нарушить порядокъ, я возстановлю его находящеюся въ моемъ распоряженіи военною силою, зачинщиковъ и подстрекателей повѣшу *немедленно и на мѣстѣ*, а участники жестоко на глазахъ у всѣхъ будутъ наказаны“. Другой, одновременно распубликованный приказъ грозилъ повѣшеніемъ и за такіа дѣйствія, которыя отнюдь не могутъ считаться такимъ нарушеніемъ порядка, который требуетъ вмѣшательства вооруженной силы ¹⁾. Одна изъ петербургскихъ газетъ („Русская Жизнь“) совершенно основательно замѣтила по этому поводу, что право прирѣшенія къ смертной казни и немедленнаго ея исполненія не предоставлено губернатору не только въ мѣстностяхъ усиленной охраны (къ числу которыхъ принадлежитъ нижегородская губернія), но даже въ мѣстностяхъ чрезвычайной охраны. Въ силу ли существованія этой границы для губернаторской власти, или въ силу другихъ обстоятельствъ—до повѣшенія на мѣстѣ преступленія, безъ суда, въ Нижнемъ-Новгородѣ дѣло не дошло; водворилась, зато, та форма административной расправы, которая и прежде нѣсколько разъ примѣнялась въ Нижнемъ во время ярмарки ²⁾, какъ то видно изъ слѣдующаго приказа нижегородскаго губернатора: „въ началѣ холерной эпидеміи въ нижегородской губерніи, среди населенія села Лыскова, макарьевскаго уѣзда, стало замѣчаться нѣкоторое неспокойное настроеніе, видимо возбуждаемое неблагонамѣренными людьми, распускаявшими самыя невѣ-

¹⁾ Поводомъ къ этому приказу былъ камень, брошенный неизвѣстно кѣмъ въ одинъ изъ барачныхъ при холерномъ приемномъ покоѣ.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 10 „Вѣсти. Европа“ за 18-7 г.

роутные слухи о причинѣ заболѣваній холерою, о способѣ леченія больныхъ и погребенія умершихъ и разныя нелѣпости. Независимо отъ принятія нѣкоторыхъ мѣръ для сохраненія порядка въ Лысковѣ, мною было командировано туда особое лицо для совмѣстнаго, съ чинами тамошней полиціи, обнаруженія смутьяновъ. Произведенное на мѣстѣ строгое разслѣдованіе указало на слѣдующихъ, главнѣйшихъ виновниковъ смуты, крестьянъ (слѣдуютъ имена). По моему распоряженію, лица эти арестованы и доставлены въ Нижній, а опредѣленіе степени виновности ихъ поручено учрежденной мною временной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чайковскаго. Комиссія виновность всѣхъ поименованныхъ лицъ нашла вполне доказанною, причемъ наиболѣе виновнымъ признанъ Усовъ. Приказываю: бывшаго лысковскаго санитаря Александра Николаева Усова наказать въ селѣ Лысковѣ 150 ударами розогъ, въ присутствіи доктора, и затѣмъ заключить на три мѣсяца въ нижегородскую тюрьму, — всѣхъ же остальныхъ подвергнуть трехмѣсячному тюремному заключенію въ Нижнемѣ. Приказъ этотъ объявить населенію Лыскова на волостномъ сходѣ, съ предупрежденіемъ, что подобная, а быть можетъ, и гораздо болѣе строгая кара, ждетъ каждаго, кто будетъ тѣмъ или другимъ способомъ противиться исполненію моихъ распоряженій и требованій“. Изъ этого приказа видно, прежде всего, что экзекуція предшествовала однако сложная процедура, отдѣльные фазисы которой соотвѣтствовали довольно близко различнымъ періодамъ уголовно-судебнаго производства: сначала поводъ въ начатію дѣла — полученіе губернаторомъ извѣстія о неспокойномъ настроеніи Лыскова; потомъ разслѣдованіе на мѣстѣ, и наконецъ коллегіальное разбирательство въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ, почему же дѣло не было направлено къ судебному разсмотрѣнію въ общемъ, закономъ установленномъ порядкѣ? Главнымъ аргументомъ въ пользу административной расправы служить обыкновенно ея быстрота, доходящая до того, что наказаніе почти непосредственно слѣдуетъ за проступкомъ; но здѣсь не было и не могло быть ничего подобнаго, уже потому, что обвиняемые были доставлены изъ Лыскова въ Нижній-Новгородъ (а одинъ изъ нихъ отпущенъ для наказанія опять въ Лысково). Можно сказать съ достовѣрностью, что развѣ немногимъ больше продлился бы, въ данномъ случаѣ, судебный процессъ, еслибы онъ — что всегда возможно — былъ выведенъ при этомъ изъ общей очереди. Злонамеренное распространеніе опасныхъ для общественнаго порядка слуховъ составляетъ преступленіе, вполне предусмотрѣнное закономъ; и съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, ничто, казалось бы, не мѣшало возбужденію противъ Усова и его сообщниковъ судебного преслѣдованія. Усовъ, вмѣстѣ съ другими обвиняемыми, былъ привезенъ въ Нижній-Новго-

родъ; затѣмъ онъ перевозится въ Лысково для исполненія надъ нимъ тѣлеснаго наказанія, и опять въ Нижній, для заключенія въ нижегородскую тюрьму. Это можетъ подать поводъ предполагать, что наказаніе Усова было совершено въ Лысковѣ *публично*, какъ то практиковалось въ давно отжившей старинѣ. Требованіе приказа, чтобы экзекуція надъ Усовымъ была произведена *въ присутствіи доктора*, указываетъ впрочемъ еще и на то, что она какъ будто признавалась болѣе, чѣмъ наказаніемъ, такъ какъ считалась опасной для здоровья или жизни наказуемаго...

Трудно было ожидать, что какъ разъ въ то самое время, когда воплѣ обрисовались весьма противоположныя черты административной практики въ Н.-Новгородѣ,—въ одномъ изъ періодическихъ изданій, относящихся себя къ числу „либеральныхъ“, появится безусловно хвалебный отзывъ о ней, въ чемъ эта администрація, собственно говоря, и не нуждалась; но въ наше время невѣроятное часто оказывается возможнымъ. Въ № 215 „Новостей“ (отъ 6-го августа) мы встрѣтили подобную хвалу „новымъ людямъ“ вообще и нижегородскимъ въ особенности. „Гражданинъ, — говорится между прочимъ въ этой статьѣ, — упрекалъ Н. М. Баранова въ жестокости и глумился надъ обществомъ, которое отнеслось сочувственно къ известнымъ угрозамъ, направленнымъ противъ нарушителей порядка. Но общество не понимаетъ только тѣхъ угрозъ, которыя направляются противъ него самого на страницахъ такихъ газетъ, какъ *Гражданинъ*; общество не можетъ уважать журналистовъ, которые проповѣдуютъ страхъ и трепетъ и понимаютъ сильную власть въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ малоразвитый и дурно направленный умъ кн. Мещерскаго. Все мѣстное населеніе и все общество выражало сочувствіе генералу Баранову не за его угрозы, а за ту увѣренность, которую онъ сумѣлъ внушить всѣмъ и каждому, что сильная власть будетъ направлена только противъ злоумышленниковъ и грабителей, и что, наоборотъ, каждый честный человекъ и всякая легальная дѣятельность найдутъ въ этой *сильной власти* полное содѣйствіе, необходимую свободу и опору“. Не напрасно ли, однако, „Новости“ берутся вести рѣчь отъ имени *общества*, да еще *всего* общества? Упоминаемые приказы все-таки не принадлежатъ еще къ числу тѣхъ крупныхъ явленій государственной жизни, о которыхъ возможно только одно мнѣніе. И въ обществѣ, и въ мѣстномъ населеніи эти приказы могли возбуждать, конечно, различныя взгляды—различныя, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что они не всѣ одинаково легко и одинаково откровенно могутъ быть высказаны въ печати. *Увѣренность*, о которой упоминаетъ петербургская газета, на вѣрное раздѣляется не всѣми. Вообще, когда кто-нибудь дѣйствуетъ стремительно и произвольно, не соображаясь съ закономъ и пренебрегая

гарантиями правильного судебного процесса,—онъ всегда, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, рискуетъ впасть въ серьезную ошибку. Понятіе о „злоумышленникахъ“ столь же эластично и неопредѣленно, какъ и понятіе о *злыхъ*, предусматриваемыхъ извѣстнымъ французскимъ изреченіемъ: *que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent!* Демаркаціонная черта между овцами и козлищами не всегда легко различима, и „добрые граждане“ могутъ быть спокойны только тогда, когда самый процессъ различенія совершается съ соблюденіемъ всѣхъ условій, обеспечивающихъ его безошибочность. Все это—азбучныя истины, и мы не думали, что намъ придется напоминать о нихъ „либеральной“ газетѣ. Разнообразны, впрочемъ, самыя представленія о „либерализмѣ“. „Впродолженіи шестнадцати лѣтъ“, — такъ заканчивается статья „Новостей“, — „мы настойчиво проводимъ мысль о необходимости тѣснаго сближенія *руководящей* административной власти съ государственной, общественной и частной дѣятельностью, о необходимости эмансипаціи *труда* отъ подавляющихъ его канцелярскихъ формальностей, неизбѣжно связанныхъ съ системой предварительныхъ ходатайствъ и разрѣшеній. Мы всегда утверждали и будемъ утверждать, что у насъ имѣются прекрасныя учрежденія, благодѣтельные законы, отзывчивое на всякую полезную дѣятельность общество, но правильное функціонированіе государственныхъ, общественныхъ и частныхъ силъ тормазится тщательно культивируемой и охраняемой многочисленной арміей второстепенныхъ и третьестепенныхъ чиновниковъ канцелярской рутинной. Къ этимъ скромнымъ воззрѣніямъ всегда сводился и сводится весь *либерализмъ* (курсивъ въ подлинникѣ) нашей газеты. И вотъ, подмѣтивъ за послѣдніе два года въ общемъ ходѣ центральной административной дѣятельности весьма знаменательные признаки рѣшительнаго поворота въ указываемомъ нами постоянно направленіи, мы не могли не остановиться на нихъ и не воздать должной справедливости непосредственнымъ виновникамъ благодѣтельной перемѣны“.

Совокупность убѣжденій, выразившихся въ этихъ словахъ, очевидно называется *либерализмомъ* только по недоразумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ *profession de foi* „Новостей“ нѣтъ ничего такого, подѣ чѣмъ не могли бы подписаться самыя „охранительныя“ газеты, не исключая и „Гражданина“, съ которыми ратуютъ „Новости“. Какая изъ нихъ не возставала противъ „канцелярской рутинной“, противъ бюрократической волокиты? Какая изъ нихъ станетъ отрицать, что при дѣйствіи учреждений, признаваемыхъ прекрасными, и законовъ, признаваемыхъ благодѣтельными, безъ всякаго вреда можетъ быть ограниченъ произволъ „второстепенныхъ и третьестепенныхъ чиновниковъ“ (въ особенности при полнѣйшемъ просторѣ, предоставляемомъ „сильной властью“)? „Эмансипація“ труда отъ „канцелярскихъ формальностей“

уничтоженіе или ограниченіе „системы предварительныхъ ходатайствъ и разрѣшеній“, замѣна ея такъ называемой „явочной системой“ (т.-е. простымъ *уведомленіемъ* администраціи, вмѣсто испрошенія ея согласія)—все это, въ большинствѣ случаевъ, желательно и цѣлесообразно; но „либеральнымъ“ это можетъ быть названо развѣ съ политико-экономической точки зрѣнія, въ смыслѣ формулы: *laissez faire, laissez passer*.

Статья о „Новыхъ людяхъ“ наводитъ насъ на вопросъ, который вѣроятно приходилъ въ голову многимъ изъ нашихъ читателей. Давно уже русская періодическая печать не была такъ богата панегириками, какъ въ послѣднее время; мы едва-ли ошибемся даже, если скажемъ, что въ иныхъ случаяхъ панегирикъ весьма близко соприкасается съ лестью. Хвалить достойное похвалы, конечно, не грѣшно, какъ не грѣшно смѣяться надъ смѣшнымъ или порицать дурное; но если смѣхъ и порицаніе поставлены въ тѣсныя границы, то не слѣдуетъ ли соблюдать нѣкоторую умѣренность и въ одобреніи? Если немислима сколько-нибудь далеко идущая критика, то не слѣдуетъ ли быть нѣсколько скупѣе на похвальные рѣчи?.. Мы очень далеки отъ мысли о систематическомъ замалчиваніи того хорошаго, что дѣлается въ официальныхъ сферахъ; въ нашихъ обозрѣніяхъ и хроникахъ найдется немало сочувственныхъ отзывовъ о новыхъ законахъ и административныхъ мѣрахъ. Обязательными осторожность и сдержанность въ похвалѣ кажутся намъ только тогда, когда рѣчь идетъ не о дѣлѣ, а о *лицѣ*. Конечно, хвала дѣлу, мы тѣмъ самымъ отдаемъ справедливость и лицу или лицамъ, благодаря которымъ оно совершилось, но отдаемъ справедливость лишь настолько, насколько они прикосновенны именно къ этому опредѣленному дѣлу. Въ дѣятельности нижегородской администраціи, напримѣръ, бесспорно есть симпатичныя стороны, о которыхъ и намъ приходилось упоминать неоднократно; но этимъ нисколько не оправдывалась бы безпредѣльная похвала, неизбежно влекущая всегда за собой либо неполноту, либо невѣрность характеристики.

Когда мы читаемъ вѣсти, идущія съ разныхъ концовъ Россіи, намъ часто приходитъ на мысль восклицаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Грозы“: „жестокіе, сударь, у насъ нравы!“ Словно какое-то повѣтріе пронеслось надъ различными слоями русскаго общества, оставивъ въ немъ что-то черствое, жесткое, располагающее къ мучительству и издѣвательству, грубому или утонченному, смотря по степени внѣшней культуры. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ одесскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“: „на дняхъ въ Одессѣ военное вѣдомство предписало десяти врачамъ немедленно отправиться на Кавказъ. Девять врачей въ тотъ же день уѣхало, а

десятый, В—скій, или въ виду трусости, или въ виду порядочной практики, а можетъ быть и по другимъ традиціоннымъ соображеніямъ (?), объявился больнымъ и отказался отъ поѣздки. Въ тотъ же день весь медицинскій высшій персоналъ, съ начальникомъ во главѣ, явился на квартиру къ доктору В.—Больны?—Точно такъ.—Чѣмъ?—Страданьемъ спинного мозга и сѣдалищнаго нерва.—Признаете полезнымъ прижиганія?—Я самъ думалъ объ этомъ; но не оказалось подъ рукой аппарата.—У докторовъ оказался аппаратъ; сейчасъ же мнимо-больному сдѣлано было около тридцати прижиганій на спинѣ, и комиссія удалась. Врачъ В. уволенъ въ отставку“. Признаемся, мы далеко не убѣждены въ достовѣрности этого разсказа. Странно, во-первыхъ, было бы признать кого-нибудь мнимо-больнымъ безъ подробнаго разспроса и освидѣтельствованія; еще болѣе странно было бы тотчасъ же приступить къ леченію, которое, если допустить существованіе притворства, могло имѣть только характеръ пытки. Отказъ военнаго врача, подъ вымышленнымъ предлогомъ, повиноваться предписанію начальства, направленному къ усиленію средствъ заразы противъ эпидеміи, составляетъ юридическое правонарушеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ безнравственный поступокъ. Какъ правонарушеніе онъ могъ и долженъ былъ повлечь за собою законную кару, которую В. и понесъ въ видѣ увольненія отъ службы, замѣнившаго, по всей вѣроятности, преданіе суду; какъ безнравственный поступокъ, онъ могъ вызвать негодованіе общества и строгое осужденіе со стороны товарищей В.; но ни въ томъ, ни въ другомъ качествѣ онъ не могъ имѣть послѣдствіемъ истязаніе, облеченное въ форму леченія. Мы думаемъ, поэтому, что корреспондентъ что-нибудь не такъ понялъ или не такъ передалъ; но характеристичнымъ, во всякомъ случаѣ, остается тотъ фактъ, что ни въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, ни въ перепечатавшей ихъ сообщеніе петербургской газетѣ, не выражено ни сомнѣнія въ его правдивости, ни хотя бы удивленія по поводу его содержанія, какъ будто бы оно совершенно естественно и понятно. Въ послѣдней газетѣ разсказу корреспондента предпослано только слѣдующее введеніе: „одинъ смалодушествовавшій, по случаю холеры, военный врачъ въ Одессѣ чувствительно поплатился за свою трусость“... Такъ выразиться можно только тогда, когда способъ расплаты признается вполне нормальнымъ и справедливымъ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

И. И. Галаванъ. Метрополитъ пританъ холери пританъ и востраинныхъ правительствъ и ихъ лучшая основа. Для врачей и администраторовъ. Сиб., 1892. Стр. 320. Ц. 2 р.

Авторъ собралъ и резюмировалъ въ своей книгѣ все то, что было сдѣлано наукою и правительствомъ въ Европѣ по поводу холерной эпидемии 1884 года. Добросовѣстный и обширный трудъ г. Галаваня приобретаетъ особенную цѣнность въ настоящее время, въ виду распространения холеры и все еще таинственной загадки во всей Европѣ.

Иванъ. Предохранительная мѣра противъ холеры въ довахъ и сивалхъ. Д-ра В. Гольмстена. Съ предисловіемъ проф. Н. Ф. Здекауера. Второе издание. Сиб., 1892. Стр. 143. Ц. 1 р.

Въ книгѣ г. Гольмстена, которую проф. Здекауръ рекомендуетъ какъ полезную, обращаетъ на себя внимание одна странная особенность: наибольшая часть книги (стр. 22—33) посвящена специальному обзору „предохранительныхъ мѣръ для богатыхъ людей“, т. е. именно тѣхъ, которымъ всего немнѣе грозитъ опасность отъ холерной эпидемии; для „людей среднихъ достатковъ“ (отъ 1.200 р. до 6.000 р. вѣтъ) отводятся уже гораздо меньшая мѣста (стр. 105—135), а третій отдѣлъ — „для людей бѣдныхъ“ — занимаетъ уже всего *два* странички (стр. 135—7). Притомъ въ неизученныхъ частяхъ этой книги 1.200 р. въ годъ, такъ что громаднѣе большинство населения, и именно то, которое наиболее страдаетъ отъ холерной эпидемии, оставлено безъ вниманія авторомъ. Въ его „предохранительныхъ мѣрахъ“ можно бытъ, при рекомендаціи этой книги, какъ полезной, выдѣлать въ виду какаго-либо извѣстнаго, теоретическаго пользы; по извѣстной реальной коллизии книга г. Гольмстена едва не можетъ, при подобной постановкѣ вопроса о холерѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ своей брошюры г. Гольмстенъ отзывался о женщинахъ-врачахъ, какъ объ „ученикахъ акушерки, которая въ публикѣ выдѣлена подъ именемъ женщины-врачей“ (стр. 42). Со стороны врача, пишущаго о „предохранительныхъ мѣрахъ“ для богатыхъ людей, является крайне страннымъ и непростительнымъ такое познаніе объ обществѣннѣмъ фактѣ, что у насъ давно существуютъ женщины-врачи, независимо отъ дѣлать акушерки*.

Иванъ. Изъ трудовъ права, читанная Н. С. Таганцевымъ. Часть обща. Випускъ IV и послѣдній. Сиб., 1892. Стр. XXXI—XXXVII и 1217—1223. Ц. 4 р.

Четвертый и послѣдній выпускъ общей части изъ трудовъ права Н. С. Таганцева посвященъ подробному разсмотрѣнію русской казенной системы. Говоря о тѣлесныхъ наказанияхъ, почетный авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее извѣстное французско-итальянское различіе между и экономиста, Пеллегрини Бачи: „Если въ обществѣ развито гражданское достоинство, то оно отгонитъ сѣчѣнаго изъ своей среды, и это послужитъ для того препятствіемъ къ снисзанію принятія своимъ трудомъ, сдѣлать изъ него врага общества въ

нѣхъ. Но подобная страна еще счастливѣе; къ ней тамъ, гдѣ только-что извѣстный наказаніе принимается въ общество, къ которому она принадлежитъ до осужденія, гдѣ наказанію стоитъ только оглянуться, чтобы взглянуть на вѣдѣнія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости. Тѣлесное наказаніе — характеристическая черта и начальная необходимость для странъ варварскихъ“ (стр. 1458). Такъ какъ профессоръ Н. С. Таганцевъ не можетъ, разумеется, причислить Россію къ „странамъ варварскимъ“, то онъ не признаетъ для насъ „начальной необходимости“ принятія тѣлесныхъ наказаній и убедительно доказываетъ ихъ вредъ и полную непригодность не только какъ карательной, но и какъ тюремно-дисциплинарной мѣры. Замѣчательный куръ проф. Таганцева заключаетъ въ себѣ вообще массу сивдѣній, интересныхъ не только для юристовъ, но и для образованной публики вообще.

К. Головинъ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе. Сиб., 1892. Стр. 245. Ц. 1 р. 60 к.

Авторъ задумалъ возвернуть критическому разбору содержаніе извѣстнаго романа Беллами о „будущемъ нѣхъ“, чтобы показать неосуществимость требованій и теорій социализма; но такъ какъ онъ расширилъ свою задачу и занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ „всѣхъ возможныхъ комбинацій социалистической программы“, на основаніи существующей литературы социальнаго вопроса. Послѣ изложенія и оцѣнки экономическаго преобразованія, описанныхъ въ книгѣ Беллами, авторъ послѣдовательно разбираетъ ученія социальности-теоретиковъ, останавливается на доктринахъ Ринардо, Маркса, Прудона, Лассалы, Родбертуса, Генри Джорджа, говоритъ о развитіи права собственности и земельнаго у разныхъ народовъ и въ заключеніе приходитъ къ тому выводу, что коренная социальная реформа невозможна и неосуществима. „Но если такимъ образомъ, — заключаетъ г. Головинъ, — несбиточны конечная цѣль социализма, неосуществимы идеалы, которые имъ мерещатся, то далеко не столь неосуществимы перенорты, которыми они грозятъ современному обществу. Соціалистическое движеніе безплодно потому что въ умѣхъ рабочаго класса оно только воспитывается одинъ изъ нихъ, но само оно обладаетъ большою. Создать что-либо новое, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, оно едва-ли успѣетъ. Но въ виду той странной заманчивости, которую для многихъ обладаетъ социализмъ, отуманная ихъ головы какою-то притяженіемъ бѣдны, нельзя довольно часто указывать (т. е. нельзя не указывать) на ошибочность его научныхъ основъ, на преувѣличенность его горькихъ сѣтованій, на полную неосуществимость его положительныхъ выводовъ“ (стр. 245). Авторъ, конечно, не падаетъ разутьрить бѣднѣнскихъ социальности-теоретиковъ, а имѣетъ въ виду людей, „искренно увлекшихся и столь же искренно вѣрившихъ въ осуществимость кореннаго общественнаго преобразованія“; этихъ людей „садуетъ постоянно напоминая, что прежде чѣмъ приступить къ разрушенію существующаго нѣхъ, надо хотя бы набросать планъ новаго, призваннаго его замѣнить, и хорошенько убедиться, что планъ это въ самомъ дѣлѣ будетъ пригоденъ для его будущихъ обитателей“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ году
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкой . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Видно разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полудіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ уменьшенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго сентября открываются подписка за послѣднюю четверть 1892 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 30, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. П. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасянова на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливны.—*Иногородные и иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала *Свѣд.*, Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключить въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія, и савонъ мѣстожительствъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, должны платить 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно обязательствъ отъ Почтоваго Департамента, не *можетъ* казъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Высланы* изъ конторы журнала высылаются Конторою только гнѣзъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми ярлыками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Свѣд., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 лин., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 10-Я. — ОКТЯБРЬ, 1892.

Стр.

I.—КАТАРИНА СЕНСКАЯ.—XIV-й вѣкъ.—IX-XV.—Окончаніе.—В. П. Герье	429
II.—У ИСТОЧНИКА.—Наброски и вѣрны.—У.	497
III.—ПИСЬМА С. П. ВОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ.—1877 г.—19-го августа—25-го сентября	726
IV.—ТАМАРА.— Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, кн. А. Р. Перетели.—Перев. В. Л. Величко	877
V.—ЗАКОНЫ СЛУЧАЙНАГО И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА.— Очерки.—А. Васильева	630
VI.—ДЖЕРАРДЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ, и-сь Броддонъ.—Часть вторая: I-VI.—Съ англійскаго.—А. З.	618
VII.—ТЕОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА.—Попытки обоснованія народничества, ст. В. В.—А. В.—иъ	704
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. У моря, изъ А. Сильвестра.—II. Ты не любишь мекл.—Ф. Михайловой	750
IX.—ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ ИДЕИ О ВОИНѢ.—Л. З. Савиничаго.	758
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Деревня: I. Весна.—II. Послѣ кратковременнаго отсутствія.—III. Новая бѣда.—А. М. Жемчужникова	769
XI.—РАЗОЧАРОВАННЫЙ СЛАВЯНОФИЛЪ.—Востокъ, Россія и Славянство, сборникъ статей К. Леонтьева.—К. Леонтьевъ, Национальн. политика, какъ орудіе всемірной революціи.—Кн. С. П. Трубецкаго.	772
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Зачѣмъ слова?—Вл. С. Соловьева.	811
XIII.—ХРОНИКА.—Наша вѣщица торговля въ 1891 г.—Ф.	812
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кончина митрополита Исидора.—Переизбѣна въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія.—Правила объ упрощенномъ городскомъ управленіи и о городскихъ смѣтахъ.—Правила о военномъ положеніи.—Вопросы, относящіеся къ дѣятельности земскихъ начальниковъ	824
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международная рознь и ея неизбежные результаты.—Чувство солидарности передъ опасностью холерной эпидеміи.—Вопросы о международныхъ мѣрахъ санитарной охраны, и разсужденія нѣмецкихъ газетъ по этому предмету.—Недовольство нѣмецкихъ патриотовъ пѣкторами особенностями „новаго курса“ въ Германіи.—Франкофильскія демонстраціи въ Генуѣ и ихъ значеніе.—Французскій дѣла	846
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русскія древности въ памятникахъ искусства, кн. 4, гр. И. Толстого и Н. Кондакова.—А. Сорель, Европа и французскія революціи, т. I.—И. Я. Львовъ, Новое время, новыя пѣсни.—А. В.—Новыя книги и брошюры	861
XVII.—„ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ“.— Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ.—К. Арсеньева	878
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Судебное разбирательство по дѣлу и беспорядкахъ въ тамбовскомъ уѣздѣ.—Главныя причины безпорядковъ, какъ-то обнаружены этимъ процессомъ.—Земскіе выборы и земскія собранія на почвѣ положенія 1890 г.—Какъ-что объ изблбленныхъ и не-изблбленныхъ людяхъ.—Смерть Реана	888
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Россійскаго Общества Плодоводства.	897
XX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Материалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Бриклера, т. VI.—Архивъ кн. Ф. А. Буракина, кн. III.—Биографія А. П. Комелева, т. II.—Вопросы дна и жизни, В. Голдена.—М. В. Безобразова, Философскіе этюды.	
XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

КАТАРИНА СІЕНСКАЯ

(XIV-я ВѢКЪ).

Окончаніе.

IX *).

Такъ окончилось лѣто 1376 года. Но не ради одного примиренія Флоренціи съ папой жила Катарина въ Авиньонѣ; она прибыла туда въ надеждѣ устроить тамъ другое, еще болѣе важное и трудное дѣло. Изнывая сердцемъ надъ разореніемъ Италіи въ войнѣ между городами и папскими кондотьерами, Катарина пришла къ убѣжденію, что корень зла и вражды лежитъ глубже; что онъ кроется въ отчужденіи между Италіей и папствомъ, вследствие переселенія послѣдняго въ Авиньонъ. Только съ водвореніемъ папства на почву Италіи могли быть устранены поводы, поддерживающіе взаимное неудовольствіе. Но возвращеніе папы въ городъ Римъ, который былъ вмѣстѣ и колыбелью, и правовымъ основаніемъ его могущества, имѣло еще болѣе общее и идеальное значеніе въ глазахъ Катарини, чѣмъ умиротвореніе Италіи: только съ прекращеніемъ ненормальнаго положенія, созданнаго въ римской церкви пребываніемъ римскаго епископа въ Авиньонѣ, могло быть начато дѣло исправленія и реформы, въ кот такъ нуждалась современная Катаринѣ церковь. Поэтому Ка: а уже давно, съ самаго начала своей переписки съ Григоръ XI, касалась этого главнѣйшаго вопроса, и теперь она

—ше: сентябрь, 5 стр.

V.—Октябрь, 1892.

28/1

получила возможность лично приложить всѣ свои старанія, чтобы въ Авиньонѣ побѣдить Авиньонъ.

Катарина была совершенно права относительно „плѣненія“ папъ въ Авиньонѣ и чрезвычайно вѣрно постигла значеніе этого мірового вопроса. Но чтобы составить себѣ понятіе о ея заслугахъ въ этомъ дѣлѣ и о трудностяхъ побѣды, которую она поставила себѣ цѣлью, надо имѣть въ виду происхожденіе авиньонскаго папства и условія, въ которыхъ оно находилось.

Удаленіе папъ изъ Рима въ Авиньонъ не было случайностью: двѣ причины (одна—мѣстная, другая—общеевропейская) вызвали это ненормальное уклоненіе въ исторіи католической церкви. Мѣстная причина заключается въ анархіи въ самомъ Римѣ, съ которой издавна, но безуспѣшно боролись папы. Рѣдко проходило правленіе папы безъ кроваваго столкновенія съ его римскими вассалами или подданными. То бунтовала толпа, возбужденная интригами партіи, побѣжденной на папскихъ выборахъ, или недовольная распоряженіями папскаго правительства; еще чаще оружіе противъ папы поднимали феодальные родичи, гнѣздившіеся въ крѣпкихъ башняхъ среди развалинъ императорскихъ дворцовъ и термъ. Такія столкновенія нерѣдко кончались изгнаніемъ или плѣненіемъ главы католическаго міра. Въ прежнее время папъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ иногда выручали „римскіе императоры“, т.-е. германскіе короли, ходившіе въ Римъ вѣнчаться императорскою короною и считавшіе себя покровителями и „адвокатами“ церкви. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ папы, не желая подчиниться свѣтской власти императоровъ, содѣйствовали паденію священной римской имперіи, они остались лицомъ въ лицу съ своими мятежными подданными въ Церковной Области. Съ другой стороны, паденіе имперіи содѣйствовало усиленію другой власти въ Европѣ и зависимости папства отъ нея. Въ упорной борьбѣ съ могущественными Гогенштауфенами папы искали опоры во Франціи. Иннокентій IV совершилъ крутой поворотъ въ этомъ направленіи: онъ предалъ проклятію Фридриха II на соборѣ, созванномъ въ Лионѣ подъ защиту Франціи, а провансалець Климентъ IV призывалъ французскаго принца въ Неаполь на престолъ Гогенштауфеновъ. Французское вліяніе при папскомъ дворѣ стало вслѣдствіе этого возрастать, и когда столкновеніе между самымъ притязательнымъ изъ папъ, Бонифациемъ VIII, и Филиппомъ IV Красивымъ, установителемъ національнаго государства во Франціи, кончилось торжествомъ короля, то это было вмѣстѣ съ тѣмъ и подчиненіемъ папства французскому вліянію. Такое положеніе дѣла характерно выразилось въ *конклавѣ*, состоявшемся въ 1305 году,

по смерти Бенедикта XI, кратковременнаго преемника Бонифація VIII. Собравшіеся въ Перуджіи кардиналы находились 11 мѣсяцевъ въ настоящемъ *заключеніи* подъ стражей вооруженныхъ жителей Перуджіи, такъ что четверо изъ 19 кардиналовъ за это время заболѣли и должны были быть выпущены изъ конклава. Результатомъ необычайно продолжительныхъ выборовъ было избраніе въ папы посторонняго лица, Бертрана де-Го, архіепископа бордоскаго. Извѣстный флорентинскій лѣтописецъ Виллани приписывалъ этотъ выборъ хитрости Филиппа Красиваго и въ своемъ разсказѣ разоблачилъ закулисную интригу до мелкихъ подробностей. Историческая критика давно заподозрила разсказъ лѣтописца и въ настоящее время считаетъ его „совсѣмъ устраненнымъ“¹⁾. Но въ виду продолжительности конклава очевидно, что происходили тайные переговоры съ Франціей, и можно считать несомнѣннымъ, что не только кардиналы, бывшіе личными противниками Бонифація VIII и его политики, какъ Наполеонъ Орсини, но и другіе члены конклава, видѣли въ избраніи француза лучшее средство поднять авторитетъ папства, поникшаго подъ ударами Франціи.

Послѣдствія ихъ выбора, однако, во всякомъ случаѣ оказались для нихъ весьма неожиданными. Новый папа Климентъ VI на пути въ Италію остановился въ Лионѣ и имѣлъ тамъ свиданіе съ Филиппомъ IV, и, по уговору ли съ нимъ или по личнымъ побужденіямъ—опасенію римскихъ раздоровъ и симпатіи къ своей родинѣ—вызвалъ изъ Италиіи кардиналовъ и вѣнчался въ Лионѣ на папство, а затѣмъ поселился въ Авиньонѣ, на самой границѣ тогдашней Франціи. Пребываніе въ Авиньонѣ Климента VI имѣло еще временный характеръ, но уже Іоаннъ XXII окончательно устроился въ своей новой столицѣ. Преемникъ же Іоанна, Бенедиктъ XII началъ въ 1339 г. сооруженіе на авиньонской скалѣ великолѣпнаго замка—дворца для себя и своихъ преемниковъ, и съ тѣхъ поръ папы зажили въ этомъ мирномъ уголкѣ южной Франціи такъ же роскошно и привольно, вдали отъ своей мятежной столицы, какъ впослѣдствіи французскіе короли въ построенномъ ими Версалѣ—въ сторонѣ отъ шумнаго и непокорнаго Парижа.

Начиная съ Климента, семь разъ подъ-рядъ на папство избирались французы; при французскихъ папахъ большинство кардиналовъ назначалось изъ французовъ, курія приняла совершенно французскій характеръ, и папство какъ бы навсегда укоренилось на берегахъ Роны. За все это время, однако, не сходилъ

¹⁾ Souchon. Die Pabstwahlen, von Bonifaz VIII bis Urban VI. 1888.

съ очереди вопросъ о возвращеніи папства въ Римъ. Два противоположныхъ по своему характеру стремленія не давали ему замолкнуть—принципъ римско-католической и итальянской патриотизмъ. Римъ былъ столицею католичества, потому что онъ былъ его колыбелью. Сила католичества и авторитетъ папы обуславливались связью съ Римомъ и непрерывностью римской традиціи. Власть папъ была основана на идеѣ ихъ преемственности апостолу Петру, какъ первому римскому епископу; мыслимо ли было папство вдали отъ римскихъ святынь? Къ этимъ личнымъ соображеніямъ присоединилось то, что пренебреженіе папами римской святыней можно было считать главнымъ источникомъ неудовлетворительнаго состоянія тогдашней церкви. Французскіе папы въ Авиньонѣ лично не всё заслуживали дурной репутаціи, которую имѣетъ въ исторіи авиньонское папство: между ними были люди ученые, строгіе въ нравахъ и въ различныхъ отношеніяхъ стоявшіе выше многихъ изъ своихъ римскихъ предшественниковъ, но тѣмъ не менѣе авиньонское папство представляетъ собою одну изъ худшихъ эпохъ въ исторіи католической церкви ¹⁾. Римская курія пожинала въ XIV в. плоды усилій великихъ іерарховъ среднихъ вѣковъ установить единство церкви на началѣ авторитета римскаго епископа. Результатомъ этихъ усилій была поразительная централизація церковной власти. Среди анархіи и политическаго дробленія тогдашней Европы сложилось могущественное духовно-свѣтское государство, опередившее всё прочія монархіи въ политическомъ искусствѣ и послѣдовательномъ проведеніи системъ бюрократическаго управленія обширнымъ цѣлымъ изъ одного центра. Но эта политическая завоевательная задача римской іерархіи была окончена. Земная власть „викарія Божьяго“ достигла высшей точки своего могущества. Судьба Бонифація VIII показала, что простирая далѣе притязанія на подчиненіе свѣтскихъ государей власти папъ было опасно или по крайней мѣрѣ бесплодно. Тогда сталъ совершаться переворотъ въ характерѣ римской теократіи, постоянно подготовлявшійся. Какъ всегда бываетъ въ исторіи, за эпохой завоеванія и созиданія послѣдовала пора пользованія достигнутыми успѣхами, и еще разъ оправдалось положеніе, что власть—это деньги. Доведенный до совершенства административный механизмъ продолжалъ по прежнему работать, но искусство *управленія* церковью перешло въ искусство *извлеченія* изъ нея до-

¹⁾ Справедливую апологію авиньонскаго папства можно найти у французскаго ученаго Жебара въ статьѣ о Катаринѣ Сиенской, см. „Revue des deux Mondes“, 1 Sept. 1889. Подробный разборъ этого вопроса, съ указаніями на различные взгляды и литературу, см. у Pastor, „Gesch. d. Päpste“ etc., I, 55—59.

ходоу, и куріальная бюрократія превратилась въ благоустроенный фискальный аппаратъ. Назначеніе прямо изъ Рима на церковныя должности и обращеніе этого назначенія въ доходную статью куріи давно уже подавало поводъ къ злоупотребленіямъ и жалобамъ; въ XIV вѣкѣ оно было доведено до крайнихъ размѣровъ, и система *аннатъ*, *резерваций* и *эспектай* была разработана до мельчайшихъ подробностей. Это направленіе нашло себѣ въ Авиньонѣ новую и благодатную почву. Денежныя дѣльцы г. Кагора, который служилъ биржей для южной Франціи и окрестныхъ странъ, не уступали въ ловкости и плутовствѣ ломбардскимъ и флорентинскимъ банкирамъ и ростовщикамъ. Въ лицѣ Іоанна XXII, уроженца Кагора, духъ изобрѣтательной алчности завладѣлъ папствомъ, и кагорскіе дѣльцы заплотнили курію; французскіе канонисты и легаты, наполнявшіе теперь папскій дворъ, искусно прилагали свой изворотливый умъ къ выгодному для куріи толкованію каноновъ и папскихъ декреталій, и храмъ Господень—церковь—снова обратился въ мѣняльную лавку. Сигнатурой авиньонскаго періода и безусловнымъ надъ нимъ приговоромъ становится слѣдующее признаніе долголѣтнаго и преданнаго папской куріи слуги ея, францисканца Альвара Пилачія, въ его сочиненіи „О платѣ церкви“: „Всякій разъ, какъ я входилъ въ покои папскихъ придворныхъ прелатовъ, я встрѣчалъ тамъ мажеровъ и священниковъ, занятыхъ счетомъ и взвѣшиваніемъ лежавшихъ тамъ грудами золотыхъ“.

Можно указывать на то, что уменьшеніе доходовъ съ владѣній въ Италиі заставило авиньонскихъ папъ хлопотать объ увеличеніи церковныхъ доходовъ; но нельзя не упомянуть о томъ, что и въ авиньонской куріи встрѣчались люди святого образа жизни и безкорыстные прелаты; авиньонскіе дѣльцы были не всегда хуже своихъ римскихъ предшественниковъ,—они только не имѣли на своей сторонѣ преимущества послѣднихъ: ореола римской святости и авторитета римской традиціи; подъ ихъ руками управленіе церковью получило уже слишкомъ прозаическій и открытый характеръ *эксплуатаціи*, и міръ сталъ наполняться всеобщимъ жалобами на *симонию*, т.-е. продажность іерархіи, и на ея неизбѣжное послѣдствіе—безсердечную алчность прелатовъ. Слова обвиненія, столь часто встрѣчающіяся въ письмахъ Катаринны къ папамъ, сказаны уже Пилачіемъ: „Волки господствуютъ въ церкви, они питаются кровью; кровью обогрена душа каждаго изъ нихъ“. Къ этимъ нареканіямъ присоединяется другой поводъ къ неудовольствіямъ противъ пребыванія папъ въ Авиньонѣ. Вдали отъ Рима папство не только теряло обаяніе, которое ему давала свя-

тость мѣста и древность традиціи, но непосредственно утрачивало уваженіе своею зависимостью отъ французскихъ королей и французской политики. Климентъ V своимъ позорнымъ поведеніемъ въ процессѣ тампьеровъ доказалъ явно всему міру, что онъ—простое орудіе въ рукахъ Филиппа IV. Іоаннъ XXII руководился въ своей ожесточенной борьбѣ съ германскимъ императоромъ Людовикомъ Баварскимъ французскими интересами; положеніе французскаго папства стало очень щекотливо во время долготѣйшей войны между Франціей и Англійей, и на рѣзкую оппозицію англійскаго парламента противъ папскихъ притязаній и доходовъ не остались безъ вліянія милліоны золотыхъ, данные взаимно французскимъ королемъ во время ихъ войны съ англичанами. Такимъ образомъ, по многимъ поводамъ папство въ Авиньонѣ должно было лишиться въ глазахъ другихъ народовъ своего мірового католическаго характера. Наконецъ, пребываніе папъ въ Авиньонѣ сдѣлалось источникомъ недуга, который распространялся изъ центра и сталъ постепенно ощутителенъ на всемъ пространствѣ церкви—*абсентеизмъ* прелатовъ. Этотъ абсентеизмъ прелатовъ находилъ себѣ полное оправданіе въ удаленіи главы церкви—римскаго епископа изъ своей епархіи; а съ другой стороны, въ этомъ всеобщемъ абсентеизмѣ коренилась язва тогдашней церкви—эгоизмъ и матеріализмъ высшаго духовенства, развращавшаго низшій клиръ и убивавшаго вѣру мірянъ въ теократію. Прелаты стали смотрѣть на свои должности какъ на дорого купленные *синекуры*, и старались извлекать изъ нихъ какъ можно больше удовольствія и пользы; многіе изъ нихъ, пренебрегая своими обязанностями, изъ корыстолюбія и тщеславія тѣснились въ Авиньонѣ вокругъ источника всякой милости. Близкая взаимная связь между недостатками прелатуры и авиньонскимъ папствомъ характерно выступаетъ въ слѣдующемъ краткомъ разговорѣ, который имѣлъ Григорій XI, тотчасъ послѣ своего посвященія, съ однимъ изъ епископовъ, находившихся при его дворѣ. „Зачѣмъ ты не живешь въ своей епархіи?“ спросилъ новый папа. „Мы всѣ станемъ жить въ нашихъ епархіяхъ,—отвѣтилъ епископъ,—когда папа будетъ жить въ своей великой епархіи—Римѣ“. Урокъ былъ внушителенъ, и на него ничего нельзя было возразить. Но если въ самомъ Авиньонѣ сознавали ненормальное положеніе дѣла и совѣстились, то внѣ куріи, во всемъ остальномъ мірѣ, давно уже тѣмъ тяготились. Это общее чувство католическаго міра наглядно выразилось въ появленіи въ Авиньонѣ, изъ далекаго скандинавскаго сѣвера, благочестивой шведской принцессы, Бригитты—впослѣдствіи канонизованной, которая стала побуждать своими пророче-

скими видѣніями и угрозами небесной кары папу Урбана V возвратиться на престолъ св. Петра.

Рядомъ съ этими усиліями во имя римско-католической идеи вернуть папство въ Римъ, тянутся черезъ весь вѣкъ подобныя же попытки, которыя коренятся въ итальянскомъ патріотизмѣ. Можно сказать, что, при всемъ различіи между XIV вѣкомъ и XIX-мъ, римскій вопросъ стоялъ пять вѣковъ тому назадъ точно такъ же въ центрѣ итальянскаго патріотизма, какъ и въ наше время, съ тою разницей, что если нынѣшніе патріоты требуютъ, чтобы папа отказался отъ обладанія Римомъ, тогдашніе настаивали на томъ, чтобы онъ утвердилъ свою власть въ Римѣ.

Итальянскій патріотизмъ развился въ XIV-мъ вѣкѣ какъ слѣдствіе возникновенія національнаго языка и литературы, и потому творцы литературной славы Италіи были вмѣстѣ съ тѣмъ корифеями итальянскаго патріотизма и вождями въ развитіи національнаго самосознанія. Поэтому же мы находимъ ихъ въ первомъ ряду между поборниками принципа водворенія папства въ Римѣ. Въ знаменитой поэмѣ объ „Адѣ“ Дантъ, въ выраженіяхъ глубокаго негодованія, заклеилъ память виновника „гадкаго дѣла“, „пастыря безъ закона“, а по смерти Климента обратился въ итальянскимъ кардиналамъ, — сравнивая ихъ съ Фаэтономъ, который вышибъ міръ изъ колесъ, — съ пламеннымъ воззваніемъ порадовать за невѣсту Христову, за ея градъ, за „нашу Италію“ и предать „позоръ Гасконьи“ (т.-е. французскихъ кардиналовъ), захотѣвшихъ изъ алчности лишить латинянъ чести, на посрамленіе потомству“.

Не менѣе Данта принималъ это дѣло въ сердцу Петрарка, жизнь котораго почти въ точности покрываетъ собою весь авиньонскій періодъ. И въ юношескихъ сонетахъ, и въ „старческихъ письмахъ“, Петрарка ратуетъ за возвращеніе папы въ Римъ; онъ выступаетъ рѣзкимъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожнымъ порицателемъ авиньонской жизни, и въ открытой полемикѣ съ авторомъ французскаго памфлета противъ Рима становится официальнымъ защитникомъ его правъ противъ Авиньона. Въ 1341 г. совершилось вѣнчаніе на Капитоліѣ Петрарки лавровымъ вѣнкомъ поэта; это событіе еще тѣснѣе сблизило Петрарку съ Римомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указало на новое побужденіе для итальянскихъ патріотовъ дорожить Римомъ. Петрарка удостоился этой чести за начатую имъ латинскую поэму „Африка“, которая должна была воспѣть побѣду Сципіона Африканскаго, и которая въ глазахъ современниковъ воскрешала какъ воинское величіе древняго Рима, такъ и его литературную славу, продолжая дѣло

Виргилія. Такимъ образомъ, классическая традиція Рима присоединилась къ церковной, и *первымъ* гуманистъ, прославляя прошлое, имѣлъ двойной поводъ скорбѣть о падшемъ величїи Рима. Не только языческой Римъ былъ въ то время въ развалинахъ, — но и восторжествовавшей надъ нимъ христіанской или церковной Римъ. Не поддерживаемый болѣе ни щедротами папъ, ни подаяніями богомольцевъ, храмы Рима обвалились, трава выросла между ихъ плитами и стада паслись до самаго алтаря, въ древнихъ почтенныхъ базиликахъ св. Петра и св. Іоанна Латеранскаго.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ шведская принцесса умоляла Урбана V возвратиться въ городъ, и Петрарка обратился къ нему, 28 іюня 1366 г., съ длиннымъ посланіемъ, въ которомъ онъ патетически изображалъ отчаяніе покинутаго „Ромы“. „Всѣ прочія общины имѣютъ своихъ супруговъ, Тебѣ одному подчиненныхъ, но управляющихъ своими церквами; одна римская — никого, кромѣ Тебя, не имѣетъ. Главнѣйшій во всѣхъ остальныхъ городахъ — въ Римѣ Одинъ Ты епископъ, Одинъ Ты Супругъ церкви. Не о чьей либо чужой, а о Твоей супругѣ, духовнымъ бракомъ съ Тобою обрученной, спрашиваю я Тебя: что она дѣлаетъ? въ какомъ она положенїи? какія у нея надежды?“ „Если Ты молчишь, — обращается поэтъ къ папѣ, — то я отвѣчу самому себѣ: больная, бѣдная, жалкая, покинутаая, облаченная вдовьей одеждой, она днемъ и ночью плачетъ, повторяя слова пророка: „о, какъ одинокая община, когда-то полная людьми, стала подобна вдовѣ, — владычица надъ народами, царица надъ областями стала данницей“... Глубоко вздыхаетъ она о Тебѣ, ибо кто иной могъ бы ее утѣшить; кто кромѣ Тебя въ силахъ произвести переворотъ въ ея душѣ; въ рукахъ у Тебя готовое для нея лекарство; тебѣ извѣстны нужды и бѣды Твоей супруги. И если онѣ, можетъ быть, Тебѣ не всѣ извѣстны, то знай, что съ твоимъ отсутствіемъ она лишилась покоя, миръ отъ нея изгнанъ, постоянны у нея войны, то гражданскія, то внѣшнія; домъ ея въ развалинахъ, стѣны ея падаютъ; ея храмы, святыни погибаютъ; попираются законы, справедливость терпитъ насилия; тоскуетъ и стонетъ несчастный народъ, громко къ тебѣ взывая, къ Тебѣ, да Ты его не слышишь, нисколько не сокрушаешься о его бѣдствїяхъ, не скорбишь о томъ, что имъ нѣтъ конца; Ты не видишь слезъ твоей почитаемой супруги и не воздаешь ей того, къ чему Ты обязанъ“ ¹⁾. Этотъ краснорѣчивый

¹⁾ Petrarchae Opera. 1581 p. 814. Reg. Scula. L. VII.

платъ, произнесенный во всеуслышаніе, предъ всѣмъ образованнымъ міромъ, палъ на почву уже подготовленную. Къ общимъ причинамъ, побуждавшимъ римскаго епископа вернуться на свой престолъ, присоединились личныя и политическія соображенія: неудобства и опасности, которымъ Урбанъ сталъ подвергаться въ Авиньонѣ отъ грабительскихъ шаекъ вольницы, вскормленной франко-англійскимъ раздоромъ, и—предложеніе императора Карла IV проводить папу вооруженной силой въ Римъ, чтобы получить изъ его рукъ императорскую корону. Такъ Урбанъ V—это былъ шестой изъ авиньонскихъ папъ—наконецъ уступилъ голосу церкви и сознанію своего долга и въ 1367 г. переѣхалъ въ Римъ. Но неудобства, которыя онъ тамъ испыталъ и непріятности, которыя тамъ потерпѣлъ отъ римлянъ, были такъ невыносимы, неудовольствіе окружавшихъ его французскихъ кардиналовъ и придворныхъ было такъ сильно, что Урбанъ сталъ думать о возвращеніи въ Авиньонъ. Напрасны были письма Петрарки, убѣждавшаго папу остаться въ Римѣ и восхвалявшаго его за твердость; напрасны были предостереженія Бригитты, что отъѣздъ въ Авиньонъ навлечетъ на Урбана смерть; напрасны были огорченіе и просьбы римлянъ: по прошествіи трехъ лѣтъ Урбанъ V съ разными предосторожностями выбрался изъ города апостоловъ и мучениковъ и снова поселился въ Авиньонѣ. Тотчасъ послѣ своего возвращенія туда онъ умеръ. Итальянцы видѣли въ его неожиданной смерти Божію кару, но совсѣмъ иное толкованіе давали этому факту приверженцы Авиньона; въ ихъ глазахъ неудавшійся опытъ Урбана доказалъ невозможность пребыванія для папъ въ Римѣ, и папство, повидимому, окончательно укоренилось въ Авиньонѣ.

Преемникомъ Урбана V былъ Григорій XI: при болѣзненности этого папы и робости его нрава, приверженцы Авиньона могли считать себя обезпеченными; дѣйствительно, прошло уже болѣе пяти лѣтъ съ его посвященія, когда Катарина Сіенская пришла въ Авиньонъ.

X.

Въ авиньонскомъ вопросѣ Катарина воплощала въ себѣ обѣ упомнутыя нами идеи—*національную*, требовавшую возвращенія папы въ его итальянскую столицу, и *міровую*—католическую, призывавшую римскаго епископа снова возсѣсть на престолъ св. Петра. Катарина, какъ мы видѣли, пришла въ убѣжденію, что

примиреніе Италіи съ папою можетъ произойти только въ Римѣ, а смрадъ авиньонскихъ грѣховъ, который она чувствовала еще въ Сіенѣ, побуждалъ ее звать папу въ Римъ, для исцѣленія церкви отъ ея язвъ,—въ ея святой колыбели—на могилѣ апостоловъ. Но то, чего она такъ страстно желала, направляясь къ папской резиденціи, того именно боялся весь Авиньонъ, весь папскій дворъ, родная семья папы и, наконецъ, онъ самъ.

Престарѣлые родители Григорія XI не хотѣли отпускать сына въ далекій, опасный путь и умоляли его пожалѣть ихъ старость; сестры и племянники не желали утратить своего блестящаго положенія при папскомъ дворѣ; кардиналы и придворные, почти всѣ французы, не хотѣли оставить своихъ роскошныхъ дворцовъ и удобнаго житія въ Авиньонѣ ради переселенія въ Римъ, который представлялъ тогда скорѣе разбойничье гнѣздо, чѣмъ столицу, достойную главы католическаго міра; въ его развалинахъ жалко ютилось нищее, одичалое населеніе въ 17.000 только душъ, постоянно занятое кровавыми стычками то между собою, то съ феодалными баронами въ окрестностяхъ Рима.

Но не Авиньонъ только противился переѣзду папы: за нимъ, можно сказать, стояла вся Франція. „Король, — наивно повѣствуетъ французскій лѣтописецъ того времени,—противился, насколько могъ, возвращенію папы въ Римъ, ибо онъ всегда руководилъ по своему усмотрѣнію послѣдними папами, такъ какъ кардиналы были изъ его родни и приближенныхъ“. Узнавъ, что Григорій XI помышляетъ о переселеніи въ Римъ, король Карлъ V отправилъ въ нему своего брата Людовика Анжуйскаго, чтобы ему это отсовѣтовать. Французскій принцъ очень искусно исполнилъ порученіе, задѣвая Григорія XI за самую чувствительную струну. По крайней мѣрѣ, извѣстный Фруассаръ слѣдующимъ образомъ передаетъ намъ слова, сказанныя папѣ герцогомъ Анжуйскимъ: „Если вы тамъ умрете, что по всему вѣроятію случится, какъ говорятъ мнѣ ваши медики,—римляне, народъ тяжелый и предательскій, завладѣютъ кардиналами и насильно сдѣлаютъ папой, кого захотятъ“. Этотъ тонъ запугиванія усвоило себѣ также все французское духовенство, какъ можно видѣть изъ литературныхъ памятниковъ того времени; одинъ изъ французскихъ монаховъ высказалъ національный взглядъ на римскій вопросъ въ анонимномъ памфлетѣ въ формѣ гомеліи на текстъ: „человѣкъ нѣкій иде изъ Іерусалима въ Іерихонъ и впаде въ руки разбойниковъ“, —причемъ Іерусалимъ обозначалъ Авиньонъ, а жертвой разбойниковъ являлся папа, переселившійся въ Римъ. А въ другомъ литературномъ памятникѣ жгучій вопросъ эпохи былъ чрезвы-

чайно мѣтко выраженъ во внушительномъ разговорѣ, приписанномъ французскому королю и папѣ: „Domine, quo vadis?“ (Господи, куда направляешься?)—спрашивалъ король папу Урбана. „Въ Римъ“,—отвѣтилъ преемникъ св. Петра. „Iterum crucifigi?“ (чтобы снова быть распятымъ?)—спрашиваетъ король.

Все это не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія на Григорія XI; онъ сознавалъ, что долгъ зоветъ его въ Римъ, и можетъ быть его расположеніе къ Катаринѣ объясняется тѣмъ, что онъ находилъ въ ней опору противъ своей нерѣшительности. Его колебанія нисколько не удивительны. Онъ долженъ былъ идти въ римскомъ вопросѣ противъ всѣхъ, кто былъ ему близокъ и дорогъ. Онъ долженъ былъ порвать со всѣми своими привычками и удобствами; онъ родился во Франціи, выросъ въ провансальскомъ климатѣ, среди утонченнаго французскаго общества. Онъ не зналъ итальянскаго языка, и Римъ былъ для него мѣстомъ изгнанія; въ развалившихся римскихъ дворцахъ было неуютно и страшно; вредный климатъ Рима съ окрестными пустырями и болотами былъ опасенъ для его здоровья; одичалые римляне были непокорны и мятежны; они ждали его, чтобы вымогать у него деньги и льготы, а при ихъ коварствѣ и предательствѣ приходилось жить среди нихъ въ постоянномъ страхѣ; отравленные фиги, отъ которыхъ, какъ рассказывали, умеръ Бенедиктъ XI предъ началомъ схизмы, пугали воображеніе и Григорія XI.

И вотъ Катарина Сиенская вступаетъ въ борьбу со всѣми этими личными чувствами, интересами и матеріальными силами, одушевленная великой идеей, которую она въ себѣ воплощала—идеей римской, а для нея — Христовой церкви. Историческій смыслъ, религіозная идея и зиждущая сила католицизма были тогда не въ папской курии, не въ консисторіи кардиналовъ, не въ сонмѣ раздушенныхъ и одѣтыхъ въ бархатъ авиньонскихъ прелатовъ, а въ вѣрующей душѣ и любящемъ сердцѣ сиенской дѣвственницы. Мы можемъ судить объ этой борьбѣ по письмамъ, которыя Катарина посылала папѣ еще изъ Италіи, а потомъ, въ самомъ Авиньонѣ, поддерживая свое устное настояніе или возражая на сомнѣнія папы. Къ сожалѣнію, эти письма не помѣчены числами, и порядковъ ихъ можетъ быть установленъ лишь по общему содержанію. Почтительно и довѣрчиво обращается Катарина къ папѣ, называя его отцомъ или дорогимъ отцомъ (*dolce padre*); она не старается поразить или застрашать папу своими видѣніями и небесными внушеніями, но, зная, какъ другіе его пугаютъ,—утѣшаетъ и ободряетъ его. Съ болью въ сердцѣ

зоветь она папу въ Римъ: „О, горе мнѣ, отче! — восклицаетъ она въ первомъ своемъ письмѣ въ Григорію:—я умираю съ горя и не могу умереть. Придите, придите и не сопротивляйтесь волѣ Божіей, которая васъ зоветъ; голодающая ваша паства ждетъ, чтобы вы явились занять мѣсто вашего предшественника и покровителя апостола Петра. Ибо вы, какъ виварій Христа, должны пребывать на вашемъ собственномъ престолѣ. Идите же, идите, и не откладывайте больше вашего пріѣзда; бодритесь и не бойтесь ничего, ибо Господь будетъ съ вами“¹⁾).

„Говорю вамъ, отецъ мой во Іисусѣ Христѣ, — пишетъ Катарина въ другомъ письмѣ:—чтобы вы приходили скорѣе, какъ кроткій агнецъ. Придите, придите, придите и не дожидайтесь своего времени, ибо время не ждетъ васъ. Тогда вы поступите подобно безвинному Агнцу, мѣсто Котораго вы занимаете, побѣдившему безъ оружія супостатовъ Своихъ одною силой Своей любви“²⁾).

Григорій XI не оставался безучастнымъ въ такимъ мольбамъ. Въ своемъ отвѣтѣ Катаринѣ онъ совѣтовался съ нею относительно времени и способовъ переѣзда. Полная надежды, она ему пишетъ: „Radte mio dolce, вы спрашиваете меня насчетъ пріѣзда вашего; отвѣчаю вамъ и говорю именемъ Христа, распятаго на крестѣ: придите, какъ только можете скорѣе. Если можете, пріѣзжайте раньше сентября; если не можете раньше, то не откладывайте пріѣзда далѣе сентября. И не глядите ни на какія противорѣчія окружающихъ васъ лицъ; но придите, какъ человѣкъ мужественный (по то *virile*) и безболѣзненный. И смотрите, если вамъ дорога жизнь, не приходите съ силой людскою (*sforza di gente*), но приходите съ крестомъ въ рукахъ, какъ кроткій Агнецъ. Поступивши такъ, вы исполните волю Божію; а если придете инымъ способомъ, вы преступите ее и не исполните. Радуйтесь, отче, и ливуйте; придите, придите“³⁾).

Но не однѣми краснорѣчивыми мольбами изъ глубины души своей успѣла Катарина дѣйствовать на папу: изумительно, какъ бойко и съ какимъ знаніемъ дѣла неученая дѣвушка отвѣчаетъ папѣ, когда тотъ переноситъ вопросъ на почву каноническаго права. Изъ числа 26 кардиналовъ 21, то-есть всѣ кардиналы-французы, были рѣшительно противъ переѣзда. Неизвѣстно, насколько папа былъ недоволенъ этой оппозиціей; онъ, однако, ссы-

¹⁾ Lettere III, 115.

²⁾ Lett. III, 161.

³⁾ Lett. III, p. 279.

лась на нее и оправдывался предъ Катариной своей обязанностью слѣдовать совѣтамъ кардиналовъ. Но она не смутилась: Изъ письма, которое вы мнѣ прислали,—пишетъ она папѣ,—я узнала, что кардиналы приводятъ вамъ въ примѣръ папу Климента IV, который, когда ему предстояло какое-либо дѣло, не хотѣлъ рѣшать его безъ совѣта своихъ братьевъ-кардиналовъ. И хотя бы часто ему казалось, что его собственное мнѣніе полезнѣе, онъ тѣмъ не менѣе слѣдовалъ ихъ совѣту. О, горе мнѣ, святѣйшій отецъ! Кардиналы ссылаются вамъ на Климента IV; но не приводятъ вамъ въ примѣръ Урбана V, который въ дѣлахъ сомнительныхъ, когда не зналъ, что лучше, предпринимать ли какое-либо дѣло, или нѣтъ, — спрашивалъ ихъ совѣта. Въ дѣлѣ же, которое было для него ясно — какъ для васъ вашъ переѣздъ, относительно котораго у васъ нѣтъ недоумѣнія — не держался изъ совѣта, а слѣдовалъ своему собственному мнѣнію, не обращая вниманія на то, что все противъ него. Я думаю, что соискать хорошихъ людей имѣетъ въ виду лишь славу Божію, спасеніе души и исправленіе св. церкви, а не себялюбіе. По моему мнѣнію, слѣдуетъ держаться совѣта тѣхъ, кто обо всемъ этомъ заботится, отнюдь же не тѣхъ, кто любитъ только свою собственную жизнь, почесть, имущество и удовольствія, ибо совѣсть людей влечется въ ту сторону, куда влечетъ ихъ сердце“.

Письмо, изъ котораго заимствованы приведенныя слова, одно изъ самыхъ интересныхъ (№ 231). Письма Катаринны часто монотонны: въ нихъ преобладаетъ одно чувство, которое идетъ изъ глубины души, но изливается иногда въ однообразныхъ, повторяющихся выраженіяхъ. Въ письмѣ же, которое теперь передъ нами, Катарина подходитъ къ папѣ съ разныхъ сторонъ, и соответственно съ этимъ измѣняется тонъ письма.

Своимъ вѣрнымъ психологическимъ чутьемъ она предвидѣла, что какъ скоро папа рѣшительно заявитъ о своемъ намѣреніи обратиться въ путь, это вызоветъ такую единодушную сильную оппозицію, такую всеобщую бурю страха, противъ которой, можетъ быть, не устоитъ деликатная натура папы. Поэтому она совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ хитрости въ святомъ дѣлѣ. „Прошу васъ именемъ Христа на крестѣ, да соизволитъ ваше святѣйшество собраться скорѣе. Прибѣгните къ святому обману (*usate il santo inganno*): дѣлая видъ, что хотите промедлить отъѣздомъ, совершите его неожиданно и быстро, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ меньше времени вы будете въ этой тревогѣ и борьбѣ“. Затѣмъ она возвращается къ тѣмъ, которые хотятъ опутать папу въ своихъ сѣтяхъ, и указываетъ ему на примѣръ звѣрей, не попадающихъ

болѣе въ сѣти, изъ которыхъ успѣли уйти. „Вѣдь и вы теперь выпутались изъ сѣти ихъ совѣтовъ, въ которую они васъ втащили, когда вы отложили переѣздъ вашъ. Сѣть эту протанулъ дьяволъ, чтобы причинить тотъ вредъ и то зло, которое и впоследствии довало. Но вы, умудрившись подъ внушеніемъ св. Духа, не впадете болѣе въ сѣть. Такъ скорѣе же отправляйтесь (*andiamet iusto, babbo mio dolce*) безъ всякаго страха. Если Господь съ вами, никто не будетъ противъ васъ. Господь васъ къ этому побуждаетъ, такъ Онъ же и будетъ съ вами. Идите скорѣе къ вашей невѣстѣ (церкви), ожидающей васъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, для того, чтобы оно снова покрылось румянцемъ. Не хочу васъ болѣе отягощать словами, ибо много имѣла бы сказать вамъ. Пробывайте въ святой и сладкой любви Божіей. Простите мою смѣлость“.

Все настойчивѣе становится Катарина; въ слѣдующихъ письмахъ ея голосъ звучитъ строже; она говорить намъ о чувствѣ долга, предъ которыми должны исчезнуть всѣ личныя соображенія и страхи. Духовная сила церкви какъ будто перешла отъ ея владыки къ неутомимой совѣтницѣ его, которая ему писала (№ 233): „Имѣя въ виду, что робкій человѣкъ самъ подсвѣкаетъ силу святого намѣренія своего и благого желанія, я молилась и буду молить дорогого и милосерднаго Иисуса Христа, чтобы Онъ снялъ съ васъ всякій робкій страхъ и вамъ оставилъ лишь страхъ Божій. Да будетъ въ васъ такая сила любви, чтобы заглушить голоса воплощенныхъ демоновъ и отвратить васъ отъ совѣта дурныхъ совѣтниковъ, основаннаго на ихъ себялюбіи; насколько я понимаю, они хотятъ застрашать васъ, чтобы страхомъ помѣшать вашему приѣзду, — говоря вамъ, что въ Римѣ васъ ожидаетъ смерть. Я же говорю вамъ именемъ Христа на землѣ, дражайшій и святѣйшій отецъ, чтобы вы не имѣли никакого страха (*sicragante*) предъ тѣмъ бы то ни было. Приходите съ полнымъ спокойствіемъ, уповайте въ Христа, дорогого Иисуса, ибо, исполняя то, къ чему вы обязаны, вы будете подъ Господомъ, и никто не дерзнетъ быть противъ васъ. Впередъ, мужественно, отецъ (*Su, virilmente, padre*)! Вѣдь я вамъ говорю, что вамъ нечего бояться. Если вы не сдѣлаете того, что вамъ слѣдуетъ, тогда вамъ надо будетъ имѣть страхъ. Вы обязаны придти; такъ приходите же. Приходите мирно, безъ всякаго страха. И если кто-либо изъ домашнихъ захочетъ вамъ помѣшать, то скажите ему съ горячностью, съ какою Христосъ говорилъ св. Петру, когда тотъ, изъ участія къ Нему, хотѣлъ удержать Его, чтобы Онъ не шель на страданіе. Христосъ обернулся къ нему со словами

„отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнѣ, потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое. Развѣ ты не хочешь, чтобы Я исполнилъ волю Отца Моего?“ Такъ поступайте и вы, дорогой отецъ; идите по слѣдамъ Христа, какъ намѣстника Его, совѣтуясь съ самимъ собою и укрѣпляясь въ своемъ намѣреніи и говоря имъ: „тысячу разъ я лишусь жизни, но хочу исполнить волю Отца моего“. Впрочемъ здѣсь дѣло вовсе не идетъ объ утратѣ жизни; напротивъ, вы обрѣтете тамъ жизнь и средство приобрести навсегда жизнь благодати. Такъ бодритесь же и не бойтесь, ибо къ этому нѣтъ повода (III, 291).

Катаринѣ было тѣмъ труднѣе превозмочь вліяніе противниковъ Рима, что между ними были люди съ большимъ нравственнымъ авторитетомъ и святой жизни. Одинъ изъ такихъ „святыхъ и праведныхъ“ людей писалъ папѣ, что хотя его переѣздъ въ Римъ—дѣло благое, но весьма небезопасное. Пугая папу приготовленнымъ ему въ Римѣ ядомъ, онъ совѣтовалъ ему сначала отправить туда вѣрныхъ людей, которые бы приняли всѣ необходимыя мѣры предосторожности. На человѣка нервнѣйшаго, какъ Григорій XI, такой совѣтъ—отсрочить дѣло и принять сначала равныя мѣры, чтобы предупредить опасность, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе. Катарина хорошо понимала это, и письмо ея, въ которомъ она касается этого совѣта, пронизанно необычайною горечью и глубокимъ сарказмомъ надъ мнимымъ „святимъ праведникомъ“. Кромѣ того она была глубоко возмущена коварствомъ совѣтника, который подъ предлогомъ заботы о папѣ страдалъ его и писалъ, что ему и другимъ служителямъ церкви было бы лучше жить между невѣрными сарацинами, чѣмъ среди народа римскаго въ Италіи. „Авторъ письма къ вашему святѣйшеству, — пишетъ Катарина, — поступилъ подобно тому, какъ дѣйствуетъ дьяволъ въ душѣ человѣческой, который часто подъ видомъ добродѣтели и состраданія запускаетъ въ нее ядъ. И въ особенности къ служителямъ церкви примѣняетъ онъ это искусство, ибо видитъ, что одними пороками не могъ бы ввести ихъ въ заблужденіе. Такъ именно и поступилъ, — продолжаетъ она, — этотъ воплощенный дьяволъ; письмо его на видъ написано человѣкомъ благочестивымъ, на самомъ же дѣлѣ оно идетъ отъ людей нечестивыхъ, совѣтниковъ дьявола, расхитителей общаго блага христіанъ, противниковъ исправленія святой церкви, радѣтелей собственной пользы“. Легко однако—заявляетъ Катарина папѣ—будетъ разъяснить себѣ, откуда вытекаетъ данный ему совѣтъ, и прибавляетъ: „мнѣ кажется,

что, въ чести Господней, вы обязаны это сдѣлать". Она однако сама берется разоблачить папскаго совѣтника, причемъ смѣется надъ нимъ, что онъ еще неопытенъ въ своемъ искусствѣ. Ему слѣдовало бы еще поучиться; можно думать, что онъ смислитъ въ немъ менѣе, чѣмъ малый ребенокъ. Она указываетъ папѣ, что его совѣтникъ задѣлъ самую слабую въ человѣкѣ струну, въ особенности же въ тѣхъ людяхъ, которые нѣжны тѣломъ и чувствительны къ земнымъ привязанностямъ, ибо такіе люди болѣе другихъ дорожатъ жизнью. „Но я надѣюсь, что, по милосердію Божію, вы будете болѣе имѣть въ виду честь Господню и спасеніе вашей паствы, чѣмъ самого себя, подобно доброму пастырю, который долженъ положить жизнь за овцы свои“.

Затѣмъ, обращаясь къ самому совѣту, который она называетъ ядовитымъ, Катарина продолжаетъ: „Такъ этотъ ядовитый человѣкъ съ одной стороны одобряетъ вашъ переѣздъ въ Римъ, называя его благимъ и святымъ дѣломъ, съ другой же стороны говоритъ, что для васъ тамъ приготовленъ ядъ! совѣтуетъ послать впередъ довѣренныхъ людей, которые найдутъ ядъ тамъ на столѣ, должно быть въ тѣхъ бутылкахъ вина,—прибавляетъ она еще съ большею ироніей, — которыми отравляютъ людей постепенно въ нѣсколько дней или мѣсяцевъ, или даже нѣсколько лѣтъ. — Но такого рода ядъ можно найти на столѣ и въ Авиньонѣ, и во всякомъ другомъ городѣ, какъ и въ Римѣ; и кромѣ этого *медленнаго* яда вездѣ, конечно, можно найти и настоящій ядъ и купить его въ обильномъ количествѣ, по желанію покупателя. Предлагая послать впередъ довѣренныхъ людей, совѣтникъ вашъ предполагаетъ, „что этимъ путемъ божеское правосудіе достигнетъ тѣхъ нечестивыхъ людей, которые, по его словамъ, ищутъ вашей смерти. Если бы онъ былъ поумнѣе, то ждалъ бы божескаго правосудія надъ самимъ собою; ибо онъ распространяетъ самый худшій ядъ въ святой церкви, желая помѣшкать вамъ въ томъ, чего Господь отъ васъ требуетъ и что вы должны сдѣлать. И знаете ли, какимъ способомъ могъ бы распространиться этотъ ядъ? Не отправляясь въ Римъ, а посылая другихъ, вы этимъ вызвали бы соблазнъ, мятежъ мірской и духовной, такъ какъ люди усмотрѣли бы ложь въ томъ, что заступаетъ для нихъ мѣсто истины. Объявивши о своемъ приѣздѣ и опредѣливши его срокъ, а затѣмъ не приѣжая, вы возбудили бы въ сердцахъ ихъ смущеніе и грѣхъ“... „Очень изумляютъ меня, — заключаетъ Катарина, — слова человѣка, который восхваляетъ благость и святость духовнаго подвига, а затѣмъ хочетъ, чтобы вы изъ плотскаго страха не совершили святаго подвига. Но не таковъ обычай слу-

жителей Божіихъ, чтобы они изъ-за мірскаго и плотскаго ущерба отъязывались отъ духовнаго подвига¹⁾).

Намъ нѣтъ надобности вглядываться глубже въ картину духовной борьбы, которую отражаютъ въ себѣ письма Катаринны. Великій смыслъ этой борьбы заключается въ силѣ глубокаго убѣжденія и идеализма и торжествѣ ихъ надъ личными интересами и матеріальными расчетами. Катарина Сиенская въ Авиньонѣ воплощала собою совѣсть папъ и папства; какъ магнитъ, она невидимо и неудержимо притягивала къ себѣ Григорія XI, который понималъ свой долгъ, но не имѣлъ силы его исполнить.

Наконецъ, она восторжествовала²⁾: слѣдуя буйливо ея совѣту, Григорій XI приказалъ незамѣтно приготовить галеру, на которой онъ собирался плыть внизъ по Ронѣ; 13 сентабря 1376 г. онъ покинулъ навсегда свой авиньонскій дворецъ; его сопровождали 15 кардиналовъ; когда папа, сѣвъ на мула, сталъ спускаться къ берегу, старикъ отецъ легъ поперекъ дороги, восклицая, что, только переѣхавъ черезъ его трупъ, онъ будетъ продолжать свой путь. Но Григорій XI превозмогъ и это тяжелое испытаніе съ помощью библейскаго текста, который былъ неутѣшительнъ и жестокъ для бѣднаго старика. У устья Роны папу ожидала флотилія генуэзскихъ и французскихъ кораблей, чтобы съ почетомъ сопровождать его. Переѣздъ изъ Марсели въ Геную былъ очень мучителенъ вслѣдствіе необыкновенно сильной бури; переѣздъ этотъ, совершающійся теперь менѣе чѣмъ въ сутки, продолжался 16 дней. Одинъ изъ епископовъ, находившихся при немъ, былъ сброшенъ волнами въ море и утонулъ. Это неудачное начало снова придало смѣлости всѣмъ, кто проклиналъ въ душѣ путешествіе въ Римъ. Въ Генуѣ приверженцы Авиньона приступили такъ настойчиво къ папѣ, что онъ въ за-

1) Lett. № 239. III, p. 313—5.

2) Конечно, Григоріемъ XI руководили и политическіе мотивы. Лига итальянскихъ городовъ противъ свѣтской власти церкви могла быть опасна для папства. Краснорѣчныя посланія флорентинцевъ къ римлянамъ, напомиравшія имъ, что доблесть и любовь къ свободѣ всегда были у нихъ наслѣдственны, могли повлечь за собою отпаденіе Рима, и Григорій XI могъ надѣяться своимъ переѣздомъ въ Римъ предупредить это отпаденіе. На этомъ мотивѣ настаиваетъ Грегоровіусъ въ своей исторіи Рима (VI, 461). Но въ очеркѣ дѣятельности Катаринны Сиенской намъ надлежало высказать ея роль, ея вліяніе на возвращеніе папы въ Римъ. Въ этомъ вліяніи вырывается идеальная сторона вопроса—сила идеи, составлявшей душу средневѣковой римской теократіи. Значеніе Катаринны въ этомъ дѣлѣ признано даже писателемъ, во служившимъ понять и оцѣнить ея „религіозный энтузіазмъ и ея мистическій экстазъ“. C'est par son génie, par sa douceur obstinée qu'a été résolue au XIV siècle, au temps le plus douloureux du moyen âge italien, l'éternelle question romaine. Gebh. R. d. 2. T. I, S. 189 p. 184.

сѣданіи консисторіи обѣщаль вернуться назадъ. Но въ Геную же сухимъ путемъ, по каменистымъ тропинкамъ приморскихъ Альпъ и Коль-ди-Тенда, прибыла Катарина. Она „ликовала“ и радовалась „доброй твердости“ (buona fermezza), которую обнаружилъ папа. Сохранилось письмо (№ 238), въ которомъ она выражаетъ Григорію XI это чувство и благодарить его за то, что онъ исполнилъ одну изъ трехъ великихъ задачъ, возложенныхъ на него божественнымъ промысломъ.

Только въ этомъ письмѣ Катарина рѣшается говорить съ папой о своихъ бесѣдахъ съ Христомъ и признается, что наставляла на его поѣздѣ въ Римъ по внушенію свыше: „Когда я, какъ вы мнѣ приказали, молила за васъ нашего дорогого Спасителя, Онъ выразилъ Свою волю, чтобы я вамъ сказала, что вы должны ѣхать въ Римъ; я же извинилась, признавая себя недостойною служить вѣстницей такой тайны, и говорила:—Господь мой, молю Тебя, если такова Твоя воля, чтобы онъ ѣхаль, то Ты воспламени и усугуби его желаніе.—Дорогой же нашъ Спаситель, въ Своей милости, на это молвилъ: „Скажи ему непременно, что это *Моя* воля, чтобы онъ ѣхаль, и что Я даю ему на это лучшее доказательство: тѣмъ болѣе ему будутъ возражать, противиться, чтобы онъ ѣхаль, тѣмъ болѣе онъ станетъ чувствовать въ себѣ такую твердость, которой никто не въ состояніи будетъ лишить его и которой совершенно нѣтъ въ его характерѣ (che è contra il modo suo naturale)“. По этому письму можно судить, съ какимъ огорченіемъ Катарина узнала въ Генуѣ, что Григорій XI намѣревается возвратиться въ Авиньонъ. Но здѣсь ея вліяніе было еще болѣе неотразимо; вдали отъ авиньонскаго двора, ея свиданія съ Григоріемъ XI могли происходить чаще и быть продолжительнѣе. Папа самъ посѣщаль ее въ женскомъ монастырѣ, гдѣ она жила; она при немъ и вмѣстѣ съ нимъ погружалась въ свои молитвы и видѣнія, поднимала его за собою на высоту своего религіознаго экстаза, и папа выходилъ отъ нея съ новой вѣрой и силой для дальнѣйшей борьбы съ самимъ собою и всѣмъ окружающимъ его міромъ. А въ этой борьбѣ все, даже самая природа, была противъ него. Въ открытомъ морѣ буря снова завладѣла папскими галерами и принуждала его, спасаясь отъ нея, заходить едва-ли не въ каждую изъ мелкихъ гаваней по берегу Лигуріи. По прошествіи шести недѣль, проведенныхъ такимъ образомъ, папа наконецъ достигъ Церковной Области, но онъ долженъ былъ остановиться въ мѣстечкѣ Корнето, на сѣверѣ отъ устьевъ Тибра, такъ какъ римляне, отвыкшіе отъ папской власти, не хотѣли безусловно подчиниться ей. Переговоры продолжались слишкомъ мѣсяцъ

и только 17-го января 1377 г. папа совершил свой торжественный въезд въ столицу католическаго міра, привѣтствуемый изъ оковъ цвѣтами и римскими „конфетками“, и поудно вечеромъ достигъ древней базилики св. Петра, освѣщенной 18.000 лампадами.

XI.

Такъ испѣлилась застарѣлая рана тогдашняго вѣка—расколъ между папою и Римомъ—и осуществилось главное условіе для умиротворенія Италіи. Однако кровопролитіе въ ней не тотчасъ прекратилось; по этому поводу мы снова можемъ наблюдать любопытное сплетеніе идеальнаго и земнаго принципа въ римской теократіи. Послѣдовавъ голосу Катаринны Сиенской, которая звала его въ Римъ, Григорій XI не воплію однако ей подчинился. Катарина приглашала викарія Христова занять свое мѣсто не для войны, а для мира; вѣрный завѣту Христа, онъ долженъ былъ побѣждать своихъ враговъ не оружіемъ, а любовью; поэтому она требовала, чтобы онъ вошелъ въ Римъ одинъ, какъ пастырь церкви, а не какъ государь, не во главѣ войска, а съ крестомъ въ рукахъ, который составлялъ его силу и его право и былъ символомъ его призванія.

Но папы давно уже привыкли слѣдовать другому образу, и по примѣру Петра, котораго они были непосредственными преемниками, предпочитали при появленіи враговъ вынимать мечъ изъ ноженъ. Въ ушахъ Григорія XI не даромъ звучало грозное слово—*iterum stucifigi*, и онъ не рѣшался отважиться войти безъ защиты въ разбойничій станъ. Еще въ маѣ онъ отправилъ впередъ въ Италію кардинала Роберта Женевскаго съ новымъ 10.000 войскомъ бретанскихъ наемниковъ, чтобы завоевать отпавшіе отъ него города и посредствомъ гарнизоновъ удерживать въ повиновеніи покорившіеся. Вскорѣ послѣ прибытія папы въ Римъ, 1-го февраля 1377 г., произошло кровавое событіе, которое встревожило и привело въ негодованіе всю Италію. Жители городка Чезены, сохранившіе вѣрность папѣ, но выведенные изъ терпѣнія безчинствами бретонскаго гарнизона, возмутились противъ него и перебили до 300 человекъ. Кардиналъ Робертъ вызвалъ тогда англійскихъ наемниковъ изъ Фанцы, чтобы наказать Чезену; зная, что имъ предстоитъ, большинство жителей, до 8.000, бѣжали изъ города; оставшіяся въ немъ 3—4.000 были всѣ перебиты безъ различія возраста и пола.

Какое впечатлѣніе это кровавое событіе произвело на Ката-

рину, тогда уже возвратившуюся въ Сіену, неизвѣстно. Но къ этому времени, должно быть, относится одно изъ самыхъ строгихъ ея писемъ къ Григорію XI (№ 245).

Давъ папѣ наставленіе „свыше“ въ важномъ дѣлѣ, о которомъ еще придется повести рѣчь, Катарина возвращается къ вопросу о мирѣ. „Другое же дѣло, котораго требуетъ отъ васъ Господь и въ чемъ Его воля, это то, чтобы вы заключили миръ со всей Тосканой, съ которой вы находитесь въ войнѣ, — домогаясь отъ всѣхъ вашихъ нечестивыхъ сыновъ, возмущившихся противъ васъ, не болѣе того, что можно получить отъ нихъ безъ войны, но посредствомъ таковаго наказанія, какое подобаетъ отцу наложить на оскорбившаго его сына...

„Насколько вамъ дорога жизнь, берегитесь нерадѣнія въ этомъ, и не шутите дѣломъ св. Духа, которое вамъ поручено. Если хотите справедливости, то и сами оказывайте ее. И миръ вы обрѣтете, если повинете нечестивую, вредную роскошь, и наслажденіе мира, соблюдая одну только славу Господню и то, что подобаетъ церкви. Вы не бѣдны, а богаты, держа въ рукахъ ключи къ небу; кому вы отопрете, тому оно будетъ отперто; предъ кѣмъ запрете, для того оно останется запертымъ; если станете пренебрегать вашими обязанностями, вы подвергнетесь взысканію со стороны Господа. На вашемъ мѣстѣ я бы опасалась подпасть Божьему правосудію. И потому я умиленно прошу, именемъ Христа на крестѣ, чтобы вы повиновались волѣ Божіей, для того, чтобы не поразила васъ эта жестокая кара: „Будь проклятъ за то, что ты не воспользовался временемъ и силами, которыя Я тебѣ далъ!“

„Я замолкаю... Простите, простите меня, ибо великая любовь моя къ вашему спасенію и великая скорбь, когда я вижу то, что противно ему, побуждаютъ меня говорить. Охотно бы я все это сказала вамъ лично, чтобы вполне облегчить мою совѣсть. Когда угодно будетъ вашему святѣйшеству, чтобы я явилась къ вамъ, я прибуду охотно. Поступайте такъ, чтобы я не взывала отъ васъ къ Христу на крестѣ; ни къ кому иному не могу взывать, ибо нѣтъ могущественнѣе Его на землѣ“.

Скоро Катаринѣ пришлось лично содѣйствовать умиротворенію Тосканы. Она много хлопотала о примиреніи Сіены съ папой, поручала его расположенію сіенскихъ пословъ и просила его быть снисходительнымъ къ его дочери, Сіенѣ, которая по необходимости держитъ сторону его враговъ. Дѣйствительно, все зависѣло отъ главы тосканскихъ городовъ, отъ Флоренціи, и посредничество между Флоренціей и папою сдѣлалось предметомъ вторичной духовно-дипломатической миссіи Катарины; на этотъ разъ ея миссія совер-

шла не по полномочию флорентинской республики, а наоборот, по просьбѣ папы она отправилась проповѣдницей мира во Флоренцію. Случилось это такъ. Уже 17 мѣсяцевъ тяготѣлъ надъ флорентинцами папскій интердиктъ, какъ вдругъ господствовавшая надъ республикой коллегія *восемью* вздумала отмѣнить его собственною властью. Это былъ крайній послѣдовательный шагъ на пути подчиненія церкви свѣтской власти, по которому шла враждебная папѣ партія. До сихъ поръ она ограничивалась тѣмъ, что подвергала поборамъ церковныя имущества и строгимъ наказаніямъ духовныхъ лицъ, не покорявшихся свѣтской власти; но въ область религіозную правительство съ своей стороны не вторглось и, подчиняясь интердикту, признавало извѣстную границу между свѣтскою и духовною властью. Теперь же, отмѣняя интердиктъ, флорентинское правительство отнимало у папы духовную власть и становилось на его мѣсто. Къ тому же, чтобы отмѣна интердикта не оставалась пустымъ словомъ, правители Флоренціи потребовали, чтобы выѣхавшіе изъ своихъ городовъ епископы возвратились туда подѣ страхомъ пени въ 10.000 лиръ, и грозили тяжелыми денежными пенями всѣмъ священникамъ, которые отказались бы возобновить богослуженіе. Слѣдствіемъ этого было большое смущеніе среди той части населенія флорентійскаго, въ которомъ преобладало благочестивое настроеніе. Для нихъ было тяжело лишаться богослуженія и церковныхъ требъ, но еще тяжелѣе было для нихъ насильственное, принужденное возобновленіе церковной службы вопреки запрещенія папы, ибо это означало открытый расколъ, возмущеніе духовенства противъ главы церкви.

Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ приверженцевъ мира, Николай Содерини, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу друзей Катарини. Пріѣхавъ въ Сиену, онъ говорилъ ей, что флорентійскій народъ и всѣ честные люди въ городѣ желаютъ мира; а на вопросъ Раймунда, какимъ способомъ можно было бы получить его, онъ указалъ и на самое средство. По его мнѣнію для этого было бы достаточно, чтобы такъ называемые „капитаны“ гвельфской партіи, воспользовались своимъ правомъ и лишили бы должностей нѣкоторыхъ, отъ четырехъ до шести, какъ говорилъ Содерини, — приверженцевъ войны.

Вскорѣ послѣ этого Катарина отправила своего духовника въ Римъ съ „благими для церкви начертаніями, еслибы только, какъ выражается Раймундъ, они были какъ слѣдуетъ поняты“ ¹⁾. Раймундъ долженъ былъ тамъ остаться, такъ какъ былъ избранъ

¹⁾ Cum bonis, si fuissent intellecti, tractatibus. Raym., p. 420. Acta S., 957.

пріоромъ доминиканской общины въ Римѣ—извѣстнаго *конвента* св. Маріи sopra Minerva (по имени храма Минервы, превращеннаго въ церковь св. Дѣвы).

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ концѣ 1377 г., папа послалъ за новымъ пріоромъ: „Мнѣ писали,—сказалъ онъ ему,—что если Катарина поѣдетъ во Флоренцію, то у меня будетъ миръ“. — „Не только Катарина, но всѣ мы, — замѣтилъ на это Раймундъ,—готовы идти по волѣ вашего святѣйшества, хотя бы на мученическую смерть“. — „Я не хочу, чтобы ты туда отправлялся, ибо съ тобою они нехорошо поступать; но ей, я думаю, они ничего дурного не сдѣлаютъ, потому что она женщина и потому что къ ней относятся съ почтеніемъ“. Вместе съ тѣмъ Григорій XI привазалъ Раймунду приготовить къ слѣдующему дню *бу.лу* и всѣ нужныя для посольства Катарини грамоты.

Катарина немедленно отправилась во Флоренцію и тамъ черезъ посредство Содерини вступила въ сношеніе съ нѣкоторыми „главными гражданами“ и съ вождями гвельфской партіи. Въ этихъ усиліяхъ на пользу мира Катарина встрѣтила затрудненіе, весьма характерное для исторіи „божескаго царства“ въ средніе вѣка и роли аскетическаго идеализма. Высокій спиритуализмъ, въ духѣ котораго Францискъ основалъ свой новый орденъ, не удержался, какъ мы упоминали, среди францисканцевъ, вслѣдствіе чего между ними образовалось два направленія — болѣе умѣренное и склонное къ сдѣлкѣ съ человѣческими слабостями, потребностями, — и идеалистическое, безусловно отвергавшее монастырскую собственность. Представители этого послѣдняго направленія вскорѣ стали примѣнять свой принципъ ко всей церкви, требуя отъ нея отреченія отъ своего имущества и всякой земной власти. Чѣмъ болѣе поэтому папство покровительствовало первому изъ этихъ направленій, тѣмъ рѣзче францисканскіе энтузіасты стали порицать церковь и въ своемъ стремленіи идеализировать ее; многіе изъ нихъ сдѣлались рѣшительными ея противниками. Такимъ образомъ произошелъ любопытный фактъ, — имѣющій не мало аналогій въ исторіи, — а именно, крайній идеализмъ въ церкви сдѣлался источникомъ ея отрицанія и стремленія къ насильственному ея ниспроверженію. Среди францисканцевъ этого направленія партія войны во Флоренціи нашла себѣ неожиданныхъ союзниковъ; возставая противъ смѣшенія духовнаго и свѣтскаго начала въ церкви, они убѣждали народъ не подчиняться интердикту, такъ какъ папа не имѣетъ права изъ-за политическаго раздора лишать христіанъ благъ церкви ¹⁾.

¹⁾ Нозе. Catarina. v. Siena, p. 152.

Сколько раз этот вопрос поднимался въ средніе вѣка и ставилъ въ затрудненіе вѣрныхъ и искреннихъ членовъ католической церкви! Этотъ роковой вопросъ представился теперь и въ жизни Катарини. Всю жизнь свою она посвятила тому, чтобы высоко поднять надъ церковью знамя идеализма и увлечь за собою по этому пути папу; но ея вѣра въ идеализмъ была такъ сильна, что она хотѣла достигнуть его торжества лишь идеальными средствами; поэтому она была возмущена францисканцами, возбуждавшими народъ противъ папы. „Нищенствующіе монахи, — писала она, — гутъ въ своихъ проповѣдяхъ и вводятъ народъ въ ересь“. Она употребила все свое стараніе, чтобы заставить флорентинцевъ уважать интердиктъ, т.-е. удержать ихъ въ лонѣ церкви, — и ей это удалось.

На ряду съ такими стараніями установить духовный миръ, происходили попытки уладить миръ политическій. Здѣсь Катарина дѣйствовала не одна. Вслѣдствіе посредничества французскаго короля и герцога миланскаго, въ Сарданѣ состоялся съѣздъ уполномоченныхъ со стороны папы и союзныхъ итальянскихъ городовъ. Соглашеніе было достигнуто относительно общихъ условій мира: восстановленіе всѣхъ прежнихъ вольностей папскихъ городовъ подъ номинальнымъ владычествомъ папы и удаленіе чужеземныхъ легатовъ. Но денежный вопросъ затянулъ дѣло. Папскіе уполномоченные требовали въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ и церковныхъ убытковъ 800.000 флориновъ, уплата которыхъ должна была быть распределена на половину между Флоренціей и прочими городами.

Во время этихъ переговоровъ Катарина не оставляла въ покоѣ папу, стараясь склонить его своими письмами къ уступчивости и миру. Въ особенности замѣчательно ея послѣднее письмо къ Григорію XI. Желая папѣ добиться истиннаго мира отъ своихъ подданныхъ и сыновей и возвратить ихъ подъ „иго святого повиновенія“ такъ, чтобы онъ могъ самъ жить въ мирѣ и покоѣ души и тѣла, Катарина пишетъ: „Я не сомнѣваюсь, что по заключеніи этого мира будетъ умиротворена вся Италия, всѣ ея города между собою. О, какъ будетъ счастлива душа моя, когда я увижу всѣхъ соединенными другъ съ другомъ узами любви, благодаря святости и милости вашей. Только силою любви устраняется война, которую поднимаетъ человекъ, возмущаясь противъ Господа и подчиняясь власти демона... этимъ только способомъ, какъ я вижу, святѣйшій отецъ, вы побѣдите войну и власть, которую захватилъ демонъ въ сердцахъ вашихъ сыновъ. Ибо демонъ не изгоняется съ помощью демона, но только силою

смирения и кротости вашей вы его изгоните. Только любовью и желаніемъ славы Божіей и спасенія души вы усмирите войну и вражду въ ихъ сердцахъ и возложите горячіе уголья на главу вашихъ мятежныхъ сыновъ. Такъ милосердіемъ и добротой, святой справедливостью и въ теплохъ пламени любви исчезнетъ вражда въ душѣ ихъ, какъ вода въ горячей печи. Да градець впереди благоволеніе (*avanzi la benignita*), отецъ мой, ибо вы знаете, что всякое твореніе, имѣющее въ себѣ разумъ, легче поддается любви и добротѣ, чѣмъ иному чему-либо; а въ особености — наши итальянцы. И не знаю я другого средства, которымъ вы могли бы такъ хорошо овладѣть ими, какъ этимъ. Поступая съ ними такъ, вы получите отъ нихъ все, что захотите“.

Но прежде чѣмъ окончательно состоялся миръ въ Италіи, Катринѣ пришлось испытать тяжелый искусь, который доставилъ ей высокое духовное наслажденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и горе. Слѣдуя указаніямъ Содерини и другихъ флорентійскихъ друзей, она хотѣла содѣйствовать торжеству партіи мира во Флоренціи. Въ этой республикѣ сохранилось, со времени усобиць между гибеллинами и гвельфами, чрезвычайно оригинальное учрежденіе. Для борьбы съ своими врагами гвельфы во Флоренціи организовались въ стройную силу и поставили надъ собою выборныхъ старшинъ — *capitani de parte guelfa*. Послѣ побѣды надъ гибеллинами и изгнанія самыхъ могущественныхъ изъ нихъ, гвельфская организація не была упразднена, и комитетъ капитановъ, постоянно возобновляемый, сталъ на ряду съ органами правительственной власти особымъ самостоятельнымъ и вліятельнымъ учрежденіемъ. Въ XIV в. характеръ и назначеніе этого учрежденія совершенно измѣнились. Это было время усиленія во Флоренціи демократіи, представленной такъ называемыми низшими цехами. Въ борьбѣ противъ притязаній этой демократіи комитетъ гвельфскихъ капитановъ сталъ оплотомъ новой знати, образовавшейся изъ зажиточныхъ (*grassi*) горожанъ. Послѣ временнаго торжества демократическихъ элементовъ во Флоренціи недовольство зажиточнаго класса привело въ 1354 г. къ замѣчательному расширенію полномочій гвельфскихъ капитановъ. Подъ устарѣлымъ предлогомъ борьбы съ гибеллинами и устраненія ихъ отъ правительственныхъ должностей, *капитанамъ* было предоставлено право посылать *предостереженія* (*ammonizioni*) всякому вновь избранному должностному лицу, происходящему отъ гибеллиновъ или заподозрѣнному въ связяхъ съ ними. Такое *предостереженіе* должно было побудить избраннаго отказаться отъ должности и въ случаѣ неповиновенія влекло за собою разорительную денежную пеню.

Это право безусловной политической цензуры, приобретенное „капитанами“, было обращено ими в могущественное орудие своей партии. Особенно часто стали они прибегать к нему в те годы, когда борьба партий усиливалась: такъ, во время войны противъ папы, съ 15-го октября 1377 г. по 14-е июня 1378 г., предостережение было дано 64 лицамъ, а по другому извѣстію—90 лицамъ. Это-то средство имѣлъ въ виду Содерини, когда говорилъ Катаринѣ Сиенской, что удаленіемъ 4—6 человекъ можно дать перевѣсъ во Флоренціи приверженцамъ мира. Согласно съ его совѣтомъ и черезъ его же посредство, Катарина стала убѣждать гвельфскихъ „капитановъ“ устранить тѣхъ, кто тормазилъ установленіе согласія между „отцомъ и сыновьями“. Едва-ли пространная апология этой мѣры въ рассказѣ Раймунда принадлежитъ самой Катаринѣ; ученою игрою словъ и искусственными оборотами мысли она слишкомъ отзывается *школой* и выдаетъ авторство ученаго доминиканца; выставленныя въ ней соображенія слишкомъ растяжкы и, въ исторіи церкви, не разъ подавали поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ, какъ напр. разсужденіе о томъ, что устраненіе отъ власти нѣсколькихъ гражданъ было бы не только полезно для сохраненія земныхъ благъ, жизни и имущества многихъ людей, но еще болѣе необходимо для спасенія душъ, которое невозможно безъ примиренія съ церковью.

Какъ бы то ни было, Катарину втянули во Флоренціи въ борьбу и интриги партий, и она изъ сферы чистаго идеализма, для достиженія духовнаго блага, прибѣгла къ земнымъ средствамъ; для установленія мира она проповѣдовала не любовь, а поддерживала мѣру, заключавшую въ себѣ сѣмя вражды. Ей немедленно пришлось испытать на самой себѣ послѣдствія этой необычайной для нея политики. Въ кругу ея политическихъ друзей рѣчь шла объ устраненіи лишь нѣсколькихъ лицъ, и гвельфскіе капитаны поразили своимъ остракизмомъ только одного изъ членовъ комитета „восьми“ — Джіованни Дини, изъ мелкихъ торговцевъ, и „немногихъ другихъ“; но скоро къ этому примѣшались личныя страсти; „неблагодѣтельные люди“ воспользовались удобнымъ средствомъ, чтобы мстить врагамъ за свои частныя обиды, и число устраненныхъ отъ должностей стало такъ велико, что по всему городу поднялся ропотъ. Напрасно Катарина стала тогда возвышать свой голосъ противъ этого и осуждала извращеніе мѣры, внушенной широкимъ.

Расходившіяся страсти уже нельзя было обуздать; руководители военной партии ловко воспользовались общимъ неудовольствіемъ массы противъ знати и направили раздраженіе народа

противъ виновниковъ „аммоніцій“. Възбѣшенная толпа поднялась и начала разорать и сжигать дома указанныхъ ей лицъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другія изгнаны изъ Флоренціи и имущество ихъ захвачено. Много „невинныхъ“ людей сдѣлались жертвой этихъ неистовствъ, и почти всѣ приверженцы мира были принуждены идти въ изгнаніе. Подстрекатели смуты въ особенности возбуждали толпу противъ Катарини, и по улицамъ раздавались крики: „захватимъ и сожжемъ злодѣйку или уьемъ ее мечомъ!“ Хозяева дома, въ которомъ она жила съ своей общиной, требовали, чтобы она удалась, не желая, чтобы изъ-за нея ихъ домъ былъ сожженъ. Катарина искала убѣжища въ одномъ изъ сосѣднихъ садовъ и тамъ предалась молитвѣ. Туда за нею бросилась дикая толпа съ криками: „гдѣ злодѣйка, гдѣ она?“ При приближеніи убійцъ Катарина стала готовиться къ „давно ею желанному“ мученичеству, и, идя на встрѣчу одному изъ толпы, который съ обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ, кричалъ громче другихъ: „гдѣ Катарина?“—она съ радостнымъ лицомъ стала предъ нимъ на колѣни со словами: „Я—Катарина, дѣлай со мной все, что Господь попуститъ, но именемъ Всевышняго я запрещаю тебѣ трогать кого-либо изъ моихъ“. Остолбенѣвъ предъ своей жертвой, изступленный палачъ воздержался отъ удара и закричалъ: „уйди отъ меня!“ Какъ бы нехотя отказываясь отъ того, что она считала высшимъ земнымъ блаженствомъ—пролить свою кровь за своего Спасителя, она сказала: „Куда мнѣ идти? Я готова пострадать за Христа и за церковь; если тебѣ суждено принести меня въ жертву, дѣйствуй смѣлѣе, я нигуда не уйду“. Тогда палачъ отвернулся и увелъ толпу за собою. „Духовныя дѣти“ ея, окруживъ Катарину, стали поздравлять ее, что она вышла невредимою изъ рукъ нечестивыхъ, но она отвѣчала имъ со слезами: „О, я несчастная! я надѣялась, что сегодня Господь завершитъ мою славу и, удостоивъ меня бѣлой розы дѣвственницы, теперь сподобитъ алой розы мученичества; увы, ради грѣховъ моихъ, я, по справедливому суду Божьему лишилась этого блага. Какъ блаженна была бы душа моя, еслибы увидѣла мою кровь, пролитую изъ любви къ Тому, Кто Своєю кровью мою искупилъ“. И долго еще, какъ видно изъ ея писемъ, она немогла простить своему „Небесному Жениху“ того, что онъ „такъ зло надъ нею насмѣялся“¹⁾ и горевала, что оказалась недостойною запечатлѣть своею кровью камень въ зданіи св. церкви. Въмѣстѣ съ тѣмъ она, однако, съ блаженствомъ вспоминала о

¹⁾ Lo sposo eterno mi fece una grande beffa. IV. 85.

горжественной минутѣ, когда она въ наслажденіи чистой совѣсти чувствовала вѣяніе божественной вѣчности и наступленіе мученичества за вѣчную правду.

Ея приближенные торопили ее оставить Флоренцію и вернуться въ Сиену, но она оставалась непоколебимою, хотя флорентинцами овладѣлъ такой страхъ, — какъ во времена мучениковъ, — что никто не хотѣлъ принять ее къ себѣ въ домъ. Катарина была принуждена удалиться въ безлюдныя мѣста въ сосѣднихъ горахъ, но какъ скоро страсти стали утихать, она вернулась во Флоренцію, гдѣ сначала скрывалась отъ ненависти господствующей партіи, а потомъ снова стала публично дѣйствовать въ пользу мира. Своимъ же друзьямъ она поручала просить папу, чтобы онъ изъ-за случившагося не откладываетъ мира, но имѣлъ состраданіе къ душамъ, обрѣтающимся въ глубокомъ мракѣ, ее же вывелъ бы изъ темницы, такъ какъ, пока не состоится миръ, она не можетъ уйти оттуда.

Наконецъ, этотъ давно желанный миръ дѣйствительно состоялся. Папа согласился уменьшить сумму вознагражденія до 150.000 флоринновъ, а въ концѣ іюля 1378 г. миръ былъ заключенъ въ Римѣ. Какъ была счастлива Катарина — видно изъ ея письма изъ Флоренціи къ ея друзьямъ въ Сиенѣ: „О, сыны мои дорогіе! Господь услышалъ крикъ и голосъ рабовъ своихъ, которые такъ долго взывали предъ лицомъ Его и такъ долго оглашали міръ скорбью надъ мертвыми Его сынами. Но теперь они воскресли, отъ смерти вернулись къ жизни и отъ слѣпоты къ свѣту. О, дорогіе сыны мои, хромые градутъ, нѣмые говорятъ, глухіе слышать, слѣпые видятъ и громкимъ голосомъ вываютъ: миръ, миръ, миръ! Съ великою радостью видимъ мы, какъ блудные сыны возвратились къ повиновенію и милости Отца, и души ихъ умиротворились. Какъ люди, начинающіе прозрѣвать, они возглашаютъ: теперь благодаримъ Тебя, Господи, за то, что Ты помирилъ насъ съ нашимъ святымъ отцомъ. Снова называютъ они *святымъ* милаго агнца — земного Христа, прежде же звали его еретикомъ и катарининомъ ¹⁾. Они признаютъ его снова *отцомъ*, а прежде его отвергали. Я не удивляюсь этому, ибо туманъ спалъ, и небо разъяснилось. Радуйтесь, радуйтесь, дорогіе сыны мои, со сладкими слезами благодарности къ великому и вѣчному Отцу!“

Такъ, среди тревогъ и горя, Катарина увидѣла исполненіе своего самаго горячаго желанія — возстановленіе римскаго епископа на его престолѣ и связанное съ этимъ умиротвореніе Италіи.

¹⁾ Patarino — названіе секты, долго державшееся въ сѣв. Италіи. Lett. IV, № 306, p. 120.

XII.

Возвращеніе папы въ Римъ, при всемъ значеніи, какое оно имѣло для Катаринны Сиенской, было только однимъ изъ *трезъ* требованій, которыя она ему постоянно предъявляла именемъ Христа. Въ письмѣ своемъ въ сиенскимъ друзьямъ, по случаю мира въ Сарцанѣ, Катарина, вслѣдъ за выраженіемъ своей радости, продолжаетъ: „не довольствуйтесь, однако, этимъ, но просите его (папу), чтобы онъ скорѣе поднялъ знамя святѣйшаго креста“. Въ этихъ словахъ выражено завѣтное желаніе, чтобы папа сталъ во главѣ новаго крестоваго похода противъ невѣрныхъ. Торжество креста надъ луною и освобожденіе святыхъ мѣстъ отъ невѣрныхъ было исконнымъ предметомъ заботъ и стараній всѣхъ радѣтелей „божескаго царства“. Въ дни Катаринны Сиенской, правда, эпоха дѣйствительныхъ и успѣшныхъ крестовыхъ походовъ давно миновала, и болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нея Францискъ замѣнилъ проповѣдь похода противъ невѣрныхъ миссіонерствомъ среди нихъ. Но идеи и чувства, служившія движущимъ началомъ крестовыхъ походовъ, не замерли. Они продолжали жить, конечно, прежде всего въ душѣ тѣхъ, которые по своему положенію были представителями и прямыми блюстителями христіанскаго теократическаго строя, т.-е. римскихъ папъ. Можно сказать, что безъ исключенія всѣ папы въ вѣкъ Катаринны носились съ этой идеей и неотступно среди другихъ своихъ заботъ преслѣдовали ея осуществленіе. Правда, мы встрѣчаемся съ фактомъ, что папа Іоаннъ XXII отговариваетъ королей Франціи и Англіи отъ крестоваго похода, на который они рѣшились. Онъ совѣтуетъ Эдуарду сначала внести миръ въ свою совѣсть и замирить свое королевство. А Филиппу V-му папа указываетъ на неблагопріятныя условія для похода: перечисляетъ всѣ междоусобія, раздиравшія тогдашнюю Европу, и совѣтуетъ серьезно подумать, какъ припасти безъ народнаго разоренія средства, нужныя для похода— прежде чѣмъ предпринять *невозможное* дѣло, на которое его наталкиваютъ совѣтники. Но каковыми бы соображеніями ни руководился въ это время Іоаннъ XXII, этотъ самый папа сдѣлался потомъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ходатаевъ за крестовый походъ предъ государями Европы. Онъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы примирить враждующихъ князей и возбудить религиозное рвеніе народовъ. Онъ сталъ душою новаго похода, который не состоялся главнымъ образомъ вслѣдствіе его смерти. Этотъ искусный финансистъ, такъ беззащитно наполнявшій папскую казну

въ Авиньонѣ, не только щедро раздавалъ церковные доходы для крестоваго похода, но, по свидѣтельству Виллани, потратилъ на это дѣло болѣе 18 милліоновъ золотыхъ и кромѣ того продалъ для той же цѣли на 7 милліоновъ драгоценностей. Той же политики держался и преемникъ его, Бенедиктъ XII. Въ 1335 г. онъ повсюду разсылалъ своихъ пословъ къ государямъ, чтобы свариать походъ на Востокъ, и къ епископамъ, чтобы воспламенить рвеніе вѣрующихъ; для той же цѣли онъ наложилъ чрезвычайный налогъ на церковныя имущества Франціи, Англіи и Италіи. Климентъ II, въ качествѣ архіепископа руанскаго, былъ отправленъ въ Римъ, чтобы принести отъ имени своего короля клятвенное обѣщаніе „предъ Великимъ Господомъ, предъ св. отцомъ, предъ церковью римскою и предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ“ предпринять крестовый походъ.

Въ дни Катарини Урбанъ V лично говорилъ проповѣдь о крестовомъ походѣ въ присутствіи трехъ королей—Петра кипрскаго, Іоанна французскаго и Вальдемара III датскаго. Это было въ дни страстей Господнихъ. Время, мѣсто и личность проповѣдника, напоминавшаго о страданіяхъ Христа и о бѣдствіяхъ Іерусалима, такъ глубоко тронули королей, что они со слезами дали обѣтъ идти въ крестовый походъ. Когда смерть Іоанна разрушила задуманное дѣло, Урбанъ дѣятельно хлопоталъ о томъ, чтобы направить „бѣлые полки“—разбойничью вольницу, сплотившуюся во время войны между Англіей и Франціей,—на Востокъ, черезъ Венгрію или Венецію, съ помощью императора Карла IV. Подобнымъ образомъ Урбанъ V старался освободить Италію отъ опустошавшихъ ее полчищъ кондотьера Агута (Hawkwood), направивъ эту необузданную рать противъ турокъ. Точно также и Григорій XI радѣлъ о крестовомъ походѣ и, какъ писала Катарина королевѣ Джіованнѣ неаполитанской, „приказалъ собрать по всей Италіи и во всѣхъ прочихъ странахъ желающихъ воевать за моремъ противъ невѣрныхъ“.

Поднимая православныя народы Запада противъ ислама, папы не руководились только традиціонной политикой Рима или отвлеченнымъ принципомъ теократическаго единства; они отстаивали очень живые интересы, защита которыхъ лежала прежде всего на обязанности римскаго первосвященника.

Въ XIV в. еще сохранились на Востокѣ остатки христіанскаго владычества—армянское царство въ Малой Азіи, кипрское королевство и островъ Родосъ. Этимъ владѣніямъ грозила постоянная опасность, и съ ихъ стороны не прекращались мольбы о помощи. Прибытіе въ Авиньонъ армянскаго, а затѣмъ кипрскаго посоль-

ства, имѣло непосредственное вліяніе на Іоанна XXII и побудило этого папу, сначала нерасположеннаго къ „невозможной“ экспедиціи, проявить самую дѣятельную энергію въ интересахъ этого дѣла. Въ особенности же сильно было впечатлѣніе, которое произвело въ 1362 г. личное появленіе въ Европѣ кипрскаго короля Петра Лузиньянскаго. Онъ передалъ свое одушевленіе не только папѣ Урбану V, но такъ увлекъ французскаго короля Іоанна, что этотъ король, только-что вернувшійся изъ плѣна у англичанъ и едва успѣвшій договоромъ въ Бретини купить самыми тяжелыми жертвами миръ для своей страны, выразилъ готовность пожертвовать для святаго дѣла всѣмъ, что ему осталось. Вниманіе европейскаго общества къ борьбѣ съ невѣрными поддерживалось не только, однако, такими извнѣ приходящими побужденіями: въ немъ самомъ далеко еще не заглохъ интересъ къ этой идеѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившійся еще въ XIV в. обычай завѣщать деньги на дѣло крестоваго похода. Еще болѣе это обнаруживается въ томъ, что изъ среды общества все еще появляются энтузіасты этой идеи, посвящающіе ее осуществленію свои труды и жизнь.

Укажемъ на извѣстнаго средневѣковаго ученаго испанца, Раймунда Лулли, то объѣзжавшаго дворы Европы, чтобы воспламенить рвеніе ея правителей къ дѣлу крестоваго похода, то путешествовавшаго по магометанскому Востоку, чтобы изучить тамъ положеніе дѣла и способы успѣшной борьбы съ исламомъ, и наконецъ ставшаго изъ наблюдательнаго политика одушевленнымъ миссіонеромъ среди невѣрующихъ, отъ руки которыхъ онъ и погибъ смертью мученика за вѣру.

Укажемъ на венеціанца Санути, который явился къ папѣ „по собственному побужденію, никѣмъ не посланный, чтобы предложить ему вѣрный способъ сокрушить враговъ вѣры и освободить Св. Землю“. Санути изучалъ этотъ вопросъ совершенно новымъ способомъ, на подобіе, можно сказать, офицера современнаго генеральнаго штаба. Онъ путешествовалъ для этой цѣли по странамъ Востока и представилъ папѣ четыре географическія карты, имъ составленныя въ руководство крестоносцамъ; онъ изучалъ вопросъ исторически и собралъ въ двухъ книгахъ всѣ свѣденія о прежнихъ походахъ, и, заручившись такимъ образомъ опытомъ, разработалъ до мелочей всѣ вопросы о направленіи экспедиціи, о количествѣ войска, о снаряженіи кораблей и продовольствіи и т. п.

Представителемъ совершенно другого типа, новымъ олицетвореніемъ первоначальнаго энтузіазма крестоносцевъ, является мо-

вахъ Андрей Антиохійскій. Проповѣдуя крестовый походъ, онъ находился въ Авиньонѣ, когда король Филиппъ VI раздумалъ идти на Востокъ и, объявивъ объ этомъ папѣ, сталъ возвращаться въ Парижъ. Цылый монахъ остановилъ садившагося на коня Филиппа, напомнилъ ему о данномъ имъ обѣщаніи и пригрозилъ ему, что если онъ обманетъ св. церковь, то Божья справедливость тяжело обрушится на его семьѣ и королевствѣ. А когда король сталъ его приглашать въ себѣ, онъ отказался и объявилъ, что пойдетъ нести покаяніе въ странѣ, которую король покидаетъ на добычу саррацинамъ.

Наряду съ указанными поборниками крестоваго похода, на дѣятельности которыхъ такъ отражаются теченія XIV-го в., слѣдуетъ назвать челоуѣка, гораздо болѣе ихъ извѣстнаго, перваго гуманиста и провозвѣстника новаго міровоззрѣнія — Петрарку. Характерной особенностью знаменитаго поэта является въ высшей степени интересное сочетаніе идей средневѣковыхъ „католическихъ“ съ воззрѣніями и стремленіями зарождающагося „новаго времени“ — частью гуманистическими, т.-е. отмѣченными классицизмомъ, частью патріотическими или культурными въ болѣе общемъ смыслѣ. Для характеристики этого „двоевѣрія“ Петрарки не лишень значенія и вопросъ объ его отношеніяхъ къ крестовому походу. Идея о немъ тѣсно сплетается у Петрарки съ другими его интересами. Въ 1351 г. онъ пишетъ изъ Падуи венеціанскому двору, убѣждая его прекратить войну съ генуэзцами и обратить оружіе противъ невѣрныхъ, ибо „это братья ваши, которыхъ вы стараетесь истребить“. Въ прекрасномъ сонетѣ — „Il successor di Carlo“, въ которомъ Петрарка извѣщаетъ своихъ соотечественниковъ, что одинъ изъ преемниковъ Карла Великаго ввѣлся за оружіе, чтобы сокрушить вавилонскаго султана, и призываетъ ихъ „опоясаться мечами во имя Христа“. Походъ благочестиваго короля соединень въ мысляхъ поэта съ другою завѣтною его мечтой — „возвращеніемъ Христова викарія въ свое гнѣздо“, т.-е. въ Римъ. Рядомъ съ этимъ сонетомъ, который въ своей строгой формѣ такъ отчетливо выражаетъ мысли поэта, стоитъ канцона: „O, aspettate in ciel“, посвященная той же идее. Это цѣлая музыкально-поэтическая фантазія, которая заставляетъ читателя переживать самыя разнообразныя впечатлѣнія. Начавъ съ ноты высоко-религіознаго мистицизма, проникнутаго аскетическимъ идеаломъ, поэтъ заводитъ рѣчь о предстоящемъ походѣ *новаго* Карла. Походъ этотъ выставлень великимъ дѣломъ божественнаго милосердія, внушившаго наконецъ королю отомстить за обиду церкви, о чемъ давно воздыхала Европа. Всѣ народы

Европы готовы принять участіе въ походѣ, и по этому поводу поэтъ развѣтываетъ въ патетическихъ выраженіяхъ величественную картину этого единодушнаго движенія на Востокъ. Особенно поэтично и внушительно, напоминая собою описанія европейскаго сѣвера у римскихъ поэтовъ, изображеніе воинственнаго пыла народа, возросшаго среди льда и тумановъ и не боящагося смерти (а *cuī' mori non dole*), и сопоставленіе его съ трусливыми народами Востока, сражающимися на бѣгу. Это предстоящее столкновение между западными христіанами и магометанами Востока въ мѣстахъ, которыя видѣли много пролитой крови, наводитъ на поэта цѣлый рой классическихъ воспоминаній, и идея крестоваго похода, вызывая образъ несмѣтныхъ полчищъ Ксеркса и геройскихъ подвиговъ (при Саламинѣ и Термопилахъ) переходить у гуманиста въ мысль о вѣчномъ историческомъ антагонизмѣ культурной Европы съ дикими силами Азіи. Такъ мы и здѣсь можемъ отмѣтить, что къ основному, религіозному мотиву крестовыхъ походовъ примыкають другіе побужденія и интересы. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ имѣть въ особенности въ виду торговую политику морскихъ республикъ Италіи — Венеціи, Генуи и Пизы, и затѣмъ настроеніе рыцарской аристократіи Франціи, которая послѣ того, какъ прекратилась возможность междуособныхъ феодальныхъ войнъ, томилась жаждой воинственныхъ подвиговъ и приключеній, о чемъ свидѣтельствуетъ и Фруассаръ — Геродотъ этой новой эпохи „героическаго“ одушевленія. „Когда, — говоритъ Фруассаръ, — разнеслось воззваніе къ крестовому походу — всѣмъ сеньерамъ была великая радость“ (*moulte grande plaïsansce*) и въ особенности тѣмъ, кто желалъ провести время въ воинскихъ упражненіяхъ и никакъ не находилъ для этого другаго случая“.

Такое настроеніе французскаго рыцарства должно было прежде всего отражаться на его природномъ вождѣ. И дѣйствительно, дѣло крестоваго похода въ XIV в. ближе всего принимаютъ къ сердцу французскіе короли; эти потомки Людовика IX-го связаны династической традиціей и фамильной честью съ идеей, за которую святой король положилъ свою жизнь. Подобно тому, какъ почти всѣ папы въ XIV в. хлопотали о борьбѣ съ невѣрными, такъ почти каждый изъ французскихъ королей этой эпохи собирался въ крестовый походъ. Филиппъ IV далъ обѣтъ на вьенскомъ соборѣ. Довольно правдоподобно, что этотъ король-финансистъ не думалъ серьезно о дальней и дорогой экспедиціи и далъ обѣтъ лишь для того, чтобы загладить впечатлѣніе, вызванное жестокимъ преслѣдованіемъ защитниковъ іерусалимскаго

храма. Но сынъ Филиппа, Филиппъ V, дѣйствительно собирался въ походъ и, задержанный настояніями папы, сожалѣлъ на смертномъ одрѣ, что не исполнилъ обѣщанія. Собирался въ походъ и Карлъ IV Красивый, который въ своемъ завѣщаніи назначилъ 50.000 ливровъ на это дѣло, обѣщая принять въ немъ личное участіе, если оно осуществится при его жизни.

Всего ближе былъ къ осуществленію похода Филиппъ Валуа. Онъ надѣлъ на себя крестъ въ святой часовнѣ въ Парижѣ съ королемъ Іоанномъ богемскимъ и Эдуардомъ англійскимъ и цѣлкомъ феодальной аристократіи. Посланный королемъ въ Авиньонъ, архіепископъ руанскій торжественно объявилъ срокъ для выступления короля въ походъ—августъ 1334 г. Короли Аррагоніи и Венгріи и республики итальянскія взяли на себя обязательство помогать крестоносцамъ деньгами, войсками и кораблями. Филиппъ уже отдалъ приказаніе собраться въ Марсель флоту, который могъ бы поднять 40.000 воиновъ. Но приготовленія, какъ всегда, затянулись, а въ декабрѣ умеръ Іоаннъ XXII, и дѣло остановилось. Вслѣдъ за этимъ Эдуардъ III выступилъ съ своими притязаніями на французскій престолъ и разгорѣлась столь злополучная для Франціи война. Но лишь только эта война закончилась миромъ, король Іоаннъ, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, какъ было упомянуто, собрался въ крестовый походъ. Дѣйствительные результаты, правда, далеко не соответствовали этимъ постояннымъ сборамъ; однако и въ XIV в. состоялось нѣсколько военныхъ экспедицій противъ магометанъ на Востокъ. Въ 1343 г. флотъ, снаряженный папою, венеціанцами и кипрскимъ королемъ, взялъ Смирну и долго отбивался отъ невѣрныхъ, причемъ погибъ папскій легатъ. Эта неудача побудила Гумберта II, дофина, т.е. правителя Вьенской области, просить у папы титула главнаго капитана и дѣйствительно отправиться въ крестовый походъ.

Значительнѣе была экспедиція, состоявшаяся въ 1365 г., подъ главнымъ руководствомъ Петра кипрскаго съ помощью венеціанцевъ и разныхъ добровольцевъ. Петру кипрскому удалось собрать подъ своими знаменами 10.000 человекъ и взять Александрію въ Египтѣ и нѣсколько крѣпкихъ городовъ въ Сириі. Этотъ „крестовый походъ“ произошелъ уже при жизни Катарини Сіенской. Движеніе продолжалось также послѣ ея смерти. Въ 1389 г. генуэзцы собрались устроить экспедицію противъ магометанъ въ сѣв. Африкѣ и просили у короля Карла VI военную помощь и вождя. При извѣстіи объ этомъ, множество рыцарей изъ Франціи и даже Англій пожелало принять участіе

въ экспедиціи, и дядя короля, герцогъ бургонскій, применилъ къ генуэзцамъ во главѣ 1.400 сеньеровъ и рыцарей. Экспедиція направилась противъ города Алмазіи въ Африкѣ. Подъ стѣнами этого города расположилось „на пескахъ“ около 14.000 воиновъ, „почти всѣ дворяне“. Эта осада подробно описана Фруассаромъ и такъ полна у него эпическихъ и романтическихъ чертъ, что могла бы служить прекрасной темой для поэмы въ духѣ „Освобожденнаго Іерусалима“.

Съ этого времени движеніе противъ ислама мѣняетъ свой характеръ и направленіе, вслѣдствіе появленія на Востокѣ новой грозной силы — османскихъ турокъ. Въ 1361 г. турки берутъ Адрианополь, т.-е. заходятъ въ тылъ византійской имперіи и приближаются къ Балканамъ, и уже въ 1389 г. ими была сломана на Коссовомъ полѣ сила сербскаго королевства. Къ мольбамъ сирійскихъ и кипрскихъ христіанъ теперь присоединяются просьбы о помощи изъ Константинополя и изъ придунайскихъ странъ. Въ 1396 г. тѣ самые французскіе сеньеры, которые съ такой веселой отвагой отплывали въ Африку, погибаютъ отъ мечей турокъ подъ Никополемъ въ Болгаріи, и въ XV в. борьба съ турками становится неустанною заботою папъ.

Мы считали необходимымъ представить общее положеніе вопроса о крестовомъ походѣ въ XIV в. для того, чтобы старанія Катаріны въ этомъ дѣлѣ не казались случайными и фантастическими. Борьба съ невѣрными была для сіенской иновини не слышанной ею церковной традиціей, а живымъ, настоятельнымъ дѣломъ. Въ то время, когда Катарина проживала въ Пизѣ, туда прибылъ на пути въ Авиньонъ посолъ овдовѣвшей королевы кипрской, просившей своихъ единовѣрцевъ о помощи, и Катарина имѣла случай въ бесѣдахъ съ посломъ проникнуться живымъ участіемъ въ отчаянному положенію христіанскаго королевства. Такимъ образомъ мысль о крестовомъ походѣ на Востокъ запала въ душу Катаріны въ самомъ началѣ ея политической дѣятельности. Съ другой стороны, Катарина рано поняла опасность, грозившую христіанамъ со стороны турокъ. Поэтому она съ удвоеннымъ рвеніемъ заботится о защитѣ христіанства противъ магометанъ и обращается ко всѣмъ, отъ кого только она могла ожидать помощи въ этомъ дѣлѣ. Она пишетъ Джіованнѣ неаполитанской, что такъ какъ она носитъ титулъ королевы іерусалимской, то ей слѣдуетъ стать во главѣ этой священной войны, и если христіане овладѣютъ св. городомъ, то онъ будетъ ей принадлежать, какъ ея достояніе. Королевѣ венгерской, матери Людовика Великаго, она пишетъ: „Церковь нуждается въ васъ,

а вы нуждаетесь въ ней; она нуждается въ вашей человѣческой помощи, вы же — въ ея божественной силѣ... Такъ просите же настоятельно вашего дорогого сына, чтобы онъ изъ любви выступилъ на служеніе св. церкви. И если нашъ земной Христосъ обратится къ нему, то упростите его, чтобы онъ принялъ добровольно просьбу папы и предложеніе совершить св. походъ противъ злыхъ, невѣрныхъ собакъ, обладающихъ нашимъ достоинствомъ. Большой стыдъ, конечно, для христіанъ, предоставлять имъ владѣніе этимъ святымъ и почитаемымъ мѣстомъ, которое по праву принадлежитъ намъ... Представьте себѣ, что у васъ былъ бы отнятъ городъ; я увѣрена, что вы употребите въ дѣло всякое средство и всѣ усилія до самой смерти, чтобы получить назадъ свое. Такимъ образомъ, прошу я васъ, поступите, помня, что у насъ отнято“...

Подобнымъ образомъ Катарина пишетъ сама кондотьеру Ауввуду, выражая желаніе, чтобы онъ сдѣлался Христовымъ рыцаремъ. Она проситъ его войти немного въ себя и подумать, сколько трудовъ и заботъ онъ перенесъ на службѣ и въ наймѣ у дьявола. „Такъ душа моя желаетъ, чтобы вы перемѣнили службу и приняли крестъ Христа со всѣми вашими товарищами и стали ратью (compagnia) Христовой, чтобы пойти противъ невѣрныхъ собакъ, владѣющихъ нашимъ святымъ мѣстомъ...“

„Господь повелѣлъ и также отецъ нашъ святой,—говоритъ она далѣе,—идти на невѣрныхъ, и такъ какъ вы любите воевать и сражаться, то не воюйте съ христіанами, ибо это обида Господу, а идите на невѣрныхъ“... „Великая въ томъ жестокость, что мы, будучи христіанами, преслѣдуемъ другъ друга“.

Катарина ликуетъ, получивъ обѣщаніе отъ королевы Джіованни и отъ кондотьера участвовать въ крестовомъ походѣ. Она и сама собирается въ Палестину не для того, чтобы сражаться, но чтобы принести тамъ въ жертву свою жизнь въ мученической смерти. Сообщая монахинѣ Павлѣ, что папа приказалъ провинціаламъ доминиканцевъ и францисканцевъ прислать ему списки всѣхъ желающихъ идти въ крестовый походъ, она приглашаетъ ее и другихъ „всею гурьбою на свадьбу въ св. Гробу, чтобы пролить кровь за Того, Кто отдалъ Свою—за насъ“.

Въ вышеприведенныхъ письмахъ Катарина возвращается въ совершенно средневѣковыхъ воззрѣніяхъ: крестовый походъ нуженъ, чтобы отнять у невѣрныхъ св. мѣста, сами невѣрные—собаки, захватившія достоинство христіанъ. Но идея крестоваго похода постепенно преобразуется для Катарини; принципы любви и мира, которые она кладетъ въ основаніе своей жизни и дѣя-

тельности, озаряють и это кровавое дѣло и измѣняютъ его смыслъ и цѣли. Война съ невѣрными нужна ей, чтобы принести миръ христіанамъ, и не о гибели невѣрныхъ думаетъ она, но объ ихъ обращеніи, причѣмъ она питаетъ надежду, что свѣжая вѣра вновь обращенныхъ послужитъ къ исправленію закоренѣлыхъ недуговъ старыхъ христіанъ. Такимъ образомъ, мысль о крестовомъ походѣ дополняетъ другіе ея жизненные идеалы и гармонически сливается съ ними—она неразрывно связана съ ея завѣтными мечтами о восстановленіи папства въ Римѣ, объ умиротвореніи Италіи и о реформаціи церкви.

Такой взглядъ на дѣло высказывается въ письмѣ Катарини къ французскому королю и въ цѣломъ рядѣ ея писемъ къ папѣ Григорію XI.

Письмо къ Карлу V (№ 235)—одно изъ самыхъ значительныхъ въ перепискѣ Катарини. Убѣждая короля не увлекаться земными благами и смотрѣть на свое государство не какъ на собственность свою, а какъ на довѣренное ему дѣло (*cosa prestata*), она требуетъ, чтобы онъ поддерживалъ святую и истинную справедливость, не позволялъ своимъ чиновникамъ продавать ее за деньги и былъ бы отцомъ бѣдныхъ. Затѣмъ она продолжаетъ: „Третья моя просьба—чтобы вы соблюдали наставленіе Учителя на крестѣ; то, чего душа моя всего болѣе желаетъ видѣть въ васъ,—это любовь и расположеніе къ вашему ближнему, съ которыми вы столько времени состояли въ войнѣ. Вамъ хорошо извѣстно, что безъ этого корня любви древо жизни вашей не принесетъ плодовъ, а засохнетъ.

„И потому я прошу васъ и хочу, чтобы вы слѣдовали Христу на крестѣ и радѣли бы о спасеніи ближняго вашего. Не бойтесь понести утрату въ благахъ жизни этой, ибо всякая потеря будетъ для васъ пріобрѣтеніемъ, если ея цѣною установится миръ между вами и братомъ вашимъ. Я удивляюсь, что вы не расположены отдать за это даже жизнь, а не только поступиться земными благами, взирая на то, какое отъ этого произошло разореніе душъ и сколько гибели тѣлесной, сколько монаховъ, женщинъ и дѣтей подверглись поношенію чрезъ эту войну. Довольно же, ради любви къ Христу на крестѣ; вы не думаете, какого зла вы становитесь виновникомъ, если не сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ. Зло отъ этого христіанамъ, и зло—невѣрнымъ. Ибо война ваша помѣшала св. походу за море. Еслибы изъ этого не вышло никакого другого вреда, то и такъ мы должны были бы ожидать Божескаго суда надъ нами. Я прошу васъ, чтобы вы не продолжали быть виновникомъ такихъ бѣдъ и по-

и́кою такому благу, какъ покореніе Св. Земли и обращеніе тѣхъ жалкихъ душъ, которыя не имѣють доли въ крови Сына Божьяго. Вамъ слѣдовало бы стыдиться этого, а также и прочимъ христіанскимъ государямъ! О, какой въ томъ соблазнъ передъ людьми и какое оскверненіе передъ Господомъ—воевать съ братомъ, не трогая врага, отнимать чужое и не возвращать своего! Довольно впередъ такого неразумія и ослѣпленія! Я вамъ говорю именемъ Христа на крестѣ, не откладывайте болѣе этого мира! Заключите миръ и всю войну обратите на невѣрныхъ! Помогите поднять знамя святѣйшаго креста! Господь взыщетъ съ васъ и съ другихъ въ послѣдній смертный часъ за все нерадѣніе и за все неразуміе, происходившее и ежедневно творящееся въ этомъ дѣлѣ. Не предавайтесь болѣе сну въ короткое время, намъ оставшееся; времени дано немного; вамъ не избѣжать смерти и вы не вѣдаете часа“.

Письма Катаринны въ папѣ Григорію почти всѣ касаются крестоваго похода. Уже во второмъ изъ нихъ, увѣряя папу, что кротостію и прощеніемъ онъ подчинитъ себѣ мятежныхъ сыновъ, Катарина пишетъ: „И тогда, милый отецъ мой, вы приведете въ исполненіе ваше святое желаніе и волю Божію относительно святаго похода, который я васъ приглашаю предпринять скоро и безотлагательно. А они (т.-е. возставшіе народы) отнесутся къ нему съ большею охотой и расположены дать свою жизнь за Христа. О, Господи! Поднимите, отецъ мой, скорѣе знамя святѣйшаго креста, и вы увидите, что волки превратятся въ агнцы. Миръ, миръ, миръ!“

Въ слѣдующемъ письмѣ она опять пишетъ: „Поднимите знамя св. креста, ибо какъ силою креста мы были освобождены—по слову Павла,—такъ поднятіемъ этого знамени мы будемъ избавлены отъ войны, а народъ невѣрныхъ—отъ своего невѣрія. Этимъ способомъ вы увидите и достигнете исправленія пастырей св. церкви“.

Въ слѣдующемъ за этимъ письмѣ уже прямо ставится на первый планъ спасеніе невѣрныхъ. *Двумя причинами* объясняетъ Катарина то, что церковь утратила свои свѣтскія владѣнія—войной и отсутствіемъ добродѣтели. „Такъ поэтому говорю я вамъ,—пишетъ она папѣ,—что если вы хотите завоевать вновь то, что утрачено, то для этого нѣтъ другого средства, какъ противоположное тому, какимъ оно потеряно, т.-е. миръ и добродѣтель. Этимъ способомъ вы исполните другое ваше святое желаніе, какъ и служителей Божіихъ, и меня, недостойной, а именно: вы завоюете бѣдныя души невѣрныхъ, которыя не имѣють даже

доли въ крови безвиннаго Агнца“. Въ другой разъ Катарина наставляетъ папу, чтобы онъ слѣдовалъ образцу истиннаго Отца и Пастыря, т.-е. Христа.

„Настало нынѣ время отдать жизнь за овцы, ушедшія изъ ограды. Вамъ слѣдуетъ искать ихъ и заманить миролюбіемъ и св. войною, отправившись противъ невѣрныхъ, которые сами, какъ вы видите, васъ на то вызываютъ“, и,—прибавляетъ Катарина, намекая на приближеніе турокъ къ предѣламъ Италіи,— „какая была бы намъ радость увидѣть, что народъ христіанскій передаетъ свѣтъ вѣры невѣрнымъ. Ибо, получивъ свѣтъ, они достигли бы большаго совершенства, и, какъ молодые растенія, согрѣтыя тепломъ, они дали бы цвѣтъ и плоды и благовоніемъ своихъ добродѣтелей помогли бы заглушить пороки и грѣхи, высокомеріе и духовную нечистоту, которыя изобилуютъ среди христіанскаго народа, въ особенности же среди прелатовъ и пастырей св. церкви“. Такъ пишетъ Катарина еще, и не одинъ разъ, папѣ Григорію; но постепенно она умолкаетъ о крестовомъ походѣ. Другая тяжелая забота надвигается на нее и заставляетъ Катарину забыть о завѣтной мечтѣ, на которую она возлагала такія надежды.

ХІІІ.

Если усилія Катарини поднять крестовый походъ и раздвинуть предѣлы „божескаго царства“ были тщетны, и міране оставались равнодушны къ призыву, то причину нужно прежде всего искать въ томъ, что въ самомъ божескомъ царствѣ была утрачена вѣра въ прежній идеалъ. Катарина это понимала, и поэтому самое завѣтное ея желаніе, главная изъ *трехъ* задачъ, которую она возлагала на папу, заключалась, по ея выраженію, въ *реформаци*и церкви. Объ этой реформациіи Катарина постоянно писала Григорію ХІ и справедливо видѣла въ его возвращеніи въ Римъ первый шагъ къ исправленію церкви. Но прежде чѣмъ за этимъ могли послѣдовать другія мѣры, Григорій ХІ поплатился жизнью за добросовѣстное исполненіе обязанности римскаго епископа и скончался въ Римѣ 27-го марта 1378 г., до окончательнаго умиротворенія Италіи.

Въ своей предсмертной болѣзни папа чувствовалъ, что въ немъ угасаетъ жизнь и, можетъ быть, жалѣлъ о томъ, что уступилъ мольбамъ Катарини и пріѣхалъ въ Римъ. Есть извѣстіе, будто бы онъ даже предостерегалъ приближенныхъ на смертномъ одрѣ противъ людей „мужскаго и женскаго пола, объяв-

лющихъ подъ видомъ небесныхъ внушеній свои собственныя бредни" ¹⁾. Несомнѣнно, что онъ предвидѣлъ смуты послѣ своей кончины, какъ можно заключить по буллѣ, изданной имъ 19-го марта 1378 г. для упрощенія формальностей при избраніи ему преемника.

Дѣйствительно, смерть французскаго папы въ Римѣ вскрыла едва затянувшуюся рану; глубоко укоренившійся разладъ между Авиньономъ и Римомъ, вслѣдствіе мнимой побѣды Рима, ожесточился съ новой силой. Только при содѣйствіи высокаго религіознаго энтузіазма въ благородной и горячей душѣ сиенской идеалистки удалось торжество исконной традиціи католичества, обусловливавшей его авторитетъ и обаяніе. Со смертію Григорія это торжество снова подверглось сомнѣнію. Тѣ самыя историческія условія, тѣ самыя національныя и личныя интересы, которые такъ долго удерживали папскую курію въ Авиньонѣ, заставили ее снова тяготѣть къ Франціи и вызывали отпоръ со стороны приверженцевъ Рима. Къ этому присоединился цѣлый рядъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Кардиналы, раздѣленные между собою національнымъ и личнымъ соперничествомъ, въ то же время были озабочены желаніемъ добиться отъ своего избранника разныхъ льготъ и расширенія своего вліянія ²⁾, а римское населеніе, столь давно не выдавшее въ своихъ стѣнахъ папскаго избранія, не хотѣло упустить случая показать себя хозяиномъ Рима и папства. При такихъ условіяхъ папское избраніе 1378 г. было однимъ изъ самыхъ бурныхъ и рововыхъ по своимъ послѣдствіямъ, и не мудрено, что его обстоятельства остались для потомства неясными. Тотчасъ послѣ событія, каждая изъ партій старалась представить его въ выгодномъ для себя свѣтѣ и этимъ еще болѣе усложнила изслѣдованіе фактической и юридической стороны дѣла.

Для жизни Катаринны Сиенской эти вопросы не имѣютъ существеннаго значенія, и мы можемъ вкратцѣ коснуться папскаго избранія, насколько это нужно для связи событій. Опасенія умирающаго Григорія XI оправдались тотчасъ послѣ его кончины. Желая обезпечить за собою папство, жители Рима страшными криками требовали, чтобы кардиналы избрали римлянина, или, по крайней мѣрѣ, итальянца; они грозили, въ противномъ случаѣ,

¹⁾ Это находится въ сочиненіи канцлера парижскаго университета знаменитаго Герсона, такъ много потрудившагося для уврачеванія церковнаго раскола, и легко можно возникнуть въ кругу франц. прелатовъ, нерасположенныхъ къ Катаринѣ.

²⁾ Этому мотиву Souchon въ своемъ упомянутомъ изслѣдованіи — „Die Papstwahl“ — придаетъ первенствующее значеніе.

избить ихъ до того, что ихъ головы будутъ краснѣе ихъ кардинальскихъ шляпъ. Кардиналовъ, находившихся тогда въ Римѣ, было всего 16; 12 французовъ и 4 итальянца, въ числѣ которыхъ одинъ слишкомъ молодой, другой—драхлый старецъ Тебальдески. При такихъ обстоятельствахъ французскіе кардиналы, уступая необходимости, направили выборъ на постороннее лицо—на архіепископа барскаго, Приньяна, родомъ итальянца, но проведшаго 14 лѣтъ при авиньонскомъ дворѣ и, какъ вассала анжуйской династии въ Неаполѣ, не чуждаго французскимъ интересамъ. Архіепископа пригласили въ конклавъ, и онъ согласился принять избраніе, на какихъ условіяхъ—это неизвѣстно. Но прежде чѣмъ избраніе было формально закончено, неистовствовавшая вокругъ конклава толпа, подстрекаемая распространившимися среди нея слухами, ворвалась туда, и французскіе кардиналы, опасаясь за свою жизнь, убѣдили старика Тебальдески—римлянина по происхожденію—разыграть роль избраннаго папы. Пока толпа въ восторгѣ привѣтствовала его и облачала въ папскія одѣянія, участники избранія успѣли скрыться. Буря разразилась безъ нихъ, когда мнимый папа, стоная отъ боли въ опухшихъ ногахъ и рукахъ, причиняемой ему объятіями толпы, раскрылъ истину. На другой день, впрочемъ, буря улеглась, и, по желанію дѣйствительнаго папы, кардиналы еще разъ заявили о своемъ согласіи на его избраніе. Новый папа принялъ знаменательное въ данномъ случаѣ имя Урбана (словомъ *urbis*—городъ—обозначался Римъ). Это былъ человѣкъ ученый и благочестивый; вступилъ онъ на престолъ съ благими намѣреніями, но оказался слишкомъ горячаго и крутого нрава, чтобы быть хорошимъ кормчимъ и благополучно провести „чолнъ св. Петра“ среди обуревавшихъ его страстей. Уже въ одной изъ своихъ первыхъ аллокуцій на тему: „Я добрый пастырь“, Урбанъ VI подвергъ рѣзкому осужденію нравы и пороки прелатовъ и, немедленно принявшись за реформы при своемъ дворѣ, коснулся двухъ самыхъ больныхъ мѣстъ тогдашней іерархіи—абсентеизма и корыстолюбія, запретивъ между прочимъ кардиналамъ принимать пенсіи и подарки отъ иностранныхъ государей.

Французскіе кардиналы, недовольные вообще ходомъ дѣла и озлобленные распоряженіями папы, были, кромѣ того, доведены до крайняго раздраженія безцеремоннымъ обращеніемъ съ ними Урбана, который однажды назвалъ публично и въ лицо „клятвопреступниками“ многочисленныхъ епископовъ, проживавшихъ при его дворѣ вдали отъ своей паствы. Эта необузданность Урбана VI послужила кардиналамъ предлогомъ и оправданіемъ передъ ихъ

совѣстью въ задуманномъ ими дѣлѣ. Воспользовавшись обычнымъ лѣтнимъ переѣздомъ куріи въ загородный дворецъ, французскіе кардиналы отѣхали отъ папы и объявили его неправильно избраннымъ, а затѣмъ, заманивъ къ себѣ трехъ оставшихся при Урбанѣ итальянскихъ кардиналовъ, они произвели внѣ Рима новый конклавъ, во время котораго на мѣсто Урбана былъ избранъ вождь французской партіи, воинственный кардиналъ Робертъ, графъ женеvскій. Двое папъ не могли удержаться въ Римѣ, и новый папа, подъ именемъ Климента III, вернулся въ Авиньонъ. Такъ начался извѣстный въ исторіи папства расколъ, и весь католическій міръ надолго раздѣлился на сторонниковъ Авиньона и Рима, т.-е. французскаго и итальянскаго папы. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась и для Катарини самая трудная и тревожная пора ея жизни. Правда, ей не приходилось переживать въ своей совѣсти той смуты, которая раздѣляла тогдашнюю Европу. Ей не предстояло рѣшать каноническаго вопроса, который изъ двухъ папъ былъ правильно поставленъ. Для нея не было никакого сомнѣнія въ томъ, что мѣсто викарія Христова принадлежало Урбану, избранному и призванному папою тѣми самыми кардиналами, которые теперь отрицали его права. Затѣмъ ей было углубляться въ доводы его противниковъ, когда онъ соединялъ въ себѣ тѣ два качества, которыя она выше всего цѣнила въ папѣ, когда онъ олицетворялъ въ себѣ именно тѣ два принципа, которымъ она до сихъ поръ неустанно служила—водвореніе папства въ Римѣ и исправленіе пороковъ іерархіи.

Но то, что было достигнуто съ такими усиліями—установленіе нормальнаго порядка въ церкви—было снова нарушено, и надежды, которыя Катарина возлагала на возвращеніе папы въ Римъ, для осуществленія крестоваго похода и церковной реформы, не оправдались. Катарина, правда, и теперь не отчаявалась относительно торжества своихъ завѣтныхъ идей, но прежде, чѣмъ можно было снова приступить къ ихъ осуществленію, необходимо было укрѣпить положеніе Урбана VI и содѣйствовать объединенію церковной власти. Этой цѣли и посвящаетъ Катарина всѣ свои силы въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ своей жизни. Объ ея энергіи и неутомимости за это время свидѣтельствуетъ весь IV томъ ея писемъ. Съ самаго начала распрей въ куріи она старается предотвратить ударъ, грозящій единству церкви. Она совѣтуетъ Урбану назначить поскорѣе необходимое количество новыхъ и преданныхъ ему кардиналовъ, которые могли бы служить противовѣсомъ противной партіи,—совѣтъ настолько практической, что можно только удивляться, почему Урбанъ VI не

прибѣгнулъ тотчасъ самъ къ этому средству. Черезъ посредство испанскаго кардинала де-Луна она старается повліять на французскихъ кардиналовъ, отпавшихъ отъ Урбана, и, обращаясь къ итальянскимъ кардиналамъ, старается ихъ удержать на сторонѣ законнаго папы. Ея письмо къ послѣднимъ въ особенности знаменательно по тому порыву итальянскаго патріотизма, который такъ сильно пробудился въ эпоху Катарина Сиенской и овладѣлъ также душою этой горячей поборницы средневѣкового міровоззрѣнія. Аскетическій идеаль, пренебрегая всѣмъ земнымъ, не знаетъ и земной родины, и Катарина, изображая черты истинной „невѣсты Христовой“, между прочимъ говоритъ о ней, что она „утрачиваетъ любовь къ родинѣ и воспоминанія о родителяхъ“¹⁾. Но въ критическую для папства минуту, когда потребность теократическаго единства совпала съ единствомъ итальянской національности, и Катарина сознаетъ себя итальянкой и взываетъ къ патріотическому чувству своихъ соотечественниковъ. Упрекая итальянскихъ кардиналовъ за то, что они не сохранили вѣрности итальянскому папѣ, Катарина имъ пишетъ: „Хотя въ нравственномъ смыслѣ (*secondo virtù*) мы должны быть всѣ одинаковы (*eguali*), но, выражаясь естественно (*naturalmente*), земной Христосъ — папа по человѣческой природѣ итальянецъ, и вы — итальянцы, и такъ какъ васъ не могла побудить (оставить папу) страсть къ отечеству, подобно ультрамонтанамъ-французамъ, то я не вижу другой причины для вашего поступка, кромѣ себялюбія“²⁾. Дѣйствительно, каждому изъ трехъ итальянскихъ кардиналовъ втайнѣ было обѣщано французскими кардиналами избрать его въ папы. Когда же всѣ эти усилія остались тщетны, избраніе Климента состоялось и возгорѣлась среди церкви ожесточенная борьба духовнымъ и свѣтскимъ оружіемъ, Катарина заняла, такъ сказать, центральное положеніе среди этой борьбы. Съ одной стороны, она утѣшаетъ и ободряетъ Урбана и доказываетъ ему, что посредствомъ реформъ онъ лучше всего докажетъ свою правоту и укрѣпитъ свое положеніе въ глазахъ христіанскаго міра. Съ другой стороны, она не щадитъ своихъ силъ, чтобы привлечь къ нему или удержать за нимъ приверженцевъ и уменьшить число его противниковъ. Въ этомъ смыслѣ она разсылаетъ свои письма во всѣ важнѣйшіе города Тосканы и Церковной Области. Она пишетъ французскому королю, покровительство котораго составляло силу авиньонской партіи, и доказы-

¹⁾ Т. III. № 215. A certi monasteri di Bologna.

²⁾ Т. IV. № 310, стр. 159.

знать ему, что причиной возстанія кардиналовъ было неудовольствіе противъ начатыхъ Урбаномъ реформъ.

Катарина пишетъ и папскому кондотьеру, графу Альберику, съ его воинствомъ, привѣтствуетъ ихъ, какъ мучениковъ за пролитую ими въ святомъ дѣлѣ кровь и общаетъ имъ молиться за нихъ, подобно Моисею, во время молитвы котораго израильскій народъ побѣдилъ своихъ враговъ. Всего же чаще пишетъ Катарина къ неаполитанской королеви Джіованнѣ, ближайшей и могущественной сосѣдкѣ римскаго епископа, чтобы удержать ее на сторонѣ викарія Христа и отвлечь отъ „антихриста“. Катарина пророчески предостерегаетъ ее, что ни сокровища, ни высокій санъ, ни свѣтская власть, ни бароны, ни народъ ей подданный, не въ состояніи защитить ее отъ Высшаго Судии, и что Господь всѣхъ этихъ слугъ обращаетъ часто въ палачей для исполненія справедливой казни надъ Своими врагами. А когда, тѣмъ не мене, Джіованна перешла на сторону Климента и въ Италиі возгорѣлась междоусобная война, Катарина энергически вызываетъ къ противнику Джіованны, королю Людовику, и къ принцу той же венгерско-анжуйской династіи—Карлу, претендовавшему на наслѣдство бездѣтной Джіованны, чтобы они силою оружія погнѣшали Джіованнѣ разорять церкви и положили конецъ „ереси“. Письма Катарини къ королеви Джіованнѣ писаны съ большимъ увлеченіемъ и убѣжденіемъ, то въ ласковомъ, увѣщательномъ, то въ грозномъ, повелительномъ тонѣ. Эти письма понятны только съ средневѣковой точки зрѣнія, которая ставила правовѣріе выше морали, потому что видѣла въ правовѣрїи высшую форму нравственнаго бытія. На душѣ королевы Джіованны лежало много грѣховъ, но эти грѣхи легко бы ей простились, еслибы она не совершила самаго тяжкаго изъ грѣховъ—отпаденія отъ законнаго папы. Въ глазахъ Катарини это отпаденіе отъ „земного Христа“ было равносильно отреченію отъ небснаго Христа и служенію антихристу. Зато письма Катарини къ Урбану раскрываютъ намъ во всемъ блескѣ ея душевное и нравственное величіе. Она судорожно держится за Урбана, потому что видитъ въ немъ не только спасеніе церкви отъ раскола и ереси, но и залогъ ея исправленія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она отлично понимаетъ главныя стороны его характера и ошибки его поведенія, и потому со смѣлой откровенностью и въ то же время съ удивительной бережностью предостерегаетъ и исправляетъ своего „дорогого отца“, главу христіанскаго міра, отъ его человѣческихъ слабостей и увлеченія властью.

Въ виду этого, ея письма къ Урбану—ихъ всѣхъ числомъ 9—

представляютъ собою чрезвычайный интересъ историческій и психологическій. Въ нихъ послѣдовательно отражаются всѣ перипетіи развивавшейся въ исторіи папства драмы. По мѣрѣ того, какъ катастрофа растетъ и приближается, Катарина утѣшаетъ и ободряетъ своимъ участіемъ папу. По удаленіи изъ Рима кардиналовъ, Катарина пишетъ Урбану: „Хотя вы понужены тѣми, кто долженъ былъ бы быть столпами вашего престола, не замедляйте шаговъ (*non allentate li passi*) и тѣмъ усердиѣ стремитесь впередъ въ познаваніи истины, все укрѣпляясь свѣтомъ святой вѣры“. Когда вопіющее въ ея глазахъ дѣло избранія второго папы совершилось, крикъ отчаянія вырывается у нея: „О, несчастная душа моя, виновница всѣхъ этихъ бѣдствій!“ Катарина и тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, винить себя въ церковныхъ бѣдствіяхъ, винить свои грѣхи, свое нерадѣніе въ молитвѣ, но она ободряетъ папу: „Воспряньте, святѣйшій отецъ, безъ страха идите на бой! въ этомъ бою вамъ нужно крѣпкое оружіе—божественная любовь“. Когда въ праздникъ Богородицы, 9-го мая, войско Урбана одержало верхъ надъ войскомъ его противника въ окрестностяхъ Рима и вслѣдствіе этого замокъ св. Ангела, господствовавшій надъ Ватиканомъ, сдался римскому папѣ, Катарина поздравляетъ его: „Радуюсь, что драгоценнѣйшая (*dolcissima*) Мать Марія и дорогой Петръ, глава апостоловъ, возстановили васъ на мѣстѣ вашемъ“. Но тутъ же она прибавляетъ: „Вѣчная истина того желаетъ, чтобы вы сдѣлали изъ вашего сада вертоградъ служителей Божіихъ. Вотъ они-то будутъ тѣми воинами, которые доставятъ вамъ полную побѣду и не только надъ дурными христіанами, отторгнутыми членами св. церкви, но и надъ невѣрными, надъ которыми я страстно желаю видѣть торжество знамени св. креста. Кажется, уже они сами идутъ вамъ на встрѣчу“ (№ 951).

Катарина не только радуется побѣдѣ,—она радуется тому, что папа отпраздновалъ ее не какъ торжествующій побѣдитель, а какъ смиренный служитель небеснаго Царя. На молебствіи по случаю побѣды Урбанъ не далъ себя нести высоко надъ народомъ, на плечахъ своихъ тѣлохранителей, а шелъ по старинному, но забытому обычаю, пѣшкомъ, босыми ногами. И Катарина ему по этому поводу пишетъ: „Радуюсь, святѣйшій отецъ, въ сердечной радости, что глаза мои видѣли исполненіе воли Божіей вами: я разумѣю ваше смиреніе, давно уже небывалое во время крестнаго хода. О, какъ это было угодно Господу и какъ это не понравилось демонамъ!“

Катарина Сиенская, какъ изъ этого видно, не ограничивается

ролю участливой зрительницы борьбы, которую папу ведет со своими открытыми противниками. Она зорко слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ самомъ Римѣ вокругъ папы, и даетъ ему самые мудрые практическіе совѣты. Она предостерегаетъ Урбана противъ грозящей ему опасности и требуетъ осторожности: „Прошу васъ, святѣйшій отецъ, какъ только умѣю и могу, чтобы сверхъ надежды, которую вы возлагаете и будете возлагать на вашего Творца, вы берегли тщательно вашу особу, ибо мы обязаны это дѣлать, чтобы не искушать Господа вездѣ, гдѣ это намъ возможно. Я знаю, что дурные люди, любящіе міръ и самихъ себя, не дремлютъ, но злобою и коварствомъ пытаются лишить васъ жизни“. Въ другомъ письмѣ Катарина старается сохранить добрыя отношенія между папой и горожанами Рима. Въ числѣ отложившихся отъ папы вассаловъ былъ и Франческо да-Вико, сенѣръ города Витербо, носившій титулъ римскаго префекта. По случаю какого-то гнѣвнаго и непочтительнаго отвѣта, даннаго префектомъ посланъ римскаго народа, должно было, какъ узнала Катарина, происходить въ Римѣ общее собраніе гражданъ и затѣмъ явиться къ папѣ депутація „старшинъ“ (сарагіоні) и именитыхъ людей. По этому поводу Катарина пишетъ Урбану: „Молю васъ, святѣйшій отецъ, о томъ, чтобы вы, какъ начали, такъ и впредь продолжали часто съ ними совѣщаться, съ благоразуміемъ привязывая ихъ къ себѣ узами любви. И поэтому я прошу васъ, чтобы вы приняли съ возможною привѣтливостью то, что они заявляютъ вамъ по окончаніи народнаго собранія, и указали имъ то, что, по усмотрѣнію в. св., необходимо сдѣлать. Простите меня, любовь заставляетъ меня говорить то, чего, можетъ быть, и нѣтъ надобности говорить. Ибо я знаю, что вамъ должно быть извѣстно свойство римскихъ сыновъ вашихъ, которыхъ можно привлечь и привязать мягкостью (doluzza) болѣе, чѣмъ какою-либо иной силой или рѣзкими словами; извѣстно вамъ также, какъ настоятельна для васъ и для св. церкви нужда въ томъ, чтобы сохранить этотъ народъ въ вѣрности и почтеніи къ в. св., ибо здѣсь столица и источникъ нашей вѣры“ (№ 370).

Въ этомъ же письмѣ Катарина даетъ папѣ другой мудрый совѣтъ: „прошу васъ смиренно, наблюдайте благоразумно за тѣмъ, чтобы всегда общать только то, что вамъ возможно исполнить, для того, чтобы изъ этого не вышли потомъ вредъ, стыдъ и смута“.

Но ни вспыльчивый и задорный нравъ римской толпы, ни военныя враговъ Урбана и ихъ открытая сила, ничто въ такой степени не тревожило Катарину, какъ самый характеръ папы. До

своего возвышенія на папскій престолъ, Урбанъ VI заслужилъ репутацію разумнаго и честнаго дѣльца папской курии, но всемогущество его преобразило и быстро развило въ немъ несдержанность въ проявленіяхъ воли и гордое упрямство въ образѣ дѣйствія. Катарина весьма дорожила непреклонностью характера Урбана; она видѣла въ ней залогъ неутомимой съ его стороны борьбы за единство церкви и за искорененіе вкравшихся въ нее злоупотребленій, но ея сердце болѣло при мысли о тѣхъ вредныхъ для церкви послѣдствіяхъ, которыя могли имѣть слабая стороны его нрава. Замѣчательно въ этомъ отношеніи соединеніе со стороны Катарины чрезвычайно трезваго пониманія лица и его человѣческихъ слабостей съ безусловнымъ преклоненіемъ передъ святостью власти, которую было облечено это лицо. Въ дни Катарины Сиенской ученіе о папской непогрѣшимости еще не было возведено въ догматъ католической церкви, и потому еще не существовало тѣхъ искусственныхъ толкованій, съ помощью которыхъ ватиканскій соборъ старался привести въ согласіе принципъ абсолютной теократіи въ лицѣ папы съ реальными фактами человѣческой немощи. Но Катарина—чтобы выйти изъ этого противорѣчія—не нуждалась ни въ какихъ богословскихъ текстахъ и каноническихъ опредѣленіяхъ. Ея правдивость и ея искренняя забота о благѣ церкви обличали предъ нею пороки лица, а ея глубокая вѣра въ теократическій идеалъ избавляла ее отъ затрудненій, съ которыми боролась логика официальныхъ богослововъ. Для нея папа былъ не только намѣстникомъ Христа, онъ былъ „земной Христосъ“, какъ она его называла, и въ то же время она видѣла насквозь человѣка, который занималъ престолъ св. Петра; она всегда была готова пасть предъ нимъ ницъ въ глубокомъ смиреніи, и постоянно дрожала за послѣдствія его увлеченій и промаховъ. Она знала, что такія необузданныя, не передъ чѣмъ не останавливающіяся натуры, какъ Урбанъ, благодѣтельны или вредны, смотря по тому, находятся ли онѣ подъ властью какого-нибудь нравственнаго принципа, которому онѣ служатъ, или предоставлены произволу своихъ личныхъ страстей. Поэтому она молилась за него Христу: „Ты надѣлилъ Своего намѣстника мужественнымъ сердцемъ, а потому я со смиреніемъ молю Тебя озарить его умъ небеснымъ свѣтомъ, ибо такое сердце безъ небеснаго свѣта, приобретаемаго чистою любовью къ добродѣтели, склонно къ надменности“. Но Катарина не только молилась о просвѣтленіи Урбана,—она сама неотступно его наставляла и исправляла, чтобы пролить въ его душу тотъ энтузіазмъ къ идеалу, тотъ пылъ самоотверженной любви, которымъ она сама

пламенѣла. Эти страницы ея писемъ выходятъ далеко за предѣлы чисто біографическаго интереса. Онѣ являются яркимъ памятникомъ аскетическаго идеализма въ его воздѣйствіи на средне-вѣковую теократію; Катарина Сиенская продолжаетъ дѣло Бернарда Клервоскаго, этого грознаго наставника папъ, который своимъ монашескимъ идеализмомъ тпился преобразить и идеализировать царство папы. Подобно Бернарду, она является въ роли ветхозавѣтнаго пророка, который будить совѣсть и пламенною своею рѣчью указываетъ путь къ истинѣ. „Пишу вамъ,—обращается она къ папѣ,—побуждаемая желаніемъ видѣть васъ просвѣтленнымъ истиннымъ свѣтомъ, ибо когда просвѣтитесь внутреннее око вашего разумнія, вы познаете и увидите истину. Познавъ же ее, вы полюбите ее—а полюбивъ ее, вы просвѣтитесь добродѣтелью“¹⁾. Тотъ внутренній свѣтъ, отъ котораго Катарина ждетъ просвѣтленія разума и плодовъ добродѣтели, не чтѣ иное, какъ самоотверженная любовь. Аскетическій идеализмъ у этой невьсты Христовой весь преобразился въ идею чистой и безпредѣльной любви.

„Святѣйшій и драгоцѣннѣйшій отецъ во Христѣ сладкомъ Исусѣ, такъ начинается ея первое письмо къ Урбану:—я, Катарина, служительница и раба слугъ Исуса Христа, пишу вамъ во имя дорогой Его крови—въ желаніи видѣть васъ просвѣтленнымъ истинною и совершенною любовью, чтобы, какъ добрый пастырь, вы положили жизнь вашу за овцы ваши. По истинѣ, святѣйшій отецъ, лишь тотъ, кто просвѣтленъ любовью, расположенъ умереть изъ любви Божіей для спасенія душъ, ибо онъ лишенъ себялюбія, любви къ самому себѣ. Ибо тотъ, кто обрѣтается въ себялюбіи, не располагаетъ отдать своей жизни, и не только жизни, но не можетъ выдержать ни малѣйшей обузы ради другихъ, ибо постоянно боится за себя, чтобы не утратить тѣлесной жизни и личнаго удовлетворенія. Отсюда все, чтѣ онъ дѣлаетъ, несовершенно и негодно, ибо главное въ немъ—чувство, въ силу котораго онъ дѣйствуетъ. И во всякомъ состояніи онъ даетъ мало плодовъ добродѣтели, будь онъ подданный или пастырь. Добрый же пастырь, просвѣтленный истинною любовью, поступаетъ не такъ: всякое его дѣйствіе хорошо и совершенно, ибо чувство его причастно совершенству божественной любви. Такой не страшится ни демона, ни твореній, но лишь одного Творца, и не принимаетъ въ расчетъ ни клеветы мірской, ни

¹⁾ Cognoscendo la verita, l'amorete; amandola rilucera mo in voi le virtu. № 305. IV, p. 126.

оскорблений, ни пренебрежений, ни обидъ, ни соблазна и ропота своихъ подчиненныхъ, которые видятъ въ томъ соблазнъ и ропщутъ, когда подвергаются укору со стороны своего пастыря. Однако онъ, какъ мужественный человекъ, облеченный броней любви, не тревожится этимъ; онъ не умѣраетъ своего святого пыла и не отвергаетъ отъ себя жемчужинъ справедливости, которую носить въ своемъ чистомъ сердцѣ въ соединеніи съ состраданіемъ. Ибо справедливость безъ состраданія навела бы страхъ жестокости и была бы скорѣе несправедливостью, чѣмъ справедливостью, а состраданіе безъ справедливости было бы подобно мази, которая не излечиваетъ рану, а вызываетъ въ ней гноеніе“. Такое воззваніе къ любви, какъ къ источнику всякой правды и всякаго блага, проходитъ черезъ всѣ письма Катарини къ Урбану; но она не довольствуется такимъ общимъ наставленіемъ,—она непосредственно касается личныхъ свойствъ папы и предостерегаетъ его противъ самого себя: „Смягчите немного,—пишетъ она ему,—ради любви къ распятому Христу, эти пылкіе порывы, которые вамъ внушаетъ природа! Святой добродѣтелью оттолкните природу; Господь далъ вамъ сердце великое (grande) по плоти (naturalmente); потому я прошу васъ и желаю, чтобы вы изощрялись исполнить его мощи духовной (supernatural), ибо безъ послѣдней ваше природное сердце окажется немощнымъ и приведетъ развѣ лишь къ движеніямъ гнѣва и высокомерія“¹⁾. При такихъ порывахъ становилось особенно щекотливо положеніе папскихъ совѣтниковъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Катарина вступаетъ за какого-то монаха Варооломея, который своею „доброе совѣстной правдивостью задѣлъ и разсердилъ папу“. „Это его весьма огорчило, — пишетъ Катарина, — такъ какъ ему казалось, что онъ оскорбилъ ваше святѣйшество. Умоляю васъ любовью Христа распятого, выместите на мнѣ всякое огорченіе, которое онъ вамъ причинилъ; я готова принять всякое наказаніе, которое будетъ угодно вашему святѣйшеству“. Въ то же время она проситъ св. отца, если его оскорбитъ кто-нибудь изъ сыновъ его по невѣденію, то „исправить его въ его невѣденіи“.

Этого мало: она не только умоляла папу терпѣливо выслушивать наставленія и обличенія, она доказывала ему, что онъ обязанъ, въ силу своего положенія и человѣческой своей немощи, прибѣгать къ помощи и совѣту другихъ. „Я хорошо вижу, что отецъ, который управляетъ большимъ домомъ, не можетъ самъ видѣть больше, чѣмъ видно одному человекѣу. Поэтому, если бы

¹⁾ № 364. Т. VI, стр. 413.

его законные сыновья не позаботились наблюдать за честью и выгодой отца, то онъ часто бывалъ бы вводимъ въ обманъ,—и таково ваше положеніе, св. отецъ. Вы—отецъ и господинъ всемірнаго тѣла христіанской церкви; мы всѣ находимся подъ крыломъ вашего святѣйшества. По власти вы мощны на все, но видѣть вы можете не болѣе всякаго другого человѣка; отсюда необходимо, чтобы сыны ваши видѣли и соблюдали съ искренностью въ сердцѣ, безъ рабскаго страха все, что клонится къ славѣ Божіей, къ спасенію и чести вашей и паствы, состоящей подъ вашимъ покровомъ. Я знаю, что у вашего святѣйшества большое желаніе имѣть пособниковъ, которые бы вамъ помогали, но нужно имѣть терпѣніе выслушивать ихъ¹⁾.

Катарина была совершенно права, заявляя, что папа желаетъ имѣть пособниковъ и ищетъ ихъ; въ особенности хорошо сознавала Урбанъ VI, какія услуги можетъ ему оказать въ этомъ отношеніи сама Катарина. Этотъ папа, выдавшій Катарину въ Авиньонъ, рассчитывалъ присутствіемъ дѣвушки, которая при жизни уже считалась святою, освятить свой собственный престолъ, и потому поручилъ Раймунду пригласить ее въ Римъ. Катарина отвѣтила, что готова пріѣхать, но многіе граждане Сиены и жены ихъ такъ осуждаютъ ее поѣздки, что она рѣшилась нигуда изъ Сиены больше не отправляться по собственной волѣ, а потому можетъ пріѣхать лишь по приказанію папы. Въ силу такого приказанія Катарина и пріѣхала въ Римъ со своей общиной, и немощная дѣвушка стала тамъ ангеломъ-хранителемъ престола Григорія VII и Иннокентія III.

XIV.

Такимъ образомъ, Катаринѣ было суждено постоять за святое для нея дѣло не одними письмами, и она получила во второй разъ возможность повліять своимъ личнымъ присутствіемъ и авторитетомъ на папу и на ходъ дѣла при римской курии.

Обрадовавшись ея пріѣзду, папа пригласилъ Катарину въ консисторію и просилъ ее сказать слово утѣшенія и увѣщанія присутствовавшимъ кардиналамъ. О впечатлѣніи, которое произвела рѣчь Катарини, мы можемъ судить по словамъ, съ которыми папа послѣ того обратился къ собранію: „Смотрите, братія, какъ недостойны становимся мы въ нашей робости передъ Господомъ: эта женщина намъ служить уворомъ. Ей было бы къ лицу робѣть

¹⁾ № 302. Т. IV, стр. 118.

тамъ, гдѣ мы увѣрены, а вышло наоборотъ: въ нашемъ смущеніи она не знаетъ страха и ободряетъ насъ“. Папа пожелалъ тотчасъ воспользоваться личнымъ авторитетомъ Катарини Сиенской, чтобы черезъ нее привлечь на свою сторону своего самого близкаго и опаснаго противника, королеву Джіованну Неаполитанскую. Съ этою цѣлью онъ возымѣлъ мысль отправить Катарину въ королевѣ въ Неаполь, вмѣстѣ съ другою Катариной — шведскою принцессой, дочерью св. Бригитты. Катарина Сиенская тотчасъ согласилась; предполагаемая же спутница ея наотрѣзъ отказалась. Поѣздка въ Неаполь, впрочемъ, не состоялась вслѣдствіе благоразумія Раймунда, указавшаго папѣ на опасность, которой онъ подвергаетъ добрую славу дѣвушки, предоставляя ее среди распущеннаго двора на произволъ развратной и на все способной королевы. Узнавъ о томъ, что папа согласился съ доминиканскимъ пріоромъ, сказавъ ему: „ты правъ, — лучше, если онѣ не поѣдутъ туда“, Катарина, хотя она въ это время лежала больная, оказалась очень недовольна своимъ бывшимъ духовникомъ. Она уповала на своего „Жениха“, который въ силахъ охранить ея честь среди толпы нечестивыхъ, и въ то же время ее манила мысль о возможности найти въ Неаполѣ мученическій конецъ. „Если бы, — говорила она, — Агнесса и Маргарита и другія святыя дѣвы были такого образа мыслей, онѣ никогда бы не сподобились мученическаго вѣнца“.

Послѣ этого Урбанъ вздумалъ дать самому Раймунду трудное и опасное порученіе отправиться во Францію, чтобы отвлечь короля отъ союза съ авиньонскимъ папой. Доминиканецъ совѣтовался объ этомъ съ Катариной, и духовная дочь Раймунда горячо поддерживала намѣреніе папы, хотя ей было тяжело разставаться съ нимъ и она предчувствовала, что болѣе съ нимъ не увидится. „Иди сповойно, — сказала она ему на прощаніе: — подъ покровительствомъ св. креста, но мать свою ты въ этой жизни не увидишь“.

„Изобиліе“ пиратовъ принудило Раймунда отправиться сухимъ путемъ на Пизу и Геную. Тамъ наступила другая опасность: чѣмъ ближе Раймундъ приближался къ Франціи, тѣмъ болѣе возросло число „схизмативовъ“, не желавшихъ пропустить въ Парижъ посла римскаго папы. Когда же Раймундъ доѣхалъ до Вентимильи, гдѣ нынѣ пограничная итальянская таможня, его предупредилъ другой доминиканскій монахъ, что за городомъ ему грозитъ засада и смерть. Раймундъ вернулся въ Геную и тамъ остался по приказанію Урбана, чтобы проповѣдовать „крестовый походъ“ противъ антипапы.

Катарина была чрезвычайно огорчена „малодушіем“ уважаемаго ею и дорогого прелата. Она въ своемъ письмѣ укоряетъ и стыдитъ его за то, что онъ оказался „груднымъ ребенкомъ“, а не мужчиной. Съ нѣжной лаской она журить своего „отца“ за то, что онъ упустилъ случай заслужить мученической вѣнецъ. „Cattivello padre mio (гадкій отецъ ты мой)!—пишетъ она ему:—какъ блаженна была бы душа ваша, а также и моя, если бы вы кровью вашей заложили новый камень въ зданіи св. церкви. Мы имѣемъ дѣйствительный поводъ горевать, вида, что наша скудная добродѣтель не заслужила столь великаго блага“.

Такъ Катарина служила духовнику своему—монаху и папскому прелату—образцомъ истиннаго самоотверженія въ интересахъ божескаго царства. Вскорѣ ей пришлось играть въ этомъ отношеніи еще болѣе видную роль. Понимая, какое значеніе могутъ придать его авторитету религіозные подвижники, пріобрѣвшіе громкую популярность въ тогдашней Италіи, папа рѣшился собрать ихъ въ Римъ и издалъ по этому дѣлу буллу въ декабрѣ 1378 г. Можно думать, что Катарина была не чужда этому шану; по крайней мѣрѣ, какъ мы видимъ то изъ ея переписки, картузіанскій пріоръ, Серафинъ, получилъ черезъ нее бумагу, въ которой ему было предписано пригласить въ Римъ поименованныхъ въ ней лицъ. Во всякомъ случаѣ Катарина Сиенская сдѣлалась душою этого сонма духовныхъ, а съ многими изъ нихъ она уже прежде была въ сношеніяхъ. Ея письма къ этимъ лицамъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ нихъ характерно проявляется черта, проходящая черезъ всю исторію „божескаго царства“—антагонизмъ между монашескимъ призваніемъ, созерцательнымъ отреченіемъ отъ міра и дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ міра за интересы церкви.

Катарина взялась съ обычной горячностью за возложенное на нее порученіе. Объяснивъ въ характерномъ поученіи въ письмѣ къ бенедиктинцу Джіованни ди Валомороза (№ 322), что любовь есть источникъ и *мать* всякой добродѣтели, она продолжаетъ: „О, какъ любезна она, это сладчайшая мать! Не время теперь дремать, а надо искать ее съ неотложной заботой; искать тому, кто ее утратилъ по своей винѣ. Утратилъ—говорю я потому, что онъ можетъ найти ее, пока еще время. А кто обладаетъ ею, но еще не вполнѣ, пусть тѣится имѣть ее въ совершенствѣ. Итакъ, намъ болѣе не нужно дремать, ибо мы приглашены и призваны воспрянуть отъ сна. Станемъ ли мы дремать въ то время, когда враги наши бодрствуютъ? Нѣтъ, нужда насъ зо-

веть и долгъ насъ понуждаетъ, и потому, побуждаемые любовью, мы должны пробудиться.

„Случалась ли когда-либо такая нужда, какую мы нынѣ видимъ въ св. церкви? Мы видимъ, что сыны ея, вскормленные ея грудью, поднялись противъ нея и противъ отца своего, земного Христа, папы Урбана VI, истиннаго первосвященника, избравши антипапою воплощеннаго дьявола, какъ и тѣ, кто ему слѣдуетъ.

„Сильно долженъ понуждать насъ долгъ придти на помощь отцу нашему въ этой нуждѣ, ибо онъ кротко и смиренно требуетъ помощи служителей божіихъ, желая имѣть ихъ вокругъ себя. Мы же должны на это откликнуться, испытанные въ пылу любви, и не должны отступать, а идти впередъ съ искреннею справедливостью, которая никогда не будетъ осквернена какою-либо людскою угодливостью; съ мужественнымъ сердцемъ должны мы вступить на это поле сраженія, съ истиннымъ и сердечнымъ смиреніемъ. Итакъ, откликнитесь на зовъ великаго первосвященника Урбана VI, васъ призывающаго съ великимъ смиреніемъ. И потому я прошу, во имя любви къ Иисусу Христу на крестѣ, чтобы вы немедленно исполнили волю Божію и волю его.

„Да выступать наружу (essano fuori) служители божіи, — включаетъ Катарина свое письмо, — да придутъ они дать свидѣтельство и пострадать за истину, ибо настало время для нихъ. Приходите сюда, не откладывая этого, съ твердымъ намѣреніемъ постоять за славу Божію и пользу св. церкви, и за это положить жизнь, если то будетъ нужно“.

Собирая въ Римъ благочестивыхъ и уважаемыхъ народомъ подвижниковъ, Урбанъ имѣлъ въ виду укрѣпить свою власть; Катарина также этого желала, но она, кромѣ того, видѣла въ этомъ средство для достиженія самой завѣтной своей цѣли. Укрѣпленіе папской власти въ ея глазахъ было условіемъ для *исправления* церкви. Она надѣялась, что съ прибытіемъ къ римскому двору людей, посвятившихъ себя исключительно дѣлу божію, тамъ возьметъ верхъ партія реформы, и изъ центра новая жизнь вольется въ церковь. Эту мысль она ясно высказываетъ въ письмѣ къ вартузіанскому пріору, посылая ему папскую буллу: „Наступила теперь наша пора, когда будетъ видно, кто любитъ истину, и кто нѣтъ. Теперь нужно не дремать, а воспрянуть отъ сна. Нашъ дорогой св. отецъ, папа Урбанъ, истинный первосвященникъ, имѣетъ въ виду прибѣгнуть къ этому средству, которое ему необходимо для исправленія св. церкви, т.-е. онъ желаетъ имѣть около себя служителей божіихъ, чтобы руководиться ихъ совѣтомъ для себя и для св. церкви... Поэтому бросьте всякое

другое дѣло, какое бы оно ни было, и понуждайте другихъ, имена которыхъ вамъ будутъ сообщены, чтобы они поскорѣе были здѣсь. Не медлите, не медлите, ради любви божіей“...

Въ глазахъ Катарини этотъ всемогущій принципъ всякихъ помысловъ и дѣйствій—самоотверженная любовь, долженъ былъ превозмочь всѣ препятствія и затрудненія, которыя могли встрѣтяться.

Но иначе представлялось это дѣло тѣмъ, къ кому она звала. Многіе изъ подвижниковъ, которыхъ она звала въ Римъ, прослыли святыми людьми именно потому, что удалились совершенно отъ шума и суеты людской; цѣною долгой борьбы съ искушеніями свѣта и съ самими собой, они наконецъ приобрѣли то, чего они такъ долго и тщетно искали—„внутренній миръ“; должны ли они были пожертвовать этимъ высокимъ блаженствомъ, чтобы ѣхать въ Римъ и снова ринуться въ борьбу съ людьми и ихъ страстями? Если даже монахи старыхъ орденовъ—бенедиктинцы и цистерціанцы—неохотно оставляли свои монастыри для политической дѣятельности, хотя бы на пользу церкви, то это было еще труднѣе для отшельниковъ—эрмитовъ августинскаго ордена, которые въ одинокихъ кельяхъ, разбросанныхъ по пустыннымъ горнымъ ущельямъ, искали глубокаго мира въ полномъ уединеніи и тиши природы. Катарина предвидитъ это возраженіе и старается предупредить ихъ.

„Вы не должны,—пишетъ она сполетскимъ отшельникамъ,—вы не должны отказываться по какому бы то ни было поводу, ни въ виду трудовъ, которыхъ бы вы отъ этого дѣла для себя ожидали, ни изъ-за преслѣдованій, поношеній и насмѣшекъ, которыми вы могли бы подвергаться, ни изъ-за голода, жажды и тысячекратной смерти, если бы таковая была возможна, ни изъ желанія покоя, ни ради вашей утѣхи, разсуждая: „я желаю мира въ душѣ моей—и здѣсь я въ молитвѣ могу вызывать предъ лицомъ Господа“, ни даже изъ любви къ Христу на крестѣ. Ибо теперь не время думать о себѣ и углубляться въ себя для спасенія своего (*securare se per se*); не время избѣгать тревогъ ради своего утѣшенія; но наступила пора губить себя, ибо безвончая милость Божія приспѣла, въ великой нуждѣ св. церкви, и дала ей пастыря справедливаго и добраго, который желаетъ жить вокругъ себя псовъ, безъ умолку лающихъ; желаетъ этого, чтобы не задремать, не надѣясь на свое бодрствованіе и для того, чтобы они его постоянно будили“.

Катарина успокаиваетъ отшельниковъ, опасующихся за спокойствіе души своей: „Вамъ нечего бояться здѣсь развлеченій и

великихъ потѣхъ, вѣдь вы являетесь сюда для трудовъ (а *sostepere*) и борьбы, а не для утѣхи—развѣ для той, которую можно найти на крестѣ“. Двумъ другимъ—англійскому отшельнику Гуліельму и Антонію изъ Ниццы—она пишетъ по тому же поводу: „Церковь находится нынѣ въ такой нуждѣ, что нужно покинуть лѣсъ (*escige del bosco*) и отказаться отъ самого себя, чтобы ей помочь. Когда видишь, что ей можно оказать пользу, нельзя стоять въ сторонѣ и говорить: „я не сохраню тамъ своего покоя“... Теперь окажется, дѣйствительно ли вы прониклись желаніемъ церковной реформы, ибо если это такъ, тогда вы выйдете изъ своего лѣса и выступите на поле сраженіе“

Катарина предвидитъ возраженіе, что уже столько разъ напрасно заходила рѣчь о церковной реформѣ и потому бесполезно жертвовать своимъ покоемъ и отправляться въ Римъ. Поэтому она пишетъ: „Приходите, приходите и не ждите, ибо время насъ не ждетъ. Я увѣрена, что безконечная милость Божія дастъ вамъ познать истину. Я знаю, что многіе изъ служителей божіихъ приступаютъ къ вамъ и станутъ возражать противъ святого и добраго дѣла и скажутъ вамъ, думая, что говорятъ правду: вы отправитесь, и не будетъ отъ этого пользы (*non si faça cavelle*). Я же смѣло (*presuntuosa*) утверждаю, что *будетъ* толь, и если нынѣ не осуществится наше главное желаніе (*principale affetto*),—по крайней мѣрѣ для него откроется дорога. И если бы ничего изъ этого не вышло, то мы бы все-таки доказали передъ лицомъ Божіимъ и передъ Его твореніями наше посильное стараніе (*nostra possibilita*), и наша совѣсть была бы облегчена“.

Опасенія Катарины не были напрасны: дѣйствительно, изъ святыхъ людей, которыхъ она звала въ Римъ для укрѣпленія папства и исправленія церкви, далеко не всѣ раздѣляли ея взглядъ на дѣло. Поставленные передъ дилеммою—спасаться и спасти церковь, они предпочитали первое. Исконный дуализмъ божескаго царства, какъ идеальнаго состоянія, осуществляемаго монашествомъ, и божескаго царства, какъ земнаго учрежденія, осуществляемаго папскою теократіей, обнаружился передъ ними въ рѣзкомъ противорѣчій. Требуя отъ нихъ величайшей жертвы—отступленія отъ аскетическаго идеала, которому они служили съ такимъ самопожертвованіемъ и въ которомъ они приблизились цѣною такихъ усилій и подвиговъ,—повинуть уединенную келью, возвратиться въ міръ, снова вызвать въ себѣ едва утихшія страсти, едва забытыя воспоминанія и сожалѣнія, разведерить едва затянувшуюся старую рану, рискуя утратить то нравственное успокоеніе, ту душевную благодать, которой они достигли цѣною

столькихъ горячихъ слезъ и молитвъ, — такая жертва была для нихъ непосильна. Поставленные передъ дилеммой — спастись и спасти церковь, они предпочли первое: они отказались идти въ Римъ.

Катарина таковой дилеммы не знала: и ей когда то тяжело было думать о мірѣ и погружаться въ его заботы, и она молила своего „Жениха“ оставить ее въ кельѣ и не заставлять идти среди людей, чтобы ихъ наставлять и бороться съ ними. Но любовь къ небесному „Жениху“ помогла ей побѣдить самое себя, побѣдить въ себѣ аскетическій идеаль. Теперь для нея не было противорѣчія между монашескимъ призваніемъ и дѣятельностью въ мірѣ во имя любви къ Христу на крестѣ. Монашескія добродѣтели стали для нея лишь средствомъ и ступенью къ совершенствованію, *упраженіями* въ самоотреченіи; „высшее же совершенство, самое полное торжество въ самоотреченіи“ заключалось для нея въ томъ, чтобы принести въ жертву личный идеаль аскетизма и взять на себя крестъ въ мірѣ. Такъ въ личной жизни любвеобильной дѣвственницы совершалось примиреніе двухъ великихъ принциповъ, антагонизмъ которыхъ проходитъ черезъ все средневѣковое міросозерцаніе. То, что причиняло глубокія нравственныя страданія, душевную борьбу, сожалѣнія и укоры со стороны лучшимъ подвижникамъ аскетизма, какъ мы видѣли напри мѣръ у Бернарда Клервоскаго, въ душѣ Катаринны Сиенской достигло полной гармоніи. Письмо къ отшельнику, отказавшемуся ѣхать въ римскую курію, въ которомъ она высказала свой взглядъ на средневѣковое аскетическое монашество, представляетъ поэтому одинъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ въ исторіи средневѣкового міровозрѣнія.

„Мнѣ думается, судя по письму, присланному братомъ Гуліельмомъ, — пишетъ Катарина изъ Рима августинскому отшельнику Антонію, — что ни онъ, ни вы, не пріѣдете сюда; на это письмо я не намѣрена отвѣчать, но весьма скорблю о его простотѣ, ибо отъ нея мало толку для славы Божіей и назиданія ближняго. Если бы Гуліельмъ не хотѣлъ идти сюда изъ смиренія, изъ страха утратить свой покой душевный, онъ долженъ бы былъ проявить добродѣтель смиренія, испрашивая на то смиренно и кротко разрѣшенія у викарія Христова, умоляя его святѣйшество дозволить ему оставаться въ лѣсу своемъ, покая ради, предоставивъ все это, однако, на благоусмотрѣніе папы, какъ того требуетъ истинное монашеское повиновеніе. Это было бы болѣе угодно Богу и полезнѣе для него самого; но мнѣ кажется, что онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ, утверждая, что тотъ, кто

обязать себя повиновеніемъ Богу, не обязанъ повиноваться людямъ (*alle creature*). По отношенію къ другимъ людямъ я бы не приняла это въ сердце, но что онъ это относитъ и къ икарію Христову, это меня весьма огорчаетъ; ибо я вижу, какъ онъ далекъ отъ истины: повиновеніе Богу никогда не отягчаетъ насъ отъ истины; наоборотъ, чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе и истина. Папѣ мы всегда должны подчиняться и повиноваться до смертнаго часа“.

Въ этихъ словахъ Катарина выражаетъ основной принципъ теократіи, въ силу котораго и монашество безусловно подчинено главѣ церкви. На этомъ основаніи она требуетъ формальнаго повиновенія отъ отшельниковъ, ушедшихъ изъ міра. Но въ другомъ мѣстѣ письма она указываетъ имъ на тотъ животворный принципъ любвеобильнаго самоабвенія, который долженъ провести ихъ къ истинному самоотреченію и побудить ихъ охотно принести въ жертву свой *покой* для блага ближняго и церкви.

„Настало нынѣ время, когда окажется, кто истинный служитель Бога; когда окажется, ищутъ ли они себя ради себя и ищутъ ли Бога ради собственнаго утѣшенія, которое въ Немъ находятъ, радѣютъ ли о ближнемъ ради себя, насколько въ немъ усматриваютъ для себя утѣшеніе; когда окажется, думаемъ ли мы, что Господь находится въ одномъ мѣстѣ, а не въ другомъ. На это дѣло я смотрю не такъ, но полагаю, что истинному служителю божію всякое мѣсто въ мѣсто (*ogni luogo gli è luogo*) и во всякое время ему время. Поэтому, когда для него пора покинуть собственный покой и взять на себя тревоги, славы ради Божіей, онъ это дѣлаетъ; и когда для него наступаетъ время бѣжать изъ гѣса по необходимости, славы ради Божіей, онъ и это дѣлаетъ и идетъ въ мѣста людныя, какъ поступалъ славной памяти св. Антоній, который хотя въ величайшей степени любилъ уединеніе, тѣмъ не менѣе часто покидалъ его, чтобы одобрять христіанъ. И то же самое я могла бы сказать о многихъ другихъ святыхъ. Таковъ былъ всегда обычай истинныхъ служителей божіихъ—выходить на свѣтъ въ дни нужды и бѣдствій“.

Катарина пишетъ съ обычною скромностью, серьезностью и искренней горячностью; но она можетъ писать и въ другомъ тонѣ, когда этого требуютъ обстоятельства. Противники ея, чтобы оправдать себя и парализовать ея авторитетъ, стали также ссылаться на откровеніе свыше и распространять мнѣніе, что данный ею совѣтъ внушенъ сатаной. Катарина узнала, что двое монаховъ „имѣли великое откровеніе“, что папа и тотъ, кто совѣтовалъ послать за ними, слѣдовали совѣту человѣческому, а не

божественному, и что „желать отвлечь монаховъ изъ ихъ покоя и утѣшенія—скорѣе внушеніе дьявола, чѣмъ вдохновеніе Божіе“.

Съ искусной ироніей отклоняетъ она этотъ направленный противъ нея ударъ: „они говорятъ, что если вы и другіе пойдете (въ Римъ), то утратите духъ (perdereste lo spirito) и такимъ образомъ не будете въ состояніи помочь молитвою и постоять силой духа за св. отца! Уже слишкомъ сидеть слабо въ васъ духъ, если вы лишаетесь его съ переменною мѣста. Какъ будто Господь *взираетъ на мѣсто* (sia acuttatore di luoghi), и Его возможно обрѣсти только въ лѣсу и нигдѣ иначе—въ часъ нужды.

„Что же это такое? Какъ же говорить, что мы желаемъ, съ одной стороны, чтобы церковь была исправлена, чтобы были выдернуты изъ нея тернія и насажены благоуханные цвѣты служителей божіихъ, а съ другой,—что посылать за ними и извлекать ихъ изъ уединенія и покоя душевнаго, чтобы они пришли помочь ладѣ св. Петра, это—обманъ дьявола?“ (№ 328)

Въ письмахъ Катарини къ отшельникамъ, какъ и въ вышеприведенныхъ ея письмахъ къ Урбану—объ укрѣпленіи авторитета римскаго епископа, предъ нами уже не разъ выдвигался другой, великій интересъ въ ея жизни, то, что она называетъ „своимъ главнымъ вождельніемъ“ (nostro principale affetto). На ряду съ возвращеніемъ папы въ Римъ и крестовымъ походомъ для умиротворенія Италіи и Европы, третьей важнѣйшей заботой, которая постепенно беретъ верхъ надъ остальными, становится для Катарини *реформація* церкви. Мы до сихъ поръ не касались отношеній Катарини къ этому капитальному вопросу въ исторіи теократіи, назрѣвавшему во мѣрѣ того, какъ „божеское царство“ все болѣе принимало формы „земного государства“; но именно будетъ умѣстнымъ теперь сопоставить то, что намъ извѣстно о взглядахъ Катарини на этотъ міровой вопросъ и на ея участіе въ его разрѣшеніи. Мысль о необходимости *реформаціи церкви* давно уже оладѣла душою Катарини, но во время ея пребыванія въ Римѣ окончательно у нея созрѣла. Еще до своей поѣздки въ Авиньонъ, Катарина пришла къ сознанію, что зло въ современной ей церкви заключается не въ одномъ удаленіи папы изъ Рима; вся церковь нуждается въ „реформаціи“ (reforzazione). При Урбанѣ въ Римѣ Катарина еще болѣе убѣдилась, что только „реформація“ можетъ спасти церковь, устранить въ ней „ересь“, какъ они называли схизму, и дать свѣтскому обществу миръ. Этою мыслью

проникнуты ея письма къ папѣ и послѣднія бесѣды съ нимъ. *Папа-реформаторъ* — вотъ великій образъ, который носился передъ очами умирающей дѣвушки. Такого именно папы давно уже не было въ длинной вереницѣ державныхъ первосвященниковъ. Довольно было сдѣлано для того, чтобы утвердить власть римскаго престола надъ міромъ и окружить его блескомъ и авторитетомъ. Все это однако не удержало его отъ паденія. Чтобы снова подняться на высоту, римскому епископу нужно было теперь водрузить знамя не власти, а реформы.

Но о какой же „реформаци“ мечтала Катарина? Кликы о реформаци раздавались въ церкви задолго до того событія, которому исторія специально присвоила это названіе. Какъ Катарина Сиенская, такъ и большинство приверженцевъ *реформы* до реформаци имѣли, конечно, въ виду совершенно иной результатъ, чѣмъ дала послѣдняя. Однако, при тождественности понятія, заключающаго въ себѣ столь различныя цѣли, легко впасть въ недоразумѣніе, и, на самомъ дѣлѣ, въ исторіи „предшественниковъ реформаци“ нерѣдко можно встрѣтить неточность опредѣленій и терминовъ.

Между тѣмъ строгое разграниченіе стремленій въ этомъ случаѣ особенно необходимо потому, что отдѣльныя реформационныя движенія до XVI в. сводятся къ двумъ совершенно *противоположнымъ* направленіямъ; изъ нихъ одно вело къ такъ-называемой *реформаци*; другое имѣло, напротивъ, въ виду посредствомъ реформы или исправленія церкви предупредить эту *реформаци*; иными словами, первое имѣетъ *протестантскій* характеръ, — другое, несмотря на иногда рѣзко-обличительный и оппозиціонный характеръ, остается *католическимъ* по духу и цѣли. Въ виду неоднократныхъ попытокъ исправленія церкви въ католическомъ смыслѣ, можетъ идти рѣчь о *католической реформаци* — терминѣ, усвоенный нѣкоторыми историками. Но чтобы избѣгнуть недоразумѣній и смѣшенія понятій, лучше было бы для обозначенія послѣдней употреблять слово *реформа*, которымъ мы и будемъ переводить итальянское выраженіе *тефогмазоне* у Катарини Сиенской. Строгое разграниченіе между средневѣковыми попытками исправленія церкви — согласно съ ихъ духомъ — тѣмъ болѣе необходимо, что предшественники реформаци и поборники *реформы* католицизма иногда сходятся между собою поразительнымъ образомъ въ своихъ отдѣльныхъ требованіяхъ. Такъ, напримѣръ, почти всѣ они требуютъ *возвращенія* церкви къ *старинѣ*, требуютъ *возстановленія* исконнаго идеала, причемъ, конечно, эта старина и этотъ идеалъ истолковываются въ совершенно различномъ смыслѣ.

Кромѣ того, у самыхъ преданныхъ католицизму реформаторовъ можно встрѣтить чисто-протестантскія мысли и формулы, и нѣкоторые историки (даже осмотрительный и безпристрастный Газе) слишкомъ подчеркиваютъ такіа несущественныя совпаденія. Францискъ, напримѣръ, далъ своему ордену наставленіе, чтобы въ его монастыряхъ служили не болѣе *одной* обѣднѣ, хотя бы при монастырѣ состояло и нѣсколько священниковъ. Впослѣдствіи Меланхтонъ сослался по этому поводу на авторитетъ Франциска въ своей апологій „Аугсбургскаго исповѣданія“, и извѣстный д-ръ Эвъ въ виду этого рѣшился признать посланіе Франциска подложнымъ ¹⁾. А у Катарини Сіенской мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ ея писемъ къ духовнику Раймунду основную протестантскую формулу о спасеніи души „посредствомъ одной благодати, помимо дѣяній“. Описывая Раймунду свое видѣніе, какъ Христосъ ав- ственно принялъ въ себѣ душу несчастнаго юноши, котораго она сопровождала на казнь, Катарина прибавляетъ: „объявляю при семъ основную истину, что принялъ ее въ силу одной благодати своей и милости, а не ради какаго-либо дѣянія“ ²⁾.

Чтобы въ подобныхъ случаяхъ не впасть въ ошибку, необходимо всегда имѣть въ виду существенныя признаки реформаціоннаго принципа у протестантовъ и католиковъ, и такъ какъ здѣсь зашла рѣчь о *реформаціи*, которой желала Катарина Сіенская, мы коснемся общаго вопроса объ этихъ признакахъ. Въ данномъ случаѣ и къ католицизму можно примѣнить извѣстное положеніе, что тѣ же принципы, которые создали извѣстное учрежденіе, необходимы для спасенія или поддержанія его. Средневѣковое католичество выросло изъ двухъ корней—изъ принципа аскетизма, т. е. отреченія личности отъ міра, и изъ идеи божескаго царства, т. е. теократическаго учрежденія, въ которомъ вся власть сосредоточивается въ рукахъ Христова намѣстника. По этимъ двумъ признакамъ можно точно опредѣлить основной характеръ какаго-либо движенія къ исправленію церкви; а именно, всякое движеніе къ реформѣ, которое оставалось вѣрно идеямъ аскетизма и папскаго авторитета, должно быть признано по существу своему

¹⁾ Насе. Franz. v. Assisi, p. 94.

²⁾ Manifestando la prima Verita, che per sola grazia e misericordia egli il riceve e non per veruna altra operazione. Lett. 273. IV, p. 8. Замѣчательно, что это ученіе объ оправданіи посредствомъ вѣры, помимо дѣяній, сформулированное вновь въ XVI в. въ Италіи извѣстными Контарини и его друзьями, и положенное даже въ основаніе переговоровъ, веденныхъ легатомъ Контарини съ протестантами на регенсбургскомъ сеймѣ 1541 г.,—послужило тогда исходной точкою для подъема католицизма. для обновленія папства и контръ-реформаціи. См. о Контарини—Ранке, „Ист. папъ въ XVI в.“.

католическимъ, хотя бы оно и отрицало какой-нибудь изъ католическихъ догматовъ. Протестантизмъ же вытекалъ какъ разъ изъ двухъ противоположныхъ принциповъ: онъ начинается съ отверженія монашества и аскетизма и является *протестомъ* противъ отождествленія идеальнаго царствія божьяго съ видимою духовно-политической державой римскаго епископа. Потому всѣ средневѣковыя религіозныя движенія, направленные противъ аскетизма и универсальной власти римскаго епископа, могутъ быть включены въ генетическій процессъ протестантизма. Перваго изъ этихъ двухъ признаковъ, т.-е. отношенія къ аскетизму, еще недостаточно, чтобы дать окраску извѣстному религіозному движенію. Такъ, напримѣръ, два совершенно однородныхъ движенія, внушенные той же идеей *сладованія* за Христомъ въ крайне аскетическомъ смыслѣ, привели къ противоположнымъ результатамъ: вандейцы, можетъ быть вслѣдствіе ихъ столкновенія съ церковными властями, совершенно вышли изъ лона католицизма, и ихъ оппозиція во имя евангельскаго Христа получила со временемъ протестантскій характеръ; въ лицѣ же Франциска и его послѣдователей это направленіе сдѣлалось одною изъ сильнѣйшихъ опоръ католицизма. То же явленіе повторилось затѣмъ, какъ мы упоминали, въ исторіи францисканскаго ордена, крайніе спиритуалисты котораго стали самыми ожесточенными борцами противъ папъ за ихъ свѣтскую власть и мірское направленіе.

Эти замѣчанія помогутъ намъ понять смыслъ и значеніе той *реформации*, которой съ такимъ жаромъ и съ такою болью въ душѣ домогалась Катарина. Чрезвычайно полно высказанъ относящійся сюда взглядъ Катарини въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма ея къ Григорію XI (№ 206), которое мы поэтому и приведемъ, какъ важный историческій документъ. Умоляя папу умиротворить обуреваемый пороками и бѣдствіями міръ (*il mondo tanto travagliato*),—Катарина увѣщаетъ его именемъ Христа прежде всего примѣнить силу своей власти и добродѣтель (*usate lo strumento della potenza e virtu vostra*) къ исправленію церкви: „вырывайте изъ вертограда св. церкви цвѣты дурнаго запаха — дурныхъ пастырей и правителей, полныхъ нечистоты и алчности и раздутыхъ высокоомѣремъ.

„О, горе мнѣ, правитель нашъ! примѣните къ дѣлу вашу власть и вырвите ихъ съ корнемъ; выбросьте ихъ, чтобы имъ нечѣмъ было управлять. Потребуйте, чтобы они постарались управиться съ *собою* и направить *себя* къ святой и доброй жизни; насадите въ томъ саду цвѣты благовонныя, пастырей и правителей, которые были бы истинными служителями Христа, которые

не имѣли бы иной цѣли, какъ славу Божию и спасеніе душъ и были бы отцами бѣдныхъ. Увы, какой это великій соблазнъ видѣть, какъ тѣ, кто должны были бы быть зеркаломъ добровольной бѣдности, смиренными агнцами и распредѣлять между бѣдными достояніе св. церкви—проводятъ жизнь въ тысячу разъ въ большихъ наслажденіяхъ, въ болѣе роскоши и суетѣ мірской, чѣмъ если бы они были мірянами! Сколько мірянъ служатъ имъ къ посрамленію, ведя добрую и святую жизнь! Но видно, что верховное и вѣчное милосердіе хочетъ осуществитъ посредствомъ силы то, что не творится во имя любви; оно попускаетъ, чтобы имущества и земныя блага были отняты у невѣсты Христовой (церкви), желая этимъ указать, чтобы св. церковь вернулась къ своему первому состоянію, когда она была бѣдна, смиренна и кротка; тогда она была въ то святое время, когда она домогалась лишь славы Божіей и спасенія душъ, и имѣла попеченіе лишь о дѣлахъ духовныхъ, а не свѣтскихъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ она стала устремлять свой взоръ болѣе на мірское, чѣмъ на духовное, дѣло стало идти все хуже и хуже. Видите, вотъ почему Господь допустилъ въ Своемъ правосудіи столько преслѣдованій и тревогъ для церкви. Но ободритесь, отецъ, и не бойтесь того, что случилось или еще случится, ибо Господь все это дѣлаетъ, чтобы возвратитъ церкви ея прежнее совершенство; для того, чтобы въ этомъ вертоградѣ паслись овцы, а не волки, пожирающіе то, что должно было принадлежать Господу. Бодритесь въ Христѣ, ибо я уповаю, что Его помощь и полнота божественной благодати будутъ съ вами, если вы поступите, какъ сказано. Среди войны вы обрѣтете полный миръ, среди гоненій—полнѣйшее согласіе; не человѣческою силою, но святою добродѣтелью вы сокрушите *видимыхъ* демоновъ въ образѣ нечестивыхъ людей и *невидимыхъ*, никогда надъ нами не дремлющихъ“.

Въ другомъ письмѣ Катарина уговариваетъ папу предпринять крестовый походъ, чтобы христіанскій народъ перенесъ соль вѣры къ невѣрнымъ, выражая надежду, „что новыя растенія, согрѣтыя свѣтомъ святой вѣры, дадутъ цвѣтъ и плодъ и своею новой добродѣтелью помогутъ прекратитъ пороки и грѣхи, гордость и нечистоту, изобилующіе въ христіанскомъ народѣ, въ особенности же среди прелатовъ, пастырей и правителей церкви, которые, сдѣлавшись душегубцами, не обращаютъ, а совращаютъ души. „И все это,—говоритъ Катарина,—происходитъ изъ себялюбія, изъ котораго вытекаютъ гордость, алчность, жадность и нечистота тѣла и души. Они видятъ, какъ волки ада уносятъ паству ихъ, и не тревожатся этимъ—такъ велика забота ихъ объ удовольствіяхъ и

наслажденіяхъ, о приобрѣтеніи славы и одобренія людского. О, горе мнѣ, сладчайшій отецъ мой (Oime, babbo mio dolce)! обратите вниманіе ваше на нихъ; отыщите добрыхъ людей и добродѣтельныхъ и предоставьте имъ заботу о паствѣ. Отъ этого намъ будетъ великая польза, а вамъ—великій миръ и утѣшеніе. Они помогутъ вамъ нести трудное бремя, которое, я знаю, вы несете. Мнѣ представляется, — восклицаетъ Катарина, — что вы, отецъ мой, стоите, какъ агнецъ среди волковъ“ (№ 218).

Все строже становятся обличенія Катарини и все настоятельнѣе взываетъ она къ папѣ, чтобы онъ, „какъ мужественный человекъ, безъ всякаго страха и себялюбія и пристрастія къ родинѣ своей, устранилъ все, что препятствуетъ возвышенію и исправленію св. церкви“... „Душа моя жаждетъ съ неизяснимымъ пыломъ, чтобы Господь, въ силу безконечной милости Своей, отнялъ у васъ всякую земную страсть и расположеніе и преобразилъ васъ въ другого человека, т.-е. вселилъ въ васъ пылкое и пламенное желаніе реформаціи, ибо инымъ способомъ вы не въ состояніи исполнить волю Божію и желаніе Его служителей. Oime, oime, babbo mio dolcissimo! простите мою смѣлость и все, что я вамъ говорила и говорю!—меня вынудила вамъ высказать драгоценная, первородная истина. Ея именемъ я говорю, и вотъ чего, отецъ мой, она отъ васъ требуетъ: чтобы вы учинили судъ надъ обліемъ нечестивыхъ дѣлъ, творимыхъ тѣми, кто питается и пасется въ саду св. церкви; не должно животное питаться тѣмъ, что служить пищей для людей. Въ силу того, что Господь вамъ далъ власть и вы ее приняли, вы обязаны примѣнить къ дѣлу добродѣтели и могущество ваше, и если бы вы не захотѣли имъ пользоваться, лучше было бы для васъ отречься отъ того, что вы приняли; больше было бы отъ этого пользы для славы Божіей и для спасенія вашей души“ (№ 255).

Итакъ, вотъ какой реформаціи желаетъ и домогается Катарина! Она хочетъ и требуетъ реформы церкви посредствомъ папы; реформировать церковь—значитъ для нея снабдить ее добрыми пастырями и правителями ¹⁾. Она не сомнѣвается въ томъ, что власть папы достаточна для этого, и увѣрена, что таково его намѣреніе и желаніе. Поэтому она не приходитъ въ отчаяніе отъ нравственнаго паденія іерархіи и озлобленія мірянъ противъ духовенства и церкви — подобно іоаниквитамаъ и другимъ энтузіастамъ XIII и XIV в., которые въ порокахъ прелатовъ и въ воз-

¹⁾ Il vostro santo desiderio il quale avete della reformazione della sposa vostra. Reformarla, dico di buoni pastori i rettori (№ 209).

муденіи свѣтскихъ властей противъ духовенства видѣли признаки предстоящаго пришествія антихриста и ниспроверженія церкви. Напротивъ, въ гоненіяхъ противъ духовенства Катарина видитъ только средство исправленія его и признаки лучшаго времени. Поэтому она ободряетъ Григорія XI поэтическимъ сравненіемъ: „среди шиповъ расцвѣтаетъ роза, и среди гоненій наступаетъ исправленіе св. церкви“¹⁾).

Эта надежда Катаринны еще болѣе оживилась, когда въ лицѣ Урбана VI на престолъ св. Петра взомель папа болѣе непримоннаго характера и болѣе расположенный къ крутымъ мѣрамъ реформы, чѣмъ Григорій XI. Уже въ первомъ своемъ письмѣ къ Урбану, Катарина напоминаетъ ему о его обязанности исправить недуги церкви. „Святѣйшій отецъ, Господь поставилъ васъ пастыремъ надъ паствою своею во всемъ христіанскомъ мірѣ, поставилъ васъ хранителемъ крови Христа, котораго вы намѣстникъ, и поставилъ васъ на это мѣсто въ такое время, когда неправда подвластныхъ вамъ людей болѣе изобилуетъ, чѣмъ когда-либо за многіе годы. О, драгоценнѣйшій отецъ, не можетъ долѣе (по *pro pio*) такъ идти міръ—до такой степени изобилуютъ пороки въ особенности тѣхъ, кто посаженъ въ вертоградѣ св. церкви, какъ благовонные цвѣты, чтобы давать въ немъ благоуханіе, а между тѣмъ мы видимъ, что отъ ихъ влосчастныхъ и преступныхъ пороковъ идетъ смрадъ по всему міру. Увы, отецъ мой, гдѣ та чистота сердца и та честность, настолько совершенная, чтобы черезъ нее невоздержные могли сдѣлаться чистыми? Совсѣмъ наоборотъ—часто воздержные и чистые, благодаря *mal* (пастырей) нечистотѣ, познаютъ нечистыя страсти. Увы, гдѣ обиліе любви и забота о душахъ и раздача милостыни бѣднымъ? Вы знаете хорошо, что ничего этого нѣтъ. Горько мнѣ говорить, что сыны церкви питаются ея достояніемъ и не стыдятся быть хвновщиками въ храмѣ и совершать обманъ святыми руками, помазанными вами, викаріемъ Христовымъ! Гдѣ глубокое смиреніе, которое бы смущало ихъ высокоумѣнную алчность, съ такою совершается симонія, покупаются бенефиціи подарками, лестью и деньгами? Увы, дорогой отецъ мой, положите этому конецъ; удовлетворите страстные желанія тѣхъ служителей божіихъ, которые умираютъ съ горя и не могутъ умереть и съ великимъ желаніемъ ожидаютъ отъ васъ, чтобы вы, какъ добрый пастырь, приложили руки ваши, чтобы исправить не словами, а дѣломъ и

¹⁾ Lett. 270. Tra le spine—nosce la rosa et tra le persecuzioni ne viene la reformatione della Sante Chiesa.

безъ всякаго рабскаго страха—тѣхъ, кто кормится грудью невѣсты Христа (церкви) и сталъ служителемъ Его крови“.

Посоветовавъ въ этомъ письмѣ Урбану назначить новыхъ, достойныхъ кардиналовъ, которые стали бы дѣйствительно столпами его престола и помогами бы ему нести бремя его многообразныхъ трудовъ, Катарина говоритъ: „О, какъ будетъ счастлива душа моя, когда я увижу, что невѣстѣ Христовой воздается должное ей и грудью ея будутъ кормиться тѣ, кто взираетъ не на свое благо, а на славу имени Божьяго. Не сомнѣваюсь я, что тогда исправятся и міряне, ибо не могутъ они не исправиться, если будутъ вынуждены къ тому праведнымъ ученіемъ и благочестивою жизнью своихъ пастырей“.

Снова и снова убѣждаетъ Катарина папу приняться за дѣло реформы, зная, что „не безъ тяжкихъ подвиговъ (*senza il sofferere molto*) можетъ быть насыщена жажда ваша и служителей божіихъ, жажда видѣть св. церковь исправленной добрыми, честными пастырями“...

Катарина заявляетъ, что дѣло реформы требуетъ отъ папы не только готовности пострадать за него, но и энергической борьбы. Для этой борьбы нуженъ мечъ—ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели. „Вотъ этотъ мечъ, отецъ мой, прошу я васъ пустить въ дѣло. Пришло для васъ теперь время обнажить этотъ мечъ, который состоитъ въ томъ, чтобы ненавидѣть пороковъ въ васъ самихъ, въ паствѣ вашей и въ служителяхъ св. церкви... Итакъ, отсѣките пороковъ“...

Но время и условія, въ которыхъ тогда находилось папство, были весьма неблагоприятны для такой реформы церкви. Какъ трудно было ее провести, можно судить по тому, что самые совѣты Катарина и мѣры, которыя согласно имъ принималъ Урбанъ, давали результаты, совершенно не соответствовавшіе ожиданіямъ. Мы видѣли, какія надежды возлагала Катарина на новыхъ кардиналовъ, которыхъ она совѣтовала папѣ назначить. Урбанъ, дѣйствительно, сразу назначилъ 29 новыхъ кардиналовъ; въ ихъ числѣ были люди достойные, напр. Карачіоло, сдѣланный кардиналомъ по указанію Катарина. Но въ общемъ новые столпы папскаго престола оказались не лучше прежнихъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Катарина: „Я вамъ говорю, божественная милость глубоко оскорблена: вертоградъ невѣсты Христовой избавился отъ прежнихъ растений, укоренившихся въ порокахъ высокомерія, нечистоты, корыстолюбія и симоніи; а вотъ и новыя растенія, которыя своими достоинствами должны были бы уничтожать тѣ пороки, начинаютъ распускаться и принимать тотъ же

видъ (stilo). Вотъ на что жалуется благословенный Христосъ: что невѣста его не очищена отъ пороковъ, и что в. св. не прилагаете къ этому той заботливости, которую вы должны были бы проявить.

„Вы не въ состояніи съ перваго раза устранить всѣ грѣхи, обычно совершающіеся въ христіанскомъ мірѣ и всего болѣе въ духовномъ чинѣ, съ котораго вы въ особенности не должны спускать глазъ, — но вы можете и вы обязаны дѣлать по крайней мѣрѣ все, что вамъ по силамъ (la vostra possibilità), чтобы это не осталось у васъ на совѣсти — для очищенія сердца церкви, т. е. позаботиться о томъ, чтобы удалить изъ среды окружающихъ васъ всякую гнилость и назначить пастырей, которые не давали бы совратить себя ни лестью, ни деньгами. Если вы исправите самое сердце вашей невѣсты, все тѣло скоро поздоровѣетъ, и будетъ отъ того слава Божія, а вамъ честь и польза, ибо добродѣлю и благоуханіемъ добродѣтели устранится схизма. Всякій перейдетъ на сторону в. св., увидѣвъ, что вы искореняете пороки и обнаруживаете на дѣлѣ то, чего желаете“.

Катарина не только ободряла папу надеждою, что реформа дастъ ему побѣду надъ противникомъ, но и грозила, что небреженіе въ дѣлу реформы повлечетъ за собою горькія бѣдствія; она обратилась къ Урбану съ слѣдующими пророческими словами: „Знаете ли вы, что будетъ, если вы не исцѣлите того, что можете исцѣлить? Господь хочетъ во всемъ реформировать невѣсту Свою и не хочетъ, чтобы она была проваженною. Если не сдѣлаетъ этого ваше святѣйшество по мѣрѣ вашей силы, то сдѣлаетъ Онъ это самъ посредствомъ многихъ испытаній. Увы! св. отецъ, не будемъ ожидать нашего униженія“ (№ 364).

Катарина, полная рвенія и готовности, постоянно стояла на стражѣ и неусыпно напоминала папѣ о его долгѣ. „Имѣйте терпѣніе ко мнѣ, — заканчиваетъ она свое письмо, — ибо я не оставляю возбудать васъ молитвою, или живымъ голосомъ, или письменно, пока я буду жива!“

XV.

Но Катаринѣ не долго пришлось вести борьбу за исправленіе церкви. Въ воскресеніе масопуста „такая боль пронзила ея сердце“, что, какъ она говорила, ея одежда на груди порвалась. На другой день она опять почувствовала неодолимую потребность писать папѣ. Письмо это до насъ дошло; оно представляетъ собою отрывокъ, свидѣтельствующій о душевномъ состояніи, въ кото-

ромъ она находилась. Это письмо не похоже на прежнія; оно уже не обращено къ папѣ съ обычными требованіями и наставленіями; это рядъ мистическихъ видѣній, чрезъ которые проходить то, что всего болѣе ее заботило на землѣ: церковь, ея судьба, отношеніе къ ней людей и необходимость ея исправленія. Господь дастъ ей правителя, который страхомъ вымететъ ее до чиста, а потомъ придетъ другой, который исполнитъ ее любовью.

Письмо осталось недоконченнымъ, потому что Катарина „подверглась нападенію демоновъ, которые ее мучили тѣлесными и душевными муками. Она пала на землю и ей казалось, что ея душа оставила тѣло и взираетъ на него, какъ на нѣчто чуждое ей. Окружающіе оплакивали ее, какъ покойницу. Но этотъ припадокъ былъ только началомъ ея предсмертной болѣзни.

Она, правда, еще разъ собралась съ силами; ей было дано внушеніе, чтобы она каждый день на зарѣ читала обѣдню — чего она уже давно не была въ силахъ дѣлать, и, наконецъ, она нашла силу это исполнить. Три часа спустя по окончаніи обѣдни, она направилась изъ доминиканскаго монастыря, гдѣ жила, къ храму св. Петра, на разстояніи болѣе версты. „Вы бы увидѣли грядущую покойницу“, — писала она объ этомъ своему духовнику. Она вошла въ соборъ и оставалась тамъ до вечера. „Мнѣ бы не хотѣлось, — писала она, — уйти съ этого мѣста ни днемъ, ни ночью, пока мнѣ не удастся сколько-нибудь вразумить этотъ народъ и прикрѣпить его къ Отцу. Тѣло мое остается безъ всякой пищи, даже безъ капли воды, съ такими сладкими тѣлесными мученіями, которыхъ я не испытывала ни въ какое другое время, и жизнь моя виситъ теперь на одномъ волосѣ“ (№ 373).

Высказывая, что она въ своемъ тѣлѣ чувствуетъ приближеніе кончины, Катарина не ошиблась. Съ конца третьей недѣли поста она должна была прекратить посѣщенія собора и слегла. Ея тѣло было въ полномъ оцѣпенѣніи; жизнь его выражалась только въ невыносимыхъ страданіяхъ, но душа ея бодрствовала и жила прежними заботами. Она наставляла своихъ приближенныхъ и, какъ бы завѣщая свою волю, каждому указывала дальнѣйшій путь въ жизни. Изъ этихъ наставленій, которые были записаны, мы отмѣтимъ только то, что относилось къ реформѣ церкви. Она всѣмъ оставляла завѣтъ, чтобы они не дали въ себѣ охладѣть пылкому желанію узрѣть реформацію церкви и возсылали слезныя, смиренныя молитвы за невѣсту Христову и за Его намѣстника: „Долгое время, — говорила Катарина, — я носила въ себѣ это желаніе; семь лѣтъ и болѣе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Господь вложилъ въ мою душу эту пламенную жажду“.

Къ концу поста положеніе Катаринѣ ухудшилось. Она уже не могла говорить, не была даже въ состояніи пропустить каплю воды съвозъ горло, а между тѣмъ ея дыханіе пылало. Наканунѣ пасхи прибылъ по дѣламъ изъ Сіены ея прежній духовникъ Бартоломео. Онъ нашель ея лежащею неподвижно среди досокъ, сложенныхъ на подобіе гроба. Она обрадовалась его прїѣзду, но онъ не могъ понять ея шопота; когда же наклонилъ ухо къ ея губамъ, то услышалъ, что ей хорошо. Онъ предложилъ ей отслужить на другой день у нея въ комнатѣ пасхальную обѣдню и причастить ее. Когда въ Свѣтлое Воскресеніе онъ началъ служить обѣдню у переноснаго алтара, который былъ предоставленъ Катаринѣ папою, большая лежала неподвижно; но когда онъ приступилъ къ причащенію, Катарина, въ удивленію, встала безъ чужой помощи и опустилась на колѣни передъ алтаремъ.

Жизнь къ ней какъ бы вернулась, и она въ теченіе нѣсколькихъ дней оживленно бесѣдовала съ духовникомъ о нуждахъ и судьбахъ церкви. Но она не удерживала при себѣ близкаго ей человѣка, который былъ ей такъ нуженъ въ предстоявшую ей тяжелую минуту. Она знала, что въ Болоньѣ долженъ былъ состояться генеральный капитулъ доминиканцевъ, и желая, чтобы главою ордена былъ избранъ Раймундъ, она послала туда Бартоломео, чтобы помочь ему при избраніи.

По удаленіи духовника къ Катаринѣ вернулось прежнее состояніе неподвижности, въ которомъ она пребыла почти шесть недѣль. Наканунѣ Вознесенія, 29-го апрѣля 1380 г., она очнулась какъ бы отъ тяжелаго страданія. Къ ней еще разъ вернулось полное сознаніе и съ нимъ прежняя любовь къ окружающимъ и заветныя заботы о церковномъ идеалѣ. Въ прощаніи съ матерью и друзьями, въ покаяніи и молитвѣ провела она свои послѣдніе часы. Въ ея покаяніи слышалось громче всего самообвиненіе, что она мало сдѣлала для реформаціи церкви. „Ты, Господи, всегда призывалъ меня понуждать Тебя жгучимъ желаніемъ, слезами и смиренными молитвами о спасеніи всего міра и объ исправленіи церкви; Ты обѣщаль, что въ силу такой молитвы будешь милосердъ къ міру и дашь невѣстѣ Твоей новую красу; но я, несчастная, не исполнила этого желанія“...

Такія желанія осуществляются вѣками, и о нихъ бессильно разбивается личная жизнь. Но если пылъ идеализма, которымъ она пламенѣла, и не могъ вдохнуть въ церковь новой жизни, онъ согрѣлъ и озарилъ ея собственную жизнь, и на историческомъ небосклонѣ ея чистый образъ будетъ вѣчно свѣтиться грядущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ, какъ свѣтлая путеводная звѣзда.

Въ эпоху, когда знамя религіознаго идеализма выпало изъ рукъ правителей, поглощенныхъ матеріальными интересами, оно было поднято и высоко водружено надъ міромъ руками слабой дѣвушки, которой любовь дала силу, разумъ и власть надъ людьми. Въ эпоху смуть и разнузданныхъ страстей она попыталась даровать своему отечеству миръ. Она была для Италіи и для католическаго міра тѣмъ, чѣмъ въ слѣдующемъ поколѣніи стала для Франціи Іоанна д'Аркъ. Обѣ дѣвушки вышли изъ нѣдръ народной массы, и ихъ даже мало коснулось современное имъ образованіе, и обѣ въ священномъ пылу самоотверженія побѣдили свою женскую робость и стали руководить вождями народовъ. Обѣ онѣ были вызваны религіозными видѣніями изъ круга семьи и уединенія, обѣ въ религіозныхъ видѣніяхъ прозрѣли свое призваніе и почерпнули силу для жизненнаго подвига. Но Іоанна д'Аркъ видѣла только свое земное отечество и, чтобъ его спасти отъ иноземцевъ, опоясалась рыцарскимъ мечомъ; для Катарини Сиенской интересъ земнаго отечества совпадалъ съ торжествомъ небеснаго царства и божественной правды, и потому силу земнаго меча она хотѣла побѣдить силою любви и вѣчной истины. Катариной Сиенской гармонически замыкается длинный рядъ великихъ представителей аскетическаго принципа и поборниковъ идеи божескаго царства. Ея жизнь знаменуетъ собою нравственное торжество аскетическаго начала и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотъ въ аскетизмъ къ лучшему — къ служенію высшему принципу, а именно, принципу *любви*.

В. ГЕРЬЕ.

У ИСТОЧНИКА

НАБРОСКИ И ВСТРАЧИ.

I.

Отец мой принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ помѣщиковъ нашей черноземной губерніи. Не знаю, съ пользою ли, но достоверно, что среди большихъ удовольствій онъ дослужился во время оно до чина „гвардіи поручика“, затѣмъ женился и вышелъ въ отставку. Проживая съ тѣхъ поръ постоянно за границей и только временно наѣзжая въ свою вотчину, онъ гораздо менѣе былъ знакомъ со своими крѣпостными, нежели съ придворными и принцами иностранныхъ дворовъ. Такимъ образомъ, благополучіе многочисленныхъ крѣпостныхъ находилось въ непосредственной зависимости отъ старосты Ермила и отчасти также отъ одного отцовскаго „протезѣ“, служившаго въ губернскомъ городѣ какимъ-то засѣдателемъ въ какомъ-то судѣ и имѣвшаго въ теоріи верховное за Ермиломъ наблюденіе. При такомъ режимѣ крестьянамъ жилось не то чтобы хорошо, но по тѣмъ временамъ и не худо, а батюшкѣ съ матушкой и намъ—дѣтямъ—и подавно недурно.

Однако, съ теченіемъ времени, финансовыя ресурсы стали обнаруживать, какъ выражаются въ финансовомъ мирѣ, склонность къ сокращенію, особенно съ конца пятидесятыхъ годовъ. Мы не замѣчали этого по образу жизни, но какъ-то неопредѣленно чувствовали по замѣчаніямъ отца.

— Какія у насъ дороги въ отечествѣ: десятое число, а отъ Ермила ничего! — говаривалъ онъ хорошимъ французскимъ или тяжеловатымъ русскимъ слогомъ.

Болѣе другихъ чувствовалась наступающая перемѣна мною по

попадавшимися мнѣ письмамъ Ермила и упомянутаго засѣдателя. Письма эти служили для меня предметомъ безсознательнаго влеченія; ими питалось смутное стремленіе къ родинѣ, къ ея языку, къ вѣрнопостной Маврѣ, вскормившей меня своей грудью, къ ея роднѣ, выказывавшей мнѣ свое обожаніе, когда мы, какъ кратковременная гостыя-бомета, показывались на горизонтѣ нашей деревни. Меня тянуло къ этимъ грубымъ, сѣрымъ, грязноватымъ бумажкамъ, которыя черезъ тысячи верстъ сохраняли и приносили къ намъ сюда—за границу—запахъ родины, ея курныхъ избъ, сырыхъ, недубленныхъ полушубковъ. Отецъ, морщась, осторожно бралъ эти письма концами пальцевъ и, держа по возможности дальше отъ себя, прочитывалъ, что называется, пятое черезъ десятое и затѣмъ бросалъ въ корзину для ненужной бумаги подъ письменнымъ столомъ. Оттуда уже они поступали въ мою полную собственность.

Вначалѣ они привлекли мое вниманіе какъ образчикъ невиданной еще мною русской письменности, въ родѣ того, какъ наши дѣти съ любопытствомъ разсматриваютъ попадающіеся имъ снимки съ гіероглифовъ и другихъ невѣдомыхъ письменъ. Какими странными казались они мнѣ сравнительно съ изящными, пахучими французскими, англійскими, иногда и итальянскими письмами, которыя только и попадались у насъ въ домѣ въ Дрезденѣ и Парижѣ! Съ годами эти сѣрыя бумажки стали для меня частью родной деревни, уголкомъ родного лѣса, краешкомъ того болота, на которое я смотрѣлъ широко раскрытыми отъ удивленія глазами, прислушиваясь къ страннымъ, но сладкимъ для меня гортаннымъ звукамъ дикихъ утокъ, куликовъ и другой дичи, во множествѣ гнѣздившейся тамъ! Грязныя бумажки были для меня той горсточкой родной земли, которую беретъ съ собою и уносить на своей груди пахарь, горькою долею согнанный съ родимой нивы.

Это инстинктивное чувство, какъ я теперь понимаю, заставляло меня тщательно собирать эти письма и съ великимъ трудомъ ихъ прочитывать. Не все я былъ въ состояніи прочитать и еще менѣе могъ понять; при всемъ томъ съ неустаннымъ терпѣньемъ и трудомъ разбиралъ я ихъ буква за буквой и слово за словомъ. По истинѣ могу похвалиться: мои дѣтскія усилія можно было приравнять къ трудамъ Раулинсона, когда онъ доискивался смысла и значенія клиновидныхъ письменъ.

Вотъ изъ этихъ-то писемъ я почерпалъ свѣденія о томъ, что „по случаю Божьяго поущенія и свотскаго падежа пришлось Ефросиньеву рошу срубить (впослѣдствіи я узналъ, что дѣло идетъ

объ обширномъ пареѣ, которому дѣдъ далъ названіе „Роца Афродиты“), да купецъ очень мало даетъ“... Въ каждомъ письмѣ попадалось одно и то же: то пришлось продать, то заложить въ „Опекунской Совѣтъ“, то отпустить Сидора Толстобрюхова на волю и т. д., и т. д. Въ точности я не понималъ, что это значить, но по манерѣ изложенія, по тону и духу письма, я чувствовалъ, что происходитъ нѣчто нехорошее, неладное—и нехорошее это все растетъ и растетъ.

II.

Настала „эмансипація“...

Менѣ всего она могла быть неожиданностью для тѣхъ, кто жилъ за границей и что-нибудь тамъ читалъ. Но именно россияне этого сорта менѣ всего приготовились къ встрѣчѣ великаго и грознаго тогда для нихъ событія. Зато въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно пробудило лучшія чувства и напомнило о существованіи родины...

Отецъ былъ слишкомъ добродушенъ, лѣнивъ и обезпеченъ, чтобы быть принципиальнымъ крѣпостникомъ; онъ былъ слишкомъ „европеецъ“, чтобы не признавать несправедливости и безнравственности крѣпостного права; но просуществовъ оно еще сто лѣтъ, онъ не сталъ бы возражать противъ его существованія, какъ теперь не протестовалъ противъ его отмены. Однако казавшаяся тогда крайне глубокой и коренной реформа заставила его смутно почувствовать нѣкоторый страхъ за будущее и возбудила желаніе осмотрѣться на мѣстѣ. Такимъ образомъ вернулись мы на родину.

Заѣхали въ Петербургъ, побывали въ Москвѣ, навѣстили родныхъ и знакомыхъ. Масса народу перебивала у насъ. Я смутно помню шумныя, сердитыя бесѣды; но съ ясностью остались у меня въ памяти только слова отца:

— Конечно, намъ нельзя жить какъ-нибудь; но и имъ надо дать пожить по-человѣчески. Богъ съ ними!

Въ деревнѣ застали какое-то движеніе. Изъ сосѣдей иные прѣехали жить въ свои помѣстья, другіе, напротивъ, переѣзжали въ городъ. Крестьяне шушукались и—гдѣ враждебно, гдѣ просто выжидательно и съ любопытствомъ—присматривались.

У насъ все сошло прекрасно. Крестьяне получили надѣлъ по своему выбору, отецъ не придирался,—напротивъ, съ какимъ-то доброжелательствомъ исполнялъ ихъ желанія и заслужилъ у нихъ титулъ „добраго барина“.

— Нѣча Бога гѣввить, — говорили они: — баринъ добрый; расчелся съ нами по-божески.

Такое отношеніе къ крестьянамъ отецъ сохранилъ навсегда: онъ никогда не умѣлъ и не старался сдѣлать ихъ счастливыми, когда они были его собственностью, но не вредилъ имъ сознательно и активно, когда они стали для него чужими. Онъ не тѣснилъ и не придирался къ нимъ, не ловилъ ихъ куръ и цыплятъ, не грозилъ мировыми и становыми; словомъ, навсегда остался по отношенію къ нимъ, какъ и ко всемъ прочимъ, добродушнымъ російскимъ джентльменомъ.

Когда у насъ пошло самоуправленіе, отецъ принималъ въ немъ участіе, то какъ гласный земскаго собранія, то какъ предводитель дворянства. Денегъ онъ одинаково не жалѣлъ, ни на представительство, ни на „благородныя цѣли“.

— Noblesse oblige, — говаривалъ онъ: — да и этимъ людямъ надо помочь... Кому же, кромѣ насъ, это сдѣлать? Сами они и темны, и бѣдны...

И онъ съ равнымъ удовольствіемъ и сознаниемъ долга бросалъ громадныя суммы на полу-оффиціальныя предводительскія балы и жертвовалъ на школы и больницы, тогда только-только входившія въ моду и долженствовавшія, по словамъ ихъ производственниковъ, просто, тихо и мирно насадить рай на російской землѣ.

Смерть отца вызвала общее сочувствіе. Его похоронили при большомъ стеченіи и единодушномъ сожалѣніи помѣщиковъ и крестьянъ. Левъ нашего уѣзда и предводитель либеральной земской оппозиціи, помѣщикъ Янушкинъ, произнесъ надъ могилой блестящую рѣчь, закончивъ ее, при общемъ сочувствіи, слѣдующими словами:

— Да, милостивые государыни и государи, мы можемъ связать о покойномъ: да, человекъ онъ былъ!..

— Добрый былъ баринъ, — говорили крестьяне, расходясь въ задумчивости съ похоронъ.

По смерти отца (матушка умерла еще раньше, вскорѣ по возвращеніи въ Россію), намъ всемъ — братьямъ и сестрамъ — досталось по пятисотъ съ небольшимъ десятинъ, обремененныхъ такимъ количествомъ долговъ, какимъ только было возможно или, вѣрнѣе, невозможно. Я ужъ былъ въ это время присяжнымъ повѣреннымъ, — я имѣю честь и теперь принадлежать къ этой корпораціи, — но по идеямъ того времени рѣшился посвятить свои силы непосредственно-производительному труду въ деревнѣ. Я самъ принялся хозяйничать, въ твердомъ намѣреніи и упованіи

поднять производительность края и послужить образцомъ для крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства. Я выписалъ сельскохозяйственные книги и журналы (даже изъ Сѣв. Америки), лучшія иностранныя сѣмена, самыя усовершенствованныя орудія и принялся за работу. Объ одномъ только я позабылъ—о природѣ и людяхъ. Чужія сѣмена у меня не вызрѣвали, орудія для нашей почвы не годились, рабочіе обращались съ ними варварски; а самая ничтожная порча, стершаяся гайка, сломанный винтъ, погнувшійся зубецъ въ колесѣ — всякая мелочь дѣлала машину нигуда негодною, потому что починить и исправить было некому и негдѣ.

Въ результатѣ такого хозяйства получилась окончательная чепуха, которой не помогъ и ученый управитель-чехъ. Долги возростали по законамъ лавинообразнаго движенія. Земельному и другимъ банкамъ пришлось выплачивать не только проценты, но и пени, недонмки и прочія денежныя наказанія. Положеніе запутывалось все болѣе и болѣе, но я зубами держался за землю.

Въ это тяжелое время меня вразумилъ молочный братъ — сынъ моей кормилицы Мавры — Макаръ Трофимовъ. Это былъ человѣкъ степенный, хорошій и зажиточный хозяинъ. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, задумчиво присматривался, помогалъ советомъ, иногда даже деньгами.

— Брось ты это дѣло, Сергій Павлычъ!—сказалъ онъ мнѣ разъ въ особенно тяжелую минуту. — Неужто тебѣ досель не видно, что толку съ твою хозяйства никакого не будетъ? Вѣдь съ умомъ же ты человѣкъ, прости Господи!

Макаръ энергично плюнулъ и, вслѣдствіе усвоенной имъ свѣтскости, растеръ ногой.

Въ послѣднее время эта идея не разъ уже мнѣ самому приходила въ голову, но я попробовалъ возразить.

— Почему такъ?—спросилъ я. — Наберусь опыту, достану лучшихъ рабочихъ, а главное — самъ изучу всѣ подробности.

— Ничего не выйдетъ путнаго, — прервалъ меня Макаръ.

— Да что ты все пророчишь, — сказалъ я съ сердцемъ:— вѣдь, ты скажи толкомъ, отчего...

— Оттого, что не летати лягушкѣ по поднебесью, не ходити орму по болоту, вотъ оно што... Што хошь говори, не барское это дѣло: гдѣ тебѣ землю ковырять! Хоть ты надрываешься, да што проку-то: и смѣхъ, и жалость вѣдь намъ, мужикамъ, на тебя да на твои муки глядѣть!

Я чувствовалъ, что краснѣю и конфужусь, какъ шеольникъ.

— Чтѣ же мнѣ дѣлать?—спросилъ я, скорѣе впрочемъ себя, чѣмъ Макара.

— Чтѣ дѣлать?—передразнилъ меня горячо Макарь. — Не барское дѣло тебѣ тутъ копѣть, землю ковырять, людей смѣшивать да деньги изводить. Перебѣрайся ты въ городѣ, поди послужи, а либо опять стань адвокатомъ. Смотри, вонъ, колько ихъ въ городѣ, поглупѣй тебя будутъ, а деньгу вона какую зашибаютъ. Чтѣ бы батюшка-то твой—царство ему небесное (онъ набожно-широко перекрестился), чтѣ Павелъ Тимофеевичъ бы сказали, на твое жительство, на твою бѣдноту глядячи, прости Господи!

Макаръ глубоко вздохнулъ и, оглядывая меня съ грустью, укоризненно качалъ головой.

— На кого-жъ мнѣ землю, хозяйство бросить? Не вѣрю я управляющимъ больше ни одному.

— Ну ихъ всѣхъ къ лѣшему, твоихъ управляющихъ! Ты землю роздай тѣмъ, кому въ ней нужда, зарѣвъ, значить, да кто къ ней обыченъ, значить, намъ, мужикамъ-то; а самъ побѣжай въ городѣ, дѣломъ барскимъ займись. Окромя того, отъ насъ оброекъ или, какъ это по новѣшнему-то, съемное получать будешь чистоганомъ да въ аккуратѣ. И намъ лучше, а главное—муки-то твои кончатся, вотъ чтѣ.

Я промолчалъ, но черезъ двѣ недѣли простился съ деревней и переѣхалъ въ городѣ, имѣя въ результатѣ почти четыре даромъ потраченныхъ года и значительное количество новыхъ долговъ въ дополненіе къ прежнимъ. Землю всю я роздалъ крестьянамъ за опредѣленную плату съ десятины, и на полученные задатки устроился въ городѣ, гдѣ принялся за свою прежнюю адвокатскую дѣятельность. Я очень аккуратно получаю свою ренту изъ деревни, сносно живу и понемногу уплачиваю свои долги. Та самая земля, изъ которой я ничего не могъ извлечь, мужику даетъ кое-что и для него, и для меня. Своего рода социальнo-арифметическая загадка.

— А принципы? — спросить нескромный читатель.

— Это другой вопросъ. Я теперь говорю не о принципахъ, а о нашей сѣренькой жизни.

III.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и, должно быть, всѣ коренные помѣщичьи-дворяне, по тѣмъ или другимъ причинамъ, очутились въ подобномъ же положеніи. Лучше сказать, всѣ съ логической постепенностью и роковой необходимостью дошли до него, на

подобіе того, какъ. безпомощный, сѣвшій на мель корабль бурей и волненіемъ все больше и глубже забивается въ песчаную отмель. Вѣтеръ прочно и систематически загонялъ его все дальше и прочиѣ въ песокъ, казалось теперь уже навсегда и безповоротно. Нашлись, однако, желающіе стащить корабль съ мели и дать ему снова возможность поколыхаться на лонѣ водѣ, какъ говорятъ поэты, или даже гордо поплавать по волнамъ житейскаго моря. Надолго ли и куда онъ теперь направитъ свой бѣгъ?

Учрежденіе дворянскаго банка явилось выраженіемъ этого желанія помочь и поддержать, укрѣпить и расширить. Банкъ возбудилъ множество надеждъ, уже въ теоріи пріобрѣлъ массу друзей и противниковъ. Но это все теорія: для насъ — дворянъ — было ясно одно, что онъ открываетъ намъ очень — по нашимъ условіямъ — дешевый и льготный, а главное, щедрый кредитъ. Вездѣ съ нетерпѣніемъ ожидали открытія дѣятельности столь благодѣтельнаго учрежденія. Наконецъ, торжество открытія отдѣленія банка состоялось и въ нашей губерніи.

Изъ вышеизложеннаго читатель самъ легко догадается, что въ числѣ первыхъ алчущихъ улучшенія своего положенія и уменьшенія своихъ ежегодныхъ платежей по займамъ былъ, конечно, и я. Мѣстные чины банка подробно осмотрѣли мое имѣніе, оцѣнили его, и свои соображенія отправили на окончательное рѣшеніе въ Петербургъ, въ главное управленіе.

— Если хотите ускорить дѣло и поддержать свое ходатайство, побѣждайте сами! — посоветовали мнѣ.

Такимъ образомъ, явился совершенно законный и благовидный для меня самый предлогъ страхнуть съ себя провинціальную скуку и побывать въ Петербургѣ, въ нашемъ россійскомъ центрѣ моды и цивилизаціи. Трудно было не воспользоваться такимъ случаемъ, и, не долго думая, я сѣлъ въ вагонъ и покатилъ въ столицу.

IV.

Въ вагонѣ русскіе люди, болѣе или менѣе одного круга, весьма скоро знакомятся; такъ, конечно, случилось и на этотъ разъ. Обязательный кондукторъ раскрылъ намъ зеленый столикъ, появились карты; а это такой элементъ, который еще болѣе способствуетъ сближенію порядочныхъ людей. Мы разговорились. Оказалось, что не я одинъ ѣду въ Петербургъ по причинѣ или лодъ предлогомъ ускоренія залога имѣнія въ дворянскомъ банкѣ.

Въ антрактахъ, между концомъ одной и началомъ слѣдующей

пульки, мы, большею частью, наскоро кончали оцѣнку игры Ивана Ивановича, у котораго были черви — тузъ самъ-четверть, — или хода Дмитрія Петровича, который пошелъ въ бубны, когда ему непременно слѣдовало идти въ пики. Отдавъ такимъ образомъ дань нашимъ неизмѣннымъ текущимъ интересамъ, мы незамѣтно для самихъ себя переходили къ новому учрежденію, въ его задачамъ и значенію, характеру дѣятельности, администраціи и пр. и пр.

По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, а потомъ и къ Петербургу, нашъ кружокъ все увеличивался такими же алчущими и жаждущими, благодаря тому, что новые знакомые переходили къ намъ въ вагонъ, привлекаемые успѣвшей образоваться сплоченной группой. Такъ болѣе крупная компактная масса всегда обладаетъ большой притягательной силой по отношенію къ отдѣльнымъ комочкамъ.

На большихъ станціяхъ мы наскоро закусывали, и затѣмъ, расхаживая группами по платформѣ или собравшись кучкой въ одномъ мѣстѣ, продолжали наши бесѣды. Когда разговоры становились погромче и погорячѣе, они привлекали и постороннихъ, изъ которыхъ иные принимали участіе въ нашихъ спорахъ, всегда почти заручившись однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ вступленіемъ:

— Извините, пожалуйста, если я позволю себѣ вмѣшаться въ вашъ разговоръ...

— Сдѣлайте одолженіе-съ! — отвѣчалъ обыкновенно на это мрачнаго вида, сѣдой старикъ: — здѣсь секретовъ нѣтъ-съ; дѣло общедворянское-съ. Позвольте рекомендоваться: Гавріиль Матвѣевъ Суходольскій — помѣщикъ владимірской губерніи. Съ кѣмъ имѣю честь? — спрашивалъ онъ въ свою очередь, приподымая лѣвой рукой старомодный картузъ и протягивая правую новому знакомому.

Но болѣе всего собесѣдниковъ приобрѣли мы благодаря нашему уѣздному предводителю, съ самаго начала ѣхавшему съ нами вмѣстѣ. Рослый, видный, еще не старый брюнетъ, съ едва сѣдьющими волосами, громкимъ голосомъ и широкой натурой, онъ имѣлъ въ трехъ губерніяхъ — въ томъ числѣ и московской — гораздо больше знакомыхъ, нежели можетъ вмѣстить обыкновенная человѣческая память.

То-и-дѣло къ нему подходилъ кто-нибудь съ привѣтствіемъ:

— Здравствуйте, Эрастъ Петровичъ! куда это изволите?

— Мое почтенье! Не угодно ли присосѣдиться?

— Что это у васъ за дорожный митингъ такой?

— Да, вотъ, все о нашемъ новомъ банкѣ...

— А... а!

Богъе короткіе знакомые получали отъ Эраста Петровича категорическое приказаніе:

— Перегъзай, братъ, въ намъ въ клѣтъ! ты гдѣ сидишь? Видишь, какой у насъ сводный эскадронъ!

Въ Москвѣ мы закусили, купили газетъ и отправились дальше. Нѣсколько времени у насъ въ вагонѣ царила относительная тишина: слышно было только шуршанье газетъ да умѣренное со-лѣнне внимательныхъ читателей.

— Вотъ тебѣ разъ! — вдругъ провозгласилъ кто-то громко-ласно.

— Что такое, что такое? — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Посмотрите-ка, чтѣ тутъ-то пишутъ! — и онъ сердито грянулъ листомъ „Русскаго Курьера“.

— Читайте! — scomандовалъ по военному Эрастъ Петровичъ (онъ былъ отставной гвардіи ротмистръ).

V.

Привлекшій своимъ возгласомъ общее вниманіе, помѣщикъ Коротенцевъ прочиталъ взволнованнымъ голосомъ газетную статью, въ которой указывалось, что процедура залога въ дворянскомъ банкѣ обставлена невозможнымъ формализмомъ, что прежде всего, до начала дѣла, требуется представленіе не менѣе пятнадцати документовъ. Затѣмъ...

— Пятнадцать документовъ! — прервалъ одинъ изъ компаніи: — гдѣ ихъ набрать?

— Бюрократизмъ ужъ непременно все задавить: безъ этого у насъ невозможно!

— Это все мелочи. Неужели это васъ такъ напугало?

— Какъ мелочи?! Вы знаете, чтѣ значить въ деревнѣ или даже въ городѣ достать одинъ документъ? Вы знаете, чего это стоитъ?! А тутъ ихъ цѣлыхъ пятнадцать!

— Это значить годъ возни и чуть не годовой доходъ за марен, труды и хлопоты!

— Извольте, господа, послушать дальше: тамъ дальше по-важнѣе да поинтереснѣе будетъ, — злобно замѣтилъ Коротенцевъ.

— Читайте, читайте! Не прерывайте, дайте же дочитать! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, господа, смирно! Извольте продолжать! — обратился Эрастъ Петровичъ къ Коротенцеву.

Среди воцарившейся напряженной тишины Коротенцевъ громко и серьезно сталъ продолжать свое чтеніе.

Тамъ категорически утверждалось, что на полученіе изъ дворянскаго банка ссуды могутъ рассчитывать только крупныя землевладѣльцы, получившіе подъ залогъ своего имѣнія 1.200.000 рублей. Среднимъ же и мелкимъ тамъ нѣтъ мѣста; имъ ничего не дадутъ и не дадутъ ¹⁾).

— Слѣдовательно, это уже банкъ не дворянскій, а архидворянскій!

— Какой тамъ архидворянскій: я не менѣе архидворянинъ, позвольте вамъ сказать, чѣмъ кто бы то ни было; да, видно, не въ этомъ дѣло. Тутъ выходитъ, что я ничего получить не могу, потому что у меня только 500 десятинъ...

— Это заведенъице, очевидно, не для нашего брата — російскаго дворянина, — а для англійскихъ маіоратныхъ лордовъ.

— Жаль, что ѣду не на лошадяхъ — чугунки не поворотишь — поворотилъ бы оглобли да поѣхалъ домой: нечего мнѣ въ вашей столицѣ дѣлать! — замѣтилъ закутанный въ шубу, меланхолическаго вида, молчаливый сѣдой старикъ, съ вязаннымъ шарфомъ на шеѣ.

— Не скажете-съ! — возразилъ франтоватый молодой человекъ: — нѣтъ-съ, въ Петербургѣ много хорошаго и кромѣ банка.

Никто его даже не удостоилъ отвѣтомъ. Шумныя пренія все усиливались, когда среднихъ лѣтъ сухощавый господинъ возвысилъ свой голосъ. Это былъ помѣщикъ тульской губерніи, нѣкій Забрюшвинъ. Несмотря на свою „мѣщанскую“ фамилію, онъ держался весьма авторитетно, говорилъ съ большимъ вѣсомъ, обусловленнымъ гостепрѣимствомъ, съ какимъ его статьи и проекты печатались на страницахъ одной очень вліятельной, въ извѣстныхъ сферахъ, московской газеты и журнала. Но особенно возросъ его престижъ съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря своимъ статьямъ и проектамъ, онъ былъ приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго человека въ комиссію по вопросу о томъ, что лучше пить народу безъ ущерба для себя и съ выгодой для государственнаго казначейства: пиво, водеу или виноградное вино. Вернувшись домой съ чиномъ статскаго совѣтника и съ внѣшностью современнаго администратора, онъ сталъ живымъ опроверженіемъ того, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Поговаривали даже, что онъ — ближайшій кандидатъ на высшій постъ въ губерніи. Ясно, слѣдовательно, что онъ, молъ, всегда долженъ былъ или, по

¹⁾ См. „Новое Время“ № 8796, 1886 г., „Среди газетъ и журналовъ“.

крайней мѣрѣ, могъ знать ближайшія цѣли и намѣренія администраціи. Только либеральные земскіе дѣятели относились къ нему враждебно, не признавали его заслугъ, порицали его проекты, отрицали его таланты. Но кто же обращаетъ теперь вниманіе на земцевъ этой категоріи? Ихъ хулы еще болѣе подчеркивали его заслуги...

— Насколько я знаю и могу судить, — началъ Забрюшкинъ медленно и со спокойнымъ дѣловымъ видомъ: — ваши опасенія преждевременны. Судьба банка въ извѣстной степени въ вашихъ рукахъ: правительство предоставило вамъ право избранія значительной части дѣятелей этого учрежденія, и если вы будете избирать истинныхъ дворянъ, т. е. дворянъ не только по рожденію, но—что еще важнѣе—по духу, по идеямъ, по стремленьямъ,—тогда ваше, т.-е. общее наше дѣло выиграно. А это есть дѣло всей Россіи.

— Но, можетъ быть, желаютъ поддержки и развитія только крупнаго землевладѣнія? — замѣтилъ не безъ робости одинъ изъ вашихъ спутниковъ.

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить. Теперь желаютъ прежде всего, чтобы каждый помѣщикъ сохранилъ то, чѣмъ владѣетъ. Затѣмъ,—что имѣетъ еще большее общегосударственное значеніе,—при настоящей всеобщей распатанности идей и разнузданности стремленій необходимо, чтобы во всѣхъ частяхъ государства существовали прочныя опоры порядка и государственности. Я не буду говорить почему, но этой опорой должны быть мы — дворяне. Въ такой обширной и слишкомъ мало сцентрализованной странѣ, какъ наша, гдѣ здравыхъ идей и прочныхъ привычекъ такъ мало, а дурныхъ такъ много, въ такой странѣ необходимо побольше точекъ опоры для власти и порядка. Это должна быть густая основа новой, крѣпкой тѣани. Вотъ почему, милостивые государи, я позволяю себѣ думать, что поддержку желаютъ оказать всему дворянству, а не слишкомъ для указанной цѣли малочисленнымъ крупнымъ собственникамъ.

Послышался общій ропотъ одобренія. Одинъ сангвиникъ залюпалъ въ ладоши и крикнулъ „браво“. Даже равнодушный къ нашимъ тревоженіямъ, очень крупный землевладѣлецъ Чертороевъ, и тотъ проговорилъ съ одобрительной улыбкой:

— Bien, fort bien. C'est le programme! — и снова принялся за свой № „Гражданина“.

Мы однако продолжали волноваться и спорить, но уже о размѣрахъ и отгѣнкахъ нашихъ розовыхъ надеждъ, когда Чертороевъ, въ величайшему нашему изумленію, словно ужаленный,

вскочилъ съ мѣста и, потрясая въ воздухѣ своимъ „Гражданиномъ“, громко заговорилъ:

— Однако, тутъ самъ чортъ ногу сломаешь!.. Вы не извольте волноваться: всѣмъ намъ одинаковая честь!—произнесъ онъ иронически.—Послушайте-ка, что князь Мещерскій пишетъ: этотъ на мѣстѣ, знаетъ, въ чемъ дѣло, и словъ на вѣтеръ не пускаетъ. Не угодно-ли-съ? протянулъ онъ ко мнѣ, какъ ближайшему сосѣду, свою газету.

— Прочтите, пожалуйста, читайте, читайте!—просили всѣ.

Не безъ нѣкотораго опасенія взялъ я газету и сталъ читать указанную статью. Въ ней знаменитый творецъ и руководитель „Гражданина“, со свойственными ему оригинальной, не общепризнанной логикой и дубоватымъ слогомъ, убѣждалъ съ полнѣйшей несомнѣнностью, что въ дворянскій банкъ дворянина на порогъ не пускаютъ и что главное лицо въ банкѣ даже слышать слово „дворянинъ“ не можетъ безъ глубокаго ужаса и отвращенія.

Когда я кончилъ, наступила короткая пауза...

— Какъ же такъ?—началъ въ полномъ недоумѣннн наиболѣе наивный изъ нашихъ провинціаловъ:—какъ же такъ? Одна газета говоритъ этакъ, другая—иначе! Должны же тѣ знать...

— Да что, обѣ брешутъ...

— Дѣло во всякомъ случаѣ не ладно: вотъ смотрите, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ почти то же самое!

— Нѣтъ дыму безъ огня...

— Это судьба всѣхъ нашихъ преобразованій: напишутъ и оповѣстятъ на одинъ манеръ, а на практикѣ, глядь, вышло какъ разъ навыворотъ!

— Я всегда говорилъ и буду говорить: нѣтъ у насъ людей и ничего не подѣлаешь,—издавай, какіе хочешь законы, создавай какіе угодно банки.

Кто-то возразилъ, что людей у насъ достаточно, да они не на мѣстахъ...

— Коренное дворянство у насъ систематически затирали и отодвигали отъ всякаго дѣла...

— Это ужъ оставьте: надо же и мѣру соблюдать! Кто насъ отодвигалъ, кто, какъ не мы сами?

— Отъ этого не легче. Результаты на-лицо: вотъ вамъ банкъ для спасенія остатковъ нашего дворянства; а выходитъ, что мы, можетъ быть, послѣднія денежки напрасно потратимъ на поѣздки да на хлопоты!

— Куда ни кинь, все клинь: ты не получишь—не доросъ, а тебѣ не дадутъ—переросъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Эти замѣчанія опять вернули говорившихъ къ исходной точкѣ и основному интересу. Пренія были жаркия, дебаты недостаточно опредѣлительны, но все-таки было ясно, что центромъ и осью вращенія были только два слова: „дадутъ“ или „не дадутъ“. Они носились въ воздухѣ, читались въ глазахъ, постепенно складывались изъ причудливыхъ струекъ дыма многочисленныхъ папирозъ и сигаръ.

— Полноте вы, господа, наконецъ. Я думаю, просто смѣшно на насъ со стороны если поглядѣть. Ну, чего мы оремъ?—заговорилъ нашъ предводитель.

— Какъ вы говорите, Эрастъ Петровичъ! тутъ нашъ, можно сказать, жизненный интересъ замѣшанъ: иному, пожалуй, по міру цѣли!

— Не отрицаю. Да какое отношеніе эти газетки-то имѣютъ къ дѣлу: одна вретъ на свой образецъ, другая—на иной; одной нужно этакъ, а другой—иначе; а мы на стѣны лѣземъ. Смѣшно, извините меня...

Въ эту минуту раздался рѣзкій свистокъ паровоза въ виду близкой станціи.

— Пойдемте лучше закусимъ: ужинать пора, а тамъ и за пилетку, тоже ужъ время давно. Завтра на мѣстѣ увидимъ, что да какъ.

— Правда...

— Вѣрно-то вѣрно, а все-же...

— Идемъ, идемъ, полно...

Поѣздъ, слегка погромыхивая, медленно и плавно подвигался вдоль ярко освѣщенной платформы. Въ большомъ, свѣтломъ залѣ видѣлись суетившіяся фигуры лакеевъ вокругъ уставленныхъ посудой столовъ. У стѣны привѣтливо пыхтѣлъ гигантскій самоваръ, испуская густые клубы пара. Мы поспѣшно, всей гурьбой направились къ одному изъ столовъ и принялись подкрѣплять свои брѣнные тѣла.

Къ сожалѣнію, „Гражданинъ“ нѣкоторымъ все-таки испортилъ аппетитъ...

VI.

Въ Петербургъ мы пріѣхали рано. Первый мой визитъ изъ отеля былъ къ парикмахеру-французу, который придалъ моей бородѣ и бородѣ надлежащій столичный видъ. На обратномъ пути купилъ на Невскомъ бобровую мономаховскую шапку, правда, очень дорогую, но зато, дѣйствительно, прелесть какую, просто

роскошь. Она была выставлена въ большомъ зеркальномъ окнѣ и соблазнила меня своимъ необыкновенно изящнымъ видомъ. Радомъ, въ извѣстномъ магазинѣ серебряныхъ издѣлій, купилъ хорошей портсигаръ, почти художественной работы при всей его простотѣ. У меня наследственная слабость къ хорошимъ вещамъ, а мой ужъ такой старомодный и потертый. Очень мнѣ приглянулось тоже серебряное пресспапье въ видѣ большого, артистически исполненнаго коня; но оказалось не по наличности моего кармана. Правда, можно было бы изъ остатковъ банковской ссуды, да еще неизвѣстно, сколько придется мнѣ получить этихъ остатковъ послѣ расчета банка съ различными долгами и кредиторами. Махнувъ мысленно рукой на коня, я, скрѣпя сердце, вышелъ изъ магазина съ однимъ портсигаромъ.

Былъ чудный морозный день. Укутанный бѣлымъ покровомъ, Невскій блисталъ въ яркихъ, хотя холодныхъ, но игривыхъ лучахъ солнца. Масса саней и другихъ экипажей, толпи гуляющихъ по троттуарамъ придавали улицѣ такое оживленіе, отъ котораго я, живя столько лѣтъ въ „губерніи“, давно отвыкъ. Общая, повидимому, бодрость и оживленіе сообщались и мнѣ. И не мудрено: даже всегда угрюмый Барклай-де-Толли передъ Казанскимъ соборомъ — и тотъ смотрѣлъ веселѣе въ своемъ бѣлоснѣжномъ плащѣ, усыпанномъ искрившимися на солнцѣ блестящими.

Пофланировавъ нѣкоторое время съ толпой по Невскому и Морской, разглядывая „этихъ“ и иныхъ дамъ, я пріятно пообѣдалъ у Кюба, замѣнившаго классическаго Бореля. Откровенно сказать, подъ вліяніемъ массы свѣжихъ впечатлѣній, я совершенно забылъ о цѣли и причинѣ своего приѣзда въ Петербургъ и вспомнилъ объ этомъ только вечеромъ въ театрѣ, встрѣтивъ кой-кого изъ своихъ спутниковъ. По окончаніи спектакля мы компаніей катались на тройкахъ и, послѣ веселаго ужина въ дамскомъ обществѣ, разошлись по домамъ.

— Итакъ, до свиданія завтра въ банкѣ!

На другое утро, напившись кофе и приварядившись, я считалъ остатки своихъ денегъ: оказалось такъ мало, что при самой экономной жизни ихъ хватить едва на нѣсколько дней.

„Однако, — подумалъ я: — надо отправляться въ банкъ и поторопить ихъ тамъ“.

Благодѣтельное учрежденіе оказалось въ двухъ шагахъ отъ отеля и разыскать его было очень легко. У воротъ большого каменнаго дома съ одной стороны красовалась скромная надпись на небольшой зеленой дощечкѣ: „Крестьянскій Поземельный Банкъ“. По другую сторону тѣхъ же воротъ на доскѣ побольше вы-

дено было золотомъ славянской вязью, со всевозможными „стилистыми“ крючками: „Государственный Дворянскій Земельный Банкъ“.

„Знаменіе времени!“ — подумалъ я и тутъ, сравнивая обѣ надписи.

По широкой, но скверной и грязноватой каменной лѣстницѣ поднялся я въ третій этажъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ площадки красовались точно такія же, какъ у воротъ, надписи.

Черезъ минуту я входилъ въ приемную банка. Въ большой, свѣтлой комнатѣ, убранной совсѣмъ не по казенному, было уже довольно много народу: дамъ и мужчинъ, повидимому, все чающихъ движенія воды. Ихъ легко было узнать по озабоченному, нѣсколько робкому виду и по тревожнымъ взглядамъ, какими они провожали сновавшихъ взадъ и впередъ съ бумагами чиновниковъ банка.

Одѣтые въ обыкновенное неформенное платье, эти послѣдніе очень любезно давали справки и разъясненія и вообще держали себя весьма просто, что довольно рѣдко у насъ въ чиновно-дѣловыхъ сношеніяхъ, особенно въ провинціи. Впрочемъ, попадались и здѣсь надменные чиновничьи фізіономіи, очевидно, уже приобрѣвшія чиновничьей практикой въ другихъ учрежденіяхъ шаблонно-напускное высокомеріе въ обращеніи „съ просителями“; но такихъ я видѣлъ очень немного.

Гораздо интереснѣе, однако, была сама публика. Вдоль стѣны, навѣво отъ входныхъ дверей, сидѣло нѣсколько человекъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Иные изъ нихъ держали въ рукахъ по официально сложенной бумагѣ, очевидно—прошенія. Эти господа, преимущественно передъ другими, имѣли тревожный, смущенный видъ, и глаза ихъ невольно устремлялись на одну дверь, какъ оказалось, ведущія въ кабинетъ директора. Откровенно сказать, они производили жуткое впечатлѣніе. Какъ я впоследствии узналъ, это все были искатели мѣстъ во вновь открытомъ учрежденіи. Мнѣ говорили, что на двадцать вакансій было подано свыше двухъ тысячъ прошеній. По сто прошеній на одно чиновничье мѣстечко! Бѣдная російская интеллигенція!..

Остальная публика представляла не менѣе интереса и больше разнообразія. Какъ жаль, право, что между нашими литераторами такъ мало людей, которые имѣли бы что заложить въ дворянскомъ банкѣ! Жаль, право жаль. Банкъ даетъ возможность видѣть въ совсѣмъ новой панорамѣ цѣлую серію личностей, связанныхъ во-едино одной только принадлежностью къ дворянству и болѣе или менѣе интенсивной нуждой даже не въ презрѣн-

номъ металлѣ, какъ говорили наши предки, а въ презираемыхъ нашихъ бумажкахъ. Между тѣмъ это, несомнѣнно, самое культурное сословіе и, слѣдовательно, самое разнообразное по своимъ представителямъ. Какое богатство этихъ представителей, какое разнообразіе сюжетовъ представляется здѣсь наблюдателю! И какъ хорошо ихъ тутъ наблюдать: они просты и естественны. Каждый знаетъ, зачѣмъ всѣ остальные пришли сюда. Значитъ—искренность полнѣйшая, ломаться не передъ кѣмъ и не къ чему: все равно, все всѣмъ ясно, скрывать нечего...

Да, много здѣсь интереснаго: сколько типовъ, сколько грусти, а иногда и комизма! Повалила задолжавшая провинція, уже столько лѣтъ не выдавшая „цѣнъ“; повалили щеголеватые дэнди, красивыя, молодыя, расфранченныя барыньки, зеленныя, худощавыя, въ полинялыхъ, старомодныхъ платьяхъ, неопредѣленныхъ лѣтъ вдовы. Выползли на свѣтъ божій допотопныя старики и старушки. И всѣмъ одного и того же: денегъ! *Rapem et circenses!* Но здѣсь это раздѣлено: однимъ нужно—*rapem*, другимъ—*circenses*; но что-нибудь нужно всѣмъ. Нужно, очень нужно—какъ же тутъ не волноваться, не роптать, не выражать нетерпѣнія, не проявлять себя *sans façon!* Есть ли время думать о притворствѣ, да и къ чему оно!

VII.

Однако, я забѣжалъ впередъ. Эти мысли пришли мнѣ въ голову на обратномъ пути, когда я возвращался домой, послѣ болѣе близкаго знакомства съ банкомъ, и, сидя въ вагонѣ, перебиралъ свои петербургскія впечатлѣнія. Теперь же вернемся къ первому моему визиту.

Осмотрѣвшись, по обыкновенію, у входа, я направился къ одному изъ свободныхъ креселъ у окна. Подлѣ меня молодой, франтоватый дэнди, съ граціознымъ пенснэ на тонкомъ носу, объяснялся съ однимъ изъ служащихъ.

— Па-а-милуйте,—говорилъ въ носъ дэнди:—черезъ двѣ недѣли продадутъ (онъ нѣсколько картавилъ) мое имѣніе съ торговъ, а вы изволите говорить, что моего дѣла еще нѣтъ у васъ.

— Нѣтъ,—подтверждаетъ любезно-грустно чиновникъ.—Когда вы изволили подать въ отдѣленіе?

— Повѣренный пишетъ, вотъ... па-а-звольте... завтра будетъ уже недѣля,—сказалъ онъ, заглянувъ въ письмо.

— Такъ неувидительно: почта оттуда идетъ сюда четыре

дня, да сначала нужно на мѣстѣ разсмотрѣть, провѣрить, оцѣнить...

— Но, па-азвольте, это банкъ дворянскій и, я полагаю, насъ—дворянъ—провѣрять нечего. Я могу представить отъ предводителя—мы съ нимъ здѣсь сосѣди по квартирѣ—удостоверение, сколько у меня земли.

— Этого недостаточно; необходимы официальные документы, затѣмъ опредѣленіе и повѣрка доходовъ и расходовъ...

— Извините меня, но это слишкомъ большое любопытство-съ. Наконецъ, я не вижу въ этомъ никакого облегченія для насъ—дворянъ, тогда какъ банкъ учрежденъ именно для облегченія нашего критическаго положенія.

Молодой человѣкъ въ недоумѣніи и изумленіи пожалъ плечами.

Я не знаю конца этого разговора, такъ какъ мое вниманіе было отвлечено въ другую сторону. Я услышала тяжелые шаги, подавленные вздохи и грузное сопѣніе—и невольно обернулся въ сторону вошедшаго. Ко мнѣ подошелъ и усѣлся рядомъ въ креслѣ плотный, сѣдой, но прекрасно сохранившійся, румяный старикъ, съ добродушнымъ, но грустнымъ лицомъ и склоненной головой. Мы разговорились. У него нѣсколько огромныхъ имѣній гдѣ-то тамъ, гдѣ лѣсъ на пескѣ, какимъ-то образомъ переходящемъ въ болото, гдѣ водится хорошая дичь, въ которой, однако, за болотомъ не подойти. Десятинъ много—десять тысячъ, да далѣко, тамъ; а долговъ тоже много, больше десятковъ тысячъ, да близко, вотъ здѣсь, въ Петербургѣ. Хорошо бы, еслибы наоборотъ... Но имѣніе хорошее...

— Если на него правильно взглянуть,—объяснялъ мнѣ мой новый знакомый,—то вѣдь имѣніе прекраснѣйшее. Конечно, надо выкинуть.

— Но, кажется, болотъ много, вы связали?

— Болота, дѣйствительно, есть, но это ничего не значить.

— Какъ такъ?—полюбопытствовалъ я.

— Теперь наука ихъ переводить въ роскошнѣйшіе луга... Вотъ, въ Полѣсьѣ, на примѣръ. Я былъ у генерала Х. Онъ говорить, у меня въ имѣніи еще легче все устроить, если только земство согласится предпринять эти работы по всей губерніи, —стокъ нуженъ.

— Но согласно ли земство?

— Какъ же, оно должно согласиться! Какъ же не согласиться? Вы подумайте... Говорятъ, у крестьянъ малоземелье; осуши болота—вотъ тебѣ и многоземелье. И немного, генералъ говорить,—

въ пятнадцать лѣтъ все окончить. Тогда-то доходъ какой — потрудитесь взглянуть, у меня въ точности вычислено — по годамъ и по квадратамъ осушенія. На шестнадцатый годъ три милліона восемьсотъ семьдесятъ двѣ тысячи шестьсотъ восемьдесятъ девять съ половиною пудовъ сѣна.

— Неужели?!

— Да-съ, и такъ ежегодно.

— Какъ-же вы съ нимъ справитесь, съ такимъ количествомъ?

— О, у меня все заранѣе обдуманно, все до мелочи предусмотрено! — возразилъ старикъ съ оживленіемъ. — Я устрою это все по новѣйшей системѣ: заведу сѣнные прессы; потомъ еще удвою количество травосѣяніемъ. Мѣста для продажи у меня обезпечены: я самъ переговорилъ съ торговцами, вотъ что здѣсь у насъ съ барокъ сѣно продаютъ.

— Но развѣ съ вашихъ мѣстъ барки могутъ сюда ходить?

— Теперь-то нѣтъ; но вѣдь для осушенія болотъ нуженъ каналъ — понимаете, для оттока воды; а это ужъ немного стоитъ соединить его съ рѣчкой, — тутъ она недалеко отъ меня протекаетъ. Ну, а рѣчки — знаете, эта въ ту, а та въ другую, та еще въ третью, такъ помаленьку, гляди, и до моря добрались.

— А-а, въ самомъ дѣлѣ...

— Какъ-же! — осушать болота, появится торговля, промышленность; знаете, густота населенія; ну, значить, и обложеніе, и налоги.

— Ахъ, да! Но вѣдь у васъ и песокъ есть, кажется?

— Не безпокойтесь, у меня все предусмотрено.

Старикъ досталъ изъ бокового кармана сюртука толстую пачку писемъ и бумагъ, отыскалъ одно письмо и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Вотъ письмо отъ профессора Лѣсной Академіи — знаете, въ Лѣсномъ, гдѣ на дачахъ живутъ? Пишетъ, что въ настоящее время превратить песокъ въ лѣсъ, скрѣпить почву этими древесными корнями подъ землею, какъ сѣткой, это почти игрушка. Вотъ во Франціи цѣлыя громадныя пространства были, — слышали, можетъ быть, — ланды подъ названіемъ? Теперь смотрите: богатѣйшая южная растительность. Я и самъ много читалъ по этому вопросу. Знаете, самому надо вникать.

— Но вѣдь это требуетъ, вѣроятно, громадныхъ затратъ?

— Банкъ долженъ помочь: для того учрежденъ. Тогда и доходы будутъ вѣдь какіе. Я это научно устрою: правильное лѣсное хозяйство, лѣсосѣйки, естественное самообсѣменение. Сплавъ

по кавалу. Тоже и съ луговымъ хозяйствомъ: травосѣяніе, пресованіе сѣна, паровыя машины, собственныя барки. Доходность огромная. А оцѣнщикъ ничего понять не хочетъ—спрашиваетъ: *теперь* какіе доходы? Глушь онъ, между нами,—будь у меня теперь доходы, зачѣмъ же я къ нимъ въ банкъ бы полѣзъ? Чего я у нихъ не видалъ? Я и говорю: банкъ долженъ мнѣ помочь имѣть доходы въ будущемъ. Правильно я разсуждаю?

— Несомнѣнно-съ...

Мы разстались, пожелавъ другъ другу взаимнаго успѣха. Мнѣ вѣрно было зайти дня черезъ три.

VIII.

Въ назначенный день около часу я снова входилъ въ знакомую пріемную. Осмотрѣвшись на порогѣ, я направился къ той группѣ, которая мнѣ показалась болѣе любопытной.

Прямо противъ входа, въ обширной нишѣ у окна, сидѣлъ высокій, ширококостный господинъ, лѣтъ пятидесяти. Желтое, слегка морщинистое лицо, съ крупными чертами и густой, съ просѣдью, растительностью, освѣщалось черными, сдержанно-сердито сверкавшими глазами. Повернувшись въ сидѣвшему рядомъ съ нимъ молодому гвардейскому гусару, красивому блондину въ красной венгеркѣ, старикъ, энергично жестикуюлируя, рассказывалъ что-то. Я подошелъ къ нимъ и, слегка повлотившись, сѣлъ по другую сторону офицера.

Желтый господинъ быстро скользнулъ по мнѣ навсвозъ пронызывающимъ взглядомъ и затѣмъ продолжалъ, обращаясь уже какъ бы къ намъ обоимъ. Офицеръ немного подвинулся, тѣмъ еще болѣе вводя меня въ ихъ кругъ. Это побудило меня назвать себя.

— Тоже заемщикъ? — утвердительно спросилъ желтый господинъ.

— Да... у меня небольшое имѣніе въ N—свой губерніи.

— Значить, имѣли уже случай испытать благодѣянія этого *дворянскаго* банка?! Мало его ругаютъ. Для нашего облегченія и освобожденія отъ невыносимаго положенія! Испытали-съ?

— Да-съ, — отвѣтилъ я уклончиво.

— Нѣтъ, вы посудите, что они со мною дѣлаютъ, — продолжалъ старикъ. — Я знаю: банкъ дарованъ намъ для улучшенія нашего положенія, для освобожденія отъ долговъ. У меня четыре имѣнія. Конечно, сами знаете, какія времена, расходы, дѣти, — это

и на службѣ, все же поддержать надо, — дочерей замужъ выдать, другіе мальчишки еще учатся. На все деньги и деньги. Жить тоже нужно, нельзя кое-какъ, — опять расходъ. Все дорого. Имѣнія, правда, хороши; но знаете, вѣроятно, что значать наемныя руки: главный управляющій воръ, отдѣльныя управляющіе — того хуже. Прогналъ.

— У меня простой староста, — вставилъ офицеръ, — и я имъ доволенъ: исправный человѣкъ.

Старикъ взглянулъ не то сердито, не то презрительно.

— Это вы — по молод... Покопайте-ка вы этого исправнаго старосту... Впрочемъ, не смѣю спрашивать: быть можетъ, феномень-сь. Только взялъ и я простыхъ старость; передъ тѣмъ какъ разъ вездѣ читалъ, что образованіе все только калѣчить и отъ дѣйствительности отрываетъ. Признаться, я и раньше такъ полагалъ; а теперь это на меня тоже повліяло: съ разныхъ сторонъ подтвержденіе явилось...

— И что же? — спросилъ я съ любопытствомъ.

— Мошенники — еще хуже... То неурожай, то погиблю отъ дождей, а это — рядомъ — отъ засухи; наконецъ, когда ничего не случилось, все уродилось — такъ цѣнъ нѣтъ. Что за вздоръ: „цѣнъ нѣтъ“! Позвольте васъ спросить, вотъ живете здѣсь, а можетъ и въ другихъ мѣстахъ живали, — замѣтили вы, чтобы что-нибудь стало дешевле? Нѣтъ?

— Напротивъ, все дорожаетъ, — отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ видите! — продолжалъ старикъ съ торжествомъ: — какъ же такъ цѣнъ нѣтъ! Очевидно, одно мошенничество, одинъ грабежъ, незаконіе. То-то и горе наше: законы бездѣйствуютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ странно, — замѣтилъ съ негодованіемъ офицеръ: — все дорого, а все говорятъ: „цѣнъ нынче совсѣмъ нѣтъ“.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ подошедшимъ чиновникомъ.

— Вамъ угодно было меня видѣть? — обратился онъ къ старику. — Чѣмъ могу служить?

— Зашелъ узнать, что рѣшено по моей просьбѣ объ увеличеніи ссуды.

— Управленіе банка не нашло возможнымъ исполнить ваше желаніе и ходатайствовать о томъ у министра.

— А почему это? позвольте узнать! — спросилъ старикъ, замѣтно себя сдерживая

— Нѣтъ законныхъ поводовъ.

— Какъ нѣтъ поводовъ! — почти закричалъ старикъ. — Какъ нѣтъ поводовъ! У васъ въ уставѣ прямо сказано: выдавать уве-

личную ссуду для уплаты долговъ... Я все исполнилъ, представилъ полный списокъ всѣхъ своихъ долговъ, — а вы говорите: нѣтъ законныхъ причинъ. Ну, ужъ, извините, я этого не понимаю: тутъ что-нибудь другое...

— Позвольте, вы только не горячитесь, — возразилъ, слегка покраснѣвъ, чиновникъ. — Законъ дозволяетъ банку выдавать увеличенную ссуду съ разрѣшенія министра, если это необходимо для погашенія долговъ другимъ банкамъ, и если, конечно, имѣніе того стоитъ. Подъ ваше имѣніе управление не признало возможнымъ дать увеличенную, экстраординарную ссуду.

— Но вы не имѣете права этого дѣлать! Вашъ банкъ не исполняетъ своего назначенія: онъ намъ дарованъ для улучшенія нашего положенія, именно, для избавленія отъ кредиторовъ. Я представилъ точнѣйшій списокъ моихъ долговъ. Вы можете ихъ всѣ провѣрить — я не оскорблюсь. Банкъ обязанъ выдать сумму, достаточную для ихъ уплаты. Я, слава Богу, ни одной копѣйки лишней не прошу! — прибавилъ онъ съ достоинствомъ.

— Но если и отдѣленіе, и центральное управление признали, что стоимость имѣнія не покрываетъ долговъ?

— Да что вы все о стоимости имѣнія толкуете! Банкъ обязанъ покрыть наши долги: для этого онъ учрежденъ, и я не понимаю, какое право онъ имѣетъ уклоняться отъ предназначенной ему цѣли! Я представилъ вамъ точный списокъ своихъ долговъ, и, имѣя честь быть потомственнымъ дворяниномъ, требую, чтобы банкъ ихъ уплатилъ; а стоимость моего имѣнія — вопросъ второстепенный...

— Вы упускаете изъ виду, что банкъ выдаетъ ссуды не подъ *доли*, а подъ *имѣнія*, — замѣтилъ не безъ коварства чиновникъ.

— Совершенно вѣрно-съ, — возразилъ старикъ. — Совершенно вѣрно-съ: подъ имѣнія, но для уплаты долговъ. А списокъ ихъ я вамъ представилъ.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь обождать официальнаго извѣщенія.

Чиновникъ удалился, раскланявшись.

— Я говорю: повсюду одно беззаконіе! — продолжалъ, снова усѣвшись, старикъ. — Посмотрите, во что у насъ на практикѣ превращаются самыя благія начинанія и предположенія правительства. Да-съ, нѣтъ дубинки Петра Великаго!

— Извините, — робко замѣтилъ офицеръ: — если не ошибаюсь, онъ сказалъ, что по закону нельзя исполнить вашего желанія.

— Да что вы имъ вѣрите! Это простая нивость, да-съ, нивость... Вѣдь я не первый разъ съ нимъ толкую. Вы извольте

выслушать. Сначала говорятъ: „нѣтъ основаній для выдачи увеличенной ссуды: долги на имѣннн покрываются обыкновенной ссудой“. Хорошо, говорю, извольте съ: на другой же день представляю имъ точный списокъ моихъ долговъ, съ подтвердительными записками отъ кредиторовъ, отъ зеленщика, мясника, даже изъ мелочной лавочки, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Впрочемъ, откровенно сказать, долгъ модистки не попалъ-таки сюда: жена и дочери воспротивились, такъ и не дали счетовъ.

— Это вполне натурально, — замѣтилъ офицеръ.

— Ну, хорошо-съ, Богъ съ ними. Подалъ я списочекъ. Дѣйствительно, видать, если выдать самую полную ссуду, такъ и то отсюда выйду такъ, что даже и кучеру моему на мѣсячное жалованье не останется. Что-жъ, вы думаете, они-то? Въмѣсто сочувствія, въ которому ихъ обязываетъ законъ, вдругъ говорятъ, что банкъ можетъ принять во вниманіе только тѣ долги, которые числятся на имѣннн или по закладнымъ, или по судебнымъ искамъ. Значитъ такъ: кто мнѣ иначе не довѣрялъ, какъ подъ залогъ имѣннн, или же тѣснилъ меня судомъ, тотъ, милости просимъ, получай, а кто изъ году въ годъ терпѣливо ждалъ, переписывалъ векселя, всяческое снисхожденіе оказывалъ, тому именно за это благородство ничего и не достанется! Развѣ это не значить потакать негодьямъ и ростовщикамъ и развращать честныхъ людей?! Какъ этакіе примѣры должны подѣйствовать на наше общество, и безъ того, какъ вамъ извѣстно, не очень стойкое въ моральныхъ правилахъ, а? Позвольте васъ спросить!

Старикъ вопросительно и сердито поглядѣлъ на насъ. Я въ свою очередь съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, раздумывая объ отношеніи дворянскаго банка къ общественной нравственности. Офицеръ сидѣлъ красный и какъ будто совсѣмъ подавленный.

— Ну, позвольте васъ спросить, — продолжалъ нѣсколько спокойнѣе старикъ: — не только какъ дворянинъ, но даже просто какъ честный человѣкъ, долженъ я заплатить свои долги?

— Разумѣется... — отвѣтили и я, и офицеръ въ одинъ голосъ.

— Опять я спрашиваю: неужели я долженъ пренебречь интересами тѣхъ, кто мнѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ оказывалъ всякаго рода снисхожденіе, не искалъ судомъ и ждетъ до сего момента? Нѣтъ, вы вотъ, господа, безпристрастно скажите!

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ офицеръ.

— Такія чувства достойны всякаго уваженія, — замѣтилъ я.

— И вы меня не удивляете, господа, и я даже васъ за это не благодарю: всякій настоящій дворянинъ такъ думаетъ и дол-

женъ думать. А этого я такъ не оставлю: буду жаловаться министру, обращу его вниманіе на развращеніе общества и распатываніе нравовъ, которые теперь-то и стараются укрѣпить. Если у него не найду правды, пойду выше. Я буду дѣйствовать въ интересахъ всего сословія, всѣхъ насъ, господа.

Старикъ всталъ, выпрямился и, простившись съ нами, гордо вышелъ изъ залы.

Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но тутъ только замѣтилъ по близости отъ себя худенькую даму, лѣтъ тридцати, въ глубокомъ траурѣ. Блѣдное лицо, какъ флѣромъ окутанное глубокой тоской, тихій голосъ, неопредѣленно устремленный въ пространство взглядъ—невольнo приковали мое вниманіе. Она разговаривала съ однимъ изъ слушающихъ, по лицу котораго видно было, что онъ и самъ тронуть.

— Я не стала бы хлопотать, еслибы не дѣти: мнѣ рѣшительно все равно,—невольнo вырвалось у нея, да и сказала она это не собесѣднику, а скорѣе себѣ самой.

— Контрактъ невозможный: аренда совершенно обезцѣниваетъ ваше имѣніе и притомъ... навсегда. Извините меня, я не понимаю, какъ можно было заключить такой договоръ?

— Вы не знаете этого человѣка: онъ воспользовался болѣзнью мужа, тогда еще мало замѣтной, и безъ вѣдома всѣхъ сдѣлалъ эту бумагу; а я съ большими дѣтьми все время жила въ Швейцаріи. Но какъ же мнѣ быть?—спросила она въ безпомощномъ недоумѣніи.

— Единственное—хлопотать о признаніи контракта недействительнымъ. Правленіе приняло въ вашемъ дѣлѣ теплое участіе и неофициально поручило одному извѣстному юристу рассмотреть контрактъ и рѣшить, нѣтъ ли поводовъ къ его расторженію. Зайдите дня черезъ два. Только,—прибавилъ чиновникъ:—я сообщаю это вамъ неофициально.

Дама взглянула на него съ недоумѣніемъ: она не поняла этой тонкой классификаціи.

— Очень вамъ благодарна. Прощайте.

Она протянула ему худенькую ручку въ черной перчаткѣ, спустила черную вуаль на лицо и тихо и вяло поплелась къ двери. Чиновникъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ ей вслѣдъ и затѣмъ задумчиво побрелъ къ себѣ въ канцелярію. Съ меня было на сегодня довольно, и я отправился вслѣдъ за дамой.

IX.

Наконецъ, я могъ получить остатки, какіе остались за уплатою всѣхъ долговъ на моемъ имѣніи. Это было болѣе, чѣмъ въ пору. Не то чтобы въ банѣ медлили или тянули—напротивъ, все дѣлалось сравнительно скоро и большею частью съ любезностью, совсѣмъ несвойственной казеннымъ учрежденіямъ. Но финансы вашего покорнаго слуги, отчасти благодаря его увлекающемуся характеру, дошли до такой степени истощенія, что мое нетерпѣніе было если не законно, то, по крайней мѣрѣ, извинительно. Я сталъ даже снисходительнѣе относиться къ проявленіямъ нетерпѣнія, къ неумѣреннымъ требованіямъ и даже нелѣпостямъ, которыя обнаруживали различные видѣнные мною здѣсь алчущіе и жаждущіе. Знаете, когда нужда щипнетъ до боли, трудно сохранить галантность и объективность...

Итакъ, все готово. Можно получить малую толику.

— Пожалуйте въ кассу...

Стройный курьеръ привѣтливо проводилъ меня на другую половину, гдѣ за большущими книгами и бумагами сидѣло множество народу съ озабоченнымъ и торопливымъ видомъ. Тамъ и сямъ въ любопытствующей или нетерпѣливой позѣ стояло и сидѣло нѣсколько заемщиковъ и заемщицъ. Мнѣ указали главнаго кассира, еще молодого, суетливаго господина за большимъ письменнымъ столомъ, безъ всякихъ рѣшетокъ и огражденій.

— Прошу покорно присѣсть, — указалъ онъ мнѣ кресло почти рядомъ съ разговаривавшей съ нимъ старушкой. — Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ... Такъ какъ вы изволите говорить? — обратился онъ къ старушкѣ.

— Я и то, батюшка, говорю, взяла я немного: мнѣ сказывали, что подъ мое имѣніе куда больше дать можно. Имѣніе, правда, у меня золотое дно, да все же на первый-то разъ поопасалась просить: неровенъ часъ... Знаете, старушечья, вдовья доля...

Дама вздохнула. Я съ изумленіемъ сталъ разглядывать допотопнаго человѣка, который въ наше время побоялся взять столько денегъ, сколько могъ получить! Такого страха я еще никогда не видалъ.

Рядомъ со мной сидѣла худощавая, средняго роста, ветхая, древняя дама въ тяжеломъ шелковомъ, съ кофтою, платьѣ, цвѣта котораго я опредѣлить не сумѣю: такихъ цвѣтовъ нынче не носятъ; по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не случалось ихъ видѣть. Старинная, въ блондахъ и перьяхъ, шляпа прикрывала голову и

завязывалась подъ подбородкомъ большимъ бантомъ изъ широкихъ и длинныхъ матово-желтыхъ лентъ. Поверхъ платья на худыя, высохшія плечи была накинута трехугольникомъ, верхушкой внизъ, большая черная шаль, расшитая цвѣтами, съ длинной и густой бахромой, почти касавшейся пола. Передніе концы шали застегивались на впалой старушечьей груди старинной золотой брошью съ крупными разноцвѣтными камнями. Бѣлая буikli изъ-подъ шляпы окаймляли небольшое лицо, представлявшее слишкомъ ограниченную поверхность для испещрившей его густой сѣти морщинъ. Полу-погасшіе глаза, блѣдныя, ввалившіяся губы и небольшой, когда-то, видимо, очень красивый носъ дополняли фигуру моей сосѣдки, которой на видъ безошибочно можно было дать лѣтъ за семьдесятъ.

— Конечно, это очень благоразумно, но чѣмъ я могу вамъ служить? — спросилъ кассиръ. — Графъ пишетъ, чтобы я оказалъ вамъ всякое содѣйствіе. Привязывайте, сударыня.

— Графъ, спасибо ему, говорилъ обратиться къ вамъ: ужъ вы научите, какъ мнѣ лучше быть, дадите добрый совѣтъ.

— Сдѣлайте одолженіе, съ удовольствіемъ, что можно, — только потрудитесь указать, въ какого рода содѣйствіи вы изволите нуждаться.

— Да вотъ, батюшка, научи, что мнѣ съ деньгами дѣлать? Дай совѣтъ.

— Съ какими деньгами?

— Вотъ съ этими самыми, что изъ вашего банка получаю.

— Какъ что дѣлать? — весело сказала кассиръ. — Прежде всего мы заплатимъ за васъ всѣ долги, которые лежатъ на имѣніи: частнымъ банкамъ, по закладнымъ, недоимки и пр. и пр.

Старушка на мгновеніе какъ будто очнулась изъ своего озабоченнаго полузабытья.

— Что ты, что ты, батюшка! — прервала она съ неожиданной живостью: — что вы, ишь прытокъ-то какъ: долги банкамъ, недоимки, еще что выдумай! Слава Богу, ни единой копѣчки, — понимаешь, не то, что на имѣніи, да и совсѣмъ у меня долговъ нѣту. Какъ мой покойный Аристархъ Петровичъ — царство ему небесное! — завель, такъ и при мнѣ. Всякую минуту могу помереть и ни одного мѣднаго гроша никому должна не останусь. На похороны отдѣльный пакетъ положень.

Мы съ кассиромъ съ одинаковымъ, кажется, изумленіемъ смотрѣли на взволновавшуюся старушку. Человѣкъ безъ долговъ! Не перевелись еще чудеса на свѣтѣ!

— Это большая рѣдкость и, конечно, прекрасно; только

позвольте васъ спросить, какое же назначеніе вы желали бы дать ссудѣ, то-есть, — поправился Кассиръ: — что вамъ угодно сдѣлать съ деньгами?

— Мнѣ-то ничего не угодно, мнѣ все равно, да и не знаю я, что съ ними теперь дѣлать. Я къ вамъ и пришла за совѣтомъ; графъ сказывалъ—ужь вы научите: онъ, говорить, по этой части для насъ, дворянъ, первый совѣтникъ.

— Но какъ же такъ, зачѣмъ собственно вы ссуду, то-есть деньги, берете?

— Всѣмъ даютъ, что же мнѣ отъ людей отставать? Не хорошо. Дарья, экономка-то моя, все говорила: „что же это, ваше превосходительство, всѣ сосѣди, самая мелюзга и та лѣзетъ, да беретъ изъ новаго императорскаго банку для столбовыхъ дворянъ; а вы—первѣйшая, можно сказать, фамилія въ губерніи—не получаете; на что-жъ это похоже!“ Я подумала, подумала — и вѣрно, непорядокъ; съѣздила съ Дарьей въ губернію; тамъ мнѣ отъ предводителя да отъ вашего банковскаго отдѣленія все это устроили. Все же, для перваго разу, согласна взять самую малость, тысячь двадцать пять. Только бы, значить, не зазорно было передъ сосѣдами.

— Только для этого вы и извоили пріѣхать?!

— А ты что же думаль! чего я у васъ тутъ не видала? Да еще вотъ, чтобы знать, какъ мнѣ съ деньгами быть. Что дѣлать! Дѣтей нѣтъ; Дарья не понимаетъ, да и я тоже: обѣ мы ужь старыя. Дома держать, поди, по нынѣшнимъ временамъ опасно. Нарочно изъ тамбовской губерніи — тоже не ближній свѣтъ — пріѣхала къ графу, измучилась отъ вашихъ новыхъ дорогъ желѣзныхъ. Летншь, точно фельдъегерь къ Николаю Павловичу: ни поспать, ни поѣсть нельзя. И чего торопиться, прости Господи, — поспѣютъ!.. А графъ къ тебѣ меня послалъ — ты, пожалуйста, не оставь совѣтомъ, научи. Не хочу отстать отъ своихъ, но и пропадать изъ-за нихъ не желаю. Домой надо: устала я тутъ у васъ отъ всего шуму да гаму.

Старушка грустно и озабоченно качала своей сѣдой головой. Ей, очевидно, тяжела была ея безпомощность въ новой сферѣ, куда она отправилась такъ легкомысленно, повинувшись чувству дворянскаго долга и нежеланію отстать отъ своихъ.

„Noblesse oblige“, — подумаль я.

Кассиръ задумался. Его, повидимому, тяготила необходимость дать совѣтъ: что дѣлать съ ненужными деньгами. Наконецъ, онъ, должно быть, что-то придумаль.

— Вотъ что, ваше превосходительство, я могу вамъ посо-

вѣтовать!..—началь онъ весело, но сейчасъ же остановился, привлеченный шумомъ, который уже раньше обратилъ на себя мое вниманіе.

— Я не дамся въ обманъ, вы меня не одурачите, нѣтъ! — слышался громкій и раздражительный женскій голосъ изъ торопливо приближавшейся къ намъ группы. Впереди всѣхъ выступала небольшого роста, полная старуха лѣтъ пятидесяти. Значительно посѣдѣвшіе волосы выбились изъ-подъ старомодной шляпы, украшенной большимъ, полинялымъ и обтрепаннымъ перомъ. Черные глаза блистали огнемъ; раскраснѣвшееся лицо пылало густымъ румянцемъ, который особенно игралъ на толстыхъ щекахъ. Одѣтая въ пестрое клѣтчатое платье и коричневый полосатый бурнусъ, она усиленно жестивулировала одною рукой, тогда какъ другою крѣпко сжимала потертый сабъ-воляжъ. За нею шло чело-вѣкъ два служащихъ и кое-кто изъ дожидавшихся заемщиковъ. Иные лукаво улыбались, другіе смотрѣли растерянно.

Старуха порывисто наткнулась на мое кресло и, не извиняясь, устремила къ кассиру.

— Меня хотятъ ограбить на тридцать тысячъ рублей! — кричала она. — Бѣдную вдову, конечно, всякій можетъ обидѣть; но я найду милосердныхъ покровителей, не безпокойтесь!

— Успокойтесь, пожалуйста! Что такое, кто васъ хочетъ обидѣть?

— Да вотъ вашъ этотъ, что деньги выдаетъ... Развѣ можно благодарность въ тридцать тысячъ! Возьми по-божески, я не прочь дать одну тысячу, а то тридцать тысячъ!

— Перестаньте глупости говорить! — строго замѣтилъ кассиръ. — Никому изъ насъ никакихъ благодарностей не нужно. Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ одного изъ чиновниковъ, съ трудомъ сдерживавшаго улыбку.

— Г-жа Тундринская получаетъ сорокъ-пять тысячъ; изъ нихъ тридцать тысячъ двѣсти-восемьдесятъ рублей приходится уплатить московскому банку, а госпожа эта находитъ, что я хочу ихъ себѣ взять, — закончилъ чиновникъ, улыбаясь.

Дама порывалась что-то возразить, но кассиръ не далъ ей говорить.

— Позвольте, позвольте, пожалуйста!.. Дайте расчетъ! — свазалъ онъ чиновнику.

Тотъ подалъ бумаги, которыя кассиръ бѣгло просмотрѣлъ.

— Вѣдь на вашемъ имѣніи лежитъ долгъ московскому земельному банку въ тридцать тысячъ двѣсти восемьдесятъ шесть рублей, такъ что же вамъ угодно? — сказалъ онъ.

— А, и вы тоже! Это неправда, съ меня ничего не слѣдуетъ!—быстро, безъ перерывовъ, говорила въ большомъ волненіи дама.—Это грабежъ!

— Не извольте такъ выражаться, — строго замѣтилъ кассиръ.— Вы чтѣ желаете сказать: вы не должны московскому банку?

— Не должна и не позволю ни одной копейки ему дать изъ моихъ денегъ, ни вамъ, ни ему. Мои кровныя деньги, я найду покровителей... на васъ тоже найдется управа...

— Оставьте, пожалуйста, я ужъ разъ просилъ васъ не выражаться такимъ образомъ. Такъ вы говорите, что не должны банку; значить, уплатили уже? когда? Есть у васъ квитанція?

— Не должна, не должна и не должна, не дамъ ни одной копейки.

Кассиръ снова сталъ просматривать бумаги, а г-жа Тундринская тѣмъ временемъ искала сочувствія у публики.

— Развѣ такъ можно?—говорила она, обращаясь къ намъ:— Что же послѣ этого будетъ? Легко сказать, тридцать тысячъ! Возьми чтѣ слѣдуетъ и немного лишку, а ничего не скажу, а столько—ни за что, ни за что!—крикнула она, энергично топнувъ ногой и сверкнувъ глазами.

— Потрудитесь объяснить, — сказалъ кассиръ, видимо сдерживая свое раздраженіе и отчеканивая каждое слово:— потрудитесь сказать: уплатили вы банку свой долгъ, и въ такомъ случаѣ пожалуйста квитанцію или доставьте другой расчетъ.

— Не должна, и все тутъ...

— Что вы наладили одно: не должна да не должна! Я не могу терять съ вами столько временій: вы не однѣ здѣсь. Если вы не должны московскому банку, такъ гдѣ квитанція въ уплатѣ? Когда вы свой долгъ уплатили?

Дама нѣсколько усмирилась.

— Я не платила, — сказала она.

Кассиръ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Значить, должны, если не заплатили. Вѣдь вы ссуду получили?

— Ну, вотъ, Богъ знаетъ, когда получила, — это дѣло давнее; а теперь все-таки не должна и платить не стану, какъ хотите.

Нѣкоторые изъ окружающихъ не выдержали и громко расхохотались; другіе улыбались. Одна только старушка, не знавшая, чтѣ дѣлать со своими деньгами, въ грустной задумчивости сидѣла на своемъ мѣстѣ и совершенно безучастно качала головой. Успокоившійся кассиръ уже съ улыбкой обратился къ госпожѣ Тундринской.

— Деньги изъ московскаго банка вы получили, а платить не желаете,—это же за васъ заплатить?

— Казна-съ!—съ увѣренностью отвѣтила она:—это на счетъ казны, по закону.

Отвѣтъ былъ до того неожиданъ, тонъ до того преисполненъ искренняго убѣжденія въ непреложной правотѣ, что кругомъ раздался громкій, дружный хохотъ. Дама винула вокругъ себя гнѣвный взглядъ.

— Такого закона нѣтъ,—возразилъ кассиръ, когда все нѣсколько успокоилось.—Казна заплатить, только изъ вашихъ денегъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не согласна; буду жаловаться, сейчасъ пойду къ вашему директору, а то и выше.

— Сдѣлайте одолженіе. Угодно вамъ къ директору?

Кассиръ позвонилъ.

— Проводите ихъ! — сказалъ онъ явившемуся курьеру и, вздохнувъ съ облегченіемъ, опустился въ свое кресло.

Среди дожидавшейся публики пошли оживленные вполголоса разговоры. Меня наиболѣе заинтересовалъ очень красивый, типичный, весь бѣлый, но хорошо сохранившійся старикъ. Оказалось, что это довольно извѣстный литераторъ-философъ.

— Чтѣ выйдеть—не знаю,—говорилъ онъ окружавшимъ его:—но эту же самую мысль я уже проводилъ когда-то. Достался, видите, человѣку садъ; узналъ онъ отъ людей, что въ саду есть и хорошія, настояція деревья, и другія безъ корней, просто понатыканные для красоты... Думалъ, думалъ, какъ узнать: вырывать—пожалуй, выкопаешь хорошее,—не годится, и порѣшилъ иначе: сталъ за всѣми деревьями съ одинаковой заботой ходить, поливалъ, подвязывалъ, подрѣзалъ, опорныя палки поставилъ. Ну,—думаетъ,—чтѣ при такомъ уходѣ не выживеть, тому, значить, ужъ непремѣнно пропадать и ничѣмъ ему не пособить, потому корней не пришьешь и не подставишь. Такъ вотъ и случилось, и, такимъ образомъ, онъ отличилъ истинныя деревья отъ понатыканныхъ для виду и красоты.

— Видите, господа,—закончилъ онъ:—мораль тутъ самая простая: чтѣ съ корнями, тому подпорки да поливки въ прокъ пойдутъ; а чтѣ безъ корней, такъ тутъ ничего не подѣлаешь, потому корней ни пришить, ни прилѣпить нельзя ни за какія и ни на какія денежки, и оказательство тому вскорѣ на-лицо и бываетъ...

X.

с—по Марьевка.

ПИСЬМА С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

1877 г.

---

31 ¹⁾.

Горный-Студень, 19-го августа.—...До сихъ поръ пока никакихъ приготовленій въ главной квартирѣ на зимовку или даже на позднюю осень не дѣлается. Оставаться жить при этихъ условіяхъ даже осенью немисливо. Государь и два министра съ Суворовымъ помѣщены подъ крышей, все же остальное—въ шатрикахъ, которые до нѣкоторой степени только могутъ быть приспособлены въ теперешнимъ холоднымъ ночамъ; чтд же будетъ въ сентябрѣ? Сегодняшнюю ночь, напримѣръ, я спалъ подъ шерстянымъ одѣяломъ, подъ моимъ пледомъ и подъ моимъ халатомъ—все это не на ногахъ только, какъ дома, но съ самыхъ плечъ, и то раза два или три я проснулся оттого, что было свѣжо;—воображаю, чтд же будетъ черезъ двѣ или три недѣли; тогда моя ватная военная шинель будетъ весьма кстати...

За завтракомъ мы узнали, что дерутся подъ Плевной; турки вышли съ большими силами, и дѣло началось; вѣроятно, будетъ серьезное, судя по тому, что туда отправляютъ принца Батенберг-

---

¹⁾ См. выше: июнь, 747 стр.

скаго, нѣсколькихъ флигель-адъютантовъ. Рано утромъ была депеша отъ послѣднихъ, что турки двинулись на оба фланга, слѣдовательно и тамъ начинается; туда отправляютъ вел. князя Сергія Александровича. Мнѣ кажется только, что подъ Плевной будетъ посерьезнѣе; соображаютъ нѣкоторые, что Сулейманъ-паша, отступивъ отъ Шипки, значительную часть своего войска отправилъ къ Плевнѣ. Въ Шипкѣ все тихо; позиціи турокъ заняты нами. Удачное дѣло—и, можетъ быть, кампанія кончена; очевидно турки торопятся до прихода нашего большого подкрѣпленія; но теперь, кажется, у насъ, благодаря уроку, нѣсколько подтянулось дѣло; за этотъ мѣсяць прибавилось и войска порядочно, румыны наконецъ явились... Авось! авось! вѣдь этотъ русскій „авось“ иногда спасаетъ, беретъ города и пр. Посланный Мехмеда-Али былъ привезенъ наконецъ въ штабъ съ завязанными глазами, и оказалось, что онъ ничего не прибавилъ больше того, чтѣ было написано въ письмѣ, въ которомъ толковалось о Красномъ Крестѣ и о полумѣсяцѣ. Сегодня слышалъ, что на Шипкѣ турки избѣгали стрѣлять на дорогу, когда по ней несли раненыхъ, когда проѣзжала лазаретная карета. Теперь мы опять начнемъ ждать, прислушиваться, ловить пріѣзжающихъ ординарцевъ за депешами; опять послѣ общаго чая, когда всѣ разойдутся, будетъ устроиваться клубъ изъ наиболѣе интересующихся, ожидающихъ иногда до часа ночи прихода извѣстій.

20-ю августа. — Изъ-подъ Плевны извѣстія хорошія, атаки отбиты, у насъ потерь около 600 ч.; повидимому, турки дѣлали усиленную рекогносцировку; то же самое и со стороны Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича. Теперь несомнѣнно рѣшительная минута не далека, — не оставятъ же турки до прихода нашего большого подкрѣпленія. — Сегодня съ одиннадцатаго часа въ моей палаткѣ былъ клубъ, — то кто-нибудь больной, то праздношатающійся. Двѣнадцать часовъ, часъ завтрака, разогналъ компанію, а тутъ объявили о транспортѣ раненыхъ офицеровъ изъ-подъ Шипки, которыхъ обѣщали чуть не цѣлую недѣлю и не ведали повидимому изъ-за того, что собирали перевязочныя средства приличнаго вида. На этотъ разъ задолго до прихода транспорта мнѣ объявили, что везутъ офицеровъ; ожидая встрѣтить все въ наилучшемъ видѣ, я и не торопился, отправился послѣ завтрака и тѣмъ не менѣе все-таки засталъ всѣ повозки на полѣ, раненыхъ уже успѣли и вынести, и переодѣть. Всѣ повозки были наилучшаго вида, съ приспособленіями Завадовскаго или Коссинскаго, съ брезентами отъ солнца. Во всей арміи только существуетъ, кажется, 300 повозокъ съ какими-нибудь приспособленіями,

а обыкновенно самая элементарная телѣга должна доканчивать дѣло, начатое турками. Нельзя себѣ представить страданій раненаго человѣка, котораго трясуть по грунтовымъ дорогамъ; сколько изъ нихъ гибнетъ, можетъ быть, изъ-за этой жестокой мѣри эвакуаціи, хотя, въ несчастію, это неизбѣжно. Тамъ въ госпиталѣ я увидалъ Ал. Ив. Барановскаго совершенно неожиданно; я о немъ ничего и не зналъ; онъ сообщилъ мнѣ слѣдующую исторію: въ Бухарестѣ, отчасти на свои деньги, отчасти на деньги Краснаго Креста, онъ снарядилъ шесть повозокъ, съ хорошими приспособленіями для больныхъ, и вмѣстѣ съ докторомъ Маркеттомъ отправился на Шипку за больными, подобралъ тамъ раненыхъ, которыхъ могъ уложить на своихъ повозкахъ, захватилъ между прочимъ одного изъ своихъ раненыхъ друзей и привезъ его сюда; остальныхъ отправили въ Зимницу и дальше...

Перевозка больныхъ и раненыхъ есть самая печальная сторона медицинскаго дѣла въ теченіе этой войны...

Я не думаю, чтобы нашъ отъѣздъ оттянулся слишкомъ долго; лишь бы только нѣсколько счастливыхъ дѣлъ—и тогда мы счастливы. Вѣдь все-таки дѣла не настолько дурны, чтобы не мечтать о возможности блистательныхъ исходовъ въ предстоящихъ столкновеніяхъ; вѣдь солдаты, офицеры—герои; авось, авось!..

Осенняя, не говорю уже о зимней кампаніи, будетъ тяжелымъ испытаніемъ силъ нашего народа. Невылазная грязь, плохая ѣда, скверное помѣщеніе тяжело отзовутся на здоровьѣ людей, которыхъ будутъ терять и безъ прямого участія турокъ. Кстати, чтобы не забыть: наконецъ, назначено слѣдствіе по поводу болѣзненности въ дивизіи Баранова; авось и тутъ поправится дѣло.

21-го августа. — Несмотря на свѣжую ночь, я спалъ такъ крѣпко, что и не замѣтилъ свѣжести, только слышалъ, что было свѣжѣе вчерашняго, а вчера въ 5 ч. утра было только 8 гр. Вслѣдствіе такихъ рѣзкихъ переходовъ температуры, ночи всѣ очень сыры, несмотря на то, что воды въ мѣстности очень мало, болотъ совсѣмъ нѣтъ; а лишь температура понизится съ 25 гр. на 15, какъ вчера вечеромъ, то понятно, что цѣлая масса паровъ воздуха и выдѣляется; на югѣ это замѣняетъ дожди, которыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ.

На дняхъ у меня былъ споръ съ однимъ изъ нашихъ профессоровъ военной академіи, который по поводу новой книги Липранди о турецкихъ походахъ утверждалъ, что климатъ здѣсь отличный, здоровый, болотъ нѣтъ (его подлинныя слова), процентъ заболѣванія въ арміи очень небольшой, наконецъ, что онъ

самъ былъ все время здоровъ. Справедливо, смертность здѣсь небольшая. Справедливо также, что процентъ больныхъ въ госпиталяхъ тоже невеликъ; но онъ забылъ, что здѣсь пудами изводится хининъ въ поносахъ, при которыхъ удерживаютъ заболѣвающихъ, не отпускаютъ въ госпиталь. Такъ какъ здѣсь основная болѣзненная форма — миазматическая болотная лихорадка, то лечение въ время хининомъ значительно содѣйствуетъ уменьшенію $\%$ болѣзненности и смертности, которая была громадна въ наши прежніе походы, во-первыхъ, потому, что хининъ едва-едва употреблялся, а во-вторыхъ, солдатъ плохо кормили, мало давали мяса; въ доказательство еще того, что климатъ здѣсь нездоровый, слѣдуетъ еще то, что здѣсь поразительно мало встрѣчаются старики, старухи, и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ человекъ смотритъ старикомъ. Гвардейскій конвой Государя, состоящій изъ отборныхъ людей, почти весь перехворалъ, но въ-время получилъ хининъ, и очень немногіе поступили въ больницу. Наша свита, лакейство и пр. рѣдко кто остался совершенно здоровъ. Трудно сказать, въ чемъ держится здѣсь источникъ миазма: болотъ дѣйствительно нѣтъ, сырость въ нашемъ смыслѣ незамѣтна; можетъ быть, глинистая почва задерживаетъ въ себѣ влагу, съ примѣсями органическихъ веществъ, что при здѣшней жарѣ разлагается, и вѣроятно при этомъ развивается какой-нибудь грибокъ, дающій намъ лихорадки, кровавые поносы и т. д. Запущенные больные получаютъ здѣсь очень тяжелыя формы лихорадокъ; взятые въ-время въ большинствѣ случаевъ отдѣляются на ногахъ. Военное министерство и Красный Крестъ на хининъ потратили громадныя, баснословныя суммы; всякій начальникъ отдѣльной части хлопочетъ о хининѣ почти такъ же, какъ о пищѣ. Развѣ это было въ прежніе походы, когда относились къ этимъ формамъ заболѣванія еще съ нѣкоторою наивностью, смѣшивая тяжелыя лихорадки съ тифомъ и даже, повидимому, съ чумою. Хинина же тогда не истратили и на 100 руб. Теперь солдата и кормятъ несравненно лучше прежняго, и лечатъ прежде чѣмъ дадутъ заболѣть до такой степени, чтобы попасть въ госпиталь. Ни въ одной болѣзненной формѣ, можетъ быть, не имѣетъ такого громаднаго значенія своевременное и возможно раннее употребленіе леченія, какъ въ миазматической лихорадкѣ, которая тѣмъ слабѣе проявится, чѣмъ раньше дали хининъ. Наши умники-штабисты однакоже не совсѣмъ ясно понимаютъ такое значеніе принятыхъ въ-время мѣръ, несмотря на то, что въ доказательство моей мысли я приводилъ примѣръ дивизіи почтеннаго Баранова, въ которой развились такія тяжелыя заболѣванія, которыя бы могли

дать много матеріала для медицинской фантазіи. Тамъ мнѣ встрѣчались формы тифовъ, осложненныя, повидимому, лихорадкой, тѣми, которыя другого заставили бы вспомнить и чуму, во-первыхъ, по тяжести случаевъ, а во-вторыхъ, по синимъ пятнамъ, которыхъ и мы въ нашихъ тифахъ не видимъ...

Въ настоящее время единственно вѣрное для меня спасеніе — уноситься въ міръ медицинской области, и если бы на все смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то можно быть гораздо спокойнѣе. Л. и Н., съ точки зрѣнія медика, заслуживаютъ сожалѣнія, которое, вѣроятно, долго будетъ храниться потомствомъ; исторія увѣковѣчить эти имена; къ числу безнадежно больныхъ надо будетъ отнести и интенданта А. Это удачная тройка, которой судьба вручила всю нашу армію. Л., говорятъ, отправился подъ Плевну. Легко сказать, а вотъ уже на нашихъ глазахъ казнь... почти цѣлый корпусъ; туда, сюда, а двадцати слышею тысячъ и не стало... Сейчасъ пришелъ Богоявленскій съ цѣлой кучей разсказовъ о положеніи больныхъ за Дунаемъ, гдѣ надзоръ слабѣе. Повидимому, много тяжелого приходится видѣть на пунятахъ, куда стекаются больные и раненые со всѣхъ грунтовыхъ дорогъ; но я все-таки продолжаю утверждать, что санитарное состояніе въ мѣстности некультурной, какъ здѣшняя, не можетъ быть доведено не только до идеала, но даже до порядочнаго состоянія. Безъ сомнѣнія, существуютъ злоупотребленія, но все-таки не въ такой степени, чтобы отнимать все необходимое у больного. Не вина администраціи, что транспортамъ больныхъ приходится по 20 верстъ идти по солнцу безъ воды, не встрѣчая нигдѣ жилья. Усилія, которыя до нѣкоторой степени могутъ смягчить участь здѣшнихъ раненныхъ, должны быть громадны. Въ Румыніи при Рихтерѣ пошло гораздо лучше; здѣсь, благодаря пребыванію Государя, идетъ сколько возможно порядочно; если же устранять Ч. отъ этого дѣла, то пойдетъ еще лучше.

32.

22-го августа. — ...Насчетъ нашего отъѣзда, конечно, ни слова, ни духа... Видя здѣсь такую массу страданій, гора, конечно, къ самому себѣ и къ своему горю становившись равнодушнѣе; постоянно смотря на здѣшнихъ умирающихъ, я не могу не вспомнить ихъ семействъ, я не могу не подумать о горѣ этого больного — лежать тяжело раненымъ безъ близкихъ, безъ дорогихъ его сердцу. Сегодня привезли болѣе сотни раненныхъ изъ-подъ Плевны,

тоже больше легкихъ, чѣмъ тяжелыхъ; размѣстили пока съ грѣхомъ пополамъ; госпиталь былъ полонъ; транспорта не успѣли отправить,—пришлось класть въ палатки сверхъ-комплектными; привезены новые, привезены ночью; еще въ 12 ч. дня не успѣли съ ними, какъ слѣдуетъ, управиться, надо было готовить транспортъ, размѣстить новыхъ и пр., а всего только 8 человекъ врачей работаютъ, не разгибаясь; сегодня вижу одного изъ нихъ, у котораго вчера былъ приступъ лихорадки, а все-таки пришелъ въ больницу, несмотря на то, что у него лихорадочное состояніе еще не кончилось. Вчера мы провели нѣсколько очень тревожныхъ часовъ подъ вліяніемъ полученной депеши, что турки наводятъ мостъ подъ Колорашемъ и къ обѣду перейдутъ; конечно, какъ ни утѣшали себя мыслью, что это демонстрація только, но пока не получили извѣстія, что мостъ разведенъ—были непокойны. Ничего, конечно, серьезнаго они бы тамъ не могли сдѣлать, но нѣсколько сотенъ черкесовъ внесли бы много горя въ страну, которая теперь почти беззащитна. Сегодня ночью наши стоятъ подъ Ловчей, и, кажется, тамъ будетъ дѣло; подъ Плевной на дняхъ разразится. Нашу квартиру вѣроятно переведутъ поближе къ мѣсту дѣйствія.

Вчера въ госпиталѣ я былъ вмѣстѣ съ С., и ему пришлось видѣть, какъ навѣщалъ больныхъ Государь, и какъ онъ имъ дѣлалъ подарки; дѣйствительно, теплая сцена. Государь относится съ такой истинной и искренней сердечностью къ раненымъ, что невольно становится тепло при этихъ сценахъ; солдатики, какъ дѣти, бросаются на эти подарки и радуются чрезвычайно наивно; сколько при этомъ мнѣ приходилось видѣть этихъ прекрасныхъ, синихъ, добрыхъ глазъ, слегка увлажненныхъ слезою!.. Я до сихъ поръ не могу смотрѣть на эти сцены безъ особаго чувства теплоты и умиленія. Изъ госпиталя мы пошли пѣшкомъ и по дорогѣ встрѣтили профессора Бергмана, ѣхавшаго на своей четверкѣ изъ-подъ Плевны въ Систово; подальше, возлѣ одной изъ здѣшнихъ савель встрѣтили Склифасовскаго и еще цѣлую компанію врачей, вернувшихся изъ-подъ Шипки. Конечно, пошли сейчасъ рассказы о самомъ дѣлѣ, о раненыхъ, о пуляхъ, споры о томъ—разрывными или простыми пулями турки стрѣляютъ и т. д. Очевидно дни, прожитые подъ Шипкой, останутся въ памяти нашихъ героевъ; между прочимъ врачи передавали, что турки дрались съ замѣчательной храбростью, лѣзли на почти отвѣсныя скалы, перепрыгивая черезъ или становясь на трупы своихъ товарищей; офицеры—впереди, въ перчаткахъ съ застегнутыми пуговицами; одному изъ вашихъ юныхъ раненыхъ офицеровъ турецкій офицеръ, нанося

ударъ, закричалъ по-русски: „куда ты, молокососъ, лѣзешь!“ Но въ эту минуту онъ былъ самъ пораженъ штыкомъ и свалился въ кручину (полагаютъ, что въ турецкомъ войскѣ много некрасовцевъ, говорящихъ по-русски). Дѣйствительно, глядя на нѣкоторыхъ, можно себя спросить: куда эти дѣти лѣзутъ? вѣдь борода еще не растетъ...

Вечеромъ. Не хочется идти спать, теперь 11^{1/2}; въ воздухѣ душно, неподвижно, готовится опять гроза; грома не слышно, но на горизонтѣ, за холмами на сѣверѣ и востокѣ, сверкаетъ молнія; на бивуахъ все тихо, всѣ разошлись раньше обыкновеннаго, у каждаго невесело на сердцѣ, всѣ въ ожиданіи. Сегодня въ 6 ч. утра началось дѣло подъ Ловчей; мы въ 90 верстахъ, другіе, говорятъ—въ 50, а до телеграфа изъ Ловчи надо скакать 45 верстъ; по расчетамъ, извѣстія могутъ быть только въ третьемъ часу, и поэтому обычный клубъ въ большой палаткѣ наиболѣе рьяныхъ не составилъ, и всѣ разошлись. Было извѣстіе изъ Порадима, гдѣ телеграфъ, что канонада началась въ 5 часовъ. Говорятъ, нашихъ много подъ Ловчей; турокъ же будто только 8 тысячъ; отчего же всѣ угрюмы? Мало довѣрія въ штабу, только этимъ я могу объяснить такое состояніе; впрочемъ Государь спокоенъ, и тревожится только, что опять будутъ раненные. Послѣ завтра утромъ назначено и намъ выступить; завтра утромъ выходитъ штабъ главнокомандующаго подъ Плевной, мы же только приблизимся къ его штабу и остановимся въ какой-то турецко-болгарской деревушкѣ Чаушъ-Махалъ въ 25 или въ 15 верстахъ отсюда; говорятъ, тамъ хуже, чѣмъ здѣсь, но мѣнять бивуаки гораздо полезнѣе, чѣмъ оставаться на мѣстѣ и выжидать гнѣнія своихъ собственныхъ отбросовъ. Здѣсь начинаютъ учащаться случаи лихорадокъ, а слѣдовательно пора и вонъ; впрочемъ, можетъ быть, вернемся опять сюда, такъ какъ здѣсь все-таки есть домишко Государю, а въ Махалѣ придется, кажется, и ему жить въ палаткѣ...

Тихо на нашемъ бивуахѣ, но на другомъ, противоположномъ холмѣ, гдѣ уцѣлѣла болгарская деревня, идетъ, какъ обыкновенно здѣсь по ночамъ, оживленная бесѣда собакъ на разные голоса... Вѣроятно, завтра отправятъ курьера; что-то завтра услышимъ?

23-го августа.—Сегодня я еще былъ въ постели, когда подошелъ ко мнѣ Рыгѣевъ и объявилъ о взятіи Ловчи; подробностей никакихъ. Донесенія отъ Зотова, поздравляющаго только со взятіемъ; въ теченіе утра былъ одинъ слухъ, что К. прозѣвалъ перерѣзать дорогу бѣжавшимъ туркамъ, которыхъ разбили подъ Ловчей. Я какъ-то мало обрадовался этой новости, потому что навѣрное ждалъ успѣха,—тамъ было много нашего войска; вотъ, что-то будетъ подъ Плевной, хотя и это теперь, кажется, будетъ

меньше имѣть значенія; дѣло не въ томъ, чтобы взять Плевну, а въ томъ, чтобы уничтожить армию; сейчасъ же слышалъ, что тамъ только 30 тыс.,—такъ если бы они и всѣ были взяты въ плѣнъ, то и тогда еще много останется. До сихъ поръ нѣтъ чело-
вѣка выше уровня, который бы сумѣлъ все дѣло взять въ руки и повести съ большимъ талантомъ, чѣмъ это ведется до сихъ поръ; несостоятельность административной стороны армии, кажется, превосходить все. Н., какъ глава администраціи, сталъ притчей во языцѣхъ; пути сообщенія, почта, интендантская часть, все это въ младенческомъ состояніи; есть факты, приводящіе въ недоумѣніе каждаго думающаго: въ Болгаріи съ прекраснѣйшими сѣнокошными лугами сѣно высыхаетъ на корню, и не дѣлаютъ распоряженія его скопить для заготовки фуража; также гибнетъ глѣбъ, мѣстами до сихъ поръ не убранный; дороги не поправляются, и мѣстами, напримѣръ подъемъ въ Систовѣ и др., будутъ составлять задержку движенія при первой распутицѣ. Помѣщенія для армии, для больныхъ, на осень не заготавливаются и пр. и пр. въ этомъ родѣ.

Ко всему этому—существующее товарищество Коганъ, Горвицъ; они дѣлаютъ безнаказанныя безобразія, не выполняя свои контракты тамъ, гдѣ имъ невыгодно, не заготавливая, согласно обязательству, запасовъ и пр.—Н., говорятъ, поддерживаетъ это... Не зная специальной военной науки, я не берусь рѣшить вопроса, но могу сказать одно, что умомъ не блещать люди, которыхъ мнѣ лично приходилось видѣть во главѣ важныхъ отдѣловъ армии... Одна личность была для меня въ высшей степени симпатична и внушала довѣріе, какъ къ военачальнику—это молодой Скобелевъ; но онъ здѣсь въ загонѣ и чуть-чуть было не уѣхалъ еще въ Зимницы, вслѣдствіе неприяностей съ главнокомандующимъ; между тѣмъ подъ Плевной 18-го числа онъ показалъ себя не только замѣчательно храбрымъ, но и замѣчательно дѣльнымъ, прерывая все наше отступленіе съ ничтожной горстью людей. Сегодня, въ депешѣ отъ Имеритинскаго, командовавшаго при Ловчѣ, Скобелевъ названъ героемъ дня; говорятъ, что и мысль, и планъ взятія Ловчи передъ Плевной принадлежатъ тоже Скобелеву.—Сейчасъ вышелъ отъ меня одинъ изъ оптимистовъ; онъ утверждаетъ то, что и мнѣ казалось: разъ плевненская армія уничтожена, кампанія можетъ считаться оконченной; остается только правый флангъ у турокъ нетронутымъ, съ чѣмъ будетъ справиться не трудно, если только не будетъ у насъ новыхъ глупостей; армія же Сулеймана разбила себя лобъ о Шипку; проходъ черезъ Балканы свободенъ; въ Адрианополь—только одно ополченіе. Этотъ

оптимистъ—больной человекъ, уже девять мѣсяцевъ живетъ врозь съ своей семьей и все надѣется скоро выбраться: „кампанія-моль скоро кончится, а тамъ уже и вылечусь“.

Какъ я писалъ, болѣетъ народъ нашей колоніи массами; надо считать тѣхъ, кто остался здоровъ, да и то, пожалуй, не найдешь; потому что такъ называемые здоровые все-таки представляли хотя ничтожныя явленія заболѣванія; въ сущности характеръ заболѣваній одинъ и тотъ же, проявляясь эпидемически въ нѣсколькихъ видахъ: самое частое и распространенное заболѣваніе представляется въ видѣ остраго страданія желудочно-кишечнаго канала, при рѣзкомъ увеличеніи печени, селезенки, съ болями въ животѣ, иногда съ общей слабостью и небольшимъ повышеніемъ температуры; иногда это заболѣваніе проявится остро, безъ предвѣстниковъ, рвотой, обыкновенно желчью, — поносомъ и болями въ животѣ; тогда больные очень ослабѣваютъ на нѣсколько часовъ, пульсъ падаетъ; бывали при этомъ и судороги, но рѣдко; такіе больные довольно скоро поправляются, въ большинствѣ случаевъ только сохраняя расположеніе къ поносу и потерю аппетита. Легкія степени этого заболѣванія перебивали почти у всѣхъ насъ и также въ конвоѣ; у немногихъ къ этому процессу присоединяется кровавый поносъ, который иногда, хотя рѣдко, начинается самостоятельно, безъ этихъ предшественниковъ. Также очень распространено заболѣваніе, хотя не такъ, какъ первая форма,—это въ видѣ лихорадочнаго приступа, развивающагося въ большинствѣ случаевъ безъ ясныхъ предвѣстниковъ, прямо ознобомъ съ высокой температурой, нерѣдко за 40 градусовъ, съ сильной головною болью, тоскою въ тѣлѣ, подъ ложечкой, иногда съ тошнотой, съ обложеннымъ бѣло-желтоватой массой языкомъ, обыкновенно влажнымъ, безъ высыпи на кожѣ, съ увеличеніемъ селезенки и печени, безъ ихъ болѣзненности при перкуссіи; при этомъ иногда поносъ, чаще же запоръ, обыкновенно легкій бронхитъ; больной не спитъ, рѣдко бредитъ, но иногда очень значительно; безъ особенной потери силъ, безъ ощущенія особенныхъ болей стонетъ и охаетъ въ теченіе всего времени высокой температуры, которая держится отъ $\frac{1}{2}$ сутокъ до трехъ, четырехъ и даже 8 сутокъ; въ большинствѣ послѣднихъ затянувшихся случаевъ, на 4-й, иногда на 3-й день, утренняя температура начинаетъ падать, безъ рѣзкаго улучшенія самочувствія, къ вечеру же остается высокой. Въ первые же дни болѣзни замѣчается у больныхъ потливость, которая при концѣ лихорадки дѣлается очень обильной; въ большинствѣ случаевъ, по окончаніи лихорадки больные поправляются скоро, сохраняя только нерѣдко расположеніе къ гастритизму. Селезенка

въ первые дни рѣзко увеличена, но въ послѣдствіи обыкновенно неопредѣлима; печень же всегда очень увеличена, пальца на полтора; легкая желтуха склеры неизбежна во всѣхъ случаяхъ. Относительно бѣлка въ мочѣ ничего не могу сказать—не исследовалъ. Бывало, что недѣли черезъ двѣ, три, такое заболѣваніе повторялось у одного и того же субъекта, въ болѣе или менѣе сильной формѣ; иногда же передъ тяжелымъ заболѣваніемъ за недѣлю, за двѣ, бывалъ одинъ короткій приступъ лихорадки съ ознобомъ, жаромъ и потомъ, который безслѣдно исчезалъ, и затѣмъ открывалась картина *remittens*, продолжавшагося три, четыре и даже 8 дней лихорадочнаго состоянія, постоянного первые дни, но рѣзко послабляющагося или даже перемежающагося послѣдніе дни. По окончаніи заболѣванія, черезъ нѣсколько недѣль, не всегда наблюдалось увеличеніе селезенки; печень же обыкновенно представлялась тогда нормальнаго объема. Очевидно, пораженіе органовъ регрессируетъ довольно быстро. Случаи лихорадки, кончавшіеся рвотой, поносомъ, идутъ какъ будто лучше, короче; у многихъ замѣчаются по окончаніи лихорадки лишай на губѣ. До сихъ поръ эти лихорадочныя формы въ различныхъ степеняхъ своего проявленія составляютъ главнѣйшій матеріалъ госпиталей и значительной части нашего подвижнаго населенія. Случаи ясной перемежающейся лихорадки трехдневной встрѣчались какъ исключенія, и нерѣдко у такихъ, которые прошли уже описанную форму. Въ чистыхъ перемежающихся лихорадкахъ и опухоль селезенки обыкновенно рѣзче и больше, чѣмъ въ описанныхъ послабляющихъ, къ которымъ по всему вѣроятію и нужно отнести описанную форму. До сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть вскрытіе этихъ больныхъ; даже въ госпиталяхъ тяжелые случаи обыкновенно не представляли смертельныхъ исходовъ. Повидимому хининъ благотворно вліяетъ на эту болѣзнь, но, очевидно, не дѣйствуетъ съ такою положительностью, какъ въ настоящихъ перемежающихся. Въ госпиталяхъ встрѣчаются и тифы, но очевидно въ незначительномъ количествѣ; ясныхъ, убѣдительныхъ случаевъ я видѣлъ немного, да и тѣ повидимому были не безъ вліянія этой послабляющей формы, которая проявлялась въ раннихъ по времени болѣзни послабленіяхъ; настоящіе тифозные представляли обыкновенно сыпь на животѣ въ видѣ *geseola*, бредили по ночамъ, имѣли поносъ; нужно признаться, что нерѣдко было чрезвычайно трудно отличить одну форму отъ другой. Самые тяжелые здѣсь не встрѣчаются, въ Бѣлѣ же попадались; тамъ—кровоавый поносъ былъ чаще, чѣмъ здѣсь...

Сегодня идетъ курьеръ, и я радуюсь, что онъ тебѣ прине-

сеть хотя что-нибудь отрадное: вѣдь послѣ Никополя это—первое хорошее дѣло; не имѣемъ еще подробностей, не знаемъ, сколько новыхъ жертвъ стоила эта побѣда; утѣшительно то, что Свобелевъ имѣетъ уже Георгія на шеѣ и врядъ-ли хлопоталъ изъ-за награды. Не могу не рассказать тебѣ очень остроумное предложеніе одного изъ здѣшнихъ генераль-адъютантовъ—давать награду до дѣла, чтобы генераль не рисковалъ людьми ради своего я.

Горный-Студень я оставляю съ сожалѣніемъ; здѣсь мнѣ жилось не скверно, да и къ госпиталю началъ привыкать; врачи ко мнѣ стали относиться довѣрчиво, не глядя на меня, какъ на шпиона; тутъ все уже было знакомо, даже и вонь-то здѣсь, казалось, не такъ безпокоитъ, а тамъ—все новое. Взятіе Ловчи должно имѣть большое значеніе на дальнѣйшій ходъ дѣла; теперь южная армія турокъ разорвана и разъединена съ западной—съ Османомъ; если бы удалось устроить ему Седанъ,—что не невозможно,—то дѣло подвинется быстро къ концу. Какое бы это великое было счастье...

33.

Чауиз-Махалъ, 24-го августа.—...Въ четыре часа съ четвертью я уже началъ сегодня одѣваться, чтобы освободить свою палатку и сдать всѣ вещи въ обозъ, который отправлялся въ пять часовъ, самъ же съ Ковалевскимъ въ коляскѣ отправились только въ 7 часовъ. Государь—часомъ позднѣе съ главнокомандующимъ и тоже въ коляскѣ; только военныя свиты отправились верхами съ обозомъ. Переѣздъ былъ небольшой; Махалка эта отъ Горнаго-Студня въ двухъ часахъ съ четвертью ѣзды на парѣ въ коляскѣ легкой рысью. Ѣхать было пріятно; утро было ясно, не жарко, не пыльно и не грязно; дорога шла все время лугами, нескошенной травы и мѣстами еще очень свѣжей, зеленой; изрѣдка попадались неснятыя и упавшія уже рожь, пшено; на протяженіи 25 верстъ встрѣтилось одно большое болгарско-турецкое селеніе. Общая могила и затѣмъ разоренная маленькая черкесская деревушка. Впереди очень рано началъ рисоваться горный пейзажъ; изрѣдка мѣстами мелькала вдали вода—вѣроятно протекающей здѣсь Осмы; шли все время къ западу, по большой дорогѣ, встрѣчая то казаковъ, то солдатъ, то артиллерію, то наконецъ и отставшія части нашего обоза; наконецъ грузно заваленныя фуры нашимъ добромъ стали встрѣчаться все чаще и

чаще и даже затруднять нашъ путь; затѣмъ крутой спускъ, передъ которымъ нужно было остановиться; внизу открылась цѣлая масса зеленыхъ садовъ, рѣчка и показались болгарскіе не то домики, не то землянки. Деревушка—небольшая по числу домовъ, небогатая по постройкамъ, но очевидно не бѣдная по массѣ плодовыхъ деревьевъ; впрочемъ груши, яблоки здѣсь дрянного сорта и, кажется, больше служатъ для кваса, а скирдовъ глѣба, какъ въ предыдущихъ деревняхъ, мнѣ не пришлось видѣть въ такой массѣ; жилища здѣшнія отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что половина ихъ помѣщается въ землѣ; они темны и всё воняютъ отвратительнымъ кислымъ запахомъ. Помѣститься гдѣ-нибудь въ домѣ немисливо—и душно, и вонюче,— а потому мы всё здѣсь въ палаткахъ. Государь и нѣкоторые другіе помѣстились на дворѣ одного изъ здѣшнихъ собственниковъ; палатка Государя разбита подъ двумя деревьями на гумнѣ; рядомъ съ палаткой—кѣтѣ со свиньями, кѣтѣ съ курами; конечно, все это удаляется, но запахъ бывшихъ обитателей остается. Я предпочелъ поставить свою палатку внѣ двора на косогорѣ, на совершенно голомъ мѣстѣ; рядомъ со мною Ковалевскій, а противъ, шагахъ въ десяти—80-лѣтній болгаринъ, съ совершенно турецкимъ, еще красивымъ лицомъ, его старуха 50 лѣтъ и дочка 20 лѣтъ; почтенная дама очень молчалива, и иногда думаешь: да говоритъ ли она, дошла ли она до этой степени культуры? Лицо вѣчно мрачное, съ неподвижными чертами; она составляетъ контрастъ съ своимъ старикомъ-мужемъ, вѣчно болтающимъ, шутящимся и вѣчно валяющимся на коврѣ подлѣ своей лѣтней, вѣроятно, кѣтущки; дочка—колоссальныхъ размѣровъ, курносая, круглолицая, толстогубая, съ браслетомъ на правой рукѣ (здѣсь у всѣхъ женщинъ браслеты), съ кольцами на пальцахъ, въ своемъ обычномъ востомѣ, вѣчно съ прялкой; мать же работаетъ за ткацкимъ станкомъ. Вся семья размѣщена на воздухѣ около вонюхъ жилищъ—лѣтнихъ кѣтущекъ, служащихъ вѣроятно тоже и для свиней; зимнее помѣщеніе едва на два аршина выдается только надъ землею; крыша покрыта очень тщательно черепицей и входъ въ это помѣщеніе таковъ, что мнѣ нужно въ три поклона согнуться, чтобы пройти въ дверь; торчащая труба, какъ въ татарскихъ сакляхъ, заявляетъ о существованіи человеческого жилища. Но, повидимому, лѣтомъ они пользуются печвой, которая смазана изъ глины на открытомъ воздухѣ и безъ всякой рубы. Нашъ бивуакъ—на небольшомъ возвышеніи, внизу же протекаетъ рѣчка, по обоимъ берегамъ которой сады, по преимуществу съ грецкими орѣхами. Вода недурная, можно пить и даже

купаться, не такъ, какъ въ Горномъ-Студнѣ, гдѣ К. совсѣмъ не мылся, разсудивъ, что воды едва хватаетъ на питье!! Только обтиралъ лицо и руки мокрымъ полотенцемъ. Долго ли придется намъ жить въ этой труппѣ—неизвѣстно; главнокомандующій уѣхалъ сегодня, а мы поѣдемъ, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ подъ Плевной.

25-го августа.—Сейчасъ вернулся изъ поѣздки въ госпиталь, который разбитъ въ Булгарени, въ 8 верстахъ отсюда и по другой сторонѣ Осмы; госпиталь № 63 только-что развернуть и готовится къ принятію исключительно раненныхъ изъ-подъ Плевны; въ настоящее время тамъ одинъ болгаринъ, которому дней десять назадъ баши-бузукъ отсѣкъ ухо и прострѣлилъ ухо; его привезли при мнѣ. Врачи всѣ знакомы еще съ Зимницы, гдѣ этотъ госпиталь работалъ съ ранеными послѣ переправы, а потомъ послѣ плевненскихъ боищъ. Какъ новое лицо, я тамъ встрѣтилъ кн. Шаховскую съ нѣсколькими сестрами. Всѣ врачи значительно похудѣли и пожелтѣли: очевидно, не мало силъ и здоровья пошло за эти два мѣсяца усиленнаго труда. Сегодня, сдѣлавъ отличную прогулку пѣшкомъ утромъ, взобравшись на ближайшія высоты, и теперь—послѣ поѣздки въ Булгарени, я нѣсколько ориентировался съ мѣстностью. Съ высотъ отсюда видно громадное пространство на западъ и частью на югъ; зрѣніе видятъ и Плевну, и, говорятъ, будто бы и Ловчу; мѣстность лѣваго берега Осмы низкая, луговая и повидимому чрезвычайно плодородна: тамъ и кукуруза, и виноградъ, и орѣхи и пр.; перебравшись черезъ ближайшій къ намъ саперный мостъ, мы встрѣтили верстахъ въ двухъ богатое село болгаръ-католиковъ; они замѣчательно рѣзко отличаются отъ нашихъ несчастныхъ братушекъ: дома ихъ и выше, и чище содержатся; дворы съ громадными запасами скирдовъ хлѣба, сѣна, соломы (которая содержитъ въ себѣ массу зерна, и которую здѣсь даютъ въ пищу скоту, лошадамъ). На дворѣ масса амбаровъ изъ плетня, вымазаннаго внутри глиной, полныхъ кукурузой, фасолью; только службы ихъ опущены въ землю, а дома жилые въ уровень; церковь большая, каменная, съ мраморнымъ поломъ; на кладбищѣ памятники съ ясно сохранившимися формами крестовъ, какъ въ Европѣ и не такъ, какъ въ другихъ частяхъ Болгаріи, гдѣ памятники съ трудомъ отличаются отъ турецкихъ, гдѣ камень на могилахъ представляетъ едва замѣтное утолщеніе въ срединѣ четырехугольнаго столбика, мало отличающагося отъ подобныхъ столбиковъ на турецкихъ кладбищахъ. Церкви въ Болгаріи низенькія, опущенныя иногда на аршинъ и на два въ землю, обыкновенно

замѣчательно бѣдны, темны, грязны. Католическая церковь составляет бросающееся въ глаза явленіе, которое даетъ право думать, что католикамъ здѣсь лучше живется, чѣмъ православнымъ; конечно, оно и понятно: туркамъ бояться католиковъ не было никакихъ основаній,—православная же религія была въ сущности единственной связью болгаръ съ Россіей. Въ Булгареняхъ встрѣтилъ много войска съ артилеріей, и все это идетъ подъ Плевну; не могу передать, съ какимъ чувствомъ глядишь теперь на этихъ молодцовъ, красивыхъ (всѣ они были изъ нижегородской, ярославской губ.), полныхъ жизни, силы—идушихъ въ дѣло: сколько-то останется черезъ нѣсколько дней отъ этихъ героев? На дняхъ разрѣшится вопросъ; завтра мы ѣдемъ на позицію, но куда?—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ.

Роденицы, 27-ю августа.—...Вчера рано утромъ въ 6 часовъ выбрались мы изъ Чаушъ-Махала и въ 8 ч. были здѣсь, гдѣ стоитъ главнокомандующій; почему-то и для чего-то мы стояли здѣсь часа полтора и затѣмъ двинулись на позицію, но куда—никто не зналъ; пріѣхали въ Порадимъ, взобрались на какой-то холмъ, но ничего не видали; выстрѣлы слышались слабо,—былъ противный вѣтеръ и уносилъ отъ насъ, хотя, впрочемъ, ясно выстрѣлы слышны были и въ Роденицѣ. Наконецъ поѣхали дальше, сѣли верхомъ и добрались до батарей; тамъ открылся видъ на всѣ наши батареи, на турецкую линію. Странное ощущеніе при видѣ этого огня, дыма, удара, при абсолютномъ отсутствіи человѣка и его голоса: люди всѣ спрятаны, а издали ихъ и не слышно. Стрѣляли вчера съ большого разстоянія изъ осадныхъ орудій, по моему—стрѣляли вяло и нисколько не импозантно для человѣка, какъ я, не понимающаго этого дѣла; предосторожности, которыя принимались при нашемъ движеніи, распоряженія не ѣхать кучками, держаться *право фланга*, наконецъ недопущеніе свиты къ батареямъ вмѣстѣ съ Государемъ—все это мнѣ казалось странно; я былъ при этомъ около батарей и слышалъ ясно, какъ свистали наши заряды, но при насъ ни одинъ снарядъ не попалъ въ батарею, и я внутренно смѣялся надъ трусостью специалистовъ-военныхъ. Сегодня второй день бомбардированія Плевны; турки отвѣчаютъ, какъ говорятъ, очень усердно, и къ тремъ часамъ сегодня было только 40 ч. раненыхъ нижнихъ чиновъ на всѣхъ батареяхъ. Слѣдовательно, опасность отъ артиллерійскаго огня невелика, немного больше, чѣмъ отъ хорошей грозы. Вчера меня разбирала тоска, глядя на громадную свиту, сопровождавшую главнокомандующаго. Кого тутъ не было, кромѣ обычныхъ начальствующихъ: куча ординарцевъ, адъютантовъ, три

священника (верхами), русскій, лютеранскій, католическій. Объявлявъ съ осторожностью позицію, побывавъ около батареи, сѣлъ за завтракъ. Все это ёло, ёло и ёло, а тамъ все палили, палили и палили. Наконецъ, въ 3 ч. уѣхали и въ пять были дома, т.-е. въ Роденицѣ, куда нашъ обозъ взять не былъ, потому что было объявлено въ Махалѣ собраться налегкѣ на одинъ день, а оказалось, что мы остаемся ночевать у великаго князя. Нельзя сказать, чтобы къ намъ отнеслись гостепріимно: часа два слишкомъ бродили мы усталые, не зная куда приклонить голову; никто ничего не предложилъ, за исключеніемъ только министровъ, которымъ было отведено помѣщеніе; намъ предоставлялось устроиться по усмотрѣнію. Когда меня послѣ обѣда одинъ изъ распорядителей главной квартиры спросилъ, какъ я устроился, то я отвѣчалъ, что еслибы я попалъ къ туркамъ, то навѣрное былъ бы устроенъ лучше, чѣмъ въ главной квартирѣ штаба; за обѣдомъ я велъ разговоръ въ этомъ же тонѣ, причемъ прибавилъ, что я говорю не какъ Серг. Петр. Боткинъ, а какъ известное официальное лицо, ибо какъ Серг. Петр. я бы здѣсь никогда, конечно, не былъ. Такой тонъ до такой степени благотворно подѣйствовалъ на распорядителей, что мнѣ потомъ большого труда стоило отдѣлаться отъ ихъ предложенія занять ихъ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, я ночевалъ à la belle étoile на сѣнѣ и былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; ночь проспалъ отлично всю и уже утромъ меня разбудилъ Ков., чтобы идти къ Государю. Легши на верхушку сѣнной кучи, за ночь я постепенно спускался, и утромъ ноги уже были на землѣ, а туловище—на сѣнѣ. Благодаря сѣну, я нисколько незябъ, хотя ночь была очень холодная. Сегодня выѣхали на позицію въ 11 ч. утра и вернулись около девяти вечера; усталъ ужасно, но по крайнѣй мѣрѣ не было такъ мучительно скучно, какъ вчера; бомбардировка шла живѣе, изъ большаго числа орудій и чаще стрѣляли; наконецъ въ 5 ч. начали съ одной стороны атаку (Имеретинскій и Скобелевъ), окончателный результатъ которой еще неизвѣстенъ. Уѣзжая въ 7 ч. съ позиціи, получили извѣстіе, что турки съ одной позиціи бѣгутъ и увозятъ свои орудія.

28-го августа.—Сегодня уже въ 6 ч. утра мы выѣхали снова на позицію, черезъ два часа были тамъ, ожидая встрѣтить значительно подвинутымъ все дѣло, но на неспеціальный глазъ мало подвинулись за это время, хотя артиллеристы утверждаютъ, что наши орудія выдвинулись на 600 саж., осадныя же все на старомъ мѣстѣ. Вчерашняя атака дала 600 чел. выбывшихъ изъ строя и какія-то двѣ высоты. До четырехъ просидѣли мы на

вашей высотѣ,—то положимъ, то походимъ, то ѣдемъ верхомъ и приблизимся къ батареямъ, то отойдемъ. Безпрестанно приѣзжали ординарцы съ весьма тощими донесеніями. Къ счастью, солнце не постоянно насъ пекло, временами скрывалось за тучи и давало намъ вздохнуть. Наконецъ въ часъ завтракъ, на который вся эта молодежь съ отличнымъ пищевареніемъ бросается съ волчьей жадностью. Сегодня завтракъ былъ отъ нашей квартиры, что, однакожь, другую квартиру не стѣсняло; завтракъ въ сухомытку, чай, кофе—точно маѣвка.

Да, я понимаю, почему традиціонно держится нелюбовь ко всемъ штабамъ, набитымъ биткомъ цѣлой массой людей, хорошо питающихся, хорошо помѣщающихся, высыпавшихъ свои ночи и получающихъ отличныя награды, между тѣмъ какъ офицеры арміи своей грудью дѣлаютъ дѣло и вытаскиваютъ на своихъ печкахъ вмѣстѣ съ солдатами всю тяжесть войны.

Около насъ былъ штабъ и румынскаго принца,—кажется, съ тѣмъ же характеромъ. Къ счастью, сегодня вернулись пораньше, хотя усталость была, пожалуй, сильнѣе, бомбардировка шла еще влѣе и никакой атаки не было. Завтра вѣроятно тоже, и то же будетъ повторяться еще нѣсколько дней. Хотятъ не начинать настоящей атаки, не разгромивши серьезно всѣхъ редутовъ. Относительно укрѣпленія большая часть утверждаетъ, что оно очень сильно, хотя есть люди, которые этого не признаютъ—не знаю, кому вѣрить? Человѣку съ хорошимъ зрѣніемъ бомбардировка можетъ представлять извѣстный интересъ,—можно по крайней мѣрѣ слѣдить за батареями и даже до нѣкоторой степени за результатомъ ихъ дѣйствій,—мнѣ же слѣпому вся эта картина представляется только въ общемъ ея видѣ съ прекраснымъ ландшафтомъ горной мѣстности, очень широкой, и мѣстами, то тутъ, то тамъ, являются огонь, дымокъ и черезъ нѣсколько секундъ выстрѣлъ. Дальнорукіе видятъ, куда упалъ снарядъ, долетѣлъ или нѣтъ до непріятельской батареи; для меня же все это закрыто, а потому надоѣдаетъ все это довольно скоро. Къ выстрѣламъ привыкаешь настолько, что ихъ не слышишь.

Прежде я думалъ, что устроить взятіе Плевны къ 30-му, а теперь начинаю сомнѣваться: какъ-то мало видно дѣйствіе нашихъ батарей на турецкія орудія. Что-то скажетъ завтра!

Вчера были, между прочимъ, и на перевязочномъ пунктѣ и видѣли только четырехъ раненыхъ, а докторовъ тамъ цѣлая масса: я Корженевскій, и Каде, и Грубе, и Пелѣхинъ, и Новацкій—авторитеты хирургіи,—простыхъ, не-авторитетныхъ не считаю; раненые съ перевязочныхъ пунктовъ будутъ направляться на Булга-

рени, гдѣ большой госпиталь и гдѣ хирургомъ Склифассовскій. На другомъ перевязочномъ пунктѣ—Бергманъ. Къ нему Г. доставилъ 20 повозокъ съ приспособленіями и воображаетъ, что это много, имѣетъ безтактность этимъ хвастаться. При окончательной атакѣ вѣроятно и тысячи повозокъ будетъ немного...

Сегодня цѣлое утро, пока тебѣ пишу, у меня безпрестанно народъ; большая часть приходитъ за совѣтомъ, но нѣкоторые—отвести душу, поговорить по душѣ, пожаловаться на штабъ, на ходъ всего дѣла. Изъ всего слышаннаго сегодня узналъ то, что командуетъ осадой въ сущности Зотовъ; принцъ Карлъ держитъ себя съ большимъ тактомъ и ни во что не вмѣшивается, также какъ и великій князь. Зотова хвалятъ, но говорятъ, что осада ведется не такъ, какъ бы слѣдовало: для штурмового дѣла—тянуть, для фортификаціоннаго же—не предпринимаютъ земляныхъ работъ, недостаточно подвигаются къ турямъ; выходить ни то, ни сѣ. Сейчас увѣжаемъ... надѣюсь что-нибудь приписать по возвращеніи.

10¹/₂ ч. вечера. — Мы вернулись поздно; конечно, было совсѣмъ темно, когда мы, поплутавши по обыкновенію; добрались до нашей деревни. День прошелъ какъ обыкновенно, передвигались съ мѣста на мѣсто, подъѣзжали къ батареямъ, стояли; я по обыкновенію ничего не видѣлъ; могу сказать только то, что наши пушки сильно подвинулись впередъ. Послѣ завтрака я отправился на перевязочный пунктъ, засталъ тамъ семь больныхъ и девять врачей; съ праваго фланга носили вообще мало, атаки были на лѣвомъ, и оттуда мы встрѣтили транспортъ изъ 130 ч. раненыхъ, которыхъ везли на обыкновенныхъ повозкахъ съ простымъ „расейскимъ“ приспособленіемъ: солома—и баста. Сзади большого транспорта шли еще два фургона отъ Краснаго Креста; они везли только 8 человекъ,—изъ нихъ одинъ уже скончался, съ сквозной раной въ груди. Транспортъ этотъ намъ попался на полдорогѣ изъ Роденицы на позиціи почти у Порадима. Мало утѣшительнаго представляетъ картина транспорта раненыхъ. Возвращаясь съ перевязочнаго пункта, куда я ѣздилъ съ своимъ казакомъ, пробравшись сквозь кукурузное поле, вдругъ я слышу свое имя, смотрю—фургонъ тоже въ полѣ, не на дорогѣ, изъ окна фургона выглядываетъ доброе лицо Е. П. Карцевой; она ѣдетъ изъ Тырнова къ перевязочному пункту, гдѣ пять сестеръ ея общины, и онѣ сбились съ дороги; палатки же перевязочнаго пункта стоятъ подъ горой, такъ что ихъ можно цѣлый день искать и не найти. Выручивъ ее изъ бѣды, я поѣхалъ на вышку и присоединился къ общей массѣ. Только въ 6 ч. поднялись мы, на-

вонецъ, домой. Сегодня было не жарко, нѣсколько разъ принимался идти дождь, и вслѣдствіе этого я мало усталъ. Кажется, завтра будетъ рѣшительный день; говорили даже, что начнутъ атаку еще сегодня вечеромъ, но пріѣхалъ домой и извѣстій отъ туда не было. Странно прозвучало для меня слово *домой*: — хорошо домой, въ который я теперь пріѣзжаю!..

34.

31-го августа. — Какой вчера, 30-го августа, тяжелый, подавляющій день вынесли мы на нашемъ курганѣ — на позиціи! Выѣхали мы въ 10 часовъ, на курганѣ назначенъ былъ молебень, завтракъ, а въ три часа должна была начаться общая атака. Одна изъ моихъ лошадей дорогой совершенно ослабѣла, ѣхать было невозможно; мы съ Ковал. вышли и пошли пѣшекомъ; къ счастью, были запасныя лошади, которыя насъ выручили; послѣ приблизительно часовой ходьбы подѣхала наша коляска съ свѣжими лошадьми. На позицію пріѣхали послѣ молебна, прямо къ завтраку. День былъ ужасный: почти безостановочно сыпалъ мелкій дождь, холодно, сыро, съѣсть негдѣ; бомбардировка продолжалась, то усиливаясь, то затихая; наконецъ, слышимъ ружейный огонь на лѣвомъ флангѣ Имеретинскаго, около часа; оказывается, что турки предупредили нашу атаку, напали сами на Имеретинскаго. Отъ лѣваго фланга наша позиція чуть не въ полуторачасовомъ разстояніи, а потому результатъ атаки для насъ долго оставался неизвѣстнымъ. Для поддержки лѣваго фланга сдѣлали распоряженіе начать общую атаку раньше, но пока везли это распоряженіе, время приближилось къ тремъ часамъ, и, согласно первой диспозиціи, начался бой; четверть часа послѣ трехъ, начался ружейный огонь — у насъ на правомъ флангѣ. Что это за адская трескотня началась! — орудейный огонь не можетъ сравниться, по подавляющему впечатлѣнію, съ этимъ безостановочнымъ трескомъ; а если вспомнишь, что каждый отдѣльный трескъ несетъ свинцовую коническую пулю, пробивающую насквозь человѣка на разстояніи 2 тысячъ шаговъ, то невольно холодъ пробѣгаетъ по тѣлу при этихъ смертоносныхъ звукахъ. Почти каждые полчаса пріѣзжали ординарцы съ доносеніями: атака началась, наши подошли туда-то; наконецъ наши остановились, не поддерживаемые румынами; румыны отступили; затишье, ружейный огонь стихъ; опять свачеть ординарецъ — снова идутъ въ атаку; опять трескотня; снова ординарецъ съ извѣстіемъ — наши остановились. Наконецъ, пошли въ

третій разъ въ атаку; это извѣстіе было получено, когда порядкомъ стемнѣло,—и почти было темно, когда получили извѣстіе, что наши колонны отступаютъ и турецкая кавалерія идетъ по балкѣ подъ нашимъ возвышеніемъ. Ничего больше не оставалось, какъ ѣхать; съ особенной поспѣшностью всѣ схватили свои экипажи, и потянулись наши громадныя вереницы колясокъ въ такой темнотѣ, что дороги совершенно не было видно; въ счастью, спасалъ насъ факель, и, несмотря на него, мы безпрестанно сбивались съ дороги. Измученные физически и морально, въ одиннадцатомъ часу вернулись мы домой. Чтѣ каждый порядочный человѣкъ переживалъ въ эти томительныя минуты между донесеніями:—наши идутъ, наши отступаютъ,—трудно тебѣ передать. Какъ будто всѣ мы собрались около комнаты умирающаго любимаго человѣка, на жизнь котораго осталась маленькая надежда, и когда всѣ съ притаеннымъ дыханіемъ слѣдятъ за каждымъ шорохомъ, за каждымъ новымъ проблескомъ жизни или наступающей смерти. Какъ ни тяжелъ былъ этотъ день, но онъ показался мнѣ недлиннымъ—весь день прошелъ въ одномъ напряженномъ ощущеніи. Самыя тяжелыя, скорбныя чувства давили меня на возвратномъ пути; мрачно разошлись мы спать. Едва успѣлъ я одѣться сегодня утромъ, какъ получилъ извѣстіе, что главный редутъ взятъ нами вчера вечеромъ; мой знакомый командиръ полка Шлиттеръ первый взомель на редутъ, водрузилъ наше знамя и тотчасъ же свалился отъ пули въ лобъ. Не могъ удержать слезъ при этомъ извѣстіи; и радостно, и горько за бѣднягу Шлиттера! Такихъ типовъ бравыхъ, храбрыхъ воякъ теперь мало; онъ зналъ русскаго солдата, умѣлъ имъ разумно пользоваться, осмысленно смотрѣлъ на всякую военную мелочь и въ короткое время, чтѣ былъ командиромъ полка, сумѣлъ развить въ своихъ молодыхъ солдатахъ и храбрость, и стойкость. Онъ принялъ свой полкъ, разбитый при первомъ плевненскомъ дѣлѣ, въ то время, когда солдаты уже шли на приступъ второго побойща у Плевны, переночевалъ тогда во рву передъ этимъ большимъ редутомъ, и теперь, съ небольшимъ черезъ мѣсяць, погибъ героемъ на этомъ же редутѣ. Сегодня я ѣздилъ на перевязочный пунктъ и видѣлъ Шлиттера; онъ еще дышитъ, но безъ сознанія; черепъ пробитъ насквозь; я ему далъ вина и, замѣтивъ, что онъ пьетъ еще, я вспомнилъ, что онъ любилъ шампанское, и далъ ему этого нектара; я увѣренъ, что онъ пилъ съ наслажденіемъ, покряхтывая каждый разъ, какъ проглотить; пульсъ поднялся, онъ открылъ свои голубые глаза, посмотрѣлъ безсмысленно въ лѣвую сторону и снова захрапѣлъ. Невѣроятно, чтобы онъ могъ жить... Сегодня выѣхали

на позицію въ 10 часовъ—та же картина, только выстрѣлы по-рѣже. День былъ сначала облачный, но потомъ разгулялся; жарко, воздухъ очистился вчерашней пульверизаціей. Пѣшкомъ я прошелъ на возвышенности, откуда виднѣлись войска и большой редутъ, взятый нами наканунѣ; у подошвы горы рисовалась деревушка Гривницы, за которой скрывались впереди наши солдаты; узнавъ, что тамъ, въ этой деревушкѣ, было утромъ еще много раненыхъ, я послалъ за своей лошадыю и отправился туда вмѣстѣ съ своимъ казакомъ. Спустились съ горы, проѣхали бывшія мѣста нашихъ батарей, теперь подвинувшихся впередъ, проѣхали наши ложементы, теперь уже оставленные,—наконецъ, поднялись опять на возвышенности, которыя были усѣяны остатками дравшихся здѣсь солдатъ, и вотъ подъѣхали къ деревнѣ, въ началѣ которой подъ защитой холмика я увидалъ нѣсколько лазаретныхъ каретъ, санитаровъ и военныхъ врачей. Оказалось, что я прямо попалъ на передовой перевязочный пунктъ, гдѣ подаютъ первую медицинскую помощь полковые врачи дерущихся полковъ. Отъ нихъ я узналъ, что со вчерашняго вечера до сей минуты (въ 2 ч. дня), черезъ ихъ руки прошло 600 чел. раненыхъ, которыхъ они отправляли въ ближайшій перевязочный пунктъ, образуемый изъ дивизионныхъ лазаретовъ; врачи работали всю ночь; теперь раненыхъ не носили уже въ такомъ количествѣ,—при мнѣ принесли одного. Изъ Гривницы я отправился на дивизионный перевязочный пунктъ 5-й дивизіи и тамъ засталъ еще болѣе 400 раненыхъ. Еще далеко не всѣ были осмотрѣны. Врачи, сестры, студенты, фельдшера, санитары со вчерашняго вечера работали безостановочно. Черезъ ихъ руки прошло уже болѣе шести сотъ; около 400 еще оставались на-лицо; уже два транспорта раненыхъ были отправлены въ теченіе нынѣшняго дня въ Булгарени; легко-раненые въ руки, пальцы, выпросились идти пѣшкомъ въ госпиталь; самые тяжелые еще лежали въ палаткахъ, другіе же на открытомъ воздухѣ, на землѣ, ожидали своей очереди быть перевязанными, обмытыми, переодѣтыми. Медицинскій персоналъ, съ блѣдными, измученными лицами, продолжалъ работать; ни одного не видалъ безъ дѣла, всѣ копошились. Перевязочный пунктъ представляетъ тяжелое зрѣлище: это не тѣ умытые, переодѣтые, перевязанные раненые, которыхъ встрѣчаешь въ госпиталѣ,—нѣтъ, тутъ кровь льется ручьями, бѣлье какъ будто въ красной матеріи сшито; врачи всѣ въ крови, въ гипсѣ. Больные стонутъ и просятъ то пить, то перевязки. Тяжелая картина! Всѣ медицинскія мѣры военнаго вѣдомства вмѣстѣ съ Краснымъ Крестомъ не въ состояніи удовлетворить потребности тепе-

решныхъ способовъ истребленія людей. До 3-хъ часовъ сегодня считаютъ болѣе пяти тысячъ раненыхъ, а Плевна еще не взята, и кто знаетъ, когда разрѣшится эта тяжелая и, можетъ быть, неразрѣшимая задача. Про сегодня мы можемъ сказать, что мы держимся только, а завтра чтѣ — неизвѣстно. Вернулись съ позиціи около восьми часовъ, и благодаря хорошей погодѣ и вѣскольکو болѣе успокоительнымъ извѣстіямъ, я еще не былъ такъ измученъ, какъ вчера...

1-го сентября. — Ночь была холодная; утромъ въ 7^{1/2} ч. темп. не доходила до 9 гр.; ясно, солнце начинаетъ согрѣвать этотъ ледяной воздухъ. До сихъ поръ, несмотря на то, что сегодня седьмой день, что мы въ Роденицахъ, я ничего тебѣ не могу сообщить о самомъ мѣстѣ, котораго почти не видѣлъ; утромъ едва оглянешься — надо ѣхать на позицію, а возвращаемся обыкновенно такъ поздно, что ничего не видно. Селеніе это, какъ и большая часть видѣнныхъ мною здѣсь, расположено по склонамъ двухъ холмовъ, раздѣляемыхъ узенькой полосой воды, которую здѣсь обзываютъ рѣчкой; нашъ бивуакъ расположенъ наверху одного изъ холмовъ; гумно одного изъ болгарскихъ собственниковъ, оставленное кругомъ скирдами хлѣба, соломы, сѣна, обставилось теперь нашими палатками; моя стоитъ передъ одной изъ скирдъ ржи. На гумнѣ сосѣдняго болгарина помѣщена общая палатка-столовая, а на слѣдующемъ — палатка Государя, тоже между скирдами, но съ нѣсколькими деревьями. Немногіе раздобыли себѣ хаты, которыя, впрочемъ, мало представляютъ привлекательнаго; онѣ всѣ имѣютъ какой-то специфическій, не совсѣмъ пріятный запахъ, и очень богаты блохами, мухами, даже вшами; впрочемъ хаты въ Роденицахъ несравненно лучше, чѣмъ въ Чаушъ-Махагъ и Горномъ-Студнѣ, гдѣ размѣры были такъ малы, что нельзя было вставать во весь ростъ. Вчера мнѣ пришлось навѣстить больного, одного изъ тѣхъ англичанъ, которые, помнишь, пріѣхали вдвоемъ въ нашу главную квартиру, какъ туристы, въ оригинальныхъ шляпахъ въ родѣ касокъ. Одинъ изъ нихъ, подѣ Плевной, проводя ночи на соломѣ, иногда безъ ѣды, расхворался, и пріѣхалъ сюда лечиться отъ кроваваго поноса и лихорадки. Я вчера у него былъ въ хатѣ, состоящей изъ двухъ комнатъ; въ одной, первой, спали хозяева хаты — человекъ семь — всѣ на полу въ одинъ рядъ, мужчины, женщины, дѣти, дѣвки; въ другой комнатѣ помѣщался англичанинъ, размѣстившійся здѣсь со своимъ англійскимъ комфортомъ на отличной постели, съ англійскими одѣялами; на полкахъ стояли уже различные англійскіе консервы. — Послѣ дождей мухъ стало меньше, холодныя ночи

ихъ очевидно одурѣваютъ; онѣ еще далеко не всѣ проснулись и теперь, въ десятомъ часу, вѣрно держась на потоложѣ нашихъ палатокъ. Уѣзжая на позицію, мы обыкновенно веземъ туда и своихъ мухъ на нашихъ собственныхъ спинахъ, а также на спинахъ кучеровъ и лошадей; это преслѣдующее челоуѣка насѣкомое на казенный счетъ добирается до позиціи и тамъ продолжаетъ кормиться нашимъ завтракомъ; на возвратномъ пути онѣ бучами собираются уже на ночлегъ на тѣхъ же спинахъ и преспокойно доѣзжаютъ до нашего бивуака. Къ сожалѣнію, дорога отсюда до позиціи мало представляетъ интереснаго, и по неволѣ заставляеть дѣлать эти наблюденія за мухами. Видовъ по дорогѣ красивыхъ нѣтъ; большая часть ея проходитъ вдоль полей, изрѣдка только обработанныхъ подъ кукуруу; деревья встрѣчаются одиночныя, чаще же невысокій кустарникъ-дубнякъ, изрѣдка стада воловъ, барановъ; всего чаще попадаются по дорогѣ зарядные ящики. Одной изъ самыхъ интересныхъ встрѣчъ по этой дорогѣ представляются группы выселившихся болгаръ изъ своихъ селеній со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ; они кочуютъ отдѣльными партіями, состоящими изъ десяти и двадцати семействъ; у каждаго возъ съ ихъ добромъ, и около воза располагается семья; посредствомъ вѣтвей они устриваютъ себѣ маленькіе навѣсы около возовъ, небольшіе опорты, отдѣляющіе ихъ отъ сосѣдней земли; тутъ они варятъ себѣ пищу и проводятъ свой день, держа свои стада въ отдѣльныхъ загонахъ. Проѣзжая эти выселки днемъ, нельзя не любоваться красивой картиной цѣлой массы живописно разбросанныхъ высокихъ возовъ, перевитыхъ и окруженныхъ зеленью, въ которой стоятъ или лежатъ разнообразно одѣтыя фигуры мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Проѣзжая эти кочующія селенія ночью, иногда, если не очень поздно, видишь цѣлую массу огней, около которыхъ грѣются семьи, приготовляя свой ужинъ. Одно изъ большихъ для меня испытаній — возвращеніе домой вечеромъ въ темнотѣ; ночи здѣсь такъ темны, какъ это только бываетъ на югѣ; дорога очень дурная, съ узкой колеей; коляска безпрестанно наклоняется то вправо, то влево, давая каждый разъ ощущеніе неизбежнаго паденія; до сихъ поръ я еще не падалъ, но другіе испытали уже это удовольствіе; вчера опрокинулась коляска Мезенцева, впрочемъ очень благополучно; четвертаго дня опрокинули телѣгу съ прислугой и изломали одному лакею ключицу, и теперь, конечно, примутъ какія-нибудь мѣры. Впрочемъ, теперь предстоятъ лунныя ночи; вчера уже до нѣкоторой степени новорожденная луна намъ освѣщала путь; лошади везли великолѣпно, и мы быстро, меньше чѣмъ въ два часа,

добрались до дому. Сегодня выѣзжаемъ въ 11 часовъ, до сихъ поръ никакихъ извѣстій съ позицій. Вчера наши войки, геніи доморощенные, говорили, что будь еще двѣ дивизіи, то Плевна была бы вчера нашей; но такъ какъ этихъ двухъ дивизій не имѣется, да и не предвидится ихъ имѣть, то дай Богъ теперь только держаться; если, какъ говорятъ, у турокъ мало осталось запасовъ,—шпіоны разсказывали, что у нихъ выстрѣловъ только на два дня,—то возьмемъ, а не то придется отступить (возмутительное дѣло!!..). Если не поздно вернусь съ позиціи, то побѣсѣдую еще сегодня.

9 час. вечера.—Въ шесть мы вернулись съ позиціи; извѣстія были неутѣшительныя съ лѣваго фланга, гдѣ Скобелевъ вчера отбилъ пять атакъ, а послѣ шестой принужденъ былъ отступить съ громадной потерей, оставивъ непріятелю три пушки. На лѣвомъ флангѣ считаютъ раненыхъ до 10 тысячъ!! До сихъ поръ Плевна при третьемъ урокѣ обошлась намъ, вѣроятно, тысячъ въ 15 раненыхъ; сколько именно потери—до сихъ поръ неизвѣстно. Но врядъ-ли и этотъ урокъ принесетъ пользу людямъ, лишеннымъ отъ природы того, что нужно для веденія большого дѣла, —чтобы этого не было. Къ сожалѣнію, перевязочный пунктъ для лѣваго фланга такъ далекъ, что немислимо мнѣ туда забраться, и сегодня я отправился въ румынскій перевязочный лазаретъ. Тамъ я засталъ уже очень немного раненыхъ,—всѣхъ уже отправили на Никополь въ Турнъ. Оставшіеся раненые лежатъ въ палаткахъ на циновкахъ, подъ которыми положена была солома; рубашка въ крови не мѣнялась со дня раненія, съ 30-го августа. У румынъ бѣлыя нѣтъ; перевязочныхъ средствъ, повидимому, тоже мало, потому они не сжигаются, а моются и идутъ снова въ дѣло. На румынскомъ перевязочномъ пунктѣ большое обиліе врачей: гдѣ я былъ—считали 22 врача, кромѣ которыхъ порядочное количество фельдшеровъ, санитаровъ; сестеръ совсѣмъ не было; вмѣсто нихъ—какая-то румынская знатная дама. Черезъ этотъ пунктъ съ 30-го августа прошло 730 раненыхъ. Я не вынесъ пріятнаго впечатлѣнія изъ румынскаго перевязочнаго пункта: сухо, жестко, казенно. Врачи выспавшіеся, сытые, вымытые; не то, что у насъ, гдѣ врачамъ приходится дѣлать неимоверныя усилія, чтобы очистить перевязочный пунктъ отъ постоянно нарастающей массы. Сегодня я еще не былъ на нашемъ пунктѣ; сейчасъ вернулся оттуда Ковалевскій и сообщилъ, что значительная часть уже вывезена. По дорогѣ на позицію и оттуда намъ пришлось ѣхать все время между шпалерами идущихъ и ѣдущихъ раненыхъ. Кто только раненъ въ руку—молилъ, чтобы его пустили

пѣшкомъ и не задерживали бы; нѣкоторые даже съ ранами ногъ предпочитали идти пѣшкомъ, чѣмъ оставаться ждать подводъ. Тяжелый былъ видъ этихъ изувѣченныхъ, черезъ силу тащившихся въ Булгарени, въ разстояніи 30 верстъ отъ перевязочнаго пункта. По нераспорядительности администраціи солдаты, принесенные къ перевязкѣ 30-го августа вечеромъ, получили первую ѣду только 31-го вечеромъ, оставаясь болѣе двухъ сутокъ безъ ѣды; одни сутки дрались, а вторые—лежали у перевязочнаго пункта. Сестры, врачи оставались на однихъ сухарахъ, и все это благодаря тому, что не умѣли въ время объ этомъ подумать. Вернувшись на позицію, я узналъ, что турки, цѣлый день не сдѣлали ни одного выстрѣла изъ орудія, и всѣ изумлены были этимъ фактомъ, объясненіе котораго предоставлялось общей догадливости. Одни—оптимисты—говорили, что турки, отгѣснивъ Скобелева и освободивъ себѣ выходъ, уходятъ изъ Плевны; другіе—пессимисты—утверждали, что послѣ затишья начнется ожесточенная атака на обѣихъ флангахъ, и мы принуждены будемъ отступить. Другіе, наконецъ,—изъ среднихъ между оптимистами и пессимистами—утверждали, что турки разстрѣляли всѣ свои патроны и ждутъ подвоза новыхъ. До 4-хъ часовъ задача эта не разъяснилась, и мы уѣхали. Вотъ какъ мы воюемъ? Завтра, кажется, не ѣдемъ на позицію—отдыхъ, который, впрочемъ, для меня теперь не нуженъ; мое время на позиціи послѣдніе два дня располагалось очень хорошо, благодаря близости перевязочныхъ пунктовъ; неприятныя мнѣ лица штаба главнокомандующаго при неудачѣ умѣютъ очень ловко скрываться, и я ихъ не видалъ совсѣмъ эти дни... По дорогѣ на позицію встрѣтилъ брата Верещагина—казака, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать изъ Россіи; онъ меня остановилъ и рассказалъ, что раненъ въ Бухарестѣ, а въ разговорѣ, между прочимъ, объявилъ мнѣ, что его брата (не художника) зарубили черкесы. Послѣ этого сообщенія разговоръ продолжался дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Я знаю, что всѣ братья Верещагинны дружно живутъ между собою, и такое сухое отношеніе къ смерти одного изъ нихъ можно только объяснить общей опасностью постоянно висящей на носу смерти...

Сейчасъ объявили, что идетъ курьеръ... Чѣмъ ближе подходитъ срокъ твой, тѣмъ тягостнѣе становится на душѣ, тѣмъ безотраднѣе глядишь на все окружающее. Я чувствую, что постепенно начинаю дѣлаться „брюнетомъ“ и теряю мои свойства „блондина“, а вернусь вѣроятно совсѣмъ брюнетомъ; я буду имѣть достаточное право на перемѣну цвѣта: я слишкомъ много пережилъ за это время скорби и досады, чтобы сохранить свои свойства

блондина. Но не буду говорить объ этомъ, не буду растревать своихъ ранъ, не буду прибавлять горя къ теперешнему положенію. Мы страдаемъ сравнительно меньше, чѣмъ цѣлыя массы, цѣлыя тысячи людей, оставшихся изувѣченными, потерявшихъ со-всѣмъ безвозвратно своихъ сыновей, своихъ мужей, своихъ отцовъ! Исторія найдетъ виноватыхъ, исторія не будетъ молчать и откроетъ истину; а теперь пока Л., Н. и компанія будутъ благодушествовать и смѣяться надъ этой исторіей... Одинъ человекъ, на которомъ жестоко отразится эта странная, невѣжественная кампанія—это Государь. Скорбь его дѣйствительно искренняя и горячая. Но знаетъ ли онъ, въ чемъ лежитъ причина всѣхъ этихъ погромовъ? Неизвѣстно. Его кругомъ обманываютъ, и кто же изъ специалистовъ рѣшится прямо и откровенно высказать свое мнѣніе; все окружающее не блеситъ такимъ гражданскимъ мужествомъ, которое бы давало право говорить правду тамъ, гдѣ нужно. Семь дней ѣздили мы на позиціи и смотрѣли, какъ убивали нашихъ людей, и пришли, кажется, къ тому заключенію, что Плевну этимъ способомъ взять нельзя: надо вести медленную по всѣмъ правиламъ осаду, съ земляными работами и пр. Заключение это слѣдовало сдѣлать не только послѣ второй атаки, но даже послѣ первой неудачи Шильдеръ-Шульднера. Но ни въ первой, ни во второй атакѣ главноначальствующихъ не было, а присутствовавшимъ въ обоихъ дѣлахъ не вѣрилось; дѣло, въ которомъ выбываетъ до 20 тысячъ народа изъ строя, а штабъ остается съ нами, путешественниками, на курганѣ идали отъ выстрѣловъ и даже не объѣзжаетъ позицій. Большая часть посылаемыхъ ординарцевъ возвращались съ развѣдомъ, дѣланныхъ на благородной и почтенной дистанціи отъ турецкаго огня. На вопросъ Государя, много ли раненыхъ, былъ обыкновенно одинъ отвѣтъ: „неизвѣстно“; на вопросъ же: „ты видѣлъ раненыхъ?“ — „не видалъ“, — отвѣчала большая часть ординарцевъ главнаго штаба, блестящаго своимъ серебромъ, но не всегда умомъ и храбростью.

Л. вздумалъ-было забраться на лѣвый флангъ къ Скобелеву и вздумалъ поучать, не зная совсѣмъ мѣстности цѣлой части лѣваго фланга; тогда Скобелевъ предложилъ ему съѣздить вмѣстѣ на позицію и крикнулъ подать лошадей генералу и свой значокъ. Л. отказался подъ предлогомъ, что ему надо спѣшить на правый флангъ. Кровь русскаго солдата не дорога этимъ легкомысленнымъ героямъ; одинъ ихъ разстрѣливаетъ и увѣчить, другой морить ихъ голодомъ, и всѣ вмѣстѣ очевидно морочатъ, и всѣ вмѣстѣ сваливаютъ вину на малочисленность войска, въ чемъ яко-бы виноватъ Милютинъ. Эта кампанія тяжело отзо-

вется на всей странѣ и долго будетъ чувствоваться эта тяжесть. Въ концѣ концовъ утѣшительно только одно, что невѣжество и бездарность сотрутся и осязательно почувствуется значеніе знанія, ума и таланта. Россія не погибнетъ; она выйдетъ изъ этого затрудненія, но другіе дѣятели, другіе люди будутъ спасать ее. Сегодня, какъ я тебѣ сказалъ, на позицію мы не ѣдемъ, но отправимся, вѣроятно, въ Булгарени въ госпиталь...

35.

3-ю сентября. — ...Вчера были въ Булгарени — въ госпиталь, черезъ который проходятъ почти всѣ раненые подъ Шлевной, хотя и говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ направляются и на Горный Студень. Съ 31-го августа по 2-ое сентября вошло въ госпиталь, устроенный на 600 человекъ, болѣе 5 тысячъ раненыхъ; до трехъ часовъ вчерашняго дня уже три тысячи раненыхъ переправились дальше въ Систово, мы же застали тамъ 2.300! Можешь себѣ вообразить эту картину поля съ 30 палатками (въ каждой палаткѣ 20 человекъ) и 2 тысячи слишкомъ народа, изъ котораго только 600 подъ крышей. Большая часть валяется около палатокъ, прося ѣсть или перевязки. Многие не ѣли около полутора сутокъ, — все время переѣзда съ перевязочнаго пункта, — а нѣкоторые дня три оставались безъ перевязки. Въ госпиталь все хозяйство устроено только на 600 человекъ; десять врачей, работа день и ночь, конечно едва справляются съ больными, при помощи 20 сестеръ и нѣсколькихъ санитаровъ; госпитальные котлы, кухня отъ Краснаго Креста цѣлыя сутки въ работѣ, чтобы кормить людей, но скоро ли накормишь такую массу, медленно уменьшающуюся вслѣдствіе недостатка подводъ, на которыхъ можно было бы отпускать больныхъ дальше въ Систово и Зимницу. Результатомъ нашего вчерашняго посѣщенія было то, что откроется на промежуточной станціи лишній питательный пунктъ (въ Породимѣ) и не будутъ повторяться случаи въ родѣ того, какъ на дняхъ цѣлый транспортъ больныхъ былъ брошенъ на дорогѣ болгарями, которые отпрагли своихъ воловъ и ушли съ ними въ поле, ссылаясь на то, что волъ, простоявши безъ корма сутки у перевязочнаго пункта, дойти до Булгарени не можетъ. На перевязочныхъ пунктахъ бросалась въ глаза кровь, а здѣсь выступающимъ явленіемъ былъ голодъ и запахъ отъ нечистыхъ ранъ. „Хотя бы добраться до машины!“ — слышится въ разныхъ концахъ этого усѣяннаго страдальцами поля. — „Ваше благородіе, прикажите покорить!“

—Признаюсь, эта послѣдняя фраза горько отзывается и становится еще прискорбнѣе, если вспомнить, что вина этого лежитъ въ недостаточной организаціи. А на вопросъ Государя: „ѣли ли вы?“—всѣ закричали въ одинъ голосъ: „ѣли, в. и. в—во!“—„Хватаетъ ли у васъ перевязочныхъ средствъ?“—спрашиваетъ онъ главнаго доктора.—„Хватаетъ, в. и. в—во“. За полчаса до пріѣзда Государя мнѣ говорили, что едва-едва остается перевязочныхъ средствъ, —еще нѣсколько раненыхъ, и нечѣмъ перевязывать. Что же прикажешь дѣлать съ этимъ народомъ? Ч. при мнѣ сталъ упрекать Склифассовскаго, консультанта хирурга болгарскаго госпиталя, въ томъ, что онъ причиной такого скопленія раненыхъ въ этомъ пунктѣ; что, желая осматривать самолично каждого больного, онъ, Склифассовскій, задерживаетъ кучу легкихъ, которыхъ могли бы безъ него перевязать сестры. Какъ я сказалъ прежде, это обвиненіе несправедливо: задерживаются большие недостаткомъ подвоза, а не медицинской помощью. Защищаясь, Склифассовскій высказалъ весьма печальное наблюденіе, сдѣланное имъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ сутокъ работы; оказывается, что очень много,—по словамъ Склифассовскаго, можно составить цѣлый полкъ изъ симулантовъ, т. е. ранившихъ себя въ пальцы по примѣру храбраго сербскаго войска. По преимуществу эти храбрецы изъ татаръ и евреевъ. Хотя это и человѣчно, но тѣмъ не менѣе очень печально, тѣмъ болѣе, что въ дивизіи Имеретинскаго 32⁰/₀ татаръ. Когда дивизія проходила черезъ Горный-Студень, то изъ нея поступило 180 человѣкъ больныхъ и всѣ сомнительнаго свойства; мы ихъ тогда считали уставшими; теперь же, встрѣчая татаръ съ ранеными пальцами лѣвой руки, начинаешь невольно предполагать и другія причины. При бѣгломъ осмотрѣ раненыхъ дѣйствительно пальцевыя раны бросаются въ глаза. Нельзя этому однако же удивляться: солдатъ видятъ въ туркахъ сильнаго и даже болѣе сильнаго врага; турки защищены окопами и имѣютъ громадное преимущество въ оружіи; ружье ихъ стрѣляетъ втрое чаще нашихъ и вдвое дальше. Какъ не озадачиться при этомъ ружейномъ трескѣ, выгоняющемъ изъ строя въ теченіе какихъ-нибудь пяти, шести часовъ чуть не десятковъ тысячъ людей!! При осмотрѣ госпиталя Государемъ вышла небольшая исторія: нѣсколько сестеръ милосердія словесно просили Государя приказать выдать имъ жалованье (30 р. въ мѣсяцъ отъ военнаго министерства)... Неизвѣстно, что изъ этого выйдетъ. Пока Государь ходилъ между ранеными по полю, румынскіе мужики, вѣроятно извозчики, тоже подошли съ чѣмъ-то; судя же по жестамъ и выраженіямъ лицъ—съ какими-нибудь жалобами и денежными претензіями. Послѣднее

обстоятельство ужасно возмутило моего великорусскаго ямщика: „ишь подлый народъ! тутъ кровь, смерть, а они все денегъ хотятъ“. — Сейчас вернулся съ завтрака, на которомъ были всѣ наши герои и главнокомандующій, и принцъ Карлъ, и Скобелевъ, и наконецъ донъ-Карлосъ. Скобелевъ ѣдетъ отдыхать въ Бухарестъ, потерявъ изъ своихъ 11-ти тысячъ штыковъ, кажется, 9 тысячъ. Главнокомандующій, а также и мы уже завтра отправляемся снова въ Горный Студень. Наша западная армія. остающаяся подъ Плевной, будетъ держаться, окапываясь и подкапываясь. Вчера была тамъ драка съ румынами; турки были отбиты. На лѣвомъ нашемъ флангѣ, говорятъ, Сулейманъ соединился съ Мехметомъ-Али, и, по моимъ стратегическимъ соображеніямъ, только теперь и слѣдуетъ ожидать событій. По послѣднимъ вѣрнымъ извѣстіямъ съ поля битвъ подъ Плевной подобрано было раненыхъ 13.100 человекъ!? Число убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и перебѣжавшихъ (были и такіе у Имеретинскаго) пока не приведено въ извѣстность. О самораненіяхъ, о перебѣжчикахъ не смѣютъ доложить; каждый, доносящій о потерянномъ дѣлѣ, объ отступленіи съ громаднымъ урономъ, считаетъ долгомъ прибавить: „тѣмъ не менѣе, духъ войскъ отличный, люди отступали въ порядкѣ, съ пѣснями“. Какъ бы ни были храбры люди, какъ бы ни былъ хорошъ такъ называемый духъ арміи, но всѣ эти свойства должны поддерживаться удачами; при такихъ же условіяхъ, въ которыхъ мы до сихъ поръ находимся, когда куда ни сунемся, всюду насъ бьютъ, истощатся эти качества нашего солдата, — пропадутъ и храбрость, и стойкость. Сейчасъ опять отправляюсь въ госпиталь — что-то увижу утѣшительнаго?!

Вечеромъ. — Температура воздуха еще 15 гр.; не сыро, дышется пріятно, луна свѣтитъ, но на душѣ не свѣтлѣе отъ этого. Сегодня опять былъ въ госпиталѣ — и тѣ же сцены, чтѣ и вчера, тотъ же крикъ: „прикажите покормить, три дня не ѣлъ!“ „прикажите перевязать, три или четыре дня не перевязаны!“ — такая же масса больныхъ на открытомъ воздухѣ безъ пристанища, какъ будто никто не притронулся къ этимъ несчастнымъ, а между тѣмъ сегодня 1.500 человекъ уже отправлены въ Сястово, но на ихъ мѣсто прибыло столько же. Несчастные врачи ходятъ какъ одурѣлые и очевидно сбились съ ногъ. Правда, ѣды мало, но и это малое расходуется безъ порядка; больные, съ ранами на рукахъ, съ здоровыми ногами, пробираются въ кухни и выхлопываютъ себя ѣду и при удачѣ получаютъ двойную, иногда и тройную порцію; безногіе остаются около сутокъ въ телѣгѣ безъ перевязки и безъ ѣды полтора сутокъ; организація очевидно неудовлетвори-

тельная. Склифассовскій занимается накладываніемъ сплошь и рядомъ гипсовыхъ повязокъ, вполне увѣренный, что всѣ накормлены. Впрочемъ, надо отдать ему и его помощникамъ полную справедливость: въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ 27-го августа по 3-е сентября включительно они отпустили въ Систово около 6 тысячъ раненыхъ, а осталось ихъ 2.500 человекъ. Возмутительно и безсовѣстно со стороны администраціи наваливать такую работу на личный и матеріальный составъ одного госпиталя. Прокормленіе госпиталя идетъ отъ знаменитаго „товарищества“, которое morило съ голода наше войско, и теперь ему предоставлено морить и нашихъ больныхъ и раненыхъ. Товариществу неудобно, — оно и оставляетъ народъ безъ хлѣба и безъ сухарей; мяса хватаетъ. Странное явленіе: люди молятъ о хлѣбѣ въ странѣ, которая утопаетъ въ хлѣбѣ! Сегодня я прошелся по деревнѣ, которая буквально запружена скирдами хлѣба. Замѣчательно, что этотъ фактъ повторялся во всѣ наши многочисленныя турецкія войны; русскіе ни разу не сумѣли воспользоваться богатствами Болгаріи; скотъ, сѣно, хлѣбъ обыкновенно для насъ пропадали; нынѣшній разъ мы были, кажется, счастливѣе относительно скота: его рѣдко не хватаетъ и нерѣдко онъ даже въ избыткѣ, конечно по временамъ, когда отобьютъ какой-нибудь скотъ у турокъ, и когда одна рота дѣлаетъ подарокъ другой въ видѣ нѣсколькихъ воловъ или барановъ. Безъ сомнѣнія, не одному турецкому скоту достается отъ нашихъ солдатиковъ, — очевидно и болгарскій скотъ обзывается иногда турецкимъ и таскается. Намъ разъ пришлось видѣть презабавную картину, какъ подъ вечеръ цѣлая масса болгаръ, женщинъ и мужчинъ, опрометью бѣжали по полю; мы долго не понимали причину этого проявленія жизни въ этомъ мало подвижномъ народѣ — и что же видимъ: вдали — пара овецъ, а въ сторонкѣ трое солдатиковъ, пробирающихся къ стаду. Нельзя винить и солдата: части, прокармливаемые „товариществомъ“, говорятъ, не получали ничего дня по два. Я писалъ тебѣ изъ Плоэшти, какъ поразилъ меня похудалый видъ солдатъ, проходившихъ черезъ Румынію; тогда я приписывалъ это жарамъ, но очевидно ошибочно: вліяніе „товарищества“ было вѣроятно болѣе сильно. Теперь мнѣ случается встрѣчать безсрочныхъ, догоняющихъ свои части и питающихся на счетъ „товарищества“ — они значительно лучше питаны, имѣютъ такой цвѣтуцій видъ, отъ котораго мы здѣсь уже отвыкли. Завтра, послѣ завтрака, отправляемся опять въ Горный-Студень въ экипажахъ, но нашъ обозъ двигается въ 7 часовъ утра; надо будетъ подняться въ 6 часовъ, чтобы сдать свою палатку и вещи и затѣмъ скитаться безъ пристанища до завтрака...

Теперь уже бьют зорю; надо запастись паролемъ, а то не вступить на гумно, гдѣ наша столовая. Здѣсь при каждомъ домишкѣ большое гумно, и каждое хозяйство обнесено такимъ валомъ, который можетъ служить защитой противъ сильнаго нападенія. Эти канавы кругомъ всей собственности обыкновенно глубже человеческого роста, и стѣнки ихъ совершенно перпендикулярны,—перелезть, перескочить невозможно; у входовъ стоятъ всюду часовые съ требованіями пароля или пропуска... Итакъ, до Горнаго Студня.

Горный-Студень, 4-го сентября.—Тяжелый день выпалъ на наши плечи: около трехъ часовъ было 28° въ тѣни, когда мы тащились въ нашей коляскѣ по пыльной и крутой дорогѣ изъ Булгарени на Чаушъ-Махаль и Горный Студень; въ пятомъ часу добрались и сюда. Я былъ жестоко измученъ; скорбное настроеніе души въ теченіе всѣхъ этихъ дней меня просто подшибло; еслибы могъ, то плакалъ бы какъ ребенокъ. Плевна со всѣми мерзостными ея атрибутами, ежедневныя поѣздки въ болгаренскій госпиталь съ неизбѣжными жалобами больныхъ, что по полутора сутокъ остаются безъ пищи, трое сутокъ безъ перевязки — все это порядкомъ растрепало мои нервы, которые наконецъ сегодня повліяли и на мои силы. Сегодня я опять былъ въ госпиталь съ Государемъ и, пріѣхавъ туда раньше часа на полтора, я могъ убѣдиться во очію, какъ нагло и безсовѣстно ему лгали.—„Ты когда прибылъ?“ —спрашиваетъ онъ одного съ окровавленной, вонючей перевязкой.—„Только сегодня“,—спѣшитъ отвѣтить главный врачъ; а я узналъ послѣ, что больной уже третій день изъ транспорта ждетъ своей очереди. Конечно, всего меньше можно винить врачей, на долю которыхъ пришлось за всѣ эти дни перевязать и отправить дальше около 7 тысячъ раненыхъ. Но зачѣмъ же морочить?!—Сегодня тамъ были и медицинскія власти, П., К. и другіе.—У васъ люди по полутора сутокъ остаются безъ ѣды, — говорю я П.—у. „А въ ротахъ они остаются по шести сутокъ безъ ѣды и идутъ затѣмъ въ бой“, — отвѣчаетъ мнѣ П., въ мое успокоеніе и въ свое оправданіе.—Зачѣмъ вы не открыли еще госпиталя? развѣ возможно съ персоналомъ въ 10 человекъ пропустить всю эту массу раненыхъ? — „Спросите инспектора госпиталей К.,—отвѣчаетъ мнѣ П.:—онъ вамъ отвѣтитъ, что у него нѣтъ палатокъ для этихъ госпиталей; палатки только недавно были заказаны и нѣкоторыя изъ нихъ еще до Бухареста не добрались...“ Однимъ словомъ, правы П. и К., „виновата кошка Машка“. Какъ мы иногда утѣшали дѣтей въ былые годы. Всего болѣе виновать—это штабъ съ его затѣями подрядовъ. Сегодня, впрочемъ,

я могъ себя утѣшить только тѣмъ, что кормѣжка стала производиться правильно, что безногіе, привозимые на телегахъ и прикованные къ нимъ, получаютъ ѣду вмѣстѣ съ другими...

Въ то время, когда у меня на душѣ кипѣло негодованіе, скорбь, мнѣ начинаютъ предлагать *взглянуть* „интересныхъ“ больныхъ. — Погодите, я еще не опомнюсь отъ этихъ кривыхъ массы голодныхъ людей, у меня голова неспособна совмѣщать интересъ медицинскаго случая съ фактомъ истребленія людей — вслѣдствіе неравешества, злоупотребленія... Дайте опомниться, тогда и посмотрю ваши „интересные“ случаи, но прежде накормите неинтересныхъ... Теперь эти 7 тысячъ раненыхъ, разбитыхъ на партіи по 1000, по 1.500, направлены всѣ въ Систо и Зимницу и тамъ начнется то же мытарство, вытаскиваніе съ телегъ, сортировка раненыхъ, перевязка, голоданіе по суткамъ и болѣе. Сегодня четвертый день, что я смотрю на эти сцены, и ты повѣришь, что могутъ устать нервы... Меня подняли утромъ вмѣстѣ съ пѣтухами; еще до восхода солнца я былъ уже на ногахъ, а въ 6 часовъ на мѣстѣ моей палатки остался только квадратъ на землѣ, указывавшій на то, что здѣсь что-то квадратное стояло; благодаря вниманію Антона, на квадратѣ этомъ остались два пустыхъ ящика, которыми мы и пользовались, какъ стульями, до 11 часовъ...

5-го сентября. — Сегодня ждемъ курьеровъ — и легкаго, и тяжелаго; это дни нашихъ праздниковъ, — другихъ здѣсь нѣтъ, одинъ день какъ другой; рѣдко кто знаетъ, что сегодня — четвергъ или суббота; я обыкновенно не имѣю никакого понятія о дняхъ, твердо только знаю числа, потому что изо дня въ день бесѣдую съ тобою...

Умоляю меня простить всѣхъ моихъ друзей и пріятелей за то, что не пишу; тебѣ я пишу все, что знаю. Что можно, то ты читай всѣмъ, кто интересуется этимъ, удерживая про себя то, что для тебя. Друзей я помню и люблю, но писать рѣшительно не въ состояніи; если получаю отъ нихъ — такъ, какъ отъ Головина — письма, то глубоко и искренно имъ благодаренъ за память; но писать мнѣ хочется только тебѣ, я совершенно особенно настроенъ — и такъ, что могу быть сообщителемъ только съ тобою. Тебѣ выливаю я свою душу; выбери изъ нея что знаешь и давай другимъ, которыхъ я люблю...

6-ю сентября. — ... Несмотря на то, что по термометру не холодно, а в действительности такъ холодно, что я сижу въ палаткѣ въ пальто и въ шапкѣ. Съ нынѣшняго раняго утра поднялся сильнѣйшій вѣтеръ не то съ юго-запада, не то съ юго-востока, — не разберешь, — иногда же врывается и въ сѣверную сторону палатки. Вѣтеръ такъ силенъ, что + 16 градус. недостаточны, забнешь препорядкомъ...

Со вчерашняго дня въ Горный-Студень перебрался главный штабъ. Подъ Плевной дѣлать нечего, тамъ идетъ правильная осадная работа, мы имѣ, дескать, тамъ будемъ только мѣшать, здѣсь же центръ всей позиціи, около которой будетъ располагаться армія. Кромѣ дѣла подъ Шипвой съ 400 ранеными, все тихо; вѣроятно ждутъ, что будутъ дѣлать турки, такъ какъ нашихъ подкрѣпленій пришло еще недостаточно. Вчера заходилъ ко мнѣ главный интендантъ Кауфманъ, пріѣхавшій изъ Питера, чтобы приводить въ порядокъ интендантскую часть. Человѣкъ умный безъ сомнѣнія... Товарищество онъ оправдываетъ, говоря, что безъ него, можетъ быть, было бы еще хуже; не допускаетъ возможности, чтобы солдаты по цѣлымъ днямъ оставались безъ ѣды, сваливая во многомъ вину на начальниковъ отдѣльныхъ частей. Напримѣръ, фуражъ натурой военачальники терпѣть не могутъ, предпочитая деньги, и т. д. Все это на меня произвело впечатлѣніе мало утѣшительное; врядъ-ли онъ въ состояніи поправить дѣло. На заявленіе моего удивленія, что люди здѣсь нуждаются въ хлѣбѣ, въ снѣгѣ, а Болгарія вся утопаетъ въ этомъ матеріалѣ — онъ далъ такое объясненіе: въ Болгаріи хлѣба не пекутъ, муки не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ зернѣ не можетъ быть употребленъ нами, мельницъ же здѣсь мало, а потому нужно вести хлѣбъ издалека. — Ну, послѣ такихъ аргументовъ я принужденъ убѣдиться, что для интендантскаго дѣла надо имѣть особую мозговую функцію, а не общую. — Сѣно нельзя косить, потому что не определено, кому оно принадлежитъ — болгарамъ или туркамъ!!.. Вечеромъ, уже послѣ обѣда, пріѣхалъ сюда Абаза для объясненій съ военными властями по поводу транспортовъ больныхъ изъ Яссъ. Анненковъ отъ военнаго министерства въ Яссахъ дѣлалъ различнаго рода затрудненія, которыя Абаза думалъ уладить послѣ личныхъ объясненій съ министромъ; повелъ я Абазу къ Милютину, и тутъ при разговорѣ съ новымъ лицомъ я могъ убѣдиться, до какой степени всѣ мы стали нервны...

Дѣйствительно досадно было слушать, когда человекъ съ ужасомъ говорилъ о томъ, что раненныхъ и больныхъ перевозятъ въ вагонахъ безъ соломы, когда на нашихъ глазахъ раненныхъ тащатъ въ телегахъ по северной дорогѣ и тоже безъ достаточнаго количества соломы, когда раненные по трое сутокъ остаются безъ ѣды. Положеніе наше невеселое, еслибы были еще однѣ только неудачи, такъ съ этимъ еще можно бы справиться; но бѣда наша въ томъ, что у насъ вѣра пропала въ то, что теперешній личный составъ штаба въ состояніи что-нибудь сдѣлать. Это отсутствіе вѣры, мнѣ кажется, составляетъ самое тяжелое въ нашей теперешней жизни. Вчера побывалъ въ здѣшнемъ госпиталѣ; онъ биткомъ набитъ ранеными по преимуществу изъ-подъ Ловчи и отчасти только изъ-подъ Плевны, откуда всѣ 9.500 раненныхъ прошли почти исключительно черезъ Булгарени и оттуда въ Систово. За это время, что насъ здѣсь не было, госпиталь сильно измѣнился; несмотря на то, что больные въ палаткахъ, показалась вонь человѣчиной, вонь гноемъ; большая часть все тяжелые случаи; не отрадное впечатлѣніе производятъ эти уже истощенныя лица раненныхъ, лежащихъ нѣсколько недѣль въ госпиталѣ и прошедшихъ мытарства транспорта. Впрочемъ, содержаніе больныхъ, уходъ—очень порядочны. Врачи дѣлаютъ, что могутъ; не ихъ вина, что госпитали въ Болгаріи вдвое меньше, чѣмъ слѣдуетъ даже по закону...

7-го сентября.—У насъ ночь была неважная; вчера цѣлый день сыро, вечеромъ темп. 12 гр., а подъ утро дошло до 8, затѣмъ поднялся вѣтеръ, и къ 12 часамъ, несмотря на 15 гр., было опять такъ холодно, что я сидѣлъ въ палаткѣ въ пальто, съ пледомъ и въ шапкѣ—и жары не чувствовалъ. Ночью все теплое, что у меня есть, лежало на мнѣ...

За эти сутки ничего новаго; у насъ все въ уныніи, исключая Государя, который до такой степени сохраняетъ спокойствіе и даже по временамъ хорошее расположеніе духа, что, глядя на него, невольно и у насъ, грѣшныхъ, становится легче на душѣ. Вѣроятно же у него есть какія-нибудь данныя, въ силу которыхъ онъ спокоенъ; вѣдь мы не все же знаемъ; а можетъ быть и онъ не все знаетъ! Около него абсолютно никого нѣтъ, кто бы рѣшился высказать всю правду со всѣми ея подробностями. Послушаешь одного, послушаешь другого—и въ ужасъ приходишь отъ различныхъ соображеній насчетъ кампаніи, если все пойдетъ старымъ порядкомъ. Но на вопросъ: „говорили ли вы это Государю?“—одинъ и другой даютъ одинъ отвѣтъ: „да какъ же говорить объ этомъ?“ Таковы наши люди, на которыхъ лежала

бы прямая обязанность честно и прямо высказать свое мнѣніе тамъ, гдѣ слѣдуетъ; мнѣніе этихъ людей, специалистовъ своего дѣла, имѣло бы вѣсъ и значеніе у Государя. Эти люди могли бы фактически доказать несостоятельность теперешняго управленія арміи; они бы имѣли данныя доказать необходимость самыхъ существенныхъ перемѣнъ. Государь, какъ честный человѣкъ, не выносить интригъ, не выносить клеветы, но онъ горячо желаетъ добра и настолько опытенъ и знающъ въ дѣлахъ управленія, что честная, прямая и разумная рѣчь не можетъ остаться безъ вліянія на его рѣшеніе. Я не сомнѣваюсь ни въ честности, ни въ разумности нѣкоторыхъ изъ окружающихъ, но придворная жизнь убиваетъ одно изъ дорогихъ человѣческихъ свойствъ, это—*прямоту*. Инстинктъ придворнаго самосохраненія каждому подсказываетъ: молчи, пока тебя не спросятъ; отклоняйся отъ прямыхъ отвѣтовъ, да благо ти будетъ.—Сейчасъ вышелъ отъ меня И-въ-счастливецъ, захворалъ еще въ Бѣлѣ лихорадкой, и она уже не разъ у него повторялась, что дало Государю мысль предложить ему перемѣнить воздухъ и ѣхать въ семью; онъ очень счастливъ: повидимому онъ любитъ свою семью, а кромѣ этого его положеніе здѣсь не очень веселое; ему нрѣдко приходится чувствовать упрекъ, что онъ, между прочимъ, втянулъ Россію въ войну, что онъ не далъ настоящихъ свѣденій о силахъ Турціи, объ ея вооруженіи, которое оказалось гораздо лучше нашего, и пр. Жаль этого человѣка; я не сомнѣваюсь въ его честномъ и „національномъ“ направленіи, онъ образованъ, способенъ, но... не понимаю.

Такъ какъ никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о планахъ Государя относительно отъѣзда, то, конечно, всякій маленькій фактъ ведетъ къ тому или другому заключенію объ отъѣздѣ. Сегодня, вѣроятно по случаю холодной ночи, о которой я говорилъ Государю, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы было теплое платье людямъ. Сейчасъ же заговорили, что остаются на зиму... И-въ получилъ свой отпускъ; онъ тоже предполагаетъ, что останутся здѣсь долго. Но все это, какъ онъ сказалъ, вилами по водѣ писано. Я не теряю надежды, но, признаюсь, она почти рушилась относительно пріѣзда къ концу сентября; теперь я думаю, что дальше октября невозможно будетъ оставаться. Когда нашъ третій уловъ подъ Плевной не удался, то, конечно, мои первые расчеты выбраться въ концѣ сентября рушились; я пережилъ тяжелые дни вслѣдствіе глубокаго горя—горя моей родины. Теперь я какъ-то черствѣю; у меня на сердцѣ злоба, но бессильная, беспомощная. Я злоблюсь на легкое отношеніе къ дѣлу у нашего брата русскаго человѣка, на недостатокъ серьезности нашихъ военныхъ,

гоняющихся болѣею частью за вѣдѣнною стороною дѣла. Кто ѣздитъ хорошо верхомъ, тотъ и считаетъ себя способнымъ командовать цѣлыми частями; кто же изъ этихъ господъ занимался научно этимъ дѣломъ? Окончивъ курсъ въ училищѣ, врядъ-ли многіе изъ нихъ заглядывали въ спеціальныя военныя книги... Я увѣренъ, все-таки, что въ арміи найдется и другой родъ людей!.. Теперь вѣтеръ стихъ, и я больше не зябну, а когда былъ въ госпиталѣ, такъ даже дошло до испарины, солнышко припекало. — Не знаю, насколько правда (слышалъ отъ И-ва), что рекогносцировка Плевны по третьему даже разу была такъ плохо сдѣлана Л., что теперь только напелся какой-то хребетъ на нашей правой сторонѣ, по которому можно было свободно пройти до Плевны, захватить всю армію Османа. Очень вѣрно выразился одинъ изъ здѣшнихъ сострадаельцевъ: первое дѣло подъ Плевной было неосторожностью; второе — ошибкой, третье — преступленіемъ. Такого убѣжденіе наибольшей части здѣсь живущихъ. Конечно, въ нашей квартирѣ на той сторонѣ вѣроятно проповѣдуется что-нибудь совершенно другое. Тамъ, повидимому, недостатокъ числа войска съ самаго начала приводятъ какъ главный защитительный пунктъ; а затѣмъ идутъ побочныя причины неудачъ, между которыми фигурируетъ, кажется, наше присутствіе, которое яко бы мѣшаетъ, стѣсняетъ и пр. Прости меня, что я пережевываю всю эту исторію, но что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить; кампанія эта съ ея неудачами нанесла мнѣ глубокія и тяжелыя раны...

Къ счастью, стихло, ночь свѣтлая; на ночь не погашу свѣчей; это все-таки грѣетъ воздухъ; когда же соберутся въ палатку двое, трое, то становится почти жарко...

8-го сентября. — Холодно было съ вечера, подъ утро однако нашла облака, стало потеплѣе, посырѣе, пошелъ дождь, и Рылѣвъ, мой сосѣдъ по палаткѣ, услыхавъ мой утренній кашель, началъ мило интриговать, чтобы выжить меня изъ палатки и помѣстить безопасно подъ крышей; часамъ къ одиннадцати почти силой взяли все мое добро и перетасили въ болгарскій домъ, который только-что очистился вслѣдствіе отъѣзда И-ва, и теперь я на квартирѣ, въ двухъ минутахъ отъ нашего общаго бивуака, подъ соломенной изъ кукурузы крышей; домъ мой состоитъ изъ двухъ комнатъ; первая темная, съ большимъ каминомъ, гдѣ происходитъ у болгаръ стряпня, и вторая комната съ небольшимъ окномъ, конечно безъ стекла, съ деревянными перекладинами; первая комната такъ низка, что надо согнуться почти на половину своего роста, а вторая, моя жилая, не позволяетъ вытянуться мнѣ во весь ростъ; здѣсь, слѣдовательно, я обреченъ постоянно ходить съ

повигнутой головой и не разгибаться, но зато стѣны не проускают ни дождя, ни вѣтра, онѣ выстроены изъ здѣшняго материала, т.-е. изъ необожженныхъ глиняныхъ кирпичей, приготовляющихся вмѣстѣ съ соломой; снаружи и внутри смазываются все той же глиной; говорятъ, домъ старый, стоитъ сто лѣтъ; кругомъ меня въ различныхъ подобныхъ же домикахъ помѣщается нашъ различный служебный людъ и кое-кто изъ свиты. Въ скверную погоду, которая, кажется, солидно установится, такое помѣщеніе, конечно, несравненно лучше; въ хорошую же погоду здѣсь жить было бы великимъ наказаніемъ, хотя здѣсь не такъ жарко, какъ въ палаткѣ, благодаря крышѣ и толстымъ стѣнамъ. Вида изъ оконъ, конечно, никакого; на первомъ этажѣ какой-то плетень, а дальше холмъ, на которомъ стоитъ нашъ бивуакъ, но его не видно. Особенно выиграли Антонъ и казакъ, которымъ въ роковыхъ шалашахъ вѣроятно было невыносимо скверно. При этой дурной погодѣ въ палаткѣ мнѣ приходилось тоже не очень-то весело; кромѣ скверныхъ холодныхъ ночей, я страдалъ и днемъ отъ недостатка свѣта: поднять портъерку палатки—холодно; отереть только одно окно—такъ темно, что трудно даже писать; чтеніе шло еще труднѣе. Сегодня праздникъ, и я былъ въ церкви, которая очень красиво стоитъ на вершинѣ холма, на другой сторонѣ отъ нашего бивуака; церковь бѣдная и устроена годной къ службѣ уже нами; пять человекъ пѣвчихъ, вѣроятно также оторванныхъ отъ своихъ семействъ, поютъ съ большимъ чувствомъ; въ нихъ меньше той придворной рутинны, которую мнѣ пришлось слушать въ Ливадіи; нѣкоторые нумера были выполнены прекрасно...

М. А. Б. прежде всего должна, мнѣ кажется, получить разрѣшеніе отъ гр. Гейденъ; съ этимъ она пріѣдетъ, и лучше всего пусть бы устроилась при Георгіевской Общинѣ у Карцевой; здѣсь ей будетъ самая симпатичная обстановка. Но если М. А. Б. услышитъ мой голосъ, то не посовѣтовалъ бы я ей предпринимать это тяжелое дѣло: война не въ Европѣ; азіатская культура здѣшняго края тяжело отзывается на нашихъ силахъ; удобства жизни никакого; врачи нерѣдко спятъ въ открытомъ полѣ безъ всякой крыши; на перевязочныхъ пунктахъ подъ Плевной сестры едва могли достать солдатскихъ сухарей. Время года съ каждой недѣлей будетъ увеличивать всю эту тяжесть. Покойнѣе работать у Рихтера въ Румыніи, или у Абазы въ Яссахъ, или въ Кишиневѣ... Повторяю, нужны большія силы или привычка, чтобы биться здѣсь и работать съ больными. Биткомъ набитые госпитали, вонючіе, много берутъ силы, не говоря уже о нравствен-

ныхъ мукахъ вслѣдствіе сознанія безпомощности своего положенія. Ты можешь нарисовать комфортъ здѣшной жизни, если расскажешь про мое житье, а оно въ сравненіи съ другими является царскимъ комфортомъ. Мнѣ приходится выбирать: или жить подъ тряпочками сырыми (въ 3 ч. 10 гр. тепла), или помѣститься въ хатѣ, гдѣ я не могу вытянуться во весь ростъ, съ окномъ безъ стекла, съ дворомъ, гдѣ свиньи, утки, куры составляютъ преобладающій элементъ. Сестры здѣсь при госпиталѣ, въ числѣ десяти, помѣщены въ юртѣ, въ которой полагается класть не болѣе восьми больныхъ. Вчера при мнѣ въ желѣзномъ ведрѣ имъ принесли щей, въ другой кострюль котлеты рубленныя—битки, въ третьей кострюль—картофель жареный. Все это холодно, невкусно; ѣсть это нужно сидя на пустыхъ ящикахъ и держа тарелку въ одной рукѣ, а другою справляться вмѣсто вилки. Это еще въ Горномъ-Студнѣ, гдѣ удобства сравнительно чуть не большого города; отъ Систова, отъ нашего Парижа, мы только въ 30 верстахъ съ небольшимъ. Не буду говорить о работѣ, которая по временамъ превосходитъ человѣческія силы и требуетъ большого напряженія, чтобы одолѣть трудъ, тамъ на перевязочныхъ пунктахъ, или тамъ, гдѣ съѣзжаются раненые съ различныхъ пунктовъ. Люди остаются и безъ ѣды, и безъ перевязки по суткамъ и болѣе; все это кричить, стонеть, умоляетъ о помощи. Какія силы нужны, чтобы все это выдержать, чтобы не надорваться! Относиться же ко всему этому съ спокойствіемъ и равнодушіемъ привычнаго человѣка М. А.—не въ состояніи...

37.

9-го сентября. — Новостей никакихъ; все пережевываютъ плевненскую исторію, каждый день открывается какая-нибудь новая подробность. — Когда 31-го августа мы приѣхали на нашъ курганъ, мы узнали, что турки поставили за ночь новый редутъ, чуть не сильнѣе взятаго! Всѣ подивились такой быстрой работѣ; И-въ, по обычаю, заявилъ, что онъ всегда говорилъ, что турки замѣчательно быстро работаютъ лопатой. Теперь оказывается, что этотъ редутъ былъ и прежде, но при рекогносцировкѣ его не *примѣтили!!!* Это вѣдь преступные люди! Результатомъ этого являются такого рода рассказы, какъ я сегодня слышалъ отъ К. Б.; онъ работалъ во Фратештѣ и говорить, что легко раненые не рвутся, какъ прежде, къ своимъ частямъ, а просятся дальше; офицеры считаютъ себя обиженными въ наградахъ, ординарцы же получаютъ кресты; а они—ничего, или очень мало и т. п.

38.

10-го сентября. Вчера я долго не ложился спать; ночь была чудная, лунная, теплая; мнѣ не хотѣлось входить въ свою мрачную хату, гдѣ нужно гнуться въ три погибели, и я долго гулялъ. Всѣ огни въ Горномъ-Студнѣ были погашены; все спало, исключая часовыхъ и лающихъ и завывающихъ собакъ; изрѣдка только пролетала съ визгомъ какая-то хищная, ночная птица и исчезла только тогда, когда наконецъ захватила и унесла какую-то маленькую птичку, спавшую на деревѣ. Ночь была настолько свѣтла, что вся эта сцена была видна, и она сдѣлала на меня чрезвычайно неприятное впечатлѣніе, — хотя это явленіе и составляетъ обыденный, ежеминутный фактъ на нашей планетѣ. Но до сихъ поръ еще звучить у меня въ ушахъ жалобный пискъ пичужки и торжествующій визгъ хищника... Для сна моего теперешнее помѣщеніе не скверное, воздухъ не дурной, сухой, теплый настолько, что вчера я въ первый разъ послѣ многихъ дней позволялъ себѣ удовольствіе лечь совершенно раздѣтымъ. Заниматься въ этой комнатѣ невыносимо: низкій потолокъ таѣ и давить, выпрямиться невозможно безъ опасности разбить себѣ голову, и вчера я уже выхлопоталъ себѣ на дворъ мою палатку, гдѣ и провожу весь мой день, съ тѣхъ поръ, какъ стало тепло. Дворикъ мой не очень блеститъ чистотой, какъ и всѣ болгарскіе дворы; двѣ свиньи, повидимому, цѣлый день заняты очищеніемъ моего дворика и сегодня раза два порывались войти въ мою палатку, но, къ счастью, понимаютъ русское: „вонь!“ отъ котораго онѣ быстро исчезли. Два большихъ пса лѣниво слѣдятъ за чистотой дворика, подбирая только свѣжее; таѣ, не успѣлъ болгаринъ зарѣзать пару куръ, какъ явились уже псы подлизать пролитую чуть не по серединѣ двора кровь. Рядомъ съ моимъ дворомъ — тоже дворикъ, но обитатели его, лошади и волю, являются съ поля только на ночѣвку, днемъ ихъ нѣтъ. Меньшиковъ помѣщается на общемъ дворѣ со мною, въ старой И—вской хатѣ, рисунокъ которой я тебѣ и посылаю. Птицъ у нашего хозяина мало, осталось только нѣсколько утокъ; очевидно остальное все продано на нашу кухню. Семья хозяина я не вижу; она живетъ въ подземельѣ подъ моей комнатой и состоитъ, кажется, изъ мужа, котораго цѣлый день нѣтъ дома, изъ жены, которая не выходитъ изъ подземелья, и маленькой дочки лѣтъ двухъ, красиваго блондураго ребенка съ большимъ животомъ и лихорадочнымъ видомъ. Меньшикова цѣлый день нѣтъ дома; свита помѣщена довольно

далеко, и вслѣдствіе этого я наслаждаюсь самымъ идеальнымъ одиночествомъ. Сегодня послѣ завтрака я выбиралъ для тебя фотографіи, которыя и пошлю вѣроятно съ этимъ же курьеромъ. Не взыщи за выборъ; онъ очень труденъ: фотографъ гоняется, повидимому, болѣе за портретами, чѣмъ за мѣстнымъ колоритомъ. Здѣсь очень много оригинальнаго, просящагося на рисунокъ, но выборъ фотографа чрезвычайно безсмысленъ. Я вырылъ изъ его коллекціи все, чтѣ только было возможно, чтѣ немного характеризуетъ нашу жизнь, нашу обстановку...

Сегодня здѣсь много тревожныхъ слуховъ, но, кажется, еще ничто не вѣрно. Говорятъ, что Мехмедъ-Али напираетъ на Шаховскаго и силится прорвать оборонительную линію и отрѣзать Шаховскаго отъ Наслѣдника; съ другой стороны, толкуютъ, что къ Плевнѣ подходит Сулейманъ-паша, что Шипка будто не въ состояніи долго держаться. Однимъ словомъ, отовсюду дрянные слухи, но утѣшительно, что только слухи, а не извѣстія. Сейчасъ пришелъ изъ госпиталя; новыхъ раненыхъ подвозятъ изъ-подъ Плевны уже въ незначительномъ количествѣ, но зато число больныхъ, повидимому, увеличилось за эти скверныя, холодныя, сырыя ночи. Не мало случаевъ, и даже тяжелыхъ, кроваваго поноса; остальные все лихорадочные. Здѣсь оставляютъ только тяжелыхъ; легкихъ же, накормивши, отправляютъ дальше. Пробовалъ сегодня ѣду въ госпиталь и нашелъ ее очень порядочной. Мухи такъ надоѣдаютъ, что не могу писать. Во время этихъ холодныхъ дней эти пристающія къ человѣку насѣкомыя почти исчезли, устроившись и оковенѣвши на потолкахъ и другихъ теплыхъ уголкахъ; при первомъ тепломъ днѣ, какъ вчера, онѣ ожили и сегодня явились въ ужасающихъ размѣрахъ.

11-го сентября.—Сегодня я всю ночь провоевалъ, былъ на какомъ-то ужасномъ сраженіи, гдѣ цѣлая масса раненыхъ была не убрана, и я непомѣрно кипятился, скавалъ изъ одной стороны въ другую, требуя, чтобы ихъ убрали, но никто меня не слушалъ... Дня три назадъ, во время холодной погоды, Государь, который, въ общей сложности, себя очень хорошо чувствовалъ все время, простудился, осипъ и сталъ кашлять. На второй же день, однако, стало гораздо лучше, и онъ, конечно, не спросивъ меня, надѣлъ китель и отправился въ госпиталь, стоялъ въ свозникахъ, ходилъ по всѣмъ палатамъ и съ ныѣшней ночи залихорадиль. Я ему не совѣтую ѣхать къ обѣднѣ, боясь, что слѣдается съ нимъ дурно во время стоянія; не слушаетъ, говоритъ: „ничего, выдержу“. Онъ сталъ теперь очень своенравенъ: если ему камердинеръ совѣтуетъ надѣть теплое пальто, онъ непременно

надвнетъ холодное—и такъ постоянно во всемъ, что касается здоровья. Въ общей сложности онъ меня слушаетъ, но рѣдко безъ протеста. Пишу тебѣ объ этомъ, чтобы ты болѣе ясно могла обрисовать мое теперешнее нравственное настроеніе, которое все болѣе и болѣе дѣлаетъ меня, какъ я разъ сказалъ,—„брюнетомъ“. Здѣсь я съ утра обыкновенно „брюнетъ“, только къ вечеру нѣсколько разгуливаюсь и приобретаю прежнія свойства „блондина“. Вчера въ такомъ настроеніи я пригласилъ къ себѣ послѣ обѣда Ковалевскаго; устроились мы на воздухѣ, и онъ сталъ мнѣ читать газеты. Тутъ же я знакомился съ нравами моей болгарской семьи, которая, наконецъ, вся цѣликомъ выльзала изъ своего подвала и расположилась у входа. Оказалось, что въ семьѣ еще старуха 80-ти лѣтъ, мать хозяина, и затѣмъ дочка 9-ти лѣтъ—красивые ребятишки, турецкаго типа; жена хозяина старше мужа, ей 50 лѣтъ. Хозяинъ разложилъ свои одѣяла, легъ, а бабы съ дѣтьми усѣлись около него; разговоръ у нихъ не вазался; очевидно, наше чтеніе вслухъ имъ мѣшало,—они безпрестанно вслушивались и время отъ времени радостно подхватывали и повторяли какое-нибудь знакомое имъ слово, которое вырвутъ изъ нашего чтенія. Проведя около часа времени вмѣстѣ, они разошлись, не прощаясь; ушла прежде жена съ ребенкомъ, затѣмъ старуха мать отошла, помолилась и легла на землю, подстеливъ подъ себя какую-то тряпичку, затѣмъ и хозяинъ всталъ, снялъ съ себя жилетъ, поясъ, шапку, помолился и завернулся въ одѣяло съ намѣреніемъ уже серьезно спать. Въ подвалѣ они не спятъ, а проводятъ только день. Вчера только наконецъ я узналъ, что крыша нашего дома покрыта не кукурузной травой, а тѣмъ-то въ родѣ тростника, который накладывается на черепицу; это защищаетъ и отъ жара, и отъ холода, и отъ дождя. Просидѣвъ до 9^{1/2} у себя на дворѣ, мы отправились къ общему чаю въ палатку. Вечеромъ обыкновенно собираются не въ полномъ комплектѣ; казачьи офицеры отсутствуютъ, предпочитая вечерній чай пить дома съ коньякомъ въ количествѣ непридворномъ; нѣкоторые изъ блестящей свиты собираются вечеромъ на той сторонѣ у маркиганта вел. князя, гдѣ за двойную и тройную цѣну получается и рюмка мадеры, и бутылка шампанскаго, и гдѣ разговоръ можетъ вестись не вполголоса, какъ у насъ. Я никогда не манкирую на этихъ чаяхъ: тутъ единственное для меня мѣсто услышать новости дня; часто къ этому времени приходятъ телеграммы, которыя и читаются вслухъ. Оказывается, что дѣйствительно идутъ подкрѣпленія къ туркамъ въ Плевну; вчера вечеромъ Зотовъ прислалъ донесеніе, что кавалерія его

имѣеть дѣло; слышны выстрѣлы, но результаты неизвѣстны. За обѣдомъ были телеграммы, что турки, напиравшіе на фланги Шаховского—отражены: у насъ потеря 300 ранеными, подробности неизвѣстны. Очевидно, въ арміи отъ мала до велика большое неудовольствіе начальствующими... У офицеровъ, конечно, главная причина неудовольствія—несправедливость наградъ; мальчуганы-ординарцы, пріѣзжающіе на нѣсколько часовъ и остающіеся здѣсь за кустиками или за каменьями,—почему и получили прозвище „закаменскихъ“,—получаютъ кресты, а люди, проведеншіе цѣлые мѣсяцы безъ сна, въ усиленныхъ трудахъ, подъ пулями, получаютъ какую-нибудь тощую награду, которая сплошь да рядомъ придетъ мѣсяцами двумя позднѣе и нерѣдко уже не застаеть въ живыхъ того, кому назначена, или найдетъ его гдѣ-нибудь въ госпиталѣ безъ руки и безъ ноги. Старое начальство на Шипкѣ переранено или убито; остаются исправляющіе ихъ должность начальники дивизій, бригадные, въ ожиданіи пріѣзда симпатичныхъ, а слѣдовательно и способныхъ людей изъ Питера! Начальникъ корпуса Р., лично храбрый человекъ, но безпечный, значительную часть дня проводитъ за картами въ компаніи симпатичныхъ ему людей! Къ нему вечеромъ являются за приказаніями съ позиціи—„да какія же приказанія, все по старому“! Поэтому, конечно, при такомъ бездѣйствіи ничего особаго на Шипкѣ не предпринимается, идетъ дѣло старымъ порядкомъ, день и ночь постоянно въ напряженномъ состояніи; однѣ и тѣ же части войскъ въ ожиданіи атакъ, или усиленнаго огня, противъ котораго не принимаютъ никакихъ мѣръ. На перевязочныхъ пунктахъ подъ Шипкой недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ, медикаментахъ; въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ лекарствъ и т. д. въ этомъ родѣ. Подобные рассказы, къ сожалѣнію, не одиночны. Кто только имѣеть языкъ, не привязанный къ зубамъ какимъ-нибудь обстоятельствомъ его жизни, и имѣль случай видѣть вблизи всю эту современную исторію, тотъ говоритъ приблизительно въ одномъ духѣ.—Крымская война насъ недостаточно выучила,—прибавляетъ бѣольшая часть рассказчиковъ. Воровство идетъ если не такое же, то сильнѣе прежняго, по крайней мѣрѣ болѣе гарантирующее воровъ, чѣмъ прежде...

39.

12-ю сентября. — Государь все боленъ; вчера и нынче утромъ былъ безъ лихорадки, но съ одиннадцати часовъ сильный знобъ, во время котораго температура достигла до 39, а теперь вѣроятно подошла къ 40; схватилъ какъ слѣдуетъ настоящую здѣшнюю форму. Въ Горномъ-Студиѣ при рецидивахъ ни въ какомъ случаѣ оставаться будетъ не позволительно, да и вся эта придунайская мѣстность будетъ нездоровымъ мѣстопробываніемъ. Поговариваютъ о переведеніи нашей квартиры въ Систово; конечно, мы всѣ тамъ выиграемъ относительно помѣщенія, но тамъ все-таки такая же лихорадочная мѣстность, какъ и здѣсь. Погода все еще не имѣетъ намѣренія установиться; барометръ по здѣшнему все нивокъ, дуетъ съ юго-запада вѣтерокъ, который и наноситъ намъ дожди и отъ нихъ холодныя ночи. Въ арміи много больныхъ лихорадками и кровавыми поносами; одѣты они всѣ плохо, холодно, сапоги обносились, теплыхъ вещей еще нѣтъ, помѣщены подъ открытымъ небомъ въ сырости, ѣдятъ и пьютъ подчасъ всякую дрянь; зимой много бѣднѣе погибнетъ при этой обстановкѣ. Къ счастью, что смертность отъ теперешнихъ болѣзней не велика. Сегодня слышалъ, что штабъ разрѣшился вопросомъ о постройкѣ барачковъ для больныхъ на зимнее время и назначилъ для этого нѣсколько пунктовъ въ Болгаріи; еще не успѣлъ узнать подробно, на сколько и пр. А вѣсь не будетъ повторяться тяжелая исторія переполненій и закупориваній госпиталей, какъ это было теперь каждый разъ почти послѣ большихъ дѣлъ. Сегодня услышалъ, что молодой врачъ П. — главный докторъ въ Систовѣ — справлялся, справлялся съ наплывавшими на него массами раненыхъ и голодныхъ изъ-подъ Плевны — да и заблагорасудилъ покончить разомъ свои мученія, повѣсилъ, окончательно ободренный на этотъ поступокъ какимъ-то крикливымъ генераломъ, вздумавшимъ распекать этого несчастнаго доктора, который между прочимъ былъ на самомъ лучшемъ счету. Вчера за чаемъ узналъ новость, что въ Плевну со стороны виддинской дороги прорвалась цѣлая колонна турокъ всѣхъ родовъ оружія, тысячь изъ 15 человекъ; на дорогѣ стояла наша кавалерія, которая, конечно, не могла помѣшать. Сегодня съ раняго утра вдали выстрѣлы, но очевидно не изъ Плевны, откуда было извѣстіе отъ 9-ти часовъ сегодня, что тамъ все спойкойно и тихо; полагаю, что это въ Ловчѣ; въ штабѣ, однако, ничего неизвѣстно. Телеграфъ, почта представляютъ такія же печальныя явленія неуря-

дицы, какъ и остальные части всего здѣшняго управленія. Конечно, дѣло кончится тѣмъ, что все это смѣнится, но когда и кѣмъ замѣнятся всѣ эти неудачныя лица? Этотъ вопросъ для каждаго представляетъ величайшій интересъ и трудную задачу для разрѣшенія. Одно время многіе говорили, что возьметъ командование самъ императоръ, и нѣкоторые ждали отъ этого много пользы, тѣмъ болѣе, что при этомъ составъ штаба, *eo ipso*, долженъ бы былъ измѣниться. Но этого, по моему мнѣнію, желать не слѣдуетъ: дѣла трудныя; Государь возьмется за нихъ съ большой добросовѣстностью, что будетъ требовать большой траты силъ и что не можетъ дѣйствовать благотворно на его здоровье, особенно теперь, когда онъ утомленъ этими тремя мѣсяцами походной, бивуачной жизни и шестинедѣльными неудачами нашихъ военныхъ дѣйствій. Вѣдь съ 8-го іюля до сихъ поръ, можно сказать, ни одной ободряющей новости. Теперь же, схвативъ настоящую здѣшнюю лихорадку, Государь, оставаясь въ здѣшной мѣстности, при непривычкѣ держать себя сообразно требованію известной гигиены, вѣроятно будетъ расположенъ больше, чѣмъ кто другой, къ возвратамъ пароксизмовъ, и благоразумнѣе будетъ, мнѣ кажется, требовать уѣхать отсюда прежде, чѣмъ не разстроится окончательно здоровье. Вчерашній пароксизмъ былъ довольно силенъ, темп. дошла до 40°, къ вечеру упала ниже нормы, ночью однако сонъ былъ тревожный, но до сихъ поръ пароксизмъ еще не начинался; вчера было дано уже 30 гранъ хинной соли; сегодня, если пройдетъ благополучно день, то дамъ 20 гр. Погода на нашу бѣду самая ужасная: съ 3-хъ часовъ по полун. идетъ безостановочно дождикъ, сыро, ноги скользятъ и разъѣзжаются; безъ палки трудно двигаться,—такъ и скатываешься при малѣйшей возвышенности. Сегодня я уже и не думаю о томъ, чтобы работать въ палаткѣ—до такой степени въ ней непріятно—и предпочитаю оставаться въ своей комнатѣ; мирюсь и съ казематовымъ окномъ, и съ невозможностью выпрямиться, сидѣть хорошо,—зато подъ ногами нѣтъ этой жижи, по бокамъ не висятъ мокрыя тряпки; какъ я счастливъ, что устроился въ этомъ помѣщеніи, въ которомъ въ эту погоду мириться охотно со всѣми ея неулыбающимися сторонами. Сегодня на мнѣ двойные шерстяные чулки, длинные сапоги, ноги покрыты пледомъ, но, сидя даже въ своей мазанкѣ, нисколько не чувствую излишней теплоты. Что же бы было въ палаткѣ—спать и коротать день? Каково войску! Каково нашему унтеръ-штабу, помѣщающемуся подъ экипажами, между навозными и сѣнными кучами! Слухъ или лучше извѣстіе о томъ, что въ Плевну ворвалась турецкая ко-

люна изъ 15 тысячъ человекъ, начинать покрываться паутиной, вырабатываемой штабными пауками; говорятъ теперь, что не колонна, а двѣ тысячи повозокъ съ чѣмъ-то; другіе же утверждаютъ — не двѣ тысячи, а только двѣсти; у насъ цѣлый день вчера слышна была канонада — штабъ утверждаетъ, что вездѣ „тихо и спокойно“, а это вѣроятно пробуютъ орудія въ Систовѣ. Можетъ быть все это и такъ, но никто больше не вѣритъ въ показанія штаба и нерѣдко услышишь: „врутъ! все ложь, обманъ!“ Штабные утверждаютъ, что потери подъ Плевной уже всѣ пополнены — и то же восклицаніе! Между обѣими квартирами, понятно, самыя натянутыя отношенія продолжаются; по собственному желанію никто оттуда къ намъ не поидетъ, и отъ насъ, конечно, никто не вздумаетъ прогуляться на ту сторону, развѣ нѣкоторые любители ресторановъ приманутся маркитантомъ той квартиры, — у насъ совсѣмъ нѣтъ такого рода заведенія. При такихъ отношеніяхъ обѣихъ квартиръ, конечно, идутъ сплетни, и, безъ сомнѣнія, главноком. приходится слышать отъ своей молодежи различныя замѣчанія и соображенія, дѣлаемая на этой сторонѣ рѣки, чтд, вѣроятно, объясняетъ то, что когда главноком. пріѣзжаетъ на наши завтраки, то обыкновенно почти никому не кланяется и держитъ себя какъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Вчера прислалъ мнѣ П. статью и возраженіе, написанное однимъ изъ докторовъ-чиновниковъ, на нападки въ журналахъ на недостатокъ призрѣнія раненыхъ. Такъ какъ въ статьѣ упоминается фраза Государя, то необходима для печати подпись министра двора, о чемъ и просилъ меня П., присылая эту статью. Я въ ужасъ пришелъ отъ безстыдства, съ которымъ отвергаются въ статьѣ всѣ факты, истинность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Конечно, министръ двора не подписалъ, и я возвратилъ статью съ обѣщаніемъ поговорить о ней при личномъ свиданіи. вмѣсто того, чтобы признать истину, что 9.500 человекъ не могутъ быть своевременно осмотрѣны, перевязаны, навормлены и отправлены десятью врачами, и вмѣсто того, чтобы указать на громадныя усилія медицинскаго персонала сдѣлать чтд можно, — они вздумали отвергать факты, утверждая, что все было такъ хорошо, что лучшаго и желать нельзя. Впрочемъ, мнѣ кажется, что недалеко то время, когда все это мошенничество выплыветъ наружу; теперь, конечно, пользуясь дурной репутацией штаба, П. сваливаетъ всѣ неурядицы на этихъ козловъ отпущенія, но врядъ-ли, въ концѣ концовъ, будетъ штабъ его выручать?

Сейчасъ вернулся опять въ свою убогую хату; былъ у Государя, смѣрилъ температуру, — сегодня пароксизма не было. За зав-

тракомъ ничего новаго не слыхалъ, кромѣ очень остроумной фразы Суворова, который, встрѣтившись со вновь пріѣхавшимъ сюда генераломъ Г., вѣроятно въ простотѣ сердечной откололъ ему: „Ah voilà! encoге un veni, vidi, vici!“ Это такъ мило и такъ подходитъ къ Г., что достойно быть внесено въ исторію этого похода. Хорошъ нашъ казенный исторіографъ Соллогубъ!—потрепавшись здѣсь по налаткамъ, онъ, наконецъ, отпросился отдохнуть въ Бухарестъ и прогулялъ такимъ образомъ плевненское дѣло; наконецъ, вернулся, запасшись новымъ, болѣе приличнымъ костюмомъ, а вмѣстѣ съ этимъ вооружился и болѣею важностью, но не рѣшался уже ходить безъ звѣзды, изъ страха быть неузнаннымъ. Собралъ здѣсь, какъ онъ говоритъ, матеріалы для плевненскаго дѣла, подождалъ событій, которыя не являлись, и, наконецъ, снова отпросился въ Бухарестъ, какъ только погода стала непріятна для дачной жизни. Нечего сказать, хорошій представитель литературы и исторіи! Не могу забыть одной изъ его вечернихъ выходовъ, озадачившихъ и не меня одного. „Правда ли,—спрашиваетъ онъ Государя,—что вы привезли въ госпиталь двухъ раненыхъ, которыхъ подобрали на дорогѣ?“ — „Да, правда“. — „Voilà c'est aussi un trait historique qu'il faut noter!“—отчеканиваетъ придворный литераторъ, толкующій постоянно о своихъ неспособностяхъ къ придворной жизни. Я такъ ротъ и разинулъ. Его представляютъ принцу Карлу; откланиваясь при рекомендаціи, онъ не упустилъ случая, чтобы не сказать: „Вашъ пріѣздъ сюда составитъ одну изъ прекрасныхъ главъ исторіи похода, которую я имѣю честь писать“. Въ началѣ своего пріѣзда онъ почти каждому дѣлалъ намекъ, что отъ его бѣдшаго или мѣншаго благо-расположенія зависитъ попасть на страницу будущей его исторіи... Кого здѣсь не встрѣтишь!—вмѣстѣ съ героями „veni, vidi, vici“, какъ напр. Г. встрѣчаются здѣсь герои и на другомъ поприщѣ: такъ напр., вчера, поджидая, когда войти къ Государю, слышу знакомый голосъ, оборачиваюсь—С. П.—ковъ! Является этотъ „герой“ уже не въ первый разъ; я его встрѣчалъ въ Бѣлѣ,—а въ Пловшти встрѣтилъ брата его. — Въ Петербургѣ я зналъ эту семью какъ концессіонеровъ, а здѣсь они являются съ цѣлью благотворительной, предлагая свои услуги выстроить желѣзную дорогу,—кромѣ утвержденной изъ Галаца прямо въ Россію, еще желѣзную дорогу между Зимницею и Фратештой, что вчера и было утверждено, хотя постройку эти благотворители начали уже гораздо раньше разрѣшенія. Очевидно, этимъ господамъ наша война—благодать; кто во что гораздъ: одинъ кормитъ людей; дру-

гой—лошадей; третій перевозить ихъ; четвертый обуваешь. Всѣ операціи, наполняющія карманы,—всѣ въ ихъ рукахъ.

40.

15-го сентября. — Цѣлый день вчера было такъ грязно, что съ трудомъ можно было двигаться, но какъ подулъ сѣверо-восточный рѣзкій вѣтеръ, то стало такъ быстро сохнуть, что напомнило мнѣ наши морозы, затягивающіе въ нѣсколько часовъ всѣ лужи и всю грязь. Такое явленіе безъ мороза я еще нигдѣ не наблюдалъ. Сегодня пока ничего особеннаго не произошло; пріѣхали только Настѣдникъ, вел. князь Сергій Александровичъ, были бесѣды, совѣщанія у Государя, вотъ и все. Каждый день теперь передъ нами мельбають фигуры въ видѣ флигель-адъютантовъ, просто полковниковъ, просто генераловъ и пр. Никто изъ нихъ пока не внушаетъ особенныхъ упованій; отличаются они здѣсь пока скромностью, многіе какъ будто сконфужены. Увидимъ, что будетъ изъ нихъ.

23-го сентября. — Внѣшняя моя жизнь идетъ по прежнему: дѣлаю свои визиты, сижу свои обычные часы въ палаткѣ, за перомъ или за журналомъ, добросовѣстно справляю свои служебныя дѣла, почти каждый день послѣднее время сопровождая Государя въ его поѣздкахъ для осмотра приходящей гвардіи, нынче егерей, третьяго дня преображенцевъ и семеновцевъ; а то какъ-то смотрѣли финскую кавалерію. Сегодня утромъ у меня былъ инспекторъ госпиталей, генералъ Коссинскій... Исторія въ болгарскомъ госпиталѣ, гдѣ пришлось многимъ во-очію убѣдиться, до какой степени наша администрація плоха, благотворно повліяла на генерала и особенно осадилась онъ исторіей самоубійства несчастнаго главнаго доктора въ Систовѣ. Все это вмѣстѣ, наконецъ, было причиной того, что онъ подалъ проектъ объ измѣненіи порядка санитарнаго дѣла въ Болгаріи и Румыніи; кажется, пришли къ убѣжденію положить конецъ этой безобразной эвакуаціи больныхъ, таская ихъ на первобытныхъ телѣгахъ изъ угла въ уголь безъ корма, безъ пристанища; генералъ проводитъ теперь идею объ увеличеніи числа госпиталей въ Болгаріи и Румыніи до 30 тысячъ; тогда какъ теперь въ Болгаріи существуетъ только на 8 тысячъ, а въ Румыніи на пять, да и въ этомъ числѣ я сомнѣваюсь относительно Болгаріи. Не забудь, что въ Болгаріи медицинское вѣдомство располагало только тремя стами повозокъ и 8.000 воевъ; чтобы справиться съ этой массой раненыхъ,

необходимо было гнать больных, какъ овецъ, изъ одного госпиталя въ другой; гдѣ можно, занимали телеги и лошадей; гдѣ можно, почти силой забирали интендантскія повозки и сплавляли больныхъ и раненыхъ, и приготовляли такимъ образомъ мѣста для будущихъ страдальцевъ. Теперь уже много набралось новаго войска; Тотлебенъ все еще подъ Плевной, гдѣ дѣлаетъ рекогносцировку, почему теперь почти по цѣлымъ днямъ тамъ палятъ и при извѣстномъ вѣтрѣ все это долетаетъ и до Горнаго-Студна. Поговариваютъ опять о возможности скорого, рѣшительнаго дѣла подъ Плевной, но ничего положительнаго. Тотлебенъ сдѣланъ главнокомандующимъ осадой; войска, кажется, стягиваются туда въ большомъ количествѣ и вмѣстѣ съ этимъ и часть гвардіи. Авось, что-нибудь и выгоритъ; лишь бы только не лѣзли на проломъ. Погода пока благопріятствуетъ осаднымъ работамъ, и, говорятъ, мѣстами наши дорылись къ редутамъ на 80 шаговъ. Теперь я опять началъ прислушиваться ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ, но послѣ плевненскаго позорнаго дѣла я обыкновенно отходилъ, когда приходила какая-нибудь депеша, — до такой степени мнѣ стало все это противно.

24-го сентября. — Говорятъ, что вся гвардія идетъ подъ Плевну и займетъ дороги на Софію, съ цѣлью отрѣзать всякое сообщеніе съ Плевной; осада будетъ продолжаться по всѣмъ правиламъ и, наконецъ, все-таки вѣроятно въ концѣ концовъ — штурмъ; но будемъ надѣяться на бѣдшую удачу, чѣмъ въ предшествующіе разы.

25-го сентября. — Вчера и нынѣ еще никакихъ депешъ нѣтъ; говорятъ, что телеграфъ едва дѣйствуетъ, по причинѣ сильнѣйшаго вѣтра. Погода мерзвѣйшая, съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, который дѣлаетъ то, что 8° тепла даютъ ощущеніе мороза. Несчастныя палатки такъ и рвутся; цѣлое утро не знали куда дѣться; сидѣть дома и закрыть окно, какъ это сдѣлалъ теперь, и зажечь свѣчи — не рѣшался; съ самаго утра пошелъ на смотръ цѣлой гвардейской дивизіи, которую сегодня отпускали подъ Плевну; такъ время и отхваталъ до завтрака, а послѣ завтрака бѣгалъ больше часа по двору, чтобы отогрѣться. Глядя сегодня на эту массу двигавшейся гвардіи, невольно задавалъ себѣ вопросъ: неужели и этимъ не удастся? Говорятъ, весь гвардейскій корпусъ расположится по той сторонѣ Видда по софійской дорогѣ, и отступленіе туркамъ будетъ невозможно, — они должны будутъ сдать; поговариваютъ, что и теперь уже въ турецкомъ лагерѣ недостатокъ пищи; говядину даютъ разъ въ недѣлю, и на день только одинъ кусокъ хлѣба; снарядовъ уже

нѣтъ, но патроновъ въ изобиліи. Мнѣ кажется, что долго не заглнется дѣло, я считаю самое большое — дней 12. Мехмедъ-Али свѣнень, къ нашему искреннему сожалѣнію; благодаря его глупости, мы были въ состояніи продержаться съ ничтожными силами на лѣвомъ флангѣ. Повидимому, дѣла наши теперь очень порядочны; есть даже возможность, что обойдутся безъ зимней кампаніи. Какое бы это было благодѣяніе для Россіи, какая масса людей избѣгла бы гибели! Но не стану дѣлать плановъ... Какъ я надѣялся на послѣднее дѣло подъ Шлевной и какъ печально оно кончилось — взятіемъ одного ненужнаго редута и потерей около 15 тысячъ человекъ! Какъ ни хороша, какъ ни сильна наша гвардія, но разбросай ее по частичкамъ — ее расколютъ... Чувствую я, что начинаю дѣлаться настоящимъ „брюнетомъ“, и не дальше, какъ сегодня заявилъ это одному изъ тупоголовыхъ, пріѣхавшихъ сюда покувыркаться, напомнить о себѣ, съ расчетомъ вѣроятно получить что-нибудь въ родѣ корпуса. Къ счастью, его сегодня отпустили съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Въ прежнее время оборвать кого-нибудь мнѣ было положительно неприятно, а теперь это составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ отправленій моего мозга. Впрочемъ, въ этомъ господинѣ мозги въ высшей степени обладаютъ способностью раздражать; онъ глупъ и самодоволенъ, а эти качества вмѣстѣ дѣлаютъ людей невозможными...

Я долженъ тебя познакомить еще съ однимъ изъ очень интересныхъ типовъ нашей компаніи — это ген. Т., который у насъ, по его собственному выраженію, „въ Божѣ почиваетъ“, такъ какъ онъ — начальникъ нашего обоза. Большая часть здѣшняго общества считаетъ его не особенно умнымъ, составя это мнѣніе главнымъ образомъ потому, что въ немъ очень много самобытнаго, оригинальнаго, при этомъ характеръ его очень прямой; къ сожалѣнію, онъ лишенъ дара длинной рѣчи, но отличается иногда очень остроумными выраженіями. Онъ каститъ направо и налево штабъ, отдѣльныя личности, играющія тамъ роль, и я не разъ удивлялся, какъ онъ до сихъ поръ не наткнулся на какую-нибудь скверную исторію. За обѣдомъ мы сидимъ въ близкомъ сосѣдствѣ, я съ краю, подлѣ меня Рыгѣевъ, а подлѣ него Т.; насъ за это и называютъ лѣвой крайней партіей. Долженъ признаться, что не разъ приходилось мнѣ хохотать его остроумнымъ выходкамъ. Онъ, какъ начальникъ обоза, принялъ подъ свое покровительство нашего осленка (помнишь — Керимку), и сдѣлалъ его чрезвычайно ручнымъ. Керимка теперь ходитъ на

зовъ, приходитъ въ столовую, беретъ, какъ собака, подачу, опроверживаетъ чашки, пьетъ чай, отправляется въ буфетъ къ лакеямъ, собираетъ съ нихъ, что подадутъ, ѣстъ сигары, папиросы, бумагу и забавляетъ почтенное общество. Никто его не можетъ видѣть, не обозвавъ: „Керимка, Керимушка!“ — но особенно заботливо и нѣжно относится къ нему Т., который даже видитъ въ немъ проблески такого ума, что онъ назвалъ его своимъ начальникомъ штаба. Эта новая кличка, конечно, даетъ хорошій источникъ различнымъ смѣхотворнымъ разговорамъ; однажды нашъ Керимка вышелъ за ворота и подошелъ къ телеграфу, гдѣ собрались еще три осла. Т. всѣмъ съ торжествомъ сообщая, что у его начальника штаба былъ сегодня военный совѣтъ, послѣ котораго онъ тотчасъ же отправился на телеграфъ и тамъ (что дѣйствительно и было) сдѣлалъ, что ему было нужно. Сообщили разъ о какомъ-то новомъ назначеніи, — Т. восклицаетъ: „пожалуй, мой Керимка въ люди выйдетъ?“ Керимка, какъ всѣ осла, замѣчательно неподвиженъ, стоитъ иногда по цѣлымъ часамъ около домика: „смотрите, какъ мой Керимка подличаетъ, цѣлое утро простоялъ“, и т. д. въ этомъ родѣ. Конечно, прозвище начальника штаба, различныя удачныя остроты — не остаются между нами, но обходятъ все населеніе бивуака и передаются даже и приѣзжающимъ и съ Янтры, и изъ-подъ Плевны. Конечно, друзей у Т. отъ этого не увеличивается; но такъ какъ большая часть его считаетъ не особенно умнымъ, то это ему проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій. Что касается до меня, то Т. составляетъ соль моихъ обѣдовъ и сахаръ вечернихъ чаевъ; это единственный человѣкъ, который говоритъ правду вслухъ, не стѣсняясь, и говоритъ ее очень часто и мѣтко, и остро. Теперь, послѣ четырехъ мѣсяцевъ жизни исключительно въ мужской компаніи, Т., мало сдерживающій себя на языкъ, немножко одичалъ, и къ сожалѣнію въ лексиконѣ его остротъ очень много нецензурныхъ выраженій. На дняхъ онъ ѣдетъ на нѣсколько дней въ Бухарестъ къ своей женѣ, которую выписать, пославъ, между прочимъ, тецѣ своей грубую телеграмму, въ которой изъявляетъ надежду, что она, сирѣчь теща, не будетъ мѣшать соединенію мужа съ женой и сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы помочь этому, а не препятствовать. Старуха отвѣтила Рыльеву, спрашивая, не сошелъ ли съ ума Т., который въ сущности только одичалъ.

26-го сентября. — Съ каждымъ днемъ пребываніе здѣсь дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе; погода ужасная; сегодня меньше вѣтра, но барометръ опустился и холодъ, сырость невыносимая; температура выше 5° сегодня не подымалась, больше стояла на 3°;

дождь беспрестанно принимался идти, мѣняя только свою степень силы; моя хата хотя и вытоплена, и съ оконъ, забитымъ рагозой и прочими теплыми матеріалами, но такъ быстро остываетъ, что приходится все-таки сидѣть съ плѣдомъ на ногахъ и съ пальто на плечахъ, и все же ноги какъ ледъ. Переходъ изъ моей хаты въ такъ называемый дворецъ есть большой подвигъ, который можно выполнить только по обязанности, но не по охотѣ; согласился бы остаться безъ обѣда, лишь бы не идти по этой глиня мокрой, холодной, по которой ноги такъ и скользятъ. Этотъ переходъ двадцати шаговъ даетъ ощущение трехъ верстъ,—безъ палки невозможно двигаться; въ общей столовой грязно, холодно, со всѣхъ сторонъ дуетъ; лакеи, подавая блюда, балансируютъ, чтобы не растянуться и не лишить насъ ѣды. Сѣро, непривѣтливо, холодно, тоскливо—вотъ все, что можно сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Если такая погода продолжится,—сомнительно, чтобы здѣсь вздумали долго оставаться. Живущіе въ палаткахъ начинаютъ чуть не вслухъ вить отъ холода и сырости. Несмотря на всѣ эти невзгоды, я себя чувствую совершенно здоровымъ, тяну свою ляжку и отсчитываю каждый прожитой день; но, признаюсь, все чаще и чаще повторяю себѣ: доколѣ, Господи?!..

Сейчасъ вернулся съ обѣда и съ своихъ предобѣденныхъ визитовъ, пришелъ усталый отъ борьбы съ холодомъ, дождемъ и грязью. Послѣ обѣда, чтобы согрѣться, мнѣ одинъ добрый человекъ указалъ мѣстечко, гдѣ можно ходить. Это мѣстечко оказалось въ плетневомъ сараѣ, въ которомъ поставила военно-походная канцелярія свои палатки; дѣйствительно, тутъ можно двигаться, вытянувшись во весь ростъ, не сволъзя въ грязи; но пространство это не болѣе двадцати шаговъ, а потому какъ только стали согрѣваться ошоченныя ноги, такъ явилось ощущение, какъ будто закачали въ экипажѣ, закружилась голова, ну, и по неволѣ отправился черезъ грязь въ свою хату. Сегодня пошли слухи снова о переѣздѣ въ Систово; велѣно осмотрѣть то, что выбрано уже для помѣщенія комендантомъ той стороны. Это распоряженіе многозначительно; всякій задаетъ себѣ вопросъ: вернемся къ Плевнѣ или нѣтъ? Если вернемся, то неужели весь обозъ подыметъ снова изъ Систова; не рѣшено ли ѣхать, не дожидаясь окончания Плевны, тѣмъ болѣе, что тамъ и смотрѣть-то нечего будетъ, если разъ рѣшились блокировать и морить голодомъ. Сегодня я смотрѣлъ, какъ устроился нашъ кавалерійскій конвой, и нашелъ помѣщеніе ихъ настолько хорошимъ, что понялъ, почему они не много хвораютъ въ эту ужаснѣйшую погоду. Они вырыли себѣ четырехугольные углубленія въ землѣ, приблизительно четвертей

на пять, а въ серединѣ четырехугольникъ еще на три четверти глубже; въ этомъ послѣднемъ пространствѣ они циркулируютъ, въ первомъ же углубленіи спать; надъ этими земляными углубленіями перекинуты въ видѣ арки нѣсколько крѣпкихъ деревьевъ, которыя переплетены прутьями, на прутьяхъ навалена солома и, наконецъ, на солому насыпанъ слой земли. Однимъ словомъ, землянка, но безъ малѣйшей сырости, что только, кажется, можетъ быть въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, гдѣ глина составляетъ главнѣйшую составную часть почвы. При этихъ работахъ можно было убѣдиться, что сырая почва идетъ вглубь не болѣе двухъ вершковъ, а глубже такъ сухо, какъ у меня въ хатѣ. Въ землянкахъ этихъ и тепло, и сухо, воздухъ не скверный, несмотря на 7 человѣкъ обитателей, что объясняется относительно большой дверью, завѣшенной не очень плотно холстиннымъ фартукомъ, и небольшимъ окошкомъ напротивъ двери. Части полѣнниче, какъ казаки, жмутся все подъ тряпками своихъ палатокъ; но, впрочемъ, и ихъ пробрало сегодня: смотрю, роютъ; спрашиваю ихъ:—откуда ваши лопаты?—„Нашли.“ Казаки ничего никогда не имѣютъ, но все находятъ, что нужно... Печальную картину въ эту погоду представляетъ здѣшній госпиталь, въ которомъ почти такъ же холодно, какъ на воздухѣ. Эти мокрая тряпки палатокъ мало задерживаютъ тепла; лежатъ несчастныя больные и раненые подъ своими жесткими, мало грѣющими одеялами изъ солдатскаго сукна, и какъ звѣрьки свернулись въ клубочекъ, ища такимъ образомъ положеніе, при которомъ наименьше теряется тепло. Особенно плохо достается поноснымъ, которые лежатъ въ отдѣльныхъ маленькхъ палаткахъ, по трое въ каждой, состоящей только изъ одного слоя полотна: эти несчастные почти все равно что на воздухѣ. Администрація мирится съ этимъ и ничего не придумаетъ, чтобы помочь горю. Можно и печи сложить, и подкопаться поглубже, и т. д., но, видно, администраціи не холодно. Несчастные врачи, сестры—въ палаткахъ и, конечно, дрогнуть. Одни здѣсь говорятъ, что будетъ еще тепло, другіе же говорятъ—врядъ-ли; прошлаго года въ Сербіи то же самое было въ это же время, и затѣмъ началась, какъ слѣдуетъ, зима... Вчера еще услышалъ новость, что Цесаревичъ остается на лѣвомъ флангѣ въ такъ называемомъ рущувскомъ отрядѣ, а кто будетъ командовать гвардіей подъ Плевной—еще неизвѣстно...

ТАМАРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, КВ. А. Р. ЦЕРЕТЕЛИ ¹⁾.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕОРГІЙ, владѣтель Имеретинскій, бывшій князь Гуріи.

ТАМАРА, царица, жена его.

ГОЧА, поэтъ.

ШУТЬ.

ЦИРА, служанка царицы.

НАКАШИДЗЕ, великій визирь

КУТАТЕЛИ, верховный судья.

НИКО, гуріецъ.

СЛУГА.

ПЕРВЫЙ }
ВТОРОЙ } игроки въ мячъ.

Толпа игроковъ въ мячъ, придворные обоого пола, представители народа, стража и т. д.

Дѣйствіе происходитъ въ Имеретіи, въ XVII-мъ вѣкѣ.

---

¹⁾ „Тамаръ-Цбери“, изд. Диасамидзе, Тифлисъ, 1886; въ томъ же году эта драма была поставлена на тифлисской грузинской сценѣ.—Перев.

ДѢЙСТВІЕ I.

Большая площадь; по срединѣ ея развѣсистый чинарь; въ сторонѣ видна часть дворца на берегу Ріона.

Голоса за сценой.

Эй! кинули! Ловите, удалцы!
 Ловите мячикъ! Эй, сюда бросайте!
 Лови! хватай! Вонъ, всаднику достался!
 А ну, посмотримъ, кто быстрѣй коня!
 Вотъ молодець! Гуріецъ догоняетъ!
 Какая прыть! Не человекъ, а тигръ!
 Вмигъ на коня вскочилъ и отнял мячикъ!
 Назадъ несетъ! Держите! выручайте!
 Эй! Кто смѣлѣй?!... Нѣтъ, не зѣваютъ наши!
 Вотъ... окружили, спибли!.. Отнять мячъ!..
 Эй! не задерживать! бросайте снова!..

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ два игрока, въ бешметахъ, съ засученными рукавами.

Первый игрокъ.

Ухъ! какъ усталъ я! просто мочи нѣтъ!
 А для чего намъ этакъ убиваться?!

Второй игрокъ.

Да что тутъ дѣлать?! Развѣ ты не слышалъ,
 Что царь съ царицей бились объ закладъ?!

Первый игрокъ.

Да, слышалъ! Царь на сторонѣ гурійцевъ,
 Ну, а за насъ царица: оттого
 Играютъ всѣ такъ страстно и усердно!

Второй игрокъ.

Признаться надо: будь гурійцевъ больше,—
 Досталась бы навѣрно имъ побѣда!
 Какая ловкость, сила, удалство!
 Что за прыжки! Степной газели впору!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Шуть.

Шуть.

А... Что вы тутъ изволите творить?

ПЕРВЫЙ ИГРОВЪ.

Устали, умннѣз!.. Сѣли, отдыхаемъ
И отъ тебя премудрыхъ ждемъ рѣчей.

Шутъ.

Когда борзья прозѣваютъ зайца,
Ихъ, вмѣсто хлѣба, плетью угощаютъ!
Собачки милыя! Вашъ заяцъ—мячъ!
Упустите изъ руцъ—и вы пропали:
Задасть вамъ перцу добрая царица!

Второй игровъ.

Куда гурійцамъ нашихъ побѣждать?!
Да здравствуетъ великая Тамара!..

Голоса за сценой.

Унесъ! бѣжить! Гурійца не пускать!

Показывается чиріецъ съ мячикомъ въ рукахъ.

ПЕРВЫЙ ИГРОВЪ—загораживая ему дорогу.

Постой! Брось мячъ! Мы сами, брать, съ усами!..

*Гуріецъ ловкимъ ударомъ ноги опрокидываетъ его,
перескакиваетъ черезъ него и убѣгаетъ съ мячомъ;
толпа игроковъ перебѣгаетъ черезъ сцену.*

*Шутъ—долго смотритъ вслѣдъ убѣ-
гающимъ, потомъ возвращается
на авансцену съ насмѣшливой
улыбкой.*

Охотно ястребъ бьетъ перепеловъ,
А голубей гоняетъ ясный соколъ..
Игрою въ мячъ себя царица тѣшить,
А царь не прочь и отъ иной игры,—
Да скованъ! Эхъ!.. Сама царица—мячикъ!
Сама къ другимъ все въ руки попадаетъ,—
Ни у кого лишь долго не побудеть!..
Нѣтъ, есть такой: я думаю, что Гоча
Ее навѣки могъ бы удержать!..
Да чтъ ему?! Какъ видно, всѣ поэты
Однѣмъ мечтаемъ, мечтаемъ бесплоднымъ служить!..

ЯВЛЕНИЕ 3.

Онъ же и Накашидзе.

НАКАШИДЗЕ.

Ты здѣсь?..

Шутъ.

Кто? Я?.. Конечно, нѣтъ!

Я васъ прошу считать меня въ отлучкѣ!

Накашидзе.

Я знаю! да! душа твоя въ аду—

И предо мной лишь дрябленькое тѣло!

Шутъ.

Частенько адъ вы стали вспоминать!

Не въ стачкѣ ль вы, почтеннѣйшій, съ чертами?!

Накашидзе.

Съ чертами въ стачкѣ развѣ тотъ, кто душу

Продать имъ могъ за шутовской колпакъ!

Шутъ.

Нѣтъ! Колпакомъ я душу прикрываю,

Чтобъ сохранить въ покоѣ, въ чистотѣ,

Тогда какъ...

Накашидзе.

Что?! Ну, продолжай:—тогда какъ...

Шутъ.

Такъ, ничего... Я лишь хотѣлъ замѣтить,

Что тяжело не по теченью плыть!

Кто изъ толпы посмѣетъ выдѣлаться,

На тѣхъ, увы! собаки даже лаютъ!..

И вамъ о томъ подумать не мѣшало-бъ...

Накашидзе.

Поздненько, братъ! Кто въ старости начнетъ,

Какъ мальчуганъ, учиться на чонгури,—

Тотъ пѣсенку порядочно сыграть

На томъ лишь свѣтѣ развѣ умудрится!

Я отжилъ вѣкъ! Мѣняться не пристало!

Эхъ! не до смѣха намъ! Несчастный царь,

Нашъ царь, почти утратившій рассудокъ,

Богъ знаетъ, что творить! Отчизну губить!..

Какъ я тебѣ завидую! Ты—шутъ!

Ты высказать все можешь безъ утайки!..

Шутъ.

Нѣтъ! зависть брось! Горька и наша доля!

Въ годину бѣдъ, во дни кровавыхъ смуть,

Позоръ шута кто добровольно приметъ—

Слыветъ глупцомъ! Послѣднй хамъ и песь

Предъ нимъ свой носъ холопскій задираетъ!..

НАКАШИДЗЕ.

Все это такъ... Зато, когда мы въ страхѣ
Нѣмѣемъ,—шутъ игривой прибауткой
Дѣла вершить, рѣшаетъ участь многихъ!..

Шутъ.

Вся жизнь такимъ минутамъ отдается!
Тогда предѣла, мѣры счастью нѣтъ!..

НАКАШИДЗЕ.

Чего же вамъ?!.. Счастливей насъ, придворныхъ,
Вы во сто кратъ! Обязаны другъ другу
Мы подражать, должны по-волчьи быть,
Въ себѣ гасить святые мысли, чувства,
Губить невинность ядомъ клеветы,
Винности почтительно мирволить
И предъ неправдой ползать на колѣняхъ,
Безжалостно осмѣивая правду!
Да, ужъ таковъ придворной жизни строй!
Не только здѣсь!—вездѣ проказа эта
Растлила жизнь, гдѣ нѣтъ законной власти!
О, тяжело все это сознавать
И поступать наперекоръ сознанью!..
Мнѣ съ малыхъ лѣтъ былъ вѣренъ царь Георгій:
Наставникомъ, отцомъ я былъ ему—
И что-жь?!.. Молчу!.. Сказать не смѣю правды
И въ роковыхъ ошибкахъ уличать!..
Бахетией и карталинскимъ царствомъ,
Какъ мячикомъ, играетъ Шахъ-Абасъ!
Родная кровь потоками струится,—
А онъ, герой, имеретинскій царь,—
Игрою въ мячъ и джигитовкой занятъ!..
О, кто могъ ждать?!..

Шутъ.

Онъ, вѣрно, околдованъ!

Не зелья ли ему змѣя-Тамара
Подсыпала?..

НАКАШИДЗЕ.

У, вѣдьма! До тѣхъ поръ,
Пока ее не уберутъ отсюда,—
И намъ бѣда, и всей отчизнѣ горе!..
До той поры мы будемъ...

Шутъ.

Тсс!... идутъ!...

ЯВЛЕНИЕ 4.

Тъ же и слуга.

СЛУГА—къ *Накашидзе.*

Васъ царь зоветъ...

НАБАШИДЗЕ.

Да развѣ состязанье...

СЛУГА.

Окончено давно, и, какъ всегда,

Имеретинамъ выпала побѣда...

НАБАШИДЗЕ.

Не мудрено: на каждого гурійца

По двадцати имеретинъ пришлось!..

Не то—другой бы вышелъ разговоръ!..—*Къ шуту.*

Ты остаешься?

Шутъ..

Да, дождусь поэта...

НАБАШИДЗЕ.

А послѣ онъ пускай зайдетъ ко мнѣ!—*Уходитъ.*

Шутъ—одинъ.

Не диво ли, что старца Накашидзе

Досель еще царь держитъ при себѣ?!

Ужель не видитъ хитрая Тамара,

Ужель не чуетъ запаха измѣны?!

Иль, все замѣтивъ взоромъ дальновиднымъ,

Лишь до поры до времени молчитъ,

Чтобъ разомъ всѣхъ накрыть одною сѣтью,

Подсыпавъ раньше корму золотого

Довѣрчивымъ и глуповатымъ птицамъ?!..

Тогда прощай!.. Однако, чтѣ же я!..

Ужели я боюсь?! Теперь ужъ поздно!

Не ждать бѣды—за дѣло браться надо!..

Кончатъ пора! Не даромъ говорятъ:

Рѣшительность—сестра родная счастья!..—*Уходитъ.*

ЯВЛЕНИЕ 5.

Гоча—одинъ.

Гоча—*читаетъ письмо.*

„Хотѣла-бъ я розою быть благовонной,

„Чтобъ ты соловьемъ надо мною виталъ

„И пѣлъ бы мнѣ пѣсни, безумно влюбленный,
„Отъ страсти бы млѣлъ, трепеталъ!..

* * *
„Хочу быть фіалкой, чтобъ ты былъ прохладной
„Росой, благодатью для рощъ и для нивъ:
„Тебя я вливала-бъ восторженно, жадно,
„Свой вѣнчикъ душистый раскрывъ!

* * *
„Иль быть кипарисомъ изъ райской дубравы,
„Чтобъ ты былъ плющомъ, ненаглядный ты мой!
„Имѣть на безсмертьѣ блаженное право—
„И все промѣнять,—вѣчный свѣтъ и покой,—
За мигъ наслажденья съ тобой!..“

Свертываетъ письмо.

Опять стихи! Однако, не на шутку
Ко мнѣ царица гордая снисходить!
Замѣтила смиреннаго пѣвца!
Всю жизнь она любовью упивалась—
И мало все! Любви фіала, видно,
Она до дна еще не осушила!..
Бѣда грозитъ! Опасна мечь Тамары!
Да... женщины прощаютъ все и всѣмъ:
Измѣннику, злодѣю, грубіяну,—
Но равнодушнымъ нѣтъ у нихъ прощенья!
А кто изъ нихъ глубоко, честно любить?!
То не любовь—здоръ самолюбивый!..
Но если онъ въ красотѣ увлеченъ,—
Ее отказъ холодный разжигаетъ
И кажется ей прихоть вѣчной страстью!..
Пять разъ Тамара, отъ живыхъ мужей,
Какъ будто въ шутку, замужъ выходила!
Окружена поклонниковъ толпою,
Чѣмъ старше, тѣмъ задорнѣй, ненасытнѣй—
И молніей минутныхъ увлеченій
Готова міръ, весь міръ испепелить,
Преемница развратной Дареджаны,
Достойная злодѣйки ученица!..
Пора-бъ и ей принять конецъ такой же!
Пора спасать растлѣнный, бѣдный край!..
Пора!.. Но мать успѣха—осторожность!..
Несмѣлъ и старъ нашъ добрый Накашидзе...
Да вообще,—участниковъ гдѣ много,
Тамъ заговоръ кончается ничѣмъ!

Нѣтъ, лучше я одинъ возьмусь за дѣло
И все свершу!.. Что-жъ Цира не приходитъ?!
Орудіемъ послужить мнѣ она!
А... вотъ она!..

ЯВЛЕНІЕ 6.

Гоча и Цира.

Гоча.

А, крестница! малютка!

Скажи, дитя, узнала что-нибудь
О нашей бѣдной, горестной царевнѣ,
Всего лишенной, мужа и свободы?!

Цира.

Увы! Моя молочная сестра,
Души моей и помысловъ царевна,
Заточена навѣки въ монастырь, —
Какъ будто грѣхъ ужасный совершила!
Унижена... Въ оковахъ... И за что же?
За то, что мужъ ея родную мать
Взялъ въ жены! Съ тещей въ бракъ вступилъ законный!
Законный!.. О! будь проклята, волдунья!
Нѣтъ ничего святого для тебя!
Сидитъ моя печальная голубка
И слезы льетъ, одна въ угрюмой кельѣ,
Со мной не можетъ горемъ подѣлиться!..

Гоча.

Твоя печаль бѣды не отразитъ
И не спасутъ стенанія царевну!
Пойми: на смерть она обречена!..

Цира — *отскакивая*.

На смерть?!.. На смерть?!.. Чтѣ ты сказалъ?! Ты бредишь?!
Ты мнѣ солгалъ, отсохни твой языкъ!..

Гоча.

Не горячись и не вричи! услышать!
Чему дивишься ты?! Все очень просто:
Тайкомъ ее въ монастырь задушатъ —
И скоро все забудется, какъ сонъ!
Такія ли дѣла творятся въ мирѣ?!
Кто беззаконій жертвы всѣ исчислить?!..

Цира.

Скажи... ты вѣрно что-нибудь узнаешь?!

Гоча.

Я?.. Нѣтъ... Но ясно, ясно, что царица
 До той поры спокойно спать не будетъ,
 Пока съ царевной бѣдной не повончить;
 И святотатецъ гнусный Генатели,
 Какъ старый другъ, поможетъ въ этомъ ей!..

Цира.

О, Боже мой! Ужель ей нѣтъ спасенья,
 Ужели ей погибнуть суждено?!
 Не можетъ быть! Пѣвецъ! Нѣтъ, я не вѣрю!
 Тогда бы мѣръ не могъ существовать,
 И свѣтлый рай призналъ бы власть геенны!
 Не можетъ быть! Искать, придумать надо...
 На помощь звать и небеса, и землю!..

Гоча.

Я знаю средство: въ немъ спасенья ключь...
 Но прежде будь со мною откровенна:
 Чтѣ, если бы понадобилась жертва?..
 Да, для своей царевны угнетенной
 Готова-ль ты на подвигъ?!.. Говори!..

Цира.

Какой вопросъ?! Да развѣ ты не знаешь,
 На чтѣ грузинка вѣрная готова?!
 Я племени родному измѣнила-бъ,
 Когда бы ту, что матерью моей,
 Какъ дочь родная, вскормлена, пригрѣта,
 Я, какъ сестру, какъ душу, не любила!
 О, за нее отраднѣ умереть!
 Такая смерть была бы слаще жизни!..

Гоча.

Причемъ тутъ смерть? Твоей не нужно смерти!
 Убить врага, убить Тамару надо,
 Чтобъ все спасти, — царевну и страну!..

Цира.

Страну?!

Гоча.

А что-жъ?! Ты думаешь, царица
 Одну ее, одну царевну губить?!
 А кто, скажи, кто, если не она,
 Довелъ нашъ край до гибели позорной?!
 Свой головной уборъ, взаимѣвъ лечаки,

Украсивъ сѣтью, сотканной чертами,
 Она въ волнахъ постыднаго разврата,
 Безъ устали, какъ опытный рыбаекъ,
 Проклятой сѣтью ловить негодяевъ!
 Столпы страны, вожди, свѣтила царства,—
 Всѣ другъ на друга, скоро тридцать лѣтъ,
 Какъ поднялись съ мечомъ братоубійцы!
 И божьи слуги, божій страхъ забывъ,
 Потворствуютъ дѣяньямъ нечестивымъ!
 Спасенья нѣтъ! Погибель неизбѣжна!

Цира.

Зачѣмъ во всемъ винить одну Тамару?
 Гдѣ-жъ царь? Гдѣ мужъ? Зачѣмъ онъ дозволяетъ?..

Гоча.

Гдѣ царь?!.. Увы! Онъ разумъ потерялъ!
 Когда-бъ ты знала, кѣмъ нашъ царь былъ прежде!
 Иль думаешь, дитя, что не любилъ онъ
 Своей жены, своей царевны кроткой?!..
 Въ его душѣ любовь не умерла:
 Другія мысли грѣхъ ему внушили!
 Не будь при немъ Тамары безсердечной,
 Свою жену давно бы воротилъ онъ—
 И ожилъ бы, расцвѣлъ бы цѣлый край!
 Нашъ край—мертвецъ, пока жива Тамара!..

Цира.

Царевна!.. Правда!.. Царство оживеть,
 Воспрянетъ все для счастья и свободы!..
 Что-жъ медлю я?! Что-жъ медлишь ты, пѣвецъ?!
 Скорѣе путь надежный укажи мнѣ!
 Не надо! Нѣтъ! Я знаю, что мнѣ дѣлать!
 Дай мнѣ кинжалъ!..

Гоча.

Геройское дитя!
 Ты доблестью растрогала мнѣ душу!
 Я вижу, ты не даромъ дочь мингрельца!
 Но не тебѣ за это дѣло браться:
 Ты нѣжное, ты слабое созданье!..
 Невѣрный шагъ одинъ сгубить все можетъ:
 Тутъ надобно разить навѣрняка!..
 Подробно все и зрѣло я обдумалъ.
 Есть удалецъ Нико, Нико-гуріецъ,

Прославленный у насъ игроу въ мячъ;
 Его вблизи видала-ль ты, скажи мнѣ?!
 При немъ сердца красавицъ кутаисскихъ
 Какъ птички передъ ястребомъ трепещуть,
 Но тщетно все: онъ ихъ и знать не хочетъ,
 Онъ полюбилъ одну, что краше всѣхъ,
 Онъ отдалъ ей всѣ помыслы, всѣ чувства
 И для нея пожертвовалъ бы жизнью...
 Но кто-жъ она?.. Не знаешь ли, мой другъ?
 Не ты-ль сама?.. Ого, какъ покраснѣла!..
 Къ чему тебѣ скриваться и стыдиться?!
 Любви такого витязя отвѣтить
 Не только можно, — должно, Богъ велить!
 Не выдастъ онъ! Надежный, вѣрный малый!
 Во всемъ ему открыться можешь ты
 И если онъ тебѣ душою преданъ
 И къ родинѣ любовью вдохновенъ,
 Ты проводи его въ опочивальню,
 А тамъ ужъ онъ...

Цира.

Вѣдь онъ за то погибнетъ!
 Нѣтъ, лучше я пожертвую собой!..

Гоча.

Да кто-жъ узнаетъ?! Все свершится тайно,
 Убійцу ночь безмолвная покроетъ...
 А если нѣтъ, — его всегда ты можешь
 Спасти, принявъ убійство на себя...

Цира.

Да! Да, ты правъ...

Гоча.

Довольно волноваться!..
 Вокругъ него обейся хитрой змѣйкой,
 Провѣрь его, взволнуй, обворожи —
 И, лишь увидѣвъ твердую рѣшимость,
 Повѣдай все... не сразу, понемногу...

Цира.

Довольно! все я поняла! Прощай!
 И да поможетъ мнѣ святой Георгій! — *Убѣгаетъ.*

Гоча — *одинъ.*

Ужели гордую, всеильную царицу,
 Гнеущую народъ презрительной пятой,

Во прахъ низвергнетъ ножъ прислужницы простой?!
 Мышенокъ загрызетъ свирѣпую тигрицу?!
 Ужель? О, торжество!.. Дай силъ ей, Боже силъ!
 И на меня воззри! Избавь отъ мукъ сомнѣнья!
 Чтѣ, если это грѣхъ, измѣна, преступленье?!
 Его давно въ душѣ лелѣялъ я, носилъ!
 Нѣтъ, погасить хочу, а не возжечь крамолу!
 Низринувшись во мракъ, отчизнѣ свѣтъ вернуть,
 Геройскій духъ—царю, величіе—престолу!..
 Давно истомлена тяжелымъ гнетомъ грудь:
 Все кто-то мнѣ твердилъ во мглѣ ночей бессонныхъ:
 — „Свершай кровавый судъ! Пора спасти народъ!“
 Не Ты ли мнѣ вѣщаль, безсильнаго оплотъ,
 Духъ вѣчной истины, надежда угнетенныхъ,
 Не Ты-ль вѣщаль, мой Богъ:— „Иди! преступникъ тотъ,
 „Кто въ равнодушіи погрязъ, въ болотной тинѣ,
 „Чья не подымется разящая рука!
 „Вотъ сонмы жертвъ людскихъ трепещутъ въ паутинѣ!
 — „Дави же паука“!..

ДѢЙСТВІЕ II.

БОГАТАЯ УБОРНАЯ ТАМАРА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тамара въ красивомъ нарядѣ и Цира.

ТАМАРА.

А! Цира! Что-жь? Исполнила привязъ?!

ЦИРА.

Была—и все исполнено, царица!

ТАМАРА.

Ты видѣлась?

ЦИРА.

О, да... И отдала...

ТАМАРА.

И что же?

ЦИРА.

Ничего... Прочелъ онъ, силась
 Волненье скрыть, и, ставъ ко мнѣ спиною,
 Онъ бережно запряталъ на груди

Сокровище—письмо—и страстно къ сердцу
Дрожащею рукою прижимать!..

ТАМАРА.

Онъ былъ одинъ?

ЦИРА.

Одинъ, моя царица;

Онъ говорилъ какіе-то стихи
И радостью лицо его сіяло,
Блаженствомъ скрытымъ, смутнымъ ожиданьемъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ... какъ будто удивленьемъ,
Недоумѣньемъ взоръ былъ затуманенъ...

ТАМАРА.

Не помнишь ли, что Гоча говорилъ?

ЦИРА.

Два слова помню: „роза“ и „фіалка“...

ТАМАРА.

Ну, хорошо! Ступай! Когда придетъ онъ—
Предупреди меня—и знай: сегодня
Лишь для него открыта дверь моя!..

Цира уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тамара—одна.

ТАМАРА—*ходитъ съ волненіи и по
временамъ, подойдя къ зер-
калу, съ самодовольной улыб-
кой разсматриваетъ себя.*

Да! Какъ луна, достигшая предѣла
И полноты, и яркости сіянья,
И вышины своей стези лазурной,
Съ небесъ глядитъ съ улыбкой горделивой
И властно льетъ волшебный, тихій свѣтъ
На сонный міръ, на міръ замороженный,—
Такъ и моя, достигшая зенита,
Въ величїи расцвѣтшая краса!..
Надъ ней полетъ остановило время,
Ее крыломъ нетлѣнность осѣнила—
И я досель, на зло годамъ ревнивымъ,
Какъ подати, біеніе сердець
Беру съ земли и даже съ выси горней!..
И предо мной, въ оковахъ жгучей страсти,

Дрожать вожди, безстрашные герои,—
 Дрожать, какъ лань предъ хищною тигрицей!..
 Въ угоду мнѣ и слуги алтара
 Велѣнія соборовъ нарушаютъ!
 Моя краса влечетъ ихъ, какъ магнитъ
 Волшебною, таинственною силой,
 Мое сіянье зрячихъ ослѣпляетъ,
 Моя краса слѣпыхъ доступна взорамъ!
 Все для того, чтобъ, какъ веретеномъ,
 Я всѣмъ вертѣть могла по произволу!
 Такъ ослѣпленъ былъ думой обо мнѣ
 Степенный мужъ, премудрый Генатели:
 И позабылъ онъ прошлое святое,
 Грядущее, всю вѣчность радъ былъ дать
 За краткій мигъ грѣховнаго соблазна!..
 Князь Дадіанъ, ораторъ знаменитый,
 Передо мной въ смущеніи нѣмѣеть—
 И только смотреть, смотреть, какъ на чудо!
 И царь-слѣпецъ, смиренный царь Баграть,
 Меня всегда, какъ будто зрячій, видѣлъ,
 Какъ въ райскомъ снѣ весеннюю зарю!..
 И даже самъ угрюмый Гуріели,
 Могучій вождь, какъ левъ неукротимый,—
 Передо мной покоряе овцы!
 Онъ—рабъ мой! Вещь! Онъ у моей лечѣи,
 Онъ у вѣнца сталь трепетнымъ подвѣскомъ!..

Послѣ нѣкотораго раздумья.

Надъ всѣмъ я властна... Лишь одинъ пѣвецъ,
 Одинъ поэтъ, бездомный и безродный,
 Загадочный, задумчивый скиталецъ,
 Влечетъ меня къ себѣ неотразимо,
 Какъ сладостный безсмертія источникъ,—
 Но не дано мнѣ жажды утолить!..
 Моимъ желаньямъ онъ лишь непокоренъ—
 И въ честь другой его рокочетъ лира,
 Къ другой несутся звуки дивныхъ пѣсенъ!..
 Не примѣчаетъ онъ живой Тамары,
 Сверкающей въ расцвѣтѣ красоты:
 Къ другой, давно исчезнувшей Тамарѣ
 Онъ неземною страстію пылаетъ!
 Какъ странно! Призракъ любить онъ!.. Что если...
 Лукавить онъ—и, для отвода глазъ,

Въвряясь лишь крылатымъ пѣснопѣньямъ,
 Черты мои, томимъ любовью робкой,
 Въ чертахъ другой Тамары воплощаетъ?!..
 Самообманъ!.. Увы! себя я тщетно
 Въ уныніи мечтой безумной тѣшу!..
 Все это бредъ! Не вижу развѣ я,
 Что онъ во мнѣ царицу только видитъ,
 Даетъ мнѣ дань холоднаго почета!
 О, эта дань обиднѣй подавнѣя!..
 Нѣтъ!.. Какъ звѣздѣ не слышны всплески моря,—
 Не внемлетъ онъ трепещущему сердцу,
 Не видитъ молній страсти огневой,
 Въ очахъ его отвѣтной нѣтъ зарницы!
 Холодный взоръ стрѣлою ядовитой
 Преступное пронзаетъ сердце мнѣ,
 Вволнованную душу отравляетъ!..
 И на устахъ его порой змѣится
 Жестокая, бѣсовская улыбка...
 О, еслибъ я могла тогда мгновенно
 Повергнуть въ прахъ жестокаго безумца,
 Испепелить, стереть съ лица земли!..
 Мнѣ-бъ этотъ мигъ сталъ вѣчнымъ наслажденьемъ!..
 Но нѣтъ! Увы! Лицо его пороку
 Озарено другой, иной улыбкой:
 Надежды райской льетъ она бальзамъ!..
 Взгляну—и въ сердцѣ муки утихаютъ,
 На душу рой волшебныхъ грѣзъ нахлынетъ,—
 Обиды, скорбь и слѣзы—все забыто!..
 Бессильна я! изныла я въ плѣну,
 Рабыня двухъ загадочныхъ улыбокъ!
 Огонь и Ледъ! Во мнѣ двоится сердце,
 Душа... все существо мое двоится!
 Люблю его—и вмѣстѣ ненавижу,
 Сквозь ненависть мучительно люблю...
 И подчинить его себѣ я жажду,
 И жажду стать невольницей его!..
 Его душой владѣть, отдать всю душу,—
 Чтобъ, слившись съ нимъ, въ немеркнущемъ сіяньи,
 Въ лучахъ любви исчезнуть навсегда!..

ЯВЛЕНИЕ 3.

Тамара и Цира.

ЦИРА—*входя.*

Царица! Онъ пришелъ и ждетъ...

ТАМАРА.

Зови же!

Цира уходитъ.

ТАМАРА.

Сейчасъ войдетъ!.. Посмотримъ, гордый Гоча,

Чего теперъ меня ты удостоишь!..

Но, чу! Его шаги!.. Все ближе... ближе!..

Умѣрь же, сердце, трепеть недостойный!

Молчи, языкъ! Постыдныхъ тайнъ не выдай!..

Входитъ Гоча.

ЯВЛЕНИЕ 4.

Тамара и Гоча.

ТАМАРА—*сперва дѣлаетъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ Гочы, улыбувшись въ чтеніе книги.*

Ты здѣсь уже?! А я и не слыхала!

Ты самъ виной: ни сердца, ни очей

Отъ твоего послѣдняго творенья

Я не могу, не въ силахъ оторвать!

О! со временъ безсмертныхъ Руставели

Не видѣли мы творчества такого!

Въ чье сердце стихъ твой молніей падеть,

Тотъ весь объять восторгомъ вдохновенья,

Какъ ты, самъ ты, стиха создатель вѣщій!..

Въ немъ музыкѣ слова подчинены,

А музыка предъ мыслью преклонилась,

Летучихъ риемъ накрывшись опахаломъ!..

И въ плѣнъ берутъ твои созвучья душу!

Кто внемлетъ имъ—невольникъ ихъ творца:

Апостола въ немъ видитъ и пророка!..

Гоча.

Благодарю! благодарю, царица!..

О, нѣтъ, не мнѣ, смиренному рабу,

Такая честь! Твоей души щедротамъ

Обязавъ я высокой этой честью,

Такой хвалѣ не по заслугамъ внемлю!
 Когда бы мнѣ сказали, что царица
 Такимъ привѣтомъ пѣснь мою оцѣнить,—
 Я-бъ эту вѣсть насмѣшкой злою счесть!
 Могучій левъ сравнится ли съ котенкомъ?!
 Сравниться можетъ ли пѣвецъ убогій,
 Дятя страны, подавленной несчастьемъ,
 Съ пѣвцомъ побѣдъ, могущества и славы,
 Рожденнымъ, въ дни народнаго расцвѣта,
 На ясномъ небѣ яркою звѣздой!
 Той лиры звонъ былъ чуднымъ пѣньемъ рай
 И отголоскомъ радости народной!
 Такъ пѣть лишь могъ великій Руставели!..
 Мой слабый стихъ—надгробное рыданье,—
 Стенаньямъ вторить братьевъ угнетенныхъ..
 И если звукъ веселья иногда
 Слетитъ со струнъ моей печальной лиры,—
 Отъ жгучихъ мукъ то—отдыхъ мимолетный,
 Во мракѣ тучъ просвѣтъ небесъ лазурныхъ,
 То—жизни сонъ средь мертвенной пустыни!..

ТАМАРА.

Тебя мечта отрадная уносить
 Къ далекимъ днямъ священной старины,
 И вдохновленъ ты образомъ Тамары,
 Уже давно воспѣтой Руставели..
 Но не равны задачи двухъ пѣвцовъ:
 Вѣдъ Руставели видѣлъ въ блескъ славы,
 Въ лучахъ красы воспѣтую царицу,
 Благоговѣлъ предъ ней и вдохновлялся..
 А ты... изъ тлѣнья творческой мечтой
 Любимый призракъ тщетно вызываешь
 Изъ-за сѣдыхъ столѣтій невозвратныхъ!..

ГОЧА.

О, вѣтъ, царица! такъ не говори!
 Да развѣ могутъ умирать Тамары?!
 Онѣ живутъ, бессмертныя навѣки,
 Какъ ясный мѣсяцъ, вѣчно обновляясь!
 Для нихъ мигъ смерти—новой жизни мигъ
 И бытія нетлѣннаго начало!
 Въ сердцахъ народныхъ—тронъ ихъ нерушимый!..
 И предо мною вѣчная Тамара

Рисуется видѣньемъ лучезарнымъ—
 И трепещу, охваченъ силой чудной,
 Я передъ ней, святынею моею!
 Въ ней чистыхъ думъ источникъ свѣтлоструйный
 И бытія духовнаго заря,
 Въ пути земномъ неугасимый свѣточъ,
 Святой воды родникъ неистощимый!..

ТАМАРА.

Какъ странны вы, мечтатели-пѣвцы!
 Не плѣнены луною восходящей,
 Ища давно помершаго заката!
 На свѣтъ живой закрыли очи вы—
 И предъ угасшей молитесь лампадой,
 Забывъ про жизнь, за сказками гоняясь!..
 Всѣхъ васъ молва народная плѣняетъ!
 Какъ жаль! Вы ей привыкли вѣрить слѣпо
 И прихоти обманчивыхъ созвучій
 Вы сердца жизнь, вы душу отдаете!..

ГОЧА.

О, вѣтъ, царица! Еслибъ такъ все было,—
 Къ добру, впередъ идти не могъ бы міръ,
 Мракъ настоящаго закономъ стать бы
 И для годовъ грядущаго крылатыхъ!
 Мечты пѣвца, народныя повѣрья
 Порой вѣрнѣй дѣйствительности мнимой—
 И то, что нынѣ кажется мечтой,—
 Черезъ день, черезъ мигъ дѣйствительностью станетъ!..
 Не пѣтуха ль, ничтожной птицы, голосъ
 На правды путь апостола вернулъ?
 Такъ лиры звонъ, таеъ вольный стихъ поэта
 Грѣховный, тяжкій сонъ раба-народа—
 Какъ вольный вѣтеръ тучу—разгоняетъ!
 Не привлекають истинныхъ поэтовъ
 Ни зной страстей, ни золото, ни власть,
 Ни красоты отравленныя чары!
 Свободно быются вѣщія сердца
 И плещуть звуки лиры неподкупной!..

ТАМАРА—*съ досадою.*

Я это вижу,— и твои слова
 Пронзають сердце мнѣ стрѣлою жгучей!
 Какъ въ самолюбіи бываютъ люди

Безчувственны къ страданіямъ другихъ!..—*Въ сторону.*
 Нѣтъ силъ моихъ!.. Ужели онъ не видитъ?
 Къ чему-жъ молчать?.. Лишь рабская душа
 Сама съ собой и съ ближними лукавить!—*Поэту.*
 Пѣвецъ! ты видишь, я схожу съ ума!
 Истомлена, бессильна и больна я!
 И, какъ врачу, тебѣ хочу повѣдать
 О недугѣ мучительномъ своемъ!..
 Притворство, ложь—царицы недостойны,
 Но во сто кратъ позорнѣй для поэта!..
 Откройся мнѣ, всю правду мнѣ скажи:
 Упоренъ твой мечтамъ подвластный разумъ,—
 Но чувство?... сердце?.. Чтѣ творится въ сердцѣ?!..

Гоча.

Царица, я...

ТАМАРА.

Молчи! тамъ нѣтъ царицы,
 Гдѣ властвуетъ надъ всѣмъ иная сила,
 Природою вѣнчанная на царство!..
 Больная ждетъ спасенія отъ врача—
 И что-жъ въ отвѣтъ?! Молчанье и насмѣшки!..

Гоча.

Царица!

ТАМАРА.

Грѣхъ тому играть словами,
 Кто правды пѣснь поетъ землѣ и небу!..
 Не знаешь развѣ, чтѣ такое сердце
 Несчастной женщины, когда оно
 Охвачено стихійной, жгучей страстью?!..

Гоча—*въ сторону.*

Она права! Пора!.. И я не въ силахъ
 Притворства муки долше выносить!
 Все ей скажу, всѣхъ думъ завѣтныхъ тайны!—*Къ Тамарѣ.*
 Мнѣ жаль... Увы! желаннаго отвѣта
 Ты отъ меня, царица, не услышишь!
 Какъ передъ Богомъ, искренно хочу
 Я исповѣдаться предъ тобою!
 О, да, царица! Знаю, чтѣ такое,
 Чтѣ значить сердце женщины влюбленной!
 Въ немъ рай и адъ, добро и зло волшебнымъ
 Между собою связаны звеномъ—
 И нѣктара живительная влага

Въ немъ слита съ желчью... съ ядомъ смертоноснымъ!
 Влечетъ къ себѣ, влечетъ неотразимо
 Источникъ чудный!.. Сладокъ онъ вначалѣ,
 А подь конецъ—невыносимо горекъ!
 Минутнаго блаженства колыбель
 И многихъ лѣтъ холодная могила!..

ТАМАРА.

О, если такъ,—зачѣмъ на звонкихъ лирахъ
 Иную рѣчь ведете вы, пѣвцы?!
 Не искренни ли ваши пѣснопѣнья?
 Очаровать ли мiръ хотите ложью,
 Любовь, какъ даръ небесный, воспѣвая?!
 О вѣчно-юномъ, чистомъ, свѣтломъ чувствѣ
 Поете вы, приковывая слухъ
 Дѣтей земли, довѣрчивыхъ и слабыхъ!..

ГОЧА.

Нѣтъ! вѣщихъ струнъ воснуться ложь не можетъ
 И о другой любви онѣ рокочутъ!
 Не молній страсти бѣглый огонекъ,
 Не вешнихъ грозъ минутные порывы,—
 То вѣчный блескъ алмазныхъ звѣздъ небесныхъ,
 То вѣчный шумъ гиганта-овеана!
 Земная страсть доступна въ мiрѣ всѣмъ!—
 Лишь избраннымъ—огонь любви небесной!
 Онѣ избраннымъ чаруетъ взоръ духовный,—
 Толпѣ жъ дано во мракѣ пресмыкаться!..

ТАМАРА.

О, поняла! Но что-жъ?! не всякій развѣ
 Стремиться долженъ къ этому блаженству?!
 Вѣдь счастья нѣтъ, нѣтъ жизни безъ любви!
 За что-жъ клеймить, когда ее мы ищемъ,
 Насъ приговоръ толпы несправедливой?!..

ГОЧА.

Царица!.. я-бъ хотѣлъ... и могъ отвѣтить...
 Боюсь... отвѣтъ мой будетъ слишкомъ смѣлъ!.

ТАМАРА.

Нѣтъ, говори! все говори... хотя бы
 Въ твоихъ рѣчахъ звучали мнѣ упреки!

ГОЧА.

Возвышенной любви не осуждаютъ!
 Лишь та любовь грѣховна и позорна,
 Которой въ жертву нужно крови... слезъ...

ТАМАРА—*въ волнѣннѣи.*

Какъ странно!.. Часто слѣпы, близоруки
 Въ простыхъ дѣлахъ бывають проворливцы!
 Ужель и ты, пѣвецъ, меня винишь
 Въ волненіяхъ безумнаго народа?!..
 Когда бушуетъ, плещеть океанъ,
 Тогда корабль—могучихъ волнъ игрушка!..
 Я—карталина! Пламеннымъ потокомъ
 Клокочеть кровь въ неугомонномъ сердцѣ,—
 Внимаю я однѣмъ его рѣчамъ!
 Охвачена неутолимой жаждой
 Любовью жить, все ей отдать на жертву,—
 Металась я, въ исканьѣ изнывая,
 Искала я—и все не находила!..
 Виною въ томъ не я! Виною судьба,
 Одна судьба! негнѣная случайность!..
 Вѣдь мотылекъ, покуда онъ не встрѣтитъ
 Желаннаго прекраснаго цвѣтка,—
 Не кружится-ль надъ сорною травою?!
 Нѣтъ! Лишь когда тебя я увидала,—
 И умъ и сердце разомъ заявили:
 „Вотъ онъ! Его вездѣ искала ты!..
 Ты слышишь! Я твоя! твоя на-вѣки!
 Моя судьба въ твоихъ рукахъ, пѣвецъ!
 Не только я!—въ твоихъ рукахъ все царство!
 Тамары сердце кто привелъ въ смятенье,—
 Тотъ можетъ дать желанный миръ народу!
 Хоть безъ вѣнца,—ты властью будешь царь—
 И каждое твое желанье, прихоть
 Святымъ закономъ будетъ для Тамары!..
 Все сказано!.. О, заклинаю лирой,—
 Не мучь меня! Отвѣтствуй смѣло мнѣ!..

Гоча.

Царица!.. я... смущенъ... я недостойнъ...
 Иного ищетъ горестная лира,
 Иныхъ отвѣтныхъ ждетъ она созвучій!..
 На удивленье міру, на соблазнъ
 Тебя создавъ, могучая природа
 Ни творческихъ, волшебныхъ силъ своихъ,
 Ни чуднаго искусства не щадила—
 И одарила всѣмъ тебя, къ чему
 Душа поэта пламенно стремится!

Предъ совершенствами твоей красы
 Языкъ убогій смертнаго нѣмѣтъ!..
 Мнѣ кажется, когда тебя я вижу,
 Что небо, рай передо мной открыты!..
 Невѣдомымъ блаженствомъ опьяненъ,
 Невольно я завѣрныхъ струнъ касаюсь,
 Къ твоимъ стопамъ готовъ упасть въ восторгѣ!..
 Склоняю я чело благоговѣнно...
 И что-жь, о, ужась, предо мной встаетъ?!...
 Я вижу кровь, потоки алой крови!
 Я гибнущихъ внимаю стонъ предсмертный!
 Среди братоубійственной войны,
 Сиротъ и вдовъ мнѣ слышатся проклятья...
 Униженный, забитый, обнищавшій
 Народъ челомъ поникъ и глухо ропщеть!..
 Все вижу, слышу!.. Вмигъ мои мечты
 Какъ чудный сонъ безслѣдно исчезаютъ,
 Волшебный пламень мигомъ въ сердцѣ гаснетъ!
 Оно кипитъ лишь ядомъ, желчью горькой—
 И злобно смѣняются сатирой
 Любви моей восторженные гимны!—
 Я все сказал!.. Судить вели, царица,
 Казнить меня за дерзкое признанье!..

ТАМАРА.

Пусть прошлое печально и ужасно:
 Не я, повѣрь, виновна въ этихъ бѣдахъ!
 Грядущее зато—въ твоихъ рукахъ!
 Спаси меня!.. Мой путь, судьбу народа
 Своей любви сиянемъ озари!

ГОЧА.

Любить не можетъ сердце по приказу!
 Оно другой принадлежитъ всецѣло,
 Для ней трепещетъ свѣтлыми мечтами,
 Для ней одной, любимой, расцвѣло!

ТАМАРА.

Такъ любишь ты кого-нибудь?!.. Кого же?!..

ГОЧА.

Тамару.

ТАМАРА.

Дочь мою?!..

Гоча.
О, нѣтъ, царица!

ТАМАРА.
Тамару Абашидзе?!

Гоча.
Нѣтъ, царица!

ТАМАРА.
Молю! не медли, не терзай меня!
О, кто она?! Какая же Тамара...

Гоча.
Безсмертная, которая дала
Странѣ родной величiе и силу!
Которой славу лира Руставели
Въ созвучьяхъ дивныхъ міру возвѣстила!..

ТАМАРА.
Ха, ха, ха, ха! Теперь спокойна я!
Не ревновать же къ мертвымъ, въ самомъ дѣлѣ!
Но знай! Ты мой! Пѣвецъ, ты мой! Живая
Тебя живымъ Тамара не уступитъ!..
Обнимаетъ его.

Гоча.
О, что со мной?!.. Теряю разумъ я!..
Нѣтъ силъ!.. О, гдѣ я!.. Боже!.. Я ли это?!..
Вырывается изъ ея объятій.

Нѣтъ!.. Прочь!.. Нѣтъ!.. Стыдно истины пѣвцу
Проклятымъ чарамъ поддаваться!.. Дальше!..
Прочь отъ меня, волшебница!.. Змѣя!..
Безсильна ты!.. Ты надо мной не властна!
Ступай!.. Другимъ ты сѣти разставляй,
Другихъ туманъ красою сатанинской!..
Чье прошлое запятнано проклятемъ,
По чьей винѣ въ краю война пылала,
Шель родъ на родъ, съ ножемъ шель братъ на брата,
Все пограно,—и вѣра, и законъ,—
Для той во вѣкъ не станетъ сердце биться,
Ту—пѣснь моя позоромъ заклеить!..

ТАМАРА.
Все кончено!.. О!.. этотъ стыдъ ужасный!
Ужаснѣй всѣхъ страданій на землѣ!..

Погибло все!.. Вновь на лицѣ змѣиномъ
Я вижу эту адскую улыбку!..

*Вдругъ вскакиваетъ и срыгаетъ съ себя головной
уборъ, — лечаку.*

О, наглый рабъ! Тебя лишь испытать
Хотѣла я! Ты дерзокъ былъ, несчастный!..
Довольно!.. Эй!.. Сюда!..

*Вблѣаютъ придворные и стража; царица ука-
зываетъ имъ на поэта; его вяжутъ; онъ въ не-
доумѣннѣ молчитъ.*

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА 1.

Передъ дворцомъ. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Шутъ одинъ.

Шутъ.

Весь этотъ міръ — огромный маскарадъ...
Кто лучше всѣхъ переодѣтъ и маской
Лицо и душу лучше скрыть сумѣетъ, —
Предъ тѣмъ толпа склоняется въ почтеньѣ!
Какъ различить поддѣлку, мишуру,
Отъ истины, святой и неизмѣнной?
Кто край хотѣлъ отъ путъ освободить,
Тотъ самъ, увы! — томится въ заточеньѣ!
А я, себя унизивъ добровольно,
Ношу личину жалкаго шута,
Посмѣшищемъ служу для дармоѣдовъ,
Голодныхъ псовъ и сытыхъ ротозѣевъ!..
Да стоять ли все это выносить,
Когда слова утратили значенье?!..
Да, правъ поэтъ! Однажды молвилъ онъ:
„Вода нужна для омовенья тѣла,
„Чтобъ душу вымыть — требуется кровь“!..

Вынимаетъ кинжалъ.

Вотъ онъ, кинжалъ, убившій Дареджану!
Быть можетъ, намъ онъ счастье принесетъ!

Какъ мы въ бѣдѣ бываемъ суевѣрны!
 Какъ зданіе ума людского хрупко!
 Чуть грянетъ громъ—и трещины повсюду!
 Сквозь нихъ, какъ паръ, выходитъ здравый смыслъ—
 И вмгъ туда вползаетъ, лѣзетъ нечисть...
 Чего тамъ нѣтъ?! Сороконожки, мухи,
 Нетопыри, драконы, саламандры!..
 Какъ въ головѣ, однако, мѣста много!..
 Что-жъ это я?! До шутокъ ли теперь?
 А я смѣюсь, когда и плавать стыдно!
 Впилась въ меня, какъ въ бороду репейникъ,
 Проклятая привычка къ шутовству!..

ЯВЛЕНИЕ 2.

Шуть и Цира.

ЦИРА.

Ждала Никѡ—и что же?! Кто приходитъ?!
 Иль ты посмѣлъ отъ имени его
 Писать мнѣ, шуть?!..

ШУТЬ.

Малютка, не смущайся

И не сердись! Не могъ я знать навѣрно,
 Что ты, краса, придешь на зовъ шута,—
 Къ Никѡ-жъ, небось, пожаловала скоро!..
 Но шутки бросимъ!.. Видѣть непременно,
 Какъ другъ, тебя я долженъ былъ сегодня...

ЦИРА.

Скажи, во мнѣ ты присланъ кѣмъ-нибудь?

ШУТЬ—*показываетъ кинжалъ.*

Да, вотъ кинжалъ...

ЦИРА.

Отъ Гочи?..

ШУТЬ.

Ну, конечно!

ЦИРА.

Какъ? видѣлся ты съ нимъ? Вѣдь онъ подъ строгимъ...

ШУТЬ.

На то я шуть!.. А вотъ его письмо!..

*Подаетъ письмо Цирѣ.*ЦИРА—*читаетъ.*

„Все, что случилось, что насъ ожидаетъ,—

„Разскажетъ шуты! Послушайся его:
 „Онъ другъ! во всемъ держись его совѣтовъ!..
 „Спѣшите!.. Время дорого... Спѣшите!..“

Къ Шуту.

О, говори скорѣе, что случилось!..

Шутъ.

Гроза виситъ у насъ надъ головой!
 Царица заговоръ подозрѣваетъ —
 И, дочь свою виновницей считая,
 Съ ней завтра же покончить приказала!

Цира.

О, горе намъ!

Шутъ:

Не время горевать!
 Самимъ пора скорѣй за дѣло браться!..

Цира.

О, Боже мой!.. Такъ скоро!..

Шутъ.

Замолчи!

Скорѣй Никѣ вручи винжалъ завѣтный
 И пусть...

Цира.

Вѣдь онъ... погибнетъ, какъ измѣнникъ!..
 Лишусь его... сгублю его сама я!..

Шутъ.

Иль заживо пріятнѣе терять?!..
 Друзья спасти преступника сумѣютъ,
 Но пусть въ живыхъ останется Тамара, —
 Тогда прощай, плѣнительный Никѣ!..
 Иль ты слѣпа?! Ты развѣ не видала,
 Какъ на него глядитъ царица страстно?!
 Намѣтила его и не упустить!..

Цира.

Напрасный трудъ! Онъ любитъ лишь меня!

Шутъ.

У юноши измѣнчивое сердце...
 А силу чаръ злодѣйки ты забыла?!
 Нѣтъ! передъ ней, предъ этимъ обаяньемъ
 И не юнецъ, — никто не устоитъ!..

Цира.

О! я тогда... убью... убью себя!..

Шутъ.

Убьешь себя?.. Тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣй!
 Излечить все властительное время,—
 Никѣд тебя, любовь свою, забудеть!..
 Когда въ гробу холодномъ будетъ червь
 Останками твоими угощаться,—
 Тебя насмѣшкой будетъ поминать
 Никѣд, съ твоей соперницей обнявшись!..

Цира.

О, замолчи! Проклятая сова!

Шутъ.

Ага, должно быть, правда неприятна?

Цира.

Пока жива,—не уступлю его!

Шутъ.

Попробуй-ка не уступить царицѣ!

Цира.

Въ любви сама я—властная царица!

Шутъ.

Царица ты?.. Такъ повели рабу,
 Вели Никѣд исполнить долгъ кровавый!..

Цира.

О, да! Но гдѣ онъ?! Какъ его увидѣть?!
 Скорѣй...

Шутъ.

Онъ здѣсь... Онъ ждетъ неподалѣку!
 Я позову... И все—въ твоихъ рукахъ!..

Уходитъ.

Цира.

О, Господи! Зачѣмъ священнымъ чувствамъ
 Безъ нивости, безъ крова, безъ коварства
 Здѣсь не дано успѣхомъ увѣнчаться?!
 Кто переплелъ хлѣба съ травой ползучей,
 Добро со зломъ и счастье съ преступленьемъ?!
 О, Боже мой, какъ тяжело обнимать
 Грѣховными, кровавыми руками!
 Какъ тяжело мнѣ!..

ЯВЛЕНИЕ 3.

Цира и Нико.

Нико.

Ты здѣсь, мое блаженство?!

*Обнимаетъ ее.*ЦИРА—*отталкивая его.*Прочь, дерзкій!.. Прочь! Я не давала права
Такъ оскорблять...

Нико.

Гдѣ-жъ оскорбленье, Цира?!

Люблю тебя—и ты оскорблена?!

ЦИРА.

Когда любовь... границы переходить...

Нико.

Жестовая! Вѣдь я же заслужилъ...

ЦИРА.

Мою любовь?! Чѣмъ?! не игрой ли въ мячикъ?!
Иль тѣмъ, что ты придворныхъ, эту челядь,
Веселой плясвой, звонкой пѣсней тѣшишь?
Гдѣ подвиги геройскіе твои?!

Нико.

Испытывай!.. Вели! Скажи, что дѣлать!
Я жизнью радъ пожертвовать тебѣ!..

ЦИРА.

Мнѣ сказочныхъ, безцѣльныхъ жертвъ не нужно!
За тридцать земель не попрошу я
Тебя скакать за птичьимъ молокомъ,
Иль добывать мнѣ камень самоцѣпный,
То хитростью, то лютымъ, смертнымъ боемъ,
Ивъ грозныхъ лапъ огнистаго дракона!
Ты помнишь ли героя Ласхи-Швили?
Онъ сказочныхъ затмилъ богатырей,
Онъ славенъ, чтимъ народомъ благодарнымъ!

Нико.

За то, что онъ царицу заколеть?!

ЦИРА.

Да, онъ убилъ царицу-людоедку,
Онъ поразилъ дракона—Дареджану—
И край родной онъ спасъ кинжаломъ этимъ!*Показываетъ кинжалъ.*

Его кинжалъ!.. Возьми его!.. Ты понялъ?!

Нико.

Ты шутишь, Цира?! Какъ?! Убить царицу?!..

Цира.

Что?! жаль ее?!.. Ха, ха! Я пошутила,
Лишь испытать хотѣла я тебя!..
Такъ вотъ, Никѡ! Вотъ какъ меня ты любишь?!
Иди же къ ней и все открой скорѣе!
Дадутъ награду!..

Нико.

Цира! чтѡ съ тобой?!

Не жалость...

Цира.

Трусость!.. Ты меня не любишь!

Нико.

О, замолчи! Я вырвалъ бы языкъ
Тому, кто мнѣ сказать посмѣлъ бы это!..
Но знать хочу я, Цира, ты не шутишь?!

Цира.

Нѣтъ, мой Никѡ! Увы! мнѣ не до шутокъ!
Знай: безъ того, клянусь, я не твоя!

Нико.

А если я... рѣшусь?..

Цира.

О, все отдамъ я,
Любовь и жизнь!.. Всю жизнь!

Нико.

Повелѣвай!

Веди меня, приказывай, чтѡ хочешь!
На все пойду... Но знай: при неудачѣ,
Не свидимся, быть можетъ, мы съ тобой!..
Позволь обнять тебя хоть на прощанье!
Твой поцѣлуй горячій вдохновить,
Дастъ силы мнѣ на подвигъ непривычный!
Георгіемъ святымъ тебѣ клянусь,
Что я...

Цира.

Довольно! Не клянись! Я вѣрю!
Согласна я! мой первый поцѣлуй
Пусть вѣрности, любви залогомъ будетъ,
А если ты, какъ воръ, не сдержишь слова,—

Пусть на уста твои позоромъ ляжетъ!..

Цѣлуются.

О, мой Никѡ! Желанный!.. Тссс... шаги!..

Вырывается изъ объятій.

Нико.

Не бойся!.. Нѣтъ! Во мракъ торопливо

Ночная птица мимо пролетѣла...

Цира.

Нѣтъ! Нѣтъ! Пойдемъ!.. и сядемъ подъ чинаръ!

Тамъ продолжать бесѣду безопаснѣй...

Уходятъ.

СЦЕНА 2.

БОГАТО УБРАННАЯ СПАЛЬНЯ ЦАРИЦЫ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Царица спитъ за занавѣсью; Цира сидитъ въ углу, играетъ на чонгури и поетъ.

Цира — *поетъ.*

Спи, фіалка скромная,

Роза благовонная,

Счастьемъ озаренная!

Баюшки-баю!

Міру украшеніе,

Людямъ удивленіе—

Создалъ Царь творенія

Красоту твою!

Спи, какъ безмятежные,

Спи, какъ бѣлоснѣжные

Ангелы въ раю!

Тихо ночь туманная,

Ночь благоуханная

Шепчетъ: „Спи, желанная!

Баюшки-баю!“

Откладываетъ въ сторону чонгури.

Да, засыпать моя царица любить

Подъ звуки нѣжной, трепетной чонгури,

Перелетать на крыльяхъ райскихъ грёзъ

Въ объятія крылатыхъ сновидѣній!

Покрѣпче спи! На этотъ разъ, быть можетъ.

Красавица, заснешь—и не проснешься!

Царица просыпается; Цира снова беретъ чонгури и поетъ.

Завидуетъ пышная роза
 Румянцу лица твоего,
 Фиалка—стыдливости нѣжной!
 Ихъ горе—твое торжество!
 Ихъ сердце смятеньемъ объято
 Отъ чаръ твоего аромата!..
 Краса неземная, сомнени
 Свои лучезарные глаза
 И сномъ, что плѣнительнѣй сказки,
 До яснаго утра засни!..

Поютъ пѣтухи; она откладываетъ чонгури.

Ужъ пѣтухи поютъ, а ей не спится!
 Предчувствіе не гложетъ ли ее?!
 Я вся дрожу!.. Мнѣ страшно стало...

ТАМАРА.

Цира!

ЦИРА.

Я здѣсь, царица!..

ТАМАРА.

Съ кѣмъ ты говорила?

ЦИРА.

Я здѣсь одна... ужъ поздно... вслухъ молитву
 Твержу...

ТАМАРА.

Еще мнѣ спой и уходи,
 Взамѣнъ себя пришли ко мнѣ другую...

ЦИРА—*постъ.*

Черныхъ лобановъ твоихъ
 Пряди шелковистыя
 Затмѣваютъ ночь!
 Взоры глазогъ огневыхъ,
 Ясные, лучистые,
 Гонять зорьку прочь.

* * *

Сонъ пока ихъ не сомкнетъ,—
 Зорька не появится:
 Стыдно, страшно ей!
 Сонъ! врачуй истома гнетъ!
 Здѣсь моя красавица!
 Сонъ, лети скорѣй!..

* * *
 На рѣсницы опустишь
 Къ ней незримой дымкою!
 Краше мѣста нѣтъ,—
 Облети хоть неба высь,
 Землю невидимкою,
 Хоть бы цѣлый свѣтъ!

* * *
 Не найдешь такой красы!
 Обними же радостно
 Плѣвницу свою!
 Спи, краса!.. Бѣгутъ часы...
 Спи спокойно, сладостно!..
 Баюш...

Лопается струна. Царица мѣрно дышетъ.

Цира оставляетъ чонгури.

Хорошій признакъ! Лопнула струна!
 Порвется нить ея преступной жизни!..

Прислушивается.

Заснула!.. мѣрно дышетъ!.. Да!.. Пора!..

*Уходитъ и черезъ минуту вводитъ Нико
 съ кинжаломъ въ руку.*

ЯВЛЕНИЕ 2.

Цира, Нико и Тамара.

ЦИРА.

Тихонько!.. Тсс!.. Она заснула вѣриво!
 Закрой же дверь! Пора, пора!.. Смотри же,
 Чтобъ у тебя рука не задрожала!..
 Безъ промаха! Рази ее смѣлѣй!..
 Къ твоимъ ногамъ тогда паду на вѣки
 Я, какъ жена, любовница, раба...

НИКО.

Какъ?! Женщина безсильная желаетъ
 Меня, бойца, учить владѣть кинжаломъ?!
 Да если бы я даже трусомъ былъ,—
 Воспламененъ обѣщанной наградой,—
 Мгновенно я въ героя обратился-бъ!..

Идетъ на цыпочкахъ къ Тамарѣ.

ЦИРА—*отходитъ въ сторону и
 закрываетъ лицо руками.*

О, Боже мой! Какъ тяжело, какъ страшно

На чело́вка руку поднимать!..
 Всѣмъ сердцемъ я Тамару ненавижу,—
 А слезы жалости неудержимо
 Текуть изъ глазъ! Не въ силахъ я смотрѣть
 На этотъ ужасъ!..

Нико — *отдергиваетъ занавѣсъ съ
 постели и замираетъ въ
 этой позѣ.*

Боже! Чтò я вижу!
 Не райское ль видѣнье съ небеси,
 Не чудо ли на грѣшный мiръ слетѣло?!
 Да смѣетъ ли холодный ножъ воснуться
 Такихъ красотъ волшебныхъ, несравненныхъ?!
Дрожитъ и ромлетъ кинжалъ.

ТАМАРА — *проснувшись.*
 Кто здѣсь?! Никò?!.. Ты какъ вошелъ сюда?!
 И какъ ты смѣлъ, несчастный?!
Нико трепещетъ; царица продолжаетъ ласково.
 Нѣтъ! Не бойся!

Простила я! Мнѣ юноши отвага
 Всегда мила!.. Ты время выбралъ кстати...

Нико.
 Преступникъ я! Казнить меня веди!
 Казнить меня! живьемъ зарыть въ могилу!
 Я заслужилъ!.. Я прогнать!.. Я несчастный!

ТАМАРА.
 Безумецъ мой! Ты страстью опьяненъ!..
Хочетъ обнять его и притягиваетъ къ себѣ.

Цира.
 Чтò вижу я?! Объяты, поцѣлуй?!
 Обманывать?! Меня отдать ей въ жертву?!
 Будь проклята, Никò, твоя измѣна!
 Вы кровью мнѣ заплатите!..
*Выхвативъ кинжалъ, бросается къ нимъ; Нико
 вырываетъ кинжалъ.*

ТАМАРА.
 Сюда!
 Сюда!.. Измѣна! Рѣжутъ!.. Помогите!..
*Въ боковыя двери вбѣгаютъ Царь и нѣсколько
 придворныхъ.*

ГЕОРГІЙ.

Что здѣсь за крикъ?! Измѣна?! Кто измѣнникъ?!

ТАМАРА.

Во время сна хотѣла эта... Цира
Убить меня, — но онъ вошелъ и спасъ!..

ЦИРА.

Царь! Лжетъ она! Къ парицѣ на свиданье
Явился онъ! Вѣдь онъ — ея любовникъ!
Ихъ опьянилъ туманъ безумной страсти:
Я тутъ была, — они и не видали!..
А сколько разъ меня онъ увѣрялъ
Священною, горячей, страшною клятвой,
Что мной одной онъ и живетъ и дышетъ!
И что-жь?! Онъ здѣсь!.. Въ объятіяхъ царицы!..
Не въ силахъ я была снести ударъ:
Въ безумствѣ я кинжалъ тогда схватила,
Чтобъ поразить его, а не царицу!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу я?!.. Царица...

ПРИДВОРНЫЕ.

Оскорбленье!..

ТАМАРА — *къ царю.*

Казалось бы, опомниться пора!
Тутъ заговоръ, тутъ противъ насъ измѣна,
Возстаніе... и царь его не видитъ! — *Къ придворнымъ.*
Я вижу, есть измѣнники средь васъ!
Пускай теперь поддерживаютъ Циру!
Ха, ха! такъ вотъ кого вы подослали!
Такъ вотъ кто долженъ былъ меня убить!..
Подумаешь, какая героиня!..
А за спиной моею служанки вѣрной
Кто спрятался?!.. Пора бы допросить!
Другіе кто?!.. Узнать!

ГЕОРГІЙ.

Вяжите Циру!

Вы слышали?! Великіе царицы
Исполните и доложите намъ!

Циру вяжутъ и уводятъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната во дворцѣ.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Тамара одна.

ТАМАРА—*сидя у окна, беретъ за сердце.*

Тутъ... тутъ болить... болить невыносимо!..
 Нигдѣ себѣ не нахожу покоя!..
 Что это?!.. Страсть?!.. Нѣтъ!.. страсть не такова!..
 Не то!.. Не то во мнѣ заговорило,
 Когда въ тюрьмѣ... О! что за сила въ немъ,
 Какія чары въ этомъ человѣкѣ!..
 Въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, на волосѣхъ отъ смерти,
 По манію мизинца моего
 Готовый стать ничтожной горстью пыли,—
 Онъ для меня все тотъ же повелитель!..
 Какъ съ высоты безоблачныхъ небесъ
 Глядятъ во тьму спокойныя свѣтила,
 Такъ взоръ его мнѣ въ душу проникаетъ,
 Безжалостный, неотразимый взоръ!..
 Ушла!.. и что-жъ?! Я вижу эти очи,
 Я вижу ихъ... И этотъ исхудалый,
 Измученный, но все же властный ликъ!..
 А нѣжности, любви въ немъ сколько скрыто!
 Мгновенно какъ преобразился онъ,
 Узнавъ о томъ, что Царю ожидаетъ!..
 Какой мольбой затеплились глаза!
 И подъ лучомъ невидимаго солнца
 Гордыни ледъ слезами заструился!
 О, какъ гѣвецъ упалъ къ моимъ ногамъ
 И, какъ дитя, залепеталъ: „Простите,
 „Прости ее!“... О! этотъ голосъ!.. Боже!..

Закрываетъ лицо руками.

Тамъ... гдѣ-то тамъ, въ душевной глубинѣ
 Проснулись невѣдомыя струны...
 Звенять онѣ... все громче... все слышнѣй!..
 Какъ смѣть онѣ?!.. Все онѣ!.. Я встрепенулась
 И съ хохотомъ ушла я изъ тюрьмы...
 Пора!.. Нельзя!.. Нельзя мнѣ такъ... постыдно..

Да что со мной?! Съ ума схожу я, что-ли?..
 Царица я, а мнѣ обиды сладки...
 Я жизнь люблю, я жизнью вся дышу,
 А между тѣмъ... А между тѣмъ... порою
 Завидую... Кому же?!.. Той... Тamarъ...

Вскакиваетъ и ходитъ по комнатѣ.

Съ ума сошла!.. Да это навожденье!..
 О, страшно мнѣ! я все чего-то жду...
 Да, новое, таинственное что-то...
 Казнить его!.. казнить—и все пройдет!
 Все глупости! Тamarъ не пристало
 Нелѣпныхъ чувствъ быть жалкою рабыней!
 Нѣтъ! я—дита любимое судьбы
 И, какъ судьба, грозна, неумолима,
 Не стану я оплакивать, считать
 Раздавленныхъ моею колесницей,
 Свершая путь, мой путь побѣдоносный!..

*Остываетъ у окна, видитъ нѣсколько человекъ,
 идущихъ во дворецъ, и отскакиваетъ въ волнении.*

Идутъ сюда!.. Я не хочу ихъ видѣть,
 Я не могу... Я знаю, всѣ меня...
 Я ненависть читаю въ каждомъ взглядѣ!..
 Все... воздухъ... все... пропитано измѣной...
 Уйду отъ нихъ!.. Но отъ самой себя,
 Да! отъ себя куда уйти мнѣ, Боже?!..

Быстро удаляется.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Кутатели, Накашидзе и Шуть.

Кутатели.

Ну, что нашъ царь? Скажи, какія вѣсти?..

Накашидзе.

Не спрашивай! Глядѣть невыносимо!
 Усилилось еще разлитѣ желчи:
 Весь пожелтѣлъ, глаза поблекли странно...
 Да, признаюсь, мнѣ страшно за исходъ...

Кутатели.

Пройдетъ! Господь поможетъ милосердый!
 Вѣдь столь же плохъ бывалъ и прежде царь:
 Болѣзнь сама собою проходила!..
 Зачѣмъ же намъ терять надежду! Полно!

НАКАШИДВЕ.

Забудьте! онъ вѣдь былъ совсѣмъ здоровымъ,
 Какъ вдругъ... ему подносить секретарь
 Для подписи рѣшеніе совѣта...
 Вмигъ на чертахъ могучихъ, благородныхъ,
 Досада, гнѣвъ, тревога отразились!
 Онъ на клочки, казалось, былъ готовъ
 Сейчасъ порвать проклятую бумагу!..
 Но въ этотъ мигъ явилася Тамара
 Во всей красѣ грѣховнаго соблазна...
 Остолбенѣлъ, внезапно вздрогнулъ царь,
 Волшебной силѣ словно повинуюсь,—
 Схватилъ печать и приложилъ къ бумагѣ!..
 Покончилъ онъ съ судьбой поэта горькой,
 А вмѣстѣ съ тѣмъ... и съ собственной судьбой!..
 Загадочнымъ событіемъ той ночи
 И этимъ всѣмъ глубоко потрясенъ,
 Онъ изнемогъ! Сомнѣній жгучихъ змѣи
 Чувствительное сердце обвиваютъ!
 Онъ мечется, какъ безъ руля корабль!
 Двойнымъ бѣньемъ сердце въ немъ трепещетъ:
 То вѣрить онъ всему, не разбирая,
 То никому и ничему не вѣрить!
 Онъ, какъ въ тюрьмѣ, безъ пищи и безъ сна,
 Сидитъ одинъ средь роскоши пустынной—
 И признаюсь, я очень удивляюсь
 Тому, что насъ онъ приказалъ позвать!
 Къ чему теперь?!.. Посмотримъ, что-то скажетъ!— *Къ Шуту.*
 А ты какъ здѣсь?! Неужто и шутовъ
 Уже зовутъ къ царю на совѣщанье?!

ШУТЬ.

А что же?! Да! я призванъ, какъ и вы!
 Сначала вамъ болтать необходимо,—
 А послѣ я повру не хуже васъ!
 Ну, съ Божьей помощью, тогда, быть можетъ,
 Удастся намъ сострапать что-нибудь!..
 Вы сами знать изволите: тѣмъ больше
 Придворныхъ явится въ совѣтъ,—тѣмъ хуже!
 Тамъ головы не встрѣтишь ни одной,—
 А все хвосты! Хвостовъ ужасно много—
 И всякій радъ служить хвостомъ другому!
 Извѣстны вамъ хвостовъ собачьихъ свойства?

Едва одинъ изъ нихъ начнетъ вилять,—
 Изъ подражанья всѣ зашевелятся!
 И дружно такъ, и стройно все выходитъ!
 Во истину, нигдѣ, ни въ чемъ на свѣтѣ
 Согласія такого не найти!
 Вотъ и вчера здѣсь праведные судьи,
 Сердца и головы оставивъ дома,
 Хвостами лишь собачьими виляли!
 Святой Георгій пусть ихъ покараетъ!
 Они виляньемъ правду погубили
 И слазили, испортили царя!
 Да! бѣдный царь, увы! почти помѣшанъ—
 И я, какъ шутъ, по шутовскому праву
 Пришелъ сюда излечивать его!..

Кутатели.

Для глупыхъ шутокъ время неудобно!
 Объ этомъ самъ ты долженъ бы подумать!

Шутъ.

Подумать?! Мнѣ?! Да развѣ я придворный?!
 Я—гордый шутъ! Не лѣзу въ царедворцы!
 Замѣтилъ я: недаромъ говорятъ,
 Что мудрецы-вельможи скоро вянутъ,—
 А вотъ шуты не старѣются долго.

Накашидзе.

Довольно врать! Ужъ очень ты развязанъ!
 Ты въ дерзости, пожалуй, перейдешь!
 Смотри!..

Шутъ.

Простите! право, забываю,
 Что здѣсь я, шутъ, одинъ среди придворныхъ,—
 И жалкаго ягненочка слабѣй
 Среди волковъ придирчивыхъ, зубастыхъ,
 Имѣющихъ прекрасный аппетитъ!..
 Но стоитъ ли вамъ обращать вниманье
 На всякій вздоръ?! Я—шутъ!.. Я—пустомеля!..
 Однако... Тсс! Вы слышите?.. шаги!..
 То вѣрно царь идетъ сюда изволить!..

Всѣ отходятъ въ сторону.

ЯВЛЕНИЕ 3.

Тъ же и Георгій.

ГЕОРГІЙ—*не замѣчая никого.*

Нѣтъ! такъ нельзя! Нѣтъ! Циру ослѣпить
 И, все забывъ, поэта обезглавить?!
 Рѣшеніемъ поторопился я!
 Нѣтъ! развѣ слухъ и зрѣнье насъ не могутъ
 Вести въ обманъ?!.. Однако же... въ то время
 Гуріецъ былъ въ ея опочивальнѣ!
 Какъ онъ проникъ?! Кто могъ его впустить?!..
 Вѣдь онъ ко мнѣ явиться поспѣшилъ бы,
 Когда-бъ хотѣлъ онъ заговоръ отереть!..
 А можетъ быть, и Гоча... Нѣтъ! едва-ли!
 Онъ уличенъ! При этомъ люди были...
 Но все-жъ, увы! поторопился я,
 Не обуздалъ я вспыхнушаго гнѣва!..
 О, какъ легко я друга оттолкнулъ,
 Которому все довѣрялъ такъ долго!..
 Чтѣ, если онъ невиненъ... я ошибся?!..
 Увы! бѣда уже непоправима!..

Оглядывается и видитъ придворныхъ.

А! вы ужъ здѣсь?! Привѣтъ вамъ! съ добрымъ утромъ!
 Успѣха же, побѣды пожелать
 Я не рѣшаюсь: въ наше злое время
 И братъ не прочь упиться братской кровью!

КУТАТЕЛИ.

Великій царь!..

ГЕОРГІЙ.

Гдѣ видишь ты царя?!
 Да, былъ и я могучимъ властелиномъ:
 Когда-то былъ я сильнымъ и свободнымъ—
 И предо мной дрожали султаны въ Стамбулѣ!..
 Но съ той поры, какъ тронъ имеретинскій
 Достался мнѣ,—я сталъ царемъ царей,—
 Повинуло меня бывшее счастье
 И гаснетъ слава, купленная кровью!..
 Какъ нѣкогда великій Моуравъ,
 И я хотѣлъ Иверію родную
 Освободить отъ ига Шахъ-Абаса!
 Для этой цѣли душу я сгубилъ,

Я преступилъ законъ людской и Божій—
И что-жь? Увы! сталъ женщины рабомъ!
Могучій дубъ сталъ трепетной былинкой!..
О, горе мнѣ!

НАКАШИДЗЕ.

Могучій царь!

ГЕОРГІЙ.

Кого же

Зовешь ты такъ?!.. Живого мертвеца!
Какой же царь, чужимъ страсти въ угоду,
Пожертвовалъ бы лучшими друзьями?!
О!... тяжела ты, страшно тяжела,
Неправдою добытая корона!
Тебѣ нужны все новые устои!
Да, какъ столповъ, ты требуешь себѣ
Все новыхъ жертвъ и новыхъ преступленій!..

КУТАТЕЛИ.

О, государь! дозвожь мнѣ возразить:
Томишься ты раскаяньемъ чрезмѣрнымъ!
Царей сердца всегда въ рукахъ у Бога!
Ты лишь скрѣпилъ народное рѣшенье!..

ГЕОРГІЙ.

Да, какъ Пилать, себѣ умылъ я руки,
Чтобъ самому спастись отъ нареканій!
Да, съ виду я, какъ будто, ни при чемъ!
Ха, ха, ха, ха! я бѣлъ, какъ снѣгъ нагорный!..
Но есть у насъ и внутренній законъ:
Онъ не молчить, онъ не даетъ покоя!..
При чемъ народъ?! Нашли кого винить!
Народъ—толпа, онъ—стадо, онъ—стихія!
Бѣда ему, когда нечестенъ пастырь!
Онъ лишь страдать умѣетъ терпѣливо,
Нежданное геройство проявлять,
Иль безъ нужды, безъ цѣли волноваться,
Какъ въ часъ грозы могучій океанъ!..
Таится въ немъ загадочная сила,—
Но истину онъ рѣдко видитъ самъ:
Не видитъ онъ, порою только чувствуетъ,
Угадывать порою лишь умѣетъ,
Какъ въ облакахъ сокрытую звѣзду!
Нѣтъ! опытный, надежный, дальнзоркій

Вездѣ, всегда народу нуженъ вождь!
 Порукой въ томъ исторіи скрижали!..
 Ты помнишь ли, мой старый Накашидзе?
 И я такимъ когда-то былъ вождемъ!..
 И все, какъ дымъ, исчезло, разлетѣлось!..

Накашидзе.

Да! помню я! Совѣтамъ старика,
 Мои рѣчамъ внимали вы, бывало!..
 О, памятью былого закливаю:
 Опомнитесь, мужайтесь, государь!
 Вся жизнь полна загадокъ и ошибокъ!
 Постичь нельзя, нѣтъ силъ ихъ отразить:
 То лучшихъ дней, грядущихъ дней задача!
 Но вамъ нельзя, вамъ стыдно духомъ падать!
 Не тосковать, — развлечься нужно вамъ!..

Шутъ — къ Накашидзе.

Вотъ это такъ! тащился и доѣхалъ!
 Ты видишь самъ, что очередь за мною! — *Къ Царю.*
 Мой добрый царь, дозвожь мнѣ взять чонгури
 И шутовскою пѣснюю...

Георгій — *горько улыбаясь.*

Туда же!

Накашидзе — *шопотомъ Шуту.*

Ты разсмѣшить попробуй...

Георгій.

Что за шопоть?!

Кутатели.

Онъ пѣсню спѣть собирается...

Георгій.

Ну, что-жъ,

Пускай поетъ! Быть можетъ, легче станетъ!..

Полулежа, кладетъ голову на мутаку.

Шутъ — *играетъ на чонгури и поетъ.*

Съ неба льется дождь кровавый,
 Всюду запахъ мертвечины:
 Тѣ съ землей враждуетъ небо!..
 Съ неприступными горами
 Поровнялися долины.

* * *

Передъ зайцами трепещутъ
 Въ дикомъ ужасѣ борзые,

Предъ голубкой—соколъ ясный!
 Другъ измѣнникомъ сталъ другу,
 На родныхъ идутъ родные!..

Накашидзе—*вырываетъ изъ рукъ*
Шута чонгури.

Никакъ съ ума ты спятилъ, дерзкій шутъ!

ГЕОРГІЙ—къ *Накашидзе.*

Оставь его! Отдай ему чонгури!—*Къ Шуту.*
 А ты продолжи, пѣсня мнѣ по вкусу!

Шутъ—*поетъ.*

Прояснись, родное небо!
 Ты воспрянь, мой соколъ ясный,
 Къ облавамъ влети высоко!
 Озари, бывлая дружба,
 Яркимъ свѣтомъ мракъ ненастный!

* * *

Посѣти пѣвца въ темницѣ!
 Безъ вины изнылъ въ страданьяхъ,
 Не о собственной судьбѣ онъ,—
 О святыхъ надеждахъ плачетъ,
 Объ увядшихъ упованьяхъ!..

Царь быстро поднимается; Накашидзе и Кутатели
вскакиваютъ въ истуръ; Шутъ рокаетъ чонгури.

Кутатели и Накашидзе.

О, государь?!

ГЕОРГІЙ.

Вы слышали?!.. Понятно?!

Благодарю, благодарю, мой шутъ!
 Твои слова туманъ моей печали
 Разсѣяли! Прозрѣлъ я! Все мнѣ ясно!
 О, что за мерзость эта лесть придворныхъ,
 Ихъ осторожность робкая!.. Чума!
 Чума и язва для ума и чувства,
 Для правды—смерть!.. И я былъ зачумленъ!
 Довольно! Вздоръ!.. Я снова вѣнценосецъ!
 Не посрамлю я царской діадемы!
 Сподвижниковъ дано мнѣ только двое:
 Поэтъ и шутъ!—и больше никого!
 Да, честный другъ, мой шутъ правдолюбивый!
 Забавы соль ты съ укусомъ досады
 Смѣшалъ и сердце шуткой разжигашь,

Печальной правдой въ яреихъ блѣскахъ смѣха!
 А Гоча слезы съ желчью растворилъ
 И, обмакнувъ въ нихъ струны вѣщей лиры,
 Глаголомъ истины громить пороки!
 И я отнынѣ только имъ двоимъ
 Всегда, во всемъ, какъ Богу, буду вѣрить!..
 А прочіе—по низменной корысти
 Иль мудрости служебной—лгутъ и льстятъ!..

Кутатели.

Великій царь! Обидно это слушать!..
 Зачѣмъ другихъ ты забываешь слугъ,
 И преданныхъ, и вѣрныхъ до могилы?!

Георгій.

Да, преданныхъ, но слишкомъ осторожныхъ,
 Нѣмѣющихъ предъ торжествомъ неправды!
 Куда-жъ они попрятались, тѣ слуги,
 Когда поэтъ на казнь былъ осужденъ?!

Накашидзе.

Мы въ меньшинствѣ остались! Духовенство
 Трусливое применило къ Генатели,
 Въ отлучкѣ былъ нашъ доблестный сардаръ...
 Тогда съумѣлъ воспользоваться этимъ,
 Какъ ловкій врагъ, извѣстный Цулукидзе:
 Онъ большинство набралъ изъ негодяевъ—
 И вотъ, судьба поэта рѣшена!
 А потому на слугъ твоихъ невинныхъ
 Не гнѣвайся, великій государь!

Кутатели.

Народъ смущенъ жестокимъ приговоромъ...
 Волнуется...

Георгій.

Царя не обвиняютъ?!

Шутъ.

Нѣтъ... Явно нѣтъ... Но все же... кое-что
 Мнѣ довелось услышать стороною.

Георгій.

Что?!

Шутъ.

Говорятъ, что царь на то и царь,
 Чтобъ мнѣніемъ своимъ не поступаться
 Предъ всякими...

ГЕОРГІЙ.

Увы! Теперь ужъ поздно!

Все кончено! Приложена печать—
И царское ненарушимо слово!.

КУТАТЕЛИ.

Нѣтъ, государь! Не все еще погубло!
Вы можете рѣшенье отмѣнить,
И царскаго не нарушая слова!

ГЕОРГІЙ.

Загада? Ну! скорѣй же говори!
Не знаешь развѣ, что спасти поэта—
Желанье наше, страстное желанье?!..

КУТАТЕЛИ—*послѣ некоторой паузы.*

Конечно, вамъ извѣстны, государь,
Злодѣйскіе поступки Дареджаны?
Когда она царила грозно здѣсь,
Отъ насъ, увы, Всевышній отвернулся,
Несчастный край лишилъ Онъ благодати!
То было время смуть, крамоль измѣны!..
Отчизна, Богъ, и дружба, и родство—
Все попрано, все было позабыто
И, какъ теперь... Нѣтъ, я не то сказалъ...

ГЕОРГІЙ.

Да говори! Иль по ошибкѣ только
Ты правду мнѣ способенъ говорить?!

КУТАТЕЛИ.

Нѣтъ, я хотѣлъ... обмолвился... картина
Минувшаго припомнилась мнѣ вдругъ...
Такихъ временъ ни до того, ни послѣ
И не было, и наступить не можетъ!..
Предательствомъ и явнымъ преступленьемъ
Мірскія блага всякій покупалъ!
Возсѣвшее на тронѣ фарисейство
Купалось въ волнахъ народной крови,
Народными слезами умывалось!..
И каждый день бѣдою былъ чревать:
Смѣнялись дни, какъ будто вереницы
Тяжелыхъ тучъ, то черныхъ, то багровыхъ—
И этой тмѣ, казалось, нѣтъ конца!..
Вдругъ... выступилъ, какъ знаменщикъ предъ войскомъ,
Пророкъ-пѣвецъ—и съ лиры неподкупной,

Какъ съ выси горь, бушующимъ потокомъ
 Нязринулась властительная пѣснь!..
 Ей вяло все,—и хижина, и замокъ!
 И, какъ въ ночь разбуженный набатомъ,
 Придавленный, униженный народъ
 Глаза раскрылъ, затрепеталъ... воспрянул!..
 Его дитя,—фанатикъ Ласхи-Швили,
 Изнѣженный любимецъ Дареджаны,
 Родной странѣ пожертвовалъ собой:
 Глубоко въ сердце юноши запали
 Слова пѣвца—и онъ кинжалъ царицѣ
 Глубоко въ сердце лютое вонзилъ!
 И зашумѣлъ народъ, заволновался,—
 И мачихой гонимый, ослѣпленный,
 Вступилъ на тронъ законный царь Баграть.
 И царь Баграть велѣлъ призвать поэта:
 —„Не только я“, сказалъ онъ, „вся отчизна
 „За слово правды у тебя въ долгу!
 „Проси всего, всего, чего захочешь!“
 —„Благодарю“, царю пѣвецъ отвѣтилъ,
 „Богатство, власть и почести земныя,—
 „Ненужныя обузы для пѣвца,—
 „Къ его блаженству столько же прибавятъ,
 „Какъ нѣсколько едва замѣтныхъ капель
 „Къ пучинѣ водъ безбрежной океана!
 „Они скорѣй способны замутиль
 „Божественный источникъ вдохновенья!..“—
 Но царь Баграть съ пѣвцомъ не согласился
 И молвилъ:—„Ты свободенъ отъ желаній?!..
 „Но, можетъ быть, они еще придуть
 „Стучаться въ дверь, какъ путникъ запоздалый!..
 „О, знай: тогда, чего бы ни спросилъ ты,—
 „Исполню все! Клянуся царскимъ словомъ!..“

НАКАШИДЗЕ.

И что-жь?

БУТАТЕЛИ.

Внезапно умеръ царь Баграть—
 И данное имъ слово...

ГЕОРГИЙ.

Понимаю!

Благодарю тебя, слуга мой вѣрный!

Твои уста—посредникъ Провидѣнья!
 Законно я могу осуществить
 Моей души томящее желанье!
 Хвала Творцу!..—*Къ Накашидзе.*

Исполни мой приказъ:

Немедленно пускай начальникъ стражи
 Представить къ намъ преступника-поэта!
 Мы допросить его желаемъ сами
 И приговоръ постановить иной!..
 Пусть каждый тѣ богатство пожинаетъ,
 Чтѣ сѣялъ самъ съ любовію когда-то!—*Накашидзе уходитъ.*
Къ Шуту.

Не правда-ль, шутъ, не долженъ ясный соколь
 Предъ нѣжною голубкой трепетать?!

Шутъ.

Конечно, царь! Пускай, расправивъ крылья,
 Онъ улетитъ въ синѣющую высь!

ГЕОРГІЙ.

Да, милый другъ, я вижу самъ, какъ тяжело
 Быть соколу совою, слѣпой совою!..—*Къ Кутатели.*
 Собрать придворныхъ въ тронный залъ, въ дарбазъ!
 И мы идемъ немедленно туда же!..

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ 1.

На тронѣ сидитъ Георгій. Вокругъ него стоятъ придворные, въ томъ числѣ Кутатели и Накашидзе. Стража вводитъ Гочу; Шутъ его сопровождаетъ; всеобщее продолжительное молчаніе.

Гоча.

Привѣтъ вамъ!

ГЕОРГІЙ.

Подойди! ты знаешь ли,
 Зачѣмъ тебя сюда мы призываемъ?!

Гоча.

Да, государь! должно быть...

ГЕОРГІЙ.

Кутатели!

Ты приговоръ обязанъ объявить...

Гоча.

О, не трудитесь! Мнѣ уже извѣстно,
Что къ смертной казни я приговоренъ
И приговоръ подписанъ государемъ...

Кутатели.

Да, судъ рѣшилъ — и признанъ ты виновнымъ
Предъ родиной и предъ царемъ.

Гоча.

Кто?!.. Я?!..

Предъ родиной?!.. Они съума сошли?!..

Кутатели.

Какъ? Ты свою виновность отрицаешь?!
Сама царица...

Гоча.

Полно! Если ты,
Какъ духовникъ, меня предъ казнью хочешь
Здѣсь исповѣдовать, — тогда уйдемъ:
Для этого уединенье нужно,
Въ свидѣтели берется только Небо!
Здѣсь не одни мы!.. Если-жъ, какъ судья,
Допрашивать ты вновь меня желаешь, —
То поздно, братъ! И я, потѣхи ради,
Тутъ разсуждать съ тобою не намѣренъ!..

Георгій.

Не для того призвали мы тебя!
Никто тебя къ тому не принуждает!
Угодно намъ принять лишь благосклонно
Послѣднее желаніе твое!
Но выслушай сначала со вниманьемъ!
Когда мы, Божьей милостью, возсѣли,
Какъ царь царей, на тронъ имеретинскій,
То не одни права царя Баграта, —
Къ намъ перешли обязанности всѣ
Предъ родиной и каждымъ гражданиномъ
И личные всѣ счеты и дѣла.
Намъ доложилъ недавно Кутатели
О томъ, что намъ безъизвѣстно было:
Предмѣстникъ нашъ, почившій царь Баграта,
Тебѣ далъ слово... Знай: оно всецѣло
Къ намъ перешло — и мы его исполнимъ!
Итакъ, ты можешь требовать отъ насъ

Всего, что хочешь! Слово государя
Ненарушимо!

Кутатели.

Понялъ ты, разслышалъ,
Что говорить нашъ милостивый царь?!—*Поэтъ молчитъ.*

Шуть—*въ сторону.*

Что съ нимъ?! Зачѣмъ не просить онъ свободы?..

ГЕОРГІЙ.

Ты все молчишь?! Отвѣтствуй же, проси!
Заранѣ тебѣ мы общаемъ
Исполнить все, что бъ ты ни пожелалъ!

Гоча.

Благодарю, великій государь!
И объ одномъ прошу: простите Цыру!
Она невинна! Я ее вовлекъ
Въ нашъ общій заговоръ...

Кутатели—*въ сторону.*

Что говорить онъ?!

НАВАШИДЗЕ—*въ сторону.*

Онъ губить все!

Шуть—*въ сторону.*

Съума сошелъ!

ГЕОРГІЙ.

Измѣна?!

Гоча.

Да, государь! Предъ всѣми признаюсь:
Я—заговоръ, убійство, я затѣялъ!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу?! Ты?! О, Боже!.. Для чего?!

Гоча.

Чтобъ край спасти; народъ нашъ угнетенный!..
Не удалось, увы! Теперь пускай
Разить меня заслуженная кара!..

ГЕОРГІЙ—*послѣ нѣкотораго
молчанія.*

Великъ твой грѣхъ!.. Но словомъ связанъ царь:
Свободенъ ты!.. Прощу тебѣ и это!..

Гоча.

Нѣтъ, государь! По данному мнѣ праву
Прошу я лишь помилованья Цыри!..

ГЕОРГИЙ.

Просить ты можешь только для себя—
И лишь одну исполнить просьбу можно!

ГОЧА.

И вотъ моя единственная просьба:
Великій царь! освободите Циру!

НАКАШИДЗЕ.

А для себя...

ГОЧА.

Мнѣ нѣ о чемъ просить!
О, во сто кратъ мнѣ легче бы навѣки
Заснуть въ гробу, чѣмъ для добра быть мертвымъ!
Въ душѣ нѣтъ силъ, нѣтъ вѣры, гаснетъ умъ,
Разбито сердце, чувства обманули!..
На чтѣ мнѣ жизнь?! Она красна тогда лишь,
Когда себя считаетъ человекъ
Богатыремъ, на подвиги способнымъ!

ГЕОРГИЙ.

Повѣдай намъ, чтѣ довело тебя
До этихъ думъ, до этой жажды смерти?

ГОЧА.

Чтѣ довело?!.. О, съ юношескихъ лѣтъ
Одну надежду въ сердцѣ, какъ святыню,
Лелѣялъ я: отчизну бы увидѣть
Могучею и славной, какъ во дни
Георгія, Тамары незабвенной!
И всѣ мечты, завѣтныя надежды
Я раздѣлялъ съ друзьями дорогими:
Одинъ—былъ вождь гурійцевъ молодой;
Другой—старикъ, но духомъ вѣчно юный,
Митрополитъ, покойный Джуматели...
О, до сихъ поръ, какъ вспомню,—предъ глазами
Рисуется высокая гора;
Стоять на ней старинная обитель—
И въ сторонѣ, какъ будто бы на стражѣ,—
Чинарь-гигантъ раскинулъ гордо вѣтви...
Въ тѣни его нерѣдко мы втроемъ
Сидѣли, душой горестной томимы,
И объ отчизнѣ слезы проливали...
Порою намъ казалось—недалеко
Блаженный часъ, когда имеретинны

Сберутъ подъ стягъ семью родныхъ племенъ,
 Поднимутъ мечъ за братьевъ угнетенныхъ—
 И налетать союзныя дружины
 На персіанъ, какъ Божія гроза!
 И, посрамленъ, бѣжить предъ ними въ страхѣ
 Чудовищный, жестокій Шахъ-Абасъ!..
 Не для того-ль могучій Гуріели
 Пожертвовалъ и тѣломъ, и душой—
 И осквернилъ себя преступнымъ бракомъ,
 Взявъ тещу въ жены?!

ГЕОРГІЙ.

Замолчи! Довольно!

Не забывай: терпѣнью есть границы...

Кутатели—*Гоча*.

Зачѣмъ царя напрасно раздражать?!

ГОЧА.

Вѣдь я готовъ земную жизнь оставить!
 Кого-жъ бояться мнѣ, предъ кѣмъ скрываться?!
 Я пользуюсь своимъ предсмертнымъ правомъ!
 Въ послѣдній разъ тебя прошу я, царь,
 О, выслушай меня, не прерывая!
 Я не хочу, я не могу молчать!
 Въ моей душѣ звучитъ какой-то голосъ:
 О, это вѣрно голосъ Джуматели!
 Онъ тамъ, вдали... но чистый духъ его,
 Я чую, здѣсь витаетъ между нами,
 Къ себѣ меня немолчно призывая!
 Онъ шепчетъ мнѣ: „Тому служить не стоитъ,
 „Кто съ нами былъ когда-то заодно
 „И сталъ, увы! теперь неузнаваемъ!“...

*Георгій хочетъ встать, но Гоча повелительнымъ
 взглядомъ и жестомъ удерживаетъ его.*

Есть времена, когда позорно жить—
 И въ смерти—жизнь, спасенье и свобода!
 Пора и мнѣ всѣ счеты здѣсь покончить!
 Пойду—и съ чистой совѣстью предстану
 Предъ ликомъ тѣхъ, кто въ жертву все принесъ
 На родины алтарь неугасимый,
 А для себя и гроба не стяжалъ!
 Зато въ народномъ сердцѣ ихъ могила:
 Онъ помнить ихъ и чтить онъ этихъ предковъ!

Въ ихъ свѣтлый хоръ вступлю—и если тамъ,
 Въ той жизни мѣсто есть печали,—
 Я буду съ ними слезы проливать
 За край родной, за край многострадальный!
 И, какъ роса прохладная на ниву,
 На Грузію тѣ слезы пусть падутъ
 Небесною, живительною манной,
 Невидимымъ залогомъ возрожденья!..
 Я все сказалъ!.. Прощай навѣки, царь!
 Ты здѣсь рабомъ на тронѣ оставайся,
 А я, какъ царь, иду на встрѣчу смерти!..

Хочетъ уходить.

ЯВЛЕНИЕ 2.

Въ боковыя двери входитъ Тамара, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи
 Цары.

ТАМАРА.

Нѣтъ! не бывать тому! Остановите!
 Поэтъ невиненъ! Знайте: это я,
 Какъ женщина, его оклеветала!
 Виновна я во всемъ,—и, какъ царица,
 Всѣмъ преданнымъ объ этомъ объявляю!..

Всѣ.

Царица!

Кутатели.

Какъ?! и съ нею Цира?!

ТАМАРА.

Да!

Она со мной повончить собиралась!
 Она права!.. Не мѣсто ей въ тюрьмѣ!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу я?!

ТАМАРА.

Спроси, что я слыхала
 И что тогда въ душѣ моей творилось?..
 Я за дверьми стояла—и невольно
 Все слышала, отъ слова и до слова!..
 Казалось мнѣ,—разверзлись небеса
 И адская зіяющая бездна!
 Съ моихъ очей, безумныхъ, ослѣпленныхъ
 Поровами, страстями, самоубійствомъ,—

Упала вдругъ завѣса волшебства!
 Мнѣ ясно все, мучительно понятно!..
 Да, я одна, одна во всемъ виновна:
 Въ скорбяхъ страны, въ безсиліи твоёмъ,
 Въ позорномъ снѣ могучаго народа!..
 Я за всю жизнь въ тайникъ своей души
 Лишь въ этотъ мигъ впервые заглянула:
 О, Боже мой!.. Мнѣ жаломъ угрожая,
 Во тѣмъ въ крови тамъ гады извивались!..
 Я въ ужасѣ затрепетала вся
 И къ небесамъ безоблачнымъ рванулась,
 На новый путь, путь славы и добра!..
 Загладить все, исправить!.. Но напрасно:
 Прикована! Въ тюрьмѣ а! Всталъ стѣной
 Минувшаго неумолимый призракъ!..
 Тѣснить меня, тѣснить и шепчетъ: „Поздно!...“
 Да, конечно! Нѣтъ крыльевъ у меня, —
 Нѣтъ, за собой влачу я цѣпь злодѣйства!
 И кто-жъ пойдетъ за мною, кто повѣритъ,
 Что скорпіонъ сталъ мотылькомъ воздушнымъ,
 Гіена стала львомъ великодушнымъ!..
 Не мнѣ вести!.. Дай Богъ не быть преградой!
 Все кончено!.. Осталось мнѣ!..

ГЕОРГИЙ.

Тамара!

ТАМАРА.

Да, какъ жена, грѣшна я предъ тобой!
 Предъ родиной виновна, какъ царица!
 Прости мнѣ, царь! У неба и земли
 Преступница прощенья слезно просить!

*Царица снимаетъ съ руки кольцо и открываетъ
 въ немъ медальонъ.*

КУТАТЕЛИ.

О, Боже правый!..

ГОЧА.

Будь благословенна!

Достойна ты восторговъ, повлоненья!..

ТАМАРА.

О, если здѣсь ни ближнимъ, ни себѣ
 Я во всю жизнь дать счастья не сумѣла, —
 Пускай же смерть откроетъ счастья дверь!

Принимаетъ изъ медальона кольцо.

ЦИРА—*бросается к ней.*

Спасите! Ядъ!.. Отравя!.. Помогите!..

Всѣ.

Спасите!.. Ядъ!..

ГЕОРГИЙ.

Врача скорѣе!

ТАМАРА—*кз Георгию.*

Поздно!

Прости навѣкъ! Скорѣй воспрянь душою,
Будь тѣмъ, чѣмъ былъ и чѣмъ стремился быть!
Спаси народъ!.. Недоставало жертвы...
Вотъ жертва!.. Я... Готова!.. я...

Шатается и падаетъ.

ГЕОРГИЙ—*бросается к ней.*

Тамара!

ТАМАРА—*умирая.*

Прости!.. Прости!.. О, Боже!.. этотъ ядъ
Быстрѣ молніи... течетъ... по жиламъ...
О!.. я горю!.. воды!.. воды мѣ!.. Царь!
Не разлучайся... съ нимъ... съ потомъ!.. Слава...
Онъ... слава... наша...

Умираетъ.

ГОЧА—*бросается к ней.*

Боже мой!.. Не дышеть!

Въ такой ли мигъ, теперь ли умирать?!..

В. Л. Величко.

Августъ, 1891 г.

ЗАКОНЫ СЛУЧАЙНАГО

и

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

ОЧЕРКИ.

I.

Наша рѣчь богата словами, но истинное содержаніе ихъ представляется намъ неяснымъ, и тѣмъ не менѣе мы постоянно употребляемъ ихъ, не вдумываясь въ значеніе этихъ словъ. Къ числу такихъ словъ принадлежитъ — *случай*, таинственное слово, которымъ мы означаемъ все для насъ непонятное, все поражающее наше воображеніе, все противорѣчащее или строгой необходимости, или разумной цѣлесообразности. Интересную тему изъ исторіи культуры выполнилъ бы тотъ, кто взялся бы прослѣдить роль этого слова и связаннаго съ нимъ понятія на различныхъ ступеняхъ развитія человѣческой мысли; мы остановимся только на нѣкоторыхъ моментахъ изъ исторіи этого понятія.

Человѣкъ въ дикомъ состояніи, далекій отъ мысли отыскивать какія-либо причины окружающихъ его явленій, видѣлъ въ слѣпомъ случаѣ, разрушающемъ столь часто всѣ его надежды и упованія на счастливую охоту, удачный набѣгъ на сосѣднее племя, урожай нивы, — сверхъестественное существо; онъ объектировалъ случай, какъ въ видѣ лѣсной нимфы объектировалъ необъяснимое

ди него эхо—и тѣ сверхъестественныя существа, которыми изображается случай, представляются въ мифологическихъ міросозерцаніяхъ то въ видѣ шаловливыхъ эльфовъ Шекспировскаго „Сна въ лѣтнюю ночь“, то въ видѣ грознаго существа, съ особенною любовью поражающаго всякое величіе и счастье.

Но вотъ занимается заря человѣческаго мышленія: мифологія замѣняется философіею.

Въ мірѣ мысли, какъ и въ мірѣ вообще, нѣтъ скачковъ, и философія не вышла изъ головы человѣка вооруженною Палладю; ея связи съ древними мифами раскрываются все болѣе и болѣе современною наукою, которая видитъ, на примѣръ, въ философскомъ ученіи Талеса, провозглашающемъ воду сущностью всего, откликъ древнихъ египетскихъ мифовъ. Неудивительно поэтому, что и въ развитіи философіи мы встрѣчаемъ еще признаніе случая, какъ чего-то противорѣчащаго закону и уживающагося рядомъ съ нимъ въ явленіяхъ матеріи, даже у столь знаменитыхъ философовъ, какъ Платонъ. Законъ царитъ только въ идеяхъ; въ мірѣ же, по Аристотелю, случай господствуетъ еще больше, чѣмъ разумный законъ.

Трагическія превратности человѣческой судьбы—любимый сюжетъ греческой литературы. На первыхъ же страницахъ своей исторіи Геродотъ рассказываетъ трагическую судьбу человѣка, спасеннаго Крезомъ, невольно становящагося убійцею сына своего благодѣтеля и искупающаго свою невольную вину самоубійствомъ. Въ греческой литературѣ встрѣчаемъ мы не разъ изображеніе жизни человѣческой въ видѣ колеса, вертящагося по волѣ слѣпой судьбы. То же символическое изображеніе человѣческой жизни встрѣчается и въ философіи индусовъ; но между тѣмъ какъ энергичная греческая раса создала безсмертный типъ Прометея, борющагося за просвѣщеніе и неразрывно съ нимъ соединенное счастье человѣчества, Индія выставила Будду съ ученіемъ Нирваны, которая тѣмъ и хороша, что въ ней „никто не заставляеть жить и умирать, вертѣться въ колесѣ, обнимая и покрывая поцѣлумами терзающія насъ спицы“.

Но Нирвана не всякому доступна, и живому человѣку тяжело было примириться съ мыслью о господствѣ слѣпому, таинственнаго случая, ему издавна хотѣлось проникнуть въ ту область, „гдѣ во тьмѣ таятся дальней—веселый жребій и печальный“.

Эта-то потребность человѣческаго духа влекла его издавна къ гаданіямъ и заклинаніямъ судьбы. Гаданія должны были дать человѣку возможность узвать по движеніямъ звѣздъ и планетъ, по трепету внутренностей заколотаго животнаго, по полету выпущен-

ной птицы—тѣ непредвидимыя событія, которыя могутъ перевернуть иногда всю жизнь человѣка, даже жизнь цѣлаго общества. Въ древней халдейской культурѣ возникъ особенный родъ гаданій, имѣвшій несомнѣнное вліяніе на развитіе чистой математики—гаданія и заклинанія посредствомъ чиселъ. Въ собраніи римованныхъ пословицъ и старыхъ народныхъ пѣсенъ сумеровъ, народа, жившаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х., и въ которомъ многіе ученые видятъ близкихъ родичей предковъ нашихъ черемисъ, мы встрѣчаемъ два куплета, которые повидимому должны были пѣться на сельскомъ праздникѣ: „Злакъ, поднимающійся прямо, достигнетъ благополучнаго конца роста; *число* для этого мы знаемъ. Злакъ изобилія достигнетъ благополучнаго конца роста; *число* для этого мы знаемъ“¹⁾.

Но тщетны, конечно, всѣ усилія проникнуть въ будущее и бороться съ слѣпымъ случаемъ и при помощи гаданій. Неумолимая, неизбѣжная Мойра продолжала господствовать надъ міромъ, надъ богами; ея признаніе подготавливаетъ уже мало-по-малу человѣческой умъ къ признанію строгой законности въ явленіяхъ міра. Человѣческая мысль, развиваясь, ставитъ себѣ новую задачу—раскрыть законы, данные міру божественнымъ разумомъ—устроителемъ всего, подставить вмѣсто слѣпота случая законъ, объяснить всякое явленіе предъидущими, вполне предъопредѣляющими его явленіями,—физическими причинами, какъ ихъ называетъ Бэконъ. Въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Шиллера: „Прогулка“ (Der Spaziergang), въ поэтической формѣ рисуящемъ всю жизнь человѣка въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, великій германскій поэтъ изображаетъ намъ, какъ въ безмолвномъ пріютѣ, погружаясь въ размысленіе,—

„Чертитъ фигуры мудрецъ: онъ изслѣдуетъ духъ,
Силу матеріи, магнитовъ любовь и вражду,
Ловитъ въ воздухѣ звуки, разлагаетъ лучи,
Въ ужасающемъ чудѣ случаевъ ищетъ закона
И явленій хаосъ къ полюсу хочетъ привести“.

Разоблачить законъ скрытый „въ ужасающихъ чудесахъ случаевъ“—такова дѣйствительно цѣль науки, которая и невозможна безъ постулата причиннаго объясненія явленій. Признаніе не-

¹⁾ Невольна сопоставляешь съ этимъ древнимъ заклинаніемъ недавно сообщенный фактъ о чувашскихъ жертвоприношеніяхъ по поводу неурожая, постигшаго Поволжье; приносить въ жертву или быка съ шестью овцами, или семилѣтнюю курицу, какъ будто бы семь и было то число, которое чуваша знаютъ, говоря словами сумерскаго заклинанія, для благополучнаго роста злаковъ.

обходимости такого объясненія явленій мы находимъ и въ философіи стоиковъ, и въ философіи атомистовъ, у Демокрита, провозгласившаго, что „ничто не происходитъ случайно, но все по основанію и по необходимости“. Блестящія остроуміемъ и діалектикою, поражающія поэтичностью картинъ, неожиданными сравненіями общества и человѣка, страницы діалоговъ Платона отодвинули въ греческой философіи на задній планъ эти здравыя мысли. Но каждое новое научное объясненіе явленій, каждое новое научное предсказаніе, сдѣланное на основаніи знанія опредѣляющихъ причинъ, влекло съ непобѣдимомою силою человѣческую мысль къ признанію основного принципа научной мысли, къ убѣжденію въ строгомъ подчиненіи всѣхъ явленій міра законамъ.

Въ блестящую эпоху „возрожденія“, къ которой европейская мысль всегда будетъ обращаться, какъ къ чудной порѣ юности, въ той самой Италіи, въ которой до сихъ поръ храмы, картины, мозаики той эпохи способны забросить искру любви къ искусству въ самую невоспримчивую организацію, возродились и различныя направленія философской мысли. Увлеченіе платонизмомъ отразилось, напримѣръ, на знаменитомъ Боккачіо; онъ въ поэтическомъ произведеніи: „О роковой судьбѣ великихъ людей“, изобразилъ чудовищный образъ фортуны, ломающей величіе и счастье, а въ своемъ Декамеронѣ призналъ счастливые и несчастные дни, и вмѣстѣ со всѣми учеными того времени раздѣлялъ увлеченіе астрологіею. Но въ той же Италіи Помпонацій и Лоренцо де-Валла возобновляютъ ученіе атомистовъ, а въ 1348 г. Nicolas de Autricuria среди господства аристотелевскаго ученія провозглашаетъ, что въ естественныхъ явленіяхъ имѣетъ мѣсто только движеніе соединенія и раздѣленія атомовъ. Спустя два столѣтія Декартъ и Бэконъ съ полною опредѣлительностью развиваютъ мысль о необходимости механическаго объясненія явленій природы.

Едва-ли можно лучше представить различіе между механическимъ объясненіемъ явленій, которое со времени Декарта и Бэкона составляетъ цѣль науки,—и тѣми метафизическими объясненіями, которыя допускались раньше, чѣмъ это сдѣлалъ картезианецъ Фонтенель въ своихъ остроумныхъ „разговорахъ о множествѣ міровъ“: „Я представляю себѣ,—говоритъ онъ,—природу обширнымъ зрѣлищемъ въ родѣ оперы. Съ вашего мѣста въ оперѣ вы не видите театра, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; декорации и машины расположены такъ, чтобы произвести издали пріятный эффектъ; колеса и противовѣсы, помощію которыхъ производятся всѣ движенія, скрыты отъ вашего взора. Да вы вовсе и не за-

ботитесь угадать, какъ все это приводится въ дѣйствіе. И только, быть можетъ, какою-нибудь машинистъ, притаившійся въ партерѣ, обезпочится полетомъ фаятона, который покажется ему необыкновеннымъ, и захочетъ непременно угадать, какъ полетъ этотъ исполненъ. Вы видите, что машинистъ этотъ похожъ на философа. Но относительно философовъ трудность увеличивается тѣмъ, что въ машинахъ, какія природа представляетъ нашимъ глазамъ, веревки скрыты—и скрыты такъ, что не скоро можно было догадаться, что производитъ движеніе во вселенной. Представьте себѣ въ оперѣ мудрецовъ: Пифагоровъ, Платоновъ, Аристотелей, имена которыхъ нынѣ такъ громко звучатъ въ нашихъ ушахъ; положимъ, что они видятъ полетъ фаятона, увлекаемаго вѣтрами, но не могутъ открыть веревокъ и не знаютъ расположенія театра за кулисами. Одинъ говоритъ: „фаятонъ увлекается нѣкимъ скрытымъ качествомъ“. Другой: „фаятонъ состоитъ изъ извѣстныхъ чиселъ, которыя заставляютъ его подниматься“. Третій: „фаятонъ имѣетъ извѣстное влеченіе къ верху театра; ему неловко, если онъ не тамъ“. Иной: „фаятонъ не устроенъ для летанія, но онъ скорѣе полетитъ, чѣмъ потерпитъ пустоту вверху театра“, и сотни другихъ фантазій. Наконецъ, приходитъ Декартъ и нѣкоторые изъ новыхъ и говорятъ: „фаятонъ поднимается потому, что его тянутъ веревки, и есть грузъ болѣе, чѣмъ онъ, тяжелый, который въ то же время опускается“. Такимъ образомъ, теперь не вѣрятъ болѣе, чтобы тѣло двигалось, если его не тянетъ что-либо, или, точнѣе: если его не толкаетъ другое тѣло; не вѣрятъ, чтобы оно поднималось или опускалось иначе, какъ вслѣдствіе противовѣса или пружины; и тотъ, кто увидѣлъ бы природу, какъ она есть, увидѣлъ бы закулисную сторону театра“.

II.

Признавъ, что каждое явленіе окружающаго насъ міра, какъ бы запутанно оно ни казалось,—будетъ ли то изверженіе вулкана съ безчисленнымъ множествомъ ручейковъ лавы и вспыхивающихъ огоньковъ, или облака съ ихъ причудливыми формами,—вполнѣ обуславливается предшествующими причинами; признавъ этотъ основной постулатъ, необходимый для рациональнаго познанія природы, научная мысль тѣмъ самымъ уничтожила понятіе о случаѣ, противорѣчащее непреложнымъ и необходимымъ законамъ природы. Если всякое явленіе происходитъ по строгимъ законамъ

необходимости, то случая—нѣтъ и быть не можетъ. То, что мы называемъ случаемъ, есть случай только для насъ, случай только потому, что мы не можемъ выяснитъ всѣ причины, производящія и строго опредѣляющія то событіе, которое намъ представляется случайнымъ. Еще стояки въ спорѣ съ эпикурейцами высказывали такой взглядъ на случай, но съ особенною опредѣлительностью онъ былъ выраженъ Спинозою въ словахъ: „явленіе считается случайнымъ только вслѣдствіе недостаточности нашихъ познаній“ (Этика, предл. 33, scol. 1). „Мы должны, — говоритъ Лапласъ въ своемъ введеніи въ теорію вѣроятностей, — разсматривать настоящее состояніе вселенной, какъ результатъ ея предъидущаго состоянія и какъ причину послѣдующаго. Разумъ, который зналъ бы для даннаго мгновенія и всѣ силы, которыми воодушевлена природа, и относительное положеніе существъ, ея составляющихъ, и могъ бы подчинитъ всѣ эти данныя анализу, обнялъ бы въ одной формулѣ и движенія величайшихъ тѣлъ вселенной, и движенія мельчайшаго атома; для такого разума все было бы опредѣленно и ясно, и будущее, какъ и прошедшее, было бы открыто его глазамъ. Человѣческій умъ въ томъ совершенствѣ, которое онъ сумѣлъ дать астрономіи, представляетъ слабый намекъ на этотъ разумъ“.

Того безконечнаго совершенства, о которомъ говоритъ Лапласъ, конечно, никогда не достигнетъ ограниченный умъ человѣка. Притомъ мы сталкиваемся на каждомъ шагѣ съ событіями, строго опредѣленность которыхъ мы признаемъ, но факторы которыхъ настолько сложны и независимы между собою, что мы не можемъ даже мечтать о возможности подвергнуть всѣ факторы вычисленію и такимъ образомъ предсказать, какъ произойдетъ событіе.

Передъ нами кубическая кость; на граняхъ ея изображены цифры отъ единицы до шести; кость бросается. Спрашивается: на какую изъ шести граней упадетъ она при своемъ паденіи? Какъ всѣ явленія, въ мірѣ происходящія, такъ и это явленіе есть явленіе вполне опредѣленное. Великій геометръ, о которомъ мечталъ Лапласъ, могъ бы, подвергнувъ вычисленію всѣ движенія руки бросающаго, всѣ теченія въ воздухѣ и пр., и составивъ математическія уравненія движенія всѣхъ атомовъ костей, рѣшитъ а priori, на какую грань упадетъ она. Для насъ явленіе паденія кости на ту или другую грань есть и останется случайнымъ. Всегда останутся для ограниченнаго человѣческаго ума случайными всѣ тѣ явленія, которыя можно объяснить только совпадениемъ двухъ явленій, принадлежащихъ къ двумъ совершенно раз-

личнымъ рядамъ. Въ тяжелую, горькую минуту жизни вдругъ появившееся изъ-за облаковъ солнце придаетъ душѣ снова бодрость и энергію; явленіе, совершившееся по законамъ небесной механики и метеорологіи, придало силу тѣмъ психологическимъ мотивамъ, которые легко могли бы уступить мѣсто противоположнымъ.

Надолго останутся случайными всѣ тѣ явленія, которыя по ихъ сложности и запутанности представляютъ большія затрудненія для объясненія. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ явленія общественныя и, хотя и въ меньшей степени, явленія происходящія въ нашей земной атмосферѣ и обуславливающія погоду.

Такимъ образомъ, хотя для современной научной мысли въ объясненіи міра нѣтъ случая, какъ понятія противорѣчащаго закону и необходимости, но съ случайными явленіями ей всегда придется имѣть дѣло, вслѣдствіе ограниченностей нашихъ знаній. Зависимость случая отъ болѣе или меньшей степени знанія выяснится еще болѣе, если мы замѣтимъ, что чѣмъ болѣе по своей простотѣ разработана извѣстная область знанія, тѣмъ менѣе въ ней мѣста случаю. И появленіе кометы иногда, и солнечное или лунное затмѣніе всегда могутъ быть предсказаны. Напротивъ, въ тѣхъ отрасляхъ науки, въ которыхъ, какъ въ метеорологіи, біологіи, социологіи, общіе законы не найдены, гдѣ мы далеки отъ истиннаго знанія, область случайныхъ явленій особенно обширна. Здѣсь мы рѣдко въ состояніи безошибочно утверждать, что то или другое событіе необходимо произойдетъ. Черезъ двѣ или черезъ три недѣли вскроется рѣва,—никто не можетъ предсказать. Ни одинъ политикъ, ни одинъ экономистъ не въ состояніи безошибочно предсказать тотъ или другой исходъ скольконибудь сложнаго сплетенія политическихъ или хозяйственныхъ обстоятельствъ даннаго историческаго момента. Слова короля Фридриха II: „Его величество случай на три четверти управляетъ дѣлами этого міра“ —надолго останутся имѣющими значеніе. Тѣмъ важнѣе для пониманія міра, тѣмъ болѣе должны мы цѣнить всякій научный методъ, который можетъ повести къ открытію законовъ въ причудливыхъ и подчасъ „ужасныхъ чудесахъ случая“.

III.

Тотъ типическій примѣръ случайнаго событія, который мы привели—паденіе кости—позволить намъ уяснить себѣ путь, которымъ мы должны слѣдовать для того, чтобы найти какую-нибудь

правильность и законность въ случайномъ явленіи. Среди причинъ, вполне опредѣляющихъ паденіе кости на ту или другую грань, однѣ—движеніе руки, бросающей кость, теченія въ воздухѣ—мѣняются отъ одного паденія до другого; другія же—составъ и видъ кости—остаются неизмѣнными. Мы можемъ а priori предвидѣть, что при большемъ числѣ паденій кости должна проявиться та правильность, которую мы ищемъ. Вліяніе причинъ неизмѣнныхъ (форма и составъ кости) должно при увеличивающемся числѣ бросаній проявляться сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ переменныя причины будутъ взаимно нейтрализовать другъ друга, отклоняя кость то въ одну, то въ другую сторону, и если кость симметрична и однородна, то при паденіи кости, повторяющемся, напр., 6.000 разъ, число паденій на грань, обозначенную опредѣленною цифрою, должно составлять приблизительно 1.000—одну шестую часть общаго числа паденій.

Но это общее априорное заключеніе должно быть подтверждено научно; притомъ оно само поднимаетъ массу вопросовъ. Какъ велико должно быть число паденій для того, чтобы обнаружилась искомая правильность? Какое отклоненіе отъ точной шестой части числа паденій допустимо вслѣдствіе причинъ переменныхъ, и какое отклоненіе должно указывать намъ на несимметричность кости, на большую наклонность ея падать на ту, а не на другую грань?

Въ оба вопроса входитъ слово: *число*; это одно уже указываетъ намъ, что наука, которая можетъ отвѣтить на заданные вопросы, должна быть отраслью ученія о числахъ—чистой математики. Такая наука и была создана въ XVIII столѣтіи. Она родилась, по извѣстному выраженію Кетле, у игорнаго стола. Играли въ кости два игрока; выигрывалъ тотъ или другой изъ игроковъ, смотря по тому, какое изъ двухъ указанныхъ ими чиселъ первое повторится при бросаніи кости, на примѣръ, шесть разъ. Игра должна была прерваться по причинѣ, не зависящей отъ игроковъ, въ моментъ, когда одному изъ игроковъ недоставало двухъ паденій на его цифру, другому—одного. Какъ безобидно раздѣлять въ этомъ случаѣ ставку между двумя игроками—такова была задача, предложенная однимъ изъ игроковъ въ 1654 г. Паскалю и послужившая толчкомъ къ выработкѣ основаній новой вѣтви знаній—математической теоріи вѣроятностей.

Въ основаніи этой науки лежитъ понятіе о математической вѣроятности. Чтобы выяснить его, возвратимся опять къ нашей кубической кости. Хотя мы не можемъ предсказать, что произойдетъ при ея паденіи, на какую грань упадетъ она, но отсюда

не слѣдуетъ, чтобы мы ничего не знали о нашей кости. Мы знаемъ, что у кости шесть граней, что она непременно упадетъ на одну изъ нихъ; вѣримъ, что кость не поддѣлана, и что при работѣ надъ нею были приняты всѣ мѣры для того, чтобы она вышла сколь возможно симметричною и однородною. Поэтому для насъ равно возможными представляются и паденіе кости на грань, обозначенную цифрою 1, и на грань съ цифрою 4; равно возможными представляются шесть различныхъ случаевъ, изъ которыхъ одинъ долженъ непременно произойти.

Представьте себѣ теперь кость въ видѣ призмы съ двѣнадцатю равными гранями, на которыхъ изображены цифры: 1, 2... 12. Для насъ ясно, что паденіе кости на грань, обозначенную цифрою 1, теперь менѣе вѣроятно, чѣмъ въ случаѣ кубической кости, такъ какъ теперь вмѣсто шести равно возможныхъ случаевъ мы имѣемъ уже двѣнадцать, и изъ нихъ только въ одномъ выходитъ намѣченная цифра. Но если бы эта цифра была написана на нѣсколькихъ граняхъ, ея появленіе стало бы болѣе вѣроятнымъ. Такимъ образомъ, чѣмъ больше число всѣхъ возможныхъ случаевъ, тѣмъ менѣе возможнымъ представляется событіе; чѣмъ больше число случаевъ, при которыхъ оно можетъ произойти или число случаевъ благоприятныхъ, тѣмъ болѣе вѣроятнымъ оно представляется.

Математическою вѣроятностью называется поэтому отношеніе между числомъ случаевъ благоприятныхъ извѣстному событію — и числомъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, предполагая, что всѣ они равно возможны. Она равняется $\frac{1}{6}$ для паденія кости кубической на цифру 1, и $\frac{1}{12}$ для паденія двѣнадцатигранной призмы на эту цифру; она равна $\frac{3}{5}$ для выхода бѣлаго шара изъ урны, въ которой лежатъ три бѣлыхъ и два черныхъ. Пренебрегая числомъ билетовъ, вышедшихъ въ тиражъ, мы найдемъ вѣроятность выиграть при какомъ-либо тиражѣ, имѣя одинъ билетъ одного изъ внутреннихъ займовъ — равною 0,0003, т. е. одинаковою съ вѣроятностью вынуть бѣлый шаръ изъ урны, въ которой ихъ три на 9.997 черныхъ. Она меньше, напр., вѣроятности, что, вынимая послѣдовательно двѣ карты изъ колоды, мы вынемъ какъ разъ двѣ заданныя заранѣе карты.

Если въ каждый возможный случай происходитъ извѣстное событіе, то оно перестаетъ быть случайнымъ и становится достовернымъ; но тогда число случаевъ благоприятныхъ событію и число всѣхъ возможныхъ случаевъ равны, отношеніе между ними равно единицѣ, почему математическая вѣроятность, равная единицѣ, считается символомъ достоверности.

Можетъ показаться, что подобныя вычисленія имѣютъ очень мало значенія. Какая польза знать, что вѣроятность паденія кости на грань, обозначенную цифрою 1, равна $\frac{1}{6}$, если мы знаемъ, что непремѣнно случится одно изъ двухъ событій: или она падетъ на эту грань, или нѣтъ. Какое отношеніе имѣютъ всѣ эти вычисленія—иногда съ большою затратою времени—вѣроятности къ дѣйствительности? Не замѣшана ли тутъ только дурная привычка математиковъ—всюду требовать чиселъ и всюду вводить ихъ?

Я постараюсь показать теперь, что вычисленія математической вѣроятности имѣютъ очень большое значеніе, и что математическая вѣроятность можетъ и должна проявиться въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, при вычисленіи математической вѣроятности, напр., паденія кости, мы принимаемъ во вниманіе главную и постоянную причину, дѣйствующую при каждомъ паденіи кости—ея форму, но не принимаемъ во вниманіе всѣ остальные причины, дѣйствующія при паденіи, причины, измѣняющіяся отъ одного паденія до другого. Мы должны поэтому а priori предвидѣть, что математическая вѣроятность должна проявиться при весьма большомъ числѣ испытаній, какъ выраженіе причины неизмѣнной среди множества переменныхъ, дѣйствующихъ то въ ту, то въ другую сторону и потому взаимно уравнивающихся. Но какъ именно проявится математическая вѣроятность при большемъ числѣ испытаній—вотъ задача, которая въ теченіе двадцати лѣтъ подрядъ была предметомъ неустанной работы мысли знаменитаго Якова Бернулли. Настойчивость великаго ума привела къ доказательству знаменитой теоремы, составляющей важнѣйшій результатъ теоріи вѣроятностей и носящей названіе *теоремы Якова Бернулли, или закона большихъ чиселъ*.

На основаніи этой теоремы мы можемъ указать съ вѣроятностью, которую можемъ сдѣлать сволю угодно близкою къ единицѣ, тѣ предѣлы, между которыми должно заключаться число повтореній извѣстнаго случайнаго событія при большемъ числѣ испытаній. Теорема говоритъ, что число повтореній событія не можетъ значительно отклониться отъ произведенія числа всѣхъ испытаній на вѣроятность событія, и указываетъ предѣлы отклоненія.

Для выясненія теоремы Бернулли необходимо привести по крайней мѣрѣ одинъ численный примѣръ. Мы возьмемъ самый простой примѣръ случайнаго событія: паденіе монеты на орелъ или на плату. Бросаемъ монету 100 разъ; по теоремѣ Бернулли весьма вѣроятно, что число паденій на орелъ, напр., будетъ заключаться между числами 33 и 67; отклоненіе дѣйстви-

тельнаго числа паденій отъ половины 100 не превышаетъ 17. Вѣроятность такого предсказанія такъ же велика, какъ вѣроятность предсказанія, что лицо, имѣющее одинъ билетъ выигрышнаго займа, не выиграетъ ничего въ предстоящій тиражъ. Предсказаніе можетъ не осуществиться: лицо можетъ выиграть, число паденій монеты на орель можетъ быть больше 67 и меньше 33. Но какъ ни одинъ здравомыслящій человекъ не станетъ измѣнять своей жизни или дѣлать какія-нибудь распоряженія и лишнія траты въ предвидѣніи выигрыша, такъ и мы можемъ считать почти несомнѣннымъ и основывать наши расчеты на убѣжденіи, что число паденій монеты на орель будетъ заключаться въ предѣлахъ 67 и 33.

Если мы увеличимъ число бросаній монеты въ 100 разъ, т.-е. будемъ бросать ее 10.000 разъ, то опять съ тою же самою вѣроятностью—не выиграть, имѣя одинъ билетъ, мы можемъ утверждать, что число паденій на орель будетъ заключаться между предѣлами 5.175 и 4.825, т.-е. отклоняться отъ половины 10.000 на 175.

Увеличимъ число бросаній еще въ 100 разъ, т.-е. сдѣлаемъ миллионъ бросаній, и теорема говоритъ намъ, что при той же вѣроятности число паденій будетъ заключаться между предѣлами 501.750 и 498.250, т.-е. будетъ отклоняться отъ половины 100.000 не болѣе чѣмъ на 1.750. Наконецъ, при ста миллионахъ бросаній отклоненіе отъ половины будетъ не больше 17.500.

Сопоставимъ теперь два ряда полученныхъ нами чиселъ. Числа бросаній монеты у насъ были: 100, 10.000, 1.000.000, 100.000.000, т.-е. увеличивались послѣдовательно въ 100 разъ. Наибольшія же отклоненія, допустимыя съ вѣроятностью не выиграть въ тиражъ, были 17, 175, 1.750, 17.500, т.-е. хотя и возростали, но возростали гораздо медленнѣе, увеличиваясь послѣдовательно въ 10 разъ. Это обстоятельство имѣетъ громадное значеніе. Ясно, что если мы будемъ разсматривать не абсолютныя цифры отклоненій, а отношенія къ общему числу испытаній, то мы будемъ получать все меньшія и меньшія дроби. Наибольшее отклоненіе при 100 испытаніяхъ не превышаетъ 17% общаго числа испытаній; при 10.000 оно уже не превышаетъ 1,7%; при 1.000.000—0,17%, и, наконецъ, при 100.000.000—0,017%.

По мѣрѣ увеличенія числа бросаній монеты отношеніе числа паденій монеты на орель къ общему числу паденій стремится къ дроби $\frac{1}{2}$, т.-е. къ вѣроятности паденія на орель, а отношенія отклоненія числа паденій на орель отъ точной половины числа

паденій въ общему числу паденій дѣлается все меньше и меньше, и можетъ быть сдѣлано менѣе сколь угодно малой дроби.

Отсюда вытекаетъ такое замѣчательное слѣдствіе.

Если мы будемъ производить послѣдовательно два ряда бросающей монеты, заключающихъ каждый весьма большое число такихъ бросаній, то мы можемъ ожидать поразительной правильности. Отношенія числа паденій на орелъ къ общему числу паденій будутъ почти равны, и чѣмъ больше будутъ числа испытаний, тѣмъ ближе къ равенству будутъ эти отношенія.

Во всѣхъ случайныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ совокупности многихъ причинъ, какъ постоянныхъ, такъ и переменныхъ, мы замѣчаемъ именно эту правильность, которая и составляетъ *законъ случайныхъ явленій*, а ргіогі посредствомъ математическаго анализа доказываемый въ математической теоріи вѣроятностей.

Большія числа поправляютъ случай и наблюденія надъ большимъ числомъ явленій; массовыя наблюденія, какъ часто говорятъ, отерываютъ намъ правильность тамъ, гдѣ съ перваго взгляда ея быть не можетъ.

Законъ большихъ чиселъ иногда иллюстрируютъ слѣдующимъ прекраснымъ сравненіемъ. Дождь, падая на горизонтальную полированную поверхность, смочить всѣ плиты равномерно. Каждая капля падаетъ самостоятельно отъ другихъ и случайно. Могло бы, казалось, случиться, что на ту или на другую изъ плитъ не упадетъ ни одной капли, или очень мало; однако, этого никогда не случится. Такова сила большихъ чиселъ.

Экспериментальная провѣрка закона большихъ чиселъ занимала, между прочимъ, знаменитаго натуралиста Бюффона. Взявши монету, онъ бросалъ ее 4.040 разъ, и получилъ 2.048 разъ орелъ и 1.096—плату. Бюффону же принадлежитъ осуществленіе квадратурнаго круга посредствомъ бросанія иголки на рядъ параллельныхъ линий. Въ выраженіе математической вѣроятности пересѣченія при паденіи иглою одной изъ параллельныхъ линий входитъ Архимедово число π (отношеніе окружности къ діаметру). При большомъ числѣ испытаний отношеніе числа повтореній случайнаго событія къ общему числу испытаний стремится къ вѣроятности. Слѣдовательно, стоитъ съ терпѣніемъ бросать большее число разъ иголку, отмѣчая сколько разъ она пересѣчется съ одною изъ параллельныхъ линий, и можно будетъ найти приближенное значеніе числа π .

IV.

Значеніе теоремы Бернулли не ограничивается тѣмъ, что она доказываетъ а ригоріи необходимость правильности въ повтореніи случайныхъ событій. Она даетъ, кромѣ того, возможность провѣрять вѣрность нашихъ предположеній относительно вѣроятности случайнаго событія. Понятіе о математической вѣроятности всякаго случайнаго событія заключаетъ въ себѣ субъективный элементъ. Говоря, напр., объ опредѣленіи математической вѣроятности паденія кости на ту или другую грань, мы выразились: „мы вѣримъ, что при работѣ надъ костью были употреблены всѣ усилія, чтобы сдѣлать ее симметричною и однородною“. Но какъ бы ни былъ искусенъ мастеръ, никогда нельзя утверждать, что кость сдѣлана дѣйствительно изъ абсолютно-однороднаго матеріала, и что ея центръ тяжести совпадаетъ съ геометрическимъ центромъ. Поэтому, считая вѣроятность паденія кости на ту или другую грань равною $\frac{1}{6}$, мы несомнѣнно дѣлаемъ ошибку и вычисляемъ только первое приближеніе. На дѣлѣ кость всегда вѣскольکو не-симметрична и не-однородна, и вслѣдствіе этого имѣетъ большую склонность падать на одну грань, чѣмъ на другую, что и проявляется на опытѣ, такъ какъ дѣйствительныя паденія кости, конечно, не могутъ зависѣть отъ нашей вѣры въ ея симметричность и однородность. Поэтому, если при 60.000 бросаній кости отклоненіе отъ одной шестой для извѣстной грани будетъ больше, чѣмъ то, которое допускается теоремою Бернулли, то мы имѣемъ право съ извѣстною вѣроятностью заключить, что наша математическая вѣроятность не точна, и замѣнить ее другою — *объективною вѣроятностью* или возможностью.

Въ случаѣ паденія кубической кости можно а ригоріи вычислить хотя бы приближенную величину математической вѣроятности. Въ гораздо большемъ числѣ случаевъ такая вѣроятность не можетъ быть вычислена; но, производя опыты или наблюденія, мы по числу повтореній случайнаго событія можемъ вычислить его объективную вѣроятность. Вѣроятность для 18-ти-лѣтней дѣвушки выйти замужъ въ теченіе двухъ лѣтъ за 25-ти-лѣтняго, не можетъ быть, конечно, вычислена а ригоріи. Но если мы припомнимъ, что по теоремѣ Бернулли: „при весьма большомъ числѣ испытаній отношеніе числа повтореній къ числу испытаній стремится къ вѣроятности событія“, — то для опредѣленія искомой вѣроятности должны получить списокъ весьма большого числа 18-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ и число тѣхъ изъ нихъ, которыя въ те-

ченіе двухъ лѣтъ вышли замужъ за 25-ти-лѣтняго. Частное отъ раздѣленія этого послѣдняго числа на число всѣхъ 18-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ и будетъ искомая вѣроятность. Данныя хорошо разработанной итальянской статистики отвѣчаютъ намъ на этотъ вопросъ, какъ и на многіе другіе. Онѣ говорятъ, что искомая вѣроятность равна 0,0099. Какую бы комбинацію возраста жениха и невѣсты ни взяли, по даннымъ статистики можно опредѣлять соответствующую вѣроятность. Подобнымъ же образомъ могутъ быть опредѣляемы объективныя вѣроятности и другихъ событій.

Возьмемъ, на примѣръ, нѣсколько страницъ какаго-нибудь писателя, сосчитаемъ число всѣхъ буквъ и число встрѣтившихся *a*. Отношеніе между числомъ встрѣтившихся буквъ *a* и общимъ числомъ всѣхъ будетъ объективная вѣроятность того, что первая попавшаяся случайно на страницѣ буква будетъ именно *a*. Возьмемъ другія страницы того же или другого русскаго писателя, и на основаніи закона большихъ чиселъ мы найдемъ почти тѣ же дроби для объективной вѣроятности появленія той же буквы. И литературное произведеніе, и газетная статья, и научный трактатъ, если они написаны на одномъ и томъ же языкѣ, дадутъ при большемъ отрывкѣ одинъ и тотъ же результатъ. Фонетическіе законы языка остаются одинаковыми для различныхъ авторовъ, и потому объективныя вѣроятности звуковъ въ одномъ и томъ же языкѣ будутъ имѣть одинаковыя значенія, изъ какаго отрывка онѣ бы ни выводились. Но для другого языка объективныя вѣроятности тѣхъ же звуковъ получаютъ иное значеніе. Разработанная на этихъ началахъ фонетическая статистика, примѣненная строго-научно, можетъ, охарактеризировать каждый данный языкъ системою чиселъ, дать прекрасный методъ для сравненія его съ другими языками. Первые попытки въ этомъ направленіи были произведены въ сороковыхъ годахъ Ферстманномъ надъ языками греческимъ, латинскимъ, готскимъ и санскритскимъ, но съ тѣхъ поръ на этотъ предметъ филологи мало обращали вниманія.

V.

Теорія вѣроятностей родилась у игорнаго стола и въ теченіе довольно значительнаго времени ея предметомъ продолжали быть азартныя игры: орлянка, игра въ кости, различные виды игры въ карты. Но великіе ученые XVII и XVIII вѣковъ, разработавшіе эти приложенія теоріи вѣроятностей, видѣли въ комбинаціяхъ, представляемыхъ азартными играми, лишь предлоги для

усовершенствованія методовъ науки. Еще Паскаль понималъ, что вѣтвь знанія, которой онъ и Фермать полагали начало, имѣеть многоразличныя примѣненія къ всевозможнымъ случайнымъ явленіямъ, и въ теоріи вѣроятностей—геометрію случая. Скоро дѣйствительно передъ теоріею вѣроятностей открылось обширное поле самыхъ важныхъ приложений какъ въ общественныхъ, такъ и въ научныхъ вопросахъ.

Однимъ изъ первыхъ приложений явилось приложение теоріи вѣроятностей къ рѣшенію вопроса, который въ XVIII вѣкѣ, столь богатомъ войнами, могъ интересоватъ не одну жену офицера или солдата, не отличавшуюся вѣрностью классической Пенелопы. Это вопросъ объ опредѣленіи срока, послѣ котораго безъ вѣсти пропавшій мужъ могъ считаться мертвымъ, а слѣдовательно его жена могла, не подвергая себя извѣстному Гамлетовскому упреку, наложить на себя новыя брачныя узы.

За этимъ первымъ приложеніемъ послѣдовали многія другія приложения: къ страхованію жизни, отъ огня и т. п. Явились, какъ всегда, и увлеченія: теорія вѣроятностей прилагалась, напр., къ опредѣленію вѣроятностей судейскихъ приговоровъ, рѣшеній законодательныхъ собраній и т. п.

Въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется то громадное значеніе, которое въ области научныхъ вопросовъ принадлежитъ основанному на теоріи вѣроятностей статистическому методу, а въ практической жизни—основанному на теоріи вѣроятностей страхованію отъ бѣдствій, происходящихъ отъ случайныхъ событій.

На теоріи вѣроятностей основывается статистическій методъ. Его техника, руководимая теоріею вѣроятностей, вырабатывается постепенно въ особую вѣтвь знанія, въ особую науку, математическую статистику. Науку эту можно разсматривать какъ вѣтвь логики, изучающей всѣ методы, которыми человѣческій умъ пользуется для пріобрѣтенія новыхъ истинъ.

Такъ какъ всѣ выводы теоріи вѣроятностей основываются на законѣ большихъ чиселъ и не имѣютъ никакого значенія, если будутъ относимы къ небольшому числу испытаній, то и статистическій методъ нуждается въ массовыхъ наблюденіяхъ для правильности своихъ выводовъ. Только большія числа устанавливаютъ извѣстную правильность въ повтореніи случайныхъ событій; только имѣя въ статистическихъ таблицахъ данныя относительно большого числа однородныхъ случайныхъ событій, мы можемъ выводить объективныя вѣроятности ихъ и, пользуясь формулами теоріи вѣроятностей, при измѣненіи отношенія между числомъ повтореній

событія и общимъ числомъ испытаній, — судить о томъ, измѣнились ли главные причины, проявляющіяся въ событіи, или же замѣченное измѣненіе упомянутого отношенія не выходитъ изъ предѣловъ измѣненія, допустимаго самимъ характеромъ случайнаго событія, какъ зависящаго не только отъ главныхъ постоянныхъ причинъ, но и отъ постоянно мѣняющихся случайныхъ. Можетъ ли, другими словами, рассматриваемое случайное событіе быть уподоблено типическому случайному событію — выходу, напр., шаровъ бѣлаго цвѣта изъ урны, заключающей въ себѣ неизмѣняющееся въ теченіе всѣхъ испытаній число шаровъ разнаго цвѣта?

Сравненіе статистическихъ рядовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они даются наблюденіями, съ такимъ типическимъ случайнымъ событіемъ, съ постоянною объективною вѣроятностью, приводитъ въ интересной классификаціи статистическихъ рядовъ, идея которой пришла почти одновременно, въ семидесятыхъ годахъ, двумъ ученымъ — германскому политико-эконому Лексису и французскому математику Дормуа. Примѣняя математическій критерій, вытекающій изъ формулъ теоріи вѣроятностей къ различнымъ статистическимъ рядамъ, они нашли, что всѣ статистическіе ряды могутъ быть отнесены къ тремъ различнымъ категоріямъ.

Въ первую категорію входятъ всѣ тѣ ряды, въ которыхъ отклоненія слѣдуютъ тому же закону, которому они слѣдуютъ въ типическихъ случайныхъ явленіяхъ съ постоянною объективною вѣроятностью. Такіе статистическіе ряды Лексисъ называетъ обладающими нормальною дисперсіею (разсѣяніемъ). По Дормуа, для нихъ извѣстное отношеніе, которое онъ называетъ коэффициентомъ расходимости, равно 1.

Въ рядахъ второй категоріи, напротивъ, отклоненія значительно больше, какъ будто бы въ этихъ явленіяхъ дѣйствовала какая-то возмущающая сила, постоянно измѣняющая объективную вѣроятность явленія; такія числа получались бы при выходѣ шаровъ изъ урны, еслибы въ урну время отъ времени подсыпались то бѣлые, то черные шары. Такіе ряды называются рядами съ сверхнормальною дисперсіею; коэффициентъ расходимости для нихъ больше единицы, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ сильнѣе вліяніе пертурбирующихъ причинъ, т. е. измѣняющихъ объективную вѣроятность явленія.

Наконецъ, въ массовыхъ явленіяхъ третьей категоріи дѣйствуетъ регулирующая сила, направляющая ихъ къ большому постоянству, сглаживающая и уменьшающая ихъ отклоненія. Такіе ряды называются рядами съ дисперсіею ниже нормальной, и коэффициентъ расходимости для нихъ меньше единицы.

Особенно интересный примѣръ рядовъ съ нормальною дисперсіею представляетъ рядъ, составленный изъ отношеній между числомъ рожденій младенцевъ мужского пола и числомъ рожденій младенцевъ женскаго пола.

Отношеніе это отличается замѣчательнымъ постоянствомъ по годамъ, по временамъ года, по странамъ, и можетъ быть приблизительно выражено отношеніемъ между числами 1063: 1000.

Поразительное постоянство этого отношенія опровергаетъ различныя теоріи, объяснявшія полъ рождающагося младенца то тою или другою разностью въ годахъ отца и матери (теорія Hofacker-Sadler'a), то различіемъ питанія организма матери во время беременности. Дѣйствительно, разность между годами брачующихся варьируетъ по странамъ довольно рѣзко и представляетъ рядъ съ сверхнормальною дисперсіею; питаніе женщинъ варьируетъ въ одной и той же странѣ по годамъ. Отношеніе же между числами рожденій младенцевъ мужского пола и женскаго остается поразительно постояннымъ.

Интересно, что такое же постоянство обнаруживается, какъ показали изслѣдованія ботаника Гейера надъ коноплею и надъ *Mercurialis annua*, также и у двудомныхъ растений. Гейеръ, независимо отъ Лексиса, пришелъ къ выводу, что это постоянство всего лучше объясняется тѣмъ, что уже сѣмянные клѣтки различаются по ихъ поламъ; замѣчательно, что у *Mercurialis annua* тѣ клѣтки, изъ которыхъ произойдутъ мужскіе организмы, находятся почти въ томъ же отношеніи къ клѣткамъ, изъ которыхъ произойдутъ женскіе, какъ и у людей, въ отношеніи 1059: 1000. У конопли это отношеніе обратное: число сѣмянныхъ женскихъ клѣтокъ превышаетъ число мужскихъ въ отношеніи 1150: 1000.

Рядами съ нормальною дисперсіею является также большинство рядовъ криминальной статистики. Отношеніе числа осужденныхъ французскими *Cours d'assises* къ населенію отличается весьма большимъ постоянствомъ: коэффициентъ расходимости равенъ только 6. Такъ же малы коэффициенты расходимости для отношенія числа приговоренныхъ женщинъ къ общему числу приговоренныхъ (2, 3), для отношенія холостыхъ преступниковъ къ общему числу преступниковъ (3), для отношенія преступниковъ въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ къ общему числу преступниковъ (1, 75), для отношенія числа безграмотныхъ преступниковъ къ общему числу ихъ (5).

Нѣсколько больше уже коэффициентъ расходимости для отношенія числа самоубійствъ къ населенію, такъ какъ и абсолютное, и относительное число самоубійствъ увеличивается.

Большое число примѣровъ рядовъ съ сверхнормальною дисперсіею представляетъ намъ демографія, или статистика народонаселенія. Для отношенія числа рожденій къ населенію коэффициентъ расходимости равенъ 32; для отношенія числа браковъ къ населенію—25; для отношенія числа смертей къ народонаселенію—86. Большая величина послѣдняго коэффициента объясняется эпидеміями, войнами, неурожаями.

Сверхнормальную дисперсію представляетъ также отношеніе числа выздоравливающихъ отъ эпидемій къ общему числу заболѣвшихъ. Обстоятельство это находится очевидно въ связи съ большею или меньшею силою эпидеміи. Напротивъ, въ случаѣ тѣхъ болѣзней, гдѣ выздоровленіе зависитъ преимущественно отъ ухода, мы должны получить ряды съ нормальною дисперсіею, и Физмеръ дѣйствительно получилъ для процента выздоравливающихъ отъ пневмоніи рядъ съ нормальною дисперсіею.

Если эпидеміи, войны, неурожаи—играютъ роль причины, возмущающей правильное дѣйствіе закона большихъ чиселъ, какъ бы подбрасывающей черные шары въ урну, то законодательство, напротивъ, играетъ часто роль причины регулирующей, и потому примѣры рядовъ съ ниже-нормальною дисперсіею мы встрѣчаемъ преимущественно въ тѣхъ статистическихъ рядахъ, на которые оказываетъ вліяніе законодательство.

VI.

Статистическій методъ, какъ видно изъ предыдущихъ примѣровъ, можетъ быть прилагаетъ къ различнымъ отраслямъ знанія. Но какъ ни разнообразны могутъ быть приложенія статистическаго метода, есть одна область явленій, гдѣ статистическій методъ является незамѣнимымъ, единственнымъ методомъ, дающимъ точныя числовыя данныя. Это—область общественныхъ явленій.

Метеорологія можетъ еще мечтать объ апіорномъ математическомъ рѣшеніи задачи о направленіи вѣтровъ и океаническихъ теченій на земномъ шарѣ, сплошь покрытомъ водяною оболочкою и окруженнымъ атмосферою. Но область запутанныхъ явленій общественной жизни настолько сложна, что здѣсь приложеніе математики представляется намъ трудно осуществимымъ. Увлеченіе математическимъ методомъ составляло характеристическую черту XVIII вѣка, пораженнаго созданіемъ небесной механики, и Кондорсэ мечталъ „освѣтить политическія и нравственныя науки свѣточемъ алгебры“. Но еще тогда это увлеченіе было осмѣяно абба-

томъ Галиани въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ сочиненій XVIII вѣка: „Бесѣды о торговлѣ зерномъ“. Теперь это увлеченіе прошло. Только въ политической экономіи мы видимъ попытки приложить математическій методъ къ тѣмъ спеціальнымъ частямъ ея, которыя трактуютъ объ обмѣнѣ и о денежномъ обращеніи. Громадная сложность явленій общественной жизни дѣлаетъ трудно применимымъ въ изученіи этихъ явленій дедуктивный математическій методъ; зато невозможность опыта дѣлаетъ особенно драгоценнымъ статистическій методъ, а вмѣстѣ съ статистическимъ методомъ дѣлается необходимою и отрасль математики—математическая статистика, какъ строгій стражъ точности полученныхъ результатовъ.

Совокупность результатовъ, полученныхъ для науки объ обществѣ съ помощью статистическаго метода или метода массовыхъ наблюдений, составляетъ особую вѣтвь знанія, которую обыкновенно называютъ статистикою, но было бы правильнѣе назвать ее соціальною статистикою, подобно тому, какъ уже существуетъ статистика медицинская и можетъ существовать статистика фонетическая.

Изъ сказаннаго выше о цѣли массовыхъ наблюдений всякаго рода видно, что конечная цѣль соціальной статистики должна заключаться въ томъ, чтобы изъ наблюдений надъ массами однородныхъ общественныхъ явленій, во-первыхъ, вывести числовыя данныя, характеризующія частоту появленія извѣстнаго соціальнаго явленія (брака въ томъ или другомъ возрастѣ, самоубійства, кражи со взломомъ); во-вторыхъ—изучить измѣняемость этихъ числовыхъ данныхъ. Последняя и самая важная цѣль статистики состоитъ въ томъ, чтобы проникнуть насколько возможно въ причинную связь между различными явленіями общественной жизни. Статистика можетъ сдѣлать это, группируя извѣстнымъ образомъ свои данныя, изолируя, благодаря такой группировкѣ, одну изъ причинъ и выставляя ея значеніе для разсматриваемаго соціальнаго явленія. Такъ, для того, чтобы выяснитъ зависимость самоубійствъ отъ возраста, она должна распредѣлить данныя относительно самоубійствъ по возрастамъ.

Говоря языкомъ математической теоріи вѣроятностей, мы должны сказать, что цѣль соціальной статистики должна состоятъ въ томъ, чтобы охарактеризовать общественный организмъ возможно большимъ числомъ объективных вѣроятностей, и путемъ сравненія различныхъ соціальныхъ организмовъ вывести числовыя связи, существующія между объективными вѣроятностями различныхъ явленій. Такъ, въ физикѣ каждое простое или сложное тѣло характеризуется системою физическихъ постоянныхъ (атомный и

удѣльный вѣсъ, показатель преломленія и т. д.). Чѣмъ больше мы знаемъ такихъ физическихъ постоянныхъ для физическаго тѣла, тѣмъ ближе мы знаемъ самое тѣло; чѣмъ больше числовыхъ связей (функциональныхъ зависимостей) нами найдено, тѣмъ больше мы знаемъ физическихъ законовъ.

Не съ одними постоянными отношеніями встрѣчается социальная статистика. На всякомъ шагу въ ней замѣчаются и такіе ряды, которые Лексисъ называетъ эволюторными; примѣръ такихъ рядовъ представить, напр., во всякой прогрессирующей странѣ рядъ, составленный изъ годовыхъ цифръ лицъ, получающихъ образованіе, и т. п. Во всѣхъ этихъ рядахъ замѣчается уже не постоянство, а тенденція измѣняться въ томъ или другомъ направленіи.

Но и тѣ ряды, которые представляютъ поразительное постоянство, заставившее Кетлѣ говорить объ опредѣленномъ бюджетѣ преступниковъ, который платитъ всякое общество, — на дѣлѣ также подвергаются „вѣковымъ неравенствамъ“. Фаталистическое воззрѣніе Кетлѣ и прочихъ послѣдователей „математической школы“ въ статистикѣ уступаетъ мѣсто другому воззрѣнію, которое рассматриваетъ всякую вычисляемую статистикою объективную вѣроятность какъ продуктъ всего общественнаго строя, измѣняющійся вмѣстѣ съ измѣненіемъ самого строя.

Мѣсто социальной статистики въ ряду другихъ общественныхъ наукъ легко опредѣлится, если мы будемъ исходить изъ предложеннаго О. Контомъ раздѣленія социологіи — науки объ обществѣ — на абстрактную и конкретную.

Абстрактная наука объ обществѣ, изучающая законы объ общественности вообще, законы, которые были бы получены путемъ отвлеченія отъ конкретныхъ общественныхъ организмовъ — еще не существуетъ. Всѣ существующія теперь общественныя науки (наука о хозяйственныхъ отношеніяхъ или политическая экономія, исторія прагматическая, исторія культуры, исторія права) суть части конкретной социологіи потому, что всѣ изучаютъ существующія или существовавшія общества и государства. Социальная статистика составляетъ часть той же конкретной социологіи; но между тѣмъ какъ другія науки отличаются между собою по предметамъ изслѣдованія (право, хозяйство, литература), социальная статистика отличается отъ нихъ по методу. По предмету изслѣдованія она такъ же обща, какъ сама наука объ обществѣ, такъ какъ въ кругъ ея изслѣдованія одинаково входятъ и важнѣйшія явленія физиологической жизни отдѣльнаго человѣка, и явленія хозяйственной жизни, и, наконецъ, тѣ явленія, которыя обуслов-

ливаются разумно-нравственною стороною человѣческой природы. Этимъ различнымъ сторонамъ человѣческой дѣятельности соответствуетъ раздѣленіе статистики на три главные отдѣла: 1) демографія, или статистика народонаселенія (наиболѣе разработанная и наиболѣе пользующаяся помощью математическаго анализа часть статистики); 2) экономическая статистика, и 3) статистика моральная или культурная, изучающая повторяемость преступленій, самоубійствъ, дѣятельность школы, благотворительности, поскольку она проявляется въ числовыхъ данныхъ.

Совпадая по своему предмету съ другими частями общественной науки, социальная статистика отличается отъ нихъ по методу. Мы видѣли, что этотъ методъ заключается въ томъ, чтобы изъ наблюдений надъ массами явленій вывести извѣстные числовыя постоянныя, характеризующія данный социальный организмъ, и, пользуясь вспомогательными формулами теоріи вѣроятностей, отличить при измѣненіи этихъ числовыхъ постоянныхъ тѣ, которыя происходятъ отъ причинъ случайныхъ, отъ тѣхъ, которыя указываютъ на измѣненія въ строѣ самого организма. Въ этомъ числовомъ методѣ—преимущество и сила статистики сравнительно съ другими частями общественной науки, и поэтому она можетъ развиваться только опираясь постоянно на указанія науки о числахъ—чистой математики. Только опираясь на указанія теоріи вѣроятностей и основанной на ней математической статистикѣ, социальная статистика можетъ не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыхъ не лишена ея исторія. Статистики должны научиться у астрономовъ и физиковъ, какимъ образомъ, только постоянно прибѣгая въ помощи чистой математики, можно открывать въковыя неравенства въ отношеніяхъ, кажущихся постоянными, и отъ эмпирическихъ законовъ, соответствующихъ законамъ Кеплера, перейти къ истиннымъ законамъ природы, типомъ которыхъ является великій законъ всемірнаго тяготѣнія.

VII.

Но какъ ни велика, какъ ни важна роль статистики, какъ части общественной науки, она неизбѣжно нуждается въ дополненіи. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ, напримѣръ, такъ называемая моральная статистика? Она указываетъ намъ, напримѣръ, число самоубійствъ, измѣненіе чиселъ по временамъ года, по родамъ самоубійства, наводитъ на интересныя и важныя мысли. Но для психологіи самоубійства, для выясненія той связи, кото-

раи существуетъ между жизнью общества и фатальнымъ поступкомъ самоубійцы, она не даетъ почти ничего. Она не вводитъ въ психологическій міръ самоубійцы, такъ какъ принуждена соединять всѣ самоубійства, независимо отъ психологическихъ мотивовъ, въ одну цифру ихъ и для нея по необходимости—цѣломудренный, одаренный нѣжною чувствительностью Вертеръ, лишающій себя жизни изъ любви къ Шарлотѣ, и пресыщенный страстями и наслажденіями Ролла фигурируютъ въ статистической таблицѣ какъ однородныя единицы.

Вотъ почему статистика необходимо нуждается въ дополненіи: мы только тогда поймемъ извѣстное явленіе жизни человѣка, когда познаваемимся не только съ его психологіею, но и съ психологіею и жизнью той среды, въ которой онъ жилъ и развивался. „Человѣческіе документы“—въ родѣ дневника Башеирцевой—являются лишь въ видѣ исключенія. Ихъ можетъ замѣнять и дѣйствительно замѣняетъ психологическій и социологическій романъ новѣйшаго времени. Эту мысль съ особеннымъ увлеченіемъ развивалъ одинъ изъ представителей современнаго реалистическаго романа—Эмиль Золя.

„Мы указываемъ, — пишетъ онъ въ своемъ: „Le roman expérimental“, отъ лица всѣхъ реалистовъ,—механизмъ полезнаго и вреднаго; мы раскрываемъ детерминизмъ человѣческихъ и общественныхъ явленій, чтобы впослѣдствіи можно было овладѣть ими и направлять эти явленія“. Романистъ сравнивается съ естествоиспытателемъ, производящимъ опыты.

Конечно, есть доля увлеченія въ этихъ мысляхъ автора „Жерминала“ и „Денегъ“. Прекрасную критику этихъ мыслей даетъ Гюйо въ недавно переведенномъ на русскій языкъ сочиненіи: „Искусство съ социологической точки зрѣнія“. Онъ указываетъ совершенно справедливо на то, что опытъ романиста только съ большою натяжкой можно уподобить опыту естествоиспытателя; опытъ послѣдняго производится въ природѣ, опытъ перваго—въ мовгу романиста. Но каковы бы ни были увлеченія Золя, нельзя не признать извѣстной доли правды въ его взглядахъ, а слѣдовательно высокаго общественнаго и въ извѣстной степени научнаго значенія современнаго романа.

Основной принципъ всякаго научнаго мышленія, по которому всякое явленіе должно вполнѣ опредѣляться его причинами, оказываетъ и на литературу все большее и большее вліяніе. Романъ во вкусѣ Дюма, романъ, основанный на эффектахъ и случайностяхъ, въ которомъ развязки являются какъ Deus ex machina, уступилъ мѣсто роману, въ которомъ всякій поступокъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ является слѣдствіемъ опредѣляющихъ его

причинъ: наслѣдственности, воспитанія, вліянія среды физической или соціальной.

Составляя необходимое дополненіе статистики, романъ не является въ то же время ея антитезою. Онъ имѣетъ со статистикою многія общія черты, которыя съ своей стороны обнаруживаютъ важное значеніе романа.

Подобно тому какъ статистика, классифицируя извѣстными образомъ собранные ею факты, преслѣдуетъ цѣль исключить вліяніе нѣкоторыхъ изъ причинъ, производящихъ извѣстное явленіе соціального міра, и изучить такимъ образомъ только вліяніе остальныхъ, — и романъ всегда преслѣдуетъ цѣль изолированія одной изъ причинъ. Подобно тому какъ „сложные портреты“ Гальтона (Statistics by incomparrison) доставляютъ общія типическія черты лица извѣстной расы или профессіи, романистъ всегда рисуетъ намъ типъ. Черты Плюшкина или Павла Ивановича Чичикова, разбѣянные въ разныхъ индивидуумахъ, сконденсированы великимъ основателемъ русскаго реального романа въ типическіе, ярею возникающіе передъ нами образы. Притомъ романъ ставитъ типъ или характеръ въ обстановку, гдѣ его основныя черты могутъ развиваться и обнаруживаться въ той степени, въ которой онѣ рѣдко развиваются въ дѣйствительной жизни, гдѣ случайности постоянно нарушаютъ логику событий. „Дѣйствительная жизнь и конкретная исторія, — говоритъ Гюйо, — наполнены недоконченными мыслями, разбитою волею, сломанными характерами, неполными и изувѣченными человѣческими существами. Въ романѣ сокращается до крайней необходимости доля случайныхъ происшествій, и въ чертахъ, рѣзко дѣйствующихъ на нашъ умъ, обнаруживается связь извѣстной причины съ дѣйствіемъ“. Въ „Ученикѣ“, П. Буржэ, читатель ясно понимаетъ, какъ темпераментъ, воспитаніе и плохо понятая философія могли привести героя къ постыдной мысли экспериментировать надъ живымъ существомъ; читая объ Іудушкѣ Головлевѣ, у Салтыкова, — понимаешь, что такой типъ могъ вырасти только на почвѣ крѣпостной Россіи.

„Романъ, — говоритъ Гюйо, — есть упрощенное и поразительное изложеніе соціологическихъ законовъ“.

Въ какихъ бы дополненіяхъ ни нуждалась, однако, статистика, во всякомъ случаѣ развитіе ея представляетъ громадную важность для развитія соціальной науки вообще. Она открываетъ для общественной науки новый неисчерпаемый источникъ истинъ, позволяетъ ей замѣнить абстрактныя метафизическія понятія, такъ долго господствовавшія въ общественной наукѣ, живою водою точнаго математическаго знанія, и даетъ возможность при свѣтѣ факела

математическаго анализа разыскивать причинную связь между общественными явлениями.

Новѣйшіе успѣхи математической статистики и косвеннымъ образомъ начинаютъ проявлять вліяніе на выработку новыхъ методовъ изслѣдованій въ политической экономіи. До сихъ поръ еще идетъ въ этой наукѣ оживленный споръ о томъ, какова метода она должна держаться, споръ о томъ, есть ли политическая экономія — наука дедуктивная, какъ учитъ классическая школа, или индуктивная, какъ смотритъ школа историческая. Лексисъ, которому мы обязаны изслѣдованіями о дисперсіи статистическихъ рядовъ, вноситъ и въ споръ о методахъ политической экономіи новыя и важныя мысли, показывая въ своемъ классическомъ сочиненіи: „О французскихъ ввозныхъ и вывозныхъ преміяхъ“, — какъ можно соединять дедуцію съ индукціею, и постояннымъ пользованіемъ параллельно идущими статистическими рядами достигать до интересныхъ выводовъ въ изученіи явленій хозяйственной жизни.

VIII.

Данныя, собираемая и обрабатываемая соціальною статистикою, имѣютъ не только важное теоретическое значеніе, — не менѣе важно и ихъ практическое значеніе.

Ни одно мѣропріятіе, касающееся той или другой изъ сторонъ общественной жизни, не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ, если оно не опирается на хорошо собранныя и серьезно разработанныя статистическія данныя. Съ другой стороны, безъ статистическихъ данныхъ невозможно было бы и то широкое развитіе разнообразныхъ страховыхъ предпріятій, которое мы видимъ въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, гдѣ образовался особый классъ техниковъ вычислителей (актуаріевъ), специальность которыхъ состоитъ въ обработкѣ статистическихъ данныхъ и въ вычисленіяхъ, необходимыхъ для правильного веденія страховыхъ операцій.

Критическія обстоятельства только-что пережитаго нами тяжелаго года должны, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе всѣхъ интересующихся экономическими вопросами на одну изъ формъ страхования — страхованіе посѣвовъ отъ неурожая. Несомнѣнно, что первенствующее значеніе въ дѣлѣ борьбы съ бѣдствіями, подобными постигшему Россію въ 1891 г., имѣютъ экономическія мѣры, поднятіе техники сельскаго хозяйства, изученіе климатическихъ и почвенныхъ условій и т. п. Но всѣ эти задачи требуютъ для

своего разрѣшенія болѣе или менѣе продолжительное время. Неотложною представляется задача о лучшей организаціи продовольственнаго дѣла. Недостатки существующей у насъ организаціи этого дѣла давно уже указывались всѣми, кому приходилось по той или другой причинѣ всматриваться ближе въ его веденіе на мѣстахъ, въ провинціи. Въ настоящее время они сознаны уже всѣми, и здѣсь не мѣсто перечислять ихъ.

При предстоящей реорганизаціи этого дѣла нельзя будетъ, конечно, обойти и вопросъ о примѣненіи къ ней въ той или другой степени идеи страхованія, примѣненіе которой въ борьбѣ съ другими бѣдствіями принесло столько пользы. Поэтому, несмотря на всѣ трудности, исключительно принадлежація этой формѣ страхованія (опредѣленіе нормы страхуемаго урожая въ размѣрѣ, не дѣлающемъ выгоднымъ пониженіе производительности труда; опредѣленіе величины страховой преміи въ размѣрѣ, который, обезпечивая достаточное количество пудовъ на десятину, въ то же время не обременялъ бы земледѣльца новыми тяжелыми платежами; устройство агентуры, вполне подготовленной къ трудному дѣлу оцѣнки убытковъ отъ неурожая, и т. п.),—вопросъ о страхованіи посѣвовъ несомнѣнно заслуживаетъ серьезной научной разработки. Начало такой разработкѣ уже положено въ трудѣ, изданномъ въ Казани Л. I. Грассомъ: „Страхованіе сельскохозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая“.

Идея о страхованіи посѣвовъ получила уже практическое примѣненіе въ Японіи; она разрабатывается во Франціи. Въ Россіи, странѣ земледѣльской, на идею страхованія должно быть обращено такое же серьезное вниманіе, какое выпало въ странахъ промышленнаго типа на вопросъ объ обезпеченіи промышленнаго рабочаго путемъ страхованія отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ болѣзью, увѣчьемъ и т. п. Изданію всѣхъ извѣстныхъ германскихъ законовъ, устанавливающихъ обязательное государственное страхованіе промышленнаго рабочаго, предшествовали замѣчательныя изслѣдованія по математической статистикѣ Цейнера, Кнаппа, Цилльмера и др. Для насъ столь же необходимою является научная разработка вопросовъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, и въ частности—какъ статистики урожаяевъ, такъ и техники страхованія посѣвовъ.

Мы видѣли выше, какъ въ первыхъ фазисахъ развитія человѣческой мысли, еще въ туманной дали халдейской культуры, человѣкъ обращался къ числамъ—и въ ихъ таинственныхъ для него свойствахъ искалъ возможности проникнуть въ тайны будущаго для

того, чтобы бороться съ слѣпымъ случаемъ. Фантастическія бредни халдейскихъ мудрецовъ и пифагорейцевъ не достигли, конечно, цѣли.

Прошли тысячелѣтія. И теперь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ шагомъ въ развитіи наукъ о природѣ и объ обществѣ выясняется новая великая роль „числа“. Числа, цифры, которыми испещрены статистическія и метеорологическія таблицы, могутъ казаться — для неумѣющихъ читать ихъ — сухимъ и ненужнымъ балластомъ, но для человѣка науки они — драгоценный матеріалъ, основываясь на которомъ наука стремится расширить наше пониманіе явленій природы и общественной жизни, и къ числамъ же должны мы обращаться для того, чтобы на нихъ основать тѣ мѣры, которыя должны избавлять человѣчество въ будущемъ отъ различныхъ грядущихъ бѣдствій, каковы, на примѣръ, неурожаи и многое другое, тому подобное.

Казань.

А. Васильевъ.

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

— Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Джерардъ отправился въ Чельси на другой день вечеромъ, въ такой часъ, когда онъ всегда заставлялъ м-ра Давенпорта отдыхающимъ послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, за чтеніемъ вслухъ его дочери.

Сегодня онъ увидѣлъ у открытаго окна Эстеръ, сидѣвшую въ одиночествѣ и въ унылой позѣ съ нераскрытой книгой на столѣ.

Она пошла къ двери въ отвѣтъ на его стукъ.

— Папа нѣтъ, — сказала она. — Онъ не обѣдалъ сегодня дома. Онъ ушелъ днемъ въ мое отсутствіе и оставилъ записку: онъ идетъ въ гости къ старинному знакомому, а не сообщилъ фамиліи этого знакомаго, и все это такъ странно, потому что у насъ совсѣмъ никакихъ знакомыхъ не осталось. Мы порвали все прежнія отношенія.

— Могу я войти и поговорить съ вами?—спросилъ Джерардъ.—Мнѣ очень жаль, что вы беспокоитесь.

— Можетъ быть безразсудно съ моей стороны беспокоиться, но вы знаете... вы знаете причину. Я собиралась пройтись не-

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 188.

много. Въ комнатахъ такъ душно, и, можетъ быть, мы его встрѣтимъ.

Она сняла шляпу съ вѣшалки въ прихожей и надѣла ее.

— Мы здѣсь не очень взыскательны насчетъ перчатокъ, — прибавила она.

Онъ отлично понималъ, что она не хотѣла принять его въ отсутствіе отца; несмотря на то, что она спустилась внизъ по общественной лѣстницѣ и стала простой рабочей дѣвушкой, какъ и всѣ прочія, она все еще цѣплялась за приличія своей первоначальной сферы, и ему не легко будетъ пробиться сквозь нихъ.

Они прошли до конца Розамондъ-Родъ почти молча, но на набережной, гдѣ темная рѣка быстро бѣжала у ихъ ногъ, а лѣтнія звѣзды сверкали надъ головой, она заговорила о своей тревогѣ.

— Вы знаете, какъ я была счастлива въ такомъ положеніи, какое многія дѣвушки моихъ лѣтъ сочли бы жалкимъ и унижительнымъ.

— Жалкимъ, да; унижительнымъ—нѣтъ. Самая легкомысленная дѣвушка въ Англии сочла бы васъ за героиню, еслибы узнала вашу жизнь.

— О, пожалуйста не преувеличивайте! Я сдѣлала только то, что сотни дѣвушекъ сдѣлали бы для любимаго старика-отца. Я была такъ горда и счастлива при мысли, что спасла его, что онъ излечился отъ роковой привычки; а теперь... теперь я боюсь... боюсь со вчерашняго дня, когда онъ откуда-то получилъ средства предаваться старой привычкѣ... привычкѣ, сгубившей его.

— Отчего вы такъ думаете?

— Онъ настоятельно захотѣлъ вчера вечеромъ выйти изъ дому послѣ обѣда. Онъ говорилъ, что идетъ въ даровую читальню просмотрѣть августовскіе журналы. Я предложила пойти вмѣстѣ съ нимъ. Зимой мы обыкновенно читали тамъ по вечерамъ, но лѣтомъ оставили. Я напомнила ему, какъ будетъ жарко отъ газа, но онъ непремѣнно захотѣлъ идти, и я не могла его удержать. Хуже всего то, что онъ не хотѣлъ взять меня съ собой и, казалось, даже желалъ отдѣлаться отъ меня, напомнивъ мнѣ про спѣшную работу, которую мнѣ нужно было докончить къ утру. Еслибы не эта работа, я бы пошла съ нимъ, но я не могла не приготовить ее къ сроку. Онъ общалъ мнѣ вернуться домой прямо изъ читальни и пришелъ приблизительно въ тотъ часъ, какъ я его ждала; но стоило мнѣ только взглянуть ему въ лицо, стоило услышать первое слово, произнесенное имъ, чтобы понять, что такъ или иначе, а онъ досталъ того яду, который его губить.

— Не преувеличиваете ли вы зла въ своемъ воображеніи?— спросилъ Джерардъ успокоительно. — Почему вы думаете, что ставанъ другой вина непременно повредить вашему отцу? Въ послѣднее время мнѣ казалось—ему вообще очень не по себѣ. Усиленное воздержаніе можетъ быть ему вредно.

— Вредно! Ахъ, вы не знаете, вы не знаете! Я могу показаться жесткой къ нему, но я бы жизнь отдала, чтобы предохранить его отъ этого унивительнаго порока. А теперь, когда кто-то далъ ему денегъ, всѣ мои заботы тщетны. Я не могу придумать, кто бы такой это далъ.

— Пожалуйста, не безповойтесь такъ!—сказалъ Джерардъ, беря ея руку и поднося къ губамъ.

Она съ неудовольствіемъ вырвала у него руку.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого. Время ли теперь любезничать, да еще со мной! Жизнь обращается ко мнѣ только своей горестной стороной.

— Нѣтъ, Эстеръ, для любезности не время, но время для любви... преданной любви. Вы знаете, что я васъ люблю нѣжно, всей душой... Эстеръ, вчера докторъ сказалъ мнѣ, что я немного лѣтъ проживу на этой планетѣ. . можетъ быть, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ быть счастливъ, если могу... счастливъ съ женщиной, которую люблю, потому что счастье для меня не долго будетъ длиться. Я предлагаю вамъ остатокъ своей бѣдной жизни, всего себя, такъ какъ всѣ мои чувства и помышленія наполнены только вами. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я впервые встрѣтилъ васъ ночью, когда вы обошли такъ холодно и жестоко со мной, я люблю васъ и только васъ.

— Вы не вправѣ говорить со мной такъ,—съ негодованіемъ отвѣчала она.—Вы злоупотребляете моей бѣдностью и одиночествомъ. Неужели вы думаете—я могу забыть о разстояніи, насъ отдѣляющемъ? Я знаю, что вы обручены съ другой женщиной, я знаю, что въ Англій богатство считается такъ же высоко, какъ и знатность, и что не можетъ быть и рѣчи о бракѣ между миліонеромъ и рабочей дѣвушкой.

— Лэди всегда останется лэди, Эстеръ. И неужели вы думаете, что найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы не восхищался вашимъ самопожертвованіемъ? Да, это правда,—я честью связанъ съ другой женщиной, которую любилъ четыре года. Но эта любовь умерла въ ту ночь, какъ я васъ встрѣтилъ, и мнѣ ее не воскресить. Скажите, что и вы меня любите!.. Я вѣдь знаю

это, но мнѣ хочется услышать это отъ васъ самихъ. Эстеръ, вы меня любите, вы меня любите!

Ея лицо было повернуто къ нему... блѣдное при слабомъ мерцаніи отдаленныхъ звѣздъ, причеиъ темно-синіе глаза казались еще темнѣе. Губы ихъ встрѣтились, и среди страстныхъ поцѣлуевъ онъ услышалъ тихій шопотъ:—Да, я люблю васъ... я люблю васъ больше жизни... но этого не можетъ быть!

— Почему не можетъ быть... почему мы не можемъ провести вмѣстѣ весь бѣдный остатокъ моей жизни?!..

Она вырвалась у него изъ рукъ.

— Вы знаете, что этого не можетъ быть... вы знаете, что не можете жениться на мнѣ... съ вашей стороны, жестоко обманывать меня сладкими, но ничего незначащими словами. Ни одинъ мужчина еще не цѣловалъ меня, кромѣ отца. Вы сдѣлали меня ненавистной въ моихъ собственныхъ глазахъ... Пустите меня... и никогда больше не показывайтесь мнѣ на глаза!

— Эстеръ, развѣ нѣтъ выхода? развѣ вы непременно хотите, чтобы мы женились? Почему вы не хотите довѣриться мнѣ, какъ другія женщины довѣряются своимъ любовникамъ?

— Не говорите этого! Какъ смѣли вы произнести такіа слова!—страстно вскричала она:—Зачѣмъ вы переполняете чашу моего стыда? Я знала, что эти ненавистныа слова будутъ выговорены, если я допущу васъ высказать свою любовь ко мнѣ, и я старалась помѣшать вамъ высказаться. Да, я знаю, чего стоитъ ваша любовь. Вы сдержите слово, данное знатной лѣди—ваша сестра мнѣ про нее рассказала—а меня заставите погубить душу ради вашей любви. Вы старались привлечь мое сердце... но я не такое слабое и беспомощное созданіе, какъ вы думаете. О, Боже, Боже! призри на меня въ моемъ одиночествѣ... ни матери, ни отца, ни друзей... скалься надо мной, потому что я такъ одинока! У меня никого нѣтъ, кромѣ Тебя!

Она стояла со сложеными руками, глядя въ озаренное луной небо, трогательная въ своей простой вѣрѣ даже для невѣрующаго.

— Эстеръ, неужели вы думаете, что Богъ интересуется бракомъ? Онъ создалъ своихъ тварей для любви. Наша любовь не можетъ быть нечиста въ Его глазахъ, также какъ безбрачная любовь Адама и Евы въ раю.

— Онъ не создалъ насъ для безчестія, —отвѣчала она твердо. — Покойной ночи, м-ръ Гиллерсдонъ... покойной ночи! и прощайте.

Она повернулась и быстро пошла твердой поступью по направлению въ Розамондъ-Роду. Секунду тому назадъ онъ держалъ ее

въ объятіяхъ, а теперь она назвала его „м-ръ Гиллерсонъ“ и повернулась къ нему спиной, какъ къ какому-нибудь искателю приключеній.

Разсерженный, приведенный въ отчаяніе, онъ вдругъ принялъ рѣшеніе, достойное Ловеласа. Онъ сказалъ себѣ, что будетъ дѣйствовать дипломатично, что онъ долженъ... *resuler pour mieux sauter*.

— Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ проводить васъ домой.

Она не отвѣчала, и онъ пошелъ рядомъ, созерцая ея профиль при тускломъ свѣтѣ. Она отерла слезы; румянецъ сбѣжалъ съ ея щеки, и она была блѣднѣе мрамора, но губы были твердо сжаты и все лицо казалось мраморнымъ изваяніемъ.

— Эстеръ, вы жестоки ко мнѣ.

— Это вы жестоки. Въ особенности когда стараетесь напугать меня, говоря, что вамъ не долго жить. Это всего жесточе.

— Но это правда, Эстеръ... это такая же правда, какъ то, что мы идемъ рядомъ. Когда я разбогатѣлъ, я, зная, что не очень вѣщаго здоровья, пошелъ посоветоваться съ добрымъ старикомъ докторомъ, который спасъ мою жизнь, когда я былъ маленькимъ мальчикомъ. То было годъ тому назадъ, и онъ сказалъ мнѣ неутѣшительныя вещи. Вчера я снова видѣлся съ нимъ. Онъ говорить, что положеніе мое измѣнилось къ худшему за протекшій годъ, и только при крайней осмотрительности я могу протянуть нѣсколько лѣтъ. И велѣлъ мнѣ быть счастливымъ,—какъ будто это такъ легко!

— Безъ сомнѣнія, вамъ не трудно быть счастливымъ; весь свѣтъ къ вашимъ услугамъ.

— Чтѣ мнѣ въ томъ, когда я не могу получить одного, что мнѣ дорого!

— И докторъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что вамъ остается прожить не много лѣтъ? — спросила она; онъ догадался по ея голосу, что она плачетъ, хотя лицо ея было отвернуто.—Вы не обманываете меня? Я увѣрена, что онъ не такъ сказалъ. Доктора не говорятъ такихъ вещей.

— Иногда говорятъ, Эстеръ. Даже докторъ скажетъ правду, если къ нему очень пристануть. Мой докторъ говорилъ просто и ясно. Только при спокойной, то-есть счастливой жизни я могу прожить нѣсколько лѣтъ. Если же я буду волноваться и буду несчастенъ, то проживу только нѣсколько мѣсяцевъ. Но если вы меня не любите, то какое вамъ до всего этого дѣло?

— Вы знаете, что я васъ люблю. Еслибы я васъ не любила, то стала ли бы говорить съ вами, послѣ того, чтѣ вы сказали.

Но я говорю съ вами въ послѣдній разъ. Наша дружба кончена навѣки.

— Наша дружба никогда не начиналась, Эстеръ. Съ самаго перваго момента, какъ я васъ увидѣлъ, я почувствовалъ къ вамъ страстную, непреодолимую любовь. Быть можетъ, я дурно поступилъ, преслѣдуя васъ такимъ образомъ; но меня влекло сердце. Я не разсуждалъ. Вы разсуждаете, вы благоразумны. Мы должны разстаться. Покойной ночи, моя дорогая, и прощайте!

Тонъ его былъ твердъ и рѣшителенъ. Она повѣрила ему — повѣрила, что убѣдила его и что испытаніе и соблазнъ отошли отъ нея. Она повернулась къ нему, сдерживая рыданіе, подала ему руку и шепнула: — Прощайте! — Руки разомкнулись послѣ страстнаго, но краткаго пожатія, и она вошла къ себѣ въ домъ.

Джерардъ пошелъ назадъ къ рѣкѣ и просидѣлъ съ часъ или болѣе, глядя, какъ катится вода, и думая, думая, думая о женщинѣ, которую любилъ, и о томъ краткомъ срокѣ, какой ему данъ для любви и для жизни.

— И она воображаетъ, что я отрекусь отъ нея... уже зная, что она меня любитъ... послѣ того какъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и цѣловалъ въ губы! Какъ просты женщины!

Было уже одиннадцать часовъ, когда онъ вспомнилъ, что пригласилъ Джермина отъужинать съ нимъ сегодня въ полночь. Онъ пошелъ домой съ разгоряченной головой и сильно бьющимся пульсомъ.

— У меня, должно быть, ужасный видъ сегодня вечеромъ, — думалъ онъ, поймавъ два или три странныхъ взгляда въ толпѣ прохожихъ, мимо которыхъ проходилъ: — быть можетъ, я больнѣе, чѣмъ воображаетъ д-ръ Соутъ. Онъ разспрашивалъ меня про мою фамильную исторію, и я смягчилъ ее. Я сказалъ ему, что отецъ и мать здоровы. Но исторія наша плоха. Рѣшительно плоха. Двѣ сестры матери умерли въ двѣтъ лѣтъ, да одинъ дядя, сколько припоминаю, скончался тридцати-трехъ лѣтъ.

Онъ отъужиналъ съ Джерминомъ и засидѣлся поздно ночью, вынулъ больше обыкновеннаго и разсказалъ гостю исторію своей любви. По собственной волѣ онъ бы никогда не выбралъ въ повѣренныя этого человѣка, насмѣшливый цинизмъ котораго постоянно его возмущалъ. И со всѣмъ тѣмъ только общество этого циника было ему мило въ этотъ бурный періодъ его жизни. Онъ долженъ былъ заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, и это было всего легче въ обществѣ дурнаго человѣка, не вѣрившаго въ добро и осмѣивавшаго самую мысль, что въ мужчинахъ или женщинахъ можетъ быть честь или добродѣтель.

— Если первый человекъ, который обнесъ плетнемъ клочокъ земли и назвалъ его своимъ, считается непріателемъ своихъ ближнихъ, — говорилъ Юстинъ Джерминъ, — то какъ назвать перваго человека, который составилъ узкій кодексъ понятій, строгія и неумолимые правила нравственности и сказалъ, что этимъ кодексомъ должны отнынѣ и навѣки руководствоваться люди и жить по немъ, все равно — будутъ ли они отъ того счастливы или несчастны? По этому каменистому пути, обремененные пустыми предразсудками и предубѣжденіями, стануть люди тягостно волочить свои дни до послѣдняго и горькаго конца. Да, — хотя бы кругомъ сквозь тернистыя загородки манили ихъ радость и счастье въ долинахъ розъ, красивѣе садовъ Эдема. Зачѣмъ вамъ терзаться отъ того, что вы дали старому глупцу средства предаваться любимому пороку — невинному пороку, такъ какъ онъ никому не дѣлаетъ вреда — и доставили ему, быть можетъ, счастливейшіе часы въ его жизни?

— Я далъ ему средства разбить сердце дочери, — покаялся Джерардъ.

— Пустяки! Ни у одной женщины въ мірѣ сердце не разбивалось пьянымъ отцомъ. Нужна болѣе близкая и дорогая любовь, чтобы разбивать сердца. Все, что требуется для Эстеръ Давенпортъ въ здѣшней жизни — это быть счастливой съ любимымъ человекомъ. Пьяный отецъ могъ бы быть очень непріятнымъ камнемъ преткновенія, еслибы вы вздумали вывести свою богиню при электрическомъ освѣщеніи большого свѣта въ роли м-съ Джерардъ Гиллерсдонъ... Но если вы хотите возвести ее въ свои Эгеріи и скроете ее отъ глазъ людей, то существованіе отца, пьянаго или трезваго, не имѣетъ никакого значенія.

II.

Джерардъ пропустилъ дѣльныхъ три дня, не дѣлая попытокъ свидѣться съ Эстеръ Давенпортъ. Самъ Ловеласъ не могъ быть дипломатичнѣе. Тѣмъ временемъ онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, считалъ часы и соображалъ, такъ ли жаждетъ его присутствія женщина, которую онъ любилъ.

Онъ проводилъ большую часть времени съ Джерминомъ и въ продолжительныхъ tête-à-tête съ этимъ человекомъ измѣрилъ всю глубину его безсовѣстности и беззаботнаго эгоизма.

— Одна вещь несомнѣнна въ этой обманчивой вселенной, — философствовалъ этотъ суемудрый человекъ: — это то, что я,

Юстинъ Джерминъ, существую, и такъ какъ въ этомъ одномъ я увѣренъ, то признаю только одну обязанность—обязанность къ самому себѣ. Я долженъ быть счастливъ и долженъ какъ можно лучше воспользоваться той краткой жизнью, какая мнѣ дана на землѣ. Разсудокъ говоритъ мнѣ, что для того, чтобы быть счастливымъ и прожить возможно дольше, я долженъ отречься отъ страстей; разсудокъ говоритъ мнѣ, что безмятежность духа означаетъ здоровье и долготѣе, а для этой цѣли я долженъ научиться относиться въ жизни легко, считать ее скорѣе фарсомъ, нежели трагедіей, и не привязываться ни къ мужчигѣ, ни къ женщигѣ... не быть рабомъ ни дружбы, ни любви. Себялюбивая философія, — согласенъ; но мое я—единственное, въ чемъ я увѣренъ.

— Превосходная философія, еслибъ ее такъ же легко было примѣнять въ жизни, какъ и проповѣдовать. И вы никогда не любили?

— Никогда въ томъ родѣ, какой вы зовете любовью. Я никогда не былъ несчастенъ изъ-за женщины.

— А семейныя привязанности: отецъ, мать, братья и сестры?

— У меня ихъ никогда не было. Я брошенъ былъ въ міръ какъ какой-то обломокъ, воспитанъ на счетъ общественной благотворительности, — самъ пробилъ себѣ дорогу въ свѣтъ. Я подобенъ Эстеръ Сомерсонъ въ „Холодномъ Домѣ“. Моя мать была позоромъ для меня, а я—для нея. Я во всякомъ случаѣ настолько поклонникъ св. Павла, что никому ничѣмъ не обязанъ. Вторую половину сентенціи — я опускаю.

Джерардъ размышлялъ о характерѣ Джермина, возвращаясь съ нимъ изъ одной загородной поѣздки, въ то время какъ спутникъ его дремалъ, сидя рядомъ съ нимъ въ экипажѣ. Быть можетъ, это и вполнѣ естественно, что человекъ, лишенный семейныхъ узъ, не знавшій ни отцовской, ни материнской любви, выросъ чуждымъ привязанностей и погруженнымъ въ безпредѣльный эгоизмъ.

Онъ почти съ завистью глядѣлъ на спавшаго Джермина. На лицѣ его не видно было слѣдовъ заботъ и глубокихъ чувствъ. Губы его были полуоткрыты улыбкой, точно и во спѣ онъ ощущалъ чувственную радость жизни въ прекрасное лѣтнее утро, благоухающее цвѣтами. Жизнерадостность! Да, этотъ человекъ любилъ жить и вполнѣ наслаждался жизнью, тогда какъ онъ, Джерардъ, имѣя два милліона денегъ, былъ несчастенъ... несчастенъ, потому что какъ нерѣшительный трусъ отступалъ передъ прямымъ и честнымъ путемъ къ счастью и выбиралъ кривой и безчестный.

Онъ отправился въ Чельси на третій день вечеромъ, послѣ разлуки съ Эстеръ. Она тотчасъ же пришла отворить ему дверь

на его стукъ, и онъ былъ пораженъ перемѣной, произошедшей въ ней за эти три дня.

Первыя слова, произнесенныя ею, показали, что не любовь въ нему, а тревога объ отцѣ причиною тому.

— Онъ не возвращался домой съ той ночи, — сказала она. — Я искала его вездѣ, куда только онъ могъ пойти, но нигдѣ о немъ не слыхала со вторника вечеромъ... того самаго, когда вы приходили сюда. Онъ былъ въ тавернѣ „Лебеда“ въ тотъ вечеръ. Сидѣлъ и пилъ водку съ водой, пока заведеніе не закрылось. Онъ много разговаривалъ и былъ очень возбужденъ, когда уходилъ; но хозяева не хотѣли сказать мнѣ, много ли онъ выпилъ. Они утверждали, что не считали рюмокъ. Послѣ того я была въ полицейскомъ участкѣ, и дно рѣки вдоль набережной, по которой мы всегда съ нимъ гуляли, было исследовано. Полицейскіе были очень добры ко мнѣ и обѣщали мнѣ найти его живымъ или мертвымъ. Но... — и тутъ она не могла удержать невольнаго рыданія. — Я боюсь, что его больше нѣтъ въ живыхъ. У него не могло быть много денегъ, и онъ всѣ ихъ, конечно, истратилъ на водку, а затѣмъ, обезумѣвъ отъ вина... ахъ! вы не знаете въ какое безумное состояніе приводитъ его вино... онъ могъ броситься въ воду съ отчаянія. Онъ былъ въ портерной „Лебеда“ въ одиннадцать часовъ, а оттуда — всего лишь нѣсколько минутъ ходьбы до рѣки, и я никого не встрѣтила, кто бы видѣлъ его послѣ этого часа. Я думаю, что онъ хотѣлъ вернуться домой... я никакъ не думаю, чтобы онъ по доброй волѣ меня бросилъ... но какой-нибудь несчастный случай, припадокъ бѣлой горячки...

Она не могла больше говорить отъ рыданій. Джерардъ провель ее въ пріемную, гдѣ незанятое кресло старика напомнило ему о послѣднемъ свиданіи и о западнѣ, какую онъ разставилъ старому грѣшнику. Сегодня, при видѣ горя Эстеръ и становясь на ея точку зрѣнія, онъ сознавалъ себя чуть не убійцей.

— Я пойду въ Скотландъ-Ярдъ, Эстеръ, — сказалъ онъ, желая утѣшить ее. — Я поставлю на ноги искуснѣйшихъ сыщиковъ Лондона, и хитро будетъ, если они не найдутъ вашего отца. Дорогая моя, не предавайтесь такимъ мрачнымъ мыслямъ. Будьте увѣрены, что онъ цѣлъ и невредимъ и только скрывается, потому что стыдится показаться вамъ на глаза. Успокойтесь, моя милая.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ — она не сопротивлялась. Горе сломило ее. Три дня тому назадъ она нашла въ себѣ силы сопротивляться; сегодня она жаждала утѣшеній и допустила его толковать ей о своей любви. У нея ничего на свѣтѣ не было

больше, кромѣ его любви; если отецъ ея дѣйствительно лежалъ на днѣ рѣки,—жизнь ея стала безцѣльна.

И вотъ она слушала его, слушала его разсужденія о томъ, что бракъ теперь ровно ничего не значить, и какъ часто судъ кассируетъ его вслѣдствіе различныхъ позорныхъ разоблаченій.

— Прошло то время, когда бракъ связывалъ людей до самой смерти,—говорилъ онъ.—Бракъ теперь сталъ аферой, помогающей человѣку найти себѣ связи или спастись отъ кредиторовъ. Бракъ значить союзъ на время, пока мужъ и жена не надобдятся другъ другу, а жена настолько не завалится, чтобы не пугаться больше скандала судебного разбирательства и развода.

И послѣ того онъ напомнилъ ей о всѣхъ романическихъ страстяхъ, о любовныхъ исторіяхъ, въ которыхъ играли роли церковь и фамильный стряпчій. Онъ напомнилъ ей даже про Абелара и Элоизу, про страсть Генриха IV въ Габріэль д'Эстре и адмирала Нельсона въ Эммѣ Гамильтонъ. Онъ указывалъ на то, что общество простило виновнымъ ради ихъ любви.

Эстеръ была слишкомъ умна, чтобы дать себя сбить съ толку такими вздорными разсужденіями.

На краю пропасти она вдругъ опомнилась.

— Я буду вашей женой или ничѣмъ,—сказала она.—Я не разсчитывала больше видѣть васъ послѣ той ночи. Я молила Бога, чтобы мы больше никогда не встрѣчались. А теперь ради отца я такъ унизилась, что прошу вашей помощи. Если вы приведете его ко мнѣ, я буду благодарить и благословлять васъ... и постараюсь забыть ваши унижительныя предложенія.

— Унижительныя, Эстеръ! — съ упрекомъ закричалъ онъ, пытаясь снова завладѣть ея рукой, кротко покоившейся въ его рукѣ нѣсколько секундъ тому назадъ.

— Да, унижительныя! Что могли бы вы сказать хуже того, что сказали мнѣ, самой потерянной изъ женщинъ въ Лондонѣ? Вы говорите, что любите меня, и хотите опозорить меня.

— Эстеръ, это увкѣй женскій взглядъ на вещи. Точно пасторъ и обручальное кольцо мѣняютъ все дѣло!

— Еслибы вы любили меня, вы бы взяли меня себѣ въ жены.

— Я не воленъ жениться на васъ, Эстеръ. Я связанъ словомъ съ женщиной и не могу порвать пока этихъ узъ. Но узы эти могутъ ослабиться съ теченіемъ времени, и тогда вы станете моей женой. Какъ только я освобожусь, — пасторъ и обручальное кольцо и вся церковная церемонія будутъ пущены въ ходъ, хотя это не заставитъ меня любить васъ сильнѣе, чѣмъ.

я люблю васъ теперь, и не сдѣлаетъ меня болѣе покорнымъ рабомъ вашимъ.

— Мнѣ не нуженъ рабъ, — рѣшительно сказала она: — мнѣ нуженъ мужъ, котораго бы я могла любить и почитать. А теперь я пойду опять въ полицейской участокъ и спрошу, нѣтъ ли извѣстій.

— Я пойду съ вами, если позволите.

— Я бы желала лучше, чтобы вы пошли въ Скотландъ-Ярдъ, какъ общали.

— Хорошо, я пойду въ Скотландъ-Ярдъ. Я все сдѣлаю, чтобы доказать мою любовь и преданность.

— Преданность. О, м-ръ Гиллерсдонъ! Не играйте словами. Я неопытная, несвѣдущая дѣвушка, но я знаю, что значить вѣрность и преданность... и вы нарушили относительно меня и то, и другое.

Они вмѣстѣ вышли изъ дому, но пошли въ разные стороны. Джерардъ направился въ Оули-стритъ, позвалъ перваго встрѣчнаго извозчика, и тотъ отвезъ его въ Скотландъ-Ярдъ, гдѣ онъ далъ тщательное описаніе пропавшаго Николая Давенпорта, его возраста, наружности, личныхъ свойствъ, характера и привычекъ. Когда у него спросили, были ли деньги у пропавшаго человѣка въ моментъ его исчезновенія, онъ сказалъ, что не знаетъ, но прибавилъ: „весьма возможно, что деньги у него были“.

Быль уже поздній вечеръ, когда Джерардъ вышелъ изъ Скотландъ-Ярда; онъ пошелъ въ паркъ и бродилъ нѣкоторое время безцѣльно, съ возбужденнымъ мозгомъ и потрясенными нервами. Ужась передъ судьбой Николая Давенпорта мѣнялся въ немъ жадостью къ его дочери и нѣжнымъ состраданіемъ къ тому, что онъ считалъ въ ней пустымъ предрассудкомъ, то-есть, нежеланіе вступить въ незаконную связь, тогда какъ онъ зналъ, что такіа связи — дѣло самое обыкновенное, и свѣтъ не бросаетъ за нихъ камня въ богатыхъ людей.

Изъ парка онъ отправился въ клубъ, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить Джермина, который рѣдко ложился спать раньше зари, объявляя, что человѣкъ, посвящающій сну болѣе трехъ или четырехъ часовъ въ сутки, безразсудно тратитъ дорогое время.

— Мы люди, а не сурки, — говорилъ онъ: — намъ опредѣлено въ мѣръ жить, а не спать.

Джерардъ нашелъ Джермина за ужиномъ, во главѣ небольшой избранной компаніи, въ которой манеры дамъ, хотя онѣ и не принадлежали, строго говоря, къ „обществу“, были безукоризненны, такъ безукоризненны, что было бы даже скучно, еслибы

самъ Юстинъ Джерминъ не оживлялъ общество своей веселостью и шутками, отъ которыхъ шампанское казалось еще искрометнѣе.

— Чудное вино, не правда ли?—весело говорилъ онъ.—Это новая марка „Fin de Siècle“ — единственное вино, которое мнѣ нравится.

Джерардъ много выпилъ этого вина; онъ готовъ былъ бы выпить витріоля въ надеждѣ утопить призракъ Николая Давенпорта. И когда банкетъ былъ оконченъ, а беспечная молодежь и ихъ прожигающія жизнь спутницы принялись вальсировать въ сосѣдней комнатѣ подъ звуки страусовскаго вальса, онъ взялъ подъ руку Джермина и увелъ его изъ клуба въ Сенъ-Джемсъ-паркъ.

Здѣсь онъ разсказалъ своему ментору то, что случилось, обзывая себя предателемъ и, можетъ быть, убійцей.

— Это ваша выдумка,—говорилъ онъ: — вы присоветовали мнѣ разставить эту западню, и вотъ теперь я сталъ негодяемъ по вашей милости.

Веселый смѣхъ Джермина звучалъ насмѣшкой, когда онъ выслушалъ это обвиненіе.

— Вотъ всегда такъ бываетъ!—сказалъ онъ:—человѣкъ просить совѣта, а затѣмъ накидывается на совѣтника. Вы желали избавиться отъ несноснаго старика-отца, и я придумалъ, какъ это сдѣлать. А теперь вы зовете меня Мефистофелемъ, а себя—убійцей.

И самымъ развязнымъ образомъ онъ разсѣялъ всѣ угрызенія совѣсти Джерарда, издѣваясь надъ честью мужчинъ и добродѣтелью женщинъ. Джерардъ, который давно уже оставилъ всѣ прежнія убѣжденія и вѣрованія и перешелъ къ полному безвѣрью, слушалъ одобрительно эту насмѣшливую проповѣдь, текстомъ которой служило поклоненіе своему собственному я и побряжка всѣмъ страстямъ.

— Я содрогаюсь, когда думаю о мириадахъ фанатиковъ, пожертвовавшихъ счастьемъ ради воображаемаго рая—жалкихъ существъ, изнурявшихъ душу и тѣло на землѣ, ради радостей и садовъ Новаго-Іерусалима, — сказалъ въ заключеніе Джерминъ, когда они разстались у Букингемскихъ воротъ при слабыхъ лучахъ разсвѣта.

Менѣе чѣмъ полчаса спустя Джерардъ уже былъ въ Розамондъ-Родъ у маленькой желѣзной калитки, которая вела въ крошечный садикъ, гдѣ вустъ подсолнечниковъ бѣлѣлъ при слабомъ свѣтѣ утренней зари.

Лампа все еще горѣла въ приѣмной, и онъ увидѣлъ тѣнь Эстеръ на сторѣ. Она сидѣла, опершись локтями о столъ и

и закрывъ лицо руками; онъ зналъ, что она плачетъ или молится.

Онъ постучалъ въ окно.

— Эстеръ, Эстеръ! — позвалъ онъ.

Она отворила дверь и появилась передъ нимъ блѣдная и взволнованная.

— Вы слышали про него, вы видѣли его? — закричала она съ волненіемъ. — Хорошія вѣсти?

— Да, Эстеръ, да, — отвѣчалъ онъ и вошелъ въ комнату.

III.

Между Ридингомъ и Оксфордомъ есть прибрежная деревенька, которую модный свѣтъ еще не успѣлъ замѣтить. Она лежитъ въ района большихъ рѣчныхъ карнаваловъ, и увеселительные пловучіе домики рѣдко показываются у ея береговъ, поросшихъ ивнякомъ.

Тамъ есть старинная церковь съ четырехугольной башней и живописное кладбище, раскидывающееся на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка загибается и расширяется въ бухту.

Приходскій домъ гнѣздится около церкви, а приходскій садъ граничить съ кладбищемъ; низкая каменная стѣна, отдѣляющая жилище живыхъ отъ обители мертвецовъ, вся увита розами. Это кладбище — одно изъ красивѣйшихъ въ Англіи, такъ какъ ректоръ любилъ его и непрерывно украшалъ въ продолженіе тридцатипятилѣтняго своего служенія въ этомъ приходѣ, и нигдѣ нельзя найти такихъ чудныхъ розъ и такой красивой вероники, какъ въ этомъ тихомъ уголку на берегу рѣки.

Земля кругомъ принадлежитъ владѣльцу стариннаго рода, который такъ богатъ, что можетъ не портить своего помѣстья разными промышленными затѣями. Короче сказать, Лоукомбъ все еще представляетъ образецъ прежней мирной и пасторальной деревни.

На берегу Темзы, минутахъ въ двадцати ходьбы отъ церкви Лоукомбъ, находится старомодный коттеджъ, скромныхъ размѣровъ, но окруженный такимъ чудеснымъ садомъ, что владѣлецъ дворца можетъ позавидовать владѣльцу такого восхитительнаго, сельскаго убѣжища.

Здѣсь, когда розы были въ полномъ цвѣтѣ, молодая чета, прошлое которой было совершенно неизвѣстно обитателямъ Лоукомба, поселилась съ скромной обстановкой, состоявшей изъ одного лакея, двухъ горничныхъ и садовника.

Жители деревни не особенно интересовались пришельцами, которые аккуратно платили по счетамъ; но немногіе прихожане Лоукмба, принадлежавшіе къ привилегированному классу, очень жемали голову надъ молодой четой, которая явилась безъ рекомендательныхъ писемъ, и Богъ вѣсть, могла или нѣтъ считаться приятнымъ приобрѣтеніемъ для сосѣдей.

Тотъ фактъ, что м-ръ Ганли, какъ говорили, купилъ домъ, въ которомъ жилъ, и сорокъ десятинъ дуга, принадлежавшія къ дому,—давалъ ему нѣкоторый вѣсъ въ приходѣ и только усложнялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ему сдѣлать визитъ или нѣтъ.

— Никто, кажется, и не слыхивалъ про этихъ Ганли,—говорила миссъ Малькольмъ, старая дѣвица, шотландка, гордившаяся своимъ родомъ и своей добродѣтелью, м-съ Донованъ, вдовѣ ирландкѣ, полной той спѣси, какая составляетъ свойство скорѣе золотого мѣшка, нежели голубой крови.—Еслибы этотъ человѣкъ былъ хорошей фамиліи, конечно кто-нибудь изъ насъ о немъ слышалъ бы раньше. Лэди Изабелла, которая такъ много выѣзжаетъ въ свѣтъ во время лондонскаго сезона, очень удивляется тому, что никогда не встрѣчала въ обществѣ этого м-ра Ганли.

— Старый Бандъ потребовалъ безумную цѣну за Розовый Павильонъ и землю, принадлежащую къ нему, — отвѣчала м-съ Донованъ:—значить, у этого человѣка есть деньги.

— Нажилъ ихъ торговлей, должно быть, — замѣтила миссъ Малькольмъ, между тѣмъ какъ вдова ирландка, мужъ которой разбогатѣлъ благодаря сапожной фабрикѣ, покраснѣла отъ гнѣва.

Неприятно, что среди аристократическаго *dolce far niente*, въ которомъ она доживала свой вѣкъ, ей напоминають, что имя Донованъ отпечатано на милліонахъ сапогъ Старога и Новаго Свѣта и продолжаетъ печататься теперешнимъ владѣльцемъ фирмы.

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ обсужденій, рѣшено было за чайнымъ столомъ, за которымъ собралась вся *élite* прихода, за исключеніемъ ректора, что пока м-ръ Мухатъ изъ Мухатъ-Корта не сдѣлаетъ визита новымъ обитателямъ Розоваго Павильона, никто къ нимъ не поѣдетъ. Чтò хорошо для Мухата, предки котораго восходили безъ всякаго перерыва къ царствованію Эдуарда Исповѣдника, то должно быть хорошо и для остальнаго прихода.

Но въ то время какъ сельское вѣче обсуждало ихъ общественное положеніе,—какъ жилось этой молодой четѣ? скучала ли она безъ посѣтителей? жаждала ли новыхъ лицъ и ожидала ли съ нервнымъ нетерпѣніемъ появленія сосѣдей?—Она не беспокоилась ни мало.

— Я не зналъ, что значить счастье, пока не полюбилъ тебя, Эстеръ, — говорилъ молодой человекъ, котораго Лоукомбъ величалъ: „этотъ м-ръ Ганли!“

— И я счастлива потому, что ты счастливъ, — кротко отвѣчала Эстеръ. — И ты не будешь больше увѣрять, что тебѣ осталось прожить только годъ или два, — не правда ли, Джерардъ? Это пустяки... и ты выдумалъ это только затѣмъ, чтобы пугнуть меня, не правда ли?

Онъ не могъ сказать ей, что это была суровая, горькая правда, и что онъ нисколько не преувеличивалъ докторскаго рововаго приговора. Умоляющіе глаза Эстеръ просили успокоить и обнадежить ее.

— Я думаю, что доктора часто ошибаются, потому что не придають достаточнаго значенія вліанію ума на тѣло, — отвѣчалъ онъ. — Я былъ такъ несчастенъ, когда ходилъ въ д-ру Соуту, что неудивительно, если онъ не счелъ меня жильцомъ на бѣломъ свѣтѣ.

— А теперь ты счастливъ, Джерардъ, по настоящему, дѣйствительно счастливъ, не на одинъ день только?

— Не на одинъ день, но навсегда, пока ты со мной, милая жена.

Онъ часто называлъ ее этимъ именемъ, не догадываясь, что каждый разъ, какъ онъ произносилъ это названіе, на которое она не имѣла права, она ощущала странную внезапную боль въ сердцѣ. Она не мучила его жалобами на принесенную жертву и никогда не упрекала за предательство, благодаря которому онъ завладѣлъ ею. Великодушная, преданная и самоотверженная, она отдала ему свое сердце, какъ отдала бы жизнь, и тщательно скрывала отъ него свои слезы и свое раскаяніе.

Сдѣлать его счастливымъ — стало единственной цѣлью ея жизни.

Насчетъ судьбы отца она все еще не совсѣмъ успокоилась, хотя питала надежду, что онъ живъ. Сыщикъ прослѣдилъ человека, по описанію походившаго на Николая Давенпорта, до Ливерпуля, гдѣ онъ сѣлъ на корабль, отплывшій въ Мельбурнъ два дня спустя послѣ того какъ Давенпортъ исчезъ изъ Чельси. Билетъ былъ взятъ на имя Данверса, и пассажиръ назвалъ себя духовнымъ лицомъ, принадлежащимъ къ англиканской церкви.

Эстеръ тѣмъ охотнѣе вѣрила, что этотъ человекъ могъ быть ея отцомъ, такъ какъ отецъ ея часто толковалъ о томъ, что хорошо было бы вернуться въ Австралію и снова попытаться тамъ счастья. „Отъ того, что разъ не удалось, не значить, чтобы неудача повторилась“, — говорилъ онъ ей.

— Но откуда досталъ онъ деньги на билетъ? — дивилась Эстеръ; — у него совсѣмъ не осталось знакомыхъ, у которыхъ онъ могъ бы занять.

И тогда Джерардъ, на волѣняхъ, въ безмолвіи ночи, со слезами и поцѣлуями и увѣреніемъ въ своемъ раскаяніи, сознался въ своемъ преступленіи.

— Это была невыразимая низость, — говорилъ онъ: — я самъ понимаю это, но твой отецъ стоялъ между нами. Я готовъ былъ на убійство, чтобы завладѣть тобой.

— Это и могло быть убійствомъ, — уныло прошептала она.

— Я признался въ своей винѣ, и ты теперь возненавидишь меня. Какой я глупецъ, что сказалъ это тебѣ!

— Возненавидѣть тебя, Джерардъ? Нѣтъ; я не могу тебя ненавидѣть. Неужели, ты думаешь, я была бы здѣсь, еслибы тебя не любила...

„Еслибы только это могло продлиться!“ — думалъ Джерардъ, но Эстеръ, менѣе опытная, а потому болѣе довѣрчивая, мечтала, что теперь жизни Джерарда не грозитъ опасность.

Она съ нѣжной заботой наблюдала за его лицомъ и съ радостью замѣчала, какъ глубокія морщины, синева подъ глазами съ каждымъ днемъ изглаживались и мутный взглядъ прояснялся. Кто знаетъ, такъ ли это было въ дѣйствительности, или ей мерещилось только то, чего такъ страстно желала ея душа.

Джерардъ неоднократно увѣрялъ ее, что счастье спасаетъ ему жизньъ, что всѣ прежніе недуги и упадокъ силъ прошли, и что д-ръ Соутъ скажетъ совсѣмъ иное, когда вновь увидитъ своего пациента.

— Онъ велѣлъ мнѣ быть счастливымъ, и я нашелъ свое счастье, — говорилъ онъ, цѣлуя худенькія ручки, такъ много поработавшія на своемъ вѣку, а теперь часто праздно лежавшія въ его рукахъ.

Самъ Джерардъ думалъ, что еслибы онъ провелъ теперь линію на жизненной хартіи, висѣвшей за занавѣской въ Гиллерсдонъ-гаузѣ, то эта линія была бы смѣлѣе и ровнѣе, а перо — тверже и устойчивѣе.

Въ эти счастливыя шесть недѣль онъ совсѣмъ отрѣзалъ себя отъ прошлой жизни и отъ того счастливаго бурнаго свѣта, въ которомъ холостой тридцатилѣтній мужчина, съ двумя милліонами капитала, играетъ такую важную роль.

Люди его круга удивлялись, почему онъ не заведетъ конный заводъ или колоссальныхъ размѣровъ яхту; но прелести ипподрома и яхтъ-клуба не имѣли въ его глазахъ ровно никакой цѣны.

Мужская часть общества рѣшила въ концѣ концовъ, что онъ — ничтожное существо, которому чужды всѣ главныя стремленія англійскаго честолюбія. Эстетикъ, дилеттантъ, человѣкъ годный только на то, чтобы предсѣдательствовать за обѣденнымъ столомъ или проигрывать отъ времени до времени сотню-другую фунтовъ въ экартѣ или въ пикетъ.

Женщины были снисходительнѣе. Онѣ находили, что Джерардъ Гиллерсонъ „очень интересный молодой человѣкъ и совсѣмъ не похожъ на другихъ молодыхъ людей, и это-то именно въ немъ и обаятельно“.

Джерардъ устроился такъ, чтобы всѣ письма адресовались въ почтовую контору Ридинга, и два раза въ недѣлю посылалъ необходимые отвѣты изъ Ридинга къ управляющему домоу, чтобы тотъ отправилъ ихъ по почтѣ изъ Лондона.

Даже его собственные слуги не знали болѣе подробнаго адреса, чѣмъ Ридингъ, который отстоялъ на семь миль отъ Розоваго Павильона.

Онъ отвѣчалъ только на тѣ письма, которыя безусловно требовали отвѣта, и эти отвѣты были коротки и безцвѣтны. Онъ сосредоточивалъ всѣ свои мысли на Эстеръ и на мирной, счастливой жизни, которую онъ велъ съ нею; ему несносно было отрываться отъ нея для скучныхъ, пошлыхъ пріятельскихъ или дѣловыхъ отношеній.

Писать нѣкоторыя письма было для него чистѣйшей мукой. Это тѣ письма, которыя онъ писалъ каждую недѣлю женщины, на которой обязался жениться по истеченіи ея годичнаго траура.

Разъ въ недѣлю, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ писать отсутствующей лэди, такъ какъ пренебреженіе этой обязанности могло повести къ катастрофѣ. Натура ея, какъ онъ говорилъ самому себѣ, принадлежала къ категоріи драматическихъ, и ее опасно было оскорбить. Онъ не могъ забыть того момента въ Гертфордъ-стритѣ, когда при одной мысли объ его непостояствѣ она пришла въ такую ярость, что поблѣднѣла какъ полотно, и только два красныхъ пятнышка, подобно румянцу чахоточныхъ, заглялись на ея щекахъ отъ гнѣва. Онъ могъ сомнѣваться — и сомнѣвался въ томъ, любилъ ли онъ ее когда-нибудь; но не могъ сомнѣваться въ томъ, что она любила его той женской любовью, которая „страшна, хотя и пріятна“.

Нѣтъ, онъ долженъ былъ пребывать въ фальшивомъ положеніи, пока не найдетъ какого-нибудь способа выпутаться изъ сѣтей, въ какія онъ попалъ „на зарѣ дней своихъ“. Въ настоящее время, въ zenithъ своей любви къ Эстеръ, онъ не могъ пред-

ставить себѣ такого стеченія обстоятельствъ, какія заставили бы его измѣнить ей.

Такимъ образомъ разъ въ недѣлю онъ долженъ былъ писать это живое письмо — живое потому, что онъ не смѣлъ писать его холоднымъ тономъ, чтобы отсутствующая богиня не замѣтила перемены температуры и не вернулась обратно на родину узнать причину такого охлаждения.

„Какія милыя письма получаю я отъ васъ въ послѣднее время! — писала Эдита Чампюнь: — еъ сожалѣнью только слишкомъ рѣдео. Я и не подозрѣвала, чтобы вы способны были писать такъ красно-рѣчиво. Помните, какъ вы, бывало, отдѣлывались отъ меня нѣсколькими торопливыми строками. Я тронута до глубины души при мысли, что разлука тѣснѣе сближаетъ насъ, усиливаетъ нашу взаимную симпатію. Я полъ-ночи провела читая Шелли — солнце, въ самомъ дѣлѣ, позлащало уже вершины горъ, когда я закрыла книгу — послѣ вашего послѣдняго письма, въ которомъ вы сообщили мнѣ, что перечитывали его недавно. Вы правы. Мы слишкомъ мало его читали. Броунингъ поглощаетъ насъ силой своего анализа, своимъ даромъ выворачивать наизнанку женщинъ и мужчинъ и разсвѣтать всякій умственный фазисъ, переживаемый ими. Онъ вполне подходитъ къ эпохѣ, въ которой мы живемъ — эпохѣ — на мой взглядъ — задаванія вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта. Пишите чаще, дорогой. Ваши очаровательныя письма грушнать только однимъ — что они слишкомъ рѣдки“.

— А говорятъ еще, что женщины догадливы! — думалъ Джерардъ, разрывая это письмо.

Трудно представить себѣ болѣе замкнутую жизнь, чѣмъ та, какую вели Джерардъ съ Эстеръ. Но какъ ни мирна и повидимому безобидна была жизнь молодой четы, вѣвѣстной подъ именемъ м-ра и м-съ Ганли, а поведеніе ихъ успѣло уже возбудить негодование ихъ сосѣдей.

Во-первыхъ, они не взяли на себя трудъ привлечь симпатію людей, среди которыхъ очутились внезапно, „точно съ неба свалились“, по выраженію веселаго шутника викарія сосѣдняго прихода. Они не привезли съ собой рекомендательныхъ писемъ. Они не объясняли — кто они и зачѣмъ явились. Они вѣдрились въ отборный и безупречный кружокъ людей, не представивъ никакихъ доказательствъ своей порядочности.

— А между тѣмъ они, конечно, ожидаютъ, что порядочные люди явятся къ нимъ съ визитомъ, — говорила лэди Изабелла Глендоверъ, дражайшая половина отставнаго остъ-индскаго генерала, который являлся на „garden-parties“ въ передвижномъ

креслѣ, а жена и дочери его приняли на себя тонъ авторитета во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, основываясь на рангѣ миледи, графской дочери.—М-ръ Мушатъ собирался сдѣлать имъ визитъ. Я встрѣтила его на прошлой недѣлѣ верхомъ на его жалкой влячѣ, по дорогѣ въ Розовый Павильонъ, и едва успѣла остановить его.—„Неужели вы хотите свомпрометтировать насъ визитомъ къ этимъ людямъ, когда мы ровно ничего о нихъ не знаемъ!“ — сказала я ему.

— Глупый старикъ увидѣлъ эту молодую женщину намеренно на рѣкѣ и такъ восхитился ея хорошенькимъ личикомъ, что захотѣлъ поближе поглядѣть на него,—замѣтила Кара Глендверъ, которая была молода и вѣтренна.—Онъ всѣ уши прожужжалъ мнѣ, твердя про ея чудный цвѣтъ лица и простенькое ситцевое платье. Старикъ такъ глупъ.

— Я думаю, лэди Изабелла, чѣмъ меньше мы будемъ разсуждать объ этихъ молодыхъ людяхъ, тѣмъ лучше,—произнесла миссъ Малькольмъ съ грозной многозначительностью.—Они очевидно не такого сорта люди, съ какими вамъ желательно было бы познакомиться своихъ дочерей. Молодой человекъ, такой богатый, какъ онъ, не можетъ не имѣть круга знакомыхъ, а между тѣмъ я ручаюсь вамъ, что, за исключеніемъ торговцевъ, ни одна душа не заглянула въ Розовый Павильонъ въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль.

— Но если они проводятъ въ немъ свой медовый мѣсяцъ, то могутъ искать одиночества,—замѣтила Кара.

— Медовый мѣсяцъ! пустяки, дитя!—отвѣчала лэди Изабелла, хвалившаяся своей прямою.—Я думаю, что эта молодая женщина, несмотря на свое простенькое ситцевое платье, пережила столько же медовыхъ мѣсяцевъ, сколько есть знаковъ въ зодіакѣ. Самыя извѣстныя женщины въ Лондонѣ—это тѣ, что носятъ ситцевыя платья и не красятъ лица.

— М-ръ и м-съ Гавли пробыли уже шесть недѣль въ Лоукомбѣ и ни разу не были въ церкви. Это ихъ характеризуетъ,—сказала м-съ Донованъ. За ея роскошнымъ чайнымъ столомъ и происходилъ весь этотъ разговоръ.

Ректоръ услышалъ конецъ его.

— Мнѣ слѣдуетъ пойти и попытаться убѣдить ихъ посѣщать церковь,—сказалъ онъ мягкимъ, добрымъ голосомъ.—Было бы слишкомъ поспѣшно рѣшать, что они не порядочные люди, потому что не ходятъ въ церковь. Въ наше время половина молодыхъ людей—агностики или дарвинисты, а большинство молодыхъ женщинъ подражаютъ молодымъ мужчинамъ такъ же рев-

востно въ идеяхъ, какъ въ воротничкахъ и галстукахъ. Я такъ старъ, что долженъ снисходительно относиться къ заблужденіямъ молодежи. Поѣдетъ Мупатъ къ нимъ или нѣтъ, а я побываю у нихъ и погляжу, что это за люди.

У ректора было въ обычаѣ по временамъ наступать твердой стопой доброжелательства на главу змія сельскаго ехидства, вслѣдствіе чего онъ слылъ вообще за оригинала и человѣка не совсемъ пригоднаго для лона англиканской церкви. Пожилой вдовецъ, живущій съ мягкосердечной старой дѣвушкой-сестрой, бездѣтный, безответственный, немного слабый въ своихъ понятіяхъ о нравственности,—онъ жалѣлъ падшихъ деревенскихъ дѣвушекъ и изо всѣхъ силъ старался предохранить ихъ отъ дальнѣйшей гибели и вернуть на путь истины. Онъ ревностно поощрялъ женскую эмиграцію, и почти съ каждой почтой приходили къ нему изъ Новаго Свѣта безграмотныя письма съ выраженіемъ благодарности и нѣжной памяти. Такого человѣка—élite Лоукомба считала болѣе пригоднымъ пастыремъ для лондонскаго Иствъ-Энда. Въ небольшомъ поселкѣ безусловно почтенныхъ людей онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ слишкомъ хорошъ для своихъ сосѣдей, а сосѣди были слишкомъ для него хороши.

IV.

Пока м-ръ Гильстонъ, ректоръ Лоукомба, главнымъ недостаткомъ котораго была медлительность, собирался съ церемоннымъ визитомъ къ своимъ новымъ прихожанамъ, случай опередилъ его намѣренія и поставилъ лицомъ къ лицу съ молодой женщиной, нравственность и ситцевыя платья которой подвергались такому строгому осужденію за чайнымъ столомъ м-съ Донованъ.

Гуляя разъ по ректорскому саду въ субботу послѣ полудня, м-ръ Гильстонъ увидѣлъ своимъ зоркимъ глазомъ фигуру, сидѣвшую на старой, старой гробницѣ въ углу кладбища, въ томъ мѣстѣ гдѣ садовая стѣна со всей ея роскошной растительностью образовала уголъ съ берегомъ рѣки, поросшимъ ивнякомъ.

Солнце, оварявшее бѣлое батистовое платье, придавало сидячей фигурѣ со склоненной темной головкой нѣчто сверхъестественное. Ректоръ влѣзъ на небольшой пригорокъ, вершина котораго приходилась въ уровень со стѣной, чтобы заглянуть сверху на лѣди, сидѣвшую на гробницѣ.

Да, то была м-съ Ганли... та самая м-съ Ганли, прошлая и настоящая жизнь которой приводила въ ужасъ Лоукомбъ. Онъ

ясно могъ различить тонкій профиль изъ-подъ соломенной шляпы, нѣжное ухо, прозрачное на солнцѣ, изящную линію горла, повязаннаго кружевнымъ платкомъ и граціозныя линіи стройной дѣвической фигуры въ простомъ бѣломъ платьѣ. Никакое искусство не было пущено въ ходъ, чтобы усилить эффектъ ея красоты, да никакого искусства и не требовалось. Непорочность простого бѣлаго одѣянія, простота соломенной шляпы гармонировали съ невинной и идеальной наружностью.

„Бѣдное дитя, надѣюсь, что все обстоитъ благополучно“, — размышлялъ ректоръ, спускаясь съ дернистаго пригорка и направляясь къ калиткѣ, ведущей на кладбище, а затѣмъ онъ пошелъ тихими шагами къ той гробницѣ, на которой сидѣла Эстеръ.

Леди читала, и, взглянувъ на книгу, м-ръ Гильстонъ увидѣлъ, что она читаетъ „Alastor“ Шелли.

Она подняла голову при шумѣ шаговъ, но затѣмъ спокойно продолжала читать. Онъ подошелъ ближе со шляпой въ рукѣ.

— Позвольте вамъ представиться, м-съ Ганли, — сказалъ онъ привѣтливимъ тономъ. — Я давно уже собираюсь навѣстить васъ и м-ра Ганли, но лѣнь и нерѣшительность — пороки старыхъ людей. Увидя васъ теперь изъ своего сада, я подумалъ, что хорошо будетъ, если я воспользуюсь случаемъ познакомиться съ вами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ.

Она встала въ смущеніи, покраснѣвъ до ушей; сердце билось въ ней такъ сильно, что она почти задыхалась.

Преступникъ, на плечо котораго опустилась желѣзная рука закона, не могъ бы страдать сильнѣе. Въ этотъ мигъ Эстеръ Давенпортъ поняла, что значить быть общественнымъ паріей. Она точно пробудилась отъ сладкаго сна и очутилась одна-одинешенька въ суровой повседневной жизни лицомъ къ лицу съ судьей, имѣющимъ власть обличить и наказывать ее.

— Пожалуйста, садитесь, — сказалъ старикъ, — и поболтаемъ.

Онъ присѣлъ на низенькую стѣну кладбища.

— Вы уже давно мои сосѣди, — продолжалъ ректоръ, — а я до сихъ поръ такъ мало видѣлъ васъ. Мнѣ жаль, что вы не посѣщаете мою церковь... но, можетъ быть, вамъ не нравится простота нашей деревенской службы и вы ѣздите въ другую, болѣе модную церковь.

— Мы совсѣмъ не бываемъ въ церкви, — пролепетала Эстеръ. — Это было бы однимъ лицемѣріемъ, еслибы мы посѣщали службу, которая для насъ не имѣетъ значенія. Мы почитаемъ и любимъ Евангеліе за все, что въ немъ есть справедливаго и прекраснаго,

но мы не можемъ вѣрить такъ, какъ вѣрите вы и ваши прихожане, а потому намъ лучше держаться подалеже отъ церкви.

— Вы слишкомъ молоды, чтобы пристать къ великой арміи невѣрующихъ,—сказалъ ректоръ тѣмъ же привѣтливимъ тономъ и съ такимъ же ласковымъ взглядомъ.

Онъ слышалъ такъ много молодыхъ людей, хвалившихся своимъ невѣріемъ, что обстрѣлялся, и былъ не особенно возмущенъ заявленіемъ молоденькой дамочки.

— Вы выросли среди невѣрующихъ... ваши первоначальные воспитатели были атеисты?

— О, нѣтъ. Я была когда-то христіанка,—отвѣчала она съ подавленнымъ рыданіемъ.—Я когда-то вѣрила безъ разсужденій, вѣрила въ божественность Христа, вѣрила, что Онъ исцѣлялъ больныхъ и воскрешалъ мертвыхъ, вѣрила, что Онъ всегда со мной, во всѣ часы моей жизни... и всего ближе, когда я въ несчастіи.

— А когда вы перестали вѣрить въ Его присутствіе... когда вы потеряли вѣру въ то, что Спаситель страдаетъ вашимъ печалемъ и понимаетъ ваши искушенія?

— Сомнѣніе наступило мало-по-малу, вмѣстѣ съ мыслью и размышленіемъ о мысляхъ другихъ людей, болѣе умныхъ, чѣмъ я.

— М-ръ Ганли, вашъ мужъ, атеистъ, вѣроятно?

Склоненная головка наклонилась еще ниже; рука, лежавшая на открытой книгѣ, нервно перевернула двѣ или три страницы.

— Онъ не вѣритъ въ чудеса,—неохотно отвѣчала она.

— Не вѣрить въ будущую жизнь... ни въ то, что мы дадимъ отвѣтъ Всемогущему Богу за всѣ свои дѣянія? Я знаю вѣру юныхъ невѣрующихъ, вѣру въ безграничную свободу, свободу слѣдовать всѣмъ своимъ желаніямъ и страстямъ, въ чему бы они ни приводили, а во всемъ прочемъ они придерживаются евангелія гуманности, то-есть громкихъ фразъ о величій и мудрости чело-вѣка въ отвлеченности, въ соединеніи съ комфортабельнымъ равнодушіемъ къ нуждамъ и горестямъ чело-вѣка въ дѣйствительности, чело-вѣка изъ Бетналь-Грина или Гагчерстона. О! я знаю, каковы эти молодые люди!—вскричалъ ректоръ съ негодующимъ презрѣніемъ.—Какъ они пусты, надменны и съ какою жадностью они гоняются за модными идеями и принимаютъ готовые понятія за результаты оригинальной мысли! Скажите откровенно, м-съ Ганли: вѣдь вы только послѣ замужства стали невѣрующей?

Эстеръ пролепетала неохотно:—Да.

И послѣ краткаго молчанія начала защищать чело-вѣка, котораго боготворила.

— Право же, онъ не пустой и не невѣжественный человекъ, — говорила она. Онъ много и глубоко думалъ о религіяхъ, размышлялъ о тѣхъ инстинктахъ, которые заставляютъ насъ надѣяться и желать будущей жизни. Онъ не очень сильный человекъ — можетъ быть, долго не проживетъ... я по крайней мѣрѣ очень боюсь этого, и мы оба часто и подолгу бесѣдуемъ о будущей жизни, въ которую прежде вѣрили. Мы были бы гораздо счастливѣе, еслибы мы могли вѣрить... могли вѣрить въ то, что даже смерть не разлучитъ насъ. Но какъ можемъ мы вѣрить въ невозможное... какъ можемъ мы закрыть глаза на откровенія науки, на опредѣленные, неизблемые законы, со всѣхъ сторонъ надвигающіеся на насъ и показывающіе намъ, что мы такое и каковъ будетъ нашъ конецъ?

— Изъ земли произошли и въ землю возвратимся, — сказалъ ректоръ. — И вы убѣждены, что кромѣ земли ничего нѣтъ... что ничто не переживетъ въ насъ и не соврѣетъ для болѣе совершенной жизни, чѣмъ та, какую мы ведемъ здѣсь? Вы думаете, что внутреннее сознаніе, присущее всѣмъ людямъ, не представляетъ нравственнаго противовѣса узкимъ законамъ существованія при тѣхъ условіяхъ и ограниченіяхъ, какія намъ извѣстны — условія и ограниченія, измѣнить которыя для Всемогущей воли такъ же легко, какъ измѣняется земля отъ землетрясенія или океанъ отъ бури? Кто, глядя на спокойное, улыбающееся море, можетъ представить себѣ бѣшеную силу бури, если никогда ея не видѣлъ? Ему такъ же трудно было бы повѣрить, что на гладкой поверхности воды будутъ вздыматься горы, какъ трудно вѣрить въ то, что разумъ и личность переживутъ краткій переходъ изъ извѣстной здѣшней жизни въ неизвѣстную будущую жизнь. Философы послѣднихъ дней зовутъ невѣдомое непознаваемымъ или невозможнымъ, и думаютъ, что покончили такимъ образомъ со всѣмъ, чего не могутъ понять. Но я не намѣренъ читать вамъ проповѣди внѣ церкви, м-съ Ганли. Я гораздо больше интересуюсь вами лично, нежели вашими мнѣніями. Въ ваши годы мнѣнія мѣняются не разъ... но личность остается одна и та же. Хотя бы вы и вашъ мужъ не ходили въ церковь, вы все же мои прихожане, и я желаю познакомиться съ вами поближе. Надѣюсь, что вамъ обоимъ нравится Лоукомбъ?

— О, больше чѣмъ нравится. Мы въ восхищеніи отъ него.

— И собираетесь жить съ нами? вамъ не надобно рѣка даже и тогда, когда зима смѣнитъ лѣто? Многіе вѣдь говорятъ, что любятъ деревню... лѣтомъ. Повѣрьте моему слову, души этихъ людей никогда не удаляются отъ Оксфордъ-стрита. Чтобы

любить деревню, нужно знать и восхищаться каждымъ фазисомъ и всѣми переменами различныхъ временъ года. Надѣюсь, что вы не изъ тѣхъ, которымъ нравится только лѣтній сезонъ въ деревнѣ?

— О, нѣтъ! Я всегда люблю деревню... и ненавижу Лондонъ.

Тайный ужасъ, съ какимъ произнесены были эти слова, придалъ имъ большую значительность.

— Вы не были счастливы въ Лондонѣ?—спросилъ ректоръ, чуткое ухо котораго уловило скрытую ноту въ голосѣ собесѣдницы.

— Я была тамъ очень несчастна.

— А здѣсь вы вполне счастливы. Дѣвушкой у васъ были свои горести, ваша обстановка была не такая, какой бы вамъ хотѣлось, но какъ замужняя женщина вы вполне счастливы, не правда ли?

— Вполне счастлива.

— Если такъ, то приходите къ намъ въ церковь, моя дорогая м-съ Ганли. Приходите поблагодарить Бога на колѣняхъ, въ старую, старую церковь, гдѣ столько поколѣній уже молилось, благодарило за счастье и получало утѣшеніе въ несчастіи. Приходите поблагодарить Бога за свое счастье. Не вамъ, едва знакомой съ математикой, отрицать Бога только отъ того, что Его существованіе нельзя доказать математически. Ваше собственное сердце должно вамъ подсказать, что вы нуждаетесь въ Богѣ, что вамъ нужна совѣсть выше вашей совѣсти и мудрость выше вашей мудрости. Приходите къ намъ, и такъ какъ мнѣ говорили, что вы богаты, то приходите, чтобы облегчить жизнь нашихъ бѣдныхъ. Богатые и молодые должны принимать участіе въ старыхъ и бѣдныхъ. Сначала вы только по долгу навѣстите нашихъ бѣдняковъ и, можетъ быть, вамъ это сначала и не понравится, но скоро вы полюбите свое дѣло. Доброта, написанная на вашемъ лицѣ, говоритъ мнѣ, что сердце ваше не можетъ быть глухо къ несчастнымъ.

— Я охотно навѣщаю бѣдныхъ,—отвѣчала Эстеръ, и лицо ея прояснилось при этой мысли.—Я сама была бѣдна и знаю, что значить бѣдность. Я бы охотно ходила къ вашимъ бѣднымъ, еслибы... еслибы мужъ,—она споткнулась на этомъ словѣ, не смотря на широкія идеи, какія ей проповѣдовалъ Джерардъ,—еслибы мой мужъ мнѣ позволилъ.

— Не можетъ же онъ отказывать вамъ въ счастьи помогать другимъ, менѣе счастливымъ, чѣмъ вы. Я увѣренъ, что м-ръ Ганли дозволитъ вамъ посѣщать моихъ бѣдныхъ. Я укажу вамъ только такихъ, которые совсѣмъ здоровы. Но такъ какъ всѣ они добрые христіане, то приходите сначала въ церковь.

— Я не могу ходить въ церковь,—сказала Эстеръ, отвѣщаясь.

— Хотя бы затѣмъ, чтобы поблагодарить Бога за свою счастливую жизнь, за бракъ съ человѣкомъ, котораго вы любите?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Если такъ, моя дорогая лэди, то вы заставляете меня думать, что этотъ кажущійся счастливымъ союзъ таковъ, что вы не смѣете благодарить за него Бога, или, говоря проще, что вы не жена м-ра Ганли.

Рыданія были ея единственнымъ отвѣтомъ. Всѣ великія теоріи о всеобщей свободѣ, о добродѣтели, не подчиненной закону, которыя она получила изъ вторыхъ рукъ отъ Джерарда, а изъ первыхъ отъ Шелли, вылетѣли изъ ея головы, и она сидѣла около ректора, подавленная бременемъ своего грѣха, такъ же убѣжденная въ собственномъ стыдѣ и недостойности, какъ и та, которая склонилась колѣни среди обвиняющихъ ее фарисеевъ и ждала кары стараго закона, не ожидая новаго закона о прощеніи.

— Мнѣ жаль васъ, моя дорогая лэди, искренно и глубоко жаль. Вы не созданы для жизни позора.

— Повора нѣтъ,—протестовала Эстеръ сквозь слезы:—моя любовь къ нему и его ко мнѣ слишкомъ велики и искренни, чтобы считаться поворомъ. Онъ много читалъ и много думалъ и сталъ выше старыхъ кодексовъ и отжившихъ учреждений. Я—такъ же его жена, какъ еслибы мы повѣнчались въ церкви.

— Но вы не его законная жена, и всѣ другія жены, кончая смиреннѣйшей крестьянской женщиной въ этомъ селеніи, будутъ дурного о васъ мнѣнія, и всѣ женщины-христіанки будутъ считать васъ грѣшницей—достойной любви и состраданія, можетъ быть, но грѣшницей. Къ чему же все это? Вѣдь м-ръ Ганли не женатъ, онъ человѣкъ свободный?

— О, да, да.

— Слава Богу. Тогда онъ долженъ на васъ жениться. Моя обязанность выставить это дѣло передъ нимъ въ истинномъ свѣтѣ.

— О, пожалуйста, не вмѣшивайтесь!—вскричала Эстеръ.— Онъ подумаетъ, что я вамъ пожаловалась, онъ разлюбитъ меня, можетъ быть сочтетъ эгоисткой, хитрой, расчетливой... Я ничего въ жизни не желаю, кромѣ его счастья, а онъ теперь вполне счастливъ. Онъ знаетъ, что я ему предана, что я отдала бы за него жизнь...

— Вы отдали свою честь, а это для женщины иногда дороже жизни.

— Честь или жизнь, я ничего не пожалѣю ради него.

— И онъ, должно быть, дурной человѣкъ, если отказывается вернуть вамъ положеніе, котораго вы лишились ради него.

— Это уладится... со временемъ... Я чувствую, что онъ сдѣлаетъ все, что слѣдуетъ... впоследствии.

— Вы не можете ждать. Вы слишкомъ возвышенны для того положенія, какое теперь занимаете. Пожалуйста, довѣрьтесь мнѣ. Хотя я и провинціалъ, но я знаю человѣческую натуру. Я не буду спѣшить.

— Я бы лучше хотѣла, чтобы вы не вмѣшивались. Вы его не знаете. Онъ прихотливъ и своенравенъ—вы можете возстановить его противъ меня... а мы теперь такъ счастливы... хотя, можетъ быть, не надолго. Ему сказали, что онъ умретъ въ молодыхъ годахъ. Когда его не станетъ, я всю свою остальную жизнь посвящу раскаянію и искупленію за то, что дала ему непродолжительное счастье.

— Мое бѣдное дитя, у женщинъ естественная склонность къ самопожертвованію, которая часто приводитъ ихъ къ грѣху. Полноте, дитя мое, не плачьте и помните: что бы ни случилось—я буду вамъ другомъ.

— Вы очень добры, и я бы желала быть болѣе достойной...

— Не вы недостойны. Нѣтъ, я ничего больше не скажу, чтобы не отзываться рѣзко о человѣкѣ, котораго вы любите. Могу я провести васъ до дому?

— Мнѣ было бы очень пріятно ваше общество, но я пріѣхала въ лодкѣ.

— Ну, такъ я доведу васъ до лодки.

Онъ проводилъ ее къ тому мѣсту, гдѣ она причалила и привязала свой челнокъ, и долго еще стоялъ на берегу, слѣдя за тѣмъ, какъ она гребла по направленію къ заходящему солнцу съ ловкостью человѣка, которому это было привычнымъ дѣломъ.

Эстеръ искала тишины и уединенія, какъ раненый олень, пораженный въ самое сердце бесѣдой съ м-ромъ Гильстономъ. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ она сдалась на мольбы и убѣжденія своего любовника, ее поставили лицомъ къ лицу съ мрачной дѣйствительностью любви, не освященной бракомъ. Всѣ ея старомодныя идеи, уваженіе къ Божьему слову, боязнь пренебреженія людей налетѣли на нее какъ буря и смели всю философію и свободу мысли.

Сегодняшній день она противъ обыкновенія проводила въ уединеніи, и вотъ какъ онъ грустно кончился. Джерардъ уѣхалъ

послѣ завтрака въ Лондонѣ и долженъ былъ вернуться только въ восемь часовъ вечера. Дѣло или капризъ побудилъ его провести день въ столицѣ—завтракать въ одномъ изъ клубовъ и слушать городскія и загородныя сплетни отъ людей, находившихся „проѣздомъ“ въ Лондонѣ, и подышать болѣе пикантною атмосферой свѣта, гдѣ всѣ знаютъ послѣднюю тайну всѣхъ другихъ. „Деревенская тишина и спокойствіе покажутся еще пріятнѣе послѣ такого краткаго пребыванія въ пыли и шумѣ города“, говорилъ онъ самому себѣ.

Эстеръ не жаловалась и не хныкала при его отъѣздѣ, но день показался ей томительно долгимъ, и вотъ теперь встрѣча съ ректоромъ наполнила ее тревогой и опасеніями... страхомъ, что онъ своимъ бесплоднымъ заступничествомъ за нее нарушитъ очарованіе ихъ мирной жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ ее терзала мучительная мысль, что ея любовникъ, несмотря на всю его кажущуюся преданность, не настолько ее любитъ, чтобы сдѣлать своей женой. Софистикой можно было отводить глаза и утверждать, что ихъ союзъ прекраснѣе брачнаго, но вопросъ все же оставался открытымъ: почему же, однако, они не женаты?

Въ этотъ тихій вечерній часъ, быть можетъ одинъ изъ печальнѣйшихъ въ ея жизни, Эстеръ вдругъ услышала смѣхъ, откровенный мужской смѣхъ, беззаботный какъ пѣвіе птицы и радостный почти до экстаза: по рѣкѣ плылъ паровой катеръ, отдѣланный пунцовыми драпировками и съ восточными подушками; онъ быстро направлялся къ ней и фигуры находившихся на немъ людей отчетливо вырѣзывались на яркомъ западномъ небѣ. Впереди всей группы стоялъ высокій и стройный молодой человѣкъ съ желтовато-русскими кудрями и рѣзкими чертами лица, а вокругъ него тѣснились женщины въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ и воздушныхъ шляпкахъ и молодые люди въ бѣлой фланели. Хотя и веселые голоса пронесли мимо нея въ то время, какъ катеръ проплывалъ мимо и надо всѣмъ царилъ радостный смѣхъ, услышанный ею, когда еще катеръ не показывался,—смѣхъ человѣка съ желтовато-русскими волосами и рѣзкими чертами лица.

Незнакомое общество только усилило въ ней сознаніе одиночества. Отецъ ея таинственно исчезъ, дружбу всѣхъ расположенныхъ къ ней людей она утратила навѣки своимъ поведеніемъ; ничего и никого у нея не было, кромѣ человѣка, которому она пожертвовала всѣмъ. Если она надѣется ему, если онъ переменится, чтó у нея останется въ мирѣ? Ничего!

Глаза ея невольно обратились къ глубокой тѣнистой колдобинѣ, скрывавшейся въ одномъ изъ извиновъ рѣки. Ничего, кромѣ

смерти! А при новомъ ученіи Дарвина, Спенсера и Клиффорда смерть отъ самоубійства не страшнѣе, чѣмъ естественная. Нѣтъ жизни за гробомъ. Нѣтъ милосердаго Отца, которому бы самоубійца обязанъ былъ отчетомъ.

Въ половинѣ восьмого послышался желанный стукъ колесъ, стукъ, котораго Эстеръ дожидалась въ послѣдніе полчаса, и двѣ минуты спустя Джерардъ уже находился въ сѣняхъ, освѣщенныхъ лампой, наполненныхъ благоуханіемъ только-что срѣзанныхъ розъ, и Эстеръ обнимала его, смѣясь и плача отъ радости.

— Милочка моя, да ты въ истерикѣ. Это не годится, Гетти.

— День такъ долго, долго тянулся, но наконецъ ты вернулся!—вздохнула она, отирая слезы.

V.

М-ръ Гильстонъ долго и серьезно обдумывалъ свое свиданіе съ молодой особой, слышшей въ Лоукомбѣ за м-съ Ганли. Будучи вдовцомъ, онъ привыкъ, во время своего многолѣтняго вдовства, по-вѣрять всѣ свои мысли и свои и даже чужія тайны сестрѣ Табитѣ, старой дѣвицѣ, которая вела хозяйство брата, управляла домомъ и слугами, помогала брату совѣтомъ и ручной работой въ его любимомъ саду и на кладбищѣ. А потому, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ послѣ разговора м-ра Гильстона съ Эстеръ, его сестрѣ Табитѣ стало все извѣстно.

Табита не была удивлена, услышавъ, что дѣло не ладно. Это уже давно было рѣшено большинствомъ голосовъ въ Лоукомбѣ. Табита пожалѣла бѣдную молодую женщину, какъ она всегда жалѣла о человѣческихъ слабостяхъ съ ихъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, страданіемъ, тѣмъ болѣе когда грѣшница была молода и красива. Табита погрустила, но не удивилась. Она не была изъ тѣхъ женщинъ, которыя охотно видятъ въ грѣшникахъ расчетливыхъ сиренъ, а въ мужчинахъ—безхитростныхъ жертвъ. Она очень разсердилась на неизвѣстнаго владѣльца Розоваго Павильона и наградила его очень рѣзкими эпитетами.

— Негодяй!—кричала она:—мало того, что онъ опозорилъ хорошенькую, образованную женщину, но еще извратилъ ее умъ. Сначала лишилъ ее добраго имени, а затѣмъ обратилъ въ атеистку.

— Не будь такъ жестка, Табита,—возражалъ ректоръ.—Я

не думаю, чтобы м-ръ Ганли сознавалъ, что поступаетъ худо, навязывая этой бѣдной дѣвушкѣ новое ученіе. Онъ считалъ, что озаряетъ ее свѣтомъ новой истины, а не вводитъ во мракъ невѣрія. Ты не знаешь, какъ высокомерна и надменна эта новая школа материалистовъ и какъ она увѣрена, что ведетъ людей къ благополучію. Къ намъ, вѣрующимъ, эти люди ничего не чувствуютъ, кромѣ презрительной жалости. Я думаю, что мнѣ трудно будетъ переубѣдить этого молодого человѣка. Онъ избалованъ слишкомъ большимъ богатствомъ и слабымъ знаніемъ.

— Но ты сдѣлаешь все, что можешь. Ты долженъ убѣдить его поступить по чести; если же онъ откажется такимъ негодяемъ, что откажется отъ этого, то, я надѣюсь, ты уговоришь бѣдную дѣвушку оставить его немедленно и навсегда. Пусть она переберется къ намъ, если она одинока; я устрою ее или у насъ, или у кого-нибудь изъ знакомыхъ.

— Ахъ, Табита, многихъ ли дѣвушекъ удалось намъ свести съ пути гибели, когда онъ усыпанъ розами? Только когда онъ натолкнется на шипы и терніи, можно ихъ убѣдить сойти съ него! Какъ бы то ни было, я употреблю всѣ усилія въ этомъ случаѣ.

Болѣзненное впечатлѣніе, произведенное на Эстеръ разговоромъ съ ректоромъ, изгладилось по мѣрѣ того, какъ проходили ясные дни, и Эстеръ снова была счастлива и не стыдилась своего счастья, какъ Ева въ адемі.

Рѣва была все еще очаровательна и Джерардъ съ Эстеръ проводили большую часть времени на лодкѣ или гдѣ-нибудь на неистомъ берегу, онъ—растанувшись на подушкахъ, въ то время какъ она ему читала вслухъ. У нея былъ чудесный голосъ и большая привычка къ громкому чтенію.

Разъ утромъ она какъ-то вспомнила про нарядный катеръ и про бѣловураго, блѣднотлицаго молодого человѣка, веселый смѣхъ котораго усилилъ ее грусть.

— Мнѣ было очень грустно въ ту минуту, — говорила она, — а отъ этого смѣха стало еще грустнѣе.

— Опиши мнѣ его хорошенько, Эстеръ, — сказалъ Джерардъ. — Пстой...

Онъ набросалъ профиль лица на листѣ изъ записной книжки и подалъ ей.

— Похожъ былъ твой молодой человѣкъ на этого?

— Да! — закричала она съ удивленіемъ: это то самое лицо. Ты, значить, его знаешь?

— Да, я его знаю.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и перечиталъ его, хмурия брови, — письмо, полученное имъ съ послѣдней почтой изъ Ридинга.

„Что съ вами случилось? гдѣ вы скрываетесь?— писалъ Юстинъ Джерминъ. — Навѣрное вы успѣли уже соскучиться въ своемъ эдемѣ. Я слышалъ, что вы были въ Лондонѣ наканунѣ, значитъ—вы скрываетесь неподалеку. Не могу представить себѣ, чтобы самая страстная любовь длилась болѣе шести недѣль. Напряженіе ума и воображенія слишкомъ велико.

„Нельзя ли васъ видѣть? неужели ваше счастье такъ священо, что не терпите взгляда друга? Я увѣренъ, что я понравлюсь милой молодой леди, хотя она можетъ быть и противъ нашего знакомства. Вообще же я—воплощенная скромность. Серьезно, я жажду васъ видѣть. Скажите мнѣ, когда и куда я могу къ вамъ прѣхать. Вспомните, что нашу жизнь связываетъ мистическая симпатія. Вамъ отъ меня не укрыться. Хотите вы этого или нѣтъ, а и въ радости, и въ горести, я всегда буду около васъ. Вашъ на всю жизнь.

„Ю. Д.“

Письмо это было ненавистно для Джерарда въ его настоящемъ настроеніи духа и стало еще ненавистнѣе при мысли, что Юстинъ Джерминъ находится гдѣ-то по близости.

— Ты не разобрала названія ватера?—спросилъ онъ Эстеръ.

— Нѣтъ; я только замѣтила лицо молодого человѣка и то, что дамы, окружавшія его, очень красивы и миловидны. Ты этого человѣка не любишь?

— Нѣтъ,—когда я вдали отъ него. Но когда я нахожусь въ его обществѣ, онъ всегда умѣетъ развлечь и заинтересовать меня, такъ что, помимо моей воли, его можно принять за моего короткаго пріятеля.

— Понимаю,—сказала Эстеръ. — Онъ очень умный но не добрый человѣкъ. А между тѣмъ у него такой веселый смѣхъ и онъ кажется такъ счастливымъ.

— Дорогая моя, неужели ты думаешь, что только добрые люди счастливы. Многіе изъ самыхъ веселыхъ людей въ мірѣ были насквозь дурные люди.

Они пили чай на лужайкѣ день или два спустя послѣ этой бесѣды; ихъ столъ и плетенныя кресла помѣщались подъ большой плакучей ясенью, у самаго берега рѣки, какъ вдругъ лодка быстро

направилась къ пристани и стройная фигура появилась на ея ступенькахъ и быстрыми, легкими, воздушными шагами направилась къ нимъ по дерну.

— Наконецъ-то!—вскричалъ Юстинъ Джерминъ.—Я такъ и думалъ, что не ошибся.

— Въ комъ или въ чемъ?—спросилъ Джерардъ, вставая съ мѣста и съ нахмуреннымъ лицомъ глядя на незваного гостя.

— Въ моемъ старомъ пріятелѣ, м-ръ Ганли. Я живу съ Матти Мюллеромъ, пейзажистомъ, въ его пловучемъ домикѣ у самаго Варграва и случайно слышалъ толки про нѣвоихъ м-ра и м-съ Ганли; они въ нѣкоторомъ родѣ кажутся таинственными ихъ сосѣдямъ. Лэди, говорятъ, необыкновенная красавица (онъ поклонился и улыбнулся Эстеръ), а джентльменъ необыкновенно богатъ, молодъ, пруденъ... короче сказать, какъ разъ таковъ, какъ мой дорогой другъ Джерардъ. Итакъ, я догадался, кто такой долженъ быть этотъ м-ръ Ганли... *me voici*. Пожалуйста представьте меня миссисъ Ганли.

Онъ стоялъ передъ ними улыбающійся, самоувѣренный, воздушный, какъ самъ Аріэль, одѣтый съ ногъ до головы въ бѣломъ, съ солнечнымъ сіяніемъ на бѣловурыхъ волосахъ и нѣжной бѣлизной лица, не тронутаго загаромъ. Видъ у него былъ такой, какъ будто бы ему въ голову не приходило, что появленіе его могло быть нежелательнымъ.

Эстеръ поднялась въ смущеніи и стояла, прислонившись къ одному изъ сучьевъ ясени, болѣзненно покраснѣвъ. То былъ первый посѣтитель, нарушившій очарованіе ихъ сладкаго уединенія, и, какъ при встрѣчѣ съ ректоромъ, она снова ѣдко почувствовала горечь столкновения съ внѣшнимъ міромъ, который дурного о ней мнѣнія.

— М-ръ Джерминъ... моя жена!—серьезно проговорилъ Джерардъ, напирая на словъ жена.

Юстинъ Джерминъ опустилсѧ на одно изъ низенькихъ кресель и дожидался чашки чая, которую Эстеръ наливала ему дрожащими руками, несмотря на всѣ усилія сохранить самообладаніе.

Въ разговорѣ съ ректоромъ сознаніе, что старикъ отечески сожалѣеть о ней, довело ее до слезъ. Въ Джерминѣ она чувствовала скрытое недоброжелательство и насмѣшку, и сознавала, что онъ ее презираеть.

Она молча подала ему чашку, придвинула къ нему различныя яства, стоявшія на столѣ, съ такимъ видомъ, что исполняетъ обязанность помимо своего желанія, и послѣ того раскрыла боль-

шой флорентинскій зонтикъ и медленно ушла, оставивъ мужчинъ вдвоемъ.

— Какъ она застѣнчива, — сказалъ Джерминъ, глядя ей вслѣдъ, — и какъ мила! Даже послѣ вашихъ восторженныхъ тирадъ я не ожидалъ такой красоты. Да, это настоящее Рафаэлевское лицо, по прозрачному колориту кожи и тонкимъ, изящнымъ чертамъ...

— Зачѣмъ вы меня выслѣдили? — грубо перебилъ эту восторженную рѣчь Джерардъ. — Развѣ вы думаете, что человѣкъ укрывается въ тиши и уединеніи рая затѣмъ, чтобы къ нему врывался...

— Змѣй, — перебилъ Джерминъ. — Вѣроятно, нѣтъ. Однако змѣй всегда проползаетъ такъ или иначе. И притомъ радостямъ уединеннаго дуета всегда слѣдуетъ полагать извѣстныя границы. Любовь остается та же, но идеи истощаются и tête-à-tête надѣдаетъ. Еслибы змѣй не разстроилъ райскаго счастья Адама и Евы нѣсколько преждевременно, какъ надобѣ бы имъ эдемъ!.. Не сердитесь, Джерардъ. Согласенъ, что я великій нахаль и бываю тамъ, гдѣ мнѣ нравится скорѣе, нежели тамъ, гдѣ мнѣ рады. Я привезъ вамъ всѣ городскія вѣсти, всѣ сплетни, о которыхъ ничего не сообщается въ вашихъ газетахъ. Безъ сомнѣнія, вы вытерпите мое общество какой-нибудь часъ или два.

Джерардъ вытерпѣлъ его до полуночи. Юстинъ отобѣдалъ въ Розовомъ Павильонѣ, и обѣдъ втроемъ прошелъ веселѣе, чѣмъ обѣды Джерарда и Эстеръ tête-à-tête въ послѣднее время.

Даже Эстеръ нашла забавнымъ и занимательнымъ разговоръ Джермина, совершенно въ новомъ для нея родѣ, и неприятное впечатлѣніе, произведенное его личностью, изгладилось и почти позабылось. Онъ очевидно любилъ Джерарда и восхищался имъ, а это много говорило въ его пользу.

Взошла полная луна и серебрила лѣса и поля, рѣку и лодку, когда они простились съ гостемъ и, стоя на берегу, глядѣли ему вслѣдъ, какъ онъ гребъ и плылъ по рѣкѣ, въ направленіи Варграва, походя на привидѣніе въ своемъ бѣломъ одѣяніи и озаренный бѣлымъ холоднымъ свѣтомъ луны.

— Онъ развлекъ тебя, Джерардъ, — сказала Эстеръ, когда они тихо шли къ дому. — Я радовалась, слыша твой веселый смѣхъ. Мы были слишкомъ сумрачны послѣднее время. Книги омрачили насъ.

— Да, они всѣ толкуютъ объ одномъ: что природа — все, а мы — ничто. Джерминъ — забавный негодяй, и, какъ я говорилъ тебѣ вчера, я люблю его общество.

— Ты назвалъ меня женой, когда знакомишь съ нимъ, — прошептала Эстеръ, прижимаясь лицомъ въ его плечу. — Ты не позволишь ему догадаться, кто я... что я не законная твоя жена — не правда ли, Джерардъ? Я чувствую, что презрѣніе этого чело-вѣка будетъ мнѣ больно.

— Его презрѣніе! Дорогая моя, онъ восхищается тобой безмѣрно, и неужели ты думаешь, что онъ изъ тѣхъ людей, на кото-рыхъ можетъ повліять свидѣтельство о бракѣ въ мнѣніи о женщинѣ! Онъ знаетъ, что я тебя обожаю. Онъ никогда ничего больше про насъ не узнаетъ, кромѣ того, что мы преданы другъ другу. А если онъ позволитъ себѣ малѣйшее неуваженіе къ тебѣ, то ногъ его здѣсь больше не будетъ.

VI.

Послѣ гостепріимнаго приема, оказаннаго ему въ Розовомъ Павильонѣ, Джерминъ счелъ себя въ правѣ безпрепятственно являться туда, когда ему вздумается, и всегда вносилъ съ собою веселье. Онъ катался на лодкѣ вмѣстѣ съ Эстеръ и Джерардомъ, обсуждалъ съ ними прочитанныя ими книги, старыя и новыя, такъ какъ, повидимому, читалъ все, что привлекало вниманіе публики, а помнилъ прочитанное какъ рѣдкій читатель.

Джерардъ несомнѣнно былъ веселѣе въ его обществѣ, и съ интересомъ слушалъ его рассказы о посѣтителяхъ *Пеютти* — пловучаго дома живописца Матти Мюллера, который принималъ въ немъ общество болѣе чѣмъ смѣшанное. Къ счастью, *Пеютти* стоялъ на якорѣ въ десяти миляхъ слишкомъ разстоянія, и обы-чные гости живописца не отдалялись дальше, чѣмъ на милю отъ своего пловучаго жилища.

Вся мечтательная серьезность, отмѣчавшая длинный tête-à-tête Джерарда и Эстеръ, улетучивалась въ присутствіи Юстина Джермина, какъ туманъ разсѣвается подъ лучами солнца. Величайшіе вопросы жизни и времени трактовались Джерминомъ какъ величайшіе пустяки за чайнымъ столомъ. Невозможно было сохранять серьезность въ обществѣ чело-вѣка, для котораго жизнь была шуткой, а сибаритская роскошь — высшее благо на землѣ.

— Если я представляю себѣ будущій свѣтъ, то не иначе какъ въ видѣ планеты, на которой царствуетъ вѣчное лѣто; та-кимъ мѣстомъ, гдѣ нѣтъ дурныхъ поваровъ, а у птицъ небесныхъ нѣтъ ногъ, — говорилъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, когда Эстеръ отставала надежду чело-вѣка на будущую жизнь.

Между тѣмъ и м-ръ Гильстонъ былъ уже два раза въ Розовомъ Павильонѣ въ эти ясные дни начала октября мѣсяца, но каждый разъ оказывалось, что м-ръ и м-съ Ганли катаются на лодей.

Джерардъ съ презрительнымъ смѣхомъ бросилъ карточки ректора на столъ, когда ему подали ихъ вторично.

— Что за навязчивый народъ эти пасторы! — вскричалъ онъ. — Этотъ человекъ приходитъ второй разъ въ теченіе десяти дней, вмѣсто того, чтобы обидѣться на то, что я не отдалъ ему визита. Хочетъ вѣрно вытянуть изъ меня деньги на свои школы или благотворительные клубы. Что-жъ! жизнь пастора — невеселая жизнь, какъ я знаю это по домашнему опыту, и я вознагражу его настойчивость чекомъ на значительную сумму.

Эстеръ сначала вспыхнула, затѣмъ поблѣднѣла при видѣ карточекъ ректора.

— Онъ, можетъ быть, приходилъ вовсе не за деньгами, — пролепетала она.

— Не за деньгами! душа моя, онъ пасторъ! Пасторъ, который не тянется за чужимъ кошелькомъ, — черный лебедь, котораго я не ожидаю встрѣтить на здѣшней рѣкѣ.

— Онъ, можетъ быть, хочетъ тебя видѣть.

— Въ такомъ случаѣ его желаніе останется невыполненнымъ. Я не желаю впускать свѣтъ въ нашъ рай, отпертый клерикальнымъ ключомъ.

— Тебѣ нечего опасаться вторженія въ нашъ свѣтъ, — сказала Эстеръ съ первой ноткой горечи въ голосѣ, какую онъ отъ нея услышалъ. — Свѣтъ знаетъ, что въ нашей жизни есть неправильность, и держится отъ насъ поодаль.

— Я слышу голосъ моей поэтической Эстеръ, но слова, произнесенныя ею, — слова филистера, — сказалъ Джерардъ развязно, оставляя ее.

Она стояла, глядя на карточки ректора, валявшіяся на томъ мѣстѣ, куда ихъ небрежно бросилъ Джерардъ. Она чувствовала, что разсердила человека, котораго любила больше, чѣмъ весь остальной міръ, вмѣстѣ взятый. О, глупая, глупая! стоитъ ли заботиться о томъ, что думаетъ или говоритъ о ней этотъ пустой и эгоистичный свѣтъ!..

Ректоръ пришелъ въ третій разъ, и на этотъ разъ захватилъ хозяина дома въ снѣгахъ.

— Здравствуйте, м-ръ Гильстонъ! — сказалъ Джерардъ, снимая шляпу. — Пожалуйста войдите въ мою берлогу. Мнѣ совѣстно,

что вы въ третій разъ беспокоитесь навѣщать меня. Я собирався послать вамъ чекъ.

— Я не просилъ у васъ денегъ, м-ръ Ганли, — отвѣчалъ ректоръ серьезно, садясь въ указанное кресло и оглядывая комнату пронизательнымъ взоромъ человѣка, шестьдесятъ-шесть лѣтъ наблюдающаго свѣтъ и людей.

Въ этой пріемной коттэджа, превращеннаго въ кабинетъ, ничто не говорило о разнузданныхъ привычкахъ или неряшливости празднаго гуляки и лѣнтяя. Много книгъ, много цвѣтовъ и безукоризненнѣйшая чистота отличали комнату.

— Вы не просили, нѣтъ, нѣтъ, — развязно проговорилъ Джерардъ: — но я знаю, что въ сельскихъ приходкахъ всегда бываетъ много бѣдныхъ, и каждый состоятельный прихожанинъ обязанъ внести свою лепту. Зима подходит, хотя мысль о ней и можетъ вылетѣть изъ головы, благодаря чудной осени. Вы, конечно, уже заботитесь о снабженіи своихъ бѣдныхъ топливомъ и теплымъ платьемъ. Позвольте мнѣ написать вамъ чекъ.

Онъ раскрылъ швафъ, вынулъ книжку съ чеками и опустил перо въ чернильницу.

— Нѣтъ, м-ръ Ганли, — отвѣчалъ ректоръ рѣшительно: — я не возьму отъ васъ денегъ; я пришелъ поговорить съ вами о болѣе цѣнномъ предметѣ, нежели деньги.

— О моей душѣ, быть можетъ? — произнесъ Джерардъ, ожесточаясь. — Я сразу долженъ объявить вамъ, м-ръ Гильстонъ, что не вѣрую въ христіанское откровеніе да и вообще во всякія трансцендентальности.

— Вы дарвинистъ, полагаю?

— Нѣтъ; я ровно ничего! Я не думаю ни о прошломъ, ни о будущемъ. Я хочу какъ можно лучше воспользоваться своей настоящей жизнью, пока она моя. Богу извѣстно, что она коротка и для тѣхъ, кто дольше всѣхъ живетъ на свѣтѣ... и смерть для меня не пріятнѣе отъ того, что я знаю, что весь міръ ожидаетъ одна и та же катастрофа.

— Вы боитесь смерти? — спросилъ ректоръ.

— Кто же ее не боится? Созерцайте смерть въ какой угодно формѣ, — она всегда отвратительна. Быстрая смерть, медленное разрушеніе! кто скажетъ, что ужаснѣе? Но позвольте, м-ръ Гильстонъ, вы пришли сюда вѣдь не затѣмъ, чтобы толковать о метафизикѣ. Позвольте же, прошу васъ, написать чекъ для вашихъ школъ, больницъ, или что вамъ угодно.

— Опять говорю вамъ, м-ръ Ганли, что не возьму вашихъ денегъ.

— Почему же нѣтъ?

— Я не возьму денегъ на милостыню отъ человѣка, который живетъ во грѣхѣ.

— О! такъ вы вотъ съ чѣмъ пришли, сэръ! — вскричалъ Джерардъ, вскакивая съ мѣста. — Вы врываетесь въ мой домъ, чтобы оскорблять меня!

— Нѣтъ, м-ръ Ганли. Я здѣсь въ надеждѣ помочь вамъ перемѣнить вашу жизнь.

— По какому праву вы предполагаете, что моя жизнь нуждается въ перемѣнѣ.

— Скажемъ: хотя бы по проникательности старика, который прожилъ достаточно, чтобы узнать кое-что о человѣческой природѣ. Двое молодыхъ людей съ большими средствами не живутъ такъ, какъ вы и м-съ Ганли, безъ какой-нибудь основательной причины для уединенія; и въ вашемъ дѣлѣ, я полагаю, причина та, что эта лэди — не ваша законная жена. Если такъ, то позвольте мнѣ, пока ваши отношенія въ этой молодой особѣ еще никому неизвѣстны, повѣнчать васъ съ нею тихо, скромно, безъ всякихъ свидѣтелей, кромѣ моего служителя и сестры, старой дѣвушки. Оба сьумѣютъ сохранить вашу тайну.

— Мой дорогой м-ръ Гильстонъ, вы очень обязательны, но, право же, меня смѣшить ваша пайветѣ. Неужели вы забыли — предположивъ, что я не связанъ законнымъ бракомъ съ лэди, которую зову женой, — что существуетъ сколько угодно регистраторовъ въ Англии, которые бы поженили насъ такъ же тихо, какъ и вы, и не считали бы это за одолженіе?

— Я очень хорошо знаю о существованіи регистраторскихъ конторъ, гдѣ каждый грумъ въ графствѣ можетъ жениться на дочери своего господина безъ дальнѣйшихъ церемоній; но я полагаю, что м-съ Ганли предпочла бы стать съ вами передъ алтаремъ и быть обвѣнчанной по обряду церкви.

— Я не думаю, чтобы м-съ Ганли особенно вѣрила въ этотъ обрядъ. Она довольна тѣмъ, что знаетъ, что я ее люблю отъ всего сердца и счастливъ ея любовью.

— И вы допускаете ее принести вамъ въ жертву свою добродѣтель и доброе имя, оставляя за собой право бросить ее, когда она вамъ надоѣстъ?

— Вы не вправѣ говорить со мной въ этомъ тонѣ.

— Нѣтъ, м-ръ Ганли, вправѣ — вправѣ какъ старикъ и какъ пастыръ прихода, вправѣ отъ глубокаго состраданія, какое мнѣ внушаетъ невинная дѣвушка, ставшая вашей жертвой. Я говорилъ съ нею, и каждое слово, сказанное ею, убѣждало меня, что она

не можетъ быть счастлива въ грѣхѣ. Она не такого рода женщина, чтобы съ готовностью пойти на такую жизнь... соблазвившій ее человѣкъ долженъ былъ пустить въ ходъ необыкновенныя средства...

— Удержите свой языкъ, сэръ! — закричалъ Джерардъ гнѣвно. — Какъ смѣете вы вмѣшиваться въ жизнь мужчины и женщины, которые, какъ вы видите, живутъ въ любви и согласіи? кто просить васъ объ этомъ? Никто отъ васъ ничего не требуетъ: ни вашей дружбы, ни вашего знакомства. Мы хотимъ одного, чтобы насъ оставили въ покоѣ. Моя жена — жена моя по сердцу и хозяйка моего дома, жена, которую я никогда не брошу — довольна своимъ положеніемъ, и ни вы, и никто другой не вправе вступаться за нее. Ваше пасторство не облакаетъ васъ привилегіями въ глазахъ человѣка, для котораго всякія вѣрованія — одно суевѣріе.

— Я слыхалъ, что люди, отвергающіе старыя вѣрованія, признаютъ гуманность своею религіей, — сказалъ ректоръ: — но гуманности мало въ вашемъ безпечномъ отношеніи къ самопожертвованію этой молодой лѣды, которая, повторяю, создана для лучшей доли, чѣмъ быть... незаконной женой.

— Вы говорили съ ней? — спросилъ вдругъ Джерардъ: — когда и гдѣ?

— Я встрѣтилъ ее на кладбищѣ какъ-то, и мы побесѣдовали.

— Понимаю; вы успѣли растрогать ее насчетъ вопроса, который, я думалъ, мы съ нею вполне уладили, — отвѣчалъ сердито Джерардъ. — Что же, она просила васъ поговорить со мной? вы явились по ея порученію?

— Нѣтъ. Она слишкомъ самоотверженна. Вы не похожи на дурного человѣка, м-ръ Ганли, и ваше поведеніе для меня загадка. Вы богаты, независимы. Почему вы отказываетесь узаконить связь, которая, какъ вы сами сознаетесь, даетъ вамъ счастье? Есть для этого какое-нибудь препятствіе? Вы уже женаты?

— У меня нѣтъ другой жены, кромѣ Эстеръ.

— Но должна же быть причина...

— Да, причина есть... но такъ какъ я не вѣрю въ силу исповѣди, то извините меня, м-ръ Гильстонъ, — я отказываюсь объяснить ее вамъ, чужому человѣку, котораго симпатіи или любопытства я не вызывалъ.

— Довольно, м-ръ Ганли. Мнѣ очень жаль эту несчастную молодую особу, такъ какъ очевидно, что вы вполне равнодушны къ ея общественному положенію и угрызениямъ совѣсти. Если вы перемѣните свое намѣреніе и рѣшитесь поступить какъ честный

человѣкъ, то я всегда къ вашимъ услугамъ. Но до тѣхъ поръ не переступлю больше черезъ вашъ порогъ.

— Прекрасно; но вспомните, ректоръ, что вы переступили черезъ мой порогъ безъ приглашенія, а потому не можете ожидать, чтобы я испугался вашей угрозы прекратить со мной знакомство, котораго я вовсе не искалъ.

Онъ сердился на вѣшательство этого чужого человѣка въ его жизнь, сердился на Эстеръ за то, что она выдала его тайну.

Она вернулась изъ сада тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ ушелъ ректоръ, взволнованная и блѣдная, потому что видѣла ректора у воротъ.

Впервые Джерардъ встрѣтилъ ее съ нахмуреннымъ лбомъ и въ угрюмомъ молчаніи.

— Ректоръ былъ у тебя? — робко спросила она, садясь въ свой обычный уголокъ у окна, гдѣ стояла ея рабочая корзинка и маленькій столикъ съ книгами.

Джерардъ не сразу отвѣтилъ. Она успѣла вынуть работу изъ корзинки и сдѣлать нѣсколько трепетныхъ стежковъ, прежде, нежели онъ заговорилъ.

— Да, ректоръ былъ здѣсь... твой давнишній, какъ кажется, знакомый.

— Не очень давнишній, Джерардъ. Я только разъ въ жизни говорила съ нимъ.

— Только разъ—и уже успѣла пожаловаться ему!

— Джерардъ, какія ты говоришь жестокія вещи! Я ничего ему не говорила, ничего... Онъ догадался, что у насъ не все въ порядкѣ, что я веду жизнь, которая по его понятіямъ грѣховна.. О, Джерардъ, не будь жестокъ со мной! Я никогда не беспокоила тебя раскаяніемъ въ своей слабости, но когда этотъ добрый старикъ заговорилъ со мной такъ мягко, такъ кротко...

— Ты разыграла плачущую Магдалину... допустила стараго фарисея и ханжу унизить себя его покровительствомъ... послала его требовать отъ меня узаконенія нашего союза? Узаконенія! какъ будто законъ можетъ удержать любовь!

— Я не послала его къ тебѣ. Я просила его не вѣшиться.

— Ты могла бы, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ о своемъ разговорѣ съ этимъ человѣкомъ и подготовить меня къ его повѣди.

— Я не могла говорить съ тобой объ этомъ, Джерардъ. Есть вещи, о которыхъ не говорится.

Она нагнула голову низко надъ работой, чтобы скрыть слезы,

потому что инстинктивно чувствовала, какъ слезы въ эту минуту будутъ ему ненавистны. Во все время, какое она прожила съ нимъ, она скрывала слезы и грусть про себя. Съ нимъ она всегда была какъ солнечный лучъ.

Онъ нетерпѣливо прошелся по комнатамъ и остановился передъ ней.

— Эстеръ, я тебѣ надоѣлъ, и тебѣ надоѣла наша жизнь здѣсь?—спросилъ онъ.

— Надоѣлъ! Джерардъ, ты знаешь, что ты все для меня. Я отказалась отъ всѣхъ другихъ радостей въ здѣшнемъ и будущемъ мѣрѣ. Я ни о чемъ не думаю, ни на кого не надѣюсь, кромѣ тебя.

— Еслибы я былъ воленъ жениться на тебѣ, внимательство пастора вовсе бы не требовалось; но я не свободенъ. Я связанъ по рукамъ и ногамъ и пока не могу освободиться.

— Не говори объ этомъ, Джерардъ. Я ничего отъ тебя не прошу. М-ръ Гильстонъ счелъ своей обязанностью поговорить съ тобой,—вотъ и все.

Ея кроткое терпѣніе тронуло его. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, взявъ работу изъ ея дрожащихъ рукъ и привлекая ее къ сердцу.

— Ты слишкомъ хороша для меня, Эстеръ!—сказалъ онъ.— Будемъ счастливы, дорогая, вопреки всякимъ условностямъ, будемъ счастливы, какъ Шелли съ его Мери были счастливы въ началѣ своего союза, пока законъ не наложилъ своей печати на ихъ любовь. Со временемъ церковь и государство узаконятъ нашъ союзъ... но связь не станетъ отъ того вѣрнѣе.

Онъ не забылъ того, что ректоръ сказалъ о ней. Да, она была изъ того матеріала, изъ котораго создаются жены. Она не такого рода женщина, чтобы легко примириться съ униженіемъ. А затѣмъ онъ говорилъ себѣ, что въ ихъ союзѣ нѣтъ униженія, что онъ глупецъ, обращая вниманіе на мнѣніе свѣта или подчиняясь вліянію узкихъ взглядовъ деревенскаго пастора.

Послѣ этого дня ни слова не было больше произнесено Джерардомъ или Эстеръ о посѣщеніи ректора.

Онъ больше не приходилъ въ Розовый Павильонъ, и никто другой изъ жителей прихода не являлся съ визитомъ. Быть можетъ, невольный взглядъ смущенія, появившійся у м-ра Гильстона, когда при немъ заговаривали про м-ра и м-съ Ганли, утверждалъ его прихожанъ въ мысли, что дѣло неладно.

Повторялись прежнія соображенія и догадки; выражалось

мнѣніе, что люди, не желающіе знаться съ сосѣдами, должны быть дурные люди,—но ректоръ на все это обыкновенно молчалъ.

Онъ заговаривалъ о чемъ-нибудь другомъ и даже какъ будто не слышалъ толковъ про Ганли.

Въ душѣ онъ жалѣлъ бѣдную, хорошенькую дѣвушку, будущее которой рисовалось ему въ мрачныхъ краскахъ.

Эстеръ послѣ ея разговора съ ректоромъ нивакъ не могла больше вернуться къ прежнему состоянію духа. Невыразимая горечь поднималась въ ея душѣ при воспоминаніи о томъ часѣ, когда она очутилась лицомъ къ лицу съ вѣрнымъ послѣдователемъ Евангелія и увидѣла, какъ онъ смотритъ на ея положеніе.

Жгучее, раскаяніе грызло ея сердце. Она съ ѣдымъ сожалѣніемъ вспоминала о томъ времени, когда была бѣдна и трудилась съ утра до ночи, о долгихъ часахъ, проведенныхъ за швейной машиной, о прогулкахъ по пустыннымъ улицамъ, о всѣхъ хозяйственныхъ заботахъ, какія выпадали на ея долю, о стараніяхъ какъ можно рачительнѣе распорядиться своими скудными средствами и доставить маленькія удобства отцу.

Съ радостью вернулась бы она къ тѣмъ днямъ нищеты и труда, лишь бы вернуть прежнюю чистоту и невинность.

Она молча несла свой крестъ. Тотъ, для кого она принесла въ жертву религію и доброе имя, не видѣлъ ея слезъ и не слышалъ жалобъ на тягостное положеніе въ Розовомъ Павлионѣ.

Наступили октябрьскіе дни; гармонія красныхъ, золотыхъ и желтыхъ тоновъ, отъ которыхъ осенняя зелень кажется еще красивѣе, чѣмъ лѣтняя, постепенно смѣнилась скучнымъ, однообразнымъ сѣрымъ зимнимъ оттѣнкомъ. Дни стали короче и на рѣвѣ часто бывало холодно.

Эстеръ тщательно оберегала Джерарда отъ рѣчного тумана, послѣ того какъ онъ сообщилъ ей опасенія д-ра Соута насчетъ его легкихъ. Такимъ образомъ вечера показались бы обоимъ нестерпимо длинными, еслибы оба не привыкли къ чтенію, такъ какъ для любителей чтенія всегда будетъ не хватать времени, чтобы прочесть все то, что написано и интересно.

Просматривать каталоги книжныхъ магазиновъ, читать объявленія о новыхъ книгахъ въ Athenaeum и выписывать всѣ, которыя привлекали къ себѣ вниманіе, было неистощаемымъ источникомъ развлеченія для Джерарда Гиллерсдона, и въ эти долгіе, мирные вечера въ немъ проснулись прежнія честолюбивыя мечты. Онъ напишетъ романъ, напишетъ повѣствовательную поэму, сюжетъ которой уже долгіе годы таится въ его мозгу, и которая будетъ отличаться глубиной Броунинга и тонкостью Теннисона, вмѣстѣ

съ пыломъ, остроуміемъ и шикомъ Оуэна Мередита и всей страстностью Сулибёрна, — поэмѣ, которая — если удастся — отмѣтитъ собою новую эру въ поэзіи.

Онъ любилъ толковать про свои неосуществившіяся мечты, а Эстеръ любила его слушать. Такимъ образомъ зимніе вечера проходили незамѣтно, и Эстеръ, видя его счастливымъ, чувствовала, что жертва ея принесена была не даромъ, и снова толковала себѣ, что ея собственныя чувства не идутъ въ счетъ тамъ, гдѣ дѣло касается его счастья.

Въ одно ясное октябрьское утро Джерардъ отправился въ Лондонъ повидаться съ д-ромъ Соутомъ, и тотъ сообщалъ ему утѣшительныя вѣсти.

— Вы вели довольную и спокойную жизнь, — сказалъ онъ ему, — и результатъ оказался лучше, чѣмъ я даже надѣялся. Ваше сердце поправилось, легкія укрѣпились. Мы не можемъ вставить вамъ новое сердце, но мы можемъ заставить старое работать гораздо долѣе, чѣмъ я считалъ это возможнымъ въ послѣдній разъ какъ васъ видѣлъ. Откровенно говоря, вы были тогда очень плохи.

Джерардъ услышалъ это рѣшеніе съ восторгомъ. Ему жизнь не только не надоѣла, но онъ съ жадностью цѣплялся за нее. Онъ не боялся старости. Это время жизни, которое молодымъ людямъ представляется какимъ-то фантастическимъ пугаломъ, его нисколько не страшило. Онъ могъ безъ тревоги думать о долгихъ годахъ роскошнаго покоя въ изящномъ дворцѣ, выстроенномъ имъ себѣ, и который онъ съ каждымъ годомъ будетъ наполнять новыми сокровищами.

Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ сидитъ окруженный книгами, статуями, картинами, всякими произведеніями искусства, сѣдовласый, сѣдобородый, мудрый отъ познанія жизни; къ нему будутъ приходить молодые люди, какъ приходили къ Протагору, чтобы услышать золотыя словеса философскихъ поученій. Судьба дала ему золото, и на него онъ купитъ себѣ долгую жизнь. Онъ думалъ о Самуэлѣ Роджерсѣ, Стирлингѣ Максвеллѣ, — о тѣхъ немногихъ людяхъ, которые выпили чашу жизни до дна, но не нашли въ ней горечи. Ему представлялась возможность такой же совершенной жизни, какъ и ихъ жизнь, лишь бы только продлить ее. Послѣднее стало въ немъ всепоглощающимъ желаніемъ...

Онъ вернулся въ Розовый Павильонъ, послѣ свиданія съ д-ромъ Соутомъ, счастливѣе, чѣмъ былъ въ послѣднее время. Онъ чувствовалъ, что къ нему какъ бы вернулась его молодость, что тѣнь

угрозы сошла съ его пути. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо любилъ Эстеръ и, сообщивъ ей мнѣніе доктора, подѣлуями стеръ слезы радости съ ея глазъ.

Въ Девонширѣ, однако, тревожились насчетъ его. М-ръ и м-съ Гиллерсдонъ вернулись послѣ водяного курса леченія и очаровательной поѣздки по южной Франціи. Они теперь снова поселились въ ректорскомъ домѣ, гдѣ Лиліана занималась приготовлениями къ предстоящему замужству.

„Мама очень огорчена, узнавъ, что ты не пріѣдешь къ намъ на Рождество, — писала Лиліана. — Ей хочется поблагодарить тебя за всѣ удовольствія, какія твои деньги доставили ей и папѣ, и сообщить тебѣ, какъ удобно и роскошно путешествовали мы, благодаря твоей щедрости. Съ своей стороны мнѣ надо прінасть пересказать тебѣ, и я буду несчастна, пока не увижусь съ тобой. Мы провели три дня въ городѣ, гдѣ папа ѣздилъ въ клубы повидаться съ старыми знакомыми и пообѣдать въ обществѣ крупныхъ клерикальныхъ париковъ, а мама и я бѣгали въ это время по магазинамъ.

„Въ первое же утро мы отправились въ Гиллерсдонъ-гаузъ и для насъ было ударомъ, что мы не нашли тебя тамъ и услышали отъ слугъ, что ты не скоро вернешься. Слуги твои довольно таинственно говорятъ о тебѣ... слуги любятъ тайны вообще, не правда ли?

„Твоя идеальная экономка уѣхала въ Брайтонъ; буфетчикъ отправился провѣтриться въ паркъ. Выѣздной лакей не могъ сообщить твоего адреса, но снисходительно объявилъ, что письма, адресованныя на твое имя, будутъ тебѣ доставлены; итакъ, я живу въ надеждѣ, что ты получишь это письмо гдѣ-нибудь на морѣ или на сушѣ, въ горахъ Шотландіи или на норвежскихъ оверахъ

„Я очень беспокоюсь о несчастной дѣвушкѣ, судьбой которой ты такъ же интересовался или почти такъ же, какъ и я. Я говорю объ Эстеръ Давенпортъ. Не найдя тебя, я поѣхала въ Чельси, въ надеждѣ увидѣть Эстеръ. Я хотѣла пригласить ее къ намъ завтракать и затѣмъ отправиться вмѣстѣ въ картинную галерею, чтобы немножко развлечь ее. Но я нашла ея квартиру пустой, а хозяйка очень горевала о томъ, что ея нѣтъ. Она разъ утромъ, въ половинѣ августа, вышла изъ дому, расплатившись съ долгами и захвативъ немного вещей въ сакъ-воажъ, послала маленькаго сына хозяйки за кэбомъ и уѣхала неизвѣстно куда. Отецъ ея таинственно исчезъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, и хозяйка

думаетъ, что бѣдная Эстеръ отъ этого помѣшалась. Она была очень взволнована, когда уѣзжала, совѣмъ сама на себя непохожа. Она не оставила адреса, но двѣ недѣли спустя хозяйка получила отъ нея нѣсколько строкъ, въ которыхъ она просила отослать письма, которыя могутъ придти на ея имя, въ Г., въ почтовую контору, въ Ридингъ. Двое носильщиковъ въ то же время явились съ приказаніемъ отъ нея, уложили ея книги, платье ея отца и всѣ ихъ вещи въ два ящика и адресовали ихъ на юго-западную станцію, Ридингъ, до востребованія. Ничего больше съ тѣхъ поръ не слышно ни объ Эстеръ, ни объ ея отцѣ. Хозяйка плакала, говоря о нихъ, и очевидно она думаетъ, что съ ними случилась бѣда. Мнѣ очень хочется написать Эстеръ и адресовать письмо въ почтовую контору Ридингъ, но чтѣ я ей скажу? Все это такъ таинственно, — сначала исчезновеніе старика, затѣмъ ея внезапное бѣгство. Вѣдь это похоже на бѣгство, не правда ли?

„Джэкъ такъ обрадовался, увидя насъ по возвращеніи. Онъ много работалъ все лѣто, совсѣмъ не отдыхалъ и нигуда не уѣзжалъ, но теперь онъ прійдетъ въ Гельмсли на осень, и мы всѣ будемъ счастливы. Только тебя недостаетъ для нашего полного счастья“.

Джерардъ разорвалъ это письмо тотчасъ же, какъ прочиталъ, зная, что оно разстроило бы Эстеръ. Она рѣдко говорила о Лиліанѣ, и въ голосѣ ея звучало глубокое сожалѣніе объ уtratѣ дружбы, которая была ей очень дорога.

Ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ онъ также напоминать ей про утро ея бѣгства, когда въ ней боролись самыя противорѣчивыя чувства: стыдъ, сожалѣніе, самоотверженная любовь къ нему и готовность все принести ему въ жертву. Онъ помнилъ, какое было у нея лицо, блѣдное и застывшее, какъ у мертвеца, когда кѣбъ подѣхалъ къ дверямъ станціи, у которыхъ онъ ее дожидался. Они разстались всего лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, при первыхъ лучахъ утренней зари. Теперь они съѣхались, чтобы нивогда больше не разставаться, какъ сказалъ ей Джерардъ, сидя рядомъ съ ней въ вагонѣ.

Письмо Лиліаны оживило воспоминаніе объ этомъ утрѣ во всѣхъ его подробностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживилась и нѣжность Джерарда къ Эстеръ. Какая она кроткая и какое въ ней отсутствіе эгоизма; даже въ отчаяніи отъ своего паденія, она старалась не мучить его своимъ раскаяніемъ.

Джерардъ сталъ серьезно думать о томъ, чтобы освободиться отъ обѣщанія, даннаго Эдитѣ Чампіонъ, — обѣщанія, даннаго еще

при жизни ея мужа, когда она ему сказала: „Помните, это клятва!“ Онъ подумывалъ о томъ, чтобы признаться ей въ новыхъ своихъ обязательствахъ, обратиться къ великодушнѣйшій Эдиты и просить ее вернуть ему его слово. Онъ подумывалъ объ этомъ, но такъ какъ время терпѣть, то онъ и не торопился. Если явится новое обязательство—если родится у него ребенокъ—въ такомъ случаѣ онъ сочтетъ своимъ долгомъ освободиться отъ прежняго обязательства, во что бы то ни стало.

Юстинъ Джерминъ часто появлялся въ эти короткіе осенніе дни, всегда веселый, всегда съ цѣлымъ коробомъ сплетень, въ которыхъ всѣ дѣйствующія лица выставлялись въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ и доставляли пищу для насмѣшекъ. Какимъ шутовскимъ представлялся здѣшній свѣтъ съ его точки зрѣнія, и непонятно было, чтобы кто-нибудь относился къ нему серьезно. Эстеръ ненавидѣла его насмѣшливый тонъ, но рада была, что Джерарда развлекали посѣщенія и болтовня Джермина. Еслибы онъ не прїѣзжалъ, Джерардъ, можетъ быть, чаще ѣздилъ бы въ Лондонъ. Такъ что въ нѣкоторомъ родѣ она должна была быть благодарной Джермину.

Матти Мюллеръ, живописецъ-пейзажистъ, для котораго Темза представляла золотой рудникъ, все еще жилъ въ своемъ пловучемъ домикѣ, не взирая на осенніе туманы, которые были полезны для искусства, чѣмъ для здоровья. Онъ строилъ себѣ коттеджъ и мастерскую на берегу рѣки, доставляя себѣ восхитительное занятіе слѣдить за постройкой. Джерминъ кочевалъ между Лондономъ и пловучимъ домомъ Матти Мюллера и былъ всегда бодръ и посвященъ въ столичныя новости, между тѣмъ какъ живописецъ, по его увѣреніямъ, велъ растительную жизнь, переходя отъ мольберта къ коттеджу, медленно воздвигавшемуся на лугу.

Однажды вечеромъ Джерминъ пробылъ долѣе обыкновеннаго въ Розовомъ Павильонѣ, послѣ обѣда. Погода стояла особенно хорошая въ послѣдніе дни. Эстеръ провела все утро на рѣкѣ вмѣстѣ съ Джерардомъ, соблазненнымъ теплотой солнечнаго дня. Они пробыли на рѣкѣ до сумерекъ и, причаливъ къ берегу, нашли Джермина медленно прохаживавшимся въ ожиданіи ихъ возвращенія.

— Я самъ пригласилъ себя къ вамъ обѣдать,—сказалъ онъ Эстеръ, помогая ей выйти изъ лодки.—Я уже цѣлый вѣкъ не надѣдалъ вамъ своимъ присутствіемъ, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю, и привезъ съ собой коробъ новостей,—обратился онъ къ Джерарду:—но новости эти не для дамскихъ ушей,—кивнулъ

онъ головой въ сторону Эстеръ:—а потому я задержу васъ на полчаса въ курительной комнатѣ.

— Ваши полчаса въ курительной длятся гораздо дольше,—замѣтила Эстеръ.

— Это доказываетъ, что я умѣю заинтересовать Джерарда. Вы должны были бы быть очень мнѣ благодарны, м-съ Ганли. Онъ умеръ бы со скуки въ этомъ очаровательномъ убѣжищѣ, еслибы я не доставлялъ ему подробнаго и вѣрнаго отчета обо всемъ, что говорится и дѣлается дурного въ Лондонѣ.

— Я забылъ даже смыслъ слова „скука“ съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Розовомъ Павильонѣ,—отвѣчалъ Джерардъ:—а потому можете понизить свои претензіи въ этомъ направленіи. Когда листья опадутъ, а Темза станетъ слишвомъ пасмурной, мы отправимся въ Ривьеру.

— А я встрѣчусь съ вами въ Монте-Карло. Я чувствую себя тамъ дома, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ,—весело отпарировалъ Джерминъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы мы побывали въ Монте-Карло.

— О, непременно побываете. Вы, можетъ быть, не поселились тамъ, но будете навѣдываться. Вѣдь Монте-Карло не даромъ зовется магнитной скалой. Онъ будетъ притягивать васъ, какъ та скала въ арабской сказкѣ, помните, притягивала Синдбада-мореходца. Вы окажетесь безсильнымъ передъ обаяніемъ одного изъ прелестнѣйшихъ мѣстечекъ на земномъ шарѣ. Я такъ же увѣренъ, что встрѣчу васъ тамъ, какъ была увѣрена тѣнь Цезаря въ томъ, что встрѣтится съ Брутомъ при Филиппи.

Обѣдъ прошелъ весело. Освѣщенный лампой, столъ былъ убранъ осенними листьями и ягодами различныхъ и гармонически подобранныхъ цвѣтовъ, которые Эстеръ набрала поутру въ лѣсу, во время прогулки.

Вечеръ былъ такъ тихъ и тепелъ, что оба молодыхъ чело-вѣка курили сигары, прохаживаясь по песчаной дорожкѣ, передъ окнами освѣщенной гостиной, гдѣ сидѣла Эстеръ у камина, гдѣ горѣли сосновыя дрова, дававшія много свѣта, но безъ особеннаго жара. Около нея лежала ея работа и книги; дѣвическая фигура въ бѣломъ платьѣ въ этой свѣтлой и уютной комнатѣ представляла граціозное зрѣлище мирнаго домашнего очага, вовсе не похожее на тѣ видѣнія цыганской и безпутной жизни, какія мерещились старымъ дѣвамъ Лоукомба, когда онѣ толковали про обитателей Розоваго Павильона.

— М-съ Ганли поѣдетъ вмѣстѣ съ вами на югъ?—спросилъ

Джерминъ, послѣ того, какъ истощилъ весь запасъ лондонскихъ сплетенъ и послѣ минутнаго раздумья.

Ночь была еще лучше дня, небо покрыто звѣздами, а въ десяти часамъ полная луна медленно вышла изъ-за лѣсистаго холма на противоположномъ берегу.

— Натурально. Неужели вы думаете, что я съ ней расстанусь?

— Я только думаю, что всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Вашъ медовый мѣсяцъ долго длился.

— Мы еще не надоѣли другъ другу.

— Нѣтъ? Ну, а бѣдная м-съ Чампюнъ, которую свѣтъ назначаетъ вамъ въ жены тотчасъ по окончаніи ея траура? Вѣдь для нея будетъ немножко обидно, если вы женитесь на другой женщиной.

— Это дѣло ея и мое... но не ваше.

— Прошу прощенія. Въ сущности вѣдь главная цѣль въ жизни—это быть счастливымъ, и пока вы счастливы съ той дамочкой... очень милая и пріятная особа...

— Ради Бога, удержите свой языкъ! Я знаю, вы желаете намъ добра... но каждое ваше слово усиливаетъ мое раздраженіе.

— Любезный Гиллерсдонъ, вы слишкомъ чувствительны. Странно, что положеніе, которому повидимому вы обязаны своимъ счастьемъ, не можетъ быть обсуждаемо даже съ короткимъ пріателемъ.

Джерардъ повернулся на каблучкахъ и пошелъ въ домъ, Джерминъ послѣдовалъ за нимъ, и оба молодыхъ человека провели остатокъ вечера въ гостиной вмѣстѣ съ Эстеръ, гдѣ разговоръ вертѣлся уже не на живыхъ людяхъ, но на книгахъ, на идеяхъ и великихъ умахъ, перешедшихъ въ невѣдомый міръ. Такой разговоръ всегда увлекалъ Эстеръ, она забывала про угрызения совѣсти, про страхъ бѣды, вѣчно висѣвшей надъ нею. Въ туманномъ мірѣ умозрительной философіи всѣ личныя и мучительныя чувства сливались въ одинъ великій и таинственный вопросъ: что мы такое, откуда пришли и куда идемъ? неужели наша индивидуальная жизнь, такъ мучительно обособленная сегодня, завтра сольется съ общей безсознательной жизнью, созидающей коралловые рифы и возсоздающей землю, по которой мы ходимъ.

Такіе разговоры повергали ее всегда въ глубокую меланхолію. Тѣмъ не менѣе она находила въ нихъ болѣзненное удовольствіе, какъ находятъ его люди въ книгахъ, заставляющихъ ихъ плакать.

Огонь въ каминѣ и жаръ отъ лампы такъ нагрѣли комнату, что когда Юстинъ Джерминъ ушелъ, Джерардъ раскрылъ окно

и впустилъ струю свѣжаго ночного воздуха, вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ. Луна высоко стояла въ эту минуту въ небѣ, триумфально шествуя среди яркихъ звѣздъ, казавшихся ея спутниками.

Эстеръ и Джерардъ остановились у открытаго окна, созерцая небо и рѣку, довольные, что остались одни, хотя Джерминъ и не наскучилъ имъ, потому что умѣлъ интересно бесѣдовать обо всѣхъ предметахъ.

Оба молчали и думали, съ удовольствіемъ отдыхая отъ оживленнаго спора, длившагося часа два.

— Это что! — сказала вдругъ Джерардъ:—это-то отворилъ калитку сада. Джерминъ вернулся назадъ. Что ему нужно?

Слухъ у Эстеръ былъ тоньше. Она слышала шаги по песку, слабые шаги чловѣка, волочившаго ноги, точно онъ смертельно усталъ.

— Это не его походка,—сказала она:—это идетъ кто-то старый и слабый.

Въ то время какъ она это произносила, изъ тѣни, царившей въ саду и вокругъ дома, выступила фигура, казавшаяся привидѣніемъ при лунномъ свѣтѣ, серебрившемъ ея лицо и потасканное платье. То была фигура старика съ растрепавшейся сѣдой бородой и желтымъ, изможденнымъ лицомъ. Согбенныя плечи, медленныя движенія указывали на крайнюю усталость. Чловѣкъ этотъ направлялся къ освѣщенному лампой окну нетвердыми шагами, опираясь на палку; онъ подходилъ ближе и ближе, пока не очутился лицомъ къ лицу съ Эстеръ и тогда съ громкимъ крикомъ поднялъ палку и съ торжествомъ указалъ на нее.

— Я зналъ это!—истерически закричалъ онъ:—я зналъ, что нашелъ тебя... наконецъ-то... нашелъ среди твоего позора... живущей въ роскоши, тогда какъ твой старикъ-отецъ умираетъ съ голода. Да, клянусь небомъ, я чуть не умеръ съ голода... а ты предалась грѣху...

— Папа!—вскричала Эстеръ, жалобно протягивая къ нему руки и сляясь обнять его ими:—папа, не вы можете осуждать меня! Вы бросили меня... Я всю жизнь отдала вамъ... и готова была служить вамъ до послѣдняго издыханія... но вы бросили меня... бросили, не предупредивъ ни единымъ словомъ... Я осталась одна, сиротой, безъ отца...

Рыданія помѣшали ей говорить. Но онъ яростно оттолкнулъ ее отъ себя.

— Не дотрогивайся до меня!—закричалъ онъ:—я отрекаюсь отъ тебя... Я не хочу тебя знать...

И тутъ изъ устъ ея отца полились жестокія слова... Дочь въ

смертельной тоскѣ и отчаяніи упала къ его ногамъ, не безъ памяти, вѣтъ, но въ жгучемъ сознаніи своего позора.

Выслушивать такую брань—и въ присутствіи Джерарда! . Чѣмъ будетъ отнынѣ для нея жизнь, какъ не сплошнымъ униженіемъ?!

Она закрыла руками лицо, склонившись къ землѣ. Въ этотъ мигъ она успѣла только подумать: „я заслужила то имя, какимъ отецъ назвалъ меня!“ — но тутъ она услышала бѣшеное восклицаніе Джерарда, ударъ, стонъ — и отецъ ея повалился какъ снопъ на дорожку, рядомъ около нея...

А. Э.

ТЕОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА

— Попытки обоснованія народничества, ст. В. В. („Русское Богатство“ 1892, № 2, 3, 6).

Въ послѣднее время снова нерѣдко заходитъ рѣчь о народничествѣ, передъ тѣмъ нѣсколько замолгнувшая; но и теперь, какъ прежде, сущность явленія, обозначаемаго этимъ именемъ, остается недостаточно ясной или совсѣмъ неясной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ журналѣ указаны были нѣкоторыя стороны народничества, которое въ цѣломъ представлялось, однако, тогда очень темнымъ; прошло нѣсколько лѣтъ, и все-таки нельзя сказать, чтобы дѣло стало яснѣе. Писатели, благосклонные къ народничеству, можетъ быть даже выражающіе то, что кажется имъ его самымъ подлиннымъ содержаніемъ, какъ г. В. В., были весьма неудовлетворены упомянутыми отзывами, такъ какъ эти отзывы касались только нѣкоторыхъ сторонъ движенія, не затрогивая другихъ и, слѣдовательно, не представляя явленія во всей полнотѣ. Сколько помнится, упомянутыя статьи и не ставили себѣ этой полной задачи и хотѣли говорить о предметѣ лишь въ той степени, насколько онъ находилъ выраженіе въ литературѣ; естественно было, что особенное вниманіе обращали на себя тѣ писатели и произведенія, которые специально заявляли о своемъ народничествѣ, какъ, напримѣръ, книги г. Юзова, и немудрено, если характеръ подобныхъ произведеній приводилъ къ неблагоприятнымъ заключеніямъ о направленіи, имя котораго онѣ дѣлали своимъ знаменемъ. Для избѣжанія на этотъ разъ возможныхъ недоразумѣній, замѣтимъ напередъ, что мы не только не имѣли бы ничего противъ какой-либо общественной и литературной группы, которая желала бы именемъ „народничества“ обозначать свои идеальныя симпатіи, но, напротивъ, готовы самымъ искреннимъ образомъ сочувствовать всему доброму и по-

лезному, что дѣлается въ этомъ направленіи, готовы даже быть менѣе требовательны къ какимъ-либо частнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ,—одно желаніе специально полагать свой трудъ на служеніе народному интересу само по себѣ почтенно, и въ наше время (которое кажется многимъ, не безъ основанія, вялымъ и безпринципнымъ) болѣе чѣмъ когда-нибудь; но мы думаемъ, что самая цѣль, которой хочетъ служить это направленіе, должна требовать болѣе внимательной и всесторонней постановки дѣла и не столько стремиться къ исключительному обособленію дѣятельности на этомъ поприщѣ, сколько къ соединенію на ней наибольшаго числа общественныхъ элементовъ. Другими словами, группа лицъ, которыя желаютъ дѣйствовать въ качествѣ народниковъ, должна стремиться не къ тому, чтобы выдѣляться въ особую секту, а напротивъ—въ тому, чтобы примыкать къ тѣмъ родственнымъ группамъ и направленіямъ, которыя работали и работаютъ въ томъ же основномъ смыслѣ, хотя иногда съ извѣстными варіаціями и отгѣнками мнѣній, а иной разъ даже съ незначительными разнорѣчіями. У этихъ направленій нашлось бы не мало общаго, какъ есть также и общія враждебныя для нихъ теченія, съ которыми обоимъ въ концѣ концовъ приходится встрѣчаться.

„Народничество“, къ сожалѣнію, не всегда это понимало, и въ своей гордости тѣмъ, что ему казалось его собственнымъ открытіемъ, спѣшило иногда обособиться въ совершенно отдѣльную независимую группу, отграничивая себя отъ остального общественно-литературнаго движенія. Это обособленіе доходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ до геркулесовыхъ столповъ, когда иные черезъ мѣру усердные послѣдователи этого направленія объявили о мнимомъ противорѣчій и враждѣ „интеллигенціи“ и народа, „либерализма“ и народничества. То и другое заключеніе было совершенно фальшиво, и присутствіе ихъ въ народнической теоріи только содѣйствовало тому, чтобы подорвать ея значеніе въ глазахъ людей здравомыслящихъ. (Объ этомъ въ свое время было достаточно говорено, напр., по поводу книгъ г. Юзова). Значительную долю въ происхожденіи этого заблужденія между прочимъ играло роль простое незнакомство съ прежними судьбами нашей литературы, а также неумѣлое опредѣленіе сущности „народничества“ его теоретиками,—если только оно дѣйствительно существуетъ какъ нѣчто новое и органическое.

Не разъ было замѣчаемо, что народничество, которое не однажды заявляло о себѣ, какъ о новомъ откровеніи, до сихъ поръ не дало себѣ точнаго опредѣленія, ни со стороны своего исключительнаго теоретическаго содержанія, ни со стороны своей исторіи.

Неясность того и другого производить то, что съ трудомъ можно было бы указать съ полною опредѣленностью даже группу писателей, которые должны бы быть причислены къ этому направленію и категорически представляли бы его особенное содержаніе. Мы находимъ обыкновенно только эпизодическія проявленія этого направленія, то въ беллетристической поэзіи, то въ публицистикѣ, и затруднились бы вывести изъ нихъ цѣльное міровоззрѣніе. Несмотря на упомянутую предполагаемую вражду народничества съ другими направленіями литературы, произведенія „народническихъ“ писателей могли появляться въ изданіяхъ мнимовраждебныхъ народническому міровоззрѣнію; или, если здѣсь оказывалась иногда несовмѣстимость, то только потому, что „народническое“ произведеніе (особенно публицистика) поражало иной разъ своими односторонностями. Салтыкова едва-ли можно было причислить къ народническому „согласію“; но это не мѣшало появляться въ его журналѣ произведеніямъ этого отгѣнка; въ другихъ изданіяхъ, гдѣ этотъ отгѣнокъ долженъ былъ преобладать, точно также появлялись статьи того общаго „либеральнаго“ направленія, которое будто бы такъ противоположно народничеству. Это виѣшнее положеніе вещей можетъ дать понятіе о томъ, что народничеству, какъ выше замѣчено, и не слѣдовало бы выдѣляться усиленно въ какую-либо особенную группу.

I.

Довольно трудно сказать, — мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ этого припомнить, — гдѣ впервые явилось слово „народникъ“. Смыслъ его очевиденъ: это — человѣкъ, писатель или общественный дѣятель, съ особенной любовью преданный изученію народной жизни или практическому служенію ея интересамъ. Если другого смысла и не можетъ имѣть это обозначеніе, то понятно, что „народничество“, въ его истинномъ, а не одностороннемъ и исключительномъ смыслѣ, начинается вовсе не съ нынѣшними „народниками“, такъ себя спеціально именующими, а гораздо раньше и даже такъ давно, что, собственно говоря, довольно трудно указать это начало. Въ нашемъ историческомъ періодѣ однимъ изъ первыхъ народниковъ (писателей съ сознательнымъ народнымъ интересомъ) надо было бы назвать Посошкова, а затѣмъ длинный рядъ другихъ дѣятелей нашей литературы и просвѣщенія, у которыхъ въ высшей степени несправедливо было бы забыть и отнять историческую заслугу заботы о народномъ благѣ, именно о благѣ той народной крестьянской массы, за которой одной хотать оста-

вить названіе „народа“. Говоря о временахъ болѣе намъ близкихъ, очевидно опять, что въ имени народниковъ несправедливо было бы отказать тѣмъ дѣятелямъ нашей литературы и науки, которые, во второй четверти столѣтія, ставили дѣломъ своей жизни изученіе народнаго быта, предпринимали обширныя этнографическія изысканія, въ первый разъ вводя въ литературу произведенія народной поэзіи, собирая народныя преданія и обычаи, изучая языкъ, истолковывая народную старину и т. д., или въ первый разъ давали литературѣ картины современной народной жизни, внушая глубокія сочувствія къ нравственнымъ и бытовымъ особенностямъ народнаго характера; не говоримъ, наконецъ, о дѣятеляхъ той школы, которая въ тѣ же годы ставила народъ во главѣ цѣлой національной теоріи, требуя переустройства всей нашей государственной и общественной жизни на подлинныхъ народныхъ началахъ нашей старины. Таковы были въ особенности дѣятели сороковыхъ годовъ. Намъ говорятъ теперь, будто бы до появленія новѣйшихъ народниковъ интересы народа не были представлены въ нашей литературѣ правильнымъ и достойнымъ образомъ, такъ что имъ какъ будто принадлежитъ заслуга первой правильной постановки народныхъ изученій, тогда какъ прежде въ нашей литературѣ безраздѣльно господствовали „западныя теоріи“. При этомъ подразумеваются въ особенности изученія экономическія. Людямъ прежняго времени ставили въ упрекъ, что они не изучали, какъ дѣлается теперь, тѣхъ отличительныхъ особенностей народнаго экономическаго быта, которыя должны потребовать совсѣмъ особаго теоретическаго объясненія, и напротивъ слѣдовали ученіямъ западныхъ экономическихъ школъ, давая тѣмъ начало позднѣйшимъ экономическимъ заблужденіямъ. Но тѣмъ, кто высказываетъ эти упреки, измѣняетъ историческая память. Достаточно вспомнить положеніе русской литературы и общественной жизни во второй четверти столѣтія, чтобы увидѣть несправедливость подобныхъ упрековъ: для русской литературы были тогда совершенно закрыты тѣ вопросы, какіе становятся господствующими позднѣе; она могла касаться народнаго интереса только въ очень тѣсно опредѣленныхъ рамкахъ—въ рамкахъ этнографіи и беллетристики, причемъ, однако, и здѣсь для нея оставались закрыты цѣлые разряды явленій народной жизни, какъ напр. было совершенно невозможно касаться самой существенной больной стороны народнаго быта — ерѣвостнаго права. Литература дѣлала чтò могла, и понятно, что при упомянутомъ ограниченіи ея содержанія не могло быть рѣчи о какой-либо постановкѣ тѣхъ вопросовъ, надъ которыми трудятся современные изслѣдователи;

но, конечно, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы людямъ сороковыхъ годовъ не была понятна ихъ важность. Тотъ фактъ, что уже вскорѣ, когда были предприняты работы по крестьянской реформѣ, въ средѣ людей, воспитавшихся въ сороковыхъ годахъ, нашлись дѣятели, глубоко преданные народному интересу и умѣвшіе широко понимать его, — этотъ фактъ показываетъ справедливость сдѣланнаго замѣчанія. Въ періодъ крестьянской реформы люди подобнаго направленія воспитывались и среди молодого поколѣнія, такъ что народные интересы заняли не только литературу, но вызывали и дѣятельность практическую. Въ смыслѣ принциповъ здѣсь не было открыто ничего новаго: развивались только съ извѣстной послѣдовательностью тѣ же взгляды, которыхъ корень лежалъ въ идеяхъ сороковыхъ годовъ; но понятно, что когда народный вопросъ въ крестьянской реформѣ сталъ вопросомъ официальнымъ, то явилась возможность высказаться многому, что прежде не могло находить мѣста въ литературѣ по простой физической невозможности. Въ литературѣ, какъ въ средѣ самихъ официальныхъ дѣятелей реформы, народный интересъ встрѣчалъ дѣятельныхъ защитниковъ прежде всего на почвѣ юридической и экономической: таковы были уже въ то время, въ послѣднихъ 50-хъ и первыхъ 60-хъ годахъ, вопросы о большемъ размѣрѣ крестьянскаго надѣла и объ общинѣ. Въ тѣсной связи съ этимъ поднятъ былъ другой первостепенный вопросъ, широкая постановка котораго уже въ то время считалась необходимой помощью для освобождаемаго народа, — она должна была на будущее время дать народу возможность, какъ понять правильно свое новое гражданское положеніе, такъ и вѣрнѣе осмотрѣться въ новыхъ условіяхъ хозяйства. Это былъ вопросъ о народномъ образованіи, которое, собственно говоря, надо было основывать впервые. Извѣстно, съ какою ревностью тогдашнее молодое поколѣніе готово было практически служить этому первостепенному народному интересу: воскресныя школы, уничтоженныя, впрочемъ, на первыхъ шагахъ ихъ существованія, конечно, могли бы быть освобождены отъ тѣхъ излишествъ, какія въ нихъ были замѣчены, и могли бы затѣмъ безобидно существовать на народную пользу и послужить первымъ шагомъ того „сближенія съ народомъ“, которое съ тѣхъ поръ было и остается донинѣ *prim desiderium* ревнителей народнаго интереса. Въ томъ настроеніи, какое отличало конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ, было, безъ сомнѣнія, не мало увлеченій поверхностныхъ, но были несомнѣнно и серьезные отголоски великаго совершавшагося событія. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, становятся уже довольно ясны пружины многихъ

тогдашнихъ событій и, между прочимъ, ясны причины, не допустившія развиваться этимъ общественнымъ отголоскамъ крестьянской реформы въ здоровыя отношенія „интеллигенціи“ къ народу. Въ послѣдующее время не однажды высказывались желанія, чтобы образованные классы пришли на помощь народу въ новыхъ условіяхъ его существованія: припомнимъ, напр., желанія подобнаго рода, высказанныя въ одномъ изъ послѣднихъ трудовъ Кавелина. Во всякомъ случаѣ новѣйшіе теоретики народничества не должны бы забывать того труда, который былъ нѣкогда положенъ въ этомъ направленіи; для безпристрастнаго историка нашей общественности очевидно, что въ тѣ годы было потрачено не мало самаго искренняго чувства, труда и самоотверженія на установленіе того отношенія къ народу, которое новѣйшіе народники хотятъ считать своимъ открытіемъ, — была разница лишь въ томъ, что прежніе энтузіасты народнаго дѣла не приходили къ изумительному заключенію о враждебности интеллигенціи, т.-е. образованія — и народа, къ чему пришли нѣкоторые изъ народниковъ новѣйшей формаціи.

Такимъ образомъ, обращаясь къ недавнему прошлому, слишкомъ легко забываемому новыми поколѣніями, не трудно видѣть, что по существу современное народничество имѣетъ въ прежнемъ движеніи нашего общества весьма крупныя antecedentes, которымъ исторія дастъ нѣкогда гораздо болѣе высокую оцѣнку, чѣмъ полагаютъ, повидимому, новѣйшіе народники. Это обстоятельство должно, конечно, имѣть свою важность для оцѣнки послѣдняго. То лучшее, что мы можемъ найти въ новѣйшемъ народничествѣ, представляется только развитіемъ прежняго содержанія; другое — быть можетъ не всегда является полезнымъ приобрѣтеніемъ.

Въ настоящее время подъ именемъ „народничества“ разумѣются въ обычномъ употребленіи вещи чрезвычайно разнородныя, начиная отъ серьезныхъ трудовъ по изученію народной жизни, — особливо экономической, которыхъ монументальнымъ произведеніемъ представляются, напричѣтъ, работы земскихъ статистиковъ за послѣднія двадцать-пять лѣтъ, — до произвольныхъ теорій, плода фантазіи не въ мѣру ревностныхъ партизановъ направленія, — между которыми есть, конечно, весьма существенная разница. Въ разрядъ практическаго народничества зачисляются тѣ разнообразныя попытки сближенія съ народомъ, которыхъ мы были свидѣтелями за послѣдніе десяти лѣтъ, какъ хожденіе въ народъ, опыты „опрощенія“, интеллигентныя колоніи, различныя послѣдованія гр. Л. Н. Толстому и т. п., и которыхъ источникомъ было отсутствіе прямой возможности сблизиться съ народомъ и

служить его интересу средствами образованія. Въ числѣ проявленій этого практическаго народничества бывали примѣры полезной дѣятельности, достойные всякаго уваженія, — таковы были, напр., многія бытовые и этнографическія изслѣдованія, трудъ въ народной школѣ или сельской медицинѣ, въ земскихъ дѣлахъ, добровольная служба образованныхъ людей въ волостныхъ писаряхъ и т. п.; но бывало и не мало странностей, иногда даже уродливыхъ и непривлекательныхъ. Факты этого рода, къ сожалѣнію, не были до сихъ поръ собраны, и не легко представить себѣ цѣльную картину этого движенія, — но весьма разнообразныхъ примѣровъ его было очень много. Внутреннія побужденія, дѣйствовавшія въ подобныхъ случаяхъ, бывали весьма несходныя: бывали энтузіасты, которымъ казалось, что только въ слияніи съ народомъ можетъ найти удовлетвореніе дѣятельность, стремящаяся къ общественному благу; бывали скромные дѣятели, которые, не задаваясь широкими планами, успѣвали приносить пользу въ небольшомъ кругу; бывали, наконецъ, люди, игравшіе роль, желавшіе казаться оригинальными и повиновавшіеся только своему капризу. Если трудно составить себѣ понятіе о цѣломъ размахѣ этого движенія, то не легко также оцѣнить и его результаты; но, какъ бы ни были исполнены наилучшими побужденіями дѣятели этого рода, остается сомнѣніе въ томъ, чтобы ихъ труды оставили замѣтный слѣдъ въ народной средѣ: они — все-таки капля въ морѣ. Въ виду упомянутаго несходнаго состава практическихъ народниковъ и въ виду страннаго характера дѣятельности нѣкоторыхъ группъ (какъ, напр., въ иныхъ интеллигентныхъ колоніяхъ, или между разными „Толстовскими“ ученіями), не мудрено, что „народничество“, несмотря на специальное притязаніе его послѣдователей быть выразителями народнаго дѣла, до сихъ поръ не только не нашло признанія за нимъ этого качества, но нерѣдко встрѣчается даже съ прямымъ предубѣжденіемъ.

Но явленіе во всякомъ случаѣ любопытно, и мы не безъ интереса встрѣтили рядъ статей г. В. В. ¹⁾, автора извѣстнаго труда о судьбахъ капитализма и замѣчательныхъ изслѣдованій объ экономическомъ положеніи русскаго народа. Г-нъ В. В. считаетъ направленіе, обозначаемое именемъ „народничества“, чрезвычайно важнымъ явленіемъ нашей общественной жизни, считаетъ его даже единственнымъ здравымъ направленіемъ, которое правильно понимаетъ нравственныя и экономическія особенности русскаго народа, и въ своемъ будущемъ развитіи, если руководящее общество

) Мы не имѣемъ указанія, законченъ онъ или еще нѣтъ.

сумѣеть оцѣнить его взгляды, можетъ впервые установить единственно вѣрную внутреннюю политику, обеспечивающую истинное народное благо. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ горячимъ партизаномъ этого направленія, и тѣмъ болѣе его мнѣнія заслуживаютъ вниманія. Авторъ недоволенъ тѣми отзывами, какіе дѣлались въ печати о народничествѣ и между прочимъ припоминаетъ статью нашего журнала, въ которой, по его мнѣнію, не оцѣнена его настоящая сущность. Не говоря о томъ, что упомянутая статья указывала только нѣкоторыя черты этого направленія, между прочимъ заявлявшія себя въ литературѣ, — народничество, какъ мы видѣли, и до сихъ поръ остается весьма неяснымъ обозначеніемъ самыхъ разнородныхъ теченій, объединяемыхъ только именемъ народа, и которыя, съ одной стороны, согласны съ лучшими прогрессивными стремленіями русскаго общества и заслуживаютъ здѣсь полнаго сочувствія, а съ другой стороны — доходятъ до празднаго фантазерства и обскурантизма, а потому ни малѣйшаго сочувствія не заслуживаютъ. Авторъ какъ будто хотѣлъ представить обзоръ „попытокъ обоснованія народничества“, т.-е. народническихъ теорій, и пока указалъ только двѣ такія теоріи, которыхъ и самъ однако весьма не одобрилъ, называя ихъ народничество „ветхимъ и доморощеннымъ“: въ числѣ этихъ ветхихъ теорій выставлено у него и ученіе г. Юзова, о которомъ не весьма сочувственно говорилось и у насъ. Не знаемъ, будетъ ли продолженъ этотъ обзоръ, но почти не сомнѣваемся, что еслибы авторъ пересмотрѣлъ и другія теоріи, игравшія съ именемъ народа и въ обычномъ употребленіи также причисляемыя къ народничеству, онъ нашелъ бы еще многое, чтó долженъ былъ бы назвать „ветхимъ и доморощеннымъ“.

Обратимся къ подробностямъ изложенія г. В. В., гдѣ намъ прежде всего придется встрѣтить ту недостаточность историческихъ опредѣленій, о которыхъ мы выше говорили. Центръ тяжести въ вопросѣ о происхожденіи народничества авторъ относитъ къ *семи-десятымъ* годамъ. „Будущій историкъ, — говоритъ онъ, — отмѣтитъ эти года, какъ періодъ, когда въ нашей интеллигенціи очень ярко выразилось стремленіе сдѣлать центральнымъ пунктомъ своего общественнаго міросозерцанія и дѣятельности трудящуюся массу, чтó ведетъ къ необходимости раньше или позже пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія ходячія соціологическія „истины“. Мало того, что въ эти годы возникло (или возродилось?) направленіе, охватившее часть такъ называемой интеллигенціи: тогда все общество прониклось особеннымъ интересомъ къ крестьянству“¹⁾. Мы по-

¹⁾ „Русское Богатство“, № 2, стр. 40.

лагали, что будущій историкъ отиѣтитъ не эти 70-ые года, а конецъ 50-хъ и начало 60-хъ. Авторъ соглашается далѣе, что смѣшеніе разнородныхъ элементовъ дѣлало затруднительнымъ точное опредѣленіе народничества; онъ замѣчаетъ, что для этого нужно было выдѣлать главное теченіе отъ второстепенныхъ, — но это было не такъ легко въ разгарѣ движенія, когда притомъ явленія, по мнѣнію г. В. В. второстепенныя, кричали всего громче, а „главное“ теченіе нимало не думало ихъ воздержать. Только теперь, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, мы находимъ у автора разборъ книжки г. Юзова, которая заявила себя цѣлымъ кодексомъ народническихъ идей. Отзывъ г. В. В. объ этомъ кодексѣ не весьма благопріятный.

Самъ г. В. В. излагаетъ происхожденіе и основной смыслъ народничества въ слѣдующихъ словахъ:

„Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества, присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя. Въ такихъ обществахъ, въ извѣстномъ періодѣ ихъ развитія, главной цѣлью дѣятельности выставляется не удовлетвореніе потребностей массы, какъ совокупности живыхъ чувствующихъ и мыслящихъ индивидовъ, а — благо страны, интересы государства ¹⁾ и т. п.; средства удовлетворенія поставленной цѣли ищутся не въ опытѣ народа и выработанныхъ имъ формахъ жизни, а въ сознаніи и опытѣ верхнихъ слоевъ общества, въ примѣрѣ другихъ государствъ и т. д.; избранныя мѣропріятія проводятся въ жизнь не путемъ народной самодѣятельности, а при помощи особаго персонала, набраннаго изъ среды того же культурнаго общества... Съ распространеніемъ образованія и выдѣленіемъ изъ среды культурнаго общества слоя лицъ, живущихъ по преимуществу интеллектуальными интересами и воспитывающихся подъ преобладающимъ вліяніемъ болѣе развитой мысли тѣхъ же сосѣднихъ народовъ, — въ обществѣ появляется критика направленія, господствующаго какъ въ государственной практикѣ, такъ и въ области науки и литературы. Раздаются голоса, что народная масса не есть сырой матеріалъ, годный лишь для того, чтобы придать большую или меньшую устойчивость зданію государства; что у нея есть свои потребности и желанія, которыя должны преслѣдоваться на ряду, а можетъ быть и впереди дру-

¹⁾ Но развѣ благо страны и интересы государства, въ здоровомъ пониманіи, составляютъ что-либо различное съ благомъ и интересами народа?

гихъ. Общественная наука обвиняется въ односторонности содержания, въ которомъ все занято внѣшними формами и явленіями, и гдѣ не видно народа, хотя онъ-то и составляетъ основную причину изучаемыхъ феноменовъ. Изыщная литература подвергается такому же осужденію за узость поля художественнаго воспроизведенія, не выходящаго за предѣлы высшаго общества, и т. д. Такъ какъ это критическое направленіе появляется въ интеллигентной части *культурнаго* общества, т.-е. въ слоѣ, который лично не испытываетъ большихъ неудобствъ отъ существующихъ въ дѣйствительности неустройствъ, а имѣетъ скорѣе многія отъ того выгоды, но который зато, по своей интеллектуальности, особенно чувствителенъ къ логическимъ несообразностямъ, то и неудивительно, если его критика и послѣдующее творчество по данному вопросу выразилось и развилось по преимуществу въ сферѣ научныхъ и теоретическихъ, а не практическихъ идей... Поэтому развитіе новаго міросозерцанія выразилось, главнымъ образомъ, построеніемъ философско-историческихъ системъ, въ которыхъ одна и та же основная идея развивалась съ различныхъ сторонъ. Одни изъ этихъ построеній противопоставляли господствовавшей системѣ бюрократизма, пользующагося для своихъ цѣлей готовыми формами другихъ странъ, идею народности, какъ принципа, дѣлающаго излишними заимствованія извнѣ и различныя кабинетно-бюрократическія измышленія и способнаго дать самостоятельное содержаніе идеѣ общественности. Другіе брали народъ не какъ принципъ, не какъ идею, а какъ собраніе живыхъ, чувствующихъ личностей, считали удовлетвореніе потребностей массы главной цѣлью общенія и государственной дѣятельности, и мѣру пригодности какого-либо средства, отвѣчающаго поставленной цѣли, искали не въ его національности или самобытности, а въ соответствии потребностямъ массы, будь это соответствіе достигнуто подражаніемъ чужому образцу или развитіемъ мѣстной національной формы.

„Оба теченія общественной мысли привели интеллигенцію къ сознанию необходимости внимательнѣе присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни съ цѣлью лучшаго изученія народнаго духа — говорили одни, его нуждъ и потребностей — формулировали другіе. Изученіе обнаружило въ народной средѣ наличность такихъ формъ быта и такихъ воззрѣній, которыя лучше другихъ, доселѣ осуществлявшихся въ жизни, соответствовали требованіямъ, какія можно предъявить обществу съ точки зрѣнія идеальныхъ представлений о правдѣ и справедливости. Это повело къ сближенію двухъ главныхъ направленій общественной мысли, о которыхъ

мы только что говорили, и къ дальнѣйшему выясненію идеи народничества. Прежде, въ глазахъ западниковъ, народъ былъ только верховной цѣлью общежитія (?); средства же, отвѣчающія потребностямъ массы, они готовы были искать всюду и надѣялись всего болѣе на западъ (?), какъ достигшій высшей ступени развитія и тѣмъ приготовившій пути, по которымъ можетъ слѣдовать и Россія. Теперь же, послѣ того какъ Западъ оказалъ намъ величайшую практическую услугу, какую можно отъ него ожидать, раскрывъ интеллигенціи глаза на рабство и тѣмъ поспособствовавъ его уничтоженію; послѣ того, какъ дальнѣйшее развитіе европейской цивилизаціи обнаружило слабыя стороны ея новѣйшей конструкціи, а наблюденіе русской народной жизни показало существованіе въ ней зачатковъ болѣе высокаго строя — западническое направленіе общественной мысли и въ другой части своихъ построеній, относящейся къ формамъ удовлетворенія потребностей народа, стало ближе примыкать къ народу же, больше и больше останавливаться на мысли, что масса населенія не только выскажетъ свои потребности, но покажетъ и средства, какими всего лучше доставить имъ удовлетвореніе. Еще шагъ, и новое направленіе мысли коснулось третьяго момента сознательныхъ измѣненій въ общественной жизни — механизма, которымъ производятся послѣдствія.

„Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества; въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участію въ общественной жизни на ряду съ такъ называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, сама власть нашла нужнымъ раздѣлить завѣдываніе извѣстной частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность большаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣнія на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Абстрактная мысль оперлась на этотъ фактъ, — находящійся въ согласіи съ нѣкоторыми теоретическими положеніями, въ которымъ пришла интеллигенція, изучая исторію своей страны и европейскихъ государствъ, — развила основную его идею дальше и поставила задачей момента доставленіе народу большаго умственнаго развитія, безъ котораго невозможно широкое и плодотворное его участіе въ общественной жизни страны“.

Все это, однако, не совсѣмъ опредѣленно. Выше мы указывали, что по хронологіи автора народничество возникаетъ въ 70-хъ годахъ; между тѣмъ тѣ черты содержанія, которыя ему приписы-

ваются, восходятъ гораздо дальше, а съ другой стороны, по собственнымъ словамъ автора, такъ называемое имъ „западническое“ направленіе, которое будто бы всего болѣе „надѣялось“ на Западъ и тамъ искало путей, по которымъ можетъ слѣдовать Россія, это же направленіе приходитъ и къ мысли, что масса населенія не только выскажетъ свои потребности, но покажетъ и средства ихъ удовлетворенія. Другими словами, — „западническое“ направленіе приходило уже къ идеямъ народничества. Наконецъ, мысль о доставленіи народу большаго умственнаго развитія возникаетъ гораздо раньше самаго народничества.

Общую программу этого направленія г. В. В. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Итакъ, — говоритъ онъ, — народные интересы, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективной мыслью, или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи — таковы три положенія, характеризующія новѣйшее народничество, какимъ оно выросло въ по-реформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *ria desideria* требуетъ умственнаго подъема массы, который поэтому и поставленъ какъ главная задача переживаемаго момента“¹⁾.

„Изъ сказаннаго видно, — продолжаетъ авторъ, — что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно временное и имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является главнѣйшимъ факторомъ общественной эволюціи, а его интеллигенція — авангардомъ прогрессивнаго движенія; что оно потеряетъ свой *raison d'être* послѣ того, какъ культурные классы раздѣлятъ свою миссію съ остальной частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется вѣроятно на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которые будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. До тѣхъ же поръ народничество составляетъ самостоятельное направленіе нашей общественной мысли и, какъ таковое, требуетъ формулированія и обоснованія“.

Что это направленіе требуетъ обоснованія, это бесспорно, потому уже, что если существуетъ въ общественной жизни извѣстное специальное движеніе, и особенно такое, которое полагаетъ себя обладающимъ истиной, оно должно быть выяснено: тѣмъ больше будетъ шансовъ для его успѣха, а съ другой сто-

¹⁾ Тамъ же стр. 44.

роны—гѣмъ виднѣе будутъ недостатки, если таковые окажутся. Понятно, что при этомъ обоснованіи потребуется большая точность. Определеніе должно выставить именно отличительныя черты новаго явленія или новаго ученія, строго выдѣляя его изъ круга сходныхъ и родственныхъ явленій и не присвоивая ему того, что ему не принадлежитъ. Между тѣмъ, приведенныя сейчасъ положенія г. В. В. уже вызвали нѣкоторыя недоумѣнія, которыя кажутся намъ справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, „народные интересы“, какъ цѣль общественной эволюціи; развитіе формъ народнаго быта до болѣе широкаго значенія; самостоятельность населенія—все это давнымъ давно было предметомъ размышленій, изученій и идеалистическихъ построеній въ кругу людей, которыхъ не называютъ народниками, и которые, какъ выходитъ по определенію г. В. В., должны были быть названы народниками задолго до народничества. Чтò иное представляла, напр., литература сороковыхъ годовъ, которой невысказаннымъ прямо, но всѣми понимаемымъ стремленіемъ были именно эти народные интересы и прежде всего освобожденіе крестьянъ. Защита идеально построенныхъ формъ народнаго быта была самымъ пламеннымъ желаніемъ славянофильской школы, а рядомъ съ этимъ въ лагерѣ, который принято называть западничествомъ (такъ какъ по другимъ пунктамъ онъ упорно враждовалъ съ славянофилами) находила самыхъ ревностныхъ поклонниковъ русская община, и Герценъ еще въ пятидесятыхъ годахъ пророчилъ обновленіе европейской жизни русскимъ общиннымъ началомъ¹⁾. Въ томъ же западническомъ лагерѣ, опять задолго до народничества, можно было бы припомнить и другихъ, не столь самонадѣянныхъ, но не менѣе ревностныхъ защитниковъ общины, — назовемъ, на примѣръ, одного Кавелина. „Самодѣятельность населенія“ есть также столь давняя тема нашей литературы, даже въ лагеряхъ по другимъ вопросамъ совершенно враждебныхъ, что считать этотъ принципъ какимъ-нибудь новымъ открытіемъ народничества по меньшей мѣрѣ странно. Что же останется изъ определенія, выставяемаго г. В. В.? Очевидно, что въ определеніе народничества введены столь общія положенія, что считать ихъ его спеціальной принадлежностью нѣтъ возможности. Очевидно далѣе, что въ *этихъ* своихъ основахъ оно стоитъ на одной почвѣ съ такъ называемой прогрессивной или либеральной литературой, съ той самой, прежней и современной „интеллигенціей“, которую инныя фракціи народничества предають проклятіямъ. И слѣдовательно для точной

¹⁾ Письмо къ Мишлѣ.

характеристики народничества (какъ понимаетъ его г. В. В.) должны быть приведены другія, болѣе точныя черты и подробности. Какъ увидимъ далѣе, авторъ дѣйствительно приводитъ обстоятельства, которыя выдѣляли бы народничество, какъ новую ступень въ сравненіи съ прежними прогрессивными ученіями. Это, во-первыхъ, стремленіе указать этическое значеніе бытовыхъ формъ русскаго народа и стремленіе найти и когда-нибудь осуществить на практикѣ особенные законы экономической жизни русскаго народа, въ громадномъ большинствѣ земледѣльческаго, — той жизни, которую у насъ до сихъ поръ объясняли будто бы только по западнымъ экономическимъ ученіямъ, построеннымъ на совершенно иномъ промышленномъ порядкѣ вещей. Но что касается этическаго вопроса, извѣстно, что именно на этомъ давно вставала славянофильская школа, утверждавшая, что русскій народъ носить въ себѣ высшія нравственныя начала, неизвѣстныя европейскому Западу, даже что онъ есть единственный истинный христіанскій народъ. Рискованно также сказать, будто бы до народниковъ у нашихъ экономистовъ и публицистовъ не было представленія объ особыхъ условіяхъ экономической жизни русскаго земледѣльческаго народа. Въ обоихъ случаяхъ вѣрнѣе было бы просто сказать, что экономисты, называющіе себя народниками, только далѣе ведутъ дѣло изслѣдованія, начатое ихъ предшественниками. Мы упоминали уже, что между прочимъ разница новѣйшихъ изысканій о народной жизни сравнительно съ прежними заключается въ чисто внѣшнемъ условіи: до освобожденія крестьянъ многія изъ этихъ изслѣдованій были фактически невозможны, и дѣятельность земскихъ учреждений, предпринявшихъ труды по земской статистикѣ, въ первый разъ открыла массу фактовъ, которые и стали предметомъ экономическихъ соображеній. Такимъ образомъ, разница новыхъ изслѣдованій отъ прежнихъ состоитъ главнымъ образомъ въ степени, а не въ существѣ.

Обращаясь къ обзорѣнню теорій народничества, авторъ признаетъ, что по своей новости оно можетъ представлять свои увлеченія и ошибки. Онъ говоритъ: „Крайности и односторонности идеи народничества могутъ выразиться въ развитіи cadaго изъ положеній, на какія логически разлагается разсматриваемое направление нашей общественной мысли. Удовлетвореніе потребностей народа можно выставить какъ единственную цѣль государственной дѣятельности, забывая о существованіи другихъ элементовъ, имѣющихъ право на участіе со стороны государства; протестуя

противъ той безцеремонности, съ какою культурные классы думаютъ кроить и перекраивать народную жизнь, и указывая на созданныя массою формы быта, на мысль и чувства народа, какъ на источникъ, гдѣ нужно почерпать указанія на потребности общества, ждущія удовлетворенія, и на средства, пригодныя для этой цѣли,—можно совсѣмъ устранить съ поля прогресса интеллигенцію, позабыть объ ея значеніи въ переживаемый обществомъ моментъ эволюціи и т. д. Или же можно увлечься однимъ изъ теоретическихъ положеній народничества, недостаточно оцѣнивъ важность остальныхъ. Направленіе въ такомъ облаченіи будетъ представлено неправильно или неполно¹⁾.

Подобные недостатки авторъ находитъ именно въ книгѣ г. Юзова. Не входя въ изложеніе замѣчаній г. В. В., припомнимъ только, что самъ онъ назвалъ подобное народничество „ветхимъ и доморощеннымъ“, и послѣ того, что уже было говорено въ литературѣ объ этомъ произведеніи, и послѣ замѣчаній самого г. В. В. нѣсколько странно читать слѣдующее заключеніе: „По свойственной человѣку способности увлеченія, г. Юзовъ вдался въ крайность и односторонность, позабылъ о заслугахъ интеллигенціи и о существованіи другихъ вопросовъ того же міросозерцанія, ждущихъ разрѣшенія. Оттого-то его теорія требуетъ поправокъ и пополненій, и по ней врядъ-ли можно судить о разсматриваемомъ направленіи вообще“²⁾. Эта книга изобилуетъ однако въ самомъ своемъ существѣ такой путаницей общественныхъ понятій, не только бесполезной, но и вредной, что способна была бы сбивать съ толку недостаточно опытнаго читателя, который бы въ нее увѣровалъ: какія же могутъ быть поправки или дополненія къ путаницѣ?

Авторъ не удовлетворенъ и книгой г. Виктора Пругавина: „Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей“. Г-нъ Пругавинъ не намѣревался дать цѣлаго изложенія народническаго міровоззрѣнія и хотѣлъ только выяснитъ значеніе „общиннаго института“ нашего народа. И здѣсь однако, какъ и въ представленіяхъ нашего автора, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній.

„По мнѣнію г. Пругавина,—говоритъ г. В. В.,—между міросозерцаніемъ русскаго народа—не только общественно-экономическимъ или этическимъ, но и политическимъ и религіознымъ—его инстинктами и чувствами и живыми формами его быта суще-

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ Стр. 55.

ствуется полное единение и гармония. Моментом, дающим содержание чувствам и воззрениям народа, является бытовой, общественно-экономический строй его жизни; не общая экономическая и политическая организация страны, а именно формы, которыми определяются непосредственные отношения другъ къ другу членовъ одного союза, міра, и которыя выработаны самимъ народомъ. Такъ какъ эти формы выросли изъ естественныхъ потребностей массы, созданы для удовлетворения нуждъ большинства, — по возможности всѣхъ, — коллективнымъ же творчествомъ народа, то не удивительно, если онѣ отличаются справедливостью и если названный отпечатокъ лежитъ на чувствахъ и міросозерцаніи народа. „Не низшую расу представляетъ изъ себя русскій народъ, — говоритъ г. Пругавинъ, — не варварскую цивилизацію несетъ онъ съ собою; онъ выдвигаетъ на арену исторіи новую мировую идею, идею братства, всецѣло вытекающую изъ строя его жизни, освещенную его религіей, его идеалами, всѣмъ складомъ его моральныхъ и общественныхъ воззрѣній. И если русское государство свои внутренніе и международные вопросы разрѣшить въ духѣ непосредственныхъ интересовъ своего народа, то оно окажетъ этимъ великую, неопѣненную услугу дѣлу человѣческой культуры“.

Съ этими идеальными пожеланіями согласенъ и г. В. В. „Мы видимъ, — говоритъ онъ, — что, дѣйствительно, русскій народъ осуществляетъ въ своемъ быту идею общинности, коллективизма, и надѣмся, что онъ донесетъ ее въ міръ не въ зачаточной, сравнительно, формѣ, присущей ей въ настоящее время, а развѣвъ въ дѣльную истину, обнимающую главнѣйшія отношенія народной жизни, и этимъ окажетъ великую услугу дѣлу цивилизаціи“. Но какъ по поводу практическихъ мѣропріятій, предлагаемыхъ г. Пругавинымъ, г. В. В. находилъ, что его надежды не имѣютъ никакой прочной основы и висятъ на воздухѣ, такъ и здѣсь онъ хорошо видитъ трудность выполненія. „Спрашивается, — говоритъ онъ, — при какихъ условіяхъ идея общинности получить должное развитіе въ жизни русскаго народа и гдѣ порука, что общинный строй его не разрушится, а за нимъ не рухнутъ и высокія соціальныя чувства и міросозерцанія народа, выросшія на почвѣ этого строя?“

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ обезпечить сохраненіе того общиннаго строя, въ которомъ видится залогъ будущаго нормальнаго развитія русскаго народа? Въ мысляхъ г. Пругавина есть много существенно сходнаго съ представленіями г. В. В., какъ есть и тѣ же историческія неполноты и неточности. Г. Пругавинъ заявляетъ, что онъ не принадлежитъ къ числу оптими-

ство, онъ находитъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и у насъ можетъ бросить глубокіе корни тотъ капитализмъ, на которомъ построена экономическая жизнь Запада и который разрушилъ бы нашъ общинный строй. Оба автора согласно думаютъ, что въ нашей жизни совершается борьба двухъ противоположныхъ экономическихъ началъ—буржуазнаго и общиннаго; что первый находитъ приверженцевъ въ культурныхъ классахъ, второй принадлежитъ народу. Интеллигенція по принадлежности ея къ культурному классу полагается на сторонѣ капитала. Роли распределены; но, разсчитывая средства защитить общинный строй отъ упадка, г. Пругавинъ находитъ, что для охраны его потребуется помощь той же интеллигенціи, предполагая, что она удостовѣрится въ необходимости сохранения общиннаго порядка и т. д. Нашъ авторъ подмѣчаетъ это послѣднее противорѣчіе, но вопросъ остается неяснымъ, вращаясь въ этихъ слишкомъ общихъ соображеніяхъ о капитализмѣ, общинномъ строѣ, интеллигенціи, этическихъ воззрѣніяхъ и т. п. Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ существуютъ въ нашей экономической жизни два начала: одно—свое народное, общинное, этически богатее; другое—чуждое, западное, капиталистическое, разрушительное для нравственныхъ началъ народа и для его благосостоянія. По поводу общиннаго быта было уже сдѣлано важное замѣчаніе, на которое слѣдовало бы обратить вниманіе теоретикамъ народничества, а именно, что это есть форма историческая, существующая или существовавшая у многихъ другихъ народовъ на извѣстной ступени гражданскаго и экономическаго развитія, и что, слѣдовательно, было бы просто исторически неврѣно считать ее исключительнымъ достояніемъ русскаго народа, его экономической и вмѣстѣ нравственной идеи. Къ сожалѣнію, историческія соображенія отсутствуютъ у нашихъ теоретиковъ—не къ выгодѣ ихъ теорій, потому что историческое изученіе доставило бы имъ болѣе правильную оцѣнку явленій нашей экономической и народно-нравственной жизни. Съ другой стороны, представляется довольно страннымъ соображеніе, что капиталъ можетъ возымѣть у насъ извѣстное фатальное вліяніе—смотря по тому, какъ будетъ относиться къ нему интеллигенція (въ концѣ концовъ сами народники, отвергающіе интеллигенцію, возлагаютъ надежды на то, что она же станетъ на стражѣ народныхъ интересовъ, которые когда-нибудь уразумѣтъ). Мы не отрицаемъ, что извѣстное обще-распространенное представленіе въ средѣ „культурныхъ классовъ“ о потребностяхъ народно-хозяйственнаго быта можетъ повліять на его формы, напр. на поддержаніе общины, на извѣстную постановку сельскаго самоуправ-

ленія и народной школы и т. п., но трудно разсчитать, насколько мимо этих сознательных воздѣйствій „культурныхъ классовъ“ будетъ дѣйствовать экономическая сила вещей, самостоятельная роль капитализма, который не будетъ руководиться самыми наилучшими пожеланіями народниковъ, а будетъ совершать свое дѣло даже наперекоръ имъ и хотя бы къ явному вреду для народнаго благосостоянія. Намъ говорить о строѣ народномъ и строѣ буржуазномъ, общинномъ и капиталистическомъ, изъ которыхъ послѣднему будто бы благоприятствуютъ (огуломъ) культурные классы, извлекающіе изъ него пользу; но буржуазный или капиталистическій строй возникъ у насъ еще тогда, когда не было и самихъ культурныхъ классовъ. Чѣмъ было издавна руссiйское купечество, какъ не представителемъ того же капитализма, и было ли какое-нибудь вліяніе культурныхъ классовъ, когда послѣ крестьянской реформы множество земель, принадлежавшихъ помѣщикамъ не только мелкимъ, но даже и очень крупнымъ, стало переходить въ руки этого купечества? Ни культурные классы не желали этого перехода, съ которымъ обыкновенно соединялось хищническое хозяйство и кулачское отношеніе къ сельскому населенію, ни новые землевладѣльцы не были заражены никакими западными буржуазными экономическими теоріями...

Излагая взгляды г. Пругавина, который считаетъ вполне установленными и законченными два упомянутые строя жизни и проистекающія изъ нихъ міровоззрѣнія, г. В. В. считаетъ съ его стороны непослѣдовательнымъ ожидать, что въ борьбѣ этихъ двухъ экономическихъ и нравственныхъ порядковъ надежда должна быть возложена на интеллигенцію, потому что нѣтъ основанія ожидать, чтобы интеллигенція измѣнила свой характеръ. „Всѣ воззрѣнія и чувства народа, какъ въ сферѣ непосредственныхъ общинныхъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, считаются г. Пругавинымъ законченными по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, точно прилаженными другъ къ другу, образующими одно гармоническое цѣлое, пронизанное вліяніями общинно-бытового строя жизни. Вся эта цѣльность и гармоничность внутренняго содержанія народной психики и ея внѣшнихъ проявленій не помѣшала, однако, развиться тѣмъ явленіямъ нашей общественной жизни, на почвѣ которыхъ зародился и грозитъ серьезной, по мнѣнію автора, опасностью общинѣ новый строй экономической организаціи. Если эти явленія зародились вопреки гармоничному народному міросозерцанію и развиваются, несмотря на крѣпость послѣдняго, то спрашивается, почему бы имъ не идти тѣмъ же путемъ дальше, такъ какъ сознаніе крестьянской

массы, выросшее на почвѣ общиннаго быта, очевидно, не въ состояніи оказать имъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Не видно этого сопротивленія и въ будущемъ, ибо еслибы и возможно было измѣнить міросозерцаніе массы въ направленіи, допускающемъ сознательное вліяніе на внѣшнія отношенія ея бытового строя, то этого мы достигли бы путемъ утраты гармоніи, отличающей внутреннюю жизнь современнаго крестьянина, разрушили бы соотвѣтствіе міросозерцанія народа его бытовому строю, иначе говоря, произвели бы такую пертурбацію въ народномъ сознаниі, которая, пожалуй, еще больше пошатнула бы защищаемый авторомъ строй, нежели существующія внѣшнія на него воздѣйствія“.

По мнѣнію самого г. В. В., напротивъ, „свѣтлое будущее нашей національной бытовой экономической организациі можетъ считаться болѣе или менѣе обеспеченнымъ лишь въ томъ случаѣ, если для противодѣйствія неблагоприятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ мы найдемъ основаніе въ самой этой организациі и сознаниі ея представителей, а не будемъ вынуждены всѣ надежды возлагать на внѣшніе, культурные слои“. Разнообразныя возрѣнія народа еще не были изучены съ достаточной полнотой, и „мы можемъ, — говоритъ г. В. В., — и не отчаиваться за будущее національной нашей промышленной организациі, искать опоры для устраненія неблагоприятныхъ для нея внѣшнихъ вліяній не только въ крестьянствѣ, но и въ немъ самомъ, въ томъ предположеніи, что міросозерцаніе народа, каковымъ оно выработалось въ крѣпостную эпоху... не представляетъ во всѣхъ своихъ частяхъ чего-то цѣльнаго, гармоничнаго, вполне отвѣчающаго высокимъ принципамъ, лежащимъ въ основѣ его экономической организациі; что оно подверглось значительному измѣненію въ послѣдующій періодъ нашей исторіи, когда и общественный бытъ страны претерпѣлъ немаловажныя превращенія, и что въ этихъ измѣненіяхъ кроется источникъ воздѣйствія на внѣшнія отношенія народнаго строя, каковой г. Пругавинъ ищетъ только въ совершенно другой средѣ культурнаго общества, отъ котораго, слѣдовательно, будто бы зависить и судьба дорогой намъ организациі“¹⁾. Дѣло въ томъ, что „прошедшія десятилѣтія по-реформенной жизни, равно какъ и ближайшее ея будущее развиваютъ это сознание въ новомъ направленіи, неизвѣстномъ крѣпостной эпохѣ, и въ этомъ развитіи кроется залогъ успѣшнаго противодѣйствія общиннаго строя неблагоприятнымъ его развитію вліяніямъ извнѣ“... „Если сравнить

¹⁾ Стр. 63.

общественное значеніе крестьянской массы въ настоящее время, когда она призвана къ участию въ судѣ и самоуправленіи, съ тѣмъ безправіемъ, въ какомъ она находилась тридцать лѣтъ назадъ, то мы должны будемъ согласиться съ положеніемъ, что сознаніе современнаго свободнаго крестьянина и крѣпостнаго представляютъ далеко не однородныя величины, социальное положеніе обоихъ тоже различно, а потому не можетъ быть одинаковою и степень вліянія, оказываемаго ими на культурное общество, обнаруживаемаго уже въ настоящее время и тѣмъ болѣе подлежащаго проявленію въ ближайшемъ будущемъ. Вспомнимъ хотя бы тотъ фактъ, что земскія учрежденія представляютъ готовую законную форму заявленія со стороны народа о своихъ нуждахъ и что треть, половина, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и больше голосовъ земскаго собранія принадлежитъ представителямъ крестьянскихъ обществъ" (стр. 61—62).

При такомъ положеніи „внизу“ авторъ допускаетъ значеніе тѣхъ стремленій, какія часть интеллигенціи обнаруживаетъ въ защитѣ бытовой организациіи крестьянства. Какъ дальше увидимъ, г. В. В., опровергнувъ г. Пругавина, самъ будетъ говорить то же самое, и у него самого на интеллигенцію налагаются для народныхъ цѣлей весьма серьезныя обязанности.

Мы указывали уже большое неудобство тѣхъ черезъ-чуръ общихъ пріемовъ, какими г. В. В. (какъ и нѣкоторые другіе народники) излагаетъ свои соображенія: слишкомъ отвлеченная и неопредѣленная терминологія заставляетъ ускользать реальные факты, и мы опасаемся, что вслѣдствіе этого въ глазахъ обыкновеннаго читателя самая аргументація покажется неясной и недоказательной. Таковы нерѣдко разсужденія о „культурныхъ классахъ“ и „интеллигенціи“: это послѣднее слово мы даже посоветовали бы совсѣмъ выкинуть изъ терминологіи, употребляемой народниками. Въ самомъ дѣлѣ, что такое культурные классы, о которыхъ мы читаемъ здѣсь на каждой страницѣ? Этимъ культурнымъ классамъ приписывается вообще враждебное отношеніе къ бытовой организациіи крестьянства или по крайней мѣрѣ принадлежность къ буржуазному строю, и вслѣдствіе того сознательная или бессознательная противоположность общинному строю, — а такъ какъ общинный строй принадлежитъ громадному большинству населенія, и самъ онъ составляетъ условіе благополучія этого большинства, то выходитъ, что культурные классы являются врагами народнаго благосостоянія, а слѣдовательно врагами самаго государства. Съ другой стороны, по справкамъ съ исторіей оказывается, что слои некультурные сами по себѣ и не въ состояніи

были устроить государственнаго порядка вещей (необходимаго для самой физической сохранности народа, т.-е. напр. для обезпеченія отъ покоренія другими народами и „обращенія въ рабство“, какъ это бывало по-просту въ старину, и какъ испытали это почти всѣ наши братья-славяне и мы сами въ татарскій періодъ) и при устройствѣ государственнаго порядка обыкновенно и совершалось распадѣніе народнои массы на два слоя. Съ болѣе широкой точки зрѣнія, данный государственный порядокъ и былъ созданъ именно самимъ народомъ.. Мы увидимъ дальше, какъ объясняется это явленіе у г. В. В. съ точки зрѣнія народничества; но каково бы ни было историческое прошедшее, создавшее разницу двухъ слоевъ въ ихъ современномъ состояніи, „культурный слой“ заключаетъ въ себѣ столь несходные элементы, что огульное употребленіе этого слова въ социологическомъ разсужденіи становится совершенно невозможно. Слишкомъ извѣстно, что хотя бы народная масса и оставалась вѣдѣ „историческаго движенія“, культурный слой не представлялъ чего-либо однороднаго, — напротивъ, въ немъ самомъ совершались процессы, разлагавшіе его на отдѣльные классы, создававшіе разнородныя или прямо враждебныя стремленія, являлась и здѣсь борьба, образовывались направленія, происходили столкновенія между защитниками стараго порядка и прогрессистами, словомъ, шло усиленное броженіе, въ результатѣ котораго получились современные, чрезвычайно разнообразныя отдѣлы и отгѣвны общества. Намъ говорятъ, опять огуломъ, что культурный слой все-таки жилъ въ вѣдрахъ буржуазнаго порядка, которымъ онъ питался и который сознательно или безсознательно поддерживалъ; но какимъ же образомъ этотъ самый слой воспитывалъ людей, которые являлись именно партизанами народа (вовсе не принадлежа къ нему непосредственно), защитниками его въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и, между прочимъ, поборниками того самаго общинаго строя, при которомъ, несмотря на его благодѣтельность, самъ народъ оставался цѣлые вѣка въ состояніи прозябанія? Задолго до того, пока сама народная масса получила первыя права гражданскаго существованія, единственными защитниками ея, — насколько лишь было возможно по условіямъ времени, — являлись эти люди, воспитанные культурнымъ слоемъ. Въ настоящую минуту культурный слой заключаетъ цѣлую массу отдѣльныхъ элементовъ по разнымъ сословіямъ и профессіямъ (отъ власти, съ ея многоразличными органами, до ремесла) и съ многоразличными отгѣвками образованія и понятій (отъ высшаго научнаго міровоззрѣнія до міровоззрѣнія полуграмотнаго лавочника и кулака).

О комъ здѣсь говоритъ народничество? Какую разумѣть „интеллигенцію“?

Очевидно, что для опредѣленія основной судьбы „общиннаго строя“ не лишнее было справиться съ исторіей, и нашъ авторъ обращается къ первоначальнымъ судьбамъ человѣческаго общества вообще, и въ частности также къ русской исторіи. Онъ восходитъ къ отдаленнѣйшей древности и къ первобытнымъ ступенямъ человѣческаго общежитія.

„Давно уже замѣчено, — говоритъ онъ, — что массамъ народа въ давно прошедшемъ рисуется золотой вѣкъ, и новѣйшія соціологическія изслѣдованія подтверждаютъ мысль, что такое преданіе не можетъ считаться совершенно неосновательнымъ. Пытаясь воспроизвести по даннымъ археологій тотъ общественный строй, какой существовалъ на зарѣ исторіи, и наблюдая многія первобытныя общества, до сихъ поръ не вступившія въ историческій періодъ своего существованія, наука дѣйствительно готова признать (?), что исходной точкой длиннаго пути, пройденнаго человѣчествомъ, были формы общежитія, обеспечивающія индивиду тѣ условія существованія, какихъ онъ тщетно добивается въ настоящее время — экономическое равенство и свободу, — отчего и личныя отношенія членовъ общества отличались большей добродетельностью, а средній индивиду тогда (въ границахъ своего общаго развитія) нравственно былъ чище, нежели въ настоящее время. Если признать такое заключеніе имѣющимъ долю истины, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что, по основнымъ свойствамъ своей природы, человѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы пройти историческій путь, не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя, покоящагося на началахъ равенства и свободы, а развивая и совершенствуя ихъ дальше. Сказанное служить оправданіемъ того факта, что направленіе, принятое исторіей человѣчества въ дѣйствительности, многими считается болѣзненнымъ, патологическимъ“ ¹⁾.

Эта картина первобытнаго экономическаго равенства и свободы подвержена, однако, большому сомнѣнію. По разсказамъ старыхъ путешественниковъ, впервые открывавшихъ невѣдомыя дотогѣ страны, имъ случалось, въ видѣ рѣдкаго исключенія, встрѣчать отдѣльныя племена, столь первобытныя, что ихъ быть представлялъ подобное идиллическое зрѣлище, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ они не видали этой идилліи: совсѣмъ напро-

¹⁾ № 6, стр. 118—119.

тивъ, они находили самыя дикія племена съ зачатками выдѣленія высшаго слоя (еще не-культурнаго) въ видѣ предводителя племени, его воиновъ, приближенныхъ, жрецовъ и т. п.; между сосѣдними племенами шла рѣзня, причеиъ плѣнныхъ брали въ рабство или съѣдали, добыча дѣлилась, причеиъ вождю и его приближеннымъ доставалась львиная доля, и т. п., на манеръ того, какъ дѣлалось и въ странахъ болѣе цивилизованныхъ. Еще менѣе первобытная идиллія извѣстна археологіи и исторіи: куда только достигаютъ древнѣйшія историческія извѣстія, вездѣ они указываютъ предполагаемое экономическое равенство и свободу уже нарушенными. Другими словами, гдѣ только находятъ исторію сколько-нибудь осложнившееся (хотя бы однимъ многочисленностью) человѣческое общество, въ немъ уже начинается то расчлененіе, которое бываетъ зародышемъ неравенства, привилегіи, сословныхъ отличій и т. п., — но вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣховъ умственныхъ и культурныхъ. И такъ какъ рѣдко народу случается не имѣть ближайшаго сосѣдства, то обыкновенно мирный бытъ племени нарушается военными столкновениями, является вождь и дружина; первобытный культъ при нѣкоторомъ развитіи требуетъ жрецовъ, которые легко дѣлаются вастой, и не нужно ни „буржуазнаго строя“, ни болѣе высокой образованности для того, чтобы племя раздѣлилось на привилегированное меньшинство и рабочую массу. При громадномъ множествѣ примѣровъ подобнаго рода исторія не затрудняется принять ихъ за правило и, не выдавши, чтобы когда-нибудь человѣкъ могъ пройти историческій путь, „не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя“, полагаетъ, что золотой вѣкъ есть мечта о томъ, чего никогда не было, — не запрещая, конечно, кому-либо предаваться фантазіямъ на эту тему. Пусть многіе считаютъ историческую дѣйствительность явленіемъ патологическимъ; другимъ, несмотря на то, она все-таки кажется дѣйствительностью, которая, вѣроятно, приводится именно свойствами человѣческой природы.

Теорія народничества наперекоръ безчисленнымъ указаніямъ исторіи считаетъ этотъ ходъ вещей ненормальнымъ. Мы читаемъ далѣе: „Обращаясь къ той чертѣ историческаго развитія общества, которая даетъ право считать его явленіемъ ненормальнымъ, не вытекающимъ неизбѣжно изъ положительныхъ свойствъ человѣческой природы, а многимъ обязаннымъ внѣшнимъ условіямъ, причислая къ таковымъ и столкновения чуждыхъ другъ другу національностей, мы найдемъ ее въ расчлененіи прежде болѣе или менѣе однородной массы членовъ общества на два слоя. Одинъ изъ нихъ, состоящій изъ сравнительно небольшой группы лицъ,

сдѣлался (?) активнымъ агентомъ исторіи, сосредоточилъ въ себѣ на много вѣковъ главнѣйшія прогрессивныя вліянія и получилъ возможность направлять исторію по желательному для него руслу. Другой, въ составъ котораго вошло огромное большинство населенія, спустился (?) до положенія простаго механизма, назначеннаго создавать матеріальныя условія, обеспечивающія меньшинству возможность беспрепятственно совершать различные соціологическіе эксперименты, равно какъ и накоплять тотъ запасъ прогрессивной энергіи, который нѣкогда служилъ и закрѣпленію отношеній, вытекшихъ изъ указаннаго нами первоначальнаго дифференцированія общества, а впоследствии сыграетъ обратную роль и поможетъ человѣчеству достигнуть состоянія, напоминающаго золотой вѣкъ, рисующійся массѣ народа не впереди, а назадъ“.

Такъ какъ описываемое здѣсь явленіе съ различными варіаціями, но постоянно, повторялось у всѣхъ историческихъ народовъ, то нельзя не удивляться тому, съ какою правильностью совершалась повсюду эта „ненормальность“, и невольно является сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли таковы тѣ „свойства человѣческой природы“, которымъ эта ненормальность такъ противорѣчитъ: было же какое-нибудь основаніе, которое такъ упорно поддерживало эту ненормальность? Намъ именно кажется, что авторъ нѣсколько заблуждается относительно этихъ свойствъ. Ему хочется думать, что эти свойства — голубиная кротость и справедливость; на дѣлѣ, однако, человѣческой природѣ свойственны также, къ сожалѣнію, качества совершенно противоположныя — жестокость и алчность, которыя и дѣйствительно слишкомъ много заявляютъ себя и въ исторіи, и въ обыденной жизни, чтобы можно было отвергать ихъ существованіе. И признавъ ихъ, мы должны будемъ убѣдиться, что при нихъ упомянутый ходъ исторіи не представитъ ничего ненормальнаго относительно происхожденія историческихъ явленій, хотя и будетъ прискорбнымъ въ нравственномъ отношеніи. Но главное, есть еще и другое, болѣе существенное основаніе, почему ходъ исторіи совершался указаннымъ образомъ: это именно — естественное „дифференцированіе“ общества, которое при нѣсколько усложнившихся отношеніяхъ само собою выдѣляетъ изъ своей среды лицъ, совершающихъ обязанности внѣшней защиты племени, внутренняго управленія, суда, исполненія религіи и т. д.; эти лица, именно вслѣдствіе спеціально наложенныхъ на нихъ обязанностей, тѣмъ самымъ выдѣляются изъ обычной сферы народнаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ извѣстное привилегированное положеніе; рядомъ съ этимъ происходитъ неравенство экономическое или путемъ упо-

мянутой привилегированности положенія, или обычнымъ путемъ бѣльшей талантливости, предприимчивости, бережливости, удачи и т. д.; скопленіе богатствъ въ извѣстныхъ родахъ создаетъ опять привилегію, которая, переходя по наслѣдству, усиливаетъ совершенно послѣдовательно то неравенство, которое кажется нашему теоретику ненормальностью, а на дѣлѣ бываетъ естественнымъ результатомъ „свойствъ человѣческой природы“ и свойствъ общества. Наконецъ, присоединяется и еще одно условіе неравномѣрности и привилегіи: накопившіяся богатства или простой достатокъ доставляютъ досугъ, который даетъ возможность болѣе высокой культуры, и раздѣльность двухъ слоевъ народа установлена. Очевидно притомъ, что эти первыя выдѣлившіяся лица бываютъ въ полной мѣрѣ дѣтьми своего народа; и вообще порядокъ вещей, который устанавливается въ возникающемъ государствѣ, бываетъ созданіемъ самого народа; то различіе политическихъ порядковъ, какое наблюдается у разныхъ народовъ, опредѣляется ихъ собственными свойствами—складомъ первоначальнаго быта, а также и условіями внѣшними, напр. характеромъ сосѣдства, культурными заимствованіями и т. под. Если съ теченіемъ времени образовавшееся государство ложилось тяжелымъ бременемъ на низшіе классы, это было, безъ сомнѣнія, печальнымъ результатомъ накопившихся историческихъ причинъ, и возможное устраненіе такого результата именно и бывало предметомъ заботъ лучшихъ людей правящаго и культурнаго класса и идеаломъ общественнаго прогресса. Если мы оглянемся на исторію не мудрствуя лукаво, мы должны будемъ признать, что прогрессъ дѣйствительно совершался: внутри государства и общества удалено многое, что было прежде обычнымъ порядкомъ вещей и что испугало бы насъ, если бы какимъ-нибудь случаемъ вернулось къ намъ опять изъ далекой древности, которая кажется нашему теоретику золотымъ вѣкомъ. Исходя изъ указаннаго выше представленія о раздвоеніи первоначальнаго общества на два слоя, г. В. В. изображаетъ и дальнѣйшую исторію общества, какъ развитіе привилегіи на сторонѣ меньшинства и экономического упадка массы. Прогрессивное развитіе общества принимаетъ частичный характеръ. „Представителями цивилизаціи, — говоритъ г. В. В., — сдѣлалась лишь часть общества, которая пользовалась и львиною долею ея благъ. Участіе въ этихъ благахъ другой части населенія было лишь побочнымъ и потому болѣе или менѣе случайнымъ результатомъ главнаго движенія, имѣющаго въ виду интересы верхнихъ слоевъ общества. Прогрессъ общественной организаціи принялъ характеръ приспособленія послѣдней къ удовлетворенію потребностей меньшинства.

Въ экономической области онъ выразился громаднымъ развитіемъ производительности труда на почвѣ разобщенія трудящагося со средствами производства и концентраціи послѣднихъ въ немногихъ рукахъ, которыя тѣмъ самымъ дѣлались и обладателями продуктовъ этой развившейся производительности. При этомъ организація новаго промышленнаго строя совершенно игнорировала интересы рабочаго, какъ человѣка; она преслѣдовала исключительно ростъ производительности—элемента, желательнаго прежде всего для группы лицъ, руководившей какъ экономической жизнью страны, такъ и всей ея исторіей, — и къ работающему относилась лишь какъ къ части механизма, обеспечивающаго достиженіе названной цѣли...

„Въ сферѣ управленія выработался особый типъ, отвѣчающій цѣли обезпеченія меньшинству возможнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Это — типъ централизованнаго государства съ громадными средствами приведенія въ исполненіе задумываемыхъ предначертаній, съ небольшою группою лицъ, располагающей этими средствами, и тщательно выработанными способами, связывающими дѣятельность этихъ лицъ съ цѣлями и задачами активнаго меньшинства—бюрократіей, печатью и представительными учрежденіями. Наконецъ, организація образованія, при которой послѣднее становилось доступнымъ только лицамъ привилегированнымъ и немногимъ исключительнымъ индивидамъ изъ народа, вступавшимъ черезъ него на запретную землю избранниковъ исторіи, вмѣстѣ съ цѣлесообразною организаціей научныхъ изслѣдованій обезпечивали меньшинству неустанное движеніе впередъ по пути прогресса и укрѣпляли его позицію поддержкой наиспособнѣйшихъ лицъ изъ народа, которымъ отрывался доступъ наверхъ и помогалось стать въ ряды ликующихъ“¹⁾).

Послѣ этой картины „общаго плана прогресса“ авторъ указываетъ и другое теченіе, а именно—какъ „прогрессивная энергія“, существующая первоначально въ небольшою группѣ лицъ, распространяется и въ массѣ населенія. Сначала она работаетъ на пользу меньшинства, но затѣмъ интересы интеллигенціи расширяются на всю массу населенія. Это дѣлается такимъ образомъ: „Но вотъ грубая виѣшняя и внутренняя борьба обществъ понемногу затихаетъ, война не отвлекаетъ уже такую массу физической, нравственной и умственной энергіи націй; послѣднія по своимъ наклонностямъ становятся миролюбивѣе; развитіе промышленной техники доставило меньшинству больше досуга; научное

¹⁾ № 6, стр. 120—121.

изслѣдованіе установило основныя начала естествознанія и достаточно воспитало критическую способность мысли. И эта-то мысль, —освобождавшаяся отъ первоначальной грубой работы, обострившаяся на почвѣ научнаго изслѣдованія и успѣвшая добыть нѣкоторыя этико-соціальныя истины, — обратилась болѣе систематически, чѣмъ прежде, къ изслѣдованію общественныхъ отношеній, которое могла уже производить съ болѣе широкой точки зрѣнія, въ которое могла внести больше общечеловѣческаго, а не только сословнаго, идейнаго содержанія. Разъ вступивъ на этотъ путь, человѣческая мысль уже не остановится, пока не произнесетъ окончательнаго суда надъ прошедшимъ и настоящимъ, пока не откроетъ всѣ язвы общества и не отыщетъ средствъ ихъ исцѣленія⁴. Авторъ объясняетъ, что такой ходъ общественной мысли значительно облегчался тѣмъ, что составъ привилегированнаго класса не оставался неизмѣннымъ и расширялся вступленіемъ въ него лицъ изъ другихъ слоевъ населенія, облегчался образованіемъ такъ называемаго третьяго сословія и т. п. Но во всякомъ случаѣ ходъ этого движенія въ объясненіяхъ нашего автора остается мало понятнымъ: если съ его точки зрѣнія вся жизнь общества и народа объясняется только экономическимъ интересомъ, привилегіей съ одной стороны и притѣсненіемъ съ другой, если интеллигенція, которая могла зародиться только въ меньшинствѣ, должна была специально служить только интересамъ этого меньшинства, то становится непонятнымъ, съ какой стати эта интеллигенція станетъ вдругъ принимать къ сердцу интересы того народа, къ которому до тѣхъ поръ она была совершенно равнодушна, когда вообще она трудилась только для того чтобы удовлетворять вкусамъ, выгодамъ и удовольствіямъ меньшинства, къ которому сама принадлежала? Авторъ ссылается на то, что критическая способность обострилась на почвѣ научнаго изслѣдованія и успѣла добыть нѣкоторыя этико-соціальныя истины; но во всякомъ случаѣ зачѣмъ было интеллигенціи добывать эти истины, когда въ концѣ концовъ онѣ должны были подрывать значеніе высшаго культурнаго класса? Если этимъ послѣднимъ (какъ объясняетъ народническая теорія) руководилъ прежде чистый эгоизмъ, откуда явится это совсѣмъ противоположное настроеніе, которое будетъ стремиться къ поднятію народной массы въ ущербъ столь драгоценной прежде привилегіи?

Думаемъ, что соціальная исторія, построенная на одномъ только предположеніи „ненормальности“ историческаго развитія и исключительно экономическихъ отношеній культурнаго слоя и массы, не можетъ объяснить дѣйствительнаго хода историческаго развитія.

Нѣтъ сомнѣнія, что раздвоеніе населенія совершалось, что привилегія возникала; но раздвоеніе не имѣло вовсе того исключительнаго характера, какъ приписываетъ ему теорія, и тѣ жертвы, какія приносилъ народъ, вели не въ одному эгоистическому „ликванію“, но вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность высшему классу становиться культурнымъ классомъ; сосредоточеніе богатства давало возможность высшаго знанія—научнаго, промышленнаго, художественнаго, которыя дѣлались не достояніемъ одного класса, а достояніемъ національнымъ, и въ *естественномъ* результатѣ вели въ мысли о благѣ народа. Культурный классъ едва-ли когда-нибудь оставался такой себялюбивой кастой, какъ изображаетъ теорія; напротивъ, въ немъ шла постоянно разнообразная умственная работа, которая шла на пользу всей національной массы, въ томъ числѣ и массы простонародной. Если гдѣ развивалось сознание потребностей цѣлаго народа, общественной несправедливости въ народной массѣ, стремленіе къ лучшему порядку вещей, то именно въ этомъ культурномъ классѣ, и здѣсь историческое оправданіе его, будто бы, ненормальнаго и противорѣчащаго свойствамъ человѣческой природы происхожденія: исторія показываетъ, что его усилія не были бесплодны.

Было бы долго вдаваться въ изложеніе взглядовъ народнической теоріи на современное положеніе нашего общества и существующихъ въ немъ экономическихъ тенденцій. Въ этихъ взглядахъ проходитъ постоянно, — какъ результатъ указанной анти-исторической постановки вопроса, — то противорѣчивое пониманіе „интеллигенція“, по которому она то представляется на службѣ привилегированнаго меньшинства, защищая его узкіе интересы, то является обязанной служить интересамъ массы населенія, то проповѣдующей узкія, буржуазныя ученія, то излагающей высшіе гуманные освободительные принципы. Два ли это лагеря, или два настроенія интеллигенціи въ разное время, и какіе именно эти лагеря и о какихъ временахъ идетъ рѣчь, остается очень неясно въ черезъ-чуръ обобщенномъ изложеніи автора: читатель не встрѣтитъ ни одного имени, ни одного прямого литературнаго указанія, чтобы выяснитъ себѣ укору или одобренія нашего автора. Останемся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Различныя роли интеллигенціи (или ея разныхъ лагерей и направленій) г. В. В. объясняетъ такъ. До послѣдняго времени народъ былъ въ сторонѣ отъ „такъ называемаго“ прогрессивнаго развитія общества; реформа возвратила крестьянину его естествен-

ныя личныя права и тѣмъ самымъ открыла путь для его активнаго участія въ жизни страны—крестьянство призвано было къ земской дѣятельности. И хотя эта новая сила „даетъ знать себя повсюду“ (?), одна часть интеллигенціи не хочетъ этого знать.

„Та часть нашей интеллигенціи, которая такъ неудачно копируетъ Европу (?), продолжаетъ дѣйствовать, какъ будто бы этой силы не существовало, какъ будто народъ по прежнему остается несовершеннолѣтнимъ и неполноправнымъ членомъ общества. Она продолжаетъ теоретизировать на тему, что нужно дать народу, и т. п. Она не поняла существеннѣйшаго смысла реформы, заключающагося въ устраненіи пути, связывавшихъ самостоятельность народа; не замѣтила той перемѣны въ чувствахъ и міросозерцаніи массы, которая дѣлаетъ прежняго раба свободнымъ гражданиномъ, ищущимъ не опеки, а свободного развитія кроющихся въ немъ силъ. Ей кажется, что ничего этого въ мужикѣ еще нѣтъ, что крестьянинъ продолжаетъ оставаться взрослымъ ребенкомъ, котораго нужно оберегать, учить, водить на помочахъ, во который неспособенъ къ самостоятельному шагу; и потому эта часть интеллигенціи готова взять на себя обязанность и оберегать его, и учить, но не стать въ его ряды и не идти съ нимъ рука объ руку; она рѣшается, какъ въ эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своихъ плечахъ“¹⁾.

Сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Мы не понимаемъ, о какой интеллигенціи здѣсь говорится: она представляется съ одной стороны теоретизирующей, а съ другой—готовую „оберегать“ народъ, учить его и т. д., слѣдовательно имѣющей къ тому возможность. Есть ли это бюрократія (которая также принадлежитъ къ интеллигенціи)?—но объ ней трудно сказать, чтобы она стремилась копировать Европу, хотя бы и дурно. Есть ли это „либеральная“ публицистика, не всегда согласная съ народничествомъ и не пользующаяся его одобреніемъ?—но объ ней несправедливо сказать, что она не желаетъ признавать крестьянина свободнымъ гражданиномъ, потому что, напротивъ, она всегда сочувственно относилась и къ правительственнымъ мѣропріятіямъ, поддерживающимъ народную самостоятельность, и къ тѣмъ бытовымъ явленіямъ, въ которыхъ выражаются лучшія стороны народнаго быта. Есть ли это публицистика реакціонная?—но въ такомъ случаѣ надо было бы сказать это яснѣе, чтобы не сваливать въ одну кучу все, съ чѣмъ народничество не соглашается. Есть

¹⁾ Тамъ же, стр. 181.

ли это, наконецъ еще какая-нибудь, не выражающаяся въ печати доля общества?..

Но кромѣ этой, нехорошей, интеллигенціи есть интеллигенція хорошая. „Другая часть интеллигенціи, — говоритъ г. В. В., — протестуетъ противъ такого униженія народа и непониманія ни духа реформы, ни ея нравственныхъ и интеллектуальныхъ результатовъ. Она находитъ, что уже невозможно игнорировать того факта, что послѣднія реформы освободили крестьянина отъ опеки и вводятъ его въ кругъ дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ; коль скоро же это обнаружилось съ достаточной ясностью, интеллигенція должна взять его за отправной пунктъ своихъ послѣдующихъ построений“. По словамъ автора, ей предстоитъ задача, похожая на ту, какая нѣкогда представлялась первымъ дѣятелямъ западнаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи — внести образованіе въ народныя массы. Въ культурномъ слѣдѣ уже проложены пути для распространенія просвѣтительныхъ идей; теперь онѣ должны переходить въ массу.

„Оставаться въ томъ же общественномъ слѣдѣ дальше этого просвѣщеніе не можетъ; ему придется въ такомъ случаѣ нагромождать одну идею на другую, не осуществляя ихъ въ жизни, возвышать и отполировывать только одинъ, верхній слой общества и тѣмъ еще усиливать разнь между классами, какая и безъ того достаточно велика и которая поддерживается между прочимъ значительной разницей въ умственномъ развитіи обѣихъ сторонъ. Такой ходъ культуры естественъ въ сословномъ государствѣ, но не въ Россіи и вообще не въ Европѣ, разбивающей сословныя рамки и привлекающей къ прогрессу всѣ слои націи. А если такъ, то за водвореніемъ въ странѣ знаній и образованіемъ привилегированной интеллигенціи, какъ проводника просвѣщенія, долженъ слѣдовать второй періодъ общественно-интеллектуальнаго развитія — распространеніе вліянія науки на умы массы населенія, проложеніе путей, связующихъ знаніе съ той жизнью, которая всего больше въ немъ нуждается, стремится къ нему, но до сихъ поръ была разобщена съ нимъ, какъ преданіями старины далекой, такъ и, — еще болѣе, — незаконченностью образованія интеллигенціи, носителя и проводника науки. Теперь это образованіе завершилось (?); но преданія сѣдой старины такъ еще властвуютъ надъ умами, что часть нашей интеллигенціи ¹⁾ и притомъ считающая себя всего болѣе оевропеившеюся и наименѣе связанной умственно съ прошлымъ, сама того не предполагая, поддерживаетъ

¹⁾ Нехорошая.

традиціи сословности и вмѣсто прямой своей задачи — внесенія свѣта просвѣщенія въ темныя массы народа, — думаетъ о совершеніи еще какихъ-то прогрессивныхъ подвиговъ исключительно силою культурнаго общества; хочетъ и впредь служить народу архаическимъ, сословнымъ способомъ презентованія сюрпризовъ. Другая часть интеллигенціи ¹⁾ находитъ, что это несовременно и непослѣдовательно и своей задачей считаетъ проложеніе путей, связывающихъ науку съ мыслью народной массы ²⁾.

Мы опять не понимаемъ. Неужели авторъ серьезно думаетъ, что теперь завершилось образованіе нашей интеллигенціи, когда въ дѣйствительности размѣры нашего образованія остаются еще чрезвычайно ограничены? И съ другой стороны, мы не понимаемъ, что разумѣетъ авторъ подъ прогрессивными подвигами, какая оевропеившаяся интеллигенція не хочетъ думать о внесеніи свѣта въ темныя народныя массы? Если авторъ полагаетъ, что объ этомъ послѣднемъ опять думаетъ только народничество, онъ находится въ глубокомъ историческомъ заблужденіи: выше мы упоминали, что эта мысль явилась тотчасъ, — въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, — когда для общества явилась первая возможность высказаться объ этихъ предметахъ, и не вина этого общества, что въ ту пору не могли осуществиться многія благія пожеланія въ этомъ направленіи. Намъ не совсѣмъ понятно и указанное выше обвиненіе той же интеллигенціи, что она готова „оберегать и учить“ народъ — впрочемъ, вина заключается здѣсь въ томъ, что она считаетъ народъ взрослымъ ребенкомъ, котораго надо водить на помочахъ, когда, по мнѣнію автора, надо „стать въ его ряды“. Это послѣднее желаніе весьма почтенно, но, увы, оно трудно выполнимо. Нельзя скрыть, — потому что на это есть прискорбно неопровержимыя цифры, — что народная масса находится въ настоящую минуту относительно образованія въ положеніи по истинѣ жалкомъ. Съ одной стороны, въ высшей степени скудны тѣ средства школьнаго образованія, какими можетъ пользоваться народъ, а съ другой стороны, онъ самъ еще такъ мало сознаетъ пользу школы, что, въ сожалѣнію, на него во многихъ случаяхъ и нельзя не смотрѣть иначе, какъ на взрослого ребенка. Въ самые послѣдніе дни мы были свидѣтелями самыхъ печальныхъ событій (какъ холерныя побоища, за которыми должны послѣдовать судьбища), которыя могутъ служить мѣркою ходячихъ народныхъ понятій... На этомъ пути остается еще слишкомъ много работы, и намъ

¹⁾ Хорошая.

²⁾ Стр. 182—183.

кажется, что для друзей народа вовсе не время заниматься перекорами на тему народного образования. Работы слишком много и ее хватило бы на всех, народников и не-народников.

Слѣдя далѣе за мыслями автора, мы снова вступаемъ въ рядъ неразрѣшимыхъ недоумѣній. Нѣсколько выше авторъ пришель- было къ отрадному заключенію, что послѣ крестьянской реформы народъ уже выступилъ общественной силой, значенія которой нельзя не видѣть,—авторъ даже осудилъ тѣхъ, кто этого не видѣть,—но далѣе оказывается, что наша эпоха несмотря на то стала совершенно безсильна въ вопросахъ общественнаго прогресса. По мнѣнію автора, наша „интеллигенція“ была нѣкогда сильна, а именно была сильна въ эпоху реформъ. Интеллигенція того времени,—говоритъ г. В. В.,—„при значительномъ несходствѣ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ ея отдѣльныхъ направленій, была совершенно солидарна въ практическихъ изъ нихъ выводахъ. Освобожденіе крестьянъ, освобожденіе печати, гласный судъ присяжныхъ, мѣстное самоуправленіе—таковы практическія требованія, выставленныя на знамени (?) прогрессивной части общества сороковыхъ-пятидесятихъ годовъ, независимо отъ того, принадлежала эта часть къ западникамъ, славянофиламъ или среднимъ между ними теченіямъ. Результатомъ этого единодушія было то, что въ теченіе какихъ нибудь 6—8 лѣтъ юридическая фizioномія страны была совершенно преобразована“¹⁾... Замѣтимъ, однако, что въ этихъ по обычаю неопредѣленныхъ выраженіяхъ фактъ переданъ не совсѣмъ точно. По обыкновенному употребленію словъ не было ни „знамени“, ни „требованій“, а были только молчаливыя желанія, которыя могли быть высказаны явственно только тогда, когда реформа была заявлена правительственной властью, а рѣшеніе правительства, какъ извѣстно, находилось въ несомнѣнной связи съ внѣшнимъ положеніемъ вещей, именно съ неблагополучнымъ исходомъ Крымской войны и другими обстоятельствами. „Единодушіе“ литературныхъ направленій дѣйствительно существовало, потому что обѣ стороны не могли не сочувствовать просвѣщенному и благотворному плану правительства; но чтобы именно онѣ создали реформу, этого связать невозможно. Авторъ опять нѣсколько забылъ исторію: въ дѣйствительности положеніе интеллигенціи, хотя бы и единодушной, было въ тѣ годы далеко не благополучно: напротивъ, она едва только существовала, и литературныя событія начала 60-хъ годовъ могли бы достаточно указать ея общественное положеніе...

¹⁾ Стр. 187.

Изобразивъ такимъ образомъ положеніе вещей въ періодъ реформъ, нашъ авторъ находитъ, что уже черезъ немного лѣтъ эта картина единодушія интеллигенціи совершенно мѣняется. „Прогрессивная часть общества признаетъ, что жизнь требуетъ существенныхъ, если не радикальныхъ, реформъ; что же касается содержанія таковыхъ, то, несмотря на происшедшее, будто бы, сближеніе нашихъ направленій общественной жизни въ теоретическомъ отношеніи—интеллигенція разбилась на множество фракцій, враждебныхъ другъ другу, парализующихъ одна другую, благодаря чему истинно-культурная часть общества не можетъ имѣть и тѣни того вліянія, какимъ обладала интеллигенція эпохи реформъ“. Опять трудно понять, какую интеллигенцію разумѣетъ авторъ, какимъ образомъ разъединеніе ея на враждебныя фракціи лишило ее вліянія, изъ-за чего эти фракціи враждуютъ... Авторъ дѣлаетъ предположеніе, что еслибы въ наше время явился реформаторъ, „готовый на существенныя измѣненія въ общественномъ быту и ищущій указанія на характеръ этихъ измѣненій въ идеяхъ передовой интеллигенціи“, этотъ реформаторъ оказался бы въ невозможности совершить свои благодѣянія, потому что встрѣтилъ бы въ интеллигенціи величайшее разнорѣчіе мнѣній, и авторъ указываетъ эти разнорѣчія (по вопросамъ экономическимъ—хотя бы прежде всего встрѣтились иныя разнорѣчія, никакъ не менѣе существенныя). Эти опасенія автора намъ кажутся не совсѣмъ основательными: такой реформаторъ былъ бы серьезный человекъ, и онъ, конечно, нашелъ бы возможность удостовѣриться въ положеніи вещей, не смущаясь этими разнорѣчіями, и нашелъ бы путь къ широкому ознакомленію съ дѣломъ, если не прямымъ опросомъ свѣдущихъ людей (какъ пробовала сдѣлать, напр., императрица Еватерина), то, по крайней мѣрѣ, предоставленіемъ большей свободы печатному слову по вопросамъ внутренней политики и народной жизни...

Вслѣдъ затѣмъ, какъ авторъ скорбѣлъ о томъ, что наша интеллигенція столь неблагоразумно разбилась на фракціи и потому не имѣетъ вліянія, оказывается вдругъ, что, собственно говоря, эта интеллигенція есть совершенное ничтожество.

Упомянутый реформаторъ, по словамъ г. В. В., въ настоящее время, при разъединеніи интеллигенціи получалъ бы самыя разнородныя совѣты.

„При этомъ разнообразіи совѣтовъ, реформатору осталось бы или принимать взаимно-противорѣчивыя мѣры, или, игнорируя общественное мнѣніе, повести дѣло по собственному разуму, на свой личный рискъ и страхъ, или отдаться болѣе или менѣе случайно

одному какому-либо направлению общественной мысли. Во всех этих случаях результаты будут весьма сомнительны.

Читатель, может быть, скажет, что подобное же разнообразие мнений встречается не в одной России, и оно, однако, не мешает правильному течению общественной жизни; почему же это разнообразие должно быть фатально для нашей страны? На это мы ответим, что за важнейшими мнениями на Западе стоят общественные силы, отношения между которыми, а не логическими аргументами (?), и определяется характер изменения действительной жизни; что эти силы выросли органически, обладают поэтому творческими задатками, служат носителями известных культурных начал, стремятся сказать свое слово в органически развивающейся эпохе национальной культуры. А в последнее время в число культурных сил входит трудящаяся масса, почему во всяком случае торжество не могут получить мнения, резко противоречащая интересам большинства. За некоторыми мнениями русской интеллигенции тоже стоят, но такие *силенки*, которые сами по себе решительно ничего не определяют, почему характер следующего нашего шага на пути прогресса в значительной степени зависит от случая. Кроме того, эти *силенки* не могут быть считаемы представителями какого-либо самостоятельного культурного начала, способного служить определяющим для данного времени моментом в прогрессивном развитии страны (?). Поэтому, никак нельзя поручиться за то, что соответствующее одному или равнодействующее всех культурных влияний направление общественной жизни будет находиться в соответствии с интересами страны, народных масс или даже одного какого-либо слоя, способного служить прочным основанием для дальнейшего развития культуры¹⁾.

Приведенные слова поражают своим противоречием с тем, что автор в других случаях постоянно говорит о роли интеллигенции. Если он так пренебрежительно ценит ее „силенки“, то можно ли рассчитывать на них для будущей организации народного быта; стоит ли и разумно ли предъявлять к „интеллигенции“ те требования, какие автор столько раз повторяет? Вместе с тем можно предполагать, что автор не отдает себе отчета о том, на чем же основывается и положение нашей интеллигенции, и „общественных сил“ на Западе, т.-е. не отдает себе отчета в политическом различии их положения... Чем же помочь этому неудовлетворительному состоянию дел?

¹⁾ Стр. 188—189.

Авторъ отвѣчаетъ на это слѣдующее: „слѣдуетъ признать, что дѣйствующія у насъ социальныя культурныя силы недостаточны для обезпеченія правильно-прогрессивнаго развитія страны; что представляется необходимостью въ привлеченіи къ активному участию въ культурномъ процессѣ новыхъ слоевъ населенія“. Снова недоумѣніе: наличныя культурныя силы слабы; поэтому надо привлечь къ культурному процессу новые слои—еще болѣе слабые; кто будетъ привлекать, и что значитъ *активное* участіе въ культурномъ процессѣ? И о какой культурѣ идетъ рѣчь, когда данная культура неудовлетворительна,—когда авторъ постоянно говорилъ о нашихъ „культурныхъ слояхъ“ только въ отрицательномъ духѣ. Изъ всего этого дѣлается слѣдующій выводъ:

„Все вышесказанное позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что и тотъ, кому дорого осуществленіе въ русской жизни идеаловъ общечеловѣческой правды; и тотъ, кто удовольствовался бы непрерывностью процесса прогрессивнаго развитія страны; и тотъ, кто мечтаетъ о развитіи общественнаго строя на народныхъ началахъ; и, наконецъ, кто находитъ, что насталъ моментъ приобщенія къ активнымъ историческимъ силамъ народной массы—все должны одинаково стремиться къ тому, чтобы *плоды работы чистой мысли* (?) не оставались въ узкомъ кругѣ привилегированнаго меньшинства, а распространялись въ массѣ населенія.

„Такая задача, если она будетъ выставлена на знамени (?) нашей интеллигенціи, лучше соотвѣтствуетъ какъ сущности интеллигенціи вообще, такъ и положенію ея въ Россіи въ частности“¹⁾.

Заключеніе не совсѣмъ отвѣчаетъ предъидущимъ широкимъ требованіямъ, и если распространеніе въ массѣ „плодовъ работы чистой мысли“ обозначаетъ распространеніе народнаго образованія, то мы уже не одинъ разъ указывали, что интеллигенція давно стремилась работать въ этой области и съ конца 50-хъ годовъ донинѣ постоянно объясняла великое значеніе этого дѣла для блага народа и государства. Поучать ее объ этомъ было, пожалуй, излишне, и если зашла объ этомъ рѣчь, важнѣе было бы замѣтить, какія внѣшнія и независящія отъ интеллигенціи обстоятельства лежатъ у нея на пути въ этомъ отношеніи, и какъ съ ними быть.

Дальше авторъ и еще разъ возвращается къ объясненію того, какъ ошибочно то направленіе интеллигенціи, которое заимствуетъ свои идеи у Запада, и какъ широки взгляды другого направленія, народническаго. По словамъ г. В. В., основная идея прогресса

¹⁾ Стр. 139—140.

признает то положеніе, что для правильнаго развитія общества формы національнаго быта должны выработываться и осуществляться самостоятельно и органически всѣмъ обществомъ и для достиженія этой цѣли требуется привлеченіе всей массы къ пользованію просвѣтительными средствами страны. „Эта идея, — говоритъ г. В. В., — будучи признаваема принципиально, на практикѣ оставляется западниками (въ нашемъ смыслѣ слова) въ тѣни (?), ея осуществленіе въ размѣрѣ, требуемомъ принципомъ, откладывается на неопредѣленное будущее; въ настоящемъ же удерживается древне-русскій методъ достиженія желательныхъ результатовъ махинаціями, не выходящими за предѣлы культурнаго слоя (?). Гдѣ же послѣднее условіе нарушается — тамъ выдвигается программа, заимствованная съ Запада же, выработанная тѣмъ же буржуазнымъ строемъ и его теоретиками, и переработанная въ интересахъ образовавшагося и организующагося фабричнаго пролетаріата“.

Народничество, разумѣется, не впадаетъ въ эту ошибку. „Другое направленіе нашей мысли (то-есть именно народническое), — говоритъ г. В. В., — напротивъ того, оказывается настолько широкимъ, что не укладывается въ формы, выработанныя Западомъ для себя и лишь на ограниченный періодъ времени, послѣ котораго онѣ подлежатъ упраздненію, а считаетъ необходимымъ образованіе самостоятельныхъ формъ быта, отвѣчающихъ условіямъ русской жизни и лучше удовлетворяющихъ требованіямъ идеи правды и справедливости, заявленнымъ западной же образованностью. Но если широта воззрѣній, выразившаяся въ этомъ требованіи, можетъ еще подлежать сомнѣнію, такъ какъ самыя формы, противопоставляемыя западнымъ, еще не выработаны жизнью и потому неизвѣстно, насколько онѣ удовлетворяютъ гуманнымъ цѣлямъ (?), то нельзя сказать того же о другомъ положеніи разсматриваемаго направленія, заключающемся въ требованіи *немедленно* распространенія вліянія просвѣтительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы. Нельзя не признать, что этимъ заявленіемъ оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ движенію, проявившемуся въ Европѣ въ послѣднія сто лѣтъ; что оно становится участницей въ теченіи, первымъ шагомъ освобожденія массы считающемъ ея приобщеніе къ просвѣтительному вліянію знанія; что она усвоила духъ западной цивилизаціи, а не ея внѣшнія формы, а только въ этомъ духѣ и заключается несомнѣнно вѣчный и общечеловѣческій элементъ развитія. Все остальное условно и скоропреходяще“¹⁾.

¹⁾ Стр. 141—142.

Такимъ образомъ народничеству присвоивается и считается его великой заслугой и открытіемъ то, о чемъ издавна думали и къ чему стремились лучшіе умы русскаго общества. Жаль только, что народническая теорія не даетъ указанія о томъ, какъ достигнуть этого *немедленнаго* распространенія вліянія просвѣтительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы... Другая, не-народническая теорія давно и хорошо видѣла, что при извѣстныхъ исторически унаслѣдованныхъ обстоятельствахъ и свойствахъ русской жизни это немедленное приобрѣтеніе тѣхъ или другихъ благъ народной жизни немислимо безъ приобрѣтенія нѣкоторыхъ предварительныхъ условій и правъ общественной жизни и что только при обладаніи ими возможна нѣсколько успѣшная работа на пользу народныхъ массъ. Народническая теорія не видитъ или не желаетъ видѣть этого и утверждаетъ будто бы подобныя стремленія „культурнаго слоя“ составляютъ только его эгоистическую заботу объ его частныхъ интересахъ. Къ сожалѣнію, подобный взглядъ свидѣтельствовалъ бы о совершенномъ непониманіи внутренняго хода нашей общественной исторіи.

Мы кажется не ошибаемся, что взглядъ народнической теоріи именно таковъ. Въ трактатѣ г. В. В. мы не однажды встрѣчаемъ неопредѣленныя, по обычаю, указанія, которыя должны имѣть именно такой смыслъ. Два-три подобныя мѣста мы приводили.

Въ одномъ мѣстѣ, — въ той полосѣ разсужденій г. В. В., гдѣ „интеллигенція“, какъ дѣтище культурнаго слоя, является враждебной народу, — онъ говоритъ о настоятельной необходимости экономическихъ мѣропріятій на пользу народа, какъ бы противопоставляя имъ преобразование формъ политическихъ, и замѣчаетъ: „слѣдуетъ помнить, что новыя политическія формы непосредственно и прежде всего были бы утилизированы привилегированными, культурными классами и лишь впоследствии отразились бы такъ или иначе на народныхъ массахъ. Поэтому, культурное общество является естественнымъ представителемъ, адептомъ и адвокатомъ этихъ формъ, и потому политическія идеи, насколько это было допускаемо, проповѣдовались и развивались публицистами привилегированныхъ классовъ общества“¹⁾. Дальше объясняется еще, что „интересы обѣихъ сторонъ (т.-е. культурныхъ классовъ и народа) не всегда солидарны, и очень часто прямо противоположны. При этомъ интересы капитала и крупнаго землевладѣнія представляются въ литературѣ непосредственно, такъ какъ интеллигенція страны принадлежитъ къ одному слою съ собственниками.

¹⁾ Стр. 145.

Интересы же народа, какъ составляющаго не-культурную массу, не имѣютъ въ интеллигенціи своихъ естественныхъ выразителей". Народническая теорія забываетъ одно, что именно политическія формы, т.-е. извѣстныя гражданскія установленія, даютъ возможность той общественной самодѣятельности, которая сближаетъ общество съ народомъ и въ которой интеллигенція можетъ работать для народа; что только при посредствѣ политическихъ формъ и возможенъ тотъ трудъ для народа, котораго требуетъ народничество. Таковы, напр., земскія учрежденія, гдѣ крестьянство является на ряду съ культурными классами въ работѣ надъ земскими дѣлами; таковы городскія учрежденія, гдѣ общество можетъ доставить первоначальную школу городскому населенію, въ томъ числѣ пришлому крестьянскому; таково опредѣленіе правъ печати, которое даетъ ей возможность выяснять и защищать народныя интересы (напомнимъ, напр., что до начала прошлаго царствованія такого рода дѣятельность была для печати почти невозможна) и т. д. Народническая теорія забываетъ, что самое освобожденіе крестьянъ, исходный пунктъ всего современнаго положенія народа, было тѣмъ же измѣненіемъ политической формы, притомъ такимъ, въ которомъ именно стремился культурный слой. Такимъ образомъ политическія формы не только не безразличны для народной массы, но составляютъ для ея интересовъ такую же насущную необходимость, какъ и для культурнаго слоя.

Послѣ всего того, что было наговорено неодобрительнаго и прямо обвинительнаго противъ нашей интеллигенціи, г. В. В. тѣмъ не менѣе для успѣха народнаго дѣла разсчитываетъ на ту же самую интеллигенцію. Въ историческомъ развитіи общества совершается двоякое движеніе—стихійное и сознательное. „Обыкновенно вмѣшательство сознанія общества усиливало то стихійное теченіе, которое выгодно для привилегированныхъ классовъ, такъ какъ сама выразительница общественнаго сознанія, интеллигенція, принадлежала именно къ этому классу. Но, съ распространеніемъ образованія за предѣлы небольшого слоя и съ выступленіемъ на сцену активной исторической жизни трудящейся массы, сознательная дѣятельность общества направляется въ пользу теченія, болѣе выгоднаго для рабочихъ классовъ, что можетъ имѣть слѣдствіемъ измѣненіе направленія, въ какомъ до этого времени происходила эволюція общественныхъ отношеній“ ¹⁾. Такому сознательному

¹⁾ № 8, стр. 84.

движенію авторъ приписываетъ проявляющееся теперь противодѣйствіе капитализму или возбужденію въ разныхъ странахъ аграрнаго вопроса. Конечно,—продолжаетъ авторъ,—сила общественнаго сознанія не безгранична и не можетъ дѣйствовать противъ законовъ природы; но въ явленіяхъ соціальной жизни эти законы иногда только мнимо непреодолимы, потому что въ большинствѣ случаевъ заключаются въ отношеніяхъ, создаваемыхъ односторонней работой сознанія, направляемого интересами меньшинства. Эту односторонность можетъ исправить правильная постановка сознанія трудомъ интеллигенціи. И въ особенности такой трудъ обязателенъ для интеллигенціи русской.

„Народная масса западной Европы,—говоритъ г. В. В.,—можетъ не опасаться того или другого направленія мысли привилегированной интеллигенціи вообще, господства среди ея представителей различныхъ соціологическихъ доктринъ въ частности, потому что она является уже активнымъ общественнымъ агентомъ и имѣетъ собственную интеллигенцію. Съ своей стороны, и привилегированная интеллигенція можетъ съ болѣе или менѣе спокойной совѣстью отдаваться тѣмъ или другимъ теоріямъ, зная, что вліяніе этихъ послѣднихъ на общественную жизнь страны будетъ, если нужно, дополнено противодѣйствующимъ вліяніемъ народа и его интеллигенціи. Иное слѣдуетъ сказать о тѣхъ странахъ, гдѣ народныя массы недоразвились до активного участія въ общественной жизни и гдѣ, поэтому, главнымъ агентомъ по формированію общественнаго самосознанія, которое такъ или иначе отразится на судьбѣ народа, является интеллигенція привилегированнаго класса“¹⁾. Къ этимъ послѣднимъ странамъ принадлежитъ, конечно, и наше отечество,—хотя, какъ мы видѣли выше, въ другомъ мѣстѣ авторъ заявилъ, что наши массы уже принимаютъ активное участіе въ нашей жизни; можетъ быть, впрочемъ, на этотъ разъ активная роль нашего народа показалась и самому автору недостаточно дѣйствительной... Какъ бы то ни было, но интеллигенціи предстоитъ важное значеніе въ направленіи общественнаго сознанія, и авторъ преподаетъ нашей интеллигенціи указанія о тѣхъ задачахъ, которыя лежатъ на ней.

„Интеллигенція такихъ странъ (какъ Россія) несетъ за свои дѣйствія нравственную отвѣтственность, неизвѣстную интеллигенціи болѣе цивилизованныхъ народовъ, и она должна возможно осторожнѣе произносить сужденіе о предметахъ, затрагивающихъ отношенія, выработанныя народной жизнью для удовлетворенія потребностей массы, которыя не можетъ защитить самъ народъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

„Такимъ образомъ, чтобы удержаться на высотѣ своего отвѣтственнаго положенія, интеллигенція въ своей дѣятельности должна по возможности соблюдать слѣдующія условія.

„Нужно стремиться къ возможному систематическому детальному изученію народа, какъ въ его духовной фізіономіи, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ, и этимъ путемъ приобрести объективныя данныя для сужденія о потребностяхъ народной жизни и средствахъ наилучшаго ихъ удовлетворенія.

„Вмѣстѣ съ этимъ и еще настоятельнѣе необходимо приближеніе интеллигенціи къ народу, установленіе непрерывнаго между ними общенія, постоянное участіе первой въ радостяхъ и заботахъ массы. Этимъ путемъ приобретаются свѣденія о сознательныхъ стремленіяхъ народа и его бессознательной философіи и, до известной степени, парализуются недостатки организаціи интеллигенціи, заключающіеся въ отсутствіи въ ея средѣ представителей народнаго интеллекта. Черезъ посредство лицъ, живущихъ по возможности жизнью массы, культурное общество будетъ имѣть возможность, съ одной стороны, получать такія впечатлѣнія отъ того, что происходитъ въ народномъ быту, которыя поставятъ его до известной степени au courant съ развитіемъ народной жизни и міросозерцанія, съ другой—передавать массѣ средства, выработанныя культурой для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей личной и общественной жизни“¹⁾.

Авторъ предостерегаетъ только русскую интеллигенцію отъ увлеченія формами, принадлежащими только собственно Западу и несвойственными русской жизни.

„Но если русская интеллигенція не должна гнаться за формами, выработанными чужой жизнью, зато ей тѣмъ болѣе слѣдуетъ усвоить идеи общечеловѣческаго развитія, выработать при ихъ помощи въ самыхъ общихъ чертахъ, но ясныя и прочныя идеалы, и ими же руководствоваться при оцѣнкѣ всякаго, предлагаемаго къ осуществленію въ окружающемъ, мѣропріятія. Обладаніе интеллигенціей ясными, широкими, обоснованными субъективно и по возможности объективно идеалами представляется имѣющимъ гораздо болѣе важное значеніе для Россіи, нежели для другихъ, болѣе цивилизованныхъ странъ Европы. Идеалы, достойные девятнадцатаго вѣка, имѣютъ въ виду благо всѣхъ и соответственно этому должны отражаться въ дѣйствительности такими поправками ея организаціи, которыя расширяютъ сферу

¹⁾ Тамъ же, стр. 86.

участія въ благахъ цивилизаціи,—прежде бывшихъ доступными одному классу,—трудящейся массы населенія“¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу тѣхъ же задачъ, лежащихъ на интеллигенціи, авторъ находитъ, что „интеллигенція естественнымъ образомъ пришла къ сознанию необходимости намѣтить общія очертанія того экономического строя, который долженъ развиться изъ существующаго переходнаго состоянія на мѣсто упраздненныхъ крѣпостныхъ порядковъ, и который долженъ удовлетворять одновременно какъ требованіямъ народной жизни, такъ и общимъ принципамъ гуманности, правды и справедливости. Затѣмъ, она должна была исправлять и дополнять эти очертанія, по мѣрѣ лучшаго ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ Россіи вообще и особенностями крестьянской жизни, равно какъ и народнаго міросозерцанія, въ частности, и осторожно руководствоваться названной схемой въ своей оцѣнкѣ существующаго и активномъ участіи въ практической жизни... Чуткость нашей интеллигенціи къ важнымъ задачамъ народнаго быта ничѣмъ такъ не доказывается, какъ тѣми обширными мѣстными изслѣдованіями, какія предпринимаются въ послѣднее двадцатилѣтіе и которыя переворачиваютъ вверхъ дномъ (?) многія кардинальнѣйшія представленія нашей интеллигенціи“²⁾).

Наконецъ, „рядомъ съ изученіемъ и кабинетными построеніями идутъ практическія мѣропріятія, и здѣсь на долю интеллигенціи выпадаетъ задача увазанія мѣръ, долженствующихъ быть принятыми правительствомъ и общественными учрежденіями ради поддержанія экономической самостоятельности трудящагося; задача проложенія путей, связывающихъ народную жизнь съ наукой, съ понятной цѣлью облегченія трудящемуся его нелегкой задачи приспособленія національныхъ основъ жизни къ растущимъ требованіямъ времени и прогресса въ тѣхъ случаяхъ, когда это выходитъ изъ границъ непосредственнаго усмотрѣнія и подлежитъ вѣденію систематическаго знанія“.

Таково новѣйшее изложеніе народнической теоріи. Послѣ того, какъ самъ г. В. В. призналъ теоріи гг. Юзова и Пругавина „ветхими и доморощенными“ (съ чѣмъ мы вполне согласны), его собственное изложеніе мы должны считать наиболѣе компетентнымъ изложеніемъ взглядовъ общественной группы, имя кото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 87.

²⁾ № 6, стр. 146—148.

рой такъ часто появлялось въ послѣдніе годы, которая сама, какъ видимъ изъ рассмотрѣнныхъ нами соображеній г. В. В., считаетъ себя наилучшей выразительницей смысла и потребностей народной жизни. На этомъ основаніи взгляды, изложенные г. В. В., заслуживали особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что авторъ, давно работающій въ области изученія народной экономической жизни, имѣетъ здѣсь свои высокія заслуги и о послѣднемъ трудѣ котораго была недавно рѣчь въ нашемъ журналѣ.

Въ чемъ же заключается народничество? Не можемъ скрыть, что статьи г. В. В. оставили насъ въ большомъ недоумѣніи въ разныхъ отношеніяхъ. Опредѣленіе „народничества“, какъ цѣлой общественной группы, здѣсь пока неполно ¹⁾; его историческое опредѣленіе кажется намъ невѣрнымъ; особенности взглядовъ народничества на народную, именно экономическую жизнь, кажутся намъ приписанными ему черезъ-чуръ исключительно.

Какъ мы упоминали, въ обычномъ нынѣшнемъ употребленіи народничество состоитъ не въ одномъ томъ, въ чемъ повидимому хочетъ полагать его г. В. В., именно, не въ одномъ стремленіи разъяснить исключительныя черты экономической организаціи русскаго народа и дать этимъ чертамъ практическую силу въ противность западнымъ экономическимъ ученіямъ, невѣрно прилагаемымъ къ русской жизни; оно заключается также вообще въ стремленіи лицъ „привилегированнаго“ круга сблизиться съ народомъ, „опроститься“. Это стремленіе имѣетъ много разныхъ степеней и оттѣнковъ: одни желаютъ изучить народную жизнь и подѣлиться своимъ опытомъ съ обществомъ, по своему быту далекимъ отъ народа; другіе, опростившись до нѣкоторой степени, желаютъ служить народу, напримѣръ, въ сельской школѣ; третьи даже не задаютъ себѣ какой-нибудь цѣли быть полезными народу, — они просто увѣровали въ спасительность опрощенія и иной разъ буквально уходили въ народъ, селились въ деревнѣ, обращались въ хлѣбопашцевъ, прибавляя единицы къ числу мужиковъ и — нуль къ ихъ умственной жизни! Нѣтъ сомнѣнія, что сблизеніе съ народною жизнью въ первомъ указанномъ смыслѣ можетъ имѣть, и имѣло, самое благотворное значеніе, распространяя въ обществѣ знакомство съ народною жизнью и возбуждая здоровыя сочувствія къ народу — въ родѣ тѣхъ, напримѣръ, какія сказались недавно въ помощи голодающимъ. Въ литературѣ этотъ родъ сблизенія съ народомъ имѣлъ результатомъ особый родъ произведеній, ко-

¹⁾ Какъ мы замѣтили, намъ неясно, окончено ли въ журналѣ изложеніе г. В. В.; быть можетъ, мы еще встрѣтимъ недостающее послѣ, въ продолженіи этихъ статей.

тория, безъ сомнѣнія, очень послужили въ расширенію пониманія народной жизни: назовемъ Глѣба Успенскаго. Была, очевидно, полезна и та дѣятельность практическихъ народниковъ, которая была направлена на народную школу, — они заблуждались только въ томъ, что возлагали слишкомъ большія надежды на инициативу отдѣльныхъ ревнителей, когда народное просвѣщеніе, очевидно, требуетъ несравненно болѣе широкихъ заботъ, а именно должно бы получить опору въ средствахъ самаго государства. Но другая сторона опрощенія, отчасти простодушная и неумная, отчасти лицемѣрно дѣланная, была или совершенно бесплодна, или производила отталкивающее впечатлѣніе лжи и обскурантизма, потому что въ число „идей“ этого сорта народничества входилъ и настоящій обскурантизмъ... Не знаемъ, какъ смотреть на подобныя проявленія народничества г. В. В.; но такія формы его существуютъ въ дѣйствительности, и лучшіе народники, къ числу которыхъ онъ, конечно, принадлежитъ, не должны удивляться, что этотъ терминъ получаетъ иногда двусмысленный, неблагоприятный оттѣнокъ. Теоретики народничества, въ родѣ г. Юзова, не помогли ему въ этомъ отношеніи, — быть можетъ, даже усилили неблагоприятное впечатлѣніе, особенно когда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не встрѣчали отпора со стороны другихъ членовъ группы, въ родѣ того отпора, какой сдѣланъ теперь въ статьяхъ г. В. В.

Пусть друзья народничества не выведутъ изъ нашихъ словъ заключенія, что мы вооружаемся вообще противъ сближенія съ народомъ, — раздражительность партій готова иногда на подобныя заключенія; — напротивъ, мы не только не имѣемъ ничего противъ этого сближенія (которое, напр., дало нашей литературѣ Глѣба Успенскаго, *нѣкоторыя* изъ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого, труды А. Н. Энгельгардта и пр.), но считали бы это сближеніе необходимымъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ оно есть, лишь бы оно вносило съ собою просвѣщеніе, а не впадало въ пустословіе и юродство, какъ, къ сожалѣнію, бывало въ послѣднее время не однажды. Это сближеніе, на почвѣ просвѣщенія и практической пользы народу, не должно бы быть дѣломъ случайной личной инициативы, а напротивъ правильнымъ и постояннымъ общеніемъ болѣе образованныхъ классовъ съ народной массой, не исключеніемъ, а обыкновеннымъ дѣломъ. На встрѣчу этимъ дѣятелямъ изъ образованныхъ классовъ въ народной средѣ (напр., образованный священникъ, правильно поставленный школьный учитель, образованный волостной писарь, сельскій докторъ, крестьянскій адвокатъ и т. д.) должны бы идти и жители деревни, прошедшіе не какую-нибудь жалкую школу грамотности съ реци-

дивомъ безграмотности, а порядочное училище, которое вывело бы ихъ изъ первобытнаго мрака и сообщило бы хотя элементарныя познанія. Иначе трудно представить себѣ какой-нибудь результатъ, кромѣ озлобленія и вражды, когда самый хорошій образованный человѣкъ окажется въ средѣ, живущей въ понятіяхъ народной среды города Астрахани, Саратова, Хвалынска, Нижняго-Новгорода, села Абакумовки, тамбовской губерніи и такъ далѣе безъ конца...

Если теорія народничества хочетъ сполна изложить и защитить свое ученіе и разсвѣять недоумѣнія и предубѣжденія, она должна принять во вниманіе и тѣ явленія, какія мы указываемъ, признать ясно то, чему она сочувствуетъ, и отвергнуть то, что фальшиво носить на себѣ имя народничества и извращаетъ его: она должна помнить исторію; для построенія ея необходимо извѣстное политическое образованіе.

Въ изложенныхъ выше взглядахъ г. В. В. мы не нашли точнаго опредѣленія того историческаго пункта, съ какаго народничество считаетъ свое существованіе и свою дѣятельность. Можно полагать, что этимъ пунктомъ онъ считаетъ семидесятые года; но мы указывали, что по теоретическому существу тѣхъ идей о народномъ экономическомъ бытѣ, какія г. В. В. считаетъ основнымъ содержаніемъ народничества, эта хронологія невѣрна и должна быть отодвинута къ пятидесятымъ годамъ. Частью даже и далѣе. Если г. В. В. укоряетъ нашу интеллигенцію прежнихъ временъ, что она изучала экономическія явленія по западнымъ системамъ и не выставила особенностей нашей экономической организаціи, онъ просто ошибается въ историческихъ періодахъ. Въ тѣ старыя годы эти вопросы были закрыты для русской „интеллигенціи“ — а вмѣстѣ съ тѣмъ русское общество въ тѣ годы впервые знакомилось съ вопросами и приемами экономической науки. Нѣсколько вспомнивъ исторію русской науки, авторъ могъ бы очень просто въ этомъ убѣдиться.

Нѣсколько болѣе вниманія къ общественной исторіиохранило бы народническую теорію и вообще отъ тѣхъ смутныхъ представленій объ „интеллигенціи“, съ которыми мы такъ часто встрѣчались. Это слово, — мимоходомъ сказать, весьма неудачное по той путаницѣ, къ которой оно ведетъ, — выражаетъ только понятіе о людяхъ извѣстнаго образованія, не давая никакого ближайшаго опредѣленія относительно ихъ общественнаго положенія, степени образованія и направленія ихъ дѣятельности. Между тѣмъ въ народнической теоріи это слово употребляется обыкновенно асуе: въ большинствѣ случаевъ этому слову данъ огульный смыслъ

какихъ-то привилегированныхъ классовъ общества, именно враждебныхъ народному интересу, и фальшивость этого опредѣленія открывается сама собой, когда тутъ же рядомъ одна часть этой „интеллигенціи“ изображается защитницей этихъ интересовъ. Очевидно, такой неопредѣленный терминъ не долженъ имѣть мѣста въ соціологическомъ изслѣдованіи, которое должно объяснять общественныя отношенія: эти отношенія такъ сложны, дѣятельность различныхъ общественныхъ группъ такъ разнообразна и обставлена столь многими условіями, что правильный результатъ разсужденія можетъ быть достигнутъ только при точномъ распредѣленіи многочисленныхъ факторовъ общественной жизни. Полагаемъ, что если бы народническая теорія обратила на это вниманіе, то эти толки объ „интеллигенціи“ она бы выбросила.

Наконецъ, болѣе вниманіе къ явленіямъ общественной жизни и литературы могло бы видоизмѣнить и представленія нашего автора о самомъ существѣ народничества и его роли въ ряду другихъ общественныхъ направленій. Авторъ полагаетъ, что стремленіе изучить и возвысить до активной силы особенности экономической организациі русскаго народа составляетъ специальную, исключительную особенность и собственность народническаго ученія, и что другія направленія нашего общества и литературы относятся къ этому стремленію или недружелюбно, или холодно. Думаемъ, что авторъ находится въ заблужденіи. То, что дѣлалось до сихъ поръ для изученія народнаго быта — этнографическаго, юридическаго, какъ и экономическаго, — постоянно встрѣчаемо было въ лучшей долѣ общества и литературы съ полнымъ сочувствіемъ, подобающимъ полезному общественному дѣлу. Для этихъ цѣлей работали одинаково спеціальныя правительственныя комиссіи, земскія учрежденія, ученые общества и отдѣльные изслѣдователи; если такъ называемые народники обнаруживали, по ихъ мнѣнію, больше ревности, чѣмъ другіе, то честь имъ и слава, но сказать, что они одни дѣлаютъ это дѣло, это есть несправедливое притязаніе. Если встрѣчались иногда дѣйствительные враги, — напр. нѣкоторыя земскія собранія, уничтожавшія статистическія работы, — то подобные факты прискорбны не для одного народничества. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣнія писателей, причисляющихъ себя къ народничеству, встрѣчали отпоръ, это вовсе не означаетъ вражды къ народу, а есть обыкновенное критическое разнорѣчіе въ области экономической логики и исторіи. Таово было, напр., въ послѣднее время разнорѣчіе по поводу общины. По мнѣнію народническихъ писателей, община есть спеціальное созданіе русскаго народа, отмѣченное притомъ высокимъ этиче-

скимъ характеромъ; по мнѣнію другихъ, община есть бытовая форма, извѣстная также многимъ другимъ народамъ, представляющая извѣстную стадію экономическаго развитія, подверженная видоизмѣненіямъ; а что касается ея этическаго характера, онъ считался недоказаннымъ, хотя бы по присутствію тѣхъ нежелательныхъ явленій, какія нерѣдки въ жизни сельскаго „міра“; самое бессердечное и грубое кулачество воспитывается въ той же общинѣ... Понятно, что было бы крайней нетерпимостью, а также и ребячествомъ не допускать критическаго разнорѣчія въ подобныхъ вопросахъ или думать, что это, въ концѣ концовъ теоретическое, сужденіе обозначаетъ правтическую вражду къ народу. Это просто открытый вопросъ, гдѣ спорность извѣстныхъ положеній показываетъ только—или то, что предметъ еще недовольно изслѣдованъ, или—что относительно его есть въ ходу предвзятія мнѣнія.

Исключительность народнической теории проявляется и въ другомъ отношеніи. Ставя на первомъ планѣ вопросъ о благосостояніи и, слѣдовательно, объ экономической организациі народа, теорія (сколько можно полагать по не вполне яснымъ указаніямъ) относится отрицательно къ заботамъ „привилегированныхъ“ классовъ объ улучшеніи политическихъ формъ, въ предположеніи, что такія улучшенія будутъ служить будто бы только интересамъ этихъ классовъ. Мы указывали выше, что въ подобномъ мнѣніи заключается вопіющая ошибка.

Но за этими исключеніями въ народничествѣ есть своя чрезвычайно симпатичная черта: это — глубокая преданность народному дѣлу, которая была засвидѣтельствована у многихъ дѣятелей этой группы неутомимыми трудами по изученію народнаго быта. Можно съ увѣренностью сказать, что, относясь болѣе спокойно къ явленіямъ нашей общественной жизни и литературы, — теоретики народничества увидѣли бы, что ихъ основная мысль встрѣчаетъ гораздо больше сочувствія и больше союзниковъ, чѣмъ они полагаютъ.

А. В—нъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

У МОРЯ.

(Изъ А. Сильвестра.)

Подъ жгучей синевой полуденныхъ небесъ,
Равниной грозною синѣя на просторѣ,
Необозримое раскинулося море.
Вотъ парусъ промелькнулъ, какъ чайка, и исчезъ
Въ сіяющей дали, залитой яркимъ блескомъ.
А тамъ, у берега, съ однообразнымъ плескомъ,
Среди безвѣтрія и знойной тишины,
Лѣниво плещется волна о валуны.
У бѣлыхъ валуновъ, въ тѣни скалы прибрежной,
Оттуда ей просторъ видѣется безбрежный,
Большая, головой къ подушкѣ прислонясь,
Откинувшись назадъ въ своемъ глубокомъ креслѣ,
Глядитъ передъ собой,—но взоры этихъ глазъ
Безжизненно грустны и холодны, и если
Въ нихъ оживленіе мгновенное мелькнетъ,
Похожее на лучъ, который придаетъ
Усопшаго чертамъ подобье жизни блѣдной—
Оно, какъ этотъ лучъ, исчезнетъ вмигъ безслѣдно.
А между тѣмъ она годами молода,
Ни трудъ, ни раннія заботы, ни нужда,
Ни горе—юныхъ силъ собой не надорвали.
Любовь?.. Но и ее она узнать едва-ли
Успѣла... Гдѣ любовь—тамъ также и борьба,
А для борьбы—совсѣмъ душа ея слаба.

Она—растеніе, цвѣтокъ оранжерейный,
 Предметъ и цѣль заботъ и гордости семейной.
 Ей не пришлось жить и думать за себя:
 Родные обо всемъ заботились любя.
 Она и пожелать была не въ состоянѣхъ
 Затѣмъ, что всё ея малѣйшія желанья
 Предупреждалися, и такъ же, какъ труда,
 Она усилія не знала никогда.
 Наряды, выѣзды, завиднѣйшая доля...
 Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ ней была убита воля,
 И жизнь, которая, казалось, была
 Такою легкою—ей стала тяжела.
 Она зачахла вдругъ, внезапно, безъ причины,
 Родные, вѣя себя отъ страха и кручины,
 Спѣшили увести страдальицу на югъ,
 Но онъ не исцѣлилъ таинственный недугъ,
 Который жизнь ея подтачивалъ собою.
 И передъ этою безбрежной синевою,
 Предъ этой красотой, и свѣтомъ, и тепломъ,
 Она безъ ропота слабѣла съ каждымъ днемъ.
 И съ равнодушіемъ устало безучастнымъ
 Покояся теперь, подъ этимъ небомъ яснымъ,
 И холодно слѣдя, какъ въ золотой дали,
 Блѣтѣ парусомъ, мелькаютъ корабли—
 Она, которая такъ рано жить устала,
 Губами блѣдными съ усиленіемъ шептала:
 —О, Боже, какъ бы я хотѣла умереть!—

А тутъ же на пескѣ, гдѣ брошенная сътъ
 Сушилась, нищая среди камней присѣла.
 Сѣвось платье рваное просвѣчивало тѣло
 Худое; несмотря на сильный солннопѣкъ,
 Она дрожала вся и куталась въ платокъ
 Дырявый. Двадцать лѣтъ могло ей быть, не болѣ,
 Но въ заострившихся, измученныхъ чертахъ,
 Въ ужасной худобѣ, въ ввалившихся глазахъ—
 Какъ много горечи, какъ много жгучей боли!
 Ей жизни жаль ея, суровой, трудовой,
 И неба южнаго съ глубокой синевою,
 И скромныхъ радостей. Ей жаль родного моря,
 Ей причинившаго, увы, не мало горя, —

Вѣдь море сдѣлало бѣдняжку сиротой.
 Но ей, измученной болѣзнью, ницетой,
 Жизнь все же кажется отрадной и желанной.
 Она живетъ и жизнь не можетъ не любить.
 И, глядя на море и на откосъ песчаный,
 Больная, поблѣднѣвъ, съ улыбкой шепчетъ странной:
 —О, Боже, какъ бы мнѣ хотѣлось пожить!—

*
* * *

Ты не любишь меня, но, безумно любя,
 Узнавать я не стану про это;
 Я могу лишь любить всею душою тебя,
 Безъ надежды, безъ словъ, безъ отвѣта.

Развѣ ландышъ, любуясь вечерней звѣздой,
 Благовоннымъ, либующимъ лѣтомъ;
 Развѣ листъ, напоенный алмазною росой,—
 Вопрошаютъ природу объ этомъ?

И ни вѣтеръ, кружась надъ куртину розъ
 И листовъ ароматныхъ касаясь,
 Ни волна, набѣгая на темный утѣсъ,
 О любви ихъ не молятъ, ласкаясь.

Соловей, распѣвая въ вечерней тиши,
 Ожидаетъ ли пѣсни отвѣтной?
 Такъ и я, полюбя всею силой души,
 Отдаюся любви беззавѣтно.

О. МИХАЙЛОВА.

1892 г.

ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ ИДЕИ

о

ВОЙНѢ

— Der Krieg in seiner wahren Bedeutung für Staat und Volk. Von v. Boguslawski, Generalleutenant z. D. Berlin, 1892.

Нѣтъ сомнѣнія, что французы смотрятъ на войну совершенно иначе, чѣмъ другіе культурные народы въ Европѣ. Франція — единственная страна, гдѣ военная слава составляетъ живую и дѣйствительную потребность наиболѣе образованныхъ классовъ населенія. Поклоненіе военнымъ героямъ нигдѣ не доходитъ до такого самоотверженія, какъ во Франціи; только у французовъ возможны такіе факты, какъ всеобщее народное увлеченіе красивымъ и ловкимъ генераломъ, въ родѣ Буланже.

До сихъ поръ еще французскіе публицисты не могутъ понять истинный смыслъ неудачи 1870 года; имъ все кажется, что побѣда Германіи есть великая несправедливость судьбы, что пруссаки и нѣмцы въ чемъ-то виноваты передъ Франціею, и что эта вина ихъ можетъ быть заглажена только возвращеніемъ Эльзаса и Лотарингіи подъ власть французовъ. Никто не задумывается при этомъ надъ вопросами: для чего вообще предпринята была франко-прусская кампанія 1870 года? Почему французамъ понадобилось тогда угрожать Пруссіи и идти въ походъ „à Berlin“? Какъ предполагали они поступить съ Германіею, еслибы имъ удалось разнести ее? Развѣ они лучше обошлись бы съ прусскимъ государствомъ послѣ занятія Берлина, чѣмъ нѣмцы съ Франціею послѣ

капитуляціи Парижа? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что часть прусской прирейнской области отошла бы къ французамъ, вопреки всѣмъ протестамъ нѣмецкаго населенія этой провинціи. Французская мечта о расширеніи границы до Рейна ни для кого не была тайною. Чѣмъ этотъ захватъ былъ бы справедливейше прусскаго занятія Эльзаса и Лотарингіи?

Всѣ эти естественные вопросы не приходятъ въ голову даже такому независимому и смѣлому писателю, какъ Эмиль Золя. Въ романѣ „La débacle“, какъ мы видѣли, господствуетъ тотъ же мелкій, поверхностный взглядъ на кампанію 1870 года, котораго держится громадное большинство французовъ всѣхъ партій и направленій. Вся бѣда будто бы заключалась только въ томъ, что война велась неумѣло и безтолково, что не было способныхъ и энергическихъ генераловъ, что самъ Наполеонъ III былъ боленъ и т. п. Будь у французовъ лучшіе порядки и лучшіе руководители, успѣхъ былъ бы на ихъ сторонѣ, и все было бы прекрасно: даже такой строгій критикъ второй имперіи, какъ Золя, не возражалъ бы противъ затѣянной „съ легкимъ сердцемъ“ войны, еслибы можно было рассчитывать на разгромъ Пруссіи и Германіи. Страсть къ военной славѣ одинаково вдохновляла и Тьера, и Гамбетту; она и теперь лежитъ въ основѣ завѣтнѣйшихъ стремленій французскаго общества. Мысль о возмездіи пруссакамъ за неудачу Наполеона III была всецѣло усвоена республикою и завладѣла умами передовыхъ ея дѣятелей; память о „зіяющей ранѣ, нанесенной Франціи“, о необходимости „всегда объ этомъ думать и никогда не говорить“, поддерживается неустанно въ публичныхъ рѣчахъ, въ журналистикѣ и литературѣ. Принципіальныхъ противниковъ международнаго кровопролитія встрѣчается очень мало между просвѣщенными французами. Съ обычной французской точки зрѣнія, только тѣ войны нежелательны и пагубны, которыя вончаются пораженіемъ Франціи, а всякая война хороша, когда она даетъ побѣду.

Французы не всегда были злопамятны въ своихъ неудачахъ: они не думали о возмездіи послѣ Ватерлоо и не питали враждебныхъ чувствъ къ англичанамъ и русскимъ, нанесшимъ имъ наиболѣе тяжелые удары въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Точно такъ же другія государства легко мирились и вступали въ дружбу съ побѣдителями: вспомнимъ отношенія Австріи къ Франціи послѣ Мадженты и Сольферино, отношенія Австріи къ Пруссіи послѣ Садовой, наши отношенія къ французамъ послѣ крымской кампаніи. Отчего же франко-нѣмецкая вражда упорно сохраняетъ

свой острый характеръ въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ со времени Седана?

Французы впервые въ 1871 году почувствовали на себѣ послѣдствія своей вѣковой воинственной политики; они впервые очутились лицомъ къ лицу съ великимъ сосѣднимъ народомъ, поднятымъ на рѣшительную національную борьбу постоянными посягательствами и притязаніями Франціи. При Наполеонѣ I французы имѣли дѣло съ коалиціею государствъ и правительствъ, съ которыми не всегда были солидарны народы; они возбуждали смѣлыя надежды и находили горячихъ поклонниковъ въ той самой Германіи, которую топтали своими ногами, а національная война въ Испаніи была для нихъ только неприятнымъ, но мало убѣдительнымъ урокомъ, который обошелся имъ не особенно дорого и не могъ имѣть для нихъ угрожающаго значенія. Главнѣйшія изъ европейскихъ державъ, воевавшихъ съ Наполеономъ I, не относились враждебно къ французской націи и даже готовы были покровительствовать ей при возстановленіи старой династіи; всѣмъ извѣстна выдающаяся роль Александра I, какъ друга и покровителя Франціи, послѣ Ватерлоо. Въ періодъ монархической реставраціи, какъ и въ царствованіе Луи-Филиппа, французы дѣйствовали съ большою сдержанностію и остерегались вызывать опасныя международныя кризисы; но они не отказывались отъ своихъ воинственныхъ традицій и часто напоминали міру о своемъ недавнемъ прошломъ, какъ напр. въ дипломатическихъ спорахъ по поводу польскаго вопроса, въ дѣлѣ испанскихъ браковъ при министерствѣ Гизо, или въ конфликтѣ съ Англіею при министерствѣ Тьера. Послѣ февральской революціи, при президентствѣ Луи-Наполеона и особенно при второй имперіи, Франція непрерывно волновала Европу своею беспокойною предприимчивостію; она регулярно каждые три года затѣвала какую-нибудь войну: она послала войска въ Италію для защиты папскихъ владѣній, устроила коалицію противъ Россіи и превратила Севастополь въ груды развалинъ, предприняла походъ въ Италію противъ Австріи, присоединила къ себѣ Ниццу и Савойю, послала экспедицію въ Китай, задумала основать новую имперію въ Мексикѣ, готовилась завладѣть Люксембургомъ и Бельгіею взамѣнъ предоставленія Пруссіи свободы дѣйствій въ Германіи. Всѣ эти предпріятія возстановляли противъ французовъ отдѣльныя государства, но отчасти возбуждали также сочувствіе народовъ. Заступничество за римскій престолъ привлекало симпатіи и признательность миллионновъ вѣрующихъ католиковъ въ Европѣ; крымская кампанія была популярна потому, что тогдашняя официальная Россія во-

площала въ себѣ духъ реакціи и заслужила своими дѣйствіями искреннюю ненависть всѣхъ культурныхъ и свободолюбивыхъ націй запада; освобожденіе части Италіи отъ австрійскаго владѣнства отрывало итальянцамъ путь къ національной независимости и соответствовало идеямъ и интересамъ различныхъ народностей не только въ другихъ странахъ, но и въ самой Австріи. Мексиканская экспедиція, проекты относительно Лювсенбурга и Бельгіи сильно вредили правительству Наполеона III въ общественномъ мнѣніи, но не создавали непосредственныхъ опасностей для Франціи.

Французы съ тою же легкостью относились къ вопросу о вмѣшательствѣ въ дѣла Пруссіи и Германіи; они не замѣчали, что въ этомъ случаѣ поднимаютъ противъ себя цѣлый народъ, проникутый жаждою самостоятельнаго національнаго существованія и развитія. Они замѣтили это уже слишкомъ поздно, когда столкнулись съ беспощаднымъ стихійнымъ потокомъ германскихъ армій.

Французы приступили къ кампаніи 1870 года, какъ къ обыкновенной войнѣ государствъ, могущей окончиться миромъ послѣ нѣсколькихъ правильныхъ военныхъ турнировъ и болѣе или менѣе значительныхъ битвъ; но они съ ужасомъ увидѣли, что нѣмцы ведутъ борьбу на жизнь и смерть, что нѣтъ возможности ни остановить ихъ, ни смягчить, и что для Франціи настало время защищаться до послѣдней крайности, чтобы спастись отъ окончательной гибели. Эта отчаянная, рѣшительная борьба народовъ, одинъ-на-одинъ, нагрянула на Францію совершенно неожиданно и не давала ей опомниться до конца, пока французы не признали себя вполне побѣжденными. Такъ какъ стихійно-національный характеръ войны былъ сознателенъ со стороны нѣмцевъ и вовсе не имѣлся въ виду французами, то послѣдніе съ самаго начала были подавлены и парализованы недоумѣніемъ, которое вносило безнадежную растерянность въ ихъ военныя дѣйствія;— вотъ почему исходъ кампаніи опредѣлился безповоротно послѣ первой же серьезной встрѣчи при Вертѣ. Война 1870 года была совсѣмъ непохожа на предшествовавшія войны французовъ, и ея новыя, необычныя черты, къ которымъ не была подготовлена Франція, достаточно объясняютъ роковую неизбежность пораженія. Это была уже не азартная игра, не политическій спортъ, какъ походы въ Италію и въ Крымъ, а нѣчто болѣе рискованное и ужасное—столкновение съ организованнымъ нашествіемъ вооруженной націи, стремящейся отомстить за старыя кровавыя обиды и сдѣлать врага безвреднымъ на будущее время. Понятно то жуткое чувство, которое должно было овладѣть французами,

когда для нихъ объяснилось значеніе неодолимаго прусско-нѣмецкаго натиска; ибо Франція, имѣя съ одной стороны нѣмецкихъ побѣдителей, а съ другой—океанъ, должна бояться за свое политическое существованіе, если нѣмцы стануть систематически тѣснить ее къ западу. Простой инстинктъ самосохраненія подсказываетъ каждому французу, что необходимо обезпечить страну отъ дальнѣйшаго враждебнаго напора сосѣдней Германіи, и что нельзя быть спокойнымъ безъ такого обезпеченія; поэтому-то французы не забываютъ Седана и не могутъ примириться съ потерею Эльзаса. Только съ тѣхъ поръ, подъ влияніемъ событій 1870—71 годовъ, они значительно измѣнили свои взгляды на войну и начали связывать съ нею понятіе о законѣ жизненной борьбы,—понятіе, которое Золя ошибочно приписалъ дѣятелямъ предшествовавшей эпохи, легкомысленнымъ участникамъ и приверженцамъ фантастическаго плана военной прогулки à Berlin.

Нельзя отрицать, что нѣмцы несравненно серьезнѣе французовъ относятся къ вопросу о войнѣ и къ условіямъ международнаго мира вообще. Никакія тенденціозныя обвиненія и нападки не устраняють и не колеблуть того положительнаго, основнаго факта, что новая германская имперія, за всѣ двадцать лѣтъ своего существованія, не вела и не предпринимала ни одной войны въ Европѣ, не задумывала и не пыталась осуществить ни одной комбинаціи, опасной для другихъ народовъ, не стремилась къ завоеваніямъ и присоединеніямъ, не тревожила сосѣдей своимъ вѣдѣтельствомъ и довольствовалась лишь заботливою активной охраною прибрѣтеннаго могущества, при помощи усиленныхъ вооруженій. Франція имѣла нѣсколько крупныхъ европейскихъ войнъ при Наполеонѣ III, который самъ не былъ полководцемъ и никогда не принималъ руководящаго участія въ военныхъ дѣлахъ; а Германія, при такихъ опытныхъ вождяхъ, какъ Вильгельмъ I и Мольтке, неизмѣнно соблюдала вѣдѣннй, хотя и вооруженный, миръ. Завоевательные проекты, періодически выдвигавшіеся при второй имперіи,—какъ, напр., относительно Люксембурга или Бельгіи,—совершенно вышли изъ моды; германскіе правители не обнаруживали ни малѣйшаго намѣренія угрожать независимости Нидерландовъ или присоединить нѣмецкія земли Австріи, какъ предполагали на первыхъ порахъ публицисты французской, наполеоновской школы. Даже внутреннее союзное устройство Германіи осталось неприкосновеннымъ со времени основанія имперіи подъ главенствомъ Пруссіи; послѣдняя не задавалась мыслью воспользоваться своимъ господствующимъ положеніемъ для того, чтобы ослабить политическую автономію отдѣльныхъ

нѣмецкихъ государствъ и преобразовать въ свою пользу основы нѣмецкаго единства. Очевидно, между политикою Франціи при второй имперіи и дипломатіею современной Германіи существуетъ коренное, принципиальное различіе, которое почему-то упускается изъ виду французскими писателями при оцѣнѣ международного порядка, созданнаго франкфуртскимъ мирнымъ трактатомъ 1871 года. вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣмецкая философія войны, при всей своей теоретической слабости, существенно отличается отъ традиціонныхъ французскихъ идей. Нѣмецкій авторъ не могъ бы сказать, что люди „съ улыбкой ожидаютъ войны“, какъ говоритъ Зола о жителяхъ Эльзаса передъ 1870 годомъ. Война для нѣмцевъ имѣетъ прежде всего значеніе національной жертвы, вызываемой лишь необходимостью защиты великихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ.

Такой взглядъ на войну проводится не только въ политической печати и въ общей литературѣ Германіи, но и въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ специалистовъ по военному дѣлу. Въ этомъ смыслѣ кажется намъ весьма поучительно вышедшая недавно книжка прусскаго генерала Богуславскаго, въ которой теоретическое оправданіе войны совмѣщается съ практическою проповѣдью миролюбія. Богуславскій не высказываетъ ничего новаго или оригинальнаго; общія положенія его взяты цѣликомъ у Мольтве, Клаузевица, фонъ-деръ-Гольца, такъ что въ мнѣніяхъ и теоріяхъ автора выражается въ сущности цѣлое военно-политическое міросозерцаніе, раздѣляемое наиболѣе выдающимися и убѣжденными представителями прусскаго милитаризма. „Война,—говоритъ генералъ Богуславскій,—приносить бѣдствія и страданія не только для участвующихъ въ ней, но и для ихъ семействъ и, слѣдовательно, для всего народа. Исходъ войны нельзя предвидѣть заранее, и отъ него можетъ зависѣть самое существованіе націи. Эти причины налагаютъ на правителей народовъ и на самые народы обязанность избѣгать войны во всѣ времена, насколько это возможно; но наше время обязываетъ къ этому еще въ болѣшей мѣрѣ. Воинская повинность лежитъ на всѣхъ, она привлекаетъ къ участию все населеніе; массы войскъ столь велики, что трудно направлять ихъ и заботиться объ ихъ прокормленіи. Нельзя себѣ ясно представить, какъ организуется война въ будущемъ. Даже лучший знатокъ дѣла не въ состояніи нарисовать себѣ удовлетворительную картину ея съ приблизительною точностью... Поэтому война представляется многимъ какъ темный, угрожающій, замаскированный призракъ. Таинственный въ своемъ существѣ, скрывающій въ себѣ небывалые еще ужасы, этотъ при-

зрякъ охватить всю Европу своими желѣзными когтями и растопчетъ плоды нашей цивилизаціи“. Сторонники вѣчнаго мира и социаль-демократы истолковываютъ эти обстоятельства по своему и отвергаютъ самый принципъ войны; но авторъ рѣшительно возстаётъ противъ такихъ толкованій и выводовъ, могущихъ будто бы подорвать военный духъ націи и ослабить ея политическую силу. „Военное искусство выставляется какъ грубое ремесло; войнѣ приписывается единственно и исключительно лишь вредное вліяніе; только богатство отдѣльныхъ лицъ и всего общества, сближеніе народовъ посредствомъ торговыхъ интересовъ способствуютъ культурному развитію. Не военная слава, а искусства мира возвышаютъ душу. Такъ говоритъ корыстолюбіе, извѣженность подъ маскою человѣчности, художественныхъ и научныхъ стремленій. Къ счастью, однако, истинное ядро нашего средняго класса не заражено еще этимъ настроеніемъ“. Авторъ старается защитить и оправдать войну вообще, въ теоріи, какъ нѣчто отвлеченное, но самъ же осуждаетъ ее на практикѣ; онъ желалъ бы, чтобы люди поклонялись войнѣ въ принципѣ и старательно избѣгали ея на дѣлѣ. Эта двойственность проходитъ черезъ все сочиненіе генерала Богуславскаго и придаетъ какой-то странный отбѣнокъ всей его военно-политической доктринѣ. Онъ признаетъ полную основательность тѣхъ „реальныхъ и естественныхъ желаній мира“, въ силу которыхъ государственные люди почти всѣхъ европейскихъ государствъ постоянно повторяютъ свои миролюбивыя увѣренія. „Каждое государство заботится о томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не брать на себя почина и отвѣтственности въ возникновеніи войны. Хотятъ имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ. Всѣ вооруженія существуютъ лишь для того, чтобы сохранить миръ, и народы охотно успокоиваются при этой мысли, будучи довольны, что можно еще пока дышать и работать подъ этимъ тяжкимъ бременемъ и что настоящее позволяетъ имъ еще сѣять и жать, спекулировать и торговать“. Но во Франціи и Россіи, по мнѣнію автора, дѣйствуютъ могущественныя пружины въ пользу войны и поддерживаютъ народъ въ броженіи, тогда какъ вслѣдствіе достиженія политической цѣли въ Германіи и Италіи замѣчается упадокъ воинственнаго духа, а между тѣмъ „поддержаніе военнаго духа есть жизненный вопросъ для народа: съ нимъ народъ держится и падаетъ, ибо война имѣетъ свою основу въ особенностяхъ человѣческой природы и того міра, въ которомъ мы живемъ“. Война, — продолжаетъ патетически авторъ, — „этотъ могучій владыка, эта движущая стихійная сила, не будетъ свергнута съ своего трона или удалена отъ кормила

исторіи ни соціаль-демократіей, ни матеріализмомъ, ни красивыми и трогательными словами проповѣдниковъ мира; но противники войны могутъ все-таки нанести глубокую рану бодрому героическому духу народа, къ выгодѣ нашихъ враговъ“. Дѣятельная пропаганда ведется съ цѣлью упраздненія войны; „это, можно сказать, очень благородно и въ то же время очень утѣшительно въ глазахъ нашихъ выжидающихъ непріятелей: и они хотятъ мира, но только мира послѣ нашего уничтоженія. Какъ часто показываетъ исторія, что народъ, охраняемый своимъ географическимъ положеніемъ или признаннымъ нейтралитетомъ, живя на счетъ старой славы, вслѣдствіе продолжительнаго мира впадаетъ въ состояніе, дѣлающее его неспособнымъ оказать сопротивленіе въ минуту опасности. Нѣчто подобное можетъ развиваться и у нѣмцевъ подъ вліяніемъ ложныхъ представленій о войнѣ и мирѣ“.

Въ этихъ разсужденіяхъ прусскаго генерала обращаетъ на себя вниманіе исходная точка, прямо противоположная французской: авторъ разумѣетъ войну исключительно какъ способъ національной обороны и какъ гарантію противъ возможныхъ нападений сосѣднихъ державъ; а войны завоевательной, направленной въ увеличенію территоріи и могущества, онъ совсѣмъ не допускаетъ для Германіи. Онъ, быть можетъ, ошибается, называя Россію въ числѣ государствъ, которыя грозятъ мирному существованію и развитію нѣмецкой націи; онъ, очевидно, совершенно напрасно приписываетъ русскому обществу и правительству какія-то непріязненные намѣренія относительно германской имперіи, ибо воинственные выходки нашихъ газетныхъ лже-патріотовъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительными стремленіями, потребностями и желаніями нашего общества и народа. Но, разъ установивъ то положеніе, что французы и русскіе угрожаютъ нѣмцамъ, авторъ вполне послѣдовательно дѣлаетъ отсюда выводъ о необходимости сохраненія боевой готовности и поддержанія военныхъ качествъ нѣмецкой народной арміи, ея нравственной энергіи, бодрости и силы; поэтому и нуженъ культъ войны даже въ мирное время, и только съ этой точки зрѣнія генераль Богуславскій доказываетъ первостепенную важность военнаго дѣла для страны и государства. Если предположить, что опасность исчезла со стороны Франціи и что нѣмцы убѣдятся въ безусловномъ миролюбіи Россіи, то идея войны осталась бы безъ всякой почвы въ Германіи, и прочный всеобщій миръ самъ собою водворился бы въ Европѣ. Однако, сегодняшнее мирное настроеніе сосѣдей можетъ завтра сдѣлаться воинственнымъ, и никогда нельзя быть увѣреннымъ въ

долговѣчности международнаго затишья; оттого и приходится думать о защитѣ и войнѣ. Такъ разсуждаетъ прусскій генераль, представитель специально-военнаго класса побѣдоносной державы; такъ же точно нѣмцевіе государственные люди, какъ Бисмаркъ, не разъ заявляли категорически, что вооруженія Германіи не имѣютъ другой цѣли, кромѣ оборонительной. Нѣмцы не стремятся ни къ завоеваніямъ, ни къ увеличенію военной славы; они хотятъ только сохранить и обезпечить за собою прибрѣтенное, а для этого они, по мнѣнію автора, должны признавать законность войны, ея благотворность и справедливость, вопреки теоріямъ одно-стороннихъ миролюбцевъ. „Война,—говоритъ генераль Богуславскій,—основывается на законѣ природы, одинаково дѣйствующемъ во всемъ мірѣ; этотъ законъ природы называется *борьбою*. Борьба заключается въ столкновеніи враждебныхъ элементовъ. Уже происхожденіе міровыхъ тѣлъ указываетъ на борьбу природныхъ силъ; никогда не прекращающаяся борьба животныхъ расъ служитъ ближайшимъ проявленіемъ этого естественнаго закона. Стоитъ ли человекъ внѣ природы? Конечно, нѣтъ. Законы природы одинаково обязательны для человека, какъ и для всѣхъ другихъ существъ; они даютъ себя чувствовать повсюду, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Никто не станетъ утверждать, что борьба есть единственный законъ природы, но она столь же необходима, какъ и всякій другой“.

Эти ссылки на „законъ борьбы“ основаны на двойномъ недоразумѣніи. Во-первыхъ, опредѣленное дѣйствіе закона природы находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, которыя сами по себѣ могутъ быть измѣняемы по волѣ человека, такъ что мы можемъ пользоваться знаніемъ естественныхъ законовъ для нашихъ человѣческихъ цѣлей, а не подчиняться слѣпо существующимъ фактамъ; напр. мы предупреждаемъ разрушительное дѣйствіе молніи посредствомъ устройства громоотводовъ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться пассивнымъ признаніемъ закона природы, производящаго громъ и молнію; точно такъ же мы можемъ устранить вредное дѣйствіе закона борьбы соответственнымъ измѣненіемъ фактическихъ условій, вызывающихъ борьбу. Во-вторыхъ, существованіе естественнаго закона борьбы нисколько не предполагаетъ и не доказываетъ неизбежности международныхъ войнъ, ибо борьба можетъ выражаться и въ болѣе мягкой и замаскированной формѣ, въ видѣ культурнаго и экономическаго состязанія, подобно тому какъ борьба за существованіе между отдѣльными лицами проявляется не въ вулачныхъ бояхъ и насиліяхъ, а въ

мирномъ соперничествѣ¹⁾. Съ одной стороны, законъ природы принимается въ смыслѣ чего-то принудительнаго, благодаря двойственному смыслу слова „законъ“, и простой комбинаціи фактовъ ошибочно придается обязательная, непреложная сила. Съ другой стороны, подъ словомъ „борьба“ разумѣется почему-то именно кровавое столкновение, и на этомъ основаніи неминуемость войны считается заранѣе доказанною. Въ эту двойную ошибку впадаетъ и генералъ Богуславскій въ своей попыткѣ теоретическаго оправданія войны.

Слабость „естественно-научной“ аргументаціи автора въ пользу войны выступаетъ еще рельефнѣе въ его дальнѣйшихъ объясненіяхъ. „Воля человѣка, осуществляемая съ силою и страстью противъ другой воли, должна вести къ борьбѣ. Борьба часто происходитъ также вслѣдствіе желѣзнаго закона необходимости, вытѣсняющаго однихъ для того, чтобы могли жить другіе. Наконецъ борьба возникаетъ изъ присущаго человѣку стихійнаго чувства, побуждающаго его стремиться выказать свою силу, что совершается большею частью одолѣніемъ равносильнаго противника“. Все это относится скорѣе къ частнымъ битвамъ и поединкамъ между людьми, чѣмъ къ международнымъ войнамъ, и однако самъ же авторъ вѣроятно протестовалъ бы противъ восстановленія кулачнаго права въ культурныхъ государствахъ. „Въ борьбѣ съ стихіями и животными человѣкъ можетъ также выказывать мужество и самоотверженіе, выносливость и преданность; но столкновение сознательно дѣйствующихъ силъ гораздо сильнѣе вліяетъ на душевное состояніе человѣка, чѣмъ борьба противъ неодушевленныхъ стихій. Эта борьба безстрастна, она навязывается намъ; человѣкъ ведетъ ее потому, что вынужденъ бороться, безъ ненависти, безъ вражды, безъ оскорбленнаго чувства правды“. Война порождаетъ военную честь, этотъ „прекраснѣйшій цвѣтокъ, выросающій въ бою и въ бѣдѣ, надъ бездною опасностей, подобно благородному альпійскому цвѣтку на крутомъ утесѣ“. Военное сотоварищество создаетъ самыя тѣсныя нравственныя связи, способствуетъ взаимному сближенію различныхъ классовъ народа и вызываетъ подъемъ національнаго сознанія. Великія „опасности войны не только для участниковъ, но и для родины и государства, равно какъ и страшно-возвышенныя впечатлѣнія поля битвы, невольно приближаютъ насъ къ божеству. Повальная гибель, мгновенный переходъ столь многихъ отъ жизни къ смерти, утрата то-

¹⁾ Ср. „Основные вопросы политики“ (Сиб., 1889), стр. 61—121 („Право и безправіе войны“).

варищей и друзей — охватываютъ насъ и поражаютъ, напоминая о всемогущей силѣ, которая простираетъ надъ человѣчествомъ свою грозную руку. Внезапный поворотъ въ судьбѣ государствъ и народовъ, связанный съ мировыми сраженіями, дѣлаетъ для каждаго чувствительнымъ владычество Провидѣнія, и сердце и мысль поднимаются къ Богу“. Нечего и говорить, что есть несравненно болѣе величественныя картины, чѣмъ видъ поля битвы, усѣяннаго человѣческими тѣлами и пропитаннаго человѣческою кровью: возвышенное настроеніе гораздо легче и вѣрнѣе вызывается въ насъ великими и грозными явленіями природы, видомъ звѣзднаго неба въ тихую лѣтнюю ночь, необъятною ширью океана, созерцаніемъ свѣжныхъ альпійскихъ вершинъ, изверженіемъ Везувія или Этны.

Впрочемъ, авторъ присоединяетъ еще одно условіе для того, чтобы война производила возвышающее, облагораживающее дѣйствіе на умы людей: — нужно, чтобы „идея, породившая войну, происходила изъ источника чистаго въ нравственномъ отношеніи“. Такого рода оговорка въ устахъ прусскаго военнаго дѣятеля довольно ярко характеризуетъ нѣмецкіе взгляды на войну, въ отличіе отъ французскихъ; ни одинъ изъ заурядныхъ французскихъ историковъ или публицистовъ, — не говоря уже о военныхъ специалистахъ, — не придаетъ значенія нравственнымъ мотивамъ военныхъ предпріятій, особенно побѣдоносныхъ или успѣшныхъ для Франціи. Но нравственныя побужденія не поддаются точной оцѣнкѣ; „обыкновенно каждая изъ воюющихъ сторонъ считаетъ свое дѣло правымъ, и нельзя сказать, чтобы справедливость всегда одерживала побѣду. Весьма возможно, что маленькій народъ, достигшій высокой степени нравственнаго развитія, будетъ побѣжденъ варварскимъ племенемъ, значительно превосходящимъ его по численности“. Тѣмъ не менѣе, — продолжаетъ авторъ, — исторія учитъ насъ, что въ общемъ война имѣетъ доказательную силу. „Пораженіе обыкновенно составляетъ для побѣжденной стороны полное доказательство ея недостатковъ и ошибокъ. Оно служитъ могущественнымъ толчкомъ къ нравственному возрожденію, и народъ, не умѣющій подчиняться такому предостерегающему толчку, подготавливаетъ себѣ скорую гибель... Всегда война пробуждала нравственныя силы народа. Если пораженіе есть только первый шагъ къ совершенному упадку дряблага государственнаго тѣла, то война кореннымъ образомъ измѣняетъ состояніе, которое въ дальнѣйшемъ приводило бы къ гораздо большому нравственному злу, чѣмъ внѣшняя война. Но природа всегда создаетъ новыя образованія; она производитъ вѣчное перерожденіе и обновленіе.

Война есть ея орудіе. Оплодотворяющее сѣмя побѣды рождаетъ даже изъ неудачи новую жизнь. Для покоренныхъ можетъ вазаться слишкомъ суровою и несправедливою постигшая ихъ судьба; но голосъ исторіи скажетъ, что война была только исполнительницею тѣхъ вѣчныхъ законовъ, въ силу которыхъ челоѣчество должно двигаться впередъ, а не прозябать въ неподвижности. Въ этомъ заключается нравственное оправданіе войны, разсматриваемой съ точки зрѣнія всемірной исторіи“. Можно сказать и наоборотъ, что часто война надолго задерживаетъ культурное развитіе народовъ; челоѣчество, конечно, не подвинулось впередъ отъ завоеванія Россіи монголами или отъ водворенія турецкаго владычества на развалинахъ византійской имперіи. Если же пораженіе приноситъ косвенную пользу побѣжденнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ причиняется нравственный вредъ побѣдителямъ: порывамъ первыхъ къ совершенствованію соотвѣтствуетъ самодовольство и упадокъ энергіи вторыхъ, и что выигрывается на одной сторонѣ, то теряется на другой. Независимо отъ своихъ политическихъ послѣдствій, война—какъ признаетъ самъ авторъ—будитъ въ челоѣкѣ дурныя страсти, звѣрскіе инстинкты, наклонность къ грубости и насилію; но сама по себѣ, „въ своихъ основныхъ элементахъ, война неизмѣнна; она порождаетъ возвышенное и великое, рядомъ съ дурнымъ и низменнымъ; она не можетъ считаться ни абсолютнымъ зломъ, ни безусловнымъ благодѣяніемъ, такъ какъ вообще законъ природы не можетъ быть ни хорошъ, ни дуренъ; а состояніе культуры, особенности народовъ и армій придаютъ войнѣ различный характеръ въ разныя эпохи всемірной исторіи“. Мы уже видѣли, что законы природы тутъ ни при чемъ; уваженіе къ законамъ природы не мѣшаетъ намъ избѣгать ихъ неудобныхъ проявленій, тѣмъ болѣе когда исполнителями этихъ законовъ являются люди. Нерѣдко, какъ замѣчаетъ генералъ Богуславскій, государства злоупотребляютъ правомъ войны; правительство или народъ можетъ, на примѣръ, „примѣнить свою силу безъ достаточнаго основанія противъ болѣе слабой державы, чтобы уменьшить ее, или уничтожить, или вмѣшаться безъ нужды въ ея внутреннія отношенія“. Вѣроломства и обманы, къ которымъ прибѣгала дипломатія въ былое время относительно чужихъ или враждебныхъ государствъ, „представляютъ отвратительное зрѣлище, но это плоды позорной политики, а не войны вообще“. Злоупотребленія правомъ войны, вслѣдствіе которыхъ люди часто должны были проливать свою кровь за отдаленные интересы, служили для друзей вѣчнаго мира главнѣйшими доводами противъ несправедливости и безчелоѣчности всякихъ военныхъ предпріятій.

Эти злоупотребленія войною должны исчезнуть, насколько это возможно. Гарантія для этого не существуетъ, также какъ и для совершеннаго избѣжанія войны, ибо даже при истинной и чистѣйшей цивилизаціи мы остаемся людьми, съ пороками, слабостями и недостатками всякаго рода, вложенными въ насъ природою. Но соблюденіемъ извѣстныхъ общихъ началъ можно достигнуть того, чтобы во главѣ государствъ стояли люди, обладающіе политическою предусмотрительностью, которая позволитъ имъ не примѣнять права войны безъ надобности, и мы имѣемъ основаніе замѣтить, что въ Германіи, Италіи и Австріи это требованіе исполнялось съ 1871 года. Быть можетъ, удастся такимъ образомъ сдѣлать войны болѣе рѣдкими, если вездѣ будутъ преобладать эти воззрѣнія. И Мольтке въ одной изъ своихъ юношескихъ статей утверждалъ, что войны будутъ случаться рѣже, и въ общемъ вѣдется, что это предположеніе должно осуществиться. Высказывая подобныя практическія пожеланія, авторъ въ то же время серьезно считаетъ себя защитникомъ войны; „я заранѣе предвижу, — говоритъ онъ — упрекъ, что въ качествѣ военнаго человѣка я пишу про domo и изображаю вещи въ одностороннемъ свѣтѣ; я вѣдь все-таки принадлежу къ боевымъ участникамъ великой эпохи Вильгельма I“. Въ дѣйствительности трудно быть болѣе умѣреннымъ и сдержаннымъ хвалителемъ военнаго дѣла; и едва-ли кто упрекнетъ автора въ пристрастіи или въ шовинизмѣ за его общія разсужденія о важности войны. Онъ осуждаетъ проповѣдь національной вражды и недовѣрія, а специально къ Франціи онъ относится съ полнѣйшимъ уваженіемъ. Упомянувъ о Вобанѣ, онъ называетъ его „великимъ сыномъ нашей великой непріятельницы, французской націи“; онъ говоритъ съ похвалою объ усиліяхъ національной обороны послѣ Седана, объ искусномъ пользованіи научными и техническими успѣхами со стороны французовъ, даже въ войнѣ 1870—71 годовъ, и только сожалѣетъ о французской воинственности, побуждающей ихъ желать новой войны для обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи.

Нѣмцы, по мнѣнію Богуславскаго, слишкомъ мало поощряютъ у себя воинственныя, патріотическія чувства; они празднуютъ день 2-го сентября, день формальной сдачи Седана, а не 1-го, день битвы, день дѣла, — „обстоятельство, которое всегда приводило въ волненіе даже спокойнаго, уравновѣшеннаго Мольтке, какъ самъ онъ однажды высказался автору“. Празднованіе дня самой битвы выставлялось какъ неумѣстное, негуманное, и поэтому избрано было 2-ое сентября, которое, впрочемъ, не имѣетъ характера истинно національнаго праздника. „Съ важнымъ годомъ

чествованіе этого дня все болѣе блѣднѣетъ, и нельзя оправдывать этого только вліяніемъ времени. Что значитъ двадцать лѣтъ для исторіи народа, для воспоминанія о великихъ историческихъ событіяхъ, создавшихъ могущество націи? Въ этомъ вѣщномъ равнодушіи къ недавней военной славѣ авторъ видитъ признаки упадка воинственнаго духа въ Германіи, и эти признаки беспокоятъ его, такъ какъ упадокъ бодрости и вѣры можетъ отозваться на способности нѣмцевъ къ надлежащему энергическому отпору въ будущей войнѣ. А когда человекъ утрачиваетъ энергію къ борьбѣ, онъ не можетъ рассчитывать на побѣду. Сомнительно только, поддерживается ли народная энергія тѣми способами, которые имѣетъ въ виду генералъ Богуславскій. Постоянно прославляя заслуги прошлаго и чувствуя память великихъ военныхъ триумфовъ, народъ можетъ мало-по-малу проникнуться убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ предъ всѣми другими націями и государствами; духъ совершенствованія при этомъ ослабѣетъ, подъ вліяніемъ спокойнаго самодовольства и самовосхваленія. Французы со временъ наполеоновскихъ войнъ сохраняли въ себѣ увѣренность, что нѣтъ въ мірѣ арміи, которая могла бы сравниться съ французскою; они чествовали память своихъ героевъ и побѣдъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ и щедростью, и эта именно утвердившаяся идея о всегдашнемъ и неминуемомъ торжествѣ французскаго оружія привела Францію къ разгрому 1870 года. Всякій французъ, подобно лейтенанту Рошâ въ романѣ Золя, спокойно ожидалъ пораженія пруссаковъ и побѣдоноснаго преслѣдованія ихъ до Берлина; армія, избалованная своею прежнею славою, относилась къ противникамъ съ пренебреженіемъ и не считала нужнымъ слѣдить за ихъ успѣхами и приготовлениями, такъ что первыя неудачи должны были неизбѣжно поразить французовъ своею неожиданностью и произвести затѣмъ общую панику съ ея обычными пагубными послѣдствіями. Поклоненіе своему собственному національному величію создаетъ ту атмосферу самодовольства, которая вѣрнѣе всего ведетъ къ застою и упадку. И намъ обошлась чрезвычайно дорого первенствующая роль въ Европѣ передъ крымской войною, благодаря привычкѣ къ легкимъ побѣдамъ; воинственный патріотизмъ, воспитанный на почвѣ неподвижной тьмы и оффиціального самовосхваленія, не помогъ намъ справиться съ военными силами культурныхъ западно-европейскихъ государствъ. И если нѣмецкій народъ менѣе французскаго увлекается воспоминаніями о своихъ военныхъ подвигахъ и не склоненъ къ шумному празднованію дней побѣды, какъ свидѣтельствуетъ о томъ генералъ Богуславскій, то это говорить

лишь въ пользу большей серьезности національнаго сознанія и большей прочности элементовъ совершенствованія и прогресса въ Германіи.

Коренное различіе въ воззрѣніяхъ обѣихъ націй на войну сказывается уже и въ такихъ внѣшнихъ фактахъ: Парижъ полонъ указаній на великіе подвиги французской арміи и ея героевъ, и на каждомъ шагу патриотическая гордость населенія поддерживается и возбуждается такими громкими названіями, какъ „Pont d'Austerlitz“, „Pont d'Iena“, „Avenue de la grande armée“, „Boulevard de Sébastopol“, de Magenta и т. д., не говоря уже о грандіозной триумфальной аркѣ, гдѣ перечислены главные наполеоновскія битвы,—а въ Берлинѣ едва-ли можно встрѣтить на улицахъ и площадяхъ географическія имена, прославленные послѣднею войною, какъ напр. Вёртъ, Спикернъ, Гравелоттъ, Сенъ-Прива, Марсъ-Латуръ. И въ то время, какъ нѣмецкое общество стѣснялось праздновать 1-ое сентября, день седанскаго боя, Парижъ по прежнему сохраняетъ память и имя Севастополя на одномъ изъ своихъ центральныхъ бульваровъ, не смотря на новѣйшую дружбу съ Россією. Какъ французовъ не спасло отъ пораженія это настойчивое чествованіе прошлыхъ побѣдъ, такъ и для нѣмцевъ не было бы полезно усвоеніе этого преувеличеннаго культа военной славы.

Мысль о побѣдѣ волнуетъ кровь француза и вызываетъ только патриотическія размышленія въ умахъ нѣмцевъ; для французовъ война есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ политической исторіи и жизни, а для нѣмецкаго народа она — лишь способъ достиженія опредѣленныхъ національныхъ цѣлей, способъ тягостный и самоотверженный, избираемый только за отсутствіемъ другихъ путей къ защитѣ великихъ общихъ интересовъ. Въ глазахъ французовъ идея войны заключаетъ въ самой себѣ свое оправданіе, свой смыслъ и назначеніе; для нѣмцевъ война нуждается еще въ особыхъ нравственныхъ мотивахъ, совпадающихъ вообще съ государственно-национальными, и возможность выгодной и славной побѣды не признается достаточнымъ основаніемъ для военной предприимчивости. Военная слава для французовъ есть отчасти сама по себѣ цѣль, а для нѣмцевъ она является лишь побочнымъ результатомъ національной борьбы, утѣшительнымъ придаткомъ къ реальнымъ политическимъ успѣхамъ и пріобрѣтеніямъ. Война имѣетъ для Германіи не самостоятельное, а производное значеніе, въ зависимости отъ взглядовъ и стремленій Франціи, ибо даже нѣмецкіе специалисты военнаго дѣла пони-

мають войну только въ смыслѣ національной обороны отъ враждебныхъ, преимущественно французскихъ, посягательствъ. Соответственный поворотъ въ идеяхъ французовъ могъ бы оказаться благотворнымъ для общаго мира и успокоенія Европы; но не видно еще признаковъ такого поворота, и краснорѣчивымъ доказательствомъ этой неизмѣнности старыхъ французскихъ понятій о войнѣ могутъ служить указанныя нами характерныя особенности и пробѣлы въ „La débacle“ Эмиля Золя.

Л. Слонимскій.

ДЕРЕВНЯ

I.

ВЕСНА.

Привѣтствую тебя, веселая весна!
Блестя, звуча, благоухая,
И силы жизненной, и радости полна,
Какъ ты красива, молодая!

Лицомъ къ лицу съ тобой одѣнь бродя въ лѣсу,—
Въ душѣ, твоимъ подвластной чарамъ,
Совѣты я себѣ разумные несу,
Какъ подобаетъ людямъ старымъ.

Я говорю себѣ: „смотри почаще внизъ;
Вездѣ цвѣтокъ увидишь нѣжный;
Душистыхъ ландышей здѣсь массы; берегись,
Чтобъ ихъ не смять ногой небрежной.

Старайся уловить и свѣта, и тѣней
Игру въ причудливыхъ узорахъ;
И кашель сдерживай, чтобъ слышались ясные
Напѣвы птицъ—и листьевъ шорохъ.

II.

ПОСЛѢ КРАТКОВРЕМЕННОГО ОТСУТСТВІЯ.

Покинувъ городá, я вновь живу на волѣ;
 Опять въ глухомъ лѣсу, опять въ открытомъ полѣ...
 Но мнѣ отраднó здѣсь не только потому,
 Что сельской жизни складъ милъ сердцу моему;
 Что здѣсь я окруженъ тѣнистымъ, старымъ садомъ;
 Что я окинуть вновь могу привычнымъ взглядомъ
 Давно знакомый рядъ привѣтливыхъ картинъ;
 Что не отцвѣлъ еще любимый мной жасминъ;
 Что очередь пришла румяной земляники;
 Что вечеромъ въ лѣсу грачей я слышу крики,
 А на поляхъ, пока тьма ночи не сошла,
 Переклинаются во ржи перепела...
 За то я возлюбилъ тебя, деревня, страстно,
 Что помощи твоей просилъ я не напрасно;
 Любовью за любовь мнѣ отвѣчала ты.
 Кто мнѣ открылъ тщету житейской суеты?
 Кто думы мнѣ внушалъ средь тихаго досуга?
 Не ты-ль—о, добрая и вѣрная подруга?

III.

НОВАЯ БѢДА.

До поры рабочей, вдоль большой дороги,
 Нищіе толпами волочили ноги
 Въ рубищѣ дырявомъ и съ сумою сзади,
 Приставая къ встрѣчнымъ:— „Хлѣба, Христа ради!“
 Нищихъ стало меньше; но зато намъ съ юга
 Переносить вѣтеръ сѣмена недуга.
 Если и въ деревнѣ воздухъ вѣетъ ядомъ,
 Смотришь на природу невеселымъ взглядомъ,

Если ужъ и солнце—для людей угроза,
Поскорѣй бы царство лютаго мороза.
Бѣдная отчизна! Два несчастья сразу!
Цережили голодъ; ждемъ теперь заразу.
Не легка задача—темному народу
Умною борьбою побѣждать невзгоду!
Намъ, оружье знанья вынося на битву,
Надо съ сокрушеньемъ возсылать молитву;
Всюду—жертвы мрака, горя да лишенья...
Господи, прости намъ наши прегрѣшенья!

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

1892 г.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СЛАВЯНОФИЛЬ

- Востокъ, Россія и Славянство. Сборникъ статей К. Леонтьева, т. I и II. Москва, 1885—86.
  - К. Леонтьевъ, Национальная политика какъ орудіе всемірной революціи. Москва, 1889.
-

К. Леонтьевъ—писатель недавно умершій—пользовался при жизни не большою извѣстностью, какъ и его предшественникъ Данилевскій—авторъ „Россіи и Европы“ и „Дарвинизма“. Теперь о немъ много пишутъ нѣкоторыя газеты извѣстнаго направленія и силятся доставить ему посмертныя лавры. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ имя Леонтьева было поставлено даже на ряду съ именами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого и Достоевскаго—вмѣстѣ съ именемъ Данилевскаго. Мы не думаемъ, однако, чтобы поклонникамъ Леонтьева удалось поставить его хотя бы на временный пьедесталь Данилевскаго; мы не думаемъ даже, чтобы наша „охранительная“ пресса, или остатки нашихъ славянофиловъ, могли особенно желать апофеозы Леонтьева. И это не потому, чтобы онъ уступалъ Данилевскому въ талантѣ. Намъ кажется, напротивъ, что онъ былъ значительно оригинальнѣе. Но по своей страсти къ парадоксу, по цинической откровенности своей проповѣди, этотъ убѣжденный сотрудникъ „Гражданина“ и „Варшавскаго Дневника“ не совсѣмъ удобенъ для своихъ единомышленниковъ. Въ то же время онъ неудобенъ и для нынѣшнихъ ветерановъ славянофильства: Леонтьевъ—разочарованный славянофиль, пессимистъ славянофильства.

Эти двѣ черты Леонтьева—его *крайняя* послѣдовательность въ проповѣди реакціи и мракобѣсія и его реалистическій пессимизмъ, столь отличный отъ радужнаго идеализма славянофиловъ—

дѣлаютъ этого „enfant terrible“ его партіи весьма любопытнымъ для критическаго изученія. Среди сторонниковъ идей „Гражданина“ онъ едва-ли не одинъ — человекъ мыслящій и убѣжденный въ одно и то же время: онъ имѣетъ нѣчто въ родѣ своей собственной политической философіи — совершенно своеобразной, слишкомъ даже своеобразной. Во всякомъ случаѣ уже одно это его качество — въ нашей прессѣ находка, которая привлекаетъ вниманіе, какъ случайный камень въ кучѣ песка. Каковы бы ни были воззрѣнія Леонтьева, они поддаются критикѣ, допускаютъ ее. И какъ ни причудлива его система, она имѣетъ общій интересъ, соответствующій нѣкоторымъ господствующимъ теченіямъ общественнаго сознанія. Во-первыхъ, она заключаетъ въ себѣ убѣжденную и продуманную политическую апологію реакціи. Во-вторыхъ, она представляется новымъ фазисомъ въ развитіи славянофильскаго ученія: въ извѣстномъ смыслѣ, это — послѣднее слово славянофильства. Потому-то мы и считаемъ разборъ произведеній Леонтьева интересною задачею, несмотря на ихъ малую извѣстность.

I.

Тѣ немногіе изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ произведеніями Леонтьева, спросятъ, быть можетъ, можно ли вообще считать его славянофиломъ, при его крайне отрицательномъ отношеніи къ славянству, при полномъ отсутствіи вѣры въ самобытность русскаго духа и того политическаго и религіознаго идеализма, который отличалъ первыхъ славянофиловъ? Онъ сходился съ ними въ безусловномъ признаніи консервативныхъ устоевъ Россіи, но понималъ ихъ значительно иначе, оцѣнивъ съ большою пронизательностью *византійскій* характеръ этихъ началъ. Быть можетъ, онъ былъ ближе къ Каткову, чѣмъ къ Хомякову и Аксаковымъ. Но самъ онъ говоритъ про себя, что его „литературная жизнь, подобно блѣдной лунѣ, освѣщена солнечнымъ сіяніемъ „Русскаго Вѣстника“ только съ одной стороны“: другую сторону, оригинальную и „погруженную въ безысходный мракъ“, онъ считалъ самъ „гораздо лучше“ (II, 212). Онъ считалъ Каткова, „нашимъ политическимъ Пушкинымъ“ и предлагалъ „за живо политически канонизировать его“, воздвигнувъ ему „мѣдную хвалу“ на Страстномъ бульварѣ — противъ новооткрытаго памятника великаго поэта (II, 152). Но въ то же время онъ заявляетъ не разъ о своемъ разногласіи съ Катковымъ и прибавляетъ тутъ же: „*нѣкоторыя мнѣнія ея* (слишкомъ „европейскія“ по стилю) *мнѣ*

невыносимы и сильно раздражаютъ меня". Въ тому же консерватизмъ Катцова повидимому казался ему недостаточно крайнимъ и послѣдовательнымъ („Нац. Пол.“ 24).

Леонтьевъ сходилъ съ славянофилами въ глубокой ненависти къ „гнилому“ Западу и его культурѣ. Но и тутъ, какъ увидимъ, ихъ раздѣляетъ довольно существенная разница: Леонтьевъ относится съ нескрываемымъ сочувствіемъ къ консервативнымъ устоямъ Запада—папству, католицизму, остаткамъ феодализма, монархіи и аристократіи Запада, къ развитію семейнаго начала на западѣ, — даже къ индивидуализму въ его первоначальной аристократической формѣ. Онъ ненавидитъ лишь новую, либеральную Европу, съ ея эгалитарнымъ прогрессомъ, буржуазнымъ конституціонализмомъ, съ ея мѣщанскимъ идеаломъ и безбожными анархическими тенденціями; онъ ненавидитъ ея всеуравнивающую, космополитическую цивилизацію, надвигающуюся во всеоружіи техники и милитаризма и разрушающую всѣ охранительныя традиціонныя начала прежней политической жизни человѣчества. Леонтьевъ — романтикъ, грезящій средневѣковымъ рыцарствомъ, замками, средневѣковымъ папствомъ, монархической Франціей.

Европа „гниетъ“ сравнительно съ недавняго времени, — собственно съ конца прошлаго вѣка. И Россія противопоставляется этой гнилой либеральной Европѣ лишь какъ носительница консервативнаго византизма. Какъ громадная консервативная сила, какъ колоссальный тормазъ, она можетъ сыграть мировую роль, приостановивъ на время теченіе европейскаго прогресса, „подморозивъ“ ея полусгнившій организмъ. Для этого ей нужно лишь блюсти себя отъ западнаго просвѣщенія и отъ грамотности (II, 9), хранить свое „варварство“, свою „спасительную грубость“ (II, 88) и, тамъ, гдѣ это возможно, поддерживать консервативныя начала Европы — не только въ иностранной политикѣ, но даже у себя на окраинахъ.

Такой идеалъ несомнѣнно отличается отъ славянофильскаго. Если славянофиловъ называли русскими романтиками, то Леонтьевъ еще болѣе, чѣмъ они, западный романтикъ. Но зато онъ совершенно свободенъ отъ гегеліанскаго воззрѣнія на исторію, отъ оптимистической теоріи прогресса, которую такъ или иначе раздѣляли славянофилы 50-хъ годовъ. Онъ не вѣрилъ въ исторію и прогрессъ, не вѣрилъ въ человѣчество и счумѣлъ дать опредѣленное выраженіе этому невѣрію. Далѣе, въ христіанствѣ Леонтьева мы вовсе не находимъ того идеализма, той универсально-каеолической тенденціи, которая составляла столь симпатичную сторону ранняго славянофильства, той живой вѣры въ торжество вселенскаго пра-

вославнога христіанства, въ соединеніе всѣхъ христіанъ, которая вдохновляла проповѣдь Хомякова. Но зато православіе Леонтьева было болѣе свободно отъ протестантскихъ элементовъ; въ извѣстномъ смыслѣ оно было коррективѣ: воспитанное аеонскими монахами, оно менѣе походило на „розовое христіанство“, въ которомъ Леонтьевъ справедливо упрекалъ нѣкоторыхъ нашихъ „новыхъ христіанъ“.

Итакъ, Леонтьевъ сходится съ славянофилами въ своихъ началахъ: вмѣстѣ съ ними онъ противопоставляетъ Россію „гнилому Западу“, какъ носительницу православія и самодержавія—христіанской и монархической идеи. Правда, самая оцѣнка этихъ началъ и политическія надежды Леонтьева—нѣсколько иныя, чѣмъ у славянофиловъ. Но самое это различіе является результатомъ внутренняго развитія или, точнѣе, внутренняго саморазложенія славянофильскаго ученія, ибо это ученіе въ самомъ началѣ своемъ заключало нѣкоторую неопредѣленность и противорѣчія, выяснившіяся впоследствии по мѣрѣ его развитія.

Въ чемъ же заключаются эти противорѣчія?

Въ Леонтьевѣ насъ интересуеъ главнымъ образомъ саморазложеніе славянофильства, этого ученія, которое составляетъ первую попытку нашего общественнаго самосознанія, и которое продолжаетъ еще служить предметомъ оживленныхъ споровъ. Поэтому мы и остановимся подробнѣе на этомъ ученіи, какъ на исходной точкѣ Леонтьева, и посмотримъ, что привело его въ разочарованію въ славянофильствѣ и своеобразной метаморфозѣ его.

Первоначальные славянофилы совмѣщали въ своемъ міросозерцаніи нѣсколько разнородныхъ началъ — элементы нѣмецкой философіи націонализма и православія. „Благородные москвичи, европеизмомъ пресыщенные“¹⁾, эти романтики нашего до-Петровскаго прошлаго, соединяли разочарованіе во всей культурѣ современной Европы съ вѣрой въ самобытную грядущую русскую культуру. Къ патріотическому романтизму ихъ присоединялось сильное религіозное вліяніе²⁾.

¹⁾ Леонтьевъ, I, 266.

²⁾ Вѣрную и вполне объективную характеристику этого романтизма нашихъ славянофиловъ даетъ П. Г. Виноградовъ въ своей статьѣ о Кирѣевскомъ и началахъ московскаго славянофильства („Вопросы философіи и психологіи“, кн. XI). Осужденіе рационализма, исканіе непосредственнаго мистически дѣльнаго знанія, культъ народности въ непочатыхъ слояхъ ея первобытной жизни, религіозно-церковный позитивизмъ—все это характерныя черты того міросозерцанія, которое извѣстно подъ именемъ романтики и нашло одно изъ типичнѣйшихъ выраженій своихъ въ школѣ Шеллинга. Славянофилы отыскивали въ русскомъ народѣ то, что, по ихъ мнѣнію, нѣмецкіе мыслители тщетно искали у себя.

Ислюдуя причину духовнаго разобщенія Россіи и западной Европы, имѣвшей единую культуру, наши мыслители сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ справедливо находили ее главнымъ образомъ въ раздѣленіи церквей. Средневѣковая культура была католической въ Европѣ, православно-византійской въ Россіи. Глубокая религіозная и культурная реформа протестантизма была также обще-европейскимъ движеніемъ, которое прошло безслѣдно для Россіи. Все умственное, социальное, политическое развитіе Европы имѣло существенно другую основу, чѣмъ развитіе Россіи. Поэтому, естественно, западно-европейская цивилизація могла быть принята въ намъ лишь извнѣ, насильственно, желѣзной рукою Петра. Эта цивилизація у насъ не была оригинальной: мы могли лишь внѣшнимъ образомъ усвоить себѣ „плоды“ западно-европейскаго просвѣщенія, рабски подражать „западнымъ образцамъ“. Поэтому мы либо ограничивались заимствованіемъ внѣшней культуры — техническихъ, индустріальныхъ открытій Запада; или же, тамъ, гдѣ мы хотѣли глубже проникнуть въ цивилизацію Запада, мы невольно подчинялись ей настолько, что сознательно или безсознательно отрывались отъ родной почвы, ассимилировались Западу, воспринимая въ себя самыя основы, духовныя начала его культуры. Неизбѣжно долженъ былъ наступить моментъ, когда это противорѣчіе выяснилось въ нашемъ общественномъ сознаніи. Мы ощутили въ себѣ самихъ это вѣковое, непримиренное противорѣчіе Запада съ Востокомъ, и должны были — либо сознательно отречься отъ православно-византійскихъ основъ нашей жизни во имя западнаго просвѣщенія, либо, наоборотъ, противопоставить эти основы всей культурѣ Запада, зараженной дыханіемъ ереси.

Чаадаевъ призналъ въ „византизмѣ“ корень русскаго застоя, отсталости, русскаго отчужденія отъ Запада; онъ видѣлъ въ немъ роковой жребій Россіи. Но замѣчательно, что славянофилы не рѣшились противополжить западной культурѣ — византизмъ, какъ культурное начало Россіи. По многимъ причинамъ они не могли и не хотѣли этого сдѣлать. Первый покусился на это Леонтьевъ, и это одно уже заслуживаетъ вниманія.

Конечно, прежде чѣмъ придти къ мертвенному, отжившему византизму, наши славянофилы должны были обратиться къ самой Россіи, къ самому русскому православному народу преимущественно въ его до-реформенный періодъ, не тронутый западной цивилизаціей. И они находили въ немъ богатые залого развитія. Они видѣли ихъ, во-первыхъ, въ его чистомъ, древнемъ вселенскомъ православіи, носителемъ котораго онъ является, въ прекрасныхъ нравственныхъ дарованіяхъ, воспитанныхъ въ немъ

его долгой и многотрудной христіанской жизнью. Во-вторыхъ, — въ силѣ и величіи русскаго народа и славянскаго племени, связаннаго съ нимъ историческими, кровными узами. Славяне, не знавшіе еще самобытной политической жизни, подчиненные ино-вѣрному Западу и невѣрному Востоку, славяне, угнетенные ино-племенниками и тяготѣющіе къ Россіи, — являются живымъ залогомъ исторической миссіи Россіи. Освободивъ славянство, объединивъ его подъ знаменемъ православія и самодержавія, Россія должна открыть новую эру всемірной культуры. Наконецъ, самый политическій и земскій строй древней Руси — самодержавіе съ широкимъ развитіемъ земскаго самоуправления и соборнаго представительства, общинный социализмъ русскаго народа — вотъ тѣ начала, на которыя славянофилы возлагали свои надежды.

Славянофилы отличались отъ западныхъ романтиковъ весьма существенно въ томъ отношеніи, что ихъ идеаль лежалъ столько же въ будущемъ, сколько и въ прошедшемъ, и въ томъ, что европейская культура, противъ которой они возставали, была не самобытной, своею, а чужою и плохо усвоенною. Въ Россіи, въ ея непочатыхъ силахъ, они видѣли источникъ живой воды, долженствовавшей обновить міръ.

Поэтому въ мечтаніяхъ славянофиловъ заключалась нѣкоторая двойственность: въ ихъ ученіи были прогрессивныя, высоко гуманныя, универсалистическія тенденціи — и консервативный, ретроградный націонализмъ. Идеаль славянофиловъ — всеславянская православная культура будущаго, обновляющая міръ, и въ то же время — до-Петровская Русь въ ея своеобразномъ костюмѣ, въ ея бытѣ, вѣрованіяхъ, въ ея отчужденіи отъ Европы. Культурныя начала обособляли до-Петровскую Русь отъ Европы, даже отъ западныхъ славянъ, и потому эти же самыя культурныя начала должны были послужить основаніемъ для новой всеславянской и всемірной культуры.

Отсюда естественно вытекали многія противорѣчія и несообразности, которыя не замедлили выступить наружу — противорѣчіе между универсализмомъ и націонализмомъ, между прогрессивными, гуманитарно-либеральными тенденціями новой всеславянской культуры — и консервативнымъ старовѣрствомъ московской Руси. Эти противорѣчія указывали славянофиламъ уже ихъ современники; имъ указывали ихъ впоследствии и позднѣйшіе славянофилы, сознательно избравшіе между консервативнымъ націонализмомъ или византизмомъ древней Руси и идеальнымъ универсализмомъ Россіи грядущаго.

Подъ вліяніемъ первоначальнаго недоразумѣнія первые сла-

вянофилы судили ошибочно не только о западной культурѣ, но и о тѣхъ началахъ, на которыхъ они строили свои чаянія.

Прежде всего богословскія теоріи славянофиловъ, при всей несомнѣнной заслугѣ Хомякова и Самарина, столь энергично возбудившихъ церковный вопросъ и выяснившихъ его первостепенное, принципиальное значеніе, — богословскія теоріи славянофиловъ заключали въ себѣ довольно существенное и характерное недоразумѣніе. Православіе, въ теченіе столькихъ вѣковъ обособлявшее христіанскій Востокъ отъ христіанскаго Запада, является въ ихъ глазахъ новымъ принципомъ всечеловѣческой, всемірной культуры. Съ точки зрѣнія Хомякова оно гармонически примиряетъ въ себѣ противоположныя крайности католицизма и протестантизма, единства и множества, авторитета и свободы. И въ то же время, въ противность исторіи и несогласно ни съ практикой нашей церкви, ни съ авторитетными мнѣніями ея выдающихся богослововъ, — римская церковь и протестантскія церкви не признаются церквями вовсе.

Въ официальномъ ученіи нашей церкви, и въ особенности въ ея практикѣ, мы не находимъ ни такого остраго, наступательнаго отношенія къ западному христіанству, ни такихъ широкихъ культурныхъ замысловъ. Римская церковь, сохранившая преемство апостольское, признается во всякомъ случаѣ за церковь, разъ что дѣйствительность ея не подлежащихъ повторенію таинствъ (крещенія, муропомазанія, иногда и священства) на практикѣ признается ¹⁾. Съ бдльшей принципиальной терпимостью, съ болѣе глубокимъ мистическимъ взглядомъ на божественный характеръ таинствъ, наша церковь видитъ въ западныхъ христіанахъ крещенныхъ членовъ церкви Христовой, предоставляя Христу судить ихъ. Но въ то же время восточная церковь отличается, обособляется отъ западныхъ гораздо болѣе, чѣмъ это думали славянофилы. Противопологая себя имъ, какъ единую православную, она твердо и неизбежно хранитъ свои преданія въ ученіи и богослуженіи, и принципиально чуждается всякаго „прогрессивнаго движенія“, всякаго „развитія“ въ области догматовъ культа или въ соціальной сферѣ своей дѣятельности. Она такова теперь, какъ за тысячу лѣтъ. Церковь консервативная по преимуществу, церковныя преданія, она и въ мірскомъ человѣчествѣ всего болѣе способствовала росту и укорененію охранительныхъ началъ, будучи сама тѣсно связана въ своемъ историческомъ существованіи сперва

¹⁾ Известно, что греки въ этомъ отношеніи неоднократно нзмѣняли свой взглядъ, и главнымъ образомъ по политическимъ соображеніямъ.

съ византійскимъ, затѣмъ съ русскимъ самодержавіемъ. Идеаль восточной церкви—не въ развитіи земной культуры, не въ мірѣ вообще. Высшее выраженіе ея духа—въ монастыряхъ и монашествѣ. По выраженію Леонтьева, она не вѣритъ въ гуманитарный прогрессъ, не вѣритъ въ торжество всечеловѣческой культуры.

Поэтому, естественно, чтобы сдѣлать ее знаменемъ такой культуры и прогресса, славянофилы должны были значительно обезличить ее, идеализировать ее по-своему или предъявить ей новыя, совершенно несообразныя требованія. Поэтому мы встрѣчаемъ у славянофиловъ—то увѣренія, что наша церковь представляетъ изъ себя совершенное осуществленіе церкви Божіей на землѣ, внутренней синтезъ, гармоническое сочетаніе единства и свободы въ совершенной любви,—то, наоборотъ, самую рѣзкую и жестокую критику всего нашего церковнаго и іерархическаго строя, какъ напр. у покойнаго Ив. С. Аксакова. Вопреки исторіи, вопреки дѣйствительности, нашъ іерархическій строй разсматривался какъ какая-то случайная аномалія. Инсинуируются упреки въ „цезаропапизмъ“ и предлагаются реформы всего церковнаго строя въ крайне либеральномъ демократическомъ духѣ, реформы, болѣе подходящія въ какомъ-нибудь индипендентскимъ общинамъ, чѣмъ къ православной церкви. Эти преобразованія—демократизація церкви, выборное священство, выборная іерархія, женатыя архіереи, серьезно предлагавшіеся въ славянофильскомъ лагерѣ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о недостаточномъ пониманіи духа православной церкви, ея прошлаго, ея будущихъ задачъ. Равнымъ образомъ и въ другихъ подробностяхъ славянофильскаго богословія, даже въ его полемикѣ противъ западныхъ исповѣданій, сказались протестантскія вліянія. Такъ напр., въ полемикѣ противъ католицизма православіе чуть ли не отождествлялось съ принципомъ свободнаго изслѣдованія, а начало іерархическаго авторитета, на которомъ зиждется римская церковь, представлялось чѣмъ-то ложнымъ, не долженствующимъ быть въ церкви. Въ то же время, въ силу своей универсалистической тенденціи, славянофилы силились превратить православіе въ какой-то идеальнѣйшій католицизмъ—безъ реальной вселенской іерархіи—нѣчто въ родѣ того идеализированнаго католицизма, который проповѣдовалъ извѣстный католическій богословъ Мёлеръ въ своей „Символикѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, противорѣчіе славянофильскаго ученія о

¹⁾ Эта замѣчательная книга имѣетъ большой интересъ для критической оцѣнки славянофильскаго ученія. Möhler, „Symbolik oder Darstellung d. dogmatischen Gegensätze der Katholiken u. Protestanten“. Первые четыре изданія разошлись еще при жизни автора († 1838), десятое изданіе появилось въ 1888 году.

церкви формулировалось съ такою опредѣленностью, что возвращеніе къ первоначальному славянофильству здѣсь немислимо. Оно пришло къ дилеммѣ: или православіе, какъ оно въ дѣйствительности есть, т.-е. греко-россійское православіе, съ его византійскими преданіями и стремленіями, съ его дѣйствительными учрежденіями и строимъ; или—новое, универсально-каеолическое, не существовавшее до сихъ поръ культурное православіе, съ соотвѣствующей ему реальной вселенской іерархіей. Таковъ былъ, думается намъ, тотъ естественный ходъ мыслей, который привелъ Вл. С. Соловьева къ его ученію о вселенскомъ каеолицизмѣ будущаго, соединяющемъ христіанскія церкви, о будущей русско-римской теократіи. Съ другой стороны, та же логическая необходимость привела „реалиста“ Леонтьева къ другой альтернативѣ той же дилеммы. „Славяно-англиканское ново-православіе“ кажется ему опаснѣе и бесплоднѣе всякаго свопчества и хлыстовщины ¹⁾. Разбирая рѣчь Достоевскаго, произнесенную на Пушкинскомъ праздникѣ, Леонтьевъ отвергаетъ его „розовое“ христіанство, его мечтательный „всечеловѣчскій“ универсализмъ, въ которомъ онъ видѣлъ верховную идею православной Россіи, и противопоставляетъ ему „смирненіе передъ тою церковью, которую совѣтуетъ любить и. *Побѣдоносцевъ*“ (II, 305) ²⁾.

Православная церковь „выпѣтовала“ сильное и крѣпкое русское государство, по выраженію одного изъ духовныхъ писателей нашихъ; византизмъ „*отворилъ* насъ крѣпко и умно“, по выраженію Леонтьева (I, 188). Одного этого уже достаточно, чтобы всякій русскій сугубо любилъ государство, скрѣпленное священными узами церкви, и вмѣстѣ ощущалъ благодарность къ церкви, вдохнувшей такую силу въ его государство, сплотившей его родину! Обширнѣйшее изъ государствъ земли, Россія имѣетъ несомнѣнно свое призваніе, свою миссію въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, на ея долю выпали самыя тяжкія и сложныя политическія задачи, какъ внутри ея, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Каковъ же долженъ быть основной принципъ ея внутренней и внѣшней политики?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, славянофилы естественно впали въ

¹⁾ По поводу женатыхъ архіереевъ Леонтьевъ замѣчаетъ: „Для кого же и для чего нужно, чтобы какая-нибудь мадамъ Благовѣщенская или Успенская сидѣла около супруга своего на ступеняхъ епископскаго трона? Для чего? Для спасенія души?—Спасались безъ всякихъ дамъ съ одними монахами... Для культуры?—Слишкомъ похоже на англичанъ и не особенно красиво“ (II, 251).

²⁾ Въ этой, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ выдержкахъ изъ Леонтьева, я неизмѣнно соблюдаю *курсивы подлинника*.

то же противорѣчіе между націонализмомъ и универсализмомъ, между русскимъ консерватизмомъ и прогрессивнымъ либерализмомъ—эмансипаціонной политикой. Съ одной стороны—руссификація окраинъ, дѣятельная борьба съ католицизмомъ и лютеранствомъ, охраненіе политическихъ и религиозныхъ основъ, протестъ противъ всей западной культуры; съ другой стороны—освобожденіе крестьянъ, земское самоуправленіе, широкое развитіе народнаго образованія и цѣлый рядъ либеральныхъ демократическихъ реформъ, задуманныхъ чрезвычайно смѣло и радикально. Съ одной стороны—призывъ „домой“, въ до-петербургскую Москву; съ другой—либеральныя реформы въ духъ современнаго государства. Словомъ, значительная неопредѣленность, я не скажу—политики, а политическаго міросозерцанія. Чѣмъ должна руководствоваться Россія въ своей внутренней политикѣ? Национальными преданіями или обще-культурными принципами; обычаемъ или правомъ и справедливостью? Наше крестьянское положеніе, быть можетъ, страдаетъ отъ этой роковой нерѣшенной задачи, которую теперь разрубаютъ земскіе начальники—каждый по-своему въ своемъ участкѣ. Нынѣшніе славянофилы-„реалисты“, отвергающіе „такъ называемую справедливость“, не безъ основанія упрекаютъ прежнихъ въ томъ, что они въ своемъ патріотическомъ идеализмѣ смѣшивали начала совершенно разнородныя, измѣняя націонализму во имя отвлеченныхъ принциповъ права и гуманности ¹⁾.

Еще яснѣе становится это противорѣчіе въ области внѣшней политики. Чѣмъ должна руководиться она—національнымъ своекорыстіемъ, или идеей безкорыстнаго служенія человѣчеству? Должна ли политика Россіи быть прежде всего *христіанской*, какъ утверждалъ Достоевскій, Вл. Соловьевъ,—или же она должна быть лукавой, какъ утверждалъ иногда реалистъ Леонтьевъ, признавшій самый принципъ христіанской политики—ложью и самообманомъ.

Никто не станетъ спорить, что въ первоначальномъ славянофильствѣ былъ во всякомъ случаѣ *возможенъ* и тотъ, и другой отвѣтъ; и на самомъ дѣлѣ—и тотъ, и другой отвѣтъ въ дѣйствительности встрѣчается. Идея универсальнаго христіанства руководила славянофилами въ ихъ благородной защитѣ славянства, чуждой тѣхъ корыстныхъ политическихъ интересовъ, которые имъ иногда приписываютъ. И въ то же время ихъ „борьба съ Западомъ“ могла совершенно невольно принимать иногда характеръ далеко не христіанскаго, фанатическаго возбужденія народныхъ и

¹⁾ Истинные славянофилы, по мнѣнію Леонтьева, не должны повторять „эмансипаціонныя заблужденія своихъ знаменитыхъ учителей“, а служить ихъ главному, высшему идеалу, а именно—истинному націонализму (Нац. Пол., 45).

народническихъ инстинктовъ. „Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечомъ въ рукахъ, какъ Магометь;—но мы этого не должны, именно потому, что мы христіане“: такъ говорилъ императоръ Николай I, „нашъ великій охранитель“, какъ его называетъ Леонтьевъ, самому Ю. Ѡ. Самарину по поводу его „Писемъ изъ Риги“¹⁾. Упрекъ, не заслуженный лично Самаринимъ, но имѣющій въ себѣ нѣкоторую долю правды по отношенію ко всему направленію.

Въ своихъ страстныхъ, не всегда справедливыхъ нападеніяхъ на почтенныхъ родоначальниковъ славянофильства, Вл. Соловьевъ вѣрно указалъ на фактъ, обидный самъ по себѣ для этихъ столь почтенныхъ идеалистовъ—на несомнѣнную филиацію, существующую между ихъ ученіемъ и безнравственными возрѣніями нынѣшняго газетнаго славянофильства, перекувырнушагося реакціоннаго нигилизма нашей прессы. Другая идеалистическая сторона славянофильскаго ученія—его мечтательный универсализмъ—представляется въ наши дни самимъ Вл. Соловьевымъ, что придаетъ особую пикантность направленной противъ него полемики и въ то же время по необходимости упускается изъ виду имъ самимъ, при его критикѣ прежняго и нынѣшняго славянофильства²⁾.

Всѣ эти соображенія представляются далеко не лишними для критической оцѣнки взглядовъ Леонтьева, которые, какъ я уже сказалъ, интересуютъ насъ всего болѣе именно въ ихъ отношеніи къ развитію нашего общественнаго самосознанія.

Переходимъ наконецъ въ послѣднему существенному элементу славянофильства, его *славянолюбію*, критикѣ котораго отводится столь существенное мѣсто въ сочиненіяхъ Леонтьева. Нигдѣ внутреннее противорѣчіе славянофильскаго ученія не выступало такъ ярко, какъ въ славянскомъ вопросѣ. Нигдѣ разочарованіе въ славянофильствѣ не было такъ сильно, такъ оправдано событіями, какъ именно здѣсь, въ области славянскаго вопроса. Леонтьевъ

¹⁾ См. Соч., т. VII, с. XCI.

²⁾ Писатель, полагающій „ближайшую естественную цѣль“ русской политики въ объединеніи славянскихъ народовъ (Нац. вопросъ, с. V), видящій призваніе Россіи въ соединеніи дерзвей и созданіи всемірной монархіи, — стоитъ въ несомнѣнной связи съ славянофилами, признавая вмѣстѣ съ ними *универсальную* миссію Россіи. „L'idée russe n'a rien d'exclusif ni de particulariste, si elle n'est qu' un nouvel aspect de l'idée chrétienne elle-même, si pour accomplir cette mission nationale il ne nous faut pas agir contre les autres nations, mais avec elles et pour elles; c'est la grande preuve que cette idée est vraie. Car la vérité n'est que la forme du Bien et le Bien ne connaît pas d'envie“ (L'Idée Russe—заключительныя слова).

правъ, говоря объ *ошибкахъ* первыхъ славянофиловъ по этому поводу.

Прежде всего, чего хотѣли достигнуть славянофилы, по освобожденіи славянъ, и на чемъ думали они обосновать всеславянское единство?—На православіи?—но западные славяне—католики, причѣмъ поляки не любятъ насъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ, также и во имя католицизма. Единственное славянское племя, которое мы соединили съ собой, приняли въ составъ нашего государства, и то не можетъ примириться съ этимъ соединеніемъ. Славянскій вопросъ, съ разрѣшеніемъ котораго связано осуществленіе всемірной русской монархіи, усложняется церковною ровнью—раздѣленіемъ церквей. Нужно обратить Западъ въ православіе, какъ хотѣлъ Хомяковъ, или привести православіе въ зависимость отъ папы, какъ могли хотѣть другіе—два крайне трудныхъ предпріятія во всякомъ случаѣ!

Повидимому, дѣло обстоило значительно лучше съ южными, православными славянами, столь тяготѣвшими къ Россіи. Стоило только освободить ихъ—и мы ихъ освободили. Что же оказалось? Явилось ли православіе живою духовною связью между нами? Существуют ли какія-либо духовныя связи между нами вообще? Есть ли у насъ что либо общее въ сферѣ политическихъ интересовъ, кромѣ развѣ ненависти къ австрійцамъ, но и то только тамъ, гдѣ ихъ боятся больше насъ? И какому государственному строю балканскіе славяне выказываютъ болѣе симпатіи: нашему ли самодержавію, или австрійской конституціонной монархіи, которая съ притокомъ новыхъ славянскихъ элементовъ приметъ характеръ еще болѣе федеративный?...

Наша освободительная политика облекалась въ славянофильскія формы и принимала крайне грозный воинственный видъ, заставившій сплотиться нашихъ враговъ. Разрушеніе Турціи, разрушеніе Австріи, окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса въ смыслѣ подчиненія всего Востока Россіи—весь этотъ кровавый міражъ ужасалъ Европу и наполнялъ насъ энтузіазмомъ, отъ котораго остались тяжкія разочарованія, начавшіяся съ конца прошлой войны. Самые успѣхи нашей славянофильской политики, точно также какъ и ея пораженія и виѣ, и внутри Россіи, усугубили это разочарованіе. И если теперь еще въ насъ не совсѣмъ умерла мечта „водрузить крестъ на св. Софіи“, то можно сказать, что сознаніе нашей миссіи въ Восточномъ вопросѣ стало менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ когда-либо. У насъ осталось представленіе о томъ, что мы должны разрушить,—и нѣтъ ни малѣйшаго представленія

о томъ, какъ и что создать на мѣсто разрушеннаго, какъ и въ чемъ мы можемъ сойтись съ освобожденными нами славянами.

Въ этомъ отношеніи воззрѣнія Леонтьева, основанныя на близкомъ знакомствѣ съ славянами Балканскаго полуострова и съ нашей восточной политикой, особенно поучительны. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, онъ является *славянофиломъ разочарованнымъ* и, что всего любопытнѣе, — напередъ разочарованнымъ, такъ какъ взгляды его выработались гораздо ранѣе Восточной войны.

Такимъ образомъ, несмотря на значительныя отклоненія отъ первоначальнаго славянофильства, мы причисляемъ Леонтьева къ *нотыишимъ* славянофиламъ, такъ какъ указанныя отклоненія вполне оправдываются внутреннимъ развитіемъ или разложеніемъ первоначальнаго ученія и неизбежными разочарованіями, послѣдовавшими отъ его столкновенія съ дѣйствительностью.

II.

Ученіе Леонтьева не легко изложить, такъ какъ онъ самъ нигдѣ не излагалъ его въ связанной формѣ и, не обладая способностью систематическаго построенія, писалъ лишь газетныя и журнальныя статьи. Самое „ученіе“, въ тому же весьма односложное и сбивчивое, врядъ-ли могло вмѣститься въ другія рамки. Поэтому, хотя онъ написалъ сравнительно немного, — два тома его произведеній читаются съ трудомъ вслѣдствіе многочисленныхъ своихъ повтореній. Журналистъ съ идеей, Леонтьевъ изъ году въ годъ повторялся, пытаясь воздѣйствовать на общественное мнѣніе, какъ капля воды, падающая на камень неизмѣнно въ одномъ направленіи.

Мы уже указали основную идею его литературной дѣятельности: это — византизмъ, какъ совокупность принудительныхъ началъ въ общественной жизни, возведенный въ принципъ охранительной политики; византизмъ, какъ принципъ русской, а затѣмъ, *можетъ быть*, и всемірной реакціи. Мы сказали уже, что Леонтьевъ былъ романтикомъ средневѣковаго строя ¹⁾. Теперешній Западъ „гниетъ“,

¹⁾ Трудно понять, какой эпохи. Совершенный дилеттантъ по своему историческому образованію, онъ самъ затруднился бы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ (I, 151) онъ говоритъ: „до времени Цезаря, Августа, св. Константина, Франциска I, Людовика XIV, Вильгельма Оранскаго, Питта, Фридриха II, Перикла, до Кира или Дарія Гистаспа и т. п. *всѣ прогрессисты правы, всѣ охранители неправы*. Прогрессисты тогда ведутъ націю и государство къ цвѣтенію и росту. Охранители тогда (когда?) ошибочно не вѣрятъ ни въ ростъ, ни въ цвѣтеніе, или не любятъ, не понимаютъ ихъ“.

потому что всё средневековыя формы его жизни быстро разлагаются, уступая мѣсто новымъ всюду отчасти однороднымъ формамъ жизни, которыя кажутся Леонтьеву совершенно неорганическими. Стоитъ перелистовать любой историческій атласъ Европы, чтобы видѣть, какъ бывшая пестрота и сложность, характеризовавшая собою „цвѣтене“ Европы, постепенно исчезаетъ, сглаживается, какъ политическая система ея упрощается. То же наблюдается и во внутренней жизни отдѣльныхъ государствъ, которая характеризуется какъ прогрессивная дезорганизация прежнихъ учреждений, сословій, правовъ, вѣрований. Разрушеніе всѣхъ неравенствъ, всѣхъ феодальныхъ, аристократическихъ особенностей европейскаго строя, всѣхъ охранительныхъ началъ его, ведетъ постепенно къ полной демократизации этого строя, въ которой европейское общество должно разсыпаться на свои составные атомы, сливаясь въ одномъ космополитическомъ, анархическомъ хаосѣ. Общественныя формы становятся всюду все болѣе и болѣе сходными: всюду тѣ же либеральныя эгалитарныя тенденціи, та же буржуазія и тотъ же буржуазный идеалъ всеобщаго земного благоденствія; всюду тѣ же юридическіе и политическіе принципы. Самая наука и внѣшняя культура содѣйствуютъ этому всеобщему уравниенію людей и обществъ. Тотъ же эмпирический реализмъ въ искусствѣ и наукѣ, тѣ же фабрики и машины приводятъ людей повсемѣстно къ одному и тому же мѣщански утилитарному матеріализму. Личность нивелируется, какъ и общество: изъ органической клѣточки сложнаго живого тѣла она превращается въ неорганическую частицу социальнаго агрегата, въ которомъ всѣ индивидуальныя различія должны стереться въ всеобщей сѣрой, пошлой посредственности. Леонтьевъ истощается въ нескончаемыхъ повтореніяхъ по этому поводу. Всякая новая машина, новое открытіе, новый каналъ, сближающій людей между собою, приводятъ его въ ужасъ за будущее человѣчества. Вооруженный всѣми открытіями техники, надвигается социализмъ, неизбежный и неотвратимый, по крайней мѣрѣ для западно-европейскаго человѣчества (II, 291).

Этотъ космополитическій миражъ страшитъ Леонтьева. Во-первыхъ, потому, что во всеобщемъ разрушеніи всѣхъ политическихъ основъ современнаго строя онъ не различаетъ зыбущихъ, охранительныхъ началъ будущаго общества. Никакая изъ существующихъ въ человѣчествѣ формъ власти не можетъ устоять противъ революціоннаго потока, не въ силахъ овладѣть имъ. Въ своемъ крайнемъ послѣдовательномъ развитіи демократія представляется ему *анархической*. Во-вторыхъ, космополитическій идеалъ всеоб-

щаго земного благоденствія представляется ему призрачной, несуществимой утопией ложнаго, матеріалистическаго оптимизма. Въ-третьихъ, наконецъ, во всеобщей демократической нивелляціи обществъ и личностей, въ этомъ приведеніи всѣхъ подъ одинъ общій средній уровень Леонтьевъ видитъ окончательную гибель не только всякаго индивидуальнаго разнообразія, самобытности, творчества, но и самой индивидуальной свободы человѣка, которая уживается легче съ самымъ жестокимъ деспотизмомъ, чѣмъ съ этимъ всеобщимъ демократическимъ равенствомъ.

И тѣмъ не менѣе всѣ историческія событія вѣка, войны, междоусобія и союзы народовъ, ихъ государственныя реформы, точно также какъ и все движеніе идей, ровнымъ образомъ ведутъ всѣ народы къ этому новому космополитическому строю. У Леонтьева есть своя историческая теорія роста, „сложнаго цвѣтенія“ и разложенія или гніенія государствъ. Государства живутъ не болѣе тысячи, много тысячи-двухсотъ лѣтъ (?), и вотъ Леонтьевъ съ ужасомъ думаетъ о минувшемъ тысячелѣтіи Россіи... За періодомъ „цвѣтущей сложности“ или „обособленія“ государственной формы, которая возникаетъ изъ „первоначальной простоты“, наступаетъ періодъ „вторичнаго смѣсительнаго упрощенія“. Наступаетъ моментъ, когда „общественный матеріалъ“, нѣкогда сдерживаемый въ „организующихъ деспотическихъ объятіяхъ“ формы, освобождается отъ деспотизма этой „формы“; части его разлагаются, „разбѣгаются“, смѣшиваются между собою и съ окружающею средою (I, 136—158).

Въ такомъ именно состояніи разложенія и „гніенія“ находится Западъ. Симптомы ясны и грозны. Болѣзнь смертельна и заразительна. Это—„холера всеобщаго блага и демократіи“ (I, 179). И Леонтьевъ съ ужасомъ видитъ, что она постепенно проникаетъ въ Россію, не возбуждая въ ея тысячелѣтнемъ организмѣ достаточно сильной реакціи.

Многія статьи Леонтьева написаны съ неподдѣльнымъ страхомъ, ненавистью и скорбью. Несравненно болѣе проникательный, чѣмъ многіе изъ его единомышленниковъ, онъ сознаетъ чрезвычайно живо, что *все* европейское человѣчество вступаетъ въ самый сильный, рѣшительный кризисъ, какой оно переживало. Причины этого кризиса для него столь же непонятны, какъ и его конецъ. Но онъ сознаетъ его неизбѣжнымъ, неотвратимымъ. Онъ ненавидитъ равенство, боится свободы, не вѣритъ въ братство; но онъ видитъ, что весь провиденціальный ходъ исторіи ведетъ человѣчество къ какой-то новой сверхъ-народной формѣ политической жизни, къ какому-то универсальному единству.

И онъ имѣеть мужество проповѣдовать *реакцію*, отчаянную, слѣпую борьбу не только противъ всякаго рода либерализма, противъ обще-европейскаго „прогресса“, но противъ грамотности, техники, противъ всего, что называется цивилизаціей. Ибо вся цивилизація Европы идетъ къ одной роковой универсальной цѣли. Онъ сознаеть прекрасно, что въ исторіи нѣтъ возврата къ прошлому (I, 184 и др.), что реакція никогда не можетъ помѣшать окончательно осуществленію разъ начавшагося движенія. Онъ пророчить Россіи успѣхъ только тамъ, гдѣ она будетъ слѣдовать „освободительной“ политикѣ (Нац. Пол., 39). Во всѣхъ другихъ случаяхъ ее ждутъ лишь пораженія и неудачи (ib.). Онъ убѣжденно доказываетъ, что въ современномъ европейскомъ движеніи скрывается „какая-то таинственная сила, стоящая *отъ человеческихъ соображеній и несравненно выше ихъ*“ (Нац. Пол., с. 24). И гѣмъ не менѣе, объятый страхомъ, онъ проповѣдуетъ борьбу съ этою провиденціальною силою, борьбу, въ успѣхъ которой онъ самъ не вѣритъ (I, 151—2 и др. *passim*), хотя и возлагаетъ нѣкоторыя слабыя надежды на Россію и „на ея современную реакцію“. Какъ врачъ у постели безнадежнаго больного, онъ желаетъ хотя бы только отдалить роковую развязку ¹⁾.

Поддерживать существующія государственныя начала въ Европѣ, соблюдая европейскій *status quo* и усиливая рознь и раздѣленіе европейскихъ державъ всей политикою Россіи; ревниво охранять въ самой Россіи всѣ существующія неравенства, неравноправности, поддерживать самое безграмотство, старовѣрчество, „варварство“—все, что обособляетъ ее отъ Европы, все, что мѣшаетъ ея слиянію съ нею—таковъ политическій рецептъ, посредствомъ котораго Леонтьевъ надѣется если не побѣдить, то по крайней мѣрѣ остановить на время универсальное движеніе.

„Патріотическіе“ консерваторы врядъ-ли останутся вполне довольны этимъ рецептомъ, не видя въ немъ любимаго своего средства—націонализма, національной политики. Имъ не понравится также сочувствіе консервативнымъ началамъ Запада и простое охраненіе *status quo* въ Европѣ и въ Россіи. Въ программѣ Леонтьева они не найдутъ ни объединенія славянъ, ни руссификаціи окраинъ, ни даже отрицательнаго уравниенія всѣхъ общественныхъ группъ въ всеобщемъ лишеніи всякихъ правъ и всякой „такъ называемой свободы“. Совершенно напротивъ! Леонтьевъ

¹⁾ II, 215. „Всякая реакція есть леченіе не радикальное, а лишь временная поддержка организма, *чѣмъ-нибудь уже неистлимо* растроеннаго.—Ib. 155. „Быть просто консерваторомъ въ наше время было бы трудомъ напраснымъ. Можно любить прошлое, но нельзя *вѣрить* въ его даже приблизительное возрожденіе“.

считалъ національную политику „орудіемъ всемірной революціи“; націонализмъ—замаскированнымъ выраженіемъ ложной демократической идеи, возведенной въ абсолютный принципъ политики. Болѣе послѣдовательный, чѣмъ его единомышленники, онъ считалъ націонализмъ ложнымъ принципомъ не только у финляндцевъ, нѣмцевъ или у мадьяръ, но и у славянъ, и у насъ. Поэтому онъ возставалъ и противъ панславизма, и противъ „руссификаціи окраинъ“,—видя въ національной политикѣ лишь орудіе космополитической нивелляціи европейскихъ народовъ, крайней, чисто отрицательной демократизаціи общества. Недаромъ же Леонтьевъ находилъ Каткова недостаточно консервативнымъ!

Намъ кажется, Леонтьевъ понималъ иногда подъ національной политикой вещи довольно разнородныя. Но это не помѣшало ему—одному изъ нашихъ консерваторовъ—разгадать сущность современнаго націонализма. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія его чрезвычайно любопытны. На первый взглядъ они прямо противоположны теоріямъ славянофиловъ, ибо Леонтьевъ возстаетъ не только противъ „универсальнаго всечеловѣческаго братства“, но и противъ всеславянскаго единенія—и даже противъ руссификаціи окраинъ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ не такъ далекъ отъ нихъ, какъ это кажется, преслѣдуя строго консервативную цѣль.

„Руссификація окраинъ, —говоритъ Леонтьевъ (II, 182),—есть не что иное, какъ демократическая европеизація ихъ“. „Для нашего, слава Богу, еще пестраго государства полезны своеобразныя окраины, полезно упрямое иновѣрчество: слава Богу, что *нынѣшней руссификаціи* дается отпоръ“. Въмѣсто того, чтобы вводить насильственно наше демократическое земство и наши новые суды, которые мы почему-то считаемъ русскими, мы бы должны ревниво оберегать существующія „неравенства и неправоправности, которыя еще можно сохранить дружными усиліями“ (186). Пока въ насъ самихъ не взяли окончательно верха охранительныя, дисциплинирующія начала византизма, „интеллигенцію собственно русскую не слѣдуетъ предпочитать иновѣрцамъ и инородцамъ нашимъ“ (183)... „не только старовѣры и паписты, но и буддисты, астраханскіе мусульмане и скопцы—дороже намъ русскихъ либераловъ“ (181)... Крѣпкіе католики—„весьма полезны не только для Европы (Богъ съ ней съ Европой), но и для Россіи“¹⁾.

¹⁾ Пока мы будемъ въ остзейскомъ краѣ, „вмѣсто европейскаго феодальнаго, который далъ парамъ русскимъ столько хорошихъ полководцевъ и политиковъ, вводить европеизмъ эгалитарно-либеральный“, мы будемъ служить космополитическому дѣлу „всеобщаго уравненія“, а никакъ не русскому дѣлу, которому лучше служили остзейцы. („Я впрочемъ не знаю навѣрное, какія реформы предстоятъ остзейскому

Въ своей брошюрѣ: „Національная политика какъ орудіе всемірной революціи“ (Москва, 1889), Леонтьевъ доказываетъ слѣдующій общій тезисъ: „движеніе современнаго политическаго націонализма есть не что иное, какъ видоизмѣненное только въ приемахъ распространеніе космополитической демократизаціи“ (Нац. Пол., с. 6). „У многихъ вождей и участниковъ этихъ движеній XIX вѣка цѣли дѣйствительно были національныя, обособляющія, иногда даже культурно своеобразныя, но результатъ до сихъ поръ у всѣхъ былъ одинъ—космополитическій. Почему это такъ—не берусь еще сообразить“ (с. 7)... „Когда мы видимъ, что побѣды и пораженія, вооруженныя восстанія народовъ и если не всегда благодѣтельныя, то несомнѣнно благонамѣренныя реформы многихъ монарховъ, освобожденіе и покореніе націй, однимъ словомъ—самыя противоположныя историческія обстоятельства и событія приводятъ всѣхъ къ одному результату—къ демократизаціи внутри и ассимиляціи во внѣ,—то, разумѣется, является потребность объяснить все это болѣе глубокой, высшей и отдаленной (а можетъ быть и весьма печальной) телеологіей“ (с. 23).

Леонтьевъ разсматриваетъ затѣмъ политическія событія Европы, начиная съ освобожденія Греціи, которая такъ быстро утратила свою самобытную фязіономію, получивъ политическую свободу. „Этотъ приговоръ исторіи повторяется съ тѣхъ поръ неизмѣнно: все то, что противится политическому движенію племенъ къ освобожденію, объединенію... все это побѣждено, унижено, ослаблено. И замѣтите, все это противящееся (за немногими исключеніями, подтверждающими правило) носить тотъ или другой *охранительный характеръ*. Въ 1859 г. побѣждена Австрія, католическая, монархическая, самодержавная, аристократическая, анти-національная, чисто-государственная, которую не даромъ предпочиталъ даже и Пруссіи нашъ великій охранитель Николай Павловичъ“ (24)... Выстъ съ ослабленіемъ этого „весьма охранительнаго“ государства, „у насъ почти въ то же время отнята часть земли“; готовится объединеніе Германіи и пораженіе Франціи, ея обращеніе въ „мѣщанскую республику“. Замѣчательное дѣло! Чтобы побѣдить въ Крыму „вѣрно-сословную, дворянскую, консервативную, самодержавную“ Россію Николая I-го, у Франціи нашлась и сила, и мудрость. Когда же, въ 1862 и 1863 годахъ,

краю,—пишетъ Леонтьевъ въ 1882 г.,—но и не зная, борсь ихъ“. II, 189). „Одинъ породистый остзейскій баронъ самъ по себѣ стоить цѣлой сотни эстскаго и латышскаго разночинства“ (Нац. Пол., 12). „Бароны—образы и величіяны опредѣленные и значительные. А что такое эсты? Къ чему эта племенная демократизація? Пусть ихъ не слишкомъ тѣснятъ—и довольно!“ II, 189.

„взбунтовалась весьма дворянская и весьма католическая Польша противъ Россіи, искренно увлеченной своимъ разрушительно-эмансипационнымъ процессомъ“, у Франціи не нашлось ни мудрости, ни силы „въ пользу реакціоннаго польскаго бунта“ (26). Послѣ своей побѣды Россія еще больше увѣровала „въ свою эгалитарно-либеральную правоту“, стала „еще и еще либеральнѣе сама, насильственно демократизировала Польшу и больше прежняго ассимилировала ее“. И та, и другая, „Польша и Россія, боролись подъ знаменемъ національнымъ“, движимыя національнымъ кровнымъ чувствомъ своимъ“. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сами того не подозревая, мы послужили „все тому же космополитическому всепретворенію! До 1863 г. и Польша, и Россія, обѣ внутренними порядками своими гораздо менѣе были похожи на современную имъ Европу, чѣмъ онѣ обѣ стали послѣ этой борьбы за національность“ (26—7). Съ начала 60-хъ годовъ „не только въ обществѣ русскомъ, но и въ правительственныхъ сферахъ племенные чувства начинаютъ брать верхъ надъ государственными инстинктами... и пробужденіе этого племенного чувства совпадаетъ по времени съ весьма искреннимъ и сильнымъ внутренне уравнительнымъ движеніемъ (эмансипація и т. д.). Мы тогда стали больше думать о славянскомъ націонализмѣ и дома, и за предѣлами Россіи, когда учрежденіями и нравами стали вдругъ быстро приближаться къ все-Европѣ“ (25).

Наша славянская политика, равно какъ и все современное развитіе славянства, носить тотъ же ультра-демократическій характеръ. Въ первомъ томѣ сборника статей Леонтьева есть цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, ярко и оригинально освѣщающихъ славянское движеніе съ этой точки зрѣнія. До Восточной войны Леонтьевъ понималъ вполне славянъ Балканскаго полуострова. Если западные славяне являются ему буржуазными нѣмцами и мадьярами, переведенными на славянскіе языки, съ космополитическимъ либерализмомъ, съ среднимъ обще-европейскимъ политическимъ и культурнымъ міросозерцаніемъ, то тѣ же политическія тенденціи, то же міросозерцаніе, проникаютъ болгаръ и сербовъ. Изучивъ ихъ бытъ и нравы, ихъ политическія идеи и церковныя дѣла, Леонтьевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что православіе не служить и не можетъ служить культурною связью между этими народами и нами, такъ какъ *филетизмъ*, націонализмъ—проникаетъ собою самую церковную политику православныхъ народовъ, сѣя расколы и распри между ними. Славянская интеллигенція съ полу-европейскимъ образованіемъ индифферентна къ религіи, если не прямо враждебна ей, и самыя народныя массы отлича-

ются косностью и равнодушіемъ. Нынѣшній христіанскій Востокъ еще до войны представлялся Леонтьеву „царствомъ невѣрующихъ *érisiens*, для которыхъ религія ихъ соотичей низшаго класса есть лишь удобное орудіе агитаціи, орудіе племенного политическаго фанатизма въ ту или другую сторону“ (I, 134) ¹⁾. Русскій политическій строй, русское самодержавіе также непонятно и не симпатично имъ: „всѣ юго-западные славяне безъ исключенія демократы и конституціоналисты“ (I, 130). Русская сила страшитъ ихъ тамъ, гдѣ она не нужна имъ для ихъ собственныхъ національныхъ цѣлей, для ихъ „уздныхъ желаній“. Событія послѣднихъ лѣтъ оправдали Леонтьева, и хотя многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ, статьи перваго тома его сборника сохраняютъ большое значеніе для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ политическимъ положеніемъ современнаго славянства.

Не имѣя никакихъ „охранительныхъ преданій“, никакихъ органическихъ сословныхъ группъ и учреждений, славянскія племена, никогда не жившія самостоятельной государственной жизнью, являются лишь этнографическими единицами, предназначенными увеличить собою контингентъ космополитической демократіи. Турція и Австрія представляли собою государственное начало для этихъ племенъ. Чѣмъ же можетъ быть ихъ самостоятельная политическая жизнь, ихъ автономія, безъ всякихъ задатковъ органическаго творчества, безъ всякаго политическаго наслѣдія, кромѣ привычки къ интригамъ и ходячаго радикализма безсословной, полуобразованной интеллигенціи, только-что отпущенной на волю? Конституціи болѣе либеральныя, чѣмъ гдѣ-либо; демократическій націонализмъ; плутократія кулаковъ; демагогія мелкихъ адвокатовъ, писарей, учителей; „космополитическое безсословное всесмѣшеніе“, доходящее до полной утраты прежнихъ національныхъ и бытовыхъ особенностей, той самобытной индивидуальности народной, которая сохранялась при самомъ жестокомъ рабствѣ. Скорѣе, чѣмъ другіе народы Европы, эти племена безъ государственныхъ инстинктовъ, безъ политическаго прошлаго обезличиваются въ обще-европейскихъ, космополитическихъ формахъ, теряя то небольшое, что они имѣли. На чемъ же можетъ сойтись съ ними Россія, если она не захочетъ присоединить ихъ насильственно, чтобы создать себѣ „пять или шесть Польшъ вмѣсто одной“?

¹⁾ „Въ послѣднее время даже турецкіе министры такъ изучили нашъ церковный вопросъ, что дѣлаютъ нерѣдко болгарамъ очень основательныя каноническія возраженія, когда тѣ слишкомъ спѣшатъ. Туркамъ иногда, для спокойствія имперіи, приходится защищать православіе отъ увлеченія славянскихъ агитаторовъ“ (Тамъ же).

„Раздѣлять юго-славянъ можетъ многое; объединить же ихъ и согласить безъ (такого) вмѣшательства Россіи можетъ только нѣчто общее имъ всѣмъ, нѣчто такое, чтѣ стояло бы на почвѣ нейтральной, внѣ православія, внѣ византизма, внѣ сербизма, внѣ католичества, внѣ гуситскихъ воспоминаній, внѣ Юрія Падъбрадскаго, внѣ Крума, Любуши и Марка-Кралевица, внѣ крайне-болгарскихъ надеждъ. Это, внѣ всего этого стоящее, можетъ быть только нѣчто крайне демократическое, индифферентное, отрицательное, яковински, а не старо-британски конституціонное, быть можетъ даже федеративная республика“ (I, с. 133).

„Образованіе одного сплошнаго и всеславянскаго государства было бы началомъ паденія царства русскаго... Русское море изсякло бы отъ слиянія въ немъ славянскихъ ручьевъ (I, 9)¹⁾. На этомъ-то основаніи Леонтьевъ и озабоченъ возможно долгимъ сохраненіемъ Австріи и европейской Турціи, какъ оплота противъ грядущаго, *неизбѣжнаго* панславизма. „Хуже самаго жестокаго пораженія на полѣ брани“ онъ боится, *„чтобы не распалась Австрія, и чтобы мы не оказались внезапно и безъ подготовки лицомъ къ лицу съ новыми милліонами эгалитарныхъ и свободолюбивыхъ братьевъ славянъ“* (Нац. Пол., 32). На этомъ основаніи Леонтьевъ полагаетъ, что *„истинное славянофильство“*, истинно-русскій націонализмъ, *„обособляющій нашъ духъ и бытовія формы наши“*, долженъ *„отнынѣ стать жестокимъ противникомъ опрометчиваго, чисто политическаго панславизма“* (Нац. Пол., 45).

Таковы пророческія предостереженія нашего разочарованнаго славянофила. Жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести болѣе подробныя выдержки. Леонтьевъ настаиваетъ на томъ, что не только справедливость и нравственныя соображенія, но простой политическій расчетъ будетъ вынуждать Россію *„нерѣдко, если не постоянно, поддерживать всѣми силами своими иноплеменниковъ и этнографическихъ сиротъ Востока, грековъ, румынъ, быть можетъ мадьяръ и азіатскихъ мусульманъ“*, защищая ихъ противъ *„узкаго славизма“*, равно опаснаго для нихъ и для нашей государственной идеи *„великорусскаго царизма“* (I, 26). Ибо такова *„особая политическая судьба“* Россіи: *„интересы ея носятъ какой-то нравственный характеръ поддержки слабѣйшаго, угнетеннаго“* (I, 18)—независимо отъ его племени.

„Чтѣ такое племя безъ системы своихъ религіозныхъ и государственныхъ идей? За что его любить?—За кровь?—но кровь,

¹⁾ Ср. I, 122.

вѣдь, съ одной стороны ни у кого не чиста, и Богъ знаетъ, какую иногда кровь любишь, полагая, что любишь свою, близкую? — И что такое чистая кровь? — безплодіе духовное! Всѣ великія націи очень смѣшанной крови. — Языкъ? — но языкъ что такое? Языкъ дорогъ намъ какъ выраженіе родственныхъ и дорогихъ намъ идей и чувствъ... Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дѣло, если племя, родственное намъ хоть въ чемъ-нибудь, согласно съ нашими особыми (?) идеями, съ нашими коренными чувствами“ (I, 105).

III.

Национализмъ есть идея „космополитическая, анти-государственная, противорелигіозная, имѣющая въ себѣ много разрушительной силы и ничего созидающаго“ (I, 106). Эта оригинальная мысль Леонтьева рѣзко отличаетъ его не только отъ Каткова, но и отъ славянофиловъ. Изъ нашихъ консерваторовъ, сколько мы знаемъ, онъ одинъ возсталъ противъ націонализма во имя охраненія. Онъ призывалъ всѣхъ „не-радикаловъ“ служить „объективнымъ идеямъ государства и церкви“, предоставляя разрушителямъ „любить національную идею“, чтобы на почвѣ національной политики опередить Европу въ „животномъ космополитизмѣ“ (I, 106—135). Но такова иронія судьбы, что наши націоналисты сами не знаютъ, чему они работаютъ. Утративъ „государственный инстинктъ“, большинство консерваторовъ нашихъ считаетъ охранительнымъ этотъ „революціонный принципъ“. „Провидѣнію не угодно, чтобы *предвѣденія* одинокаго мыслителя разстроивали ходъ исторіи посредствомъ *преждевременнаго* дѣйствія на умы“ — такими словами утѣшалъ себя Леонтьевъ въ своемъ умственномъ одиночествѣ еще въ 1889 году! ¹⁾ А онъ могъ бы жить и сотрудничать въ „Гражданинѣ“ еще много лѣтъ безъ всякой надежды открыть глаза нашимъ „бѣлымъ нигилистамъ“...

Казалось бы, аргументы Леонтьева ясны и убѣдительны. Прежде всего націонализмъ, какъ признаніе абсолютнаго верховенства націи и національныхъ интересовъ, есть лишь простое видоизмѣненіе ложнаго демократизма. Возведенный въ универсальный политическій принципъ, онъ невольно сталкивается съ другими началами сверхъ-народнаго характера, съ „объективными идеями церкви и государства“, извращая или отрицая ихъ вовсе. Ясно, что такой націонализмъ носитъ анти-религіозный характеръ, сѣя

¹⁾ „Нац. Пол.“, стр. 6.

расколы, подчиняя интересы вселенскаго христіанства *языческой*, племенной политикѣ; ясно также, что онъ носитъ характеръ анти-культурный, ставя національное выше общечеловѣческаго. Нашъ обскурантизмъ и столь опошлѣвшаяся теперь „борьба съ западнымъ просвѣщеніемъ“ достаточно объ этомъ свидѣлствуютъ. Наконецъ, націонализмъ носитъ анти-государственный характеръ, поскольку основные правовые и политическіе принципы искажаются имъ въ самомъ корнѣ, подчиняясь совершенно чуждому началу. Въ великомъ государствѣ съ смѣшаннымъ населеніемъ, съ сложными культурными и политическими задачами націонализмъ является особенно опаснымъ. Леонтьевъ справедливо указываетъ, что русская идея, которую онъ понимаетъ какъ „православіе и самодержавіе“, противорѣчитъ узкому национализму; „вѣра въ Христа не требуетъ непременно вѣры въ Россію“ (I, 184); церковь имѣетъ универсальный, вселенскій характеръ. Самодержавная власть, которую нашъ народъ чтитъ религіозно, самоотверженно, безкорыстно, также имѣетъ въ его собственныхъ глазахъ сверхъ-народный характеръ и призваніе. Лишь въ служеніи „объективнымъ идеаламъ“ всеобщей правды, въ своемъ ли народѣ или вмѣстѣ съ нимъ во всемъ человѣчествѣ, она утверждаетъ это свое высшее значеніе и право. Наши узкіе націоналисты, наши ложные консерваторы подкапываютъ и компрометируютъ эту великую идею универсальной власти болѣе, чѣмъ открытые враги ея, такъ какъ они противопоставляютъ ее элементарнымъ общечеловѣческимъ принципамъ права и общественности.

Что-же однако самъ Леонтьевъ противопоставляетъ этому „национализму“? — Универсализмъ, истинное служеніе вселенскому единству, всемірному братству, или широкое развитіе государственной идеи нашей? — Мы видѣли, что нѣтъ! На самомъ дѣлѣ и несмотря на свою критику націонализма и славянофильства — онъ до конца дней своихъ оставался славянофиломъ, хотя и разочарованнымъ, — испуганнымъ націоналистомъ, который тѣмъ болѣе взывалъ къ засилію и реакціи, чѣмъ сильнѣе онъ робѣлъ и сомнѣвался. Это траги-комическое положеніе дѣлаетъ разсужденія Леонтьева крайне сбивчивыми и противорѣчивыми. Поэтому онъ — то полемизируетъ съ націонализмомъ, ясно и убѣжденно доказываетъ его внутреннюю ложь, — то рѣшительно отказывается понять, почему собственно націонализмъ есть принципъ разрушительный, и, заявляя себя послѣдователемъ Данилевскаго, признаетъ, что народность есть сама себѣ цѣль (II, 27). То онъ жестоко, съ горькимъ цинизмомъ разбиваетъ мечтанія славянофиловъ о какой-то самобытной культурѣ, то вдругъ самъ мечтаетъ о скорѣйшемъ

разрушеніи Парижа анархистами, чтобы создать на его мѣсто центръ какой-то совершенно новой культуры въ Царьградѣ. То показываетъ онъ, что политика Россіи должна въ ея собственныхъ интересахъ носить нравственный характеръ соблюденія универсальной *правды*, то, наоборотъ, онъ вѣнчаетъ ей въ обязанность обманъ и лукавство (I, 244), возводя полную безнравственность въ политическій принципъ. Мѣстами онъ утверждаетъ, что назначеніе Россіи никогда не было и не будетъ чисто славянскимъ (I, 283), что „чисто славянское содержаніе слишкомъ бѣдно для ея всемірнаго духа“ (I, 10); мѣстами, наоборотъ, вооружается противъ самаго распространенія грамотности въ нашемъ народѣ, изъ опасенія, чтобы черезъ ея посредство не проникли въ него элементы европейскаго просвѣщенія (II, 1—33).

Для характеристики Леонтьева, точно также какъ и для характеристики всего нашего новѣйшаго славянофильствующаго націонализма, особенно типична статья: „Грамотность и народность“ (первая во второмъ томѣ), гдѣ нашъ авторъ откровенно превозноситъ варварство, безграмотность и старовѣрчество, какъ наилучшее средство обособленія національной фizioноміи нашего народа ¹⁾.

Национальность, „національное своеобразіе“ — должно быть пока у славянъ само себѣ цѣлью (24), ибо ихъ грядущая культура должна настолько отличаться отъ всей западной Европы, „насколько греко-римскій міръ отличался отъ азиатскихъ и африканскихъ государствъ, или наоборотъ (!)* (25). Поэтому-то нынѣшняя грамотность, нося въ себѣ обще-культурные элементы, и является столь опасной для народнаго своеобразія. Въ чемъ же состоитъ это своеобразіе, которое мы должны оберегать столь ревниво? Леонтьевъ приводитъ нѣсколько „любопытныхъ образцовъ“ его, которые онъ признаетъ особенно „драгоценными и трогательными“ (13). Первый образецъ — дѣло изувера раскольника Куртина, готовый звѣрски зарѣзать родного сына въ жертву Спасу и потомъ уморилъ себя голодомъ въ острогѣ (13—15). Второй образецъ — дѣло казака Кувайцева, по совѣту ворожеи осквернишаго могилу своей любовницы, чтобы избавиться отъ тоски (15—18). Третій образецъ — дѣйствительно назидательный — ду-

¹⁾ „Да! въ Россіи много еще того, что зовутъ „варварствомъ“. И это наше счастье, а не горе. Не ужасайтесь, прошу васъ; я хочу сказать только, что нашъ безграмотный народъ болѣе, чѣмъ мы, хранитель народнаго фizioноміи, безъ которой не можетъ создаться своеобразная цивилизація“ (9); ср. II, 78: старовѣрчество—какъ „истинное смотрѣніе Божіе“, какъ „одинъ изъ самыхъ спасительныхъ тормозовъ нашего прогресса“.

ховнаго суда у молочанъ, секты грамотной и, какъ извѣстно, „западно европейскаго“ происхожденія, въ которой, какъ говоритъ самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (I, 100) — „византійскаго уже ничего не осталось“. Наконецъ, четвертый примѣръ — уже не изъ судебной практики — русская кухня и красавица въ сарафанѣ и кокошникѣ на выставкѣ въ трактирѣ Корещенка, привлекающая „иностранцевъ“ въ заведеніе и дающая нашему автору поводъ замѣтить, что „національное своеобразие не можетъ держаться однимъ охраненіемъ“ (20).

И въ этой самой статьѣ, гдѣ Леонтьевъ проповѣдуетъ полное обособленіе Россіи отъ Европы путемъ искусственнаго поддержанія народнаго варварства, Леонтьевъ совершенно неожиданно признаетъ *пользу* и даже необходимость европейскаго просвѣщенія для національной культуры въ силу универсальнаго, сверх-народнаго значенія его общечеловѣческихъ началъ. Но признавъ, на стр. 24, что „облеченіе общихъ идей въ національныя формы можетъ принести и уже во многомъ принесло богатую жатву“, онъ тутъ же, черезъ пять строкъ, признаетъ, „что одними и тѣми же идеями, какъ ни казались онъ современникамъ хорошими и спасительными, человечество жить не можетъ“, и что для служенія всемірной цивилизаціи нужно только развивать „свое національное“.

Отмѣтимъ это явное противорѣчіе, эти фразы, прикрывающія полную путаницу понятій. Отмѣтимъ также націонализмъ, доведенный до высшихъ крайнихъ предѣловъ, договорившійся до совершеннаго абсурда — проповѣдь варварства, отрицаніе какихъ-либо пребывающихъ общихъ идей, которыми могло бы жить человечество. Чтѣо станется въ такомъ случаѣ съ христіанской и монархической идеей, съ древнимъ византизмомъ, въ которомъ Леонтьевъ усматривалъ также общую „объективную идею“, прогивную ложному націонализму! Правда, что приведенная статья написана въ 1870 г., послѣ котораго многія мнѣнія нашего автора значительно уяснились. Но съ годами полемика противъ націонализма и разочарованіе въ славянофильствѣ усилились, а противорѣчія остались прежнія до конца и даже обострились возрастающимъ разочарованіемъ въ томъ самомъ славянствѣ, отъ котораго онъ, вмѣстѣ съ Данилевскимъ, ждалъ новаго „культурнаго типа“, новой всемірной культуры на старшій восточный ладъ¹⁾. „Пышныя перья самобытной хомяковской культуры разлетѣлись въ прахъ туда и сюда при встрѣчѣ съ жизнью, и осталась вмѣсто

¹⁾ Ср. I, 76, примѣчаніе 1884 года.

нарядной птицы какая-то очень большая, но куца и сбрая индюшка, которая жалобно хлопчетъ, что ей плохо, и не знаетъ, что дѣлать“ — ѣдкая эпитаграмма по адресу новѣйшаго славянофильства, которая падаетъ прежде всего на голову автора ¹⁾).

Какъ Данилевскій—этотъ славянофилъ въ зоологiи и зоологъ въ славянофильствѣ—Леонтьевъ, считающій себя его ученикомъ и послѣдователемъ, столь же чуждъ настоящаго историческаго образованія и еще болѣе философскаго пониманія исторiи. Народы и государства въ своемъ ростѣ, цвѣтенiи, драхлѣнiи представляются ему какими-то громадными дубами, которые живутъ до тысячи лѣтъ и затѣмъ падаютъ, чтобы дать мѣсто новымъ деревьямъ. Никакого преемства, никакого единства культуры, даже христіанской—нѣтъ и не должно быть, какъ нѣтъ и не должно быть единого человѣчества. Подумаешь, что есть только одно единство смерти и общаго разрушенiя!

Въ этомъ сказывается всего ярче недостатокъ вѣры въ тѣ универсальныя идеи, которыя исповѣдуетъ Леонтьевъ. Отсюда его страхъ передъ тѣмъ универсальнымъ движенiемъ, тѣмъ провиденціальнымъ стремленiемъ къ единству, которое онъ усмотрѣлъ въ современномъ человѣчествѣ. Отсюда же вся его безнадежная политическая программа тѣхъ временныхъ запрудъ и плотинъ, которыми онъ думаетъ его замедлить, тѣхъ реакціонныхъ палліативовъ, которые онъ предлагаетъ, самъ не вѣря въ ихъ дѣйствительность.

IV.

Есть, впрочемъ, одна общая идея, общее начало, къ которому обращается Леонтьевъ: это *византизмъ*, какъ совокупность принудительныхъ началъ въ человѣческомъ обществѣ.

Въ разсужденiяхъ Леонтьева о византизмѣ въ его отношенiи къ славянству вообще и къ Россiи въ частности есть много оригинальныхъ и вѣрныхъ, хотя и одностороннихъ мыслей. Онъ настаиваетъ на томъ, что „византійскій духъ, византійскія начала и влiянiя, какъ сложная ткань нервной системы, проникаютъ насквозь весь великорусскій общественный организмъ“ (I, 100). Основы нашего государственнаго и домашняго быта, вся наша сила и дисциплина, наше творчество, словомъ, вся наша жизнь пропитаны византизмомъ и связаны съ нимъ неразрывно. Самое

¹⁾ II, 188.

христіанство, точно такъ же какъ и семейная жизнь, немислимо въ Россіи „безъ византійскихъ основъ и безъ византійскихъ формъ“ (I, 85). Реформа Петра, измѣнивъ многое національное русское, оставила нетронутымъ этотъ коренной византизмъ „съ тѣмъ двойственнымъ характеромъ церкви и родового самодержавія, съ которыми онъ утвердился на Руси“ (199). На этотъ византизмъ и влагаетъ Леонтьевъ всѣ свои надежды.

Но и здѣсь, однако, есть мѣсто сомнѣніямъ и недоумѣніямъ. И здѣсь мы не находимъ у Леонтьева твердой, спокойной вѣры въ свой идеалъ.

Прежде всего „однѣми и тѣми же идеями, какъ бы ни казались онѣ современникамъ хорошими и спасительными, человѣчество постоянно жить не можетъ“ (II, 29): чтобы послужить себѣ и вселенной, Россія должна сказать міру „что-либо мировое свое“ (23), помимо византизма, которымъ она жила столько вѣковъ. Что же, спрашивается, представляетъ изъ себя славянство съ Россіей во главѣ—за вычетомъ византизма? „Отвѣта нѣтъ!“ — говоритъ Леонтьевъ (I, 106): „славянство есть и оно очень сильно; славизма, какъ культурнаго зданія, нѣтъ уже, или нѣтъ еще“ (I, 122). „Для существованія славянъ необходима мощь Россіи. Для силы Россіи необходимъ византизмъ... Нравится ли намъ это или нѣтъ, худо это византійское начало или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь, не только русскаго, но и славянскаго охраненія“ (I, 119)¹⁾. „Пышныя перья самобитной хомяковской культуры разлетались въ прахъ при встрѣчѣ съ жизнью“: такой культуры у насъ нѣтъ, и нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу того, что мы ее выработаемъ. „Развѣ рѣшено, что именно предстоитъ Россіи въ будущемъ? Развѣ есть положительныя доказательства, что мы молоды? Иные находятъ, что наше сравнительное умственное безплодіе въ прошедшемъ можетъ служить доказательствомъ нашей незрѣлости или нашей молодости. Но такъ ли это? Тысячелѣтняя бѣдность творческаго духа еще не ручательство за будущіе богатые плоды“ (186). Напрасны также славянофильскія надежды на простой народъ, ибо „не онъ въ теченіе времени окрашиваетъ высшіе слои, но эти высшіе слои вездѣ одинаково вліяютъ на низ-

¹⁾ Ср. I, 81. „Идея византизма крайне ясна и понятна... Ничего подобнаго имъ не видимъ во всеславянствѣ. Представляя себѣ мысленно всеславизмъ, мы получаемъ только какое-то аморфическое, стихійное, неорганизованное представленіе, нѣчто подобное виду дальнихъ и обширныхъ облаковъ, изъ которыхъ по мѣрѣ приближенія ихъ могутъ образовываться самыя разнообразныя фигуры“.

ше" (207) ¹⁾. „Молодость наша,—говорю я съ горькимъ чувствомъ, — *сомнительна*. Мы прожили много, *созвормили духомъ мало* и стоимъ у какаго-то рокового предѣла" (188). Сколько унынія, сомнѣнія, разочарованія въ этихъ словахъ! „Надо крѣпить себя, меньше думать о *блать* и больше о *силъ*. Будеть сила, будетъ и кой-какое благо, возможное!" (183).

Но самый византизмъ, этотъ якорь всеобщаго охраненія, имѣеть ли онъ въ глазахъ Леонтьева достаточно молодости и живучести? Онъ выработался окончательно въ *драхмѣ* Византіи, которая лишь *доживала жизнь Рима*. „Она была молода и *сильна* религіей. И разнообразіе ея было именно на религіозной почвѣ. Замѣчательно, что въ X вѣку были почти уничтожены или усмирены всѣ ереси, придававшія столько жизни и движенія византійскому міру. Торжество *простою консерватизма* оказалось для государства такъ же вредно, какъ и слишкомъ смѣсительный прогрессъ... Съ IX и X вѣковъ зрѣлице Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе въ своей подвижности. Это процессъ какаго-то одичанія въ родѣ упрощенія разнообразныхъ садовыхъ яблокъ, которыя постепенно становятся всѣ дикими и простыми, если ихъ перестать прививать" (178—9).

Такимъ образомъ, чистый, неразтворенный византизмъ могъ бы задушить то, чтѣ онъ долженъ охранять, ибо, какъ выражается нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, „государство есть своего рода организмъ, которому нельзя дышать исключительно азотомъ *полнаго застоя*" (II, 75). Къ тому же оказывается, что византизмъ далеко не исчерпываетъ собою всѣхъ „охранительныхъ началъ" *человѣческаго общества*. Обособляя Россію отъ Европы, онъ не заключаетъ въ себѣ консервативныхъ началъ и учреждений, дѣйствіе которыхъ могло бы распространяться на эту послѣднюю, какъ, на примѣръ, — католицизма, феодализма. Притомъ Леонтьевъ, консерваторъ-государственникъ западнаго, вовсе не русскаго типа, справедливо указываетъ на то, что духъ охраненія въ высшихъ слояхъ общества на западѣ былъ всегда сильнѣе, чѣмъ у насъ (I, 185). Не скрывая своего сочувствія къ консервативнымъ устоямъ западной Европы, Леонтьевъ открыто симпатизируетъ *царству*, видя въ немъ развитіе начала авторитета, іерархическаго начала, какаго онъ не находитъ въ восточной церкви ²⁾. Съ другой стороны, отстаивая вселенскій характеръ власти греческаго патриарха, Леонтьевъ сѣтуеть на то, что корни губительной „на-

¹⁾ Ср. II, 163.

²⁾ Ср. I, 107, II, 306 и др. Нац. Пол. *passim*.

ціональной политики, національнаго самоутвержденія или націонализма лежать въ „филетизмѣ“, проникающемъ собою всю политику восточныхъ церквей ¹⁾. Въ „византизмѣ“ такимъ образомъ ослабляется іерархическій принципъ. Равнымъ образомъ, въ силу своего отношенія къ свѣтской власти, духовная власть при византійскомъ строѣ общества не можетъ имѣть должной независимости, не говоря уже о томъ подавляющемъ развитіи, котораго она достигла въ западной Европѣ. Такъ, на Востокѣ „чистѣйшіе интересы православія (не политическаго, а духовнаго) тѣсно связаны съ *владычествомъ мусульманскаго государя*. Власть Магометова наслѣдника есть залогъ охраненія и *свободы* для христіанскаго аскетизма“, II, 266.

Итакъ, „прочный якорь всеславянскаго охраненія“ оказывается во всякомъ случаѣ непригоднымъ для спасенія погибающей Европы, ни для созданія „самобытной славяно-азиатской культуры“. И Леонтьевъ до такой степени боится за его крѣпость для самой Россіи, что рекомендуетъ усилить его дѣйствіе другими вспомогательными „тормазами“ и „желѣзными крюками“. Онъ до такой степени боится наступленія развязки на Балканскомъ полуостровѣ, что дрожитъ за существованіе Турціи, сознавъ „съ ужасомъ и горемъ, что *благодаря только туркамъ* и держится еще многое истинно православное на Востокѣ“ (I, 266).

И тѣмъ не менѣе онъ все еще мечтаетъ о наступленіи какой-то самобытной славяно-азиатской культуры, для осуществленія которой онъ предлагаетъ слѣдующую политическую комбинацію: соглашеніе съ Германіей, война съ Австріей и взятіе Царьграда; преданіе „буржуазныхъ“ чеховъ „на совершенное сѣдненіе“ нѣмцамъ („ну ихъ, чеховъ!“) ²⁾; водвореніе анархій во Франціи и окончательное разрушеніе Парижа анархистами. Константинополь долженъ составить центръ новой культуры, такъ какъ „разъ въковой строй нашей жизни разрушенъ эмансипаціоннымъ процессомъ — новая прочная организація на старой почвѣ и изъ однихъ старыхъ элементовъ становится невозможной“ (I, 246). Константинополь даже „не долженъ быть реальною частью или провинціей русской имперіи“, но „принадлежать

¹⁾ I, 256.

²⁾ „Вопросъ въ томъ, какъ ослабить демократизмъ, либерализмъ, европеизмъ... какъ задушить ихъ, а не въ томъ, какъ подбавить имъ еще чего-то архи-либеральнаго и архи-европейскаго... Еслибы нужно было проиграть два сраженія нѣмцамъ, чтобы *обстоятельства* заставили насъ съ радостью отдать имъ чеховъ, то я, съ моей стороны, желаю отъ души, чтобы мы эти два сраженія проиграли!“ I, 301. Ср. 109: „На кой намъ прахъ эти чехи!“

лично Государю Императору“, „стоять въ такъ называемой *union personelle* съ русской короной... Тамъ само собою (?) при подобномъ условіи и начнутся *тѣ новые порядки*, которые могутъ служить высшимъ объединяющимъ культурно-государственнымъ примѣромъ, какъ для тысячелѣтней, несомненно уже устарѣвшей и съ 1861-го года *заболѣвшей эмансипаціей* Россіи, такъ и для *испорченныхъ европейскими вліяніями азиатскихъ чрековъ и юо-славянъ* (Ib.).

Какъ ни фантастиченъ подобный планъ—въ немъ есть своеобразная логика. Константинополь, а не Петербургъ или Москва—законная столица византійской культуры. „Административный центр“ Россіи перенесется, вѣроятно, въ Кіевъ (297)—поближе къ новому не-русскому „культурному центру“, котораго „устарѣвшая“ Россія не въ силахъ создать внутри себя. Этотъ идеалъ рѣшенія восточнаго вопроса есть, по словамъ Леонтьева, „самый широкій и смѣлый, *самый идеальный*, такъ сказать, изъ всѣхъ возможныхъ идеаловъ“ (280), какъ ни грустенъ кажется онъ для русскаго патріотизма.

Въ чемъ должна состоять новая міровая культура—Леонтьевъ только указываетъ мимоходомъ и предположительно ¹⁾. „Новые порядки“, которые должны зародиться въ центрѣ „вселенскаго византизма“, сводятся къ системѣ какого-то всемірнаго закрѣпощенія, въ переустройствѣ человѣческихъ обществъ на крайне стѣснительныхъ и принудительныхъ началахъ“ (II, 135), на принципахъ обратно противоположныхъ началамъ равенства и свободы, и къ замѣнѣ „всепользной“ науки честнымъ скептицизмомъ и пессимизмомъ (II, 309—310). „Есть основаніе думать и надѣяться, что осуществленная въ государственно-культурной практикѣ аграрно-рабочая идея обязалась бы не чѣмъ инымъ, какъ *новой формой феодализма*, т.-е. новымъ особаю рода закрѣпощеніемъ лицъ къ разнымъ корпораціямъ, сословіямъ, учрежденіямъ, внутренне-принудительнымъ общинамъ и отчасти даже и другимъ лицамъ, какъ-нибудь особо высоко карьерой или родомъ поставленнымъ“.

Таковъ идеальнѣйшій изъ всѣхъ идеаловъ! Такова миссія Россіи. Не примиреніе соціальныхъ противорѣчій, терзающихъ общественный строй Европы, а ихъ увѣковѣченіе. Не примиреніе Востока съ Западомъ, не окончательное прекращеніе ихъ

¹⁾ На стр. 284, мы находимъ слѣдующее наивное признаніе: „подъ словомъ своеобразная міровая культура я разумѣю: *цѣлую свою собственную систему отвлеченныхъ идей религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, философскихъ, бытовыхъ, художественныхъ и экономическихъ*“.

вѣковой вражды, а только окончательное культурное обособленіе Востока отъ Запада, которое должно быть куплено отреченіемъ отъ западныхъ славянъ и признаніемъ полнѣйшей культурной несостоятельности, старческаго маразма Россіи и всего славянства. Старые славянофилы мечтали о томъ, чтобы Россія перенесла свою столицу изъ Петербурга, какъ центра западной культуры, въ Москву. Леонтьевъ находитъ справедливо, что и Москва не годится въ средоточіе анти-культурной реакціи, въ столицу византизма: ибо и она, точно также какъ вся Россія, слишкомъ восприняла въ себя элементы западнаго просвѣщенія, и соединивъ въ себѣ восточное и западное, будетъ естественно стремиться къ примиренію, а не къ обособленію этихъ началъ. Россія должна отречься отъ себя, найти себѣ центръ внѣ себя, внѣ славянства, на берегахъ Босфора, въ Царьградѣ, который былъ обособленъ отъ запада вѣковымъ деспотизмомъ наслѣдника Магомета и сохраненъ имъ во всей своей неприкосновенной восточности. Слѣдующаго этому своему назначенію, Россія до поры, до времени должна поддерживать искусственно, „железными крюками администраціи“ (II, 186) все то, что обособляетъ ее отъ прочаго человѣчества— „спасительную грубость“ (II, 88), безграмотность, варварство, старовѣрчество.

Таковы политическія воззрѣнія Леонтьева. Онъ описалъ до конца тотъ ложный путь, на который онъ вступилъ, и тѣмъ способствовалъ выясненію истиннаго пути. Начавъ съ славянофильскаго отрицанія западной культуры, съ туманнаго идеала какаго-то „міроваго своего“, которое должна сказать міру Россія, обособленная отъ прочаго человѣчества, онъ постепенно извѣрился не только въ панславизмѣ, но и въ культурномъ славизмѣ; и не только въ немъ, но и въ самой творческой способности русскаго народа. Такого глубокаго невѣрія въ Россію, такого разочарованія въ ней мы стали бы напрасно искать у многихъ крайнихъ западниковъ: по крайней мѣрѣ никто изъ нихъ не выразилъ его такъ наглядно, никто не пророчилъ, а главное не *желалъ* для Россіи столь постыднаго конца.

Естественно, что онъ, при такомъ идеалѣ, такъ боялся, робѣлъ за Россію. Ибо не могъ же онъ не чувствовать, если не сознавать въ глубинѣ души, что Россія никогда не пойдетъ въ Византію, что весь его дикій проектъ есть лишь чудовищная, болѣзненная утопія, которая не можетъ быть реальной потому только, что она ничего идеальнаго въ себѣ не имѣетъ. Не могъ не понимать этотъ несомнѣнно умный и даровитый человѣкъ, приведенный къ абсурду логикой своихъ ложныхъ мыслей, что

Россія, принявшая въ себя столько восточныхъ элементовъ, есть тѣмъ не менѣе государство европейское; что не случайной прихотью Петра, но провиденціальной исторической необходимостью приняла она западную культуру. Эта культура нужна для внѣшней военной и экономической силы Россіи, какъ созналъ это Петръ Великій, какъ съ горестью соглашается и Леонтьевъ. И она нужна для внутренней силы Россіи, она въ извѣстномъ смыслѣ такъ же составляетъ ея *raison d'être*, какъ и восточное начало „византизма“: какъ показалъ Леонтьевъ, отрекаясь отъ запада въ пользу византизма, Россіи пришлось бы отречься и отъ славянства, и отъ себя самой. Поэтому Леонтьевъ не могъ вѣрить въ свой идеалъ, не вѣрилъ въ Россію и боялся ея побѣдъ болѣе, чѣмъ ея поражений. Страхъ составляетъ, какъ мы видѣли, характерный мотивъ, который слышится во всѣхъ произведеніяхъ Леонтьева. Подъ вліяніемъ постоянной паники онъ взывалъ къ насилію и реакціи, которую самъ же признавалъ бесплодной; она же внушала ему его обскурантизмъ и вѣроистинничество и вдохновляла самыя отвратительныя страницы его произведеній.

V.

Мы могли бы на этомъ покончить нашъ разборъ возвращеній Леонтьева, если бы онъ не пытался обосновать своихъ политическихъ взглядовъ особаго рода религиозными теоріями, въ которыхъ онъ также является печальнымъ знаменіемъ времени. Какъ въ славянофильствѣ, такъ и въ православіи, онъ хотѣлъ быть „реалистомъ“ и „пессимистомъ“. Въ противоположность мечтательному универсализму славянофиловъ онъ проповѣдовалъ христіанство съ „византійскими формами и основами“, христіанство, основанное на страхѣ, „антилиберальное“ и „стѣснительное“ христіанство, „какъ краеугольный камень охраненія, прочнаго и дѣйствительнаго“ (II, 44).

„Поменьше о той *любви безъ страха*, того христіанства à l'esp de rose, которымъ иные простодушно морочатъ себя и насъ. Нѣтъ! христіанство есть одно настоящее... это христіанство монаховъ и мужиковъ, просфиренъ и *прежнихъ* набожныхъ дворянъ. Это великое ученіе—*для личной жизни сердца столь идеальное* (столь нѣжное даже!), *для сдерживанія людскихъ массъ желѣзной рукавицей столь практичное и твердое*— это ученіе не виновато, что формы его огрубѣли въ рукахъ людей простыхъ... Но истина ли виной тому, что болѣе образованные

люди почти всё забыли эту истину въ погонѣ за миражемъ прогресса?" (II, 48).

Богословскія воззрѣнія свои Леонтьевъ развилъ всего болѣе въ своей критикѣ Толстого и Достоевскаго, въ произведеніяхъ которыхъ онъ видѣлъ слишкомъ „розовое“ пониманіе христіанства, какъ религіи одной любви. Онъ справедливо указываетъ на односторонность Толстого, который упраздняетъ собственно религіозный элементъ христіанства, сводя его къ простой морали, къ одной нравственной обязанности любви. Онъ можетъ быть не безъ основанія могъ бы упрекнуть и Достоевскаго за ту болѣзненную чувствительность, то истерическое самоуслажденіе, которое иногда придаетъ нездоровый характеръ его мистицизму. Но во всякомъ случаѣ самъ Леонтьевъ, въ противоположность ихъ „розовому“ христіанству, проповѣдуетъ какую-то побѣлѣвшую отъ ужаса, несомнѣнно искаженную вѣру. Однимъ изъ первыхъ писателей у насъ онъ пустилъ въ ходъ эти совершенно превратныя и ложныя толкованія церковнаго ученія о страхѣ Божіемъ, то особаго рода христіанство „желѣзной рукавицы“, которое пришлось по вкусу нынѣшнимъ перекувырнувшимся террористамъ и, къ сожалѣнію, проповѣдуется не однѣми газетами консервативнаго направленія. Фарисеи, купившіе Христа за тридцать сребренниковъ, чтобы предать Его въ руки игемона, они не различаютъ „страхъ іудейскій“ отъ „страха Божія“, священныя трепеть вѣрующаго и любящаго сердца—отъ трепета бѣсовскаго.

Я не хочу бросить здѣсь какую-либо тѣнь на личную религіозность покойнаго писателя, котораго я не зналъ. Я касаюсь только его богословскихъ разсужденій, которыя кажутся мнѣ ложными, но знаменательными по нынѣшнему времени.

Прежде всего Леонтьевъ—что весьма характерно—совершенно отождествляетъ страхъ Божій со страхомъ смерти, страхомъ наказанія въ этой и загробной жизни. „Начало премудрости есть „страхъ Божій“ — простой, очень простой страхъ загробной муки и другихъ наказаній въ формѣ земныхъ истязаній, горестей, бѣдъ“. Въ противоположность „плодамъ духа“, таковой „простой“ страхъ, по справедливому выраженію автора, „доступенъ всякому“. „И стыдиться страха Божія просто смѣшно,—говоритъ Леонтьевъ:—кто допускаетъ Бога, тотъ долженъ Его бояться, ибо силы слишкомъ несоизмѣримы (!)“ II, 268. И бѣсы вѣрують и трепещутъ—замѣтилъ однако апостоль! Есть, стало быть, страхъ, котораго можно и должно стыдиться, хотя по слабости человѣческой онъ, дѣйствительно, доступенъ всякому. „Силы слишкомъ несоизмѣримы“—го-

ворить Леонтьевъ:—да кто же кромѣ бѣсовъ мѣрится силами съ Богомъ?

Не претендуя знать мнѣнія всѣхъ современныхъ компетентныхъ богослововъ, мы полагаемъ, что страхъ Божій отличается отъ всякаго другого, бѣсовскаго и человѣческаго страха—своимъ нравственно-религиознымъ характеромъ. Это не страхъ силы, а сильной правды. Вѣрнѣе, это—страхъ передъ безконечно великою, превосходною и святою, живою личностью. Глубокое сыновнее почтеніе можетъ возвышаться до характера нравственного страха, который становится религиознымъ, перенесенный на Божество. И вѣрующій боится Бога не только тогда, когда сознаетъ, что преступаетъ противъ Его правды, но и тогда, когда повинуется Ему съ вѣрой и любовью. Ибо страхъ Божій проявляется въ послушаніи; смиреніи и молитвѣ—чище и лучше, чѣмъ въ угрызенияхъ грѣшной совѣсти. Во всякомъ случаѣ, въ послушаніи или въ раскаяніи, но только тотъ имѣетъ страхъ Божій, кто боится прежде всего—самого Бога, а не какихъ-либо истязаній, горестей, чорта и другихъ неприятностей. Безъ этой нравственно-религиозной черты нѣтъ страха Божія—есть только физическій страхъ муки и насилія, въ которомъ начало лицемерія, отчаянія и суевѣрія, а никакъ не премудрости.

Исказивъ христіанское представленіе о страхѣ Божіемъ, Леонтьевъ извращаетъ и самую основную истину христіанской этики—ученіе о любви, которому онъ противопоставляетъ теорію о радикальномъ злѣ въ человѣческой природѣ. „Плодь страха Божія“ есть любовь; плодь страха бѣсовскаго—трепетъ; плодь ложнаго человѣческаго страха, истязаній и бѣдствій“ есть лицемерное подчиненіе, внѣшнее дѣланье нѣкоторыхъ дѣлъ безъ сердечнаго побужденія, безъ любви,—исключительно изъ боязни загробныхъ мукъ съ корыстною, такъ сказать, цѣлью личнаго избавленія себя отъ нихъ. „Христось указаль,—говоритъ Леонтьевъ,—что человѣчество несправимо отъ общема смысла; Онъ указаль даже, что „подъ конецъ (во многихъ) осудѣть любовь“, т.-е. со временемъ ея будетъ еще меньше, чѣмъ теперь (?), и потому давать совѣты любви нужно только съ цѣлью *единоличнаго* вознагражденія за гробомъ, а не въ смыслъ сплошнаго улучшенія земной жизни человѣчества“ (II, 274)¹⁾. Гдѣ же однако „указаль“ это Христось? Леонтьевъ слѣдующимъ образомъ передаетъ Его заповѣди блаженства: „Пока—блаженны миротворцы“, *ибо неизбѣжны распри...* „блаженны алчущіе и жаждущіе правды“,

¹⁾ Ср. II, 300.

ибо правды всеобщей *здесь не будетъ*; „блаженны милостивые“ ибо всегда будетъ кого миловать“ (244).

Леонтьевъ былъ бы правъ, конечно, если бы онъ хотѣлъ сказать, что Христосъ не былъ „утилитарнымъ прогрессистомъ“, или „буржуазнымъ оптимистомъ“. Но сказать даже, что Онъ не заботился объ улучшеніи земной, матеріальной дѣйствительности человѣчества, объ исцѣленіи его физическихъ язвъ—есть уже неправда. Утверждать же, что Онъ или Его ученики давали совѣты любви—„только съ цѣлю *единолично* вознагражденія за гробомъ“,—это совершенное извращеніе всего Евангелія Христова. Леонтьевъ негодуетъ на Льва Толстого за то, что онъ приводитъ слишкомъ много эпиграфовъ изъ посланія Іоанна Богослова „и всѣ только о любви“ (II, 273). Въ числѣ ихъ есть однако одинъ—кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, ибо Богъ есть любовь (VI, 8). Любовь, значитъ, нужна намъ прежде всего для самаго *познанія* Бога. Эта любовь открылась людямъ во Христѣ (IV, 9), эту любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ душу Свою за насъ (III, 16), за спасеніе міра. Любовь есть, слѣдовательно, для вѣрующихъ не только универсальная *заповѣдь*, всеобщій и высшій *идеалъ*, но сознается ими какъ универсальное *начало* всего, какъ Богъ, какъ *Отецъ*, отерывшійся намъ всецѣло въ Иисусъ Христѣ и давшій намъ въ Немъ „область чадамъ Божиимъ быти“. Таково исконное общехристіанское ученіе, которое призываетъ насъ исвать Бога здѣсь, на мѣстѣ, не дожидаясь гроба, любить теперь и всегда, а не *послѣ*, какъ совѣтуетъ Леонтьевъ (II, 302). Полемизируя противъ любви сантиментальной, противъ смѣшенія христіанской идеи съ идеей политическаго равенства и братства, онъ самъ упустилъ изъ виду этотъ основной принципъ христіанской этики—вѣру въ совершенную дѣйствительность и полноту любви—въ *божество* любви, во Христѣ открывшейся. Поэтому онъ ограничиваетъ какъ *заповѣдь* любви, такъ и самое *значеніе* ея отдѣльными дѣлами, отдѣльными заслугами человѣка. Но онъ упускаетъ изъ виду, что если „любовь безъ смиренія и страха“ есть лишь „наиболѣе симпатичное проявленіе“ простого индивидуализма, то любовь изъ одного страха, дѣла любви какъ средство только для личнаго спасенія—наименѣе симпатичное проявленіе этого индивидуализма.

Леонтьевъ ограничиваетъ евангельскую *заповѣдь* любви—заботой о немногихъ соотечественникахъ, притомъ непремѣнно консервативнаго направленія. „Современнаго европейца“, французъ въ особенности, „не за что“ и не слѣдуетъ любить (II, 282—7), о чемъ Леонтьевъ рассуждаетъ весьма пространно. Даже „милостиво“

сердце къ нимъ (къ французамъ) въ случаѣ несчастія должно быть сдержанное, сухое, какъ бы обязательное и холодно-христіанское (!)" (283). Либераловъ также „не слѣдуетъ любить... а если ихъ поразятъ несчастія, если они потерпятъ гоненія или какую иную земную кару, то этому роду зла можно даже порадоваться въ надеждѣ на ихъ нравственное исправленіе" (287). Въ доказательство этой мысли Леонтьевъ ссылается на митрополита Филарета, который находилъ тѣлесное наказаніе *преступниковъ* полезнымъ для ихъ настроенія. „Ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти"... Но не одни европейцы и либералы, а и ни въ чемъ неповинные потомки грядущихъ поколѣній, также исключаются изъ нашего сердца (290), также и потому что все должно погибнуть. „День нашъ—вѣкъ нашъ, и потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближайшихъ дѣлахъ вашихъ, а сердечно—лишь о ближнихъ, а не о всемъ человѣчествѣ". Впрочемъ самъ Леонтьевъ, какъ мы видѣли, заботился на практикѣ и о человѣчествѣ, и о потомкахъ, для которыхъ онъ мечталъ о новой всемірной царьградской культурѣ. Ибо при неразрывной, постоянно усиливающейся экономической, культурной и политической *связи* народовъ между собою нельзя подумать и объ отечествѣ, не подумавъ о прочемъ мирѣ...

Таково своеобразное пониманіе заповѣди любви къ ближнему, которое Леонтьевъ приписываетъ нашей церкви! „Холодно-христіанское" милосердіе прямо противопологается гуманности: изъ того, что христіанинъ съ покорностью переноситъ посылаемыя Богомъ скорби, выводится заключеніе, что гуманное стремленіе „стереть съ лица земли эти *полезныя* намъ обиды, разоренія и горести" (301) есть стремленіе анти-христіанское. „Всѣ положительныя религіи были ученіями *пессимизма, узаконяющими* (?) страданія, обиды и неправду земной жизни" (167).

Ограничивая заповѣдь любви и милосердія личными заслугами, вѣшнымъ дѣланіемъ, съ цѣлью избавленія себя самого отъ тѣхъ „наказаній", которыя страшатъ его, Леонтьевъ, естественно, не вѣритъ и въ могущество любви, ея возрождающую, всепобѣдную силу. Въ этомъ, въ сущности, и состоитъ вовсе не христіанскій „пессимизмъ" нашего богослова, который подѣрживается гораздо лучше его цитатами изъ Гартманна, чѣмъ неудачными ссылками на извращенные имъ евангельскіе тексты. „Братство *по возможности* и гуманность дѣйствительно рекомендуется св. Писаніемъ Новаго Завѣта, для загробнаго спасенія личной души; но нигдѣ не сказано, что люди дойдутъ посредствомъ этой гуманности до мира и благоденствія" (II, 300). Напротивъ того, „какъ

реалистъ и христіанинъ“, Леонтьевъ полагаетъ, что этотъ миръ и благоденствіе, о которомъ молится церковь, и это соединеніе всѣхъ, о которомъ самъ Христосъ молился,—не только не возможно, но и не желательно ¹⁾. „И поэзія земной жизни, и условія загробнаго спасенія—одинаково требуютъ не сплошной кавой-то любви, которая и невозможна, и не постоянной злобы (!), а, объективно говоря, нѣкоего какъ бы *гармоническаго въ виду высшихъ членей сопряженія вражды съ любовью*. Чтобы самарянину было кого пожалѣть и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники“ (297). Не „скучный до отвращенія *ниръ всемірнаго* однообразнаго братства“ (297), а „поэтическое, живое согласованіе свѣтлыхъ цвѣтовъ съ темными“—вотъ жизнь въ ея истинной дѣйствительности. На томъ свѣтъ—другое дѣло. „*Но на землѣ, теперь какъ известной, и подъ небомъ, теперь какъ знакомымъ*, всѣ хорошіе наши чувства и поступки, любовь, милосердіе, справедливость и т. д., являются и должны являться всегда лишь тѣмъ коррективомъ жизни, тѣмъ *палліативнымъ леченіемъ* (полезныхъ намъ) *язвъ*, о которыхъ я упоминалъ выше“ (294 и 292).

Такимъ образомъ въ этой жизни любовь есть только и должна быть палліативомъ. Чѣмъ же такимъ спрашивается послѣ этого должно быть христіанство, если истинная любовь на землѣ есть нѣчто не только невозможное, но и желательное, не должствующее являться? Здѣсь высказывается не столько „реализмъ“ Леонтьева, сколько попросту его дилеттантизмъ. Его оцѣнка жизни и всемірной исторіи—скорѣе чувственно-эстетическая, чѣмъ нравственно-религіозная. Онъ видитъ въ ней какой-то калейдоскопъ тѣней, романтическую оперу, въ которой грозные и печальные звуки чередуются съ трогательными и нѣжными (I, 294) или „бурное и занимательное,—частью тяжелое, частью очень сладкое, но во всякомъ случаѣ скоро-преходящее сновидѣніе“ (II, 94). Это чисто романтическое отношеніе къ дѣйствительности нужно имѣть въ виду при окончательной оцѣнкѣ міросозерцанія нашего автора.

Безнравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не религіозное ученіе, которое онъ проповѣдовалъ, по неволѣ выходитъ непривлекательнымъ. Кого могла обратить или наставить эта циничная проповѣдь! Она равно противорѣчитъ и заповѣдямъ Христа, и каждому

¹⁾ „Съ христіанской точки зрѣнія можно сказать, что *воцареніе на землѣ постояннаго мира*, благоденствія, согласія, общей обезпеченности и т. д., т.-е. именно того, чѣмъ задался такъ неудачно демократическій прогрессъ, было бы *величайшимъ бѣдствіемъ въ христіанскомъ смыслѣ*“ (II, 68).

изъ прошеній молитвы Господней (прошенію о царствіи, о томъ, чтобы воля Отца была на землѣ такъ, какъ на небесахъ; о томъ, чтобы мы избавлены были отъ искушеній и отъ лукаваго). Словомъ, оно противорѣчитъ всему христіанскому сознанію. Но въ сожалѣнію Леонтьевъ не одинъ въ своемъ заблужденіи: въ утрированныхъ, карикатурныхъ чертахъ онъ даетъ типическое выраженіе тому особаго рода *ложному* христіанству, которое мнитъ себя особенно консервативнымъ и строгимъ, потому только, что оно, усугубляя наружно строгость византійскихъ формъ православія, въ то же время упраздняетъ вѣру, надежду и любовь, замѣняя ихъ недоувѣріемъ, страхомъ и ненавистью. Леонтьевъ возвелъ въ принципъ свое пониманіе христіанства, на человѣческомъ страхѣ основаннаго. Въ православіи, какъ и во всемъ, онъ искалъ прежде всего оригинальной своеобразности, „обособляющихъ чертъ“. И тамъ, гдѣ онъ находилъ эти обособляющія черты, онъ тотчасъ же преувеличивалъ ихъ, не зная мѣры, съ той любовью къ парадоксу, которая его отличала. Подвижники Афона научили его бояться духовной гордости и религіозной сантиментальности. А онъ ухитрился сдѣлать изъ проповѣди смиренномудрія и страха Божія своеумудріе особаго рода и принялъ за самую суть православія — сухой и нечистый *осадокъ* восточнаго подвижничества, его *carpe mortuum*, а не его живую силу. Оно и должно было такъ случиться: ибо тамъ, гдѣ мы ищемъ не просто *истину*, а непременно что-нибудь особенное, исключительное, обособляющее, мы непременно придемъ къ эксцентрическому и безобразному.

Но должно думать, что личная религія Леонтьева отлична отъ его богословскихъ разсужденій. Онъ искренно чтилъ и любилъ церковь и умеръ монахомъ, доказавъ на дѣлѣ свое благоговѣніе передъ идеаломъ монашества. Онъ ставилъ святую православія выше племенного филетизма, выше собственныхъ разсужденій и умствованій. Потому трудно осуждать безусловно этого, быть можетъ, слишкомъ откровеннаго писателя, самыя заблужденія котораго иногда болѣе оригинальны и поучительны, чѣмъ заразительны и лукавы. Онъ былъ во всякомъ случаѣ вполне искреннимъ въ своихъ словахъ и убѣжденіяхъ. Онъ жилъ своимъ умомъ, и если онъ пользовался при жизни *заслуженной* неизвѣстностью, то это не вслѣдствіе недостатка оригинальности и таланта. Теперь, послѣ его смерти, мы можемъ воздать ему должное, такъ какъ той „консервативной“ партіи, въ которой онъ числился, нѣтъ расчѣта распространяться о его своеобразныхъ воззрѣніяхъ. Отвѣтственность же за нихъ лежитъ не на немъ одномъ, хотя онъ одинъ

имѣлъ мужество ихъ высказать, ибо они имѣютъ логическое основаніе въ прошломъ русской мысли, точно также, какъ и въ ея настоящемъ. Леонтьевъ ставитъ намъ очень энергично задачу чрезвычайно серьезную и трудную, которую во всякомъ случаѣ гораздо труднѣе рѣшить, чѣмъ это казалось нашимъ прежнимъ славянофиламъ или прежнимъ западникамъ. И какъ ни узко то рѣшеніе, которое предлагаетъ самъ Леонтьевъ, самъ онъ сознавалъ чрезвычайно ярко, что переживаемый нами кризисъ обуславливается универсальными причинами, имѣетъ универсальный характеръ.

Кн. СЕРГѢЙ ТРУВЕЦКОЙ.

Москва.

---

* * *

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эфирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тихій вздохъ нѣмѣющей любви.

И трепеща у милаго порога,
Забитыхъ грѣзъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога:
Одинъ лишь мигъ—и я передъ тобой.

И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Владимиръ Соловьевъ.

НАША ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

въ 1891 году.

Свѣденія департамента таможенныхъ сборовъ объ оборотахъ внѣшней торговли за 1891 годъ опубликованы нѣсколько позже обыкновеннаго, вѣроятно, по необходимости измѣнить, вслѣдствіе введенія новаго таможеннаго тарифа, номенклатуру привезенныхъ заграничныхъ товаровъ.

Внѣшняя торговля въ минувшемъ году находилась въ исключительныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, со второй половины года послѣдовало запрещеніе вывоза за границу хлѣбныхъ продуктовъ, составляющихъ главный предметъ русской отпускной торговли; во-вторыхъ, вслѣдъ за возвышеніемъ, въ половинѣ 1890 года, таможенныхъ пошлинъ на 20%, съ 1-го іюля 1891 года введенъ новый, еще болѣе повышенный тарифъ, съ цѣлью, по свидѣтельству „Вѣстника Финансовъ“, дальнѣйшаго огражденія нашей промышленности, которая все болѣе и болѣе ограждалась въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, т.-е. съ установленія *золотой* пошлины съ 1867 года.

Оба эти обстоятельства, въ соединеніи съ экономической невзгодой, постигшей насъ въ минувшемъ году, должны были нѣсколько отразиться на размѣрѣ нашей внѣшней торговли въ 1891 году. По стоимости вывезенныхъ и ввезенныхъ товаровъ цифры за три послѣдніе года представляются въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾:

---

¹⁾ Въ отчетѣ таможеннаго департамента, а равно и въ статьяхъ „Вѣстника Финансовъ“, приводятся свѣденія только о размѣрахъ внѣшней торговли европейской Россіи, по границамъ европейской и кавказско-черноморской, и по торговлѣ съ Финляндіей, отдѣленной, какъ извѣстно, отъ имперіи таможенной чертою. По азіатской границѣ свѣденій нѣтъ, за исключеніемъ якутской чайной торговли. Обороты этой торговли включены нами въ приводимыя здѣсь цифры.

	Въ 1889 г.	1890 г.	1891 г.
Вывозъ	752.051.000 р.	687.017.000 р.	700.471.000 р.
Привозъ	411.492.000 „	398.557.000 „	360.451.000 „

Изъ этихъ цифръ видно, что вывозъ товаровъ, по ихъ цѣнности, вообще не только не уменьшился въ 1891 году сравнительно съ предшествующимъ годомъ, но нѣсколько увеличился, хотя и уменьшился, впрочемъ незначительно, въ частности по количеству товаровъ преимущественно лѣсныхъ и хлѣбныхъ. Уменьшился на 10% размѣръ привоза, но такое уменьшеніе—обычное явленіе въ годы, въ которыхъ происходило возвышеніе таможенныхъ тарифовъ, такъ какъ торговцы, въ предвидѣніи этого возвышенія, спѣшатъ въ предшествующемъ году очистить пошлиною какъ можно болѣе предназначенныхъ къ ввозу товаровъ.

Какъ извѣстно, размѣры нашей внѣшней торговли, по сравненію съ торговлей другихъ европейскихъ государствъ, очень незначительны; вывозъ нашъ, по цѣнности, слишкомъ вдвое ниже, напримѣръ, отпускной торговли Франціи, а привозъ равняется лишь четвертой долѣ ея привоза, хотя населеніе Россіи второе превосходитъ населеніе Франціи. При этомъ наша внѣшняя торговля мало развивается. При сравненіи цифръ послѣднихъ лѣтъ съ цифрами ввоза и отпуска 25 лѣтъ тому назадъ, оказывается, что вывозъ нашъ увеличился, но привозъ къ намъ товаровъ остается почти въ неизмѣнномъ размѣрѣ. Онъ тотъ же теперь, какъ былъ 25 лѣтъ тому назадъ, если принимать во вниманіе курсъ нашего кредитнаго рубля того времени и нынѣшній.

Превышеніе цѣнности вывезенныхъ отъ насъ товаровъ надъ ввозомъ составляетъ, какъ извѣстно, для многихъ ревнителей нашего преуспѣянія предметъ не только одобренія, но и похвалы. Нѣкоторые изъ органовъ печати, напр., приводя свѣденія о крайне слабыхъ оборотахъ нашей внѣшней торговли въ первые три мѣсяца настоящаго 1892 года, не упускаютъ прибавить, какъ бы торжествуя, что все-таки вывозъ больше привоза. Мы смотримъ на это явленіе иначе: въ постоянномъ, продолжающемся десятки лѣтъ, преобладаніи ввоза надъ привозомъ мы видимъ не признакъ экономическаго преуспѣянія, а напротивъ—свидѣтельство нашей экономической и промышленной несостоятельности и нашей народной задолженности со всѣми ея невыгодными послѣдствіями.

Нельзя не отмѣтить, что это явленіе оказывается только у насъ: во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, даже съ наименѣ развитой промышленностью, цѣнность привоза выше цѣнности вывоза.

Это обстоятельство настолько важно, что мы считаемъ умѣст-

нымъ представить тутъ же цифры оборотовъ вѣдшей торговли европейскихъ государствъ, наприм., за 1889 годъ. Цифры показываютъ милліоны фунтовъ стерлинговъ, а такъ какъ стоимость фунта равняется теперь по курсу дня приблизительно 10 кред. рублямъ (9 р. 85 коп.), то стоитъ помножить эти цифры на 10, чтобы получить цѣнность привоза и вывоза въ кредитныхъ рубляхъ. Кстати эти цифры показываютъ сравнительно и размѣръ оборотовъ по вѣдшей торговлѣ разныхъ государствъ:

	прив.	выв.		прив.	выв.		прив.	выв.
Россія	36	79	Испанія	29	30	Швейцарія	33	27
Англія	427	313	Португалія	11	7	Греція	4	3
Франція	167	144	Швеція	16	14	Румынія	13	10
Германія	204	163	Норвегія	9	7	Сербія	2	2
Австрія	48	44	Данія	15	11	Болгарія	3	3
Италія	56	38	Бельгія	61	50	Турція	20	13
			Голландія	106	93			

Всего въ Европѣ, включая и Россію, привозъ 1.263 м. ф. ст., а вывозъ—1.051 м. ф. ст. По свѣденіямъ таможеннаго департамента ¹⁾, Италія, при ея далеко еще не установившемся благосостояніи, получила чужихъ товаровъ въ 1887 году на 999 мил. лиръ—и въ 1888 г. на 892 мил. лиръ (лира равняется франку), а вывезла за эти годы на 1.600 м. л. и на 1.175 м. л.; такимъ образомъ, она за два указанныхъ года приобрѣла излишекъ цѣнностей въ милліардъ лиръ, который составляетъ международный заработокъ ея художниковъ, артистовъ и ремесленниковъ, является результатомъ выгодъ, доставляемыхъ ей иностранцами, пріѣзжающими туда учиться, знакомиться съ историческими памятниками, лечиться или пользоваться благодатнымъ климатомъ и природой.

Мы остановились на цифровыхъ данныхъ въ виду господствующаго въ нашемъ обществѣ предразсудка относительно такъ называемаго торговаго баланса, которому придается какое-то особенное, чуть не мистическое значеніе,—хотя для устраненія этого предразсудка достаточно было бы простого соображенія: обогащеніе страны и можетъ выражаться не иначе какъ приливомъ въ нее цѣнностей, а не ихъ убылью. Допускать иное значило бы допускать абсурдъ: нужно было бы представить страну, много производящую, много вывозящую за границу и взамѣнъ вывозимаго излишка реальныхъ цѣнностей получающую только *обтщанія* въ видѣ такъ называемыхъ цѣнныхъ бумагъ (въ сущности реальной цѣнности не имѣющихъ). Бумаги эти

¹⁾ „Вѣдшая торговля по европейской границѣ 1889 г.“, изданіе департамента таможенныхъ сборовъ, стр. LXXV.

приносить доходъ. Но если и далѣе вывозъ будетъ превышать привозъ, то и доходъ этотъ выразится не иначе, какъ новыми *объясненіями* или, что тоже, *обязательствами*. Очевидно, что такой порядокъ не можетъ длиться до безконечности; иначе богатѣющая страна обратитъ себя въ безвозмезднаго работника бѣдной. Настанетъ день, когда она потребуетъ расплаты и за настоящее, и за прошлое, *реальными цѣнностями*: золотомъ, пшеницей, желѣзомъ, виномъ и пр. и пр., т.-е. перейдетъ въ положеніе преобладанія привоза надъ вывозомъ.

Если мы въ три года, 1889—1891, отпустили за границу товаровъ на 2 миллиарда рублей слишкомъ, а получили ихъ изъ-за границы на миллиардъ съ небольшимъ, то лишній миллиардъ мы, разумѣется, не подарили иностранцамъ: онъ пошелъ на уплату за разнаго рода услуги, намъ оказанныя, и за цѣнности, не вошедшія въ торговые бюллетени, а прежде всего на уплату роста (такъ называемыхъ процентовъ) по нашимъ заграничнымъ долгамъ, быть можетъ отчасти и на уплату капитала переводомъ—въ обмѣнъ на товары—находившихся за границей нашихъ цѣнныхъ обязательствъ въ Россію; на уплату заработка иностранцевъ, находящихся въ Россіи; на расходы русскихъ, пребывающихъ для разныхъ надобностей за границей,—и отчасти на уплату за товары, провозимые къ намъ контрабандой и такимъ образомъ не попадающіе въ реестры таможенъ. Наконецъ, нельзя не согласиться, что нѣкоторая часть нашихъ цѣнностей теряется при обмѣнѣ вслѣдствіе нашей неумѣлости и того невыгоднаго положенія, въ какомъ всегда находится должникъ въ торговыхъ сдѣлкахъ съ заимодавцемъ.

Всѣ указанныя траты (кромя, разумѣется, контрабанды и преміи за нашу неумѣлость) несомнѣнно полезны и въ этомъ смыслѣ желательны, подъ условіемъ, конечно, чтобы отпускъ нашихъ товаровъ совершался по выгоднымъ для насъ цѣнамъ. Но одно дѣло—мириться съ временнымъ превышеніемъ въ нашей вишней торговлѣ привоза надъ отпускомъ товаровъ, другое—возвести это превышеніе въ вѣчный идеалъ, къ которому всѣми силами должно стремиться. Нормальнымъ, напротивъ, долженъ быть признанъ такой порядокъ, чтобы размѣры нашей вишней торговли значительно возросли съ перевѣсомъ привоза надъ вывозомъ. Могутъ, пожалуй, возразить, что нельзя же, чтобы цѣнность привоза во всѣхъ странахъ была выше вывоза; гдѣ-нибудь должно оказаться противоположное. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; въ этомъ и заключается выгода торговли, т.-е. обмѣна товаровъ. При мѣнѣ каждый приобретаемую имъ вещь считаетъ цѣннѣе той, которую уступаетъ. Если бы кто-либо, напримѣръ, мѣнялъ мула на равноцѣнную лошадь и велъ запись всего торговаго баланса, онъ отмѣтилъ бы: отпускъ (мулъ) 50 рублей; привозъ—лошадь 52—55 р.,

т.-е. за полученный предмет непременно больше, иначе мѣна не имѣла бы смысла и была бы дѣломъ каприза. Но точно такой же баланс выведетъ и тотъ, кто получилъ мула.

Сопоставляя размѣры русской внѣшней торговли съ размѣрами торговли другихъ европейскихъ государствъ, нельзя, однако, не привести нѣкоторыхъ соображеній въ нашу пользу. Какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, наибольшаго развитія достигаетъ торговля государствъ, владѣющихъ колоніями; но значительная доля доставляемыхъ ею выгодъ поглощается расходами по управленію и защитѣ колоній. Затѣмъ въ товарахъ, ввозимыхъ въ Англію, Францію, Бельгію, Голландію и пр., значительную долю занимаетъ сырье, служащее матеріаломъ для изготовленія издѣлій, числящихся затѣмъ въ полной стоимости, т.-е. со включеніемъ цѣны матеріаловъ, въ бюллетеняхъ отпускной торговли, хотя эти матеріалы было бы правильнѣе считать отпускомъ не Франціи или Англій, а тѣхъ странъ, откуда они получены. Между тѣмъ мы вывозимъ по преимуществу только сырье и вообще продукты нашего непосредственнаго производства. Съ другой стороны, точно также привозимые къ намъ иностранные товары, за весьма немногимъ исключеніемъ (бумажныя ткани, вывозимыя на азіатскіе рынки), идутъ дѣлькомъ для внутренняго потребленія, а не на переработку, подлежащую потомъ вывозу.

Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ условіяхъ, размѣры нашей внѣшней торговли должны быть признаны весьма слабыми, особенно по привозу иностранныхъ товаровъ, далеко не соответствующему потребности. Если этотъ привозъ въ теченіе 25-ти и даже болѣе лѣтъ остается безъ увеличенія, несмотря на значительный приростъ населенія и развитіе жизненныхъ условій, то причину этого слѣдуетъ искать во внѣшнихъ обстоятельствахъ, и прежде всего въ высокомъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ все повышавшемся таможенномъ тарифѣ. Думать, что сокращеніе привоза вызывается ослабленіемъ потребности въ немъ вслѣдствіе развитія отечественной промышленности,—нѣтъ основанія. Прежде всего есть рядъ продуктовъ, которые только и получаютъ изъ-за границы, такъ какъ внутреннее производство или совсѣмъ не можетъ доставить ихъ, или не могло доставлять ихъ до сихъ поръ. Таковы: чай, кофе, хлопокъ, каменный уголь, прѣяности, аптекарскіе и химическіе препараты, фрукты (напр. лимоны, не всегда удобно замѣнимые клюквой), корабли (для постройки значительной части которыхъ у насъ недостаетъ верфей), сложныя и усовершенствованныя машины, орудія и инструменты, требующіе тщательной и искусной отдѣлки, разныя мелкія металлическія и другія вещи до игловокъ, булавокъ, стальныхъ перьевъ, ка-

тушекъ съ бумагой для шитья и пр., и пр. Мы не говоримъ уже о предметахъ роскоши, какъ шелковыя, льняныя и другія дорогія ткани, фарфоръ, гастрономическія вещества, тонкія вина и т. п.

Во всѣхъ перечисленныхъ предметахъ потребность наша не только не уменьшается, но несомнѣнно возрастаетъ, и если она остается неудовлетворенною, то лишь вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ: дороговизны предметовъ, порождаемой главнымъ образомъ высокимъ таможеннымъ тарифомъ, и *нашей возрастающей*, относительно, *бѣдности*. По указаннымъ причинамъ или привозъ необходимыхъ для насъ иностранныхъ продуктовъ уменьшается по количеству, или привозятся продукты худшаго качества.

Въ примѣръ этого могутъ быть приведены цифры по ввозу чая и кофе. Въ трехлѣтній періодъ 1880—1882 гг. чая ввезено 5.531.000 пудовъ стоимостью въ 214½ мил. рублей (съ небольшимъ 38 р. пудъ); въ трехлѣтній періодъ 1889—1891 гг. его ввезено 5.645.000 п., стоимостью около 95 мил. рубл. (17 р. пудъ). Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ увеличеніи количества чая, стоимость его, — несомнѣнно, въ зависимости отъ качества, такъ какъ чай въ Китаѣ не подешевѣлъ, — упала въ 2¼ раза. Кофе въ 1885 и 1886 годахъ привезено 925.000 пудовъ на 13½ м. р., а въ 1890 и 1891 годахъ— 790.000 пудовъ на 11 м. р.; при той же приблизительно цѣнѣ количество значительно сократилось.

Мы упомянули о возрастающей бѣдности нашей; подъ этимъ мы разумѣемъ, конечно, не количество обращающихся въ странѣ денегъ: деньги—не болѣе, какъ орудіе мѣны; рубль, перешедшій въ день изъ рукъ въ руки десять разъ, представляетъ цѣнность 10 рублей, т.-е. цѣнность десяти обмѣненныхъ предметовъ и услугъ, и въ 5 разъ больше рубля, совершившаго только два оборота. Подъ бѣдностью мы разумѣемъ невыгодное отношеніе средствъ къ потребностямъ, которое все болѣе и болѣе всѣми чувствуется и дѣйствительно возрастаетъ. Признакомъ и выраженіемъ этого служить съ одной стороны возвышеніе цѣнъ на предметы не только первой, но и второстепенной потребности, съ другой—то, что цѣна на трудъ не только не повышается соотвѣтственно, но на многія его отрасли падаетъ при уменьшеніи самаго требованія на трудъ. Можно замѣтить, что подобное же явленіе, подъ именемъ застоя въ торговлѣ и промышленности, съ жалобой на оскуднѣніе, замѣчается и въ другихъ государствахъ Европы. Но намъ отъ этого не легче.

Если наименьшій размѣръ привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ зависитъ отъ крайней въ нихъ необходимости, а наибольшій—отъ средствъ, которыми располагаетъ народъ для ихъ покупки, то точно также и размѣръ вывоза опредѣляется размѣромъ причитаю-

щихся съ насъ заграничныхъ платежей. Повидимому можно бы, имѣя подъ руками достаточный статистическій матеріалъ, а priori, по размѣру этихъ платежей, вывести размѣръ нашей отпускной торговли примѣрно въ такомъ родѣ: на 360 м. р. въ обмѣнъ на привезенные товары; миллионъ 150 на уплату по заграничнымъ долговымъ обязательствамъ казны; нѣсколько десятковъ миллионъ по желѣзнодорожнымъ долгамъ; десятокъ миллионъ иностранцамъ, проживающимъ (за работой) въ Россіи; столько же за содержаніе русскихъ, пребывающихъ (безъ работы) въ чужихъ краяхъ; 10—20 мил. р. за иностранные товары, ввозимые тайно, да десяти миллионъ рублей, вытягиваемые отъ насъ посредствомъ хитраго механизма, называемаго *курсомъ кредитнаго рубля*, который, подобно маятнику, несмотря на движеніе взадъ и впередъ, благодаря остроумной системѣ зубчатого колеса, направляетъ его постоянно въ одну сторону.

Въ итогѣ получается вывозъ въ 650—700 мил. р., для насъ обязательный, повидимому, при настоящемъ финансово-экономическомъ положеніи. Если въ какомъ-либо году онъ меньше, то это увеличить нашу задолженность и требуетъ усиленія отпуска въ слѣдующіе годы.

Это всего лучше показывается размѣромъ отпуска прошлаго года. Такъ какъ нашъ отпускъ состоитъ преимущественно изъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства и другихъ отраслей сельскаго хозяйства, то слѣдовало ожидать, что при бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находилось это хозяйство въ прошломъ году, оно значительно упадетъ, особенно отпускъ хлѣба. Послѣдовавшее во второй половинѣ года запрещеніе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ къ внутренней причинѣ сокращенія отпуска присоединило внѣшнюю. Между тѣмъ вывозъ 1891 года превысилъ по цѣнности вывозъ 1890 года, причѣмъ это превышеніе оказалось именно по хлѣбной торговлѣ, съ незначительнымъ уменьшеніемъ въ количествѣ вывезенныхъ хлѣбныхъ продуктовъ. Хлѣба всѣхъ сортовъ было вывезено:

въ 1890 году 416 мил. пудовъ на 338 мил. рублей.

„ 1891 „ 389 „ „ „ 352 „ „

Такимъ образомъ, количество вывезеннаго хлѣба въ крайне неурожайный годъ сократилось всего на $6\frac{1}{2}\%$. Еще меньше сокращеніе оказалось въ отпускѣ такихъ сортовъ хлѣба, въ которыхъ мы сами наиболѣе нуждались—пшеницы и ржи, которыхъ отпущено:

	въ 1890 г.	въ 1891 г.
Пшеницы	182 м. п. на 179 м. р.	176 м. п. на 186 м. р.
Ржи	77 „ „ „ 51 „ „	68 „ „ „ 60 „ „
Всего	259 „ „ „ — „ „	244 „ „ „ — „ „

Итого отпускъ пшеницы и ржи вмѣстѣ сократился всего на 15 мил. пудовъ, т.-е. на 6⁰/₆; приче́мъ въ 1890 году пудъ пшеницы проданъ среднимъ счетомъ за 97 коп., а ржи за 66 коп.; въ 1891 году пудъ пшеницы за 1 р. 4 к. (дороже на 7 коп.) и пудъ ржи за 88 к. (дороже на 22 коп.). Такимъ образомъ, въ годъ крайняго недорода, сами очень нуждаясь въ хлѣбѣ, мы отпустили его за границу почти столько же, сколько отпускали въ нормальный годъ, и по цѣнамъ значительно ниже тѣхъ, какія существовали на внутреннемъ рынкѣ. Но это еще не все: нами приведены цѣны въ кредитныхъ рубляхъ. Между тѣмъ курсъ кредитнаго рубля, доходившій въ 1890 году до 72 к. зол. и больше, уже въ срединѣ 1891 года упалъ до 65 к. зол., а потомъ и еще ниже. Если принять это во вниманіе, то оказывается, что рожь иностранцы купили у насъ въ 1891 г. немногимъ дороже, нежели въ 1890 году, а пшеницу даже *дешевле*, благодаря *курсу*.

На значеніи этого курса намъ приходится нѣсколько остановиться, какъ на явленіи, хотя и фигурирующемъ постоянно въ нашемъ обиходѣ, но далеко не нормальномъ и не совсѣмъ въ сущности понятномъ.

Разумѣется, не у насъ однихъ были, есть и будутъ—банковые (кредитные) знаки, стоимость которыхъ, по разнымъ причинамъ, не соответствуетъ ихъ нарицательной цѣнѣ; такъ было въ Италіи, въ Австріи. Но тамъ билеты были не деньги, а цѣнности, товары, цѣна которыхъ, какъ и другихъ товаровъ, могла подвергаться колебаніямъ. Деньгами были металлическія лиры, металлическіе гульдены, стоимость (*valeur*) которыхъ въ данный періодъ времени, въ данномъ мѣстѣ, оставалась постоянною — условіе самое существенное для предмета, или, точнѣе, орудія, называемаго деньгами.

Наши деньги — это не золотой, не серебряный, а *кредитный рубль*, и онъ-то подвергается непрерывнымъ и, прибавимъ, мало объяснимымъ колебаніямъ. Чтобы дать ясное понятіе о ненормальности этого явленія, мы сдѣлаемъ сравненіе.

Деньги есть не что иное, какъ мѣра цѣнности предметовъ, точно также какъ пудъ есть мѣра количества вещества. Вѣсомъ опредѣляется, что въ этомъ мѣшкѣ одна единица вещества (пудъ), а въ томъ—пять такихъ же единицъ. Посредствомъ денегъ опредѣляется, что въ пудѣ хлѣба одна единица цѣнности (рубль), а въ пудѣ мяса—три или четыре. Представимъ же, что *пудъ* имѣетъ свой *курсъ*: сегодня 36 фунтовъ, а завтра—40 или 42 фунта. Не трудно понять, какой сумбуръ произошелъ бы отъ этого въ обыденной жизни и особенно въ торговлѣ. Не меньшій хаосъ расчетовъ и интересовъ порождается колебаніемъ цѣнности кредитнаго рубля. Факты на-лицо. Положимъ, курсъ поднялся (какъ напр. въ 1888 году); по-

видимому, явленіе очень отрадное: дѣйствительно, казнѣ, получающей доходы въ кредитныхъ рубляхъ, нужно ихъ меньше при обмѣнѣ на золото, для уплаты долговыхъ заграничныхъ обязательствъ и расходовъ. Тоже—и желѣзнымъ дорогамъ. Но помѣщики вопіютъ, а лѣсопромышленники прямо требуютъ отъ правительства субсидій. И они правы. Размѣръ сбыта и цѣны на хлѣбъ или лѣсъ опредѣляются преимущественно заграничными рынками. При заграничной покупной цѣнѣ на рожь, положимъ, въ 5 р. метал. (20 франковъ) за четверть, при низкомъ курсѣ кредитн. рубля (1 р. 60 к. кред. за мет. рубль), помѣщикъ, продавая рожь за 8 р. кред., выручаетъ съ избыткомъ казенныя повинности, работу и накладныя издержки. Упадаетъ курсъ еще ниже (1 р. 80 к. кр. за зол. рубль)—избытокъ еще больше. Наоборотъ, поднимется курсъ (положимъ, какъ въ 1890 г. до 1 р. 40 к. кред. за мет. рубль), и цѣна четверти ржи упадетъ до 7 р. кред., не окупающихъ расходовъ производства. Производители хлѣба, лѣса, льна, пеньки, вошь и пр., и пр.—въ убыткѣ. Правда, какъ мы сказали выше, выигрываетъ казна по заграничнымъ платежамъ, но и эта выгода въ значительной мѣрѣ парализуется недоборомъ поземельныхъ окладовъ, выкупныхъ платежей и пр., порождаемымъ невыгодными цѣнами на продукты и сокращеніемъ вслѣдствіе этого ихъ сбыта.

Такимъ образомъ, при возвышеніи курса теряютъ производители. Казна какъ будто выигрываетъ съ одной стороны, но теряетъ съ другой. Съ пониженіемъ курса расходы казны несомнѣнно увеличиваются; для промышленныхъ классовъ возрастаютъ, повидимому, выгоды заграничнаго сбыта; но эти выгоды поглощаются возрастаніемъ цѣнъ на заграничные товары, а главное, необходимостью увеличенія государственныхъ налоговъ, именно вслѣдствіе невыгоднаго вліянія курса. Разгадка такого кажущагося противорѣчія въ интересахъ, которые необходимо должны бы лежать на одной сторонѣ: интересовъ казны и интересовъ населенія,—заключается въ ненормальности самаго явленія—постояннаго колебанія цѣнности денежной единицы, не вызываемаго притомъ не только экономическими условіями, но даже и биржевою игрою, такъ какъ предметомъ этой игры могутъ быть только цѣнности (товары, цѣнные бумаги), а не деньги, служащія ставкой. При такомъ колебаніи, порождающемъ непрерывный, чуть не ежедневный и безпричинный переходъ цѣнностей изъ однихъ рукъ въ другія, выгода лежитъ на сторонѣ хозяевъ положенія, а хозяевами являются по отношенію къ намъ иностранцы, регулирующие курсъ кредитнаго рубля сообразно своимъ выгодамъ. Немудрено, что при этомъ условіи какъ паденіе его, такъ и подъемъ его, одинаково для насъ невыгодны. Плохой курсъ рубля несомнѣнно дурно вліяетъ на нашу внѣшнюю торговлю, но также

влияет на нее и хороший курсъ. „Уменьшеніе вывоза сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ—объясняетъ „Вѣстникъ Финансовъ“—противъ 1889 г. находится въ зависимости, какъ и въ 1890 г., отъ сравнительно *высокаго* курса рубля, затруднявшаго сдѣлки со многими товарами“¹⁾).

Упроченіе существующей у насъ денежной единицы составляетъ, такимъ образомъ, насущную потребность нашихъ финансовъ.

Изъ предметовъ вывоза главнѣйшими, по цѣнности, въ 1890 и въ 1891 годахъ были слѣдующіе:

	Въ 1890 г.	въ 1891 г.
	въ тысячахъ рублей.	
Хлѣбъ всѣхъ сортовъ	338,506	352,553
Лѣсной товаръ	53,707	43,658
Сѣмена всякія (льнян., конопл. и пр.).	30,402	21,804
Ленъ	57,218	48,561
Пенька	16,314	16,542
Кожи	6,180	8,576
Щетина не въ дѣлѣ	9,094	7,820
Шерсть всякая	15,755	15,612
Нефть и нефтяные продукты	27,301	30,165
Птица домашняя	3,593	3,907
Лошади	4,177	5,326
Издѣлія льняныя и пеньковыя	2,174	2,249
Шерстяныя	2,129	1,603
Вѣлье, платье и шубы.	2,793	3,551
Яйца	12,358	12,662
Сахарный песокъ	6,269	22,804

Изъ приведеннаго перечня видно, что значительно уменьшился, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ, льна и маслянистыхъ сѣмянъ. Увеличился вывозъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ, и особенно значительно, почти вчетверо, увеличился вывозъ сахара. Последнее было бы весьма отрадно, какъ свидѣтельство о выгодномъ развитіи у насъ одной изъ отраслей обрабатывающей промышленности (не все же вывозить намъ кожи нашихъ животныхъ да щетину!), еслибы это увеличеніе не имѣло досадной подкладки. Вотъ что говорить по этому поводу „Вѣстникъ Финансовъ“²⁾: „увеличеніе вывоза сахара является слѣдствіемъ благопріятнаго урожая свекловицы и расширенія производства. *Сахаръ не является однако у насъ предметомъ правильной отпускной торговли, и самый экспортъ носить случайный характеръ, такъ какъ изъ Россіи сахаръ вывозится, главнымъ образомъ, съ цѣлью рекупированія*

¹⁾ Внешняя торговля Европейской Россіи за 1891 годъ, „Вѣстникъ Финансовъ“, № 27, 1892 г., стр. 51.

²⁾ „Вѣстникъ Финансовъ“, 1892, № 27, стр. 51.

цѣны, освобожденіемъ внутреннихъ рынковъ отъ избытковъ производства.

Это значитъ, что сахаръ вывозится за границу только для того, чтобы его осталось поменьше для продажи у насъ, и чтобы вслѣдствіе этого можно было продавать его дороже. Въ 1890 году вывезено сахара ¹⁾ 1.540.000 пудовъ на 6.269.000 рублей, слѣдовательно по цѣнѣ около 4 руб. за пудъ; въ 1891 году—5.654.000 пуд. на 22.804.000 р., по 3 р. 63 к. пудъ. У насъ на *внутреннемъ рынкѣ* сахаръ продается по 6 р. пудъ, причемъ торговцы, какъ извѣстно, пользуются весьма небольшою на сахаръ прибылью, продавая его лишь на нѣсколько десятковъ копѣекъ дороже заводской цѣны. Если изъ 6 р. исключить рублевый акцизъ, возвращаемый при вывозѣ сахара за границу, то цѣна сахара во внутренней продажѣ оказывается почти въ полтора раза выше той, по какой онъ вывозится за границу. Для чего же онъ вывозится и дѣйствительно ли на нашихъ внутреннихъ рынкахъ оказывается избытокъ сахара? По свѣденіямъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1890 годъ, акциза съ сахара поступило 21 мил. р., что при рублевомъ акцизѣ соответствуетъ 21 мил. пудовъ. При населенности имперіи въ 115 мил. человекъ это соответствуетъ немногимъ болѣе 7 фунтамъ на человека ²⁾. Если принять во вниманіе количество потребленія сахара во всѣхъ видахъ не только привилегированными, но и вообще городскими обывателями, то смѣло можно сказать, что три четверти населенія имперіи не потребляютъ ни одного золотника этого цѣннаго для питанія организма вещества.

По удостовѣренію департамента неокладныхъ сборовъ ³⁾, стоимость выработки пуда сахарнаго песка колеблется между 2 р. 22 к. и 4 р. 82 коп., со включеніемъ въ эту цѣну акциза, что составляетъ въ среднемъ 3 р. 52 коп. Такъ какъ сахара несомнѣнно выдѣлывается больше тамъ, гдѣ производство его дешевле, то по отношенію ко всему количеству производимаго сахара средняя стоимость его выдѣлки, со включеніемъ акциза, не превышаетъ 3 рублей, такъ что сахаръ въ розничной продажѣ стоилъ бы не выше 10 коп. фунтъ. Но, какъ извѣстно, между сахарозаводчиками существуетъ нѣчто въ

¹⁾ Говоря о сахарѣ, мы разумѣемъ сахарный песокъ; выдѣлка изъ него рафинада, сверхъ расходовъ обработки, влечетъ еще къ установленному въ 1890 г. дополнительному акцизу въ 40 к. Сверхъ сахарнаго песка, за границу вывезено рафинада, какъ въ 1890, такъ и въ 1891 году, на миллионы рублей съ небольшимъ.

²⁾ Для наглядности прибавимъ, что въ фунтѣ сахара, безъ бумаги, отъ 35 до 40 кусковъ средней, общепотребительной величины; 7 фунтовъ въ годъ—это 2 куска на 3 дня.

³⁾ Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1890 годъ, стр. 156.

родѣ стачки, подтверждаемой приведенными выше словами „Вѣстника Финансовъ“: выпускать изъ заводовъ сахаръ не свыше условленнаго количества съ цѣлью искусственнаго подъема цѣны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стачка какъ-то разрушилась, и цѣна на сахаръ въ мелочной продажѣ понизилась до 10—11 коп. за фунтъ. Но сахарозаводчики снова стаянулись, и цѣны на сахаръ растутъ и растутъ.

Стачки, какъ извѣстно, у насъ воспрещены. Законъ (Улож. о нак., ст. 1180) всѣми буквами говоритъ слѣдующее: „за стачку торговцевъ или промышленниковъ для возвышенія цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности товаровъ... зачинщики такихъ противозаконныхъ соглашеній подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе, только участвовавшіе въ нихъ, приговариваются или къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или къ денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей“. Еще недавно, какъ помнится, весьма видные обыватели одной изъ губерній западной Сибири были приговорены къ заключенію за поднятія цѣнъ на хлѣбное вино.

Мы вовсе не имѣемъ склонности, указывая на противозаконность стачки сахарозаводчиковъ, обращаться къ громамъ администраціи и взывать къ ея вмѣшательству въ торговныя и промышленныя отношенія. Но въ данномъ случаѣ мы считали бы нужнымъ не болѣе какъ устраненіе этого вмѣшательства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ за сахаръ, вывозимый за границу, не только возвращался акцизъ, но еще выдавалась премія; выдача премій отиѣнена, но возвратъ акциза при вывозѣ по европейской границѣ сохраненъ. Разумѣется, возвратъ акциза за вывозимый за границу продуктъ имѣетъ основаніе: во-первыхъ, акцизъ есть внутренний налогъ; во-вторыхъ, рѣдкій русскій товаръ, обложенный дома акцизомъ, могъ бы, вслѣдствіе дороговизны, найти сбытъ за границей. Поэтому вполне понятенъ и нормаленъ возвратъ акциза съ вывозимаго спирта. Но если продуктъ вывозится по пониженной цѣнѣ за границу не отъ его избытка, а исключительно съ цѣлью поднять его цѣну въ Россіи недостаточнымъ его предложеніемъ, притомъ дѣлается это по договору, имѣющему характеръ стачки, то позволительно желать, чтобы администрація въ видѣ противодѣйствующей мѣры отиѣнила такой возвратъ акциза. Собственно возвратъ акциза съ продукта, вывозимаго за границу, не составляетъ общаго правила, а является отдѣльнымъ относительно того или другого товара постановленіемъ. Не далѣе какъ въ прошломъ году послѣдовала отиѣна возврата акциза съ сахара, вывозимаго по азіатской границѣ. Эту отиѣну слѣдовало бы только сдѣлать общою. Если иностранными товарами, во

имя процвѣтанія нашей промышленности, мы можемъ пользоваться не иначе, какъ съ огромной прибавкой пошлинъ, то было бы справедливо устроить, чтобы за отечественные товары мы платили по крайней мѣрѣ не дороже той цѣны, по которой эти товары можно получать за границей.

Главные привозные товары слѣдующіе:

	Цѣнность въ тысячахъ рублей кр.	
	въ 1890 г.	1891 г.
Чай	32.983	29.677
Кофе	5.607	5.435
Табакъ	7.397	7.411
Сельди	7.868	6.770
Кожи, шкуры и кожевенныя издѣлія	12.965	10 553
Каменный уголь	10.897	10.498
Химическіе продукты и матеріалы	12.496	11.698
Краски и красильныя вещества	14.659	12.971
Металлы не въ дѣлѣ	33.637	28.116
Металлическія издѣлія	14.446	13.435
Машины и аппараты	43.756	43.172
Хлопчатая бумага сирецъ	79.868	70.727
Шерсть чесанная, пряд. и крученая	16.281	11.686
Шерсть нечесанная	4.507	4.364
Бумажная пряжа	9.019	5.201

Изъ этого видно, что главное уменьшеніе привоза оказалось на хлопокъ, шерсть, бумажную пряжу и металлы не въ дѣлѣ.

Выше было показано, что общая стоимость привезенныхъ въ 1891 году товаровъ составила 360.451.000 рублей. Таможенной пошлины за эти товары причлось 130 мил. рублей. Такимъ образомъ, общій размѣръ пошлины на всѣ товары равняется 36%, но на нѣкоторые изъ нихъ она несравненно выше. Такъ, чая ввезено приблизительно на 30 м. р., пошлины съ чая получено 21.861.000 рублей золотомъ, что на кредитные рубли, по курсу 1 р. 60 к. кр. за золотой рубль, равняется почти 35 мил. рублей, т.-е. пошлина на 16% превышаетъ стоимость товара. Это на весь чай вообще, въ томъ числѣ кирпичный и плитный, а на общеупотребительный, такъ называемый байховый, она еще выше. Этого чая ввезено на 22 мил. р. и взято пошлины 19½ м. р. зол., 31 мил. рублей кредитныхъ, чуть не въ полтора раза сравнительно съ цѣною товара.

Въ виду такого размѣра таможенныхъ пошлинъ можно ожидать, что при слѣдующемъ пересмотрѣ тарифа вопросъ будетъ идти не о дальнѣйшемъ ихъ повышеніи, а напротивъ—о значительномъ ихъ пониженіи.—О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1892 г.

Кончина митрополита Исидора.—Перемѣны въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія.—Правила объ упрощенномъ городскомъ управленіи и о городскихъ смѣтахъ.—Правила о военномъ положеніи.—Вопросы, относящіяся къ дѣятельности земскихъ начальниковъ.

Въ ночь на 8-ое сентября скончался с.-петербургскій митрополитъ Исидоръ, почти достигнувъ 93 лѣтъ отъ рожденія (род. 1-го октября 1799 г.), послѣ тридцатилѣтнаго слишкомъ управленія дѣлами своей послѣдней митрополіи. При такой продолжительной жизни, занимая въ теченіе болѣе полулѣтка высшія мѣста въ нашей церковной іерархіи, усопшій нашелъ себѣ широкое поприще для примѣненія къ благотворительности тѣхъ отличныхъ душевныхъ качествъ и склонностей, каковыми онъ, по всеобщему признанію, былъ одаренъ въ высокой степени, а потому имя его останется надолго связаннымъ со многими учрежденіями, созданными на пользу бѣдныхъ и немущихъ. Какъ старѣйшій членъ св. синода, онъ, конечно, не могъ не имѣть личнаго вліянія на рѣшеніе многихъ вопросовъ, касавшихся быта духовенства, и на проведеніе реформъ, предпринятыхъ въ его время, каковы, напримѣръ, преобразование духовныхъ учебныхъ заведеній и вообще улучшеніе быта нашего духовенства, учрежденіе приходскихъ попечительствъ и т. д. Конечно, многое, и даже слишкомъ многое, остается и теперь сдѣлать хотя бы для нѣкотораго, болѣе замѣтнаго, улучшенія быта той части нашего духовенства, которая стоитъ лицомъ къ лицу съ мірянами, и вообще всей церковной жизни,—но нельзя не признать, что именно эта область представляетъ наибольшія трудности для такой реформы, столь необходимой въ общемъ ходѣ государственной, общественной и народной жизни...

Истекшіе два мѣсяца ознаменовались крупными перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія. Въ концѣ

іюля были назначены два новые члена государственнаго совѣта: сенаторъ (бывшій пензенскій губернаторъ) Татищевъ и черниговскій губернаторъ Анастасьевъ; въ началѣ сентября И. А. Вышнеградскій былъ уволенъ, по болѣзни, отъ управленія министерствомъ финансовъ; мѣсто его занялъ управлявшій министерствомъ путей сообщенія С. Ю. Витте, а мѣсто послѣдняго—директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, А. К. Кривошеинъ. Назначеніе новыхъ членовъ государственнаго совѣта обращаетъ на себя всеобщее вниманіе только тогда, когда оно совершается внѣ обычнаго іерархическаго порядка, когда оно является не завершеніемъ долговременной, усердной службы, а какъ бы признаніемъ чрезвычайныхъ заслугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда, подготовкой къ дальнѣйшему возвышенію. Таковы были назначенія, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, московскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Бобринскаго и Г. П. Галагана, въ 1886 г.—назначеніе И. А. Вышнеградскаго; таково и назначеніе А. А. Татищева и въ особенности А. К. Анастасьева. Говоримъ: въ *особенности*—какъ потому, что непосредственный переходъ отъ губернаторской должности къ званію члена государственнаго совѣта представляется фактомъ чуть ли не единственнымъ въ своемъ родѣ, такъ и потому, что дѣятельность бывшаго черниговскаго губернатора чаще была предметомъ толковъ въ обществѣ и въ печати, чѣмъ дѣятельность бывшаго пензенскаго губернатора. „Вчерашнее назначеніе двухъ новыхъ членовъ государственнаго совѣта,—читаемъ мы въ „Дневникѣ“ вн. Мещерскаго отъ 23 іюля („Гражданинъ“, № 203), — было праздникомъ въ мірѣ консерваторовъ, т.-е. такихъ русскихъ людей, которые требуютъ отъ правительственныхъ слугъ *помаю* (курсивъ въ подлинникѣ), а не неполнаго служенія правительственнымъ интересамъ власти и порядка... Двадцать лѣтъ назадъ такое назначеніе, какъ Анастасьева, было немислимо, по той простой причинѣ, что тогда сказали бы:—да, онъ преданъ, но все-таки общественное мнѣніе противъ него... Однимъ прощали тогда недостатокъ *правительственности* и избытокъ антиправительственнаго (?) либерализма; другимъ, т.-е. Анастасьевымъ (собственное имя обращается здѣсь „Гражданиномъ“ въ нарицательное), не прощали избытокъ правительственности и недостатокъ либерализма“. Послѣ назначенія гр. Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, „Анастасьевы получили доступъ къ должностямъ и начали дѣйствовать“. Ихъ дѣятельность не была легка, потому что „*тайные совѣтники*“ (извѣстно, какой специфическій смыслъ имѣютъ эти слова на языкѣ вн. Мещерскаго) называли безтактными грубиянами и даже неудобными тѣхъ новыхъ людей, которые выступили на поприщѣ государственной службы съ девизомъ: все для правительства и Россіи

— и ничего для либерализма. Однимъ изъ виднѣйшихъ этихъ новыхъ дѣятелей былъ черниговскій губернаторъ Анастасьевъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что на него, болѣе чѣмъ на кого бы то ни было, направлена была пристрастная травля негодовавшихъ либераловъ "... Двадцать лѣтъ тому назадъ шефомъ жандармовъ былъ гр. П. А. Шуваловъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ—А. Е. Тимашевъ, министромъ юстиціи—гр. К. И. Паленъ, главнымъ начальникомъ управленія по дѣламъ печати—М. Н. Лонгиновъ; между губернаторами видную роль играли гг. Скарятинъ, Болдыревъ и Токаревъ, между прокурорами—г. Жихаревъ. Этихъ немногихъ именъ достаточно для того, чтобы оцѣнить правдивость указаній „Гражданина“ на *анти-правительственность* тогдашнихъ назначеній! Никому, впрочемъ, и не придется въ голову искать въ „Гражданинѣ“ точнаго воспроизведенія и правильной характеристики различныхъ фазисовъ, недавно пережитыхъ Россіей; мы привели длинную цитату изъ „Дневника“ вн. Мещерскаго исключительно съ цѣлью показать, какъ понимается, среди извѣстной группы, призывъ г. Анастасьева въ составъ государственнаго совѣта. Существенно важнымъ элементомъ хвалы и порицанія является вѣдь не только ихъ содержаніе, но и ихъ происхожденіе.

Увольненіе И. А. Вышнеградскаго сопровождается, какъ и слѣдовало ожидать, панегириками всему имъ сдѣланному со стороны газетъ, привѣтствовавшихъ его назначеніе и восторгавшихся его финансовой и экономической политикой. Столь же естественно и то, что въ этихъ панегирикахъ громко звучитъ осужденіе предшественниковъ—или, лучше сказать, лица непосредственно предшествовавшего И. А. Вышнеградскому. „Кто не помнитъ,—восклицаютъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ (№ 244),—въ какомъ жалкомъ положеніи находились финансы Россіи пять-шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ многолѣтняго періода ошибочной финансовой политики?“ Наслѣдіе Н. Х. Бунге называется, въ той же статьѣ, „тяжкимъ и печальнымъ“; то же самое повторяется и на другой день (№ 245), въ видѣ предисловія къ перечню успѣховъ, достигнутыхъ И. А. Вышнеградскимъ. Нѣсколько позже, однако (№ 253), сами „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, что современное финансовое положеніе Россіи „затруднительнѣе и сложнѣе бывшаго въ началу 1887 г.“, и что на долю новаго состава финансоваго управленія выпадаетъ „тяжелая обязанность“. Не явствууетъ ли отсюда, что заслуги министра не могутъ быть опредѣляемы положеніемъ финансовъ въ ту или другую данную минуту,—напримѣръ, въ минуту его увольненія? Это положеніе обуславливается массою обстоятельствъ, изъ которыхъ многія вовсе не зависятъ отъ дѣятельности министра. Критерій для ея оцѣнки слѣдуетъ искать не столько въ курсѣ рубля или въ цифрѣ дефицита, сколько въ

тѣхъ существенныхъ перемѣнахъ, которыя внесены ею въ общій строй финансовой системы, въ распредѣленіе податного бремени, въ развитіе народнаго хозяйства. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, активъ управленія Н. Х. Бунге весьма великъ: стобитъ только назвать отмѣну подушной подати, введеніе налоговъ съ наслѣдствъ и съ процентныхъ бумагъ, а также дополнительныхъ сборовъ съ промышленности и торговли, учрежденіе крестьянскаго банка, законы 1882 и 1886 г., направленные къ огражденію фабричныхъ рабочихъ, и т. д. *Такимъ* преобразованіямъ, клонящихся къ исправленію вѣковой несправедливости, къ уничтоженію различія между сословіями податными и неподатными, къ обезпеченію трудящейся массы населенія, активъ И. А. Вышнеградскаго вовсе не представляетъ. Вопросъ о подоходномъ налогѣ, поставленный на очередь Н. Х. Бунге, былъ снятъ съ нея его преемникомъ и опять выдвинуть на сцену только недавно, подъ вліяніемъ бѣдственнаго 1891-го года. Безспорными заслугами И. А. Вышнеградскаго слѣдуетъ признать сокращеніе сверхсмітныхъ расходовъ и регулированіе желѣзнодорожнаго хозяйства, путемъ увеличенія правительственнаго вліянія на частныя желѣзнодорожныя общества; но нельзя же забывать, что начало тому и другому было положено при Н. Х. Бунге. Включеніе въ смѣту извѣстной суммы на непредвидѣнныя надобности, съ тѣмъ, чтобы не допускать никакихъ выходящихъ за ея предѣлы ассигновокъ, было осуществлено И. А. Вышнеградскимъ, но подготовлено Н. Х. Бунге, предложившимъ эту мѣру еще въ докладѣ, при которомъ была представлена роспись на 1884 годъ. Основаніемъ новой желѣзнодорожной политики послужилъ общій желѣзнодорожный уставъ 1885 г., составленный и изданный при дѣятельномъ участіи министерства финансовъ. Таможенная политика И. А. Вышнеградскаго можетъ быть цѣнима весьма различно, смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой производится оцѣнка; но едва ли можно отрицать, что и она была продолженіемъ политики Н. Х. Бунге и отличалась отъ нея только интенсивностью, а не направленіемъ. Различны, какъ извѣстно, взгляды и на достоинство конверсій, произведенныхъ И. А. Вышнеградскимъ; подвести балансъ ихъ выгоднымъ и невыгоднымъ послѣдствіямъ можетъ только время. Выигрышный заемъ 1889 г., выпущенный на пользу заемщиковъ дворянскаго банка, не ставится теперь въ активъ И. А. Вышнеградскаго даже самыми ревностными его приверженцами. Мы согласны съ ними только въ одномъ: преемнику И. А. Вышнеградскаго предстоитъ сложная и чрезвычайно трудная задача. Провидѣть будущее и предсказать, какъ онъ ее исполнить, мы не беремся; у насъ нѣтъ пророческаго дара, монополія котораго принадлежитъ нашимъ присяжнымъ хвалителямъ официальныхъ дѣйствій и официальныхъ дѣяте-

лей. Во главѣ управленія министерствомъ путей сообщенія С. Ю. Витте находился слишкомъ недолго, чтобы оно могло дать солидный матеріалъ для предположеній о характерѣ дѣятельности его на новомъ поприщѣ, а службой его въ обществѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и въ министерствѣ финансовъ гарантируется только близкое его знакомство съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Столь же преждевременной, по аналогичнымъ причинамъ, кажется намъ радость, выражаемая нѣкоторыми газетами по поводу назначенія А. К. Кривошеина.

Говоря, въ предъидущемъ обзорѣни, о новомъ городскомъ положеніи, мы не коснулись дополняющихъ его правилъ объ упрощенномъ городскомъ общественномъ управленіи и о составленіи, разсмотрѣніи и исполненіи городскихъ смѣтъ и отчетовъ. Упрощенное городское управленіе вводится въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ которыхъ полное примѣненіе городского положенія признано будетъ невозможнымъ по недостаточности городскихъ средствъ, свойству занятій населенія и степени развитія торговли и промысловъ. Списокъ такихъ поселеній, къ числу которыхъ не могутъ быть относимы губернскіе города, составляется министромъ внутреннихъ дѣлъ и утверждается Высочайшею властью. Городская дума замѣняется здѣсь собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ, числомъ отъ двѣнадцати до пятнадцати, избираемыхъ сходомъ мѣстныхъ домохозяевъ, изъ состава лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ стоимостью не менѣе ста рублей. Городская управа замѣняется городскимъ старостою, съ однимъ или, въ случаѣ надобности, двумя помощниками. На городского старосту возлагаются, между прочимъ, всѣ дѣла по мѣщанскому управленію. Предварительному административному утвержденію приговоры собранія уполномоченныхъ подлежатъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и постановленія думы; разница состоитъ лишь въ томъ, что на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ представляются только приговоры о размѣрахъ платы за пользованіе подъѣздными путями, перевозами, переправами, скотобойнями и водопроводами, а всѣ остальные утверждаются губернаторомъ. Что касается до приговоровъ, не подлежащихъ утвержденію, то разногласія, возникающія здѣсь между собраніемъ уполномоченныхъ и губернаторомъ, разрѣшаются окончательно губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ, за исключеніемъ лишь того случая, когда рѣшеніемъ присутствія возвышается размѣръ городского обложенія; тогда дѣло направляется въ порядкѣ, установленномъ для городскихъ думъ, т. е. поступаетъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и государственнаго совѣта.

Не вполне несомнѣнной кажется намъ, прежде всего, самая необходимость упрощеннаго городского управленія въ томъ видѣ, въ какомъ оно создано правилами 11-го іюня. Уменьшеніе расходовъ, при дѣйствіи этихъ правилъ, достигается исключительно сокращеніемъ личнаго состава городской исполнительной власти и возложеніемъ на нее обязанностей мѣщанской управы. И то, и другое вполне возможно на почвѣ городского положенія, т.-е. при общемъ, нормальномъ порядкѣ городского управленія. „Въ незначительныхъ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городскихъ поселеніяхъ,—читаемъ мы въ ст. 92 новаго городского положенія,—обязанности управы могутъ быть возлагаемы, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, единолично на голову, съ назначеніемъ ему, по избранію думы, помощника. Въ сихъ городскихъ поселеніяхъ министру внутреннихъ дѣлъ представляется возлагать на городское управленіе исполненіе установленныхъ обязанностей по мѣщанскому управленію“. Итакъ, упрощеніе городской организаціи — безспорно полезное въ небольшихъ городахъ — отнюдь не требовало установленія двухъ различныхъ порядковъ городского управленія. Замѣчательно, что въ ст. 92 городского положенія идетъ рѣчь только объ *одномъ* помощникѣ головы, между тѣмъ какъ дополнительныя правила допускаютъ избраніе *двухъ* помощниковъ старосты. Экономія въ первомъ случаѣ обеспечена лучше, чѣмъ въ послѣднемъ; городской староста съ двумя помощниками — вѣдь это, подъ другимъ именемъ, та же городская управа. Всѣ остальные особенности упрощеннаго управленія не влекутъ за собой никакого сбереженія въ расходахъ; изъ мотивовъ къ установленію такого управленія, первый и самый важный — *недостаточность городскихъ средствъ* — долженъ быть признанъ, слѣдовательно, неимѣющимъ существеннаго значенія. Что касается до двухъ остальныхъ — *свойства занятій населенія и степени развитія торговли и промышленности* — то не легко опредѣлить ихъ связь съ упрощеннымъ устройствомъ городского управленія. Правда, въ избирательномъ собраніи, созываемомъ на основаніи городского положенія, участвуютъ, кромѣ домовладѣльцевъ, еще купцы общихъ гильдій, а въ сходѣ, избирающемъ уполномоченныхъ — только одни домохозяева (домовладѣльцы?); но мы не видимъ причины, по которой избирательное право купцовъ должно было бы зависѣть отъ ихъ численности въ данномъ городѣ. Почему, напримѣръ, въ городѣ, гдѣ десять купцовъ, они должны быть избирателями, а въ городѣ, гдѣ только пять, не должны? Вѣдь чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ меньше, ipso facto, было бы и значеніе ихъ въ средѣ избирателей; искусственно доводить его до нуля едва ли нужно. Пониженіе, для небольшихъ городовъ, избирательнаго ценза могло бы быть достигнуто на почвѣ городского положенія, и теперь пред-

ставляющаго цѣлюю градацію цензовъ, нисходящую вмѣстѣ съ населенностью и важностью города. Какъ бы то ни было, собраніе уполномоченныхъ — это та же дума, только болѣе малочисленная. Неудобства малочисленности остаются тѣ же, какъ бы собраніе ни называлось; если для думы *минимальное* число гласныхъ признано было необходимымъ поднять до двадцати, то трудно понять, почему *максимальное* число уполномоченныхъ ограничено пятнадцатью. Въ тѣсномъ кружкѣ гораздо болѣе простора для интригъ, для борьбы мелкихъ, личныхъ интересовъ — и гораздо меньше шансовъ для правильной постановки дѣла. Представимъ себѣ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ небольшого уѣзднаго города, съ 2—3 тысячами жителей, расположено село съ такимъ же, приблизительно, населеніемъ. Въ послѣднемъ всѣми общественными дѣлами вѣдаетъ сходъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сотъ домохозяевъ, въ первомъ — собраніе уполномоченныхъ, въ числѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати. Не слишкомъ ли велика такая разница между двумя поселеніями, отличающимися другъ отъ друга почти однимъ только именемъ? Мы далеки отъ мысли рекомендовать для небольшого города форму управленія, аналогичную съ сельскимъ сходомъ; мы думаемъ, наоборотъ, что давно пора ввести въ большихъ селахъ *выборный сходъ*, вмѣсто поголовнаго; ненормальнымъ кажется намъ только *излишнее* ограниченіе въ городахъ численнаго состава уполномоченныхъ или гласныхъ.

Существенное различіе между обыкновеннымъ и упрощеннымъ городскимъ управленіемъ сводится къ тому, что по отношенію къ послѣднему значительно расширяются полномочія *мстмой* административной власти. Первоначально предполагалось подчинить *ест* приговоры собранія предварительному утвержденію губернатора. Съ этимъ не согласился государственный совѣтъ, но и въ измѣненной редакціи закона положеніе небольшихъ городовъ является, однако, сравнительно неблагопріятнымъ. Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, всѣ выборные члены котораго утверждаютъ административною властью, обладаетъ, безъ сомнѣнія, гораздо меньшею независимостью, чѣмъ комитетъ министровъ; пойти въ разрѣзъ съ губернаторомъ для него въ большинствѣ случаевъ труднѣе, чѣмъ для министра внутреннихъ дѣлъ. При нѣкоторой настойчивости со стороны губернатора, завѣдываніе всѣми сколько-нибудь серьезными дѣлами небольшого города можетъ перейти, *de facto*, въ руки губернаторской канцеляріи. Стоитъ только губернскому присутствію отмѣнить цѣлый рядъ опротестованныхъ губернаторомъ приговоровъ собранія уполномоченныхъ — и послѣднее, подчиняясь „превосходящей непреодолимой силѣ“, обратится въ исполнителя начальническихъ

предписаній, въ явномъ ущербу для города, управляемаго издаелек и чуждыми ему руками. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что несамостоятельности упрощеннаго городского управленія будетъ способствовать еще одно, съ перваго взгляда маловажное обстоятельство. Съ понятіемъ о городскомъ головѣ двадцати-лѣтняя практика успѣла соединить представленіе о почетномъ званіи, въ принятіи котораго нѣтъ ничего несомнѣннаго съ достоинствомъ наиболѣе уважаемыхъ городскихъ обывателей. При дѣйствіи новаго закона, столь существенно измѣняющаго положеніе городского головы, неминуемо должно измѣниться и это представленіе — но перемѣна произойдетъ не сразу, и не вполнѣ, по всей вѣроятности, уничтожить традиціонный престижъ, сопряженный съ титуломъ головы. Не безразлично, поэтому, наименованіе, данное представителю исполнительной власти въ городахъ упрощеннаго управленія. *Городской староста* — одного этого слова, напоминающаго отчасти старыя помѣщичьи порядки, отчасти современную деревню — будетъ достаточно, чтобы провести рѣзкую демаркаціонную черту между городами привилегированными и непривилегированными и уменьшить число лицъ, желающихъ стать во главѣ упрощеннаго городского управленія. Внѣшнимъ признакомъ, подчеркивающимъ, если можно такъ выразиться, незначительность должности городского старосты, служить отнесеніе ея къ десятому классу, между тѣмъ какъ должность городского головы въ наименѣе крупныхъ городахъ соприсчислена къ восьмому классу, и даже должность члена городской управы — къ девятому.

Другое приложеніе къ новому городовому положенію касается порядка составленія, рассмотрѣнія и исполненія городскихъ смѣтъ и отчетовъ. Заслуживающими особеннаго вниманія представляются здѣсь отступленія отъ правилъ, установленныхъ въ 1890 г. для составленія земскихъ смѣтъ и раскладокъ. По статьѣ второй этихъ послѣднихъ правилъ, внесеніе въ смѣту расходовъ необязательныхъ зависитъ отъ усмотрѣнія земскихъ собраній. Иначе редактированы правила о городскихъ смѣтахъ. „Изъ числа необязательныхъ расходовъ, — сказано въ статьѣ третьей, — вносятся въ смѣту, по постановленіямъ думы, лишь тѣ, необходимость и польза коихъ обуславливаются общими для городского населенія потребностями и интересами“. „Расходы необязательные, — читаемъ мы въ статьѣ 6-ой, — исчисляются по средней сложности суммъ, израсходованныхъ въ послѣдніе три года, съ принятіемъ въ разсчетъ и другихъ обстоятельствъ, могущихъ имѣть вліяніе на возвышеніе или уменьшеніе дѣлаемыхъ исчисленій“. Чѣмъ объяснить столь существенную разницу между правилами, утвержденными почти въ одно и то же время, направленными къ одной и той же цѣли и касающимися предметовъ совершенно аналогичныхъ?

Что помѣшало повторить, въ приѣженіи къ городамъ, простую и ясную формулу, принятую по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ: „внесеніе въ смѣту расходовъ необязательныхъ зависитъ отъ усмотрѣнія собранія“? Вѣдь это „усмотрѣніе“—въ сущности очень ограниченное. Губернаторъ въ правѣ опротестовать не только *законность*, но и *правильность* (т. е. цѣлесообразность) всякой смѣтной статьи, губернское присутствіе въ правѣ измѣнить смѣту—и послѣднее слово въ разрѣшеніи возникшихъ такимъ образомъ разногласій принадлежитъ центральной власти, точно такъ же, какъ и въ разрѣшеніи всѣхъ остальныхъ вопросовъ, спорныхъ между администраціей и городскимъ управленіемъ. Формальности, установленныя дополнительными правилами о городскихъ смѣтахъ, являются, такимъ образомъ, источникомъ стѣсненій, ненужныхъ и излишнихъ даже съ точки зрѣнія крайней централизаціи. Представимъ себѣ, на примѣръ, что на содержаніе начальныхъ училищъ городъ тратилъ въ 1890 г.—1.000, въ 1891 г.—1.500, въ 1892 г.—2.000 рублей. Какая изъ этихъ цифръ представляется наиболѣе естественною въ смѣтѣ на 1893 годъ? Очевидно—послѣдняя; для того, чтобы ее понизить, необходимы особыя соображенія—напримѣръ недочетъ въ городскихъ доходахъ или (если только это когда-либо гдѣ-либо бываетъ) недостаточный приливъ учащихся во вновь открытыя школы. Статья 6-ая вышеупомянутыхъ правилъ даетъ предпочтеніе, наоборотъ, средней цифрѣ (1.500 руб.) и требуетъ указанія обстоятельствъ, оправдывающихъ ея возвышеніе. Безспорно, конечный результатъ можетъ быть въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, т. е. ассигнованіе 2.000 рублей; но нетрудно понять, насколько принятіе за норму не 2.000, а 1.500 рублей облегчаетъ для администраціи протестъ противъ „неумѣстной щедрости“ городского управленія. А если дума сочтетъ возможнымъ и полезнымъ назначить на школы не 1.500 рублей, по среднему вычисленію, и не 2.000 рублей, по примѣру послѣдняго года, а 2.500 или 3.000 рублей? Не ясно ли, что въ этомъ случаѣ обязательное отпращиваніе отъ 1.500 рублей еще больше затруднитъ достиженіе желанной цѣли?.. Къ такимъ же или еще болѣе серьезнымъ неудобствамъ можетъ дать поводъ статья третья, разрѣшающая только тѣ необязательные расходы, „необходимость и польза которыхъ обуславливаются общими для городского населенія потребностями и интересами“. Нельзя не пожалѣть, во-первыхъ, что слова *необходимость* и *польза* соединены здѣсь союзомъ *и*, а не *или*. Многіе расходы, въ высокой степени *полезные*, не могутъ быть названы *необходимыми* въ тѣсномъ смыслѣ слова: таковы, на примѣръ, расходы на разведеніе городскихъ садовъ и скверовъ, на народныя читальни, даже на благотворительность и на начальное обученіе. Буквально толкуя статью третью, можно

утверждать, что всѣ подобные расходы законны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они обязательны, т.-е. предписаны правительственной властью. Во что обратились бы, при такомъ толкованіи, лучшія стороны городского самоуправления — это не требуетъ комментаріевъ. Что понимать, во-вторыхъ, подъ именемъ *общихъ* потребностей и интересовъ городского населенія? Дѣятельность городского общественнаго управления не всегда направлена непосредственно на пользу *всѣхъ* жителей города, не всегда удовлетворяетъ нужды, *всѣмъ имъ общія*. Въ однихъ случаяхъ имѣются въ виду интересы той или иной части города, въ другихъ — интересы того или иного класса населенія. Нельзя сказать, напримѣръ, чтобы устройство новаго сквера въ коломенской или александровско-невской части обуславливалось „общими потребностями и интересами“ петербургскихъ жителей — а между тѣмъ оно, очевидно, не выходитъ за предѣлы задачъ петербургскаго городского управления. Начальныя городскія училища существуютъ преимущественно или даже исключительно для недостаточныхъ классовъ населенія — но этимъ нисколько не ограничивается право городской думы заботиться о возможно широкомъ ихъ распространеніи. Мы не думаемъ, конечно, чтобы неудачная редакція статьи 3-й смѣтныхъ правилъ могла парализовать, всегда и вездѣ, развитіе тѣхъ отраслей городского хозяйства, о которыхъ, по закону, *не обязаны* заботиться городскія думы; но въ отдѣльныхъ случаяхъ она несомнѣнно можетъ послужить основаніемъ или предлогомъ къ урѣзкѣ „необязательныхъ“ расходовъ, въ ущербъ хорошему и полезному дѣлу. Поводовъ къ недоразумѣніямъ было бы гораздо меньше, еслибы къ городскимъ смѣтамъ были примѣнены, безъ всякихъ измѣненій, правила, установленныя для земскихъ смѣтъ.

18-го іюня нынѣшняго года Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи. Права и полномочія, предоставляемыя этимъ закономъ генераль-губернатору или лицу, облеченному генераль-губернаторскою властью (главноначальствующій надъ арміею, начальникъ военно-окружнаго управления) чрезвычайно обширны — еще обширнѣе, чѣмъ права, вытекающія изъ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Цѣлые разряды уголовныхъ дѣлъ изъемяются изъ общей гражданской подсудности и становятся подвѣдомственными военному суду; въ вѣденіе того же суда могутъ быть переданы и всякія другія категоріи дѣлъ или отдѣльныя дѣла; къ болѣе тяжкимъ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, преступленіямъ примѣняется наказаніе, предусмотрѣнное ст. 279 воин. уст. о наказ-

(т.-е. смертная казнь); сфера дѣйствій административной власти можетъ быть расширена, въ ущербъ сферѣ дѣйствій суда; закрытію, по распоряженію генераль-губернатора, подлежатъ земскія, городскія и всякія вообще общественныя, народныя и частныя собранія, учебныя, торговыя и промышленныя заведенія; пріостановка періодическихъ изданій, высылка въ другія губерніи, увольненіе служащихъ по опредѣленію правительства и по выборамъ, даже наложеніе себестра на недвижимыя и ареста на движимыя имущества—все это предоставляется единоличному усмотрѣнію генераль-губернатора. Въ одномъ отношеніи, однако, его власть поставлена въ строго-опредѣленныя границы: онъ можетъ налагать, помимо суда, только наказанія, прямо указанныя въ законѣ, не выходя, притомъ, изъ точно установленной нормы. Эти наказанія—заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и денежный штрафъ до трехъ тысячъ рублей. Идти дальше генераль-губернаторъ безусловно не въ правѣ; это видно съ особенною ясностью изъ ст. 12-й новаго закона, по буквальному смыслу которой принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, въ законѣ не предусмотрѣнныхъ, предоставляется одному только главнокомандующему арміей, и то лишь тогда, когда это необходимо для охраненія государственнаго порядка или для успѣшнаго веденія войны. Само собою разумѣется, что въ мирное время полномочія власти не могутъ быть обширнѣе, чѣмъ въ военное; столь же несомнѣнно и то, что губернаторъ не можетъ быть облеченъ болѣе широкими правами, чѣмъ генераль-губернаторъ. Законъ 18-го іюня кажется намъ, поэтому, авторитетнѣйшимъ отвѣтомъ на нѣкоторые вопросы, которыхъ мы коснулись въ предыдущей общественной хроникѣ; онъ указываетъ съ полною ясностью на тѣ предѣлы, въ которыхъ должна оставаться административная расправа при предупрежденіи или подавленіи безпорядковъ, не исключая губерній, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Еслибы отъ единоличнаго усмотрѣнія губернатора зависѣло, въ мирное время, присужденіе къ тѣлесному наказанію или даже къ смертной казни (припомнимъ извѣстные приказы нижегородскаго губернатора), то, конечно, отнюдь не меньшей была бы власть, предоставляемая генераль-губернатору въ военное время.

Въ настоящее время положеніе о земскихъ начальникахъ вводится въ трехъ губерніяхъ четвертой очереди—бессарабской, таврической и херсонской. Приказомъ отъ 20-го августа *утверждено* земскихъ начальниковъ всего 69, *назначено*—51. Между губерніями эти двѣ категоріи земскихъ начальниковъ распредѣляются весьма не-

равномѣрно. Всего больше назначено земскихъ начальниковъ въ губерніи таврической (24 изъ 28), всего меньше — въ бессарабской (9 изъ 38); въ херсонской губерніи они составляютъ ровно одну треть общаго числа (18 изъ 54). Въ херсонской губерніи между земскими начальниками особенно много офицеровъ (16 утвержденныхъ, 12 назначенныхъ, между тѣмъ какъ гражданскихъ чиновниковъ только 22 — 19 утвержденныхъ и 3 назначенныхъ). Въ другихъ губерніяхъ преобладаютъ гражданскіе чиновники; въ бессарабской губерніи ихъ 25 (18 утвержденныхъ и 7 назначенныхъ, а военныхъ утверждено 6 и назначено 2), въ таврической — 19 (1 утвержденныхъ и 18 назначенныхъ, а военныхъ утверждено 2 и назначено 6). Дворянъ, не имѣющихъ ни чина, ни университетской степени, между земскими начальниками на этотъ разъ немного: 5 въ бессарабской губерніи (всѣ — утвержденные), 4 — въ херсонской (3 назначенныхъ, 1 утвержденныхъ), одинъ (утвержденныхъ) — въ таврической. Очень много, зато, коллежскихъ регистраторовъ (15, изъ 66 гражданскихъ чиновниковъ), т.-е. лицъ, навѣрное не получившихъ высшаго образованія и не занимавшихъ сколько-нибудь самостоятельнаго служебнаго положенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ этой же категоріи принадлежатъ и громадное большинство губернскихъ и коллежскихъ секретарей, которыхъ насчитывается восемнадцать.

Временныя правила о волостномъ судѣ уполномочиваютъ, какъ извѣстно, земскаго начальника замѣнять тѣлесное наказаніе, опредѣленное приговоромъ волостнаго суда, другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ (строгимъ арестомъ или денежнымъ штрафомъ). Въ практикѣ новыхъ учрежденій возникъ вопросъ, возможна ли такая замѣна и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло восходило на разсмотрѣніе уѣзднаго сѣзда. Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ этотъ вопросъ разрѣшенъ отрицательно, на томъ основаніи, что опредѣленіе высшей инстанціи не можетъ быть измѣняемо земскимъ начальникомъ. Намъ кажется, что правильнѣе было бы противоположное рѣшеніе вопроса. О нарушеніи іерархической подчиненности могла бы быть рѣчь развѣ тогда, когда бы земскій начальникъ отиѣнилъ тѣлесное наказаніе, назначенное *по инициативѣ самого сѣзда*; но мы имѣли уже случай показать, что такая инициатива соединяетъ въ себѣ всѣ признаки превышенія власти. Нужно надѣяться, что ошибка, допущенная московскимъ уѣзднымъ сѣздомъ по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной (см. Внутр. Обзорѣніе въ № 2 „В. Е.“ за 1891 г.), не повторяется другими сѣздами. Остаются, слѣдовательно, только тѣ дѣла, по которымъ уѣздный сѣздъ *утверждаетъ* опредѣленія волостнаго суда, присуждающія къ тѣлесному наказанію. По отношенію къ этимъ дѣламъ земскій начальникъ могъ бы, какъ намъ кажется, допускать

замѣну тѣлеснаго наказанія, отнюдь не впадая въ противорѣчіе съ высшей инстанціей и не уклоняясь отъ должнаго къ ней уваженія. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано право замѣны тѣлеснаго наказанія, предоставленное земскому начальнику? На томъ предположеніи, что онъ знаетъ лично каждаго изъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ и можетъ опредѣлить, съ большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ волостные судьи, соответствуетъ ли тѣлесное наказаніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, не только характеру и мѣрѣ вины, но и личнымъ свойствамъ осужденнаго. Законъ имѣлъ въ виду предупредить, этимъ путемъ, исполненіе тѣлеснаго наказанія надъ такими лицами, для которыхъ оно было бы слишкомъ тяжкимъ, неоправданнымъ и невознагражденнымъ бѣдствіемъ. Это соображеніе примѣнимо вполне къ случаямъ утвержденія уѣзднымъ съѣздомъ рѣшеній волостнаго суда, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію. Уѣздный съѣздъ не знаетъ и, за рѣдкими исключеніями, не видитъ обвиняемаго; онъ утверждаетъ приговоръ волостнаго суда, если признаетъ его сообразнымъ съ законами и обстоятельствами дѣла. На вопросѣ о томъ, подходитъ ли самый способъ наказанія ко всему умственному и нравственному складу обвиняемаго,—уѣздный съѣздъ, за недостаткомъ фактическаго матеріала, не останавливается и останавливаться не можетъ; возбуждая и разрѣшая этотъ вопросъ, прежде исполненія опредѣленія съѣзда, земскій начальникъ нисколько не шелъ бы въ разрѣзъ съ мнѣніемъ съѣзда, а только пополнялъ бы неизбѣжный пробѣлъ его рѣшенія. Намъ могутъ возразить, что ничто не мѣшаетъ земскому начальнику подѣлиться съ съѣздомъ всѣми имѣющимися у него свѣденіями о личности обвиняемаго; но вѣдь не всѣ земскіе начальники являются каждый разъ въ засѣданія съѣзда (во многихъ уѣздахъ они участвуютъ въ съѣздѣ по очереди)—а судьбу человека нельзя ставить въ зависимость отъ случая. Ограниченіе власти земскаго начальника, установленное циркуляромъ, можетъ привести на практикѣ къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Не трудно было предвидѣть, что одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ новой судебно-административной системы явится раздробленіе кассационныхъ функцій между множествомъ губернскихъ присутствій, подчиненныхъ, притомъ, не высшему судебному установленію, а министру внутреннихъ дѣлъ. Новымъ доказательствомъ этому служить разъясненіе одного изъ важнѣйшихъ процессуальныхъ вопросовъ, данное недавно петербургскимъ губернскимъ присутствіемъ и если не юридически, то фактически обязательное, впредь до отмѣны, для уѣздныхъ съѣздовъ петербургской губерніи. Ст. 31-ая временныхъ правилъ о волостномъ судѣ *обязываетъ* земскаго начальника представлять уѣздному съѣзду жалобы на тѣ рѣшенія волостныхъ судовъ

по спорамъ и тяжбамъ, по которымъ присуждено болѣе тридцати рублей; по остальнымъ дѣламъ жалобы представляются съѣзду въ такомъ только случаѣ, если земскій начальникъ найдетъ рѣшеніе постановленнымъ съ нарушеніемъ предѣловъ власти суда или явно неправосуднымъ. Нѣкоторые изъ уѣздныхъ съѣздовъ петербургской губерніи (а можетъ быть и всѣ) понимали эту статью такимъ образомъ, что обязательно представленіе съѣзду жалобъ и по такимъ дѣламъ, по которымъ *отказано въ искѣ* болѣе чѣмъ тридцати рублей, а также по дѣламъ, не подлежащимъ оцѣнкѣ. Губернское присутствіе, наоборотъ, истолковало ст. 31 буквально и признало обязательнымъ представленіе жалобъ *только* по тѣмъ дѣламъ, по которымъ *присуждено* болѣе тридцати рублей. Этотъ способъ интерпретаціи возвращаетъ насъ къ давно прошедшимъ временамъ, когда позволительнымъ считалось только механическое примѣненіе текста закона, безъ всякихъ разсужденій о его значеніи и смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалось намѣреніе законодателя при составленіи ст. 31 временныхъ правилъ? Очевидно—въ томъ, чтобы не затруднять уѣздные съѣзды разсмотрѣніемъ массы маловажныхъ дѣлъ. Общепринятымъ мѣриломъ важности дѣла служить его цѣнность; по образцу устава гражданскаго судопроизводства, рубежомъ между менѣе и болѣе важными дѣлами была принята цифра тридцать рублей. Насколько дѣло важно для одной стороны, настолько же оно, безъ сомнѣнія, важно и для другой. Отвѣтчикъ заинтересованъ въ невысканіи съ него требуемой суммой ничуть не больше, чѣмъ истецъ—въ полученіи ея отъ отвѣтчика; присужденіе иска наноситъ имущественному положенію отвѣтчика ущербъ отнюдь не болѣе, чѣмъ отказъ въ искѣ—имущественному положенію истца. Не можетъ быть, поэтому, чтобы интересы отвѣтчика охранялись закономъ больше, чѣмъ интересы истца; не можетъ быть, чтобы отвѣтчикъ, съ котораго присуждено сто рублей, имѣлъ право на переносъ дѣла въ высшую инстанцію, а истецъ, которому отказано въ ста рубляхъ, не имѣлъ этого права. Неудачная редакція закона—а ст. 31 временныхъ правилъ редактирована, безъ сомнѣнія, до крайности неудачно—не составляетъ еще особенно серьезнаго зла, если судьямъ доступно искусство толкованія закона, если они не считаютъ себя рабами буквы, всеильной и всевластной. Примѣненіе закона по внутреннему его смыслу въ особенности обязательно для кассаціонной инстанціи—а въ данномъ случаѣ именно она его игнорируетъ или отрицаетъ. Юрисдикція волостныхъ судовъ, со времени реформы, чрезвычайно обширна. Малосвѣдущимъ, неопытнымъ судьямъ приходится рѣшать всякаго рода гражданскія тяжбы, на сумму до трехсотъ рублей—сумму, составляющую для крестьянина цѣлое состояніе. Единственный коррективъ столь широкой

власти—это возможность довести всякое сколько-нибудь важное дѣло до высшей инстанціи, составъ которой больше гарантируетъ правильность рѣшенія. Разъясненіемъ губернскаго присутствія этотъ коррективъ уничтожается почти совершенно для цѣлой категоріи дѣлъ; волостной судъ, отказывающій въ искѣ, ускользаетъ этимъ самымъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отъ контроля уѣзднаго сѣзда. Рѣшеніе волостного суда можетъ быть до крайности несправедливо, не будучи *явно неправосуднымъ*; жалобу на такое рѣшеніе, если имъ отказано въ искѣ—хотя бы на сумму 300 рублей—земскій начальникъ будетъ имѣть полную, законную возможность не представлять сѣзду, и истцу негдѣ будетъ искать возстановленія нарушеннаго права. А дѣла, не подлежащія оцѣнкѣ? При томъ толкованіи ст. 31, которое принято присутствіемъ, рѣшенія, состоявшіяся по этимъ дѣламъ, почти никогда не будутъ поступать на разсмотрѣніе уѣзднаго сѣзда. Превышеніе власти и явное неправосудіе—явленія исключительныя, рѣдкія; послѣднее, вдобавокъ, не имѣетъ опредѣленныхъ, ясныхъ признаковъ, и можетъ не быть усмотрѣно земскимъ начальникомъ даже тогда, когда оно на самомъ дѣлѣ допущено волостнымъ судомъ. Между тѣмъ, изъ числа дѣлъ, не подлежащихъ оцѣнкѣ, многія имѣютъ весьма существенное значеніе: таковы, напримѣръ, нѣкоторые поземельные споры, таковы дѣла о водвореніи жены къ мужу. Дѣла послѣдняго рода, по нашему мнѣнію, неподсудны волостному суду; разрѣшая ихъ, онъ допускаетъ превышеніе власти, требующее внимательства со стороны земскаго начальника. Это мнѣніе, однако, далеко не общее; гдѣ господствуетъ противоположный взглядъ, тамъ необходимо, по крайней мѣрѣ, увеличить шансы справедливаго рѣшенія дѣла, предоставивъ сторонамъ безусловное право на переносъ его въ высшую инстанцію — а этого можно достигнуть только распространительнымъ толкованіемъ ст. 31. Нужно надѣяться, что именно такъ она будетъ истолкована сенатомъ, если спорный вопросъ дойдетъ до него въ порядкѣ, установленномъ пун. III Высочайше утвержденнаго 29-го декабря 1889 г. мнѣнія государственнаго совѣта.

Рѣшеніе волостного суда, на основаніи первоначальнаго текста ст. 29, вступало въ законную силу, если не было обжаловано въ установленный (тридцатидневный) срокъ или было оставлено въ силѣ при разрѣшеніи принесенной на него жалобы. Въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній („В. Е.“ 1891 г., № 12) мы имѣли случай замѣтить, что въ нѣкоторыхъ земскихъ участкахъ рѣшенія волостного суда по дѣламъ уголовнымъ считаются вошедшими въ законную силу и тогда, когда обѣ стороны откажутся, при самомъ объявленіи рѣшенія, отъ принадлежащаго имъ права жалобы, т.-е. вы-

разяты готовность подчиниться рѣшенію. Мы указали тогда же на незаконность этой практики и на возможные послѣдствія ея, крайне неблагоприятныя для правосудія. Теперь она перестала быть незаконной: ст. 29-я правилъ о волостномъ судѣ измѣнена именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ примѣняли ее и раньше нѣкоторые земскіе начальники. Нельзя не пожалѣть объ этой переимѣнѣ: достигаемое ея ускореніе въ ходѣ дѣла совершенно ничтожно, а сопряженныя съ нею неудобства весьма значительны. Въ засѣданіяхъ волостного суда часто присутствуетъ земскій начальникъ, принимающій иногда участіе и въ совѣщаніи судей. У сторонъ, вслѣдствіе этого, легко можетъ возникнуть предположеніе, что рѣшеніе волостного суда выражаетъ собою волю высшей власти, и что отказъ подчиниться рѣшенію, заявленный въ присутствіи земскаго начальника, будетъ принятъ за признакъ неуваженія къ послѣднему. Еслибы осужденному оставлено было время на размышленіе, онъ могъ бы собраться съ духомъ, посоветоваться съ близкими или свѣдущими людьми, взвѣснить, на досугѣ, шансы отміны приговора и поступить, въ концѣ концовъ, на основаніи зрѣло обдуманнаго заключенія, а не подъ вліяніемъ минутнаго, на-половину вынужденнаго импульса. Захваченный врасплохъ, онъ можетъ, наоборотъ, поступиться своимъ правомъ и впасть въ ошибку, уже непоправимую. Опасность велика и тогда, когда рѣшеніе постановлено и объявлено въ отсутствіи земскаго начальника. Волостной старшина (съ этою должностію можетъ быть, въ настоящее время, соединено званіе предсѣдателя волостного суда) и даже волостные судьи могутъ прямо пугать, страшать обвиняемаго, чтобы вынудить у него отказъ отъ жалобы. Просматривая, впоследствии, рѣшеніе волостного суда, земскій начальникъ можетъ обратить вниманіе на его неправильность—но оно къ тому времени, въ большинствѣ случаевъ, будетъ уже приведено въ исполненіе, да и удовольствіе, заявленное осужденнымъ, будетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для судей, постановившихъ рѣшеніе, и препятствіемъ къ его пересмотру въ порядкѣ, указанномъ ст. 20 временныхъ правилъ. Въ какой степени вѣроятно нравственное давленіе на осужденнаго, съ цѣлью склонить его къ отказу отъ обжалованія приговора — объ этомъ можно судить уже по тому, что при дѣйствіи прежняго закона встрѣчались случаи исполненія приговоровъ, не вошедшихъ въ законную силу. Если стремленіе къ немедленному исполненію рѣшенія не останавливалось иногда передъ явнымъ нарушеніемъ закона, то тѣмъ меньше оно будетъ останавливаться передъ понужденіемъ, облеченнымъ въ законную форму. Весьма характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, раз-

сказъ В. Г. Короленко ¹⁾ о мадаевскомъ волостномъ старшинѣ (лукояновскаго уѣзда)—„субъектъ очень интересномъ, своего рода силѣ, одномъ изъ тѣхъ деревенскихъ типовъ, защита противъ которыхъ мѣстнаго населенія выставялась, между прочимъ, задачей новаго института“ (т.-е. земскихъ начальниковъ), но вліяніе которыхъ коегдѣ скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось. „Одинъ изъ крестьянъ мадаевской волости былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ аресту. Старшина распорядился запереть его, не ожидая истеченія апелляціоннаго срока. Говорятъ, онъ заперъ его собственноручно и ключъ отъ кутузки увезъ съ собою. Можетъ быть, это преувеличеніе народной молвы, но только мнѣ рассказывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что заключенный стучалъ въ двери, просился, кричалъ, что умираетъ... Официально установлено, что когда дверь была отперта, незаконно заключенный крестьянинъ оказался мертвымъ отъ угара... Въ книгѣ приговоровъ написано: приговоромъ *не* доволенъ; затѣмъ частица *не* кѣмъ-то зачеркнута и эта поправка не оговорена въ текстѣ... Старшину постановили предать суду“. Мадаевскій старшина—не единственный въ своемъ родѣ; а прикривнуть на осужденнаго, пригрозить ему и этимъ путемъ вынудить у него заявленіе „удовольствія“—безъ сомнѣнія гораздо легче, чѣмъ рѣшиться на противозаконное задержаніе и на подлогъ въ книгѣ приговоровъ.

Саратовскій губернаторъ обратился недавно къ земскимъ начальникамъ съ циркулярнымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія: „по имѣющимся у меня свѣденіямъ уже въ настоящее время нѣкоторые крестьяне, обмоливши часть своего хлѣба, спѣшатъ везти его на базаръ, продаютъ его, а часть полученныхъ денегъ пропиваютъ. Не для развитія пьянства давало правительство ссуды крестьянскому населенію. Ссуды были даны для поддержанія экономическаго благосостоянія народа и должны быть возвращены при первой возможности правительству. Но кромѣ уплаты ссуды—не надо упускать изъ виду, что засыпка въ хлѣбные магазины неминуюемо должна идти своимъ чередомъ. А потому поручаю гг. земскимъ начальникамъ саратовской губерніи имѣть неослабный надзоръ за тѣмъ, чтобы крестьяне продавали свой хлѣбъ только въ исключительныхъ случаяхъ, вызванныхъ крайнею необходимостью, напримѣръ для уплаты аренды и т. п. Но если крестьянинъ, имѣющій долги по магазину или по ссудѣ, продавши хлѣбъ, начнетъ пьянствовать, о чемъ каждый староста долженъ немедленно донести земскому начальнику и волостному старшинѣ, то такого нерадиваго крестьянина, руководствуясь 38-ой ст. вр. пр. о волости. судѣ, слѣдуетъ предавать суду,

¹⁾ См. № 246 „Русскихъ Вѣдомостей“.

такъ какъ тотъ, кто пропиваетъ хлѣбъ, за каждое зерно котораго онъ обязанъ неусыпной заботливости о немъ правительства, — кто прежде, чѣмъ исполнить свои обязанности по уплатѣ казенныхъ и общественныхъ недоимокъ, предается пьянству, — тотъ долженъ за это понести указанное закономъ наказаніе неукоснительно и во всей строгости^а. Въ этомъ циркулярѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе два обстоятельства: стѣсненіе крестьянъ въ правѣ продажи хлѣба и толкованіе ст. 38-ой временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. Хлѣбъ, снятый крестьяниномъ съ надѣльнаго или арендованнаго поля—такая же собственность его, какъ купленная имъ лошадь или корова, сапоги или полушубокъ. Собственность предполагаетъ право распоряженія, ничѣмъ, кромѣ закона, не ограниченное—а закона, по которому продажа крестьянами своего хлѣба требовала бы предварительнаго съ чьей-либо стороны разрѣшенія, сколько намъ извѣстно, не существуетъ. Казенные и общественные сборы и недоимки, равно какъ и долги продовольственному капиталу, подлежатъ, конечно, взысканію на основаніи установленныхъ для того правилъ; на томъ же основаніи можно требовать и засыпки зерна въ хлѣбные магазины —но все это отнюдь не влечетъ за собою необходимости контроля надъ каждымъ хозяйственнымъ распоряженіемъ крестьянина. Такой контроль, притомъ, неосуществимъ на практикѣ; не только земскій начальникъ, не только волостной старшина, но даже сельскій староста, въ сколько-нибудь обширномъ сельскомъ обществѣ, не можетъ услѣдить за судьбой каждой мѣрки крестьянскаго хлѣба. Что касается до ст. 38-ой врем. правилъ о волостномъ судѣ, то она предусматриваетъ *мотовство и пьянство, разстроивающія хозяйство*. Для ея примѣненія необходимо, какъ это убѣдительно доказалъ П. Н. Обнинскій¹⁾, соединеніе всѣхъ трехъ поименованныхъ въ ней условій: мотовства, пьянства и производимаго ими разстройства хозяйства. Пьянство само по себѣ, хотя бы средства для него и добывались продажей только-что обмолоченнаго хлѣба, вовсе не наказуемо—а между тѣмъ въ циркулярѣ идетъ рѣчь о пьянствѣ вообще, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, допускающихъ подведеніе его подъ дѣйствіе карательнаго закона. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что указаніе, въ концѣ циркуляра, на необходимость примѣненія наказанія *во всей его строгости* можетъ стѣснить свободу дѣйствій волостного суда. Статья 38-ая предоставляетъ суду выборъ между различными карательными мѣрами (арестъ, тѣлесное наказаніе, совокупность того и другого); назначеніе той или другой изъ нихъ, въ томъ или другомъ размѣрѣ, должно зависѣть исключительно

¹⁾ См. Внутреннее Обзорніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1890 г.

отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, а отнюдь не отъ приказанія или внушенія, подводящаго всѣ проступки мѣстнаго рода подъ одинъ, наиболѣе строгій уровень наказуемости.

Мы не встрѣчали до сихъ поръ въ печати ни подтвержденія, ни опроверженія факта, сообщеннаго мѣсяца три тому назадъ „Церковнымъ Вѣстникомъ“. По словамъ рязанскаго корреспондента этой газеты, въ селѣ Бигильдинѣ, въ данковскомъ уѣздѣ, случился пожаръ, угрожавшій, между прочимъ, и дому мѣстнаго священника, о. Андрея Д. Священникъ Д. только-что возвратился послѣ напутствованія одного больного и, какъ былъ съ дароносицей за пазухой, бросился на пожаръ. На пожарѣ присутствовалъ, распорядясь тушеніемъ, мѣстный земскій начальникъ г. Б. Къ нему-то и подбѣжалъ священникъ, съ просьбою защитить отъ огня его домъ и дворовыя постройки. вмѣсто вѣжливаго, какъ подобало сану просителя, отвѣта, Б. крикнулъ:—уйди ты!..—и затѣмъ, прибавивъ нѣсколько ругательствъ, со всего размаха ударилъ священника въ правый високъ кулакомъ. Оскорбленный безъ всякаго повода и едва устоявшій на ногахъ священникъ замѣтилъ Б., что при немъ дароносица со св. тайнами, и показалъ ее Б., прося его быть уважительнѣе хотя къ святынѣ, если не къ нему, священнику. Б. приостановился отъ дальнѣйшихъ насилій, но со злобью крикнулъ:—Поди ты къ чорту!.. Народъ, во множествѣ бывшій на пожарѣ, въ нѣмомъ изумленіи наблюдалъ эту возмутительную сцену поруганія своего пастыря.—Православные,—обратился къ нему священникъ:—вы видите и слышите, какъ со мной поступаетъ г. земскій начальникъ? Будьте свидѣтелями.—Видимъ и слышимъ! Всѣ идемъ въ свидѣтели! Пиши насъ!—загадѣлъ народъ. Священникъ сходилъ за листомъ бумаги и началъ записывать изъявившихъ желаніе выступить свидѣтелями. Тогда земскій начальникъ подбѣжалъ къ священнику и крикнулъ:—Иди въ волостное правленіе —я тебя арестую.—Но священникъ отказался идти въ правленіе, а между тѣмъ въ толпѣ послышался грозный ропотъ негодованія, чтó и заставило Б. оставить священника. Но и этимъ не кончилось: придя въ волостное правленіе, Б. послалъ старшину къ священнику съ требованіемъ немедленно явиться въ правленіе; но священникъ опять отказался и тотчасъ же донесъ о всемъ происшедшемъ своему начальству. Епархіальное начальство отнеслось къ факту весьма горячо, немедленно передавъ все дѣло въ руки прокурорскаго надзора и тотчасъ же увѣдомивъ губернатора. Чтó будетъ дальше—пока неизвѣстно“. Корреспондентъ „Церковнаго Вѣстника“ видитъ въ этомъ фактѣ, и совершенно справедливо, грустное свидѣтельство о томъ, „при какихъ условіяхъ приходится иногда нашимъ пастырямъ дѣлать свое дѣло“. Насъ онъ наводитъ еще на другой

вопросъ: если таково было обращеніе земскаго начальника съ *свѣщенникомъ*, то какъ же онъ обращался съ подвластными ему крестьянами?..

При разсмотрѣніи саратовскою судебною палатою (въ гор. Тамбовѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей) дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ крестьянами дер. Абакумовки ¹⁾, спрощенъ былъ между прочимъ, въ качествѣ свидѣтеля, мѣстный земскій начальникъ. Оказалось, что онъ ничего не зналъ о продолжавшемся нѣсколько дней народномъ волненіи, вызванномъ противохолерными мѣрами, и пріѣхалъ на мѣсто только тогда, когда безпорядки уже окончились, хотя разстояніе отъ его камеры до Абакумовки—всего пятнадцать верстъ. „Новое Время“ (№ 5937) указываетъ по этому поводу на несостоятельность того „теоретическаго представленія“ о земскихъ начальникахъ, „въ которомъ они рисуются вѣчно движущимися по своимъ участкамъ, все видящими, все знающими и все направляющими“. „Въ теоретической литературѣ о земскихъ начальникахъ,—говоритъ газета,—последніе выставляются чѣмъ-то въ родѣ попечительныхъ руководителей деревенскаго люда, входящихъ во всѣ его дѣла, причемъ сочувствующіе учрежденію земскихъ начальниковъ строятъ на этомъ свои соображенія о пользѣ и благотѣльности новаго учрежденія, а несочувствующіе въ томъ же самомъ теоретическомъ представленіи о земскихъ начальникахъ черпаютъ свои доводы противъ этого учрежденія и въ особенности ядъ для своихъ сатирическихъ стрѣлъ и сарказмовъ противъ новаго института уѣздной власти“. Этимъ „теоретическимъ представленіемъ“ газета противопоставляетъ „дѣйствительность“, обнаружившуюся, на примѣръ, въ тамбовскомъ процессѣ. Что земскіе начальники не все видятъ и не все знаютъ, что многіе изъ нихъ вовсе даже не отличаются особов подвижностью—съ этимъ мы вполне согласны. „Теоретическія представленія“, противъ которыхъ полемизируетъ „Новое Время“, распространены, быть можетъ, въ средѣ приверженцевъ новаго института, но отнюдь не въ средѣ его противниковъ. Не дальше, какъ три мѣсяца тому назадъ ²⁾, мы имѣли случай замѣтить, что всевластіе земскаго начальника обращается на практикѣ или въ бездѣйствіе, или въ злоупотребленіе власти; что земскій начальникъ недостаточно близокъ къ крестьянамъ, лишень возможности входить во всѣ ихъ нужды, безсиленъ взять на себя „живое веденіе“ хотя бы продовольственнаго дѣла. Мы всегда думали и думаемъ до сихъ поръ, что *знать* и *видѣть*—конечно, не все, но по возможности *многое*—можно только въ предѣлахъ неболь-

¹⁾ См. ниже, Общественная Хроника.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 7 „Звѣстника Европы“.

шого участка, организованнаго такъ, чтобы между управляющими и управляемыми существовала тѣсная внутренняя связь, основанная не на одномъ только подчиненіи и страхѣ. Въ всеобщей самоуправляющейся волости волненія въ родѣ тѣхъ, которыя предшествовали абакумовскимъ беспорядкамъ, едва ли могли бы ускользнуть отъ вниманія волостного старшины; едва ли, затѣмъ, онъ могъ бы отнестись къ ихъ источнику съ тѣмъ легковѣріемъ, въ которому слишкомъ склонны чисто-крестьянскія власти, и едва ли слово увѣщанія, имъ сказанное, осталось бы безъ вліянія на крестьянъ, хорошо его знающихъ и ему близкихъ... Каждый выдающійся фактъ, совершающійся въ послѣднее время, укрѣпляетъ наше убѣжденіе въ цѣлесообразности того устройства мелкой территоріальной единицы, за которое мы не переставали стоять со времени первой постановки вопроса объ административной реформѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1892.

Международная рознь и ея неизбежные результаты.—Чувство солидарности передъ опасностью холерной эпидеміи. — Вопросъ о международныхъ мѣрахъ санитарной охраны, и разсужденія нѣмецкихъ газетъ по этому предмету. — Недовольство нѣмецкихъ патриотовъ нѣкоторыми особенностями „новаго курса“ въ Германіи. — Франко-фильскія демонстраціи въ Генуѣ и ихъ значеніе. — Французскія дѣла.

Международное положеніе, основанное на взаимной розни и недоброжелательствѣ, кажется естественнымъ и неизбѣжнымъ въ современной Европѣ, при обычномъ ходѣ вещей; но бывають случаи, когда ненормальность этой системы вооруженнаго мира выступаетъ передъ всѣми съ полною очевидностью, и когда чувство общечеловѣческой солидарности рѣшительно заявляетъ свои права. Дѣйствительность нерѣдко напоминаетъ людямъ, что существуютъ условія и опасности, предъ которыми исчезаютъ всякія національныя различія; объ этомъ съ особенною силою напомнило распространеніе страшной заразы, періодически появляющейся съ дальняго востока. Пока холера свирѣпствовала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, враждебныя намъ западно-европейскія газеты пробовали еще отнестись къ этому факту съ точки зрѣнія узкаго національнаго антагонизма: между прочимъ, даже берлинская либеральная печать обнаружила признаки страннаго злорадства и настойчиво указывала на холерную эпидемію и на вызванные ею беспорядки, какъ на спеціальное доказательство нашей внутренней слабости и культурнаго безсилія. Появленіе у насъ холеры, послѣ прошлогодняго неурожая, послужило лишь новымъ матеріаломъ для непріязненныхъ выводовъ и предсказаній, имѣвшихъ цѣлью еще болѣе подорвать нашъ финансовый и политическій кредитъ, и безъ того поколебленный на западѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Нѣкоторыя австро-нѣмецкія газеты, говоря объ опасности занесенія заразы въ Германію и Австрію, серьезно признавали Россію отвѣтственною за это бѣдствіе, грозящее западной Европѣ. И вдругъ послѣ этой ядовитой полемики о „русской“ холерѣ, эпидемія разразилась съ ужасающею силою въ одномъ изъ богатѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ, въ центрѣ морской нѣмецкой торговли, и къ общему удивленію, санитарные порядки въ Гамбургѣ оказались несравненно хуже, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Нападки на Россію должны были замолкнуть, и всѣ почувствовали невольно, что эпидемическія болѣзни,

подобныя холерѣ, не могутъ быть приурочены къ мелкимъ счетамъ національнаго самолюбія и требуютъ совсѣмъ другого отношенія и другихъ, болѣе широкихъ мѣръ. Но политическое воспитаніе въ духѣ національнаго эгоизма не проходитъ даромъ; оно отражается и на общемъ нравственномъ состояніи народа, на его понятіяхъ и воззрѣніяхъ. Люди, привыкшіе считать своимъ патріотическимъ долгомъ злорадство и вражду относительно сосѣдей, бессознательно переносятъ свои обычныя чувства и на внутреннія отношенія между провинціями, между сословіями и различными классами населенія. Идеи розни и вражды, получивъ преобладаніе въ сферѣ высшей политики, мало-по-малу проникаетъ повсюду и становится господствующимъ принципомъ общественной жизни. Побужденія простаго челоуѣколюбія слабѣютъ и отступаютъ на задній планъ; они систематически вытѣсняются всегдашнею заботою о собственномъ интересѣ, желаніемъ оградить себя отъ всего чужого. Когда Гамбургъ сдѣлался очагомъ эпидеміи, въ нѣмецкомъ обществѣ и въ журналистикѣ не только не проявилось сочувствія къ населенію злополучнаго города, но напротивъ выступила и громко раздавалась какая-то жесткая, суровая, почти неприязненная нота, которой потомъ стыдились многіе добросовѣстные и просвѣщенные нѣмцы. Насколько можно судить по отзывамъ газетъ, нѣмецкою публикою овладѣло прежде всего чувство страха, нѣчто въ родѣ паники; несчастные гамбургцы, пытавшіеся бѣжать изъ роднаго города, рассматривались какъ зачумленные, не допускались никуда и возбуждали къ себѣ общую ненависть за свое стремленіе спастись отъ заразы,—точь въ точь какъ у насъ жители Баку во время разгара эпидеміи. Нѣмецкіе публицисты откровенно заявляли, что населеніе Гамбурга должно быть предоставлено своей судьбѣ, что оно не имѣетъ права подвергаться опасности остальную Германію, и что слѣдуетъ насильно удерживать жителей отъ переѣзда въ другія мѣстности. Достаточно было кому-нибудь признать себя гамбургскимъ обывателемъ, чтобы подвергнуться всевозможнымъ неприятностямъ, хотя бы челоуѣкъ давно уже не видалъ Гамбурга. Для противоудѣйствія возможному распространенію заразы предлагались и отчасти принимались мѣры, убійственныя для гамбургской торговли: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предложено было промышленнымъ дѣятелямъ и торговцамъ прекратить всякія коммерческія сношенія съ зараженнымъ геродомъ, подъ страхомъ истребленія подозрительныхъ товаровъ безъ всякаго вознагражденія; даже товары, закупленные лишь на счетъ какой-нибудь гамбургской фирмы и привезенные, напримѣръ, изъ Франціи, задерживались, и дѣло едва не доходило до уничтоженія ихъ; тюки сигаръ, сахару и кофе подвергались дезинфекціи и дѣлались такимъ образомъ негодными къ употребленію. Къ естествен-

нымъ испытаніямъ отъ холерной эпидеміи присоединилось экономическое бѣдствіе, полное разстройство промышленныхъ дѣлъ, прекращеніе заработковъ, для трудящагося населенія, и эти тяжелые удары судьбы еще болѣе усиливались горькимъ сознаніемъ общаго и даже отчасти враждебнаго равнодушія, незаслуженнымъ гнетомъ преувеличенной предохранительной травли со стороны соотечественниковъ, чувствомъ нравственной оторванности отъ эгонистически испугавшихся жителей сосѣднихъ нѣмецкихъ областей. Лучшая часть германской печати понимала всю несправедливость такого сухого, безучастнаго отношенія къ судьбѣ нѣмецкаго же города и стала требовать оказанія по крайней мѣрѣ матеріальной помощи нуждающимся и разореннымъ гамбургцамъ; вслѣдствіе этого организована была подписка въ пользу пострадавшихъ, и тѣ самыя газеты, которыя на первыхъ порахъ выказали наибольше черствости и трусливаго эгонизма, старались уже убѣдить читателей въ своемъ состраданіи къ бѣдѣ гамбургцевъ. Протесты и жалобы гамбургской прессы оставались прежде гласомъ вопіющаго въ пустынѣ или удостоивались только холодныхъ насмѣшекъ; а теперь уже вызываютъ снисходительную критику или спокойныя оправдательныя замѣчанія. Паника прошла, когда публична убѣдилась въ изолированности Гамбурга и въ отсутствіи непосредственной опасности для Берлина и другихъ городовъ имперіи. Въ „Имперскомъ Указателѣ“ напечатано было заявленіе о томъ, что правительственная холерная коммиссія не находитъ никакого основанія создавать ненужныя ограниченія и стѣсненія для гамбургской торговли, такъ какъ эти стѣсненія только напрасно увеличиваютъ бѣдствіе Гамбурга. Поспѣшныя требованія о сожженіи заподозрѣнныхъ товаровъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, объ ограниченіи перевозовъ изъ сомнительныхъ мѣстностей и т. п., обсуждаются уже болѣе хладнокровно, тѣмъ болѣе, что реакціонныя газеты, какъ напр. „Kreuz-Zeitung“, пользуются обстоятельствами для возбужденія общихъ вопросовъ о свободѣ передвиженія и о другихъ либеральныхъ принципахъ, оказавшихся будто бы несостоятельными. Берлинская „National-Zeitung“ (отъ 25-го сентября) отрекается уже косвенно отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и высказывается отчасти въ пользу общаго международнаго соглашенія и совмѣстнаго дѣйствія въ области общечеловѣческихъ санитарныхъ интересовъ и опасностей.

Мнѣніе руководящей берлинской газеты, хотя и сформулированное неясно и какъ будто съ нѣкоторою робостью, заслуживаетъ вниманія и разбора. Упомянувъ о полномъ политическомъ затишьѣ за послѣднее время, газета иронически замѣчаетъ, что всеобщій страхъ передъ холерою отвлекаетъ умы отъ международныхъ споровъ и обезпечиваетъ по крайней мѣрѣ сохраненіе мира въ Европѣ. „Неужели

было бы безцѣльно желать, — спрашиваетъ далѣе „National-Zeitung“, — чтобы народы и государственные дѣятели воспользовались этимъ положеніемъ, созданнымъ судьбою и принесшимъ столько горя и печали, для улучшенія дѣлъ въ будущемъ? Не представился ли имъ теперь случай установить не только благотѣльные мѣры для собственной страны, но и положить начало всеобщимъ, европейскимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы по возможности охранить нашу часть свѣта отъ повторенія этихъ бѣдствій? Мелочное національное соперничество и узкосердечные торговые интересы, не обращающіе вниманія на будущія опасности изъ-за временныхъ выгодъ, должны быть оставлены въ сторонѣ или обречены на молчаніе совмѣстной волею европейскаго общественнаго мнѣнія. При чувствительности національнаго самосознанія, теперь труднѣе чѣмъ когда-либо поднимать вопросъ о разоруженіи и дѣлать его предметомъ европейскаго конгресса; европейскій миръ не устанавливается по приказу, а всегда будетъ зависѣть отъ текущихъ обстоятельствъ и отъ степени риска, угрожающаго тѣмъ, кто его нарушитъ; но современное положеніе, общая боязнь, чувство неувѣренности и въ то же время сознаніе необходимости дѣйствительнаго отпора повторяющейся эпидеміи должны были бы побудить правительственныхъ дѣятелей и медицинскія власти всѣхъ государствъ войти въ переговоры о всеобщихъ, обязательныхъ для Европы, способахъ борьбы съ заразными болѣзнями, приходящими изъ Азіи вмѣстѣ съ магометанскими богомольцами. Чѣмъ больше развились наши сообщенія, тѣмъ сильнѣе опасность распространенія эпидеміи и тѣмъ значительнѣе количество ея жертвъ. Не отдѣльный городъ и не отдѣльная страна поражаются бѣдствіемъ, но всѣ страдаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Страхъ доводитъ до крайности исключительныя, ограждающія мѣры, при отсутствіи международныхъ постановленій, и каждая мѣстность желала бы окружить себя китайскою стѣною. Боязнь мѣшаетъ людямъ понять, что этимъ причиняется вредъ не только другимъ, но и самимъ себѣ. Попытки международнаго законодательства для охраны или регулированія работы потерпѣли неудачу; и если онѣ могутъ быть осуществлены, то развѣ только въ будущемъ столѣтіи. Нельзя ли, однако, надѣяться, что въ области народной гигиены, гдѣ кое-что уже сдѣлано, можно было бы установить общія европейскія учрежденія, которыя, подобно Красному Кресту для войны, имѣли бы силу во всѣхъ государствахъ и были бы однородны въ своихъ основныхъ чертахъ и формахъ?“ Здоровье и благосостояніе народовъ, — продолжаетъ газета, — неразрывно связаны между собою. „Нѣтъ сомнѣнія, что прошлогодній голодъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи былъ лучшимъ союзникомъ холеры, и что дурное и недостаточное питаніе

народа вездѣ способствовало ея развитію, какъ въ Неаполѣ въ 1885 году, такъ теперь въ Гамбургѣ". Что касается экономическаго кризиса и порождаемой имъ нужды, то и въ этомъ отношеніи были бы благотворны „прочные торговые договоры между государствами, могущіе привести къ образованію настоящаго таможеннаго союза, въ видахъ желательнаго воздѣйствія на сѣверо-американскій рынокъ". Стремиться къ улучшенію и обезпеченію національнаго и всеобщаго благосостоянія, доставить народнымъ массамъ вѣрный и достаточный трудъ,—такова должна быть, по мнѣнію „National-Zeitung", главная задача правителей. „Угнетенное матеріальное и нравственное состояніе всѣхъ странъ Европы имѣетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что оно невольно отдаляетъ наши мысли отъ такъ-называемой высшей политики и направляетъ ихъ на болѣе важныя и болѣе близкія вопросы народнаго благосостоянія. Не только практическія, но и нравственныя задачи подлежатъ здѣсь обсужденію и рѣшенію. Невѣроятныя сцены, которыя повсюду вызваны были страхомъ холеры, начиная отъ волненій въ русскихъ городахъ и кончая беспорядками въ ньюйоркской гавани, показали намъ, къ нашему стыду и ужасу, какъ чуждо еще народамъ христіанское милосердіе и какъ далеко еще отъ осуществленія то хваленое „братство", которое служитъ лозунгомъ нашего столѣтія. Горькимъ, но полезнымъ средствомъ къ пробужденію этого сознанія и, быть можетъ, къ надлежащему повороту дѣйствій — является нынѣшнее испытаніе, которому подверглась Европа".

Берлинская газета рассуждаетъ вполне правильно, но ея разсужденія находятся въ полномъ противорѣчій съ тѣми принципами вооруженнаго мира, на которыхъ держится современное положеніе въ Европѣ и которымъ неуклонно слѣдуетъ вся патріотическая печать Германіи, въ томъ числѣ и прежде всего сама „National-Zeitung". Послѣ многолѣтнаго и настойчиваго отрицанія какой бы то ни было солидарности между Германіею и Франціею, равно какъ и между нѣмецкимъ народомъ и Россіею, газета заговорила вдругъ объ „европейскомъ общественномъ мнѣніи", о совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ государствъ, объ однородности экономическихъ и нравственныхъ явленій въ разныхъ странахъ, о вредѣ мелочнаго національнаго соперничества, о желательности не только прочныхъ экономическихъ связей между народами, но даже всеобщаго таможеннаго союза при участіи Россіи и Франціи. Откуда возьмется все это, при установившейся и твердо поддерживаемой системѣ національной розни, обособленности и антагонизма? Какимъ образомъ составится европейское общественное мнѣніе, если заранѣе провозглашается невозможность для Германіи сойтись въ чемъ-либо съ Франціею и тѣмъ болѣе

съ Россією? Почему газета, недавно еще ставившая намъ въ укоръ появленіе у насъ холеры и вызванныя ею безпорядки, не видитъ уже теперь никакого принципиальнаго различія между этими русскими фактами и иностранными, даже между нашимъ народнымъ голодомъ и заграничною нуждою рабочаго класса? Какъ извѣстно, до послѣдняго времени большинство нѣмецкихъ газетъ энергически возражало противъ всякаго экономическаго сближенія съ Россією и съ особеннымъ единодушіемъ протестовало противъ малѣйшаго участія германскихъ капиталистовъ въ подпискахъ на русскіе займы, а теперь „National-Zeitung“ не только стоитъ за сближеніе, но доходитъ даже до идеи всеобщаго европейскаго таможеннаго союза. Такая перемѣна взглядовъ ужь слишкомъ внезапна и радикальна, чтобы быть прочною. Стоило бы только перенести эти отвлеченныя пожеланія на практическую почву, и тотчасъ обнаружилась бы ихъ совершенная несомѣстимость съ основными политическими убѣжденіями и съ всегдашнею программю нѣмецкихъ патриотовъ. Если неожиданная судьба Гамбурга и овладѣвшія нѣмецкимъ обществомъ опасенія произвели подобный, хотя только временный, переворотъ въ мысляхъ и идеяхъ германскихъ національ-либераловъ, то это доказываетъ лишь, насколько искусственна и произвольна господствующая нынѣ система международнаго недоброжелательства, какъ она противорѣчитъ дѣйствительной природѣ вещей и жизненнымъ потребностямъ народовъ. Солидарность, отвергаемая въ разсужденіяхъ о безпочвенной высшей политикѣ, сама собою устанавливается и вступаетъ въ свои права, когда дѣло идетъ о реальныхъ человѣческихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Жаль только, что стихійные предостереженія и уроки, въ родѣ нынѣшней холеры, обходятся народамъ слишкомъ дорого и забываются слишкомъ скоро. Пройдетъ эпидемія, не знающая никакихъ національныхъ различій и смѣшавшая въ одну кучу некультурныхъ бавинцевъ съ просвѣщенными гамбургцами; успокоятся люди, освободятся отъ первобытнаго стихійнаго страха и тотчасъ вспомнятъ о своихъ непримиримыхъ національныхъ противорѣчіяхъ и счетахъ; простыя человѣческія побужденія добросовѣстныхъ публицистовъ будутъ опять заглушены искусственными мотивами узко-патріотическаго націонализма.

Вопросъ объ общихъ международныхъ мѣрахъ охраны отъ опустошительныхъ азіатскихъ эпидемій поднимался всякій разъ, когда появлялась холера въ Европѣ, и сходилъ со сцены тотчасъ послѣ того, какъ холера уходила. Въ сущности предметъ и способъ совмѣстнаго международнаго дѣйствія могли бы быть точно опредѣлены, безъ излишнихъ отвлеченностей, еслибы въ принципѣ можно было достигнуть общаго соглашенія заинтересованныхъ государствъ. Источ-

ники заразныхъ болѣзней находятся большею частью въ предѣлахъ британской Индіи и, слѣдовательно, подъ владычествомъ Англіи, такъ что не предстояло бы надобности имѣть дѣло съ какою-нибудь азіатскою державою для достиженія желаннаго результата. Никто, конечно, не обвиняетъ англичанъ за то, что они до сихъ поръ не очистили долины Ганга отъ наполняющихъ ее миазмовъ; нѣмецкія газеты, какъ мы видѣли, считали даже Россію отвѣтственною за допущеніе въ ея предѣлы индійской заразы, имѣющей свои главные виѣстилица въ британскихъ владѣніяхъ. Обезвредить эти источники постоянныхъ эпидемій или, по крайней мѣрѣ, локализовать ихъ—задача, достойная всевозможныхъ усилій и затратъ и, по всей вѣроятности, доступная современной наукѣ, при серьезномъ желаніи соединенныхъ европейскихъ правительствъ; въ этомъ и должны бы заключаться совмѣстныя международныя мѣры, о которыхъ говорилось недавно въ нашемъ журналѣ. Но совмѣстное дѣйствіе предполагаетъ соглашеніе и солидарность, а въ современной Европѣ преобладаетъ духъ національной розни и недовѣрія. Въ критическіе моменты являются какъ будто проблески сознанія, намеки на необходимость поворота въ другую сторону, но эти свѣтлые промежутки проходятъ такъ быстро и безслѣдно, что строить на нихъ что-либо положительное было бы рискованно.

И безъ того многіе вліятельные патріоты въ Германіи выражаютъ недовольство по поводу готовности правительства къ уступкамъ и компромиссамъ не только во внутреннихъ дѣлахъ, но и въ международныхъ. Предположимъ, что приведенныя нами выше пожеланія берлинской „National-Zeitung“ осуществились, и назначена была бы международная коммиссія съ обширною программою и съ надлежащими полномочіями для достиженія предположенныхъ цѣлей; тогда нѣмецкіе патріоты требовали бы, чтобы первенствующую роль играли германскіе представители, и волновались бы всякій разъ, когда принято было бы какое-нибудь предложеніе представителей Россіи или Франціи. Точно такъ же французскіе патріоты считали бы постыднымъ для французскихъ уполномоченныхъ дѣйствовать по указаніямъ нѣмцевъ; въ печати высказывались бы подозрѣнія и дѣлались бы нападки, которыми подрывалась бы вся дѣятельность коммисіи, и дѣло окончилось бы ничѣмъ. Разумная уступчивость, признаніе чужихъ правъ и интересовъ, сознаніе дѣйствительной равноправности, готовность выслушивать различныя мнѣнія и принимать ихъ во вниманіе по мѣрѣ возможности, — все это разсматривается патріотами какъ признаки слабости, нерѣшительности, отсутствія твердаго правительственнаго авторитета. Нынѣшнее прусское правительство не удовлетворяетъ консервативныхъ національ-либераловъ именно потому, что

оно не обнаруживает той настойчивости и энергии, которая отличали князя Бисмарка. „Выдающеюся характеристическою чертою „новаго курса“,—говоритъ, напр., „Kölnische-Zeitung“,—слѣдуетъ признать ту особенность, что ни одинъ правительственный дѣятель и ни одна правительственная мѣра не могутъ устоять, если противъ нихъ замѣчается въ странѣ оживленное движеніе, откуда бы оно ни исходило, и независимо отъ того, основательно ли оно или неосновательно. Недостатокъ ясности, рѣшительности и способности къ сопротивленію составляетъ господствующее качество правительственной политики“. Газета снисходительно прибавляетъ, что было бы въ высшей степени односторонне и несправедливо винить одно лишь правительство за эти „дурныя стороны“ современнаго положенія. виноваты и политическія партіи, колеблющіяся и неустойчивыя: консерваторы, лишившіеся прочной поддержки и руководящихъ указаній правительства, примкнули къ католическому центру и усвоили нѣкоторыя особенности возрѣвнй реакціонныхъ и въ то же время демокгическихъ, а среднія партіи, къ которымъ правительство отнеслось съ недостаточнымъ вниманіемъ, передвинулись влѣво, т.-е. приблизились къ прогрессистамъ (свободомыслящимъ). Такъ объясняетъ „Кельнская Газета“ существующій разбродъ въ политическихъ направленіяхъ нѣмецкаго общества. Съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ можно было бы только желать, чтобы прусское правительство всегда сохраняло тѣ „дурныя стороны“, на которыя жалуется „Кельнская Газета“. Чтб хорошаго въ томъ, что правительство настойчиво проводило бы мѣры, противъ которыхъ высказывалось бы общественное мнѣніе страны? Правительство могло бы, напримѣръ, отстоять школьный законопроектъ графа Зедлица, при помощи католическаго центра; но „Кельнская Газета“ едва ли одобрила бы министровъ, которые рѣшились бы выказать въ этомъ случаѣ прямолинейную твердость, вопреки протестамъ общественнаго мнѣнія. Твердость и энергія весьма похвальны и даже необходимы, когда требуется достигнуть общепользной и всѣми признанной государственной цѣли; но чтб было бы съ страню, еслибы эти похвальныя качества примѣнялись къ дурному и вредному, ошибочно принимаемому за хорошее и полезное? Самымъ просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ людямъ свойственно ошибаться; на какомъ же основаніи могутъ правительственные дѣятели считать себя непогрѣшимыми и примѣнять свою твердость и авторитетъ къ осуществленію такихъ проектовъ, которые большинствомъ образованной публики признаются несостоятельными или вредными? Въ массѣ нѣмецкаго общества есть много людей столь же свѣдущихъ и авторитетныхъ, какъ и правительственные дѣятели; и если эти компетентные люди изъ общества доказываютъ ошибоч-

ность принятой мѣры и если это убѣжденіе раздѣляется массою, то упорное желаніе правительства во что бы то ни стало осуществить свое первоначальное рѣшеніе было бы уже больше дѣломъ самолюбія, чѣмъ сознательнаго патриотизма. Предполагается, что правительство имѣеть въ виду исключительно пользу государства и общее благо народа; самолюбіе, стремленіе поддержать свой авторитетъ не должно во всякомъ случаѣ брать верхъ надъ реальными интересами и потребностями страны. Въ Германіи общественное мнѣніе представляетъ силу, съ которою не всегда могъ справиться даже „железный канцлеръ“; общество, живущее сознательною жизнью, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ предпріятіямъ и проектамъ правительства, не можетъ отказываться отъ права критики и возраженій, и самый геніальный и самолюбивый министръ долженъ по неволѣ принимать въ расчетъ желанія и идеи тѣхъ, которыхъ онъ хочетъ облагодѣтельствовать своими мѣрами. Понятно, что публицисты „Кельнской Газеты“ вовсе не мечтаютъ о такомъ режимѣ, при которомъ правительственная политика твердо и неуклонно проводилась бы въ направленіи, несогласномъ съ желаніями и потребностями нѣмецкаго общества; о такомъ намѣренномъ антагонизмѣ между властью и народомъ не можетъ быть и рѣчи въ Германіи, ибо тамъ слишкомъ развито чувство долга и ответственности въ правящемъ классѣ. Патриоты хотѣли бы только, чтобы правительство держалось болѣе опредѣленной и ясной программы и обнаруживало болшую энергію въ преслѣдованіи цѣлей, одобряемыхъ консерваторами и умѣренными либералами. Правда, въ ходѣ новѣйшей нѣмецкой политики нѣтъ особеннаго блеска, нѣтъ смѣлыхъ эффектовъ и удачъ; но виѣшній политическій блескъ обходится иногда очень дорого для населенія. Экономическія и финансовыя реформы требуютъ терпѣливой, осторожной работы и могутъ не скоро оказать свое благотворное вліяніе на народную жизнь. Увеличеніе численности арміи, оправдываемое непрерывными успѣхами французской военной организаціи, вызываетъ новые громадныя расходы, которые придется вѣроятно утвердить имперскому сейму; этотъ военно-финансовый вопросъ обсуждается также довольно прозаично и не ставится въ связь съ какими-нибудь новыми международными усложненіями и опасностями, которыя такъ ловко умѣлъ выдвигать на сцену князь Бисмаркъ. Государственныя дѣла ведутся спокойно, безъ ненужнаго риска и шума, и это именно не нравится патриотамъ, такъ какъ даетъ мало пищи ихъ воображенію и усердію. Для народа и государства этотъ спокойный, прозаическій ходъ дѣлъ въ высшей степени благоприятенъ, какъ это инстинктивно чувствуютъ всѣ здравомыслящіе люди въ Германіи.

И въ международной политикѣ правительство Вильгельма II не

гонится за внѣшнимъ блескомъ и дѣйствуетъ крайне умѣренно и осторожно, чѣмъ вызываетъ также разочарованіе и недовольство патріотовъ. Если бы предсказанія послѣднихъ были вѣрны, миръ Европы не продержался бы и одного дня; давно уже должна бы возгорѣться война между великими державами, и поводы къ ней всегда нашлись бы въ достаточномъ изобиліи. Патріотическіе публицисты отличаются въ этомъ отношеніи большою изобрѣтательностью. Они всегда находятъ, что дипломатія недостаточно предпримчива и энергична, что она поступаетъ слишкомъ вло и безцвѣтно, что она пропускаетъ удобные случаи для смѣлыхъ пререканій и удачныхъ конфликтовъ. Между прочимъ, достоинство Германіи будто бы пострадало отъ того, что итальянцы слишкомъ громко высказывали свое сочувствіе и уваженіе къ Франціи во время пребыванія французской эскадры въ водахъ Генуи, по случаю юбилейныхъ празднествъ въ память Колумба. По мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, германское правительство сдѣлало серьезную политическую ошибку, пославъ на эти празднества только одинъ военный корабль, тогда какъ Франція отправила къ Генуѣ цѣлую внушительную эскадру. Великолѣпные французскіе броненосцы произвели на итальянцевъ сильное впечатлѣніе и вызвали восторженные манифестаціи въ честь французовъ; французскіе морскіе офицеры сдѣлались героями дня въ Генуѣ, и эскадра ихъ не только заставила забыть о корабляхъ другихъ націй, но завладѣла общественнымъ вниманіемъ всей Италіи. Генуэзскія празднества превратились въ рядъ специальныхъ франкофильскихъ торжествъ; на долю французовъ выпали такія шумныя привѣтствія и итальянцы такъ увлеклись выраженіемъ своихъ дружескихъ чувствъ къ Франціи, что первоначальный смыслъ празднествъ былъ отчасти забытъ. Ораторы и публицисты едва упоминали о Колумбѣ и говорили почти исключительно о франко-итальянской дружбѣ; французы сумѣли поддержать это настроеніе и выказали свое обычное мастерство по части художественной, декоративной обстановки своихъ кораблей во время пребыванія въ Генуѣ, — давали, по обыкновенію, блестящіе банкеты и балы на своей эскадрѣ, облегчали осмотръ броненосцевъ массою публики, очаровывали всѣхъ своею неутомимою предупредительностью и любезностью. Передача королю Гумберту официальнаго письма отъ Карло адмираломъ Ріенье (Rienier) и посѣщеніе королемъ эскадры — два главные момента этого интереснаго международнаго праздника. Нѣтъ сомнѣнія, что энтузіазмъ итальянцевъ относительно Франціи, выразившійся столь неожиданно въ манифестаціяхъ 9—12 сентября (нов. стила), имѣлъ свое политическое значеніе и могъ непрямо подѣйствовать на нѣмцевъ, официальныхъ друзей и союзниковъ

Италии. Нѣмецкіе патриоты видятъ нѣчто обидное для Германіи въ этомъ шумномъ обмѣнѣ дружескихъ привѣтствій между французами и итальянцами; они обвиняютъ правительство за то, что оно не предвидѣло и не предупредило этихъ франкофильскихъ демонстрацій. Но могло случиться, что характеръ послѣднихъ не измѣнился бы и отъ присутствія значительной германской эскадры, и тогда впечатлѣніе было бы еще болѣе неприятно для нѣмецкаго самолюбія, такъ какъ нельзя было бы уже сослаться на малочисленность представителей германскаго флота, и равнодушіе къ нѣмцамъ не могло бы быть столь легко объяснено и оправдано; поэтому правительство Вильгельма II въ сущности поступило весьма умно и дальновидно, воздержавшись отъ соперничества съ Франціею въ Генуѣ,—тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе броненосцы вѣроятно уступали бы французскимъ по силѣ и изяществу.

Но то, что кажется неудачею и урономъ въ глазахъ одностороннихъ націоналистовъ, представляется въ совершенно другомъ свѣтѣ съ точки зрѣнія общечеловѣческаго здраваго смысла. Между двумя сосѣдними народами, связанными близкимъ культурнымъ родствомъ, общностью историческихъ воспоминаній и экономическихъ интересовъ, создана была искусственная преграда, которая особенно усилилась, благодаря вызывающей политикѣ Криспи. Участіе Италиі въ тройственномъ союзѣ получило явно враждебный оттѣнокъ относительно Франціи и привело къ таможенному разрыву, чрезвычайно тягостному для итальянской промышленности и торговли. Между Италиею и Франціею установились холодныя, натянутыя, почти неприязненныя отношенія, прямо противорѣчація реальнымъ интересамъ и желаніямъ обѣихъ націй. Отношенія смягчились послѣ паденія Криспи, а въ послѣднее время приняли опять обычный, официально-дружескій характеръ. Что же особеннаго въ томъ, что итальянцы воспользовались пребываніемъ французской эскадры въ итальянскихъ водахъ, чтобы съ возможною торжественностью покончить съ недавнимъ разладомъ и отказаться отъ вреднаго наслѣдія политики Криспи? Такъ какъ починъ въ проявленіи враждебныхъ чувствъ исходилъ отъ итальянскихъ политическихъ дѣятелей, то и желаніе отречься отъ этой вражды и загладить недавнее прошлое должно было естественно исходить отъ итальянцевъ. Чѣмъ рѣзче и несправедливѣе была прежняя неприязнь, тѣмъ сильнѣе и энергичнѣе должны были выразиться позднѣйшія проявленія дружбы. Ни итальянцы, ни французы,—за немногими только исключеніями,—не могли при этомъ думать о возможности отказа Италиі отъ союза съ Германіею. Итальянцы—народъ слишкомъ опытный и расчетливый въ политикѣ, чтобы смѣшивать чувства и симпатіи съ интересами

и выгодами; французы съ своей стороны не столь наивны, чтобы преувеличивать важность этихъ дружескихъ привѣтствій и заявленій. Наиболѣе серьезныя французскія газеты, какъ напр. „Temps“, отнеслись къ генуэзскимъ манифестаціямъ съ замѣчательною сдержанностью. „Temps“ счелъ нужнымъ напомнить, что отправленіе особой эскадры къ Генуѣ было само по себѣ значительнымъ дружескимъ шагомъ со стороны Франціи и что эта французская любовь не могла быть принята иначе, чѣмъ приняли ее итальянцы. Французскому флоту оказанъ былъ тотъ приемъ, какого онъ заслуживалъ, при существующихъ обычаяхъ международной вѣжливости. Въ Портсмутѣ французская эскадра была встрѣчена въ свое время съ не мѣньшимъ воодушевленіемъ, чѣмъ въ Генуѣ, и однако никто не дѣлалъ изъ этого факта никакихъ политическихъ выводовъ. Къ представителямъ германскаго флота итальянцы могли отнестись совершенно спокойно, безъ шумваго энтузіазма, ибо не имѣли повода убѣждать нѣмцевъ въ своей дружбѣ; подобныя демонстраціи излишни для близкихъ друзей и союзниковъ и имѣютъ смыслъ только относительно рѣдкихъ, почетныхъ гостей. Легко доказать, что и Германія не имѣетъ причины быть недовольною блестящимъ успѣхомъ эскадры адмирала Риенне. Принадлежность Италіи къ тройственному союзу есть положительный фактъ, освѣщенный формальнымъ договоромъ, и значеніе этого факта не ослабляется никакими праздничными рѣчами отдѣльныхъ лицъ и никакими случайными восторгами толпы. Германія заинтересована въ сохраненіи мира, и нѣмецкій народъ для того только носитъ на себѣ бремя неустанныхъ вооруженій, чтобы обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность и спокойствіе; для той же цѣли образовался и тройственный союзъ, съ участіемъ въ немъ Италіи. Франко-итальянскій разладъ былъ элементомъ международной неустойчивости и могъ внушать опасенія насчетъ ближайшаго будущаго; если этотъ разладъ исчезъ и уступилъ мѣсто дружбѣ, то общій европейскій миръ получаетъ новую гарантію своей прочности. Такимъ образомъ безусловно выигрываетъ дѣло общаго мира, объ охранѣ котораго такъ заботится Германія съ ея тройственнымъ союзомъ.

Франко-итальянское примиреніе можетъ только облегчить задачу, которую поставила себѣ берлинская дипломатія и для которой существуетъ средне-европейская лига мира. Кого можетъ вообще озабочивать восстановленіе дружескихъ отношеній между двумя сосѣдними народами? Только откровенные враги общаго мира находятъ свою выгоду въ сохраненіи разлада и натянутости между отдѣльными великими державами; всѣ искренніе приверженцы мирнаго развитія народовъ могутъ только радоваться дружескимъ манифестаціямъ, уничтожающимъ источники будущихъ столкновеній и дѣлающихъ

европейскій миръ болѣе прочнымъ и долговѣчнымъ. Если же односторонніе нѣмецкіе патріоты недовольны, то этимъ они выдаютъ свою истинную мысль и заботу: они желаютъ вовсе не мира, а вражды и недовѣрія между возможными противниками и соперниками, для того, чтобы не закрывался путь къ политическому насилию и произволу. Узкій національный патріотизмъ вездѣ одинъ и тотъ же; онъ живетъ и процвѣтаетъ только въ атмосферѣ вражды и недовѣрія, подоврительности и неправды. Въ Германіи онъ держится еще въ области внѣшней политики, отравляя собою безспорное миролюбіе трудящихся массъ народа. Можно надѣяться, что господству этой своеобразной политической болѣзни положенъ будетъ конецъ въ недалекомъ будущемъ, и достиженіемъ этого результата Германія будетъ въ значительной мѣрѣ обязана тому „новому курсу“, на который такъ жалуются нѣмецкія патріотическія газеты, съ „Кельнскою“ во главѣ.

Во Франціи политическая жизнь не выдвигаетъ новыхъ политическихъ талантовъ, способныхъ играть руководящую роль въ судьбахъ страны, подобно Тьеру или Гамбеттѣ; за послѣднее время это отсутствіе новыхъ крупныхъ силъ становится особенно замѣтнымъ, въ виду первыхъ признаковъ приближающейся борьбы за президентство. Черезъ два года окончится срокъ полномочій нынѣшняго президента республики, и съ разныхъ сторонъ поднимается уже вопросъ о необходимости вторичнаго избранія. На банкетѣ въ Пуатье, 16-го сентября, мэръ въ своей отвѣтственной рѣчи, обращенной къ Карно, прямо выразилъ пожеланіе, чтобы президенту дано было еще въ теченіе многихъ лѣтъ продолжать полезную и благотворную дѣятельность въ духѣ общаго умиротворенія и успокоенія. Карно отклонилъ этотъ намекъ, напомнивъ оратору въ своемъ отвѣтѣ, что республика всегда найдетъ достойныхъ и преданныхъ дѣятелей, могущихъ съ честью занимать высокій постъ въ государствѣ, когда нужно будетъ вновь довѣрить кому-нибудь держать знамя Франціи. Но теперь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, остаются тѣ же возможные кандидаты на постъ президента, кромѣ Карно,—Флокэ и Фрейсінэ. И нельзя отрицать, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ современной Франціи является именно официальный ея представитель, Карно, къ которому еще недавно многочисленныя оппозиціонныя партіи относились съ такимъ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Даже друзья президента, республиканскіе оппортунисты, приписывали ему только одну главную заслугу—способность исполнять внѣшнія функціи главы государства съ рѣдкой добросовѣстностью и аккуратностью. Между тѣмъ популярность и авторитетъ Карно возростали непрерывно, особенно

со времени неудачи буланжистскаго движенія, и теперь путешествія, приемы и рѣчи президента составляютъ важнѣйшія политическія событія во Франціи. Имя Карно служитъ знаменемъ внутренняго единенія разнородныхъ элементовъ французскаго общества, — бывшихъ монархистовъ и клерикаловъ, умѣренныхъ консерваторовъ и республиканцевъ. Публичныя заявленія президента всегда отличаются спокойнымъ, примирительнымъ тономъ и внушаютъ невольное довѣріе и симпатію прежнимъ противникамъ республики. Монархисты и клерикалы отчасти потеряли почву, благодаря настойчивымъ указаніямъ и совѣтамъ папы Льва XIII; они не могутъ уже опираться на религію и духовенство, и чувствуютъ себя какъ бы вытѣсненными изъ своихъ послѣднихъ твердынь. Движеніе въ сторону существующаго республиканскаго режима сдѣлалось всеобщимъ среди консервативныхъ группъ населенія; бывшіе приверженцы монархіи и вѣковые служители религіи мало-по-малу примиряются съ установленнымъ государственнымъ порядкомъ и дѣлаютъ свои примирительные шаги именно по направленію къ Карно, какъ къ высшему officialному выразителю идеи примиренія и объединенія. Эти обстоятельства значительно усилили личное значеніе и роль президента, не смотря на всю его неизмѣнную скромность и сдержанность. Президенту приходится постоянно разъѣзжать по разнымъ городамъ Франціи, вслѣдствіе настойчивыхъ приглашеній мѣстныхъ представителей; повсюду онъ долженъ выслушивать привѣтствія и отвѣчать на нихъ; почти вездѣ ему представляется высшее духовенство, и онъ вынужденъ обмѣниваться любезностями съ служителями римской церкви, такъ что радикалы имѣли даже поводъ заподозрить его въ закулисныхъ связяхъ съ клерикальною „интригою“. При частыхъ разъѣздахъ, банкетахъ и рѣчахъ требуется очень много искусства и такта для того, чтобы всегда имѣть на-готовѣ нужное и подходящее слово, не впадая въ однообразіе и безцвѣтность; и въ самомъ дѣлѣ, Карно оказывается мастеромъ въ области officialнаго краснорѣчія, лаконическаго и многозначительнаго по формѣ, неопредѣленно-доброжелательнаго и безукоризненно вѣжливаго по содержанію. Иногда чрезмѣрное утомленіе сказывается въ какой-нибудь неудачной фразѣ, которая, однако, нравится французамъ и соответствуетъ ихъ настроенію; такъ было, на примѣръ, недавно, когда даже маленькія дѣти обращались къ нему съ разговорами о франко-русскомъ союзѣ, и онъ поцѣловалъ ребенка, одѣтаго въ русское платье, говоря, что „цѣлуетъ Россію“. Сравненіе великой дружественной державы съ ребенкомъ, котораго можетъ поднять и поцѣловать Карно, показалось чрезвычайно трогательнымъ французской публикѣ, но въ дѣйствительности оно было, разумѣется, не особенно счастливымъ; нельзя

винить президента за подобныя „lapsus linguae“, если принять во вниманіе количество любезныхъ фразъ, которыя онъ долженъ произносить ежедневно во время официального путешествія по провинціи.

Французское правительство торжественно праздновало столѣтнюю годовщину событій, положившихъ начало первому установленію республики во Франціи,—годовщину сраженія при Вальми (20-го сентября) и провозглашенія республики конвентомъ (22-го сентября). При Вальми революціонныя французскія войска задержали и отчасти отѣснили соединенную непріятельскую армію, явившуюся въ предѣлы Франціи подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго съ высококомѣрнымъ рѣшеніемъ усмирить французовъ и возстановить законную монархію; объ этой битвѣ выразился Гёте, находившійся въ лагерь союзниковъ, что „съ этого дня и на этомъ мѣстѣ начинается новая эпоха всемірной исторіи“. Годовщина провозглашенія республики конвентомъ праздновалась съ необычайною пышностью въ зданіи Пантеона, причемъ были произнесены рѣчи министромъ-президентомъ Лубе, вице-президентомъ сената Шалльмель-Лакуромъ и президентомъ палаты депутатовъ, Флокэ. Само собою разумѣется, что эти рѣчи, какъ и вызвавшее ихъ празднество, представляли скорѣе историческій, чѣмъ политическій интересъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1892.

— *Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Бондаковымъ. Выпускъ четвертый. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Слб. 1891.*

Мы нѣсколько запоздали съ отчетомъ объ этомъ изданіи, которое въ настоящемъ выпускѣ приступаетъ къ изложенію христіанскихъ древностей въ Россіи и въ принадлежащемъ Россіи православномъ востокѣ. Старѣйшимъ пунктомъ, который привлекаетъ здѣсь вниманіе археологіи, является древній Херсонесъ, развалины котораго отерываются, особливо въ послѣднее время, близъ нынѣшняго Севастополя. Книга даетъ въ самомъ началѣ указаніе мѣстности древняго Херсонеса, свѣденія объ его историческихъ судьбахъ, съ которыми связано и крещеніе Руси, наконецъ описаніе тѣхъ остатковъ древности, какіе были найдены въ его давно заброшенныхъ развалинахъ. Это исключительно древности христіанскаго искусства. Затѣмъ, мы находимъ здѣсь обильныя подробности о другихъ мѣстностяхъ южнаго Крыма, сохранившихъ подобныя остатки христіанской старины, и о такъ называемыхъ пещерныхъ городахъ и храмахъ южнаго Крыма: этимъ послѣднимъ приписывалась иногда глубокая древность, но наши археологи считаютъ эту древность весьма относительной и объясняютъ пещерныя постройки какъ мѣста погребенія, употреблявшіяся и въ христіанскую эпоху, когда къ нимъ присоединены были и высѣченныя въ скалѣ небольшіе христіанскіе храмы. Многочисленные рисунки даютъ изображенія херсонесскихъ мѣстностей, планы древнихъ базиликъ, внѣшній видъ пещерныхъ городовъ и изображенія отдѣльныхъ предметовъ.

Большая часть книги посвящена древностямъ Грузіи и Арменіи. Наши археологи даютъ сначала общія понятія о характерѣ грузинской архитектуры, составляющей особую вѣтвь византійскаго искус-

ства, указываютъ ея особенности, развившіяся на мѣстной почвѣ, сообщаютъ затѣмъ описаніе главнѣйшихъ храмовъ Грузіи и Арменіи, сохранившихся до настоящаго времени,—причемъ если сохранилась архитектурная внѣшность старыхъ храмовъ, то хранившіяся въ нихъ богатства, извѣстныя по историческимъ указаніямъ, большею частью уже не дошли до нашего времени, давно или недавно разграбленныя. Рисунки даютъ планы, разрѣзы, фасады церквей, образчики орнамента, сосудовъ, изображенія знаменитыхъ иконъ и, между прочимъ, подробное изображеніе и описаніе знаменитой иконы Божіей Матери, называемой Хахульской, въ Гелатскомъ монастырѣ, близъ Кутанса.

За древностями Грузіи и Арменіи непосредственно слѣдуетъ подробное описаніе Софійскаго собора въ Кіевѣ. За первымъ лѣтописнымъ извѣстіемъ, гдѣ упоминается „Святая Софья“ (1037), приводятся краткія историческія свѣденія о судьбѣ храма, и затѣмъ весьма обстоятельное описаніе архитектурныхъ особенностей знаменитаго храма, мозаикъ, фресокъ, орнаментовъ и т. д. Описаніе мозаичныхъ и фресковыхъ изображеній сопровождается объясненіемъ пріемовъ древняго искусства и его условной символики. Извѣстно, что въ числѣ фресковыхъ изображеній Софійскаго собора находятся знаменитыя лѣстничныя фрески, относящіяся сполна къ древности византійской и не имѣющія никакого прямого отношенія къ русской старинѣ. Определить сполна ихъ содержаніе, по мнѣнію нашихъ археологовъ, едва ли когда удастся, потому что фрески уцѣлѣли далеко не всѣ, но по тому, что сохранилось, не трудно видѣть, что сюжетъ ихъ заключается въ изображеніи церковныхъ игръ и представленій византійскаго ипподрома, съ одной стороны—актеровъ, съ другой—зрителей, между которыми изображены греческій императоръ и императрица.

Давъ подробное описаніе этихъ фресковыхъ изображеній, наши археологи заключаютъ: „Итакъ, прямой интересъ данныхъ фресокъ лежитъ не въ кіевской, а византійской старинѣ. Врядъ ли когда-нибудь можно будетъ доказательно разъяснить тѣ мотивы, которые вызвали исполненіе фресокъ: было ли это дорогое для кіевского князя воспоминаніе о посѣщеніи имъ Царяграда, пріемахъ и празднествахъ, пирахъ и играхъ, которыми они сопровождались; или же искусный декораторъ, призванный въ Кіевъ, самъ озабочился росписать въ веселомъ и праздничномъ вкусѣ эти лѣстницы хоровъ Кіево-Софійскаго собора“ (стр. 158). Наши археологи приводятъ примѣры подобныхъ изображеній въ Палатинской капеллѣ.

„Но въ то время, какъ (въ Италіи) сицилійскіе (или, быть можетъ, мавританскіе) мастера брали цѣликомъ свои сюжеты изъ восточной живописи, кіевскій декораторъ зналъ только византійскій стиль искус-

ства, его содержаніе, а вмѣсто мавровъ зналъ варяговъ, хазаръ, и сосредоточилъ свою мысль на показаніи роли и на представленіяхъ быта варваровъ въ древней Византіи.

Если изъ сущности этой росписи нельзя еще угадать, былъ ли кievскій художникъ славянинъ, варягъ или грекъ, то нельзя отрицать особой подкладки, внутренней стороны всѣхъ сюжетовъ, составившей ихъ интересъ и для современниковъ.

„Византійскій стиль и константинопольская тема только прикрываютъ собою азіатское, восточно-варварское содержаніе. Какъ готскія военныя потѣшныя игры, такъ и колады, и празднованіе святокъ, сложились задолго до Константина (Багрянороднаго): уже при немъ появленіе рѣженныхъ варваровъ было стариною, завѣтнымъ, но мало понятнымъ преданіемъ. Все содержаніе данныхъ сюжетовъ сложилось въ эпоху IV—VI столѣтій, т. е. той эпохи, когда едва обособившаяся византійская имперія столкнулась съ міромъ варваровъ и приняла его въ свою среду. Походы Константина Великаго, а потомъ и Гераклиа, описаны у Константина съ характерными подробностями, въ которыхъ нельзя не признать, на ряду съ помною сассанидскихъ царей, и примѣненія сивескихъ обычаевъ въ путешествіи. Щеголивые гунискимъ костюмомъ вовсе не исключительный фактъ, но находится въ связи съ постояннымъ колоссальнымъ притокомъ разнородныхъ варварскихъ отрядовъ на византійскую службу. Весьма естественно, что мы очень мало узнаемъ объ этой варваризаціи быта Византіи по памятникамъ искусства уже потому, что принятый римскій шаблонъ упорно удерживалъ художниковъ отъ передачи реальностей, позволяя лишь мелкими, часто мало понятными, деталями обозначать варварскій элементъ въ бытѣ, а самое содержаніе византійскаго искусства, направлявшееся, главнѣйше, на иконографію, естественно чуждалось этой новизны, до самой той поры, когда натуралистическое направленіе не отерло дорогу различнымъ національнымъ вкусамъ“.

Въ концѣ, какъ было и въ прежнихъ выпускахъ, прибавлено указаніе на главнѣйшіе археологическіе труды, которые могутъ послужить любознательному читателю для болѣе детальнаго знакомства съ предметомъ. Въ текстѣ помѣщена масса рисунковъ (166), столь необходимыхъ въ подобнаго рода трудахъ.

Мы говорили прежде о важномъ значеніи труда, предпринятаго гр. Толстымъ и г. Кондаковымъ, труда, который долженъ быть первымъ цѣльнымъ обзоромъ русскихъ древностей. Остается желать, чтобы это важное предпріятіе было доведено до конца съ тою же ревностью, съ какою оно ведется до сихъ поръ.

- *А. Сорель, Европа и французская революція* (L'Europe et la révolution française). Сочиненіе, удостоенное французской академіей большой преміи Gobert'a. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ проф. слб. университета Н. И. Карѣва. Томъ первый. Политическіе явра и традиціи. Томъ второй. Паденіе монархіи. Слб. 1892.

Первый томъ сочиненія Сореля вышелъ въ 1885 году, и тогда же обратилъ на себя большое вниманіе, какъ оригинальный историческій трудъ; оно разсчитано было сначала на три тома (третій томъ долженъ былъ представить исторію конвента). Въ исполненіи, однако, работа разрослась, какъ это нерѣдко бываетъ съ трудами, на которые положено много изученія; а затѣмъ авторъ расширилъ и самъ свой планъ, который долженъ будетъ обнять исторію Франціи въ связи съ исторіею Европы, до 1815 года. Авторъ извѣстенъ былъ ранѣе своими трудами по исторіи дипломатическихъ международныхъ отношеній, въ числѣ которыхъ есть книга о Восточномъ вопросѣ (La question d'Orient au XVIII siècle), если не ошибаемся, переведенная и на русскій языкъ. Въ связи съ этими изученіями международныхъ отношеній находится и настоящее сочиненіе.

„Сорель, — говоритъ г. Карѣвъ въ предисловіи къ переводу, — задумалъ въ немъ изобразить не одни внутреннія отношенія Франціи, но главнымъ образомъ значеніе революціи для всей Европы, что прямо ставило передъ нимъ задачу исторіи и международной политики въ эту эпоху, хотя въ то же время онъ обращаетъ вниманіе и на внутреннюю исторію европейскихъ государствъ, не говоря уже объ изображеніи событій, совершавшихся въ самой Франціи. Подобную цѣль уже ставилъ себѣ ранѣе нѣмецкій историкъ Зибель въ своей *Geschichte der Revolutionszeit* (переведенной и по-русски), но кто только будетъ сравнивать труды Зибеля и Сореля, самъ увидитъ, насколько выше французскій трудъ и по постановкѣ вопроса, и по общему построенію, и по широтѣ взгляда, и по научному безпристрастію. Пишущій эти строки намѣревается по выходѣ въ свѣтъ всего труда сдѣлать ему подробную оцѣнку, въ которой сравненіе Сореля, какъ историка, съ Зибелемъ должно будетъ особеннымъ образомъ выяснить выдающіяся достоинства книги Сореля“.

„Во французской историографіи, — продолжаетъ г. Карѣвъ, — трудъ Сореля примыкаетъ къ извѣстному сочиненію Токиви: „L'ancien régime et la révolution“ (есть и по-русски). То, что Токивь сдѣлалъ для Франціи, Сорель примѣняетъ ко всей Европѣ, доказывая, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ — возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе

(suite) исторіи Европы, и что у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка. Въ этомъ отношеніи особое значеніе имѣетъ первый томъ труда Сореля, который можно было бы назвать обзоромъ внутренней исторіи европейскихъ государствъ въ XVIII вѣкѣ, составленномъ подъ однимъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Притомъ онъ существеннымъ образомъ дополняетъ даже для Франціи ту ея картину въ XVIII вѣкѣ, какую начертываетъ Тэнъ въ первомъ томѣ своихъ „Origines de la France contemporaine“ (переведенномъ и на русскій языкъ). Тэнъ — психологъ въ исторіи: социологическая сторона послѣдней ему мало понятна; Сорель — именно политикъ, распутывающій тѣ отношенія, въ коихъ Тэнъ часто какъ бы теряется. Этого мало: Тэнъ обѣщаль въ началѣ перваго тома своего труда, пятый томъ коего (Le régime moderne, часть первая) вышелъ недавно, отнестись къ „старому порядку“, революціи и новой Франціи какъ натуралистъ, изучающій превращенія насѣкомаго, но онъ даже не сохранилъ безпристрастія судьи, не говоря уже о безстрастіи естествоиспытателя, на которое онъ претендуетъ. Поразительный контрастъ ему въ этомъ отношеніи составляетъ авторъ неоконченнаго (вышло два съ половиною тома) сочиненія, подъ заглавіемъ „La chute de l'ancien régime“, Chérest, который, будучи консерваторомъ, приступилъ, какъ самъ онъ заявляетъ, къ изученію эпохи (1787—89 гг.) съ предвзятою мыслью, отъ которой отказался, послѣ того, какъ познакомился съ источниками: хотѣлъ выступить въ роли обвинителя и превратился въ безпристрастнаго судью. Иное дѣло — Тэнъ: его исторія революціи, начатая съ намѣреніемъ автора сдѣлать изъ нея чисто объективное изслѣдованіе, превратилась въ памфлетъ, хотя памфлетъ въ трехъ томахъ, съ массою новаго матеріала, съ блестящими страницами и интересными выводами, съ коими наука будетъ считаться. Сорель тѣмъ и важенъ, что онъ подходит къ своему предмету безъ quasi-натуралистическихъ претензій Тэна и безъ предвзятыхъ мыслей въ ту или другую сторону, подходит, какъ ученый историкъ, имѣющій передъ собою опредѣленную научную задачу и, нужно замѣтить, основательную подготовку“.

Дарованіе Тэна вѣроятно гораздо выше, но его историческая критика тѣснѣе, чѣмъ у Сореля. Тэнъ собралъ много новаго любопытнаго матеріала, который такъ увлекалъ его, что онъ не счумѣлъ стать выше деталей и обобщить цѣлое въ смыслѣ основныхъ историческихъ явленій, господствовавшихъ надъ той эпохой. Слишкомъ близко подойти къ событіямъ не всегда значить понять ихъ руководящій смыслъ: личное и детальное заслоняетъ цѣлый горизонтъ. Со-

рель, напротивъ, не даетъ себѣ увлекаться подробностями и старается освѣтить тѣ существенныя историческія явленія, которыя отличали эпоху не только въ извѣстныхъ классахъ народа, но въ цѣлой Франціи и въ цѣлой Европѣ. Онъ впервые сопоставилъ общіе политическіе, умственные и нравственные принципы, господствовавшіе въ европейскомъ обществѣ, такъ что переворотъ, происшедшій во Франціи, дѣйствительно тѣсно связывается въ различныхъ отношеніяхъ, положительно или отрицательно, съ состояніемъ умовъ и политической жизни въ Европѣ. Быть можетъ, какъ человекъ своей страны, онъ нѣсколько преувеличивалъ вліяніе „французскаго духа“, но едва ли у какого-нибудь другого писателя, изучавшаго до сихъ поръ этотъ періодъ, указана была такъ широко эта внутренняя связь французскихъ идей съ умственной и политической жизнью остальной Европы, причемъ послужила ему масса любопытнѣйшихъ подробностей, собранныхъ въ тогдашней литературѣ и интимной политической жизни. Его исторія во многихъ случаяхъ является не только исторіей политической, но и исторіей нравовъ, исторіей общественныхъ міровоззрѣній, обычное невниманіе къ которымъ такъ часто дѣлаетъ исторію собраніемъ неожиданностей, когда это должна быть исторія послѣдовательнаго развитія. Книга Сореля, напротивъ, указываетъ нерѣдко другого рода неожиданности: изучая политическую литературу, настроенія правительствъ и народныхъ массъ, онъ дѣлаетъ иногда чрезвычайно оригинальныя сравненія XVI или XVII вѣка съ XVIII, изъ которыхъ можно видѣть, что политическіе нравы мало способны были воспитывать чувство законности, что тѣ наклонности мысли, настроенія общества и народной массы, какія приписываются концу XVIII вѣка во Франціи, бывали знакомы и раньше, между прочимъ также другимъ странамъ и народамъ. Въ другихъ случаяхъ Сорель подобралъ характерныя параллели, гдѣ оказывалось, что языкъ дѣятелей французской революціи повторялся въ устахъ современныхъ монарховъ, между прочимъ совершенно враждебныхъ французскому перевороту.

Точка зрѣнія Сореля высказывается въ первыхъ страницахъ его введенія.

„Война между Европой и французской революціей длилась около четверти столѣтія. Она началась при Вальми и закончилась только при Ватерлоо. Соединенная Европа восторжествовала надъ французскими арміями, но нельзя сказать, что Франція вышла изъ борьбы побѣжденной. Она предприняла ее, чтобы отстоять свою національную независимость, неприкосновенность своей территоріи, реформы, проведенныя ею въ своихъ законахъ и политическомъ строѣ. За миръ она уплатила лишь возвращеніемъ завоеванныхъ ею территорій; она

вернулась въ свои старыя предѣлы: цѣлость націи не была нарушена. Существенные результаты, данные революціей, уцѣлѣли. Франція сохранила гражданскій кодексъ и представительный образъ правленія. Этого было достаточно, чтобъ увѣковѣчить дѣло 1789 года и дать ему возможность принести всѣ свои плоды въ будущемъ.

„Я хотѣлъ бы собрать воедино главныя черты этихъ событій и отыскать въ нихъ то, что составляетъ самую сущность ихъ исторіи, отдаленныя причины тѣхъ „великихъ ударовъ“, которые отражаются на столь далекомъ разстояніи“. Неожиданныя перипетіи этой долгой трагедіи, обширность театра, заключающаго въ себѣ всю Европу, множество дѣйствующихъ лицъ, рѣзкіе переходы отъ героическихъ сценъ къ ужасающимъ картинамъ, эпизоды, полныя увлекательнаго интереса, наконецъ весь трескъ катастрофы смущаютъ душу зрителя и не позволяютъ ему уловить общую нить, связывающую отдѣльные факты. Но какъ ни удивительны эти событія въ моментъ ихъ кризисовъ, еще удивительнѣе соотношеніе между ними и ихъ послѣдовательная связь.

„Французская революція, съ самаго начала ея и единственно лишь въ силу своего основнаго принципа, подрываетъ самыя основанія и разрушаетъ все зданіе старой монархической Европы. Она провозглашаетъ верховенство народа, объявляетъ свои доктрины очевидными и міровыми истинами, угрожаетъ всѣмъ установленнымъ властямъ, приглашаетъ всѣ народы къ возстанію и освобожденію. Всего поразительнѣе здѣсь не характеръ ученія, не задоръ пропаганды, а равнодушіе европейскіхъ правительствъ...“

„Не сумѣвъ понять опасности, правительства не могли и отвратить ее. Онѣ противопоставляютъ ей безсвязныя усилія, мѣры, полныя противорѣчій, неудачные планы. Угрожаемая со стороны возставшаго народа и разрушительнаго ученія, онѣ не имѣли ни консервативнаго принципа, который могли бы противопоставить ученію, ни публичной силы для противодѣйствія возмущенію. Все ниспровергнуто во Франціи, все уцѣлѣло въ Европѣ. У Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились у нея кадры арміи. Старыя монархіи полагаютъ всѣми ресурсами сильныхъ правительствъ: арміи поставлены на военную ногу; генералы, изучавшіе войну въ теоріи и на практикѣ, командуютъ опытными и послушными солдатами. На ихъ сторонѣ умѣніе, дисциплина, численность, оружіе, боевые запасы. Казалось бы, что Франція должна была пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція побѣждаетъ коалицію; она дѣлаетъ нѣчто еще болѣе удивительное: она ее разъединяетъ... Крестовый походъ противъ революціи, принятый королями для защиты установленнаго права, приводитъ

въ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа кончаетъ полнымъ динизма банкротствомъ.

„Чтобы вступить въ соглашеніе съ революціей, Европа отрывается отъ своего принципа; чтобы поладить со старой Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ. Франція торжественно отказывалась отъ завоеваній...

„Но, получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вложили въ армію духъ революціи, онъ остался въ ней. Воскресшій Римъ далъ жизнь Цезарю. Бонапартъ предсталъ передъ Франціей и Европой, какъ орудіе революціи. Франція уѣрвала въ его миссію: такимъ образомъ объясняется тотъ энтузіазмъ, который онъ возбудилъ къ себѣ. Европа пыталась сопротивляться ему: онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Геній сдѣлалъ его мастеромъ войны, алчность его противниковъ отдала миръ въ его распоряженіе, который въ его рукахъ сталъ опаснѣе войны. Тогда Франція и Европа представили одно и то же зрѣлище. И люди, создавшіе революцію, и люди, боровшіеся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ... „Завоеванія распространяли ее среди народовъ. Выродившись и извратившись, она все-таки сохраняла достаточно энергіи, чтобы волновать ихъ, и какъ ни искаженъ былъ языкъ свободы въ военныхъ лагеряхъ, но же онъ еще глубоко потрясалъ души. Война удивительно упрощала карту Европы. Множество границъ исчезло; націи, недавно еще раздѣленные, такъ сказать, на части, соединились. Въ то самое время, какъ благодаря своимъ арміямъ Франція сближала такимъ образомъ людей путемъ знакомства съ произведеніями своихъ мыслителей, она учила ихъ, что для націй нѣтъ ничего прекраснѣе независимости, что вѣрнѣйшій путь пріобрѣсти ее—союзъ между ними, что народамъ принадлежать верховная власть, и первое употребленіе, которое они обязаны изъ нея сдѣлать, — это стать свободными... Конецъ войнъ, вышедшихъ непосредственно изъ французской революціи, обозначаетъ начало революціи въ Европѣ, послѣдствія которой слишкомъ тяжело легли на Францію. Это — выступленіе національнаго принципа. Французская революція ознаменовала его возникновеніе; но вмѣсто того, чтобы принести старому міру принципъ порядка и умиротворенія, новая эра вносила въ него еще болѣе внутренняго раздѣненія, отдавала его въ жертву болѣе сильному соперничеству, грозила ему еще невиданными дотогѣ раздорами“...

Намѣтивъ такимъ образомъ рядъ явленій, развившихся изъ французской революціи, гдѣ ея основныя идеи измѣнялись потомъ до неузнаваемости подъ вліяніемъ данныхъ условій времени и положе-

ніа, Сорель дѣлаетъ общее замѣчаніе, гдѣ вообще объясняется роль историческихъ идей: „Принципы французской революціи были отвлеченны и всеобщы, это способствовало ихъ быстрому распространенію и это же было причиной того, что они принесли результаты столь различныя, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Эти прекрасныя идеи сохраняютъ свою метафизическую чистоту только въ сознаниі философа или въ разумѣ математика. Малѣйшее вліяніе со стороны жизни видоизмѣняетъ и разлагаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ примѣнить ихъ къ дѣлу—отождествляетъ ихъ съ собой и, присвоивая ихъ себѣ, извращаетъ. Діалектика ускользаетъ отъ большой массы людей“. Люди не принимаютъ идеи, какъ законъ, по которому они должны мыслить, а какъ форму, въ которую они беспорядочно бросаютъ всѣ тѣ инстинкты, знанія, предрассудки, какіе унаслѣдовали изъ плохого воспитанія, отрывочнаго опыта, вліянія семьи и отечественныхъ условій. „Чистый разумъ—не дѣло политиковъ, которые руководятся государственной пользой, и не дѣло народовъ, движимыхъ своими страстями... Въ кризисахъ, которые захватываютъ человѣка врасплохъ, онъ не находитъ въ себѣ много ресурса и волей-неволей, сознательно или безсознательно, уступая или сопротивляясь, онъ неминуемо поддается вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей.. Французы и другіе европейскіе народы именно такимъ образомъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго“.

Все это разнообразіе событій Сорель хотѣлъ объяснить, какъ послѣдовательное развитіе дѣлаго европейскаго быта, и онъ дѣйствительно достигаетъ здѣсь замѣчательныхъ результатовъ. Не задаваясь ни натурализмомъ, ни психологіей, онъ сумѣлъ представить многія черты XVIII вѣка съ такимъ вѣрнымъ пониманіемъ, какое мы не всегда найдемъ у его многочисленныхъ предшественниковъ въ изученіи французской революціи. Книгу его можно рекомендовать, какъ одно изъ наиболѣе поучительныхъ историческихъ произведеній по широкой постановкѣ вопроса. Для обыкновеннаго читателя, которому не вполнѣ памятны факты европейской исторіи прошлаго вѣка, полезно было бы предварительно припомнить эти факты по какому-нибудь общему историческому обзору, потому что Сорель эти основныя историческія данныя предполагаетъ извѣстными. Какъ образчикъ европейской исторіографіи, эта книга могла бы послужить съ пользою и нѣкоторымъ изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ. Мы не разъ имѣли случай указывать то одностороннее направленіе, какое принимаетъ въ послѣднее время наша собственная исторіографія: полагая, что дѣлъ историка есть изученіе подробностей, они совсѣмъ

отыскають отъ наблюденія широкихъ явленій и, углубляясь въ детали, придаютъ имъ больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, а за ними не видятъ иногда цѣльнаго широкаго и сложнаго хода историческаго развитія. Это детальное изученіе у насъ оправдываютъ неразработанностью многихъ источниковъ, но разработкѣ источниковъ можетъ не быть конца, а передъ историкомъ всегда однако на-лицо крупныя факты, которые нуждаются въ объясненіи: нужно, чтобы историческая критика научалась обнимать сложный ходъ развитія,—исключительное вниманіе къ подробностямъ способно заглушить эту основную черту серьезной исторической критики.

Русскій переводъ Сореля вообще весьма хорошъ. Намъ представляются только нѣкоторыя замѣчанія. Въ переводѣ мы встрѣчаемъ, напр., слово: „новшество“ въ смыслѣ нововведенія или новизны: это слово, какъ извѣстно, есть слово раскольниковъ, обозначающее то, что раскольникамъ казалось въ нашей церкви нововведеніемъ относительно хранимой ими старины; у насъ пытались расширить употребленіе этого слова, но всегда ли это удобно? Для тѣхъ, кто помнитъ происхожденіе слова, это кажется не всегда удобно. Конечно, опечаткѣ надо приписать на одной изъ первыхъ страницъ: „соединенныя провинціи“, когда это есть собственное имя государства и должно писаться съ заглавной буквой. Не указываемъ нѣкоторыхъ другихъ неточностей языка или печати, которыхъ можно было бы избѣжать.

— И. Я. Львовъ. *Новое время, новыя тѣсни*. (О поворотѣ въ народной поэзіи).
 Посвящается народнымъ учителямъ и прочимъ интеллигентамъ деревни.
 Устюгъ, 1891.

Брошюра г. Львова обращаетъ на себя вниманіе и мѣстомъ своего появленія, и поднятымъ вопросомъ. Авторъ, повидимому, самъ работаетъ въ народной школѣ и по собственному опыту знакомъ съ предметомъ, къ которому хочетъ вызвать участіе и деревенской, и иной интеллигенціи.

Авторъ говоритъ о давно замѣченномъ явленіи народнаго быта—упадкѣ народной поэзіи, исчезновеніи старыхъ, обыкновенно прекрасныхъ, пѣсней и распространеніи, вмѣсто того, новыхъ пѣсней, обыкновенно дурныхъ, происхожденія городского—трактирнаго, фабричнаго и лакейскаго. По этому поводу высказано было уже не мало соболѣзнованій: сожалѣній о погибающей прекрасной старинѣ и жалобъ на „цивилизацию“, которая ее истребляетъ. Сожалѣнія были справедливы, потому что старыя пѣсни бывали дѣйствительно прекрасныя; но жалобы на „цивилизацию“ были обыкновенно направлены не по настоящему адресу. Смѣшно говорить въ самомъ дѣлѣ, что

„цивилизация“ есть трактиръ, фабрика и лакейская, — которымъ приписывалось распространѣніе новыхъ пѣсней, уничтожавшихъ старину. Здѣсь дѣйствительно фабриковались новыя уродливыя пѣсни, заходившія и въ деревню; но, во-первыхъ, были здѣсь только отбросы цивилизаціи, а во-вторыхъ почему деревня, столь архаически-неиспорченная (какъ полагаютъ), оказывается такъ податлива къ городскимъ, новымъ и дурнымъ вліяніямъ? Вопросъ сводится къ дурнымъ условіямъ фабричнаго и иного быта низшихъ городскихъ классовъ и къ отсутствію нравственно-бытовой устойчивости въ самой деревнѣ, существующей только безсознательнымъ патриархальнымъ обычаемъ.

Г. Львовъ принялъ къ сердцу этотъ упадокъ старой народной поэзіи и желаетъ если не сохранить ее отъ уничтоженія (что, кажется, самъ считаетъ невозможнымъ), то по крайней мѣрѣ позаботиться о томъ, чтобы на сѣбѣ ей явилось нѣчто болѣе осмысленное, чѣмъ ходячія трактирныя и фабричныя пѣсни, безобразіе которыхъ несомнѣнно. Во многихъ случаяхъ онъ объясняетъ положеніе вещей совершенно правильно, — въ другихъ напрасно повторяетъ ходячія народническія фразы. Въ предисловіи, напр., читаемъ: „Въ лучшей части нашей публики возникло сознание *интеллигентнаго дома* (?) передъ народомъ и желаніе *расплатъ*, выразившееся, напр., въ движеніи въ пользу народнаго образованія при посредствѣ школы и книги... обществъ грамотности, народныхъ чтеній“ и т. д. Думаемъ, что забота о народномъ образованіи и проч. составляетъ естественное побужденіе, связанное съ нѣкоторымъ общественнымъ сознаніемъ. Вводя понятіе „долга“ и „расплатъ“, народники (которымъ слѣдуетъ г. Львовъ) не въ состояніи сами сообразить ни количества долга, ни того, кто долженъ былъ бы расплачиваться или какъ расплачиваться; — и почему вспоминаютъ теперь объ этомъ всего чаще люди, которые сами едва ли сдѣлали народу какой-нибудь большой долгъ? Если бы кто сталъ дѣйствительно сосчитывать этотъ долгъ и опредѣлять „расплату“, оказалось бы вѣроятно, что долгъ должны бы платить не тѣ, къ кому предъявляютъ его народники, что милліоны долга уплачиваются грошами, и наконецъ, что самъ кредиторъ не имѣетъ понятія о своихъ правахъ на полученіе...

Но о предметѣ своей книжки г. Львовъ могъ бы говорить и безъ этихъ путаныхъ понятій. Онъ начинаетъ указаніемъ высокихъ достоинствъ русской народной пѣсни, которая вызывала изумленіе даже иностранныхъ ученыхъ, какъ напр. Вестфаль, находившій въ нашихъ пѣсняхъ „богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, нѣжной поэзіи, чисто-поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму“... Въ настоящее время этой поэзіи повидимому грозитъ исчезновеніе. „Въ недалекомъ, быть можетъ, буду-

щемъ эти пѣсни сдѣлаются достояніемъ только академическихъ коллекцій и никто болѣе не услышитъ ихъ изъ устъ народа, такъ какъ теперь ихъ вытѣсняють, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже почти вытѣснили пѣсни новѣйшаго происхожденія". Эти новыя пѣсни уступаютъ прежнимъ по мелодіи и содержанію, но по достоинству стиха, какъ думаетъ г. Львовъ, выше прежнихъ, „такъ какъ принимаютъ литературную форму съ грамматическимъ удареніемъ и съ римой“.

Эта народная пѣсня новѣйшей формаціи до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдована. Обыкновенные собиратели народной поэзіи, искавшіе именно перловъ старинны, отмѣчали все болѣе ея упадокъ и съ пренебреженіемъ относились къ тому, что начинается ее замѣнять. Поставить рядомъ съ прекрасными старинными пѣснями новѣйшія издѣлія казалось имъ профанаціей, и только въ послѣднее время онѣ попадаютъ въ сборники за истощеніемъ стариннаго репертуара; но наиболѣе типическіе образчики новѣйшей пѣсни фабричной, трактирной и т. п. все еще извѣстны и собраны мало. Но сдѣлать это когда-нибудь необходимо, такъ какъ эти пѣсни, хотя низшаго разбора сами по себѣ, любопытны для изслѣдованія, какъ новый моментъ въ развитіи народной пѣсни, какъ переходная ступень, — несомнѣнно, что за исчезновеніемъ старинны должна образоваться новая форма народной поэзіи. — Нѣсколько лѣтъ назадъ Глѣбъ Успенскій указалъ эти новыя, нарождающіяся формы пѣсни, которыя называются въ народѣ „частушками“; теперь г. Львовъ собралъ (повидимому въ вологодской губерніи) значительное число образчиковъ этихъ новыхъ пѣсенъ, сопровождая ихъ любопытными объясненіями.

По словамъ г. Львова, эти пѣсни (по крайней мѣрѣ въ той мѣстности, которую онъ знаетъ) образовались постепенно, начиная съ того, что въ старую форму примѣшиваются нѣкоторыя новыя черты, а затѣмъ эти новыя черты получаютъ преобладаніе. Новыя пѣсни называются имъ также частушками (названіе, приводимое Гл. Успенскимъ), а въ другихъ мѣстахъ и другими названіями, а именно „вертушками“, „трасогузками“, „прищелчками“; какъ объясняетъ авторъ, эти названія произошли отъ мотива пѣсенъ (т.-е. темпа), частящаго, прищелкиваемаго (скороговоркой), по которому можно плясать и вертѣться. Это очевидно пѣсни веселаго, грубовато удалого, плясового характера, какъ это можно видѣть по тому, что онѣ поются особенно въ веселой компаніи, на игрищахъ, при такъ называемыхъ „походенькахъ“ — родѣ танцевъ, которые съ теченіемъ времени осложнились и становятся похожи на нѣкоторыя фигуры кадрили. Пѣсни отличаются нерѣдко весьма скуднымъ смысломъ, но при упомянутомъ назначеніи ихъ за этимъ не гонятся. „Пѣсни пѣлись молодежью съ большимъ воодушевленіемъ. Зато пожилое поколѣніе

возставало не менѣ энергично. Было даже на „игрищахъ“ нѣсколько скандальныхъ выходовъ, устроиваемыхъ пожилыми противъ нововведенія“.

Пѣсни подобнаго рода заносятся въ деревню отчасти такъ называемыми „питерцами“, отчасти фабричными рабочими и распространяются, несмотря на сопротивление стараго поколѣнія. Старыя пѣсни можно слышать теперь только отъ людей пожилыхъ; въ то же время новыя пѣсни все болѣе и болѣе опошляются, ихъ нескладность становится дурной привычкой, и легкостью сочиненія объясняется ихъ чрезвычайная плодovitость.

Какъ ни мало благоприятенъ характеръ новой пѣсни сравнительно съ старой, авторъ находитъ, однако, появленіе ея весьма естественнымъ. „Перерожденіе народной пѣсни, — говоритъ г. Львовъ, — вызвано знакомствомъ народа съ городомъ и литературнымъ стихомъ, но изъ этого знакомства усвоена только внѣшняя форма. Городское и фабрично-мастеровое населеніе болѣе соприкасается съ культурнымъ слоемъ, и потому болѣе подвержено напору внѣшней цивилизаціи и ранѣе усваиваетъ ее. Оно же и болѣе грамотное сословіе народа — и инициатива въ созданіи новыхъ мотивовъ народной лирики должна принадлежать ему. Такимъ образомъ (заключая а priori) пѣсни *новаго періода* — неминуемо должны быть фабрично-лакейскаго происхожденія. Таковы онѣ и есть на самомъ дѣлѣ. Весь пошибъ „траسوгузки“ — мѣщанскій, не говоря уже о совершенно чуждомъ деревенскому быту содержанію“.

Авторъ находитъ даже, что это измѣненіе въ народной лирикѣ не даетъ повода къ слишкомъ мрачнымъ заключеніямъ. „Напротивъ, въ этомъ явленіи чувствуется молодость народнаго духа, кипящій и льющійся черезъ край избытокъ жизненной силы, но льющійся не по тому направленію, благодаря грязной накипи, образовавшейся на ея поверхности отъ соприкосновенія съ изоржавѣвшей крышкой. Эта молодость народной души — явный признакъ способности народа къ движенію по пути прогресса“. Но это прогрессивное явленіе, каковымъ авторъ считаетъ попытку созданія новыхъ пѣсенъ, приняло нежелательное направленіе, ведущее къ упадку народной нравственности, потому что начинателемъ новаго движенія становится сословіе народа, испорченное городомъ, а благоприятная сторона состоитъ въ усвоеніи болѣе благозвучной формы стиха. Въ послѣднемъ видно вліяніе школы. „Народъ не окрѣпъ еще на новой почвѣ, — говоритъ г. Львовъ, — не выработалъ взглядовъ на свою собственную жизнь подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, и по этимъ взглядамъ не успѣлъ составить новаго міросозерцанія. Въ народной жизни теперь полнѣйшее междуцарствіе. Старые устои общинной, бытовой нравственности

разрушены до основанія“,—а новая нравственность, „вырабатываемая школой и книгой“, еще не созрѣла и не установилась. „Истекая изъ зараженнаго городомъ источника, пѣсни новаго типа имѣютъ самыя пошлыя, ничтожныя объекты воспѣваній“. Въ особенности мужскія пѣсни, описывающія трактирное веселье, доходятъ до невозможнаго для печати.

Въ старину также бывали пѣсни весьма нескромныя,—но такими онѣ и считались: пѣли ихъ только отъявленные пьяницы въ минуту разгула. Теперешнія пѣсни такого же сорта поются повсюду, кромѣ развѣ захоlustевъ, далекихъ отъ фабрично-мѣщанскаго вліянія и сохранившихъ старую патріархальную поэзію. Въ концѣ концовъ, пошлая пѣсня оказываетъ вредное нравственное вліяніе. „Воспѣваемая пошлость изъ пѣсни переходитъ въ жизнь. Деревенскій парень изъ частушки узнаетъ о заманчивомъ существованіи какой-то „рыжай, привезенной изъ Парижа“, о резинковыхъ каюшбахъ, часахъ, благодаря которымъ „миленькій“ поощей дѣвушка сталъ „хорошъ-таки хорошъ“, о привольной жизни „полового“, идеалѣ пьянаго „какъ стелечки“ и т. п. Все это рисуется въ привлекательномъ видѣ и пробуждаетъ желаніе подражать воспѣваемымъ образцамъ. Постоянное повтореніе пѣсенокъ, частое напоминаніе поддерживаетъ въ немъ это стремленіе,—и вотъ, вырвавшись наконецъ изъ-подъ родительскаго крова, онъ поетъ:

„Прощай, батюшка родной,
„Не работничекъ я твой,—и т. д.“

Поэтому, г. Львовъ находитъ необходимымъ, чтобы болѣе или менѣе образованные люди, имѣющіе связь съ деревней, дѣйствовали наконецъ противъ этой порчи народной поэзіи. Они могли бы разъяснять непотребность новыхъ пѣсней упомянутаго рода, распространять образцовыя пѣсни устной передачей и при посредствѣ школы, издавать для народа дешевыя сборники пѣсней. Авторъ рассказываетъ, что ему лично извѣстенъ случай, „когда на „игрищѣ“, при парняхъ разъяснили и показали дѣвцамъ всю гадость пѣтыхъ ими частушекъ и онѣ уже стыдились болѣе повторять ихъ и просили научить какой-нибудь хорошей пѣсенкѣ“. Кто же можетъ научить, какъ не сельскій учитель или иной деревенскій „интеллигентъ“, у которыхъ, конечно, найдется нѣсколько подходящихъ пѣсенокъ. Авторъ думаетъ, что могутъ еще прививаться даже старинныя пѣсни, неизвѣстныя въ данной мѣстности, а также и „переводныя малороссійскія“.

„Учителю возможна дѣятельность въ школѣ и внѣ школы. Для агитаціи внѣ школы онъ можетъ завербовать сильныхъ помощниковъ

изъ молодежи, выучивъ ихъ нѣкоторымъ избраннымъ пѣснямъ или устроивъ нѣчто въ родѣ вечеровъ съ пѣніемъ. Это не трудная исторія. Стоитъ провѣдать, гдѣ собралась вечеромъ деревенская молодежь, и, придя туда, спѣть хорошенькую пѣсенку-двѣ, и если онѣ понравились, васъ будутъ просить выучить этимъ пѣсенкамъ... Помогая заучивать пѣсню, не мѣшаетъ объяснить ея смыслъ, непонятныя выраженія и съ моральной стороны сравнить ее съ частушкой. Послѣ такого вечера молодежь всегда охотно сходится на другой день въ большемъ количествѣ, чтобы попѣть тѣхъ пѣсень и выучиться новымъ. Больше всего нравятся и скорѣе перенимаются пѣсни, пропѣтыя хоромъ“...

„Деревенскій людъ съ большимъ удовольствіемъ стекался въ свободное время даже на уроки пѣнія, устроиваемыя нами въ земской школѣ и съ живѣйшимъ участіемъ слушалъ духовное и свѣтское пѣніе. Причемъ даже старухи выражали свое удовольствіе... Между тѣмъ безпристрастно нельзя сказать, чтобы пѣніе было вполне образцовое, но дѣтей и даже взрослое населеніе деревни вполне удовлетворяло.

„Пѣсни, пропѣтыя въ классѣ, записывались учениками по собственному желанію и переходили изъ школы въ село.

„Вообще пѣсни въ народѣ прививаются очень легко“...

Видно, по собственному опыту въ народной школѣ авторъ дѣлаетъ слѣдующее простое и очень справедливое замѣчаніе:

„Правда, теперь уже обращено вниманіе на пѣніе въ народныхъ школахъ и особенно на церковное. Нельзя не порадоваться! Но нужно, чтобы церковное пѣніе не вытѣсняло мірскихъ пѣсень. Однимъ церковнымъ пѣніемъ нельзя удовлетворить народъ. Еще нежелательнѣе и грубѣе будетъ переходъ, когда послѣ духовныхъ пѣснопѣній сельянинъ затянетъ омерзительнѣйшую пѣсню“.

Надо, конечно, позаботиться и о томъ, чтобы свѣтскія пѣсни отвѣчали своему назначенію; между тѣмъ въ школахъ по преимуществу распѣваются „истрепанныя“ пѣсенки съ весьма жалкимъ содержаніемъ, нисколько не интереснымъ для крестьянскихъ дѣтей. „Отчего бы не научить крестьянскихъ дѣтей такимъ пѣснямъ, которыя могутъ сродниться съ ними въ ихъ быту и внести свѣжій, оживляющій, высокохудожественный элементъ въ народную поэзію? Развѣ это такъ трудно? А какъ дѣти рады такой пѣсенкѣ! Они нарочно соберутся послѣ уроковъ, чтобы спѣть ее (фактъ)...

„Разъ намъ пришлось удивиться, услышавъ, какъ черезъ день-два послѣ урока пѣнія взрослыя дѣвушки пѣли пѣсню, заученную на урокѣ учениками. Оказалось, что онѣ научились пѣть ее у ученицъ, которымъ пѣсенка очень понравилась. Такимъ образомъ уче-

ники являются лучшимъ средствомъ для пропаганды предлагаемыхъ учителямъ пѣсенъ^а.

Мы съ удовольствіемъ остановились на этой небольшой книгѣ, вышедшей въ Устюгѣ и видимо принадлежащей дѣятелю народной школы. Авторъ указываетъ на немаловажную, даже очень крупную черту современнаго народнаго быта, которая дѣйствительно заслуживаетъ вниманія друзей народа и школьной администраціи. Здраво поставленная школа можетъ дѣйствительно имѣть то нравственное вліяніе, о которомъ говоритъ авторъ. Книжка г. Львова вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть, какъ мы указывали, и интересъ этнографическій: для послѣдняго желательно было бы только, чтобы авторъ еще расширилъ свои наблюденія надъ пѣснями новѣйшей формаціи, собралъ больше образчиковъ, по возможности указавъ при этомъ и самыя мотивы; необходимо также и болѣе точное указаніе мѣстностей, къ которымъ относятся его матеріалы. Въ изложеніи можно также пожелать больше простоты; авторъ пишетъ, напр., что распространеніе дурныхъ пѣсенъ въ нашей деревнѣ можно сравнить „съ завоеваніемъ австраійскаго материка сорными травами европейскаго происхожденія“ (стр. 16). Авторъ не довольно знаетъ, что произошло въ Австраліи изъ этого завоеванія, и его лучше бы оставить въ сторонѣ. Точно также можно бы оставить въ сторонѣ разсужденія объ интеллигенціи, которая „сознаетъ своею обязанностью платить за свое воспитаніе народу“, и т. п.

Но общая мысль, руководившая авторомъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія и мы желали бы, чтобы оправдалась его увѣренность, что „достаточно и этого слабаго призыва, чтобы вынудить къ дѣятельности въ этомъ направленіи искреннихъ служителей во имя народнаго блага“.

Книжку можно получить отъ автора изъ Устюга: цѣна 25 коп., а для сельскихъ учителей 20 копѣекъ.—А. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бажаевъ, В.—Очерки крестьянскаго сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ земскихъ мѣропріятій въ Московской губерніи. М. 92. Стр. 147. Ц. 75 к.

Барсуковъ, Александръ.—Родъ Шереметевыхъ. Кн. 6. Спб. 92. Стр. 575. Ц. 4 р.

Брикнеръ, А.—Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина (1770—1837). Т. VI. Спб. 92. Стр. 674. Ц. 5 р.

Бутовскій, Ник.—Наши солдаты. Типы мирнаго и военнаго времени. Спб. 93. Стр. 251. Ц. 1 р.

- Быкова, М.*—Разсказы для маленькихъ дѣтей. Спб. 92. Стр. 63. Ц. 25 к.
- Бьлицъ-Гейманъ, Сер. С.*—Что такое холера, какъ отъ нея уберечься и чѣмъ ее лечить. Съ рис. и карт. М. 92. Стр. 45.
- Бюкнеръ, д-ръ, Л.*—Искусство долго жить (Макробиотика). Перев. съ нѣм. д-ра С. Т. Бартошевича. Спб. 92. Стр. 221. Ц. 1 р.
- Владиміровъ, Л. Е.*—Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. М. 92. Стр. 497. Ц. 3 р.
- Гаузеръ, А. К.*—Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Изд. неоффиц. Спб. 92. Стр. 82. Ц. 60 к.
- Герценштейнъ, М. А.*—Кредитъ для Земствъ и городовъ. М. 92. Стр. 95. Ц. 75 к.
- Гольцевъ, В. А.*—Вопросы дня и жизни. М. 93. Стр. 250. Ц. 1 р.
- Громачевскій, С. Г.*—Ограничительныя законы по землевладѣнію въ западномъ краѣ, съ мотивами и разъясненіями. Спб. 92. Стр. 21. Ц. 30 к.
- Дюдловъ.*—Сашенька. Пов. въ 3 частяхъ. Спб. 92. Стр. 153, 129 и 144. Ц. 2 р.
- Зандрокъ, А.*—Разсказы, эпизоды и сцены изъ воспоминаній бывалаго челоуѣка. Спб. 92. Стр. 259. Ц. 1 р.
- Кюрртинъ, Ф.*—Сѣть желѣзнодорожныхъ элеваторовъ какъ дополненіе портовыхъ, Спб. 92. Стр. 23.
- Колотановъ, Н.*—Биографія А. И. Кошелева. Т. II: Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности (1832—1856). М. 92. Стр. 435 и 153. Ц. 4 р. за оба тома 7 р.
- Крижъ, В. О.*—Руководство къ русской азбукѣ для сельскихъ школъ. М. 92. Стр. 40. Ц. 10 к.
- Русская азбука для сельскихъ школъ. М. 92. Стр. 64. Ц. 10 к.
- Листеницадтъ, О.*—Судебная практика кассационныхъ департаментовъ правит. сената по гражданск. праву и судопроизв. за 1890 г. Спб. 92. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.
- Любимовъ, Н. А.*—Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій и ихъ исторіи. Ч. I: Періодъ греческой науки. Спб. 92. Стр. 264. Ц. 2 р.
- О—овъ, Н. Л.*—Калейдоскопъ или Сборникъ избранныхъ мыслей и явленій изъ жизни челоуѣческой. Съ статей: „Что такое истина?“ Вып. 1. Одесса, 92. Стр. 391. Ц. 80 к.
- Пантоховъ, И. И.*—Ахалкалакскій уѣздъ. Медико-антрополог. очеркъ. Тифл., 92. Стр. 89.
- Паульсонъ, I.*—Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. Ч. II, съ политинажами. Спб. 92. Стр. 514. Ц., съ прилож. Буквара, Ц. 2 р.
- Разумовскій, А.*—„Крейцерава совата“ гр. Л. Н. Толстого и ея выводы. М. 92. Стр. 64. Ц. 60 к.
- Роу.*—Очевидная истины христіанства въ ихъ отношеніи къ современной мысли. Апологическія лекціи, читан. въ Оксфорд. унив. Перев. съ англ. свящ. М. Фивейскій. М. 92.
- Салтыковъ, М. Е.* Полное собраніе сочиненій, т. X: Въ средѣ умѣренности и аккуратности.—Письма о провинціи.—Итоги. Изд. наслѣдн. автора. Спб. 92. Стр. 562. Ц. 2 р. Всѣ 12 томовъ—20 р.
- Ситицинь, зубн. вр., А. П.*—Объ особенной важности ухода за полостями рта и зубами въ холерное время. Общеполозное наставленіе. Спб. 92. Стр. 8. Ц. 5 к.
- Соловьевъ, Тимофей.*—Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ спеціаліи и элевациі органическаго міра. Спб. 92. Стр. 404. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эд.—Историческая географія, перев. М. В. Лучицкой, подъ ред. проф. Н. В. Лучицкаго. Т. I и II. М. 1892. Стр. 434 и карта 74.

Хрущовъ, Михаилъ.—Савитри, санскритская поэма. Спб. 92. Стр. 44.

Чемезъ, И. А. Дарвинизмъ, научное изслѣдованіе теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка. Одесса, 92. Стр. 506. Ц. 3 р. 50 к.

Шетофъ, I.—Экономическое воззрѣніе демократовъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ англ. п. р. Л. Бухъ. Спб. 92. Стр. 56. Ц. 75 к.

Щемовитовъ, С. Г. Городовое положеніе, съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнительными узаконеніями. Спб. 92. Стр. 736. Ц. 4 р.

Ярешъ, Ѡ. Л. и *Степовицъ*, А. I. Янъ Амось Коменскій (1592—1670 гг.). Бѣвъ, 92. Стр. 65.

— Архивъ кн. Ѡ. А. Куракина. Кн. III. Спб. 92. Стр. 438. Ц. 3 р.

— Дешевая Библіотека: № 165, Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія, т. III, вып. 2: Пелопидъ и Марцеллъ; № 166, Аристидъ и Катонъ Старшій; № 221, Эврипидъ, Неистовый Геркулъ. Спб. 92.

— Иллюстрированная естественно-научная библіотека: II и III. Состав А. Кирпотенко. Спб. 92.

— Настольный энциклопедическій словарь, изд. А. Гербель и К°. Вып. 45, 46, 47, 48, 49 и 50. М. 1892. Стр. 2109—2396 (Кашу—Кредитъ). Ц. вып. 40 к.

— Нашему юностию рассказы о хорошихъ людяхъ, № 5: Вевьяминъ Франклинъ; № 6: Дѣтство А. Пушкина, А. П. Мунтъ-Валуевой. Спб. 92.

— О воспитаніи, наслѣдственности и обученіи. Казань, 92. Стр. 37. Ц. 20 к.

— Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ гор. Омскѣ за 1891 г. Омскъ, 92. Стр. 31.

— Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составл. по программѣ школъ спб. женскаго патриотическаго общества. Спб. 92. Стр. 54.

— Протоколы сѣзда врачей Александровскаго уѣзда за 1891 г. Александровскъ, 92. Стр. 784.

— Публичныя лекціи, читанныя въ имп. москов. университетѣ въ пользу Гельмгольцевскаго фонда. Германъ ф.-Гельмгольтцъ. Съ фототипіей и рис. въ текстѣ. М. 92. Стр. 156. Ц. 1 р. 50 к.

— Семейная Библіотека, № 30, 31 и 32. Мученики, Шатобриана; Уродъ, П. Бурже; Десяносто-третій годъ, В. Гюго, ч. 1. Спб. 92. Отдѣльн. № по 25 к.

— Современная наука, вып. 1: Психологія войны, Д. А. Корончевскаго; вып. 2: Народное предубѣжденіе противъ портрета; вып. 3: Волшебное значеніе маски, оч. Д. Корончевскаго; вып. 4: Древнѣйшій спортъ, оч. Д. Корончевскаго. Спб. 92. Ц. вып. 25 к.

— Стоглавъ, иллюстрир. календарь на 1893 г. Стр. 79. Ц. 35 к.

— Энциклопедическій словарь. Т. VI, а (Винословіе—волянъ). Изд. Брокгауза и Эфронъ. Спб. 92. Стр. 489—944. — Т. VII (Волакюкъ — Выговскіе). Спб. 92. Стр. 480.

„ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ“...

Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ. Спб., 1892.

На рубежѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ подавленности и унынія, которыя переживала тогда вся мыслящая Россія, съ пера И. С. Аксакова сорвалось страшно-горькое восклицаніе: „Когда же власть твоя, скажи, пройдетъ, о, молодость. о, *тягостное бремя!*..“ Сколько нужно было выстрадать и вытерпѣть, чтобы придти къ такому пожеланію! Въ молодые годы или вовсе не думаешь о концѣ счастливой эпохи, столь много сулящей впереди, столь богатой дальними, свѣтлыми перспективами, — или думаешь о немъ съ тайнымъ страхомъ, какъ о неотвратимой и невознагражденной потерѣ. „*Verweile doch, du bist so schön!*“ — вотъ мольба, невольно напрашивающаяся на уста при первой мысли о приближающейся разлуцѣ съ „праздникомъ жизни“. Спѣшить на встрѣчу роковой минутѣ можно только подъ гнетомъ условій, глубоко ненормальныхъ. Что это за условія — о томъ намъ скажетъ опять-таки Аксаковъ. „Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни... Слабѣйте, силы, вы не нужны! Засни ты, духъ! давно пора! Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны во имя правды и добра! Бесплодны всѣ труды и бдѣнья, бесплоденъ слова даръ живой, безсиленъ подвигъ обличенья, безуменъ всякій честный бой! Безумна честная отвага правдивой юности — и съ ней безумны всѣ желанья блага, святые бредни юныхъ дней!“

Прошло сорокъ лѣтъ — и въ нашей поэзіи опять раздаются зловѣщія слова: „тягостное бремя молодости“. На этотъ разъ они произнесены не юношей, который самъ исполненъ „отважныхъ силъ“, самъ угнетенъ сознаниемъ ихъ „ненужности“. Поэтъ, отъ котораго они исходятъ, старъ годами, но молодъ умомъ и сердцемъ. Его радуетъ „все, что велико и прекрасно, а зла и мрака торжество волнуетъ ненавистью страстной“. Ему понятенъ, поэтому, душевный строй поколѣній, отдѣленныхъ отъ него чуть не полувѣкомъ — понятенъ, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ многимъ изъ среды молодежи. „О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!“ — говоритъ А. М. Жемчужниковъ, радуясь тому, что у него нѣтъ сына; — „не столько старости недужные года, какъ *молодость теперь есть тягостное бремя*“. Старинный аккордъ, одно время казавшійся навсегда отзвучавшимъ, повторяется здѣсь, безъ сомнѣнія, не случайно. А. М. Жемчужниковъ — ровесникъ Аксакова; онъ хорошо помнитъ то время,

которое внушило послѣднему жалобу на „тягостное бремя молодости“, и, помня его, не можетъ не узнавать въ настоящемъ знакомыя черты давно минувшей эпохи. Въмѣстѣ съ обстановкой появляется вновь и настроеніе, когда-то ею вызванное — появляется, конечно, глубоко изменившимся въ деталяхъ, какъ изменились и внѣшнія условія, но сходнымъ въ основной нотѣ, какъ сходны отличительныя черты господствующихъ теченій. Люди сороковыхъ годовъ, дожившіе до нашихъ дней и сохранившіе вѣрность прежнимъ идеаламъ, имѣютъ, на старости лѣтъ, одно утѣшеніе, котораго не было во времена ихъ молодости. Тогда прошедшее было такъ же мрачно, какъ и настоящее или ближайшее будущее; теперь въ немъ есть свѣтлыя страницы, забываемыя или унижаемыя одними, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныя для другихъ.

„Они какъ звѣзды въ мутной мглѣ
Иль будто въ сумракѣ видѣнья—
Тѣ годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья...
Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни“...

„Вижу въ прошломъ, будто нынѣ,
Пробужденъ въ насъ сонанья —
Словно выходъ изъ пустыни.
Сколько въ насъ и въ миръ стремленій!
Но задержекъ сколько вмѣстѣ!..
Все же богѣй или менѣй
Не стояли мы на мѣстѣ“.

Чѣмъ ярче блестятъ, въ памяти поэта, короткіе дни движенія и надежды, тѣмъ больнѣе ему видѣть, какъ быстро умалывается и исчезаетъ ихъ наслѣдство.

„Нынче вѣетъ стариною...
Мы, шагнувъ еще немножко,
Къ временамъ вернемся давнимъ;
Европейское окошко
Закрывается ужъ ставнемъ“.

„Той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ
Пришла пора исчезновенья...
Какъ звѣзды гаснутъ въ мутной мглѣ,
Какъ меркнуть въ сумракѣ видѣнья.
Къ дѣламъ добра затерянъ слѣдъ;
Въ сердцахъ опять—вражда и злоба“...

Аксаковымъ, при видѣ торжествующей неправды, овладѣвало отчаяніе; ему казался бесплоднымъ „живой даръ слова“, бессильнымъ

„всякій честный бой“. Не таковъ А. М. Жемчужниковъ: онъ вступаетъ въ борьбу, хотя далеко не увѣренъ въ побѣдѣ. Его не смущаетъ мысль о близости смерти; напротивъ того, она удваиваетъ его силы, обостряя сознание отвѣтственности. Старость, какъ и молодость, имѣетъ свои обязанности; вся разница въ томъ, что первой нельзя медлить ихъ исполненіемъ. „Даръ прозорливости“, приобретенный долгимъ опытомъ, не долженъ оставаться подъ спудомъ, какъ талантъ лѣниваго раба; продуманное и провѣренное въ теченіе цѣлой жизни должно придти на помощь догадкамъ и предчувствіямъ юности:

„Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ битію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво,
И то, что поздѣе мнѣ опытомъ жизни дано.

Моя не заглохла средь терній духовная нива;

Въ ней новое зрѣетъ зерно...

Напутствовать иное хочется мнѣ поколѣнье;

Отъ мрака и грязи уми и сердца уберечь.

Бить можетъ, средь нравственной скверны, нинхъ отъ паденья

Спасетъ душевная рѣчь.

А еслибъ пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ,—

Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу имѣя:

Что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ миромъ ты имѣ,

О, жизнь, отпускаешь меня“.

„Напутствіе“ молодежи никогда не переходитъ у А. М. Жемчужникова въ сухую проповѣдь. Онъ не морализируетъ, не поучаетъ; въ его простыхъ, душевныхъ словахъ выражается только его собственное настроеніе; но именно это настроеніе, высоко приподнятое надъ современнымъ уровнемъ, поднимаетъ и воодушевляетъ слушателей — или пробуждаетъ въ нихъ спасительный стыдъ, залогъ желаннаго исцѣленія. А. М. Жемчужниковъ владѣетъ одинаково хорошо и сатирой—заостренной, большею частью, въ короткую, эпиграмматическую форму, — и лиризмомъ, прямо обращающимся къ сердцу. Нѣкоторыя изъ его „Замѣтокъ“ („Воля“, „Въ насмѣшку и въ позоръ моей родной земли“) и „Современныхъ Замѣтокъ“ („О чести“, „О правдивости“) — точно удары бича, бьющіе по самымъ больнымъ мѣстамъ нашей общественной жизни. Его „Новая вариация на старую тему“ — образецъ ироніи, тѣмъ болѣе ѣдкой, чѣмъ благодушнѣе и спокойнѣе общій тонъ пьесы. Подобно Салтыкову, А. М. Жемчужниковъ напоминаетъ намъ „Забутыя слова“. Ему ненавистна „грубая сила“ („Умные политики“); онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что „въ цивилизацію Европы вновь лѣзетъ право кулака“, что къ „старой цѣли“ опять ведетъ „старый путь“ — „нахально друга обмануть, нещадно недруга ограбить“. Когда другіе восхищаются „даль-

новидностью и умомъ“ этой политики, онъ восклицаетъ: „ума тутъ нѣтъ. Я протестую. И встать, истину простую пусть подтвердитъ мое перо: *умно то только, что добро*“. Онъ знаетъ цѣну псевдопатріотическихъ восторговъ и ясно видитъ скрывающуюся за ними духовную бѣдность:

„Хоть удастся намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъязы;
Хоть, искушившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ
Мы поклоняемся себѣ,
Какъ между нечистью святыхъ;
Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша стоитъ“.

„Духа не угашайте“—это заглавіе одного изъ лучшихъ стихотвореній А. М. Жемчужникова можетъ служить эпиграфомъ ко всѣмъ его „Прощальнымъ пѣснямъ“, ко всему написанному имъ со времени возвращенія его въ Россію (1884):

„Звучать еще слова, но мысли—ни единой;
Но искры Божьей нѣтъ. Затянутого тиною
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ...
И сердце черствое, и голова пуста —
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.
О, если чувство въ насъ еще не вовсе глухо,
Дѣтей и родину спасемъ, разсѣявъ сонъ!
Завѣтъ апостола: не угашайте духа! —
Напоминаю вамъ. Какъ знать? Въ дали времянь,
Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется силѣ;
И вотъ—сердца молчатъ, заглохшій разумъ—нѣмъ...
Отвѣтитъ тишина могильная—затѣмъ,
Что духа нѣтъ, духъ угасилъ“.

Оскудѣніе и омертвѣніе, провидимое поэтомъ въ будущемъ, кажется ему иногда уже наступившимъ. „Мой опытъ жизни, — говоритъ онъ въ „Пѣсняхъ объ уединеніи“,— всѣ надежды уничтожилъ... Не вѣрю ничему въ отечествѣ моемъ“... Но такое настроеніе скоро уступаетъ мѣсто другому, менѣе мрачному. Не даромъ же, говоря о „поваленныхъ гробахъ“,—т.-е. о худшихъ представителяхъ худшихъ сторонъ современной жизни,—А. М. Жемчужниковъ утѣшаетъ себя мыслью: „лишь настоящее прошло бы, а тамъ—имъ будущаго нѣтъ“... „Сегодня мысль нѣма, — говоритъ онъ въ „Посланіи къ публицисту ретроградной печати“ („Новая вариация на старую тему“),— а завтра будетъ снова во всеуслышанье вѣщать“... Несмотря на видимое торжество, „Аракчеевымъ“ нѣтъ причины „вѣнчаться лаврами побѣдъ“:

„Что если совѣсть умъ разбудить?
 Вѣдь онъ тогда, наперекоръ
 Ихъ ожиданьямъ и надеждѣ,
 Съ себя стряхнувъ наносный соръ,
 Воспринять смѣлъ и чистъ, какъ прежде.
 Такъ снова на стѣнѣ явятся порой,
 Въ былой красѣ и въ прежнемъ блескѣ,
 Когда-то грубою рукой
 Заштукатуренныя фрески“...

Вѣрой, выразившейся въ этихъ словахъ, объясняется та бодрость, съ которою А. М. Жемчужниковъ переноситъ и бремя лѣтъ, и неприглядность окружающей обстановки. Онъ любитъ жизнь—и не можетъ не любить ея, потому что живетъ не даромъ. Ему дано было сохранить до старости способность творчества, радости котораго для него—единственныя „не мнимыя“ („творить и наслаждаться—синонимы“,—говоритъ онъ въ „Сельскихъ впечатлѣнiяхъ и картинахъ“):

„О, пѣсни старости—завѣтъ предсмертныхъ думъ
 И трепеть радостный души еще живучей!
 Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣднiй шумъ,
 И листьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучий“.

Онъ опасается только одного: какъ бы и ему, подобно многимъ другимъ, не стало вдругъ, на старости лѣтъ, неизвѣстно—„что глупо, что умно; что честно, что безчестно“. Само собою разумѣется, что для этого страха нѣтъ никакихъ реальныхъ основанiй: „превращенiе“, о которомъ говоритъ А. М. Жемчужниковъ, совершается только въ тѣхъ, кто его не боится. Оно грозитъ преждевременно „поумнѣвшей“ молодости—но не можетъ коснуться старика, юнаго душой. Припомнимъ „молодого философа“, набросившагося на „гражданскую тоску“ А. М. Жемчужникова и противопоставившаго ей такъ называемыя „здравныя сужденья“. „Запахомъ мертвечины“ вѣяло отъ этого „здоровья“; жизнью, наоборотъ, дышетъ самая тоска поэта. Его поддерживаетъ, кромѣ вѣры въ безсмертiе мысли, любовь къ русскому народу, чуждая всякаго мистическаго элемента, одинаково далекая отъ сентиментальнаго идеализированiя массы и отъ высокomyрнаго пренебреженiя къ людямъ, ее составляющимъ. Ему въ особенности ненавистно соединенiе обѣихъ крайностей—этотъ уродливый продуктъ худо понятаго или извращеннаго славянофильства. „Твоя природа“,—говоритъ онъ, обращаясь къ родинѣ,—„такъ прелестна,

„Она такъ скромно-хороша!
 Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
 Какъ на твоёмъ просторѣ тѣсно
 И въ узахъ мучится душа...
 О, край ты мой! Что-жь это значитъ,

Что никакой другой народъ
 Такъ не тоскуеть и не плачетъ,
 Такъ дара жизни не влаетъ?
 Шумять дѣса свободнымъ шумомъ,
 Играють птицы... О, зачѣмъ
 Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ,
 И человекъ угрюмъ и нѣмъ?..
 За преступленья и пороки
 Его винить я не хочу.
 Чуть освѣтитъ онъ мракъ глубокой,
 Какъ буйнымъ вихремъ рокъ жестокой
 Задуетъ разума свѣчу...
 Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди,
 Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
 Что, колота въ пустыя груди,
 Все о любви къ тебѣ кричать.
 Противно въ нихъ соединенье
 Гордннн съ ннзостью въ борьбѣ,
И къ русскимъ гражданамаъ презрѣныя
Съ подобострастіемъ къ тебѣ".

Мы говорили до сихъ поръ только о послѣднемъ періодѣ творчества А. М. Жемчужникова, и притомъ только объ одной сторонѣ его; но эта сторона — наиболѣе выдающаяся, всего лучше характеризующая симпатичную личность поэта. „Цвѣтущая старость“ (такъ озаглавлено одно изъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, посвященное В. А. Арцимовичу) составляетъ удѣлъ немногихъ, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ такъ быстро тратятся силы и такъ рано начинается духовная спячка. Еще рѣже можно встрѣтить поэтическій талантъ, не только не слабѣющій съ годами, но, наоборотъ, постоянно растущій въ ширь и глубь и приносящій самые зрѣлые плоды именно тогда, когда для другихъ наступаетъ пора увяданія. Между ранними произведеніями А. М. Жемчужникова найдется не мало удачныхъ пьесъ (назовемъ, для примѣра, „Септуоръ Бетховена“, „Почему“, „Тяжелое признаніе“); но мы едва ли ошибемся, если отнесемъ настоящій расцвѣтъ его дарованія ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Тяжелое семейное горе, постигшее его въ это время и вылившееся въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ („Кочено, нѣтъ ея“, „Гляжу-ль на дѣтей и грущу“, „Привѣтъ веснѣ“ и др.), заставило его искать утѣшенія въ природѣ, къ которой онъ всегда былъ близокъ (см., напримѣръ, „Примиреніе“, написанное еще въ 1855 г.). Среди горъ и озеръ Швейцаріи онъ опять нашель рѣшимость жить, опять позналь цѣну жизни („На горѣ“, „Осенью въ швейцарской деревнѣ“, „Земля“, „О, жизнь! я вновь ее люблю“). Но если уже и прежде, въ годину счастья, онъ вспоминаль о далекой родинѣ („Осенніе журавли“, 1871 г.), то теперь тоска по ней должна была проснуться съ новою силой. Онъ возвратился въ Россію

— и его охватило здѣсь обаяніе „невеселой, но родной картины“, такъ неотразимо дѣйствовавшее на всѣхъ нашихъ поэтовъ, начиная съ Пушкина и Лермонтова. Гораздо болѣе „невеселой“, чѣмъ русская природа, явилась передъ нимъ, впрочемъ, русская жизнь. Отъ ея гнетущихъ впечатлѣній онъ отдыхаетъ въ деревенскомъ уединеніи, которое онъ еще въ молодости называлъ блаженнымъ („O, beata solitudo! o, sola beatitudo!“):

„Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашель. Такъ ветхій чолнъ
Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ...
За все, что есть въ тебѣ, за все, что слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что ненавижу,
Родимый уголь мой, тебя я такъ люблю...
Свободы, тишины, безмолвія хочу я.
Съ природой бы родной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почувъ,
Хотѣлъ бы хоть въ око успѣть проститься съ ней.
А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!“

Кто такъ живо чувствуетъ природу, такъ глубоко наслаждается ея простыми дарами, тотъ могъ бы, особенно на склонѣ лѣтъ, погрузиться всецѣло въ ея невозмутимый покой. Заслуга и вмѣстѣ съ тѣмъ сила А. М. Жемчужникова состоитъ въ томъ, что онъ этого не сдѣлалъ. Онъ не замкнулся въ своемъ „родимомъ углу“, не пересталъ прислушиваться къ другимъ голосамъ, менѣе ласкающимъ и убаюкивающимъ, чѣмъ голосъ природы:

„Не слыша, мѣняйтесь, картины, —
Шествуй, время, медленной стопой, —
Чтобы день не минулъ на единый
Пережить, но не замѣченъ мною.
Тишина покоя и всѣ шумы,
Жизнью наполняющіе землю,
Злоба дня и вѣковья думы,
Смѣхъ и плачь людскіе — вамъ я внимлю.“

Эта отзывчивость на злобу дня и вѣковья думы, на людской смѣхъ и плачь, уменьшаетъ, быть можетъ, личное счастье поэта, но увеличиваетъ его значеніе для современниковъ и для потомства. „Прощальные пѣсни“ А. М. Жемчужникова — одна изъ немногихъ свѣтлыхъ точекъ, на которыхъ остановится съ любовью будущій историкъ нашего времени.

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1892 г.

Судебное разбирательство по дѣлу о безпорядкахъ въ тамбовскомъ уѣздѣ.—Главные причины безпорядковъ, насколько онѣ обнаружены этимъ процессомъ.—Земскіе выборы и земскія собранія на почвѣ положенія 1890 г.—Кое-что объ излюбленныхъ и не-излюбленныхъ людяхъ.—Смерть Ренана.

Изъ числа уголовныхъ дѣлъ, вызванныхъ такъ называемыми холерными безпорядками, рассмотрѣно, покамѣстъ, въ публичномъ судебномъ засѣданіи только одно, сравнительно менѣе важное—дѣло крестьянъ дер. Абакумовки и Михайловки (тамбовскаго уѣзда). Оно было направлено въ общемъ, законами установленномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ дѣла болѣе серьезныя—о безпорядкахъ въ Астрахани, Саратовѣ, Хвалынскѣ—изъяты изъ вѣдомства общихъ гражданскихъ судовъ и переданы суду военному. Нельзя не пожелать, чтобы они слушались при открытыхъ дверяхъ и чтобы подробные о нихъ отчеты были напечатаны во всеобщее свѣденіе ¹⁾. Трагическія событія въ родѣ тѣхъ, театромъ которыхъ была недавно юго-восточная Россія, перестанутъ быть возможными лишь тогда, когда будутъ раскрыты ихъ причины—раскрыты не для одного только правительства, но и для общества, безъ содѣйствія котораго немислимо окончательное и полное ихъ устраненіе. Многое обнаружено уже теперь, вышеупомянутымъ тамбовскимъ дѣломъ; еще больше поучительнаго дадутъ, безъ сомнѣнія, другіе, болѣе крупныя процессы.

Волненіе въ дер. Абакумовкѣ началось тогда, когда уѣздной земской управой сдѣлано было распоряженіе объ устройствѣ тамъ холернаго барака и привезены были съ этою цѣлью известъ и строительные матеріалы. Уже 7-го іюля мѣстный земскій врачъ Цвѣтаевъ звалъ о существованіи волненія и старался успокоить крестьянъ, но безуспѣшно. Не удалось подѣйствовать на крестьянъ и исправнику, послѣ чего постройка барака была приостановлена. Сходки крестьянъ продолжались, однако, ежедневно, а когда въ ночь на 15-е іюля полицейскій урядникъ Дубровскій, „гуляя“, вмѣстѣ съ другимъ урядникомъ Лавровымъ и другими крестьянами, „въ помѣщеніи при винной лавкѣ“, сказалъ, что скоро будетъ приступлено къ постройкѣ барака, то на слѣдующее утро староста дер. Абакумовки, Шиндяпинъ, кликнувъ кличъ, черезъ особыхъ посланныхъ, крестьянамъ

¹⁾ По сообщенію „Недѣли“, хвалынское дѣло заслушано военнымъ судомъ еще въ концѣ августа, но дальнѣйшихъ о немъ свѣденій мы нигдѣ не встрѣчали.

сосѣднихъ деревень. Еще раньше ихъ прихода абакумовцы напали на земскую больницу, откуда, къ счастью, врачъ успѣлъ убѣжать. Пришлые крестьяне ворвались затѣмъ въ волостное правленіе; урядникъ Лавровъ, волостной старшина и волостной писарь были жестоко избиты. Въ деревнѣ Михайловкѣ были избиты урядникъ Дубровский и крестьяне Голодолобовы, способствовавшіе бѣгству Цвѣтаева. Чѣмъ же были вызваны всѣ эти насильственные дѣйствія? Убѣжденіемъ крестьянъ, что никакой холеры нѣтъ, что баракъ устроивается съ цѣлю морить людей, которыхъ будутъ тащить туда баграми и крючьями, класть живыми въ гробы и засыпать известью. Убѣжденіе это было такъ сильно, что при нападеніи на больницу крестьяне требовали отъ фельдшера указаній, гдѣ спрятаны багры, крючья и гробы, а отъ волостного писаря—объясненій, для чего привезена известь, ссыпанная въ больничныя подвалы. Составителями адскаго плана крестьяне считали помѣщиковъ, *исподъ*, а подкупленными ихъ сообщниками—докторовъ и священниковъ: „доктора стали пускать ядъ въ рѣчки, а священники—отравлять даже и св. тайны“. Василиса Шиндяпина, во время больничнаго погрома, спрашивала фельдшеровъ: „гдѣ у васъ спрятаны пріѣзжіе изъ Тамбова доктора? Затѣмъ шмаръ (моръ) пускаете и вздумали морить народъ“? „Вы сидите въ правленіи и ничего не знаете“,—говорила Прасковья Королева волостному писарю,—„а вчера баринъ Штакельбергъ и барыни Поземковскія (сосѣдніе землевладѣльцы) изъ подзорной трубы пускали шмару, чтобы морить народъ“. Когда, утромъ 15-го іюля, староста села Гладышева, получивъ черезъ одного изъ гондовъ Шиндяпина, призывъ въ Абакумовку, пошелъ, съ нѣсколькими другими крестьянами, посоветоваться съ мѣстнымъ священникомъ, крестьянинъ Головачевъ прервалъ увѣщанія священника словами: „чего тутъ слушать, пойдѣмъ скорѣе“, и сталъ выгонять мужиковъ и бабъ въ Абакумовку. Священникъ с. Березовки, пріѣхавъ въ Абакумовку, надѣлъ эпитрахиль и вышелъ къ буйствовавшимъ крестьянамъ съ крестомъ и евангеліемъ, но его не стали слушать, крича: „насъ отравить хотятъ, уйди отъ насъ, кто звалъ тебя?“—и когда онъ уходилъ, кто-то бросилъ въ него сзади кирпичомъ. Чрезвычайно характеристичны также слѣдующіе факты. Еще 7-го іюля, когда врачъ Цвѣтаевъ старался успокоить абакумовскихъ крестьянъ, изъ толпы слышались голоса: „насъ бабы одолѣли, воюютъ, говорятъ, что будутъ морить народъ“. Во время погрома первыми въ калитку больничнаго двора стали ломиться бабы. Первый ударъ больничному сторожу, старавшемуся удержать напоръ толпы, нанесла Екатерина Шиндяпина. Къ помѣщенію фельдшеровъ первыя подступили бабы, вооруженныя палками. Угрозы „вымотать кишки толстопузому“ (Цвѣтаеву)

произносились бабами. Слова Шичдяпиной и Королевой, обращенныя къ фельдшерамъ и волостному писарю, мы уже приводили. Первою влѣзла въ волостное правленіе, черезъ окно, какая-то баба; первую вцѣпилась въ бороду старшинѣ старуха Чурбакова. Лузерья Кукова, тыкая старшину палкой въ зубы, кричала: „ты подкупленъ докторами, своихъ продаешь“, и била его палкой даже тогда, когда онъ лежалъ на полу, безпомощный и потерявшій сознание. Когда толпа въ первый разъ подступила къ волостному правленію, одинъ изъ крестьянъ кричалъ: „валяй, валяй, бабы, вамъ ничего не будетъ, на васъ спроса нѣтъ“. Тотъ же крестьянинъ подстрекалъ бабъ сжечь приготовленный для барака матеріалъ, говоря: „тащи, тащи, бабы, жги, коли, ничего вамъ, бабы, не будетъ“. Къ числу зачинщиковъ „возстанія“ обвинительнымъ актомъ отнесены, рядомъ съ *пятью* мужчинами, *четыре* женщины, къ числу наиболѣе виновныхъ участниковъ возстанія—рядомъ съ *двѣнадцатью* мужчинами, *семь* женщинъ.

Остановимся прежде всего на послѣдней сторонѣ картины, тѣмъ болѣе поразительной, что она едва ли случайна: женщины, насколько можно судить по газетнымъ сообщеніямъ, играли видную роль и въ приволжскихъ беспорядкахъ. Чѣмъ объяснить, что „бабы“ оказываются не только болѣе озлобленными и предприимчивыми, чѣмъ „мужики“, но имъ принадлежитъ, повидимому, самая инициатива волненія, окончившагося событіями 15-го іюля (припомнимъ знаменательныя восклицанія, раздававшіяся въ толпѣ еще недѣлей раньше: „насъ бабы одолѣли, воюють“)? Не выразилась ли здѣсь съ особенною яркостью одна изъ двухъ главныхъ причинъ, лежащихъ въ основаніи „холерныхъ“ и многихъ другихъ беспорядковъ: колоссальное невѣжество крестьянской массы и непосредственно отъ него зависящая готовность вѣрить самымъ нелѣпнымъ сказкамъ? Въ самомъ дѣлѣ, слабѣе лучи просвѣщенія, проникшіе, за послѣднія двадцать пять лѣтъ, въ среду народа, всего меньше коснулись женщинъ; безграмотныхъ между ними до сихъ поръ несравненно больше, нежели между мужчинами. Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ обильнѣе матеріалы для броженія. Однажды возникнувъ и достигнувъ извѣстной силы, оно идетъ дальше — и не встрѣчаетъ рѣшительнаго отпора, потому что только немногимъ выше своихъ матерей и жевъ стоятъ, по степени умственнаго развитія, и сами крестьяне. Большинство — и притомъ наиболѣе вліятельное, въ силу своего возраста — нигдѣ не училось и ничего не знаетъ; не даромъ же между подсудимыми по тамбовскому дѣлу такъ много людей среднихъ и даже преклонныхъ лѣтъ (на этотъ знаменательный фактъ раньше всего обратили вниманіе „Новости“, полемизируя противъ „Гражданина“). Изъ числа тринадцати подстрекателей и зачинщиковъ возстанія только двое не достигли еще сорока

лѣтъ; четвертымъ—отъ 40 до 48 лѣтъ, а всѣмъ остальнымъ—болѣе пятидесяти (есть старики 75 и 63, старухи 65 и 62 лѣтъ). Почти никого изъ нихъ не могло коснуться, слѣдовательно, вліяніе школы. Противъ давленія такихъ руководителей не устояли и болѣе молодые люди (между девятнадцатью второстепенными участниками возстанія не достигшихъ сорокалѣтняго возраста было двѣнадцать). Во всякомъ движеніи толпы есть нѣчто стихійное; болѣе или менѣе сознательное стремленіе вождей увлекаетъ массу почти механически и въ свою очередь, сплошь и рядомъ, увлекается ею далеко за первоначально намѣченные предѣлы (тотъ самый Шиндяпинъ, который далъ первый толчокъ къ беспорядкамъ 15-го іюля, старался, когда они начались, остановить ихъ развитіе, уговаривалъ бабъ разойтись, замахивался даже на нихъ палкой, но онѣ его не слушались). Быстрота и сила распространенія смуты зависятъ, между прочимъ, отъ степени противодѣйствія, встрѣчаемаго ею въ умахъ толпы. Это противодѣйствіе обуславливается, въ свою очередь, суммой здравыхъ представленій и понятій, которыми располагаетъ толпа. Къ несчастью, она до сихъ поръ еще невелика не только у людей безграмотныхъ, но даже у многихъ учившихся въ начальной сельской школѣ. Не говоримъ о школѣ грамотности, дающей, въ большинствѣ случаевъ, только умѣнье читать по сладамъ, смутно понимая прочитанное; не говоримъ о заурядной церковно-приходской школѣ, серьезному вліянію которой препятствуетъ уже краткосрочность ея (двухлѣтняго) курса: даже правильно организованная школа (земская или министерская), съ ея трехлѣтнимъ курсомъ, далеко не всегда оставляетъ достаточно глубокой и прочной слѣдъ въ умѣ учениковъ. Только въ видѣ исключенія они выносятъ изъ нея зачатки того знанія, которое одно можетъ служить точкой опоры въ критическія минуты народныхъ волненій: знанія элементарныхъ законовъ природы и элементарныхъ условій государственности и общежитія. Кто обладаетъ первымъ, тотъ не повѣритъ отравленію рѣки двумя бочками яда, не приметъ подозрительную трубу за орудіе распространенія „шмары“, не усомнится въ существованіи холеры и въ естественномъ ея происхожденіи; кто обладаетъ вторымъ, тотъ не станетъ утверждать, на примѣръ, что „бабамъ“ все дозволено и что ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ постигнуть уголовная отвѣтственность. Между тѣмъ, именно въ сообщеніи свѣденій по естествознанію и по государственному и общественному устройству, начальная школа всегда была у насъ до крайности стѣснена—и больше чѣмъ когда-либо это стѣсненіе возросло въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ретроспективнаго увлеченія такъ называемой „часословной“ школой. Послѣ страшныхъ уроковъ, данныхъ Россіи бѣдствіями 1891 и 1892 г., необходимость распространенія образованія въ народѣ сдѣлалась почти общимъ мѣ-

стомъ; открыто возстають противъ него только жалкіе ревнители мракобѣсія, даже собратьями по оружію относимые къ „грязному хвосту“ партіи. Количественному росту народныхъ школъ едва ли будутъ противопоставлены какія-либо преграды; но привести къ желанной цѣли онъ можетъ лишь въ такомъ случаѣ, если рука объ руку съ нимъ будетъ идти *качественный* подъемъ обученія. Начальная школа можетъ, притомъ, только положить основанія развитію: оно должно быть продолжаемо и за ея стѣнами, съ помощью воскресныхъ и повторительныхъ школъ, публичныхъ чтеній, народныхъ читалень, народной прессы и литературы. *Темной* — въ томъ смыслѣ слова, поразительной иллюстраціей котораго служатъ событія минувшаго лѣта—можетъ быть и полу-грамотная или даже грамотная, но ничего не знающая и совершенно неразвита народная масса; а какія разрушительныя силы могутъ накопляться въ темнотѣ—этого теперь нельзя не видѣть.

Мы упомянули выше о *двухъ* главныхъ причинахъ, вызывающихъ, народные беспорядки. Глубокое невѣжество крестьянской толпы усложняется столь же глубокимъ недовѣріемъ ея къ *господамъ*, къ помѣщикамъ. Чрезвычайно легко распространяясь все дальше и дальше, это недовѣріе захватываетъ всѣхъ занимающихъ извѣстное положеніе, всѣхъ носящихъ извѣстный костюмъ, всѣхъ стоящихъ, по занятіямъ, по образованію или хотя бы только по наружному виду, внѣ народной массы. Подозрительными, какъ сообщники „господъ“ или какъ пассивные попустители ихъ злодѣйскихъ плановъ, являются и священники, и чиновники, и врачи, и фельдшера, и урядники, и даже крестьянскія власти—волостные старшины и писаря. Само собою разумѣется, что эта подозрительность выросла на почвѣ крѣпостного права; но какъ объяснить, что она пережила его на цѣлыя тридцать лѣтъ, нисколько, повидимому, не ослабѣвъ и не смягчившись? Какъ искоренить или по крайней мѣрѣ уменьшить ее, какъ потушить пламя, таящееся подъ пепломъ и постоянно грозящее пожаромъ? Это—вопросъ первостепенной важности; пока онъ не разрѣшенъ, не можетъ считаться обезпеченнымъ правильное движеніе русской жизни. И здѣсь, конечно, многого можно ожидать отъ распространенія образованія, уничтожающаго предрасудки и сглаживающаго различіе между такъ называемыми высшими и низшими классами народа; но рассчитывать исключительно на это средство, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дѣйствующее медленно и постепенно, было бы, думается намъ, большой ошибкой. Если народное недовѣріе прежде всего падаетъ на *господъ* и уже отъ нихъ, путемъ отраженія, переходитъ на другія сферы, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что бывшіе „господа“ все еще недостаточно отрѣшились отъ специфически „господскихъ“ привычекъ и стремленій,

все еще недостаточно забыли традиции крѣпостной эпохи? Не слѣдуетъ ли признать, что поддерживаетъ вражду все напоминающее старыя, ненавистныя народу порядки, а противодействуетъ ей все направленное къ сближенію сословій, къ соединенію ихъ въ общемъ трудѣ, къ установленію добрыхъ, близкихъ отношеній между людьми образованными и необразованными, имущими и неимущими, сильными и слабыми? Нельзя сказать, чтобы ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи за послѣднюю четверть вѣка правительствомъ и обществомъ. Правительство призвало помѣщиковъ и крестьянъ къ совмѣстной дѣятельности въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ присяжныхъ; общество выставило и продолжаетъ выставлять изъ своей среды немало силъ, посвящающихъ себя народному благу. Но этого, очевидно, мало: вѣковое предубѣжденіе стоитъ почти нетронутымъ, незамѣтное — или, лучше сказать, многими незамѣчаемое — только до тѣхъ поръ, пока чрезвычайныя обстоятельства не сбрасываютъ прикрывающую его завѣсу. Необходимо положить конецъ всему тому, что даетъ поводъ считать крестьянъ „низшимъ родомъ людей“ и питаетъ въ нихъ самихъ чувство униженности и угнетенности; необходимо создать новые пути, на которыхъ могли бы сходиться въ дружной работѣ всѣ жители данной мѣстности; необходимо устранить всѣ препятствія, затрудняющія свободную дѣятельность близъ народа и на пользу народа. Если іюньскія и іюльскія событія подвинуть насъ хоть на одинъ шагъ къ достиженію этой цѣли, къ нимъ можно будетъ примѣнить поговорку: „нѣтъ худа безъ добра“. Одно, во всякомъ случаѣ, они доказываютъ несомнѣнно: невозможность разсчитывать, въ дѣлѣ предупрежденія и прекращенія беспорядковъ, только на бдительность и строгость власти. Волненія въ Абакумовѣ начались по меньшей мѣрѣ за восемь дней до вспышки 15-го іюля — и все-таки вспышка состоялась. Земскій начальникъ ничего не зналъ ¹⁾, исправникъ ничего не сдѣлалъ; урядники, „гуляя“ съ крестьянами въ „помѣщеніи при винной лавкѣ“ (т.-е. обращая ее, фактически, въ кабакъ, вопреки закону, охранять который призвана полиція), дали своей болтовней ближайшій поводъ къ возбужденію беспорядковъ. Съ другой стороны, абакумовцы, какъ видно изъ дѣла, знали еще въ началѣ іюля объ астраханскихъ событіяхъ, знали, слѣдовательно, и о вызванной ими репрессіи — и все-таки пошли на встрѣчу такой же участи. Безнаказанности они ожидали только для „бабъ“ — и все-таки присоединились къ „войнѣ“, задуманной и начатой „бабами“. Въ обвинительномъ актѣ упоминается о трехъ солдатахъ (очевидно — отставныхъ или запасныхъ), игравшихъ видную роль въ беспорядкахъ — а вѣдь солдаты-то ужъ

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обзоріе.

конечно не могли не знать, что ожидаетъ участниковъ „возстанія“. Бываютъ минуты, когда страхъ наказанія, какъ бы оно ни было грозно, совершенно исчезаетъ передъ другими, болѣе могущественными мотивами и оказывается бессильнымъ предупредить преступленіе. Гарантій для будущаго слѣдуетъ искать, поэтому, не въ обостреніи страха, а въ ослабленіи тѣхъ мотивовъ, которые его заглушаютъ.

Новое земское положеніе введено теперь уже во многихъ губерніяхъ — а свѣденій о составѣ и дѣятельности обновленныхъ земскихъ собраній въ печати встрѣчается крайне мало. Въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ происходили первые, на новомъ основаніи, выборы въ уѣздахъ петербургской губерніи и, несмотря на близость къ столицѣ, прошли совершенно незамѣченными. Намъ лично извѣстенъ ихъ результатъ въ одномъ изъ уѣздовъ, не принадлежащихъ къ числу подстоличныхъ. Прежде на съѣздъ личныхъ землевладѣльцевъ собиралось здѣсь до пятидесяти человѣкъ и болѣе; число голосовъ, вмѣстѣ съ подаваемыми по довѣренности, доходило до восьмидесяти. Теперь избирателей-дворянъ явилось только двадцать-семь, и двумя голосами располагалъ изъ нихъ только одинъ (въ качествѣ опекуна надъ имѣніемъ своихъ родственниковъ). Выборамъ, какъ и всегда, предшествовали разные слухи; говорили, что существуетъ соглашеніе не допускать въ собраніе такъ называемыхъ „красныхъ“, т.-е. людей болѣе или менѣе независимыхъ и чуждыхъ сословнымъ предразсудкамъ. Вышло, однако, совсѣмъ не такъ. „Красные“, по уѣздной терминологіи, получили довольно значительное большинство голосовъ; забаллотированы, болѣею частью, лица другого направленія, въ томъ числѣ два земскихъ начальника (одинъ изъ земскихъ начальниковъ вовсе не явился на выборы; остальные четверо выбраны въ гласные, но, за исключеніемъ одного, получили сравнительно немного избирательныхъ голосовъ). Между новыми гласными есть люди, отъ которыхъ можно ожидать много полезнаго для уѣзда; одинъ изъ нихъ—извѣстный врачъ, другой—извѣстный профессоръ. Такому исходу выборовъ способствовало, отчасти, уничтоженіе подачи голосовъ по довѣренности за отсутствующихъ—одна изъ немногихъ перемѣнъ къ лучшему, произведенныхъ новымъ земскимъ положеніемъ; но нельзя не сказать, что многое зависѣло и отъ случая. Стоило только не явиться нѣсколькимъ избирателямъ одной группы, явиться—нѣсколькимъ избирателямъ другой,—и результатъ выборовъ измѣнился бы радикально. Въ этомъ заключается главная опасность малочисленныхъ избирательныхъ коллегій. Предупредить или уменьшить ее можетъ только энергія всѣхъ или почти всѣхъ членовъ коллегіи, выражающаяся, по меньшей мѣрѣ, въ исправномъ

посвященіи избирательныхъ собраній; но именно энергіей наше помѣстное дворянство, повидимому, не обладаетъ. Судя по свѣденіямъ, проникшимъ въ печать, неавва большинства избирателей — общая отличительная черта первыхъ (т.-е. дворянскихъ) избирательныхъ собраній. Въ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, число дворянъ, владѣющихъ полнымъ избирательнымъ цензомъ, превышаетъ чуть не вчетверо число дворянъ, присутствовавшихъ на выборахъ.

Не вездѣ, однако, введеніе новаго порядка такъ мало измѣнило составъ и характеръ земскихъ собраній. Вотъ, на примѣръ, что намъ сообщаютъ о волчанскомъ уѣздѣ (харьковской губерніи)—одномъ изъ тѣхъ, который пострадалъ отъ прошлогоднаго неурожая, официально не считаясь неурожайнымъ ¹⁾. Несогласія между различными группами земскихъ дѣятелей начались здѣсь еще зимою, именно по поводу продовольственнаго вопроса. Уѣздная земская управа старалась уменьшить, по возможности, цифру ссудъ, руководствуясь при этомъ не столько постановленіями собранія, сколько „личными распоряженіями губернатора, записанными въ журналъ управы“ (см. докладъ управы очередному земскому собранію 1892 г.); ревизіонная коммиссія находила такой образъ дѣйствій неправильнымъ, вслѣдствіе чего двое изъ ея членовъ сложили съ себя свои полномочія. Выборамъ въ гласные, назначеннымъ на 19 и 20 іюня, предшествовала агитація, девизомъ которой могли бы служить слова, приписываемыя одному изъ агитаторовъ: „въ земствѣ образованные люди ненужны“. Съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ не состоялся, за неприбытіемъ достаточнаго числа избирателей, между тѣмъ какъ при прежнихъ порядкахъ число уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ доходило, на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ, до пяти. Первое (дворянское) избирательное собраніе не выбрало въ гласные ни одного лица, получившаго высшее образованіе. Когда два такихъ лица были забаллотированы, одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей уѣзда, бывшій уѣздный предводитель, безсмѣнный гласный съ самаго открытія земскихъ учрежденій, отказался отъ баллотировки и не взялъ назадъ своего отказа, несмотря на всѣ упрашиванья избирателей. Изъ среды присутствующихъ было избрано только двѣнадцать гласныхъ, а слѣдовало избрать ихъ двадцать. Тогда началась баллотировка отсутствующихъ, и въ гласные были избраны, между прочимъ, такіе землевладѣльцы, которые никогда не бывали въ уѣздѣ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи, при баллотировкѣ одного лица, громко сказалъ: *à gauche*. На это была принесена жалоба въ губернское присутствіе, оставленная, однако, безъ послѣдствій. Въ земское собраніе, открытое 23-го іюля, явилось изъ 33

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 5 „В. Европа“ за текущій годъ.

гласныхъ только 27, и вопросъ о причинахъ неявки остальныхъ остался, вопреки закону, безъ обсуждения. Всѣ доклады управы были утверждены безъ преній, за исключеніемъ одного — о продовольствіи, — по которому собраніе выслушало объясненія двухъ бывшихъ гласныхъ (они же—члены ревизіонной комиссіи, сложившіе съ себя свои полномочія; одинъ изъ нихъ — бывший предводитель, объ отказѣ котораго отъ баллотировки мы упомянули выше. Чтобы судить о томъ, кто былъ правъ — управа, истратившая на продовольствіе всего 86 тысячъ рублей изъ ассигнованныхъ двухсотъ, или ревизіонная комиссія, настаивавшая на болѣе широкой помощи крестьянамъ,—достаточно привести слѣдующія цифры, представленныя собранію однимъ изъ бывшихъ членовъ ревизіонной комиссіи. Въ Волоховскомъ приходѣ умерло въ 1888 г. 75 человекъ, въ 1889 г. — 70, въ 1890 г. — 73, въ 1891 г. — 150, до 1-го іюля 1892 г. — 75. Въ другомъ приходѣ, Ивановскомъ, смертность была велика уже въ 1889 и 1890 г. (160 и 159 чел., между тѣмъ какъ въ 1887 г. умерло 108, въ 1888 г. 101), вслѣдствіе эпидеміи брюшного тифа, но въ 1891 г. она подналась еще выше и достигла 173. Въ деревняхъ Ивановскаго прихода, въ промежутокъ времени съ 1-го мая 1891 по 1-е мая 1892 г. число лошадей уменьшилось на 38% (изъ 734 осталось 454), рогатаго скота—на 40% (изъ 937 осталось 564), овецъ — на 53% (изъ 1035 осталось 487); свиней было три стада, осталось пять штукъ... Когда въ собраніи возникъ вопросъ, можно ли оставить въ составѣ уѣзднаго училищнаго совѣта члена отъ земства, избраннаго за годъ передъ тѣмъ (полномочія земскихъ членовъ училищнаго совѣта продолжаютъ, какъ извѣстно, три года), но не состоящаго болѣе гласнымъ (это—опять-таки одинъ изъ бывшихъ членовъ ревизіонной комиссіи, протестовавшихъ противъ неправильныхъ дѣйствій управы), предсѣдатель собранія заявилъ, что по наведенной имъ, частнымъ образомъ, справкѣ, утвердительное разрѣшеніе этого вопроса вызоветъ протестъ со стороны губернатора. Собраніе разрѣшило вопросъ отрицательно. Предсѣдателю управы увеличено содержаніе на 50%, секретарю учреждений, въ которыхъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства, прибавлено 300 рублей—и постановленія объ этомъ, вопреки ст. 76-ой новаго земскаго положенія, состоялись путемъ открытой подачи голосовъ. Когда одинъ изъ гласныхъ обратилъ вниманіе на эту неправильность, предсѣдатель собранія выразилъ убѣжденіе, что она не будетъ опротестована губернаторомъ — и на этомъ собраніе и успокоилось... Если все сообщенное намъ справедливо, то первая сессія обновленнаго волчанскаго земства должна быть признана единственною въ своемъ родѣ.

„За два года бѣдствій, постигшихъ Россію, — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, — мы насмотрѣлись достаточно удивительныхъ подвиговъ всевозможныхъ *излюбленныхъ* людей“. Безспорно, земскіе и городскіе дѣятели далеко не вездѣ оказались на высотѣ требованій, предъявленныхъ къ нимъ тяжелою годиною; но развѣ нельзя сказать того же самаго о другихъ, не-излюбленныхъ людяхъ? Если мы не ошибаемся, „Московскія Вѣдомости“ не промолвились ни словомъ объ исторіи продовольственнаго дѣла въ лукояновскомъ уѣздѣ; но вѣдь это напоминаетъ страуса, прячущаго голову въ песокъ и думающаго, что его не видятъ. У насъ, къ счастью, все же не только свѣта, что въ окошкѣ на Страстномъ бульварѣ; фактъ не перестаетъ быть фактомъ, хотя о немъ и молчитъ реакціонная пресса. Еслибы наше общество и было расположено забыть лукояновскихъ „дѣятелей“, ему напоминалъ бы о нихъ рассказъ В. Г. Короленко, до сихъ поръ продолжающій появляться въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и каждый разъ прибавляющій новую страницу къ лукояновской эпопеѣ. Въ послѣднемъ фельетонѣ (№ 259) мы находимъ поразительныя свѣденія о томъ, какъ велись въ лукояновскомъ уѣздѣ общественныя работы, какъ рабочая плата за чрезвычайно тяжелый трудъ колебалась между 8 и 30 коп. въ день (на харчахъ самого рабочаго!), какъ голодающимъ крестьянамъ приходилось по нѣскольку дней ждать расчета и уходить домой съ пустыми руками, потому что „книгъ не было“ — а не было ихъ вслѣдствіе какихъ-то пререканій между двумя административными вѣдомствами... А вотъ еще повѣствованіе о не-излюбленныхъ людяхъ, заимствуемое нами изъ „Гражданина“ (№ 225): „Ожидается проѣздъ знатной особы по иркутскому тракту. Въ округѣ N. этотъ трактъ проходитъ на 60 слишкомъ верстѣ. Губернаторъ рѣшаетъ, что трактъ надо ремонтировать, но денегъ не нѣтсѣ. Губернаторъ пишетъ, что онъ деньги возьметъ изъ крестьянскихъ мирскихъ суммъ. Крестьяне на своихъ волостныхъ сходахъ заявляютъ, что имъ самимъ нужны эти мирскія деньги. Мѣстный чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ подаетъ весьма практичную мысль, что самое простое — прелоставить ему ремонтировать дорогу мѣстными средствами. Губернаторъ не убѣждается этими доводами и приказываетъ на крестьянъ NN округа наложить на каждаго по 160 куб. сажень щепня на версту. Раздается стонъ по всему округу: 160 куб. саж. — это по мѣстнымъ расчетамъ 1.600 р. на 1 версту. Тогда чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ входитъ съ ходатайствомъ отгнѣнить такой страшный поборъ. Въ отвѣтъ приѣзжаетъ исправникъ, собираетъ волость и велитъ писарю составить списокъ богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы богатые отвѣтили за бѣдныхъ и назначенныя 160 сажень щепня съ версты были доставлены. Писарь отвѣчаетъ, что онъ такихъ счетовъ не мо-

зеть составить, потому: 1) что богатыхъ крестьянъ онъ не знаетъ, а у нихъ всё болѣе или менѣе одинаковы, и 2) что если онъ такой списокъ составить, то его крестьяне уволятъ... Тогда исправникъ запираетъ дверь волостного правленія и начинаетъ кулачную расправу съ писаремъ. Тотъ кричитъ, на крикъ являются крестьяне спасать своего писаря. И вотъ, хотя ни одинъ крестьянинъ не позволилъ себѣ ни словомъ, ни дѣйствиємъ оскорбленія противъ исправника, но фактъ, что крестьяне вывели писаря изъ правленія, чтобы его спасти отъ побоевъ, былъ признанъ исправникомъ за бунтъ съ вооруженною силою. Человѣкъ 40 было арестовано, дѣло пошло уголовнымъ судомъ и тянется, пожалуй, до сихъ поръ, — а исправникъ *награжденъ* переводомъ на лучшее мѣсто! Затѣмъ финалъ: когда губернаторъ увидалъ, что поборъ 160 кубическихъ сажень щепня съ версты крестьянамъ не по силамъ, когда сочиненъ былъ бунтъ, когда нѣсколько десятковъ человѣкъ подверглись наказанію, тогда губернаторъ поручилъ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ сдѣлать то, что онъ предлагалъ раньше, и иркутскій трактъ былъ исправленъ и проѣздъ совершился благополучно, и стоило это крестьянамъ не *1.600 руб. съ версты*, а 6 рублей". Все это рассказывалъ кн. Мещерскому самъ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, вынужденный теперь оставить службу въ Сибири; „губернаторъ ему сказалъ, что имъ въ Петербургѣ недовольны, а въ Петербургѣ ему сказали, что имъ губернаторъ недоволенъ". Редакторъ „Гражданина“ совершенно правильно видитъ въ этомъ эпизодѣ „иллюстрацію къ объясненію вопроса, какъ у насъ подчасъ въ самой мирной и преданной правительству и порядку средѣ сочиняютъ *бунты*".

Немного найдется французскихъ писателей, которые были бы такъ популярны въ русскомъ обществѣ, какъ скончавшійся нѣсколько дней тому назадъ Эрнестъ Ренанъ. Источникомъ этой популярности было не столько содержаніе сочиненій знаменитаго историка, которыя далеко не всё доступны для русской публики, сколько форма, всегда изящная, часто художественная, а также отзывчивость автора на вопросы, волнующіе современную мысль. И въ этомъ, дѣйствительно, заключается главная сила Ренана. Какъ ученый, онъ едва ли можетъ быть поставленъ на одинъ рядъ съ Штраусомъ, Бауромъ и другими передовыми представителями нѣмецкой науки; но онъ былъ поэтомъ въ душѣ, и это сообщаетъ многому изъ имъ написаннаго неотразимую прелесть. Нѣкоторыя страницы его „Souvenirs d'enfance et de jeunesse“, его „Философскихъ драмъ“, предсмертнаго его сборника: „Feuilles détachées“, да и крупныхъ историческихъ трудовъ его — настояція „стихотворенія въ прозѣ“. Въ послѣдніе свои годы онъ больше чѣмъ когда-либо слу-

жилъ примѣромъ неутомимаго труда и умственной бодрости. Пессимизмъ, овладѣвшій имъ, подъ вліяніемъ общихъ и личныхъ причинъ, въ тяжелую для Франціи годину семидесятихъ годовъ, давно уступилъ мѣсто болѣе свѣтлому, спокойному настроенію. „Ресурсы чело-вѣчества, — читаемъ мы въ предисловіи къ „Feuilles détachées“, — безконечны. Вѣчныя дѣла совершаются, не истощивъ родника живыхъ силъ, непрерывно пробивающихся наружу“. Послѣднимъ словомъ Ренана была благодарность за жизнь; онъ умѣлъ до конца цѣнить ея сладость, для него заключавшуюся всецѣло въ мысли и въ работѣ...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Россійскаго Общества Плодоводства.

Россійское Общество Плодоводства, согласно съ заявленіями многихъ своихъ членовъ, выдающихся плодоводовъ нашего обширнаго отечества, — намѣревается устроить школу плодоводства.

При этой школѣ будутъ приготовляться столь необходимые для нашей родины, при желаніи правильной постановки въ ней плодоводства, — опытные садовники-плодоводы.

Для образованія фонда на устройство вышеназванной школы, Правленіе Россійскаго Общества Плодоводства, съ согласія своего августѣйшаго предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Михайловича, рѣшило устроить въ настоящемъ 1892-мъ году ярмарку плодовъ и плодовыхъ издѣлій.

Ярмарка эта откроется 1-го ноября и будетъ состоять изъ 14-ти слѣдующихъ отдѣловъ: I. Яблоки. II. Груши, виноградъ и пр. плоды, могущіе сохраниться въ это время года. III. Сушеные плоды. IV. Моченые фрукты. V. Постила, смоква, плодовые пряники, мармеладъ и пр. VI. Варенье, выдѣлываемое изъ разныхъ плодовъ и ягодъ. VII. Консервы плодовъ въ банкахъ и жестянкахъ (ананасы, персики, абрикосы, вишни и проч.). VIII. Кондитерскія приготовленія изъ плодовъ и ягодъ. IX. Виноградныя вина, сидръ и др. напитки, приготовляемые изъ плодовъ и ягодъ. X. Консервы овощей въ банкахъ, жестянкахъ и сухомъ видѣ. XI. Сѣмена плодовыхъ, огородныхъ и др., а также и продукты специальныхъ культуръ. XII. Модели плодовъ и овощей. XIII. Садовые инструменты и принадлежности. XIV. Книги, журналы и рисунки, относящіеся до плодоводства.

Устройство ярмарки возложено правленіемъ на избранную для этого комиссію подъ предсѣдательствомъ камергера Двора Его Величества Алексѣя Густавовича Кнорринга (Захарьевская, 14).

Всѣ отдѣлы будутъ состоять главнымъ образомъ изъ предметовъ, пожертвованныхъ для этой цѣли лицами, сознающими всю важность устройства у насъ подобной школы и желающими правильной постановки плодоводства на нашей родинѣ.

Помимо продажи по отдѣламъ, Правленіемъ будетъ устроена безпроигрышная лотерея, въ которую войдутъ предметы изъ всѣхъ 14-ти отдѣловъ.

Ярмарка предполагается быть открытой въ теченіе 10 дней.

Всѣ предметы должны быть доставлены къ 20-му октября и не позже 25-го, въ С.-Петербургъ, въ Правленіе Россійскаго Общества Плодоводства, Милліонная, 29.

Присланные предметы, если о томъ не было заявлено ранѣе, считаются пожертвованными въ пользу фонда на устройство школы, но пересылка ихъ можетъ быть и на счетъ Общества, для чего сумма, слѣдуемая за транспортъ ихъ, можетъ быть показана наложеннымъ платежомъ. Лица же, пожелавшія прислать въ распоряженіе Общества свои произведенія для продажи, — благоволятъ, заранѣе, увѣдомить Правленіе о количествѣ тѣхъ предметовъ, которые будутъ ими предоставлены для вышеназванной цѣли, а также и о цѣнѣ ихъ. Всѣ имена жертвователей будутъ означены на пожертвованныхъ ими предметахъ. Лицамъ, представившимъ лучшіе экспонаты или наибольшее содѣйствовавшимъ успѣху „Ярмарки плодовъ“, будутъ розданы похвальные отзывы отъ имени Россійскаго Общества Плодоводства.

Кромѣ устройства фонда для школы, плодовая ярмарка должна несомнѣнно содѣйствовать и распространенію свѣденій о русскихъ плодахъ и издѣліяхъ изъ оныхъ.

ПОПРАВКА. Въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы“, на стр. 850, въ 3-й строкѣ снизу, напечатано: „опасность“; слѣдуетъ читать: „досность“.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1892.

Книга девятая. — Сентябрь.

	стр.
Катарина Сивиская.—XIV-й вѣкъ.—I-VIII.—В. И. ГЕРБЕ.	5
Конецъ дневника.—С Ф.	57
Поэты символисты во Франціи.—Верленъ, Маллармэ, Ринбо, Лафоргъ, Мореасъ. —ЗИН ВЕНГЕРОВОЙ.	115
Въ глубь жизни.—Разсказъ.—I-XI.—Н. СВВЕРОВА	144
Образованіе въ Китаѣ.—Очерки.—П. КОРОСТОВЦА	172
Джюгардъ.—Романъ въ двухъ частяхъ, и-съ Брэддонъ.—Часть вторая: XII-XVII. —Съ англійскаго.—А. Э.	188
Оригинальныя мѣста.—Изъ изслѣдованій южнаго Черноморскаго побережья Кав- каза. А. РОЗОВА	289
Наша биржевая система.—Очеркъ.—А. Э. БРАНДТА	262
Два словаря русскаго языка.—„Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ“, И. И. Резневскаго, и „Словарь русскаго языка“, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ.— А. Н. ПЫПИНА.	283
Стихотворенія.—I. Развалины.—II. Мимолетная дума.—В. К. ВУЛГАКОВА	326
Война въ романѣ Зола.—La Débâcle, par Emile Zola.—Л. С.	329
Хроника.—Внутренніе Овозраженія.—Новое городское положеніе и отъици о немъ въ печати.—„Постепенное развитіе“ или коренная переиѣна?—Главныя различія между окончательнымъ текстомъ новаго закона и первоначаль- нымъ его проектомъ.—Неудачная аналогія.—Циркуляръ о способѣ воз- врата продовольтвенныхъ ссудъ.—Новыя законодательныя мѣры	349
Иностранное Овозраженіе.—Либеральное министерство въ Англии.—Политическая дѣятельность Гладстона.—Кабинетъ лорда Сольсбери и его значеніе.— Парламентскія пренія и новыя министры.—Волгарскіе „документы“.— Еще о г. Стамбуловѣ	374
Литературное Овозраженіе.—Сочиненія Гёте, изд. Гербеля, 2-е изд. подъ редак- ціей П. И. Вейберга.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, книга нестала.—Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Обще- ства, томъ 4-й.—Сборникъ матеріаловъ для статистики Сиръ-Дарьинской области.—А. В.—Новыя книги и брошюры.	386
Новости иностранной литературы.—I. Socialdemokratische Zukunftsbilder. Frei- nach Bebel. Von Eugen Richter, Mitglied des Reichstages.—II. La lé- gislation internationale du travail, par Paul Boilley.—Л. С.	406
Изъ Ощветвенной Хроники.—Дальнѣйшій ходъ холерной эпидеміи.—Вопросы о „подчиненности“ и о „фальшивой гуманности“.—Различная администра- тивная практика по отношенію къ способамъ предупрежденія безпоряд- ковъ.—Нѣчто о „либерализмѣ“ и о панегирикахъ.—„Жестокіе нравы“...	416
Библиографическій Листовъ.—М. И. Галанкинъ. Мѣропріятія противъ холеры рус- скаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основны.—Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры. Д-ра В. Гольмстена.—Лек- ція по уголовному праву, чтанія Н. С. Таганцевымъ.—К. Головинъ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Книга десятая. — Октябрь.

	СТР.
КАТАРИНА СТЕНСКАЯ. — XIV-й вѣкъ. — IX-XV. — Окончаніе. — В. И. ГЕРБЕ.	429
У ИСТОЧНИКА. — Н. броски и встрѣчи. — Х.	497
ПЬЕСА С. П. БОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ — 1877 г. — 19-го августа — 25-го сентября.	527
ТАМАРА. — Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, кн. А. Р. Церетели. — Перев. В. Л. ВЕЛИЧКО	578
ЗАКОНЫ СЛУЧАЙНАГО И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА. — Очерки. — А. ВАСИЛЬЕВА.	630
ДЖЕРАРДЪ. — Романъ въ двухъ частяхъ, и съ Бреддонъ. — Часть вторая. I-VI. — Съ англійскаго. — А. Э.	656
ТЕОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА. — Понятки обоснованія народничества, ст. В. В. — А. В—НЪ	704
СТИХОТВОРЕНІЯ — I У моря, изъ А. Сильвестра. — II. Ты не любишь меня. — О. МИХАЙЛОВОЙ	750
ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЦКІЯ ИДИИ О ВОЙНѢ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	763
СТИХОТВОРЕНІЯ. — ДЕРЕВНИ: I. Весна. — II. Послѣ кратковременнаго отсутствія. — III. Новая бѣда. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	768
РАЗОЧАРОВАННЫЙ СЛАВЯНОФИЛЪ. — Востокъ, Россія и Славянство, сборникъ статей К. Леонтьева. — К. Леонтьевъ, Национальная политика, какъ орудіе все- мірной революціи. — КН. С. Н. ТРУБЕЦКОГО	772
СТИХОТВОРЕНІЯ. — Зачѣмъ слова? — ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	811
ХРОНИКА. — Наша византійская торговля въ 1891 г. — О.	812
ВНУТРЕННЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Кончина митрополита Исидора. — Переѣзды въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія. — Правила объ упрощен- номъ городскомъ управленіи и о городскихъ смѣтахъ. — Правила о воен- номъ положеніи. — Вопросы, относящіеся къ дѣятельности земскихъ на- чальниковъ	825
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Международная рознь и ея неизбежные результаты. Чувство солидарности передъ опасностью холерной эпидеміи. — Вопросъ о международныхъ мѣрахъ санитарной охраны, и разсужденія нѣмец- кихъ газетъ по этому предмету. — Недовольство нѣмецкихъ патриотовъ нѣкоторыми особенностями „новаго курса“ въ Германіи. — Франкофиль- скія демонстраціи въ Генуѣ и ихъ значеніе. — Французскія дѣла	846
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Русскія древности въ памятникахъ искусства, кн. 4, гр. И. Толстого и Н. Кондакова. — А. Сорель, Европа и французская революція, т. I. — И. Я. Львовъ, Новое время, новыя пѣсни. — А. В. — Новыя книги и брошюры	861
„ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ“ — Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ. — К. К. АРСЕНЬЕВА	879
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Судебное разбирательство по дѣлу о безпоряд- кахъ въ тамбовскомъ уѣздѣ. — Главныя причины безпорядковъ, насколько онѣ обнаружены этимъ процессомъ. — Земскіе выборы и земскія собранія на почвѣ положенія 1890 г. — Кое-что объ излюбленныхъ и не-излюблен- ныхъ людяхъ. — Смерть Ренана	886
ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Россійскаго Общества Пловодства	897
БИВЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. VI. — Архивъ кн. Э. А. Курякина, кн. III. — Био- графія А. И. Кошелева, т. II. — Вопросы дня и жизни, В. Гольцева. — М. В. Безобразова, Философскіе этюды.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Материалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина (1770—1887 г.). Изд. А. Брикнера. Т. VI. Слб. 92. Стр. 674. Ц. 6 р.

О богатствѣ матеріаловъ, заключающихся въ этомъ новомъ томѣ, можно судить уже по тому, что, при всей его обширности (около 700 страницъ), онъ обнимаетъ не болѣе шести мѣсяцевъ дѣятельности гр. Панина, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ первое полугодіе по восшествіи на престолъ имп. Александра I, отъ марта до сентября 1801 года. Гр. Панинъ впасть въ немилость при имп. Павлѣ I, и изъ настоящей переписки видно теперь, почему именно въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1801 г. онъ былъ призванъ занять видный постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Та же переписка особенно хорошо освѣщаетъ причины быстро послѣдовавшей затѣмъ отставки гр. Панина, сопровождавшейся серьезнымъ неудовольствіемъ противъ него императора. Эта отставка объяснялась до сихъ поръ весьма разнообразно; по одной изъ можно теперь сомнѣваться, послѣ помѣщенныхъ нѣтъ изъ семейныхъ архивовъ Паниныхъ и Воронцовыхъ писемъ, что главною причиною отставки было секретное письмо гр. Н. П. Панина къ С. Р. Воронцову въ Англію, написанное химическими чернилами. Авторъ письма, вполнѣ рассчитывая на дружбу и вѣрность лица, къ которому оно было адресовано, весьма невыгодно отозвался о характерѣ молодого императора; копія съ этого письма была препровождена въ Петербургъ. Издатель въ нижнемъ выпускѣ, какъ и въ предыдущихъ, не ограничился одною вышею стороною своего дѣла, но и снабдилъ письма примѣчаниями.

Архивъ князя Ф. А. Куракина. Кн. III. Слб. 32. Стр. 438. Ц. 3 р.

Новый выпускъ содержитъ въ себѣ обширное собраніе грамотъ, назавозъ, указовъ и писемъ Петра В., начиная съ 1712 г. до 1725 г., а также провозовъ, допозненій, дипломатическихъ меморандовъ и, наконецъ, обширной переписки самого кн. Б. И. Куракина съ разными лицами, отъ 1705 до 1720 г. Сверхъ того, въ этомъ же выпускѣ помѣщены матеріалы по исторіи а.-гв. Семеновскаго полка, 1704—1709 г., съ интересными данными для характеристики военного хозяйства того времени. Вообще бумаги кн. Куракина въ большинствѣ являются строго дѣловыми, часто канцелярскими, а потому мало интересуютъ обыкновеннаго читателя, но для исследователя Петровскаго времени эти бумаги представляютъ цѣнное научное значеніе. Записки самого кн. Куракина о заграничной жизни и его наблюденія сообщаютъ много интереснаго и курьезнаго; такою, наприм., его замѣтки въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ лечился въ 1705 г. и записывалъ всѣ расходы и способы леченія на подахъ того времени: „За постолое на недѣлю, за камору со всѣми услуженіемъ одной жонны, и постели, и банна, гдѣ сидѣть въ водѣ, и лядямъ постела, и дрова въ печь топить,—за все про все 6 гульденовъ на недѣлю, также и скатерть, и полотенецъ личное и ручное, и лоханъ, и шаматъ, и кушину, въ чемъ пить поситъ, и рижалъ,—все хозяйское, только сабчи мон. И будетъ въ недѣлю постолое 2 рубля, на день 9 алт. 4 денги... Съ августемъ недѣля 6 руб., 18 алт. 2 денги“. О тогдашней системѣ леченія можно судить по слѣдующимъ ежедневнымъ от-

мѣчаніямъ пациента: „24-го сентября пилъ 38 стакана, и было 14 разъ на пизѣ. Весь первый кура пилъ 9 двей воды, всѣхъ въ тѣ дни 286 стакановъ; на вѣзѣ было 94 раза и дважды врало... Сентября 29-го началъ другую куру при помощи болеской, и пилъ 38 стакана... Того дня слышалъ нѣкоторую тягость въ голодѣ, такъ какъ бываетъ отъ меленхоліа... 10-го октября сидѣлъ въ водѣ три часа, и потомъ болѣе не лечился... Должно быть, хорошее было здоровье у нашихъ предковъ, когда они отъ такого леченія не получали ничего, кромѣ „меленхоліа“.

Биографія Александра Ивановича Кошелева. Т. II. Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности (1832—1856 г.). М. 92. Стр. 153. Ц. 4 р.

Настоящій выпускъ, обнимая собою цѣлое двадцатипятилѣтіе, начинается первымъ значительнымъ путешествіемъ Кошелева въ 1831 г., которое потомъ повторилось нѣсколько разъ до поѣздки его на лондонскую выставку въ 1851 г. Эпохѣ первого его путешествія соответствуетъ усиленное умственное движеніе въ московскомъ обществѣ, и биографъ выясняетъ, какое мѣсто приналъ въ немъ участіе Кошелева. Тѣсное сближеніе его съ Хомиковымъ и Кирѣевскимъ представляло биографу поводъ, съ одной стороны, высказать отрицательныя и положительныя стороны славнофильскаго ученія, съ другой — опредѣлить отрицательныя черты воззрѣнія Кошелева сравнительно съ другими членами этого кружка, и притомъ его же собственными словами. Кошелевъ болѣе всего рѣзко отличался отъ своихъ единомышленниковъ широкою религіозною терпимостью: „не думаю,—вскаль онъ,—чтобы всѣ прочія церкви должны были пасть и обратиться съ показаніемъ къ нашей восточной церкви; да и сама наша церковь этого не думаетъ, ибо она не перестаетъ молиться о соединеніи церквей, а не о низложеніи, не о наказаніи иночѣрннхъ церквей; если бы наша церковь полагала, что другія основаны на злѣ, то вѣроятно не стала бы молиться о соединеніи съ ложемъ“.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцевъ. М. 93. Стр. 250. Ц. 1 р.

Содержаніе сборника составляютъ публичныя лекціи, рѣчи и статьи, повывашіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и выващивая въ послѣдніе два года различными текущими событіями и воспоминаніями, по поводу такихъ годовщинъ, какъ многолѣтковой юбилей Яна Коменскаго, или двадцатипятилѣтіе писательницы Эл. Орженко. Нѣкоторыя изъ статей посвящены анализу новихъ болѣе крупныхъ явленій въ научной иностранной литературѣ, и въ заключеніе сборника помѣщены общія замѣтки о современной текущей литературѣ.

М. В. Безобразова. Философскіе этюды. Москва, 1892. Стр. 119. Ц. 80 к.

Статьи и замѣтки г-жи Безобразовой, собранныя въ этой книжкѣ, написаны вообще живо и легко, хотя касаются важныхъ вопросовъ философіи, психологіи и этики. Между прочимъ, авторъ приводитъ и разбираетъ мнѣнія Канта, Шопенгауэра, Гартмана и Гейдингга о женственности и о бракѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1893 г.

(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 50 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. совѣзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1893 года. —

Ближне излаганы, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуетя обычномъ уступкамъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. Б. Риввера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печювской, Петровскій линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не *можетъ* быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

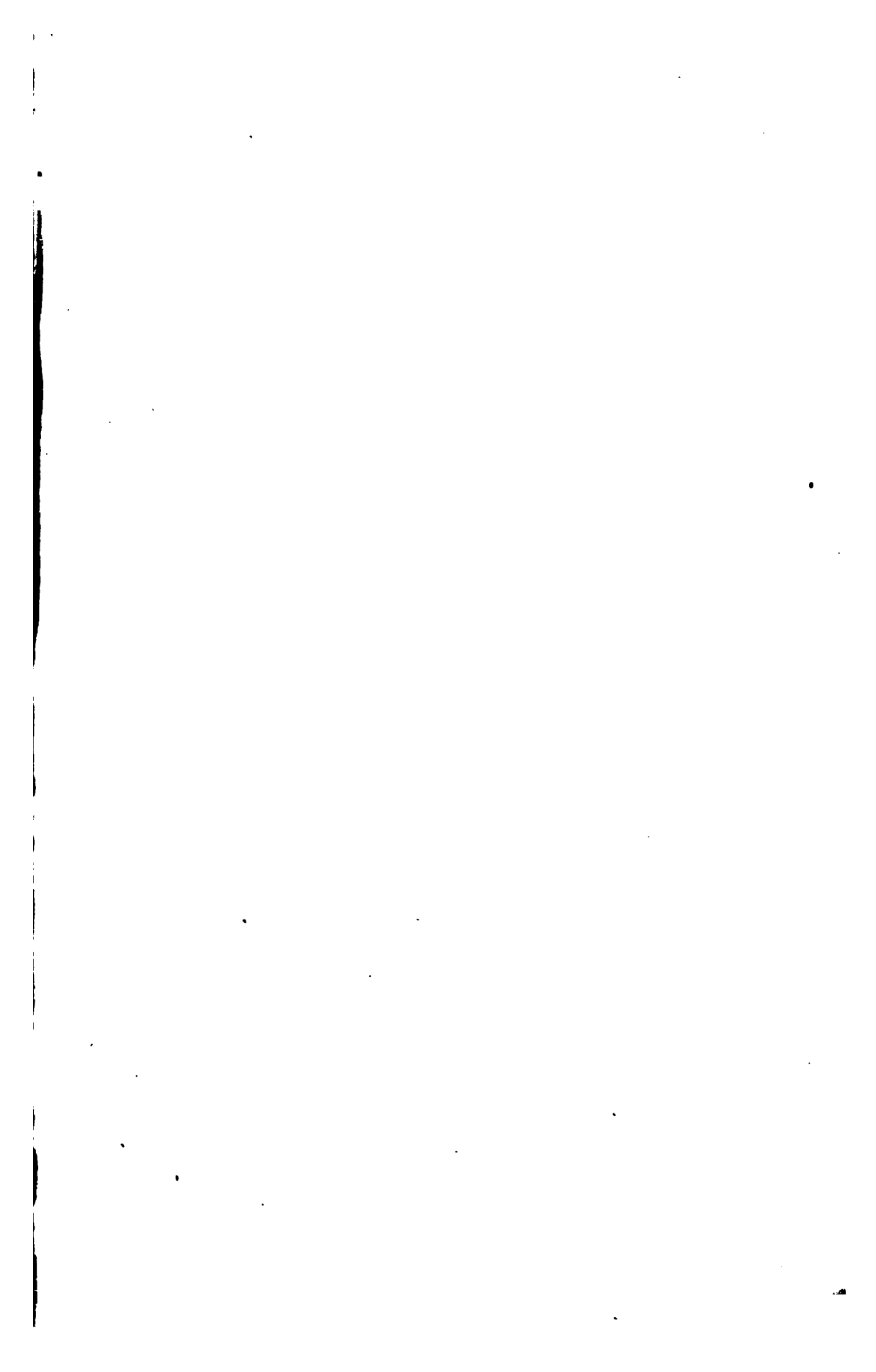
Сиб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

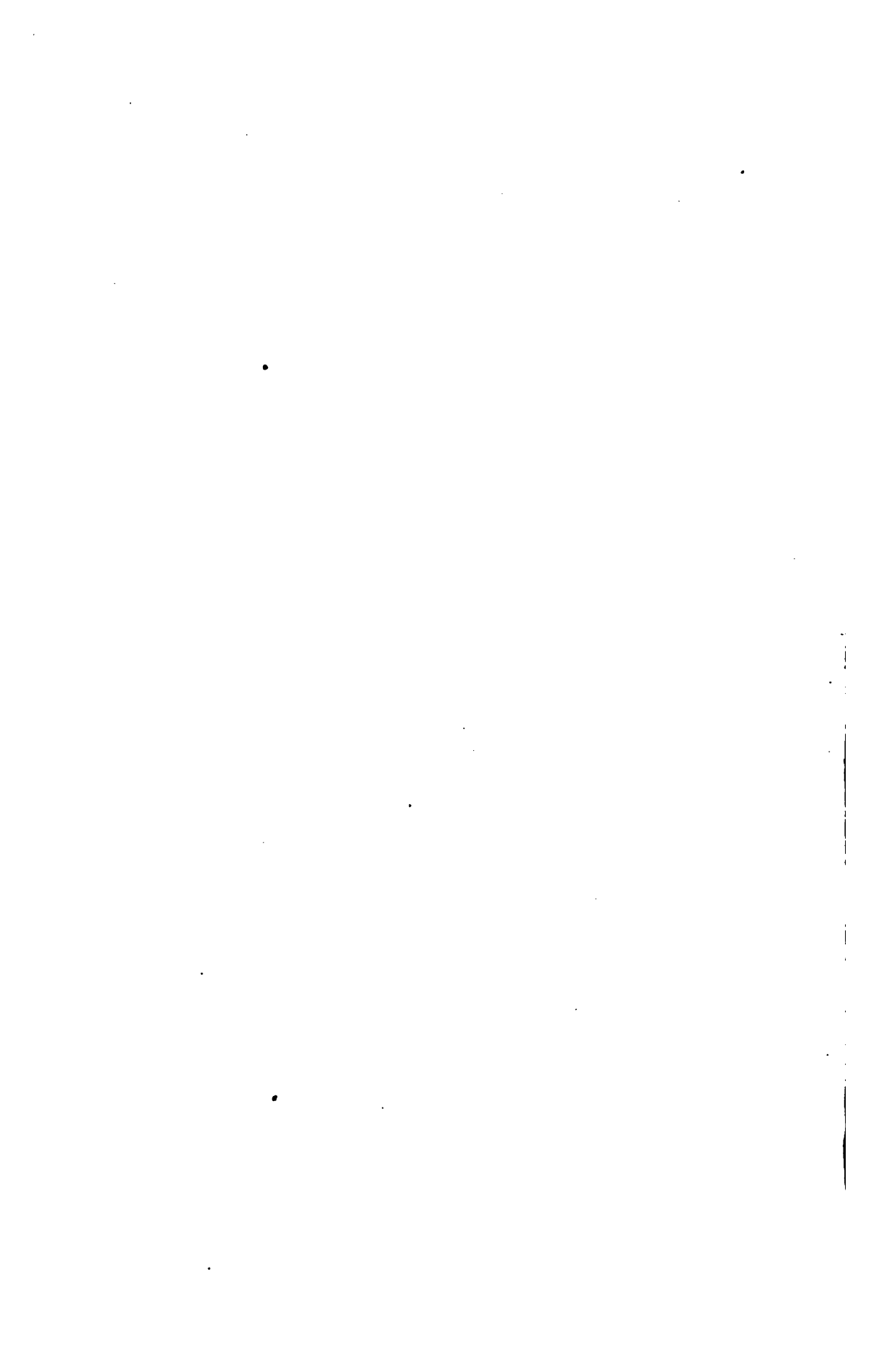
Вас. Остр., 5 л., 28.

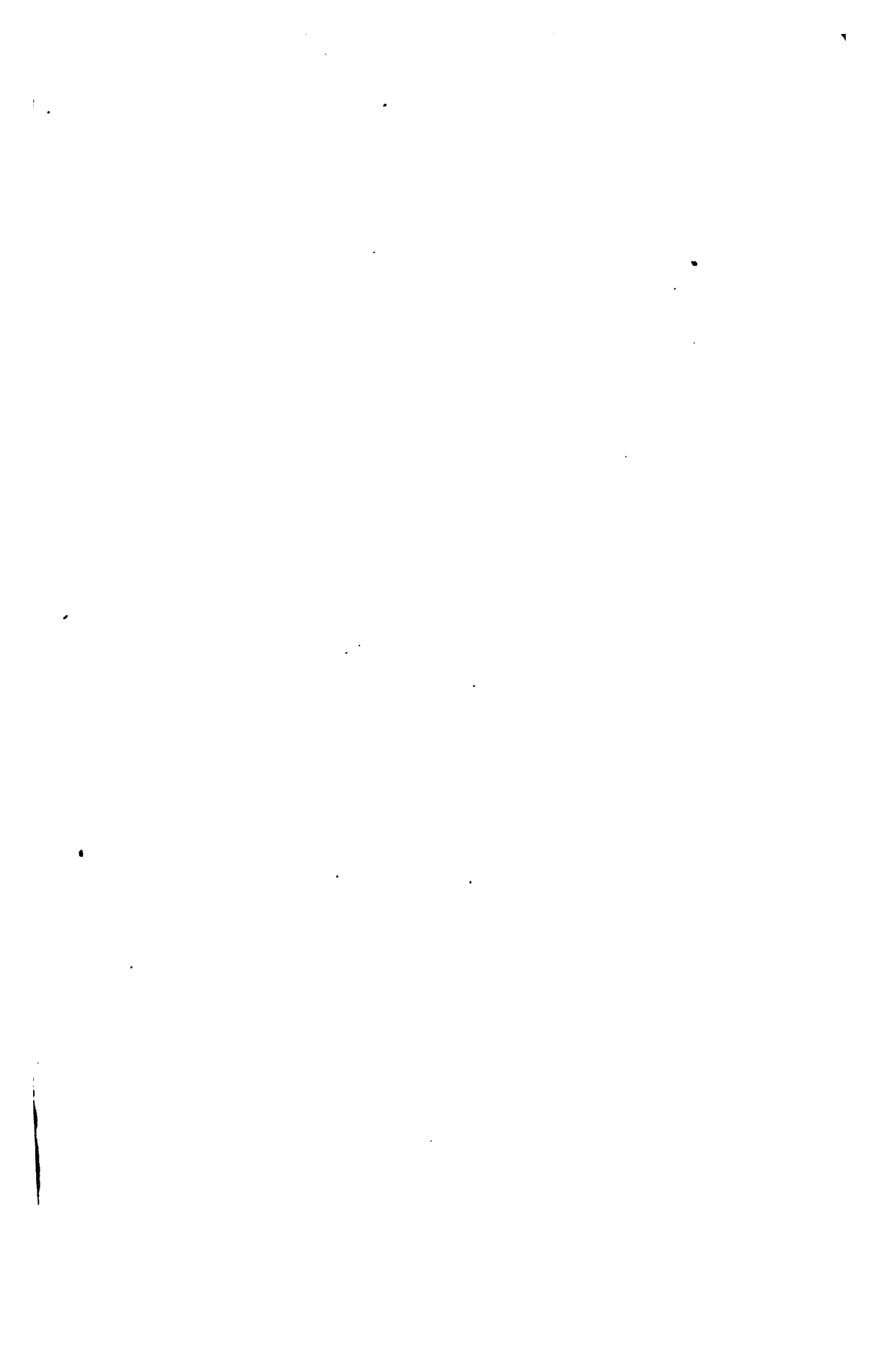
ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

DUE NOV 22 1915

MAY 27 '63 H

~~SEP 23 '63 H~~

29268